Изъ книги Альфреда Шевалье

CCIX. 4/2.

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ
АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ V.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ГОСПОДА НАШЕГО ІИСУСА ХРИСТА.—ЖИЗНЬ АПОСТОЛА ПАВЛА.—ЖИЗНЬ СВ. КИПРІАНА.—БЕСѢДЫ О ПРИРОДѢ.—АКАѲИСТЫ.

Съ 18-ю иллюстраціями съ картинъ знаменитыхъ художниковъ.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

Въ книжномъ магазинѣ И. Л. ТУЗОВА

С.-Петербургъ, Садовая улица, Гостиный дворъ, № 45,

между прочими имѣются въ продажѣ слѣдующія книги:

Объ отношеніи писателей классическихъ къ библейскимъ по воззрѣнію христіанскихъ апологетовъ. Историко-критическ. изслѣд. професс. Евграфа *Ловягина*. Спб., 1872 г., ц. 1 р. 25 к.

Святый Меѳодій, епископъ и мученикъ, отецъ Церкви III-го вѣка. Полное собраніе его твореній, переведенныхъ съ греческаго подъ редакціею профессора С.-Петербургской Духовной Академіи *Е. Ловягина*. Изданіе 2-е. Спб., 1905 г., ц. 1 р., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 2 р.

Первое изданіе твореній святителя Меѳодія было въ 1877 году Цѣль перваго изданія остается безъ измѣненія и для вторичнаго, это—познакомить православныхъ читателей съ высоконравственнымъ ученіемъ святителя, которымъ онъ руководилъ свою паству къ достиженію царства небеснаго путемъ исполненія заповѣдей и обѣтомъ чистоты или дѣвства, а также и охранялъ своихъ духовныхъ чадъ отъ ложныхъ ученій и навѣтовъ, коими въ первые вѣка христіанства особенно тревожима была Христова Церковь. Съ внѣшней стороны изданіе весьма приличное. К З. („Церк. Вѣдом." № 4, 1905 г).

Библейская исторія при свѣтѣ новѣйшихъ изслѣдованій и открытій. Новый завѣтъ. Сост. *А. П. Лопухинъ*. Изд. иллюстр. содерж. болѣе 300 политип., снимковъ съ древн. памятн., ландшафтовъ и картинъ восточной жизни, и нѣск. рисунк. худ. Густава Дорэ. Съ прил. большой карты Палестины. Спб., 1889—95 г., цѣна за большой роскошно издан. томъ 10 р., въ изящн. коленк. перепл. съ золот. тисн. и золот. обрѣз. 12 р.

„Изъ несомнѣнныхъ достоинствъ этого труда выдаются *особая живость и легкость изложенія*, а мѣстами *присущій составителю блестящій слогъ* сочиненія. Книга вообще полна глубокаго библейско-экзегетическаго и историческаго интереса и съ особою пользою прочтется всякимъ христіански-просвѣщеннымъ читателемъ Не малое оживленіе и интересъ сообщаютъ книгѣ и помѣщенные въ ней 300 политипажей, снимковъ съ древнихъ памятниковъ, ландшафтовъ и картинъ восточной жизни, а также нѣсколько рисунковъ художника Густава Дорэ.—Изданіе съ внѣшней стороны не оставляетъ желать ничего лучшаго: бумага высокаго достоинства, печать четкая и красивая". Свящ. *М. Е.* („Богословскій Библіографическій Листокъ". Прил къ „Рук. для Сельск. Паст." Вып. 1—2-й, 1895 г.)

Руководство къ библейской исторіи Ветхаго Завѣта. Сочин. *А. П. Лопухина*. Спб. 1896 г., ц. 2 р.

Христіанскій путь. Сборникъ для назидательнаго чтенія и для внѣ-богослужебныхъ собесѣдованій. Соч. свящ. *А. Лунина*. Съ 10 изображ. въ текстѣ. Спб., 1892 г., ц. 1 р.

, Каждое поученіе, взятое въ отдѣльности, кратко, изложено языкомъ простымъ, доступнымъ пониманію людей неграмотныхъ. Авторъ знаетъ недуги своей паствы. Какъ духовный отецъ, задушевно бесѣдуетъ онъ съ своими духовными дѣтьми, указываетъ имъ на ихъ недостатки, пороки и неблагочиніе и не только учитъ, но и проситъ исправиться Краткость, простота и задушевность составляютъ достоинство поученій о. Лунина („Церк. Вѣд." № 32, 1892 г.).

Апологія христіанства. Публичныя чтенія *Хр. Лютардта*, ординарн. професс. Лейпцигскаго универс. Перев. съ XI нѣмец. издан. Съ прилож. чтеній о «Современномъ Западѣ въ религіозно-нравственномъ отношеніи» *А. П. Лопухина*. Спб., 1892 г., ц. 4 р., въ роскошн. коленк. переп. 5 р.

Благодаря трудамъ высокодаровитаго и почтеннаго профессора С.-Петербургской Духовной Академіи А П. Лопухина, наша богословская наука годъ отъ году пополняется прекрасными переводами знаменитыхъ произведеній западно-европейской богословской литературы. Сочиненія Фаррара, Мартенсена, Робертсона достаточно уже извѣстны нашей образованной публикѣ. Но своимъ успѣхомъ и широкимъ распространеніемъ въ обществѣ въ значительной степени эти сочиненія обязаны тому роскошному и безукоризненному изданію, какимъ отличаются вообще, не оставляющія желать ничего лучшаго, изданія нашего извѣстнаго книгопродавца И. Л. Тузова. Съ истинно благородной отзывчивостью и тонкимъ тактомъ, И. Л. Тузовъ прекрасно удовлетворяетъ подчасъ прихотливому вкусу публики, возбуждая и развивая постепенно болѣе и болѣе глубокій интересъ къ богословской наукѣ. Значеніе такого труда какъ Лютардта слишкомъ велико и очевидно, чтобы надо было объ этомъ распространяться. Съ живостью мысли здѣсь соединяется широта картинъ, съ простотою изложенія глубина мысли, интересъ и сила убѣжденія,—однимъ словомъ,—все то, что въ высшей степени способствуетъ неослабной и плодотворнодѣятельной жизни сознанія. Такого рода произведенія имѣютъ право на обширный кругъ разнородныхъ читателей („Богослов. Библ. Листъ." Прилож. къ „Рук. для Сельск. Паст" № 6—7, 1892 г.).

СОЧИНЕНІЯ
ИННОКЕНТІЯ
АРХІЕПИСКОПА ХЕРСОНСКАГО И ТАВРИЧЕСКАГО.

Томъ V.

Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа. — Жизнь Апостола Павла.—Жизнь св. Кипріана.—Бесѣды о природѣ.—Акаѳисты.

Съ 18-ю иллюстраціями съ картинъ знаменитыхъ художниковъ.

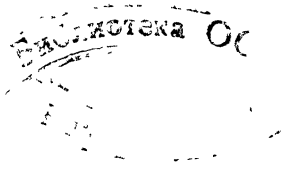
ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

С-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе книгопродавца И. Л. Тузова.
1908.

12

Отъ С.-Петербургскаго Духовнаго Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. С.-Петербургъ, 25 сентября 1907 года.

Старшій Цензоръ Архимандритъ *Филаретъ*.



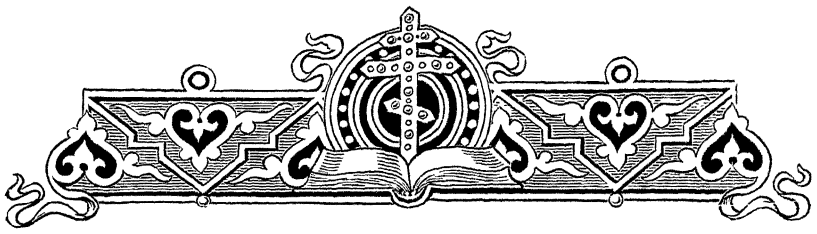
747
37

Сунодальная типографія.

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ

ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ГОСПОДА НАШЕГО

ІИСУСА ХРИСТА.



ОБОЗРѢНІЕ

ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ІИСУСА ХРИСТА

ПО ОТНОШЕНІЮ КЪ ЕГО ПОСЛѢДНИМЪ ДНЯМЪ НА ЗЕМЛѢ.

Въ три съ половиною года всенароднаго служенія Іисуса Христа, въ качествѣ Мессіи, среди народа Іудейскаго, уже совершенно оправдалось многознаменательное предсказаніе о Немъ праведнаго Симеона, изреченное въ то время, когда Онъ, яко мнимый сынъ Іосифа, еще младенцемъ принесенъ былъ по закону въ храмъ Іерусалимскій—*поставити Его предъ Господемъ* (Лук. 2, 22). Со дня на день становилось очевиднѣе, что *утѣха Израиля* лежитъ не только на возстаніе, но и на *паденіе многихъ во Израилѣ*—въ предметъ противорѣчій, да *откроются помышленія многихъ сердецъ* (Лук. 2, 34—35). Божественный Потомокъ Давида не являлся еще въ видѣ грознаго домовладыки, который пришелъ отребить гумно свое (народъ Израильскій), дабы плевелы сожечь *огнемъ негасающимъ* (Матѳ. 3, 12); лучшіе люди видѣли въ Немъ токмо Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра (Іоан. 1, 29), во всѣхъ бесѣдахъ Его открывалось одно кроткое вѣяніе духа благодати; но для плевелъ, давно истлѣвшихъ отъ зноя страстей, несносно было и это небесное вѣяніе; они сами собою возметались и летѣли прочь отъ Вѣятеля; неисцѣльнымъ членамъ народа Іудейскаго не обращался во исцѣленіе самый благотворный бальзамъ, который небеснымъ Человѣколюбцемъ былъ возливаемъ на ихъ раны (Лук. 10, 29—37). Предъ концемъ трехлѣтняго общенароднаго служенія Іису-

сова, въ качествѣ Мессіи, уже вся Іудея въ отношеніи къ Нему видимо дѣлилась на двѣ стороны (Іоан. 17, 12), изъ коихъ одна вѣровала въ Него и благоговѣла предъ Нимъ, а другая враждовала противъ Него (Іоан. 11, 48 — 53) съ такою злобою, что не усумнилась вознести Его на крестъ.

Краткое обозрѣніе сего, по многимъ отношеніямъ, единственнаго въ мірѣ явленія послужитъ для насъ вмѣсто историческаго введенія въ послѣдніе дни земной жизни Господа нашего.

Съ перваго взгляда казалось невозможнымъ, чтобы народъ Іудейскій не узналъ своего Мессію во время Его пришествія. Никогда не ожидали Мессіи съ такимъ нетерпѣніемъ, какъ во времена Іисуса Христа: о пришествіи Его молились во храмѣ и по домамъ; разсуждали въ синедріонѣ и синагогахъ; Мессію старались находить во всѣхъ сказаніяхъ пророковъ, какія не только относились дѣйствительно, но могли быть относимы какъ-нибудь къ Его лицу [1]). Даже презираемые Іудеями за свою ересь, Самаряне твердо вѣрили [2]), что скоро придетъ Величайшій изъ пророковъ, Который разрѣшитъ всѣ недоумѣнія о предметахъ вѣры, раздѣлявшія тогда народъ Израильскій. Между самыми ячычниками повсюду распространился въ то время слухъ о скоромъ наступленіи чрезвычайнаго *переворота вещей, когда Востокъ снова возметъ верхъ надъ Западомъ, и изъ Іудеи выйдутъ люди для возобладанія всѣмъ свѣтомъ* [3]). Нѣкоторые по легкомыслію и нетерпѣнію, а иные изъ ласкательства, думали уже видѣть исполненіе всеобщихъ надеждъ касательно пришествія Мессіи—то въ Иродѣ Великомъ [4]), то въ разныхъ кесаряхъ Римскихъ [5]). Были даже такіе мечтатели и честолюбцы, кои, пользуясь народнымъ ожиданіемъ, осмѣливались выдавать дерзновенно самихъ себя за обѣтованнаго

[1]) Schotlgenii Hor. Hebr et Talm. multis in locis.
[2]) Іоан. 4, 25. Friedrich de Christologia Samaritanorum. 1821
[3]) Tacit. Hist. L. 5. Pluribus persuasio inerat, antiquis Sacerdotum libris contineri, eo ipso tempore fore, ut valesceret oriens, profectique Iudaea rerum potirentur. Подобное у Свѣтонія in Vita Vespas. c. 4. Joseph. Bell. Iud. 5. 5. 7. 31. Philo, tom. 2, p. 423. sqq. 435. sq.
[4]) Gratz. Comment. in Math. 1821. t. 1, p. 72.
[5]) Svet. in Vit. Vespas. c. 4. Ioseph. Bell. Iud. L. VI. c. 5. § 4. «Ἐδήλου δ'ἀρα περι τοῦ Ὑεσπασιάνου τὸ λόγιον (предсказаніе о Мессіи) ἡγεμονίαν ἀποδειχθέντος, ἐπὶ Ἰουδαίας, αὐτοκράτορος».

Избавителя [1]), и хотя скоро обнаруживались въ своей лжи, но увлекали за собою не малое число послѣдователей изъ народа.

Чтобы удалить отъ себя всякую опасность—не узнать и отвергнуть истиннаго Мессію, или принять ложнаго. Іудейскіе книжники старались для сего извлекать изъ писаній пророческихъ всѣ указанія на Его лице и время пришествія [2]). На сей конецъ издавна составилось въ синагогахъ пространное ученіе о *признакахъ* истиннаго Мессіи [3]), то есть о Его именахъ, происхожденіи, природѣ, свойствахъ, дѣйствіяхъ, требованіяхъ и проч. [4]), которое во всѣхъ синагогахъ излагалось съ утонченіями, свойственными раввинской учености [5]). Простой народъ не участвовалъ въ подобныхъ изслѣдованіяхъ, почитавшихся собственностію книжниковъ; но поелику предметъ оныхъ былъ крайне занимателенъ и равно важенъ для всякаго, то многія мнѣнія и толки о Мессіи непримѣтно перешли изъ школъ къ народу и столько распространились повсюду, что, въ случаѣ нужды, самый послѣдній простолюдинъ почиталъ себя способнымъ судить о лицѣ Мессіи.

При такомъ всеобщемъ и пламенномъ ожиданіи Мессіи, при такой заботливости предохранить себя отъ заблужденій касательно Его пришествія, можно ли было думать, что пришедшій Мессія будетъ неузнанъ, отвергнутъ, осужденъ, распятъ?.. (Іоан. 12, 37). Но такъ произошло на самомъ дѣлѣ!...

Причины столь гибельнаго ослѣпленія существовали въ народѣ Іудейскомъ издавна, хотя ужасное дѣйствіе, ими произведенное, трудно было представить себѣ заранѣе во всей полнотѣ [6]).

И во-первыхъ, для вѣрнаго дознанія и сердечнаго принятія Того, Кто имѣлъ придти съ неба именно для того, чтобы всѣхъ возвести за Собою отъ земли на небо, необходимо было народу Іудейскому имѣть—хотя въ нѣкоторой

[1]) Дѣян. 5, 36. Матѳ. 24, 24. Ioseph. Antiquit. XX. 5. 1.
[2]) Ioseph. Bell Iud. L. 1. cap. 2. 7. § 13. 38.
[3]) Матѳ. 2, 4. Іоан. 7, 42. Stahl. von den Messian. Zeiten in Eichhorn. Bibl. 6. 13. 3. st.
[4]) Σημεῖα знаменія, Матѳ. 24. 3, Лук. 21, 7; 3 Ездр. 4, 51, 52. Midrasch Tehilim ad Psal. 74, 9.
[5]) Eisenmengers Entdecktes Judenthum. t. 2, p. 698. sqq.
[6]) Однажды, когда Іисусъ Христосъ сдѣлалъ намекъ на сіе событіе, то одинъ изъ фарисеевъ съ живостію воскликнулъ: «избави Богъ!» (Лук. 20, 16; Іоан. 9, 40).

степени—чувство небеснаго, жажду вѣчнаго, стремленіе къ святому и освящающему; но въ сихъ-то драгоцѣнныхъ качествахъ,—кромѣ малаго числа избранныхъ.—былъ крайній недостатокъ (3 Ездр 4. 27—28: Матѳ. 3, 7—12). Поклоненіе истинному Богу не было мѣняемо теперь, какъ прежде было, на служеніе идоламъ; но, заключаясь въ исполненіи однихъ обрядовъ, оно не проникало въ сердца и не производило благотворныхъ дѣйствій въ нравахъ и жизни (Матѳ. 23, 23—31). У большей части дѣйствительнымъ богомъ души и сердца былъ не Іегова, а *чрево* (Іоан. 12, 37. 43; Лук. 12. 45—47) и *злато*. Уже по сему самому Мессія не могъ не потребовать, тотчасъ по явленіи Своемъ, совершенной перемѣны въ мысляхъ, чувствахъ и во всемъ образѣ жизни отъ желающихъ быть Его послѣдователями (Іоан. 3, 3); но какъ было отказаться отъ своихъ любимыхъ предразсудковъ и страстей тѣмъ, кои измлада привыкли ограничивать права свои на благоволеніе Божіе однимъ происхожденіемъ своимъ по плоти отъ Авраама, однимъ обрѣзаніемъ по закону и наблюденіемъ покоя субботняго (Матѳ. 3, 9)? Что всего неблагопріятнѣе,—вожди народа Божія,—старѣйшины и книжники, на коихъ особенно и прежде другихъ лежалъ долгъ познать явившагося Мессію и принять Его, первые принадлежали къ числу людей неспособныхъ, по ихъ душевной нечистотѣ, войти въ Царствіе Божіе (Матѳ. 23, 13).

Во-вторыхъ, не смотря на безконечные толки о признакахъ истиннаго Мессіи, въ раввинскомъ ученіи о семъ важномъ предметѣ не было надлежащаго единства и точной опредѣленности [1]): гибельное несогласіе сектъ, отъ коихъ страдала церковь Іудейская, обнаруживалось — къ величайшему вреду—и здѣсь: когда, напр., по мнѣнію однихъ, основывающемуся на ясномъ указаніи пророка, Мессія долженъ былъ произойти изъ Виѳлеема [2]), другіе, слѣдуя какимъ-то устнымъ преданіямъ, утверждали, что Онъ явится неизвѣстно откуда [3]).

Наконецъ, превратное понятіе о царствѣ Мессіи и цѣли Его пришествія довершало зло и содѣлывало большую часть

---

[1]) Schmidii Dissertatio, quae Iudaeorum, qui Chr. tempore vixerunt, de eadem re varias opiniones accommodate ad loca N. T. enarrat. 1775.

[2]) Матѳ. 2, 4. Targ. in Mich 5, 2.

[3]) Berthold. Christologia Judaeorum Jesu Apostolorumque aetate 1811.

народа Іудейскаго мало способною узнать Мессію истиннаго [1]).

Чтобы видѣть, въ чемъ состояло и какимъ образомъ составилось это жалкое, превратное понятіе, для сего должно привести себѣ на память ученіе о Мессіи древнихъ пророковъ. Изображая Его въ видѣ величайшаго Пророка, Первосвященника, Ангела завѣта, Святаго святыхъ, Жертвы всемірнаго примиренія и проч. (Втор. 18, 15; 1 Макк. 14, 14: Псал. 109, 4; Мал. 3, 1; Прем. 3, 7. 8. 18; 5, 16. 17; Дѣян. 7, 52), они весьма часто.—дабы приблизить понятіе о Немъ къ разумѣнію народа,—представляли Мессію и подъ видомъ Царя, подобнаго Давиду (Исаіи 11, 1—6; Іезек. 34, 23; 36, 24. 28), имѣющаго возставить *скинію Давидову падшую, воцаритися въ дому Іаковли во вѣки вѣковъ* и быть Владыкою всѣхъ народовъ отъ моря до моря, въ царствѣ Коего *вси раскуютъ мечи на рала и копія на серпы* (Исаіи 2, 4). Поступая такимъ образомъ, пророки отнюдь не разумѣли царства Мессіи въ смыслѣ мірскомъ; иначе они непрестанно противорѣчили бы сами себѣ, усвояя тому же царству другія свойства, совершенно несовмѣстныя съ существомъ царствъ земныхъ.—Не ограничивали также пророки благодѣяній отъ пришествія Мессіи однимъ Іудейскимъ народомъ, а распространяли ихъ на весь родъ человѣческій (Быт. 12, 3; Псал. 96, 10—13; 97, 1—6; Исаіи 49, 7; 45, 23. 24; Зах. 9, 9. 16. 17). Вообще цѣлію пришествія Его поставлялось у нихъ не временное, а духовное и вѣчное блаженство, состоящее въ искупленіи отъ грѣховъ, въ чистотѣ нравовъ и жизни, въ мирѣ съ Богомъ, въ возстановленіи первобытнаго богоподобія и достоинства человѣка и проч. (Дѣян. 10, 43. Исаіи 2, 2; 11, 1—10; Іерем. 33, 15—22) [2]). Если при семъ упоминается у пророковъ и о земномъ благоденствіи почитателей Мессіи, то оно является плодомъ не какихъ-либо гражданскихъ переворотовъ, сраженій и побѣдъ, а естественнымъ слѣдствіемъ ихъ духовно-нравственнаго усовершенствованія и вѣрнаго исполненія заповѣдей новаго высшаго завѣта съ Богомъ чрезъ Мессію [3]), какъ то̀ дѣйствительно сбылось надъ послѣдователями христіанской религіи, кои,

[1]) Berthold Christologia Judaeorum Jesu Apostolorumque aetate 1811.
[2]) Berthold in Christologia § 31, 32.
[3]) V. Seiler de Regni a vatibus divinis Messiae promissi vera natura atque indole. In opus theolog 1793.

превзошедши всѣ прочіе народы нравственнымъ образованіемъ, рѣшительно превзошли ихъ наконецъ и земнымъ могуществомъ, такъ что теперь судьба всѣхъ прочихъ народовъ видимо зависитъ отъ христіанъ.

Усвояя наконецъ народу Іудейскому, какъ первому изъ народовъ и избранному преемнику и хранителю откровеній Божіихъ, особенное участіе въ благодѣяніяхъ пришествія Мессіи, — пророки усвояли оное не безусловно, а съ предположеніемъ его неизмѣнной вѣрности Богу отцовъ, преимущественной чистоты нравовъ и особенныхъ будущихъ трудовъ въ царствѣ Мессіи, для распространенія его путемъ проповѣди по всему роду человѣческому. Въ противномъ случаѣ, они угрожали сему народу еще бо́льшимъ наказаніемъ и бѣдствіями, нежели какимъ подвергался онъ въ самыя несчастныя времена своей исторіи [1]).

Но чувственный, ниспадшій въ глубину униженія сначала нравственнаго, а потомъ и гражданскаго, народъ Іудейскій не долго былъ въ состояніи слѣдовать за симъ высокимъ, чистымъ и свѣтлымъ ученіемъ пророковъ о Мессіи и Его царствѣ. Особенно послѣ плѣна Вавилонскаго, быстро начало оно унижаться и темнѣть въ умѣ Іудеевъ. Тогдашнее всеобщее оскудѣніе духа вѣры и чистой нравственности, умноженіе различныхъ, одна другой противоположныхъ, сектъ, образованіе новаго народнаго діалекта и постепенное забвеніе древняго священнаго языка, особенно образа выраженія пророческаго,—измѣненіе нравовъ отъ смѣшенія съ другими народами, вольное и невольное участіе въ нечистыхъ видахъ царей Сирійскихъ, Египетскихъ, а потомъ Римлянъ, и многія другія причины [2]), сдѣлали то, что народъ Іудейскій, не стараясь проникать въ истинный духъ пророческихъ сказаній о царствѣ Мессіи, остановился на ихъ буквѣ, и тѣмъ паче прилѣпился къ превратнымъ толкованіямъ сей буквы, чѣмъ болѣе представлялось въ нихъ пищи для воображенія и чувствъ, для народнаго самолюбія и выгодъ земныхъ. Вмѣсто Ангела завѣта, имѣющаго начертать въ сердцахъ людей новый законъ жизни, вмѣсто Первосвященника по чину Мельхиседекову, долженствующаго искупить Своею кровію весь родъ человѣческій отъ грѣха и смерти, вмѣсто вели-

[1]) Мал. 3, 3—5. 4, 1—6. Stapfer. Theologia Polemica. Sect. de Judaismo
[2]) V. Berthold in Christolog. § 2. 3.

каго Пророка, грядущаго водворить по всей землѣ истину, добродѣтель и вѣру, вмѣсто Сына Божія, имѣющаго дать вѣрующимъ во имя Его *сердце новое и духъ новый*, — почти всѣ начали ожидать въ лицѣ Мессіи всемірнаго завоевателя, который для того и явится во всемъ могуществѣ Посланника Божія, окруженный знаменіями и чудесами, чтобы низложить и упразднить всѣ тогдашнія царства на землѣ, составить изъ всего рода человѣческаго единую державу, въ коей Іудеи должны занять первое мѣсто и быть Его наперсниками [1]). Крайнія притѣсненія отъ царей Сирійскихъ, Египетскихъ и наконецъ отъ Римлянъ [2]), еще болѣе усиливали въ Іудеяхъ таковое ожиданіе: чѣмъ болѣе терпѣли въ настоящемъ, тѣмъ большаго надѣялись въ будущемъ [3]). Между прочимъ воображали, что пришествіе Мессіи должно быть предварено явленіемъ Иліи (Матѳ. 17, 10; Марк. 9, 11. 8. 28. 29) [4]), имѣющаго помазать Его на царство [5]), Іереміи (2 Мак. 15, 14; Матѳ. 16, 13—14; 3 Ездр. 2, 18), Исаіи (3 Ездр. 2, 18) и многихъ другихъ пророковъ (Матѳ. 16, 14; Марк. 6, 15; 8, 28; Лук. 9, 8). Касательно лица Мессіи существовало у многихъ грубое заблужденіе, состоящее въ томъ, что Онъ будетъ человѣкъ подобный прочимъ [6]), только съ необыкновенными силами и дарами отъ Бога; другіе представляли Его существомъ высшимъ, но однако же не Богомъ [7]), претыкаясь слѣпо о слова Моисея: *Господь Богъ твой Господь единъ есть*. Мессія, по мнѣнію Іудеевъ, не подлежалъ смерти [8]). Плодами пришествія Мессіи почиталось между прочимъ немедленное чудесное [9]) собраніе въ Палестину Іудеевъ изъ разсѣянія ихъ по всему свѣту, не исключая и десяти колѣнъ Израилевыхъ (3 Ездр. 13, 13. 39. 40),

---

[1]) Conf. Fleck. in Dissert. de Regno Christi. 1826.

[2]) См. Начерт. Церк. Библ. Истор. періодъ 10

[3]) Berthold. Comment. de ortu Theologiae veter. Hebr. p. 1. p. 5 sqq. p. 100 sqq.

[4]) Targum. Jonath. 40. 10.

[5]) Justin. Dialog. cum Triph. p. 268. Πάτρες ἡμεῖς τον Χριστον ἄνθρωπον προσδοκούμεν γενεσθαι, καὶ τον Ἠλιαν χρισαι αὐτὸν ἐλθοντα. p. 226.

[6]) Это видно, между прочимъ, изъ ереси евіонитовъ и назореевъ, кои учили, что Христосъ есть человѣкъ, а не Богъ. Ибо сіи еретики, происходя отъ Іудеевъ палестинскихъ, удержали, какъ полагаютъ, то мнѣніе о Мессіи, которое они имѣли до обращенія въ христіанство. Evseb. Hist. 3, 27. Jeron. advers. Gnost. 1. 26. Tertul. de praescr. 33.

[7]) Ioan. 10, 33. Berthold in Christologia § 29. 33.

[8]) Ioan. 12, 24. Neve Schalom. 1. 9. c. 5.

[9]) Самъ Филонъ, въ другихъ отношеніяхъ весьма свободный отъ мечтательности своихъ соотечественниковъ, надѣялся, что разсѣянные Іудеи перенесены будутъ въ Іерусалимъ, во мгновеніе ока, Ангелами (de Execr. p. 435).

изведеніе изъ ада и воскресеніе всѣхъ умершихъ Іудеевъ [1]), возстановленіе царства Давидова (Дѣян. 1, 6), обновленіе Іерусалима и устроеніе новаго великолѣпнаго храма, покореніе всѣхъ народовъ Іудеямъ [2]), учрежденіе великолѣпныхъ вечерей [3]), чрезвычайное плодоношеніе земли, уничтоженіе болѣзней и смерти и прочее. Лучшіе и благонравнѣйшіе соглашались, что входъ въ царство Мессіи будетъ открытъ не всѣмъ Іудеямъ безъ разбора, а достойнымъ (3 Ездр. 2, 37—40), и что сіе достоинство должно состоять въ истинномъ благочестіи и въ неукоризненности нравовъ, или въ искреннемъ всецѣломъ покаяніи [4]); но бо́льшая часть основывала надежду войти въ царство Мессіи единственно на своемъ плотскомъ происхожденіи отъ Авраама (Лук. 3, 8; Рим. 2, 28. 29; 9, 6—8), почитая невозможнымъ, чтобы Богъ, обѣщавъ потомкамъ его вѣчное Свое благоволеніе, лишилъ потомъ кого-либо изъ нихъ самаго перваго блага—участія въ блаженномъ царствѣ Мессіи (Рим. 11, 1; 3, 3).

Вслѣдствіе сихъ и подобныхъ заблужденій, первосвященники Іудейскіе и прочіе старѣйшины естественно надѣялись, что Мессія если не къ нимъ первымъ обратится, по Своемъ Божественномъ явленіи въ міръ (Іоан. 1, 19), то по крайней мѣрѣ не оставитъ ихъ безъ особеннаго вниманія впослѣдствіи, призоветъ ихъ на служеніе и помощь Себѣ, и что они, передавъ Ему власть надъ народомъ, останутся однако же первыми и довѣреннѣйшими слугами Его новаго небесноземного царства. Надменнымъ своею мнимою святостію фарисеямъ, при той силѣ, которую они имѣли въ синедріонѣ и народѣ, особенно казалось невозможнымъ (Іоан. 1, 24; 7, 48), чтобы великое дѣло открытія на землѣ царства Мессіи совершилось безъ ихъ участія, чтобы они не были приняты въ Его особенное благоволеніе и не сдѣланы ближайшими орудіями Его всемірнаго владычества. Такъ же, безъ сомнѣнія, мечталось и прочимъ сектамъ Іудейскимъ: саддукеямъ, ессеямъ.

---

[1]) Въ одной апокрифической книгѣ Еврейской, по свидѣтельству Іустина (Dialog. cum Triph. p. 288. ed Col.) и Иринея (adv. Haer. 4. 39.) читалось: Ἐρυήσθη δὲ Κύριος ὁ Θεὸς ἅγιος Ἰσραὴλ τῶν νεκρῶν αὐτοῦ, τῶν κεκοιμημένων εἰς γῆν χωμάτιος, καὶ κατέρῃ πρὸς αὐτοὺς εὐαγγελίσασθαι αὐτοῖς τὸ σωτήριον αὐτοῦ. Lib Enoch. in Fabric. cod. Pseudep. V. Test. t. 1. 187—195. 3 Ездр 2, 10. 13. 15 16. 30. 31; 4, 35. 41.

[2]) Joseph. de Bell. Jud. 6, 5. 6. Ant. 10. 1. 4. 11. 7. Baueri Theologie des A. T. p. 413.

[3]) Лук. 14, 15. 3 Ездр. 2, 38. Eisenmenger im Judenth. t. 2. p. 872. sqq.

[4]) Лук. 1, 76, 77. Philo de Execr. Edit. Manger. t. 2 p. 435. 436 de Proemiis et poenis. t. 2. p. 424—26. de vita Mosis. 1. 2. t. 2. p. 141. de somniis t. 1 p. 647.

иродіанамъ,—изъ коихъ каждая находила въ себѣ то самое, что, по ея понятію, было особенно нужно и благопотребно для будущаго великаго Царя Израилева [1]).

При такомъ гибельномъ ослѣпленіи умовъ и сердецъ, что долженствовало произвести появленіе Іисуса Христа въ народѣ Іудейскомъ, не съ мечемъ, величіемъ и славою земною, а въ самомъ простомъ и смиренномъ видѣ народнаго Учителя, окруженнаго не легіонами воиновъ, а дванадесятію простыхъ и бѣдныхъ учениковъ,—съ одною проповѣдію о приближеніи Царства Божія (Матѳ. 4, 17—23; Марк. 1, 14; Лук. 4, 21. 43; Мал. 3, 2) и исцѣленіемъ недужныхъ, безъ обѣщаній свободы отъ ига иноплеменниковъ, безъ всякихъ предложеній какихъ-либо земныхъ выгодъ, даже безъ обращенія къ главамъ народа, къ лицамъ, имѣющимъ вѣсъ и вліяніе въ обществѣ? Мессія изъ Галилеи, откуда, по ложному понятію тогдашнихъ книжниковъ, и обыкновенный пророкъ *не приходитъ* (Іоан. 7, 52),—изъ Назарета, гдѣ, по бѣдности и малолюдству сего города, не предполагали ничего важнаго и общеполезнаго (Іоан. 1, 46), Мессія, вмѣсто славы и побѣдъ, проповѣдующій нищету и самоотверженіе (Матѳ. 5, 3—12), не имѣющій гдѣ подклонить главу (Матѳ. 8, 20), нерѣдко предрекающій Себѣ поносную смерть на крестѣ, а между тѣмъ въ то же время усвояющій Себѣ бытіе до рожденія Авраама (Іоан. 8, 56—58), возносящій Себя превыше всѣхъ праотцевъ (Іоан. 4, 12; 8, 53) и даже равняющій Себя съ Самимъ Богомъ (Іоан. 10, 24—33), Мессія, не щадящій страстей и пороковъ въ фарисеяхъ и первосвященникахъ (Марк. 7, 6; Іоан. 8; Матѳ. 23; 21, 31—32), ставящій ни во что ихъ мнимую праведность (Матѳ. 5, 20) и въ то же время обращающійся съ мытарями и грѣшниками (Марк. 2, 16), обѣщающій ввести въ царство небесное язычниковъ, съ изгнаніемъ изъ онаго многихъ Іудеевъ во тьму кромѣшнюю (Матѳ. 8, 11—12; Лук. 13, 24—30), Мессія, повелѣвающій платить безпрекословно дань кесарю (Матѳ. 22, 17 — 21; Марк. 12, 13—17; Лук. 20, 20—26), думающій безъ оружія и земной силы одною проповѣдію основать какое-то духовное, невидимое царство (Лук. 12, 31—32), мимо всякаго участія синедріона (Матѳ. 21. 23—27), Мессія, идущій во

[1]) Schotlgenii Dissert. de Regno Messiae. 1742. Serarii Trihae resium l. 2. c. 13. p. 79.

всемъ вопреки любимѣйшимъ ожиданіямъ народа, вопреки всѣхъ понятій книжниковъ, противъ господства самаго синедріона,—такой Мессія преданному мірскимъ видамъ и честолюбію, своекорыстному и гордому Каіафѣ и клевретамъ его въ синедріонѣ, по необходимости, казался лицемъ страннымъ и неудобопріемлемымъ, противнымъ и опаснымъ.

Не принимавшіе Іисуса Христа за Мессію расходились, какъ обыкновенно, въ разныя стороны своими мнѣніями касательно Его лица и дѣйствій. Еще однимъ изъ самыхъ снисходительныхъ сужденій было то, что необыкновенный Учитель Назаретскій есть человѣкъ благочестивый, любящій истину и правду, желающій добра ближнимъ и отечеству, но предающійся воображенію, слишкомъ вѣрящій въ силу добра надъ людьми и потому замышляющій величайшія дѣла съ малыми средствами, не видящій опасныхъ сторонъ Своего положенія и несбыточности Своихъ предпріятій (Іоан. 12, 48). Когда Богочеловѣкъ, въ полнотѣ Своего Божественнаго достоинства, вѣщалъ и дѣйствовалъ какъ Сынъ Божій, Коему Отецъ все передалъ во власть, Онъ казался въ то время для таковыхъ людей выходящимъ изъ Самого Себя и потому требующимъ даже предостереженія и дружескаго надзора надъ Собою (Марк. 3, 21). Таковъ взглядъ на дѣло и состояніе Іисусово былъ у тѣхъ, о коихъ Евангелистъ Маркъ говоритъ, что они, *слышавше, изыдоша, да имутъ Его: глаголаху бо, яко неистовъ есть* (вышелъ изъ Себя).

Другіе, судя, безъ сомнѣнія, по самимъ себѣ, позволяли себѣ въ сужденіи о Іисусѣ идти еще ниже и думали видѣть въ Немъ человѣка, преданнаго тайному честолюбію, Который, подъ личиною ревности по правдѣ, намѣренъ обратить въ Свою пользу народное ожиданіе Мессіи. Это тѣ, кои, по свидѣтельству Евангелиста, вопреки утверждавшихъ о Іисусѣ, *яко благъ есть, глаголаху: ни, но льститъ народы* (Іоан. 7, 12).

Наконецъ, были и такіе, кои съ намѣреніемъ, или безъ намѣренія, вслѣдъ за другими утверждали, что новый Учитель и Чудотворецъ есть какъ-бы наперсникъ духа тьмы, что Онъ, если и изгоняетъ бѣсовъ и совершаетъ чудеса, то творитъ все это силою не Божіею, а о Веельзевулѣ, князѣ бѣсовстѣмъ (Іоан. 10, 20; Марк. 3, 22).

Все это было и обозначилось совершенно и рѣзко уже подъ конецъ служенія Іисусова; а вначалѣ Онъ, по простотѣ Своей

жизни, по бѣдности Своей, по недостатку какихъ-либо связей въ обществѣ, долго не обращалъ на Себя вниманія гордыхъ старѣйшинъ Іудейскихъ. Въ самомъ дѣлѣ, не смотря на чудесныя событія, сопровождавшія первые дни земной жизни Іисусовой (появленіе волхвовъ восточныхъ въ Іерусалимѣ и чудесной звѣзды, пророчества Симеона и Анны, отверстіе небесъ на Іорданѣ и гласъ при семъ съ неба) и, безъ сомнѣнія, сдѣлавшіяся впослѣдствіи извѣстными въ народѣ (Іоан. 1, 15—20; Матѳ. 3, 1—12; Лук. 3, 4—17), не смотря даже на торжественный отзывъ Іоанна Крестителя, нѣсколько разъ повторенный предъ посланными отъ синедріона (Іоан. 1, 29—34; Матѳ. 3, 16; Марк. 1, 10), предъ народомъ (Іоан. 1, 35—36; 3, 27—36; Матѳ. 21, 26) и учениками о томъ, что принявшій отъ него крещеніе Іисусъ, а не кто другой, есть истинный Агнецъ Божій, вземлющій грѣхи міра,—отзывъ, долженствовавшій имѣть великую силу по тому уваженію, которое всѣ имѣли къ Іоанну,—мы нисколько не видимъ, чтобы къ Іисусу отправляемо было какое-либо посольство, и чтобы Его, подобно Іоанну, спросили: не Онъ ли Мессія? Для безумной гордости синедріона, соблазнявшагося уничиженнымъ состояніемъ Іисуса Христа, таковое изслѣдованіе казалось вовсе ненужнымъ и безполезнымъ. Уже впослѣдствіи, когда святость жизни Іисусовой, необыкновенная сила Его слова и бесѣдъ (Лук. 4, 32. 15—22; Матѳ. 7, 29; 13, 54; Іоан. 7, 15), проповѣдь 12-ти и 70-ти учениковъ, обошедшихъ всѣ города Израильскіе съ возвѣщеніемъ Царства Божія (Матѳ. 10; Марк. 6, 30), и особенно слава знаменій и чудесъ (Лук. 4, 36. 5, 9; Матѳ. 8, 27; 9, 8. 26. 33; 12, 23; 15, 31), обратили къ Іисусу сердце большей части народа Іудейскаго (Лук. 5, 15; 4, 14. 37. 42; Матѳ. 4, 24; Марк. 6, 54—56) и содѣлали Его предметомъ самыхъ лучшихъ надеждъ для благонамѣренныхъ людей изъ всѣхъ состояній (Іоан. 12, 42),—фарисеи и книжники, тщательно наблюдавшіе за всѣмъ, что̀ происходило въ народѣ, начали въ бо́льшемъ и бо́льшемъ числѣ окружать новаго Пророка и Чудотворца (Лук. 5, 17; Марк. 7, 1), каждый съ своими собственными нечистыми видами и цѣлями, многіе съ личною ненавистію къ Нему за Его проповѣдь и обличенія, почти всѣ съ сердцемъ глухимъ для истины и добродѣтели, съ желаніемъ найти въ Немъ что-либо предосудительное и обратить

Ему во вредъ. Открылся непрерывный рядъ хитрыхъ вопросовъ, злонамѣренныхъ толкованій словъ Іисусовыхъ, нареканій на дѣйствія Его и учениковъ, даже прямыхъ клеветъ и подущеній противъ Него народа,—что̀ все съ такою простотою и вѣрностію описано Евангелистами. Вначалѣ дѣйствовали порознь, безъ особеннаго̀ плана, по временамъ,—но всегда хитро и злобно (Матѳ. 9, 3. 11; 12, 38; 16, 1; 19, 3; Марк. 8, 11; Лук. 11, 53—54). Чтобы умалить и обезсилить всеобщее расположеніе къ Іисусу Христу народа, старались приводить въ подозрѣніе образъ дѣйствій Его и жизни: твердили всѣмъ и каждому, что Онъ другъ мытарямъ и грѣшникамъ, врагъ закона и преданій, разоритель покоя субботняго, благопріятель язычниковъ, особенно Самарянъ, даже сообщникъ Веельзевула и темныхъ силъ (Матѳ. 11, 19; 12, 24; 15. 2; Марк. 2, 18. 24; Іоан. 8, 48; 10, 20). Послѣдняя клевета особенно была ядовита и важна по дѣйствію ея на народъ простодушный; ибо такимъ образомъ въ мысляхъ его самое разительное и неопровержимое доказательство касательно Божественности лица и ученія Іисусова теряло всю силу, даже оказывало противное дѣйствіе, производя, вмѣсто любви и уваженія къ Іисусу, отвращеніе отъ Его лица, какъ орудія темныхъ силъ.

Слѣдствіемъ подобныхъ-то клеветъ и наущеній было то, что нѣкоторые изъ простого народа, приверженнаго къ фарисеямъ, въ жару фанатическаго раздраженія, не разъ покушались лишить Іисуса Христа жизни: то хотѣли свергнуть Его съ горы; то брали камни, чтобы побить Его, какъ богохульника (Іоан. 10, 31—33); то хотѣли захватить Его въ свои руки (Іоан. 7, 30), дабы предать врагамъ Его.

Среди такого волненія умовъ, естественно, всѣ ожидали мнѣнія верховнаго синедріона (Іоан. 7, 26), на коемъ лежали право и долгъ пещись о чистотѣ вѣры и нравовъ, различать истинныхъ пророковъ отъ ложныхъ, тѣмъ паче быть руководителями народа въ сужденіи о Мессіи [1]). Мнѣніе сіе дѣйствительно вскорѣ сдѣлалось извѣстнымъ народу; но, будучи основано на явномъ пристрастіи, противорѣча очевидному опыту, вмѣсто успокоенія, произвело повсюду новое волненіе въ совѣстяхъ. Напрасно благонамѣренные члены синедріона

[1]) Матѳ 2, 4. Non indicant tribum, nec Pseudoprophetam, nec summum Pontificem, nisi iudicio septuaginta unius. Sanh. fol 2. 1. V. Lgthfoot ad Luc. 13, 33.

предлагали (Іоан. 7, 51) изслѣдовать дѣло Іисуса по законамъ, выслушать Его ученіе и доказательства, и потомъ разсудить о Немъ безпристрастно. Фарисеи и саддукеи, изъ коихъ большею частію состоялъ верховный совѣтъ Іудейскій, не хотѣли и думать, чтобы презираемый ими Галилеянинъ могъ быть Мессіею. Подъ личиною любви къ отечеству, положено преслѣдовать Его всѣми средствами, какъ человѣка, опаснаго между прочимъ для покоя общественнаго, съ тѣмъ, чтобы при первомъ случаѣ захватить Его въ свои руки и погубить такъ или иначе.

Можетъ казаться непонятнымъ, что случая сего не успѣли найти въ продолженіе не одного года; но при семъ не должно забывать, что Іисусъ Христосъ большую часть времени проводилъ въ странствованіи по Галилеѣ (Марк. 7, 31; 6, 53; 5, 1; 4, 1; 8, 10; Матѳ. 19, 1), находившейся подъ управленіемъ Ирода Агриппы, который не очень благопріятствовалъ власти первосвященниковъ и вліянію фарисеевъ,—что, во время посѣщенія Іерусалима, Онъ бывалъ окруженъ множествомъ приверженнаго къ Нему народа, и на ночь удалялся въ окрестныя мѣста къ Своимъ почитателямъ, особенно въ Виѳанію,—что подъ владычествомъ Римлянъ старѣйшины Іудейскіе не могли располагать сами безъ Римскаго прокуратора военными средствами и вообще принуждены были дѣйствовать болѣе хитростію, нежели открытою силою. Паче же всего должно не упустить изъ виду, что время и продолженіе великаго служенія Спасителя міра зависѣло не отъ слѣпого произвола человѣческаго, а отъ непосредственнаго распоряженія свыше; и поелику назначенный въ предвѣчномъ совѣтѣ великій часъ всемірнаго искупленія еще не пришелъ (Іоан. 7, 30), то всѣ козни враговъ Іисусовыхъ распадались сами собою, какъ паутина. Между тѣмъ синедріонъ дѣлалъ все, что̀ могъ. Послѣ безуспѣшности нѣкоторыхъ частныхъ мѣръ, всенародно объявлено было, что тотъ изъ Іудеевъ будетъ отлученъ отъ синагоги (угроза страшная), кто признаетъ Іисуса Христа за Мессію (Іоан. 9, 22). Это значило связать совѣсти и навести ужасъ на почитателей Его; ибо подвергшійся отлученію изъ синагоги почитался какъ-бы исключеннымъ изъ потомства Авраамова, обреченнымъ, подобно язычнику, на вѣчную погибель за гробомъ. Не довольствуясь симъ, старѣйшины Іудейскіе ста-

рались захватить Іисуса Христа въ свои руки: въ послѣднее пребываніе Его въ Іерусалимѣ [1]) нарочно были отправлены для сего ближайшіе слуги архіерейскіе. Только небесная сладость Его бесѣды, тронувшая до глубины души сихъ простыхъ, а потому безпристрастныхъ людей, сдѣлала мѣру сію недѣйствительною; ибо они не посмѣли возложить рукъ своихъ на Того, Кто говорилъ такъ, какъ не говорилъ никогда никакой человѣкъ (Іоан. 7, 45—46). Изобрѣтательность и злоба фарисеевъ ручаются за то, что были для сей же цѣли употреблены и другія мѣры, хотя Евангелисты, по свойственной имъ краткости, не упоминаютъ о нихъ (Матѳ. 12, 14; Іоан. 10, 39; 7, 19). Вообще, въ началѣ четвертаго года служенія Іисусова, ненависть враговъ Его уже совершенно созрѣла: ученики Іисусовы, какъ увидимъ, страшились и одной мысли идти въ Іудею (Іоан. 11, 8), и въ самомъ народѣ опасались даже говорить о Немъ, чтобы не подвергнуться преслѣдованію отъ фарисеевъ.

Послѣ сего. что̀ оставалось дѣлать Тому, Кто, возвѣщая судъ и правду народамъ, долженъ былъ вести Себя такъ, чтобы *не воспрекословитъ, ни возопіятъ, трости надломленной не преломлятъ, и льна курящагося не угашатъ, пока правда* (одна правда) *Его не одержитъ побѣды* (Матѳ. 12, 18—21; Исаіи 42, 1—3)? Прежде Іисусъ Христосъ въ случаѣ опасности со стороны Іерусалимскихъ враговъ Своихъ, могъ по крайней мѣрѣ — безпрепятственно удаляться въ Галилею (Іоан. 12, 1), гдѣ они не имѣли силы. Но къ концу третьяго года служенія Его и здѣсь открылась опасность. Владѣвшій Галилеею Иродъ, послѣ Іоанна Крестителя, имъ умерщвленнаго, обратилъ свои кровавыя подозрѣнія и на Іисуса и замышлялъ при первомъ случаѣ лишить жизни и Его такъ же, какъ погубилъ Іоанна (Лук. 13, 31). Посему, чтобы избѣжать злобы враговъ, надлежало или не являться въ Іерусалимъ, оставить даже Палестину, идти къ народамъ чуждымъ и начать учить язычниковъ (Іоан. 7, 35),—что̀ несообразно было съ цѣлію служенія Мессіи, *посланнаго къ овцамъ погибшимъ дома Израилева* (Матѳ. 15, 24), или непрестанно спасать Свою и учениковъ Своихъ жизнь какими-либо чу-

[1]) Іисусъ Христосъ былъ въ Іерусалимѣ на праздникѣ Обновленія храма, который праздновался 25 Хаслева, по нашему счету—15 декабря. Іоан. 10, 23. Joseph. Antiq. 12. 7. 7.

десными средствами, что̀ однако же не соотвѣтствовало бы состоянію Его уничиженія (Матѳ. 26, 53—54). Судя по такому ожесточенію и кознямъ враговъ Іисусовыхъ, можно было предугадывать, что Агнецъ Божій, преслѣдуемый лютыми вепрями, не продлитъ Своего пребыванія на землѣ, а поспѣшитъ, для окончанія Своего дѣла, на крестный жертвенникъ, который уже давно сооруженъ былъ для Него въ ихъ умѣ и сердцѣ.

Къ тому же заключенію, хотя другимъ образомъ, могъ вести взглядъ на самыхъ расположенныхъ къ Іисусу Христу людей.

Число почитателей Его, привлеченныхъ всеобщимъ ожиданіемъ Мессіи, многократнымъ свидѣтельствомъ о Іисусѣ Іоанна Крестителя (Іоан. 10, 41) и вообще славою чудесъ и силою проповѣди Іисусовой, было очень значительно и умножалось [1]) со дня на день. Уваженіе и любовь ихъ къ Нему были глубоки и искренни; но образъ мыслей ихъ большею частію былъ ниже своего предмета и не соотвѣтствовалъ Его плану о спасеніи рода человѣческаго (Лук. 2, 34—35). Только немногія чистыя и святыя души (Іоаннъ Креститель, Симеонъ и др.), озаренныя свѣтомъ свыше, проникали совершенно въ высокую цѣль пришествія Мессіи,—провидѣли и открывали другимъ, что для спасенія міра отъ грѣховъ Іисусу Христу, какъ Агнцу Божію, надлежитъ быть заклану на крестѣ, и потомъ уже—путемъ страданій—войти въ славу Свою. и что самая сія слава должна состоять не въ земномъ владычествѣ надъ Іудеею, соединенномъ съ покореніемъ прочихъ народовъ, а въ духовномъ, невидимомъ, благодатномъ царствованіи надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ (Лук. 2, 31—22). Прочіе послѣдователи Іисусовы, будучи болѣе или менѣе омрачены народнымъ ожиданіемъ въ лицѣ Мессіи царя и завоевателя. думали иначе. Нѣкоторые изъ нихъ почитали Его даже не за самого Мессію, а только за одного изъ Его предтечей, т. е., тѣхъ изъ пророковъ, кои, по мнѣнію Іудеевъ, имѣли возстать изъ мертвыхъ предъ пришествіемъ Мессіи (Матѳ. 16, 14; Іоан. 7, 40—41). Такимъ образомъ мыслей примирялось въ умѣ ихъ иначе не разрѣшимое для нихъ противорѣчіе,

[1]) V. Franke. Entwurf einer Apologetik der Chr. Religion. S. 33—63. 1817.

что Іисусъ Христосъ весьма святъ, одаренъ Божественною силою, и между тѣмъ не имѣетъ земного величія Мессіи. Тѣ, кои признавали Іисуса Христа за самого Мессію, также не оставляли совершенно отрадной мечты о Его земномъ царствѣ, воображая, что Онъ на время только принялъ видъ уничиженія и бѣдности, но вскорѣ покажетъ Себя истиннымъ потомкомъ побѣдоноснаго Давида (Матѳ. 20, 21), превознесеннымъ Царемъ Израиля, къ подножію престола коего должны пасть всѣ цари и народы. Къ сему числу, не смотря на всю доброту сердца, принадлежали и двѣнадцать учениковъ Іисусовыхъ, доколѣ благодатію Св. Духа не потреблено было въ душѣ ихъ все земное и плотское, что̀ послѣдовало уже по воскресеніи Господа и сошествіи Духа Утѣшителя въ день Пятидесятницы. А до сего времени, во все пребываніе ихъ съ Учителемъ, особенно же предъ Его страданіями и даже по воскресеніи, мы видимъ противное: они тѣмъ прилежнѣе мечтаютъ о земномъ величіи Учителя, чѣмъ бо́льшія принесены для Него жертвы и чѣмъ важнѣйшими по тому самому надѣялись они наслаждаться выгодами въ Его царствѣ (Матѳ. 19, 27; Лук. 18, 28).

Богочеловѣкъ употреблялъ всѣ средства для освобожденія Своихъ послѣдователей, особенно же Своихъ ближайшихъ учениковъ, отъ несбыточной надежды на Его земное владычество надъ міромъ. Уже первыя бесѣды Его явственно показали всѣмъ и каждому, что царство, коего Онъ возвѣщалъ приближеніе, а Себя Основателемъ и Главою, есть царство истины, добродѣтели и мира съ Богомъ и съ самимъ собою, а не владычество земное [1]). Кромѣ постоянныхъ частныхъ намековъ и указаній на сію истину, неоднократно и прямо объявляемо было отъ Него ученикамъ, что это царство Божіе не придетъ, какъ того неразумно ожидали Іудеи, чувственнымъ какимъ-либо, пышнымъ и торжественнымъ образомъ (Лук. 17, 21), что оно вообще находится не *внѣ*, а внутри каждаго, не имѣетъ никакого сходства съ преобладаніемъ властителей земныхъ (Лук. 22, 25) и состоитъ въ свободѣ отъ грѣха и страстей, во владычествѣ надъ своимъ сердцемъ и наклонностями, въ возстановленіи въ себѣ перво-

[1]) Matn. 5, 6. Flatts Dissert. de notione vocis Βασιλεία τῶν οὐρανῶν. In comm. a Velth. et Rupert. Editio vol. 2, p. 421

бытнаго совершенства и Богоподобія [1]). Частое объявленіе о Своихъ будущихъ страданіяхъ и смерти, какъ главной цѣли Своего пришествія на землю, прямо направлено было всегда противъ народной мечты о земномъ царствѣ Мессіи; и, что̀ весьма примѣчательно, Іисусъ Христосъ дѣлаетъ сіе объявленіе именно тогда, когда ученики Его по чему-либо особенно предавались воображеніямъ о семъ царствѣ. Вообще всѣ бесѣды и дѣянія Его обнаруживали, что если Онъ позволяетъ иногда именовать Себя Сыномъ Давидовымъ, то не по какимъ-либо видамъ на тогдашній престолъ Іудейскій, а единственно потому, что происходитъ по плоти отъ Давида и предсказанъ подъ симъ наименованіемъ пророками.

Но ученики Іисусовы, *по окаменѣнію* (какъ выражается одинъ изъ нихъ) *сердца своего* (Марк. 6, 52), лучше соглашались не понимать словъ своего Учителя, нежели, разумѣя ихъ какъ должно, разстаться со всеобщимъ любимымъ народнымъ предразсудкомъ о чувственномъ царствѣ Мессіи. Прочіе почитатели Его еще менѣе способны были измѣнить мысль о Мессіи—побѣдителѣ народовъ на вѣру въ Мессію—распятаго [2]). Отъ такого образа мыслей далеко ли было до соотвѣтственныхъ сему образу дѣйствій?.. Долго ли было кому-либо изъ пламенныхъ почитателей Іисусовыхъ поднять Его именемъ знамя возстанія противъ синедріона, который нимало въ то время не пользовался уваженіемъ народнымъ? И какъ противно было бы это Божественному характеру служенія Іисусова!

Для избѣжанія сего, можно сказать, бѣдствія, весьма много служило уже то, что Спаситель не составлялъ изъ Своихъ послѣдователей никакого видимаго, внѣшне связаннаго чѣмъ-либо, общества, въ коемъ могъ бы образоваться духъ самостоятельности гражданской и противодѣйствія тогдашнему Римскому преобладанію надъ Іудеею. Только двѣнадцать учениковъ находились въ постоянномъ союзѣ между собою и съ Нимъ: всѣ же прочіе почитатели Его, даже—такъ называемые—семьдесятъ учениковъ собирались вокругъ Него повременно; слушали Его бесѣды, получали исцѣленія отъ своихъ недуговъ, оказывали разные знаки уваженія

[1]) Reinhard. Sur le plan, formé par le Fondateur de la Religion Chrétienne pour le bonheur du genre humain. 55—77.

[2]) Іоан. 6, 66—70. Златоуст. 5. Hom. in Math. ad Cap. 19, in Ioah. ad Cap. 13—17.

и пособія Ему и Его ученикамъ (Матѳ. 27, 25); но, по удаленіи небеснаго Наставника (ибо Онъ постоянно переходилъ изъ одного мѣста въ другое—Дѣян. 10, 38), немедленно всѣ возвращались къ своему мѣсту жительства и обыкновеннымъ занятіямъ, не думая почитать себя членами какого-либо новоучрежденнаго общества, или признавать себя подлежащими какимъ-либо новымъ обязанностямъ, кромѣ тѣхъ, кои давно лежали на каждомъ по закону Моисея и по внушенію собственной совѣсти. Тѣмъ не менѣе, многіе изъ послѣдователей Іисусовыхъ думали, что Ему надлежало бы соединить Своихъ почитателей во едино и, объявивъ Себя главою новаго общества, начать преобразованіе Іудеи, вопреки всѣхъ ея властей, и римскихъ и отечественныхъ. Нѣкоторые изъ таковыхъ, въ жару набожно-мірской мечтательности, покушались сами положить начало тому, чего съ такимъ нетерпѣніемъ ожидали отъ Іисуса,—объявить Его царемъ Іудеи (Іоан. 6, 15), въ томъ, безъ сомнѣнія, чаяніи, что Онъ Самъ, волею-неволею, долженъ будетъ принять сіе усердіе; прочіе послѣдователи не замедлятъ присоединиться къ нимъ, и престолъ Давидовъ будетъ возстановленъ, къ утѣшенію и славѣ всего народа Израильскаго. Съ продолженіемъ времени надлежало ожидать еще болѣе подобныхъ явленій; ибо народъ, волнуемый различными мнѣніями о Іисусѣ Христѣ, не могъ судить хладнокровно, и отъ споровъ легко переходилъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Римское правительство, весьма подозрительно и вездѣ, тѣмъ паче въ Іудеѣ [1]), славившейся безпокойнымъ характеромъ своихъ жителей [2]), вскорѣ обратило бы вниманіе на такое волненіе народа, и небесный Посланникъ мира, вопреки цѣли Своего пришествія въ міръ сдѣлался бы поводомъ и предметомъ гражданскихъ смутъ и народныхъ треволненій.

Посему, и смотря на большую часть послѣдователей Іисусовыхъ, можно было предвидѣть, что ихъ дѣтская мечтательность и ревность не по разуму скоро заставятъ Сына Человѣческаго, окончивъ Свое земное поприще, вознестись *туда, откуда нисшелъ*, и куда не могли бы слѣдовать за Нимъ ихъ противныя Его цѣли мечтанія о земномъ царствѣ (Іоан. 13. 33; 8, 21).

[1]) Лук. 13, 1. Joseph. Ant. 18, 3. 2.
[2]) Tacit. Hist. L. 5. C. 5.

Впрочемъ, самый внимательный наблюдатель происшествій не могъ рѣшительно сказать, когда и какъ окончится великое движеніе умовъ и совѣстей, происшедшее по всей Іудеѣ отъ появленія Іисуса Христа на проповѣдь съ знаменіями и чудесами. Ясно было только, что первосвященники и книжники не оставятъ своего злобнаго предубѣжденія противъ неумолимаго Обличителя ихъ нравовъ и жизни; еще яснѣе, что Сынъ Давидовъ не измѣнитъ грознаго гласа обличеній на ласкательство Каіафѣ и его клевретамъ; слѣдовательно, рано или поздно надлежало быть неминуемо одному изъ двухъ: или врагамъ Іисуса произвольно пасть предъ величіемъ Его святости, или Ему содѣлаться жертвою ихъ злобы и коварства. Но нельзя было утверждать, чтобы это случилось непремѣнно въ слѣдующемъ году, тѣмъ менѣе въ слѣдующую Пасху. Ибо, кромѣ того, что не было невозможности — продлиться еще на неопредѣленное время Божественному служенію Іисусову, сего самаго требовало, повидимому, даже благо учениковъ Іисусовыхъ, еще не успѣвшихъ отвыкнуть совершенно отъ народныхъ предразсудковъ и совершенно войти въ духъ Его религіи (Іоан. 16, 12), требовало и свойство Его служенія, ибо Онъ еще не объявилъ Себя гласно и всенародно Мессіею (Іоан. 10, 24), что было необходимо какъ для народа Іудейскаго, такъ и для исполненія въ лицѣ Его пророчествъ о Мессіи.

Уже послѣдующія событія, кои впрочемъ состояли въ волѣ Іисуса Христа, какъ-то: воскрешеніе Лазаря, входъ въ Іерусалимъ и прочія, дали рѣшительное направленіе ходу обстоятельствъ, дотолѣ неопредѣленному, и приблизили Его ко кресту, который, кромѣ Его Самого, еще ни для кого изъ послѣдователей Его не былъ примѣтенъ въ такой близости и неизбѣжности.

Съ сихъ-то событій и мы, при помощи Божіей, начнемъ описаніе послѣднихъ дней земной жизни Господа нашего, имѣя въ виду не одно приращеніе нашихъ умственныхъ свѣдѣній о семъ важномъ предметѣ, но и назиданіе души и сердца.

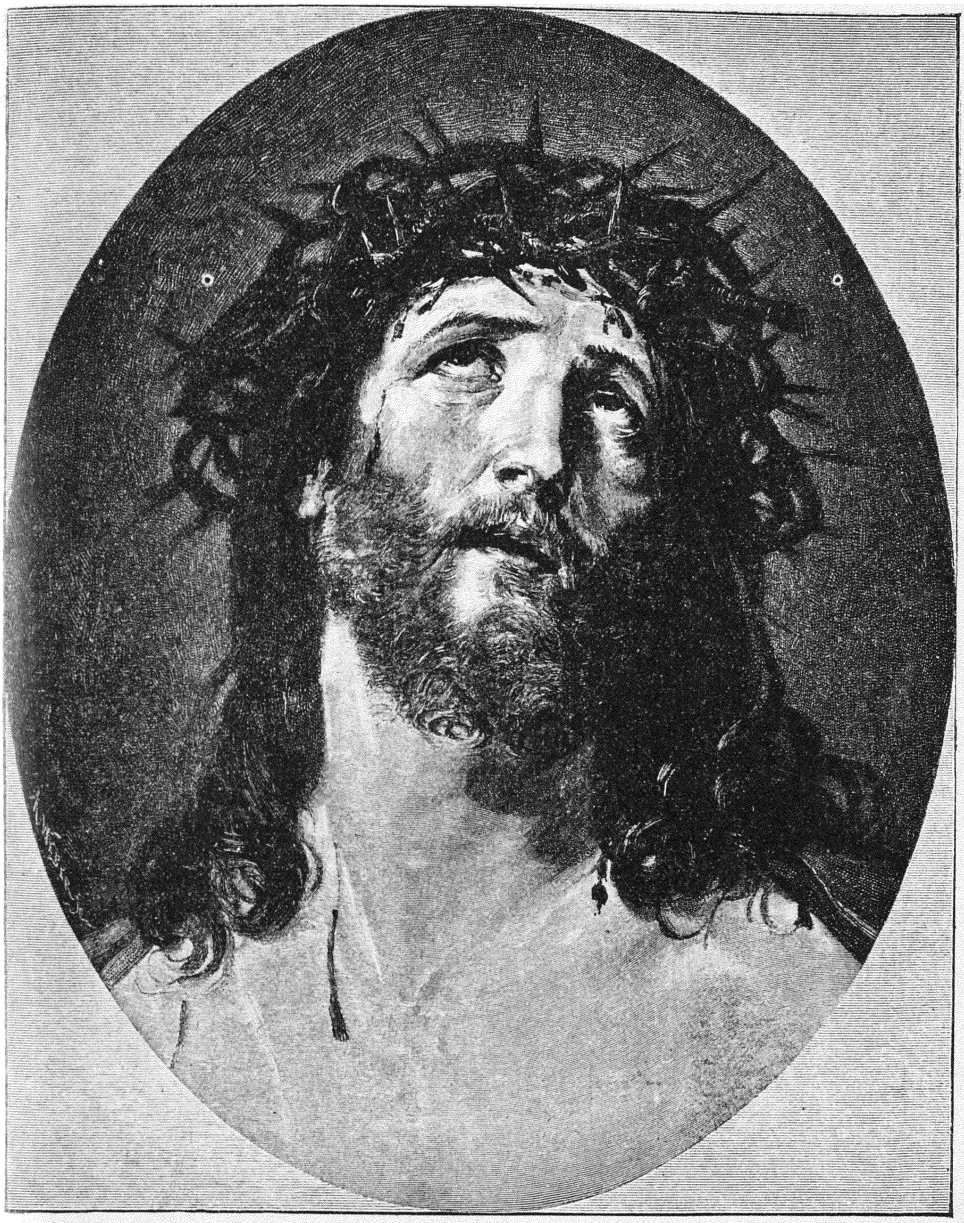
Послѣднее путешествіе Іисуса Христа изъ Галилеи въ Іерусалимъ.

(Вѣсть о болѣзни Лазаря и предсказаніе о его воскресеніи.—Бесѣда съ учениками по случаю путешествія въ Іудею.—Мечтательное прошеніе двухъ учениковъ.—Исцѣленіе слѣпцовъ Іерихонскихъ.—Обращеніе Закхея.—Поучительная притча ученикамъ.)

Между тѣмъ, какъ Іисусъ Христосъ въ твердой рѣшимости положить вскорѣ душу Свою за спасеніе міра, приготовлялъ къ сему необычайному событію Своихъ учениковъ (Марк. 8. 31) и въ самихъ врагахъ хотѣлъ произвести спасительную перемѣну мыслей,—приближался праздникъ Пасхи, четвертый въ продолженіе служенія Іисусова и, по опредѣленію Промысла, долженствовавшій служить концемъ сего служенія. Богочеловѣкъ и прежде имѣлъ обыкновеніе приходить ежегодно на сей праздникъ въ Іерусалимъ. гдѣ закономъ Моисеевымъ предписано было совершать Пасху: теперь сего требовала уже необходимость. Посему, странствуя по Галилеѣ, Онъ еще за нѣсколько недѣль до праздника началъ склонять путь Свой къ предѣламъ Іудейскимъ. только не прямо, а по долинѣ Іорданской, продолжая между тѣмъ обыкновенное Свое занятіе: проповѣдь Евангелія и чудесное исцѣленіе болящихъ (Лук. 9. 51; 13, 33).

Въ окрестностяхъ Іордана до малаго общества Іисусова достигло извѣстіе о такомъ обстоятельствѣ, которое, повидимому, должно было побудить Его ускорить Свое путешествіе.—Нѣкто Лазарь, давній другъ Іисусовъ, жившій въ Виѳаніи близъ Іерусалима, сдѣлался боленъ. Сестры его, Марѳа и Марія,—кои также пользовались благоволеніемъ Господа,—не находя, вѣроятно, средствъ помочь болящему брату естественнымъ образомъ, прислали извѣстить о его болѣзни Іисуса, въ той, конечно, надеждѣ, что Онъ, помогая столь охотно всѣмъ страждущимъ, тѣмъ паче не оставитъ безъ помощи Своего болящаго друга. Посланные должны были только сказать: «Господи, се егоже любиши, болитъ!»—Всѣ другія убѣжденія и просьбы поспѣшить на помощь казались излишними для святой дружбы (Іоан. 11, 1—3).

Услышавъ о болѣзни Лазаря, Іисусъ не обнаружилъ по видимому ни особеннаго чувства, ни равнодушія; явно было



Се Человѣкъ.

(Картина Гвидо Рени.)

что Онъ слышитъ какъ будто о такомъ предметѣ, который Ему, какъ Всевѣдущему, давно уже былъ извѣстенъ. Въ присутствіи учениковъ, которые также знали и любили Лазаря, Онъ сказалъ только посланнымъ: *сія болѣзнь нѣсть къ смерти, но о славѣ Божіей, да прославится Сынъ Божій ея ради.*

Такой отвѣтъ походилъ болѣе на пророчество, нежели на совѣтъ друга, у коего просятъ помощи,—и, доставляя на первый разъ нужное успокоеніе сестрамъ Лазаревымъ и ему самому, служилъ вмѣстѣ съ симъ не малымъ испытаніемъ ихъ вѣры. Видя доселѣ въ болѣзни брата своего одно естественное, несчастное приключеніе, онѣ должны были теперь узнать, что сіе горькое приключеніе находится въ непосредственномъ распоряженіи самого Промысла Божія, имѣетъ цѣль самую высокую и благотворную—славу Божію и прославленіе Сына Божія, а не смерть Лазаря, которой онѣ столько страшились. Это уже одно должно было ихъ успокоить за будущее и расположить къ полной преданности въ волю Божію и къ ожиданію чего-то высшаго и необыкновеннаго. Какой истинный Израильтянинъ не согласился бы перенесть болѣзнь, даже умереть, для славы своего Мессіи?

Но все сіе могло быть только подъ условіемъ живой и высокой вѣры;—для вѣры обыкновенной, какова была вѣра сестеръ Лазаревыхъ, слова Господа, особенно по сравненію ихъ съ послѣдующими печальными событіями, могли казаться непонятными, странными, противными дѣлу, и потому даже какъ бы огорчительными. Не говоря о томъ, что въ отвѣтѣ не объявлено, какимъ образомъ въ болѣзни Лазаря откроется слава Божія и Мессіи,—нисколько не предувѣдомлено даже о томъ, что̀ было всего нужнѣе, то есть, что больной долженъ, хотя на краткое время, умереть и быть погребеннымъ. Слова: *болѣзнь не къ смерти,* побуждали даже рѣшительно ожидать, что Лазарь не умретъ; а посему, когда Лазарь умеръ, то сіи, прежде весьма утѣшительныя, слова потеряли весь смыслъ, могли представляться не иначе, какъ только какимъ-либо иносказаніемъ, тѣмъ болѣе безотраднымъ и огорчительнымъ, что оно напрасно служило прежде дѣйствительнымъ утѣшеніемъ. Одна вѣра Авраама могла бы не пасть при гробѣ Лазаря; но сестры Лазаревы, при всемъ ихъ уваженіи и искренней любви къ Господу,—были еще не такъ близки къ этой высотѣ вѣры.

И въ ученикахъ Іисусовыхъ знаменательныя слова Господа не произвели никакого высшаго ожиданія. Довольствуясь тѣмъ, что болѣзнь Лазаря, какъ говорилъ Учитель, не смертельна, они даже не любопытствовали знать, какимъ образомъ чрезъ нее должна открыться Божественная слава ихъ Учителя.

По отшествіи посланныхъ, Іисусъ Христосъ, безъ сомнѣнія, съ особеннымъ намѣреніемъ, пробылъ на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ получена вѣсть о болѣзни Лазаря, еще два дня (Іоан. 11, 6). По такой медленности тѣмъ паче можно было заключать, что Лазарь находится внѣ всякой опасности; ибо Учитель никогда не медлилъ въ подаяніи нужной помощи, тѣмъ паче не замедлилъ бы теперь. А чтобы Онъ оставался здѣсь въ ожиданіи того, пока наступитъ опредѣленный Промысломъ день явить надъ Лазаремъ Свое Божественное всемогущество,—это, послѣ словъ Учителя, едва ли кому изъ нихъ приходило на мысль.

Когда Лазарь съ его болѣзнію такимъ образомъ былъ какъ бы забытъ, спустя три дня, Богочеловѣкъ, безъ всякаго новаго повода, вдругъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *идемъ во Іудею!* Поелику о происшедшемъ теперь съ Лазаремъ ученики ничего не знали, а Пасха была еще не такъ близко, то слова Учителя удивили ихъ и привели въ страхъ: воображенію нѣкоторыхъ тотчасъ представились опасности, коимъ за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ они подвергались въ Іерусалимѣ, когда были тамъ на праздникѣ Обновленія храма [1]). Посему, чтобы отклонить отъ путешествія, какъ казалось, преждевременнаго и потому опаснаго (въ самый праздникъ Пасхи по множеству народа, къ Іисусу вообще весьма приверженнаго, не было такъ опасно), нѣкоторые осмѣлились привести на память прошедшее: *Равви,* говорили, *давно ли Іудеи искаху Тебе каменіемъ побити, и паки ли идеши тамо?* (Іоан. 11, 8).

Языкъ сей, очевидно, отзывался искреннимъ усердіемъ и осторожностію, не былъ однако же вполнѣ достоинъ учениковъ Іисусовыхъ. Находясь при Немъ въ продолженіе трехъ лѣтъ и будучи свидѣтелями всей Его жизни и дѣйствій, они должны были примѣтить, что всѣ пути и дѣла

[1]) Праздникъ Обновленія храма совершался въ мѣсяцѣ Хаслевѣ, который соотвѣтствуетъ нашему декабрю (Іоан 10, 22)

ихъ находятся подъ охраненіемъ свыше, что Отецъ Небесный никогда не оставляетъ Своею помощію Сына, въ Которомъ положилъ все Свое благоволеніе (Марк. 1, 11). Даже одного обыкновеннаго довѣрія къ великимъ качествамъ своего Учителя достаточно было къ предохраненію учениковъ отъ напраснаго опасенія, будто Онъ можетъ предаваться опасностямъ, не предвидѣвъ ихъ или не подумавъ о нихъ. Только невниманіе къ путямъ Промысла, нѣкое забвеніе Божественности служенія Іисусова и чрезмѣрная человѣческая забота о своей личной безопасности—могли привести учениковъ къ той мысли, что враги Іисусовы въ состояніи воспрепятствовать Его великому дѣлу и побить преждевременно камнями Того, Кто могъ *изъ камени воздвигнути чадъ Аврааму* (Матѳ. 3, 9).

Богочеловѣкъ не обнаружилъ при семъ никакого неудовольствія; далъ однако же замѣтить ученикамъ, какъ опасенія ихъ недостойны людей, совершающихъ, какъ они, великое дѣло Божіе. *Не два ли надесяте,* сказалъ Онъ имъ въ отвѣтъ, *часа еста во дни? Аще кто ходитъ во дни, не поткнется, яко свѣтъ міра сего видитъ. Аще же кто ходитъ въ нощи, поткнется, яко нѣсть свѣта въ немъ.* Изъ сихъ, нѣсколько прикровенныхъ, словъ ученики Іисусовы должны были выразумѣть три, весьма важныя и нужныя для нихъ, истины, ими теперь забытыя, или непонимаемыя, какъ должно: первое, что Промыслъ Отца Небеснаго ни въ какомъ случаѣ не можетъ оставить безъ помощи ихъ Божественнаго Учителя; во-вторыхъ, что для служенія Іисусова, по чрезвычайной важности его, назначено свыше со всею точностію опредѣленное время, коего не могутъ ни продлить, ни сократить никакія усилія враговъ; въ-третьихъ, что сіе предопредѣленное время еще не окончилось, а продолжается. Сравненіе Своего служенія съ продолженіемъ дневного пути употреблено здѣсь Спасителемъ, безъ сомнѣнія, потому, что предметомъ настоящей бесѣды Его съ учениками было не другое что, какъ путешествіе въ Іудею.

Бесѣда сія снова подтвердила, что Господь имѣлъ обыкновеніе отвѣчать на недоумѣнія Своихъ учениковъ, сколько было только нужно для ихъ настоящаго вразумленія и успокоенія, не входя въ изъясненіе всѣхъ причинъ, почему Онъ поступаетъ такъ, а не иначе. Ибо въ Іерусалимѣ ожидали

Его теперь не только великія опасности, но и самыя страданія и смерть; между тѣмъ Онъ не говоритъ теперь о семъ; сказываетъ даже нѣчто какъ бы противное тому, то есть, что ученики напрасно опасаются за Него. И почему поступаетъ такимъ образомъ? Потому что истинная сила вопроса, предложеннаго выше учениками, состояла не въ томъ, ожидаютъ ли ихъ въ Іерусалимѣ опасности, а въ томъ, можно ли, не подвергаясь упреку въ безразсудности, идти туда, гдѣ опасность?—Господь отвѣчаетъ, что можно: ибо сей путь принадлежитъ къ дѣламъ дня, ко времени Его служенія, которое, вопреки опасеніямъ учениковъ, никѣмъ на землѣ и никакъ не можетъ быть ни сокращено, ни продолжено.

Ученики успокоились, по крайней мѣрѣ умолкли. Тогда Господь, какъ бы вспомнивъ о Лазарѣ, сказалъ имъ: *Лазарь, другъ нашъ, успе: но иду, да возбужду его.* Такъ говорилъ Онъ о смерти Лазаря, которая случилась именно въ сіе время, и дѣйствительно была какъ бы сномъ и для Лазаря,—по ея кратковременности, и для Іисуса—по той легкости, съ которою Онъ возбуждалъ уснувшихъ сномъ смертнымъ. Ученики однако же поняли слова Его буквально, не о смерти, а о усыпленіи Лазаря. Привыкши къ опытамъ Его всевѣдѣнія, они не думали спрашивать, какъ Онъ узналъ о положеніи Лазаря; только нѣкоторые замѣтили, что это добрый знакъ! ибо, говорили они, *аще успе, спасенъ будетъ,* то есть, если онъ уснулъ, то скоро выздоровѣетъ [1]). И слѣдовательно, подразумѣвалось, нѣтъ нужды идти теперь въ Іудею—и для Лазаря.

Тогда Учитель сказалъ уже необинуясь: *Лазарь умре; и радуюсь васъ ради, яко не бѣхъ тамо.* (Иначе просьбы Лазаря, слезы сестеръ его побудили бы Премилосердаго исцѣлить Своего болящаго друга и не допустить до смерти.) *Идемъ къ нему!*

Вѣроятно, нѣкоторые изъ учениковъ и при семъ не обнаружили всей ожидаемой рѣшимости идти во Іудею, хотя для погребенія Лазаря, что для одного изъ нихъ, именемъ Ѳомы, показалось уже совершенно неумѣстнымъ. «Что же мы медлимъ, воскликнулъ онъ къ соученикамъ, *идемъ и мы, да умремъ*

[1]) Сонъ издревле почитался признакомъ выздоровленія во многихъ болѣзняхъ. Ὕπνος πάντων νοσημάτων φάρμακον. Evrip. Orest. 211. Conf. Wetslen ad Joh. 11.

съ нимъ!» И для Ѳомы идти къ умершему въ Іудею значило почти то же, что̀ идти на смерть; однако же онъ не только не продолжаетъ отклонять Учителя отъ Его намѣренія, но и недоволенъ медленностію прочихъ учениковъ, и приглашаетъ всѣхъ умереть съ Лазаремъ и Іисусомъ: приглашеніе, достойное ученика Іисусова! Хотя увидимъ впослѣдствіи, что сердце Ѳомы еще не было теперь дѣйствительно такъ самоотверженно, какъ были его уста...

Вслѣдъ за симъ Господь и ученики Его отправились въ Іудею, но безъ поспѣшности однако же, которая, повидимому, теперь не была уже и нужна. Достигли предѣловъ Іерихона, отъ коего до самаго Іерусалима оставалось не болѣе шести часовъ пути, а до Виѳаніи еще менѣе. Дорога была покрыта путешественниками, со всѣхъ сторонъ стекавшимися въ Іерусалимъ на приближающійся праздникъ. Учитель шелъ одинъ (Марк. 10, 32), впереди Своихъ учениковъ, кои слѣдовали за Нимъ въ нѣкоторомъ разстояніи, размышляя и бесѣдуя между собою о будущемъ. Внутреннее состояніе ихъ, по замѣчанію Евангелиста Марка, было весьма растроено (Марк. 10, 32). Сколько можно судить по соображенію обстоятельствъ (Іоан. 11, 8; Марк. 10, 35), въ душѣ ихъ боролись теперь между собою два чувства: желаніе, какъ можно скорѣе, видѣть открытіе царства Мессіи и раздѣлить съ своимъ Учителемъ славу Его земного владычества надъ всѣмъ міромъ, и нежеланіе подвергнуться страшнымъ опасностямъ, кои, по общему понятію, почитались при семъ неизбѣжными. Слова Іисуса Христа, еще въ одной изъ бесѣдъ въ Галилеѣ, обѣщавшаго содѣлать ихъ, въ награду за пожертвованіе и труды, судіями Израиля и посадить на двѣнадцати престолахъ (Матѳ. 19, 27—30) (обѣщаніе, заключавшее въ себѣ высшій духовный смыслъ, но учениками понятое буквально), надежда, что настоящій путь въ Іерусалимъ будетъ послѣднимъ, и съ наступленіемъ праздника Пасхи откроется царство Мессіи—ихъ Учителя, примѣчаніе всеобщаго расположенія въ народѣ къ гражданскимъ и религіознымъ перемѣнамъ и, въ частности, сильнаго расположенія къ Іисусу Христу, и другія обстоятельства наполняли воображеніе учениковъ мыслями самыми восхитительными. Но, когда воображеніе утихало, и отъ будущихъ неопредѣленныхъ надеждъ обращались къ суровой дѣйствительности прошедшаго и настоящаго, когда начинали

безпристрастно судить о положеніи вещей. своей беззащитности, бѣдности, силѣ и злобѣ своихъ враговъ: тогда невольно приходили къ недоумѣніямъ и опасенію, дѣлались малодушными и боязливыми. *И ужасахуся, и вослѣдъ идуще, бояхуся.*

Такое расположеніе духа не могло укрыться отъ Сердцевѣдца. Поелику главнымъ источникомъ боязни была нерѣшительность мыслей, незнаніе будущаго, то Онъ нашелъ нужнымъ еще разъ, съ возможною ясностію повторить ученикамъ, чего они доселѣ не выразумѣли надлежащимъ образомъ, то есть, что Его въ Іерусалимѣ ожидаетъ не престолъ, а крестъ, который однако же не прекратитъ дѣла Божія и Его великой дѣятельности, а доставитъ спасеніе всему міру и Ему такую славу, которая несравненно выше всякой, воображаемой ими, славы и величія. Для сего, подозвавъ учениковъ къ Себѣ и уединившись отъ прочихъ путешественниковъ, Господь началъ говорить имъ такъ: *се восходимъ во Іерусалимъ, и Сынъ Человѣческій* (такъ Онъ любилъ называть Себя) *преданъ будетъ архіереемъ и книжникомъ, и осудятъ Его на смерть, и предадятъ Его языкомъ на поруганіе, біеніе и пропятіе, и въ третій день воскреснетъ!* (Матѳ. 20, 17—19; Марк. 10, 32—34; Лук. 18, 31—34). Такъ рѣшительно, такъ ясно и съ такою подробностію обстоятельствъ никогда еще не было говорено Имъ о Своей будущей судьбѣ: въ сихъ словахъ заключалась кратко вся исторія наступающихъ событій, все, что̀ въ нихъ было и крайне печальнаго и вполнѣ утѣшительнаго. «Учитель нашъ вскорѣ будетъ преданъ, осужденъ, умученъ, распятъ, мертвъ; но потомъ долженъ воскреснуть со славою: значитъ (такъ должны были разсуждать ученики) напрасно мы предаемся теперь несбыточнымъ мечтамъ о Его земномъ царствѣ, напрасно и страшимся за Него и за себя: судьбы Всевышняго должны совершиться!» Между тѣмъ ученики Іисусовы не только не вывели изъ настоящаго предсказанія Его подобныхъ заключеній; но, по свидѣтельству Евангелиста, не поняли даже изъ него ни одного слова. *И тіи ничесоже отъ сихъ разумѣша: и бѣ глаголъ сей сокровенъ отъ нихъ, и не разумѣваху глаголемыхъ* (Лук. 18, 34).

Непонятность изумительная—для насъ, коимъ теперь такъ трудно поставить себя въ умѣ на мѣсто учениковъ Іисусовыхъ и войти совершенно въ ихъ образъ мыслей и

чувствованій; но въ нихъ самихъ все это происходило естественно. Не представляя себѣ никогда, сообразно народному вѣрованію, что Мессія долженъ умереть, тѣмъ паче умереть такъ, какъ предсказывалъ теперь Господь,—смертію самою поносною, на крестѣ,—ожидая напротивъ со дня на день открытія Его славнаго земного царства, ученики, при всей добротѣ ихъ сердца, по тому самому не могли уразумѣть словъ Его въ прямомъ ихъ смыслѣ и какъ надлежало. Для объясненія сего представимъ, что кто-нибудь, бывъ другомъ сына царева, слышалъ отъ него и отъ другихъ, что отецъ назначилъ его себѣ наслѣдникомъ престола, видѣлъ не разъ опыты особеннаго благоволенія къ нему отца; потомъ услышалъ отъ него же. что отецъ его, ни мало не перемѣнивъ ни своихъ мыслей объ немъ, ни любви къ нему. позволитъ однако же нѣкоторымъ развращеннымъ людямъ подвергнуть его посрамленію, мученіямъ и самой смерти, имѣя возможность все сіе отвратить,—такой человѣкъ, слыша все сіе, повѣрилъ бы сыну цареву—своему другу? Или, повѣривъ ему. понялъ ли бы вдругъ слова его. какъ должно? Не скорѣе ли бы согласился предположить въ нихъ какой-либо, неизвѣстный для себя, иносказательный смыслъ;—особенно, если бы зналъ, что другъ его любитъ выражаться языкомъ приточнымъ?—Подобное сему случилось и съ Апостолами: безъ сомнѣнія, они представили себѣ слова своего Учителя какимъ-либо непонятнымъ для нихъ иносказаніемъ.—Но въ такомъ случаѣ къ чему служило предсказаніе Господа о Своихъ страданіяхъ и смерти?—Оно было полезно, хотя ученики и не поняли его. Кромѣ того, что впослѣдствіи яснѣйшимъ образомъ открылось изъ него, что Богочеловѣкъ провидѣлъ крестъ Свой со всѣми его ужасами, имѣлъ потому всю возможность уклониться отъ него, и если подвергъ Себя смерти, то—добровольно, для блага рода человѣческаго. Кромѣ сего, самые ученики, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, при наступленіи страданій Учителя, должны были привести себѣ на память настоящее предсказаніе и видя точное исполненіе, со стороны его печальной, то есть, по бѣдствіямъ, симъ самымъ побуждались съ благодушіемъ ожидать исполненія и радостной части пророчества—о славномъ воскресеніи Господа. (Не симъ ли самымъ предсказаніемъ воодушевленъ былъ впослѣдствіи св. Іоаннъ. который,

какъ увидимъ, во время страданій и смерти Іисусовой, не смотря на свою юность, окажетъ себя мужественнѣе всѣхъ прочихъ учениковъ Его?)

Какъ бы въ доказательство того, что бесѣда о крестѣ оставалась теперь непонятою, двое изъ учениковъ, Іаковъ и Іоаннъ, сыны Зеведея, обнаружили теперь же въ себѣ слѣды любочестія самаго дѣтскаго. Господь замѣтно отличалъ ихъ отъ прочихъ учениковъ, удостоивая особенной довѣренности и близости: только Петръ могъ спорить съ ними въ семъ отношеніи, ибо Господь отличалъ и его. Сіе-то, безъ сомнѣнія, пророчество, худо понимаемое, возродило въ юныхъ умахъ надежды, что Учитель и по наступающемъ мнимомъ восшествіи Его на престолъ Іудейскій, не преминетъ отличить ихъ отъ прочихъ при раздаваніи наградъ и милостей. Матерь ихъ Саломія (которая теперь вмѣстѣ съ ними шла въ Іерусалимъ на праздникъ) раздѣляла и едва ли не возбуждала сіи надежды. Воображая, что ея просьба (Саломія была знакома Господу) можетъ быть въ въ семъ дѣлѣ не безполезною, и желая предварительно получить отъ Іисуса Христа обѣщаніе касательно будущей награды дѣтей своихъ, она рѣшилась воспользоваться уединенною бесѣдою съ Господомъ и, подошедъ къ Нему вмѣстѣ съ дѣтьми, со всею покорностію и дружествомъ, обнаружила, что хочетъ просить у Него чего-то, не важнаго для Него, но весьма важнаго и пріятнаго ей, сыновьямъ ея и всему ихъ семейству (Матѳ. 20, 20). *Чесо хощеши?* вопросилъ Господь. «Ничего болѣе, отвѣчала она, какъ только препоручить въ Твою милость сыновей моихъ. Ты, безъ сомнѣнія, скоро взойдешь на престолъ Давидовъ: сдѣлай тогда, по любви Своей къ нимъ, чтобы одинъ изъ нихъ занялъ мѣсто по правую, а другой по лѣвую сторону Твоего престола». То есть, Саломія хотѣла, чтобы дѣти ея были первые по Мессіи въ Его царствѣ и удостоились преимущества не только предъ всѣмъ прочимъ народомъ, но и предъ ближайшими Его учениками и друзьями [1]). Оба брата видомъ сво-

---

[1]) Выраженіе. «сидѣть возлѣ кого-нибудь» вообще означаетъ 1) достоинство и честь (3 Цар. 2, 19). Такъ Александръ, царь Сирійскій (1 Мак. 10, 63), желая оказать особенную почесть Іонаѳану, велѣлъ ему садиться возлѣ себя. 2) Особенную власть и участіе въ правленіи народомъ (Псал. 109, 1) 3) Дружество и близость (Сир. 12, 12).

имъ показывали, что желаніе матери есть вмѣстѣ и ихъ собственное желаніе.

Нельзя было найти прошенія, болѣе противнаго настоящему душевному состоянію Богочеловѣка, Который весь былъ занятъ мыслію о Своихъ будущихъ страданіяхъ. Извиненіемъ могло служить одно то, что Іаковъ и Іоаннъ не поняли Его предсказанія и искали быть близкими къ своему Учителю, безъ сомнѣнія, не по одному любочестію, а и по чувству любви къ Нему, которая опасалась быть удаленною отъ Него, во славѣ Его. Отвѣтъ Господа служитъ поучительнымъ примѣромъ, съ какою снисходительностію исправлялъ Онъ самыя важныя ошибки Своихъ учениковъ. Вмѣсто какихъ-либо упрековъ, Онъ отвѣчалъ просто съ кротостію: *не вѣсте, чесо просите. Можете ли пити чашу* (чаша у Евреевъ означала страданія и бѣдствія: Псал. 59, 5; Исаіи 51, 17, 22; Плач. Іерем. 4, 21), *юже Азъ имамъ пити, или крещеніемъ* (такъ иносказательно назывались великія искушенія) [1]), *имже Азъ крещаюся креститися?* То есть, Господь хотѣлъ внушить мечтателямъ, что имъ должно думать еще не о наградѣ, которая сама собою придетъ къ достойному, а о средствахъ, какъ заслужить оную. *Можева* — отвѣчали ученики, побуждаемые, вѣроятно, болѣе желаніемъ получить просимое и показать себя достойными онаго, нежели по внутреннему убѣжденію въ необходимости страданій для достиженія славы (Матѳ. 20, 22); ибо они не имѣли еще яснаго понятія ни о предстоящей чашѣ, ни о крещеніи, о коихъ говорилъ Господь. Но Учитель, яко Сердцевѣдецъ, провидѣлъ уже, что слова эти, сказанныя теперь безъ яснаго сознанія дѣла, придутъ нѣкогда въ совершенное исполненіе, что сыны Зеведеевы дѣйствительно со временемъ будутъ, подобно Ему, крещены страданіями [2]): посему въ духѣ пророчества, которое они должны были выразумѣть впослѣдствіи, продолжалъ: *чашу убо Мою испіете, и крещеніемъ, имже Азъ крещаюся, имате креститися: а еже сѣсти одесную Мене и ошуюю Мене,*

[1]) Смотр. Бесѣды Златоуста на Матѳея.

[2]) Сказаніе о мученической кончинѣ св Іакова находится въ Дѣян. 12, 2 Св Іоаннъ, по преданію, умеръ естественною смертію, однако же св Церковь справедливо величаетъ его, между прочими хвалами, и мученикомъ, потому что онъ, какъ самъ говоритъ (Апок 1, 2. 9), былъ общникомъ въ терпѣніи Іисусѣ Христовомъ; и за свидѣтельство Его претерпѣлъ заточеніе на островѣ Патмосѣ, принялъ чашу съ ядомъ и былъ поверженъ въ кипящее масло, хотя вышелъ изъ него, по сказанію Тертуллиана, крѣпче и бодрѣе, нежели какимъ вошелъ. Conf. Cornelius a Lapide in Matth.

нѣсть Мое дати, но имже уготовася отъ Отца Моего. Симъ кончилась бесѣда.

Очевидно, что Господь хотѣлъ преподать сынамъ Зеведеевымъ наставленіе, для нихъ необходимое, но безъ той строгости, которой заслуживало болѣе прошеніе, нежели просители. Они должны были узнать, что въ дѣлѣ столь важномъ, каково учрежденіе на землѣ Царства Божія, ничто не можетъ зависѣть отъ произвола или пристрастія личнаго, а все отъ закона и справедливости; что Господь и Учитель ихъ, если можно такъ сказать, Самъ не можетъ оказать имъ какую-либо милость, безъ ихъ способности и заслугъ. Послѣ сего они сами собою должны были убѣдиться, что и въ семъ отношеніи они не знали, *чего просили* [1]).

Хотя бесѣда сія не была слышима прочими учениками, но они не замедлили узнать, что было ея предметомъ. Это произвело неудовольствіе и ропотъ между ними, не несправедливые въ отношеніи къ искателямъ первенства, но напрасные по существу дѣла: ибо они искали невозможнаго. Особенно могъ оставаться недовольнымъ Петръ, который не менѣе сыновъ Саломіиныхъ былъ отличаемъ въ обществѣ учениковъ Іисусовыхъ (Матѳ. 19, 27; Марк. 10, 41—45), не менѣе имѣлъ и правъ на то, но никогда не доходилъ до такого любочестія, чтобы видимо желать господства даже надъ своими сотоварищами, довольствуясь обѣщаніемъ Учителя—посадить каждаго изъ нихъ на особенномъ престолѣ.

Это взаимное неудовольствіе учениковъ послужило случаемъ къ преподанію имъ самаго назидательнаго урока въ смиреніи и братской любви. «Вамъ извѣстно,—сказалъ Господь, собравъ ихъ вокругъ Себя,—въ чемъ полагаютъ господство свое мірскіе владыки и повелители: въ томъ, чтобы имъ служили и повиновались, славили и величали ихъ. Но между вами—Моими учениками—не должно быть сего; никто не долженъ искать отличія, соединеннаго съ униженіемъ другихъ: между вами—*иже аще хощетъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга! И иже аще хощетъ въ васъ первый быти, буди вамъ рабъ!* Вспомните,—продолжалъ Господь, обращая рѣчь

[1]) Никто да не смущается, говоритъ св. Златоустъ, находя Апостоловъ при настоящемъ случаѣ столь несовершенными, потому что таинство крещенія не было еще совершено, и въ сердца ихъ еще не излилась благодать Духа.. Для того теперь открывается ихъ несовершенство, дабы ты узналъ, каковы они сдѣлались потомъ мгновенно дѣйствіемъ благодати. (На Матѳ.)

къ предмету, забытому учениками, но о которомъ теперь болѣе всего надлежало думать,—вспомните. что Самъ Сынъ Человѣческій, Коему надлежитъ всякая слава, пришелъ въ міръ сей не для того, чтобы,—какъ многіе ложно думаютъ,—покорять народы и принимать почести и услуги отъ другихъ, но чтобы оказать ихъ съ своей стороны другимъ и самую душу Свою отдать для искупленія міра!» Такимъ образомъ о томъ, чего ученики никакъ не могли согласить съ достоинствомъ Мессіи,—о страданіяхъ и смерти Своей, Іисусъ Христосъ говорилъ снова, какъ о главной и первой цѣли Своего пришествія въ міръ. Столь часто и съ такою силою повторяемое внушеніе о семъ могло бы совершенно и навсегда отвратить учениковъ отъ честолюбивыхъ мечтаній и замысловъ; но предразсудокъ о земномъ царствѣ Мессіи, ихъ Учителя, такъ былъ силенъ, что самый крестъ и Голгоѳа не могли совершенно искоренить его. И по воскресеніи, при первомъ явленіи Учителя, они будутъ вопрошать его: *аще въ лѣто сіе устрояеши царствіе Израилево?* Только сошествіе Святаго Духа въ день Пятидесятницы совершенно возродило ихъ, уничтоживъ въ душѣ ихъ всѣ плотскія понятія, такъ что они всѣ могли сказать о себѣ словами св. Павла: *аще и разумѣхомъ Христа по плоти, нынѣ же ктому не разумѣемъ.*

Въ продолженіе таковыхъ бесѣдъ, Господь и ученики Его приблизились къ Іерихону, одному изъ значительнѣйшихъ городовъ Іудейскихъ, по его древности и богатству [1]). Предъ вратами города у дороги сидѣло два [2]) слѣпца для испрошенія милостыни у проходящихъ. Шумъ отъ толпы путешественниковъ, сопровождавшихъ Господа, не замедлилъ привлечь ихъ вниманіе, и они любопытствовали знать, кто идетъ: то есть, не вельможа ли съ многочисленною свитою, у котораго можно получить богатую милостыню (Лук. 18, 36).

---

[1]) Relandi Palestina. Также: Rosenmullers Bibl. Alterthumskunde, 2: B. 2. th. 1827.

[2]) По сказанію св. Матѳея, исцѣлены два слѣпца, а по сказанію Марка и Луки—одинъ. Притомъ у Марка и Матѳея исцѣленіе совершается при выходѣ изъ Іерихона, а у Луки предъ входомъ въ сей городъ. Кромѣ сего св. Маркъ называетъ слѣпца по имени и отчеству. Для примиренія перваго несогласія полагаютъ, что одинъ изъ слѣпцовъ былъ всѣмъ извѣстенъ, посему объ немъ одномъ упоминаютъ Лука и Маркъ; между тѣмъ Матѳей бывшій очевидцемъ чуда описываетъ его подробнѣе, какъ оно было. V. Storr. über den Zweck der Evang. Gesch. p 345. Въ изъясненіе второго разногласія предполагаютъ, что одинъ слѣпецъ исцѣленъ при входѣ, а другой при выходѣ изъ города. Впрочемъ достовѣрность сказанія Евангельскаго не имѣетъ большой нужды въ подобныхъ догадкахъ: она говоритъ сама за себя!

Когда сказали, что это Іисусъ, извѣстный Чудотворецъ и Пророкъ Галилейскій, то въ нихъ тотчасъ возродилась надежда быть исцѣленными отъ Него. Посему, со всѣмъ нетерпѣніемъ людей, кои хотятъ насладиться свѣтомъ Божіимъ, они начали восклицать: *Господи, Сыне Давидовъ, сжалься надъ нами!* Называя Іисуса Сыномъ Давидовымъ, слѣпцы симъ самымъ всенародно признавали Его Мессіею: признаніе, въ коемъ хотя давно участвовали весьма многіе, но рѣдкій отваживался сдѣлать публично, тѣмъ паче, что Самъ Господь не всегда одобрялъ его, почитая преждевременнымъ. Посему-то многіе изъ народа, окружавшаго Іисуса, опасаясь, вѣроятно, фарисеевъ и Римлянъ, приказывали теперь слѣпцамъ умолкнуть, по крайней мѣрѣ не произносить названіе Сына Давидова, столько же опасное, сколько для всѣхъ любезное. Напрасно!—Слѣпцы продолжали кричать еще громче: *Сыне Давидовъ, Сыне Давидовъ, помилуй насъ!*

Богочеловѣкъ остановился и велѣлъ позвать слѣпцовъ: воззваніе ихъ преклонило Его оказать имъ помощь. Услышавъ, что Іисусъ ожидаетъ ихъ, слѣпцы сбросили съ себя даже все свое верхнее платье, чтобы скорѣе явиться предъ Божественнымъ Врачемъ. *Что хощета, да сотворю вами?* вопросилъ Онъ. *Господи, чтобы отверзлись очи наши!* Господь коснулся ихъ очей, и они тотчасъ отверзлись. *Ступайте въ домъ свои,* сказалъ Онъ потомъ: *вѣра ваша спасла васъ* (Матѳ. 20, 32—33; Лук. 18, 42).

Въ самомъ дѣлѣ, бѣдствіе ли, угнетавшее сихъ несчастныхъ и часто располагающее людей къ лучшему образу мыслей, или другія обстоятельства были причиною,—только настоящій поступокъ слѣпцовъ въ отношеніи къ Іисусу Христу показалъ, что ихъ душевное око было несравненно чище и дальновиднѣе очей книжниковъ и фарисеевъ. Слѣпцы Іерихонскіе неспособны были, подобно симъ суевѣрамъ, соблазняться происхожденіемъ Іисуса Христа изъ Галилеи, отъ бѣдныхъ родителей; великія и святыя дѣла Его оставались для нихъ великими и святыми, не смотря на то, въ какой бы день ни были совершены, въ пятокъ или субботу; мудрое мнѣніе слѣпца Іерусалимскаго, что грѣшниковъ Богъ не послушаетъ и что Іисусъ не могъ бы творить чудесъ, если бы не былъ отъ Бога (Іоан. 9, 33),—служило и для нихъ руководствомъ въ сужденіи о Его Божественномъ до-

стоинствѣ. Сердце ихъ, безъ сомнѣнія, давно уже признало Его истиннымъ Сыномъ Давидовымъ; представился случай, и они всенародно свидѣтельствуютъ свою вѣру въ Него, пренебрегая опасностію быть отлученными за то отъ синагоги, или оклеветанными въ возмущеніи противъ Римлянъ.

Не смотря на позволеніе Божественнаго Врача—идти куда угодно, исцѣленные слѣпцы шли во слѣдъ Его, славя Бога и своего Спасителя. Проходили чрезъ Іерихонъ. Слухъ о чудѣ немедленно разнесся по всему городу и еще болѣе увеличилъ толпу, окружавшую Іисуса: каждый хотѣлъ видѣть великаго Чудотворца; но по сему самому многіе не могли видѣть Его. Въ числѣ послѣднихъ былъ и нѣкто Закхей, старшина надъ мытарями (Ἀρχιτελώνης, Лук. 19. 2), или сборщиками податей. Посредствомъ своего промысла, онъ пріобрѣлъ себѣ великое богатство, не всегда чуждаясь, вѣроятно, и такихъ средствъ, кои людямъ его званія ставилъ въ упрекъ еще Іоаннъ Креститель (Лук. 3, 13). Скупость, жестокосердіе, наклонность къ притѣсненіямъ были общимъ свойствомъ мытарей [1]), къ чему располагало самое ихъ званіе. Снимая у Римлянъ на откупъ подати, они естественно употребляли всѣ мѣры, чтобы не остаться въ убыткѣ: соотечественники, кромѣ неохоты платить подати иноплеменникамъ, видѣли въ нихъ орудіе Римскаго преобладанія, тѣмъ болѣе ненавистное, что имъ соглашались быть сами Іудеи. Посему мытарь и язычникъ почитались словами равнозначущими (Матѳ. 9, 10—11; Лук. 15. 1—2; Матѳ. 18, 17): для того и другого даже было одно общее названіе—*грѣшника* (Лук. 19, 7). Закхей былъ старѣйшина мытарей, слѣдовательно, по мнѣнію народа, однимъ изъ первыхъ грѣшниковъ.

Впрочемъ Закхей, какъ видно изъ всѣхъ настоящихъ поступковъ его, не былъ теперь уже тѣмъ, чѣмъ бывалъ (если бывалъ дѣйствительно) нѣкогда: въ душѣ его пробудилось отвращеніе къ пороку, злато не прельщало его болѣе, и онъ начиналъ чувствовать нужду въ пріобрѣтеніи сокровища негибнущаго [2]). Въ такомъ расположеніи духа, обыкновенно, ищутъ предъ кѣмъ-либо раскрыть язвы своей совѣсти: и кто же болѣе могъ уврачевать ихъ, какъ не Іисусъ? Такимъ обра-

[1]) V. Svicer. sub voce Τελώνης Rurmanus de vectigal. popul. Roman. c. 9 p. 125. Salmas. de Foen. trapez. p. 253.

[2]) Conf Bergers moral. Einleitung ad h. I. Также Niemeyer Characteristik der Bibel

зомъ сердце невольно влекло Закхея къ великому Разрѣшителю узъ грѣховныхъ. Но онъ еще не смѣлъ надѣяться столь великой милости, чтобы Святѣйшій изъ пророковъ обратилъ вниманіе на перваго изъ грѣшниковъ, и, въ сознаніи собственнаго недостоинства, искалъ только *видѣть Іисуса*—сравнить черты Божественнаго лица Его съ тѣмъ, что̀ говорили о Немъ, Его милосердіи, величіи, святости,—почерпнуть въ Его взорахъ для себя назиданіе и утѣшеніе, прочесть въ нихъ будущую судьбу грѣшниковъ,—свою собственную [1]). И сего желанія нельзя было достигнуть! Будучи малъ ростомъ, Закхей совершенно терялся въ толпѣ народа, сопровождавшаго Іисуса. Но, на пути, чрезъ который надлежа̀ло проходить Іисусу, стояло дерево:—Закхей, опередивъ всѣхъ съ поспѣшностію влѣзаетъ на него, въ сладкой надеждѣ насмотрѣться на лице Пророка (можетъ быть,—думалъ Закхей,—Мессіи, Который вскорѣ будетъ судить его), тѣмъ лучше, чѣмъ непримѣтнѣе.

Іисусъ Христосъ могъ и не видѣть Закхея; не видно также, чтобы сей мытарь былъ извѣстенъ Ему прежде сего; но отъ Сердцевѣдца могло ли что-нибудь укрыться? Человѣколюбецъ могъ ли не воспріять на рамена заблудшую овцу, которая сама начинала искать пастыря? Едва только поравнялись съ деревомъ, на которомъ сидѣлъ Закхей, Іисусъ остановился и, устремивъ взоры на Закхея, сказалъ ему: *Закхее, потщався, слѣзи: днесь бо въ дому твоемъ подобаетъ Ми быти* (Лук. 19, 5).

Изумленный такою снисходительностію, мытарь спѣшитъ оставить дерево и принять въ домъ свой столь необыкновеннаго Гостя, не зная еще, что за цѣль Его посѣщенія, но убѣждаясь самымъ дѣломъ, что Пророкъ Галилейскій ни мало не сходенъ съ знаменитыми фарисейскими раввинами, кои почли бы за осквернéніе для себя—сказать ему всенародно одно дружеское слово. Іисусъ, напротивъ, не обнаруживалъ ничѣмъ, будто домъ Закхея, въ который шелъ Онъ, кажется для Него чѣмъ-либо нечище другихъ, или что Онъ, вступая въ него, отступаетъ отъ какихъ-либо правилъ. Но толпа, Его сопровождавшая, судила иначе. Вступить въ дружескій разговоръ съ разбогатѣвшимъ мытаремъ—человѣкомъ, какъ думали, безъ любви къ отечеству, безъ вѣры,—самому

[1]) S. Gregor. l. 27. Moral. in fin. Christ. Hom. de Zacchæo.

вызваться на посѣщеніе его дома, не взять по крайней мѣрѣ при вступленіи въ него, предосторожностей къ сохраненію законной чистоты, постоянно въ подобномъ случаѣ употребляемыхъ фарисеями [1]): все сіе въ глазахъ безразсудныхъ ревнителей преданій фарисейскихъ казалось страннымъ, предосудительнымъ, нимало не достойнымъ того мнѣнія, какое имъ хотѣлось имѣть о великомъ Пророкѣ.

Закхей самъ чувствовалъ, какъ далеко простирается къ нему снисхожденіе Іисуса, и какъ много можетъ страдать чрезъ то слава Его въ народѣ. Какъ бы желая дать отчетъ въ своемъ поведеніи,—показать, что онъ уже не рабъ своихъ сокровищъ, что въ сердцѣ его живетъ еще, или ожила, любовь ко всему доброму, благоразумный мытарь становится предъ Іисусомъ, и въ слухъ всѣхъ соблазнявшихся милостію, ему оказанною, объявляетъ, что (въ память посѣщенія Іисусова) цѣлая половина имѣнія его роздана будетъ нищимъ, и если онъ кого обидѣлъ, то такому возвратитъ вчетверо.— Такое обѣщаніе дѣйствительно могло убѣдить каждаго, что Закхей хочетъ сдѣлаться достойнымъ своего имени [2]). По самому закону Моисееву (Исх. 22, 1—4; Числ. 5, 7), только тотъ обязывается вдвое. или вчетверо возвращать похищенное, кто былъ приведенъ въ судъ и обличенъ въ преступленіи; а кто самъ собою признавалъ свой грѣхъ, тотъ долженъ былъ возвратить похищенное только съ присовокупленіемъ пятой части; но Закхей, бывшій доселѣ ниже закона, вдругъ дѣлается выше его, и хочетъ поступать отселѣ по закону не только правды, но и любви, коей Божественный образецъ видитъ предъ собою въ Іисусѣ.

По всему видно, что благоразумный мытарь понялъ цѣль посѣщенія Іисусова, вошелъ, такъ сказать, въ духъ милости, ему оказанной. Евангелистъ не говоритъ, чтобы онъ заботился слишкомъ много (какъ нѣкогда Марѳа) объ угощеніи Господа и учениковъ Его, не сказываетъ даже, чтобы угощалъ ихъ. Искреннее обѣщаніе вознаградить всѣхъ обиженныхъ, раздать пол-имѣнія нищимъ было самымъ лучшимъ угощеніемъ для Того, Кто поставлялъ брашно Свое въ исполненіи воли Отца Небеснаго (Іоан. 4, 34).

---

[1]) V. Schotlgenii hor. Heb. et Talm.

[2]) Закхей значитъ невинный, чистый. Ездр. 2, 9. Неем. 7, 14 по Еврейск. подлиннику.

Господь не оставилъ безъ награды усердія столь чистаго. Какъ бы въ увѣреніе, что Онъ нимало не сомнѣвается въ исполненіи обѣщанія Закхеева, не сожалѣетъ о посѣщеніи его дома, *днесь* сказалъ Онъ окружавшимъ Его, *днесь спасеніе дому сему бысть* (благотворная перемѣна въ домовладыкѣ должна была произвести перемѣну и въ домочадцахъ), *зане и сей сынъ Авраамль есть* (какъ доказалъ настоящій опытъ, хотя доселѣ многіе почитали его наравнѣ съ язычниками): *пріиде бо Сынъ Человѣческій взыскати и спасти погибшаго.*

Послѣднія слова, очевидно, направлены противъ тѣхъ, кои соблазнялись милостію, оказанною старѣйшинѣ мытарей, въ нихъ раскрывалась тайна общенія Іисуса съ грѣшниками, которое постоянно ставилось Ему въ упрекъ отъ фарисеевъ. Мечтая только о славѣ, богатствахъ и почестяхъ, сіи лицемѣры забывали, что нѣтъ величія выше того, которое состоитъ въ благодѣяніяхъ, и особенно нравственныхъ,—въ наученіи и исправленіи грѣшниковъ, а посему нисколько не представляли себѣ и того, чтобы главною цѣлію пришествія Мессіи было—*взыскать* и *спасти погибшее*. Та же слѣпота открывалась и въ сужденіи ихъ о ближнихъ. Привыкши видѣть въ очахъ брата малый сучецъ и не замѣчать въ своемъ глазѣ бревна, суесвяты не хотѣли и думать, чтобы изъ явныхъ грѣшниковъ, ими презираемыхъ, многіе были гораздо ближе ихъ къ Царствію Небесному, потому что ближе ихъ были къ сознанію своего недостоинства, къ раскаянію во грѣхахъ. Но Іисусъ Христосъ взиралъ иначе;—и въ толпѣ язычниковъ обрѣталъ иногда вѣру, которой напрасно искалъ въ цѣломъ Израилѣ. Многократные опыты доказали, что милосердіе Сына Человѣческаго, съ коимъ Онъ обращался съ грѣшниками, производило еще бо́льшія дѣйствія, нежели Его чудотворенія. Многіе изъ живыхъ мертвецовъ, какъ бы одушевленные любвеобильнымъ дыханіемъ Человѣколюбца, возставали изъ гробовъ—совершенно перемѣняли свою злую жизнь, имѣя то преимущество предъ воскрешенными отъ смерти тѣлесной, что послѣдніе снова подвергались смерти, а первые могли всегда наслаждаться жизнію духа. Доказательствомъ сего служитъ между прочимъ сей самый Закхей: по свидѣтельству древнѣйшаго преданія, онъ сдѣлался истиннымъ послѣдователемъ Іисуса Христа, былъ

потомъ спутникомъ Апостола Петра въ его апостольскихъ путешествіяхъ и посвященъ имъ въ епископа Кесаріи Палестинской [1]).

Оставивъ домъ Закхея, Іисусъ продолжалъ путь Свой къ Виѳаніи, и могъ бы въ этотъ же день придти туда, если бы до Пасхи не оставалось еще около недѣли и не надлежало дать Лазарю быть погребеннымъ и сдѣлаться четверодневнымъ мертвецомъ: посему Онъ шелъ медленно, останавливаясь въ селеніяхъ, лежащихъ при пути, и пользуясь всѣми случаями для наставленія Своихъ учениковъ и народа.

Ученики однако же (такъ велика была сила народнаго предразсудка!), забывъ о смерти Лазаря и недавнюю бесѣду о крестѣ Учителя, снова предались мечтательности,—и еще болѣе, нежели когда-либо. Полагали между прочимъ за достовѣрное, что съ наступающимъ праздникомъ должны окончиться всѣ ихъ труды и опасности, что Учитель ихъ, по случаю великаго стеченія народа Іудейскаго на праздникъ, торжественно объявитъ Себя Мессіею (Лук. 19, 11). Такую надежду могла питать, кромѣ другихъ причинъ, благосклонность, съ коею при входѣ въ Іерихонъ принято было Имъ всенародно наименованіе Сына Давидова отъ слѣпцовъ Іерихонскихъ. «Не есть ли это,—такъ могли судить ученики,—прямой вызовъ къ тому, чтобы наконецъ всѣ признали Его теперь за Мессію? А если Онъ уже рѣшился на всенародное объявленіе Себя Мессіею, то когда лучше сдѣлать это, какъ не въ праздникъ Пасхи?»—И изъ спутниковъ многіе думали согласно съ учениками, восхищаясь заранѣе славою, въ какой они увидятъ вскорѣ того Самаго Іисуса, Который шелъ съ ними по одному пути, бесѣдовалъ съ ними и, можетъ быть, раздѣлялъ ихъ дорожную трапезу.

Поелику въ мнѣніи Іудеевъ о земномъ царствѣ Мессіи было не все ложное и несбыточное, а была и истина, то нельзя было въ настоящемъ случаѣ сказать ученикамъ вообще: «ваши ожиданія напрасны!» Они не были бы напрасны, если бы ученики и всѣ Іудеи умѣли отличать пришествіе Мессіи первое и уничиженное—отъ пришествія второго, славнаго и величественнаго, и не смѣшивали духовнаго всемірнаго владычества Его съ земнымъ господствомъ надъ Іудеею. Чтобы указать имъ

[1]) Clem. Lib. I et 3. Recogn.

истинную точку зрѣнія на предметы и дать ключъ къ разумѣнію наступающихъ событій, кои дѣйствительно содержали въ себѣ весьма много превышающаго ихъ тогдашнія понятія и чудеснаго, Господь обратился къ обыкновенному Своему роду рѣчи—къ притчѣ.

«Одинъ человѣкъ,—сказалъ Онъ,—высокаго происхожденія, отправлялся въ далекую страну, для принятія царскаго достоинства: въ полученіи вѣнца царскаго онъ увѣренъ былъ столько, что предъ отшествіемъ своимъ сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія, чтобы, во время отсутствія, обыкновенные доходы его ни мало не потерпѣли. Изъ десяти избранныхъ рабовъ его каждому дано было по минѣ [1]), съ тѣмъ, чтобы они употребили сіи деньги въ дѣло. Послѣ сего онъ отправился. Но изъ согражданъ многіе, хотя безъ всякой съ его стороны причины, не были расположены къ нему. Чтобы удалить его отъ престола, они отправили посольство къ тому царю, который долженъ былъ утвердить права его на царствѣ. Всякаго другого, говорили посланные, мы скорѣе согласимся имѣть царемъ, только не его. Но представленія ихъ не имѣли никакого дѣйствія: нелюбимый наслѣдникъ возвратился царемъ. Начался отчетъ въ деньгахъ, ввѣренныхъ рабамъ.—Государь, сказалъ съ радостію первый, посмотри: мина твоя принесла десять минъ!—Прекрасно поступлено, отвѣчалъ царь, ты добрый слуга, я ввѣрилъ тебѣ мало, но ты сдѣлалъ много: возьми въ управленіе десять городовъ!—И я сдѣлалъ пять минъ изъ одной, сказалъ другой.—Получи и ты награду за труды, отвѣчалъ царь: пять городовъ будетъ въ твоемъ управленіи.—А я, началъ говорить третій, ничего не сдѣлалъ и не дѣлалъ изъ твоей мины. Зная, что ты весьма скупъ и жестокъ,—жнешь, гдѣ не сѣялъ, берешь, гдѣ не клалъ,—я заботился только о томъ, чтобы сохранить ее въ цѣлости и для сего держалъ ее въ потаенномъ мѣстѣ, завернувши въ платъ. Вотъ она! ни болѣе, ни менѣе, какъ была взята!—Твоими же словами, сказалъ царь, я осужу тебя, злой рабъ! Ты зналъ, что я человѣкъ жестокій, который болѣе требуетъ, нежели даетъ, жнетъ, гдѣ не сѣялъ, собираетъ, гдѣ не расточалъ: для чего же ты не отдалъ серебра моего въ оборотъ, чтобы я, возвратясь, получилъ

[1]) Мина (μνᾶ) аттическая изъ 100 драхмъ (v. Svid. s h. v.), а драхма равнялась нашему империалу. v. Michael ad Luc. 19, 13.

его съ лихвою? Возьмите у него, сказалъ онъ прочимъ слугамъ, сію мину и отдайте тому, у кого десять минъ.—Такая награда одного человѣка показалась имъ слишкомъ великою, особенно въ сравненіи съ тѣмъ, у кого все отнималось.—Государь, замѣтили они, у него и такъ уже десять минъ.—Что за нужда? отвѣчалъ царь. Имѣющему (и хорошо употребляющему) дано будетъ, а у неимѣющаго (употребляющаго неправильно, или вовсе не употребляющаго) и то, что онъ имѣетъ, отнимется!...

Окончивъ разсчетъ съ слугами, государь потребовалъ предъ себя враговъ своихъ. Не было нужды судить и обличать ихъ,—и они всѣ преданы казни (Лук. 19, 12—27).

Глубокія и важныя наставленія содержались въ сей притчѣ. Что Іисусу Христу надлежитъ отойти въ дальнюю страну—къ Отцу, на небо, для принятія царства (это противъ заблужденія, будто Онъ вскорѣ взойдетъ на престолъ Іудейскій); что сограждане Его—Іудеи, и по Его отшествіи, не убѣдятся въ дѣйствительности Его правъ на царство, а будутъ отвращать всѣхъ отъ признанія Его Мессіею (это противъ предразсудка, что Мессія можетъ быть не узнанъ и отвергнутъ Іудейскимъ народомъ); что избранные слуги Его—Апостолы и другіе послѣдователи Его—получатъ при семъ каждый извѣстное число минъ, дарованій духовныхъ, кои они должны употребить на пользу царя и царства (это противъ ложнаго мнѣнія, будто послѣдователи Его вскорѣ раздѣлятъ съ Нимъ власть, и притомъ земную, не заслуживъ предварительно награды вѣрнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей); что Онъ не прежде, какъ по возвращеніи Своемъ, явится въ должномъ величіи, благотворномъ для вѣрныхъ подданныхъ и трудолюбивыхъ рабовъ, грозномъ и нестерпимомъ для подданныхъ мятежныхъ и рабовъ лукавыхъ (это противъ сомнѣнія, что, можетъ быть, и никогда не исполнятся предсказанія пророковъ о царствѣ Мессіи, если не исполнятся нынѣ, видимо). Что все сіе болѣе или менѣе ясно и опредѣленно содержится въ сей притчѣ, въ томъ каждый убѣдится самъ собою, коль скоро сравнитъ содержаніе ея съ тѣмъ, что намъ вообще извѣстно о свойствѣ, продолженіи и различныхъ видахъ царства Христова. Но, чтобы ученики выразумѣли теперь, какъ должно, весь смыслъ сей притчи, сего ни мало не видно изъ Евангелія и обстоятельствъ. Уже

впослѣдствіи, по воскресеніи Господа, они должны были между прочими, непонятными для нихъ, бесѣдами своего Учителя, вспомнить и о сей притчѣ и, при озареніи отъ Святаго духа, постигнуть глубокій смыслъ ея. Для позднѣйшихъ читателей, каковы мы, притча сія служитъ сокращеннымъ начертаніемъ всего великаго предначертанія Іисуса. Его сугубаго царства, послѣдователей и враговъ Его, и показывая, что̀ уже случилось, располагаетъ къ ожиданію того, что̀ должно совершиться въ будущемъ.

Матеріаломъ для сей притчи могло служить одно изъ современныхъ событій гражданскихъ. Высокородный человѣкъ, въ ней представленный, напоминаетъ собою Архелая, сына Иродова, который, по смерти отца своего, отправлялся къ Августу, для принятія отъ него царскаго скипетра; и дѣйствительно получилъ его—вопреки всѣмъ усиліямъ Іудеевъ, кои, чрезъ особенное посольство, просили кесаря не отдавать ихъ въ подданство Архелаю[1]). Такимъ образомъ, въ устахъ небеснаго Учителя самыя земныя событія служили для изображенія духовныхъ предметовъ царства благодатнаго.

Между тѣмъ путь продолжался, и Господь съ учениками Своими приблизился къ Виѳаніи, гдѣ обиталъ Лазарь, лежавшій теперь уже четвертый день во гробѣ.

Воскрешеніе Лазаря съ его послѣдствіями.

(Горестное положеніе виѳанскихъ друзей Іисусовыхъ.—Нерѣшительность вѣры сестеръ Лазаревыхъ.—Чудо воскресенія.—Совѣщаніе по сему случаю синедріона, съ его рѣшеніемъ.—Удаленіе Іисуса Христа въ Ефраимъ.—Мнѣніе о Немъ народа.—Вечеря въ дому Симона прокаженнаго.)

Домъ виѳанскаго друга Іисусова не былъ уже теперь тѣмъ мирнымъ убѣжищемъ, въ которомъ Онъ съ учениками Своими не разъ уклонялся отъ шумнаго и враждебнаго Іерусалима: мѣсто прежней тишины и довольства, коимъ наслаждалось добродѣтельное семейство, заступили теперь скорбь и слезы о потерѣ, столько же непредвидѣнной и невознаградимой, сколько драгоцѣнной. Лазарь умеръ вскорѣ послѣ того, какъ посланные возвратились отъ Іисуса: смерть

[1]) Joseph Antiq 17. 11. Conf. Wolf in curis ad Luc 19. 12.

его была ничѣмъ не вознаградимою потерею для его сестеръ, для коихъ онъ замѣнялъ собою родителей. Чѣмъ болѣе онъ былъ любимъ, тѣмъ болѣе сокрушались у его гроба. Таинственное обѣщаніе Господа—явить въ болѣзни Лазаря Свою Божественную славу не было понято, а посему и не могло доставить утѣшенія, въ немъ заключавшагося. Когда воспоминали воскресеніе юноши Наинскаго (Лук. 7. 11—15) и дочери Іаировой (Матѳ. 9, 18; Марк. 5, 22), совершенное Іисусомъ въ Галилеѣ, то лучъ надежды могъ мгновенно озарять сердца, омраченныя скорбію; но сія надежда тѣмъ болѣе ослабѣвала, чѣмъ болѣе Лазарь продолжалъ лежать во гробѣ, а Іисусъ медлилъ. Признаки совершеннаго разрушенія, обнаружившіеся въ бездушномъ трупѣ, побуждали оставить и послѣднюю надежду видѣть его снова одушевленнымъ; и теперь, спустя четыре дня по смерти Лазаря,—Іисуса, повидимому, уже не ожидали въ Виѳаніи, полагая, что если Онъ и зайдетъ утѣшить друзей Своихъ, то предъ самымъ праздникомъ, когда будетъ идти во Іерусалимъ, или послѣ онаго, при Своемъ возвращеніи въ Галилею.

Между тѣмъ домъ Лазаревъ представлялся многолюднѣе, нежели когда-либо. По прежнему обыкновенію Іудеевъ, отчасти сохранившемуся доселѣ, родственники, друзья и знакомые умершаго должны были, въ продолженіе семи дней послѣ кончины, навѣщать его домъ, доставлять утѣшеніе оставшемуся семейству и участвовать въ печальныхъ обрядахъ, кои оканчивались не прежде восьмого дня [1]). Число таковыхъ утѣшителей было теперь весьма велико уже потому, что домъ Лазаревъ почитался между значительнѣйшими домами въ Виѳаніи. Кромѣ сего Лазарь своими добродѣтелями и дружелюбіемъ невольно привлекалъ къ себѣ общее уваженіе и любовь, кои, какъ извѣстно, никогда не обнаруживаются съ такою живостію, какъ по смерти лица уважаемаго. Между посѣтителями находились многіе изъ Іерусалимлянъ, и притомъ изъ людей высшаго сословія, едва ли даже не членовъ синедріона: потому что Евангелистъ Іоаннъ подъ общимъ названіемъ Іудеевъ (которое употреблено въ настоящемъ случаѣ) почти всегда разумѣетъ старѣйшинъ и

[1]) Geyer de luctu hebr. c. b. § 23 sq. Также Grotius et Lightfoot ad Ioh. 9, 20.

начальниковъ Іудейскихъ [1]). Чтобы тѣмъ вѣрнѣе исполнить долгъ любви и дружбы, а вмѣстѣ соблюсти обычай, нѣкоторые изъ Іерусалимскихъ посѣтителей оставались въ домѣ Лазаря на всю печальную седмицу.

О знакомствѣ умершаго съ Іисусомъ могъ знать всякій; но что Іисуса нарочно приглашали къ болящему другу, а равно и о таинственномъ отвѣтѣ Его и медленности на пути, повидимому, не было извѣстно посѣтителямъ: скромность сестеръ Лазаревыхъ не позволяла открывать сихъ обстоятельствъ, кои весьма легко могли быть перетолкованы въ неблагопріятную сторону для Іисуса Христа, для нихъ самихъ и умершаго брата.

Слухъ о Божественномъ Учителѣ и Чудотворцѣ всегда предварялъ приходъ Его. Марѳа (вѣроятно, вышедши изъ дома по нуждамъ домашнимъ, коими она особенно занималась—Лук. 10, 38—42), первая услышала, что Іисусъ приближается къ Виѳаніи; и тотчасъ, не заходя въ домъ, чтобы увѣдомить сестру, поспѣшила на встрѣчу Ему тѣмъ путемъ, по коему надлежало идти Господу. Онъ находился еще внѣ селенія, когда печальная Марѳа пала къ ногамъ Его. При видѣ всемогущаго друга въ душѣ ея невольно, со всею живостію, пробудилась мысль: какъ было бы все иначе, если бы Іисусъ пришелъ въ надлежащее время, то есть, когда Лазарь находился еще въ живыхъ. *Господи, аще бы еси здѣ былъ, не бы братъ мой умерлъ! Но,* продолжала Марѳа, желая исправить мысль свою и показать, что ея вѣра въ Учителя не измѣнилась,—*но и нынѣ вѣмъ, яко елика аще просиши у Бога, дастъ Тебѣ Богъ!*—Оставалось досказать: «и что Ты можешь воскресить брата». Но скромность, по замѣчанію блаженнаго Августина, не позволяла обнаружить сего желанія, ибо откуда, продолжаетъ онъ, знала Марѳа, что брату ея полезно воскреснуть? «Посему-то и сказала просто: знаю, что можешь; если хочешь, сдѣлай, ибо Тебѣ одному извѣстно, должно ли сдѣлать» [2]).

Воскреснетъ братъ твой!—отвѣчалъ Господь, какъ бы въ оправданіе медленности Своего прихода. Величественная простота и спокойствіе, съ коими произнесены слова сіи, должны были вдохнуть надежду въ душу Марѳы, убитую печалію.

[1]) V. Eckermann, Stolcius, Schultessius ad Ioh. 11, 19.
[2]) Tract. in Joh. ad h. I.

Воскрешеніе Лазаря.

Но для ней самое это спокойствіе было безотрадно: съ послѣдними словами ея излился уже, такъ сказать, весь остатокъ ея надежды. Мысль, что Господь такъ просто и такъ внезапно обѣщаетъ ей чудесное воскресеніе брата,—четвородневнаго, смердящаго мертвеца,—была превыше ея воображенія; сердце искало для словъ Учителя обыкновеннаго и ближайшаго смысла, который не требовалъ бы новыхъ усилій вѣры. Смыслъ сей представлялся самъ собою: ибо выраженіе—*воскреснетъ*, употребленное Іисусомъ, у Іудеевъ постоянно означало будущее всеобщее воскресеніе мертвыхъ [1]). На семъ-то воскресеніи остановилась скорбная мысль Марѳы. «Вѣмъ,—отвѣчала она съ нѣкоторымъ прискорбіемъ и какъ бы сухостію,—что воскреснетъ—въ общее воскресеніе, въ послѣдній день».

Явно было, что сердце Марѳы, пораженной скорбію, имѣетъ нужду въ сильномъ движеніи, чтобы возбудиться отъ безнадежности. И Господь началъ вѣщать къ ней тѣмъ возвышеннымъ языкомъ, который приличествовалъ только Сыну Божію, *имѣющему жизнь въ Самомъ Себѣ* и могущему даровать оную, кому и когда угодно.

Азъ есмь, продолжалъ Іисусъ, *воскресеніе и животъ: вѣруяй въ Мя, аще и умретъ (тѣлесно), оживетъ, и всякъ живый и вѣруяй въ Мя, не умретъ во вѣки.* (Ибо смерть тѣлесная, коей подвергаются вѣрующіе, не есть собственно смерть, а только перемѣна бытія худшаго на лучшее). *Емлеши ли вѣру сему?*

Такое требованіе безусловной вѣры заставляло ожидать отъ Требовавшаго чего-то необыкновеннаго. Казалось, Іисусъ Христосъ хотѣлъ внушить, что для Него не нужно никакого условія, дабы получить что-либо отъ Бога (какъ говорила Марѳа),—что Онъ Самъ есть источникъ всѣхъ благъ и всѣхъ даровъ [2]).

Марѳа чувствовала, что ею сказано нѣчто не такъ; видѣла, что Господь не совсѣмъ доволенъ ея словами; не знала, на что именно нужна ея вѣра и чего ей должно ожидать отъ Господа; но напоминаніе о вѣрѣ было чувствительно для сердца нѣжнаго; имъ предполагалось въ ней сомнѣніе о достоинствѣ Учителя, которое она почла бы для

[1]) V. Kuindl Comment. in Joh. 11.
[2]) См. Ѳеофил. толк. на Іоан.

себя величайшимъ несчастіемъ. Это какъ бы пробудило ее. «Ей, Господи, воскликнула она, я всегда вѣрила и теперь вѣрую, что Ты Христосъ, Коему надлежало придти для спасенія міра!»

Справедливо замѣчено еще отцами Церкви, что послѣ исповѣданія Іисуса Сыномъ Бога живаго (Мессіею), которое произнесъ нѣкогда Петръ, еще никто не исповѣдывалъ Его съ такою силою обѣтованнымъ Мессіею и Спасителемъ міра, какъ дѣлаетъ теперь Марѳа. Но, не смотря на живость и искренность ея вѣры, мысль о воскресеніи брата, которую именно хотѣлъ возбудить въ ней Господь, и теперь осталась для нея чуждою [1]). Она могла ожидать отъ Господа всего,—только не возвращенія своей потери, которую почитала невознаградимою. Таково свойство тѣхъ, кои долгое время колебались между надеждою и страхомъ, и наконецъ предались печали: истощенное сердце становится безчувственнымъ; какъ прежде, когда оно еще могло надѣяться, все ободряло и питало его, въ чемъ человѣкъ съ холоднымъ размышленіемъ не нашелъ бы для себя никакого ободренія: такъ послѣ ничто не можетъ его воодушевить. Посему не должно удивляться, если Марѳа какъ бы противорѣчитъ самой себѣ; и начавъ вѣрою, когда Іисусъ Христосъ еще не подалъ признака надежды, потомъ, не смотря на явные намеки на предстоящее чудо, представляется безутѣшною и непонимающею. Сердцу, пораженному скорбію, таковыя противорѣчія весьма естественны: и въ Марѳѣ вѣрующей, колеблющейся, недоумѣвающей, видимъ изображеніе всѣхъ страдальцевъ. Впрочемъ, и послѣднія слова Господа, при всей ихъ разительности и способности возбудить надежду на воскресеніе Лазаря, заключали въ себѣ довольно темноты, чтобы служить испытаніемъ вѣры. Для безутѣшной Марѳы могло казаться, что Учитель преподаетъ ей наставленіе о томъ, что всякому вѣрующему въ Него не должно заботиться о земномъ и временномъ, ниже о самой жизни и смерти, потому что его ожидаетъ блаженство вѣчное, предъ которымъ временныя потери и страданія ничего не значатъ.

Господь не сказалъ ничего на слова Марѳы, хотя разговоръ казался еще не оконченнымъ. Смущенная Марѳа не

[1]) И св. Златоустъ и Евѳимій полагали, что Марѳа не поняла словъ Іисуса Христа, какъ должно. Толк. на Іоан.

могла не почувствовать, что гораздо лучше было бы, если бы при ней находилась сестра ея, которая, чаще ея бесѣдуя съ Господомъ, привыкла понимать Его возвышенныя бесѣды. Тѣмъ пріятнѣе было, когда Учитель, какъ бы желая вывести ее изъ замѣшательства, велѣлъ идти домой и пригласить Марію. Самъ Онъ не пошелъ въ домъ ихъ, какъ всего ближе думать, потому, что иначе надлежало бы снова возвращаться на гробъ Лазаря, который, по обыкновенію Іудеевъ, находился внѣ селенія. Но Марѳѣ между прочимъ представилось, что Ему неугодно обращаться въ многочисленномъ собраніи Іудеевъ, находившемся съ Маріею. Посему, пришедши домой, она тайно отъ гостей сказала сестрѣ, что Учитель (такъ называли онѣ своего Божественнаго друга, Который всегда поучалъ ихъ чему-нибудь) здѣсь и зоветъ ее.

Марія немедленно послѣдовала за сестрою, не сказавъ никому, куда она идетъ и зачѣмъ.

Іисусъ оставался на томъ же мѣстѣ, гдѣ срѣтила его Марѳа, отдыхая отъ пути и занимаясь бесѣдою съ учениками.

Первая мысль, возбудившаяся въ Маріи при взглядѣ на своего Учителя, была та же самая, которая обнаружена Марѳою. «Ахъ, Господи!—воскликнула она, павши къ стопамъ Его,—если бы Ты былъ здѣсь, братъ нашъ не умеръ бы!» Въ семъ восклицаніи выражалась вся полнота ея чувствованій—и прежняя надежда, и настоящая безутѣшность. и любовь къ брату, навсегда потерянному, и уваженіе къ Учителю, нечаянно явившемуся. Болѣе ничего не могла она сказать: однѣ слезы свидѣтельствовали о томъ, что̀ происходило въ ея сердцѣ!...

Іисусъ Христосъ еще не началъ Своей бесѣды съ Маріею, какъ явилось предъ нимъ все печальное общество Іудеевъ, находившихся въ домѣ Лазаря. Какъ скоро Марія, по первому знаку сестры, оставила ихъ, имъ пришло на мысль, что она пошла на гробъ брата, дабы тамъ снова предаться слезамъ [1]). Не идти за нею казалось неблагопристойностію. Но, вышедъ изъ селенія, они, къ удивленію своему, нашли ее у ногъ Іисуса. Взглядъ на первое свиданіе друзей и знакомыхъ послѣ того, какъ одни изъ нихъ потерпѣли какую-либо великую потерю, всегда имѣетъ въ себѣ нѣчто трога-

[1]) Въ древности любили оплакивать мертвыхъ на ихъ могилахъ. Geyer. de luct. Hebr. 7. § 26. p. 121. Rosenmuller Altes und Neues Morgenland. B. 5. p. 258.

тельное. Величіе Іисуса, о Коемъ всѣ думали, что Онъ повелѣваетъ природою,—слабость и безпомощность осиротѣвшихъ сестеръ, кои, обливаясь слезами, искали у ногъ Его утѣшенія, еще болѣе усугубляли сію трогательность. Изъ Іудеевъ многіе не могли удержаться отъ слезъ; другихъ побуждало къ тому уже самое приличіе: всѣ молчали и всѣ плакали!

Любвеобильное сердце Іисуса всегда было исполнено сострадательности къ страждущимъ. Мы увидимъ, что одинъ взглядъ на Іерусалимъ, одно представленіе бѣдствій, имѣющихъ отяготѣть надъ его жителями, будутъ для Него причиною слезъ. Теперь все располагало къ скорби,—и мысль о бренности естества человѣческаго, и воображеніе друга, который лежитъ бездыханнымъ во гробѣ, и видъ плачущихъ сестеръ, кои ожидали, но еще не получили отъ Него помощи.—Между тѣмъ невниманіе къ словамъ Іисуса Христа, коими Онъ хотѣлъ возбудить вѣру, злонамѣренность нѣкоторыхъ изъ Іудеевъ, имѣвшихъ быть свидѣтелями величайшаго изъ чудесъ, Имъ совершенныхъ, самый недостатокъ вѣры въ друзьяхъ Своихъ, когда она особенно была необходима,—невольно возбуждали горестное чувство... *Огорчися духомъ и возмутися* [1]). «Гдѣ вы положили его?» [2])—сказалъ Онъ наконецъ тономъ, который показывалъ, что говорящій гораздо болѣе чувствуетъ, нежели говоритъ.

«Господи, поди и посмотри», отвѣчала одна изъ сестеръ. Въ настоящемъ положеніи и то уже казалось утѣшеніемъ, чтобы вмѣстѣ съ Учителемъ и другомъ посѣтить гробъ брата. Новые потоки слезъ показывали, какъ нужно теперь утѣшеніе.

Такое положеніе сестеръ могло тронуть всякаго. Могъ ли не тронуться имъ Іисусъ?—Совершенная увѣренность, что Лазарь скоро будетъ Имъ воскрешенъ и слезы плачущихъ друзей будутъ отерты и перемѣнены на радость, не препятствовала отдать долгъ природѣ человѣческой. Сердце истинно-человѣколюбивое не можетъ не скорбѣть съ страждущимъ, хотя готовитъ ему полную отраду. Самая радость,

---

[1]) Іоан. 11, 33. Conf. Chrysostomus, Euthymius, Cyrillus, Augustinus, Theophylactus.

[2]) Ты зналъ, вопрошаетъ при семъ блаж. Августинъ, что Лазарь умеръ, и не знаешь, гдѣ погребенъ! — и присовокупляетъ, что Богочеловѣкъ зналъ, гдѣ погребенъ Лазарь, но, обращаясь съ человѣками, поступалъ по человѣчески. Tract. 49 in Johan.

особенно, если она слѣдуетъ за огорченіемъ и какъ бы борется въ душѣ съ печалію, любитъ выражаться въ слезахъ. Іосифъ, плачущій при свиданіи съ братьями, служитъ сему трогательнымъ примѣромъ [1]).

Прослезися Іисусъ!... «Смотри, какъ Онъ любитъ его», говорили между собою Іудеи, идя въ слѣдъ за Іисусомъ. Слезы Его для нихъ были нѣчто необыкновенное: между тѣмъ какъ во всякомъ другомъ недостатокъ ихъ показался бы теперь необыкновеннымъ. Если такой великій Пророкъ, думали,—Который не печется ни о чемъ земномъ, не возмущается ничѣмъ плотскимъ, весь живетъ въ Богѣ, если Онъ плачетъ: то предметъ, Имъ оплакиваемый, долженъ быть крайне дорогъ Его сердцу. Но,—шептали другіе, вѣроятно, не совсѣмъ расположенные къ Іисусу,—Тотъ, Кто отверзъ очи слѣпому, не могъ ли сдѣлать, чтобы другъ Его не умеръ? Если не хотѣлъ, зачѣмъ теперь такъ скорбитъ? Если же хотѣлъ, для чего не спѣшилъ на помощь? Больного можетъ исцѣлить каждый врачъ; а возвратить зрѣніе слѣпорожденному никто не можетъ. Что же сталось съ Его чудотворною силою? Ужели ея нѣтъ для одной дружбы?—Такой языкъ свидѣтельствовалъ, что сіи люди едва ли не сомнѣвались и въ чудесномъ исцѣленіи слѣпорожденнаго, и припоминали о немъ единственно для того, чтобы имѣть теперь возраженіе противъ чудодѣйственной силы Іисуса Христа.

Для Господа, Коего сердце весьма болѣзновало уже о печальномъ положеніи друзей Своихъ, такое невѣріе Іудеевъ было тѣмъ чувствительнѣе. Слезы не струились болѣе изъ очей Его, но изъ взоровъ и движенія обнаруживалось, что душа Его сильно страдаетъ [2]).

Пришли на гробъ. Это была изсѣченная въ скалѣ пещера, коея устье заваливалось камнемъ, чтобы погребаемыя тѣла не сдѣлались добычею плотоядныхъ звѣрей. Таковы были гробы всѣхъ богатыхъ людей въ Палестинѣ [3]). Почва земли, усѣянной небольшими каменными скалами, благопріятствовала сему обычаю; а примѣръ Авраама и другихъ

[1]) Христосъ, пишетъ Августинъ, плакалъ, дабы человѣкъ заплакалъ о себѣ; ибо, для чего иного плакалъ Христосъ, какъ не для того, чтобы научить человѣка плакать! — Tract. 49 in Johan.

[2]) Опять скорбя внутренно (Ενεβριμωμένος).

[3]) Nicol. de sepulcr. Hebr. 3. 10. 11. Conf. Lampius et Woltiun ad h. l.

праотцевъ, кои всѣ погребены были въ подобныхъ пещерахъ, располагалъ поддерживать его во всей силѣ.

Никто не ожидалъ прямо чуда. Думали, вѣроятно, что Іисусъ хочетъ только видѣть мѣсто, гдѣ лежатъ бездыханные останки друга, отдать ему послѣднюю дань слезами и потомъ преподать утѣшеніе сестрамъ. Тѣмъ удивительнѣе было, когда Онъ велѣлъ отвалить, заграждавшій входъ, тотъ камень, который, вслѣдствіе обычая, содѣлавшагося почти закономъ, почитался неприкосновеннымъ и былъ отваливаемъ только въ случаѣ особенной необходимости [1]). Для внимательной Маріи и подобныхъ ей такое повелѣніе могло служить предвѣстіемъ чего-либо чудеснаго; но заботливой Маѳѣ, которая привыкла смотрѣть на вещи проще, отваленіе камня показалось даже неумѣстнымъ [2]); она почла нужнымъ предварить Учителя, что исполненіе Его приказанія соединено съ непріятностію: «Господи, уже смердитъ; ибо четыре дня, какъ онъ во гробѣ!»

Это было послѣднее усиліе маловѣрія. *Не рѣхъ ли ти*, отвѣчалъ Господь, *яко аще вѣруеши, узриши славу Божію!*

Камень тотчасъ отвалили. Стоявшіе ближе къ устью пещеры уже могли видѣть обвитый погребальными пеленами трупъ, который начиналъ предаваться тлѣнію. Но взоры всѣхъ болѣе устремлены были на Іисуса: каждому хотѣлось знать, что Онъ будетъ дѣлать; ибо не напрасно, думали, заставилъ Онъ отвалить камень.

Въ положеніи, подобномъ настоящему, Самъ Іисусъ еще никогда не находился. Весьма часто совершая чудеса, Онъ совершалъ ихъ, такъ сказать, между дѣломъ, то есть, проповѣдію о спасеніи человѣческомъ. Чѣмъ они бывали разительнѣе, тѣмъ менѣе искалъ Онъ свидѣтелей и даже запрещалъ иногда повѣдать о нихъ. Теперь надлежало совершить самое великое чудо и совершить—всенародно! Обстоятельства служенія Его требовали именно подобнаго чуда и знаменія. Ибо благотворное впечатлѣніе въ умѣ народа отъ прежнихъ чудесъ Іисусовыхъ, совершенныхъ въ Іерусалимѣ (въ коемъ Онъ, впрочемъ, гораздо менѣе творилъ ихъ, нежели въ Галилеѣ), могло ослабѣть частію отъ продолженія времени, а еще болѣе отъ злонамѣренныхъ тол-

[1]) V. Lampii comment. in Johan.
[2]) См. Злат. и Ѳеоф. толк. на Іоанна.

ковъ фарисейскихъ. Съ другой стороны, для друзей и почитателей Іисусовыхъ предстояло теперь самое великое искушеніе—въ Его страданіяхъ и смерти, отъ коего неукрѣпленная вѣра могла пасть. Надлежало посему новымъ рѣшительнымъ чудомъ оживить въ умѣ народа память о прежнихъ знаменіяхъ и даровать ученикамъ и послѣдователямъ Своимъ твердую опору вѣры и залогъ надежды. Настоящее время, мѣсто и другія обстоятельства совершенно благопріятствовали сему. Никогда чудо не могло произвесть бо́льшаго впечатлѣнія, какъ теперь, будучи совершено близъ Іерусалима, въ присутствіи многихъ изъ его жителей,—предъ праздникомъ Пасхи, когда святой градъ наполненъ былъ Іудеями со всего свѣта, и слѣдовательно все, въ немъ случившееся, могло вскорѣ содѣлаться извѣстнымъ всюду, гдѣ только были Іудеи.

Возведъ очи къ небу,—туда, гдѣ всегда было сердце Его,—*Отче*, сказалъ Богочеловѣкъ, *благодарю Тя, яко услышалъ еси Мя* [1]); *Азъ же вѣдяхъ, яко всегда Мя послушаеши; но народа ради, стоящаго окрестъ, рѣхъ, да вѣру имутъ, яко Ты Мя послалъ еси* [2]).

Сказавъ сіе, Іисусъ воззвалъ гласомъ веліимъ: *Лазаре, гряди вонъ* [3])!

При семъ гласѣ четвородневный мертвецъ тотчасъ всталъ и вышелъ изъ гроба—въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ положили его во гробъ,—съ лицемъ, обвязаннымъ убрусомъ, по рукамъ и ногамъ обвитый погребальными пеленами. Сила, разрѣшившая узы смерти, разрѣшила дѣйствіе и сихъ преградъ [4]). Господь повелѣлъ однако же снять пелены и развязать лице.

Столь внезапное, чрезвычайное чудо должно было произвести не удивленіе токмо, но и ужасъ. Предъ очами всѣхъ стоялъ живымъ тотъ, кто за мгновеніе предъ тѣмъ находился въ другомъ мірѣ, коего самые ближніе не прежде надѣялись увидѣть, какъ въ послѣдній день на всемірномъ судѣ! Можно ли было смотрѣть на Лазаря и не вѣровать

[1]) Успѣхъ молитвы столь былъ несомнителенъ, какъ бы уже она исполнилась на самомъ дѣлѣ.

[2]) Дабы снова не начали говорить фарисеи, что Я совершаю чудеса не Твоею силою, что Я не Твой посланникъ.

[3]) «Царское, достойное Бога, повелѣніе!» Cyrill. in Johan.

[4]) Мертвый оживаетъ, связанный ходитъ, чудо къ чуду; ноги, связанныя пеленами, не препятствуютъ движенію! Bas. B. de gratiarum actione.

въ Іисуса?—Многіе изъ Іудеевъ, тутъ находившихся, дѣйствительно увѣровали въ Него. Но были и такіе, кои самымъ опытомъ доказали истину словъ Спасителя: *аще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ вѣры.* Вмѣсто того, чтобы остаться долѣе въ домѣ Лазаря, раздѣлить общую радость и насладиться бесѣдою и лицезрѣніемъ Сына Божія, погибельные люди сіи поспѣшили въ Іерусалимъ, дабы увѣдомить скорѣе первосвященниковъ и книжниковъ о томъ, что̀ случилось въ Виѳаніи [1]). Такимъ образомъ величайшее изъ чудесъ и слѣдовательно священнѣйшее изъ дѣйствій Богочеловѣка для сихъ людей съ *сожженною* совѣстію послужило, можетъ быть, случаемъ высказать приверженность свою къ какому-либо знатному фарисею!

Здѣсь какъ бы прерывается нить повѣствованія Іоаннова. Онъ не сказываетъ ничего болѣе ни о первыхъ чувствахъ и выраженіяхъ воскрешеннаго Лазаря, ни о радости и восторгахъ сестеръ его; умалчиваетъ даже о томъ, чѣмъ кончилось сіе трогательное зрѣлище и былъ ли Іисусъ въ домѣ Лазаря: уже—по соображенію находимъ, что Господь съ учениками Своими, скоро оставивъ Виѳанію, удалился въ одинъ изъ смежныхъ уединенныхъ городковъ.—Краткость удивительная!—Тамъ, гдѣ писатель, водящійся собственнымъ воображеніемъ, далъ бы ему всю волю, почелъ бы за долгъ показать, что онъ умѣетъ понимать великое, трогаться дивнымъ и сообщать свои чувствованія другимъ,—тамъ писатель, движимый Духомъ Божіимъ, *глаголющій не въ наученныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ* (1 Кор. 2, 13), молчитъ, не заботясь о томъ, что его разсказъ можетъ показаться неполнымъ. Между тѣмъ онъ полонъ, цѣль достижена, предсказаніе Іисуса исполнилось, въ воскрешеніи Лазаря открылась Его Божественная слава; сего довольно: остающіяся за симъ подробности, при всей занимательности ихъ для ума и воображенія, ничего не значили въ очахъ писателя, коего цѣлію было, дабы читающіе вѣровали, яко

[1]) Нѣкоторые (Origenus, Heumanus, Semlerus, Hesenius) полагали, что эти люди не имѣли злого намѣренія, и хотѣли только или обличить фарисеевъ, враждовавшихъ на Іисуса, или посовѣтоваться съ ними, можно ли послѣ сего чуда не вѣрить въ истину Его ученія. Но a) Евангелистъ явно противополагаетъ сихъ людей увѣровавшимъ въ Господа; b) идти къ явнымъ врагамъ Іисуса за совѣтомъ, должно ли вѣровать въ Него, значитъ — не хотѣть вѣровать, c) предполагаемое намѣреніе—обличить фарисеевъ, слишкомъ произвольно и неумѣстно.

Іисусъ есть Сынъ Божій, и, вѣруя, наслѣдовали во имя Его жизнь вѣчную (Іоан. 20, 31).

Изъ трехъ прочихъ Евангелистовъ ни одинъ не упоминаетъ о воскрешеніи Лазаря. Причина сего открывается сама собою, коль скоро обращаемъ вниманіе на свойство и цѣль ихъ повѣствованія. Изъ всего видно, что Евангелисты не имѣли намѣренія описывать всѣхъ дѣяній Іисуса Христа [1]): каждый, сообразно своей частной цѣли (главная цѣль—произвести вѣру въ Іисуса Христа—была у всѣхъ одна), избиралъ извѣстныя дѣянія и бесѣды Его; оттого находимъ, что у Евангелистовъ есть сказанія, имъ всѣмъ общія, и у каждаго есть нѣчто такое, чего нѣтъ у другихъ. Въ частности, Матѳей, Маркъ и Лука, какъ видно изъ ихъ Евангелій, занимались болѣе описаніемъ тѣхъ дѣяній Іисуса Христа, кои совершены Имъ въ Галилеѣ; о послѣднихъ событіяхъ—отъ праздника Кущей до послѣдней Пасхи—они почти ничего не говорятъ. Напротивъ, св. Іоаннъ повѣствуетъ болѣе о томъ, что̀ Іисусъ Христосъ совершалъ въ Іудеѣ, и особенно о томъ, что̀ происходило отъ праздника Кущей до послѣдней Пасхи. Посему, какъ прочимъ Евангелистамъ весьма удобно было не упомянуть о воскресеніи Лазаря, такъ св. Іоанну нельзя было умолчать о немъ. Для показанія, что Іисусъ Христосъ воскрешалъ мертвыхъ, могли служить другія чудеса, совершенныя Имъ въ Галилеѣ: какъ то и дѣйствительно—у св. Матѳея (9, 18) и Марка (5, 42) описано воскрешеніе дочери Іаировой, а у св. Луки—воскрешеніе юноши Наинскаго (8, 41). Іоаннъ, напротивъ, имѣя болѣе въ виду Іудею, уже не упоминаетъ о сихъ чудесахъ, довольствуясь воскресеніемъ Лазаря, которое онъ потому излагаетъ съ особенною подробностію.

Довольно правдоподобна также мысль нѣкоторыхъ [2]), что Лазарь находился еще въ живыхъ, когда первые три Евангелиста описывали дѣянія Іисуса Христа, и что посему упомянуть о его воскрешеніи значило бы подвергнуть его новымъ гоненіямъ со стороны Іудеевъ, кои и безъ того хотѣли его умертвить. А св. Іоаннъ, какъ извѣстно, писалъ

[1]) Іоаннъ прямо говоритъ, что онъ описалъ въ своемъ Евангеліи только нѣкоторыя изъ дѣяній Іисуса Христа, и что если бы описывать ихъ всѣ, то цѣлый міръ не вмѣстилъ бы написанныхъ книгъ. Іоан. 20, 30. 31; 21, 25.

[2]) Grotius in Comment. in Joh. Lilienthalius die gute Sache der Offenbarung Th. 10 p 842.

Евангеліе свое весьма поздно, когда Лазаря, какъ должно полагать, не было уже въ живыхъ,—и, слѣдовательно, не было причины къ подобнымъ опасеніямъ [1]).

Присовокупимъ нѣчто изъ древнихъ преданій къ сказанію Евангельскому. Лазарю было около 30 лѣтъ, когда онъ воскрешенъ изъ мертвыхъ, и столько же почти лѣтъ прожилъ онъ послѣ сего. По воскрешеніи своемъ, онъ будто вопросилъ Господа: должно ли ему будетъ умереть въ другой разъ? Образъ жизни и поступковъ воскресшаго Лазаря былъ такъ строгъ, что никто не видѣлъ на лицѣ его улыбки: много вмѣстѣ съ сестрами своими онъ содѣйствовалъ къ распространенію вѣры христіанской и скончался епископомъ Массилійскимъ, на островѣ Кипрѣ [2]).

На первосвященниковъ и фарисеевъ извѣстіе о новомъ виѳанскомъ чудѣ Іисуса Христа произвело такое же дѣйствіе, какое испыталъ Иродъ при ужасномъ для него слухѣ о рожденіи царя Іудейскаго. Честолюбіе ихъ давно не предвидѣло для себя отъ новаго Чудотворца ничего, кромѣ опасностей; но воскрешеніе Лазаря казалось имъ объявленіемъ открытой войны. Въ смущеніи и нерѣшимости немедленно собранъ верховный совѣтъ (Іоан. 11, 47), не съ тѣмъ, чтобы разсуждать о божественности новаго чуда (Анна, Каіафа и имъ подобные едва ли вѣрили чудесамъ, а если и вѣрили, то давно предположили, что чудеса Іисуса не отъ Бога), но чтобы съ общаго согласія опредѣлить, какъ удобнѣе остановить Его успѣхи, предотвратить дальнѣйшее дѣйствіе ихъ на народъ и такимъ образомъ спасти свою власть и выгоды. Анна съ Каіафою, въ рукахъ коихъ была вся сила, конечно, предварительно были увѣрены, что собраніе не сдѣлаетъ ничего больше, какъ только послѣдуетъ ихъ мнѣнію; они могли бы привести въ дѣйство противъ Іисуса собственныя свои средства, не опасаясь отвѣтственности предъ своими сочленами;—но имъ хотѣлось въ такомъ опасномъ дѣлѣ, которое могло вести къ народному возмущенію, дѣйствовать отъ имени всего синедріона, имѣть на своей сторонѣ общій голосъ: обыкновенная хитрость людей, кои не хотятъ обнаружить своего самовластія. хотя

[1]) Schultessius die Gewissheit der Schrifterklarung, erprobt an d. Evang. Erzählung von der Wiederbelebung des Lazarus. 1808, p. 127.

[2]) Conf. Cornel. a Lapid. ad Johan. 11.

тайно все направляютъ къ своимъ цѣлямъ, даже своихъ противниковъ.

Мы замѣтили, что въ синедріонѣ съ самаго начала, въ отношеніи къ Іисусу Христу, было два мнѣнія: значительнѣйшая часть членовъ, состоя изъ фарисеевъ, саддукеевъ и книжниковъ, явно враждовали противъ Него; другая, гораздо меньшая, но самая лучшая по своимъ добродѣтелямъ, замѣтно благопріятствовала Ему. Теперь, когда разсужденіямъ касательно Его надлежало принять тонъ болѣе рѣшительный и окончательный; когда дѣло начинало идти уже не только о Его ученіи, но о Его жизни и смерти,—разногласіе членовъ должно было обнаружиться въ самой высшей степени. Такъ дѣйствительно и было, какъ видно по ходу дѣла, хотя Евангелистъ Іоаннъ, по краткости своей. и не говоритъ о семъ прямо и подробно...

Голоса враговъ Іисусовыхъ, по самой многочисленности ихъ, естественно были громче и сильнѣе въ синедріонѣ. Чтобы достигнуть своей цѣли—склонить собраніе къ мѣрамъ насильственнымъ, старались, какъ можно сильнѣе, изобразить мнимую опасность положенія, въ коемъ будто бы находилось отечество и синедріонъ (Іоан. 11, 48). Для сего охотно признавались въ томъ, что̀ въ другое время было бы нестерпимымъ униженіемъ для гордости фарисейской, то есть, что бо̀льшая часть народа явно или тайно благопріятствуетъ новому Пророку и Чудотворцу Галилейскому, и что мѣры, доселѣ противъ Него употребляемыя, не принесли никакого успѣха (Іоан. 11, 47—50). Будущее изображали въ чертахъ, еще ужаснѣйшихъ. «Не явно ли,—разсуждали съ видомъ безпристрастія,—что гробъ Лазаря угрожаетъ гибелію отечеству?—Столь необыкновенное чудо, совершенное въ такой близости отъ Іерусалима, предъ самымъ праздникомъ Пасхи, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, безъ сомнѣнія, совершено не безъ цѣли; оно—и вотъ тайная цѣль его!—должно оказать чрезвычайное дѣйствіе на весь народъ; теперь и не слѣпой скажетъ: если бы Онъ не былъ отъ Бога, то не могъ бы творить такихъ чудесъ (Іоан. 9, 33); толпа за толпою, всѣ перейдутъ на сторону Чудотворца; синедріонъ останется съ пустыми знаками власти, которая будетъ находиться въ рукахъ Галилеянина, и главы народа Божія должны будутъ ожидать

милости и призрѣнія отъ рыбарей Геннисаретскихъ!.. Но собственно наше бѣдствіе не ужасаетъ насъ; что̀ будетъ съ отечествомъ?—Признанный за Мессію, Онъ, сообразуясь съ желаніями народа, долженъ будетъ объявить войну Римлянамъ; да хотя бы и не объявлялъ, повелители свѣта не унесутъ орловъ своихъ, не растерзавъ ихъ когтями всей Іудеи. Что̀ же принесетъ война сія, которая будетъ сто́ить послѣднихъ усилій для народа, и безъ того истощеннаго?—Врагамъ нашимъ—новыя побѣды; намъ—новыя пораженія и оковы. Народъ Іудейскій слишкомъ слабъ, слишкомъ неприготовленъ, чтобы могъ спорить о побѣдѣ съ легіонами кесаря; новый вождь слишкомъ духовенъ и удаленъ отъ земныхъ дѣлъ, чтобы Его духъ или мужество могли замѣнить недостатокъ дѣйствительной силы. Раздраженные побѣдители свѣта отнимутъ у насъ и послѣднія права, обратятъ въ развалины все, что̀ теперь есть лучшаго—храмъ и городъ, отягчатъ иго, которое и безъ того заставляетъ насъ преклоняться до земли;—и имя Іудеи можетъ навсегда изгладиться изъ списка народовъ (Іоан. 11, 46—53)».

Слыша такія сужденія, можно было подумать, что это—отцы отечества, кои, забывъ собственныя выгоды, пекутся единственно о благосостояніи народа.—Всего менѣе!—Римъ и отечество были только на языкѣ, а въ сердцѣ—личная ненависть къ Іисусу за Его обличенія (Матѳ. 15, 14), опасеніе потерять свои выгоды и права при новомъ порядкѣ вещей (Матѳ. 21, 38), нежеланіе разстаться съ своими нечистыми мечтами о Мессіи,—кои видимо не приходились къ Божественному лицу Іисуса,—привычка управлять обстоятельствами, а не подчиняться имъ. Кто зналъ истинное положеніе дѣлъ, тому патріотическія сужденія враговъ Іисусовыхъ, по необходимости, казались жалкими и неосновательными. Во-первыхъ, Іисусъ Христосъ никогда не обнаруживалъ намѣренія быть земнымъ царемъ; Онъ постоянно избѣгалъ всѣхъ случаевъ, въ коихъ народъ хотѣлъ воздать Ему царскія почести (Іоан. 6, 15). По отношенію къ Римлянамъ, Онъ всегда и словами и примѣромъ располагалъ къ безропотному повиновенію существующимъ властямъ: дань кесарю, коею столько тяготились мнимые патріоты Іудейскіе, была, по Его ученію, дань должная, вовсе непротивозаконная (Матѳ. 17, 24; Злат. Бесѣд. на Іоан. 64).

Слѣдственно опасеніе войны съ Римлянами отъ лица Іисуса Христа было совершенно напрасно. Между тѣмъ, что ложно приписывали Ему, въ томъ именно были виновны враги Его сами: мысль свергнуть иго Римлянъ, возвратить независимость народа, или точнѣе, синедріона, была любимою мыслію вельможъ Іудейскихъ [1]). Если бы новый Чудотворецъ былъ снисходителенъ къ ихъ порокамъ, сообразовался въ ученіи Своемъ съ предразсудками фарисеевъ, не уклонялся отъ дружелюбнаго общенія съ первосвященниками,— далъ явственно выразумѣть, что Его будущее величіе будетъ весьма полезно синедріону, то утвердительно можно сказать, что опасеніе Римлянъ не удержало бы никого изъ тѣхъ, кои теперь всего страшились,—что бо̀льшая часть вельможъ не умедлила бы объявить себя на сторонѣ Іисуса, какъ Мессіи, что, вѣроятно, самъ Анна съ Каіафою съ радостію воспользовались бы случаемъ—отъ имени человѣка, пріобрѣвшаго любовь народную, прославившагося чудесами,— объявить войну преторіи Пилатовой!?...

Признаніе, напротивъ, Іисуса Христа за Мессію, — и только оно одно—могло избавить, какъ замѣчалъ Самъ Богочеловѣкъ (Лук. 19, 41—44), народъ Іудейскій отъ тѣхъ бѣдствій, кои угрожали ему со всѣхъ сторонъ. При семъ надлежало бы только разсѣяться мечтамъ о земномъ, всемірномъ владычествѣ Мессіи; но сіи-то мечты, по свидѣтельству исторіи, и довели до погибели Іудею, побудивъ ее безразсудно возстать на Римлянъ. Надлежало только потерять силу нелѣпымъ преданіямъ фарисеевъ, прекратиться пустымъ спорамъ книжниковъ, окончиться безполезнымъ хитросплетеніямъ совопросниковъ; но отъ сихъ-то золъ и страдала вѣра, нравственность, гражданство; отсюда и брали начало всѣ кровавыя явленія, коими такъ богата исторія народа Іудейскаго предъ его паденіемъ. Надлежало, наконецъ, съ признаніемъ Іисуса за Мессію выйти изъ забвенія древней чистотѣ и простотѣ нравовъ, придти въ силу истинной набожности, религіи очиститься отъ суевѣрія, законамъ освободиться отъ пристрастныхъ толковъ, умамъ получить лучшее направленіе, сердцамъ ознакомиться съ истинною любовію къ Богу и ближнимъ; но въ сей-то благотворной перемѣнѣ

[1]) V. Kuinol. Comment. ad Math. 14, 2. Johan. 1, 19. sqq.

и состояло бы духовно-нравственное возрожденіе народа Іудейскаго, то изведеніе его изъ гроба, которое предвидѣлъ нѣкогда пророкъ (Іезек. 37). Къ сожалѣнію, все сіе сокрыто было отъ очей лжеучителей Іерусалимскихъ (Лук. 19, 42). Они опасались, по замѣчанію блаженнаго Августина, потерять временное, ни мало не думая о вѣчномъ, и потому потеряли то и другое [1]). Не будучи способны вникнуть въ высокую цѣль дѣйствій Іисуса Христа, восчувствовать и оцѣнить превосходство Его характера и чистоту ученія, понять простоту и вмѣстѣ дѣйствительность средствъ, коими Онъ хотѣлъ доставить, между прочимъ, земному отечеству Своему счастіе и земное, ожидаемое отъ Мессіи, — они судили о Немъ и дѣлахъ Его превратно, поверхностно, злонамѣренно. Имѣя сами нечистые виды, никогда не дѣйствуя безкорыстно, — для общаго блага, думали, что и всѣ дѣйствуютъ, подобно имъ, ищутъ только своихъ выгодъ. При такомъ образѣ мыслей, удаленіе и, въ случаѣ неуспѣха, въ томъ, смерть Іисуса Христа представлялись вельможамъ Іудейскимъ необходимымъ средствомъ избавить себя и отечество отъ мнимыхъ опасностей: всякая другая мѣра казалась слабою, невѣрною, а посему неблагоразумною (Іоан. 11, 53; Злат. Бес. на Іоан. 64, 63).

Благомыслящіе члены, расположенные къ Іисусу Христу, вѣроятно, должны были щадить покровъ лицемѣрія, принявшаго теперь видъ любви къ отечеству: сорвать его явно значило бы вооружить на себя все полчище Каіафино. Оставалось, не касаясь источника мнѣній и опасеній противниковъ, предполагая ихъ даже происходящими изъ любви къ отечеству,—сражаться тѣмъ же самымъ оружіемъ, показывая, что ихъ основанія не тверды, заключенія не вѣрны. Негодованіе первосвященника противъ членовъ разномыслящихъ, которое мы скоро увидимъ, не оставляетъ никакого сомнѣнія, что въ защищеніе Іисуса Христа говорено было теперь не мало (Іоан. 11, 49). И чего нельзя было сказать въ защищеніе Того, въ Комъ не было и тѣни грѣха?—Между тѣмъ, какъ зловѣщіе книжники опасенія свои по необходимости основывали на однѣхъ выдумкахъ, друзья истины имѣли право ссылаться на дѣла и событія неоспоримыя. Въ опроверженіе

[1]) Tract. in Johan.

нечистыхъ видовъ, приписываемыхъ Іисусу Христу, могли указывать на божественную чистоту Его нравовъ, на Его высочайшую любовь къ человѣчеству, на образъ Его жизни, въ коемъ невозможно было замѣтить ничего предосудительнаго. Именемъ человѣчества могли требовать, чтобы не осуждали Праведника, не разсмотрѣвъ безпристрастно, виновенъ ли Онъ въ томъ, въ чемъ Его подозрѣваютъ (Іоан. 7, 51); именемъ того же самаго отечества могли умолять не спѣшить осужденіемъ Лица, Которое имѣетъ на Себѣ столько признаковъ Мессіи, въ Коемъ бо́льшая часть народа находитъ для себя величайшее утѣшеніе и назиданіе. Могли выставлять опасность заблужденія въ томъ случаѣ, если будетъ отвергнутъ истинный Мессія (Дѣян. 5, 39); могли даже напоминать о дѣйствованіи по совѣсти, которая, безъ сомнѣнія, каждому члену или говорила, или готова была сказать, что онъ дѣйствуетъ неправильно, если дѣйствуетъ противъ Іисуса.

Всѣ таковыя внушенія проистекали сами собою изъ любви къ справедливости, изъ уваженія къ законамъ Божескимъ и человѣческимъ; а посему предлагавшимъ ихъ не было нужды опасаться упрека, что ихъ такъ заставляетъ говорить пристрастіе къ Іисусу, которое въ настоящихъ обстоятельствахъ было бы врагами Его сочтено за измѣну отечеству. Но сія-то самая правота и безстрастіе одному изъ первосвященниковъ, предсѣдательствовавшихъ въ собраніи, показались недальновидностію, грубою простотою, приличною простолюдинамъ, а не членамъ синедріона. Дѣло Іисуса, по его мнѣнію, было дѣломъ не совѣсти и справедливости, а общественнаго порядка, при чемъ должно было смотрѣть не на что другое, а только на общественную пользу или вредъ. «Вы, — вскричалъ онъ какъ бы въ нѣкоторомъ изступленіи, — ничего не понимаете! Къ чему сіи человѣколюбивыя умствованія? Такая правдивость и чувствительность?—Пусть Онъ будетъ совершенно невиненъ и праведенъ; но Его жизнь, какъ видите, несовмѣстна съ благоденствіемъ общественнымъ; и Онъ долженъ погибнуть! — Это жертва необходимости: ибо *уне есть, да одинъ человѣкъ умретъ за люди, неже весь языкъ погибнетъ*» (Іоан. 11, 49. 50).

Евангелистъ, пересказывая послѣднія слова Каіафы, замѣчаетъ, что они изречены имъ не отъ себя, а по нѣкоему

вдохновенію, и что въ нихъ, безъ нарушенія мысли первосвященника, можно видѣть разительное предсказаніе о спасительной для всего рода человѣческаго цѣли смерти Христовой; «ибо, продолжаетъ Евангелистъ, Іисусу дѣйствительно, по предопредѣленію свыше, надлежало умереть не только за народъ (Іудейскій), но и чтобы разсѣянныхъ чадъ Божіихъ (язычниковъ, уже предназначенныхъ къ чадству Божію) собрать во едино».

И такое порицаніе вышло изъ устъ первѣйшаго врага Іисусова, Его убійцы!... Вышло потому, какъ замѣчаетъ святой Іоаннъ. что Каіафа былъ на то время первосвященникомъ; а кому приличнѣе произнести судъ о цѣнѣ жертвы, какъ не первосвященнику?—«Каіафа, по глубокому выраженію одного пастыря Церкви, прозвучалъ въ этомъ случаѣ, какъ колоколъ, въ который на тотъ день надлежало благовѣстить» [1]). Лучъ какъ бы высшаго озаренія отразился на мгновеніе въ мрачной душѣ саддукея, какъ лучъ солнца отражается въ мутной и зловонной водѣ, не теряя своей чистоты и силы.

Изреченіемъ Каіафы окончились пренія членовъ, и голосъ враговъ Іисусовыхъ взялъ рѣшительный перевѣсъ. Льстецы Каіафы, коими былъ наполненъ синедріонъ, даже не нарушая приличія, могли объявить мнѣніе его какъ бы приговоромъ самыхъ небесъ, потому что между предметами тогдашней народной вѣры было и то, что Богъ открываетъ иногда волю Свою чрезъ великаго первосвященника [2]). Искусный оборотъ, придуманный Каіафою, казалось, долженъ былъ, безъ оскорбленія, заставить молчать самыхъ друзей Іисуса, если только они не хотѣли защищать Его явно, какъ друзья: съ ними не спорили уже о Его невинности; требовали только пожертвованія симъ невиннымъ Человѣкомъ для блага общественнаго, не по чему другому, какъ по той одной причинѣ, что Онъ имѣлъ несчастіе явиться на свѣтъ. такъ сказать, не во время и не у мѣста (Іоан. 11, 53). Опредѣлено немедленно объявить отъ лица синедріона, чтобы всякій житель Іерусалима, коль скоро узнаетъ о пребываніи гдѣлибо Іисуса, немедленно объявлялъ о томъ своему ближай-

---

[1]) См. слово въ Вел. Пятокъ, преосвящ. Филарета. Еще св. Златоустъ замѣтилъ, что благодать была только на языкѣ Каіафы, а нечистое сердце его осталось для ней неприкосновеннымъ. Бесѣд. на Іоан. 65 al 64.

[2]) Joseph. Antiq. 6. 3. Editio obertur. Philo, de creat. princ. p. 723.

шему начальству (Іоан. 11, 57), которое долженствовало взять Его и представить синедріону.

Совѣщаніе синедріона съ его кровавымъ опредѣленіемъ не могло не сдѣлаться вскорѣ извѣстнымъ Господу, хотя бы Онъ и не восхотѣлъ въ семъ случаѣ пользоваться силою Своего божественнаго всевѣдѣнія; потому что между совѣщателями, какъ мы видѣли, находились давніе, хотя тайные, ученики Его и послѣдователи. Вѣсть сія не содержала въ себѣ ничего новаго для Того, Кто видѣлъ все, и ничего печальнаго и ужаснаго для Того, Кто съ тѣмъ, какъ мы видѣли, и шелъ теперь въ Іерусалимъ, чтобы принести Себя въ жертву для спасенія міра. Іисусъ Христосъ неоднократно свидѣтельствовалъ, что Онъ пламенно ожидаетъ того великаго часа, когда Ему, вознесенному на крестъ, можно будетъ сказать: «совершишася!» — Но благо учениковъ Его и послѣдователей, благо вѣры, Имъ проповѣдуемой, благо всего рода человѣческаго требовало, чтобы Онъ уклонился теперь на время отъ преслѣдованій. Сѣмя, долженствующее пасть на землю (Іоан. 12, 24) (земная жизнь Богочеловѣка), было столь драгоцѣнно и божественно, что для паденія его на землю надлежало избрать время самое приличное, мѣсто самое удобное, чего теперь, очевидно, недоставало. Ибо злоба враговъ Его, вѣроятно, уготовляла Ему смерть тайную и, можетъ быть, предназначала Ему теперь пасть отъ руки какого-либо наемнаго зилота. Такая смерть вмѣсто того, чтобъ быть торжественнымъ свидѣтельствомъ истины, всемірною жертвою, принесенною для спасенія рода человѣческаго предъ лицемъ неба и земли, потеряла бы свой величественный, всемірный, божественный характеръ. И вотъ причины,—каждый чувствуетъ ихъ важность,—почему Іисусъ Христосъ, какъ замѣчаетъ св. Іоаннъ, со времени воскрешенія Лазаря *не хождаше ктому* между Іудеями *явѣ* (Іоан. 11, 54; Бесѣд. Злат. на Іоан., 65, 64).

Чтобъ быть до времени въ большей безопасности, Іисусъ Христосъ удалился изъ самой Виѳаніи, не смотря на приверженность къ Нему ея жителей. Мѣсто сіе находилось слишкомъ близко къ Іерусалиму; надлежало ожидать, что, съ распространеніемъ слуха о воскрешеніи Лазаря, любопытство привлечетъ сюда толпы народа, а вслѣдъ за ними подозрѣнія и происки фарисеевъ. Между тѣмъ Онъ не хотѣлъ Своимъ

пребываніемъ подвергать жителей Виѳаніи непріятностямъ отъ синедріона.

Убѣжищемъ, на сей разъ избраннымъ, былъ городокъ Ефраимъ, лежавшій въ сторонѣ между Виѳаніею и Іерихономъ, возлѣ дикой и страшной отъ разбоевъ пустыни Карантанской [1]). Въ сей пустынѣ, какъ повѣствуетъ преданіе, Господь приготовлялся сорокадневнымъ постомъ къ великому служенію Своему. Въ сихъ же мѣстахъ восхотѣлъ провести и послѣдніе дни, въ приготовленіи къ Своей смерти. Здѣсь Онъ и ученики Его находились въ совершенной безопасности, потому что мѣстопребываніе Его, вѣроятно, было извѣстно только Его ученикамъ и небольшому числу друзей виѳанскихъ.

Какъ отрадно еще разъ, хотя на краткое время, видѣть Божественнаго Учителя истины въ такомъ мѣстѣ, гдѣ Онъ, не стѣсняемый стеченіемъ народа, не возмущаясь кознями враговъ, могъ спокойно провести нѣсколько дней въ тишинѣ и мирѣ! Для Него всегда пріятны были часы уединенія и безмолвія (Лук. 4, 42; 5, 16), обыкновенно посвящаемые Имъ на молитвенное собесѣдованіе съ Отцемъ, или на дружеское наставленіе Своихъ учениковъ. Теперь, съ приближеніемъ страданій и смерти, такое уединеніе и безмолвіе были еще нужнѣе и пріятнѣе. Величественная суровость мѣстоположенія [2]), видъ безмолвной природы (Іисусъ Христосъ всегда любилъ обращать на нее вниманіе) совершенно согласовались съ предметами, коими занята была душа Іисусова. Если ученики Его проразумѣвали и предчувствовали важность наступающихъ событій, то и для нихъ дни, проведенные въ Ефраимѣ, были днями размышленія, молитвъ и тайныхъ великихъ ожиданій.

Евангелистъ не сказываетъ, чтобъ Іисусъ Христосъ поучалъ теперь чему-нибудь учениковъ Своихъ. Ефраимское уединеніе, кажется, было посвящено Имъ болѣе Себѣ Самому, нежели ученикамъ. Впрочемъ, ближайшее обхожденіе съ Учителемъ, воспоминаніе о всемъ прошедшемъ, особенно о послѣднихъ событіяхъ, были сами по себѣ уже весьма

---

[1]) Такъ названа сія пустыня первенствующими христіанами отъ сорокадневнаго поста Іисусова. (V. Maundrell in Paulus Sammlung von Reisebeschreibungen über den Orient. Tom. 1, p. 100.)

[2]) Описаніе сихъ мѣстъ можно видѣть у Розенмюллера въ его Handbuch der Bibl. Alterthumskunde. 1827.

поучительны. Такъ бывало и прежде, что Іисусъ Христосъ прерывалъ на время Свои наставленія.—Вообще образованіе, данное будущимъ наставникамъ и просвѣтителямъ рода человѣческаго, никакъ не состояло, какъ можетъ подумать кто-либо, въ систематическомъ поученіи ихъ высокимъ предметамъ вѣры. Нѣтъ! оно походило болѣе на обыкновенное, свободное обхожденіе отца съ дѣтьми, опытнаго наставника съ юными друзьями. Господь нерѣдко предоставлялъ учениковъ Своихъ Самимъ Себѣ, всегда позволялъ имъ дѣйствовать съ полною свободою, какъ бы наединѣ, не входя прямо въ ихъ разговоры и прекословія: только постоянно наблюдалъ за ними, а по временамъ давалъ замѣчать, что отъ Него не сокрыта ни одна ихъ мысль, ни одно желаніе; что Его духъ присутствуетъ между ними и тогда, когда они почитаютъ себя наединѣ.

Между тѣмъ, въ Іерусалимъ, по случаю приближенія Пасхи, часъ отъ часу стекалось болѣе народа. Причиною преждевременнаго прибытія богомольцевъ были набожность и выгода. Отъ желающихъ праздновать Пасху требовалось, на основаніи древняго примѣра (Исх. 19, 10), особеннаго приготовленія, которое въ сіи времена состояло изъ различныхъ очищеній, поста и милостыни [1]). Болѣе набожные вѣрили, что сего приготовленія нигдѣ нельзя совершить лучше, какъ въ Іерусалимѣ, предъ домомъ Божіимъ, при помощи и наставленіяхъ фарисеевъ; почему и приходили для сего за недѣлю и болѣе до праздника. Кромѣ сего Іудеи, приходившіе издалека,—особенно Египетскіе и Вавилонскіе,—привозили съ собою различныя издѣлія и произведенія своихъ земель: продажа и мѣна оныхъ заставляла приходить на праздникъ ранѣе и уходить позже обыкновеннаго. По симъ и другимъ причинамъ, святой градъ, въ продолженіе пасхальнаго мѣсяца, походилъ на сборное мѣсто всего тогда извѣстнаго міра, особенно Востока.

Воскреситель Лазаря естественно былъ теперь предметомъ народной молвы и всеобщихъ разговоровъ. Всѣ (исключая враговъ Іисусовыхъ) съ нетерпѣніемъ ожидали прихода Его во Іерусалимъ; хотя всякій видѣлъ, что исполненіе сего ожиданія сопряжено съ необыкновенною трудно-

[1]) V. Lightfoot. Hor. Heb. et Talm. Ioan. 11, 55.

стію, по причинѣ грознаго опредѣленія синедріона противъ Іисуса. Вообще въ народѣ господствовало тайное ожиданіе чего-то великаго, необыкновеннаго, сильно пробужденное столь великимъ чудомъ, каково было воскрешеніе Лазаря,—съ нимъ, казалось, воскресли всѣ лучшія надежды Израиля. Съ другой стороны, видѣли, что верховный совѣтъ Іудейскій наполненъ непримиримыми врагами Іисуса, готовыми употребить противъ Него и свои силы, и свое коварство. Отъ сего невольно распространялось уныніе и раждались печальные предчувствія, тѣмъ болѣе, что, по общему мнѣнію, началу и открытію царства Мессіи должны были предшествовать величайшія всеобщія скорби и злоключенія [1]). Различные, справедливые и несправедливые слухи и разсказы о Чудотворцѣ, о чудѣ, Имъ произведенномъ, о предпріятіяхъ враговъ Его и проч.,—какъ то обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—то усугубляли надежду лучшихъ временъ, то увеличивали опасенія и недоумѣнія. Если когда, то теперь наипаче—въ рѣшительныя минуты, когда надлежало принять или отвергнуть своего Мессію,—народъ Іудейскій уподоблялся овцамъ, не имѣющимъ пастыря (Матѳ. 9, 36). Большая часть пастырей Іудейскихъ были не что иное, какъ волки въ одеждахъ овчихъ, и почти всѣ были противъ великаго Пастыреначальника. (Іоанна Предтечи, праведнаго Симеона и Анны, Виѳлеемскихъ пастырей, могущихъ свидѣтельствовать о истинѣ и вразумить народъ, теперь уже не было въ живыхъ). Одна только совѣсть въ каждомъ,—кто имѣлъ ее,—говорила за Іисуса....

Въ такомъ волненіи умовъ протекло нѣсколько дней [2]). Произвольное и неожиданное удаленіе Іисуса Христа отъ Іерусалима дало новое направленіе мнѣніямъ и содѣлалось новымъ предметомъ догадокъ. Многіе изъ иноземныхъ Іудеевъ, слыхавшихъ прежде бесѣды Іисуса Христа въ Іерусалимѣ и имѣвшихъ къ Нему особенное уваженіе, не разъ приходили въ храмъ, думая обрѣсти въ немъ по прежнему Божественнаго Учителя. Не находя Его, начали думать, что Онъ вовсе не придетъ на праздникъ (Іоан. 11, 56). Такое мнѣніе, кромѣ медленности, подтверждалось самою сокровенностію Его пребыванія. Вообще, кто менѣе зналъ Іисуса,

[1]) V. Berthold. Christologia Judaeorum, Jesu Apostolorumque, aetate 1811.
[2]) Это ясно видно изъ соображенія обстоятельствъ.

величіе Его характера, неизмѣнную преданность волѣ Отца Небеснаго, готовность принести Себя въ жертву за спасеніе рода человѣческаго, тотъ самымъ положеніемъ вещей склонялся думать, что благоразуміе заставитъ Его не являться въ Іерусалимъ, по крайней мѣрѣ до того времени, какъ измѣнятся обстоятельства. Съ другой стороны, извѣстно было, что Іисусъ Христосъ всегда приходилъ на праздники (Іоан. 20, 3; 8, 2. 37), особенно на Пасху въ Іерусалимъ; что Онъ для сего самаго предпринялъ недавно путь изъ Галилеи въ Іудею. Самое чудо Виѳанское казалось Его предтечею: произвести его близъ Іерусалима и удалиться ни съ чѣмъ—казалось несообразнымъ съ порядкомъ вещей и событій. Послѣдняя мысль (хотя въ другомъ смыслѣ) заставляла, вѣроятно, и враговъ Іисусовыхъ полагать, что Онъ непремѣнно придетъ на праздникъ. Для нихъ трудно было представить, чтобы Виѳанское явленіе не было началомъ другихъ явленій и осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій; чтобы Тотъ, Кто произвелъ его, отказался отъ плодовъ, кои воскрешеніе Лазаря должно было принести, доставивъ Ему всеобщее удивленіе и любовь народа, стекшагося на праздникъ. Посему фарисеи со дня на день становились дѣятельнѣе и внимательнѣе;—многіе уже съ тою цѣлію, чтобы прежде всѣхъ открыть приходъ Іисуса и донести о семъ синедріону, показать себя патріотами и заслужить награду.

За шесть дней предъ Пасхою, какъ говоритъ св. Іоаннъ, Іисусъ дѣйствительно явился опять въ Виѳаніи. Приходъ Его былъ празднествомъ для всего населенія, особенно для Его почитателей и друзей. Одинъ изъ нихъ, именемъ Симонъ, такъ называемый, прокаженный [1]), котораго Іисусъ Христосъ исцѣлилъ, вѣроятно, отъ проказы,—воспользовавшись покоемъ субботняго дня, учредилъ богатую вечерю для Его угощенія [2]). Гостепріимная Марѳа уступила ему

[1]) Симонъ былъ теперь свободенъ отъ проказы; иначе онъ, по закону, не только не могъ никого принимать въ домъ свой, но и самъ—быть въ ономъ. Онъ называется прокаженнымъ такъ же, какъ Лазарь—умершимъ (Іоан. 12, 1), Матѳей — мытаремъ (Матѳ. 10, 3), слѣпые — видящими, глухіе—слышащими (Матѳ. 11, 5),—то есть, по извѣстному обороту словъ, прошедшее состояніе берется за настоящее.

[2]) Вечеря сія помѣщена здѣсь сообразно порядку времени, коего держится св. Іоаннъ. Матѳей и Маркъ помѣщаютъ ее послѣ предсказаній о разрушеніи храма и концѣ міра, — непосредственно предъ повѣствованіемъ о предательствѣ Іуды. Но это, кажется, только потому, что она въ тѣсной внутренней связи съ симъ предательствомъ. Такая перестановка событій нерѣдко встрѣчается у Евангелистовъ. V. Kuinol. ad. h. l.

честь—принять у себя Господа; но взяла на себя трудъ распоряжаться угощеніемъ и служить самой при трапезѣ Іисусу. Уже то показывало величайшее уваженіе къ Нему, что все сіе происходило близъ Іерусалима, когда каждый Израильтянинъ, подъ опасеніемъ проклятія и казни, долженъ былъ доносить верховному синедріону о мѣстопребываніи Іисуса. Общество состояло изъ учениковъ и друзей Его, кои были Имъ исцѣлены, или получили отъ Него другое какое-либо благодѣяніе. Воскрешенный мертвецъ также былъ въ числѣ гостей: и на его лицѣ, конечно, блистала радость, коею исполнены были всѣ вечерявшіе, но отличная отъ прочихъ, свойственная тому, кто еще такъ недавно провелъ нѣсколько дней за предѣлами сего міра. Всѣ глубоко уважали и любили Іисуса, но для Лазаря Онъ былъ уже Господомъ жизни и смерти.

Никто не чувствовалъ живѣе радости сихъ минутъ, никто не признавалъ болѣе обязаннымъ себя сею радостію Іисусу, какъ Марія. Съ жизнію брата, Господь какъ бы снова даровалъ ей самой жизнь. Чувствительное сердце ея горѣло желаніемъ выразить свою признательность къ Нему какимъ-либо особеннымъ знакомъ. Къ удовольствію своему, она замѣтила, что дражайшему Гостю не оказана еще одна услуга: Онъ не помазанъ благовонными мастями, какъ то бывало иногда при усердныхъ и богатыхъ пиршествахъ [1]). Въ домѣ ея оставался (вѣроятно, отъ погребенія Лазаря) [2]), фунтъ нардоваго чистаго мура. Что можетъ быть лучше, думала она, какъ употребить его въ честь дражайшаго Гостя? — Въ сихъ мысляхъ она непримѣтно выходитъ изъ собранія и вскорѣ паки является съ алавастровымъ сосудомъ, наполненнымъ драгоцѣннаго благовонія. Между тѣмъ какъ прочіе вечеряли, она начала возливать муро на Господа. Въ такомъ случаѣ обыкновенно помазывали только главу [3]); но рукою Маріи управляло не обыкновеніе, а глубокое благоговѣніе и любовь; она возливала муро и на ноги Іисусовы, и не довольствуясь еще симъ знакомъ величайшаго усердія, отирала ихъ вмѣсто обыкновеннаго полотенца своими волосами

[1]) Martial. 3, 12—14.

[2]) Къ сей мысли располагаетъ выраженіе Спасителя: сберегла (τετήρηκεν), и слова Іуды, который упрекалъ Марію не за то, что она купила, а что не продала (прежде купленнаго) мура.

[3]) V. Lamprus ad Johan. 12, 5.

(Іоан. 12, 3). Большей чести нельзя было оказать, хотя бы посѣтителемъ былъ какой-либо царь. Весь домъ наполнился благовоніемъ (Іоан. 12, 3).

Кто взиралъ на Господа такими же очами, какими взирала Марія, и умѣлъ отличать въ дѣйствіяхъ человѣческихъ черты прекраснаго и добраго, тому поступокъ ея былъ весьма пріятенъ, отличаясь особенною рѣшимостію, усердіемъ, благоговѣніемъ и трогательностію.

Господь не говорилъ ничего Маріи; но изъ самаго молчанія Его явствовало, что чистое намѣреніе ея доставить Ему удовольствіе достигнуто. Большей награды и не нужно было для сердца признательнаго. Всѣ радовались, но эта общая веселость вдругъ возмущена была неудовольстіемъ, причиненнымъ, сверхъ всякаго чаянія, однимъ изъ учениковъ Іисусовыхъ.

Прекрасный поступокъ Маріи показался ему неумѣстною расточительностію, болѣе приличною какому-либо пышному фарисейскому наставнику, любящему роскошь, а не его Учителю, Который любитъ простоту и не терпитъ излишества, далекъ отъ всякаго вида роскоши и всегда возстаетъ противъ жестокосердія богатыхъ къ бѣднымъ. Приличіе требовало, по крайней мѣрѣ, не обнаруживать подобныхъ мыслей: Іуда (такъ назывался ученикъ), напротивъ, не замедлилъ передать ихъ тѣмъ изъ учениковъ, кои сидѣли подлѣ него, а потомъ простеръ дерзость свою до того, что началъ вслухъ осуждать Марію. «Къ чему такая трата?—разсуждалъ онъ:—не лучше ли было продать это муро за триста (столько, по крайней мѣрѣ, дали бы за него) динаріевъ и деньги сіи раздать нищимъ?» Такой благовидный предлогъ къ упреку, повидимому, подѣйствовалъ и на другихъ учениковъ, изъ коихъ нѣкоторые также возъимѣли мысль, что если и дерзко замѣчаніе Іуды, то самое замѣчаніе сдѣлано не безъ основанія, и въ семъ случаѣ несогласно съ собственными правилами Учителя, и что вообще едва ли не было бы лучше, если бы съ муромъ поступили такъ, какъ говорилъ Іуда (Матѳ. 22, 8).

Если ученики, предосуждая такимъ образомъ сдѣланное Маріею, нарушали нѣкоторымъ образомъ долгъ уваженія къ ней, тѣмъ паче къ своему Учителю: то это происходило въ нихъ не отъ злого намѣренія, тѣмъ паче не отъ худого

сердца, а отъ простоты, привычки изъяснять свободно предъ Учителемъ всѣ свои мысли, — нѣкоторой на сей разъ неспособности оцѣнить достоинство и, такъ сказать, сердечность поступка Маріи,—похвальной, но безвременной заботы о нищихъ и, слѣдственно, увлеченія примѣромъ Іуды, который, по дерзости и наглости своего характера, и не въ семъ одномъ случаѣ могъ увлекать своими мнѣніями прочихъ. Но въ самомъ Іудѣ дѣйствовало теперь совсѣмъ другое; его мнимое сожалѣніе о нищихъ происходило изъ самаго нечистаго источника... По препорученію Учителя, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, вслѣдствіе собственнаго вызова на то, онъ издавна былъ хранителемъ денегъ въ маломъ обществѣ Іисусовомъ и носилъ для сего именно небольшой ящикъ, въ который усердствующіе клали, кто что̀ могъ (Лук. 8, 3; Матѳ. 22, 55). Бо́льшая часть сихъ денегъ обыкновенно расходовалась на нищихъ—чрезъ руки Іуды, который въ семъ дѣлѣ не наблюдалъ никакой вѣрности и многое бралъ себѣ. По свойству каждой страсти постепенно возрастать и усиливаться, когда ей даютъ пищу, — корыстолюбіе сдѣлалось наконецъ неизлечимымъ недугомъ души Іудиной и владѣло теперь всѣми его мыслями и желаніями. Оно-то заставило его осуждать усердіе Маріи и говорить тѣмъ языкомъ состраданія къ нищимъ, который ему менѣе всего былъ сроденъ.

Триста динаріевъ за муро были бы отданы Іудѣ, который поступилъ бы и съ сими деньгами такъ же, какъ поступалъ съ другими. Господь зналъ о семъ несчастномъ состояніи души Своего ученика и употреблялъ, безъ сомнѣнія, всѣ средства къ его исправленію: только не открывалъ прямо Своихъ мыслей о немъ и не обличалъ его порока предъ другими. При семъ великодушномъ щадѣніи, безстыдный ученикъ пользовался возможностію скрывать свое корыстолюбіе и хищничество, то подъ видомъ попеченія о нищихъ, какъ теперь, то подъ другими, столь же благовидными, предлогами. Безъ сомнѣнія, и въ настоящемъ случаѣ низкій лицемѣръ, изъясняясь столь дерзкимъ образомъ, не думалъ чрезъ то сдѣлать какую-либо неблагопристойность; надѣялся, можетъ быть, еще заслужить одобреніе за свою откровенность, мнимую прямоту характера и любовь къ бѣднымъ, которая наблюдаетъ ихъ выгоды и тогда, когда другіе почли бы за лучшее молчать.

Чувствительная Марія тѣмъ болѣе должна была смутиться отъ нареканія Іуды, чѣмъ чище и возвышеннѣе было чувство, изъ коего произошелъ ея поступокъ. Ахъ, какъ холодно, безпощадно судили о томъ, что̀ было плодомъ пламенной, чистѣйшей любви къ Спасителю! — «Можно ли называть тратою почесть, оказанную Тому, Кто воскресилъ Лазаря? Всѣ благоуханія ливана ничтожны въ сравненіи съ Его благодѣяніемъ». Но Марія могла чувствовать только свою правоту, а не защищать ее.

Господь благоволилъ сдѣлаться защитникомъ ея кротости. Обнаруженіе низкой страсти Іуды — его постыднаго лицемѣрія было бы самымъ дѣйствительнымъ защищеніемъ и вмѣстѣ справедливымъ наказаніемъ для вѣроломнаго ученика, который омрачалъ присутствіемъ своимъ святѣйшее общество будущихъ просвѣтителей рода человѣческаго. И прочіе ученики могли бы научиться изъ сего не полагаться, безъ разсужденія, на слова другого, сколько бы они ни были благовидны. Но Господь, по плану премудрости Своей, предоставивъ сына погибельнаго идти своимъ путемъ до конца, пощадилъ и теперь гибельную тайну его сердца; далъ видъ, будто сожалѣніе о мурѣ проистекаетъ у всѣхъ изъ одного источника—любви къ нищимъ. *Что вы даете трудъ женѣ?*— сказалъ Онъ (обратясь къ ученикамъ, и особенно къ Іудѣ). *Оставите ю! Дѣло бо добро содѣла о Мнѣ, сже возможе, сотвори, предваривъ помазати тѣло Мое на погребеніе* [1]); *нищія всегда имате съ собою, и егда хощете, можете имъ добро творити, Мене же не всегда имате. Аминь глаголю вамъ: идѣже аще проповѣстся Евангеліе сіе* (о Мнѣ и смерти Моей) — *во всемъ мірѣ, и еже сотвори сія, глаголано будетъ въ память ея* (Марк. 14, 3—9; Матѳ. 26, 6—13).

Такія слова не могли не произвести впечатлѣнія сильнаго, хотя оно было различно по различію лицъ. Кроткая радость блистала на лицѣ скромной Маріи: тотъ, кто хотѣлъ подвергнуть ее стыду и смущенію, самъ былъ пристыженъ и смущенъ! Ея имя и дѣянія сдѣлаются извѣстными всему міру, соединятся навсегда съ дѣяніями Іисуса! — «О, такую великую награду за столь малую услугу—за минутное сму-

[1]) Нѣкоторые толковники Св. Писанія (Moschius in der Leidensgeschichte p. 32. Storr. Dissert. Exeg. in Johan. Hess. Lebensgeschichte Jesu) полагали, что Марія сама предугадывала смерть Іисуса Христа, и помазала Его мурóмъ именно на погребеніе.

щеніе можетъ даровать только Тотъ, Кто воскресилъ Лазаря, въ десницѣ Коего—все!» Ученики напротивъ должны были крайне стыдиться, узнавъ, что они почитали напрасною тратою то, что̀ служило приготовленіемъ для ихъ Учителя къ смерти! Какъ неумѣстно представлялось послѣ сего ихъ сожалѣніе о мурѣ! Какъ непріятенъ былъ Іуда съ его безвременною заботою о нищихъ!

Мысль о смерти Господа должна была дать бесѣдѣ другой видъ. Случайно, повидимому, открылъ Онъ судьбу, вскорѣ Его ожидающую; но сіе открытіе тѣмъ было разительнѣе, составляя совершенную противоположность съ общимъ веселіемъ. Взоры всѣхъ, и безъ того часто обращавшіеся на Іисуса, теперь еще чаще обращались: каждый хотѣлъ прочитать на Божественномъ лицѣ Его, что это за погребеніе, о которомъ Онъ сейчасъ сказалъ? — Въ самомъ ли дѣлѣ, Онъ такъ скоро долженъ умереть?—Мѣсто веселости послѣ сего необходимо заступали задумчивость и мрачность. Ученики снова услышали, что смерть ихъ Учителя не воспрепятствуетъ Ему, какъ они думали, быть Мессіею, и Евангелію о Немъ сдѣлаться извѣстнымъ и восторжествовать надъ всѣмъ міромъ. Какъ все сіе можетъ быть и совмѣститься? Это составляло новый поводъ къ недоумѣніямъ и догадкамъ.

Наступающая ночь проведена была въ Виѳаніи. На другой день Господь намѣревался идти въ Іерусалимъ.

Торжественный входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, его цѣль и значеніе.

(Отправленіе двухъ учениковъ въ Виѳфагію за ослятемъ. — Усердіе и любовь народа. — Слезы Іисуса и Его пророчества объ Іерусалимѣ. — Входъ во храмъ. — Исцѣленіе недужныхъ — Возвращеніе въ Виѳанію. — Намѣреніе первосвященниковъ—умертвить Іисуса Христа и Лазаря.—Размышленіе о входѣ въ Іерусалимъ.)

Вѣсть о возвращеніи Іисуса Христа въ Виѳанію немедленно достигла Іерусалима и произвела во многихъ рѣшимость идти туда, чтобы скорѣе видѣть Іисуса (Іоан. 12, 9). Покой субботняго дня, простертый фарисеями до нелѣпыхъ излишествъ (Лук. 13, 15; 14, 5), не позволялъ предпринять сего путешествія теперь же; только одни саддукеи, по началамъ своей секты, могли нарушать его ненаказанно; но, на другой день

рано по утру, Виѳанія уже наполнилась всякаго рода людьми, изъ коихъ большая часть пришла изъявить свое уваженіе великому Чудотворцу, а нѣкоторые—наблюдать за Его поступками (Лук. 19, 39), чтобы донести о нихъ синедріону. Лазарь, послѣ Іисуса, служилъ главнымъ предметомъ любопытства (Іоан. 12, 9): и какъ непосредственный свидѣтель всемогущества Іисусова, и какъ пришлецъ изъ той страны, куда отъ начала міра всѣ идутъ, не возвращаясь. Какихъ вопросовъ не могла предложить ему праздная любознательность фарисейскихъ и саддукейскихъ совопросниковъ, кои въ своихъ синагогахъ непрестанно судили и рядили о будущей жизни.—о томъ, какъ живутъ умершіе, какія у нихъ вечери, велико ли лоно Авраамово, остаются ли тамъ въ силѣ узы родства и проч....

Іудеи, пришедшіе въ Виѳанію, вѣроятно, не полагали, чтобы Іисусъ Христосъ осмѣлился идти теперь въ Іерусалимъ. Тѣмъ пріятнѣе было для всѣхъ, когда узнали, что Онъ намѣренъ идти туда въ сей же самый день. Такое намѣреніе служило залогомъ, что Онъ не хочетъ болѣе держать послѣдователей и враговъ Своихъ въ неизвѣстности о цѣли Своего служенія; — рѣшился торжественно предъ всѣмъ Іерусалимомъ объявить Себя Мессіею; и слѣдовательно, совершенно увѣренъ, что враждующій противъ Него синедріонъ не въ состояніи Ему противиться (Марк. 11, 10; Лук. 19, 36—38). Все это было весьма пріятно для народа, который давно съ нетерпѣніемъ ожидалъ, когда служащій предметомъ всеобщихъ ожиданій Пророкъ объявитъ Себя Мессіею. Мысль сопровождать Іисуса Христа при Его настоящемъ входѣ въ Іерусалимъ, быть свидѣтелемъ того впечатлѣнія, которое произведетъ появленіе Его на синедріонъ, раздѣлять съ Нимъ опасность и славу сихъ величественныхъ минутъ,—эта мысль заняла теперь воображеніе и сердце каждаго,—и Іисусъ, при самомъ выходѣ изъ Виѳаніи, уже окруженъ былъ толпами народа, готоваго оказать Ему все усердіе и всѣ почести.

Достигнувъ на пути мѣста (Марк. 11, 1; Лук. 19, 29; Матѳ. 21, 1), противъ котораго находилась Виѳфагія,—небольшое селеніе, видимое и изъ Іерусалима, на сѣверной оконечности горы Елеонской,—Господь остановился и, подозвавъ къ Себѣ двухъ учениковъ (Петра и Іоанна?), *идита,*

сказалъ имъ, *въ весь, яже прямо вама; и абіе входяща въ ню обрящета осля привязано и жребя съ нимъ, на неже никтоже николиже отъ человѣкъ всѣде: отрѣшивша приведита Ми, и аще кто вама речетъ: «что творита сіе? почто отрѣшаета?» сице рцета ему: «Господь требуетъ è»; и абіе послетъ è сѣмо* (Матѳ. 21, 2—5; Марк. 11, 2—3; Лук. 19, 29—31). Такое порученіе, не смотря на малость его предмета, было не изъ числа обыкновенныхъ: Іисусъ Христосъ всегда ходилъ пѣшій; до Іерусалима оставалось недалеко; и между тѣмъ теперь надлежало идти за ослицею, какъ бы для какого-либо дальняго и утомительнаго пути! И какъ дивно было слышать изъ устъ Іисуса: *Господь того требуетъ!* Но ученикамъ не въ первый разъ было не обнимать мыслію поступковъ своего Божественнаго Учителя и узнавать цѣль ихъ уже изъ послѣдствій; посланные тотчасъ пошли въ Виѳфагію, нашли ослицу съ осленкомъ на томъ самомъ мѣстѣ, о которомъ говорилъ Іисусъ; предстоящіе дѣйствительно спросили ихъ, зачѣмъ они берутъ ословъ; и когда они отвѣчали, какъ имъ было велѣно, то безпрепятственно отпустили ихъ. Такое точное соотвѣтствіе событія съ предсказаніемъ еще болѣе должно было удивить учениковъ, если бы они не привыкли уже къ необыкновенному. Все показывало, что наступаетъ время чудесныхъ событій. Сынъ Божій начиналъ являть Божественную славу Свою даже въ маловажныхъ, повидимому, обстоятельствахъ, потому что скоро должно было послѣдовать величайшее затменіе Его Божества.

Іисусъ между тѣмъ оставался на томъ же мѣстѣ, откуда пошли ученики. Число народа, Его окружающаго, часъ отъ часу возрастало: жители Іерусалима и богомольцы, пришедшіе на праздникъ, узнавъ, что Онъ идетъ въ Іерусалимъ, шли Ему на встрѣчу многочисленными толпами (Іоан. 12, 12. 13).

Посланные возвратились. По усердію и чтобы удобнѣе было сѣсть на жребя ослицы, ученики покрыли его своими верхними одеждами. Когда Учитель возсѣлъ, прерванное шествіе снова продолжалось съ медленностью, которая свойственна сему роду ѣзды. Теперь великій Пророкъ не скрывался уже во многолюдствѣ народа, былъ виднѣе для всякаго; и шествіе, при всей простотѣ своей, являло въ себѣ уже нѣчто торжественное и священное, между прочимъ и потому,—что въ древности животныя, не носившія на себѣ ярма, особенно

были выбираемы на священное употребленіе [1]); въ частности оселъ издревле на Востокѣ служитъ символомъ мира, никогда не употребляясь на войнѣ и въ сраженіяхъ [2]). Посему одинъ взглядъ на Іисуса Христа вдругъ напоминалъ теперь внимательному слова пророка Захаріи, который, описывая царство Мессіи, говоритъ: *рцыте дщери Сіоновѣ: се царь твой грядетъ тебѣ кротокъ, сидя на жребяти осли* (Зах. 9, 9) [3]). Такое, повидимому, согласіе Господа съ расположеніемъ народа, хотѣвшаго видѣть Его, какъ можно скорѣе, царемъ, еще болѣе одушевило толпы, Его окружавшія, и возродило въ нихъ смѣлость выразить предъ Нимъ всю полноту своего усердія самымъ торжественнымъ образомъ. Въ жару увеличивающагося восторга, одни начали рѣзать пальмовыя вѣтви и, потрясая ими въ воздухѣ, бросать ихъ по пути предъ Іисусомъ; другіе дѣлали еще болѣе—снимали съ себя платье и стлали его по дорогѣ [4]). Всякій старался превзойти въ усердіи другого. Подобно сему встрѣчаемъ былъ въ Іерусалимѣ грозный завоеватель свѣта, Александръ Великій [5]); подобно сему привѣтствовали нѣкогда царя Агриппу [6]), — такъ хотѣли почтить теперь и Того, Кто былъ единственнымъ предметомъ всѣхъ надеждъ для бѣдствующаго Израиля.

Пальмовыя вѣтви привели на память праздникъ Кущей, а вмѣстѣ съ симъ извѣстный псаломъ Давидовъ [7]), который пѣвался въ продолженіе его. Какъ разительно осуществлялось содержаніе сего пророчественнаго псалма въ настоящемъ событіи! — Іисусъ Христосъ, грядущій въ Іерусалимъ, но отвергаемый синедріономъ, видимо образовалъ Собою тотъ *камень, пренебреженный зиждущими,* который, по слову Давида, долженъ содѣлаться *во главу угла* и быть дивнымъ въ очахъ всего народа Іудейскаго (Псал. 117, 22—23). На-

---

[1]) Втор. 21, 3; 1 Цар. 6, 7. Horat. Epod. 9. 22. Ovid. Metam. 3 12. Virg. Georg. 4. 540. 551.

[2]) Meyeri Versuch einer Hermeneut. des N. T. th. 2. p. 558.

[3]) Что сіе пророчество прилагаемо было къ Мессіи самими Евреями, это видно изъ многихъ свидѣтельствъ раввинскихъ. U. Paulus in comment uber das N. T. 3 th. 2 Ausg. 5. 117—119.

[4]) Слѣды сего обычая донынѣ остались на Востокѣ. Chardins Reisen tom. 3. p. 103. 209. in form. min.

[5]) Joseph. Antiq 2. 8. 5.

[6]) Phil. Legat ad Cajum. L. 1.

[7]) Kuinol. Rosenmuller, Gratz. Comment. in Matth. Впослѣдствіи самыя пальмовыя вѣтви у Іудеевъ назывались осаннами—отъ частаго повторенія сего слова и цѣлаго псалма 117-го въ праздникъ Кущей. V. Angeli Canini tract. de nomin. Hebr. c. 4.

стоящій день, думали, покажетъ это. Подлинно, Самъ Господь сотворилъ его, чтобы намъ радоваться и веселиться въ онь» (Псал. 117, 24). Среди подобныхъ мыслей, любимый и знаемый всѣми наизустъ псаломъ непримѣтно переходилъ изъ устъ въ уста; особенно нѣкоторые стихи его, такъ прямо выражавшіе настоящее событіе. Со всѣхъ сторонъ начало раздаваться псаломское: «Осанна Сыну Давидову! Благословенъ Грядый во имя Господне! Осанна въ вышнихъ!» [1]).

Всеобщій восторгъ еще болѣе усилился, когда достигли послѣдней возвышенности, съ коей надлежало спускаться внизъ до самаго Іерусалима (Лук. 19, 37). Это было одно изъ лучшихъ мѣстъ въ окрестности; Іерусалимъ представлялся отсюда какъ на картинѣ [2]): тамъ, въ правой сторонѣ, надъ ужасною бездною возвышался храмъ Іерусалимскій и по многочисленнымъ, блистательной бѣлизны, мраморнымъ столпамъ своимъ казался искусственною громадою льдовъ, съ золотымъ куполомъ, отъ коего лучи полдневнаго солнца отражались, по замѣчанію Флавія, безчисленными молніями. Наружное великолѣпіе его еще сильно напоминало счастливыя времена Давида и Соломона; но онъ былъ уже окруженъ мерзостію запустѣнія, которая вскорѣ имѣла стать на мѣстѣ святѣ. Украшенная орлами Римскими, крѣпость Антонія, съ ея огромною башнею, господствуя надъ высотою храма, казалось, выражала униженіе, въ коемъ находился народъ Божій. Тутъ же являлась взору преторія Пилатова; но дворцы первосвященниковъ казались удаленными и были отдѣлены отъ храма пропастями [3]), какъ бы въ знакъ внутренняго удаленія ихъ обитателей отъ Бога отцовъ своихъ. Останки домовъ Давида и Соломона уже едва были примѣтны во множествѣ новыхъ зданій. Среди сихъ видовъ, изъ коихъ каждый приводилъ на память и древнюю славу, и настоящее униженіе отечества, — взоры всѣхъ невольно обращались на Іисуса, Который видимо несъ съ Собою Іеру-

---

[1]) Псал. 117, 25. 26. Осанна—на Еврейскомъ значитъ: спаси, даруй счастье! Осанна въ вышнихъ (ἐν τοῖς ὑψίστοις) т. е. (ὁ ὢν ἐν ὑψίστοις) сущій въ вышнихъ, обитающій на небѣ! Ибо τὰ ὕψιστα на Еврейскомъ то же, что небо. Спр. 63, 9; Псал. 93, 4; Іов. 31, 2.

[2]) Hempel Beschreibung des Jud. Landes 1825 mit Kupfer. S. 44, 45. Relandi Palæstina.

[3]) Дворецъ Анапа стоялъ на Акрѣ, а Каіафы—на Сіонѣ,—двухъ горахъ, кои составляли двѣ особыя части города, v. Hempel.

Входъ Господень въ Іерусалимъ.

салиму его прежнее святое величіе. Надежда славнаго царства Мессіи, казалось, готова была теперь исполниться на самомъ дѣлѣ. «Такъ, думали, Онъ примиритъ насъ съ Богомъ, раздраженнымъ нашими неправдами! (Лук. 19, 38). Онъ возставитъ царство праотца нашего Давида! (Марк. 11, 10). Подъ сѣнію Его мы снова насладимся миромъ, не будемъ рабами язычниковъ!» И полнота патріотическихъ чувствъ снова выражалась въ восклицаніяхъ; еще болѣе со всѣхъ сторонъ сыпалось вѣтвей, цвѣтовъ и одеждъ; еще чаще и громче раздавалось: «осанна».

Господь не препятствовалъ сему искреннему и радостному изліянію чувствъ, происходящихъ изъ пламенной, хотя нѣсколько мечтательной любви къ Нему и отечеству, и видѣлъ въ семъ случаѣ слѣдствіе не одного обыкновеннаго стеченія обстоятельствъ, а тайныхъ, давно предсказанныхъ пророками, распоряженій самаго Промысла, который симъ самымъ теперь обращалъ на пришедшаго Мессію вниманіе Іерусалима и всего народа. Взирая такимъ образомъ, Онъ не могъ не принять глубокаго и сердечнаго участія въ томъ, что̀ происходило вокругъ Его.

Но для фарисеевъ (нѣкоторые изъ нихъ вышли съ прочими на встрѣчу Іисусу для обыкновенныхъ своихъ наблюденій) такое зрѣлище народной приверженности было нестерпимо. Чувство любви къ отечеству, столь сильно выражавшееся въ настоящемъ поступкѣ народа, препятствовало осуждать его явно. Можетъ быть, даже фарисеямъ не хотѣлось обнаружить себя публично неблагопріятствующими Іисусу, Который, судя по ходу дѣлъ, какъ они думали, могъ легко сдѣлаться ихъ повелителемъ. Посему лицемѣры приняли такой тонъ, который не знающему ихъ внутренняго расположенія къ Іисусу, могъ казаться безпристрастнымъ, даже дружественнымъ. «Учитель!—замѣтили нѣкоторые, можетъ быть, не мѣшало бы остановить и унять учениковъ», то есть хитрые лицемѣры хотѣли какъ будто бы дать выразумѣть, что подобныя восклицанія народа, называвшаго Іисуса Сыномъ Давидовымъ, могутъ быть опасны какъ для Него, такъ и для народа со стороны Римскаго правительства (Лук. 19, 39—40).

Сердцевѣдецъ вѣдалъ, изъ какого сердца проистекаетъ мнимый совѣтъ предосторожности; но теперь не время было

обличать лицемѣровъ. Не такъ бы начали разсуждать они сами, если бы видѣли, подобно Ему, всю важность настоящихъ событій, ихъ прямое соотвѣтствіе съ предвѣчными судьбами Промысла. *Аще сіи умолчатъ*, отвѣчалъ Онъ, *каменіе возопіетъ!* Такъ, то есть, суждено свыше.

Но эта великая и святая тайна Промысла, совершившаяся теперь надъ Іисусомъ Христомъ, далеко была выше ума слѣпыхъ книжниковъ Іудейскихъ; и фарисеи изъ отвѣта Іисусова скорѣе могли заключить, *по своему*, то есть, что Онъ, какъ потомокъ Давида, твердо рѣшился требовать престола Давидова, и потому открыто позволяетъ Себѣ и народу то, что̀ въ другое время было бы опасною неосторожностію.

Народъ, при всеобщемъ пѣніи и восклицаніяхъ, вѣроятно, не слышалъ отвѣта, сдѣланнаго фарисеямъ. Если Господь не хотѣлъ прекратить восторга народнаго, то еще менѣе, конечно, расположенъ былъ возбуждать его Своими словами. Не смотря на благосклонное принятіе знаковъ радости отъ народа, Его настоящія чувствованія крайне были отличны теперь отъ радостныхъ чувствъ, коими воодушевленъ былъ народъ. Сынъ Человѣческій ясно видѣлъ, что настоящее торжественное «осанна!» скоро будетъ замѣнено неистовымъ воплемъ: «распни, распни Его!» Одного сего предвѣдѣнія достаточно было, чтобы удалить отъ сердца всякую радость. Но не собственная участь занимала Его теперь: Онъ помышлялъ о несчастной судьбѣ Своего отечества. Какъ мрачна и ужасна она была въ будущемъ!—Іудейскій народъ отвергнетъ Его и вмѣстѣ съ симъ лишится благоволенія небеснаго; настоящій день, который долженъ былъ служить началомъ благоденствія для его соотечественниковъ, содѣлается по тому самому началомъ ужасныхъ бѣдствій для всего Израиля. Сколько причинъ скорби для того, Кто пришелъ на землю составить одно благословенное стадо изъ всего рода человѣческаго, но всегда сознавалъ, что на Немъ лежитъ вмѣстѣ съ симъ и особенная обязанность—пещись о благѣ погибающихъ овецъ дома Израилева (Матѳ. 15, 24)!

На послѣднемъ спускѣ съ горы, гдѣ дорога касается Геѳсиманіи, Іисусъ остановился (Лук. 19, 41). На Божественномъ лицѣ Его, дотолѣ ясномъ, обнаружилась глубо-

кая скорбь. (Окружающіе могли замѣтить это и, въ ожиданіи чего-либо съ Его стороны, прекратить на время восклицанія.) Господь въ молчаніи взиралъ на Іерусалимъ, какъ бы ища въ немъ признака жизни духовной: обильныя струи слезъ возвѣщали, что искомаго не обрѣлось: «о, если бы,— воскликнулъ Онъ наконецъ отъ полноты чувствъ, — о, если бы ты, хотя въ день сей твой, уразумѣлъ, что̀ служитъ къ спасенію твоему! Но это и нынѣ (какъ прежде) *сокрыся отъ очію твоею* (только твоею)! *Пріидутъ дніе на тя* (Я вижу ихъ: они не далеко), *и обложатъ врази твои острогъ о тебѣ, и обыдутъ тя, и обымутъ тя отвсюду, и разбіютъ тя и чада твоя въ тебѣ, и не оставятъ камень на камени въ тебѣ, понеже не уразумѣлъ еси времене посѣщенія твоего*» [1]).

Продолжающіеся потоки слезъ показывали, съ какимъ чувствомъ произнесены были слова сіи. Ахъ, Кто говорилъ, Кто плакалъ такимъ образомъ объ Іерусалимѣ, Тотъ не былъ, какъ клеветали фарисеи, обольстителемъ народа,—не желалъ бѣдствій Своему отечеству!

Шествіе продолжалось. При вступленіи въ городъ, Іисусъ окруженъ былъ еще бо́льшими толпами народа, такъ что, когда Онъ вошелъ въ Іерусалимъ, то, по выраженію святого Матѳея, *потрясеся весь градъ* (Матѳ. 21, 10). Всякому желалось знать, кто это идетъ съ такою торжественностью. Мысль, что это Іисусъ, не вдругъ могла придти тому, кто зналъ Его прежнее обращеніе и грозное опредѣленіе противъ Него синедріона. Тѣмъ паче, сопровождавшій Господа, народъ съ радостію кричалъ въ отвѣтъ, что это Іисусъ, великій Пророкъ изъ Назарета!

Шествіе направлено было прямо къ храму, который всегда служилъ единственнымъ и какъ бы естественнымъ пристанищемъ Сына Божія. Такъ впрочемъ поступали и всѣ путешественники, когда приходили на праздникъ, желая первѣе всего явиться, такъ сказать, лицу Бога отцовъ своихъ. Вошедъ въ храмъ [2]), Господь осмотрѣлъ все, въ

[1]) Бѣдственные дни сіи пришли спустя 38 лѣтъ. Іерусалимъ, по распоряженію Тита, дѣйствительно со всѣхъ сторонъ былъ окруженъ высокимъ валомъ, такъ что нельзя было ни войти въ него, ни выйти.

[2]) Подъ храмомъ, какъ въ семъ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ говорится, что Іисусъ Христосъ вошелъ во храмъ, училъ въ храмѣ и проч.,—должно разумѣть внѣшнюю часть храма, которая состояла въ пространномъ, раздѣленномъ на различныя отдѣленія, дворѣ и внѣшнихъ многочисленныхъ при-

немъ находившееся (Марк. 11, 11: περιβλεψάμενος πάντα). Можно было подумать, что Онъ, яко Господь храма, вполнѣ вступилъ въ права Свои и намѣренъ требовать отчета у тѣхъ, коимъ онъ ввѣренъ былъ въ Его отсутствіе. И для обыкновеннаго ревнителя благочестія, тѣмъ паче для Сына Божія, храмъ Іерусалимскій представлялъ теперь не мало безпорядковъ, требующихъ исправленія; но оно отложено до слѣдующаго дня, какъ бы для того, чтобы не нарушить торжественности настоящаго. Къ новому посѣтителю и Владыкѣ храма немедленно собрались, какъ меньшіе братія Его,—хромые, слѣпые и прочіе недужные, кои и всегда, тѣмъ паче теперь во множествѣ находились при храмѣ: всѣмъ имъ преподано исцѣленіе (Матѳ. 21, 14). Такое обиліе чудесъ еще болѣе должно было увеличить всеобщую радость: торжественное «осанна!» начало раздаваться въ самомъ храмѣ. Особенно трогательное зрѣлище представляли малыя дѣти, кои, подражая старшимъ, повторяли: «осанна Сыну Давидову!» Псаломъ, изъ котораго взяты слова сіи, былъ имъ извѣстенъ на память, такъ какъ въ праздникъ Кущей его пѣвали цѣлыми семействами. Среди общаго восторга имъ казалось, что вмѣстѣ съ Пасхою наступилъ теперь и сей праздникъ, заключавшій въ обрядахъ своихъ весьма много символическаго и занимательнаго для всякаго, особенно для дѣтей. Іисусъ Христосъ всегда благоволилъ къ дѣтямъ [1]), въ коихъ природа человѣческая является въ простотѣ и откровенности, любезной для сердца добраго. Но первосвященникамъ и книжникамъ восклицанія въ честь Богочеловѣка дѣтей казались жалкимъ тріумфомъ, приличнымъ только такому человѣку, который, по собственнымъ Его словамъ, не имѣлъ гдѣ подклонить главу. «Слышишь ли, замѣтили съ негодованіемъ нѣкоторые изъ нихъ, что они говорятъ? Какую, то есть, честь Тебѣ оказываютъ?»—А вы, отвѣчалъ Господь, развѣ никогда не читали въ Писаніи: *яко изъ устъ младенецъ и ссущихъ совершилъ еси хвалу* (Матѳ. 21, 16)?

Слова сіи содержали въ себѣ и самый лучшій отвѣтъ, и самый сильный упрекъ книжникамъ, потому что за ними

стройкахъ къ самому храму. Святое и Святое Святыхъ, кои собственно составляли храмъ, были неприступны для людей, не принадлежащихъ къ сословію священниковъ. v. Rosenm. in Alterthumskunde.

[1]) Gratz. Comment. in Matth. 21, 15. Lightfootus in Hor. Heb. et Talmud.

въ псалмѣ слѣдуетъ: *врагъ твоихъ ради, еже разрушити врага и местника* (Псал. 8, 3). Ибо кто болѣе враждовалъ противъ Іисуса, какъ не первосвященники и книжники?

Давидъ въ помянутомъ псалмѣ описываетъ величіе Божіе, которое столь явно повсюду, что самые грудные младенцы чувствуютъ оное и прославляютъ Бога. Іисусъ Христосъ, относя сіе описаніе Давидова къ настоящему случаю, какъ бы такъ говорилъ книжникамъ: вмѣсто того, чтобы недоумѣвать и издѣваться надъ дѣтьми, вамъ бы должно было устыдиться ихъ безъискусственныхъ восклицаній: эти малолѣтніе, признавая Меня въ младенческой простотѣ своей за Мессію, вразумляютъ своимъ примѣромъ васъ—престарѣлыхъ!

Враги и местники умолкли, — и Господь безпрепятственно оставался въ храмѣ до окончанія дня, занимая, вѣроятно, народъ поучительными бесѣдами. Съ наступленіемъ вечера Онъ оставилъ не только храмъ, но и городъ, и, въ сопутствіи двѣнадцати учениковъ Своихъ, удалился паки въ Виѳанію. Тамъ, среди друзей, Онъ могъ совершенно предаться успокоенію, особенно нужному послѣ такого дня, который и для Іерусалима и для Него Самого былъ днемъ единственнымъ и чрезвычайнымъ.

Для учениковъ Іисусовыхъ день сей былъ какъ бы пріятнымъ видѣніемъ. Высокая цѣль знаменательныхъ дѣйствій ихъ Учителя, по признанію одного изъ нихъ, не была ими понята (Іоан. 12, 16). Находя въ событіяхъ сего дня столь много благопріятствующаго своему мнѣнію о скоромъ воцареніи Учителя надъ Израилемъ, они не могли не думать, что, объявивъ Себя, какъ имъ казалось, Мессіею, Онъ съ сего времени будетъ дѣйствовать рѣшительнѣе, и такимъ образомъ скоро достигнется конецъ ихъ пламенныхъ желаній, то есть, Его видимое воцареніе надъ Израилемъ.

Вечеръ, проведенный въ Виѳаніи послѣ того дня, не могъ быть проведенъ безмолвно. Въ кругу учениковъ и друзей Господь, безъ сомнѣнія, пояснялъ знаменательныя событія прошедшаго дня; по крайней мѣрѣ сколько нужно было для устраненія ложной мысли, что Его торжественное вшествіе во Іерусалимъ предпринято было съ какою-либо мірскою цѣлію.

Какъ отрадно, безъ сомнѣнія, было бы для Богочеловѣка

теперь, на концѣ великаго поприща Своего, раскрыть предъ учениками и всѣ прочіе Божественные виды Свои, ввести ихъ, такъ сказать, въ самую среду великихъ судебъ Божіихъ, кои въ лицѣ Его вскорѣ должны были совершиться!—Возвышенныя души всегда тяготятся и скорбятъ, если не могутъ сообщать другимъ всего прекраснаго и великаго, которое зрѣетъ въ ихъ глубинѣ. Что же могло быть величественнѣе и святѣе рѣшимости—принести Себя въ жертву за спасеніе міра, которая управляла теперь всѣми дѣйствіями Богочеловѣка? И когда нужнѣе было дружеское участіе, какъ не теперь, когда, — сообразно высокой цѣли искупленія человѣковъ, — изъ любви къ истинѣ и добродѣтели, надлежало идти на крестъ? Но ученики и друзья Іисусовы еще не способны были вознестись на ту высоту, съ которой Сынъ Человѣческій взиралъ на Свое предназначеніе — быть Спасителемъ рода человѣческаго. Потому, при всемъ желаніи раздѣлять съ ними всѣ чувства Свои, Онъ долженъ былъ до самаго креста скрывать въ собственномъ сердцѣ бо́льшую часть тѣхъ возвышенныхъ истинъ, кои служили основаніемъ Его великой дѣятельности. Только Отецъ Небесный зрѣлъ возлюбленнаго Сына во всей лѣпотѣ Его нравственныхъ совершенствъ; только сонмы премірныхъ духовъ (Іоан. 1, 51) могли созерцать великую цѣль, для которой подвизался Сынъ Человѣческій,—высоту и чистоту средствъ, Имъ употребленныхъ, и то послушаніе и самоотверженіе, по коему Онъ, *будучи въ образѣ Божіемъ,* благоволилъ смирить Себя *до смерти крестной.*

Среди ночной тишины, въ молитвѣ предъ Отцемъ, безъ сомнѣнія, еще болѣе пролито слезъ о несчастной участи народа Іудейскаго, нежели сколько было видимо оныхъ на лицѣ Богочеловѣка при торжественномъ входѣ во Іерусалимъ.

Входъ сей, еще болѣе, нежели воскресеніе Лазаря, привелъ въ замѣшательство враговъ Іисусовыхъ. Тотъ, Кого верховный синедріонъ осудилъ на смерть, Коего самое мѣстопребываніе долженъ былъ объявлять начальству каждый, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго наказанія,— Тотъ Самый предъ лицемъ синедріона торжественно вошелъ во Іерусалимъ, провелъ полдня въ храмѣ, принялъ почести, принадлежащія Мессіи, и удалился въ Свое уединеніе, какъ побѣдитель! — Случай сей показалъ, что значитъ и какъ

много можетъ нравственная доблесть противъ коварства и злобы. Сынъ Давидовъ не имѣлъ ни одного служителя, который бы вступился за Него (Іоан. 18, 36); легіоны Ангеловъ, всегда бывшихъ въ готовности вспомоществовать Сыну Божію (Матѳ. 26, 53), пребывали только безмолвными зрителями Его вшествія; за Него дѣйствовали одна истина и правда; — и между тѣмъ цѣлый синедріонъ не могъ ничего сдѣлать противъ Него, призналъ себя побѣжденнымъ!!...

Злоба онѣмѣла, но въ тишинѣ дѣйствовала. Успѣхъ Іисуса производили изъ того, что противъ Него не предпринято было рѣшительныхъ мѣръ. «Видите ли, говорили фарисеи старѣйшинамъ, что вы не успѣваете ничего по своей нерѣшительности? За Нимъ идетъ весь міръ» (Іоан. 12, 19). Посему рѣшено дѣйствовать безъ отлагательства, однако же по прежнему болѣе тайно, по причинѣ всеобщаго расположенія къ Іисусу Христу народа, которое не позволяло употребить открытой силы. Не малая часть ненависти пала и на Лазаря, воскресеніе коего было главною причиною, что народъ оказалъ столько усердія при встрѣчѣ Іисуса: положили снова отнять ту жизнь, которая столь чудесно дарована ему въ другой разъ! (Іоан. 12, 10).

Такія ужасныя мѣры, принятыя синедріономъ, по крайней мѣрѣ главами его, вслѣдствіе входа Іисуса Христа во Іерусалимъ,—требуютъ, чтобы мы еще остановились размышленіемъ на семъ событіи и разсмотрѣли оное въ его истинномъ значеніи.

Обозрѣвая служеніе Іисуса Христа, припоминая, какъ Онъ поступалъ до сего времени; какъ тщательно уклонялся всѣхъ случаевъ, гдѣ усердіе народа могло дойти до необдуманныхъ дѣйствій въ Его пользу; какъ часто самимъ послѣдователямъ и ученикамъ Своимъ запрещалъ объявлять всенародно, что Онъ есть всѣми ожидаемый Царь Израилевъ; какъ наконецъ постоянно отвергалъ всякую земную почесть, отдалялъ всѣ поводы къ той мысли, что Онъ имѣетъ какіе-либо виды на престолъ Своихъ праотцевъ по плоти: припоминая, говорю, все это и взирая на Іисуса Христа въ продолженіе настоящаго дня, иной можетъ подумать, что Имъ принятъ теперь какъ бы другой, противоположный образъ дѣйствія, что Онъ намѣренъ, сообразно всеобщимъ ожиданіямъ. дѣйствительно явить Себя видимымъ царемъ Израиля и возстановить престолъ Давида, хотя не въ такомъ

плотскомъ видѣ, какъ то воображали многіе изъ Іудеевъ. Между тѣмъ Божественный Учитель истины оставался неприложно тѣмъ же, чѣмъ былъ прежде; и торжественный входъ Его въ Іерусалимъ совершенъ съ полною увѣренностію (Матѳ. 20, 17—19; Марк. 10, 32—34; Лук. 18, 31—34; Іоан. 11, 7—16), что чрезъ нѣсколько дней въ семъ же Іерусалимѣ Его осудятъ на смерть, предадутъ язычникамъ и пригвоздятъ ко кресту, какъ величайшаго преступника. Что же послѣ сего была за цѣль столь необыкновеннаго поступка? Для чего допущено Богочеловѣкомъ, чтобы предъ самымъ страданіемъ и смертію возданъ былъ Ему нѣкій видъ царственной почести, отъ коей Онъ такъ постоянно уклонялся во время Своего служенія? Подобнымъ снисхожденіемъ Его къ патріотическому восторгу народа, искавшаго видѣть въ Немъ возстановителя престола Давидова, не могла ли даже питаться въ народѣ мечтательная надежда земного царства Мессіи, которую Онъ старался искоренять столь ревностно? Самымъ врагамъ Іисусовымъ не давалось ли чрезъ сіе благовиднаго предлога обвинять Его въ какихъ-либо земныхъ замыслахъ? — Вопросы сіи, занимавшіе еще св. Златоуста, тѣмъ паче должны остановить на себѣ наше размышленіе, что вшествіе Іисуса Христа во Іерусалимъ не разъ подвергалось превратнымъ толкамъ враговъ христіанства [1]).

Евангелисты Матѳей и Іоаннъ, повѣствуя о входѣ въ Іерусалимъ, замѣчаютъ (Матѳ. 21, 4—5; Іоан. 12, 14—15), что событіе сіе послѣдовало вслѣдствіе предсказанія пророка о таковомъ вшествіи во Іерусалимъ Мессіи. Посему на вышепредложенные вопросы можно бы отвѣчать (какъ и отвѣчали нѣкоторые) [2]), что Спаситель, — Который еще Своему Предтечѣ благоволилъ сказать, что Ему надобно *исполнить всякую правду,* и по воскресеніи ученикамъ Своимъ объявилъ (Лук. 24, 25—27), что на Немъ надлежало исполниться всему, писанному о Немъ Моисеемъ и пророками,— восхотѣлъ исполнить и пророчество о входѣ Своемъ въ Іерусалимъ, и притомъ — буквально, дабы тѣ изъ Іудеевъ, кои знали и понимали [3]) сіе пророчество (а такіе были), не

[1]) Vom Zwecke Jesu und Seiner Junger, 1778. Catèchisme de l'honnet-homme p. 34—40.

[2]) Bergers Moral. Einleitung in das N. T. 1. Th. S. 238—40.

[3]) Conf. Haulus in Comment, гдѣ приведены свидѣтельства древнихъ раввиновъ о смыслѣ пророчества.

имѣли права сказать, что на Немъ сего не исполнилось. Но такимъ отвѣтомъ дѣло было бы рѣшено только въ половину; потому что выраженія Евангелистовъ: *да сбудется реченное пророкомъ, да исполнится Писаніе* и проч., означаютъ не причину событія, а указаніе на пророчество о событіи: такъ какъ и вообще Мессія имѣлъ сдѣлать то или другое не потому, что пророки представляли Его поступающимъ такимъ или другимъ образомъ; а напротивъ пророки изображали Его въ томъ или другомъ видѣ потому, что Ему надлежало по другимъ причинамъ имѣть сей, а не другой видъ. Посему полнаго отвѣта на вопросъ о цѣли торжественнаго вшествія Іисусова въ Іерусалимъ должно искать не въ предсказаніи, которое само зависѣло отъ событія, а въ существѣ и обстоятельствахъ самаго событія.

И дѣйствительно, обращая вниманіе на служеніе Іисуса Христа, и особенно на Его отношеніе къ народу Іудейскому, не трудно примѣтить, что такое событіе, какъ торжественное вшествіе въ Іерусалимъ, было нужно, — и именно предъ Его страданіемъ.

Іисусъ Христосъ пришелъ на землю, какъ Спаситель всего рода человѣческаго, но пришелъ яко Мессія, обѣщанный предварительно народу Іудейскому и имѣющій среди него явиться міру. Какъ обѣтованный Израилю Мессія, возвѣщенъ Онъ Пресвятой Дѣвѣ Маріи (Лук. 1, 32—33) при самомъ Его зачатіи, а при рожденіи — пастырямъ виѳлеемскимъ (Лук. 2, 10—12); какъ обѣтованный Израилю Мессія, указанъ Онъ Іоанну Крестителю (Іоан. 1, 33), а Іоанномъ — народу (Іоан. 1, 36); какъ обѣтованный Израилю Мессія, Онъ училъ, творилъ чудеса, обличалъ, пророчествовалъ и проч. Кто изъ Іудеевъ былъ внимателенъ къ ученію Іисуса Христа и Его дѣяніямъ и судилъ безпристрастно, тотъ давно могъ признать Его въ своемъ сердцѣ Мессіею, хотя бы и не слыхалъ торжественнаго объявленія о Его достоинствѣ. Но для большей части народа требовалось, чтобы Онъ Самъ всенародно объявилъ Себя Мессіею, предвозвѣщеннымъ пророками: въ народѣ господствовало даже мнѣніе, что Мессія откроется хотя внезапно (Іоан. 7, 27), впрочемъ такъ торжественно, что о приходѣ Его узнаютъ всѣ Іудеи во всѣхъ концахъ свѣта. Въ семъ ожиданіи, конечно, было не безъ мечтательности; но было нѣчто и совершенно справедливое,

основанное на предсказаніяхъ пророковъ и на самомъ существѣ дѣла; ибо явленію такого великаго и необыкновеннаго лица, какъ Мессія, по необходимости, надлежало придти во всеобщую извѣстность.

Но сего-то самаго и не было еще сдѣлано доселѣ. Іисусъ Христосъ не только не именовалъ Самъ Себя прямо Мессіею, но часто даже ученикамъ Своимъ запрещалъ называть Себя предъ народомъ этимъ именемъ (Матѳ. 12, 16; 16, 20; Марк. 1, 34. 44—45; 3, 12; 5, 43; 7, 24; Лук. 4, 41; 5, 14 и пр.), поступая въ семъ случаѣ по плану Своей Божественной премудрости. Посему нѣкоторые, съ истиннымъ или притворнымъ усердіемъ, говорили Ему громко: «доколѣ души наши вземлеши? (долго ли Тебѣ держать насъ въ недоумѣніи?) Аще Ты еси Христосъ, рцы намъ не обинуяся (скажи намъ прямо—Іоан. 10, 24). Для удовлетворенія всѣмъ симъ нуждамъ, для отклоненія всѣхъ недоумѣній, Сыну Человѣческому надлежало явиться дщери Сіоновой въ полномъ видѣ Царя кроткаго, дабы она, отвергнувъ въ Немъ Жениха своего, не могла сказать, что отвергла Его по невѣдѣнію. И вотъ въ семъ самомъ и состояла главная цѣль настоящаго торжественнаго входа Іисусова въ Іерусалимъ [1]). Это было для всѣхъ Іудеевъ всенароднымъ объявленіемъ, что Іисусъ Христосъ есть ихъ истинный Мессія. Неоспоримымъ доказательствомъ сего служатъ собственныя слова Его, произнесенныя Имъ, какъ мы видѣли, предъ вратами Іерусалима: «о если бы ты хотя въ сей день твой уразумѣлъ, что̀ служитъ къ спасенію твоему!» Выраженіе: *день сей твой* показываетъ чрезвычайную важность настоящаго событія для народа Іудейскаго, ту важность, которую мы сейчасъ усвоили ему. Дѣйствительно, *днемъ симъ,* съ отверженіемъ Мессіи, навсегда была рѣшена судьба народа Израильскаго. Въ такомъ случаѣ подлинно, если бы ученики умолкли, то заговорили бы самые камни. Такъ время было важно и невознаградимо!

Не трудно усмотрѣть, почему такому всенародному объявленію,—что Іисусъ Христосъ есть Мессія,—надлежало послѣдовать не прежде, какъ при самомъ концѣ Его служе-

---

[1]) Harras Bemerkungen über den letzten Einzug Jesu zu Jerusalem in Eichhorn. Bibl. 10. 189—242.

нія [1]). Непремѣннымъ слѣдствіемъ его со стороны синедріона имѣло быть если не принятіе за Мессію, то рѣшительное преслѣдованіе Іисуса Христа и Его смерть; но смерть прежде сего была бы безвременна, потому что еще не было положено прочное основаніе Царству Божію на землѣ, для учрежденія коего сошелъ на землю Сынъ Божій. Съ другой стороны, если бы Іисусъ Христосъ, объявивъ Себя Мессіею и, слѣдовательно, по понятію народа царемъ Израиля, оставался на землѣ долѣе, то народъ Іудейскій, вѣроятно, не удержался бы отъ безпокойныхъ движеній и произвелъ бы, во имя пришедшаго Мессіи, возстаніе противъ Римлянъ. Теперь краткость времени, протекшаго до страданій Іисуса Христа, не позволила мечтательности народной дойти до подобной крайности, а крестъ Его рѣшительно полагалъ конецъ въ послѣдователяхъ Его всѣмъ подобнаго рода замысламъ.

Независимо отъ сего, нельзя не примѣтить, что для входа въ Іерусалимъ избранъ былъ, и конечно не безъ особеннаго намѣренія, тотъ самый день (10 марта), въ который въ каждомъ семействѣ избирали агнца, имѣвшаго служить «пасхою». Кто видѣлъ въ агнцѣ пасхальномъ не одинъ припоминательный знакъ прошедшаго благодѣянія Божія, оказаннаго праотцамъ Іудеевъ въ Египтѣ, но и прообразованіе великаго Агнца Божія, имѣвшаго придти для искупленія грѣховъ всего міра (а такіе люди были—Іоан. 1, 3, 6),—для того такое совпаденіе времени долженствовало быть весьма поучительно. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ Своего входа въ Іерусалимъ, остальные дни до Своей смерти Іисусъ Христосъ обращался между народомъ уже не иначе, какъ жертва, видимо обреченная на закланіе: дни сіи проведены были и Имъ Самимъ и врагами Его именно въ приготовленіи къ Его смерти.

Что касается до самаго образа вшествія въ Іерусалимъ и его подробностей, то въ семъ отношеніи, явно, поступлено въ сообразность древнему пророчеству, и поступлено съ

[1]) Іисусъ Христосъ — разсуждаетъ св. Златоустъ, часто приходилъ въ Іерусалимъ, но никогда — съ такимъ торжествомъ. Почему такъ? — Прежнія посѣщенія Его были только началомъ домостроительства спасенія; Онъ Самъ еще не былъ всѣмъ извѣстенъ, и еще не наступило время страданій. Посему Онъ до сего времени не объявлялъ о Себѣ особеннымъ образомъ, даже какъ бы скрывался.—Но, послѣ того, какъ показалъ много опытовъ Своего всемогущества, когда крестъ уже былъ при дверяхъ, Онъ объявляетъ о Себѣ съ торжествомъ... Все сіе могло быть сдѣлано съ самаго начала, но не принесло бы пользы. Hom. in Math. 66. al 67.

величайшею мудростію (Зах. 9, 9). Не смотря на нѣкоторую, по сей причинѣ, неизбѣжную торжественность, все было предусмотрѣно, такъ, чтобы исполненіе пророчества не послужило пищею для народной мечтательности о земномъ царствѣ Мессіи. Между почитателями Іисуса Христа было не мало людей важныхъ и богатыхъ, которые, по одному слову Его, могли бы доставить Ему все нужное для того, чтобы явиться дщери Сіоновой въ величіи Царя Израилева. Но Онъ не дѣлаетъ сего; является всему Іерусалиму съ обычною для Него простотою, смиреніемъ, даже убожествомъ: Его именуютъ царемъ Израилевымъ; Ему поютъ: «осанна»; предъ Нимъ сыплютъ вѣтви, постилаютъ одежды,—почести, выражающія величайшую любовь, искренность и силу усердія... Но гдѣ торжественная колесница? гдѣ вооруженные слуги? гдѣ царскія украшенія? — Все это замѣнено двѣнадцатью учениками, столь же убогими, какъ и Учитель, ослицею и осленкомъ, взятыми на время у другихъ!... Самый послѣдній изъ владѣльцевъ никогда не являлся въ такой простотѣ и убожествѣ, какъ теперь—Іисусъ! Все, чѣмъ украшался входъ Его, состояло въ непритворной радости и усердіи народа и учениковъ Его, такъ что внимательный наблюдатель уже теперь могъ видѣть ту святую истину, изреченную впослѣдствіи предъ Пилатомъ, что царство Іисуса Христа не отъ міра сего [1]).

Посему, вслѣдъ за отцами Церкви, можно сказать о семъ торжественномъ входѣ еще гораздо болѣе, а именно, что цѣлію его было между прочимъ и намѣреніе, одушевлявшее всѣ поступки Іисуса,—уничтожить въ умѣ Своихъ соотечественниковъ мечту о земномъ царствѣ Мессіи. Въ самомъ дѣлѣ, мнимымъ основаніемъ сей мечты служили преимущественно тѣ мѣста у пророковъ, гдѣ Мессія описывается какъ царь. Іисусъ Христосъ всенародно показалъ теперь, какъ можно быть Царемъ-Мессіею, описаннымъ пророками, и въ то же время быть совершенно чуждымъ земного владычества. Послѣ сего нѣтъ никакого мѣста той ложной мысли, которая сдѣлалась въ послѣдствіи времени такъ всеобщею между Іудеями, то есть, что пророчества о Мессіи, по ихъ рѣзкой противоположности, не иначе, можно согласить какъ до-

[1]) Eusеb. l. 8. Demonstr. c. 4. Chrysost. in Hom.

пустивъ двухъ Мессій: одного—сильнаго, царя, Сына Давидова; другого—безславнаго, страждущаго и умирающаго, отъ колѣна Ефремова. Іисусъ Христосъ, съ нравственно-духовнымъ величіемъ Своимъ, съ Своимъ страданіемъ и смертію, совмѣстилъ въ Себѣ въ семъ случаѣ то, что̀ въ предсказаніяхъ пророковъ о Мессіи казалось земнымъ, частнымъ и мѣстнымъ, именно, чувственное явленіе всему народу Израильскому въ видѣ царя, ѣдущаго на маломъ ослѣ, и принятіе отъ Іерусалима всенародныхъ почестей, въ качествѣ Сына Давида.

Если бы, примѣтимъ еще, въ торжественномъ вшествіи Іисуса Христа въ Іерусалимъ заключалось что-либо противное существовавшему тогда гражданскому порядку вещей, что-либо неблагопріятное для тогдашняго Римскаго правительства: то возможно ли, чтобы Римская стража, всегда строгая, а особенно усугублявшая свою бдительность во время праздниковъ, не обратила никакого вниманія на это вшествіе? Но подобнаго вниманія нисколько не обращено.— Возможно ли, чтобы сіе событіе осталось въ совершенной неизвѣстности для игемона Іудейскаго, человѣка подозрительнаго и весьма строгаго, который, для поддержанія Римскаго самовластія, охотно употреблялъ огонь и желѣзо при самыхъ неважныхъ подозрѣніяхъ [1])? Но Пилатъ, какъ изъ всего видно, нисколько не зналъ или не заботился о семъ событіи. Не очевидно ли послѣ сего, что, по мнѣнію самой Римской стражи и начальства,—свидѣтельство, сильнѣе коего нельзя и желать,—вшествіе Іисуса Христа въ Іерусалимъ не только не заключало въ себѣ ничего несовмѣстнаго съ видами Римлянъ, съ выгодами кесаря, но и не выходило изъ обыкновеннаго порядка вещей.

Обратимся наконецъ къ самымъ врагамъ Іисусовымъ: кто сильнѣе ихъ могъ клеветать на Него? И кто готовѣе былъ на клеветы противу Него всякаго рода?—Однако же, при всей злобѣ своей, они не осмѣлились поставить Ему въ вину входа Его въ Іерусалимъ ни въ синедріонѣ, ни предъ Пилатомъ: такъ дѣло сіе было чисто, невинно, свято.

[1]) Лук. 13, 1. Joseph Antiq. 18, 3. 2.

Проклятіе смоковницы и изгнаніе изъ храма торжниковъ.

(Возвращеніе въ Іерусалимъ по утру изъ Виѳаніи.—Гладъ.—Проклятіе смоковницы.—Его значеніе —Изгнаніе изъ храма торжниковъ.—Приличіе и необходимость сего поступка.—Наставленіе ученикамъ по случаю изсохшей смоковницы.)

Во избѣжаніе тайныхъ козней отъ враговъ и волненій народныхъ, Господь всѣ послѣднія ночи предъ страданіемъ и смертію Своею проводилъ внѣ Іерусалима, въ кругу усердныхъ почитателей и друзей; но поприщемъ послѣднихъ дѣйствій Его долженствовалъ быть Іерусалимъ, какъ вмѣстилище всего священнаго, какъ средоточіе всенародной дѣятельности. Посему, едва только наступило утро, Господь вмѣстѣ съ учениками отправился во святой градъ тѣмъ же, что и вчера, путемъ, но уже безъ всякой торжественности, которая и вчера была болѣе естественнымъ слѣдствіемъ необыкновеннаго стеченія обстоятельствъ, нежели дѣйствіемъ особенныхъ плановъ и предварительныхъ соображеній. Свѣжесть весенняго утра, чистота горнаго воздуха, разнообразіе видовъ, представляющихся съ Елеона, дѣлали сіе путешествіе весьма пріятнымъ и легкимъ. — Господь почувствовалъ голодъ, и желалъ Его утолить теперь же, вѣроятно, не предполагая быть въ Іерусалимѣ гдѣ-либо, кромѣ храма. Какъ бы для сего самаго представилось недалеко отъ пути смоковничное дерево. Пора смоквъ еще не наступила; но какъ дерево покрыто было листьями (на смоковницѣ листья выходятъ послѣ плодовъ), то надлежало предполагать, что это одна изъ позднихъ смоковницъ, на коихъ плоды держатся иногда во всю зиму и дозрѣваютъ весною среди новыхъ листьевъ [1]). И Господь пошелъ прямо къ смоковницѣ, чтобы утолить плодами ея Свой голодъ. Но на деревѣ не нашлось ни одного плода зимовалаго; не было признака и новыхъ лѣтнихъ плодовъ: смоковница была совершенно безплодна! Это огорчило всѣхъ; Самъ Господь, противъ обыкновенія Своего, казался недовольнымъ. *Да николиже отъ тебе плода будетъ во вѣки,* сказалъ Онъ, возвращаясь отъ

[1]) Въ Палестинѣ растутъ три рода смоковницъ: а) раннія, кои завязываются въ мартѣ, зрѣютъ въ іюлѣ (Исаіи 28, 4; Іер. 24); б) керенузы, завязывающіяся въ іюлѣ, спѣющія въ августѣ; и в) позднія, на коихъ плоды остаются до весны. (Plin. H. N. 1627. Warnek. Hebr. Alter. p. 131. Bochart. descript. ter. s. p. 332).

безплоднаго дерева.—Слова сіи произнесены были, повидимому, въ тонѣ обыкновеннаго негодованія: смоковница однако же тотчасъ начала засыхать; и послѣдствіе показало, что въ нихъ заключалось проклятіе (Матѳ. 21, 18—22; Марк. 11, 12—14).

Если бы кто изъ нынѣшнихъ любомудровъ находился тогда въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ, то, вѣроятно, изумился бы при семъ случаѣ. «Какъ? проклинать невинное дерево за то, что оно не удовлетворило голода! Такъ не поступаютъ и обыкновенные мудрецы!»—Но Апостолы вовсе не знали подобнаго любомудрія; не почли даже нужнымъ спросить своего Учителя, за что Онъ такъ строго поступилъ со смоковницею, измѣнилъ, повидимому, прежнимъ Своимъ правиламъ—терпѣнія и кротости. «Если Онъ проклялъ смоковницу (думали, конечно, ученики), то имѣлъ на то причины, и безъ сомнѣнія, самыя достаточныя и справедливыя: въ Его поступкахъ скрывается какой-либо урокъ для насъ. Въ самомъ дѣлѣ, смоковница не исполняетъ своего предназначенія—не приноситъ плодовъ; между тѣмъ величается листьями, обманываетъ всякаго своимъ видомъ, какъ бы она была дѣйствительно тѣмъ, чѣмъ ей быть надобно. Подобное видимъ и въ нѣкоторыхъ людяхъ: ни смоквы, а всѣ въ листьяхъ! И съ ними будетъ то же; и на нихъ не можетъ почивать Божіе благословеніе. О, смоковница проклята не напрасно!»

Мысли сіи тѣмъ удобнѣе могли представляться соображенію учениковъ, что неплодная смоковница уже служила (и, можетъ быть, не разъ) въ бесѣдахъ Господа символомъ человѣка грѣшника. Евангелистъ Лука сохранилъ цѣлую притчу, взятую отъ смоковницы (Лук. 13, 6—9). Въ сей притчѣ она представлена пощаженною въ надеждѣ будущаго плодоношенія; ее велѣно окопать и осыпать пометомъ (чувственное выраженіе Божія долготерпѣнія къ грѣшникамъ).—Теперь смоковница проклята за неплодіе: знаменіе правосудія, которое рано или поздно слѣдуетъ за долготерпѣніемъ и казнитъ нераскаянныхъ. Такимъ образомъ прежняя притча служила для учениковъ изъясненіемъ настоящаго поступка ихъ Учителя; а сей поступокъ дополнялъ урокъ, заключавшійся въ притчѣ, показывая, что время долготерпѣнія Божія къ грѣшникамъ имѣетъ свой срокъ

и конецъ, и что нераскаянность, особенно лицемѣріе, скорѣе всего низводятъ на главу нераскаяннаго грѣшника мщеніе небесное.

Сынъ Божій, — разсуждаетъ при семъ случаѣ святой Златоустъ (Бесѣд. 67 на Матѳ.),—сообразно Своему предназначенію—взыскать и спасти погибшее, непрестанно миловалъ, исцѣлялъ, воскрешалъ; между тѣмъ Онъ долженъ былъ хотя единожды явить, что, будучи Спасителемъ міра, Онъ есть вмѣстѣ и будущій Судія человѣковъ; и что благость Божія, и при Его всесильномъ ходатайствѣ, никогда не можетъ обратиться въ потворство неправдѣ и лукавству. И вотъ, для сего святого опыта суда и отмщенія, избирается не человѣкъ какой-либо, даже не существо одушевленное, а бездушная смоковница,—дерево, которое въ Палестинѣ, по многочисленности его, не имѣло никакой цѣны, стоя при пути, не составляло ни чьей собственности и, судя по его неплодности, само по себѣ уже было близко къ тому, чтобы засохнуть; такъ что проклятіе его состояло, можно сказать, болѣе въ чудесномъ обнаруженіи поврежденія, въ немъ уже скрывавшагося, нежели собственно въ лишеніи его плодотворности.

Въ мысляхъ Богочеловѣка поступокъ Его со смоковницею могъ образоваться, такъ сказать, самъ собою. Теперь, при возвращеніи въ Іерусалимъ безплодный, равно какъ и вчера при входѣ въ него, господствующимъ помысломъ въ душѣ Іисуса Христа явно была мысль о нравственномъ безплодіи и душевномъ ожесточеніи Своихъ соотечественниковъ,—о томъ, какъ мало разумѣютъ они время посѣщенія Божественнаго, какъ худо соотвѣтствуютъ любви Божіей, явившейся имъ въ лицѣ Единороднаго Сына Своего! Тѣ самые, отъ коихъ надлежало бы ожидать безпристрастія, готовности ко всему полезному, любви къ истинѣ и религіи, — первосвященники и книжники суть низкіе человѣкоугодники, безчестные самолюбцы. Нигдѣ нѣтъ плодовъ истинной вѣры и любви, а между тѣмъ все покрыто листьями: вездѣ видна внѣшняя набожность, всѣ разсуждаютъ о законѣ, вопіютъ противъ порока. Въ сихъ печальныхъ мысляхъ представляется дерево, по виду обѣщающее весьма много плодовъ. «Ужели и ты, подобно синагогѣ, носишь одну личину, обманываешь другихъ?» —Приходятъ къ дереву и находятъ его

совершенно безплоднымъ. «По крайней мѣрѣ, ты послужишь урокомъ для другихъ; Я покажу на тебѣ, какъ худо лицемѣріе (противъ лицемѣровъ Господь всегда возставалъ съ особенною силою): отселѣ да не будетъ отъ тебя плода во вѣкъ!»

Вступивъ въ городъ, Господь пошелъ прямо во храмъ. Еще чувство святого негодованія, возбужденное мыслію о лицемѣрахъ, изображаемыхъ смоковницею, не совершенно успокоилось, какъ представился новый предметъ, способный возбудить праведный гнѣвъ во всякомъ, кто хотя мало ревновалъ по славѣ Бога Израилева. Внѣшніе притворы, ведущіе въ храмъ, вмѣсто молящихся наполнены были торжниками, изъ коихъ одни продавали вещи, принадлежащія къ Богослуженію [1]), другіе занимались промѣномъ иностранной монеты на Еврейскую [2]). Великое число продающихъ, еще большее — продаваемыхъ вещей, столы съ деньгами, лавки для продавцевъ, всякаго рода жертвенныя животныя [3]), торги, споры, обманъ, раздоры, — производили то, что во всемъ Іерусалимѣ не было мѣста, столько безпорядочнаго и шумнаго, какъ притворъ Соломоновъ. И сей-то самый притворъ былъ издавна предназначенъ для входа и молитвы язычниковъ, коимъ не позволялось проникать далѣе!!... Слѣдствіемъ вышеозначеннаго безпорядка было то, что разсудительный грекъ или римлянинъ, пришедшій по влеченію сердца въ Іерусалимъ и храмъ Соломоновъ, долженъ былъ, вмѣсто назиданія, терпѣть здѣсь шумъ и всѣ неудобства, какимъ подвергаются на торжищахъ! Удивительно ли, если онъ въ такомъ случаѣ, вмѣсто благоговѣнія къ Богу Израилеву, невольно получалъ худыя мысли о Его служеніи и служителяхъ? Такимъ-то образомъ пресвятое имя Божіе хулимо было ради самаго Израиля во языцѣхъ!

Не недостатокъ другого мѣста былъ причиною, что часть храма превратили въ торжище. Внизу, при подошвѣ горы,

[1]) Продажа жертвенныхъ животныхъ была особенно нужна для иностранныхъ Іудеевъ, кои, приходя издалека, не могли ихъ приводить съ собою. Еще Моисей провидѣлъ нужду допустить со временемъ такого рода купли. Числ. 15, 13—15.

[2]) Промѣнъ денегъ нуженъ былъ потому, что ни въ сокровищницу храма, ни въ уплату пошлин, собираемой на храмъ, не принималось иностранной монеты; между тѣмъ у иностранныхъ Іудеевъ Еврейскихъ денегъ было весьма мало, по ихъ неупотребительности въ прочихъ земляхъ

[3]) О количествѣ сихъ животныхъ можно судить по свидѣтельству Флавія, который говоритъ, что въ одну Пасху продано до 250,600 агнцевъ.

на коей стоялъ храмъ, и за его оградою довольно оставалось пустого пространства, гдѣ можно было расположиться торжникамъ. Но тамъ надѣялись менѣе выгодъ и по не столь многой и высокой платѣ за право торговли старѣйшинамъ храма; а въ семъ послѣднемъ и состояло все дѣло. Корысть была душею безпорядка, который, находясь подъ покровительствомъ самыхъ начальниковъ, усилился до высочайшей степени, хотя изъ лучшихъ людей давно всѣ имъ были недовольны.

Іисусъ Христосъ, при самомъ началѣ служенія Своего, въ первую Пасху, уже объявилъ Себя противъ торга въ храмѣ и изгналъ изъ него торжниковъ (Іоан. 2, 14—16). Теперь это было еще необходимѣе. Позволивъ именовать Себя всенародно Сыномъ Давидовымъ, то есть, Мессіею, Онъ симъ самымъ какъ бы наложилъ на Себя обязанность предъ народомъ стать противъ безпорядковъ, вкравшихся въ Богослуженіе: потому что всѣ вѣрили и ожидали, что однимъ изъ главнѣйшихъ дѣйствій будущаго Мессіи должно быть исправленіе Богослуженія и возстановленіе древняго благочестія и благочинія [1]). Притомъ безпорядокъ былъ такъ великъ и, по слѣдствіямъ своимъ, такъ важенъ, что вопіялъ самъ противъ себя.

Святая ревность объяла сердце Іисусово! Съ видомъ Посланника Божія и тѣмъ гласомъ, предъ коимъ всегда трепетали грѣшники и лицемѣры, Онъ требуетъ, чтобъ притворъ былъ немедленно очищенъ. Ученики, зрители, жители Іерусалима, иностранцы—одобряютъ требованіе; самые торжники невольно чувствуютъ. что зашли не въ свое мѣсто,—и безмолвно повинуются. Нѣкоторые медлятъ, хотятъ упорствовать; но симъ только раздражаютъ народъ, который повелѣніе Сына Давидова принимаетъ за велѣніе Самого Бога. Въ нѣсколько минутъ животныя выгнаны, столы и сѣдалища опровергнуты, мѣшки съ деньгами выброшены; все приняло новый лучшій видъ; и мѣсто прежняго мятежа заступила тишина и устройство. Благочиніе простерто до того, что никому не позволялось теперь пронести чрезъ притворъ какую-либо постороннюю вещь (Марк. 11, 16). Къ этому дѣйствію,—для вразумленія непонимающихъ его,—присое-

[1]) V. Berthold. Christolog. p. 163.

динено и поученіе. *Нѣсть ли писано*,—говорилъ Господь,—*храмъ Мой храмъ молитвы наречется всѣмъ языкомъ; вы же* (съ своимъ корыстолюбіемъ) *сотвористе его вертепъ разбойникомъ!*

Кто имѣлъ уши слышать, на того эти слова пророка (Исаіи 56, 7; Іер. 7, 11), приведенныя Спасителемъ, должны были дѣйствовать весьма сильно. Въ нихъ открывалась истинная точка зрѣнія, съ которой надлежало смотрѣть и на безпорядокъ, допущенный первосвященниками, и на ревность противъ него Сына Давидова. Быть домомъ молитвы для всѣхъ народовъ—это составляло самое возвышенное предназначеніе храма Іерусалимскаго, которое имѣлъ въ виду еще основатель его, Соломонъ. Храмъ сей долженствовалъ быть, такъ сказать, всемірнымъ, въ коемъ могли бы находить пристанище всѣ возвышенныя и добрыя души древняго міра; ищущія, по выраженію Платона, единаго Отца природы и человѣковъ. Послѣ плѣна Вавилонскаго, около времени Іисуса Христа, предназначеніе сіе было тѣмъ нужнѣе и тѣмъ удобнѣе и полнѣе могло быть достигаемо, что съ развитіемъ въ родѣ человѣческомъ силъ умственныхъ, многобожіе начало упадать само собою, и во всѣхъ народахъ, особенно грекахъ и римлянахъ, все болѣе являлось людей, требующихъ поклоненія *Единому*. Многіе изъ язычниковъ по тому самому приходили въ Іерусалимъ, желая быть свидѣтелями Богослуженія Іудейскаго; а многіе обращались даже въ Іудейство. При такомъ положеніи вещей, какъ много значило благочиніе въ храмѣ Іудейскомъ! И какъ важенъ былъ притворъ Соломоновъ, предназначенный для язычниковъ!—Если царица Савская почувствовала большое уваженіе къ Соломону, бывъ свидѣтельницею благочинія и порядка, господствовавшаго при дворѣ сего государя: то какого благотворнаго дѣйствія надъ сердцемъ язычниковъ не могли произвести обряды Богослуженія Еврейскаго, если бы въ храмѣ все совершалось по учрежденію и въ духѣ Моисея, Соломона и Ездры!—Но всѣ сіи величественные виды были опущены изъ вниманія: невѣжество и своекорыстіе первосвященниковъ все превратило, унизило,—и домъ всемірной молитвы походилъ на вертепъ разбойниковъ!...

Изъ слушателей Господа, вѣроятно, немногіе вполнѣ могли постигать Его высокія мысли о предназначеніи храма;

впрочемъ всѣ слушали Его съ особеннымъ вниманіемъ (Лук. 19, 48) и показывали къ Нему все большее и большее усердіе, какъ бы предчувствуя, что Божественному Свѣтильнику недолго остается горѣть на свѣщникѣ. Тѣмъ обильнѣе, конечно, были бесѣды къ народу Господа, Который всегда пользовался расположеніемъ Своихъ слушателей, чтобы дѣйствовать на ихъ умъ и сердце. Прежде Ему нельзя было говорить о многомъ,—по крайней мѣрѣ всего; теперь, такъ сказать, у подножія креста Своего, Онъ могъ безпрепятственно сказать народу все, о чемъ ему было нужно и полезно знать.

При наступленіи вечера, Господь опять удалился въ Виѳанію.

На другой день, когда Іисусъ Христосъ съ учениками Своими опять возвращался въ Іерусалимъ, проклятая смоковница уже оказалась совершенно засохшею. Явленіе сіе сильно поразило учениковъ, особенно Петра, который слова Учителя, произнесенныя къ смоковницѣ, принималъ, повидимому, не за рѣшительное проклятіе, а за одно выраженіе неудовольствія. «Равви! воскликнулъ онъ, посмотри: смоковница, которую Ты проклялъ, уже засохла!» Учитель не показалъ никакого вида, что замѣчаніе Петра Ему пріятно; напротивъ, тотчасъ далъ уразумѣть, что для людей, предназначенныхъ дѣйствовать отъ лица Самого Бога для блага всего человѣчества (каковы были Апостолы), подобныя явленія, такъ сильно поражающія воображеніе людей чувственныхъ, не должны заключать въ себѣ особенной важности, а должны быть какъ бы естественны и обыкновенны. *Имѣйте,* — рекъ Господь, — *вѣру Божію* (совершенную и всецѣлую)! *Аминь бо глаголю вамъ, яко аще имате вѣру и не усумнитеся, не токмо смоковничное* (что̀ сдѣлано съ смоковницею) *сотворите, но аще и горѣ сей рцете* (предъ глазами учениковъ былъ Елеонъ): *двигнися и вержися въ море, будетъ; и вся, елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріимете, и будетъ вамъ* (Матѳ. 21, 20—22; Марк. 11, 20—24). (Не для того ли между прочимъ и проклята смоковница, чтобы показана была на опытѣ ученикамъ сила вѣры? — Богочеловѣкъ, совершенно зная Своихъ учениковъ, не могъ не предвидѣть, что исполненіе проклятія надъ смоковницею приведетъ ихъ въ изумленіе и дастъ Ему поводъ преподать

имъ, незабвенное по сему случаю для нихъ, наставленіе въ вѣрѣ). — Но вы должны твердо знать, присовокупилъ Господь, что, приступая къ такой молитвѣ, вамъ надобно прощать все, что̀ вы имѣете на кого-либо; иначе и Отецъ Небесный не проститъ вамъ согрѣшеній вашихъ; а безъ сего прошенія ваши не могутъ имѣть никакой силы (Марк. 11, 25. 26).

Послѣднее наставленіе, повидимому, не совсѣмъ ожиданное, было весьма благовременно для учениковъ, кои имѣли въ немъ большую нужду, и именно теперь. Ибо, при всей добротѣ ихъ сердца, въ нихъ еще не было того безкорыстія и самоотверженія, кои такъ необходимы въ людяхъ, предназначенныхъ быть непосредственными провозвѣстниками воли и путей Промысла и, вслѣдствіе сего предназначенія, снабженныхъ властію повелѣвать — силами природы. Для нихъ, напримѣръ, казалось еще похвальнымъ дѣломъ низвести съ неба огонь для истребленія цѣлыхъ селеній за то единственно, что жители ихъ не оказали Учителю и имъ должнаго уваженія (Лук. 9, 54). При такомъ расположеніи духа учениковъ, вчерашній поступокъ ихъ Учителя съ смоковницею, будучи превратно понятъ, могъ усилить въ нихъ ту неправильную и недостойную ихъ мысль, что Посланникъ Божій имѣетъ право употреблять даръ чудесъ по личнымъ Своимъ видамъ и даже въ отмщеніе врагамъ Своимъ. Тѣмъ нужнѣе посему было напомнить, что вѣра безъ любви ничего не значитъ, какъ во всякомъ человѣкѣ, такъ наипаче въ Посланникѣ Божіемъ. Ученики, безъ сомнѣнія, поняли, къ чему клонилось наставленіе о прощеніи обидъ.—Между тѣмъ наставленіе сіе весьма полезно теперь и для насъ тѣмъ, что рѣшительно показываетъ, въ какомъ расположеніи духа проклята смоковница. Если бы въ семъ случаѣ поступлено было по личному неудовольствію, то поступившій такимъ образомъ не сталъ бы разсуждать по сему случаю о великодушіи и любви ко врагамъ.

Ученики молчали, не смотря на то, что обѣщаніе, данное Учителемъ, было еще чудеснѣе поступка Его съ смоковницею; молчали потому, что Господь говорилъ съ особенною увѣрительностію, и что чудесное въ дѣяніяхъ Его давно расположило ихъ вѣрить безпрекословно всему чудесному въ словахъ.

Подлинно чудесному!—Обѣщать человѣку, что онъ будетъ однимъ словомъ переставлять горы?... Такое обѣщаніе надлежало бы почесть какимъ-либо иносказаніемъ, даже мечтательностію, если бы оно дано было не Тѣмъ, Коего слова суть: *ей и аминь* (2 Кор. 1, 20). Между тѣмъ, столь удивительное обѣщаніе дано не однимъ Апостоламъ, а всѣмъ, — именно всѣмъ вѣрующимъ!—Мы увидимъ, какъ при другомъ случаѣ, рѣшительно будетъ сказано, что всякій истинный послѣдователь Іисусовъ не только сдѣлаетъ то, что̀ Онъ сдѣлалъ (такія же чудеса), но еще болѣе (Іоан. 14, 12). Рѣшительность — истинно Божественная! Не такъ поступаютъ лжеучители: лжепророкъ Аравійскій всѣми способами отклонялъ отъ себя обязанность сотворить какое-либо чудо: Божественный Основатель христіанства не только Самъ непрестанно творилъ чудеса, но и обѣщалъ даръ чудотворенія всѣмъ Своимъ послѣдователямъ! Обѣщалъ, и исполняетъ на самомъ дѣлѣ. Исторія святыхъ мужей, просіявшихъ благочестіемъ, есть вмѣстѣ исторія чудотвореній: нѣкоторые изъ нихъ совершили дѣйствительно чудеса многочисленнѣе Евангельскихъ.

Всенародное посольство къ Іисусу Христу отъ синедріона.

(Поводъ къ посольству. — Вопросъ, имъ предложенный. — Отвѣтъ. — Притчи для вопрошавшихъ, для народа.)

Въ то самое время, какъ Іисусъ Христосъ бесѣдовалъ такимъ образомъ съ учениками о силѣ вѣры и поучалъ ихъ любви ко врагамъ, изувѣрство собственныхъ враговъ Его изобрѣтало новые способы къ Его погубленію. Первосвященники, сильно встревоженные входомъ Его въ Іерусалимъ, еще съ бо́льшимъ негодованіемъ услышали о Его поступкѣ съ торжниками. И въ первый разъ, когда Онъ изгналъ ихъ изъ храма (Іоан. 2, 14—21), фарисеи почли за нужное спросить, на чемъ основываетъ Онъ право поступать такимъ образомъ; но не дѣлали особенныхъ судебныхъ притязаній, удовлетворились, повидимому, таинственнымъ отвѣтомъ Его, что Онъ, въ доказательство Своего Божественнаго посольства, можетъ возстановить въ три дня храмъ изъ развалинъ (Іоан. 2, 19). Тогда Богочеловѣкъ еще не былъ призна-

ваемъ народомъ за Мессію (кромѣ малаго числа людей, удостоившихся особенныхъ откровеній Божіихъ о Немъ, каковы напр. Іоаннъ Креститель, праведный Симеонъ и проч.), и вообще на Него смотрѣли только, какъ на необыкновеннаго Учителя, Который, въ жару благочестивой ревности, позволяетъ Себѣ чрезвычайности. Но теперь о ревности Его судили совсѣмъ иначе: въ поступкѣ Его съ торжниками видѣли дѣйствіе, совершенное въ качествѣ Мессіи, явное вторженіе въ права Іудейской іерархіи, распоряжавшейся храмомъ, новый приступъ къ начатію того общественнаго и религіознаго переворота, котораго всѣ ожидали съ появленіемъ великаго Потомка Давидова.

Въ жару раздраженнаго самолюбія, снова предложено нѣсколько средствъ къ погубленію Іисуса (Лук. 19, 47. 48; Марк. 11, 18); но приверженность народа, Его окружавшаго, дѣлала исполненіе ихъ совершенно невозможнымъ. Посему, въ ожиданіи благопріятнаго случая употребить силу, рѣшились испытать еще одно средство — отправить къ дивному Чудотворцу посольство, отъ лица синедріона, для произведенія въ присутствіи всего народа формальнаго допроса касательно Его поступковъ и намѣреній. Средство сіе имѣло всю возможную благовидность. По общему мнѣнію, синедріону принадлежало полное право—испытывать пророковъ и судить объ ихъ достоинствѣ (Втор. 17, 18; 19, 17; Іезек. 44, 15—24); тѣмъ паче онъ не долженъ былъ оставаться празднымъ зрителемъ дѣйствій человѣка, выдающаго себя за Мессію. Самый народъ давно ожидалъ законнаго изслѣдованія въ отношеніи къ Іисусу Христу. Мѣра сія притомъ казалась самою кроткою и безпристрастною: опредѣленіе о взятіи Іисуса подъ стражу предполагалось уничтоженнымъ, и Ему предоставлялась полная свобода доказывать божественность Своего званія. Между тѣмъ враги Его смѣло могли надѣяться, что преднамѣреваемое изслѣдованіе если не погубитъ Іисуса, то сильно повредитъ Его намѣреніямъ. Ожидали, безъ сомнѣнія, что, въ оправданіе Своихъ поступковъ, Онъ укажетъ на права Мессіи; а объявленію Себя Мессіею могло служить достаточнымъ предлогомъ къ обвиненію Его предъ Римскимъ правительствомъ въ уголовномъ преступленіи (Матѳ. 27, 11; Іоан. 19, 12).

Чтобы придать посольству болѣе важности и показать

народу, что синедріонъ самъ весьма неравнодушенъ къ появленію Мессіи, — посланные избраны изъ всѣхъ сословій, входившихъ въ составъ синедріона, то есть, отряжено по нѣскольку изъ почетнѣйшихъ священниковъ [1]), старѣйшинъ народа и книжниковъ (Марк. 11, 27; Лук. 20, 1).

Едва только Господь вошелъ въ храмъ и началъ учить народъ, посланные отъ синедріона подошли къ Нему съ допросомъ. Необыкновенная цѣль, для которой явились они теперь, дѣлала ихъ, безъ сомнѣнія, предметомъ всеобщаго величайшаго вниманія. Въ лицѣ ихъ какъ бы предсталъ предъ своего Мессію не только синедріонъ, а и весь народъ Іудейскій. Для самыхъ учениковъ Іисусовыхъ посольство сіе должно было имѣть особенную важность. Какъ граждане Іудейскіе, они обязаны были вѣрностію и повиновеніемъ верховному правительству народному. Послѣдуя Іисусу, они пренебрегли власть синедріона, въ той увѣренности, что болѣе должно слушать Мессію, нежели синедріонъ,—Бога, нежели человѣковъ. Но народъ еще не рѣшилъ вопроса о достоинствѣ Іисуса, который они почитали для себя совершенно рѣшеннымъ: посему они могли казаться многимъ какъ бы невѣрными сынами отечества, поспѣшившими поставить свое мнѣніе выше его приговора. Теперь сіе отечество, казалось, само хочетъ единожды и навсегда произнести свое сужденіе о Іисусѣ. И кто же болѣе долженъ былъ дорожить симъ сужденіемъ, какъ не тѣ, кои позволили себѣ предварительно произнести оное и такимъ образомъ выдали себя за предтечей общественнаго мнѣнія? Что ученики Іисусовы были неравнодушны къ мнѣнію о себѣ своего отечества, это видно изъ примѣра Апостола Павла, который самымъ ужаснымъ наказаніемъ для себя почиталъ явиться предъ своими соотечественниками лжецомъ въ отношеніи свидѣтельства Мессіи (1 Кор. 15, 15).

Синедріонъ,—такъ началъ старѣйшій изъ посланныхъ,—желаетъ, по долгу своему, знать: какою властію (божескою или человѣческою) Ты это дѣлаешь,—принимаешь отъ народа названіе Сыномъ Давидовымъ, входишь съ торжествомъ во Іерусалимъ, изгоняешь изъ храма торжниковъ и проч.? И кто Тебѣ далъ власть сію? (отъ Бога ли Ты получилъ

[1]) У Евангелиста они названы первосвященниками не въ строгомъ смыслѣ слова. Дѣян. 4, 6.

оную прямо, или уполномоченъ кѣмъ-либо, имѣющимъ непосредственное общеніе съ Богомъ [1])?

Такая точность и раздѣльность вопроса показывали, что предлагавшіе его были изъ числа книжниковъ [2]).

Господь выслушалъ предложеніе; но, по Своему обыкновенію (Лук. 7, 41—43; 10, 29—37), не отвѣчалъ на него прямо. *Вопрошу вы,* отвѣчалъ Онъ, *и Азъ слово едино, еже аще речете Мнѣ, и Азъ вамъ реку, коею властію сія творю* (Матѳ. 21, 24).

Книжники молчали, показывая согласіе, потому что отвѣчать на вопросъ вопросомъ, какъ поступилъ теперь Господь, не только было дѣломъ, весьма обыкновеннымъ у тогдашнихъ книжниковъ Іудейскихъ, но еще служило чести того, кто отвѣчалъ такимъ образомъ [3]).

Что вамъ мнится,—продолжалъ Господь,—*крещеніе Іоанново* (равно какъ и служеніе его) *откуду бѣ: съ небеси* (отъ Бога) *или отъ человѣкъ* (человѣческое изобрѣтеніе)?

Нельзя было найти вопроса, болѣе близкаго къ дѣлу и въ то же время болѣе способнаго посрамить лукавство синедріона. Народу и ему давно извѣстно было, что служеніе Іисусово находится въ тѣсной и неразрывной связи съ служеніемъ Іоанновымъ,—что послѣдній постоянно, до самой смерти своей свидѣтельствовалъ о великомъ предназначеніи перваго, называя Его Мессіею, а себя Его Предтечею. Посему, если Іоаннъ былъ пророкъ, какъ тѣ признавалъ почти весь народъ, то Іисусъ долженъ быть лице еще высшее: ибо только въ отношеніи къ Мессіи Іоаннъ могъ называть себя другомъ жениховымъ, земнымъ, говорящимъ отъ земли, коему надобно умаляться, недостойнымъ того, чтобы — подобно рабу—понести за Нимъ сапоги (Іоан. 1, 27; 3, 28—31). А посему въ вопросѣ Господа о достоинствѣ крещенія Іоаннова, непримѣтно, но всецѣло, заключался отвѣтъ о достоинствѣ Его собственнаго лица и служенія; и Онъ, предлагая имъ вопросъ сей на рѣшеніе, симъ самымъ отдавалъ Свое дѣло, такъ сказать, на ихъ судъ: безпристрастіе и рѣшимость, какихъ только можно было требовать въ подобныхъ случаяхъ!

---

[1]) Какъ напр. Варухъ былъ посланъ Іереміею.

[2]) Примѣры подобныхъ тонкостей въ изслѣдованіи о достоинствѣ пророковъ во множествѣ встрѣчаются въ Мишнѣ. Sanhedr. 110. § 5.

[3]) V. Schotlg Hor. Hebr. Paulus in comment.

Книжники видѣли, какъ важенъ вопросъ,—чувствовали, что справедливость требуетъ отвѣчать на него, но не могли сказать ни слова: опасность, въ которую они хотѣли поставить Іисуса, была всецѣло обращена теперь на нихъ самихъ. Не трудность вопроса связывала языкъ, привыкшій обращаться по произволу страстей; если бы они были наединѣ съ Іисусомъ, то немедленно отвѣчали бы, что служеніе Іоанново не заключаетъ въ себѣ ничего божественнаго, что онъ имѣлъ какіе-либо нечистые, по крайней мѣрѣ безплодные, виды: таково было мнѣніе большей части фарисеевъ о Іоаннѣ и его крещеніи, почему они и отвергали его (Лук. 7, 30). Но въ присутствіи народа, который весьма много уважалъ Іоанна при жизни, а еще болѣе послѣ его мученической кончины, произнести свое (невыгодное) мнѣніе о его крещеніи—значило подвергнуться очевидной опасности. «Если мы,—разсуждали сами съ собою книжники,—рѣшимся вопреки своего мнѣнія, объявить, что Іоаннъ былъ пророкъ, то Іисусъ скажетъ намъ: «почему вы не приняли его крещенія, зачѣмъ не повѣрили его свидѣтельству обо Мнѣ». Если же откровенно сказать, что въ Іоаннѣ, по нашему мнѣнію, не было ничего необыкновеннаго и въ его крещеніи божественнаго, то народъ въ гнѣвѣ можетъ побить насъ камнями, въ отмщеніе за святого мужа, каковымъ признавалъ Іоанна (Лук. 20, 6).

Сообразивъ это, книжники, вопреки своей привычки представляться народу всевѣдущими, почли за лучшее—молчать. «Не знаемъ, отвѣчали они, откуда Іоанново крещеніе (поелику де синедріонъ еще не рѣшилъ сего вопроса».

Іисусъ Христосъ сказалъ имъ: *ни Азъ вамъ глаголю, коею властію сіе творю.*

Въ самомъ дѣлѣ, указаніемъ на служеніе Іоанново все было сказано, что̀ нужно для синедріона, который искалъ не истины, а только средства погубить Іисуса. Съ другой стороны, книжники уклоненіемъ отъ суда объ Іоаннѣ сами засвидѣтельствовали предъ всѣмъ народомъ, что они неспособны быть судіями пророковъ, тѣмъ менѣе судить о достоинствѣ Мессіи, а потому и не стоятъ прямого отвѣта. Народъ, безъ сомнѣнія, тотчасъ понялъ, что синедріонъ хочетъ поступить такъ же съ Іисусомъ, какъ поступилъ прежде съ Іоанномъ, то есть, неискренно, злонамѣренно и безсовѣстно:

иначе посланные отъ него не сказали бы: «не знаемъ, откуда крещеніе Іоанново»,—давно рѣшивъ между собою, что въ немъ ничего нѣтъ божественнаго.

Чтобы сорвать съ лицемѣровъ самую личину, коею они прикрывались, и показать, что не страхъ или что-либо подобное заставляетъ Его не отвѣчать на вопросъ синедріона, а единственно увѣренность въ безполезности отвѣта, Господь обратился къ посланнымъ съ новымъ вопросомъ, на который имъ нельзя уже было не отвѣчать, хотя отвѣтъ клонился къ совершенному ихъ посрамленію,—и по обыкновенію Своему, заключилъ сей вопросъ въ притчу.

«Можетъ быть,—сказалъ Онъ, воззрѣвъ на книжниковъ,—вамъ легче будетъ дать мнѣніе вотъ на это дѣло: у одного человѣка было два сына. Однажды онъ подошелъ къ первому и сказалъ: «сынъ, поди поработай сегодня въ виноградникѣ моемъ». Но сынъ былъ столь грубъ, что рѣшительно отвѣчалъ: «не хочу!» Но послѣ одумался и пошелъ. Отецъ обратился къ другому сыну и сказалъ ему то же, что̀ первому. Сей со всѣмъ уваженіемъ отвѣчалъ, что онъ немедленно пойдетъ въ виноградникъ; однако же не пошелъ. Который изъ двухъ, присовокупилъ Господь, посмотрѣвъ на книжниковъ, исполнилъ волю отца?»

«Разумѣется, первый»,—гордо отвѣчали книжники, не видя еще куда клонится притча, и рѣшительнымъ отвѣтомъ желая показать, что они ни въ какомъ случаѣ не относятъ ее къ себѣ.

«Не то же ли самое, возразилъ Господь, происходитъ съ вами? — Іоаннъ пришелъ къ вамъ путемъ правды, жилъ и училъ, какъ пророкъ; но вы не повѣрили ему, не принесли покаянія, имъ заповѣдуемаго, вы, кои, подобно тому второму сыну, непрестанно твердите, что согласны исполнять волю отца. Напротивъ, люди, вами презираемые, мытари и грѣшники, оказывавшіе дотолѣ непокорность волѣ Божіей, повѣрили Іоанну, покаялись и принесли плоды, достойные покаянія. По крайней мѣрѣ, сей примѣръ долженъ былъ тронуть васъ и пробудить. Но вы остаетесь упорными и нераскаянными. Ей, глаголю вамъ,—присовокупилъ Господь, возвысивъ гласъ, — мытари и грѣшники войдутъ, и скоро, въ Царствіе Небесное; а вы, кои ду-

маете имѣть полное право на него, будете изгнаны изъ него» [1]).

Произнести сіи слова къ первосвященникамъ, въ присутствіи цѣлаго народа, значило поразить ихъ какъ громомъ. Все, чего они надѣялись достигнуть своимъ торжественнымъ явленіемъ къ Іисусу, было потеряно; — самое достоинство ихъ служило имъ теперь въ тягость. Съ радостію они вступили бъ въ споръ съ Іисусомъ, но ненадѣяніе на свои силы связывало языкъ; еще охотнѣе употребили бы силу, но народъ былъ на сторонѣ Іисуса. Не зная, на что рѣшиться, они невольно оставались предъ Нимъ, какъ осужденные — для выслушанія послѣдняго приговора.

Какихъ выгодъ нельзя было бы извлечь изъ сего жалкаго положенія, если бы Іисусъ Христосъ, какъ ложно думали члены синедріона, дѣйствительно желалъ восхитить у нихъ власть надъ народомъ! Перевѣсъ общественнаго мнѣнія всецѣло былъ на Его сторонѣ. Народъ давно желалъ, чтобы царство Его началось какъ можно скорѣе: многіе, вѣроятно, хотѣли бы видѣть сіе начало именно теперь, въ присутствіи посольства отъ синедріона. Стоило сказать многочисленному народу снова — прямо, что Онъ есть Мессія, что слѣпые вожди не стоятъ болѣе довѣрія: и тѣ же первосвященники съ покорностію принуждены были бы передать Ему всю власть, или сдѣлались бы жертвою народнаго волненія.

Сынъ Человѣческій удовольствовался тѣмъ, что заставилъ ихъ выслушать еще одну притчу, въ коей подъ покровомъ иносказанія раскрытъ былъ нечистый образъ мыслей Іудейскихъ первосвященниковъ, указана вся, такъ сказать, превратная и жалкая система ихъ дѣйствованія въ отношеніи къ Мессіи.

«Одинъ богатый человѣкъ, сказалъ Господь, насадилъ у себя виноградъ и прилагалъ о немъ особенное попеченіе: оградилъ его оградою, ископалъ въ немъ точило [2]) и поставилъ башню для стражи. Такъ какъ дѣла требовали

[1]) Матѳ. 21, 28—32. Въ подлинникѣ προάγουσι—варяютъ, прежде васъ пойдутъ. Но у Евреевъ такое сравненіе часто употребляется вмѣсто совершеннаго отрицанія (Быт. 48, 22; 1 Цар. 24, 18. Лук. 18, 14). Что и въ семъ случаѣ сравненіе употреблено вмѣсто отрицанія, явствуетъ изъ самаго существа дѣла.

[2]) Виноградныя точила и нынѣ на Востокѣ выкапываются подъ землею въ защиту отъ солнечнаго жара. v. Jahn. Archaeolog. I. th. 1, 13. § 18.

присутствія его въ другомъ мѣстѣ, то онъ, при своемъ отправленіи туда, отдалъ виноградникъ виноградарямъ, съ условіемъ, чтобы они каждый годъ доставляли ему извѣстное количество вина и плодовъ. Когда наступило время собирать плоды, онъ послалъ своихъ слугъ къ виноградарямъ за условленною частію. Но виноградари приняли ихъ вражески: иныхъ прибили (3 Цар. 22, 24; Іер. 20, 2), другимъ камнями проломили голову (Марк. 12, 4); иныхъ убили до смерти (напр., Исаію, Іезекіиля, Амоса). Хозяинъ винограда, не смотря на такую несправедливость и злобу, послалъ къ виноградарямъ другихъ слугъ; но они и съ ними поступили не лучше прежняго: иныхъ убили, другихъ отогнали съ безчестіемъ... Наконецъ долготерпѣливый хозяинъ послалъ въ третій разъ слугъ (Марк. 12, 5); но опять безъ успѣха.

«Казалось, время уже было суда и мести; но домовладыка былъ чрезвычайно добръ. Что мнѣ дѣлать? размышлялъ онъ (Лук. 20, 13). Пошлю къ нимъ еще сына моего возлюбленнаго (Марк. 12, 6); не можетъ быть, чтобы злоба ихъ простерлась до того, чтобы презрѣть моего собственнаго сына. Сынъ пошелъ; но виноградари, едва только завидѣли его, рѣшились единодушно погубить.—Это единственный наслѣдникъ, говорили между собою изверги: если мы убьемъ его, то виноградникъ будетъ нашъ,—и схвативши юношу, убили и выбросили вонъ изъ виноградника».

При сихъ словахъ въ слушателяхъ обнаружилось сильное негодованіе.

«Но хозяинъ виноградника, продолжалъ Іисусъ, не всегда будетъ оставаться на дальней сторонѣ; онъ возвратится, и какъ, думаете вы, поступитъ онъ съ виноградарями?»

«Такихъ нестерпимыхъ злодѣевъ, отвѣчали книжники (Матѳ. 21, 38—41), онъ предастъ тяжкой казни, и виноградъ отдастъ другимъ дѣлателямъ, которые будутъ доставлять ему плоды со всею исправностію и въ назначенное время».

Отвѣчать такимъ образомъ, произнося на самихъ себя судъ, можно было, или совершенно не понявъ притчи, или принявъ личину явнаго безстыдства. Не понять было нельзя; покровъ иносказанія слишкомъ былъ прозраченъ, и каждый видѣлъ, что подъ господиномъ виноградника разумѣется Богъ, подъ виноградникомъ — народъ Іудейскій, подъ слугами — пророки. подъ единороднымъ сыномъ—Мессія Іисусъ, слѣдо-

вательно, подъ негодными виноградарями — настоящіе правители и вожди народа Іудейскаго. Примѣръ пророка Исаіи, употребившаго подобную притчу съ полнымъ изъясненіемъ, устранялъ и послѣднее недоразумѣніе (Исаіи 5, 1—7). Значитъ, языкомъ книжниковъ говорило безстыдство, хотѣвшее показать видъ, будто не узнаетъ себя въ собственномъ изображеніи.

«Такъ, подтвердилъ Господь, — хозяинъ виноградника предастъ казни негодныхъ виноградарей, и виноградникъ будетъ отданъ другимъ лучшимъ» (Марк. 12, 9; Лук. 20, 16).

Тонъ голоса и взоръ показывали, что грозныя слова сіи относятся прямо къ членамъ синедріона.

«Избави Богъ!» воскликнулъ одинъ изъ нихъ, какъ бы пораженный угрозою.

«Вы почитаете это невозможнымъ, продолжалъ Господь; но развѣ вы никогда не читали, что тотъ самый камень, который отвергнутъ строителями зданія, будетъ положенъ во главу угла, и что Самъ Богъ сдѣлаетъ сіе на удивленіе всѣмъ [1])? Не напрасно написано: «кто упадетъ на камень сей, разбіется, а на кого онъ упадетъ, того раздавитъ» [2]). Знайте, присовокупилъ Господь, какъ бы въ заключеніе угрозъ, что Царствіе Божіе, коего вы, повидимому, такъ пламенно ожидаете, отнимется отъ васъ и дастся народу, творящему плоды его!»

Послѣ сихъ словъ посланникамъ невозможно было притвориться не понимающими: личина лицемѣрія спала сама собою! — Въ замѣшательствѣ стыда и досады, они хотѣли

[1]) Псал. 117, 22.—Псаломъ сей содержитъ торжественную пѣснь, коею Давидъ благодаритъ Бога во храмѣ, по низложеніи враговъ своихъ. Государство Іудейское сравнивается здѣсь съ зданіемъ, коего строители суть Саулъ и старѣйшины 12 колѣнъ Израилевыхъ. Камень, ими отверженный, есть Давидъ, коего потомъ Самъ Богъ положилъ въ главу угла — сдѣлалъ царемъ и побѣдителемъ. Поелику же Давидъ былъ свыше уставленнымъ прообразомъ великаго Потомка своего—Мессіи, то многія черты изъ его царствованія и личной судьбы, въ таинственномъ смыслѣ, относятся къ Іисусу Христу. Дѣян. 4, 11; Рим. 9, 33; Еф. 2. 20; 2 Тим. 2, 19; 1 Петр. 2, 7.

[2]) Надобно полагать, что Іисусъ Христосъ имѣлъ при семъ въ виду слѣдующее мѣсто изъ пророчествъ: Исаіи 8, 14, 15; у пророка съ каменемъ святымъ сравнивается Богъ; а нечестивые уподобляются людямъ, кои, будучи поражены страхомъ, бѣгутъ и, претыкаясь о святой камень, падаютъ и разбиваются. Въ настоящемъ случаѣ подъ камнемъ разумѣлъ Іисусъ Себя Самого. Упадающими на сей камень разумѣются тѣ изъ Іудеевъ, кои, соблазняясь Его уничиженнымъ состояніемъ, не принимали Его ученія. Для таковыхъ покаяніе было легко, и они терпѣли только одно наказаніе—лишеніе благодѣяній. Но были между невѣрующими во Христа и такіе люди, на коихъ самъ камень имѣлъ упасть, чтобы раздавить ихъ; потому что они грѣшили не по слабости и невѣдѣнію, а по злобѣ и буйству; были нераскаянны, а потому недостойны и помилованія. Одно изъ такихъ странныхъ паденій послѣдовало при разрушеніи Іерусалима.

употребить силу и захватить Обличителя въ свои руки (Марк. 12, 12); но движеніе народа, благопріятствовавшаго Іисусу, остановило безразсудныхъ: они удалились съ такимъ видомъ, какой только можно было принять на себя людямъ, всенародно посрамившимся и однако же менѣе всего желающимъ быть предметомъ общественнаго презрѣнія.

Синедріонъ безуспѣшность своего посольства, безъ сомнѣнія, приписалъ Самому Іисусу Христу, и какой-либо фарисейскій ораторъ, подобный Тертилу (Дѣян. 24, 1—3), могъ представлять Его виновнымъ въ неповиновеніи властямъ, въ уклоненіи отъ изслѣдованія Его дѣла. Но въ самой вещи образъ дѣйствованія Господа въ настоящемъ случаѣ былъ слѣдствіемъ глубокой премудрости и даже любви ко врагамъ Своимъ. Что̀ бы послѣдовало, если бы Онъ теперь рѣшительно и прямо объявилъ Себя Мессіею, какъ того желали книжники? Справедливо, что они получили бы чрезъ то низкій предлогъ къ клеветамъ на Него предъ Римскимъ правительствомъ, — далѣе не простиралась цѣль ихъ настоящаго посольства; но какой опасности подвергся бы Іерусалимъ и они сами? Народъ, принявъ изъ устъ Самого Іисуса рѣшительное объявленіе о Его достоинствѣ, немедленно раздѣлился бы на двѣ стороны, изъ коихъ самая большая была бы противъ синедріона и легко дошла бы до возмущенія, которое могло стоить жизни самимъ первосвященникамъ. Господь предвидѣлъ всѣ сіи опасныя слѣдствія прямого объявленія о Своемъ достоинствѣ и желая отклонить всякій поводъ къ общественнымъ безпорядкамъ, отлагалъ его, какъ увидимъ, до самыхъ послѣднихъ минутъ Своей жизни. Синедріонъ услышитъ отъ Него рѣшительныя слова: «Я Сынъ Божій» (Матѳ. 26, 64), — но услышитъ въ ту пору, когда они не будутъ имѣть никакого слѣдствія, вреднаго для спокойствія народнаго, когда объявленіе Себя Мессіею, не встревоживъ никого, ускоритъ только Его собственный крестъ.

Съ другой стороны, синедріонъ чрезъ посольство свое узналъ все, что̀ для него полезно было знать. Изъ притчей Іисусовыхъ само собою слѣдовало, что Онъ есть Мессія; слѣдовало еще болѣе,—что Ему извѣстны всѣ начала, по коимъ дѣйствуютъ враги Его, и всѣ тайныя причины, побуждающія ихъ отвергать Сына Давидова, что Онъ совер-

шенно знаетъ объ участи, для Него уготовляемой, и рѣшился подвергнуться всему по волѣ Своего Отца и изъ любви къ роду человѣческому. Сравненіе Себя съ сыномъ-наслѣдникомъ, употребленное Господомъ, особенно было многозначуще и разительно: изъ него открывалось, что нежеланіе разстаться съ выгодами верховной власти надъ народомъ, дабы передать оную Сыну Давидову, было главною причиною, что первосвященники отвергли Іисуса, такою причиною, коея дѣйствій надъ собою не примѣчали вполнѣ, можетъ быть, они сами. Послѣ сихъ, столь ясныхъ, хотя не прямыхъ, вразумленій, членамъ синедріона надлежало бы обратиться къ своей совѣсти и спросить, за кого она почитаетъ Іисуса? Безъ сомнѣнія, всякому имѣющему уши слышать, она сказала бы, что человѣкъ, который такъ учитъ, живетъ и дѣйствуетъ, есть истинный Христосъ, Сынъ Бога живого...

По удаленіи книжниковъ, Господь продолжалъ Свои бесѣды съ народомъ. Неудачное посольство синедріона подавало къ тому обильный и важный предметъ, и нѣкоторымъ образомъ налагало на Него обязанность преподать народу совѣтъ, какъ должно поступать въ настоящихъ, для каждаго Израильтянина чрезвычайно важныхъ, обстоятельствахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какой народъ могъ находиться когда-либо въ такомъ положеніи, въ какомъ были теперь Іудеи? Каждый изъ нихъ видѣлъ своими очами Мессію—предметъ тысячелѣтнихъ пламенныхъ ожиданій, и каждый чувствовалъ, что подвергается очевидной опасности не узнать Его. Съ одной стороны, все влекло къ Іисусу,—и Его чудеса, и ученіе, и жизнь; съ другой многое и удаляло отъ Него,—и власть синедріона, и примѣръ фарисеевъ, славившихся святостію, и Его собственная нищета: куда обратиться? что дѣлать?— Въ такихъ обстоятельствахъ доброе сердце хотѣло бы, презрѣвъ все, предаться Іисусу; а обыкновенный житейскій разсудокъ говорилъ, что надобно ожидать мнѣнія начальства, коему отъ Самого Бога дано право управлять народомъ. Еще сильнѣе дѣйствовалъ предразсудокъ, что народъ Іудейскій весь предназначенъ къ блаженству въ царствіи Мессіи. Тѣмъ менѣе, думали, могутъ быть исключены изъ сего числа начальники; и слѣдовательно, казалось, лучше придти за

ними, хотя позже, на вечерю (блаженство временъ Мессіи Іудеи чаще всего представляли подъ видомъ вечери), нежели, упредивъ другихъ, особенно начальниковъ, подвергнуться опасности быть увлечену какимъ-либо Мессіею неистиннымъ.

«Съ Царствіемъ Божіимъ, такъ началъ вѣщать Господь народу, происходитъ подобное тому, что случилось съ пиршествомъ [1]), которое одинъ царь устроилъ, по случаю объявленія своего сына наслѣдникомъ. Когда все было готово, онъ послалъ сказать гостямъ, чтобы они шли на пиршество. Но гости отказались, не желая, чтобы его сынъ былъ ихъ царемъ. Царь въ другой разъ отправилъ слугъ—сказать званнымъ, что все готово, недостаетъ только ихъ. Не послѣдніе дошли до такой дерзости, что, схвативъ слугъ, ругались надъ ними и нѣкоторыхъ убили. Тутъ царь вышелъ изъ терпѣнія, и немедленно послалъ войско, которое не только предало жестокой смерти презрителей царской милости, но и самый городъ ихъ разорило до основанія [2]).

«Между тѣмъ время пира наступило. Царь, не желая, чтобы радость его оставалась нераздѣленною съ подданными, сказалъ слугамъ своимъ: вотъ, пиръ готовъ, и званные сдѣлались недостойными; но я найду себѣ гостей! Ступайте на распутія и зовите всѣхъ, кто встрѣтится». Повелѣніе исполнено, и домъ царскій наполнился людьми всякаго званія, добрыми и злыми безъ разбора.

«Въ продолженіе пира, царь вошелъ къ гостямъ посмотрѣть собраніе и обрадовать его своимъ присутствіемъ. Одинъ изъ возлежащихъ тотчасъ обратилъ на себя его вниманіе тѣмъ, что былъ въ простой одеждѣ [3]), а не въ праздничной, какъ бы надлежало. «Другъ мой, спросилъ царь съ кротостію, приличною общему веселію,—какъ ты осмѣлился войти сюда не въ должномъ видѣ?» Виновный молчалъ, не имѣя, что отвѣчать. «Возьмите его, сказалъ разгнѣванный царь

[1]) Въ подлинникѣ стоитъ γάμος—собственно бракъ, брачное пиршество Но цѣль притчи и цѣль рѣчи заставляютъ предполагать другое пиршество — всего лучше—при восшествіи наслѣдника на престолъ, каковые роды пиршества были столько же употребительны на Востокѣ (3 Цар. 1, 9), какъ и вездѣ. Между тѣмъ и γάμος означаетъ иногда всякое пиршество, въ какомъ смыслѣ и употребляли его 70 толковниковъ Есѳ. 9, 22.

[2]) Одно изъ наказаній, бывшихъ въ употребленіи на Востокѣ. Дан 9, 26.

[3]) На Востокъ тѣмъ, кои должны явиться предъ царя, посылается для сего предварительно нарядная одежда (кафтанъ). Jahn. bibl. Archaeolog. th. 1. 6. 2. p. 162.

слугамъ, свяжите ему руки и ноги и бросьте его въ самую глубокую и мрачную темницу, гдѣ онъ будетъ плакать и скрежетать зубами.—Званныхъ, прибавилъ царь въ наставленіе собранію, много, а избранныхъ мало!...»

Господь уже употребилъ сію притчу прежде, но для другой цѣли и въ другомъ видѣ. Въ первый разъ, описанный св. Лукою (Лук. 14, 16—24), она употреблена для показанія того, что изъ Іудеевъ не всѣ и не многіе войдутъ въ царство Мессіи; потому что не многіе согласятся исполнить условія входа: тогда ни слова не было сказано о томъ, чтобы мѣста званныхъ были заняты другими, приглашенными съ распутій. Теперь къ означенной мысли объ отверженіи Іудеевъ, присовокуплена другая—о призваніи на ихъ мѣсто ячычниковъ и о томъ, что сіи, вновь призванные, подобно Іудеямъ, не всѣ оправдаютъ своею жизнію милость, имъ оказанную.—Примѣръ сей показываетъ, какъ мудро соображаемы были притчи Богочеловѣка, какъ точно приспособлялись онѣ къ слушателямъ, и видоизмѣнялись, смотря по обстоятельствамъ.

Для народа въ сей притчѣ содержалось на сей разъ разрѣшеніе всѣхъ его недоумѣній касательно настоящихъ обстоятельствъ и вмѣстѣ преподавалось правило поведенія, самое вѣрное и надежное. «Значитъ, нѣтъ причины удивляться, что первосвященники не вѣрятъ Іисусу, отвергаютъ царство, Имъ проповѣдуемое. Званныхъ много, а избранныхъ мало!—Нѣтъ причины спрашивать, кто же наслѣдуетъ царство, если Іудеи не войдутъ въ него; царь найдетъ себѣ гостей!... Слѣдовательно, должно оставить всякое слѣпое подраженіе кому бы то ни было, слушать своей совѣсти, идти на вечерю, но идти въ брачной одеждѣ. Въ этомъ—приличномъ одѣяніи, въ благочестивой жизни—главное дѣло. У Бога нѣтъ лицепріятія. Если соблюду вѣру и буду добръ, то непремѣнно буду съ Мессіею въ царствіи Его—получу спасеніе».

Для христіанъ притча о вечери содержитъ грозный урокъ—содѣлывать свое спасеніе со страхомъ. «Я, говоритъ одинъ учитель Церкви, всегда содрогаюсь, когда вспоминаю слова: *друже, како вшелъ еси, не имый одѣянія брачна?*»

Посрамленіе сектъ Іудейскихъ и обличеніе ихъ пороковъ предъ народомъ.

(Искушенія со стороны фарисеевъ, саддукеевъ, законника—съ отвѣтами на нихъ Іисуса Христа. — Вопросъ о достоинствѣ Мессіи. — Послѣднее обличеніе законоучителей Іудейскихъ.)

Синедріонъ, при всей злобѣ на Іисуса Христа за посрамленіе членовъ его предъ народомъ, почелъ за лучшее молчать до времени и не предпринимать противъ Него явнаго насилія. Мнимое великодушіе сіе было слѣдствіемъ опасеній со стороны народа, показывавшаго сильную приверженность къ Іисусу. Между тѣмъ, раздраженная гордость книжниковъ не могла и на малое время оставаться въ совершенномъ бездѣйствіи; въ нѣсколько минутъ составленъ къ погубленію Богочеловѣка новый планъ, коего изобрѣтателями и исполнителями были, какъ легко предугадать, фарисеи (Матѳ. 22, 15). Узнавъ, что Онъ продолжаетъ бесѣдовать въ храмѣ съ народомъ, лицемѣры согласились подослать къ Нему нѣсколько человѣкъ изъ своихъ соумышленниковъ для уловленія Его въ какомъ-либо словѣ. Всѣмъ извѣстная свобода слова и откровенность, съ которою Іисусъ Христосъ всегда объявлялъ Свои мысли, служили для нихъ порукою въ успѣхѣ. Требовалось только выдумать вопросъ, столько же благовидный, какъ и опасный, и предложить его такъ, чтобы вовсе непримѣтно было цѣли, для которой его предлагаютъ. Подобнаго свойства предметъ почти самъ собою представлялся—въ податяхъ, платимыхъ кесарю, кои, въ продолженіе болѣе двадцати лѣтъ (со времени превращенія Іудеи въ Римскую провинцію), волновали умы и совѣсти Іудеевъ, и для нѣкоторыхъ неблагоразумныхъ патріотовъ (напр. Іуды Галилеянина съ его сообщниками) были поводомъ къ кровавому возстанію противъ Римлянъ. Не смотря на безуспѣшность и несчастныя слѣдствія сего возстанія, большая часть народа, руководимая внушеніями фарисеевъ и собственнымъ самолюбіемъ, доселѣ находилась въ тѣхъ мысляхъ, что подати, платимыя Римлянамъ, суть плодъ одного незаконнаго притѣсненія и противны духу Моисеевой религіи. Для Израильтянина, думали, обязаннаго признавать царемъ своимъ одного Іегову, должна существовать и одна законная подать,

собираемая для храма Іеговы (Исх. 30, 12—16). Инако мыслившіе (иродіане и часть саддукеевъ) не имѣли касательно сего предмета довѣрія въ народѣ и причитались къ отступникамъ, увлеченнымъ на сторону язычниковъ выгодами, или страхомъ.—О семъ-то самомъ предметѣ соглашено вопросить Іисуса. Кто дѣйствовалъ, какъ Мессія, Тотъ симъ самымъ, казалось, обязывался рѣшить всѣми предлагаемый и никѣмъ достаточно не рѣшенный вопросъ о подати; тѣмъ паче, что, съ пришествіемъ Мессіи, всѣ ожидали перемѣны своего отношенія къ Римлянамъ.

Фарисеи, конечно, надѣялись услышать отъ Іисуса Христа отвѣтъ, неблагопріятствующій Римлянамъ; ибо думали, что Онъ, въ качествѣ Мессіи, ищетъ земного царства, — для каковой цѣли надлежало благопріятствовать свободѣ народа, не терпѣвшаго податей Римскихъ. Но, въ такомъ случаѣ, отвѣтъ Іисуса Христа былъ бы самымъ сильнымъ средствомъ для фарисеевъ къ обвиненію Его предъ Римскимъ прокуратором. Запрещать или называть несправедливыми подати, платимыя Римлянамъ,—значило, въ глазахъ послѣднихъ, быть возмутителемъ общественнаго покоя: преступленіе, за которое Римскіе прокураторы тѣмъ строже и охотнѣе наказывали, чѣмъ труднѣе было пріучить Іудеевъ, подобно прочимъ народамъ, къ платежу податей. Впрочемъ, фарисеи не опасались никакой потери и въ томъ случаѣ, если бы Іисусъ Христосъ, паче чаянія ихъ, отвѣчалъ на вопросъ о податяхъ въ пользу Римлянъ: чрезъ сіе Онъ Самъ отвратилъ бы отъ Себя народъ, который никакъ не могъ вообразить, чтобы Мессія повелѣлъ ему когда-нибудь платить подать язычникамъ.—Третьяго способа отвѣчать на вопросъ о податяхъ—фарисеямъ, вѣроятно, вовсе не представлялось; какъ и дѣйствительно его не легко было представить.

Для бо́льшаго успѣха въ своей хитрости, фарисеи пригласили съ собою въ участіе иродіанъ. Секта сія, отличавшаяся наклонностію къ языческой образованности и нравамъ [1]), во многомъ была не согласна съ фарисеями, до излишества приверженными ко всему отечественному: въ отношеніи къ податямъ иродіане именно утверждали противное всеобщему мнѣнію, почитая ихъ законными [2]). Но по сей-то

[1]) V. Golberg Jüdische Geschichte.
[2]) Какъ иродіане думали объ отношеніи своего отечества къ Римлянамъ

самой противоположности они и были теперь полезны для фарисеевъ—въ томъ случаѣ, если бы Іисусъ Христосъ, какъ надѣялись, не одобрилъ податей. Самимъ фарисеямъ обвинять Его предъ Римскимъ начальствомъ въ семъ патріотическомъ поступкѣ — значило бы навлечь на себя ненависть народа, любовію коего фарисеи весьма дорожили; иродіане же могли сіе сдѣлать безъ всякихъ невыгодныхъ для себя послѣдствій. При томъ обвиненіе со стороны иродіанъ, какъ царедворцевъ, приверженныхъ къ выгодамъ Иродовой фамиліи, нераздѣльнымъ съ выгодами кесаря, оказало бы гораздо больше дѣйствія на Римскаго прокуратора, имѣвшаго много причинъ не довѣрять фарисеямъ въ ихъ усердіи къ Римлянамъ.

Искусителями были выбраны ученики фарисейскіе (Матѳ. 22, 16), какъ менѣе подозрительные. Имъ велѣно вмѣшаться въ толпу народа, окружавшаго Іисуса Христа, и притвориться какъ можно благочестивѣе и приверженнѣе къ Его ученію. Поступивъ такимъ образомъ, молодые лицемѣры, послѣ многихъ неважныхъ вопросовъ, обратили бесѣду съ Христомъ къ своему предмету. «Учитель, такъ началъ одинъ изъ лицемѣровъ, намъ хотѣлось бы особенно узнать Твое мнѣніе объ одномъ предметѣ. Почти никто не говоритъ о немъ откровенно; но мы знаемъ, что для Тебя правда выше всего; Ты никогда не смотрѣлъ на лица и не страшился опасностей, училъ истинѣ, какъ должно Учителю Израилеву».

Такая лесть уже сильно измѣняла сама себѣ предъ Господомъ, Который не любилъ похвалъ.

«Скажи намъ, какъ Тебѣ кажутся подати, собираемыя для кесаря? Давая ихъ, не дѣлаемся ли мы изъ народа Божія рабами язычниковъ, — не оскорбляемъ ли своей совѣсти? Давать ли намъ ихъ (прибавилъ онъ, понизивъ голосъ), или не давать?»

Простодушному народу вопросъ сей долженъ былъ чрезвычайно понравиться; потому что предметъ, о коемъ спрашивали, занималъ всѣхъ отъ первосвященника до послѣдняго

и вообще о независимости политической,—можно догадываться изъ слѣдующихъ словъ Ирода Агриппы, сохраненныхъ для потомства Флавіемъ: «чтобы не потерять свободу, — говоритъ онъ, — за это сражаются по праву; но кто, будучи разъ побѣжденъ, силится погомъ свергнуть его побѣдителя, тотъ походитъ болѣе на упрямаго раба, нежели на ревнителя свободы». О войнѣ Іуд 2. 16. 4.

раба. Самая похвала Іисуса также была пріятна народу, который такъ точно думалъ о Немъ на самомъ дѣлѣ, какъ лицемѣрно говорилъ книжникъ.

Но Сердцевѣдецъ немедленно проникъ цѣль искусителей. «Долго ли вамъ,—сказалъ Онъ съ негодованіемъ,—искушать Меня, лицемѣры?!... Покажите монету, которою платятъ подать».

Фарисеи подали Ему Римскую монету, съ изображеніемъ кесаря, называемую динаріемъ.

Господь взялъ монету, посмотрѣлъ на изображеніе и надпись и, отдавая назадъ, спросилъ: «чье это изображеніе и какая надпись?»

«Кесаревы», отвѣчалъ фарисей, не зная, что̀ выйдетъ изъ сего отвѣта.

«Такъ что же,—отвѣчалъ Господь,—*воздадите кесарева кесареви, а Божія Богови*». (Первое, то есть, не противорѣчитъ послѣднему: ибо кесарь требуетъ своего и не запрещаетъ Божія.)

Отвѣтъ сей удивилъ всѣхъ; потому что сотворенъ былъ, такъ сказать, изъ ничего. Самые книжники должны были признаться, что это сказано весьма обдуманно и благоразумно. Господь не обратилъ, повидимому, никакого вниманія на основаніе вопроса—на права кесаря въ отношеніи къ Іудеямъ и, вопреки желанію фарисеевъ, не сказалъ о сихъ правахъ ни слова; но они—явно—и не спрашивали о семъ: то̀, напротивъ, о чемъ спрашивалось, то есть, должно ли давать подати кесарю, не противорѣчатъ ли онѣ совѣсти и религіи, разрѣшено такъ ясно и удовлетворительно, такъ сходно съ нравами народа (житель Востока любитъ краткіе положительные отвѣты и не терпитъ отвлеченныхъ разсужденій), даже съ правилами тогдашней учености Іудейской (у раввинскихъ правовѣдовъ издревле принято было за непреложную истину: чья монета, того и царство [1]),—что фарисеямъ ничего не оставалось болѣе дѣлать, какъ только молчать и удалиться.

Слухъ о посрамленіи фарисеевъ немедленно распространился между книжниками, коихъ всегда было много въ храмѣ. Для саддукеевъ показалось обстоятельство сіе благопріят-

[1]) Maimon. in tract. Gesaleh C. 5.

нымъ случаемъ испытать и свои силы, дабы побѣдою надъ Іисусомъ Христомъ унизить вмѣстѣ и гордость фарисеевъ, кои были всегдашними ихъ соперниками и врагами. Можетъ быть, хотѣли даже извѣдать, не одобритъ ли Іисусъ Христосъ, такъ злобно оскорбленный фарисеями, — ученія ихъ секты и не покажетъ ли Себя благосклоннымъ къ саддукейству; въ такомъ случаѣ имъ надлежало бы уже измѣнить свою ненависть къ Нему на пріязнь, по крайней мѣрѣ пріостановить дальнѣйшее преслѣдованіе [1]). Такую надежду могли основывать между прочимъ на томъ, что Іисусъ Христосъ, постоянно обличая фарисеевъ, рѣже и менѣе говорилъ противъ саддукеевъ. Какую бы впрочемъ цѣль ни имѣли саддукеи, только искушеніе ихъ уже не заключало въ себѣ личной опасности для Іисуса Христа: хотѣли сразиться одною ученостію. Предметъ для состязанія взятъ былъ тотъ самый, который непрестанно обращался въ споръ между фарисеями и саддукеями—воскресеніе мертвыхъ. Іисусъ Христосъ постоянно и всенародно училъ, что души человѣческія безсмертны и что всѣ умершіе должны нѣкогда воскреснуть. Для опроверженія сей истины, саддукеи выбрали самое сильное изъ своихъ возраженій, которое, вѣроятно, почиталось неотразимымъ въ ихъ спорахъ съ фарисеями. Потомъ, какъ люди, неимѣющіе никакихъ тайныхъ и опасныхъ для Іисуса Христа видовъ, приступили къ дѣлу прямо.

«Учитель! Моисей сказалъ (Втор. 25, 5—10; Быт. 38, 8): ежели кто умретъ, не имѣя дѣтей, то братъ его долженъ взять за себя жену его и возставить племя брата своего. Вслѣдствіе сего закона случилось вотъ что: было семь братьевъ; первый, женясь, умеръ и, не имѣя дѣтей, оставилъ жену брату своему; другой, взявши ее, также умеръ бездѣтнымъ; подобнымъ образомъ умеръ третій и четвертый,—даже до седьмого. Наконецъ, послѣ всѣхъ, умерла и жена. Спрашивается (продолжалъ саддукей): котораго изъ семи мужей будетъ она женою въ то время, когда всѣ вос-

---

[1]) Что каждая секта Іудейская готова была принять самаго своего врага подъ свою защиту, если только находила въ немъ друга своимъ заблужденіямъ и видѣла въ защищеніи его средство досадить прочимъ сектамъ, — это доказывается примѣромъ Ап. Павла, который нечаянно нашелъ въ цѣлой половинѣ судей и обвинителей своихъ—ревностныхъ защитниковъ себѣ, потому только, что фарисеямъ представилось, будто мнѣнія, за кои онъ обвиняется, подобны ученію ихъ секты и противны саддукеямъ. Дѣян. 23, 6—9.

креснутъ? Всѣ семеро (прибавилъ онъ) имѣли ее» (Матѳ. 22, 23—33; Марк. 12, 18—27; Лук. 20, 27—39).

Къ чему идетъ дѣло и для чего предложенъ странный случай съ женою,—надлежало доразумѣть. Такъ обыкновенно поступали раввины въ своихъ состязаніяхъ, указывая на какой-либо примѣръ, дѣлая одни намеки и не употребляя раздѣльныхъ умозаключеній и выводовъ, къ коимъ житель Востока не можетъ привыкнуть. По нашему образу изъясненія мыслей, сила возраженія саддукейскаго состояла въ слѣдующемъ: «въ книгахъ Моисеевыхъ не только нѣтъ никакого доказательства безсмертія душъ; но еще есть нѣчто такое, что̀ совершенно противорѣчитъ ученію о воскресеніи мертвыхъ; именно—законъ касательно ужичества. Ежели мертвые воскреснутъ (какъ учатъ фарисеи и Ты), то жена, представленная въ примѣръ, должна, по закону ужичества, принадлежать или всѣмъ семи мужьямъ, или никому, что̀ равно нелѣпо; но такого нелѣпаго закона (каковымъ оказывается законъ ужичества въ отношеніи къ безсмертію) Моисей, мудрѣйшій, богодухновенный законодатель, дать не могъ; слѣдовательно, по ученію Моисея, нѣтъ воскресенія мертвыхъ, и мы, не принимая ученія о безсмертіи, совершенно правы». Умствованіе, повидимому, не безъ силы; только имъ предполагалась недоказанная и ложная мысль, что чувственный союзъ супружества остается въ силѣ и по воскресеніи мертвыхъ, въ будущей жизни, между тѣми лицами, кои были супругами въ настоящей жизни. И фарисеи не всѣ допускали послѣднее мнѣніе [1]); а Іисусъ Христосъ не одобрялъ ни того, ни другого. Тѣмъ удобнѣе было отвѣчать на софизмъ.

«Не оттого ли именно, сказалъ Господь саддукеямъ, и происходитъ ваше заблужденіе, что вы не знаете истиннаго смысла Писаній и не имѣете правильнаго понятія о всемогуществѣ Божіемъ?—Самый образъ мыслей вашихъ о состояніи будущей жизни нелѣпъ и ложенъ. Жениться, выходить замужъ есть принадлежность только настоящей жизни, въ которой господствуетъ чувственность. Но тамъ нѣтъ ничего чувственнаго; а потому нѣтъ и брака. Сыны воскресенія будутъ сынами не плотскими, а Божіими; ихъ состояніе подобно состоянію Ангеловъ».

[1]) Schotth Hor. Hebr. ad. v. 26 Eisenmeng. Entd. Judenthum. Tom. II. p. 943.

Замѣчанія сего уже было достаточно для посрамленія саддукеевъ; потому что имъ совершенно опровергалось возраженіе саддукейское и съ его основаніемъ. Но Господь, вѣроятно, видѣлъ возможность вывести нѣкоторыхъ саддукеевъ изъ ихъ заблужденія [1]); посему не удовольствовался однимъ опроверженіемъ возраженія, а присовокупилъ съ своей стороны весьма убѣдительное доказательство безсмертія.

«Столь же несправедливо, продолжалъ Онъ, думаете вы, что въ законѣ Моисеевомъ нѣтъ ничего о воскресеніи мертвыхъ и будущей жизни. Развѣ вы никогда не читали тѣхъ мѣстъ, гдѣ описывается явленіе Бога Моисею? Какъ тамъ называетъ Себя Богъ?—*Азъ есмь*, говоритъ Онъ, *Богъ Авраамовъ, Богъ Исааковъ, Богъ Іаковлевъ*. Но Богъ не есть Богъ мертвыхъ, а живыхъ; посему у Него всѣ живы» (Исх. 3, 6; Лук. 20, 37—38).

Саддукеи молчали. Доказательство, приведенное Іисусомъ Христомъ, кромѣ неожиданности (у саддукеевъ почиталось за несомнѣнное, что въ книгахъ Моисея нѣтъ подобныхъ указаній на безсмертіе) отличалось глубокостію и духовностію смысла, невиданною въ умствованіяхъ раввиновъ, большею частію мелочныхъ и слабыхъ [2]). Каждый невольно чувствовалъ, что Богъ дѣйствительно не назвалъ бы Себя Богомъ Авраама, Исаака и Іакова, если бы сіи святые мужи вовсе перестали существовать. Нѣкоторые изъ саддукеевъ выразили свое одобреніе даже въ слухъ народа (Лук. 20, 39), который тѣмъ болѣе радовался, что торжество Іисуса надъ саддукеями казалось ему собственнымъ торжествомъ.

Неудачное покушеніе саддукеевъ снова ободрило фарисейскихъ книжниковъ и пробудило охоту вступить въ споръ съ Іисусомъ. Сговорившись между собою (Матѳ. 22, 34), они выбрали одного (Матѳ. 22, 35), самаго искуснаго и надежнаго законника, который впрочемъ, какъ показалъ опытъ,

[1]) Дѣйствительно, у послѣдующихъ раввиновъ встрѣчается ученіе о состояніи душъ по смерти гораздо чище и даже подобное Евангельскому. «Въ будущемъ вѣкѣ, — пишетъ одинъ, — не будутъ ни ѣсть, ни пить, не будутъ рождать дѣтей, ни торговать; тамъ нѣтъ ни зависти, ни гнѣва, ни ссоръ, и проч.» (Beracat talm. 17). У позднѣйшаго раввина встрѣчается даже то же самое доказательство воскресенія душъ, которое въ настоящемъ случаѣ употреблено І. Христомъ. Monass. B. Israel de resur. mort. I. 10. 6. p. 68. conf. Schotlg. in Hor.

[2]) Образчикъ сихъ умствованій можно видѣть въ Талмудѣ Sanhedr. F. 90.

имѣлъ не только умъ для сужденія о важныхъ предметахъ, но и сердце для принятія истины. Уже прежній отвѣтъ Іисусовъ саддукеямъ, по замѣчанію св. Марка, ему весьма понравился; и онъ взялъ на себя препорученіе—искусить Іисуса, вѣроятно, съ лучшимъ намѣреніемъ, нежели какое предполагалось его сообщниками [1]).

Вопросъ, предложенный законникомъ, касался любимаго предмета—спора о заповѣдяхъ. Фарисеи постоянно раздѣляли заповѣди на большія и малыя; равнымъ образомъ, всѣ они были согласны въ томъ, что подъ заповѣдями большими надобно разумѣть всѣ обрядовые законы, а подъ меньшими правила нравственности. Но какая самая большая заповѣдь—въ семъ никакъ не могли согласиться: одни почитали такою законъ о субботѣ, другіе—законъ обрѣзанія, и такъ далѣе. Источникомъ сихъ изслѣдованій и споровъ была не одна наклонность къ утонченіямъ и софистикѣ, постоянно отличавшая фарисеевъ, а частію и нужда: отъ мнѣнія, какая самая большая заповѣдь, зависѣло, какую заповѣдь можно оставлять въ случаѣ, такъ называемаго, несогласія или противорѣчія обязанностей.

«Первая изъ всѣхъ заповѣдей, отвѣчалъ Господь, есть сія: слыши, Израиль! Господь Богъ нашъ есть Господь единъ; посему возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ и всею душею твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ и всею крѣпостію твоею (Втор. 6, 5)! Сія заповѣдь болѣе всѣхъ.

«Вторая, подобная ей, заповѣдь сія: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя (Лев. 19, 18)!

«Иной заповѣди больше сихъ нѣтъ. Въ сихъ двухъ заповѣдяхъ состоитъ весь законъ и всѣ пророки». (Это сущность всего закона!)

---

[1]) Св. Маркъ намекаетъ на сіе довольно ясно, когда говоритъ: «одинъ изъ книжниковъ... видя, что І. Христосъ хорошо имъ отвѣтствовалъ, подошелъ и спросилъ и пр.» То же можно заключать изъ одобренія, сдѣланнаго сему книжнику І. Христомъ. Послику же св. Матѳей прямо говоритъ, что и сіе искушеніе сдѣлано по заговору фарисеевъ и не съ хорошею цѣлію, то нѣкоторые (Rosenmüller, Keclu. Analect. t 3. p. 199. 1813) полагали, что вопросъ о главнѣйшей изъ заповѣдей предложенъ былъ дважды, въ первый разъ фарисеемъ съ злымъ намѣреніемъ, какъ повѣствуетъ Матѳей,—въ другой кѣмъ безъ злого намѣренія, какъ описываетъ Маркъ. Предположеніе недоказанное и несогласное съ обстоятельствами дѣла (v. Kuinol. Comment.). Здѣсь, по примѣру Златоуста и Ѳеофилакта, принимается, что у обоихъ Евангелистовъ представленъ одинъ и тотъ же совопросникъ, и что онъ хотя началъ рѣчь не совершенно съ чистымъ, окончилъ оную съ добрымъ чувствомъ.

Отвѣтъ сей былъ самый лучшій, хотя и не заключалъ въ себѣ числительнаго дѣленія заповѣдей, къ которому привыкли законники. Фарисеи оттого именно могли и не согласиться, какая бо́льшая заповѣдь, что считали и измѣряли заповѣди, вмѣсто того, чтобы проникаться духомъ ихъ и исполнять ихъ на самомъ дѣлѣ.

Не безъ особеннаго намѣренія, при заповѣди о любви къ Богу, Іисусъ Христосъ упомянулъ о единствѣ Божіемъ. Это для того, чтобы Іудеи, когда Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, не толковали слова Его такъ, какъ бы Онъ проповѣдывалъ двоебожіе. Въ опроверженіе сей клеветы, теперь ясно и съ силою сказано, что единство Божіе есть первая мысль, которую надобно имѣть при исполненіи своихъ обязанностей.

Отвѣтъ Іисусовъ совершенно удовлетворилъ желанію книжника, предложившаго вопросъ. «Такъ, Учитель, Ты сказалъ совершенную истину: кромѣ Бога, нами исповѣдуемаго, нѣтъ другого; и любить Его всѣмъ сердцемъ, всѣмъ умомъ, всею душею и всею крѣпостію, и любить ближняго, какъ самого себя,—это больше всѣхъ жертвъ и всесожженій!»

Изъ устъ книжника-фарисея слышать такое здравое сужденіе, произнесенное отъ сердца и съ силою,—былъ случай рѣдкій. Господь во все время служенія Своего не много слышалъ такихъ здравыхъ сужденій. «Ты не далекъ отъ Царствія Божія!» сказалъ Онъ книжнику (Марк. 12, 34); свѣтлый, исполненный милосердія, взглядъ подтвердилъ сей отзывъ. Тѣмъ огорчительнѣе было для прочихъ фарисеевъ слышать отъ своего собрата слова, кои отзывались явной измѣною ихъ сектѣ, постоянно утверждавшей, что преданія выше Писанія, обряды важнѣе заповѣдей.

Для многихъ, вѣроятно, желательно было бы знать о дальнѣйшей судьбѣ сего книжника. Преданіе не говоритъ о немъ ничего. Должно думать, что онъ рано или поздно воспользовался близостію къ нему Царствія Божія и, сдѣлавшись послѣдователемъ Іисуса Христа, собственною жизнію оправдалъ, что любовь къ Богу и ближнему есть бо́льшая изъ всѣхъ заповѣдей [1]).

---

[1]) Conf. Cornel. a lap. ad. h. l.

Послѣ сихъ опытовъ Божественной премудрости Іисусовой, уже никто не смѣлъ предлагать Ему вопросовъ. Но когда всѣ умолкли, Господь Самъ началъ разговоръ съ фарисеями.

«Какъ вы думаете, спросилъ Онъ, о Мессіи: чей Онъ долженъ быть Сынъ?»

«Давидовъ», отвѣчалъ одинъ фарисей безъ дальняго размышленія; потому что истина сія извѣстна была каждому отроку.

Но, если Мессія, возразилъ Іисусъ, есть только потомокъ Давидовъ: то какимъ образомъ Давидъ (писавшій по вдохновенію) могъ назвать Его своимъ Господомъ? Какъ онъ могъ написать о Мессіи: рече Господь Господеви моему (Мессіи): сѣди одесную Мене, дондеже положу враги Твоя въ подножіе ногъ Твоихъ?—Если Мессія, по сему изреченію, Господь Давида: то какъ же Онъ сынъ его (Матѳ. 22, 42—46)?»

Не могши сказать въ отвѣтъ ничего рѣшительнаго, фарисеи могли бы однако же пробѣгнуть къ нѣкоторымъ оборотамъ и отвѣчать, напр., что потомокъ часто бываетъ гораздо выше своихъ предковъ, что Мессія будетъ такой могущественный царь, коего самъ Давидъ могъ и долженъ былъ назвать своимъ Господиномъ. Но имъ, какъ можно догадываться изъ обстоятельствъ, не хотѣлось разсуждать всенародно о предметѣ, который клонился къ ихъ безчестію. Уже совершенно извѣстно было, что предстоящій народъ почитаетъ Іисуса Христа за Мессію; Онъ Самъ, хотя въ притчахъ, далъ однакожъ, какъ мы видѣли, книжникамъ ясно уразумѣть, кто Онъ и какая участь ожидаетъ тѣхъ, кои не признаютъ Его за Мессію. Полагая, что и настоящій вопросъ поведетъ къ тому же, фарисеи почли за лучшее притвориться незнающими.

Вопросъ остался нерѣшеннымъ. Господь и Самъ не благоволилъ рѣшить его, потому что ближайшая цѣль—привести къ молчанію совопросниковъ и обнаружить предъ народомъ ихъ невѣжество—была уже достигнута; а дальнѣйшая—подать поводъ къ размышленію о Божественномъ достоинствѣ Мессіи—имѣла быть достигнутою не теперь и не вдругъ. Если настоящіе слушатели Іисусовы не были еще, какъ вѣроятно, способны принять отъ Него высокое ученіе о

Божественности Его лица: то впослѣдствіи Апостолы Петръ (Дѣян. 2, 34) и Павелъ (1 Кор. 15, 25; Евр. 1, 13) слова Давида, приведенныя здѣсь Іисусомъ Христомъ, постоянно употребляли въ доказательство Его Божественности и раскрыли всю силу ихъ.

Симъ кончились состязанія съ книжниками. Главныя секты Іудейскія явились теперь предъ лице Іисуса Христа съ своими искушеніями и вопросами, какъ бы нарочно для того, чтобы показать, какъ ничтожна была вся ихъ жалкая ученость предъ Божественною мудростію мнимаго Тектона Назаретскаго. Вопросы, ими предложенные, нынѣ могутъ показаться не столь важными и трудными; но тогда они были таковы, что самые ученые раввины не знали, что̀ отвѣчать на нихъ. Св. Маркъ присовокупляетъ, что съ посрамленіемъ книжниковъ увеличилось уваженіе и приверженность народа къ Іисусу Христу (Марк. 12, 37). Дѣйствительно, нельзя было безъ удовольствія и удивленія видѣть, какъ одинъ человѣкъ заставилъ молчать, обнаружилъ невѣжество всѣхъ, кто только почитался въ Іерусалимѣ самымъ ученымъ и многознающимъ.

Довольно спокойный тонъ, съ коимъ книжники, не смотря на посрамленіе свое, продолжали и возобновляли нѣсколько разъ бесѣду, служилъ, повидимому, доказательствомъ, что ненависть ихъ къ Іисусу Христу еще не достигла высшей степени. Между тѣмъ она совершенно созрѣла, и только привычка лицемѣрить дѣлала ее не такъ примѣтною. Господь совершенно видѣлъ сердце враговъ Своихъ, какъ оно грубо и неисправимо: посему, приближаясь къ концу служенія Своего, почелъ за нужное, безъ всякой пощады, обнаружить предъ народомъ низость ихъ характера и поступковъ, дабы предостеречь отъ подражанія имъ простыя души.

Обратившись къ народу, Онъ произнесъ ту обличительную противъ нихъ рѣчь, которой всегда будутъ трепетать лицемѣры.

«На Моисеевомъ сѣдалищѣ [1]), — такъ началъ Онъ, — возсѣли книжники и фарисеи: все, что̀ они велятъ вамъ наблюдать, наблюдайте, только по дѣламъ ихъ не поступайте,

[1]) Выраженіе метафорическое, означающее должность законоучителей, изъяснявшихъ законъ Моисеевъ и потому бывшихъ какъ бы преемниками Моисея.

потому что они сами говорятъ и не дѣлаютъ; связываютъ бремена тяжелыя и неудобоносимыя [1]) и кладутъ на плечи людямъ, а сами и пальцемъ не хотятъ двигнуть ихъ. Всѣ же дѣла свои дѣлаютъ съ тѣмъ, чтобъ быть видимыми отъ людей; для сего именно расширяютъ свои хранилища [2]) и увеличиваютъ воскрылія [3]) одеждъ своихъ. Также любятъ первыя мѣста на пиршествахъ и въ синагогахъ, — и чтобы имъ кланялись въ народныхъ собраніяхъ и чтобы звали ихъ: «Учитель! Учитель!» — Вы, продолжалъ Господь, обратившись къ ученикамъ, не слѣдуйте сему примѣру: не называйтесь учителями [4]); ибо у васъ одинъ учитель Христосъ, а вы всѣ братія; — и отцемъ [5]) себѣ не называйте никого на землѣ (какъ то дѣлаютъ фарисеи): ибо у васъ одинъ Отецъ, Иже на небесѣхъ. Не позволяйте также, подобно имъ, величать себя начальниками [6]), потому что у васъ одинъ Начальникъ—Христосъ. Большій изъ васъ да будетъ всѣмъ слуга. Ибо возвышающій себя унизится, а унижающій возвысится».

«Горе вамъ (воскликнулъ Господь, обратя рѣчь къ фарисеямъ), книжники и фарисеи — лицемѣры, что затворяете Царствіе Небесное человѣкамъ, и не только сами не входите

[1]) Законъ обрядовъ, по одной многочисленности ихъ, уже составлялъ иго довольно тяжкое. Фарисеи еще увеличивали сію тяжесть присовокупленіемъ множества преданій, распространеніемъ смысла обрядовыхъ правилъ, внушеніемъ, что нарушеніе малѣйшихъ обрядовъ есть важное преступленіе.

[2]) Повязки на лбу и на рукахъ, съ словами закона, особенно слѣдующими: (Исх. 13, 1—16. Втор 6. 4; 11, 13—21). Обыкновеніе носить сіи повязки составилось на основаніи буквальнаго изъясненія нѣкоторыхъ предписаній Моисеевыхъ, напр. Исх. 13, 9. 16; Втор. 6, 8, 11, 18. Фарисеи, для показаній особенной набожности, дѣлали сіи хранилища какъ можно больше и шире. v. Lundii Jud. Alterth. 4. 14. 21—52.

[3]) Снурки синяго цвѣта, предназначеннаго закономъ для одежды священниковъ. Моисей предписалъ, чтобы у каждаго Еврея по концамъ одежды нашитъ былъ синій снурокъ, въ напоминаніе, что весь народъ Еврейскій долженъ быть народомъ священнымъ. Числ. 15, 38. Втор. 22, 12. Фарисеи не умедлили обратить сіи снурки въ пищу своему лицемѣрію, увеличивая ихъ какъ можно болѣе.

[4]) Ученики Іисусовы дѣйствительно никогда не выдавали себя за независимыхъ учителей, а только за посланниковъ одного Учителя—Іисуса. Впрочемъ Господь запретилъ тщеславіе, съ коимъ фарисеи любили называться учителями, а не имя, которое само по себѣ невинно. Ап. Павелъ, въ одномъ мѣстѣ (1 Тим. 2, 7), называетъ себя учителемъ языковъ, хотя постоянно отзывается о себѣ, какъ о послѣднемъ изъ учениковъ Іисусовыхъ

[5]) У Евреевъ начальники школы назывались также отцами, отъ коихъ ученики заимствовали себѣ прозваніе, напр послѣдователи Шаммая назывались Шаммаитами, послѣдователи Гиллела — Гиллелитами. Подобно сему въ церкви Коринѳской начали-было одни называться Павловыми, другіе Аполлосовыми, иные Кифиными; но Ап. Павелъ прекратилъ сей обычай, угрожающій раздѣленіемъ христіанской Церкви на мелкія общества. 1 Кор. 1, 11—13. сл.3, 4.

[6]) Καθηγητής—начало-вождь. Такъ называли они предсѣдателей синедріона и синагоги (Selden de Syned. 737)

въ него, но и хотящихъ войти не допускаете. Горе вамъ, книжники, фарисеи—лицемѣры, кои поѣдаете домы вдовицъ [1]), и самую молитву обращаете въ предметъ лицемѣрія, продолжая оную изъ тщеславія: тѣмъ тягчайшее ожидаетъ васъ осужденіе. Горе вамъ, книжники и фарисеи—лицемѣры, кои обходите сушу и море, чтобъ обратить хотя одного въ Іудейство [2]), а обративъ, дѣлаете его сыномъ геенны, вдвое худшимъ васъ самихъ! Горе вамъ, вожди слѣпые, кои учите, что если кто поклянется храмомъ, то ничего; а если кто поклянется златомъ храма, то непремѣнно долженъ исполнить клятву! Слѣпые и несмысленные! что̀ больше: злато или храмъ, освящающій злато?—Также учите вы, что если кто поклянется жертвенникомъ, то ничего; а если кто поклянется даромъ, что̀ на жертвенникѣ, тотъ долженъ исполнить клятву. Глупые и слѣпые! Что̀ больше — даръ, или жертвенникъ, освящающій даръ?—Ужели вы не разумѣете, что клянущійся жертвенникомъ, клянется имъ и всѣмъ, что̀ на немъ? — И кто клянется храмомъ, клянется имъ и живущимъ въ немъ? И кто клянется небомъ, клянется престоломъ Божіимъ и Сидящимъ на немъ [3])? — Горе вамъ, книжники и фарисеи — лицемѣры, дающіе десятину со всѣхъ малыхъ растеній [4]) — съ мяты, аниса и тмина; между тѣмъ оставляющіе существенное, въ чемъ состоитъ законъ, — правосудіе, милость и вѣрность: сіе-то надлежало прежде исполнять, а потомъ уже (если угодно) думать о томъ. Вожди слѣпые, отцѣживающіе комара [5]), а поглощающіе верблюда! Горе вамъ, книжники и фарисеи—лицемѣры, кои съ такою заботливо-

---

[1]) Фарисеи поѣдали домы вдовицъ—долгими своими молитвами.—Посредствомъ ложной набожности, становясь распорядителями совѣсти и имущества набожныхъ женщинъ, они заставляли ихъ дѣлать разныя пожертвованія въ свою пользу, даже объявлять себя наслѣдниками ихъ имущества, въ предосужденіе и съ обидою истинныхъ наслѣдниковъ.

[2]) Фарисейство и нечистый прозелитизмъ всегда неразрывно связаны. Фарисеи Іудейскіе особенно отличались въ семъ родѣ ложною набожностію.

[3]) Фарисеи (у коихъ божба была въ великомъ употребленіи) раздѣляли клятвы на большія — непреступныя, и малыя — удобопреступаемыя. Клятва церковными сокровищами и жертвами съ намѣреніемъ отнесена была къ важнѣйшимъ клятвамъ,—дабы возвысить въ глазахъ народа важность сихъ вещей и расположить его тѣмъ къ большимъ пожертвованіямъ въ пользу храма. v. Lightfoot. Hor. Hebr. ad. v. 33.

[4]) Закономъ было повелѣно давать десятину отъ полевыхъ и садовыхъ плодовъ (Лев. 27, 30; Втор. 14, 22); но фарисеи, непринадлежавшіе къ сословію левитовъ, свободному отъ сего закона, чтобы показаться набожнѣе, давали десятую часть и со всѣхъ прочихъ огородныхъ растеній, кои, по общему мнѣнію, не подлежали десятинѣ.

[5]) Пословица Іудейская (Worst. de Adag. N. T. I. 3. 2).

стію очищаете внѣшность чашъ и блюдъ [1]), между тѣмъ какъ внутренность ваша исполнена хищенія и неправдъ! Фарисей-слѣпецъ! очисти прежде то, что̀ въ чашѣ; тогда и внѣшность ея будетъ чиста. Чему уподобить васъ—лицемѣровъ?—Развѣ гробамъ окрашеннымъ, кои снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвыхъ и всякой нечистоты [2]). Такъ и вы снаружи кажетесь праведными, а внутри полны лицемѣрія и беззаконія! Несчастные! вы строите гробницы пророкамъ [3]), и украшаете памятники праведниковъ, и говорите: «если бы мы жили во дни отцовъ нашихъ, то не были бы сообщниками ихъ въ пролитіи крови пророческой». Говоря такимъ образомъ, вы сами свидѣтельствуете, что вы сыны людей. кои избили пророковъ. Дополняйте же мѣру преступленій отцовъ вашихъ!... Зміи, порожденія ехидны! — Какъ убѣжите вы отъ осужденія въ геенну? Слышите, что Премудрость Божія вѣщаетъ вамъ чрезъ Меня [4]): «Се Я еще пошлю къ нимъ пророковъ и мудрыхъ книжниковъ [5]); но изъ нихъ одни будутъ убиты... иные распяты... прочіе преслѣдуемы и биты въ синагогахъ». Такъ вы сдѣлаете все сіе, дабы пришла на васъ кровь пророковъ и посланниковъ Божіихъ, убитыхъ вашими предками,—отъ Авеля праведнаго до Захаріи, сына Варахіина [6]),

---

[1]) Фарисеи, чтобы какъ-нибудь не сдѣлаться нечистыми отъ прикосновенія къ нечистому, съ возможною тщательностію вымывали всѣ, употребляемые для пищи и питія, сосуды. Между тѣмъ чистыя чаши ихъ наполнены были—неправдою, пища, въ нихъ содержащаяся, была плодъ обмана, хищенія и лицемѣрства.

[2]) Сравненіе самое сильное и унижающее! Гробы у Евреевъ почитались такъ нечистыми, что одно прикосновеніе къ нимъ уже оскверняло человѣка. v Nicol. de sepulchr. Hebr. 1. 2. 11. сл. 4. 3.

[3]) Современная исторія Іудейская не представляетъ подобнаго примѣра, но дѣйствіе сіе совершенно въ духѣ фарисеевъ.

[4]) Слич. Матѳ. 23, 34; Лук. 11. 49.

[5]) Іисусъ Христосъ даетъ здѣсь ученикамъ Своимъ названіе, бывшее въ употребленіи у тогдашнихъ Іудейскихъ учителей. У Ев. Луки сказано прямѣе «пошлю пророковъ и апостоловъ». 11, 49.

[6]) Въ исторіи Іудейской извѣстны три Захаріи: 1. Священникъ, который за обличеніе царя Іоаса, по его повелѣнію, побитъ камнями во храмѣ (2 Пар. 24, 20. 21), но онъ называется сыномъ Іодая, а не Варахіи. 2. Пророкъ, коего мы имѣемъ пророчества; но о смерти его ничего не извѣстно. 3. Захарія, сынъ Варуховъ, который, по словамъ Флавія (Bel. Jud. 4. 6. 4), предъ разрушеніемъ Іерусалима, умерщвленъ зилотами во храмѣ. Но сіе событіе случилось спустя довольно времени по вознесеніи Христовомъ. Итакъ о какомъ Захаріи упоминаетъ здѣсь Іисусъ Христосъ?—Вѣроятно, о первомъ, коего убіеніе Іудейскими писателями поставляется одною изъ главныхъ причинъ Божія наказанія, постигшаго народъ Іудейскій при разрушеніи Іерусалима (v. Grätz). По обычаю Іудеевъ, Іодай, отецъ Захаріи, могъ имѣть другое имя—Варахіи. Господь указываетъ на два убійства — Авеля и Захаріи, потому что они были примѣчательнѣйшія и составляли первое и послѣднее убіеніе праведниковъ, о коемъ упоминается въ историческихъ книгахъ ветхаго завѣта.

который (такъ чтите вы храмъ!) умерщвленъ между храмомъ и жертвенникомъ. Аминь, аминь глаголю вамъ, яко все сіе пріидетъ на родъ сей, отяготѣетъ надъ настоящимъ поколѣніемъ, надъ вами и чадами вашими!... Іерусалимъ, Іерусалимъ! — избивающій пророковъ и каменіемъ побивающій посланныхъ къ тебѣ! Колико кратъ хотѣлъ Я собрать чадъ твоихъ, какъ птица собираетъ птенцовъ своихъ подъ крылья свои [1]); но вы не восхотѣли! — (не восхотѣли!) — Да будетъ же то, чему быть должно! — Се оставляется домъ вашъ пустъ [2])... Истинно говорю вамъ, вы не увидите Меня отнынѣ (Матѳ. 23, 39), доколѣ не изыдите во срѣтеніе съ восклицаніемъ: Благословенъ грядый во имя Господне!» [4]).

Съ сими словами Господь вышелъ изъ внутреннихъ притворовъ храма во внѣшніе, какъ бы желая показать, что исполненіе послѣдней угрозы началось теперь же.

Послѣ сего Онъ уже не былъ въ храмѣ.

Бесѣды, какова настоящая, не остаются безъ дѣйствія и произносятся только тѣми, кои на то пришли въ міръ, чтобы свидѣтельствовать истину и умереть за нее (Іоан. 18, 37). Такъ никто еще и никогда не говорилъ въ храмѣ Іерусалимскомъ, въ присутствіи народа. Обличенія самого Исаіи (Исаіи 1, 1—30) и Іереміи (Іерем. 7, 1—15) представляются не столь сильными въ сравненіи съ настоящимъ. Все, въ чемъ Господь при разныхъ случаяхъ упрекалъ книжниковъ, совокуплено теперь въ одно. Послѣ сего гордые лицемѣры не могли простить своему Обличителю: смерть, смерть жестокая будетъ съ ихъ стороны отвѣтомъ!...

Для народа обличеніе книжниковъ было весьма нужно. Онъ долженъ былъ наконецъ увидѣть истинную причину своихъ бѣдствій,—узнать, кто его ведетъ и въ какую бездну. Время пощады кончилось. Не желая преждевременно колебать существующаго порядка вещей, при всѣхъ его несовершенствахъ, Господь доселѣ не раскрывалъ всей низости характера народныхъ учителей; иногда поддерживалъ даже

[1]) Весьма сходное по выраженіямъ и мыслямъ мѣсто находится въ 3 книгѣ Ездры (1, 30—33).

[2]) Если слова сіи относить къ слѣдующему стиху, то смыслъ будетъ таковъ: «Меня болѣе не увидятъ въ семъ храмѣ». А если относить его къ предыдущему (ст. 35. 36) и къ слѣдующей главѣ (24, 1—34), то въ нихъ будетъ содержаться предсказаніе о разрушеніи храма. Лучше соединять тотъ и другой смыслъ, такъ какъ они не только не исключаютъ, а скорѣе предполагаютъ себя взаимно.

[3]) То есть, никогда не увидите въ храмѣ.

важность ихъ сана (Лук. 17, 14), и теперь велѣлъ слушать, чему они учатъ. Но, показавъ мудрое снисхожденіе, надлежало обнаружить и неумытную строгость; и она обнаружена! Ни одна страсть не оставлена безъ обличенія, ни одно заблужденіе — безъ упрека. Предпочтеніе преданій человѣческихъ заповѣдямъ Божіимъ, обремененіе совѣсти напрасными требованіями, извращеніе истиннаго смысла заповѣдей, — все выставлено въ такомъ свѣтѣ, что нельзя было не видѣть истины. Паче же всего — низкій характеръ книжниковъ, ихъ лицемѣріе и невѣжество изображены такъ живо и сильно, какъ только можетъ изображать языкъ человѣческій. И все сіе тѣмъ было разительнѣе для слушателей, что Іисусъ Христосъ говорилъ, уже не какъ обыкновенный, или необыкновенный учитель, а какъ Мессія, Который, бывъ отвергнутъ синагогою, упрекаетъ ее за невѣріе и убійство пророковъ и предсказываетъ бѣдствія, за симъ неминуемо слѣдующія. Слова: «пріидетъ кровь всѣхъ праведниковъ на родъ сей» потрясали сердца—самыя безстрашныя. Справедливость обличенія, святость Обличителя ручались предъ всѣми и за событіе страшныхъ угрозъ, коими окончена бесѣда.

Такое обличеніе фарисейства не излишне было и для учениковъ Іисусовыхъ,—тѣмъ паче для будущихъ послѣдователей Его. Господь ясно видѣлъ, что благодатной Церкви, Имъ основанной, угрожаютъ тѣ же пороки и страсти, отъ коихъ страдала и пала церковь Іудейская; — что и между послѣдователями Его не преминутъ явиться новые фарисеи и книжники, любящіе связывать бремена неудобоносимыя и возлагать на совѣсти другихъ, не касаясь сами и перстомъ этой тяжести, умѣющіе украшать внѣшность свою, тогда какъ внутренность наполнена костей и смрада, — видѣлъ, и, въ лицѣ фарисеевъ Іудейскихъ, изрекъ горе всѣмъ лицемѣрамъ христіанскимъ.

Достойно замѣчанія, что Господь, говоря о убіеніи пророковъ, не упоминаетъ о Своей крови, которая также имѣла быть вскорѣ пролитою; обѣщается, не смотря на Свою смерть, коея виновниками будутъ Іудеи, снова послать Апостоловъ и пророковъ для ихъ вразумленія. Такъ свободенъ Онъ былъ при семъ обличеніи отъ всякаго личнаго чувства гнѣва или ненависти! Такъ неизмѣнно помнилъ, что Сынъ Человѣческій пришелъ не судить міръ, а спасти его!

Заключеніе общественнаго служенія Іисусова въ качествѣ Мессіи.

(Замѣчаніе касательно двухъ лептъ вдовицы.—Желаніе Еллиновъ видѣть Іисуса.—Его душевное смущеніе.—Гласъ къ Нему съ неба.—Вразумленіе отъ Него по сему случаю народу.—Важность настоящихъ минутъ и ихъ всемірное значеніе.)

Вышедъ изъ внутреннихъ притворовъ храма, Іисусъ Христосъ остановился у дверей внѣшняго притвора женщинъ и, сѣвши для отдохновенія противъ ящика, въ который богомольцы клали деньги, смотрѣлъ на проходящій народъ. Клали многіе весьма много, иные изъ усердія, а иные (фарисеи) и по тщеславію. Господь безмолвствовалъ. Между тѣмъ подошла къ ящику одна бѣдная вдова и положила двѣ лепты (полушки). По всему видно было, что она отдавала послѣднее. Для людей съ фарисейскимъ чувствомъ такой даръ показался бы нестоющимъ вниманія. Но Господь взиралъ не на деньги, а на сердце дающихъ: поступокъ вдовы былъ для Него многоцѣненъ. Подозвавъ къ Себѣ учениковъ, какъ бы желая раздѣлить съ ними дорогую находку,—«смотрите, сказалъ Онъ имъ, сія бѣдная вдова болѣе всѣхъ положила въ сокровищницу!» Ученики дивились, не понимая сказаннаго. «Прочіе, продолжалъ Господь, клали отъ избытка; а она отъ скудости: тѣ жертвовали храму тѣмъ, безъ чего могутъ обойтись; а она пожертвовала все, что̀ имѣла,—можетъ быть, послѣдній кусокъ хлѣба» (Лук. 21, 1—4).

Замѣчаніе, сдѣланное о поступкѣ вдовицы, открываетъ характеръ не только ея, но и въ нѣкоторомъ отношеніи Самого Іисуса. Поучительно видѣть, какъ самое отдохновеніе Его употребляемо было въ пользу, и какъ Онъ не оставлялъ безъ вниманія самыхъ обыкновенныхъ случаевъ, коль скоро въ нихъ выражалось что-либо поучительное. Не таковы были фарисейскіе учители! Они постоянно занимались маловажными вещами, но, не умѣя извлекать изъ нихъ ничего важнаго, сами сдѣлались странными и жалкими.

Когда Сынъ Человѣческій съ невозмущаемымъ спокойствіемъ духа, среди самыхъ рѣшительныхъ минутъ служенія Своего, обращалъ такимъ образомъ вниманіе на столь

малые, повидимому, предметы, какъ лепта вдовицы, невдалекѣ, среди многочисленнаго, наполнявшаго всѣ храмовые притворы, народа, само собою образовалось событіе, которое имѣло послужить самымъ приличнымъ заключеніемъ Его земного служенія на поприщѣ Мессіи. Въ числѣ пришедшихъ со всѣхъ странъ свѣта на праздникъ богомольцевъ, было не мало и Еллиновъ, кои, наскучивъ тщетою идолослуженія языческаго и принявъ Іудейское вѣрованіе во единаго Творца природы и Правителя міра, по тому самому хотя не принимали на себя еще всего ига обрядоваго [1]) закона Іудейскаго, но почитали себя обязанными являться, по временамъ, въ Іерусалимъ, для принесенія жертвы Іеговѣ. Іудеи, особенно ревнители буквы закона, смотрѣли на сихъ прозелитовъ не совсѣмъ благопріятными очами, такъ какъ они большею частію не имѣли и не хотѣли имѣть самаго перваго знака потомковъ Авраамовыхъ— обрѣзанія, и потому не допускали ихъ до ближайшаго участія въ своихъ религіозныхъ священнодѣйствіяхъ, ограничивъ самое вхожденіе ихъ въ храмъ, извѣстными только, внѣшними притворами. Но что между сими новыми получадами Израиля были люди съ добрымъ сердцемъ, съ свѣтлыми мыслями, съ настроеніемъ духа возвышеннымъ и открытымъ для всего истинно-полезнаго и душеспасительнаго, за сіе ручается уже недовольство языческимъ богослуженіемъ и наклонность къ вѣрѣ въ Бога Авраамова: ибо народъ Іудейскій, разсѣянный по всему, тогда извѣстному, свѣту, самъ по себѣ въ своихъ нравственныхъ качествахъ, немного представлялъ такого, что̀ бы могло располагать въ пользу его религіи.

Тѣмъ естественнѣе было такимъ людямъ обратить вниманіе на великаго Пророка Галилейскаго, Который, кромѣ того, что славился всюду чрезвычайными чудесами, былъ въ Своихъ бесѣдахъ несравненно выше всѣхъ тогдашнихъ учителей закона Моисеева, представлялся еще основателемъ новаго вѣроученія, уже независимаго, подобно Моисееву, отъ мѣстности и народности Іудейской и сообразнаго съ существенными потребностями всего рода человѣческаго. Всенародная,

[1]) Подобныхъ прозелитовъ было у Іудеевъ нѣсколько разрядовъ, кои отличались между собою смотря по тому, въ какой мѣрѣ прозелиты принимали на себя исполненіе различныхъ законовъ и обрядовъ Іудейскихъ. V. Lightfoot. Wetztenius.

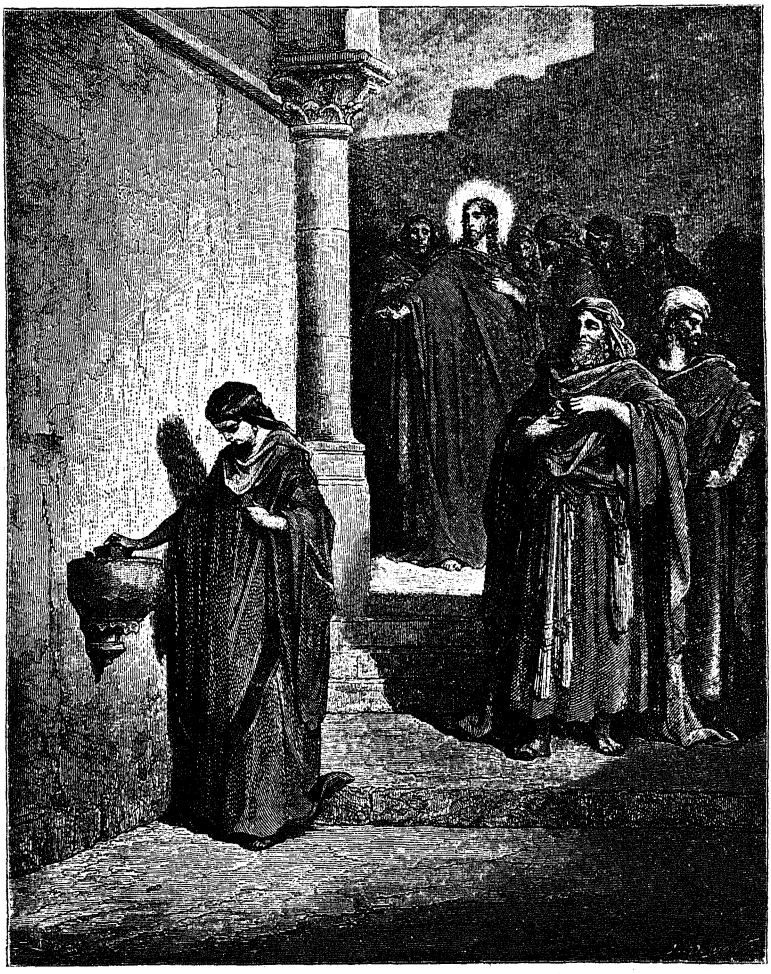
рѣшительная пря, открывшаяся со времени воскрешенія Лазаря между верховнымъ правительствомъ Іудейскимъ и Іисусомъ Христомъ, различные толки о Немъ многочисленнаго, собравшагося на праздникъ, народа, еще болѣе придавали занимательности лицу Его въ глазахъ сихъ прозелитовъ, давно расположенныхъ ко всему новому и необыкновенному. И вотъ, нѣкоторые изъ нихъ, движимые и чувствомъ сердца, ищущаго истины и успокоенія, и любопытствомъ, свойственнымъ Еллинамъ,—услышавъ, что великій Пророкъ и Чудотворецъ находится теперь во храмѣ, желаніемъ возжелали видѣть Его и быть Ему представленными. Но какъ достигнуть сего? Кромѣ того, что прозелитамъ позволено было входить не во всякій притворъ храма [1]), могла связывать и та мысль, что, можетъ быть, при настоящихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, великому Учителю Галилейскому, со всѣхъ сторонъ подстерегаемому врагами, неугодно будетъ вступить открыто въ сношеніе съ полуязычниками, чужестранцами. Почли за лучшее предупредить Его о своемъ желаніи—видѣться съ Нимъ, и для сего обратились съ просьбою къ одному изъ учениковъ Іисусовыхъ (Филиппу), съ которымъ, по прежнему мѣсту жительства его (Виѳсаидѣ), были нѣсколько знакомы [2]). Евангелистъ даетъ довольно выразумѣть, какъ много Еллины дорожили симъ ходатайствомъ, когда говоритъ, что *моляху его, глаголюще: хощемъ Іисуса видѣти.* Способъ, коимъ приступилъ Филиппъ къ удовлетворенію ихъ желанія, повидимому, столь простого, невиннаго и удобнаго въ исполненіи, показываетъ, что и онъ самъ находилъ исполненіе его, при настоящихъ обстоятельствахъ, не весьма удобнымъ. Вмѣсто того, чтобы прямо идти и сказать Учителю, что Еллины хотятъ видѣть Его, Онъ, по сказанію Евангелиста, почелъ за лучшее обратиться за совѣтомъ къ Андрею (Іоан. 12, 22); и потомъ уже сообразивъ, такъ сказать, всѣ обстоятельства дѣла и рѣшившись дѣйствовать совокупно, оба доложили Учителю о желаніи Еллиновъ.

И Учитель нашелъ дѣло немаловажнымъ, нашелъ его даже несравненно важнѣе, нежели какъ воображали ученики, только совсѣмъ по другимъ причинамъ. Богосвѣтлый взоръ Его въ семъ случайномъ, повидимому, появленіи Елли-

[1]) Conf. Lucke in seinem Comment. in Johan.
[2]) Conf. Chrysost. Hom. in Johan. Olshaus. in seinem Comment. ad. h. l.

новъ съ ихъ желаніемъ тотчасъ узрѣлъ предуготованное самымъ Промысломъ событіе, коимъ должно было достойнымъ образомъ заключиться земное служеніе Его спасенію народа Іудейскаго въ качествѣ Мессіи, ему обѣщаннаго, и начаться великое крестное служеніе спасенію всего падшаго рода человѣческаго. Еще за нѣсколько только минутъ изречено Имъ было, что виноградъ, столь худо блюдомый вождями народа Іудейскаго, преданъ будетъ другимъ дѣлателямъ, что Царство Небесное отнимется у недостойныхъ потомковъ Авраама и дастся языку, творящему плоды его (Матѳ. 21, 43); и вотъ Еллины, какъ первенцы собираемой отъ языкъ Церкви, являются теперь какъ бы для того, чтобы въ сей же часъ изъ собственныхъ устъ Его принять завѣтъ новый и предначать вступленіе въ наслѣдіе завѣщаемаго Царства. Итакъ, пришелъ часъ, великій, страшный, но неотвратимый часъ положить конецъ дѣлу. продолжавшемуся уже болѣе трехъ лѣтъ! Надобно, оставивъ безплодныя усилія надъ обращеніемъ дщери Сіоновой, обратиться къ язычникамъ, жаждущимъ вступить въ права чадъ Божіихъ, столь долго имъ невѣдомыя. Время, оставивъ путь проповѣди, вступить на путь креста, вознестись отъ земли, дабы привлечь всѣхъ, способныхъ подняться горѣ, и открыть для всѣхъ послѣдователей Своихъ путь новый и живой (Евр. 10, 19), путь смиренія, самоотверженія и вольнаго распятія духа и плоти.

Въ Своихъ мысляхъ (если только наши слабыя мысли, извлекаемыя изъ Писанія и Св. Отцовъ, могутъ сколько-нибудь, хотя издали, приближаться къ чистотѣ и высотѣ помысловъ, наполнявшихъ въ сіи священныя минуты душу Богочеловѣка) Онъ подъемлетъ очи къ небу и, не обращая вниманія на Еллиновъ (кои, вѣроятно, приблизились въ сіе время по знаку, данному Филиппомъ и Андреемъ), какъ бы вслухъ всего міра, восклицаетъ: *Пріиде часъ, да прославится Сынъ Человѣческій! Аминь, аминь, глаголю вамъ, аще зерно пшенично, падъ на землю, не умретъ, то едино пребываетъ: аще же умретъ, многъ плодъ сотворитъ. Любяй душу свою,* продолжалъ Господь, *погубитъ ю; а ненавидяй душу свою въ мірѣ семъ, въ животъ вѣчномъ сохранитъ ю. Аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да послѣдствуетъ: и идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ: и аще кто Мнѣ служитъ, почтитъ его Отецъ Мой.*



Лепта вдовицы.

Все сіе, какъ показываетъ самое свойство мыслей и словъ, долженствовало быть произнесено съ выраженіемъ величія, подобающаго Сыну Божію. Но вдругъ свѣтлый взоръ Его покрылся какъ бы нѣкіимъ сумракомъ печали. По Божественному лицу Его видно было, что въ душѣ Его одно чувство быстро смѣняется другимъ, и происходитъ какъ бы нѣкое сильное внутреннее движеніе и борьба [1]).

Нынѣ, продолжалъ Онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, *нынѣ душа Моя возмутися... и что реку? Отче, спаси Мя отъ часа сего! Но сего ради пріидохъ на часъ сей!*

Можно представить, какъ неожиданно и поразительно было не только для народа и Еллиновъ, но и для самыхъ учениковъ Іисусовыхъ подобное необыкновенное состояніе души ихъ Учителя. Но священная величественность сихъ минутъ печатлѣла всѣмъ уста молчаніемъ. Между тѣмъ взоръ Господа паки заблисталъ небеснымъ свѣтомъ.

Отче, воскликнулъ Онъ, какъ бы одержавъ внутреннюю побѣду, *прослави имя Твое!*

Прославихъ и паки прославлю, — загремѣло въ отвѣтъ съ неба.—Стоявшіе въ отдаленіи подумали, что это внезапный громъ (такъ гласъ былъ силенъ и не похожъ ни на что земное), а стоявшіе вблизи, слыша членораздѣльный голосъ, почли слышимое за вѣщаніе Ангела. Въ недоумѣніи и страхѣ, естественно, всѣ взирали на Іисуса, ожидая, что̀ будетъ (не послѣдуетъ ли, напр., какого-либо явленія, или по крайней мѣрѣ продолженія столь необыкновенной бесѣды съ небомъ) [2]).

Не Мене ради гласъ сей бысть, вѣщалъ Господь ученикамъ, *но народа ради: нынѣ судъ есть міру сему,* продолжалъ Онъ какъ бы въ изъясненіе чуда, — *нынѣ князь міра сего изгнанъ будетъ вонъ... И аще Азъ вознесенъ буду отъ земли, вся привлеку къ Себѣ...*

Послѣднія слова изрекъ Господь, по замѣчанію Евангелиста, назнаменуя, коею смертію хотяше умрети (Іоан. 12, 33). Въ такомъ точно смыслѣ и принялъ ихъ народъ: хотя мысль о смерти Мессіи, какой бы то ни было, тѣмъ паче крестной, была совершенно противна народному вѣрованію, представлявшему себѣ Мессію безсмертнымъ. Въ другое время

[1]) См. Злат. Бесѣд. на Іоан.
[2]) Conf. Lampe Comment. in Evangel. ad Johan. c.

такое явное и рѣзкое противорѣчіе народному предразсудку заставило бы народъ тотчасъ стать противъ и, можетъ быть, взять въ руки камни, какъ это бывало въ подобныхъ случаяхъ (Іоан. 10, 31); теперь, послѣ гласа съ неба, удовольствовались скромнымъ предложеніемъ своего недоумѣнія, прикрывъ его еще личиною закона. «Какъ же мы слышали,—сказали нѣкоторые,—изъ закона, что Мессіи надобно пребывать во вѣки? А Ты говоришь, что должно быть вознесену Сыну Человѣческому? Кто этотъ Сынъ Человѣческій? — (Не другой ли, то есть, кто, отличный отъ Тебя, Который являешься Мессіею, или Ты Самъ не Мессія, а только предтеча Его?)

Подобные вопросы могли послужить поводомъ для пространнаго собесѣдованія и обширныхъ объясненій. Но теперь не время уже было вступать въ сіи объясненія. Господь почелъ достаточнымъ, не касаясь догматической стороны предмета, преподать народу одно нравственное наставленіе.

Еще мало, сказалъ Онъ, *свѣтъ въ васъ есть: ходите, дондеже свѣтъ имате, да тьма васъ не иметъ: ходяй во тьмѣ, не вѣсть, камо идетъ. Дондеже свѣтъ имате, вѣруйте во свѣтъ, да сынове свѣта будете!*

(То есть, спѣшите пользоваться въ простотѣ сердца тѣмъ, что̀ вы видите и слышите отъ Меня и чрезъ Меня, не увлекаясь сомнѣніями, не предаваясь вопросамъ, не тратя времени, коего остается весьма мало.)

Какъ бы въ доказательство того, что сказалъ Господь, то есть, что это послѣднее съ Его стороны наставленіе народу, Онъ, сказавъ, тотчасъ отошелъ отъ него и скрылся (Іоан. 12, 36).

Такъ заключилось болѣе нежели трехлѣтнее поприще всенароднаго служенія Іисусова въ качествѣ обѣщаннаго народу Іудейскому Мессіи и Учителя истины [1]). Какое величественное соотвѣтствіе между началомъ и концомъ служебнаго поприща Іисусова! — Тамъ гласъ съ неба на Іорданѣ, и здѣсь гласъ съ неба при храмѣ: тамъ и здѣсь и для торжественности и *народа ради,* — дабы среди настоящихъ и еще болѣе наступающихъ, крайне трудныхъ и

[1]) См. Бесѣд. Злат. на Іоан.

смутныхъ обстоятельствъ, дать ему твердую опору для вѣры и поведенія, чтобы онъ сей гласъ съ неба могъ противоположить противному гласу отъ земли — своего недостойнаго синедріона. Съ сей точки зрѣнія настоящія минуты были минутами самыми величественными, минутами рѣшенія участи всѣхъ и каждаго изъ Іудеевъ. Въ гласѣ съ неба изрекался судъ и осужденіе главамъ народа Іудейскаго, не хотѣвшимъ разстаться съ своими выгодами,—книжникамъ и мудрецамъ Іудейскимъ, упорно стоявшимъ въ своихъ предразсудкахъ,—фарисеямъ съ ихъ лицемѣріемъ,—саддукеямъ съ ихъ чувственностію,—ессеямъ съ ихъ ложною, противообщественною набожностію;—всѣмъ и каждому, кто, видя предъ собою въ такомъ избыткѣ свѣтъ небесный, смежалъ очи, чтобы не видѣть.—Мессія долженъ былъ сдѣлать съ своей стороны все, чтобъ быть узнаннымъ отъ народа Іудейскаго, Его ожидавшаго,—и сдѣлалъ! Не говоря о трехлѣтнемъ служеніи, о непрестанной проповѣди, о многочисленныхъ всякаго рода чудесахъ, довольно было послѣднихъ событій, чтобы узнать въ Немъ всѣмъ и каждому обѣтованнаго Избавителя міра: для сего именно воскрешеніемъ Лазаря возбуждено было всеобщее вниманіе какъ нельзя болѣе; торжественнымъ входомъ въ Іерусалимъ и принятіемъ отъ дѣтей *осанна Сыну Давидову*—сдѣлано было всенародное объявленіе о Своемъ великомъ достоинствѣ, какъ нельзя яснѣе; наконецъ настоящимъ гласомъ съ неба (каковымъ знаменіемъ особенно дорожили Іудеи—Матѳ. 16, 1; 12, 39) положена на все служеніе Іисусово такая Божественная печать, вѣрнѣе коей нельзя и вообразить; послѣ сего для непріемлющихъ Его не было никакого извиненія, оставалось одно осужденіе, по мѣрѣ виновности каждаго. Но это осужденіе не останавливалось на осужденномъ *мірѣ (человѣческомъ)*, который при всей виновности своей все еще имѣлъ время къ покаянію, а слѣдовательно помилованію (Іоан. 16, 8—11); нѣтъ, оно простиралось далѣе и сокрушительною силою своею всецѣло падало на гордую главу князя міра, того человѣкоубійцы искони (Іоан. 8, 44), который, не соблюдши собственнаго начальства въ высшихъ областяхъ мірозданія, но, оставивши самовольно свое жилище (Іуд. 6), ниспалъ въ бездну униженія и бѣдствія, и потомъ, не желая, чрезъ покаяніе,

возвратиться къ своему природному мѣсту и первому достоинству, умыслилъ злобно свергнуть съ престола несотвореннаго владыку земли, прародителя человѣковъ, и, достигши сего посредствомъ обольщенія, занялъ незаконно его мѣсто—владыки надъ міромъ. Провидя въ Іисусѣ Христѣ будущаго разрушителя своего темнаго царства, онъ, съ самаго начала служенія Его, не преминулъ явиться предъ Нимъ съ искушеніемъ въ пустынѣ (Матѳ. 4, 1—11), во время Его пощенія; не успѣвъ въ своемъ ковѣ, ставилъ потомъ, гдѣ могъ, преграды Его проповѣди; возмущалъ мирныя сердца Его учениковъ (Матѳ. 16, 23), овладѣлъ однимъ изъ нихъ до того, что обратилъ его изъ Апостола въ сосудъ погибели, и воздвигъ теперь синедріонъ на преслѣдованіе Его именемъ Самого Бога Израилева. Во всѣхъ сихъ случаяхъ премудростію Божіею предоставлена была сему врагу Бога и человѣковъ повидимому свобода дѣйствовать такъ, какъ онъ хотѣлъ и могъ: Сынъ Человѣческій также не противопоставлялъ ему видимо съ своей стороны неприступной славы Своего Божества, сражался съ нимъ однимъ смиреніемъ и преданностію волѣ Отца Своего; не смотря на сіе, царство свѣта своею внутреннею силою явно брало вездѣ верхъ надъ царствомъ тьмы; малое стадо, коему завѣщено царство (Лук. 22, 29), росло, привлекая къ себѣ отвсюду членовъ; Сынъ Человѣческій совершилъ все, что̀ было нужно для основанія Церкви Своей, такъ чтобы и врата адовы не одолѣли ей; оставалось только вознестись на крестъ, принести Самого Себя въ жертву за родъ человѣческій, дабы потомъ принять, и по человѣчеству Своему, власть надъ небомъ и землею, сдѣлаться Посредникомъ Бога и человѣковъ, Богопоставленною Главою всего міра. Послѣ сего и вмѣстѣ съ симъ, князь міра, сей древній самозванецъ, самъ собою лишался незаконнаго владычества надъ міромъ и имѣлъ быть *изгнанъ вонъ,* въ свое мѣсто—во тьму кромѣшнюю.

Имѣя въ виду такое всемірное значеніе настоящаго событія, Господь, кажется, не вступалъ въ непосредственную бесѣду съ Еллинами. Впрочемъ, для нихъ довольно было и того, что̀ они видѣли и слышали. Гласъ съ неба долженъ былъ прекратить всякое колебаніе ихъ мыслей касательно лица Іисусова и возбудить вѣру въ Него, яко Сына Божія.

Предостереженіемъ, что свѣтильнику не долго остается горѣть на свѣщникѣ, давалось знать и Еллинамъ столько же, какъ и Іудеямъ, чтобы не медлили дѣломъ своего спасенія, а многознаменательными словами: *любяй душу свою, погубитъ ю,* указывался главный путь къ сей цѣли—самоотверженіе христіанское. Напоминаніе объ участи. ожидающей князя міра, кажется, и сдѣлано преимущественно для Еллиновъ; ибо его владычество нигдѣ такъ не свирѣпствовало, какъ между язычниками, гдѣ онъ, подъ видомъ истукановъ, принималъ поклоненіе и жертвы и давалъ свои откровенія. Все это отселѣ должно было прекратиться: проповѣдники Іисуса Распятаго обойдутъ весь міръ крестомъ, разрушатъ имъ всѣхъ идоловъ и распространятъ поклоненіе Богу истинному. Мысль отрадная для тѣхъ изъ Еллиновъ, кои давно жаждали сего благодѣянія!

Обращая наконецъ вниманіе на душевное состояніе при семъ случаѣ Іисуса, тотчасъ видишь, что оно принадлежало къ самымъ необыкновеннымъ. И можно ли было безъ особенно глубокаго и сильнаго чувства окончить такое поприще служенія, каково было поприще Сына Человѣческаго?... Но это чувство могло быть различно, смотря по ходу дѣла. Какъ бы оно было радостно, если бы дщерь Сіоня, наставляемая столько времени и съ такимъ усердіемъ, уразумѣла наконецъ день посѣщенія своего (Лук. 19, 42)! Но она не уразумѣла его!—не уразумѣла до того, что въ ослѣпленіи готовится вознесть на крестъ возлюбленнаго Жениха своего! Ужасная участь, имѣющая постигнуть ее за сіе преступленіе, извлекла уже, какъ мы видѣли, слезы изъ очей Господа, во время входа Его въ Іерусалимъ. Столь же естественно представленіе сей участи теперь приводитъ душу Его въ горестное смущеніе. Разсматриваемый съ сей стороны крестъ, Его ожидающій, самъ по себѣ тяжелый, представляется Ему еще тяжелѣе и ужаснѣе: ибо вмѣсто того, чтобы на немъ пригвоздить одно раздранное и изглажденное рукописаніе общихъ грѣховъ сего міра (Колос. 2, 14), теперь на немъ же надобно будетъ пригвоздить и новое рукописаніе тяжкаго грѣха и осужденія возлюбленной дщери Сіоновой. Можно ли было не пожелать противнаго, не сказать отъ полноты чувства: *Отче, спаси Мя отъ часа сего!*

Впрочемъ, мы бы уклонились отъ всѣхъ правилъ истори-

ческаго изъясненія словъ Спасителя, если бы отважились утверждать, что сіе горестное восклицаніе, какъ бы невольно исторгшись изъ стѣсненнаго чувствами сердца, нисколько не было въ Богочеловѣкѣ слѣдствіемъ самой природы человѣческой, естественно и необходимо отвращающейся страданій и смерти. Напротивъ, борьба со страхомъ смерти была не чужда Ему, даже какъ Искупителю рода человѣческаго, какъ Вождю всѣхъ искушаемыхъ и спасающихся: итакъ, кто почему-либо выпустилъ бы изъ вида сію черту, симъ самымъ, дерзнемъ сказать, не украсилъ бы, а сократилъ бы черты Искупителя въ Его Божественномъ лицѣ. Ибо сей-то самый страхъ, по глубокому замѣчанію Апостола (Евр. 5. 7), служилъ къ послѣднему величайшему искушенію для второго Адама, препобѣдивъ которое, Онъ явилъ въ Себѣ всю полноту совершенства, въ коей ничего не оставалось желать болѣе (Евр. 2, 10). Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы Божественный Началовождь спасенія нашего могъ всѣмъ искушаемымъ помогать, даже—знать ихъ состояніе, если бы Самъ, говоря словами Апостола, не былъ *искушенъ по всяческимъ* (Евр. 4, 15), не испыталъ на Себѣ всего, кромѣ грѣха? И какъ бы можно было сказать, что Онъ испыталъ все, если бы Онъ не испыталъ страха мученій и смерти, этого послѣдняго и величайшаго искушенія для слабаго естества нашего?— Къ счастію нашему Онъ испыталъ его, испыталъ теперь; еще болѣе испыталъ послѣ, въ саду Геѳсиманскомъ, гдѣ искушеніе сіе достигнетъ самой высшей степени и потребуетъ для побѣжденія себя троекратной молитвы и—Ангела укрѣпляющаго! Тамъ и мы доскажемъ о сей, самой возвышенной, поучительной и таинственной сторонѣ въ жизни и страданіяхъ Богочеловѣка, то, что̀, по указанію Апостоловъ Христовыхъ и святыхъ отецъ, можетъ быть сказано о семъ общепонятнаго.

А здѣсь и теперь примѣтимъ токмо, для руководства при разсмотрѣніи наступающихъ дѣйствій и состоянія Богочеловѣка, что какъ доселѣ, въ качествѣ Мессіи и предопредѣленнаго Царя Израилева, Ему прилично было дѣйствовать и учить со властію (Марк. 1, 22; Матѳ. 7, 28), являть даже видимо Свое величіе,—такъ теперь, со вступленіемъ въ новый кругъ дѣйствій, въ качествѣ Агнца Божія, вземлющаго грѣхи всего міра,—Ему надлежало принять на

Себя во всей полнотѣ характеръ жертвы, ведомой на заколеніе, какимъ дѣйствительно мы и увидимъ Его въ остальныхъ дняхъ Его жизни.

Бесѣда съ учениками о судьбѣ Іерусалима и послѣднихъ дняхъ міра.

(Замѣчанія учениковъ о величіи и красотѣ храма, съ отвѣтами на нихъ Учителя — Бесѣда съ ними на Елеонѣ о судьбѣ Іерусалима, о послѣднихъ дняхъ міра и будущемъ пришествіи Мессіи. — Опредѣленнѣйшее предсказаніе Его о Своей смерти.)

Уклонившись отъ народа, Богочеловѣкъ не оставался и въ храмѣ, а пошелъ вонъ изъ города, обыкновеннымъ Своимъ путемъ, юговосточными вратами, ведущими на дорогу въ Виѳанію. Ученики слѣдовали за Нимъ, исполненные различныхъ, большею частію, печальныхъ мыслей, главнымъ предметомъ коихъ, по обыкновенію, были они сами и ихъ будущая судьба въ царствѣ Мессіи — ихъ Учителя. Сообразно всеобщему народному вѣрованію, имъ не могло не представляться, что Апостоловъ Мессіи ожидаютъ въ будущемъ вѣнцы, слава и богатство; что если въ семъ званіи и неизбѣжны какія-либо лишенія, трудности, жертвы, то все это большею частію уже сдѣлано ими и перенесено; и вотъ, внезапно слышатъ они, что изъ сихъ Апостоловъ одни будутъ распяты, другіе убиты, всѣ подвергнутся лютому гоненію и мукамъ, что рядъ сихъ ужасовъ и бѣдствій еще не начинался!... Пусть бы, по крайней мѣрѣ, въ награду за сіе, ускорено было открытіе славнаго царства Мессіи! — И сія надежда, казалось, уничтожалась чрезвычайно труднымъ условіемъ, до исполненія коего Учитель рѣшился не являться въ храмъ. Послѣ всего случившагося, думали, возможно ли, чтобы первосвященники и книжники, сами и добровольно, вышли когда-либо на встрѣчу Ему съ восклицаніями: «Благословенъ грядый во имя Господне!» По крайней мѣрѣ явно было, что сему условію не исполниться долго, очень долго. Страшная угроза, изреченная Іисусомъ Христомъ противъ храма, также не могла радовать душу Израильтянина и отзывалась чѣмъ-то ужаснымъ для учениковъ. Не смотря на распространившееся ожиданіе великихъ бѣдствій предъ пришествіемъ Мессіи, къ числу коихъ нѣкоторыми изъ книж-

никовъ присовокуплено было даже разрушеніе храма [1]), Іудей никакъ не могъ привыкнуть къ сему ожиданію; всякій старался давать ему смыслъ какъ можно легче и благопріятнѣе: особенно въ отношеніи къ храму, коего понятіе въ умѣ Іудея неразрывно соединялось съ понятіемъ всего святого и неприкосновеннаго, съ благоденствіемъ народа Іудейскаго, съ цѣлостію вѣры, съ славою Самого Іеговы. И сему-то самому храму предсказано теперь запустѣніе, предсказано Самимъ Мессіею, Который притомъ оставилъ его навсегда!...

Великолѣпное и прекрасное зданіе послѣ сего казалось ученикамъ Его еще лучше и огромнѣе. Каждая примѣчательная вещь, мимо коей проходили, останавливала на себѣ ихъ взоры. Одинъ изъ учениковъ (Петръ) не могъ (Марк. 13, 1) удержаться, чтобы не выразить даже вслухъ своего удивленія чрезвычайной огромности камней и прочности всего зданія. Другіе (Лук. 21, 5; Матѳ. 24, 1) начали указывать Учителю на дорогія украшенія, богатые вклады и дары, коими украшены были столбы и стѣны многочисленныхъ притворовъ храма. Нѣкоторые изъ сихъ даровъ, кромѣ ихъ драгоцѣнности, заслуживали примѣчанія тѣмъ, что присланы были изъ отдаленныхъ странъ отъ царей и вельможъ [2]). — Ученики не говорили прямо, почему они теперь именно такъ много занялись сими вещами и для чего хотятъ обратить на нихъ вниманіе Учителя; но самое дѣло и видъ ихъ показывалъ, что это происходитъ отъ тайнаго сожалѣнія о храмѣ, осужденномъ за нѣсколько минутъ на запустѣніе,—отъ нѣкотораго недовѣрія, если не къ предсказаніямъ Учителя, то къ правильности собственнаго разумѣнія словъ Его, наконецъ отъ искренняго и прямого, хотя дѣтскаго желанія, чтобъ Учитель, вмѣсто ужасныхъ предсказаній и гнѣва на храмъ, обратилъ поболѣе вниманія на его богатство и великолѣпіе, спасъ его, если можно, отъ разоренія, и, какъ Мессія, обратилъ потомъ въ Свою собственность [3]). Господь остановился, посмотрѣлъ на предметы, коимъ особенно удивлялись ученики; казалось, Самъ раздѣлялъ ихъ мнѣніе о чрезвычайной прочности, богатствѣ и величіи храма (Марк. 13, 2); но въ ту же минуту, вопреки ихъ ожиданію,

[1]) V. Laihtfoot. Hor. Hebr. ad Matth. 2. 1. p. 200. Joseph. Antiq. 10. 11. 7.
[2]) V. Wetzten. ad h. l.
[3]) Злат. Бесѣды на Матѳея.

еще сильнѣе и яснѣе подтвердилъ прежнюю угрозу противъ храма: *Аминь, аминь глаголю вамъ, не имать остатися здѣ камень на камени, иже не разорится!...*

Рѣшительность и сила, съ коею произнесены были слова сіи, отзывались непреложнымъ приговоромъ вѣчныхъ судебъ. Ученики не смѣли болѣе нарушать безмолвіе Учителя, Который Своими бесѣдами и дѣйствіями заставилъ размышлять цѣлый Іерусалимъ, и Самъ не менѣе другихъ погруженъ былъ въ размышленіе. Молча прошли водяныя ворота, молча перешли потокъ Кедрскій, молча взошли на одну изъ вершинъ Елеона, которая была прямо противъ храма (Марк. 13, 3).

Тѣмъ сильнѣе дѣйствовало воображеніе учениковъ!—Самая страшная сторона въ ожиданіи народномъ, которой доселѣ они или не вѣрили, или вѣрили, но по своему, съ ограниченіями, слабо,—представлялась теперь во всей своей (ужасной!) дѣйствительности. «Если храмъ подвергнется такому разрушенію, то что̀ послѣ сего останется цѣлымъ? Значитъ, все должно испытать величайшую перемѣну, быть разрушено до основанія». Мрачность подобныхъ мыслей озарялась одною надеждою,—что во времена Мессіи всѣ сіи потери будутъ вознаграждены стократъ, явится Іерусалимъ новый, храмъ великолѣпнѣйшій, богослуженіе чище и святѣе. При такой надеждѣ даже можно было желать, чтобы неизбѣжное зло совершилось какъ можно скорѣе, дабы скорѣе явилось и ожидаемое добро. «Пока не будетъ разрушенъ этотъ злополучный храмъ, Учителю нельзя взойти на престолъ Израильскій.—Когда же это будетъ?»—Такимъ вопросомъ естественно оканчивались всѣ предположенія и догадки. Любопытство, тѣмъ живѣйше, чѣмъ казалось оно законнѣе, овладѣло особенно Петромъ, Іаковомъ, Андреемъ и Іоанномъ, кои, привыкнувъ издавна быть свидѣтелями самыхъ сокровенныхъ дѣяній Учителя, по тому самому болѣе другихъ тяготились, если не разумѣли въ Его бесѣдѣ чего-нибудь.

Когда Учитель, взошедъ на гору, сѣлъ для отдохновенія на любимомъ мѣстѣ Своемъ, означенные четыре ученика, пользуясь отдаленіемъ прочихъ (отдыхавшихъ по разнымъ пригоркамъ), завели съ Нимъ разговоръ о прошедшей бесѣдѣ Его, и тотчасъ склонили рѣчь на храмъ, который былъ прямо противъ того мѣста, гдѣ они сидѣли, и

представлялся отсюда во всемъ величіи и красотѣ. «Скажи намъ, когда послѣдуетъ разрушеніе сего храма, Тобою предсказанное? Какое знаменіе Твоего пришествія и кончины вѣка?» Событіямъ симъ, по мнѣнію учениковъ, занятому изъ народнаго вѣрованія, надлежало послѣдовать въ одно время, или весьма скоро одно за другимъ.

Не смотря на то, что желаніе знать будущее было въ ученикахъ слѣдствіемъ болѣе любопытства, нежели дѣйствительной нужды, Учитель нашелъ полезнымъ преподать имъ нѣкоторое наставленіе. Уже наступало время разлуки, послѣ коей Апостоламъ надлежало сдѣлаться вождями многочисленнаго общества вѣрующихъ, которое во всѣхъ поступкахъ своихъ, особенно въ перенесеніи страданій, одушевлялось, какъ извѣстно изъ исторіи первобытной Церкви, ожиданіемъ скораго пришествія Іисуса. Не зная ничего опредѣленнаго касательно времени сего событія, а посему не имѣя вѣрныхъ правилъ для своего поведенія, первобытные христіане непрестанно находились бы въ опасности быть увлеченными въ обманъ какимъ-либо лжехристомъ, въ коихъ не было тогда недостатка. Одно ошибочное мнѣніе, что второе пришествіе Мессіи послѣдуетъ тотчасъ по разрушеніи Іерусалима, не бывъ обличено и опровергнуто, послужило бы источникомъ многихъ бѣдствій для христіанской Церкви и, можетъ быть, вовлекло бы ее въ сильныя смятенія. Потомъ несбывшееся ожиданіе могло бы охладить вѣру, погасить надежду, потрясть самое основаніе христіанства. По всѣмъ симъ причинамъ, нельзя было оставить безъ отвѣта любопытства касательно послѣднихъ дней міра, хотя отвѣтъ на сіе, въ настоящихъ обстоятельствахъ, былъ крайне затруднителенъ; ибо ученики многаго еще не могли понести.

Слѣдующая бесѣда Іисуса покажетъ однако же, что трудность сія не существовала для Того, Кто вѣдалъ все будущее, какъ настоящее. Мы найдемъ въ ней полный отвѣтъ на всѣ три части великаго вопроса, предложеннаго учениками: на первую часть — касательно разрушенія храма, отвѣтъ весьма опредѣленный, даже въ хронологико-топографическомъ отношеніи, хотя безъ числительныхъ указаній; на двѣ послѣднія части — касательно кончины міра и всемірнаго суда, отвѣтъ не полный, впрочемъ совершенно

достаточный для цѣли. Чтобъ лучше понять смыслъ и духъ сихъ отвѣтовъ, должно постоянно имѣть въ виду цѣль, для коей открывается теперь ученикамъ будущее,—состоящую не въ удовлетвореніи празднаго любопытства, не въ хронологическомъ опредѣленіи будущихъ событій, а въ томъ, чтобы истребить ложную и опасную мысль, будто второе пришествіе Мессіи послѣдуетъ тотчасъ по разрушеніи Іерусалима, предостеречь ихъ во время сей смутной и грозной эпохи отъ обольщеній, ободрить надежду и терпѣніе тѣхъ между ними, коимъ нескорое пришествіе Спасителя могло казаться замедленіемъ, а вмѣстѣ съ симъ обратить всѣхъ будущихъ послѣдователей Своихъ отъ духа пытливости—касательно кончины міра—къ бдѣнію, молитвѣ, дѣламъ любви и преданности въ волю Отца Небеснаго.

Кромѣ сего, если когда, то при чтеніи слѣдующей бесѣды Іисусовой должно привести себѣ на память свойства языка пророческаго, на коемъ отдаленнѣйшія, по времени, событія кажутся нерѣдко современными, и все, какъ въ перспективѣ, представляется на одной поверхности, доколѣ не будетъ найдена истинная точка зрѣнія. По мѣстамъ, гдѣ нужно, мы будемъ указывать сію точку, не препятствуя впрочемъ собственному зрѣнію каждаго и не выдавая видимаго нами въ предметѣ за самый предметъ.

«Вы не напрасно заботитесь о будущемъ,—какъ бы такъ началъ Господь Свою бесѣду съ учениками,—по разлученіи со Мною, васъ дѣйствительно ожидаютъ многія искушенія и соблазны. Берегитесь наипаче, чтобъ кто-либо не обольстилъ васъ касательно пришествія Мессіи. Ложь и обманъ усилятся до того, что многіе пріидутъ подъ Моимъ именемъ и будутъ говорить: «я Христосъ! настали времена Мессіи!» Найдется не мало такихъ, кои повѣрятъ имъ и обольстятся; но вы не ходите вслѣдъ ихъ, берегитесь!—Услышите также о различныхъ войнахъ и междоусобіяхъ: какъ бы ни были страшны сіи слухи, не ужасайтесь! Всему этому должно быть; и однако же еще не вдругъ за симъ конецъ (храму и городу). Придутъ бѣдствія еще бо́льшія: народъ станетъ возставать на народъ, царство на царство; за всеобщимъ междоусобіемъ явятся по различнымъ мѣстамъ голодъ, язва и землетрясенія. Самое небо дастъ знаменія въ страшныхъ и необыкновенныхъ явленіяхъ. Но и сіи

ужасы (кои многими почитаемы будутъ за рѣшительный признакъ пришествія Мессіи) суть только начала болѣзней рожденія [1]).

«Вмѣсто напрасныхъ ожиданій кончины вѣка, ваше вниманіе всецѣло должно быть обращено на васъ самихъ и ваше дѣло. Ибо вамъ наипаче угрожаетъ опасность (Лук. 21, 12): еще до начала всеобщихъ бѣдствій, вы успѣете испытать на себѣ всѣ роды злоключеній. При всей вашей невинности, на васъ обратится ненависть всѣхъ народовъ, злоба Іудеевъ и язычниковъ. Васъ будутъ преслѣдовать, заключать въ темницы, подвергать безчестію, мученіямъ и смерти. Въ слѣпомъ изступленіи отъ предразсудковъ, самые близкіе сродники, родители, братья, друзья содѣлаются вашими гонителями, предателями и убійцами. Многіе изъ васъ положатъ за Меня душу свою. Но не унывайте!—Среди всѣхъ сихъ бѣдствій, надъ вами будетъ промыслъ и любовь Отца Небеснаго; безъ Его всемогущей воли не упадетъ съ вашей главы ни одного волоса. Въ сіе время не разъ доведется вамъ давать отвѣтъ и въ отечественныхъ синагогахъ и въ чужеземныхъ судилищахъ, свидѣтельствовать о имени Моемъ предъ царями и правителями. На всѣ таковые случаи положите себѣ за правило—не заботиться напередъ о томъ, что̀ и какъ вамъ говорить; ибо во всѣхъ таковыхъ случаяхъ будете говорить не вы, а Духъ Святый, Коего вы пріимете. Я дамъ вамъ тогда такія уста и такую премудрость, противъ которыхъ не устоитъ ни одинъ изъ вашихъ противниковъ.

«Чувствительнѣе и опаснѣе всѣхъ гоненій будетъ то, что (по причинѣ испорченности нравовъ) ослабнутъ узы любви даже между своими; откроются раздѣленія и вражды, явятся измѣнники и предатели даже между присными—по вѣрѣ; возстанутъ лжепророки и лжеучители изъ среды вашего общества. Взаимное довѣріе умалится, дружество и любовь охладѣютъ, самая вѣра подвергнется затменію. Будутъ времена тяжкія; но вы, кои на тѣ времена избраны Мною, должны искуплять души терпѣніемъ. Кто претерпитъ до конца, тотъ спасенъ будетъ!» (Лук. 21, 19; Матѳ. 24, 13).

---

[1]) Ἀρχαὶ ὠδίνων.

«Сколько бы и кто бы ни преслѣдовалъ васъ, дѣло Божіе не можетъ быть остановлено или замедлено. Гонимое Евангеліе Царствія успѣетъ быть проповѣдано всѣмъ народамъ, прежде нежели рѣшится судьба Іерусалима и народа Іудейскаго.

«Наконецъ, когда увидите Іерусалимъ, окруженный войсками, то знайте, что приблизилось время его разрушенія.—Наипаче же, когда мерзость запустѣнія, предреченная Даніиломъ пророкомъ, станетъ на мѣстѣ святомъ: тогда каждый долженъ оставить надежду на спасеніе отечества и думать только о своей собственной безопасности. Находящимся въ Іудеѣ всего лучше бѣжать тогда на горы; ибо на ровныхъ мѣстахъ не будетъ убѣжища. Даже, если бы кого застигло сіе ужасное время на кровлѣ, то да бѣжитъ прямо и не сходитъ внизъ что-либо взять изъ дома [1]). И кто будетъ на полѣ, пусть не возвращается въ городъ, хотя бы за самою нужною вещію, а бѣжитъ прямо. Для всѣхъ будетъ одно спасеніе—бѣгство скорѣйшее. Это дни исполненія угрозъ пророческихъ, ужасные дни суда и воздаянія небеснаго. Горе тогда будетъ беременнымъ и недавно родившимъ: молитесь и просите Бога, чтобъ несчастіе сіе не случилось, по крайней мѣрѣ, зимою, или въ субботу... Я говорю вамъ, что тогда будетъ скорбь, каковой не было отъ начала міра и до нынѣ и не будетъ. Много должно пасть отъ меча, еще болѣе отведется въ плѣнъ во всѣ народы. Іерусалимъ будетъ лишенъ покрова небеснаго и отданъ въ попраніе язычникамъ. имѣющее продолжаться дотолѣ, пока не исполнятся времена языковъ (Лук. 21, 24)... Если бы не сократились сіи злосчастные дни, то не спаслась бы никакая плоть; но ради избранныхъ сократятся сіи дни»...

Между тѣмъ, какъ Богочеловѣкъ бесѣдовалъ такимъ образомъ, прочіе ученики (Марк. 13, 37) — одинъ за другимъ — подходили къ Нему и начинали слушать Его бесѣду, которая для всѣхъ ихъ была равно поучительна.

«Тѣмъ осторожнѣе въ сіе время, продолжалъ Іисусъ,

[1]) Для уразумѣнія сего выраженія должно знать, что въ Азіи кровли дѣлаются большею частію плоскія и служатъ нерѣдко для прогулокъ Иногда онѣ бываютъ соединены одна съ другою переходами, такъ что можно пройти по кровлямъ до конца города. Paulus Sammlung der. M Reisen im Orient. Th. 6. 5. 245.

должно быть вамъ: ибо тяжесть бѣдствія усилитъ ожиданіе обѣтованнаго Избавителя до того, что расположитъ вѣрить всякому извѣстію о Немъ, а это дастъ случай сынамъ погибели злоупотреблять именемъ Мессіи. Смотрите, не вѣрьте никому, кто будетъ говорить: «вотъ здѣсь Христосъ, или вонъ тамъ!» Не обольщайтесь самыми чудесами лжепророковъ. Нѣкоторые изъ нихъ совершатъ такія странныя и необыкновенныя дѣла, что, еслибъ возможно, ими обольстились бы самые избранные. Потому-то Я и сказываю вамъ напередъ все сіе, дабы вы тверже стояли противъ обмана (Марк. 13, 23). Еще повторю, смотрите, если кто скажетъ вамъ: «вотъ Онъ (Мессія) въ пустынѣ!» не выходите; или: «вотъ Онъ скрывается во внутреннихъ комнатахъ!» не вѣрьте!—Не такимъ образомъ придетъ Мессія, когда Ему придти должно. Онъ не будетъ имѣть нужды въ указателяхъ. Какъ молнія исходитъ отъ востока и вдругъ блистаетъ до запада, такъ будетъ (въ свое время) и пришествіе Сына Человѣческаго (неожиданно, мгновенно). А гдѣ будетъ трупъ (Мессія), тамъ (сами собою, ведомые невѣдомою силою) соберутся и орлы (истинные послѣдователи Мессіи)».

Богочеловѣкъ умолкъ (Лук. 21, 10). Ученики ожидали продолженія рѣчи, потому что еще не было сказано на вторую — столь же важную часть ихъ вопроса—о кончинѣ міра и времени пришествія Мессіи.

«Послѣ скорби дней оныхъ (когда впрочемъ окончатся уже времена язычниковъ,—Лук. 21, 24) послѣдуютъ ужасныя явленія на землѣ и на небѣ. Солнце померкнетъ, луна не дастъ свѣта, звѣзды спадутъ съ неба, и силы небесныя подвигнутся: все выйдетъ изъ своего чина и порядка. На землѣ будетъ какъ предъ бурею: вездѣ уныніе, недоумѣніе, боязнь и трепетъ. Море восшумитъ и возмутится. Ожиданіе бѣдствій сдѣлается ужаснѣе самихъ бѣдствій. Вся природа будетъ въ болѣзняхъ рожденія. Тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго. Увидя его, восплачутся всѣ племена земныя о своихъ грѣхахъ и нечестіи. Но для истинныхъ послѣдователей Моихъ время сіе должно быть временемъ надеждъ и утѣшенія. Они спокойно могутъ восклонить тогда и поднять главу. Наконецъ (послѣ всѣхъ сихъ событій), явится Самъ (столь многими и такъ долго неузнаваемый) Сынъ Человѣческій, явится предъ лицомъ всѣхъ людей на обла-

кахъ небесныхъ, со всѣмъ величіемъ и славою, окруженный воинствомъ небеснымъ. По мановенію Его, сонмы Ангеловъ полетятъ отъ одного конца вселенныя до другого, съ трубнымъ гласомъ, и соберутъ избранныхъ Его отъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ. И тогда — кончина міра и начало славнаго Царствія Божія на землѣ».

При такомъ величественномъ и утѣшительномъ изображеніи второго пришествія Мессіи, и нынѣ способномъ произвести самое сильное и отрадное впечатлѣніе во всякомъ добромъ и благочестивомъ сердцѣ,—любопытство учениковъ Іисусовыхъ, касательно времени сего событія, естественно должно было усилиться до высочайшей степени. «Когда же, когда будетъ все сіе?»—сказано, вѣроятно, при семъ случаѣ не однимъ Петромъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ предполагать ходъ бесѣды.

«Важнѣйшія событія, отвѣчалъ Богочеловѣкъ, въ Царствѣ Божіемъ, подобно какъ въ царствѣ природы, сами себя предсказываютъ: только надобно быть внимательными. Посмотрите на смоковницу и на всѣ прочія деревья (Лук. 21, 29), и возьмите съ нихъ примѣръ для себя. Когда вѣтви ихъ становятся мягки и начинаютъ пускать листья, то, видя сіе, вы сами (Лук. 21, 30—безъ всякаго пророчества) говорите, что скоро будетъ лѣто. Такъ, когда увидите все сіе (что̀ Я прежде сказалъ) сбывающимся (надъ народомъ Іудейскимъ): то знайте, что наказаніе близко (Матѳ. 24, 33; Марк. 13, 29), судъ при дверяхъ. Да, оно близко, — присовокупилъ Учитель, возвыся голосъ:— истинно говорю вамъ, не пройдетъ еще настоящее поколѣніе людей, какъ въ Іерусалимѣ не останется камня на камнѣ. Небо и земля прейдутъ, а слова Мои не прейдутъ!»...

Неизъяснимое Божественное величіе отражалось въ сихъ словахъ Іисуса. Каждый изъ слушавшихъ чувствовалъ, что слышитъ не простую угрозу, что въ самомъ дѣлѣ небо и земля готовы выйти изъ своего чина, только бы дать мѣсто ихъ исполненію.

«Что же касается (Матѳ. 24, 36), продолжалъ Богочеловѣкъ, до послѣдняго дня и часа всего міра, то его никто не знаетъ, — ни Ангелы небесные, ни Самъ Сынъ (Марк. 13, 32), а Отецъ одинъ. (Въ наставленіе ваше можно сказать только, что) въ пришествіе Сына Человѣческаго

будетъ, какъ во дни Ноевы: какъ предъ потопомъ ѣли, пили, женились—до самаго того дня, пока Ной вошелъ въ ковчегъ, какъ тогда никто не думалъ о будущемъ, не воображалъ никакой опасности, пока не пришелъ потопъ и не истребилъ всѣхъ; такъ будетъ и въ пришествіе Сына Человѣческаго (та же безпечность, роскошь, безвѣріе и развратъ). По чрезвычайной внезапности дня того, продолжалъ Господь, можетъ случиться, что два человѣка будутъ на полѣ: одинъ будетъ взятъ, а другой оставленъ; двѣ женщины мелющія въ жерновахъ: одну возьмутъ, а другая останется. При такой неизвѣстности, всякій долженъ смотрѣть за собою, чтобы ни у кого сердце не отягощалось объядѣніемъ, или пьянствомъ, чтобы не было слишкомъ предано заботамъ житейскимъ. Ибо день тотъ застигнетъ внезапно, — какъ сѣть захватитъ всѣхъ живущихъ на землѣ (Лук. 21, 35). Всѣмъ надобно поступать тогда, какъ поступилъ бы хозяинъ дома, если бы вѣдалъ, что къ нему въ неизвѣстное время придетъ тать. Онъ вовсе не спалъ бы, чтобы не дать подкопать дома своего. Тѣмъ паче тогда не должно спать; ибо въ который день не думаютъ, Сынъ Человѣческій пріидетъ».

«Ожиданіе пришествія Его можно сравнить еще съ ожиданіемъ слугъ ихъ домовладыки. Представьте, что кто-либо, отправляясь въ путь, оставилъ домъ свой въ управленіе слугамъ своимъ, назначивъ каждому свое дѣло. Какъ хорошо тому рабу, котораго господинъ, пришедши, найдетъ поступающимъ, какъ приказано! Ей, онъ надъ всѣмъ имѣніемъ своимъ поставитъ его! — Напротивъ, тотъ самый негодный рабъ, который, по злобѣ своей, началъ бы думать самъ съ собою: «мой господинъ придетъ не скоро, можетъ быть, никогда»,—и сталъ бы злоупотреблять властію, ему данною, бить и мучить товарищей своихъ, расточать имущество господина, ѣсть и пить съ пьяницами. Что, наконецъ, будетъ съ симъ рабомъ, когда въ день, въ который онъ не ждалъ, придетъ господинъ его?—Онъ подвергнетъ его великимъ мукамъ, предастъ на заключеніе въ одно мѣсто съ злодѣями, гдѣ будетъ плачъ и скрежетъ зубовъ. Бдите убо и молитеся на всякое время; потому что не знаете, когда пріидетъ Хозяинъ дома, вечеромъ или въ полночь, въ пѣніе пѣтуховъ или поутру, чтобы, пришедши внезапно, не за-

сталъ васъ спящими. А что вамъ говорю, то говорю всѣмъ послѣдователямъ Моимъ: бдите!»

По нѣкоемъ молчаніи, Богочеловѣкъ опять началъ рѣчь, дабы какъ можно тверже напечатлѣть въ сердцѣ учениковъ тѣ истины, о коихъ бесѣдовалъ.

«Въ то рѣшительное время произойдетъ то же, что произошло съ десятью дѣвами, кои въ день брака, по обыкновенію [1]), должны были выйти съ свѣтильниками на встрѣчу жениху. Пять изъ нихъ было мудрыхъ, и пять юродивыхъ. И послѣднія запаслись свѣтильниками, но были такъ глупы, что не взяли съ собою масла. Мудрыя, напротивъ, приготовили то и другое. Поелику женихъ нѣсколько замедлилъ, то всѣ, непримѣтно, задремали и уснули. И вотъ, въ полночь, вдругъ раздался вопль: «женихъ грядетъ! выходите на встрѣчу!» Всѣ встали и начали зажигать свѣтильники. Глупыя дѣвы увидѣли теперь, что у нихъ нѣтъ масла. «Дайте намъ масла, говорили онѣ мудрымъ, свѣтильники наши угасаютъ». «Но,—отвѣчали мудрыя,—такимъ образомъ можетъ недоставать масла у васъ и у насъ; идите лучше къ продавцамъ и купите себѣ». Глупыя пошли. Между тѣмъ въ то самое время пришелъ женихъ. Мудрыя дѣвы встрѣтили его съ горящими свѣтильниками, проводили его и вошли съ нимъ на брачный пиръ: послѣ чего двери были тотчасъ затворены. Послѣ сего пришли и глупыя дѣвы и начали просить жениха, чтобы отворилъ имъ. Но женихъ, видя ихъ глупость, отвѣчалъ, что онъ вовсе не знаетъ ихъ. Видите, сказалъ Господь ученикамъ, какъ нужна бдительность и благоразуміе: будьте всегда готовы; ибо не знаете ни дня, ни часа, въ который Сынъ Человѣческій пріидетъ!»

Кромѣ главнаго совѣта о бдительности, ученики должны были выразумѣть изъ предложенной притчи еще двѣ новыя важныя истины: а) что пришествіе Мессіи будетъ весьма не скоро, такъ что самые мудрые, какъ бы утомившись отъ долгаго ожиданія, могутъ предаться сну, то есть, не ожидать во всякое время жениха, б) что добродѣтель христіанина должна быть совмѣстна съ благоразуміемъ и духовнымъ просвѣщеніемъ, равно какъ глупость можетъ вести къ

[1]) У Іудеевъ женихъ съ друзьями своими бралъ наканунѣ свадьбы невѣсту изъ дома отцовскаго и вводилъ въ свой домъ. На встрѣчу его выходили съ лампадами и со свѣтильниками. Iann. Archaeolog. I Th. § 179.

пороку и развращенію, и что, слѣдовательно, христіанинъ обязанъ пещись о просвѣщеніи своего ума и убѣгать невѣжества, въ какомъ бы видѣ оно не представлялось.

«Хотите ли, продолжалъ Учитель, знать, какъ поступитъ Сынъ Человѣческій по Своемъ пришествіи, и какъ должно поступать вамъ, ожидающимъ Его прихода?—Онъ поступитъ подобно человѣку, который отправляясь въ дальній путь, препоручилъ имѣніе рабамъ своимъ. Зная хорошо ихъ свойства и способности, онъ далъ каждому изъ нихъ, сколько нужно: одному, ревностнѣйшему, пять талантовъ, другому два, третьему одинъ,—и отправился. Получившій пять талантовъ пошелъ, употребилъ ихъ въ дѣло и пріобрѣлъ на нихъ еще пять талантовъ. Такъ же точно поступилъ и получившій два таланта: онъ пріобрѣлъ другіе два. Получившій же одинъ талантъ пошелъ и закопалъ его въ землю, скрывъ безъ всякаго употребленія серебро господина своего.

«Господинъ долго былъ въ отсутствіи, наконецъ возвратился и потребовалъ рабовъ своихъ къ отчету. Получившій пять талантовъ явился первый; онъ принесъ, кромѣ ихъ, еще пять талантовъ, и сказалъ: «Господинъ, ты далъ мнѣ пять талантовъ; вотъ я пріобрѣлъ на нихъ другіе пять талантовъ; возьми!»—«Хорошо, добрый и вѣрный рабъ, отвѣчалъ господинъ; поелику ты былъ вѣренъ въ маломъ, то я поставлю тебя надъ многимъ, войди въ радость господина твоего!»—Явился также и получившій два таланта. и сказалъ: «Господинъ, ты далъ мнѣ только два таланта, но я пріобрѣлъ на нихъ другіе два,—возьми!»—«Хорошо, добрый и вѣрный рабъ, отвѣчалъ господинъ ему: ты былъ вѣренъ въ маломъ, получишь больше; раздѣли и ты радость господина своего!» Явился наконецъ и тотъ, кому данъ одинъ талантъ. «Господинъ, сказалъ онъ грубо, я хорошо зналъ тебя, что ты человѣкъ жестокій; жнешь, гдѣ не сѣялъ, и собираешь, гдѣ не расточалъ. Послѣ сего, что мнѣ оставалось дѣлать съ моимъ однимъ талантомъ? Я пошелъ и скрылъ его въ землю; вотъ тебѣ твое, ни болѣе ни менѣе, какъ сколько дано мнѣ!»—«Рабъ лукавый и лѣнивый, отвѣчалъ господинъ, когда ты зналъ, что я жну, гдѣ не сѣялъ, и собираю, гдѣ не расточалъ: то тѣмъ паче надлежало тебѣ отдать сребро торжникамъ, дабы я, возвратившись, могъ получить его съ прибылью. Возьмите у него,

сказалъ господинъ прочимъ слугамъ, талантъ и отдайте имѣющему десять талантовъ: ибо всякому имѣющему дастся и пріумножится; а у неимѣющаго возьмется и то, что̀ имѣетъ. А непотребнаго раба бросьте въ самую глубокую и мрачную темницу, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ.

«Когда, продолжалъ Богочеловѣкъ, Сынъ Человѣческій придетъ во славѣ Своей, въ сопровожденіи св. Ангеловъ, тогда Онъ сядетъ на престолѣ славы Своей, и соберутся предъ Нимъ всѣ народы, и Онъ весь родъ человѣческій раздѣлитъ на двѣ части, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козлищъ. Первые (добрые, кроткіе, смиренные сердцемъ) будутъ поставлены на правой, а послѣдніе (злые и развращенные) на лѣвой сторонѣ. Стоящимъ по правую руку скажетъ Онъ: «пріидите вы, благословенные Отцемъ Моимъ. наслѣдуйте Царство, уготованное вамъ отъ сотворенія міра! Ибо алкалъ Я, и вы дали Мнѣ ѣсть; жаждалъ, и вы напоили Меня; былъ странникомъ, и вы приняли Меня въ домъ; былъ нагъ, и вы одѣли Меня; боленъ былъ, и вы посѣтили Меня,—въ темницѣ, и вы пришли ко Мнѣ». Праведные удивятся сему и скажутъ: «Господи! когда было все это?—когда мы видѣли Тебя алчущимъ и напитали? или жаждущимъ и напоили? Когда также мы видѣли Тебя странникомъ и приняли? или нагимъ и одѣли? Никто изъ насъ не помнитъ сего. Когда также видали мы Тебя больнымъ или въ темницѣ, и посѣщали Тебя?»—«Истинно говорю вамъ, скажетъ Царь, все сіе вы сдѣлали со Мною: потому что все, что̀ доброе вы дѣлали для кого-либо изъ братьевъ Моихъ меньшихъ, Мнѣ Самому сдѣлали».

«Послѣ сего Царь обратится и къ тѣмъ, кои будутъ стоять на лѣвой сторонѣ. «Подите, скажетъ Онъ имъ, отъ Меня, проклятые, въ огнь вѣчный, уготованный діаволу и ангеламъ его! Потому что вы не дали Мнѣ ѣсть, когда алкалъ Я; вы не напоили Меня, когда жаждалъ Я; не приняли въ домъ, когда былъ странникомъ; видѣли Меня нагого и не одѣли; слышали, что Я боленъ и въ темницѣ, и не посѣтили Меня». И грѣшники также, подобно праведнымъ, удивятся и спросятъ Господа: когда они видѣли Его алчущимъ, или жаждущимъ, или странникомъ, или нагимъ, или больнымъ, или въ темницѣ, и не послужили Ему?—Но Господь скажетъ имъ: «вы дѣйствительно не сдѣлали сего;

потому что когда вы не сдѣлали ничего подобнаго братьямъ Моимъ меньшимъ, то это все равно, что вы не сдѣлали Мнѣ Самому».

«И пойдутъ,—за симъ заключилъ Господь,—праведные въ жизнь вѣчную, а грѣшные въ вѣчное мученіе».

Окончивъ бесѣду, Богочеловѣкъ вдругъ обратилъ рѣчь къ предмету, вовсе неожиданному для учениковъ. «Вы знаете, сказалъ Онъ, что чрезъ два дня Пасха; вѣдайте же и то, что Сынъ Человѣческій въ это время преданъ будетъ на распятіе». Такое рѣшительное и опредѣленное указаніе на родъ и день смерти Своей заключало въ себѣ нѣчто крайне печальное, ужасное, чего не было во всѣхъ прежнихъ предсказаніяхъ Господа о Своей смерти. Но воображеніе учениковъ, наполненное множествомъ разныхъ предметовъ, ими видѣнныхъ и слышанныхъ въ продолженіе цѣлаго дня, ослабло до того, что не въ состояніи уже было слишкомъ трогаться самыми важными вещами;—страшное предсказаніе Учителя о Своей смерти не произвело въ нихъ, сколько можно судить по соображенію обстоятельствъ, особеннаго дѣйствія и не возбудило никакихъ вопросовъ, затерявшись, такъ сказать, въ общемъ неопредѣленномъ ожиданіи печальныхъ происшествій, коими умы ихъ давно были преисполнены.

Лучи заходящаго солнца, догарая на золотой вершинѣ храма, напоминали о покоѣ ночномъ. Все склоняло къ отдохновенію. Учитель и ученики еще разъ взглянули на храмъ и городъ, и пошли далѣе—въ Виѳанію.

Взглядъ на (образъ) исполненія пророчествъ о судьбѣ Іерусалима, съ примѣчаніями касательно (образа) изъясненія пророчествъ о послѣднихъ дняхъ міра.

Остановимся мыслію на томъ мѣстѣ, гдѣ Богочеловѣкъ бесѣдовалъ съ учениками о будущемъ; вообразимъ, что предъ нами проходятъ надъ Іерусалимомъ столѣтія и вѣка, и посмотримъ, какъ исполняются пророчества.

Боже мой, какое страшное поучительное зрѣлище! Какое чрезвычайное согласіе событій съ предсказаніями! Какая непредвидимая случайность и вмѣстѣ точность въ испол-

неніи!—Страшныя землетрясенія, разрушившія цѣлые города въ Виѳиніи и Кампаніи [1]); ужасный голодъ въ Римѣ (въ 43 и 54 г.), Греціи (въ 50 г.) и Палестинѣ [2]); свирѣпая язва въ Вавилоніи (въ 40 г.) и Италіи [3]); кровопролитныя междоусобія въ Іудеѣ и сопредѣльныхъ съ нею областяхъ [4]), потомъ въ цѣлой имперіи по смерти Нерона; словомъ, всѣ тѣ самыя бѣдствія, о коихъ говорилъ Іисусъ Христосъ, кажется, предвозвѣщаютъ [5]) всему міру нѣчто необыкновенное, заставляютъ ожидать исполненія одного изъ великихъ судовъ Божіихъ. Но вотъ тучи бѣдствій, носившіяся дотолѣ по разнымъ мѣстамъ, вдругъ устремляются въ Палестину, сосредоточиваются надъ Іерусалимомъ,—повидимому за возмущенія противъ кесарей, а въ самомъ дѣлѣ за противленіе Іудеевъ Богу отцовъ своихъ, за отверженіе Мессіи. Напрасно небо даетъ знаменіе для вразумленія легкомысленныхъ [6]); напрасно происходятъ чудеса во храмѣ [7]); напрасно предостерегаютъ пророки [8]), совѣтуютъ цари [9]) и мудрецы, умоляютъ первосвященники [10]): народъ Іудейскій ослѣпилъ очи свои, чтобъ не видѣть, окаменилъ сердце, чтобъ не разумѣть откровеній небесныхъ, возвѣщающихъ о наступленіи страшнаго суда Божія [11]). Начинается скорбь, коей, по точнымъ словамъ очевидца — Флавія, не было по-

[1]) Въ 37, 55, 61 и 66 годахъ. Светон. въ жизн. Нерона § 48, Гальбы § 18; Тацит. Лѣтоп. 12, 58. 14, 27. 15. 22 Истор. 1. 2. Флегонъ въ Достоп. 13.

[2]) Въ 45 и 46 годахъ. Тацит. Лѣт. 12. 43. Свет. въ жизн. Клавд. § 18. Флав. Древн. 20, 25. Дѣян. 11, 28.

[3]) Въ 66 г. Флав. Древ. 18, 9. 8. Тацит. Лѣтоп. 16, 13. Свет. въ Нер. § 39.

[4]) Описаніемъ сихъ кровопролитій наполнены цѣлыя главы въ исторіи Флавія. 11. 14. 5—9, 15. 1—5 18, 1—3.

[5]) Всѣ сіи бѣдствія дѣйствительно почитаемы были за предвѣстіе будущаго. Плин. Ест. Ист. 11. 88.

[6]) Комета, въ видѣ меча, являлась цѣлый годъ надъ Іерусалимомъ; кромѣ сего видимы были на воздухѣ толпы сражающихся всадниковъ. Флав. 6, 5.

[7]) Необыкновенный свѣтъ ночью вокругъ жертвенника, продолжавшійся около часа; въ праздникъ опрѣсноковъ двери мѣдныя, кои съ трудомъ отворяли 20 человѣкъ, отворились сами собою. Жертвенное животное разрѣшилось отъ бремени предъ жертвенникомъ. Въ праздникъ пятидесятницы ночью слышали во храмѣ голосъ: «пойдемъ отсюда!»—Флав. 6. 5.

[8]) За четыре года до войны, одинъ поселянинъ, какъ бы вдохновенный свыше, началъ по городу кричать; «горе Іерусалиму и храму!» и продолжалъ сіе дѣлать до самой осады города — семь лѣтъ; наконецъ сказавъ «горе и мнѣ», убитъ въ ту же минуту камнемъ, брошеннымъ изъ пращи непріятельской. Флав. 17. 5.

[9]) Царь Агриппа всенародно убѣждалъ Іудеевъ прекратить возмущеніе—рѣчью сильною и трогательною.

[10]) Ананъ и другіе. Кн. 4, гл. 3.

[11]) «Въ явныхъ обманщиковъ,—пишетъ Флавій,—вѣровали, какъ въ пророковъ; а очевиднымъ знаменіямъ, предвѣщавшимъ наступающія бѣдствія, не внимали и не вѣрили; казалось, всѣ оглушены были чѣмъ-то, потеряли глаза и уши». Войн. Іуд. кн 4, гл. 5.

добной и не будетъ. Десятки тысячъ Іудеевъ, подобно безсловеснымъ, закалаются еще прежде войны; города Іудейскіе, одинъ за другимъ, падаютъ въ развалинахъ; земля, кипѣвшая нѣкогда медомъ и млекомъ, становится пустынею. Одинъ Іерусалимъ еще стоитъ. Но, Боже мой, какой Іерусалимъ!— Извнѣ окруженный легіонами Римлянъ, коихъ развѣвающіяся знамена, съ идолопоклонническимъ изображеніемъ полубоговъ Римскихъ, кажется, помогаютъ его погибели; внутри наполненный разбойническими толпами зилотовъ, идумеевъ, сикаріевъ, кои, величая себя защитниками святилища, оскверняютъ его преступленіями, неслыханными въ домахъ разврата, безжалостно предаютъ смерти лучшихъ гражданъ, рѣжутъ другъ друга, издѣваются надъ пророками Мессіи, надъ Самимъ Іеговою!... Видѣнная Даніиломъ мерзость запустѣнія могла ли быть больше этой мерзости?... Тысячи непогребенныхъ мертвецовъ покрываютъ торжище, улицы, самый храмъ... Употребляются въ пищу, продаются на вѣсъ золота вещи, кои благопристойность именовать запрещаетъ... Матерь закалаетъ собственнаго младенца для снѣди!... Самъ Римскій полководецъ приходитъ въ ужасъ отъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ осажденными, и клянется богами, что онъ невиненъ въ нихъ, предлагавъ сколько разъ миръ. — Наконецъ Іерусалимъ падаетъ; одинъ изъ воиновъ Римскихъ, вопреки строгому повелѣнію вождя, движимый, по выраженію историка Іудейскаго, нѣкоею невидимою силою, зажигаетъ храмъ... Тщетно побѣдитель истощаетъ всѣ возможныя усилія, чтобъ спасти сіе украшеніе Востока, предназначенное въ его умѣ быть памятникомъ его побѣды: огонь, возженный небомъ, не угасаетъ!... На мѣстѣ безпримѣрнаго по огромности, богатству и крѣпости зданія являются груды камней и кучи пепла. Изъ всего Іерусалима остаются только три башни, въ память прежняго величія. Сто тысячъ Іудеевъ, пережившихъ отечество, влекутся въ плѣнъ и продаются, какъ презрѣнные рабы, на торжищахъ Азіи, Европы и Африки. Удивленный гибельными слѣдствіями побѣды, побѣдитель-язычникъ подъемлетъ къ небу руки, смиренно признаетъ себя орудіемъ гнѣва небеснаго и отказывается отъ титла: «Іудейскаго» [1]).

[1]) V. Flavius.

Такъ пришла кровь праведниковъ на родъ богоотступный! пришла въ то время, когда многіе изъ Іудеевъ, современныхъ Іисусу Христу, еще не успѣли приложиться къ отцамъ своимъ; пришла такъ, что не только Іудеи, самые язычники увидѣли и исповѣдали карающій перстъ Божій!

Кто могъ, естественнымъ образомъ, предвидѣть и предсказать все сіе такъ, какъ предвидѣно и предсказано Іисусомъ Христомъ? — Никакая прозорливость, никакая мудрость человѣческая не могла рѣшительно сказать, что Іудеи, въ продолженіе менѣе полвѣка, дойдутъ до такого незнанія своей народной слабости, что возстанутъ открытою войною противъ Римлянъ, владѣвшихъ цѣлымъ свѣтомъ, коихъ одно имя покоряло и держало въ повиновеніи народы, гораздо сильнѣйшіе Іудейскаго! Стоитъ только прочитать рѣчи первосвященника Анны и царя Агриппы къ Іудеямъ, чтобы видѣть, какимъ безуміемъ представлялось возстаніе Іудеевъ противъ Римлянъ для всякаго, кто только имѣлъ смыслъ и правильное понятіе объ обстоятельствахъ времени. Кто же, повторяю, могъ рѣшительно предсказать, что цѣлый народъ отважится на сіе, совершенно безумное, безнадежное и гибельное предпріятіе?—Справедливо, что въ Іудеѣ издавна находилось много умовъ, распаленныхъ мечтами о народной независимости и страстью къ междоусобіямъ: таковы были послѣдователи Іуды Галилеянина, зилоты, сикаріи и другіе; но никто не могъ вообразить, чтобы сіи малочисленныя, безпорядочныя толпы взяли верхъ надъ умѣренною и спокойною частію Іудеевъ, захватили въ свои руки верховную власть, сдѣлались распорядителями войны и мира, жизни и имущества согражданъ. Для того, чтобы послѣдовать войнѣ съ Римлянами, надлежало въ Римѣ царствовать Клавдію и Нерону, способнымъ посылать такихъ прокураторовъ, каковы были: Куманъ, Фестъ, Альбинъ и Флоръ; надлежало, чтобъ сіи изверги, и особенно Флоръ, своимъ неправосудіемъ, грабительствомъ, жестокостію, безразсудствомъ, совершенно вывели изъ терпѣнія Іудеевъ, заставили самыхъ умѣренныхъ и благоразумныхъ отважиться на все, только бы не страдать безконечно. Не будь одного Флора, можетъ быть, и не было бы войны: такъ думалъ самъ Флавій. Сколько и другихъ причинъ могли уничтожить эту войну въ самомъ началѣ, прервать въ продолженіи, не допустить

до тѣхъ ужасныхъ послѣдствій, коими она кончилась! — Касаясь сихъ причинъ, Іудейскій историкъ не разъ изумляется ихъ недѣйствительности и изъясняетъ оную предопредѣленіемъ небесъ. Кто же могъ знать это предопредѣленіе болѣе. чѣмъ за полвѣка, и изречь его вслухъ всѣхъ съ такою рѣшительностію и подробностію, съ каковою оно изречено Іисусомъ Христомъ? — Означены не только время событія, образъ дѣйствій, предшествующія и послѣдующія обстоятельства, но даже частнѣйшія черты, напримѣръ, что Іерусалимъ будетъ окруженъ со всѣхъ сторонъ окопомъ, что̀ весьма рѣдко бываетъ въ осадахъ обширныхъ городовъ. Нѣтъ, что̀ бы ни говорили противники Священнаго Писанія о неясности нѣкоторыхъ пророчествъ, здѣсь должны положить перстъ на уста. Флавій, свидѣтель и участникъ событій, пиша исторію войны Іудейской, не имѣлъ, конечно, намѣренія искажать истину въ пользу христіанской религіи; и однако же многія страницы его исторіи, кажется, написаны именно для того, чтобы свидѣтельствовать предъ потомствомъ, какъ вѣрно исполнялось въ народѣ Іудейскомъ предсказаніе Іисуса Христа.

Обратимся въ другую сторону; взглянемъ на Апостоловъ и ихъ учениковъ; что съ ними?—Опять то самое, что̀ предсказано ихъ Учителемъ. Въ продолженіе времени, протекшаго до разрушенія Іерусалима, они успѣли уже видѣть надъ собою съ одной стороны всѣ роды гоненій, съ другой— всѣ виды помощи свыше, имъ обѣщанной. Не смотря на ихъ невинность, благотворность ученія и дѣйствій, ихъ вездѣ преслѣдуютъ, мучатъ, какъ злодѣевъ. Одинъ Павелъ проходитъ множество судилищъ, даетъ отвѣтъ предъ синедріономъ, ареопагомъ, кесаремъ, пролагаетъ собственною кровію слѣдъ отъ Аравіи до Иллирика, отъ Антіохіи до столповъ Геркулесовыхъ. Бо́льшая часть учениковъ Іисуса Христа положили уже душу свою за Возлюбленнаго. Тысячи послѣдователей ихъ готовятся изыти на ужасное поприще гоненій, которое втайнѣ приготовляется во всѣхъ частяхъ Римской имперіи. Имя христіанина сдѣлалось уже преступленіемъ едва не у всѣхъ народовъ. Испытаны измѣны и отъ своихъ: явились многіе, нечисто проповѣдующіе имя Христово, ищущіе своихъ выгодъ, а не того, чего требуетъ Христосъ (Фил. 2, 21); открылись лжебратія, развращавшіе

неопытныхъ въ вѣрѣ, мыслящіе единственно о земномъ, враги креста Христова, коимъ богъ—чрево, коихъ слава—въ студѣ (Фил. 3, 19); вкрались уже такіе нечестивцы, кои самую благодать Божію и милосердіе къ грѣшникамъ обращали въ случаи и поводъ къ нечистой жизни, пренебрегали притомъ всякое начальство, отвергали Самого Іисуса Христа; за беззаконіе изсякла уже любовь многихъ, многихъ (Посланіе Іуды)!

Но въ то же время исполнялась надъ учениками Іисуса другая и радостная сторона Его пророчествъ. Малое стадо, оставленное въ пустынѣ, среди волковъ, но блюдомое Промысломъ, растетъ и своими совершенствами доказываетъ язычникамъ и Іудеямъ, что ему завѣщано духовное царство въ цѣломъ мірѣ. Христіанскія общества образуются съ неимовѣрною скоростію у самыхъ непросвѣщенныхъ и дикихъ народовъ, проповѣдь Апостоловъ видимо обходитъ всѣ концы вселенной; побѣда Евангелія простерта уже до дома кесарева (Фил. 4, 22). Никто не можетъ противиться премудрости, которая является всякій разъ въ устахъ проповѣдниковъ Евангелія, когда они свидѣтельствуютъ предъ судіями за имя Іисусово. Выслушавъ Павла, Римскій прокураторъ едва не дѣлается христіаниномъ; самые фарисеи, увлеченные словами его, превращаются изъ обвинителей въ защитниковъ; цѣлый синедріонъ не знаетъ, что̀ отвѣчать на слова рыбарей, кои упрекаютъ его въ убійствѣ Мессіи!—Упадающее Іудейство способствуетъ успѣхамъ христіанства своимъ паденіемъ. Вѣрные предостереженію своего Учителя, христіане сохраняютъ себя непричастными гражданскимъ смутамъ и бранямъ, заблаговременно оставляютъ землю, оставленную Богомъ; прочіе спасаются бѣгствомъ въ горы Пеллы.

Такъ вѣрно и съ сей стороны исполнялось предсказаніе Богочеловѣка? — Кто за сорокъ лѣтъ могъ поручиться за сіе исполненіе? — Кто могъ ожидать, что, въ продолженіе сего краткаго времени, нѣсколько самыхъ бѣдныхъ, незнатныхъ и непросвѣщенныхъ земною мудростію Евреевъ произведутъ такой переворотъ во всемъ мірѣ: распространятъ новую вѣру, совершенно противную предразсудкамъ и страстямъ, заставятъ премудраго еллина и римлянина воздавать божеское поклоненіе Распятому, ниспровергнутъ идоловъ и на мѣсто ихъ водрузятъ крестъ? — Одна мысль о подобномъ событіи

въ будущемъ была бы во время Іисуса Христа нѣчто крайне странное и несбыточное... И однако же сіе несбыточное предсказано и исполнилось на самомъ дѣлѣ со всею точностію...

Но простремъ взоръ нашъ далѣе и посмотримъ, что̀ происходитъ надъ развалинами храма Іерусалимскаго, кои отселѣ содѣлываются неразрушимымъ памятникомъ гнѣва небеснаго.

Невразумленные разрушеніемъ Іерусалима, ни всемірнымъ разсѣяніемъ своимъ, Іудеи продолжаютъ мечтать о возстановленіи стѣнъ града отечественнаго. На всеобщее ожиданіе являются одинъ за другимъ, по предсказанію Іисуса Христа, лжехристы и лжепророки [1]), даютъ знаменія, обѣщаютъ чудеса: обманутый народъ снова возстаетъ противъ Римлянъ, напрягаетъ послѣднія силы; еще проливаются рѣки крови Іудейской, еще сотни тысячъ повергаются въ рабство; но Іерусалимъ не возстаетъ изъ развалинъ, вмѣсто освобожденія теряетъ самое имя [2]). Потомокъ Авраама, купивъ у язычниковъ позволеніе пролить слезы на могилѣ своихъ праотцевъ [3]), приходитъ къ святому граду, и съ ужасомъ видитъ на его мѣстѣ Елію Капитолійскую, на вратахъ коей изображено ненавистное для Іудеевъ животное...

Но вотъ истина самаго пророчества Іисусова какъ бы подвергается испытанію. На престолѣ кесарей Римскихъ является Юліанъ, врагъ христіанства, другъ Іудеевъ, поклявшійся, для посрамленія христіанъ и вѣры ихъ, возстановить, вопреки пророчеству Іисуса Христа, храмъ Іерусалимскій. По гласу деспота, тысячи Іудеевъ со всѣхъ сторонъ свѣта стекаются въ Палестину; начинаютъ разрывать основаніе храма; богатѣйшія жены своими руками копаютъ землю священную; усердіе доходитъ до энтузіазма: все напрасно!— Изъ земли внезапно вырывается множество огненныхъ шаровъ, кои прогоняютъ работающихъ [4]). То же явленіе, грозное, нестерпимое, повторяется всякій разъ, когда начинается прерванная работа; — и строители храма, подобно строите-

---

[1]) Таковы были: Баркохавъ, выдававшій себя за Мессію, въ царствованіе Адріана; потомъ самозванецъ Кипрскій Омеритъ и др. Stolberg Judengeschichte.

[2]) По низложеніи Баркохава, разрушенный Іерусалимъ обновленъ Римлянами и названъ Еліею Капитолійскою.

[3]) По свидѣтельству Назіанзина, Іудеямъ, изгнаннымъ изъ отечества, только въ одинъ извѣстный день года позволялось издали посмотрѣть на отечественный градъ. Orat. 12.

[4]) О семъ чудесномъ событіи мы имѣемъ, кромѣ многихъ христіанскихъ, свидѣтельство языческаго писателя—Амміана Маркеллина. 73 с. 1.

лямъ столпа Вавилонскаго, разсѣваются, свидѣтельствуя собственнымъ опытомъ, что развалины храма Іерусалимскаго находятся въ распоряженіи не кесарей земныхъ, а Царя Небеснаго, предназначившаго ихъ свидѣтельствовать о славѣ Сына Своего...

По крайней мѣрѣ, времена язычниковъ, повидимому, оканчиваются... Іерусалимъ становится собственностію императоровъ христіанскихъ. Теперь ихъ усердіе обновитъ, украситъ мѣста, освященныя земною жизнію Богочеловѣка. Такъ, они обновлены, украшены; но надолго ли? — На Голгоѳѣ неприлично расти цвѣтамъ; село крови не должно быть жилищемъ веселія и тишины: и вотъ, движимые недовѣдомою силою, Хозрой [1]) и Омары идутъ подновить развалины Іерусалима и разсыпать камни, успѣвшіе собраться во едино! На мѣстѣ Святого Святыхъ является новая мерзость запустѣнія — мечеть Магомета!

Еще рядъ удивительныхъ явленій! — Не постигая путей Промысла, цѣлый христіанскій Западъ возстаетъ на Востокъ мусульманскій, подъ крестомъ сражается за освобожденіе гроба Христова, хочетъ превратить въ столицу новаго царства городъ, предназначенный быть мѣстомъ всемірнаго плача. Побѣжденная луна уклоняется, исчезаетъ; но проходитъ не болѣе полвѣка, и она снова во всей полнотѣ является на мѣстѣ храма Соломонова; цари и вожди, принявшіе на себя стражу гроба Христова, убѣгаютъ невозвратно; Іерусалимъ остается освобожденнымъ — въ одномъ пѣснопѣніи Тасса!..

Новыя явленія судебъ Промысла въ исторіи Іерусалима!—Чего прежде нельзя было достигнуть общимъ чрезвычайнымъ усиліемъ державъ христіанскихъ, то самое для нѣкоторыхъ, повидимому, сдѣлалось возможнымъ и удобнымъ даже порознь. Что же?—Ни одна держава не мыслитъ уже объ освобожденіи святого града! Большая часть удивилась бы, если бы кто имъ приписалъ подобную мысль!— До того христіане, повидимому, забыли колыбель своей религіи, въ то время, какъ начали замѣчать и уважать мѣста рожденія философовъ, поэтовъ, лицедѣевъ... Одно слово въ какомъ-либо побѣдоносномъ трактатѣ, и христіанскій

[1]) Онъ взялъ и опустошилъ Іерусалимъ съ необыкновенною жестокостію. Paul. Diac. mor. Rom. 68. Zonar. 50, 3.

путешественникъ, переплывши моря, побѣдивши тысячи трудностей, вступая въ Іерусалимъ, не былъ бы принужденъ выдерживать новую борьбу съ алчностію турецкаго начальства, не выкупалъ бы у Магомета права поклониться гробу Іисуса: и никто не мыслитъ, можно бы сказать, не осмѣливается произнести сего слова... Почему? Потому что Провидѣнію не угодно, чтобы страна невѣрія, обагренная кровію Сына Божія, наслаждалась миромъ вѣры въ Него; и вотъ крестъ Іисусовъ, вездѣ блистающій славою, на Голгоѳѣ доселѣ безмолвенъ; его сіяніе было бы несовмѣстно съ печалію и запустѣніемъ, коимъ тамъ царствовать должно.

Пройдутъ еще вѣка и, можетъ быть, тысячелѣтія надъ Іерусалимомъ; но не мимо идутъ слова Іисуса, обрекшаго храмъ Іерусалимскій на запустѣніе. Дщерь Сіона дотолѣ не воспріиметъ прежней лѣпоты своей, доколѣ не изыдетъ во срѣтеніе Мессіи, ею отверженному, и не скажетъ: «Благословенъ Грядый во имя Господне!»

Ужасъ объемлетъ, когда вообразишь, сколько требовалось условій, чтобы пророчество Іисуса Христа исполнилось надъ Іудейскимъ народомъ такъ, какъ оно исполнялось въ продолженіе 18 вѣковъ!...

Послѣ сего, можно ли сомнѣваться въ исполненіи и другой части пророчества Іисусова, касательно скончанія видимаго міра, Его славнаго пришествія и суда надъ родомъ человѣческимъ? — Прошедшее ручается за будущее. Обращать благотворную неизвѣстность сего будущаго въ мертвыя выкладки, подчинять числительной точности времена и лѣта, которыя Отецъ Небесный — и весьма премудро — положилъ въ Своей власти (Дѣян. 1, 7), значило бы идти вопреки тайнамъ Провидѣнія, предъ коими благоговѣютъ Ангелы. Вмѣсто безполезнаго и опаснаго изслѣдованія о времени будущаго второго пришествія Іисусова, лучше предложимъ нѣкоторыя замѣчанія, могущія служить къ устраненію погрѣшностей въ уразумѣніи словъ Іисуса Христа.

Находя, что пророчество Господа о Своемъ будущемъ пришествіи не отдѣлено въ точности отъ пророчества о разрушеніи Іерусалима, и даже какъ бы заключено въ ономъ; — находя притомъ, что выраженія, употребленныя для означенія будущей кончины міра (какъ-то: помраченіе солнца и луны, паденіе звѣздъ и проч.) у древнихъ пророковъ

имѣютъ иногда смыслъ метафорическій (означая паденіе царствъ, разрушеніе городовъ) [1],—нѣкоторые приходили къ мысли, не относится ли все настоящее пророчество Христово къ одному и тому же предмету: разрушенію Іерусалима,—и то, что̀ разумѣютъ обыкновенно о второмъ пришествіи Іисуса Христа, не должно ли почитать пророчески-идеальнымъ изображеніемъ событій, сопровождавшихъ оное разрушеніе, то есть, величайшихъ бѣдствій осажденныхъ, уничиженіе и разсѣяніе народа Іудейскаго, торжество христіанства и проч.?—Для устраненія сей благовидной, но на самомъ дѣлѣ ложной, мысли, должно вспомнить: а) что иное языкъ древняго пророческаго вдохновенія, иное настоящая бесѣда Іисуса Христа. Двусмысленный, аллегорическій образъ выраженія всего менѣе приличествовалъ Ему теперь, когда надлежало предостеречь учениковъ отъ погрѣшностей и недоразумѣній, касательно будущихъ событій. Притомъ, когда читаешь вышеозначенныя выраженія у древняго пророка, вмѣстѣ съ симъ самъ собою видишь, что онъ говоритъ иносказательно: слушая слова Іисуса Христа, чувствуешь совершенно противное. б) Во всѣхъ прочихъ случаяхъ, наконецъ, гдѣ Іисусъ Христосъ упоминаетъ о Своемъ пришествіи, подъ симъ пришествіемъ разумѣется дѣйствительное событіе: странно было бы только въ настоящемъ случаѣ, гдѣ болѣе всего видна историческая дѣйствительность Его выраженій, обращать ее въ метафору. Въ такомъ случаѣ надлежитъ уже и всѣмъ слѣдующимъ притчамъ навязывать смыслъ самый неестественный; особенно же никакъ не идетъ подъ аллегорію—разрушенія Іерусалима—изображеніе суда всемірнаго, коимъ Іисусъ заключилъ Свою бесѣду. Не должно, наконецъ, забывать и того, что въ посланіяхъ Апостоловъ, неоспоримо, буквально изображается будущая кончина міра и славное пришествіе Господа (1 Петр. 4, 5; 2 Петр. 3, 10; 1 Сол. 4, 15—17): для чего же уходить, такъ сказать, безъ причины отъ сего пророчества въ Евангеліи, когда непремѣнно должно срѣтиться съ нимъ у Апостоловъ [2])?

Вторая опасность!—Читая у св. Матѳея, что кончина

[1]) Такъ у Исаіи (13, 9—11) изображается паденіе Вавилона; у Іезекіиля—(32, 7. 8) плѣненіе Египта; у Іоиля (2, 10) судъ Божій надъ Іудейскимъ царствомъ.

[2]) Conf. Ewald's Religionslehre der Bibel. Th. 2. § 57—60.

міра и пришествіе Господа должны послѣдовать *вдругъ* послѣ скорбей дней тѣхъ, то есть (какъ явствуетъ изъ предыдущаго) послѣ бѣдствій, сопровождавшихъ паденіе Іерусалима,—опять казалось нѣкоторымъ, что Богочеловѣкъ обѣщаетъ здѣсь пришествіе Свое какъ бы скорѣе, нежели какъ ему быть надлежало, и что посему въ предсказаніи Его была нѣкоторая неточность и неясность.

Но искусительная мысль сія, вмѣстѣ съ ея основаніемъ, невозвратно падаетъ отъ силы нѣсколькихъ словъ, находящихся у св. Луки. У него между разрушеніемъ Іерусалима и пришествіемъ Господа стоятъ цѣлыя *времена языковъ* (Лук. 21, 24), въ продолженіе коихъ Іерусалимъ долженъ оставаться въ попраніи у необрѣзанныхъ, а Іудеи—находиться въ рабствѣ у всѣхъ народовъ. Что времена язычниковъ не кратковременны, явствуетъ изъ самаго выраженія—*времена* и изъ событій, коимъ въ продолженіе ихъ должно совершиться. Еще ощутительнѣе продолжительность сихъ временъ видна у Апостола Павла, который въ посланіи къ Римлянамъ разсуждаетъ о семъ же самомъ предметѣ. Ослѣпленіе Израиля и, слѣдовательно, его разсѣяніе имѣетъ, по ученію сего Апостола, продолжиться дотолѣ, пока не войдетъ полное число язычниковъ (Рим. 11, 25). А такое условіе, очевидно, можетъ придти не иначе, какъ по прошествіи многихъ вѣковъ. Значитъ, Іисусъ Христосъ ни Самъ не представлялъ, ни ученикамъ не давалъ повода представлять исполненія будущихъ событій скорѣе надлежащаго.

«Что же должно думать о выраженіи «вдругъ», находящемся въ Евангеліи св. Матѳея?»—Это пророческое: *абіе*, подъ коимъ часто сокрываются цѣлые вѣки. Впрочемъ, можно догадаться, что мы, какъ показываетъ взаимное сравненіе Евангелистовъ, имѣемъ бесѣду Іисуса Христа не въ той полнотѣ до слова, въ какой она произнесена. Быть не можетъ, чтобы столь продолжительное собесѣдованіе не было прерываемо, по обыкновенію, вопросами, мнѣніями, движеніями учениковъ [1]). Въ самой бесѣдѣ есть слѣды, что ходъ рѣчи направлялся по нити вопросовъ. Тогда было все понятно, опредѣленно и точно для слышавшихъ. Теперь, когда нить сія выпущена, когда разговоръ обращенъ въ

[1]) Такъ думалъ еще св. Златоустъ. Бесѣд. на Матѳея.

рѣчь: многіе промежутки по необходимости исчезли, предметы разнородные сблизились, будущее представлялось какъ на картинѣ, въ современномъ видѣ. Не смотря на сіе, и теперь, кто умѣетъ найти истинную точку зрѣнія, для того картина обращается въ перспективу и показываетъ предметы раздѣльно и ясно.

Третья опасность, угрожающая при разумѣніи словъ Спасителя праздной пытливости, есть недоумѣніе: «какъ Онъ, будучи Сынъ Божій, могъ не знать чего-либо? Какъ Судія міра могъ не вѣдать времени Своего будущаго пришествія (Марк. 13, 32)?»—О сей камень соблазна претыкались аріане; о него сокрушались агноеты [1]). Но для вѣры—онъ не существуетъ!.. Тому, Кто уничижилъ Себя до воспріятія рабскаго образа, до претерпѣнія казни самой поносной, трудно ли было уничижиться до незнанія по человѣчеству самой высокой тайны Промысла, недовѣдомой для Ангеловъ? Знаніе сей тайны, по самому существу ея, принадлежало не къ состоянію уничиженія Іисусова, а къ состоянію славы [2]). И, вотъ, по воскресеніи, когда ученики спрашиваютъ Его о времени пришествія, Онъ не говоритъ: «Я Самъ не знаю его» [ибо преломилъ уже семь печатей, запечатлѣвшихъ книгу судебъ (Апок. 5, 5), пріялъ отъ Отца откровеніе всѣхъ будущихъ событій (Апок. 1, 1)], а отвѣчаетъ только: *нѣсть ваше разумѣти времена и лѣта.*

Напротивъ, слыша изъ устъ Іисуса Христа о невѣдѣніи тайны Промысла, вдругъ послѣ величественныхъ словъ: *небо и земля прейдутъ, а слова Мои не прейдутъ,*—невольно изумляешься святымъ изумленіемъ предъ чистотою и святостію души Іисусовой, которая постоянно являетъ себя, тѣмъ, что она есть; открываетъ великое, Божественное, не скрываетъ и малое, человѣческое; говоритъ истину, нисколько не заботясь о томъ, не произведутъ ли слова ея какого-либо, неблагопріятнаго для нея, впечатлѣнія. Сказать: «Я этого не знаю» вдругъ послѣ того, какъ сказано: «Я все могу»,—для сего требуется величіе духа не человѣческое.

Впрочемъ, трудно усмотрѣть, чего не достаетъ здѣсь и для удовлетворенія людей, любящихъ видѣть въ лицѣ Іисуса

[1]) См. Дамаск. о Ерес. Никиф. кн. 18, г. 50.
[2]) См. Амвр. кн. 5 о Вѣрѣ гл. 8. Ориг. тракт. 30, на Матѳ. Август. вопр. 61.

величіе болѣе внѣшнее и, такъ сказать, чувственное, нежели нравственно-духовное. Царь неба и земли, повелѣвающій всею природою, Судія живыхъ и мервыхъ, грядущій на облакахъ въ сопровожденіи всѣхъ Ангеловъ, Коего слова суть неизмѣнны, Коего награды вѣчны, наказанія нескончаемы: можетъ ли быть изображеніе величественнѣе? слава—выше? могущество—больше и разительнѣе?

И такъ изображалъ Себя Тотъ, Который совершенно зналъ, что чрезъ два дня Ему должно будетъ умереть на крестѣ?..

Почти въ то самое время, какъ Господь бесѣдовалъ на Елеонѣ съ учениками Своими о кончинѣ міра, въ Іерусалимѣ, во дворѣ Каіафы, происходило чрезвычайное, тайное собраніе синедріона, для разсужденія о послѣднихъ дняхъ Его собственной жизни (Матѳ. 26. 3). Со времени воскрешенія Лазаря, дѣло дошло до того, что вождямъ народа Іудейскаго оставалось избрать одно изъ двухъ: признать съ благоговѣніемъ Пророка Галилейскаго за Мессію, къ чему уже была расположена большая часть народа и даже нѣкоторые изъ членовъ синедріона, или, ставъ противъ Него и Его служенія, взять рѣшительныя мѣры къ прекращенію дальнѣйшихъ успѣховъ Его проповѣди и чудесъ. Рѣшиться на первое Каіафа съ клевретами своими теперь еще менѣе былъ способенъ, нежели при первомъ совѣщаніи, по случаю воскрешенія Лазаря. Послѣ событій предшествующихъ дней: торжественнаго входа въ Іерусалимъ, посрамленія всѣхъ сектъ Іудейскихъ и самихъ членовъ, посланныхъ отъ синедріона, особенно послѣ грозной, послѣдней, обличительной проповѣди въ храмѣ, которая всею тяжестію своею падала на главы народа, — Пророкъ отъ Галилеи казался первосвященникамъ самымъ опаснымъ, личнымъ противникомъ, противъ котораго позволительно употребить все: законъ и гражданскія мѣры, хитрость и насиліе. Въ семъ именно духѣ происходило тайное совѣщаніе лукаваго сонмища. Самое мѣсто его показывало, что все, въ немъ происходящее, состоитъ въ тайномъ распоряженіи Каіафы. Впрочемъ, если бы кто изъ учениковъ Іисуса услышалъ, чѣмъ кончились теперь совѣщанія вождей народа Іудейскаго, то могъ бы подумать, что они, узнавъ какимъ-либо образомъ о тайной бесѣдѣ Елеонской Іисуса

Христа съ учениками, нами сейчасъ слышанной, рѣшились воспрепятствовать исполненію Его пророчества о времени Своей смерти. Твердо положено лишить Его жизни, и для сего захватить въ свои руки, но спустя не два дня, какъ Онъ говорилъ ученикамъ, а по прошествіи всего восьмидневнаго праздника (Матѳ. 26, 5). Отважиться на это въ самое время Пасхи казалось дѣломъ крайне опаснымъ и потому безразсуднымъ. Очевиднымъ казалось, что многочисленный народъ, стекшійся со всего свѣта на праздникъ, не будетъ безмолвнымъ зрителемъ насилія Воскресителю Лазаря и не выдастъ Его спокойно той малочисленной стражѣ, которою могъ располагать синедріонъ. А подать въ такое опасное время, какъ Пасха, поводъ къ возмущенію народному, всегда сопряженному съ великою опасностію для существующихъ властей, за которое при томъ впослѣдствіи надлежало бы еще подлежать строгому отвѣту предъ Римскимъ правительствомъ: это составляло такую крайность, на которую Каіафа не могъ рѣшиться — изъ самой ненависти къ Іисусу... Боязливость въ разсчетахъ фарисейскихъ простерлась въ семъ случаѣ до того, что почтено за лучшее, даже и послѣ праздника, не употреблять противъ Него силы открытой (въ самомъ Іерусалимѣ всегда могло найтись довольное число людей, готовыхъ отразить силою насиліе столь великому Пророку), а захватить Его въ свои руки хитростію, въ какомъ-либо тайномъ мѣстѣ, безъ народа, ночью, — впрочемъ съ тѣмъ, чтобы судить Его и осудить на смерть по закону— отечественному или Римскому, но по закону.

Преданіе Іисуса Христа Іудою.

(Перемѣна мыслей въ синедріонѣ касательно времени умерщвленія Іисуса Христа.— Предательство Іуды съ его причинами.—Замѣчаніе о мѣстопребываніи и дѣяніяхъ Іисуса Христа въ продолженіе сего дня.)

Мы видѣли, что на землѣ, въ совѣтѣ человѣческомъ положено не лишать Пророка Галилейскаго жизни до окончанія праздника Пасхи; иначе положено было на небѣ, въ совѣтѣ Всевышняго!—Агнцу Божію, *вземлющему грѣхи міра,* надлежало быть принесену въ жертву въ одно время съ агнцемъ пасхальнымъ, который столько вѣковъ служилъ Его про-

образованіемъ (1 Кор. 5, 7), и никакое могущество земное, никакя злоба и хитрость не могли замедлить сего жертвоприношенія,—разлучить прообразуемое съ прообразующимъ. Промыслъ Божій расположилъ, напротивъ, теченіе обстоятельствъ такъ, что тѣ же люди, кои, сами не зная, пошли было вопреки вѣчныхъ судебъ Его, сами же не зная, обратились внезапно къ исполненію ихъ,—рѣшившись дѣйствовать къ погубленію Іисуса Христа немедленно, захватить и умертвить Его при первомъ удобномъ случаѣ. Причиною такой неожиданной перемѣны въ мысляхъ синедріона былъ одинъ человѣкъ, который, явясь къ первосвященникамъ, объявилъ, что онъ, издавна принадлежа къ числу учениковъ и постоянныхъ спутниковъ Іисуса и зная посему всѣ тайныя мѣста пребыванія Его, легко можетъ содѣйствовать давнему желанію ихъ — захватить Его въ свои руки тайно отъ народа (Лук. 22, 6), и готовъ употребить для того всѣ свои средства и силы, если только верховное правительство заблагоразсудитъ обратить благосклонное вниманіе на столь важную услугу, къ коей не многіе способны, хотя всякій былъ обязанъ, вслѣдствіе недавно изданнаго отъ синедріона повелѣнія (Іоан. 11, 57). Жалкій человѣкъ сей дѣйствительно принадлежалъ къ ближайшему обществу Іисусову и былъ тотъ самый ученикъ, который на вечерѣ въ Виѳаніи притворно сожалѣлъ о мурѣ и о нищихъ, и отъ сребролюбія коего давно предостерегалъ насъ дальновидный Іоаннъ (Іоан. 12, 6); это былъ Іуда Искаріотскій. Послѣ увидимъ, что побудило его къ ужасной измѣнѣ своему Учителю и Господу; здѣсь примѣтимъ только, что, по должности хранителя денегъ въ маломъ обществѣ Іисусовомъ, Искаріотъ могъ благовидно оставлять сіе общество и отлучаться за покупками въ городъ; и потому имѣлъ возможность вести постыдные переговоры съ врагами своего Учителя и торговаться за Его жизнь, не будучи никѣмъ подозрѣваемъ въ измѣнѣ.

Появленіе такого человѣка съ такимъ предложеніемъ, по замѣчанію Евангелистовъ (Лук. 22, 5), было крайне пріятно для Каіафы. Хитрый суддукей мгновенно разсчиталъ въ умѣ своемъ, что при помощи такого человѣка, каковымъ выдавалъ себя предатель, можно будетъ захватить Іисуса Христа безъ всякаго шума, даже — свѣдѣнія народнаго.

Немедленнымъ же осужденіемъ Его на смерть и преданіемъ въ руки Римскаго правительства — предполагалось удалить отъ себя и послѣднюю опасность. Народъ, думали, не осмѣлится предпринять что-либо противъ Римлянъ, кои на время Пасхи особенно усиливали военную силу свою въ Іерусалимѣ; а если бы и покусился на что-либо, то синедріонъ не будетъ за то въ отвѣтѣ.—То самое, что Іисусъ Христосъ будетъ преданъ Своимъ ученикомъ, имѣло особенную цѣну въ глазахъ личныхъ враговъ Его; потому что предъ народомъ, незнающимъ истинныхъ причинъ преданія, обстоятельство сіе могло быть обращено въ сильное предосужденіе Іисусу, такъ мало, повидимому, цѣнимому собственными учениками. Въ жару и ослѣпленіи фанатизма, предатель для нѣкоторыхъ *изъ слѣпо почивающихъ на законѣ* могъ казаться человѣкомъ, праведнымъ по закону. Что онъ сдержитъ свое слово и не обманетъ синедріонъ, какъ обманывалъ Учителя, за это, кромѣ другихъ обстоятельствъ (Іуда, безъ сомнѣнія, позаботился о снисканіи себѣ довѣрія), ручалась уже чрезвычайная алчность его къ деньгамъ, обличавшая въ немъ низость и черноту души, готовой на все изъ прибытка.

Немедленно назначена цѣна преданію,—та самая, которую Моисей велѣлъ взыскивать за раба, когда онъ будетъ убитъ кѣмъ-либо ненамѣренно (Исх. 21. 32), то есть, тридцать сребренниковъ, или сиклей, что̀ на наши деньги составитъ около 60 рублей [1]). Остроуміе какого-либо книжника, вѣроятно, хотѣло отличить себя, оцѣнивъ жизнь Іисуса Христа цѣною раба, которая, безъ сомнѣнія, не высока была и во время Моисея, а теперь, спустя 2000 лѣтъ, еще ниже. Тѣмъ удивительнѣе алчность предателя, которая могла удовлетвориться такою малостію, при такомъ случаѣ, гдѣ враги Іисуса Христа, по всей вѣроятности, не подорожили бы никакими сребренниками [2]). Но едва ли, въ случаѣ успѣшнаго совершенія дѣла, не обѣщано было большее число сребренниковъ, какъ позволяютъ предполагать выраженія Евангелистовъ Марка и Луки [3]). Съ другой стороны, предателю стыдно было съ упорствомъ настаивать на боль-

[1]) См. Метрол. Петруш. 1831, стр. 233.

[2]) «Не проситъ даже опредѣленной цѣны, чтобы по крайней мѣрѣ продать выгоднѣе, но на волю покупающихъ оставляетъ цѣну, какъ бы продавая какого-либо раба презрѣннаго». Іерон. въ толк. на Матѳ.

[3]) *Обѣщаша сребренники дати.* Марк. 14, 11.

шей платѣ, какъ скоро онъ хотѣлъ (какъ и должно предполагать) дать измѣнѣ своей въ глазахъ первосвященниковъ видъ законнаго—патріотическаго поступка и не представлять явно лице презрѣннаго предателя, торгующагося за свою совѣсть. Впрочемъ, дѣйствовать безразсудно, нерѣдко вопреки своихъ выгодъ, есть удѣлъ одержимыхъ страстію сребролюбія: малое кажется имъ иногда великимъ, великое малымъ, и они, имѣя во всемъ и всегда въ виду одни деньги, не смотря не сіе, сами не зная того, представляютъ въ своихъ поступкахъ иногда видъ какъ будто безкорыстія.— Времени и образа преданія не могли опредѣлить съ точностію ни предатель, ни первосвященники, хотя, безъ сомнѣнія, это было бы пріятно для тѣхъ и другого, и хотя объ этомъ, кажется, думали не мало (Марк. 14, 11). Предатель взялся только употребить на преданіе первый удобный къ тому случай, то есть, когда можно будетъ сдѣлать это *тайно отъ народа* (Лук. 22, 6); а первосвященники обѣщали, по первому требованію Іуды, придать ему для совершенія своего дѣла достаточное число слугъ и стражи церковной. Пасхальная ночь, какъ время самое глухое и потому удобное, безъ сомнѣнія приходила на мысль тому и другимъ: и если теперь не избрана она рѣшительно для исполненія замысла, то должно быть потому, что Іуда не зналъ еще, гдѣ будетъ проведена Учителемъ сія ночь, а можетъ быть, не вѣдалъ еще навѣрно и того, станетъ ли Онъ теперь праздновать Пасху въ одно время съ другими [1]), то есть, по причинѣ великой, со всѣхъ сторонъ окружавшей Его, опасности, не отложитъ ли сіе празднованіе (какъ то позволялось самымъ закономъ) до слѣдующаго мѣсяца.

Воображая, какъ несчастный ученикъ тайными путями возвращается изъ дворца Каіафы въ святое общество Іисусово, дабы до времени представлять въ немъ лице Апостола, и представляя съ другой стороны, какъ трудно было, находясь столь долго въ такой близости къ Сыну Божію, не сдѣлаться добрымъ, не занять отъ Него Духа Божія,— невольно приходишь въ изумленіе и вопрошаешь съ Церковію: *кій тя образъ, Іудо, предателя Спасу содѣла? Еда*

[1]) Изъ Матѳ. 26, 17—18 и Лук. 22, 8—13 можно заключать, что Спаситель съ намѣреніемъ содержалъ учениковъ въ нѣкоторой неизвѣстности касательно сего предмета.

отъ лика тя Апостольска разлучи? Еда дарованія исцѣленій лиши? Еда со онѣма вечерявъ, тебе отъ трапезы отрину? О коликихъ благъ не памятливъ былъ еси!

Евангелисты единогласно изъясняютъ предательство Іуды внушеніемъ сатаны (Лук. 22, 3). Въ самомъ дѣлѣ, только сатана могъ сдѣлать изъ Апостола предателя и сына погибели. Но что за польза была ему, подумаетъ кто-либо, научать Іуду къ преданію Учителя, когда смертію Господа, за тѣмъ послѣдовавшею, до конца разрушены дѣла діавола вмѣстѣ съ его царствомъ?—Не значитъ ли это ковать на самого себя оружіе. искать собственной погибели?.. Такъ!—Но должно помнить, что тайна искупленія рода человѣческаго смертію Сына Божія была не довѣдома до духа тьмы. Подъ кровомъ сей тайны Премудрость Божія, посмѣвающаяся кознямъ сего врага исконнаго, содѣлала то, что онъ въ семъ случаѣ самъ устроилъ свою погибель. Ему хотѣлось только положить конецъ нестерпимому для него дѣйствію проповѣди и чудесъ Іисуса Христа, подобно тому какъ онъ доводилъ до мученической кончины пророковъ, и недавно еще руками нечестиваго Ирода запечатлѣлъ уста Іоанну Крестителю; но въ семъ случаѣ вышло совершенно противное: смертію Сына Божія, которая стоила столькихъ усилій врагу рода человѣческаго, нанесена ему рѣшительная побѣда, единожды и навсегда ниспровергнута его держава грѣха и смерти.

Впрочемъ, Евангелисты, указывая на сатану, какъ на перваго виновника предательства Іудина, не забываютъ и, такъ называемыхъ, вторыхъ причинъ, или естественныхъ. Именно, св. Іоаннъ указываетъ, такъ сказать, на то отверстіе (Іоан. 12, 6), сквозь которое сей древній змій вползъ въ душу несчастнаго Апостола и непримѣтно опуталъ собою его умъ и сердце. Это—страсть къ сребренникамъ, которая, издавна зародившись въ душѣ его, тлѣла во все время пребыванія его съ Іисусомъ, питаясь татьбою денегъ общественныхъ, а теперь разгорѣлась въ пламень совершенно адскій, въ коемъ, какъ въ своемъ чертогѣ, сидѣлъ и царствовалъ сатана. Наконецъ, св. Матѳей (26, 1—16) и Маркъ (14, 3—11), съ намѣреніемъ сблизивъ между собою два разновременныя обстоятельства: Виѳанскую вечерю, на коей Іуда жалѣлъ о мурѣ, и предательство послѣдняго, даютъ

проницательному читателю видѣть, какъ діаволъ наложилъ послѣднюю петлю на душу сребролюбца, чтобы влечь его за собою въ адъ. Сильно тронутый потерею прибытка, который можно было—татьбою—получить изъ денегъ за продажу мура, и, можетъ быть, огорченный упрекомъ, который сдѣланъ по сему случаю Іисусомъ, сребролюбецъ въ припадкѣ страсти рѣшился вознаградить мнимую потерю свою продажею Самого Учителя, Который безкорыстіемъ и нищетою Своею становился ему со дня на день въ бо́льшую тягость. *Лютъ,* восклицаетъ при семъ случаѣ св. Златоустъ, *лютъ звѣрь есть сребролюбіе; отсюду гробокопатели, отсюду мужеубійцы, отсюду рати и брани, и еже аще речеши всяко зло, отсюду есть.*

Болѣе Евангелисты ничего не говорятъ въ изъясненіе поступка Іудина, хотя нѣкоторыя стороны его остаются неясными;—и мы не должны удивляться такому молчанію, вспомнивъ, какъ вообще Евангелисты кратки въ описаніяхъ самыхъ мрачныхъ предметовъ и какъ тяжело имъ было говорить о такомъ тяжкомъ и невозвратномъ паденіи своего собрата. Удивительнѣе, по замѣчанію Златоуста, самоотверженіе ихъ, что они «ничтоже сокрываютъ отъ мнящихся быти поносныхъ. Мощно бы имъ рещи просто, яко предатель отъ учениковъ Его бѣ нѣкто; нынѣ же прилагаютъ, яко отъ двунадесяти бѣ, якобы глаголали,—перваго лика, отъ изрядно избранныхъ, съ Петромъ и Іоанномъ бывшихъ. Виждь, яко о единомъ имъ было тщаніе, о единой истинѣ, да не сокрыютъ бываемыхъ» (Бесѣд. 80 на Матѳ.).

Стороны же предательства Іудина, не совсѣмъ ясныя, суть слѣдующія: какъ, во-первыхъ, Іуда, говоря словами Златоуста же, *чаяше удержати Іисуса, многажды видѣвый Его сквозѣ прошедша и не удержана бывша, и Божества Его и силы многа подавшаго указанія?* — Во-вторыхъ, предавая Учителя, почиталъ ли Іуда Его за Мессію, по крайней мѣрѣ, за Великаго Пророка и Праведника, или не почиталъ? Если почиталъ, то какъ предалъ? Если не почиталъ, то откуда въ немъ такое великое раскаяніе послѣ?—Поелику осужденіе на смерть Іисуса такъ сильно поразило Іуду, то явно, что онъ не ожидалъ сего осужденія. Чего же ожидалъ?—Добровольнаго признанія Его синедріономъ за Мессію. Но сего предполагать было невозможно. Чудесной

побѣды Іисуса надъ первосвященниками? Но въ такомъ случаѣ съ какимъ лицемъ явился бы предатель къ Преданному?

Подобныя соображенія еще въ древности привели нѣкоторыхъ учителей Церкви къ мнѣнію, что Іуда не желалъ и не ожидалъ смерти своего Учителя, предполагая, что Онъ найдетъ средство, естественное или сверхестественное, избавиться отъ рукъ враговъ Своихъ невредимо [1]). Въ новѣйшія времена мнѣніе сіе дополнено, развито и приложено ко всѣмъ подробностямъ событія слѣдующимъ образомъ.

Всѣ ученики Іисуса Христа ожидали увидѣть въ Немъ Царя надъ Израилемъ и быть первыми слугами въ семъ царствѣ; но Іуда, говорятъ, по своему своекорыстному нраву, болѣе всѣхъ ихъ заботился объ успѣхѣ дѣла своего Учителя, и для сего постоянно, со всѣмъ вниманіемъ, наблюдалъ всѣ обстоятельства, мнѣнія о Немъ народа, поступки и замыслы Его враговъ и проч. Теперь онъ ясно видѣлъ, что споръ Учителя съ синедріономъ дошелъ до рѣшительнаго перелома; и полагалъ, что переломъ сей долженъ окончиться непремѣнно въ пользу его Учителя, если только послѣдуетъ во время праздника, при стеченіи многочисленнаго народа, такъ сильно расположеннаго къ Іисусу Христу. Съ другой стороны, несчастный съ горестію видѣлъ, что Учитель нисколько не расположенъ воспользоваться настоящимъ, крайне благопріятнымъ, стеченіемъ обстоятельствъ. Къ большему огорченію узнаетъ онъ потомъ, что первосвященники единодушно составили хитрый планъ къ рѣшительному погубленію Іисуса, послѣ праздника. Что дѣлать?—думалъ хитрый корыстолюбецъ; если оставить идти дѣла такъ, какъ они идутъ, то намъ всѣмъ не избѣжать погибели: послѣдній благопріятный случай для насъ будетъ упущенъ; и Искаріоту, какъ послѣднему преступнику, достанется, можетъ быть, висѣть на какомъ-либо крестѣ. Нѣтъ, шепталъ діаволъ, этому не бывать: доколѣ въ обществѣ сихъ людей есть Іуда, первосвященникамъ не взять надъ нами верха. Они отложили погубленіе насъ до праздника; надобно сдѣлать именно противное тому: синедріонъ издалъ повелѣніе, чтобы всякій, кто узнаетъ, гдѣ Іисусъ, давалъ бы ему знать о томъ (Іоан. 11, 57). На что благовиднѣе пред-

[1]) Θеофил. Толк. на Еванг.

лога? Явлюсь къ Каіафѣ съ вызовомъ предать Іисуса при первомъ удобномъ случаѣ: такимъ образомъ слѣпая злоба ихъ еще заплатитъ мнѣ за собственную свою погибель. Точно погибель: я продамъ имъ — собственную ихъ смерть! Въ какое волненіе придетъ народъ, узнавъ, что Мессія въ узахъ! — Чего не сдѣлаетъ онъ для ниспроверженія нелюбимаго синедріона и ненавистной преторіи? — Учитель, волею-неволею, сдѣлается царемъ Израиля, а Искаріоту будетъ принадлежать честь быть первымъ виновникомъ такого счастливаго переворота. Итакъ — сотворимъ злая, да пріидутъ благая (Римл. 3, 8)! Примемъ на себя на время мрачное лицо предателя, чтобъ послѣ быть въ царствѣ Мессіи первымъ изъ Апостоловъ. Подобнаго плана не выдумать ни Петру, ни Іоанну. Учитель, умѣющій такъ хорошо цѣнить поступки, не умедлитъ отдать справедливость соображенію столь глубокому и столь благоуспѣшному.

Такъ, говорятъ, надобно думать о предательствѣ Іуды: потому что при семъ только предположеніи становится понятнымъ, какъ предатель могъ удовольствоваться такою малою наградою; сребренники не были главною цѣлію преданія; посему онъ могъ удовольствоваться еще меньшимъ. При семъ понимаемъ, говорятъ, и то, какъ Іуда вызвался самъ предводительствовать стражею для взятія Іисуса, привѣтствовать Его дружескимъ привѣтствіемъ и даже облобызать Его: поступокъ, который въ противномъ случаѣ могъ быть только слѣдствіемъ самой отвратительной какой-либо личной злобы противъ Учителя, слѣдовъ чего однако же въ Іудѣ не видно. Понятно наконецъ, говорятъ, почему на Искаріота такъ сильно и въ такую сторону подѣйствовала вѣсть объ осужденіи Учителя на смерть: онъ долженъ былъ скорбѣть въ семъ случаѣ сугубо — и за Учителя и за себя самого, обманувшись такъ ужасно въ своихъ разсчетахъ. Люди съ сильнымъ характеромъ въ такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно, обращаются къ одному отчаянному средству: patet exitus (исходъ найденъ). При исполненіи злохитраго и несчастнаго плана своего,—прибавляютъ,—предатель могъ для успокоенія себя опираться даже на великодушное снисхожденіе своего Учителя, по коему послѣдній не обнаруживалъ его предъ прочими учениками и не изгонялъ изъ Своего общества. Наконецъ слова: *еже твориши, твори скоро* (Іоан. 13, 27),

говорятъ, могли быть приняты Іудою за рѣшительное одобреніе его плана Учителемъ.

Что должна сказать о сихъ предположеніяхъ безпристрастная исторія?—То, что это—догадки, илущія, какъ мы замѣтили, еще изъ древности, приближающіяся нѣкоторыми сторонами своими къ правдоподобію, но не имѣющія прочнаго историческаго основанія и въ то же время сами собою сильно сокрушающіяся о нѣкоторыя прямыя указанія исторіи на противное тому, что̀ предполагается. Въ самомъ дѣлѣ, кого ни слушать въ семъ дѣлѣ, все слышишь противное. Принять ли собственное признаніе предателя?—Онъ говоритъ, что предалъ кровь неповинную (Матѳ. 27, 4); но ни слова о томъ, что къ преданію побудило его не алчность къ деньгамъ, а желаніе скорѣе воцарить Учителя. Напротивъ, выраженія: *согрѣшихъ, предахъ кровь,* явно показываютъ, что въ преданіи была прямая продажа этой безцѣнной крови. Будемъ ли слушать, какъ и должно, Евангелистовъ?—Они тоже ни слова о семъ, тогда какъ указаніе на подобныя причины и цѣль преданія, облегчая вину предателя, облегчили бы ихъ горесть при возвѣщеніи всему міру о столь низкомъ поступкѣ прежняго собрата ихъ. Обратимся ли съ благоговѣніемъ къ свидѣтельству Самого преданнаго Богочеловѣка: что слышимъ? *Горе человѣку тому, имже Сынъ Человѣческій предается: добро бы было ему, аще бы не родился человѣкъ той* (Матѳ. 26, 24). За что такое страшное осужденіе, если предательство имѣло такую незлобивую цѣль, какъ предполагается? Въ такомъ случаѣ оно очень походило бы на такъ называемые набожные обманы вѣковъ среднихъ и не заслуживало бы столь ужаснаго приговора. Размышляющій, безъ труда, можетъ найти и другія причины оставаться при простомъ сказаніи Евангелистовъ, которое, оставляя въ тѣни подробности событій, проливаетъ однако же довольно свѣта на ихъ сущность.

Что касается до вышеозначенныхъ недоумѣній, то они, какъ увидимъ (когда будемъ говорить о плачевномъ концѣ предателя), рѣшаются довольно удовлетворительно и безъ подобныхъ предположеній.

Гдѣ пребывалъ и что творилъ Господь съ учениками Своими въ продолженіе дня преданія?—У св. Евангелиста

Матѳея предъ описаніемъ предательства излагается сказаніе о вечерѣ Виѳанской и о мурѣ (Матѳ. 26, 6—16); но сказаніе сіе, по всей вѣроятности, взято изъ другого времени и перенесено сюда по причинѣ внутренней связи событій (сожалѣнія Іуды о мурѣ съ его предательствомъ); ибо у Евангелиста Іоанна описана точно та же самая вечеря и поставлена въ навечеріи входа Іисуса въ Іерусалимъ, куда она и принадлежитъ дѣйствительно. Такимъ образомъ мы не имѣемъ прямого Евангельскаго сказанія о послѣднемъ днѣ предъ опрѣсноками (средѣ). При внимательномъ сличеніи косвенныхъ указаній, однако же довольно ясно открывается, что день сей, подобно предшествующимъ, проведенъ не въ Іерусалимѣ, слѣдовательно — въ Геѳсиманіи (Лук. 21, 37), или въ Виѳаніи (Марк. 14, 13) въ домѣ Лазаря, который и прежде былъ, а теперь тѣмъ болѣе оставался почти единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ для Сына Человѣческаго.

Учениковъ Іисусовыхъ, безъ сомнѣнія, всего болѣе занимала теперь мысль о наступающей Пасхѣ (Матѳ. 26, 17), которая для Еврея составляла не только самое священное, но и самое пріятное время въ жизни. Картина праздника украшалась притомъ въ воображеніи дѣтскими ожиданіями наградъ и почестей въ царствѣ Мессіи, кои никогда не оставляли учениковъ Іисусовыхъ, а теперь, послѣ столькихъ знаменательныхъ событій, еще сильнѣе занимали собою всю душу ихъ. Усердіе друзей виѳанскихъ, безъ сомнѣнія, употребляло всѣ средства, чтобы сдѣлать время пребыванія у нихъ Іисуса Христа какъ можно покойнѣе и отраднѣе. Гостепріимная Марѳа имѣла теперь всю удобность сочетать свое многопопечительное радушіе съ тихимъ и возвышеннымъ усердіемъ сестры своей. Но для Божественнаго Друга ея, если когда, то теперь было *едино на потребу* (Лук. 10, 40—42). Мы видѣли, что смерть и погребеніе занимали мысли Іисуса Христа и во время вечери, бывшей въ Виѳаніи въ навечеріи входа въ Іерусалимъ; теперь, почти въ навечеріи смерти, сіи мысли должны сдѣлаться еще живѣе... Какъ бы отрадно было раздѣлить ихъ съ кѣмъ-нибудь! Но на землѣ не было существа, къ тому способнаго. Оставалось молитвенно бесѣдовать—съ однимъ Отцемъ Небеснымъ. И, безъ сомнѣнія, сія бесѣда, всегда служившая для Бого-

человѣка источникомъ силы, успокоенія и воодушевленія, была теперь удвоена и утроена.

Постыдное соглашеніе Іуды съ первосвященниками извѣстно было Учителю его со всѣми подробностями; но соученики не имѣли о томъ никакого свѣдѣнія. Господь съ намѣреніемъ сокрывалъ это отъ нихъ до послѣдней къ тому возможности; иначе чего не позволила бы себѣ пламенная ревность Петра для предупрежденія такого несчастія?

Положеніе предателя въ продолженіе послѣднихъ часовъ, проведенныхъ имъ съ Учителемъ и учениками, должно быть крайне принужденнымъ и жалкимъ. При всемъ ожесточеніи сердца страстію, оно не могло не болѣть и не терзаться при видѣ Божественнаго Учителя, предаемаго имъ столь постыднымъ образомъ, — при видѣ святого общества учениковъ, оставляемаго теперь навсегда. Каждый значительный взглядъ, каждое сколько-нибудь знаменательное слово должны были приводить предателя въ сильное смущеніе, и живописцы не отступаютъ отъ истины, когда, изображая Тайную Вечерю, представляютъ его среди сіяющихъ духовною радостію Апостоловъ съ лицомъ мрачнымъ и ужаснымъ. Могъ ли быть какой-либо свѣтъ на лицѣ того, у кого въ сердцѣ былъ—сатана?

Омовеніе ногъ и Тайная Вечеря.

(Праздникъ Пасхи. — Его отношеніе къ великому предназначенію Сына Человѣческаго. — Опасность, съ коею сопряжено было настоящее совершеніе Пасхи для Іисуса. — Двое изъ учениковъ посылаются въ Іерусалимъ для ея приготовленія. — Какъ совершалась она во время Іисуса Христа? — Особенное состояніе Его духа на пасхальной вечери. — Споръ учениковъ между собою о первенствѣ. — Омовеніе ногъ. — Пасхальная вечеря. — Многократное указаніе предателя. — Его удаленіе. — Учрежденіе Тайной Вечери.)

Наступилъ 14-ый день Нисана (марта), — день, въ вечеру коего каждый Израильтянинъ обязанъ былъ совершать Пасху, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ отлученія изъ среды народа Божія. Пасхою назывался агнецъ, котораго, послѣ закономъ предписаннаго пріуготовленія, съѣдали съ различными обрядами, — въ память благодѣянія Божія, оказаннаго народу Еврейскому изведеніемъ его изъ работы Египетской, особенно же въ воспоминаніе чудеснаго избавленія, посред-

ствомъ знаменія крови агнчей, первенцевъ Еврейскихъ отъ Ангела, погублявшаго первенцевъ Египетскихъ (Исх. 12, 17—27). На другой день въ память того же событія начинался семидневный праздникъ опрѣсноковъ, въ продолженіе коего, равно какъ и самой Пасхи и навечерія ея, Израильтянинъ, подъ опасеніемъ смерти, долженъ былъ хранить себя отъ всего квасного (Исх. 12, 15). Знаменованіе Пасхи было такъ важно, законы касательно совершенія ея такъ строги, самый обрядъ такъ знаменателенъ и поучителенъ; притомъ съ нею соединено было столько утѣшительныхъ воспоминаній въ прошедшемъ и радостныхъ надеждъ въ будущемъ,— что празднованіе Пасхи издревле сдѣлалось главою всѣхъ празднествъ Іудейскихъ, душею обрядоваго закона, народнымъ отличіемъ Еврея, сокращеніемъ его вѣры и символомъ упованія. Уже сего одного достаточно было для Іисуса Христа, чтобы совершать Пасху (какъ дѣйствительно Онъ всегда и совершалъ ее) въ опредѣленное закономъ время, съ наблюденіемъ при семъ обрядовъ, освященныхъ вѣками и примѣромъ праотцевъ и пророковъ: ибо одно изъ главныхъ правилъ великой дѣятельности Сына Человѣческаго, въ продолженіе служенія Его, состояло въ томъ, чтобы поддерживать всякое, истинно полезное, учрежденіе, ни въ какомъ случаѣ безъ явной нужды и важныхъ причинъ не оставлять безъ исполненія ни одного изъ законовъ Моисеевыхъ, усиливать и распространять все, что̀ могло служить пищею для вѣры и добрыхъ нравовъ, вести къ исправленію сердца и жизни (Матѳ. 3, 15).

Но, кромѣ сего, была еще одна причина, по которой Пасха Моисеева была для Іисуса Христа, можно сказать, вожделѣннѣе и священнѣе, нежели для всѣхъ прочихъ Его соплеменниковъ по плоти: агнецъ пасхальный, служа напоминательнымъ знакомъ прошедшаго благодѣянія, въ то же время, по намѣренію Промысла, еще болѣе служилъ прообразомъ Его собственнаго лица и предназначенія (Іоан. 19, 36). Закланіе сего агнца и примирительная кровь его, отвратившая нѣкогда Ангела губителя отъ первенцевъ Еврейскихъ, предъизображала собою будущую крестную смерть истиннаго Агнца Божія, вземлющаго грѣхи всего міра; радостный исходъ Израильтянъ изъ Египта, по совершеніи Пасхи, предвѣщалъ собою благодатное освобожденіе рода

человѣческаго отъ ужаснаго рабства грѣху, смерти и діаволу, имѣющее послѣдовать за совершеніемъ великой крестной жертвы на Голгоѳѣ. При такомъ взглядѣ на Пасху, какъ все въ ней для Богочеловѣка долженствовало быть священно и важно! — Празднуя сей праздникъ, Онъ всякій разъ, можно сказать, предпраздновалъ будущую смерть Свою. Теперь, когда пришелъ часъ замѣнить прообразованіе самымъ дѣломъ — кровь агнца пасхальнаго кровію собственною, наступающій праздникъ Пасхи былъ тѣмъ ближе къ сердцу Іисуса:— и Онъ, не смотря на великія препятствія со стороны враговъ, предпринялъ совершить его особеннымъ образомъ, въ Своемъ Божественномъ духѣ (Лук. 22, 15), такъ, чтобы послѣдняя вечеря пасхальная послужила рѣшительнымъ окончаніемъ завѣта ветхаго, началомъ и полнымъ выраженіемъ новаго, памятникомъ Его преданности волѣ Отца Небеснаго и безмѣрной любви къ человѣчеству, символомъ внѣшняго и средоточіемъ внутренняго единства всѣхъ Его послѣдователей съ Нимъ и между собою (Іоан. 13, 1—4; 17, 26).

Главнымъ препятствіемъ къ совершенію сей Пасхи былъ Іуда. Узнавъ предварительно о мѣстѣ, избранномъ для совершенія ея, вѣроломный ученикъ не посовѣстился бы дать знать о томъ первосвященникамъ (Матѳ. 26, 16), а они— окружить домъ стражею и захватить празднующихъ въ свои руки. Такимъ образомъ была бы нарушена тишина минутъ самыхъ священныхъ; Учитель не имѣлъ бы времени проститься съ Своими возлюбленными учениками достойнымъ для Него, незабвеннымъ для нихъ, образомъ; не успѣлъ бы укрѣпить ихъ противъ наступающихъ искушеній, передать имъ Свои послѣднія чувства и Свой духъ,— напитать ихъ въ животъ вѣчный негиблющимъ брашномъ Тѣла и Крови Своея.—Изгнать же, для избѣжанія сей опасности, предателя изъ Своего сообщества,—все еще тяжело было для сердца Іисусова. Человѣколюбецъ хотѣлъ до послѣдняго конца остаться тѣмъ же самымъ для Іуды, чѣмъ былъ для прочихъ учениковъ — другомъ, наставникомъ и отцомъ. Послѣдняя вечеря, столько обильная чувствами необыкновенной любви и благости, дѣйствіями чрезвычайной кротости и смиренія, долженствовала быть для погибающаго Апостола послѣднимъ призывомъ къ покаянію, или— послѣднимъ доказательствомъ его нераскаянности и ожесто-

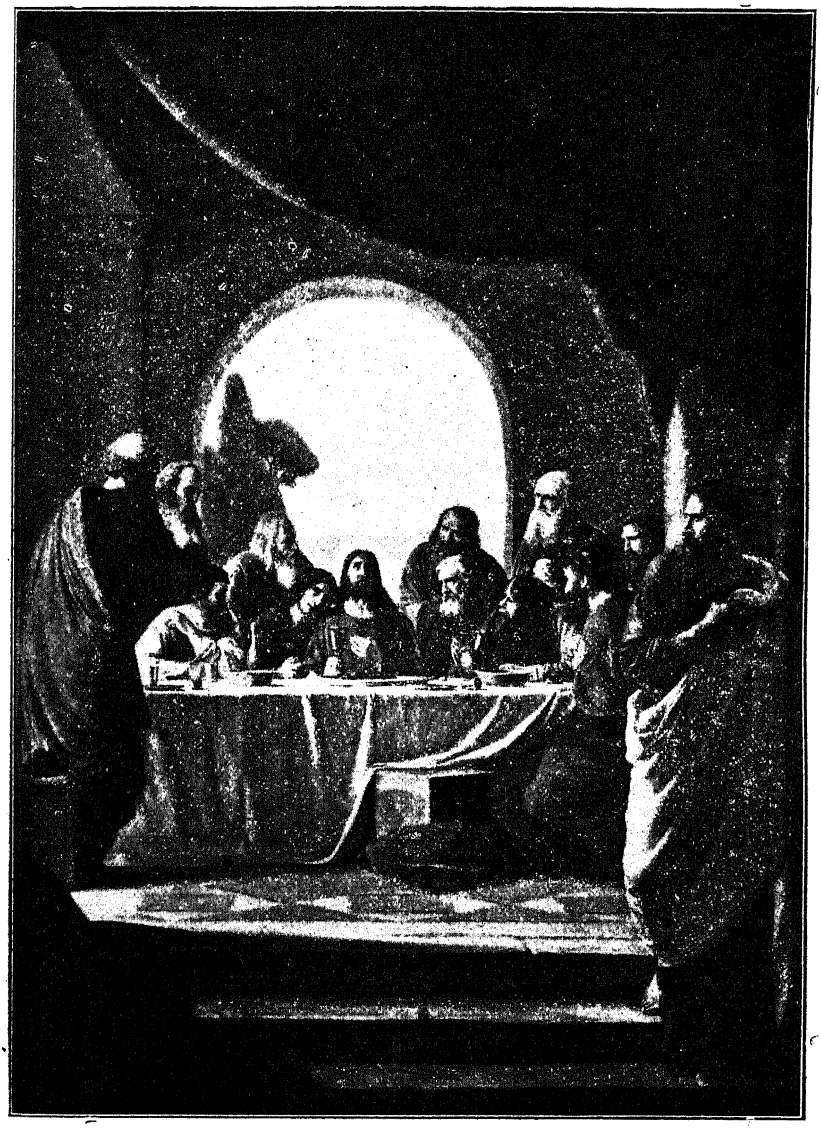
ченія. Посему мудрая любовь Іисусова нашла другое, столь же вѣрное средство устранить опасность отъ совершенія пасхальной вечери, не удаляя отъ нея ученика-предателя: оно (какъ увидимъ сейчасъ) связало злобу его неизвѣстностію, сокрывъ отъ него мѣсто празднованія.

Ученики съ самаго утра всѣ заняты были мыслію о Пасхѣ. Не видя для празднованія ея никакихъ распоряженій со стороны Учителя, нѣкоторые изъ нихъ почли за нужное напомянуть Ему о семъ (Матѳ. 26, 17). Хотя въ Іерусалимѣ, какъ увѣряетъ древнее Іудейское преданіе, каждый житель обязывался давать, если можетъ, даже безъ платы инороднымъ Іудеямъ комнату, для совершенія Пасхи [1]); однако, не смотря на сей похвальный обычай для избѣжанія всякаго замѣшательства, необходимо было предварительное саглашеніе, особенно для святого общества Іисусова, которое имѣло обыкновеніе останавливаться въ Іерусалимѣ только у нѣкоторыхъ людей, Ему извѣстныхъ и того достойныхъ, и всего менѣе могло уклониться отъ сей предосторожности теперь, когда опасность угрожала со всѣхъ сторонъ.

На вопросъ учениковъ, гдѣ Онъ повелитъ приготовить Пасху, — Учитель обратился къ Іоанну и Петру и велѣлъ имъ идти въ городъ. «При самомъ входѣ, сказалъ Онъ, вы срѣтите человѣка, несущаго въ кувшинѣ воду; слѣдуйте за нимъ, войдите въ тотъ домъ, куда онъ войдетъ, и скажите хозяину дома: Учитель велѣлъ сказать тебѣ: время Мое близко, у тебя совершу Пасху съ учениками Моими. Итакъ гдѣ горница, въ которой бы можно было Мнѣ вкушать Пасху?—Послѣ сего онъ покажетъ вамъ горницу большую, готовую и убранную. Тамъ приготовьте намъ Пасху» (Матѳ. 26, 18; Лук. 22, 8—13).

Изъ такого приказанія открывалось, что Учитель уже думалъ о мѣстѣ совершенія Пасхи и избралъ его въ Своемъ умѣ, хотя доселѣ и не сказалъ ученикамъ сего; и теперь по какой-то особенной причинѣ не хочетъ открыть имени человѣка, у коего будетъ совершена Пасха. По какой? Безъ сомнѣнія, думали, по причинѣ опасности отъ враговъ, кои наблюдаютъ всѣ шаги наши и готовы при каждомъ случаѣ

[1]) Soma fol. 12. 1. Megill. 26. 1.



Тайная вечеря.

захватить насъ въ свои руки. Но зачѣмъ таить это и отъ насъ? Ужели между нами самими кто-либо невѣренъ и ненадеженъ?—Послѣднее могло привести болѣе дальновидныхъ къ мысли о предателѣ [1]) изъ собственнаго круга; но только привести, а не утвердить въ сей мысли, которая, какъ видимъ, чрезвычайно чужда была для чистыхъ и простыхъ сердцемъ учениковъ Іисусовыхъ.

Истинную причину сокровенности всего скорѣе могъ угадать Іуда, бывшій самъ единственною ея причиною. Одно удаленіе его—хранителя и распорядителя денегъ общественныхъ—отъ участія въ приготовленіи Пасхи, сопряженномъ съ извѣстными издержками, было уже не невнятнымъ намекомъ, что Учитель знаетъ о постыдныхъ сребренникахъ, ему обѣщанныхъ.

Пришедши въ городъ, Петръ и Іоаннъ нашли все такъ, какъ сказалъ Учитель: у Водяныхъ воротъ (коими входили въ городъ идущіе съ Елеона) встрѣтился съ ними человѣкъ, несущій въ глиняномъ кувшинѣ воду; слѣдуя за нимъ, они пришли въ домъ, къ коему онъ принадлежалъ, пересказали хозяину дома слова своего Учителя; послѣ чего онъ тотчасъ указалъ имъ готовую пространную комнату, и они занялись приготовленіемъ Пасхи (Лук. 22, 13), то есть купили въ оградѣ храма пасхальнаго агнца, дали священнику заклать, или сами, по его благословенію, заклали [2]) его въ извѣстномъ мѣстѣ—при храмѣ; возвратясь домой, испекли его на огнѣ *законнымъ* образомъ, т. е. цѣлаго, не раздробляя на части, не сокрушая ни одной кости (Исх. 12, 9—10), съ соблюденіемъ прочихъ обычаевъ, приготовили также опрѣсноковъ, горькихъ зелій и другихъ вещей, нужныхъ для праздника.

Къ концу дня пришелъ Самъ Іисусъ съ прочими учениками, пришелъ, какъ заставляютъ думать обстоятельства, такъ, что приходъ Его не былъ замѣченъ народомъ, тѣмъ паче личными Его врагами. Тутъ, безъ сомнѣнія, узнано было учениками, кто таковъ таинственный хозяинъ дома, въ коемъ они находились; легко также было освѣдомиться и о томъ, зналъ ли онъ предварительно о намѣреніи Іисуса Христа

[1]) См. Θеофил. на Лук. 22.

[2]) Священникамъ невозможно было самимъ совершать закланіе всѣхъ агнцевъ; ибо число ихъ, по Флавію, простиралось до 2.000.000.

у него совершить Пасху, или не зналъ, и слѣдовательно должно или не должно принимать за прямое пророчество вышеприведенныя слова ихъ Учителя [1]). Но Евангелисты не почли за нужное передать намъ свѣдѣнія касательно сего предмета, оставивъ его въ той же неопредѣленности и таинственности, въ какой онъ представлялся сначала самимъ ученикамъ Іисусовымъ; и сдѣлали сіе, можетъ быть, частію потому, дабы тѣмъ полнѣе передать первоначальное впечатлѣніе, произведенное въ нихъ таинственностію при семъ случаѣ словъ Учителя, а частію потому, что въ то время, какъ они писали Евангеліе, открытіе имени хозяина дома, удостоившагося чести оказать въ такое время гостепріимство Іисусу Христу, могло быть сопряжено для него съ опасностію отъ Іудеевъ.

Съ достовѣрностію можно сказать одно, что хозяинъ дома [2]), въ коемъ совершена Пасха, принадлежалъ къ числу почитателей Іисусовыхъ. Къ сей мысли ведетъ уже выраженіе: *Учитель говоритъ*. Притомъ домъ для вечери долженъ быть избранъ самый безопасный, у человѣка вѣрнаго и надежнаго: другой почелъ бы за долгъ дать знать синедріону о томъ, кто въ его домѣ совершаетъ теперь Пасху.

Съ наступленіемъ закономъ и обычаемъ опредѣленнаго времени (не ранѣе сумерекъ и не позже 10 часовъ — Втор. 16, 6) Іисусъ возлегъ съ двѣнадцатью учениками Своими на вечери. Болѣе никого не было не только за вечерію, но и въ горницѣ. Кромѣ того, что всѣ заняты были въ сіе время празднованіемъ Пасхи, послѣдняя вечеря и въ семъ отношеніи долженствовала быть вечерію *тайною*.

Образъ совершенія Пасхи въ то время, сколько можно судить, основываясь на прилежномъ сличеніи древнѣйшихъ свидѣтельствъ Іудейскихъ [3]), былъ таковъ: Пасхальная вечеря открывалась чашею вина, предъ которою отецъ семейства или заступавшій его мѣсто, возглашалъ благода-

[1]) Евѳим. въ толк. на Лук. 22.

[2]) Кто именно?—Іосифъ Аримаѳейскій? Никодимъ? Симонъ прокаженный?—Іоаннъ Маркъ, — домъ коего и по воскресеніи Іисуса Христа былъ мѣстомъ собранія для послѣдователей Христовыхъ (Дѣян. 12, 12)? Послѣднее вѣроятнѣе. Только ни въ коемъ случаѣ хозяинъ дома не могъ быть самъ Іоаннъ, купившій яко бы недавно предъ тѣмъ домъ у Каіафы; хотя сего мнѣнія держался Кириллъ Іерусалимскій: иначе выйдетъ, что Іоаннъ былъ посланъ къ Іоанну.

[3]) Слич. Jahn's Alterth. Th. III. Wiener. Bibl. Reall. Lundins Judisches Heiligthum.

реніе Богу, говоря: *Благословенъ Господь Богъ нашъ, Царь міра, сотворивый плодъ лозы виноградной!* Сказавъ сіе, прикушивалъ изъ чаши, что̀ дѣлали потомъ и всѣ прочіе, омывая затѣмъ каждый руки. — Потомъ вкушали горькія зелія, надъ коими начальствующій также приносилъ благодареніе Богу. Тутъ кто-либо изъ младшихъ спрашивалъ: что значитъ все сіе? И отецъ семейства или старшій изъ возлежащихъ изъяснялъ обряды Пасхи исторіею исшествія Израильтянъ изъ Египта, при чемъ читались или пѣлись два псалма (113, 114), въ коихъ воспѣто сіе событіе. За симъ обходила по рукамъ вторая пасхальная чаша. Опять омывали руки. Начальствующій бралъ со стола изъ двухъ прѣсныхъ хлѣбовъ одинъ, разламывалъ его на двѣ половины и, положивъ ихъ на другой хлѣбъ, произносилъ: *Благословенъ Господь нашъ, Царь міра, произведшій отъ земли хлѣбъ!* Потомъ сей хлѣбъ раздѣлялся между возлежащими. За симъ съѣдаема была уже самая «пасха», или агнецъ, по совершеніи надъ нимъ благодаренія Богу. За «пасхою» подавались разныя другія кушанья, составлявшія пасхальную вечерю, среди коей являлась третья общая чаша, называвшаяся преимущественно чашею благословенія; вслѣдъ за нею пѣлись четыре псалма (114 — 117), въ коихъ изображается радость о Богѣ Спасителѣ. Въ заключеніе испивали четвертую чашу. Во всѣхъ сихъ чашахъ вино растворено было водою, потому что изъ нихъ обязаны были пить по нѣскольку всѣ, исключая женъ и дѣтей [1]).

Впрочемъ, мы не рѣшимся утверждать, что Пасха ветхозавѣтная, и особенно настоящая, послѣдняя, совершена была Іисусомъ Христомъ во всей точности такъ, какъ предполагается въ вышеприведенномъ описаніи. Ибо, по указанію самого установителя сей Пасхи—Моисея, она должна была совершаться проще, съ меньшими подробностями (Исх. 12). Съ другой стороны, если когда Сыну Человѣческому прилично было показать, что Онъ есть *Господь и субботъ и Пасхъ* (Матѳ. 12, 8), то теперь, при заключеніи ветхаго и утвержденіи новаго завѣта. Настоящая Пасха, предназначенная служить симъ заключеніемъ и быть переходомъ (пасхою) отъ ветхаго завѣта къ новому, по тому самому

[1]) Jahn Archaeolog Th. III.

долженствовала не походить на прочія Пасхи, могла имѣть немалыя особенности. Впрочемъ, изъ нѣкоторыхъ указаній и выраженій Евангельскихъ видно, что почтенные сами по себѣ обряды праздника отечественнаго не были совершенно оставлены Господомъ и при совершеніи настоящей Пасхи (Лук. 22, 17—18; Іоан. 13, 26). Евангелисты не обратили на это прямого вниманія, какъ и безъ того всѣмъ извѣстное; но взамѣнъ сего описали со всею подробностію для насъ то, что̀ на сей вечери было особеннаго, новозавѣтнаго, какъ-то: омовеніе ногъ, установленіе Евхаристіи и проч. Кромѣ сего св. Іоаннъ, какъ любвеобильнѣйшій наблюдатель послѣднихъ дѣйствій своего Божественнаго Учителя и Друга, предваряетъ повѣствованіе свое о прощальной вечери особеннымъ, глубокимъ указаніемъ на необыкновенное въ продолженіе ея состояніе духа Іисусова, располагая взирать на Него при семъ случаѣ, какъ на Единороднаго отъ Отца, исполненнаго благодати и истины, Который совершенно знаетъ, *откуда пришелъ и куда грядетъ,* вполнѣ увѣренъ, что *Отецъ вся предаде въ руки Его,* и потому въ самыя мрачныя и опасныя минуты (какъ настоящія) дѣйствуетъ со всѣмъ спокойствіемъ и величіемъ Сына Божія, и по безпредѣльной любви Своей къ оставляемымъ ученикамъ *(возлюбль Своя сущія въ мірѣ, до конца возлюби ихъ)* не стыдится, для вразумленія ихъ, омыть имъ ноги, яко слуга, и потомъ все употребляетъ къ тому, чтобы ободрить, утѣшить и оградить ихъ отъ искушеній, краткихъ, но ужасныхъ, во время предстоящей разлуки; хотя, судя по человѣчеству, Онъ Самъ долженъ былъ имѣть нужду въ утѣшеніи (Іоан. 13, 1—4). Дѣйствительно, мы не видимъ, чтобы въ продолженіе всего трехлѣтняго служенія Іисуса Христа обнаружено было Имъ такъ ясно для учениковъ чувство Своего великаго предназначенія, Своего Божественнаго достоинства, Своего единства со Отцемъ, какъ на послѣдней тайной вечери и въ послѣднихъ бесѣдахъ съ учениками.— Не смотря на глубочайшее смиреніе Его, по коему Онъ омоетъ ноги ученикамъ, на кроткій, исполненный любви, языкъ друга, разлучающагося съ своими возлюбленными, Онъ является здѣсь преисполненъ свѣтомъ Божества Своего, блистающимъ въ каждомъ Его дѣйствіи и словѣ, окруженнымъ какимъ-то неизъяснимо-трогательнымъ величіемъ, въ

коемъ срастворено Божественное съ человѣческимъ, соединенъ Θаворъ съ Голгоѳою. Изъ среды сего срастворенія будетъ вѣять на учениковъ *духъ хлада тонка* (въ какомъ только Божество можетъ открываться смертнымъ) и по временамъ возгрѣвать и въ ихъ сердцѣ пламень чистой любви и вѣры. Но только *по временамъ*. Не очистившись еще отъ нѣкоторыхъ слабостей, они *не могли носить* и вмѣстить *многаго* (Іоан. 16, 12). А не постиженіе тайны креста, долженствовавшей открыться имъ послѣ, дѣлало ихъ вообще не довольно способными раздѣлять вполнѣ чувства своего Учителя и Господа. Если бы имъ извѣстно было будущее такъ, какъ его зналъ ихъ Учитель!—Не такими, безъ сомнѣнія, они показали бы себя на вечери! Не споръ о первенствѣ занялъ бы ихъ душу! Не сонъ овладѣлъ бы ими въ саду Геѳсиманскомъ!—Но Учитель съ намѣреніемъ не открывалъ имъ во всей подробности будущаго, и когда открывалъ что-либо изъ него, если они не понимали открываемаго во всей его ужасной дѣйствительности, — не настаивалъ съ силою на полноту понятія. Такимъ образомъ, не объ одномъ омовеніи, почти о всѣхъ дѣйствіяхъ и словахъ Господа можно было сказать теперь каждому изъ учениковъ: *не вѣси нынѣ, уразумѣеши же по сихъ*. Одному изъ среды учениковъ принадлежало плачевное преимущество знать нѣчто болѣе, нежели знали всѣ прочіе, предателю. Посему онъ, съ сей точки зрѣнія, на планѣ Божественной картины составляетъ ужасно-значительное, особенное, лице, противоположное лицу Сына Божія. Это былъ въ образѣ человѣческомъ представитель области тьмы, которая обладаетъ немалыми тайнами знанія, но не имѣетъ ни одной искры и луча святой любви. При всѣхъ озареніяхъ отъ Божественнаго лица Іисусова, душа Іуды останется хладна и мрачна, какъ угль.

Понадѣясь, вѣроятно, на сей успѣхъ надъ несчастнымъ предателемъ, духъ тьмы простеръ теперь нелѣпыя надежды свои до того, что, по свидѣтельству Самого Богочеловѣка, дерзнулъ у Верховнаго Правителя судебъ человѣческихъ просить позволенія *спять* и прочихъ учениковъ Христовыхъ *яко пшеницу* (Лук. 22, 31), то есть, имѣть къ нимъ доступъ со всѣми, возможными для него, искушеніями. Другое выраженіе, употребленное Спасителемъ при указаніи на сіе адское прошеніе, показываетъ, что духу тьмы, въ настоя-

щемъ случаѣ, дѣйствительно попущено было Премудростію Божіею сдѣлать въ отношеніи къ Апостоламъ нѣчто, подобное тому, что дано было ему сдѣлать надъ Іовомъ, то есть, поставить ихъ въ особенно затруднительныя и особенно опасныя для вѣры и добродѣтели, обстоятельства. Ибо Спаситель говоритъ, что Онъ молился, дабы при семъ адскомъ вѣяніи не оскудѣла вѣра Петра, и чтобы онъ, возставши отъ паденія самъ, утвердилъ колеблющуюся братію; но нисколько не показываетъ, чтобы плодомъ и даже предметомъ сей молитвы было удаленіе самаго вѣянія, устраненіе самыхъ искушеній и соблазновъ.

Не погрѣшимъ, если къ сему тайному искушенію учениковъ отнесемъ открывшійся теперь между ними и такъ неумѣстный и безвременный споръ о первенствѣ.

Послѣ некраткаго путешествія изъ загороднаго мѣстопребыванія, за такую вечерю, какова пасхальная, надлежало сѣсть, по восточному обычаю. съ ногами омовенными. Все нужное для сего омовенія, было приготовлено заранѣе въ горницѣ: недоставало только прислужника, который бы омылъ всѣмъ ноги. Для взаимной любви это былъ прекрасный случай [1]) оказать взаимную услугу. Но ученики, сверхъ всякаго чаянія и, вѣроятно, не безъ искушенія отъ адскаго вѣятеля, начали смотрѣть на этотъ случай совершенно иначе: вмѣсто духа смиренія и братняго единодушія открылся духъ превозношенія; послышались даже вопросы, кто болѣе и лучше и кто менѣе и хуже. Ни одинъ не хотѣлъ быть ниже

---

[1]) Точно ли споръ возникъ по случаю омовенія ногъ?—Намъ кажется, это всего вѣроятнѣе 1) потому, что отъ сего случая возникнуть такому спору было всего легче и ближе. У Іисуса Христа и Апостоловъ не было своихъ прислужниковъ; чужіе въ пасхальный вечеръ всѣ заняты были у себя и совершали сами Пасху: посему святому обществу надлежало самому заботиться объ омовеніи себѣ ногъ. Для сей цѣли умывальница, вода и лентіонъ давно были готовы; но смотрите, лежатъ доселѣ безъ употребленія (иначе были бы прибраны): почему?—По причинѣ спора, потому что никто не хочетъ взять на себя обязанности слуги.—И вотъ, Спаситель, омывая ученикамъ ноги, обращаетъ такимъ образомъ во врачевство то самое дѣйствіе, которое послужило причиною болѣзни. 2) Другія причины, представляемыя въ изъясненіе повода къ спору о первенствѣ, гораздо менѣе удовлетворительны; напр. что онъ произошелъ за мѣста, гдѣ кому сидѣть на вечери. Въ такомъ случаѣ любочестіе учениковъ унижалось бы до грубости, и потому менѣе вѣроятно. Съ ученикомъ притомъ, *егоже любляте Іисусъ* кто могъ спорить о возлежаніи на лонѣ?—Еще менѣе вѣроятно, что ученики заспорили о своихъ достоинствахъ по причинѣ оживившейся на сію пору мечты о земномъ царствѣ Мессіи. Ибо кромѣ того, что не видно, какъ оживлялась эта мечта на сію пору, слова Спасителя, обѣщающаго теперь посадить ихъ на престолахъ, были бы въ такомъ случаѣ не врачевствомъ противъ такой мечтательности, а пищею и подкрѣпленіемъ.

другого, тѣмъ паче—всѣхъ; и ноги у всѣхъ оставались неомовенными.

Нестерпимымъ хладомъ вѣяло отъ такого спора на любвеобильное сердце Іисусово. Онъ безмолвствовалъ, ожидая, что взаимная любовь учениковъ (не ослабѣвшая отъ подобныхъ прекословій) сама возьметъ верхъ надъ дѣтскимъ любочестіемъ. Но когда увидѣлъ, что ученики уже готовы, не кончивъ спора, садиться за столь, тотчасъ возсталъ Самъ съ вечери [1]), сложилъ съ Себя верхнія одежды и, опоясавшись лентіемъ (споръ, безъ сомнѣнія, тотчасъ умолкъ, въ ожиданіи, что̀ будетъ), взялъ одинъ изъ сосудовъ, стоявшихъ для омовеній, налилъ воды въ умывальницу и (къ изумленію всѣхъ) началъ омывать ноги ученикамъ и отирать лентіемъ. Первый *(Іуда?)*, въ смущеніи чувствъ, невольно повинуется; прочіе безмолвно слѣдуютъ его примѣру; никто не смѣетъ остановить Учителя, хотя всѣ чувствуютъ, что были причиною такого чрезвычайнаго поступка, скорбятъ душею, что подали къ нему поводъ неумѣстнымъ превозношеніемъ.

Наконецъ дошла чреда до Симона Іонина. Пламенная душа его не могла вынести мысли, что Христосъ, *Сынъ Бога живого*, будетъ служить ему вмѣсто раба. *Господи, Ты ли мои умыеши нозѣ?...*

Еже Азъ творю, отвѣчалъ Господь, *ты не вѣси нынѣ, уразумѣеши же по сихъ.*

Тихая и таинственная важность сихъ словъ требовала скораго и безусловнаго повиновенія. Но Петръ привыкъ въ дѣйствіяхъ своихъ слѣдовать болѣе чувству, нежели разсудку. Что тутъ разумѣть, мыслилъ онъ, гдѣ идетъ дѣло о такомъ униженіи Учителя и Господа?

Не умыеши ногу моею во вѣки. Всѣ движенія говорящаго показывали, что онъ сдержитъ свое слово.

Въ другое время такое смиреніе могло бы заслужить похвалу отъ Того, Кто Самъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ. Но теперь было не до новаго спора о томъ, кто смиреннѣе, Учитель или ученикъ. Надлежало приподнять завѣсу.

[1]) Что омовенію ногъ подалъ случай споръ о первенствѣ,—въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, сличивъ слова св. Іоанна, описывающаго омовеніе, съ словами св. Луки, излагающаго споръ. У св. Луки Спаситель говоритъ ученикамъ: *кто болій: возлежай или служай?*—Явно, что здѣсь подъ *служеніемъ* разумѣется омовеніе ногъ. А если такъ, то причиною его былъ споръ о первенствѣ; ибо нельзя предположить, чтобы ученики завели подобный споръ послѣ чрезвычайнаго примѣра смиренія, поданнаго Учителемъ.

Аще не умыю тебе, отвѣчалъ Господь уже возвышеннѣйшимъ голосомъ, *не имаши части со Мною.*

При сихъ, хотя все еще таинственныхъ, словахъ уже нельзя было не понять, что дѣло идетъ болѣе, нежели о чувственномъ омовеніи. Петръ тотчасъ пробудился отъ самомнѣнія, и весь пламень обратился въ противную сторону...

Господи, не нозѣ мои токмо, но и руцѣ и главу.—Твори со мною все, что̀ Тебѣ угодно; только не лишай части съ Тобою.

Измовенный (въ душѣ и совѣсти, — посредствомъ Моего ученія и духа и имѣющей проліяться крови на крестѣ, каковъ ты), отвѣчалъ Богочеловѣкъ, омывая ноги Петру,— *не требуетъ* (болѣе какъ) *токмо нозѣ умыти* (новымъ наитіемъ Св. Духа, коего настоящее омовеніе служитъ предвареніемъ и символомъ; для всецѣлаго очищенія отъ предразсудковъ и слабостей, каковы въ Петрѣ были: излишнее надѣяніе на свое мужество и на свою любовь къ Учителю).

И вы чисти есте, присовокупилъ Господь, обратившись къ прочимъ ученикамъ,—*но не вси...*

Зналъ Онъ. замѣчаетъ св. Іоаннъ, что между ними есть одинъ—предатель, посему и сказалъ: *не вси чисти* (Іоан. 13, 11).

Не смотря на важность сего обличенія нечистоты и на его неопредѣленность, по коей оно могло падать на каждаго, никто изъ учениковъ не смѣлъ спросить Учителя о томъ, что это за нечистота и кто нечистые? Самъ многорѣчивый Петръ безмолвствовалъ. Всеумиряющимъ дѣйствіемъ смиренія Іисусова сердца возвращены были къ ихъ естественной простотѣ и утишены до того, что не могли всколебаться отъ самаго любопытства. Оставалось только въ глубинѣ чувство сожалѣнія о томъ, что своимъ неумѣстнымъ споромъ о первенствѣ принудили Учителя и Господа къ такому униженному служенію, — а въ Симонѣ еще и о томъ, что онъ, хотя на минуту, дерзнулъ выдавать себя за человѣка, не имѣющаго нужды въ омовеніи отъ Того, Кто одинъ только можетъ очищать нечистоту всѣхъ и каждаго.

Омывши такимъ образомъ ноги всѣмъ ученикамъ, Іисусъ возложилъ на Себя одежду Свою и возлегъ паки на вечери.

Вѣсте ли, сказалъ Онъ имъ, *что̀ сотворихъ вамъ? Вы называете Меня Учителемъ и Господомъ; и добрѣ глаголете: есмь бо.* (Я точно то). *Аще убо Азъ умыхъ ваши нозѣ, Господь и Учитель, и вы должни есте другъ другу омывати нозѣ.*

Образъ бо дахъ вамъ, да якоже Азъ сотворихъ вамъ, и вы творите. Аминь, аминь глаголю вамъ: нѣсть рабъ болій Господа своего, ни посланникъ болій пославшаго его (Іоан. 13, 13—16). *Цари господствуютъ надъ народомъ и обладающіе ими благодѣтелями нарицаются. Вы же не тако: болій въ васъ да будетъ яко мній, и старѣй яко служай! Кто бо болій, возлежай ли или служай? Не возлежай ли?—Азъ же посредѣ васъ есмь яко служай* (Лук. 22, 25—27). *Аще сія вѣсте* (нѣкоторые изъ учениковъ могли чѣмъ-либо обнаружить при семъ, что они никакъ не равняютъ себя съ Учителемъ), *блажени есте, аще творите я!*

«Вы, продолжалъ Господь, пребыли со Мною во всѣхъ напастяхъ Моихъ (оставались постоянно вѣрными, не смотря на клеветы и гоненія враговъ Моихъ), *и Азъ* (въ награду) *завѣщаю вамъ* (всѣмъ равно), *якоже завѣща Мнѣ Отецъ Мой, царство* (всѣ получите болѣе, нежели сколько желаете), *да ясте и піете на трапезѣ Моей во царствіи Моемъ, и сядете на престолѣхъ, судяще обѣманадесяте колѣномъ Израилевомъ*» (Лук. 22, 28—30),—присовокупилъ Господь, желая, какъ можно очевиднѣе, представить ученикамъ награду, ихъ ожидающую.

При столь великомъ обѣщаніи взору Богочеловѣка представился Іуда. Щедродаровитыя уста невольно сомкнулись.

«Не о всѣхъ васъ глаголю, произнесъ Онъ съ сожалѣніемъ (хотя бы и хотѣлъ о всѣхъ говорить такимъ образомъ); *Азъ бо вѣмъ, ихже избрахъ* (знаю твердо, кто изъ васъ истинно Мой и кто предатель; а посему и могъ бы воспротивиться его замысламъ, изгнать его изъ Моего общества, но терпѣлъ и буду терпѣть его посреди васъ до конца), да сбудется Писаніе: *ядый со Мною хлѣбъ, воздвиже на Мя пяту свою*».

Нынѣ убо глаголю вамъ (о семъ) *прежде, даже не будетъ, да, егда будетъ* (когда Я буду преданъ и распятъ), *вѣру имете, яко Азъ есмь* (тотъ же, что̀ и прежде, Сынъ Бога живого).

Аминь, аминь глаголю вамъ, заключалъ Господь съ особеннымъ чувствомъ, *пріемляй аще кого пошлю, Мене пріемлетъ, а пріемляй Мене, пріемлетъ Пославшаго Мя.* (Честь быть Моимъ Апостоломъ, хотя одинъ изъ васъ промѣнялъ ее на тридцать сребренниковъ, всегда будетъ превыше всѣхъ почестей міра. Въ лицѣ васъ, какъ и Моемъ, будетъ принятъ или отвергаемъ Самъ Богъ).

Въ безмолвіи внимали ученики словамъ Господа и Учителя, кои, сильныя сами по себѣ, были еще дѣйствительнѣе послѣ Его безпримѣрнаго смиренія.

Что̀ было при семъ на душѣ сына погибельнаго, но еще не погибшаго?... И ему омыты ноги, и ему преподанъ урокъ смиренія, а жалобы на нечистоту къ нему одному главнымъ образомъ и относились!... Быть не можетъ, чтобы изъ сѣмянъ слова жизни, падавшихъ въ такомъ изобиліи изъ рукъ небеснаго Сѣятеля, иное не упало и на его сердце: Спаситель не безъ особеннаго намѣренія указалъ съ такою полнотою на великія награды, ожидающія вѣрныхъ учениковъ Его. Самая страсть предателя—все подводить подъ цѣну — могла быть тронута мыслію о потерѣ безцѣннаго. Но сердце несчастнаго ученика уже ожестѣло для благихъ впечатлѣній, будучи все покрыто терніемъ заботъ *и печалей вѣка сего* (Матѳ. 13, 21). И діаволъ, такъ давно уготовлявшій душу несчастнаго въ орудіе и жилище себѣ, безъ сомнѣнія, если когда, то теперь особенно стерегъ всѣ входы и исходы ея, и тотчасъ похищалъ изъ нея всякое сѣмя благое (Матѳ. 13, 19), при самомъ его, такъ сказать, сѣяніи.

Прерванная въ самомъ началѣ вечеря продолжалась. Обрядъ слѣдовалъ за обрядомъ.—При печальномъ настроеніи у всѣхъ мыслей, все сіе дѣлалось теперь можетъ быть скорѣе обыкновеннаго. Самъ агнецъ пасхальный видимо терялъ важность въ присутствіи истиннаго Агнца Божія, Который уже готовъ былъ подъять грѣхи всего міра. Не смотря на священный обычай, обратившійся почти въ неизмѣнный законъ,—всѣмъ вкушать отъ священныхъ чашъ, кои, по преданію, подавались на вечери, Учитель не вкушалъ ни отъ единыя, даже когда явилась и, такъ называемая, чаша благословенія (самая священная), Онъ токмо благословилъ ее, по обычаю, но не вкушая отъ нея Самъ, подалъ ученикамъ, сказавъ: *возьмите ее и раздѣлите между собою; ибо Я не буду пить отъ плода лознаго, дондеже Царствіе Божіе пріидетъ* (Лук. 22, 17—18).

Ни чьи взоры не свѣтились радостію; но на лицѣ Богочеловѣка видно было даже нѣкое смущеніе, тѣмъ примѣчательнѣйшее, чѣмъ рѣже святѣйшая душа Его выходила изъ обыкновеннаго своего премирнаго состоянія, даже въ самыхъ необыкновенныхъ случаяхъ. Теперь она тяжело страдала

отъ присутствія предателя. Видъ холодной измѣны и лицемѣрной дружбы его былъ тѣмъ несноснѣе, что препятствовалъ сердцу вполнѣ раскрыться предъ своими возлюбленными учениками, изречь имъ послѣднюю заповѣдь любви и послѣднее слово надежды.

Іисусъ возмутися духомъ (Іоан. 13, 21). Ученики, замѣтивъ сіе, естественно ожидали чего-либо особеннаго. *Аминь, аминь глаголю вамъ,* сказалъ Господь, какъ бы въ изъясненіе Своего душевнаго состоянія, *яко единъ отъ васъ предастъ Мя!...* При сихъ, столько же ясныхъ, сколько разительныхъ словахъ, глубокая печаль овладѣла всѣми (вечеря, если еще не кончилась совершенно, должна была прерваться на время). Каждый взиралъ на другого, невольно воображая, что такой предатель не можетъ не обнаружить въ своемъ лицѣ мрачной души своей (Іоан. 13, 22). Но предатель смотрѣлъ на каждаго дерзновеннѣе всѣхъ и самъ искалъ взорами предателя. Кто же бы это былъ такой, который сдѣлаетъ это? спрашивали другъ друга, и взоры всѣхъ сами собою обращались къ Учителю, Который одинъ могъ сказать, кто этотъ ужасный человѣкъ. Нѣкоторые все еще хотѣли думать, что ему нельзя быть въ ихъ маломъ дружескомъ обществѣ, а развѣ изъ числа прочихъ (70) учениковъ. *Единъ отъ обоюнадесяте, омочивый со Мною въ солило руку* (изъ четырехъ слѣд. или шести близъ сидѣвшихъ), *той Мя предастъ* (Матѳ. 26, 23), отвѣчалъ Господь. *Обаче Сынъ Человѣческій идетъ, якоже есть писано о Немъ: горе же человѣку тому, имже Сынъ Человѣческій предается! Унѣе было бы, аще не бы родился человѣкъ той!...* Такія слова не могли успокоить учениковъ. При мысли, что предатель такъ близко и что его ожидаетъ такая страшная участь, каждый началъ недовѣрять самъ себѣ. «Не я ли, Равви? не я ли?» слышалось отъ всѣхъ и каждаго. Господь безмолвствовалъ: дѣтская простота и искренность всѣхъ вознаграждали для Его сердца ожесточеніе одного. Чтобы не остаться среди всѣхъ спрашивавшихъ одному безъ вопроса и такимъ образомъ не обнаружить себя, и сей несчастный осмѣлился раскрыть уста и не устыдился спросить подобно прочимъ: «Равви, не я ли»?... *Ты рекъ еси* (Матѳ. 26, 25), отвѣчалъ Іисусъ, — глубоко оскорбленный такимъ безстыднымъ лицемѣріемъ предателя. Впрочемъ, отвѣтъ сей произнесенъ былъ такъ тихо и кротко, что его, по-

видимому, никто не слыхалъ, по крайней мѣрѣ не понялъ, кромѣ Іуды, какъ то̀ видно изъ послѣдующаго. Предатель въ молчаніи снесъ упрекъ, избѣгая бо́льшаго стыда — быть обнаруженнымъ предъ всѣми. И прочіе ученики не продолжали любопытства, видя нерасположенность Учителя указать предателя прямо.

Одинъ Петръ не могъ быть спокоенъ. Мысль, что предатель, о которомъ говоритъ Учитель, можетъ быть, сидитъ возлѣ него; еще болѣе темная мысль: не его ли самого имѣетъ въ виду Учитель, не можетъ ли онъ самъ подвергнуться впослѣдствіи какому-либо ужасному искушенію (ахъ! онъ имѣлъ уже несчастіе заслужить нѣкогда названіе сатаны—Матѳ. 16, 33), не давала ему покоя. Для открытія тайны, онъ обратился въ семъ случаѣ къ собственному средству,—тому самому, которое предъ сильными земли такъ дѣйствительно бываетъ для испрошенія у нихъ милостей болѣе или менѣе заслуженныхъ, а въ святомъ обществѣ Іисусовомъ могло служить развѣ только для такой невинной цѣли, какова была у Петра—открыть предателя. Богочеловѣкъ особенно любилъ и отличалъ одного ученика, который возлежалъ теперь у самыхъ персей Его. Къ нему-то обратился Симонъ и сдѣлалъ знакъ, чтобы онъ спросилъ (тайно) Іисуса, кто это такой, о комъ говорилъ Онъ?—Ученикъ (такъ самъ онъ описываетъ сей случай), припавши къ персямъ Іисусовымъ, немедленно спросилъ Его: кто предатель? Вопроса никто не слыхалъ и не замѣтилъ, кромѣ Петра и вѣроятно самого Іуды, который, какъ виновный, всѣхъ подозрѣвалъ и за всѣми присматривалъ. «Тотъ, отвѣчалъ Іисусъ (тихо), кому обмакнувъ кусокъ подамъ»; и обмакнувъ въ блюдо кусокъ, подалъ Іудѣ Симонову Искаріотскому. Въ дѣйствіи семъ не заключалось ничего оскорбительнаго для Іуды: въ концѣ вечери было даже обыкновеніе брать и съѣдать по куску изъ остатковъ пасхи, и получить такой кусокъ изъ рукъ самого начальника вечери значило быть отличеннымъ отъ другихъ. Посему дружелюбное поданіе пищи было для погибающаго Апостола послѣднимъ зовомъ къ покаянію.

Но въ душѣ Искаріота произошло совершенно противное. Онъ взялъ кусокъ и принудилъ себя его съѣсть. Вслѣдъ за хлѣбомъ, по замѣчанію Іоанна, наблюдавшаго въ это

время Іуду, тотчасъ вошелъ *въ него сатана*. Личина кротости и дружества совершенно растаяла отъ огня обличенія, вспыхнувшаго въ сердцѣ: видъ предателя сдѣлался мраченъ и ужасенъ. Святое общество Іисусово было уже нестерпимо для человѣка—съ дьяволомъ въ сердцѣ: тайная сила влекла его вонъ...

Сердцевѣдецъ видѣлъ все, что происходило въ душѣ сына погибельнаго,—какъ изсякала послѣдняя капля добра, какъ діаволъ овладѣлъ самымъ основаніемъ жизни духовной;—и Іисусъ не захотѣлъ болѣе принуждать Себя къ безплодному перенесенію присутствія предателя. *Еже твориши, твори скоро*, сказалъ Онъ ему, готовому уже и безъ того идти вонъ. Симъ давался ему благовидный предлогъ оставить вечерю (впрочемъ уже конченную) одному, не обращая на себя чрезъ то подозрѣнія учениковъ. Но въ то же время въ сихъ таинственныхъ словахъ, кажется, заключалось болѣе: ими прерывались окончательно невидимыя узы благодати, кои все еще держали погибшаго апостола въ святомъ кругѣ общества Іисусова и не давали сатанѣ увлечь его во адъ.— Между тѣмъ кроткій полуупрекъ для оставленнаго благодатію, вѣроятно, показался сильною укоризною. «Я не замедлю своимъ дѣломъ», думалъ онъ и вышелъ вонъ.

Бѣ же нощь, замѣчаетъ св. Іоаннъ, *егда изыде*; то есть, по палестинскому, не ранѣе 9 часовъ вечера, и слѣд., по окончаніи вечери пасхальной.

Поелику предатель видѣлъ, что Учитель знаетъ о его предательствѣ, могъ предполагать, что и ученики узнаютъ теперь о семъ и возьмутъ всѣ мѣры для спасенія Учителя и себя, то самъ собою рождается вопросъ: какъ онъ надѣялся успѣть теперь въ своемъ предательствѣ? Могъ ли, напр., предполагать, что Іисусъ будетъ спокойно ожидать его со спирою въ саду Геѳсиманскомъ и не уклонится немедленно куда-либо далѣе, въ сокровеннѣйшее мѣсто?— Почему въ избѣжаніе сего неудобства, не поспѣшили окружить стражею дома, въ коемъ совершалась вечеря и гдѣ Іисусъ такъ не малое время еще бесѣдовалъ съ учениками? Въ разрѣшеніе сихъ недоумѣній должно вспомнить, что первосвященникамъ хотѣлось взять Іисуса безъ народа; посему имъ нужна была *година и область темная* и глухая; а теперь еще никто не спалъ и на малѣйшій шумъ могли

сбѣжаться сотни тысячъ людей. Съ другой стороны, не смотря на всѣ указанія со стороны Учителя на предательство, Іуда могъ думать, что его умыселъ извѣстенъ Ему только вообще, безъ подробностей; особенно безъ того обстоятельства, что это преданіе предположено именно въ ночь пасхальную; и потому могъ быть увѣренъ, что избранное для ночлега мѣсто (Геѳсиманія) не будетъ перемѣнено на другое. Притомъ для бо́льшаго сокрытія назначеннаго для преданія времени, можетъ быть, предварительно придумано хитрымъ сребролюбцемъ какое-нибудь дѣло, для котораго онъ съ вѣдома Учителя имѣлъ выйти тотчасъ по окончаніи Пасхи, не дожидаясь заключительнаго пѣнія псалмовъ. Предположеніемъ симъ совершенно поясняются слова Господа: *еже твориши* (что тебѣ нужно дѣлать), *твори скоро*: слова, кои безъ того если можно такъ выразиться, имѣютъ только одну половину мысли—нравственную, а не имѣютъ другой—исторической, коею бы они связывались съ предшествующими событіями.

Ученики не могли не замѣтить преждевременности выхода Іуды, но послѣ словъ Учителя къ нему, никто (не исключая, можетъ быть, и самого Іоанна) не думалъ изъяснять сего выхода въ худую сторону. Одни думали, что Іуда посланъ купить что-нибудь на наступающій (восьмидневный) праздникъ, другіе — что ему приказано раздать для праздника милостыню нищимъ (Іоан. 13, 28 — 29). То и другое предположеніе было не вполнѣ естественно. Дѣлать въ продолженіе пасхальнаго вечера и такъ поздно покупки было трудно. Равно и нищихъ не легко было найти въ такое священное для всѣхъ время. Но ученики готовы были скорѣе повѣрить всякой догадкѣ, нежели остановиться на ужасной мысли, что Іуда Искаріотскій изъ-за пасхальной вечери—послѣ омовенія ногъ Учителемъ — пошелъ прямо къ Каіафѣ за сребренниками и спирою!...

Иначе взиралъ на удаленіе предателя Учитель. Съ исходомъ его извергнута была вонъ вся область тьмы, которая на столь долгое время въ лицѣ его вторглась-было въ самый чистый богосвѣтлый кругъ учениковъ Іисусовыхъ. — Теперь вокругъ прощающагося Учителя и Друга оставались одни тѣ, коихъ безъ опасенія можно было назвать *чадцами;* ибо они, родившись отъ Него по духу, были соединены съ Нимъ еще тѣснѣе, нежели младенецъ съ своею матерію.

Стѣсненное дотолѣ присутствіемъ предателя, сердце Іисуса распространилось: взоръ просвѣтлѣлъ. Въ свободной мысли представилось вдругъ и все прошедшее и все будущее: и окончаніе ветхаго завѣта, съ заключеніемъ собственнаго земного поприща, и начало новой благодатной Церкви, съ новымъ образомъ собственнаго бытія, по человѣчеству превознесеннаго чрезъ крестъ надъ всѣмъ и всѣми. Съ сей стороны самый крестъ, какъ главное орудіе къ ниспроверженію царства тьмы, какъ основаніе Церкви и завѣта новаго, вѣчнаго, какъ средоточіе всѣхъ прошедшихъ и будущихъ распоряженій Промысла, какъ противоядіе и врачевство противъ плодовъ ужаснаго древа познанія добра и зла, — представлялся блистающимъ славою Божественною, и все священнодѣйствіе Голгоѳское, которое нѣкоторымъ образомъ предначиналось съ исходомъ предателя, теряло мрачность и принимало видъ всемірнаго торжества для Того, Кто долженствовалъ быть его Первосвященникомъ.

Нынѣ прославися Сынъ Человѣческій, вдругъ возгласилъ Онъ, какъ бы среди нѣкоего видѣнія, — *и Богъ прославися о Немъ: аще Богъ прославися о Немъ, и Богъ прославитъ Его, и прославитъ вскорѣ!*

Ученики въ безмолвіи внимали симъ словамъ Божественнаго восторга, ожидая, вѣроятно, послѣ нихъ какой-либо поучительной бесѣды. Но это былъ приступъ — къ другому, высшему. Настало время бесѣдовать уже не словами, а дѣлами; послѣдній часъ ветхаго завѣта пробилъ, надлежало предначать новый, не агнцемъ отъ стадъ, а тѣломъ и кровію Своею. Между тѣмъ лице Богочеловѣка свѣтилось пренебеснымъ свѣтомъ. Онъ вземлетъ лежавшій предъ Нимъ хлѣбъ, благословляетъ его, преломляетъ на части по числу учениковъ и раздаетъ его имъ.

Уже изъ сего благословенія видно было, что это дѣлается не по обычаю вечери пасхальной (такъ называемый хлѣбъ благословенный уже былъ потребленъ), а по другой причинѣ и для другой цѣли.

Пріимите, сказалъ Господь, въ изъясненіе подаваемаго,— *пріимите и ядите: сіе есть тѣло Мое, за вы ломимое во оставленіе грѣховъ.*

Ученики въ безмолвіи вкусили преподаннаго подъ видомъ хлѣба тѣла Учителя и Господа, вѣруя отъ всей души, что

если оно будетъ ломимо, то не за что другое, какъ за грѣхи человѣческіе, и не для чего другого, какъ въ оставленіе ихъ. Вопросъ капернаумскихъ совопросниковъ: *како можетъ Сей намъ дати плоть Свою ясти?* (Іоан. 6, 52) — былъ далекъ теперь отъ нихъ: ибо они тогда же слышали отъ Учителя, что плоть Сына Человѣческаго есть *истинное брашно*, и что однако же тогдашніе глаголы Его о семъ, тѣмъ паче настоящее дѣйствіе, *духъ и животъ суть*; посему и должны быть приняты не въ грубомъ, капернаумскомъ смыслѣ, а въ высшемъ, чистѣйшемъ.

Еще ученики продолжали погружаться во глубину новой тайны любви, питавшей ихъ тѣломъ Своимъ, какъ послѣдовало новое чудо сей же любви.

Господь взялъ чашу съ виномъ, благословилъ ее такъ же, какъ и прежде хлѣбъ, особеннымъ новымъ благословеніемъ (чѣмъ показывалось ея особенное, совершенно отличное отъ пасхальныхъ чашъ, предназначеніе), и подавъ ученикамъ сказалъ: *пійте отъ нея вси* [1])*! Сія есть кровь Моя новаго завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ.*

Ученики, принявъ чашу, съ прежнимъ безмолвіемъ причастились крови Учителя и Господа своего; ибо изъ давнишнихъ бесѣдъ Его уже знали, что *кровь Сына Человѣческаго* есть *истинное питіе* (Іоан. 6, 55), едино могущее утолить вѣчную жажду души человѣческой. Какимъ образомъ можно вкушать тѣло и пить кровь Господа, когда оно находится предъ нами еще въ прежнемъ своемъ видѣ? — сей вопросъ, такъ нынѣ затрудняющій многихъ, имъ, по всей вѣроятности, не приходилъ и на мысль; ибо они изъ безчисленныхъ опытовъ вѣдали и знали, что тѣло ихъ Учителя и Господа, хотя во всемъ подобное человѣческому, обладаетъ однако же многими качествами сверхъестественными, вслѣдствіе коихъ, напр., однимъ прикосновеніемъ могло исцѣлять болѣзни самыя неисцѣлимыя.

Сіе творите, сказалъ Господь въ заключеніе священнодѣйствія, *сіе творите въ Мое воспоминаніе.*

Завѣщаніе сіе, по причинѣ особенной важности и трогательности завѣщаннаго, такъ внѣдрилось въ памяти учени-

[1]) Новый знакъ, это чаша была уже не пасхальная: потому что отъ пасхальной никто не могъ отказываться.

ковъ и чрезъ нихъ такъ скоро распространилось во всей первобытной Церкви христіанской, что, какъ видимъ изъ книги Дѣяній Апостольскихъ, совершеніе Евхаристіи въ память возлюбленнаго Спасителя было первымъ и главнымъ дѣломъ каждаго собранія христіанскаго. И Апостолъ Павелъ, не смотря на то, что не былъ отъ двѣнадцати, потому не былъ и на тайной вечери, въ одномъ изъ посланій своихъ, безъ сомнѣнія, по внушенію свыше, преподаетъ уже подробное ученіе о таинственномъ тѣлѣ и крови Господней и съ твердостію и ясностію предполагаетъ существованіе сего таинства до дня будущаго пришествія Господа.

Прощальная бесѣда Іисуса Христа съ учениками.

(Объясненіе о Своемъ удаленіи изъ сего міра. — Самонадѣянный вызовъ Петра слѣдовать всюду за Учителемъ. — Предсказаніе о его троекратномъ отреченіи въ эту же наступающую ночь. —Ободреніе учениковъ.—Ихъ разныя недоумѣнія и вопросы съ отвѣтами на нихъ. — Призывъ къ сохраненію взаимной любви и заповѣдей.—Обѣщаніе Своего видимаго возврата и невидимаго постояннаго общенія.—Обѣтованіе пришествія Духа Утѣшителя.—Возстаніе отъ вечера съ изреченіемъ мира вечерявшимъ.—Отшествіе съ пѣніемъ изъ горницы Сіонской въ Геѳсиманію.—Продолженіе прежней бесѣды на пути.—Различныя утѣшенія ученикамъ.—Новое обѣтованіе Духа Утѣшителя.—Молитва къ Отцу объ ученикахъ и всѣхъ вѣрующихъ.)

Ветхій завѣтъ теперь уже кончился вечерію пасхальною; новый начался вмѣстѣ съ таинствомъ Евхаристіи; потому все, что̀ можно было сдѣлать, сдѣлано въ горницѣ Сіонской; но ученики продолжали возлежать за трапезою, которая теперь въ самомъ высшемъ смыслѣ была для нихъ трапезою Господнею. Важность видѣннаго и слышаннаго удерживала ихъ на своемъ мѣстѣ каждаго. Не возставалъ и Учитель изъ-за трапезы. Отъ полноты сердца, Его уста хотѣли вѣщать, а ихъ ухо—слушать.

Чадца, возгласилъ, наконецъ, Господь, какъ бы желая между прочимъ показать, что это, новоучрежденное Имъ сейчасъ, таинство взаимной любви и воспоминанія о Немъ необходимо теперь и по причинѣ наступающей разлуки,—*чадца, еще мало время съ вами есмь: взыщете Мене и не обрящете, и якоже рѣхъ Іудеомъ, аможе Азъ иду, вы не можете прiити: тако нынѣ и вамъ глаголю.*

Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга; якоже

возлюбихъ вы, да и вы любите (такимъ же образомъ) *другъ друга.*

О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою!..

При напоминаніи о взаимной любви и вѣрности, уста пламеннаго Петра невольно отозвались вопросомъ: *Господи, камо идеши?* сказалъ онъ, провидя, что Учителю предстоитъ опасность, и желая вызваться раздѣлить ее съ Нимъ.

Аможе Азъ иду, отвѣчалъ Господь, *не можеши нынѣ по Мнѣ ити: послѣди же по Мнѣ идеши.*

Если бы Петръ прозиралъ хотя сколько-нибудь въ тайну сего великаго, нераздѣлимаго теперь ни съ кѣмъ, пути, то, безъ сомнѣнія, удовольствовался бы обѣщаніемъ великой чести вступить на него нѣкогда вслѣдъ за Учителемъ. Но сія тайна, какъ и тайна омовенія ногъ, была еще превыше его: оттого—подобное прежнему явленіе неискушенной самоувѣренности.

«Глагола Петръ: *Господи, почто нынѣ не могу по Тебѣ ити? — нынѣ душу мою за Тя положу!*»...

Душу ли твою за Мя положиши? отвѣчалъ Господь, какъ бы скорбнымъ чувствомъ.—*Аминь, аминь глаголю тебѣ: не возгласитъ алекторъ* (еще до разсвѣта), *и ты отвержешися отъ Мене трикраты!*

Какъ ни настроено было безпримѣрнымъ смиреніемъ Учителя чувство учениковъ къ смиренномудрію, но такая мрачная измѣна Учителю для любви Петровой (всегда пламенной, только не всегда мужественной на дѣлѣ) показалась сущею невозможностію. Дабы сильнѣе отвратить отъ себя подобное нареканіе, дѣтская самонадѣянность не усумнилась употребить даже небезобидное для другихъ сравненіе.

Аще и вси соблазнятся о Тебѣ, — дерзнулъ сказать смущенный Симонъ,—*азъ не соблазнюся!.. Съ Тобою готовъ есмь и въ темницу и на смерть!...*

Такими самонадѣянными словами легко было паки сдѣлаться въ огражденномъ святою любовію обществѣ Іисусовомъ отверстію для духа тьмы, который, надменный успѣхомъ надъ Іудою, продолжалъ ходить, какъ левъ, вокругъ *малаго стада*, въ надеждѣ новой добычи. У небеснаго Пастыря, полагающаго душу за овцы, давно была предусмотрѣна и отвращена сія опасность—молитвою (Лук. 22, 32).

Но для предостереженія отъ самонадѣянности, надлежало теперь приподнять завѣсу и показать на минуту страшнаго врага и ученикамъ.

«Симонъ! Симонъ!—сказалъ Господь, съ чувствомъ глубокаго умиленія, — если бы ты вѣдалъ, съ какими врагами должно вамъ имѣть дѣло! се сатана проситъ, дабы сѣять васъ, какъ пшеницу (имѣть право поступать съ вами, подобно тому, какъ онъ поступилъ нѣкогда съ Іовомъ). Но Я молился о тебѣ, да не оскудѣетъ (по крайней мѣрѣ) вѣра твоя,— если не можетъ защитить тебя отъ паденія. Посему когда возстанешь отъ паденія самъ, то утверди (въ заглажденіе твоего поступка) и братію твою» (Лук. 22, 31—32)

Такое рѣшительное предсказаніе такого великаго паденія самому Петру, по необходимости, заставляло предполагать о предстоящей великой опасности. Таинственное указаніе на сатану, съ его ужаснымъ прошеніемъ и страшнымъ вѣяломъ, располагало учениковъ, и безъ того печальныхъ, еще къ большему смущенію. Оставить ихъ въ послѣднія минуты свои такъ не мирными, безъ твердаго якоря надежды предъ возстающею бурею сомнѣній, соблазновъ и страха,—было бы тяжело для сердца и не Іисусова. Надлежало отверсть всѣ сокровища любви и утѣшеній,—и они открылись!..

Да не смущается сердце ваше, такъ началъ Господь тайноводствовать учениковъ, *вѣруйте въ Бога, и въ Мя вѣруйте. Въ дому Отца Моего обители многи суть: аще ли же ни, рекъ бых вамъ. Иду уготовати мѣсто вамъ. И аще пойду и уготовлю мѣсто вамъ, паки пріиду и поиму вы къ Себѣ, да идѣже есмь Азъ, и вы будете.*

И аможе Азъ иду, присовокупилъ Господь, какъ бы желая обнаружить, докуда простирается знаніе и незнаніе учениковъ,—*вѣсте и путь* (коимъ иду и коимъ вамъ нѣкогда надобно будетъ идти) *вѣсте.*

И дѣйствительно, послѣ всего, что въ разныя времена и особенно теперь, говорено объ отшествіи ко Отцу, послѣ сообщенія тѣла и крови. преподанныхъ въ снѣдь и оставленныхъ на память о Себѣ, трудно было не имѣть вовсе понятія о семъ пути. Но предразсудокъ Іудейскій о земномъ царствѣ и безсмертіи Мессіи стоялъ стѣною предъ очами учениковъ и заграждалъ отъ нихъ самые близкіе и величественные виды благодатнаго Царствія Божія, утверждаемаго

крестною смертію его Основателя. Думали, конечно, что Учитель долженъ куда-то отъ нихъ отойти: сдѣлаетъ это—принужденный къ тому отъ враговъ, среди величайшихъ опасностей;—можетъ быть, даже будетъ восхищенъ на нѣсколько времени туда, откуда пришелъ,—ко Отцу; но нисколько не думали о смерти и крестѣ, въ томъ видѣ, какъ они на другой день послѣдовали.

Въ сихъ мысляхъ Ѳома, отличавшійся откровенностію характера (Іоан. 11, 16) и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣкоторою взыскательностію разсудка, прямо сказалъ: *Господи, не вѣмы, камо идеши: и како можемъ путь вѣдѣти?*

Слышать отъ одного изъ ближайшихъ учениковъ такое признаніе въ невѣдѣніи, даже въ невозможности вѣдать то, что̀ особенно было нужно теперь знать, составляло нѣчто, не совсѣмъ ожиданное и потому непріятное для Учителя. Такое невѣдѣніе требовало сильнаго наставленія.

Азъ есмь путь, истина и животъ, отвѣчалъ Господь, давъ бесѣдѣ высшій, поучительный тонъ, — *никтоже пріидетъ ко Отцу, токмо Мною! Аще Мя бысте знали* (какъ должно), — *и Отца Моего знали бысте убо.*

И отселѣ, присовокупилъ Господь, не желая обличеніемъ недостатка въ знаніи усиливать въ ученикахъ печали, — *и отселѣ познасте Его, и видѣсте Его.*

Въ самомъ дѣлѣ, уже весьма не далеко было время, когда каждый изъ учениковъ въ состояніи будетъ, вмѣстѣ съ Іоанномъ говорить: *еже слышахомъ, еже видѣхомъ очима нашима, еже узрѣхомъ и руки наша осязаша, о Словеси животнѣмъ: и животъ явися, и видѣхомъ и свидѣтельствуемъ* (1 Іоан. 1, 1); но теперь напоминаніе о вѣдѣніи Отца подало одному изъ учениковъ поводъ обнаружить свое невѣдѣніе еще новымъ вопросомъ. Филиппу (такъ назывался ученикъ), по его наклонности къ видимому и внѣшнему (Іоан. 6, 7), особенно нравились чувственныя богоявленія, коими такъ обилуетъ завѣтъ ветхій. Времена Мессіи, по общему мнѣнію Іудеевъ, долженствовали быть временами еще бо́льшихъ богоявленій; а между тѣмъ самые ученики Іисуса — Мессіи доселѣ не видѣли Бога, какъ видѣлъ Его нѣкогда Авраамъ, Моисей и проч. Это казалось Филиппу страннымъ; посему, когда Господь сказалъ: «*видѣсте Его*» (Отца), онъ тотчасъ воспользовался симъ случаемъ къ изъявленію давняго и, можетъ быть, общаго желанія.

«Глаголаше Филиппъ: Господи (когда уже Ты Самъ говоришь: видѣсте), покажи намъ Отца и довлѣетъ намъ!» — (мы ничего больше не будемъ ни просить, ни желать).

Не смотря на дѣтское свойство сего вопроса, отъ него подвиглась, если можно такъ сказать, вся глубина души Іисусовой: ибо, не смотря на дѣтское свойство его, это былъ такой вопросъ, который могъ быть предложенъ Сыну Человѣческому цѣлымъ родомъ человѣческимъ.

Толико время съ вами есмь, отвѣчалъ Господь столько же кротко, сколько величественно, — *и не позналь еси Мене, Филиппе?... Видѣвый Мене, видѣ Отца: и како ты глаголеши: «покажи намъ Отца?»—Не вѣруеши ли, яко Азъ во Отцѣ, и Отецъ во Мнѣ есть?*

Глаголы, яже Азъ глаголю вамъ, продолжалъ Господь, обратясь ко всѣмъ ученикамъ, въ коихъ также легко могло быть желаніе, подобное Филиппову, — *о Себѣ не глаголю: Отецъ же, во Мнѣ пребываяй, Той творитъ дѣла. Вѣруйте Мнѣ, яко Азъ во Отцѣ и Отецъ во Мнѣ. — Аще ли же ни* (если для сего не довольно Моего увѣренія), *за та* (самыя) *дѣла вѣру имите Ми.*

Аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяй въ Мя, дѣла, яже творю, и той сотворитъ: яко Азъ ко Отцу Моему гряду.

Что касается до васъ, *все, еже аще что просите отъ Отца во имя Мое, то сотворю, да прославится Отецъ въ Сынѣ.*

И аще чесо просите во имя Мое (прямо отъ Меня), *и то сотворю.*

На такой языкъ любви нельзя было ученикамъ не отозваться какимъ-либо знакомъ любви и уваженія.

Аще любите Мя, отвѣчалъ Господь, *заповѣди Моя соблюдите, и Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ, да будетъ съ вами въ вѣкъ, Духъ истины, Котораго міръ не можетъ пріяти, яко не видитъ Его, ниже знаетъ Его; вы же знаете Его* (если еще не по ясному сознанію, то по чувству сердца), *яко въ васъ пребываетъ* (хотя еще и тайно) *и въ васъ будетъ.*

Не оставлю васъ сирыхъ, продолжалъ Господь, замѣтивъ, вѣроятно, что обѣщаніе иного Утѣшителя не сильно замѣнить въ умѣ учениковъ лишенія наставника и учителя въ Немъ Самомъ, — *пріиду къ вамъ. Еще мало, и міръ ктому не увидитъ Мене, вы же увидите Мя: яко Азъ живу, и вы*

живи будете. Въ той день уразумѣете вы, яко Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ.

Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй ихъ (отъ этого все зависитъ), *той есть любяй Мя, а любяй Мя, возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ.*

Обѣщаніе явиться только ученикамъ Своимъ и тѣмъ однимъ, кои любятъ Его, не могло не показаться страннымъ при ожиданіи чувственнаго воцаренія Учителя надъ всѣмъ міромъ.

Мысль сія съ особенною силою подѣйствовала на Іуду не-Искаріотскаго: *Господи,* вопросилъ онъ, *и что бысть, яко намъ хощеши явитися, а не мірови?*

Аще кто любитъ Мя, отвѣчалъ Господь, *слово Мое соблюдетъ, и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ, и обитель у него сотворимъ. Но не любяй Мя, словесъ Моихъ не соблюдаетъ: и слово, еже слышасте, нѣсть Мое, но пославшаго Мя Отца. Сія* (не многая) *глаголахъ вамъ,* заключилъ Господь (находясь еще между вами). *Утѣшитель же, Духъ Святый, Егоже пошлетъ Отецъ во имя Мое, Той вы научитъ всему, и воспомянетъ вамъ вся, яже рѣхъ вамъ.*

При вставаніи изъ-за пасхальной вечери, старшій обыкновенно произносилъ: миръ вамъ [1])! Это было заключеніемъ Пасхи. И Господь изрекъ слово мира, но другимъ, высшимъ образомъ: *Миръ Мой оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ: не якоже міръ даетъ* (на однихъ словахъ), *Азъ даю вамъ!* вѣщалъ Господь.

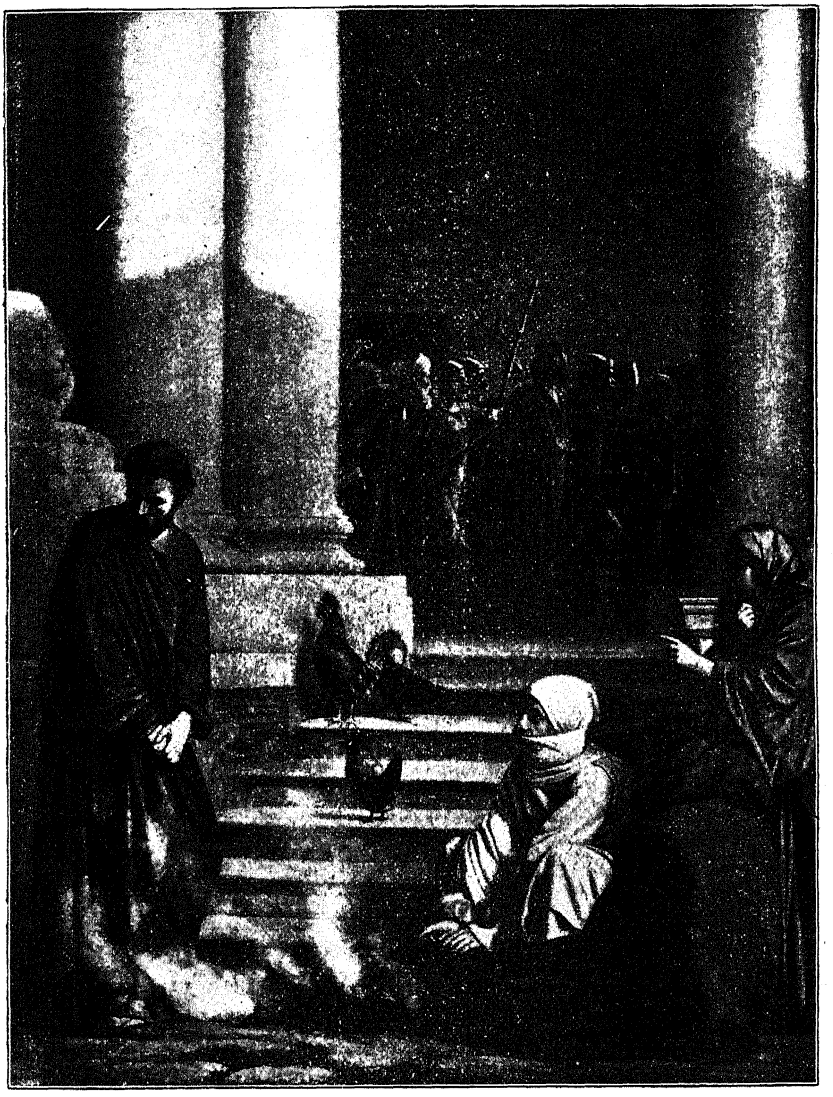
Да не смущается сердце ваше, продолжалъ Онъ, *и да не устрашаетъ* (васъ). *Слышасте, яко Азъ рѣхъ вамъ: иду и пріиду къ вамъ. Аще бысте любили Мя* (какъ должно Меня любить, хотя въ любви у васъ нѣтъ недостатка), *возрадовалися бысте убо, яко рѣхъ: «иду ко Отцу», яко Отецъ Мой болій Мене есть.*

Нынѣ рѣхъ вамъ (о томъ, что Мнѣ надобно отойти) *прежде, даже не будетъ: да егда будетъ, вѣру имете.*

Ктому не много имамъ глаголати съ вами: грядетъ бо сего міра князь (діаволъ, дѣйствовавшій противъ Іисуса Христа чрезъ Іуду и первосвященниковъ), *хотя во Мнѣ не имать ничесо же* (ему принадлежащаго).

(Въ это самое время, вѣроятно, первосвященники начали

[1]) V. Buxtorf, in Synagog. Judaica.



Отреченіе Ап. Петра.

снаряжать стражу свою въ вооруженный походъ противъ безоружнаго общества Іисусова).

Но да разумѣетъ міръ, яко люблю Отца, и якоже заповѣда Мнѣ Отецъ, тако творю: востаните, идемъ отсюда (на встрѣчу князю тьмы съ его воинствомъ, туда, гдѣ предатель намѣренъ предать Меня, хотя Мы, зная о семъ, могли бы уклониться въ другое мѣсто и избѣгнуть преданія).

При возстаніи отъ вечери, надлежало, по обычаю, пропѣть нѣсколько псалмовъ [1]). Святой обычай сей выполненъ былъ теперь тѣмъ съ бо́льшимъ чувствомъ, что псалмы пасхальные какъ бы нарочно избраны были для выраженія того, что́ теперь совершалось надъ Сыномъ Человѣческимъ. Можно ли было безъ глубокаго умиленія пѣть: *камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла: отъ Господа бысть сіе, и есть дивно во очію нашею!* (Псал. 117, 22. 23). *Не умру, но живъ буду, и повѣмъ дѣла Господня! Честна предъ Господемъ смерть преподобныхъ Его!* (Псал. 115, 6).—Окончивъ пѣніе, Господь съ учениками пошелъ вонъ изъ города, въ любимое мѣсто пребыванія Своего, то есть, на гору Елеонскую, въ Геѳсиманію. Некраткій путь былъ сокращенъ продолженіемъ трогательныхъ бесѣдъ съ учениками, кои тѣмъ глубже печатлѣлись въ ихъ душѣ, чѣмъ болѣе они потрясены и умилены были чрезвычайными событіями на пасхальной вечери. Какъ прежде Господь любилъ отъ видимыхъ предметовъ восходить къ невидимымъ, такъ поступилъ и теперь. Проходя мимо виноградниковъ, коими усѣяны были всѣ ребра горы Елеонской и кои теперь покрыты были цвѣтомъ и разливали благоуханіе, Онъ началъ бесѣдовать о Себѣ, какъ о виноградной лозѣ.

Азъ есмь лоза (виноградная) *истинная, и Отецъ Мой дѣлатель есть. Всяку розгу о Мнѣ, не творящую плода, изметъ ю. и всяку творящую плодъ, отребитъ ю, да множайшій плодъ принесетъ. Уже вы чисти* (отреблены) *есте за* (чрезъ) *слово. еже глаголахъ вамъ:* (но) *будите во Мнѣ, и Азъ въ васъ. Якоже розга не можетъ плода сотворити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ: тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете. Азъ есмь лоза, вы же рождіе. И иже будетъ во Мнѣ, и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: яко безъ Мене не можете творити ничесоже. Аще кто во Мнѣ не пребудетъ, извержется вонъ,*

[1]) V. Buxtorf, in Synagog. Judaica.

якоже розга, и изсышетъ, и собираютъ ю, и во огнь влагаютъ, и сгараетъ. Аще пребудете во Мнѣ, и глаголы Мои въ васъ пребудутъ, егоже аще хощете, просите, и будетъ вамъ. О семъ прославися Отецъ Мой, да плодъ многъ сотворите: и будете Мои ученицы. Якоже возлюби Мя Отецъ, и Азъ возлюбихъ васъ: будите въ любви Моей. Аще заповѣди Моя соблюдете, пребудете въ любви Моей: якоже Азъ заповѣди Отца Моего соблюдохъ, и пребываю въ Его любви. Сія глаголахъ вамъ, да радость Моя въ васъ будетъ, и радость ваша исполнится. Сія есть заповѣдь Моя, да любите другъ друга, якоже возлюбихъ вы. Больши сея любве никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Вы други Мои есте, аще творите, елика Азъ заповѣдаю вамъ. Не ктому васъ глаголю рабы, яко рабъ не вѣсть, что творитъ господь его: васъ же рекохъ други, яко вся, яже слышахъ отъ Отца Моего, сказахъ вамъ.

Не вы Мене избрасте, но Азъ избрахъ васъ, и положихъ васъ, до вы идете, и плодъ принесете, и плодъ вашъ пребудетъ: да, егоже аще просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Сія заповѣдаю вамъ, да любите другъ друга. Аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите, яко Мене прежде васъ возненавидѣ. Аще отъ міра бысте были, міръ убо свое любилъ бы: якоже отъ міра нѣсте, но Азъ избрахъ вы отъ міра, сего ради ненавидитъ васъ міръ. Поминайте слово, еже Азъ рѣхъ вамъ: нѣсть рабъ болій господа своего. Аще Мене изгнаша, и васъ изженутъ: аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдутъ. Но сія вся творятъ вамъ за имя Мое, яко не вѣдятъ Пославшаго Мя. Аще не быхъ пришелъ и глаголалъ имъ, грѣха не быша имѣли: нынѣ же вины (извиненія) *не имутъ о грѣсѣ своемъ. — Ненавидяй Мене, и Отца Моего ненавидитъ. Аще дѣлъ не быхъ сотворилъ въ нихъ, ихже инъ никтоже сотвори, грѣха не быша имѣли: нынѣ же и видѣша, и возненавидѣша Мене и Отца Моего. Но да сбудется слово, писанное въ законѣ ихъ, яко возненавидѣша Мя туне. Егда же пріидетъ Утѣшитель, Егоже Азъ пошлю вамъ отъ Отца, Духъ истины, Иже отъ Отца исходитъ, Той свидѣтельствуетъ о Мнѣ. И вы же свидѣтельствуете, яко искони со Мною есте. Сія глаголахъ вамъ, да не соблазнитеся. Отъ сонмищъ ижденутъ вы: даже пріидетъ часъ, да всякъ, иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу. И сія сотворятъ, яко не познаша Отца, ни Мене.—Но сія глаголахъ вамъ, да егда пріидетъ* (оный) *часъ, воспомянете сія, яко*

Азъ рѣхъ вамъ: сихъ же вамъ исперва не рѣхъ, яко съ вами бѣхъ. Нынѣ же иду къ Пославшему Мя (Іоан. 15; 16, 1—5).

Учитель умолкъ (ожидая услышать что-либо отъ учениковъ). Послѣ столькихъ словъ можно было предполагать, что они пояли наконецъ путь, Ему предлежащій, и полюбопытствуютъ узнать болѣе о благотворныхъ слѣдствіяхъ Его отшествія къ Отцу и своихъ обязанностяхъ во время Его отсутствія. Но вмѣсто любопытства и вопросовъ, на лицѣ ихъ было одно смущеніе, а въ ихъ устахъ безмолвіе. Сердечная тоска видимо связывала мысли и уста каждаго (Іоан. 16, 5). «И (послѣ всего этого) никто отъ васъ не спроситъ Меня: *камо идеши?*»—съ удивленіемъ сказалъ Учитель, прервавъ паки общее молчаніе. «Вижу, что сердце ваше слишкомъ наполнилось отъ того, что вы слышали отъ Меня. Но Я истину говорю, что гораздо лучше вамъ, *да Азъ иду: аще бо не иду, Утѣшитель не пріидетъ къ вамъ: аще ли же иду, послю Его къ вамъ. И пришедъ, Онъ обличитъ міръ о грѣсѣ, о правдѣ и о судѣ. О грѣсѣ убо, яко не вѣруютъ въ Мя; о правдѣ же* (Моего лица и служенія), *яко ко Отцу Моему иду, и ктому не видите Мене* (въ нынѣшнемъ состояніи уничиженія). *О судѣ же, яко князь міра сего* (коимъ наущенные враги Мои осудятъ Меня) *осужденъ бысть* (Моимъ ученіемъ, Моею жизнію и смертію)».

Еще много имамъ глаголати вамъ, продолжалъ Господь, *но не можете носити* (вмѣстить) *нынѣ. Егда же пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину: не отъ Себе бо глаголати имать, но елика аще услышитъ, глаголати имать, и грядущая возвѣститъ вамъ. Онъ Мя прославитъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ. Вся, елика имать Отецъ, Моя суть: сего ради рѣхъ, яко отъ Моего пріиметъ и возвѣститъ вамъ. Вмалѣ, и ктому не видите Мене: и паки вмалѣ, и узрите Мя: яко Азъ иду ко Отцу.*

Ученики, слѣдуя за Учителемъ въ нѣкоемъ разстояніи, пользуясь безмолвіемъ Его и помня вызовъ: *ничесоже вопрошаете,*—начали вполголоса разсуждать между собою, что̀ бы это значило, что Учитель говоритъ: *вскорѣ не увидите Меня, и опять вскорѣ, увидите Меня;* и: *Я иду ко Отцу?* что это говоритъ Онъ: *вскорѣ?*—Не смотря на общее усиліе разрѣшить загадку, она оставалась неразрѣшенною (по причинѣ всеобщаго предразсудка о томъ, что Мессіи, яко Царю, хотя

земному, но вѣчному, нельзя умереть), всякій за себя и за другихъ признавался: *не вѣмы, еже глаголетъ!*

Уразумѣвъ, что ученики хотятъ спросить Его о смыслѣ употребленныхъ Имъ выраженій, Господь остановился и сказалъ: *о семъ ли стязаетеся между собою, яко рѣхъ: вмалѣ и не видите Мене: и паки вмалѣ, и узрите Мя?* — (Если бы открылось предъ вами будущее, не такіе вопросы (о словахъ) заняли бы васъ).

Аминь, аминь глаголю вамъ, яко восплачетеся и возрыдаете вы, а міръ возрадуется: вы же печальни будете, не смотря на сіе, будьте мужественны; ибо печаль ваша въ радость будетъ. Жена, егда раждаетъ, скорбь имать, яко пріиде годъ ея: егда же родитъ отроча, ктому не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ. И вы же печаль имате убо нынѣ: паки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возметъ отъ васъ. И въ той день Мене не вопросите ничесоже. Аминь, аминь глаголю вамъ, яко елика аще чесо просите отъ Отца во имя Мое, дастъ вамъ. Доселѣ не просисте ничесоже во имя Мое. Просите, и пріимете, да радость ваша исполнена будетъ. Сія въ притчахъ глаголахъ вамъ: но пріидетъ часъ, егда ктому въ притчахъ не глаголю вамъ, но явѣ о Отцѣ возвѣщу вамъ. Въ той день во имя Мое воспросите: и не глаголю вамъ, яко Азъ умолю Отца о васъ: Самъ бо Отецъ любитъ вы, яко вы Мене возлюбисте и вѣровасте, яко Азъ отъ Бога изыдохъ.—Изыдохъ отъ Отца и пріидохъ въ міръ. И паки оставляю міръ, и иду ко Отцу.

При семъ напоминаніи о Божественномъ достоинствѣ Учителя, въ ученикахъ тотчасъ пробудилось чувство живой вѣры въ Него.

Глаголаша Ему ученицы Его: се нынѣ не обинуяся (прямо) *глаголеши, а притчи* (неяснаго чего-либо) *никоеяже не глаголеши. Нынѣ вѣмы, яко вѣси вся, и не требуеши, да кто Тя вопрошаетъ: о семъ вѣруемъ, яко отъ Бога изшелъ еси.*

Не смотря на искренность сихъ словъ, явно было, что они происходятъ болѣе отъ сердца, преданнаго Учителю, нежели отъ ума, совершенно убѣжденнаго. Тѣмъ паче съ будущимъ поведеніемъ учениковъ, среди наступающихъ искушеній, говоримое теперь ими было въ разительной противоположности. *Нынѣ ли вѣруете,* сказалъ Господь, имѣя въ виду сію противоположность. *Се грядетъ часъ и уже пріиде,*

да разыдетеся кійждо (изъ васъ) *во своя, и Мене единаго оставите... и нѣсмь единъ, яко Отецъ со Мною есть...*

Сія глаголахъ вамъ, заключилъ Господь, *да во Мнѣ* (а не въ другомъ комъ-либо) *мирѣ имате. Въ мірѣ скорбни будете: но—дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ...* (Іоан. 16, 6—33).

Послѣ сихъ словъ, какъ повѣствуетъ св. Іоаннъ, Іисусъ остановился, можетъ быть, на одномъ изъ холмовъ Елеона, возвелъ очи Свои къ небу и началъ молитвенную бесѣду съ Отцемъ.

Отче, пріиде часъ: прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ Тя: якоже далъ еси Ему власть всякія плоти, да всяко, еже далъ еси Ему, дастъ имъ животъ вѣчный. Се же есть животъ вѣчный: да знаютъ Тебе, единаго истиннаго Бога, и Егоже послалъ еси, Іисуса Христа! Азъ прославихъ Тя на земли, дѣло совершихъ, еже далъ еси Мнѣ, да сотворю. И нынѣ прослави Мя Ты, Отче, у Тебе Самого славою, юже имѣхъ у Тебе прежде мірѣ не бысть!

Явихъ имя Твое человѣкомъ, ихже далъ еси Мнѣ отъ мірa (11 учениковъ): *Твои бѣша, и Мнѣ ихъ далъ еси: и слово Твое сохраниша. Нынѣ разумѣша, яко вся, елика далъ еси Мнѣ, отъ Тебе суть. Яко глаголы, ихже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ: и тіи пріяша и разумѣша воистинну, яко отъ Тебе изыдохъ, и вѣроваша, яко Ты Мя послалъ еси.*

Азъ о сихъ (наипаче) *молю, не о всемъ мірѣ молю, но о тѣхъ, ихже далъ еси Мнѣ, яко Твои суть. И Моя вся Твоя суть, и Твоя Моя: и прославихся въ нихъ. И ктому нѣсмь въ мірѣ, и сіи въ мірѣ суть, и Азъ къ Тебѣ гряду. Отче Святый, соблюди ихъ во имя Твое, ихже далъ еси Мнѣ, да будутъ едино, якоже и Мы. Егда бѣхъ съ ними въ мірѣ, Азъ соблюдахъ ихъ во имя Твое: ихже далъ еси Мнѣ, сохранихъ, и никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный, да сбудется Писаніе. Нынѣ же къ Тебѣ гряду, и сія глаголю въ мірѣ, да имутъ радость Мою исполнену въ себѣ. Азъ дахъ имъ слово Твое, и міръ возненавидѣ ихъ, яко не суть отъ мірa, якоже и Азъ отъ мірa нѣсмь. Не молю, да возьмеши ихъ отъ мірa, но да соблюдеши ихъ отъ непріязни. Отъ мірa не суть, якоже и Азъ отъ мірa нѣсмь. Святи ихъ во истину Твою: слово Твое истина есть. Якоже Мене послалъ еси въ міръ, и Азъ послахъ ихъ въ міръ: и за нихъ Азъ свящу Себе, да и тіи будутъ священи во истину.*

Не о сихъ же молю токмо, но и о (всѣхъ) *вѣрующихъ словесе ихъ ради въ Мя.*

Да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ.

Да и міръ вѣру имѣтъ, яко Ты Мя послалъ еси.

И Азъ славу, юже далъ еси Мнѣ, дахъ имъ, да будутъ едино, якоже Мы едино есма. Азъ въ нихъ, и Ты во Мнѣ: да будутъ совершени во едино, и да разумѣетъ міръ, яко Ты Мя послалъ еси, и возлюбилъ еси ихъ, якоже Мене возлюбилъ еси. Отче, ихже далъ еси Мнѣ, хощу, да идѣже есмь Азъ, и тіи будутъ со Мною, да видятъ славу Мою, юже далъ еси Мнѣ, яко возлюбилъ Мя еси прежде сложенія міра. Отче праведный, и міръ Тебе не позна. Азъ же Тя познахъ, и сіи познаша, яко Ты Мя послалъ еси. И сказахъ имъ имя Твое, и скажу: да любы, еюже Мя еси возлюбилъ, въ нихъ будетъ, и Азъ въ нихъ!

Предъ входомъ въ Геѳсиманію, Господь почелъ за нужное еще разъ предварить учениковъ о предстоящихъ искушеніяхъ (Матѳ. 26, 31).

«Какъ Я посылалъ васъ (на проповѣдь) безъ влагалища безъ сапогъ, — спросилъ Онъ, — *еда въ чесомъ лишени бысте?*» — «Ни въ чемъ», отвѣчали ученики.

«Но теперь, продолжалъ Господь, употребляя, чтобы не слишкомъ устрашить ихъ, приточный языкъ,—*теперь иже имать влагалище, да возьметъ такожде и мѣхъ, а иже не имать, да продастъ ризу свою и купитъ ножъ* (мечъ).

«Ибо сказываю вамъ, что теперь должно исполниться на Мнѣ и сему слову Писанія: «и со беззаконными (злодѣями) *вмѣнися!*»

При всей прозрачности, притча Учителя, дававшаго знать, что теперь ученики, на время, будутъ предоставлены самимъ себѣ и потому должны сами заботиться какъ о пропитаніи, такъ и безопасности своей,—оказалась для нѣкоторыхъ не совсѣмъ понятною. Подумали, что Учитель совѣтуетъ дѣйствительно вооружиться мечами, на случай опасности. Въ сихъ мысляхъ, одинъ изъ учениковъ сказалъ, что у нихъ есть два меча.

Отвѣтъ былъ не по мысли Учителя, ибо Онъ разумѣлъ другое, но и дѣйствительные два меча были теперь не излишни для учениковъ, коимъ среди наступающей ночи надле-

жало разсѣяться по дикимъ окрестностямъ Іерусалима. Посему Господь, какъ бы въ знакъ одобренія, сказалъ: *довольно* (Лук. 22, 35—38).

«Всѣ вы, присовокупилъ Онъ, вмѣсто поясненія и приточнаго сравненія,—всѣ вы соблазнитеся о Мнѣ въ нощь сію; ибо писано есть: «поражу пастыря, и разыдутся овцы стада». По воскресеніи же Моемъ, Я встрѣчу васъ въ Галилеѣ».

— «Если и всѣ соблазнятся о Тебѣ, я,—отвѣчалъ Петръ, забывъ прежній урокъ Учителя отъ великой любви своей къ Нему,—я никакъ не соблазнюсь!»...

Аминь, аминь глаголю тебѣ, отвѣчалъ Іисусъ, *яко въ сію нощь* (какъ уже сказалъ тебѣ) *прежде, даже алекторъ не возгласитъ, отвержешися Мене трикраты.*

— «Хотя бы мнѣ и умереть съ Тобою, не отрекусь Тебя», продолжалъ Петръ, коему предсказываемое паденіе казалось совершенною невозможностію.

То же, по замѣчанію Матѳея, повторили и всѣ прочіе ученики (Матѳ. 26, 31—35).

Среди сихъ увѣреній въ вѣрности на смерть, которыя всѣ сбылись на самомъ дѣлѣ, только впослѣдствіи, на концѣ земного поприща каждаго изъ учениковъ, пришли въ Геѳсиманію. Тутъ былъ садъ, принадлежавшій одному изъ послѣдователей Іисусовыхъ: Господь и прежде часто ходилъ въ него съ учениками Своими, и теперь избралъ его мѣстомъ Своего послѣдняго приготовленія на подвигъ крестный — дабы, какъ замѣчаетъ одинъ учитель Церкви, *тамъ же* (въ саду) *одержана была первая побѣда, гдѣ было нанесено* (всему человѣчеству) *первое пораженіе.*

Прежде, нежели осмѣлимся войти въ вертоградъ Геѳсиманскій и мы, возвратимся мыслію къ слышанному, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о послѣдней бесѣдѣ Іисуса Христа къ ученикамъ, могущихъ послужить къ уразумѣнію нѣкоторыхъ мѣстъ ея и особенно—ея духа.

Бесѣда сія, сохраненная для насъ преимущественно св. Іоанномъ, составляетъ драгоцѣннѣйшую часть сказаній Евангельскихъ, обнаруживая предъ нами душу и сердце Господа Іисуса въ такія рѣшительныя минуты, съ такихъ

важныхъ сторонъ, въ такомъ преизбыткѣ Божественнаго свѣта. Здѣсь, изъ собственныхъ усть Его, мы слышимъ тайну Его лица и служенія, сущность Его ученія и обѣтованій, великое начало величайшей Его дѣятельности;—видимъ, откуда Онъ и для чего пришелъ, куда и для чего отшелъ, что̀ намѣренъ содѣлать изъ людей, какимъ образомъ соединить небо съ землей, возставить все падшее, облаженствовать всѣхъ злополучныхъ сыновъ Адамовыхъ. Первѣе же и паче всего видимъ здѣсь, слышимъ, осязаемъ духомъ *превосходящую разумъ* любовь Христову, которая распространяется до того, что видимо объемлетъ небо и землю, время и вѣчность.

Какое неподражаемое величіе въ минуты самыя горестныя! Когда самый добродѣтельный мудрецъ сказалъ бы съ горестію: «я преданъ теперь; мнѣ должно умереть!»—Іисусъ восклицаетъ: *нынѣ прославися Сынъ Человѣческій!*—Слушая Его утѣшенія ученикамъ, можно было подумать, что завтра ожидаетъ Его не крестъ, а престолъ, что на другой день предстоятъ мученія не Ему, а Его безутѣшнымъ ученикамъ.

Откуда такое святое мужество? — Оттого, что князь міра *не имѣетъ* въ Немъ *ничего,* ему принадлежащаго (Іоан. 14, 30), — и что міръ Имъ совершенно побѣжденъ (Іоан. 16, 33);—оттого, что Онъ всегда угодное предъ Отцемъ творилъ, и посему не одинъ, а Отецъ всегда съ Нимъ (Іоан. 16, 32);—оттого, что Онъ *область* имѣетъ душу Свою *положить и паки пріять,* и если полагаетъ ее теперь, то о Себѣ, по Своей волѣ (Іоан. 10, 18); — оттого, наконецъ, что говорящій такимъ образомъ есть Тотъ, *Кто имѣлъ славу у Отца, прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5), — есть *Слово,* бывшее *искони у Бога,* Коимъ все сотворено и *безъ Негоже ничтоже бысть, еже бысть* (Іоан. 1, 1—4).

И у другого сына человѣческаго обрѣлось бы столько чистой любви къ ближнимъ, чтобы для спасенія ихъ претерпѣть смерть. Моисей подалъ уже примѣръ къ такому самопожертвованію (Исх. 32, 32), а Павелъ готовился повторить его (Римл. 9, 3); но только Сынъ Божій, Господь съ небесе (1 Кор. 15, 47), могъ, въ навечеріе Своей смерти, сказать: *вѣруйте въ Бога и въ Мя вѣруйте* (Іоан. 14, 1); *дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33); *еще аще что вопросите во имя Мое, Азъ сотворю* (Іоан. 14, 13); *безъ Мене*

не можете творити ничесоже (Іоан. 15, 5); *вѣруяй въ Мя, дѣла, яже сотворихъ, и той сотворитъ, и большая сихъ сотворитъ* (Іоан. 14, 12)...

Недоумѣнія учениковъ и отвѣты на нихъ прерываютъ нѣкоторымъ образомъ ходъ бесѣды Божественнаго Учителя и замедляютъ ея дѣйствіе на умъ; но истины, кои, по причинѣ сихъ недоумѣній, исходятъ изъ устъ Іисуса, такъ важны и драгоцѣнны,—стороны, съ коихъ Онъ благоволитъ обнаруживать Себя, такъ возвышенны и утѣшительны, что нельзя не благодарить отъ души — Ѳому за любопытство о пути (Іоан. 14, 5—7), Филиппа за желаніе—видѣть Отца (Іоан. 14, 8—12), — Іуду не-Искаріотскаго за вопросъ: почему Учитель не хочетъ явиться всему міру (Іоан. 14, 22—24).

Цѣль всѣхъ утѣшеній Іисусовыхъ, явно, направлена преимущественно къ тому, чтобы предохранить учениковъ отъ соблазна и отпаденія во время Его крестной разлуки съ ними. Время непродолжительное по теченію часовъ, но чрезвычайно опасное по теченію обстоятельствъ. Сколько предстояло имъ соблазновъ и страховъ! Сколько поводовъ къ нарушенію вѣрности! Князь міра, побѣжденный крестомъ, безъ сомнѣнія, не оставитъ ни одного средства для уловленія овецъ, разсѣянныхъ смертію Пастыря. И между тѣмъ въ семъ-то маломъ разсѣянномъ стадѣ—было основаніе *для собранія всѣхъ чадъ Божіихъ во едино* (Іоан. 11, 52),—потеря и одного изъ *чадцевъ* любви Іисусовой была бы весьма чувствительна для блага цѣлаго міра, имѣвшаго быть обращеннымъ отъ тьмы къ свѣту ихъ проповѣдію.

Не смотря однако же на великую нужду въ утѣшеніи, надлежало преподать его, не открывая во всей (страшной) очевидности событій, имѣвшихъ послѣдовать наутріе. Святѣйшая тайна всемірнаго искупленія долженствовала быть, нѣкоторымъ образомъ, запечатлѣнною до самаго исполненія своего. Самое усердіе къ Учителю, несвободное отъ предразсудковъ, имѣло нужду быть связаннымъ нѣкоторою неизвѣстностію. Посему завѣса будущаго приподнимается не болѣе, какъ сколько нужно было для того, чтобы предостеречь отъ паденія. Ученики чувствуютъ, что предстоитъ какое-то великое искушеніе, какая-то печальная разлука съ Учителемъ; видятъ себя въ будущемъ сирыми, ненавидимыми, разсѣянными, — въ печаляхъ и болѣзняхъ жены

раждающей; но видятъ Учителя вскорѣ возвращающагося къ нимъ, приносящаго радость и миръ; видятъ другого Утѣшителя, приходящаго пребывать съ ними во-вѣкъ, научить ихъ всему, обличить во всемъ міръ, ихъ ненавидящій; видятъ опять Самого Учителя, приходящаго со Отцемъ — сотворить у каждаго изъ любящихъ Его Себѣ обитель: все сіе видятъ, говорю, ученики, какъ въ перспективѣ, исполненной такого свѣта, среди коего самые печальные предметы получаютъ трогательный видъ, умиляющій сердце.—Какимъ именно образомъ все это произойдетъ, этого ученики еще не разумѣли. Одно твердо узнали они, что Учитель ихъ — *отъ Бога исшелъ*, что было весьма важно для будущаго. Притомъ, у нихъ теперь въ рукахъ планъ событій. Когда придетъ время, они вспомнятъ, что имъ было сказано. Предсказаніе отнимаетъ силу соблазна у предсказаннаго.

Кромѣ сего, послѣдняя бесѣда Богочеловѣка была для учениковъ Его полезна *еще особеннымъ образомъ*. И среди человѣческихъ собесѣдованій слова могутъ производить дѣйствіе великое, не будучи понимаемы слышащими въ подробности. Можно трогаться, умиляться, измѣняться сердцемъ отъ однихъ чувствъ въ словахъ, не понимая ихъ совершенно. Это замѣчаніе—въ превосходнѣйшей степени,—должно приложить къ послѣдней бесѣдѣ Іисуса. Ею, такъ сказать, навѣянъ былъ на учениковъ духъ мира, терпѣнія и упованія; таинственнымъ образомъ умащено сердце для удобнѣйшаго перенесенія самыхъ жестокихъ ударовъ; они не понимали всѣхъ мыслей, — но поняли чувство, исполнились духомъ Іисусовымъ, *осязали о словеси животнѣмъ* (1 Іоан. 1, 1).

О послѣдней молитвѣ Іисусовой (Іоан. 17) дерзновенно и говорить языкомъ человѣческимъ: такъ она всеобъемлюща величественна, божественна! Послѣ нея, вѣроятно, и Филиппъ не сказалъ бы: *Господи, покажи намъ Отца!* Ибо въ ней для вѣрующаго виденъ сей Отецъ болѣе, нежели въ цѣломъ мірѣ. Здѣсь-то надлежало Петру сказать: *Господи, глаголы живота вѣчнаго имаши* (Іоан. 6, 67)! Это—молитва Великаго Первосвященника по чину Мельхиседекову, предъ входомъ Его во Святая Святыхъ. Кто прочиталъ ее со вниманіемъ хотя одинъ разъ, у того она останется въ сердцѣ на всю жизнь, а кто одушевился духомъ ея, тотъ не можетъ не принадлежать навсегда Іисусу.

Геѳсиманскій подвигъ Іисуса Христа.

(Важность сего подвига и его значеніе въ дѣлѣ служенія Іисусова.—Въ чемъ состояло внутреннее искушеніе?—Какъ оно возникло?—И почему допущено?—Троекратная молитва о чашѣ.—Рѣшительная побѣда надъ собственнымъ желаніемъ — Сонъ учениковъ.—Кровавый потъ и Ангелъ укрѣпляющій)

Все, доселѣ видѣнное и слышанное нами, было только приготовленіемъ къ великому крестному подвигу Сына Человѣческаго. Теперь откроется предъ вами самое поприще Его страданій, единственное, безпримѣрное, Божественное,— откроется самымъ необыкновеннымъ образомъ—не постыднымъ преданіемъ Учителя въ руки враговъ вѣроломнымъ ученикомъ Его, а возвышеннымъ самопреданіемъ Сына Божія въ руки правосудія небеснаго, карающаго въ лицѣ Его всѣ неправды земныя.—Послѣ столь мирнаго и благодушнаго состоянія, въ коемъ находился Богочеловѣкъ, бесѣдуя съ учениками, послѣ торжественныхъ словъ: *нынѣ прославися Сынъ Человѣческій! да будутъ вси едино, якоже Мы!*— можно было ожидать, что сіе самопреданіе, при всей важности его, совершится безъ усилій и потрясеній, тѣмъ паче, безъ воплей и пота кроваваго. Но мы увидимъ другое, противное: узримъ Сына Человѣческаго какъ бы наконецъ преклоняющимся подъ бременемъ собственнаго величія, со смиреніемъ отрекающимся отъ всѣхъ силъ, коими Онъ можетъ дѣйствовать, отъ самаго, повидимому, поприща дѣйствованія, узримъ Іисуса, троекратно повергающагося на землю съ молитвою о томъ, чтобы, если возможно, прошла мимо Его та самая чаша, которою Онъ, *прежде сложенія міра* (1 Петр. 1, 20), рѣшился испить безъ остатка, для спасенія погибающаго рода человѣческаго! . . . Зрѣлище изумительное, находящееся въ разительной противоположности съ прочими дѣяніями Сына Человѣческаго, и потому удобно могущее быть не понято тѣми, кои захотѣли бы остановиться на *буквѣ* событія,—если гдѣ, то здѣсь видимо *убивающей* (2 Кор. 3, 6),—и разумѣть его въ отрывистомъ видѣ, безъ отношенія ко всей тайнѣ искупленія, къ цѣлому плану спасенія человѣческаго,—но чрезвычайно трогательное, поучительное, величественное для того, кто умѣетъ поставить себя въ надлежащее положеніе благоговѣйнаго зрителя, и будетъ взирать на молящагося Искупителя человѣковъ, не

очами соглядатая Іудейскаго, такъ сказать, изъ-за дерева вертограда Геѳсиманскаго,—какъ то, къ сожалѣнію, не разъ было дѣлано [1]),—а съ богосвѣтлыхъ высотъ Ѳавора и Елеона, очами Евангелистовъ и Апостоловъ Христовыхъ, то есть, очами вѣры и истины.

Съ истинной точки зрѣнія разсматриваемый подвигъ геѳсиманскій не только не заключаетъ въ себѣ никакого противорѣчія Божественному характеру Спасителя рода человѣческаго и Его служенія, но необходимо принадлежитъ къ нему, какъ часть—и притомъ важнѣйшая—къ цѣлому. Для убѣжденія въ семъ не нужно обращаться ни къ какимъ произвольнымъ догматическимъ предположеніямъ; надобно только войти въ самый характеръ лица и служенія Богочеловѣка, какъ Главы и Спасителя рода человѣческаго, какъ Искупителя и Примирителя всего міра, какъ Началовождя и Образца всѣхъ искушаемыхъ и спасаемыхъ. Въ семъ отношеніи, по глубокому замѣчанію св. Павла (Евр. 4, 15), Искупителю человѣковъ надлежало претерпѣть все и *быть искушену по всячески*мъ. Но искушенія, коимъ подлежитъ родъ человѣческій, естественно всѣ приводятся къ двумъ видамъ: искушенію удовольствіемъ и искушенію страданіями. Первое искушеніе, во всѣхъ трехъ главныхъ его видахъ, Сынъ Человѣческій прошелъ при самомъ началѣ Своего служенія, когда въ пустынѣ, послѣ сорокадневнаго поста, былъ искушаемъ отъ діавола [2]). Второе, тягчайшее искушеніе, посредствомъ страданій, предстояло теперь.— Дабы истощить всю силу и ярость его надъ всемірною Жертвою, оно правосудіемъ Божественнымъ было раздѣлено, такъ сказать, на два пріема: геѳсиманское и голгоѳское. На Голгоѳѣ срѣтилъ Сына Человѣческаго крестъ, болѣе внѣшній, ужасный самъ по себѣ и окруженный всѣми внѣшними ужасами, но открытый для взора всѣхъ, самыхъ враговъ Іисуса, потому долженствовавшій быть перенесеннымъ съ видимымъ величіемъ, подобающимъ Агнцу Божію на самомъ жертвенникѣ, не открывавшій тѣхъ сторонъ искушенія и страданій, перенесенія коихъ, сопряженное съ выраженіемъ немощи человѣческой, не могло быть показано нечистому взору всѣхъ и каждаго. И вотъ, сей-то внутрен-

[1]) Conf. Paulus. in seinem Comment.
[2]) Ѳеоф. Толков. на Матѳ.

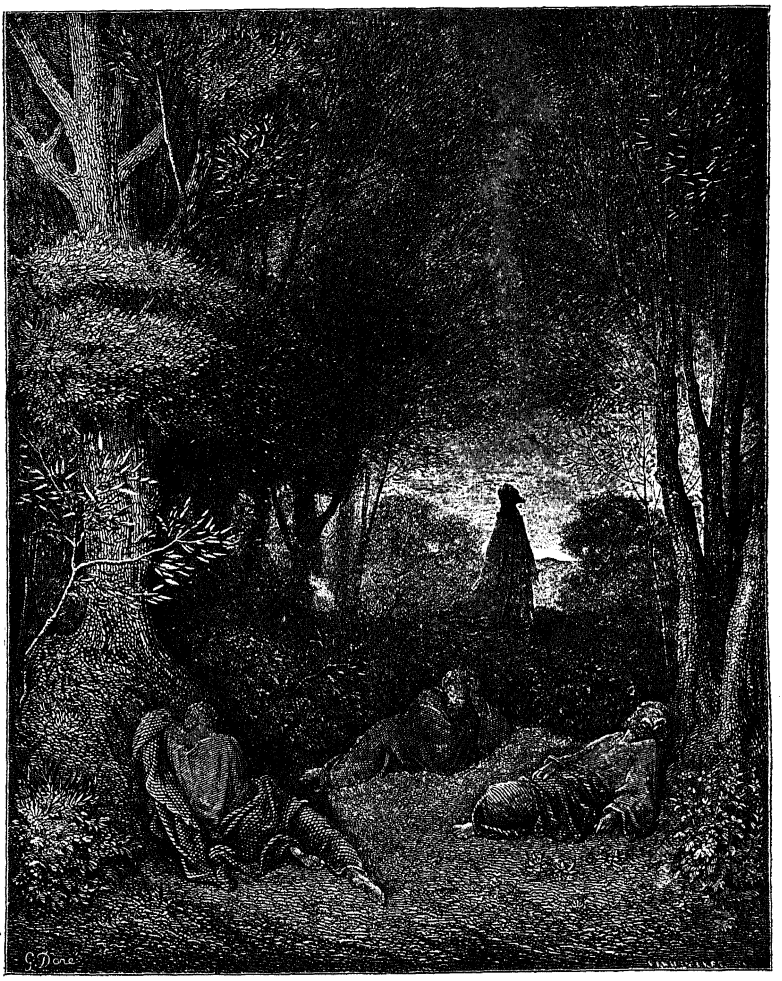
ній крестъ, или точнѣе, сія-то сокровеннѣйшая и, можетъ быть, мучительнѣйшая половина креста срѣтаетъ Божественнаго Крестоносца въ уединеніи вертограда Геѳсиманскаго и обрушивается на Него всею тягостію своею до того, что заставляетъ преклониться къ землѣ и вопіять: «если возможно, да мимо идетъ чаша!»—На Голгоѳѣ страждущее тѣло приведетъ въ страданіе духъ; здѣсь страждущій духъ заставитъ капать кровавымъ потомъ пречистое тѣло.—Не препятствуемый нечистыми взорами человѣческими, Сынъ Человѣческій какъ бы разоблачится здѣсь совершенно отъ всѣхъ сверхъестественныхъ силъ, останется съ одною волею человѣческою и, вооруженный одною молитвою и преданностію въ волю Отца, изыдетъ, яко вторый Адамъ, на борьбу съ тягчайшимъ искушеніемъ.

Какъ составилось сіе искушеніе? Евангелисты, слѣдуя своему образу простого повѣствованія, не подъемлютъ завѣсы, закрывавшей *Святое Святыхъ* души Іисусовой въ сіи рѣшительныя минуты, довольствуясь передачей тѣхъ краткихъ словъ, кои были слышимы изъ него и кои мы услышимъ при повѣствованіи о самомъ подвигѣ. Изъ сихъ словъ однако же видно, что предметъ искушенія и борьбы внутренней состоялъ въ представленіи крайней трудности испить чашу наступающихъ скорбей и болѣзней,—въ увѣренности, что въ безднахъ премудрости и всемогущества Божія есть средство пронести, если не навсегда, то на сей разъ сію чашу мимо, то есть, или отсрочить ужасный часъ страданій, или умалить лютость ихъ,—и наконецъ въ происходящемъ отсюда, сильномъ естественномъ желаніи, чтобы все сіе было сдѣлано.

Что же было въ этой ужасной чашѣ и содѣлывало ее такъ нестерпимою и неудобопріятною, въ настоящія минуты, для самаго Подвигоположника спасенія? Обыкновенный, естественный страхъ мученій и смерти? — Такъ обыкновенно думали и думаютъ многіе, но безъ основанія твердаго. Справедливо, что мученія составляютъ великое искушеніе для всякой плоти человѣческой; неоспоримо и то, что мученія долженствовали быть несказанно болѣе тяжки для пречистой плоти Искупителя человѣковъ, которая, какъ не-

[1]) V. Calmet. in Comment.

причастная грѣху и разстройствамъ, отъ него происходящимъ, какъ соединенная притомъ естествомъ съ Самымъ Словомъ Предвѣчнымъ и отсюда почерпавшая всю полноту совершенствъ тѣлеснаго бытія, по тому самому, естественно, наиболѣе отвращалась всякаго насилія и терзанія и была стократъ чувствительнѣе къ мученіямъ. Но, съ другой стороны, развѣ не шли многіе изъ послѣдователей Христовыхъ на самыя жестокія мученія съ радостію и не переносили ихъ благодушно? Ужели же не достало бы мужества для перенесенія тѣлесныхъ страданій въ Томъ, отъ Кого всѣ прочіе страдальцы почерпали свое мужество?—А что̀ всего важнѣе въ настоящемъ случаѣ, — кто сказалъ, что Богочеловѣкъ скорбитъ смертельно въ саду Геѳсиманскомъ отъ страха именно однихъ мученій и одной смерти, а *не другого чего-либо бо́льшаго?* — Самъ Страждущій не говоритъ сего: Онъ молится только: *да мимо идетъ чаша* (Матѳ. 26, 39) и *часъ* (Марк. 14, 35),—выраженія, кои означаютъ вообще все мучительное и ужасное. Въ чемъ же именно состояло теперь это мучительное и это ужасное? Если нельзя исключить изъ него обыкновеннаго страха мученій и смерти, то нельзя и ограничивать его симъ страхомъ уже потому, что крестъ Іисуса былъ не крестъ только учителя истины, умирающаго за вѣрность своего ученія; не крестъ только гонимаго праведника, скончавающагося въ сладкомъ сознаніи своей невинности, — а крестъ Того, Кто не на словахъ токмо, а на самомъ дѣлѣ принялъ на Себя всѣ грѣхи рода человѣческаго, Кто не именемъ, а самымъ дѣломъ содѣлался за насъ предметомъ гнѣва небеснаго, самой клятвы законной (Гал. 3, 13). Въ семъ смыслѣ, — за вѣрность коего ручается и духъ и буква всего Писанія, — страданія и смерть Сына Божія были страданія и смерть, ни съ чѣмъ несравненныя по ихъ важности и тяжести, потому мучительнѣйшія, неудобопереносимыя для Него Самого. Это, говоря безъ всякаго преувеличенія, было совмѣщеніе всѣхъ страданій и всѣхъ смертей всѣхъ людей.—Одни страданія совѣсти, большею частію вовсе забываемыя при размышленіи о страданіяхъ Сына Божія, должны имѣть лютость мученій адскихъ. Ибо, если самый грубый человѣкъ изнемогаетъ нерѣдко подъ страданіемъ пробудившейся совѣсти, мучимый представленіемъ одной его грѣховной жизни, то какое мученіе должно быть для



Іисусъ Христосъ молится въ саду Геѳсиманскомъ.

пречистой души Богочеловѣка, когда она въ сознаніи своемъ представила себя покрытою грѣхами всего міра, и въ такомъ видѣ, со всею тяжестію ихъ, долженствующею идти, для изглажденія ихъ своею кровію, на крестъ?... Сіе-то самое, то есть, что чаша предстоявшаго страданія и смерти была растворена, преисполнена грѣхами человѣческими, проклятіемъ закона и гнѣвомъ небеснымъ, дѣлало ее такъ ужасною и неудобопріятною. Въ такомъ только видѣ (а онъ не изобрѣтенъ нами, а взятъ изъ ветхаго и новаго завѣта—Исаіи 53, 5. 6; 1 Петр. 2, 24; Гал. 3, 13), чаша сія, дерзаемъ сказать, стоила того, чтобъ, явившись взору Богочеловѣка, заставить Его Самого обратиться отъ правосудія къ милосердію Божественному.

Но здѣсь можетъ срѣтить кого-либо новое недоумѣніе. «Какъ бы ни была велика, горька и неудобоподъемлема чаша страданій, но когда Сынъ Человѣческій на то родился и на то пришелъ, чтобы испить ее: то какимъ образомъ Онъ будетъ молиться теперь о Своемъ избавленіи отъ нея?— Не знакъ ли это несовмѣстнаго съ такимъ назначеніемъ ослабленія? Не лучше ли было бы, если бы Онъ принялъ сію чашу съ мужествомъ, подобнымъ тому, съ коимъ потомъ предастъ Себя въ руки враговъ?» — Нѣтъ, не лучше, нисколько не лучше... Тому, Кто долженствовалъ претерпѣть все до послѣдней крайности, или, говоря словами Апостола, *быть искушеннымъ по всячески*, по тому самому надлежало пройти искушеніе страданіями въ самомъ крайнемъ его видѣ, приблизиться къ послѣднимъ предѣламъ немощи человѣческой и испытать ее. Но можно ли бы сказать, что это послѣдній предѣлъ искушенія, если бы Сынъ Человѣческій вдругъ принялъ ужасную чашу страданій внѣшнихъ и внутреннихъ? Тогда, напротивъ, всего скорѣе можно бы подумать противное,—что она не была страшна для Него и что принятіе ея не стоило большихъ усилій.

Основательнѣе можно спросить, какимъ образомъ на сей часъ мужество уклонилось отъ души Іисусовой? Какъ Онъ могъ умалиться въ мѣру послѣдняго страдальца? — Для нѣкоего уразумѣнія сей священной тайны, кромѣ ужаснаго свойства самой чаши страданій, теперь Ему представившейся, должно предположить особенное распоряженіе премудрости и правосудія Божественнаго, приведшихъ Сына Человѣче-

скаго въ такое состояніе, что въ Немъ обнаружилась немощь естества человѣческаго столько, сколько могла обнаружиться, безъ потери нравственной чистоты и достоинства.

Въ чемъ состояло сіе таинственное распоряженіе? — Первѣе, безъ сомнѣнія, и паче всего въ сокрытіи Божества отъ человѣчества, въ предоставленіи послѣднему дѣйствовать однѣми своими силами. Мы услышимъ, какъ на крестѣ Божественный Страдалецъ будетъ молитвенно вопіять: *Боже Мой, Боже Мой, вскую Мя еси оставилъ!* — Что подобное оставленіе было и теперь, о семъ свидѣтельствуютъ уже слова: *не Моя, а Твоя воля да будетъ!* Сынъ, *сый въ лонѣ Отчи,* не сказалъ бы такъ Отцу; ибо Они *едино суть:* такъ могъ говорить только Сынъ Человѣческій. Свидѣтельствуетъ и Ангелъ укрѣпляющій: не явился бы Ангелъ, если бы не оставилъ Отецъ. Но, поелику человѣческая природа въ Сынѣ Человѣческомъ сама по себѣ была такъ чиста, свята, и потому такъ сильна на все благое, такъ мужественна противъ всего злого, что въ *естественномъ* своемъ *состояніи* могла сама по себѣ легко одержать побѣду надъ настоящимъ искушеніемъ безъ долгой и трудной борьбы: то продолжительность и лютость сей борьбы заставляетъ предполагать, что и по человѣческому естеству великій Подвигоположникъ въ продолженіе настоящаго подвига, тайнымъ предраспоряженіемъ правосудія небеснаго, выведенъ былъ изъ Своего естественнаго возвышеннаго состоянія, низведенъ въ состояніе низшее, приведенъ въ равенство съ положеніемъ самаго послѣдняго изъ людей искушаемыхъ. Какимъ образомъ? Это тайна Провидѣнія!... Мы не выйдемъ однако же изъ круга Евангельскихъ указаній, если скажемъ, что въ отягченіе сего внутренняго креста, въ усиленіе сего внутренняго огня искушеній, по всей вѣроятности, дано было дѣйствовать, какъ слугѣ (хотя онъ воображалъ себя господиномъ), и князю міра, подобно какъ онъ дѣйствовалъ нѣкогда на испытаніе добродѣтели Іова (Іов. 2, 6). Ибо не мы ли слышали, какъ при концѣ вечери Божественный Страдалецъ сказалъ: *грядетъ міра сего князь;* и послѣ сего, можно сказать, прямо пошелъ на встрѣчу ему?—Гдѣ было мѣсто этой таинственной встрѣчѣ, какъ не здѣсь, въ Геѳсиманіи, и чѣмъ она могла выразиться славнѣе, какъ не такимъ подвигомъ?...

Искупитель человѣковъ, какъ мы уже замѣтили, дошелъ,

или паче, доведенъ въ семъ подвигѣ до послѣдней степени истощанія не тѣлеснаго только, но и душевнаго; въ Немъ попущено обнаружиться всей немощи естества человѣческаго: какъ однако же чистѳ, свято сіе обнаруженіе! — Какъ удалено отъ Него все, могшее унизить характеръ Спасителя человѣковъ! — Мы не видимъ пламеннаго энтузіазма, ни хладнаго, суроваго мужества въ принятіи и усвоеніи чаши страданій, но нисколько не видимъ и малодушнаго отреченія, тѣмъ паче ропота на свой жребій. Слабость плоти вопіетъ: *аще возможно, да мимо идетъ чаша!*— но преданность духа въ волю Божію постоянно повторяетъ: *обаче не Моя, но Твоя воля да будетъ!* Можно ли тѣснѣе и святѣе сочетать немощь плоти съ силою духа?—Не это ли верхъ совершенства человѣческаго въ состояніи крайняго искушенія?

«Нигдѣ, признается блаженный Августинъ, не поражаетъ меня столько величіе и святость Іисуса, какъ здѣсь, гдѣ многіе ужасаются и недоумѣваютъ. Я не зналъ бы всей великости Его благодѣяній, если бы Онъ не обнаружилъ предо мною, чего они стоятъ Ему. Онъ испыталъ мою скорбь, дабы даровать мнѣ Свою радость. Смѣло говорю: *скорбь;* ибо проповѣдую *крестъ*. Надлежало претерпѣть борьбу и болѣзнь: иначе не было бы и побѣды. Безчувствіе всегда ниже самоотверженія; Іисусъ хотѣлъ научить насъ, какъ побѣждать страхъ смерти [1]). Въ самомъ дѣлѣ, если бы мы не зрѣли нашего Спасителя въ саду Геѳсиманскомъ, то могли бы подумать, что страданія для Него не стоили ничего, или весьма мало, — что Божество, съ Нимъ соединенное, дѣлало Его безстрастнымъ. Тогда всѣ совѣты къ подражанію Ему, по необходимости, лишились бы той силы, какую они имѣютъ нынѣ: примѣръ *безстрастнаго* былъ бы превыше насъ — *страстныхъ*. Но теперь мы видимъ капли кроваваго пота, слышимъ вопли: «да мимо идетъ чаша»; знаемъ, какъ она горька,—и благоговѣемъ предъ Тѣмъ, Кто испилъ ее за насъ. Пусть и съ нами случится искушеніе: мы не будемъ сгарать *внутри* и казаться *снаружи* хладными; не будемъ благословлять свою судьбу языкомъ, тогда какъ сердце проклинаетъ день своего рожденія; нѣтъ, мы

[1]) De Agon. Christ.

предоставимъ сіе мнимое безчувствіе, это противоестественное двоедушіе послѣдователямъ какого-либо Зенона;—станемъ предъ изображеніемъ молящагося Іисуса, посмотримъ на чашу, сходящую свыше, повергнемся въ прахъ предъ Отцемъ Небеснымъ и словами Единороднаго скажемъ: «да мимо идетъ и отъ насъ чаша сія; однако же не какъ мы хощемъ, но какъ Ты: да будетъ воля Твоя!» Отецъ узнаетъ языкъ Сына, если сердце наше не измѣнитъ сему языку,—услышитъ молитву нашу, какъ услышалъ моленіе Единороднаго; — и спокойствіе совѣсти, тишина сердца будетъ для насъ вмѣсто Ангела укрѣпляющаго.

Таковыми очами училъ взирать на страданіе Іисуса въ саду Геѳсиманскомъ и св. Павелъ, когда въ утѣшеніе бѣдствующихъ христіанъ писалъ, что мы имѣемъ Архіерея не такого, который не можетъ страдать съ нами въ немощахъ нашихъ, но Который, подобно намъ, испыталъ все, кромѣ грѣха (Евр. 4, 15). Богопросвѣщенный учитель истины не усумнился даже назвать геѳсиманское страданіе Іисуса Христа *совершеніемъ* всѣхъ предшествующихъ и послѣдующихъ Его страданій, такимъ *подвигомъ*, въ коемъ рѣшительно обнаружилось, что Сынъ Маріи достоинъ быть вождемъ спасенія для сыновъ Адама, такимъ *опытомъ*, послѣ коего уже не осталось ничего желать къ совершенству нашего Подвигоположника. Оставалось только Ему Самому, яко Первосвященнику по чину Мельхиседекову, войти во Святая Святыхъ и начать Свое вѣчное приношеніе за грѣхи рода человѣческаго.

Огражденные сими мыслями, дерзнемъ вступить теперь вслѣдъ за святымъ обществомъ Іисусовымъ въ вертоградъ Геѳсиманскій, дабы быть зрителями величайшаго подвига Сына Человѣческаго, Его Божественнаго, можно сказать, самораспятія.

Послѣ трудовъ цѣлаго дня, послѣ продолжительной бесѣды съ учениками и некраткаго путешествія изъ пасхальной горницы въ Геѳсиманію, предъ наступленіемъ ужасныхъ страданій, нѣкоторое успокоеніе было совершенно необходимо для Іисуса. Вертоградъ Геѳсиманскій представлялъ къ тому все удобство и для того, повидимому, былъ избранъ. Но не успокоеніе, а страданіе ожидало здѣсь Сына

Человѣческаго. Еще не бывъ преданъ врагамъ, среди учениковъ и друзей Своихъ, Онъ долженъ былъ претерпѣть то, чему лѣтописи страданій человѣческихъ не представляютъ примѣра....

Внутренній сладчайшій миръ, изъ ощущенія коего сама собою излилась сладкая бесѣда Іисуса съ учениками, внезапно исчезъ; свѣтлые и утѣшительные виды Царствія Божія. коими постоянно исполнена была святѣйшая душа Его, всѣ затмились; воображеніе устремилось въ область мрачнаго и ужаснаго; Іисусъ началъ скорбѣть и тосковать!...—Можетъ быть, и внѣшнія причины (истощеніе тѣлесныхъ силъ, ночное путешествіе чрезъ долину потока Кедрскаго и проч.) имѣли нѣкоторое вліяніе на сію унылость духа; но главный источникъ ея сокрывался въ самомъ духѣ Іисуса — въ тѣхъ мысляхъ и ощущеніяхъ, кои мы, подъ руководствомъ Евангелистовъ и отцовъ Церкви, старались раскрыть, по возможности, въ предшествующемъ размышленіи. Симъ мыслямъ и чувствамъ, по тайному распоряженію Провидѣнія, дано было возмутить умъ и сердце Божественнаго Страдальца до того, что Онъ, по крайнему смиренію Своему, какъ будто не обрѣталъ *на сей разъ* столько силъ, чтобы изыти на высокое крестное поприще съ величіемъ и мужествомъ, необходимымъ для *Посредника Бога и человѣковъ*. Состояніе, самое скорбное для Того, Кто пришелъ на землю, дабы всегда творить волю Отца, несомнѣнно зналъ, что, по сей волѣ, Ему должно пролить кровь Свою на Голгоѳѣ за грѣхи людей, и былъ увѣренъ, что теперь именно наступило предопредѣленное время принести сію жертву!...

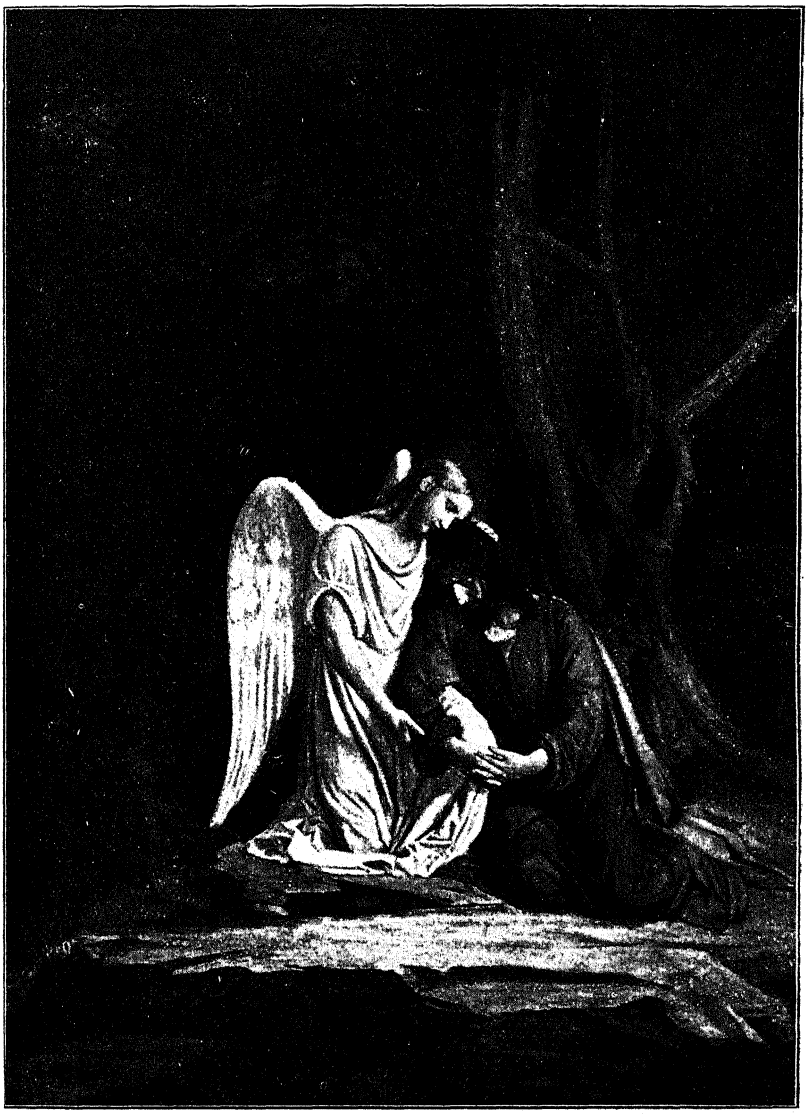
Не находя къ успокоенію Своего духа средствъ въ Самомъ Себѣ, Іисусъ обратился съ молитвою къ Отцу. Среди ея нѣкогда просвѣтлѣло лице Его на Ѳаворѣ (Лук. 9, 29); среди ея долженъ былъ просвѣтлѣть теперь и, смущенный страхомъ креста, духъ Его.

Сказавъ ученикамъ (не болѣе, сколько было нужно знать), чтобы они остались на извѣстномъ мѣстѣ (Матѳ. 26, 36) и подождали его, пока Онъ помолится, Іисусъ пошелъ далѣе въ глубину вертограда, пригласивъ слѣдовать за Собою Петра, Іакова и Іоанна. Бывъ свидѣтелями славы Его на Ѳаворѣ, ученики сіи были способнѣе другихъ видѣть и уничиженіе Его въ Геѳсиманіи. Между тѣмъ, близость трехъ

чистыхъ душъ могла служить отрадою для Того, Кто, изъ любви къ человѣчеству, шелъ на крестъ. Еще отраднѣе была бы ихъ молитва, если бы они могли молиться подобно своему Учителю.

Господь раскрылъ предъ учениками все сердце Свое. «Душа Моя, такъ говорилъ Онъ между прочимъ, прискорбна до смерти! Побудьте здѣсь, бдите со Мною и молитесь!...» Такой языкъ былъ совершенно новъ и неожиданъ для учениковъ, кои привыкли видѣть Учителя своего всегда мирнымъ и благодушнымъ. Не обнимая, однако же, мыслію всей важности настоящихъ минутъ, они не могли чувствовать и всей нужды въ молитвѣ: принялись за сіе святое дѣло, но такъ, что Богочеловѣкъ вскорѣ ощутилъ, что и сіе малое общество не соотвѣтствуетъ состоянію Его духа, и, оставивъ учениковъ, углубился въ чащу деревъ, на верженіе одного камня (не такъ далеко, чтобы ученики, при сіяніи луны, не могли Его видѣть). Въ семъ-то уединеніи должна была окончательно рѣшиться судьба человѣчества,—какъ ему быть спасену отъ грѣха и смерти: настоящимъ ли образомъ, то есть, крестною смертію Богочеловѣка, или другими недовѣдомыми путями, сокрытыми въ безднѣ Премудрости Божіей,—и при томъ въ то ли самое время, когда совершилась тайна нашего искупленія, или въ другое, послѣ?

Не смотря на молитвенное расположеніе духа Іисусова, скорбь и смущеніе усиливались болѣе и болѣе. Ко множеству мучительныхъ чувствъ и мыслей возникшихъ въ душѣ, при появленіи предъ умственнымъ взоромъ ужасной чаши гнѣва Божія, грѣховъ человѣческихъ, проклятія и мученія, за ними слѣдующихъ,—къ довершенію искушенія, присоединилась живая, неотразимая мысль, что въ безднахъ премудрости Божіей есть средства ко спасенію людей, не вознося на крестъ Сына; кольми паче есть средства отнять у сего креста хотя нѣсколько его нестерпимой лютости (или отложить казнь сію на другое время)... Источникъ сей мысли былъ тамъ же, откуда брали свое начало всѣ прочія святыя мысли и чувства Богочеловѣка—въ Его безпредѣльномъ вѣдѣніи всемогущества и премудрости Отца Небеснаго, въ Его твердой увѣренности, что Онъ всегда поступаетъ съ Своими чадами по закону свободной любви,



Ангелъ укрѣпляющій.

исключающей всякую невольную необходимость. Глубочайшее смиреніе Богочеловѣка, не увлекаемаго славою, имѣющей послѣдовать за Его страданіями, еще болѣе усиливало мысль, что Отецъ можетъ совершить Свое предопредѣленіе, такъ сказать, безъ Его—человѣческаго—содѣйствія... Что оставалось дѣлать сердцу среди сей борьбы мыслей и чувствъ, изъ коихъ каждое было столь же сильно, сколько само по себѣ благовидно, законно и свято?

Мудрецы міра, философы съ нравственностію стоиковъ, вы, можетъ быть, сокрыли бы въ себѣ сіи чувства: то есть, остались бы во внутреннемъ адѣ тогда, какъ одинъ молитвенный взоръ на небо можетъ извлечь изъ него. Но великій Страдалецъ Геѳсиманскій былъ превыше сего надменнаго и неестественнаго великодушія.—Смущенный, покрытый потомъ, Іисусъ упадаетъ на колѣни, повергается на землю и вопіетъ: *Отче Мой, аще возможно* (Тебѣ вся возможна суть), *да мимо идетъ отъ Мене чаша сія, обаче не якоже Азъ хощу, но якоже Ты: да будетъ воля Твоя!...*

Отвѣта не было!... Отецъ какъ бы не внималъ Сыну! И душевное томленіе не прекращалось. Напротивъ, съ пречистою душею начала страдать и чистѣйшая плоть. Великій Потомокъ Давида вошелъ въ то состояніе, когда Его праотецъ вопіялъ: *болѣзни адовы обыдоша мя.*

Въ душевной скорби, какъ бы не внимаемый самымъ небомъ, Іисусъ прекращаетъ молитву и идетъ къ ученикамъ, дабы утѣшить Себя ихъ присутствіемъ и молитвою; но находитъ ихъ спящими!—Утружденная природа тѣмъ удобнѣе взяла верхъ надъ ними, что, не смотря на всѣ предсказанія Учителя, они все еще не имѣли яснаго понятія о томъ, что̀ имѣло случиться, представляя себѣ будущее въ чертахъ, менѣе ужасныхъ. Если бы они провидѣли крестъ Іисусовъ со всѣми его ужасами, то, конечно, не предались бы сну, столь безвременному; а мы часто предаемся сну, гораздо худшему, не смотря на то, что совершенно знаемъ, чего стоили наши грѣхи Сыну Божію.

Странно однако же было видѣть, какъ самый Петръ, за часъ предъ тѣмъ обѣщавшій положить душу за Учителя, не устоялъ противъ обыкновенной слабости. «Симонъ, и ты спишь—сказалъ Господь,—такъ ли вы не могли побдѣть со Мною и одного часа? Бдите,—продолжалъ Господь, взгля-

нувъ на двухъ прочихъ учениковъ, пробужденныхъ Его приходомъ,—бдите и молитеся, да не внидете въ напасть. Духъ бодръ, но плоть немощна». Самый звукъ словъ показывалъ, что они изливаются изъ растерзаннаго печалью сердца.

Побужденіе учениковъ къ молитвѣ и бдѣнію проистекло, повидимому, изъ состоянія духа, нѣсколько успокоившагося. Но сія малая ослаба скоро уступила мѣсто новому, сильнѣйшему порыву смущенія и скорби, причиненному, вѣроятно, еще какою-либо полусвѣтлою мыслію, заслонившею въ воображеніи Богочеловѣка предвѣчную волю Отца. Удалившись отъ учениковъ, Онъ опять повергается на землю, и погружается духомъ въ молитву. Предметъ ея былъ тотъ же самый, что̀ и прежде, тотъ же и смыслъ; но въ чувствѣ послѣдовала уже значительная перемѣна. *Отче,* молился Іисусъ, *аще не можетъ чаша сія мимо ити отъ Мене, аще не пію ея: буди воля Твоя!* (Матѳ. 26, 42).—Послѣдовала, говоримъ, перемѣна: ибо уже не слышно прямой молитвы объ удаленіи чаши страданій; гласнѣе убѣжденіе въ святой благопотребности креста въ настоящемъ видѣ и въ настоящее время; умолчано о прежней мысли—«вся возможна Тебѣ»,—бывшей главнымъ источникомъ искушенія; преданность въ волю Божію выражается живѣе и полнѣе, а собственное желаніе примѣтно слабѣетъ и начинаетъ разрѣшаться совершенно въ безусловную покорность опредѣленіямъ небеснымъ.

Но и сія молитва осталась безъ отвѣта! Для *Единороднаго отъ Отца* въ немъ не было нужды... *Сынъ Человѣческій* долженъ былъ Самъ изречь Себѣ отвѣтъ, вознесшись—чрезъ самоотверженіе—до той высоты духа, того единенія со Отцемъ, при коемъ исчезаетъ всякое сомнѣніе и даже прошеніе, остается единая святая воля Божія.

Изнемогающій подъ бременемъ внутренняго креста, Іисусъ опять идетъ къ ученикамъ, все еще уповая, по чрезвычайному смиренію Своему, найти Себѣ нѣкое подкрѣпленіе и отраду въ ихъ молитвѣ;—и опять находитъ ихъ спящими!.. Надлежало, чтобы таинственная борьба новаго Израиля съ Богомъ совершена была безъ свидѣтелей. Тѣмъ менѣе было въ ней мѣста помощникамъ. *Единъ истопталъ точило гнѣва Божія, отъ языкъ не бѣ мужа со Мною!*—такъ воспѣвалъ еще Исаія, провидя страданія Мессіи.

Ученики пробудились; но одного взгляда на нихъ достаточно было, чтобы почесть ихъ совершенно неспособными къ молитвѣ. Евангелистъ Лука (22, 45), замѣчаетъ, что они спали отъ печали; а святой Маркъ (14, 40) присовокупляетъ, что глаза у нихъ отяжелѣли, и они не знали, что̀ отвѣчать. Состояніе соннаго разслабленія извѣстно всякому по опыту, которое весьма трудно бываетъ преодолѣть.

Оставивъ учениковъ, Іисусъ въ третій разъ обратился отъ земли къ небу и, *будучи въ бореніи*, по замѣчанію Евангелиста Луки, молился еще *прилежнѣе* (22, 44). Слова произнесены были тѣ же, что̀ и въ другой разъ; но чувство, безъ сомнѣнія, было еще отличнѣе. Духъ человѣческій не можетъ долго колебаться между противоположными предметами, безъ уклоненія на какую-либо сторону. Тѣмъ паче невозможно сіе въ такой молитвѣ, какова была молитва Іисуса. «*Буди воля Твоя*», произнесенное въ третій разъ, уже было выраженіемъ рѣшительной побѣды.

Но когда духъ возмогалъ и укрѣплялся, плоть еще болѣе ослабѣвала. Тѣлесныя силы Богочеловѣка пришли въ такую борьбу и такое изнеможеніе, что томленіе, Имъ претерпѣваемое, равнялось мученію человѣка, борющагося со смертію [1]); а потъ, коимъ оно сопровождалось, былъ, по словамъ Евангелиста Луки, какъ капли крови, падающей на землю: выраженіе, весьма много заключающее въ себѣ, если принять его и въ сравнительномъ значеніи [2]), тѣмъ паче если разумѣть буквально,—о потѣ кровавомъ, коего есть, хотя весьма немногіе, примѣры въ лѣтописяхъ страданій человѣческихъ [3]).

Такое усиліе природы могло стоить жизни, по крайней мѣрѣ, сдѣлать Сына Человѣческаго неспособнымъ къ перенесенію наступающихъ страданій съ величіемъ, Ему подобающимъ. Теперь надлежало надъ Единороднымъ Сыномъ исполнить обѣщанное прочимъ чадамъ и показать, что любовь Отца Небеснаго не попускаетъ никому искушаться болѣе, нежели сколько могутъ перенести. И вотъ, вмѣсто видимаго отвѣта на молитву, предсталъ Ангелъ для укрѣпленія Іисуса,—

---

[1]) Ἦν ἐν ἀγωνίᾳ. Лук. 22, 44.

[2]) «Подобно есть глаголати и о труждающихся зѣло, яко кровію воспотися: якоже и о горько плачущихъ, кровавыя слезы плача глаголемъ». Св. Ѳеофилакта толк. на Лук. ст. 190.

[3]) V. Bartolin. de Mort. Christi.

представъ, кажется, такъ, что и находившіеся вблизи ученики могли замѣтить, что кто-то тайно бесѣдуетъ съ Учителемъ [1]).

Укрѣпленіе Ангела совершалось, конечно, первѣе всего въ духѣ Іисуса. Человѣческая природа такова, что приведеніе на память одной мысли можетъ иногда вывесть ее изъ самаго смущеннаго состоянія и сдѣлать мирною. Впрочемъ, поелику томленіе духа такъ ужасно отразилось теперь и въ тѣлѣ, которое скоро приходитъ въ разстройство вмѣстѣ съ духомъ, но не такъ скоро успокаивается, какъ духъ: то укрѣпленіе, произведенное Ангеломъ, безъ сомнѣнія, касалось и тѣлесныхъ силъ Богочеловѣка,—и состояло въ ихъ умиреніи, оживленіи и возвышеніи.

Іисусъ укрѣпляется Ангеломъ! Вы, кои, чувствуете всю силу словъ: *Сынъ Божій, Ходатай Бога и человѣковъ, Начальникъ и Совершитель спасенія человѣческаго,* — вамъ понятно, какая бездна таинъ заключается въ сихъ немногихъ словахъ! Провидѣнію неугодно было открыть намъ, кто изъ небожителей удостоился совершить сіе единственное Божественное служеніе. Но, кто бы ни былъ оный блаженный духъ, мы обязаны ему вѣчною благодарностію: укрѣпивъ Начальника нашего спасенія въ такія рѣшительныя минуты, онъ симъ самымъ укрѣпилъ каждаго изъ насъ...

Искушеніе кончилось—совершенною увѣренностію въ благотворной необходимости креста, со всѣми его ужасами, и притомъ въ сіе, а не другое время. Послѣ сего Богочеловѣкъ снова воспріялъ ту твердость духа, которая отличала Его во всю жизнь, среди всякаго рода опасностей и лишеній, и постоянно будетъ отличать Его во время страданій.—Такъ обыкновенно бываетъ съ искушаемыми: чѣмъ сильнѣе борьба, тѣмъ болѣе укрѣпляется ею духъ.

---

[1]) Θеофил. въ толк. на Еванг.

Преданіе.

(Предатель со спирою.—*Азъ есмь*'—Великодушное самопреданіе.— Необдуманная ревность Петра. — Исцѣленіе урѣзаннаго уха. — Разсѣяніе учениковъ. — Стража ведетъ Іисуса Христа, связаннаго, въ Іерусалимъ.—Приключеніе съ однимъ юношею.—Іоаннъ и Петръ слѣдуютъ издали за Учителемъ.)

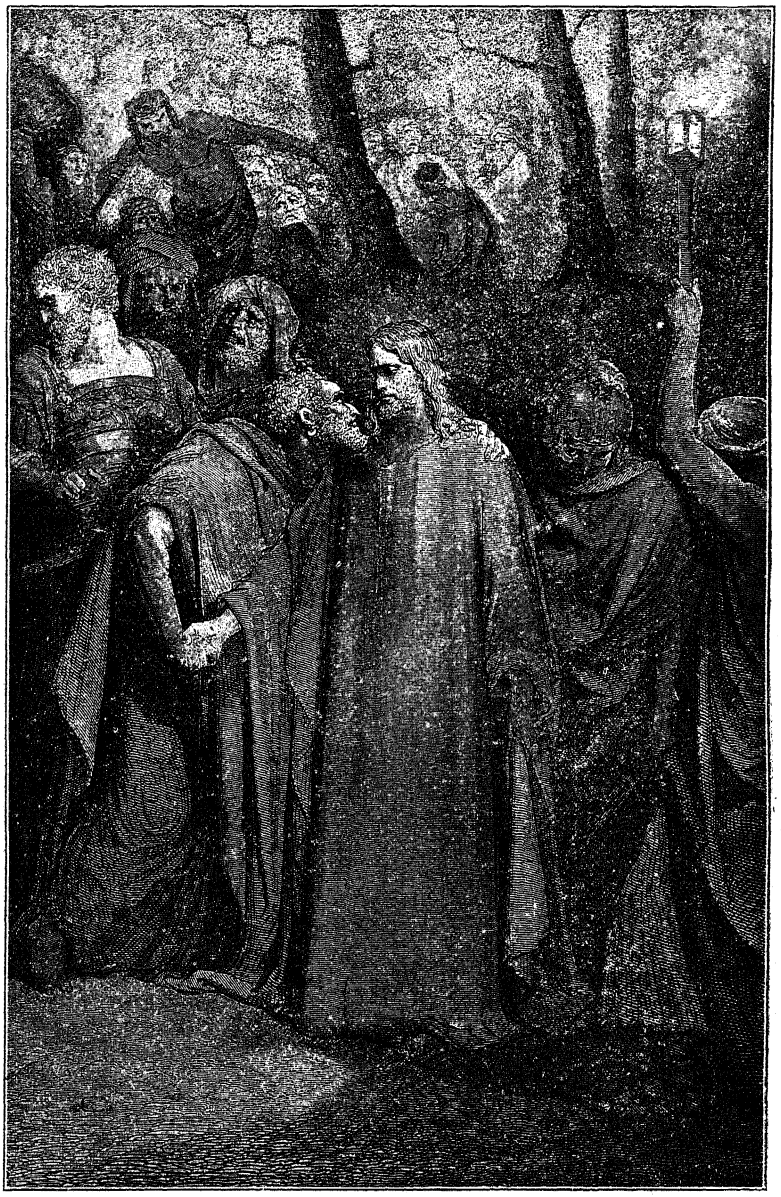
Съ возвышенности, на которой лежалъ вертоградъ Геѳсиманскій, можно было уже примѣтить приближающуюся толпу, которая, при всей тишинѣ, измѣняла своей тайнѣ немногими въ ея рукахъ свѣтильниками. Это было скопище людей всякаго рода, — большею частію стражей храма и слугъ первосвященническихъ, воинственный видъ коихъ состоялъ единственно въ томъ, что они держали въ рукахъ различныя орудія, употребляемыя въ случаѣ насилія и грабежа. Можно было подумать, что сія толпа идетъ на какой-либо безчестный промыселъ, или принуждена вооружиться нечаянно противъ какого-либо возмутителя ночного спокойствія, если бы нѣсколько человѣкъ изъ Римскихъ воиновъ и начальниковъ храма, даже синедріона (Лук. 22, 52), не показывали своимъ присутствіемъ, что все это дѣлается по распоряженію высшаго начальства. Посылать такіе жалкіе отряды—было послѣднимъ остаткомъ власти Іудейскаго синедріона, предъ вождями коего трепетали нѣкогда полководцы и государи Востока; и синедріонъ едва ли не въ послѣдній разъ воспользовался симъ правомъ—противъ своего Мессіи! Мрачная картина освѣщенной факелами толпы довершалась видомъ одного человѣка, который дрожащими стопами шелъ впереди и предводилъ всѣхъ, хотя былъ безъ оружія, и движеніями своими невольно показывалъ, что онъ недавно совершилъ злое дѣло и теперь спѣшитъ на новое, еще большее. То былъ несчастный Іуда...

Стражѣ и слугамъ (кажется) не было извѣстно, противъ кого они отправлены. Первосвященники имѣли достаточную причину не объявлять имъ сего, изъ опыта зная, что для нѣкоторыхъ слугъ слова Іисуса значатъ болѣе приказаній ихъ начальниковъ (Іоан. 7, 46). Тѣмъ нужнѣе былъ какой-либо опредѣленный знакъ для распознанія лица, противъ коего дано повелѣніе. Предатель избралъ для сего лобзаніе. «Кого я облобызаю, тотъ и есть, возьмите Его». Примѣта сія избрана Іудою не по злобѣ, какъ легко можно подумать

съ перваго взгляда, а болѣе, кажется, для прикрытія злобы. Изъ соображенія обстоятельствъ преданія открывается, что предателю хотѣлось, отдѣлившись отъ толпы, одному подойти къ Учителю какъ бы возвращаясь изъ города; и, по обыкновенію, поцѣловавъ Его, замѣшаться въ толпу учениковъ, предоставивъ стражѣ спустя немного, какъ бы самой себѣ напасть на Учителя. То есть, несчастный все еще хотѣлъ дать своему злодѣянію видъ неумышленнаго поступка. Но избрать, хотя безъ злобы сердечной, признакомъ измѣны то самое дѣйствіе, которое служило выраженіемъ дружества въ маломъ обществѣ Іисусовомъ и такъ разительно отличало его отъ обществъ раввинскихъ (гдѣ ученики получали лобзаніе отъ раввиновъ, но не смѣли сами давать его),—это составляло верхъ, если не злобы, то безсмыслія, которое повидимому привело въ удивленіе Самого Сердцевѣдца.

Іисусъ, *вѣдая* все, что̀ *съ Нимъ будетъ*, съ приближеніемъ предателя, идетъ къ ученикамъ и возбуждаетъ отъ сна не только трехъ, но и всѣхъ прочихъ, кои еще менѣе способны были преодолѣть тягость тѣлеснаго разслабленія. «Вы все еще спите и почиваете, сказалъ Онъ, но дѣло уже кончено: часъ пришелъ! *востаните, идемъ! Се приближися предаяй Мя;* и Сынъ Человѣческій предается въ руки грѣшниковъ» (Матѳ. 26, 45—46).

Вмѣстѣ съ сими словами, чтобы дать ученикамъ время совершенно пробудиться отъ сна и приготовиться къ опасности, Іисусъ пошелъ одинъ вонъ изъ вертограда, на встрѣчу толпѣ. Такое великодушіе для предателя облегчало способъ указать своего Учителя стражѣ, но въ то же время уничтожило его надежду—прикрыть свою измѣну видомъ случайнаго возвращенія изъ города. Въ смятеніи чувствъ, не зная какъ поступить, онъ однакожъ ускорилъ свои шаги (Марк. 14, 45), чтобы дать стражѣ обѣщанный знакъ, по крайней мѣрѣ, до прибытія учениковъ. Но Учитель предупредилъ измѣну, и все еще желая образумить измѣнника, спросилъ кротко: «другъ мой, зачѣмъ ты здѣсь?» (Матѳ. 26, 50).—«Равви», отвѣчалъ Іуда, и слово замерло на устахъ его... «Равви», повторилъ онъ (Марк. 14, 45) съ принужденіемъ: «здравствуй!» И тотчасъ облобызалъ Его. При семъ знакѣ искренняго братства, употребляемомъ теперь на измѣну самую низкую, сердце Іисуса невольно возмутилось негодованіемъ. *Іудо,*



Послѣ молитвы въ саду Геѳсиманскомъ.

лобзаніемъ ли предаеши Сына Человѣческаго? (Лук. 22, 48). Увидимъ, какъ сильно отзовутся слова сіи въ душѣ несчастнаго...

Уже преданный нечестивымъ лобзаніемъ, Богочеловѣкъ восхотѣлъ показать врагамъ Своимъ, что Онъ предаетъ имъ Самъ Себя и что, безъ Его собственной воли, ни предатель, ни они не могли бы ничего сдѣлать. Обратившись къ толпѣ (которая успѣла приблизиться въ то время, какъ предатель совершалъ свое предательство), Іисусъ спросилъ громко: «кого ищете?»

«Іисуса Назарянина», отвѣчали старѣйшины отряда, или не узнавая, по причинѣ темноты, кто говорилъ съ ними, или желая испытать, что Онъ, узнанный, будетъ дѣлать...

Азъ есмь, отвѣчалъ Іисусъ. Услышавъ слова сіи, стража какъ бы отъ какого необыкновеннаго удара громового, вся пришла въ величайшее смущеніе; большая часть невольно отступила назадъ, многіе отъ страха припали къ землѣ (Іоан. 18, 6). Въ краткомъ словѣ, вышедшемъ изъ устъ Іисуса, казалось, заключалась нѣкая тайная сила, непреодолимая, всемогущая. Откуда она?—Хотя съ именемъ Іисуса въ умѣ стражей соединялось все поразительное, чудесное, такъ что мысль—быть отправленнымъ для взятія Чудотворца, можетъ быть, даже Мессіи,—сама собою смущала умъ, связывала руки, отнимала духъ и лишала силъ (ибо всякому было извѣстно, что древніе пророки иногда употребляли въ подобныхъ случаяхъ для защищенія себя огонь небесный, или другія сверхъестественныя средства (4 Цар. 1, 10);—но все сіе, кажется, не могло бы заставить стражу отступить, тѣмъ паче повергнуться на землю, безъ особенной таинственной силы словъ, услышанныхъ ею отъ Іисуса, тѣмъ болѣе, что ею предводили теперь сами первосвященники, и въ числѣ ея находились Римскіе воины, не раздѣлявшіе образа мыслей Евреевъ о Мессіи и даже незнакомые съ Нимъ. Съ другой стороны, поелику Богочеловѣкъ, вступая на крестное поприще, отрекся всѣхъ, и естественныхъ и сверхъестественныхъ, средствъ къ Своему защищенію, то пораженіе стражи ужасомъ и поверженіе ея на землю не могло быть преднамѣреннымъ дѣйствіемъ силы чудотворенія, а должно быть почитаемо за непосредственное слѣдствіе необыкновенной силы духа, съ коею выражена теперь святая

рѣшимость идти на крестъ, нѣкіимъ непосредственнымъ, такъ сказать, отблескомъ Божества, обитающаго въ Іисусѣ Христѣ *тѣлѣснѣ*.

Въ какомъ смятеніи чувствъ долженъ былъ находиться при семъ случаѣ Іуда! Теперь, можетъ быть, онъ самъ согласился бы отдать все, только бы возвратить свою измѣну,—но мрачное дѣяніе уже отлетѣло въ адъ.

Господь оставался на томъ же мѣстѣ, ожидая, когда стража сдѣлается способною возложить на Него руки. Между тѣмъ ученики, одинъ по одному, выходя изъ вертограда, присоединялись къ Нему. Когда слуги, ободряемые примѣромъ фарисеевъ, а болѣе кротостію Іисуса, успокоились отъ перваго страха, Іисусъ подошелъ къ нимъ и снова спросилъ: «кого ищете?»

Невѣжественная толпа отвѣчала уже смѣлѣе, что она ищетъ Іисуса. Нѣкоторые изъ слугъ (болѣе дерзкихъ) начинали брать мѣры даже къ тому, чтобы захватить и всѣхъ учениковъ.

«Не сказалъ ли Я вамъ, отвѣчалъ Господь, что это Я? Итакъ, если Меня ищете, то оставьте ихъ: пусть идутъ».

Стража невольно повиновалась сему, все еще страшному для нея, гласу, и тотчасъ оставила учениковъ, въ отношеніи коихъ ей, кажется, не было дано никакого опредѣленнаго приказанія. По всей вѣроятности, и самъ Іуда обѣщался предать только одного Учителя. Между тѣмъ, въ семъ случаѣ, какъ замѣтилъ св. Іоаннъ, надлежало исполниться и пророчественнымъ словамъ Іисуса: *ихже далъ еси Мнѣ, не погубихъ отъ нихъ никогоже.* Въ самомъ дѣлѣ, ученики, какъ покажетъ примѣръ Петра, еще такъ мало способны были раздѣлять съ Учителемъ чашу искушеній и страданій, что взятіе кого-либо изъ нихъ подъ стражу и преданіе мукамъ могло навсегда отдѣлить его отъ Іисуса и подвергнуть совершенному паденію. *Немощи убо ради ихъ,* замѣчаетъ св. Златоустъ, *творитъ я кромѣ искусовъ* [1]).

Въ такія рѣшительныя минуты, такая особенная заботливость объ ученикахъ тронула сердце нѣкоторыхъ изъ нихъ до того, что пробудила мысль о защищеніи Учителя; а робость стражи и необыкновенное присутствіе духа въ

[1]) Бесѣд. на Іоан.

Немъ показались нѣкоторымъ вызовомъ употребить силу. «Не ударить ли намъ мечемъ?» спросили они. Но когда другіе спрашивали, Петръ уже дѣйствовалъ. Извлечь ножъ и поразить одного изъ служителей (перваго, который осмѣлился поднять руку на Іисуса?) въ правое ухо—было для него дѣломъ одного мгновенія.—Ударъ былъ не опасенъ; но и малѣйшій видъ противленія власти былъ совершенно чуждъ святому обществу Іисуса.—«Остановитесь», сказалъ Онъ ученикамъ, готовымъ слѣдовать примѣру Петра. «Вложи мечъ твой въ ножны, продолжалъ Господь, обратясь къ Петру: всѣ, поднявшіе мечъ (противъ законной власти, какова бы она, впрочемъ, ни была) мечемъ погибнутъ. *Или мнится ти, яко не могу нынѣ умолити Отца Моего, и представитъ Ми вящше, неже двянадесяте легеона Анѣлъ? Но* (въ такомъ случаѣ) *како сбудутся Писанія, яко тако подобаетъ быти?* (Матѳ. 26, 53—54). *Чашу, юже даде Мнѣ Отецъ, не имамъ ли пити?*» (Іоан. 18, 11)...

Обличая, такимъ образомъ, безвременное усердіе учениковъ, Іисусъ въ то же время изгладилъ слѣды его. Прежде, нежели слуги связали Ему руки, Онъ прикоснулся къ уху Малха (такъ назывался слуга, пораженный Петромъ) и исцѣлилъ его. Такое соединеніе величія и кротости, силы и беззащитности, еще на нѣсколько мгновеній остановило буйную толпу. Между тѣмъ, ученики, пользуясь ея смятеніемъ и нерѣшительностію, одинъ за другимъ начали удаляться съ такою поспѣшностію и такимъ невниманіемъ къ положенію своего Учителя, что одинъ изъ нихъ, впослѣдствіи описывая сіе обстоятельство, почелъ за долгъ сказать: *тогда вси, оставльше Его, бѣжаша* (Матѳ. 26, 56). Ибо, послѣ того, какъ увидѣли, что Богочеловѣкъ не хочетъ употребить къ Своему защищенію ни сверхъестественныхъ, ни естественныхъ средствъ, страхъ тотчасъ подавилъ всѣ прочія чувства и заставилъ ихъ думать только о спасеніи себя, къ коему не представлялось другого средства, кромѣ скорѣйшаго бѣгства. Послѣднія слова, которыя слышали ученики изъ устъ своего Учителя, былъ упрекъ начальникамъ стражи и фарисеямъ. «Какъ будто на разбойника пришли вы съ мечами и дреколіемъ, чтобы взять Меня,—говорилъ имъ Господь съ прежнею, Ему свойственною, властію. Не всякій ли день бывалъ Я съ вами въ храмѣ, сидѣлъ тамъ

и училъ, и вы не брали Меня? Но, се есть ваша година и область темная... Да сбудется Писаніе!» (Марк. 14, 49; Лук. 22, 53)... Упрекъ сей былъ не только совершенно справедливъ, не и весьма нуженъ. Начальники стражи, а особенно члены синедріона (Лук. 22, 52) должны были выразумѣть изъ сихъ словъ, что они сами причиною непріятнаго поступка, сдѣланнаго однимъ изъ учениковъ Іисусовыхъ,— дозволивъ себѣ употребить противъ беззащитнаго и всѣми уважаемаго человѣка такія средства, какія употребляются только противъ грабителей и злодѣевъ.

Не безъ намѣренія сдѣлано новое указаніе на ту великую истину, что все, теперь происходящее, произошло сообразно съ пророчествами: если когда свѣтильникъ пророчествъ былъ нуженъ, то теперь, при наступленіи области тьмы.

Когда Іисусъ остался одинъ, стражи связали Его и повели въ Іерусалимъ тѣмъ же путемъ, коимъ Онъ недавно шелъ съ учениками.

За Божественнымъ Узникомъ, по сказанію св. Марка (14, 51—53), слѣдовалъ одинъ юноша, коего одѣяніе (полотно, обернутое по нагому тѣлу) показывало, что онъ вышелъ на шумъ народный внезапно, безъ сомнѣнія, изъ того дома, коему принадлежалъ вертоградъ. Такое усердіе представилось подозрительнымъ стражѣ, которая, избавившись отъ несроднаго ей страха, сдѣлалась, по обыкновенію своему, наглою и жестокою; — и бѣдный юноша не иначе могъ спасти свою свободу, какъ оставивъ въ рукахъ слугъ первосвященническихъ послѣднюю плащаницу.

Поелику св. Маркъ не называетъ сего юноши по имени и однако же, не смотря на обыкновенную свою краткость, одинъ разсказываетъ сей случай, и довольно обстоятельно: то еще въ древности составилось мнѣніе, что означенный юноша былъ самъ Маркъ. Въ такомъ случаѣ ему трудно было не упомянуть о такомъ событіи, которое, касаясь такъ близко его самого, имѣетъ въ то же время цѣну для всякаго, потому что показываетъ опасность, коей подверглись бы ученики Іисуса, если-бъ захотѣли слѣдовать за Нимъ.

Предположеніемъ, что юноша былъ самъ св. Маркъ, проясняется еще одно обстоятельство, которое взаимно служитъ ему подтвержденіемъ. Въ концѣ Дѣяній Апостольскихъ читаемъ, что фамиліи нѣкоего Марка принадлежалъ

и въ Іерусалимѣ домъ (Дѣян. 12, 12), который, по вознесеніи Господа, во время гоненія на христіанъ, служилъ мѣстомъ ихъ тайныхъ собраній. Съ сею фамиліею св. Петръ былъ въ сношеніяхъ самыхъ дружескихъ, такъ что въ посланіяхъ называлъ Марка своимъ сыномъ (1 Петр. 5, 13).

Такимъ образомъ вертоградъ Геѳсиманскій и домъ, въ коемъ совершена Пасха, вѣроятно, принадлежали одной и той же фамиліи, которая была благорасположена къ Іисусу и потомъ къ Апостоламъ, и изъ коей происходилъ св. Маркъ, сопутствовавшій Апостолу Петру и написавшій впослѣдствіи одно изъ четырехъ Евангелій.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи за толпою, ведшею Іисуса, непримѣтно слѣдовали еще два человѣка, кои равно любили Его, но не равно смотрѣли на опасность своего положенія: ибо одинъ былъ знакомъ великому первосвященнику и посему не имѣлъ особенной причины страшиться преслѣдованія слугъ его; другой не зналъ никого, кромѣ рыбарей, изъ круга коихъ былъ избранъ Іисусомъ, и потому трепеталъ при одномъ имени синедріона. Послѣдній былъ Петръ, а первый, означенный у Евангелиста Іоанна общимъ именемъ *ученика, знакомаго первосвященнику*,—какъ всѣ полагаютъ,—самъ Іоаннъ.

Почему же онъ сокрылъ свое имя? «*Смиренія ради*, отвѣчаетъ св. Златоустъ. *Понеже подвигъ исповѣдати хощетъ, яко инѣмъ отбѣгшимъ, той послѣдова, того ради крыетъ себе и первѣе Петра поминаетъ. А еже поминаетъ себе, сего ради поминаетъ, да увѣмы, яко извѣстнѣе тѣхъ исповѣсть, яже въ дворъ бывшая и яже внутрь. Виждь же, како и еще отпскаетъ свою похвалу. Да не услышавъ, яко убо вниде со Іисусомъ Іоаннъ, велико что о немъ помыслиши, глаголетъ, яко знаемъ бѣ архіерею, а не яко дерзновеннѣе иныхъ бѣ. Петра же повѣдаетъ, яко послѣдовавша любве ради*».

Неизвѣстно, какимъ образомъ возлюбленный ученикъ Іисусовъ вошелъ въ знакомство съ главою синедріона и какъ могъ совмѣщать пріязнь Каіафы съ дружествомъ къ Учителю,—если къ сему не содѣйствовало предварительное знакомство Іоанна съ другими членами синедріона, Іосифомъ и Никодимомъ, о тайныхъ бесѣдахъ коихъ съ Іисусомъ онъ одинъ упоминаетъ въ своемъ Евангеліи. Какъ бы то ни было, Іоаннъ, полагаясь на знакомство съ главнымъ начальникомъ,

надѣялся, что ему, безъ большой опасности, можно будетъ войти въ домъ первосвященника и развѣдать о дальнѣйшей судьбѣ своего Учителя. Сія-то надежда влекла его и Петра теперь въ Іерусалимъ.

Іисусъ Христосъ на судѣ первосвященниковъ и синедріона.

(Стража приводитъ Христа во дворецъ первосвященника Анана.—Частный допросъ.—Отвѣтъ Іисуса.—Первое заушеніе отъ раба.—Первое отреченіе Петра.—Божественный Узникъ отсылается къ Каіафѣ.—Полночное собраніе и судъ синедріона.—Лжесвидѣтели и ихъ недостаточность.—Молчаніе Господа.—Клятвенный вопросъ первосвященника.—Величественный отвѣтъ Іисуса.—Первый смертный приговоръ.—Поношеніе отъ слугъ и стражей.—Второе и третье отреченіе Петра.—Алекторъ и слезы покаянія.)

Судя по тому, что враги Іисуса Христа крайне спѣшили судомъ и осужденіемъ Его, надлежало ожидать, что и спира поспѣшитъ представить Его прямо въ домъ Каіафы, гдѣ обыкновенно собирался для совѣщаній верховный совѣтъ Іудейскій. Между тѣмъ Божественный Узникъ, по свидѣтельству св. Іоанна (Іоан. 18, 13), приведенъ былъ сперва не къ Каіафѣ, а къ другому (отставному) первосвященнику Аннѣ, или, какъ постоянно называется онъ у Флавія, Анану: потому что онъ былъ,—присовокупляетъ Евангелистъ въ поясненіе сего обстоятельства,—тесть Каіафѣ, давшему совѣтъ Іудеямъ, *яко уне есть единому человѣку умрети за люди.* То есть, Анна, по тѣсной связи своей съ Каіафою, вѣроятно особеннымъ образомъ участвовалъ въ настоящемъ предпріятіи синедріона противъ Іисуса; съ другой стороны, древнее [1]), доселѣ сохранившееся въ Іерусалимѣ, преданіе [2]), говоритъ, что домъ Анана лежалъ на пути къ Каіафѣ, такъ что стражѣ, ведшей Іисуса, ничего не стоило доставить ему удовольствіе—первому увидѣть предъ собою связаннаго Того, Кто недавно еще казался всему синедріону неприступнымъ. Въ дополненіе къ свѣдѣніямъ о семъ первомъ судіи Богочеловѣка, не безполезно замѣтить, что Ананъ былъ самъ нѣкогда одиннадцать лѣтъ первосвященникомъ. умѣлъ потомъ,—не смотря на вмѣшательство Римлянъ, не терпѣвшихъ, чтобы это, первое въ глазахъ народа, достоинство

[1]) Оно встрѣчается еще у Августина.
[2]) Смотр. путеш. въ Іерус. Норова.

долго оставалось при одномъ человѣкѣ,—продлить его въ своей фамиліи, между сыновьями и зятьми своими, и теперь, пользуясь прошедшимъ вліяніемъ и настоящими связями, былъ, безъ сомнѣнія, лучшею и главною подпорою упадающаго со дня на день синедріона [1]).

При всей личной важности своей, Ананъ, какъ частный членъ синедріона, не имѣлъ однакожъ права самъ по себѣ дѣлать судебнаго допроса въ такомъ важномъ дѣлѣ, каково изслѣдованіе о лицѣ Мессіи. Посему на обхожденіе его съ Іисусомъ Христомъ должно смотрѣть какъ на поступокъ частнаго человѣка, который впрочемъ почитаетъ себя такъ важнымъ, что, по его мнѣнію, вопрошаемый имъ лично долженъ почитать за милость, что его спрашиваютъ такимъ образомъ,—о чемъ бы ни спрашивали. Въ настоящемъ случаѣ, отъ Пророка Галилейскаго Анану вдругъ хотѣлось знать и объ ученіи Его и объ ученикахъ: то есть, чему и для чего учить? Кто Его послѣдователи, гдѣ и сколько? Какая вообще цѣль ихъ дѣйствованія? — Хотя въ предложеніи подобныхъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, участвовало и любопытство престарѣлаго саддукея, но ими, намѣренно, или ненамѣренно, въ самомъ началѣ задавался самый опасный тонъ дѣлу. Предполагалось, что у Іисуса Христа есть многочисленное общество явныхъ и тайныхъ послѣдователей, противное существующему порядку вещей. что въ семъ обществѣ есть свое, отличное отъ всѣми принятаго—Моисеева, ученіе, своя тайная цѣль и проч. И легкаго признанія въ подобныхъ вещахъ достаточно было для враговъ Іисусовыхъ, чтобы обвинить Его въ преступленіи противъ вѣры и отечества.

Азъ, отвѣтствовалъ Господь, *не обинуяся глаголахъ міру. Азъ всегда учахъ на сонмищахъ и въ церкви* (куда всѣ Іудеи сходятся), *и тайно не глаголахъ ничесоже. Что Мя вопрошаеши? вопроси слышавшихъ, что глаголахъ имъ: се сіи вѣдятъ, яже Азъ рѣхъ.*

Нельзя было отвѣчать съ бо́льшимъ достоинствомъ, мудростію и истиною. Въ отвѣтѣ ничего не упоминается объ ученикахъ: ибо въ томъ смыслѣ, какой давалъ сему слову Ананъ, то есть, въ смыслѣ противообщественныхъ послѣдователей,

[1]) V. Flav. Antiq.

у Іисуса Христа не было учениковъ, равно какъ не было никакого мірского общества. Господь не разъясняетъ нисколько и Своего ученія предъ Ананомъ: ибо явно было, что первосвященники заплатили сребренники не за то, чтобы слышать ученіе Іисуса, а чтобы умертвить Его. И сколько времени потребовалось бы для изъясненія таинъ Царствія Божія предъ такимъ, ослѣпленнымъ личностію и злобою, слушателемъ, каковъ былъ Ананъ и его слуги? Сущность дѣла, по коему синедріонъ отправилъ противъ Іисуса Христа вооруженную стражу, состояла въ обвиненіи Его въ томъ, что Онъ учитъ и дѣйствуетъ противъ вѣры и законовъ; а истина такого обвиненія зависѣла всецѣло отъ свидѣтелей. Посему обращеніе Господа, во свидѣтельство Своей невинности, ко всѣмъ, бывшимъ когда-либо въ числѣ Его слушателей, служитъ сильнѣйшимъ доказательствомъ совершенной чистоты Его ученія и дѣйствій. Онъ точно никогда и ничего не говорилъ скрытно: если бесѣдовалъ иногда съ Апостолами пространнѣе, нежели съ народомъ,—открывая имъ *тайны Царствія Божія*,—то съ тѣмъ, чтобы, по Его собственному выраженію, сказанное имъ *во ухо*, проповѣдано было потомъ ими *на кровлѣхъ* (Матѳ. 10, 27). Никодимы и Іосифы слышали отъ Сына Человѣческаго то же, что̀ и народъ: проповѣдь о возрожденіи духовномъ, а не о дѣлахъ гражданскихъ (Іоан. 3, 1—18). Изъ присутствовавшихъ теперь Іудеевъ, вѣроятно, были такіе, кои слыхали ученіе Іисусово, — и теперь же могли дать свидѣтельство о Немъ предъ Ананомъ. Самая стража первосвященническая не забыла еще, можетъ быть, совершенно того необыкновеннаго впечатлѣнія, которое предъ симъ произвели надъ ней слова Іисуса, когда она, не смотря на повелѣніе начальниковъ своихъ, не посмѣла возложить на Него рукъ потому, что *николиже тако есть глаголалъ человѣкъ, яко Сей Человѣкъ* (Іоан. 7, 46). Если отвѣтъ Іисуса Христа и вопросъ, сдѣланный Анану, отзывался тономъ какъ-бы упрека первосвященнику: то надлежитъ помнить, что настоящій узникъ былъ Мессія, почитался за такового большею частію народа, и что съ Нимъ, при взятіи Его, поступлено, даже въ судебномъ отношеніи, самымъ недостойнымъ образомъ.

По всѣмъ симъ причинамъ, первосвященникъ Іудейскій, не смотря на сильное личное предубѣжденіе противъ Іисуса

Христа, самъ, повидимому, ничего не нашелъ въ отвѣтѣ Его такого, что̀ бы можно было поставить Ему въ вину, хотя внутренно и не могъ быть доволенъ такимъ искуснымъ, по его мнѣнію, уклоненіемъ отъ дѣла. Иначе смотрѣлъ на все сіе одинъ изъ близь стоявшихъ служителей Ананновыхъ. Святая свобода Узника въ отвѣтѣ первосвященнику, предъ коимъ онъ привыкъ оказывать и видѣть одно раболѣпство, показалась ему дерзостію, стоющею немедленнаго укрощенія. «Такъ-то Ты отвѣчаешь первосвященнику»,—вскричалъ онъ, желая показать усердіе къ чести своего владыки; и ударилъ Господа въ ланиту.

Кто будетъ молиться на крестѣ за самыхъ распинателей Своихъ, Тотъ могъ перенести теперь равнодушно безумную дерзость раба Ананова... Но молчаніе въ настоящемъ случаѣ могло показаться признаніемъ въ томъ, что дѣйствительно нарушено уваженіе къ сану первосвященника. Самъ безразсудный рабъ остался бы въ увѣренности, что поступилъ справедливо.

Аще злѣ глаголахъ, отвѣчалъ Іисусъ ударившему Его, *свидѣтельствуй о злѣ; аще ли добрѣ, что Мя біеши?*...

Ананъ видѣлъ и слышалъ все это; но не его дѣло было обуздывать безразсудную дерзость своихъ слугъ; его дѣло было судить и преслѣдовать невинныхъ...

Болѣе вопросовъ не было. Отвѣтъ Господа и святая неустрашимость Его духа дали выразумѣть хитрому саддукею, что надежда его привести Узника въ замѣшательство судебными вопросами напрасна, что онъ видитъ предъ собою того же самаго человѣка, который еще недавно привелъ въ молчаніе всѣхъ самыхъ искусныхъ книжниковъ и совопросниковъ Іерусалимскихъ.

Послѣ сего Іисусъ отосланъ былъ Ананомъ къ Каіафѣ, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ къ нему, то есть, связанный (Іоан. 18, 24). Едва ли не въ томъ же видѣ стоялъ Онъ и предъ лицемъ Анана, для коего узы Пророка Галилейскаго были пріятнымъ зрѣлищемъ.

Не одно только заушеніе отъ руки раба долженъ былъ претерпѣть Господь во дворѣ Анана: здѣсь же, не смотря на непродолжительность времени, начались и отреченія перваго изъ Его Апостоловъ.

Евангелисты всѣ упоминаютъ о семъ событіи, и столь вѣрны

въ семъ случаѣ вышеприведенному, замѣченному св. Златоустомъ, ихъ правилу не скрывать *ничего отъ мнящихся быти поносныхъ*, что, основываясь на полнотѣ разсказа ихъ, вмѣсто трехъ, предсказанныхъ Самимъ Господомъ, отреченій Петровыхъ, насчитывали нѣкоторые четыре [1]) и даже восемь [2]). Мы изложимъ приключеніе сіе, держась болѣе, — какъ то должно дѣлать и во многихъ другихъ случаяхъ, — общаго согласія Евангельскихъ повѣствованій и хода событій, нежели разнорѣчія буквальныхъ указаній.

Пользуясь своимъ знакомствомъ съ домомъ первосвященника, Іоаннъ немедленно, вслѣдъ за стражею, ведшей Іисуса, вошелъ во дворъ Анана. Петръ, какъ незнакомый, долженъ былъ оставаться за вратами, ожидая отъ ходатайства Іоаннова милости быть впущеннымъ туда же. Милость сія, столь драгоцѣнная для него, была не маловажна и для тѣхъ, кои смотрѣли за входящими. Ибо, во избѣжаніе опасности отъ стеченія народа, вѣроятно, данъ былъ Ананомъ приказъ не пускать чужихъ людей во дворъ. Но Іоаннъ сказалъ слово придверницѣ (на Востокѣ въ то время къ сей должности приставлялись наиболѣе женщины—Дѣян. 12, 13; Іоан. 18, 16), — и она ввела Петра, сдѣлавъ ему легкій вопросъ, не изъ учениковъ ли онъ (коихъ не велѣно пускать) Іисусовыхъ? На сей случай могло быть довольно одного какого-либо легкаго отрицательнаго знака: совсѣмъ другое было впереди. Побуждаемый холодомъ, Петръ приблизился къ огню, который служителями, по причинѣ суровости погоды, разведенъ былъ среди двора (Іоан. 18, 18). Но положеніе его было такъ ново для него и опасно, что онъ никакъ не могъ долго и съ твердостію выдерживать лица, имъ принятаго. Между тѣмъ, когда послышалось на дворѣ, что первосвященникъ спрашиваетъ Іисуса о ученикахъ и ученіи Его, то и стража, наполнявшая дворъ, также начала толковать объ ученикахъ Іисусовыхъ. Какъ не ко времени было теперь присутствіе Петра!—Въ придверницѣ, введшей Петра, первой (Іоан. 18, 17) родилось касательно его подозрѣніе. «И ты, мною впущенный, не изъ учениковъ ли этого человѣка?»— повторила она, подошедши къ Петру,—впрочемъ не столько изъ злого намѣренія, сколько изъ простой предосторожности;

[1]) Hess, Lebensgesch. Jesu.
[2]) Abweichende Darstellungen der Neutest. Schriftsteller. Th. II, 6. 99.

но робкому Симону самая дружеская шутка въ семъ родѣ показалась бы теперь невыносимою—въ такое время и такомъ мѣстѣ: онъ рѣшительно сказалъ, что *не знаетъ и не понимаетъ, что она говоритъ* (Марк. 14, 68).

Когда Петръ, вслѣдъ за стражею, поведшею Іисуса къ Каіафѣ, выходилъ изъ двора Ананова, послышался въ первый разъ голосъ алектора (Марк. 14, 68); но Петръ или не слыхалъ его, или не обратилъ вниманія. — Первое, описанное нами, отреченіе его предъ рабынею, имѣло еще видъ случайной неосторожности въ словахъ и могло казаться такимъ поступкомъ, который, конечно, нельзя одобрить, но и нельзя еще представлять прямою измѣною Учителю.

Между тѣмъ какъ Іисусъ Христосъ находился въ домѣ Анны, къ первосвященнику Каіафѣ, не смотря на глубокую полночь, собралась бо́льшая часть членовъ синедріона. Верховное судилище сіе представляло теперь самымъ живымъ образомъ *церковь лукавнующихъ* (Псал. 25, 5). Двѣ главныя секты, фарисейская и саддукейская, пылали давнею ненавистію къ Іисусу Христу. Каіафа, въ рукахъ коего находилась верховная власть, давно уже изрекъ свое мнѣніе: *яко лучше есть, да единъ умретъ за люди.* Для безпристрастнаго наблюдателя достаточно было одного взгляда на лица и движенія будущихъ судей Іисуса, дабы со всею увѣренностію заключить, каковъ будетъ судъ и чего должно ожидать подсудимому.

Не смотря однако же на твердое, давно положенное намѣреніе лишить Его жизни, синедріонъ хотѣлъ дать сему дѣлу весь видъ справедливости и, какими бы то ни было средствами, приписать Іисусу вину, достойную смерти. Сего требовала, можетъ быть, и совѣсть нѣкоторыхъ судей, испорченная, но не совсѣмъ заглушенная страстями, и приличіе, которымъ, особенно въ общественныхъ собраніяхъ и дѣлахъ, не пренебрегаютъ люди самые злонамѣренные. Но главнымъ источникомъ мнимой справедливости было опасеніе — прослыть въ народѣ, приверженномъ къ Іисусу Христу, явными гонителями невинности, если бы осудили Его безъ всякаго суда, по одной личной ненависти.

Рѣшились употребить то же самое средство къ обвиненію Господа, на которое Онъ предъ Ананомъ ссылался въ Свое оправданіе,—свидѣтелей. Законъ требовалъ въ семъ случаѣ

только трехъ или даже двухъ (Числ. 35, 30; Втор. 17, 6; 1 Тим. 5, 19); первосвященникамъ, въ ослѣпленіи страсти, казалось возможнымъ представить ихъ тысячи. Въ другое время дѣйствительно нашлось бы достаточное число безсовѣстныхъ людей, способныхъ клеветать на самую невинность; потому что Іерусалимъ былъ наполненъ приверженцами фарисеевъ и, слѣдовательно, врагами Іисуса. Но теперь, въ глубокую полночь, когда весь городъ спалъ, свидѣтелей надлежало искать — и не безъ труда. Начиная отъ первосвященника и до послѣдняго члена всѣ занялись симъ изысканіемъ [1]): каждый приводилъ себѣ и другимъ на память человѣка, способнаго лжесвидѣтельствовать на Іисуса и по своему образу мыслей, и по тому, что слыхалъ Его бесѣды. Такая заботливость судей въ изысканіи причинъ къ обвиненію подсудимаго, поспѣшность и замѣшательство, съ коими дѣлались предложенія, давали собранію синедріона видъ самый странный, и сквозь личину мнимой справедливости явно проглядывала злоба и личная ненависть.

Но для чего,—можно спросить при семъ.—первосвященники не рѣшились воспользоваться услугами Іуды, который, зная ученіе и всѣ дѣянія Господа, изъ угожденія врагамъ Его, изъ новой платы и даже въ оправданіе своей измѣны Учителю, могъ быть самымъ жестокимъ обвинителемъ? — Предатель, какъ мы видѣли, исполнивъ преступное обѣщаніе—указать мѣстопребываніе своего Учителя, тотчасъ удалился; а потому его не вдругъ можно было отыскать. Притомъ свидѣтельство Іуды, послѣ того какъ узнали бы о Его предательствѣ (а скрыть сего было нельзя), не имѣло бы цѣны въ глазахъ людей безпристрастныхъ. Можно даже сказать, что едва ли бы самъ Іуда имѣлъ столько дерзости, чтобы клеветать на своего Учителя, въ Его присутствіи. Мы увидимъ, что въ мрачной душѣ его, и послѣ преданія, невольно сохранилось еще сильное чувство уваженія къ Его невинности.

Всѣми искомые лжесвидѣтели начали наконецъ появляться съ разныхъ сторонъ. Что̀ они ставили Господу въ преступленіе, неизвѣстно; только свидѣтельства ихъ были несогласны между собою и не заключали въ себѣ уголовнаго

[1]) «Архіерее же и старцы и сонмъ весь искаху лжесвидѣтельства на Іисуса». Матѳ. 26, 59.

обвиненія. Вѣроятно, указывали на какое-либо нарушеніе покоя субботняго, на несоблюденіе преданій фарисейскихъ и проч.—на такія преступленія, кои много значили въ устахъ книжниковъ, когда они обольщали народъ легковѣрный, но не содержали въ себѣ законной причины къ осужденію обвиняемаго на смерть: между тѣмъ, судіямъ хотѣлось найти преступленіе именно послѣдняго рода [1]).

Наконецъ явились еще два свидѣтеля, которые, имѣя въ виду слова Спасителя, произнесенныя за два предъ симъ года къ народу (Іоан. 2, 19) въ храмѣ Іерусалимскомъ, хотѣли обратить ихъ въ уголовное обвиненіе; но оба, злонамѣренно или по забвенію отъ давности времени, превращали слова Іисуса Христа. Одинъ (Матѳ. 26, 61) лжесвидѣтель утверждалъ, будто Онъ сказалъ однажды: «Я могу разрушить храмъ Божій и въ три дня воздвигнуть его». Въ такомъ ложномъ видѣ слова, усвояемыя Іисусу Христу, могли предъ судьями показывать дерзость и самохвальство, соединенное съ неуваженіемъ къ самымъ священнымъ вещамъ, каковъ храмъ. Другой (Марк. 14, 58) лжесвидѣтель объявилъ, будто ему слышалось, какъ Господь говорилъ: «Я разрушу храмъ сей *рукотворенный,* и въ три дня воздвигну другой *нерукотворенный*». Въ такомъ превратномъ видѣ слова сіи казались обнаруженіемъ чего-то мятежнаго, богопротивнаго, какъ будто Іисусъ Христосъ не только имѣетъ самое низкое понятіе о храмѣ Іерусалимскомъ (слово *рукотворенный* употребляется въ св. книгахъ для означенія идола, Исаіи 21, 9, и храма идольскаго, Исаіи 16, 12), но и намѣренъ разрушить его, дабы создать другой, неизвѣстно какой, храмъ, всего вѣроятнѣе—не создать никакого. Это представлялось явною хулою на храмъ, равною хулѣ на Бога и Моисея, которая, по закону, вела за собою смерть хулившему (Лев. 24, 13). Вѣроятно, несогласіе лжесвидѣтелей состояло не въ однихъ выраженіяхъ, а и въ прочихъ принадлежностяхъ свидѣтельства [2]); но какихъ именно, сего, при молчаніи Евангелистовъ, опредѣлить невозможно.

Ничего не было легче, какъ отвѣчать на обвиненія лжесвидѣтелей, если бы они стоили отвѣта. Во-первыхъ, Господь никогда не говорилъ: *Я разрушу,* или *могу разрушить* храмъ,

[1]) Матѳ. 26, 59. Ἐζήτουν ψευδομαρτυρίαν, ὅπως αὐτὸν θανατώσωσι.
[2]) Ἴσαι μαρτυρίαι οὐκ ἦσαν (Марк 14, 56).

а говорилъ только условно къ Іудеямъ, требовавшимъ чуда: *разрушьте*. Во-вторыхъ, когда Онъ говорилъ сіе, то подъ церковію разумѣлъ не храмъ Іерусалимскій, а собственное тѣло, такъ что слова Его имѣли такой смыслъ: вы требуете чуда, и будете имѣть оное въ Моемъ воскресеніи; ибо когда вы разрушите церковь тѣла Моего — умертвите Меня, то Я черезъ три дня воздвигну ее — воскресну изъ мертвыхъ (Іоан. 2, 16—22).

Между тѣмъ Господь не отвѣчалъ и на сіи лжесвидѣтельства такъ же, какъ и на первое (Матѳ. 26, 63). То, что̀ Онъ сказалъ бы въ изъясненіе смысла словъ Своихъ, не послужило бы къ Его оправданію [1]): смерть Его уже была запечатлѣна въ сердцѣ первосвященниковъ. Съ другой стороны, поелику слова Господа заключали въ себѣ символическое предсказаніе о Его смерти и воскресеніи, то поясненіе смысла, въ нихъ содержащагося, было бы далеко несообразно съ настоящими обстоятельствами и, не доставивъ никакой пользы, привело бы только къ недоумѣніямъ и насмѣшкамъ. Молчаніе, наконецъ, было самымъ лучшимъ отвѣтомъ уже потому, что свидѣтели не были согласны между собою; потому что такое разногласіе дѣлало ихъ показанія совершенно недѣйствительными предъ закономъ [2]).

Судьи при всей личной ненависти къ Подсудимому, сами чувствовали слабость лжесвидѣтельствъ; но величественное молчаніе Его для мелкаго самолюбія казалось непростительнымъ невниманіемъ, или презрѣніемъ. Если бы Господь защищалъ Себя, то могли надѣяться, что въ собственныхъ Его словахъ найдется что-либо противное закону: ибо первосвященники и книжники не разъ испытали на себѣ строгость Его обличеній, почитаемую ими за дерзость и богохульство. И вотъ Каіафа, который доселѣ сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и сохранялъ, хотя не безъ принужденія, важность предсѣдателя нечестиваго совѣта, первый потерялъ терпѣніе, всталъ съ своего мѣста и, выступивъ на средину (Марк. 14, 60), гдѣ находился Господь, сказалъ съ гнѣвомъ: «какъ Ты не отвѣчаешь ничего? развѣ не слышишь, что они противъ Тебя свидѣтельствуютъ?»

---

[1]) Non intererat occidentium, quid diceret. Tacit.

[2]) Матѳ. 28, 16; Втор. 17, 6; 1 Тим. 5, 19; Числ. 25. 30. Seldenus de Syned. 2. 13.

Но Господь не отвѣчалъ ни слова... Раздраженный симъ молчаніемъ, первосвященникъ всего скорѣе согласился бы почесть его за сознаніе въ преступленіи; но нѣкоторый остатокъ приличія еще обуздывалъ личную ненависть. Между тѣмъ, вступивъ въ разговоръ съ Узникомъ, онъ не могъ уже безъ стыда окончить его ничѣмъ. Хитрость саддукея нашла средство, не прибѣгая къ явно несправедливымъ мѣрамъ, не только заставить Подсудимаго говорить, но и сказать нѣчто такое, чѣмъ весь допросъ въ немногихъ словахъ могъ быть совершенно оконченъ. Какъ первый служитель Бога Израилева, первосвященникъ, при всемъ недостоинствѣ своемъ, имѣлъ право спрашивать о чемъ-либо обвиняемаго подъ клятвою: способъ допроса, на который нельзя было не отвѣчать, не преступивъ должнаго уваженія къ клятвѣ, къ сану первосвященника и самому закону. Къ сему-то средству прибѣгъ Каіафа.

«Заклинаю Тебя,—сказалъ онъ, съ притворнымъ уваженіемъ къ словамъ, имъ произнесеннымъ,—заклинаю тебя Богомъ живымъ: скажи намъ, Ты ли Христосъ, Сынъ Божій (то есть Ты ли Мессія)?» (Матѳ. 26, 63).

Я, отвѣчалъ Господь: *даже реку самъ болѣе: отселѣ узрите Сына Человѣческаго* (Меня), *сѣдяща одесную силы Божіей и грядуща на облацѣхъ небесныхъ.*

То есть, какъ бы такъ было сказано: вскорѣ самыя дѣла покажутъ вамъ, что Я тотъ славный Царь, Который, по описанію пророка Давида, сидитъ на облакахъ одесную Ветхаго днями (Дан. 7, 13—14).

Сего именно признанія и желалъ Каіафа; потому что оно совершенно отвѣтствовало его цѣли. Но положеніе дѣла требовало скрыть при семъ свое удовольствіе; и оно сокрыто... Какъ бы услышавъ ужасное, нестерпимое богохульство, лицемѣръ тотчасъ представился вышедшимъ изъ себя и разодралъ одежды свои (переднюю часть): поступокъ, который въ первосвященникѣ выражалъ чрезвычайную крайность [1]) душевнаго волненія и показывалъ величайшій избытокъ мнимой ревности по славѣ Бога Израилева. «Слышали ли,—вскричалъ потомъ Каіафа къ прочимъ судіямъ,—

[1]) Іис. Нав. 7, 6; Есѳ. 4, 1; 2 Цар. 1, 11; 3 Цар. 21, 27. Geierus de luctu Hebr. 22. 11.

слышали ли вы, что Онъ сказалъ?.. Онъ явно богохульствуетъ, и мы еще требуемъ свидѣтелей?»...

Всѣ молчали, раздѣляя съ первосвященникомъ притворный ужасъ по причинѣ мнимаго богохульства. «Что же вы думаете,— продолжалъ лицемѣръ, — чего Онъ достоинъ?» (Матѳ. 26, 65—66).

«Смерти, смерти», повторяли одинъ за другимъ старѣйшины.

Симъ кончился первый допросъ. Судьи и совѣтники разошлись, дабы нѣсколько успокоиться сномъ, потомъ снова собраться, при первомъ разсвѣтѣ. Цѣль, давно желанная, достиженіе коей еще за нѣсколько дней казалось невозможнымъ, по крайней мѣрѣ въ продолженіе праздника, сія цѣль—осужденіе на смерть Іисуса—теперь, сверхъ чаянія, представлялась уже почти достигнутою; оставалось только въ новомъ собраніи подтвердить приговоръ, теперь сдѣланный.

Господь, въ ожиданіи новаго собранія, выведенъ былъ изъ жилища первосвященника, гдѣ происходилъ совѣтъ, на дворъ. До утра оставалось немного времени (два, три часа); но для Него сей промежутокъ времени былъ весьма тяжелъ, потому что Онъ находился въ рукахъ буйной толпы, состоявшей изъ стражей храма и служителей первосвященническихъ (Лук. 22, 63—65; Матѳ. 26, 67—68). Тѣ и другіе почитали за долгъ выказать свое раздраженіе и презрѣніе къ Человѣку, Который, по ихъ мнѣнію, имѣлъ дерзость быть врагомъ ихъ начальниковъ. Можетъ быть, даже отъ первосвященниковъ данъ былъ слугамъ намекъ, какъ поступать съ Узникомъ. «Пророкъ Галилейскій! Мессія-самозванецъ!» Такими насмѣшками началось поруганіе. Но скоро отъ словъ перешли къ ударамъ. Одни заушали Господа; другіе ударяли Его по ланитамъ, иные плевали въ лице [1]). Кои хотѣли казаться остроумными, закрывали Его лице (Марк. 14, 65; Лук. 22, 64) одеждою и при каждомъ ударѣ спрашивали: «угадай, Христосъ, кто Тебя ударилъ»,—потому что Мессія, по мнѣнію Іудеевъ, долженъ былъ знать все.

Что Господь всѣ сіи оскорбленія переносилъ терпѣливо, безъ всякаго ропота, о семъ Евангелисты не почли за нуж-

[1]) Заплеваніе у Евреевъ почиталось знакомъ крайняго презрѣнія и ненависти. Числ. 12, 14.

ное и упоминать. Они замѣчали только, если Онъ что-либо говорилъ Своимъ мучителямъ для ихъ вразумленія.

Обратимся къ Петру. Здѣсь прилично разсказать, какъ исполнилась послѣдняя часть предсказанія Іисуса Христа о его отреченіи.

Не смотря на опасность, срѣтившую Симона [1]) во дворцѣ Анана, онъ слѣдовалъ за толпою служителей, ведшихъ Іисуса Христа во дворецъ Каіафы, желая знать, чѣмъ кончится судъ надъ Учителемъ, Коему измѣнили уже его уста, но сердце пребыло вѣрнымъ. Первое возглашеніе пѣтела при первомъ отреченіи Симона, какъ мы видѣли, не произвело на него никакого впечатлѣнія [2]) или, можетъ быть, даже возбудило рѣшимость доказать на дѣлѣ, что зловѣщій пѣтелъ не будетъ болѣе свидѣтелемъ измѣны Апостола. И во дворцѣ Каіафы Симонъ представлялъ лице человѣка, который пришелъ на шумъ народный изъ одного любопытства; и также, вмѣшавшись въ толпу служителей, грѣлся вмѣстѣ съ ними у огня, который былъ разведенъ на дворѣ, по причинѣ ночного холода. Но предсказанная Господомъ измѣна преслѣдовала Симона и здѣсь. Галилейское нарѣчіе, коимъ онъ говорилъ, природная живость характера, соединенная теперь съ величайшею робостію, особенное участіе въ извѣстіяхъ о ходѣ суда надъ Іисусомъ Христомъ, кои служителями были выносимы изъ судилища, и множество другихъ обстоятельствъ часъ отъ часу болѣе и болѣе измѣняли Симону предъ наглыми служителями, кои, находясь въ услугахъ у судей и будучи употребляемы при слѣдствіяхъ и розыскахъ, привыкли открывать людей подозрительныхъ. Одинъ изъ служителей, обративъ на него вниманіе, началъ говорить окружавшимъ его: «этотъ человѣкъ долженъ быть изъ числа учениковъ Іисусовыхъ». Симонъ затрепеталъ снова; уста, однажды измѣнившія, еще скорѣе разверзлись для второго отреченія: однихъ увѣреній показалось уже недостаточно,—и малодушный ученикъ присовокупилъ ко лжи клятву въ томъ, что онъ вовсе не знаетъ Іисуса. Такъ скоро и глубоко падаетъ добродѣтель человѣческая! Освободившись отъ опасности, Симонъ

[1]) Прежнее имя Ап. Петра, которое Господь замѣнилъ новымъ, назвавъ его, въ ознаменованіе крѣпости его вѣры, Кифою, или Петромъ (каменнымъ): Іоан. 1, 42.

[2]) Св. Злат. бесѣд. на Матѳ. 85, al. 86.

удалился отъ огня; страхъ гналъ его вонъ, но любовь опять удержала; и онъ остановился у дверей.

Протекло еще нѣсколько времени; первый допросъ кончился—и Іисусъ Христосъ былъ выведенъ изъ судилища на дворъ. Влекомый любовію, ученикъ невольно приблизился, чтобы еще разъ взглянуть на своего Учителя, показаться Ему, если можно, и доказать свое участіе въ Его судьбѣ. Казалось, безопасно; но вдругъ одинъ изъ служителей остановилъ Симона вопросомъ: «вѣрно, и ты былъ съ Нимъ? ибо ты Галилеянинъ, и нарѣчіе твое измѣняетъ тебѣ». Прочіе служители подтвердили сіе подозрѣніе; ибо нарѣчіе Галилейское было очень замѣтно для всякаго [1]); а между тѣмъ всѣ знали, что ученики Іисусовы родомъ Галилеяне. Изумленный Симонъ находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: ибо, хотя при взятіи Іисуса воины не имѣли, повидимому, повелѣнія брать учениковъ Его, но, теперь, когда удалось такъ счастливо овладѣть Учителемъ, вѣроятно, не пощадили бы и ученика, который самъ попалъ въ ихъ руки. Какъ же глубоко должно было упасть сердце Симона, когда, не дожидаясь его отвѣта, одинъ изъ слугъ архіерейскихъ, бывшій съ воинами въ саду Геѳсиманскомъ, родственникъ того самаго Малха, коему Петръ отрѣзалъ ухо,—началъ вслухъ всѣхъ обличать его, говоря: «не я ли тебя видѣлъ съ Нимъ въ саду Геѳсиманскомъ?» Робкій Симонъ не зналъ, что дѣлать, забылъ себя и Учителя, умеръ, по выраженію св. Златоуста [2]), отъ страха, и всѣми видами клятвъ началъ утверждать, что онъ не только никогда не думалъ быть ученикомъ Іисуса, но и вовсе не знаетъ Сего Человѣка.

Еще малодушный ученикъ не успѣлъ окончить своихъ клятвъ, какъ проводникъ покаянія (пѣтелъ) возгласилъ вслухъ его въ другой разъ...

Въ это же время Господь, бывшій среди стражи на дворѣ, обратился въ ту сторону, гдѣ находился Симонъ Петръ (и гдѣ по причинѣ спора произошелъ шумъ) и посмотрѣлъ на него пристально... Петръ, при всемъ замѣшательствѣ своемъ,

---

[1]) Оно отличалось грубостію и неправильностію произношенія многихъ буквъ и даже цѣлыхъ словъ. Посему въ Іудеѣ не допускали Галилеянъ къ чтенію въ синагогахъ. V. Buxtorf. Lex. Talm. p. 434. 2416. Pfeifer Dubia Vexat. p. 1166.

[2]) Бесѣд. на Матѳ. 85. Conf. S. Victor. Antioch. in 14 Mar.

замѣтилъ это; взоръ Учителя и Господа проникъ его сердце [1]). Казалось, онъ снова слышитъ роковое предсказаніе: «прежде нежели пропоетъ пѣтухъ, ты отвергнешься Меня три раза». Мѣсто малодушія заступили стыдъ и раскаяніе [2]). Но,—опытъ кончился! Слуги архіерейскіе, удовлетворившись клятвами, перестали безпокоить Петра. Но шумъ двора архіерейскаго былъ уже несносенъ для сердца, терзаемаго скорбію,—и онъ, со слезами на глазахъ, спѣшилъ вонъ, дабы въ уединеніи плакать о своемъ непостоянствѣ. *И изшедъ вонъ, плакася горько...*

Св. Климентъ, ученикъ Ап. Петра, повѣствуетъ, что онъ во всю жизнь, при полуночномъ пѣніи пѣтуха, становился на колѣни и, обливаясь слезами, каялся въ своемъ отреченіи, и просилъ прощенія, хотя оно было дано ему Самимъ Господомъ вскорѣ по воскресеніи. По сказанію Никифора [3]), глаза св. Петра отъ частаго и горькаго плача казались красными.

Разительною чертою характера Петрова оканчивается исторія сей ночи, въ коей стеклось столько противоположныхъ явленій: непоколебимой преданности въ волю Божію, великодушнаго терпѣнія, низкой измѣны, буйнаго безчеловѣчія мнимой справедливости, истинной праведности;—въ продолженіе коей природа человѣческая обнаружилась и съ самой лучшей (въ Іисусѣ Христѣ), и съ самой худшей (въ Іудѣ и первосвященникахъ), и съ средней стороны (въ Петрѣ);—въ которую положено начало событій, объемлющихъ все человѣчество, имѣющихъ окончиться вмѣстѣ съ бытіемъ настоящаго міра, но въ своихъ дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ имѣющихъ продолжиться въ вѣчности.

---

[1]) «Тотъ не могъ оставаться во тьмѣ отреченія, на кого воззрѣлъ Свѣтъ міра». Блаж. Іеронимъ. Conf. S. Leon. Serm. 3. de Pass.

[2]) Матѳ. 16, 18. «Ты еси Петръ, и на семъ камени ссзижду Церковь Мою, и врата адова не одолѣютъ ей».

[3]) Lib. 2, c. 37.

Окончательный приговоръ противъ Іисуса Христа синѣдріона.

(Второе—утреннее собраніе синедріона.—Второй смертный приговоръ.—Его совершенная неправильность.—Іисусъ Христосъ препровождается къ Пилату.—Почему и зачѣмъ?)

Наступало утро дня, единственнаго въ исторіи рода человѣческаго. Въ навечеріи его, какъ мы видѣли, Іудеи закалали агнца пасхальнаго; а теперь, среди полудня, имѣлъ быть закланъ Агнецъ Божій, вземлющій грѣхи міра [1]). Надлежало, чтобы истинная жертва принесена была съ жертвою прообразовательною въ одинъ день. Умы всѣхъ Іудеевъ заняты были послѣднею: думалъ ли кто-нибудь о первой?...

Еще добрые Израильтяне покоились сномъ, не думая, чтобы *Утѣха Израиля* была такъ близко къ нимъ, какъ чертоги Каіафы снова наполнились старѣйшинами, фарисеями и книжниками [2]). Не думали повторять розысканій, выискивать свидѣтелей (все это и прежде дѣлалось для одного вида): желали только—сообразно обыкновенію—не осуждать преступника на смерть въ одно засѣданіе [3]), снова въ полномъ присутствіи синедріона выслушать признаніе Господа, что Онъ есть Мессія, и вслѣдствіе сего снова подтвердить приговоръ смертный. Чего не доставало для единогласія, то могло быть сдѣлано посредствомъ тайныхъ сношеній въ остальную часть ночи. Не страшились болѣе и возмущенія народнаго: жители Іерусалима не могли еще узнать о приключеніяхъ прошедшей ночи. Дѣло тьмы совершалось такъ успѣшно, какъ только могли желать служители тьмы. По всему можно было имъ надѣяться, что они скоро совершенно избавятся отъ ненавистнаго имъ Обличителя нравовъ и тѣмъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ займутся празднованіемъ Пасхи.

---

[1]) У Евреевъ день начинается съ вечера.

[2]) Марк. 15, 1; Лук. 22, 66 — 71. — Нѣкоторые толковники (Grotius, Kuinöl, Gregor, Mayer etc.) не допускаютъ второго собранія синедріона, здѣсь описываемаго, полагая, что Ев. Лука разумѣетъ подъ нимъ то же самое собраніе, которое мы представили первымъ. — Но точное и опредѣленное указаніе времени (какъ насталъ день — πρωίας δε γενομένης, Матѳ. 27, 1), подробное исчисленіе собранныхъ для совѣта сословій (Марк. 15, 1); полнота собранія (Марк. «весь совѣтъ»), сказаніе Талмуда (Mischna 4 Sanhedr. c. 4. § 1), что въ уголовныхъ дѣлахъ осужденіе должно быть произносимо по крайней мѣрѣ на другой день, какъ начался судъ, — заставляетъ думать, что это было новое собраніе.

[3]) In capitalibus judiciis sententia absolutoria die coepti judicii pronunciari potest, condemnatoria non nisi postridie. Sanhed. c. 4 § 1.

Господь былъ введенъ въ собраніе. «Ты ли Мессія, скажи прямо?»—спросилъ Каіафа тѣмъ голосомъ, который уже отзывался смертнымъ приговоромъ.

«*Аще и реку вамъ* (что Я Мессія), отвѣчалъ Господь, *не имете вѣры. Аще и вопрошу васъ* (о томъ, что могло бы вывести васъ изъ ослѣпленія), *не отвѣщаете Ми, и* (хотя бы Я доказалъ, что вы должны вѣрить словамъ Моимъ) *не отпустите Мя.* (Послѣ сего остается одно) *отселѣ Сынъ Человѣческій* (Я Мессія) *будетъ сѣдяй одесную силы Божіей* (не будетъ болѣе являться предъ вами въ видѣ уничиженнаго узника, а пріиметъ видъ всемогущаго царя и судіи)».

«Итакъ Ты Сынъ Божій (Мессія)?»—спросили съ нетерпѣніемъ нѣкоторые изъ судей.

Азъ есмь,—отвѣчалъ Господь.

«Онъ Самъ на Себя произнесъ осужденіе»,—повторяли одни за другими старѣйшины: «болѣе не о чемъ и разсуждать. Смерть, смерть богохульнику!... Смерть, смерть Лжемессіи!»... (Лук. 22, 66—71).

Благомыслящіе члены синедріона или не были при настоящемъ рѣшительномъ осужденіи Господа, или должны были молчать. Ихъ частный голосъ только повредилъ бы имъ, ничего не сдѣлавъ въ пользу невинно осужденнаго. Касательно Іосифа Аримаѳейскаго прямо замѣчается въ Евангеліи, что онъ не участвовалъ въ настоящемъ *преступномъ совѣтѣ и беззаконномъ дѣлѣ* синедріона.

Мы говоримъ: «преступномъ совѣтѣ и беззаконномъ дѣлѣ», ибо, какъ ни старались первосвященники въ судѣ надъ Господомъ соблюсти видъ законнаго судопроизводства, настоящій приговоръ противъ Него сдѣланъ вопреки всѣмъ законамъ правосудія. Основались единственно на объявленіи Господа, что Онъ есть Мессія. Но объявленіе Себя Мессіею, коего всѣ ожидали, само по себѣ долженствовало быть причиною не смерти, а уваженія и почестей. Итакъ надлежало ожидать, что синедріонъ, хотя изъ одного вида, потребуетъ доказательствъ на то, что Онъ есть истинный Мессія, войдетъ сколько-нибудь въ разсмотрѣніе Его дѣлъ и ученія, отъ чего, какъ мы видѣли, не далекъ былъ, повидимому, самъ тесть Каіафы, Ананъ. Но сего вовсе не сдѣлано. Ослѣпленнымъ личною ненавистію, опутаннымъ съ ногъ до головы разсчетами мелкаго саддукейскаго самолюбія, судьямъ-вра-

гамъ Іисусовымъ представлялось невозможнымъ, чтобы ожидаемый народомъ Іудейскимъ Мессія былъ таковъ, какимъ казался теперь Іисусъ Христосъ: это было для нихъ дѣло, совершенно рѣшенное. Поелику же синедріонъ основалъ приговоръ смертный на томъ, что̀ непремѣнно требовало новаго и безпристрастнаго изслѣдованія: то судъ его, не смотря на всѣ старанія—придать ему видъ законности, представляетъ явное неправосудіе. «Форма только, говоритъ св. Златоустъ, была суда, а въ самомъ дѣлѣ это было не что иное, какъ нападеніе разбойниковъ».

Принявъ объявленіе Господа, что Онъ есть Мессія, за ложь, синедріонъ могъ находить въ немъ два преступленія, по отношенію къ двоякой власти, имѣвшей силу въ Іудеѣ. Въ отношеніи къ отечественнымъ законамъ, Іисусъ Христосъ представлялся человѣкомъ нечестивымъ, который, забывъ страхъ Божій, осмѣливается присвоять себѣ священное наименованіе Мессіи, дабы вводить народъ Божій въ заблужденіе, которое по существу своему (ибо съ появленіемъ Мессіи ожидали преобразованія правленія) могло имѣть пагубныя слѣдствія для всей Іудеи. Въ отношеніи къ Римскому правительству, Іисусъ Христосъ оказывался возмутителемъ, который, пользуясь народною вѣрою Іудеевъ въ пришествіе Мессіи, хочетъ привлечь ихъ на свою сторону, дабы потомъ свергнуть иго Римлянъ. Въ томъ и другомъ отношеніи виновный подлежалъ смертной казни. За богохульство и присвоеніе достоинства пророческаго, законъ Моисеевъ повелѣвалъ побивать камнями (Лев. 24, 13); за возмущеніе народа, по уложенію Римлянъ, назначенъ былъ мечъ или крестъ [1]).

Іудейскій синедріонъ пользовался еще правомъ наказывать смертію за преступленіе отечественныхъ законовъ: только приговоры его исполнялись не прежде, какъ по утвержденіи ихъ областнымъ прокураторомъ [2]). Слѣдовательно, по осужденіи Господа на смерть, первосвященникамъ оставалось только испросить согласія тогдашняго прокуратора и потомъ передать Его стражамъ храма и слугамъ своимъ на побіеніе камнями, или другую какую-либо отечественную

[1]) Bynaeus de Mort Christi

[2]) Joseph. de Bell. Jud. 6. 5. 6. Wolfius in Curis ad Math. 26. Mayer, 68. Vertheidigung und Erklärung der Geschichte Jesu aus Profan-Scribenten. § 242.

казнь [1]). Но первосвященники не сдѣлали сего; а предпочли отослать Осужденнаго къ прокуратору, дабы онъ приказалъ казнить Его по законамъ Римскимъ. Это было совершенно въ духѣ фарисейской разсчетливости. Совершеніе казни отъ лица синедріона обратило бы всю ненависть народа, приверженнаго къ Іисусу Христу, прямо противъ первосвященниковъ и фарисеевъ; могли даже опасаться, что народъ произведетъ возмущеніе въ пользу любимаго всѣми Пророка,— что̀ было сдѣлать гораздо труднѣе, когда Онъ находился въ рукахъ Римскаго, для всѣхъ страшнаго, правительства. Самое наступленіе праздника препятствовало первосвященникамъ распорядиться отечественною казнію; а отложить ее до окончанія праздника сопряжено было съ новою опасностію отъ народа. Въ преданіи Господа Пилату представлялась и та выгода, что прокураторъ можетъ осудить Его на самую поносную смерть—на крестъ, каковая казнь опредѣлялась только Римскими законами. Между тѣмъ надлежало исполниться и предсказанію Господа о томъ, что Его предадутъ въ руки язычниковъ, кои осудятъ Его на распятіе (Іоан. 18, 32). (Мы во всей исторіи страданій Христовыхъ будемъ видѣть, какъ естественныя повидимому обстоятельства сами собою располагались такъ, что, противъ воли враговъ Іисусовыхъ, на Немъ во всей подробности совершились событія, предсказанныя за нѣсколько вѣковъ пророками и Самимъ Богочеловѣкомъ). Требовалось только придумать, какъ сильнѣе подѣйствовать на прокуратора, дабы онъ кончилъ дѣло безъ дальняго изслѣдованія. Для сего вѣрнѣйшимъ средствомъ казалось, если члены синедріона сами своимъ лицемъ явятся въ его судилище, представятъ ему и важность дѣла, и единогласіе своего приговора, и очевидность преступленія, и крайнюю опасность со стороны преступника для самаго правительства Римскаго.

Вслѣдствіе подобныхъ соображеній, Іисусъ Христосъ въ узахъ былъ отведенъ стражами изъ дома Каіафы въ преторію Пилата (такъ назывался весь домъ и въ частности судилище Римскаго правителя). За Нимъ слѣдовали туда же первосвященники, старѣйшины, фарисеи и книжники (Матѳ. 27, 1. 2).

[1]) Въ Талмудѣ пишется, что въ распоряженіи сената Іудейскаго находились четыре смертныя казни: побіеніе камнями, сожженіе, отсѣченіе головы мечемъ, удавленіе (strangulatio). Sanhedr. 7. 4. p. 240.

Судьба предателя.

(Раскаяніе Іуды.—Свидѣтельство о невинности преданнаго Учителя.—Онъ повергаетъ сребренники.—Самоубійство.—*Село крови.*—Исполненіе пророчествъ.—Характеръ предателя.—Что побудило его быть въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ?—Почему и для чего онъ принятъ?—Страсть сребролюбія—непрестанно возрастающая.—Какъ могла образоваться мысль о преданіи?... Іуда не ожидалъ отъ него *такого* конца.—Естественность раскаянія.—Тяжесть грѣха Іудина.)

Слухъ объ осужденіи синедріономъ Іисуса Христа на смерть привелъ, безъ сомнѣнія, въ содроганіе весь Іерусалимъ и, можетъ быть, нѣкоторыхъ даже изъ враговъ его; но самое сильное дѣйствіе произвелъ въ томъ человѣкѣ, отъ коего въ настоящемъ случаѣ всего менѣе можно было ожидать чувствительности—въ Іудѣ!—Какъ бы отъ нѣкоего чуда, предатель перемѣнилъ свои мысли и чувства. Раскаяніе самое сильное и мучительное наполнило всю его душу, и овладѣло имъ до того, что онъ, не зная, что̀ дѣлать, рѣшился на самый отважный поступокъ—идти къ первосвященникамъ, возвратѝть гибельные сребренники и всенародно свидѣтельствовать, что онъ согрѣшилъ тяжко—*предалъ кровь неповинную!* Трудно было надѣяться тронуть симъ поступкомъ (хотя онъ самъ по себѣ былъ весьма трогателенъ) сердце судей—враговъ Іисусовыхъ; но ученикъ-предатель хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удовлетворить собственному чувству, облегчить сколько-нибудь нестерпимое бремя грѣха, подавлявшее его душу. Первосвященники приняли раскаяніе Іуды и его свидѣтельство о невинности Іисуса съ презрительною холодностію людей, кои, якобы занимаясь только исполненіемъ законовъ, не имѣютъ времени обращать вниманіе на порывы мечтательной чувствительности. Ни одинъ не захотѣлъ спорить съ Іудою о невинности его Учителя (всего менѣе признаваемой личными врагами Іисуса); но ни одинъ не взялся пролить капли елея на растерзанное сердце предателя. «Что намъ, — отвѣчали, — до твоего поступка? Смотри самъ! Ты согрѣшилъ (если согрѣшилъ), ты и долженъ отвѣчать!»— Такъ холодно говорили уста, хотя сердце кипѣло злобою на Іуду за его всенародное раскаяніе и свидѣтельство о Іисусѣ, кои, служа къ оправданію Осужденнаго, были вмѣстѣ съ тѣмъ нестерпимымъ упрекомъ неправеднымъ судіямъ Его.

Огорченный упрекомъ священниковъ, бѣдный предатель дѣйствительно обратилъ весь взоръ на себя самого, но взоръ

отчаянія, предъ коимъ такъ скоро является и такъ кажется пріятною—смерть!... Въ смятеніи чувствъ, онъ повергаетъ принятые сребренники въ храмѣ [1]), спѣшитъ въ уединенное мѣсто и тамъ, на деревѣ, задушаетъ въ себѣ жизнь тѣлесную, давно задушивъ духовную. Но ужасная картина сія, начатая рукою отчаянія, какъ бы съ намѣреніемъ продолжается перстомъ карающаго Провидѣнія; висящее тѣло упадаетъ съ дерева стремглавъ внизъ, средина его расторгается на части, и являются внутренности (Дѣян. 1, 18)...

Первосвященники, по свидѣтельству св. Матѳея, не согласились положить въ корванъ церковный сребренниковъ Іудиныхъ: потому что закономъ запрещено было принимать въ церковь деньги нечистыя (Втор. 23, 18); а это была цѣна крови!—Вмѣсто сего, съ общаго совѣта, куплено впослѣдствіи у одного горшечника пустое за городомъ мѣсто для погребенія странниковъ, можетъ быть и Іудеевъ, кои, во многихъ тысячахъ приходя во святой градъ, оканчивали нерѣдко тамъ земное поприще свое, а болѣе кажется язычниковъ, коимъ, какъ, по мнѣнію Іудеевъ, нечистымъ, приличествовало и мѣсто отдѣльное для погребенія. Гласъ народа, въ коемъ такъ часто выражается гласъ Божій, далъ вскорѣ сему кладбищу соотвѣтственное имя: Акелдама, т. е. мѣсто крови.

Такимъ образомъ, по замѣчанію Евангелиста, исполнились древнія предсказанія пророковъ о предательствѣ и плодахъ предательства: тридесять сребренниковъ приняты, какъ «цѣна Цѣненнаго, Егоже цѣниша отъ сыновъ Израилевыхъ» и отданы на землю горшечника, какъ то еще издревле открылъ Господь вѣрнымъ рабамъ Своимъ (Захар. 11, 12—13).

Сбылось, замѣчаетъ св. Петръ, и слово Давида о томъ, кто, *ядый хлѣбы, возвеличилъ запинаніе* (Дѣян. 1, 20; Псал. 40. 10); *дворъ его остался пустъ*,—въ безмолвное жилище мертвыхъ! Въ окрестностяхъ Іерусалима и теперь показываютъ слѣды села крови [2]).

Но кто укажетъ слѣды нрава и жизни несчастнаго стя-

[1]) Матѳ. 17. 5. Ἐν τῷ ναῷ. Но это мѣсто въ храмѣ Іерусалимскомъ было доступно однимъ священникамъ. Какимъ образомъ могъ войти въ него Іуда? Развѣ съ отчаянія? Или, можетъ быть, бросилъ деньги въ двери храма. Или, наконецъ, что вѣроятнѣе, ναός стоитъ вмѣсто ἱερόν.

[2]) Смотр. Путеш. Норова.

жателя его?—обозначитъ истинный характеръ сына погибельнаго? проникнетъ тайну его лица и предательства?—Лице съ перваго взгляда ужасное и вмѣстѣ таинственное, состоящее въ какой-то особенной, разительной противоположности съ достопоклоняемымъ лицемъ Сына Человѣческаго! Каиниты, конечно, жестоко заблуждались, почитая Іуду за его предательство, совершенное якобы потому, что онъ одинъ изъ Апостоловъ обладалъ прозрѣніемъ въ тайну спасенія человѣческаго смертію Сына Божія [1]); но несогласно съ истиною поступилъ бы и тотъ, кто захотѣлъ бы видѣть во всей прошедшей жизни бывшаго Апостола одно мрачное и преступное. За противное ручается уже его, почти четырехъ-лѣтнее, пребываніе съ Іисусомъ, *среди напастей и искушеній* (Лук. 22, 28), когда многіе другіе оставляли Его (Іоан. 6, 65—67). Такое постоянство достается въ удѣлъ не всякому. Сильное раскаяніе во грѣхѣ, всенародное признаніе въ немъ во храмѣ и торжественное свидѣтельство о невинности осужденнаго уже Іисуса, подвергавшее Іуду многимъ и важнымъ непріятнымъ послѣдствіямъ,—также громко свидѣтельствуютъ, что въ душѣ предателя еще была совѣсть, что рука его умѣла не принимать только, а и повергать сребренники. Все это и многое другое заставляло еще отцовъ Церкви думать, что душа Іуды не чужда была многихъ добрыхъ чувствованій: почему онъ и былъ принятъ въ Апостолы и причисленъ къ лику двѣнадцати. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ душѣ Искаріота былъ зародышъ гибельной страсти сребролюбія, этого, по замѣчанію св. Павла, *корня всѣхъ золъ* (1 Тим. 6, 10). То и другое—и похвальная и предосудительная сторона его характера могли равно расположить его слѣдовать за Іисусомъ. Гдѣ болѣе, какъ не въ Его святомъ обществѣ, какъ не въ Его Божественныхъ бесѣдахъ, было пищи для всѣхъ благихъ помысловъ и чувствованій? При комъ, какъ не при Немъ—Мессіи—Царѣ всего міра, удобнѣе казалось удовлетворить и свою жажду къ сребру?—И вотъ, Искаріотъ—въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ и причтенъ къ лику двѣнадцати. Быть не можетъ, чтобы Іисусъ, избравшій Своихъ Апостоловъ послѣ всенощной молитвы, среди собесѣдова-

[2]) Irin. contra hær. s. 1, 1. c. 25. Epiph. hæres. 38, § 1.

ній съ Отцемъ, не вѣдалъ, что Онъ избираетъ Своего предателя.—*Вѣдяше искони, кто есть предаяй Его,* и однако же избралъ его! избралъ, да сбудется Писаніе, *яко никтоже отъ нихъ погибе, токмо сынъ погибельный* (Іоан. 17, 12).

Неизбранный Искаріотъ, конечно, не учинилъ бы преданія въ настоящемъ его видѣ; но могъ учинить въ тысячѣ другихъ видовъ: ибо Сынъ Божій, ѵпостасная Истина и Благо, предается всякій разъ, когда мы злонамѣренно измѣняемъ истинѣ и добродѣтели. Напротивъ, смертельный недугъ, коимъ заражена была душа Искаріота, нигдѣ не могъ найти скорѣйшаго и прямѣйшаго исцѣленія, какъ въ святомъ обществѣ Іисусовомъ, если бы несчастный захотѣлъ возстановить здравіе души своей! Въ семъ отношеніи принятіе Іуды въ число учениковъ было для него милость величайшая...

Постоянная, непосредственная близость Искаріота къ Іисусу должна была, по свойству сердца человѣческаго, произвести одно изъ двухъ: или подавить совершенно страсть сребролюбія въ сердцѣ Іуды и сдѣлать его совершенно чистымъ, подобно прочимъ ученикамъ; или произвести въ немъ тайную, постепенно возрастающую скуку отъ святого общества Іисусова, заставить его, убѣгая свѣта, такъ ярко сіявшаго предъ очами и освѣщавшаго всѣ шаги его, болѣе и болѣе погружаться въ собственную тьму, предаться совершенно страсти. Къ несчастію, надъ Іудою, по его собственной волѣ, сбылось во всей силѣ послѣднее. Тогда какъ прочіе ученики, вступивъ въ святое общество Іисусово, оставляли такъ сказать, свою собственную жизнь, и со дня на день болѣе и болѣе начинали жить божественною жизнію своего Учителя и Господа,—Іуда остался со своею гибельною самостоятельностію. Въ его умѣ продолжался мракъ невѣрія; въ его сердцѣ лежалъ, не тронутъ, ледъ самолюбія; онъ продолжалъ жить собственною нечистою жизнію, противоположною жизни Учителя. Средоточіемъ сей противоположности была страсть къ деньгамъ, столь противная духу нищеты и самоотверженія Сына Человѣческаго. Носимый Искаріотомъ ящикъ сдѣлался ковчегомъ завѣта для сребролюбца, изъ котораго сатана давалъ ему свои откровенія: вся область тьмы обратилась на сію душу, находя въ ней убѣжище и мнимую твердыню противъ Того, Кто пришелъ разрушить *дѣла діаволя* (1 Іоан. 3, 8). Когда Сынъ Человѣческій восходилъ отъ

одного подвига къ другому—несчастный сынъ погибели ниспадалъ отъ лукавства къ лукавству, отъ измѣны къ измѣнѣ. Все злое тѣмъ глубже внѣдрялось въ душу Іуды, что долженствовало оставаться тайною его совѣсти: совнѣ онъ былъ Апостолъ, какъ и другіе.

Учитель, безъ сомнѣнія, употреблялъ всѣ средства къ излеченію недугующаго ученика. Свидѣтельство тому — послѣдняя вечеря. Сколько трогательныхъ сильныхъ намековъ къ покаянію! Въ Евангеліи Іоанновомъ (6, 70) сохранились и другіе слѣды особеннаго вниманія Іисусова къ состоянію души Іудиной. Но, по причинѣ заключенія чувствъ сердца, занятаго страстію, все доброе оставалось на ея поверхности, — не было принято и не могло обращаться въ силу и жизнь духовную. Прикосновеніе — самое легкое и дружеское—врачующей руки къ ранѣ производило одно внутреннее содроганіе и боль.

Выводимый изъ терпѣнія своею страстію, можетъ быть, не разъ Искаріотъ, подобно другимъ, думалъ оставить Іисуса (Іоан. 16, 66). Но невидимыя узы все еще держали его до предопредѣленнаго времени; внутренній голосъ сильно еще говорилъ за Учителя. Могла говорить въ пользу пребыванія со Іисусомъ и самая страсть, все еще не терявшая совершенно надежды видѣть Іисуса Мессіею. Іуда,—какъ ни тяжело было принуждать себя непрестанно, — принуждалъ и оставался!...

Послѣднія событія, возбудившія и въ прочихъ ученикахъ чаяніе о близкомъ воцареніи Учителя (Лук. 19, 11), въ Іудѣ должны были потрясти всю душу надеждою и страхомъ. «Теперь, думалъ Іуда, не далѣе, должна рѣшиться *Его*,— по крайней мѣрѣ, *моя* участь! Время подумать рѣшительно о своемъ будущемъ состояніи». — Что же слышитъ сребролюбецъ отъ Учителя въ продолженіе всѣхъ послѣднихъ дней?—Частыя предсказанія о Его будущихъ страданіяхъ, и—ни слова о Его царствѣ и земныхъ наградахъ ученикамъ! «Первосвященники и фарисеи собираются для совѣщаній, берутъ всѣ мѣры, осуждаютъ насъ на смерть; а мы ходимъ туда и сюда безъ дѣла, проводимъ дни и ночи ни надъ чѣмъ... Прекрасное общество, — но оно не по Іудѣ, коему нужно *чѣмъ жить*. Я не ихъ, и они не мои! Каждый пойдетъ своимъ путемъ!»—Но нельзя ли извлечь, шепталъ демонъ сребролюбцу, послѣдней пользы изъ твоего

почти четырехъ-лѣтняго пребыванія съ сими людьми?—Синедріонъ весьма дорожитъ узнаніемъ мѣстопребыванія Іисусова; почему не употребить въ свою пользу этого вызова?.. Указаніе мѣстопребыванія не причинитъ большого вреда Учителю, а тебѣ послужитъ въ пользу. Посмѣютъ ли стражи наложить руки на Іисуса! Не въ первый разъ возвращаться имъ отъ Него безъ успѣха. Даже, если бы они захватили Его, то во время праздника, по причинѣ народа, не посмѣютъ причинить Ему ничего худого; дѣло окончится чѣмъ-либо неважнымъ [1]),—по всей вѣроятности, удаленіемъ Іисуса въ Галилею; а ты можешь получить награду, какъ патріотъ, и отличишь себя въ глазахъ фарисеевъ, что̀ можетъ имѣть весьма полезное вліяніе на твою дальнѣйшую судьбу...

Адская мысль принята,—и ученикъ-предатель весь занятъ сатаною! Не ищите послѣ сего согласія въ его дѣйствіяхъ: это значило бы искать порядка въ адѣ. Пусть Каіафа не будетъ обѣщать ему ничего болѣе 30 сребренниковъ—эти сребренники покажутся ему горами золота. Вырваться скорѣе изъ рая, обратившагося въ темницу, кончить, кончить дѣло,—вотъ чего хочетъ душа Іудина, діаволъ, въ ней живущій!...

Но дѣло кончено!—Учитель въ рукахъ книжниковъ! Посредствомъ неимовѣрной поспѣшности, они успѣваютъ въ продолженіе ночи сдѣлать два собранія, выслушать лжесвидѣтелей, произнести осужденіе, предать Осужденнаго Пилату на распятіе... Вѣсти о всѣхъ сихъ событіяхъ, подобно громовымъ ударамъ, раздаются въ душѣ Іудиной. Разродившись предательствомъ, исполнивъ внушеніе сатаны, душа предателя сдѣлалась какъ бы праздною и потому доступною чувству забытаго долга. Какой ужасный голосъ раздается теперь въ сей пустынѣ! Все доброе, на время забытое, въ тысячѣ видахъ возникаетъ снова, тѣснится въ сердцѣ, подавляетъ, разрываетъ его.—Іуда видитъ одно, слышитъ одно: смерть Учителя! Для него нѣтъ болѣе стыда и скрытности; всѣ разсчеты, самая страсть исчезла, какъ адское привидѣніе: осталась одна совѣсть съ мученіями! Дружеское участіе въ семъ положеніи какого-либо священника,—какого-либо человѣка, можетъ быть, остановило бы душу, готовую упасть въ адъ. Отъ нѣсколькихъ минутъ зависѣло все. Что же слышитъ самоосужденный предатель?—«Смотри самъ»,—гово-

[1]) Θеоф. Толк. на Мате. 27, 4.

рятъ ему съ презрѣніемъ.—«О, я хорошо вижу, думаетъ онъ въ отчаяніи, чего стоитъ подобное мнѣ чудовище: *око за око, кровь за кровь,*—говоритъ самъ законъ»,—и первое дерево служитъ ему орудіемъ казни надъ самимъ собою.

Послѣ сего уже стократъ *унье было, дабы не родился,* ужасно несчастный, *человѣкъ сей!*

Но речетъ кто: *аще писано есть пострадати Христу сіе, то чего ради порицаетъ Іуду? Писанія бо сотворилъ есть.*

«Но не тѣмъ изволеніемъ, а отъ лукавства. *Аще же не изволеніе его испытывати будеши, то и діавола отъ согрѣшенія свободиши. Но нѣсть сіе, нѣсть. Безчисленныхъ бо достойны суть мукъ и сей и онъ, аще и вселенная спасеся. Не преданіе бо Іудино спасеніе намъ содѣла, но Христова премудрость и Его художества богатство, иныхъ лукавства въ пользу намъ употребляя. Речеши: «аще и Іуда не предалъ бы, инъ не предалъ ли бы?»*—И что сіе на предложеніе? *«Яко аще распятися Христу подобаше, чрезъ нѣкоего подобаше, речеши: аще чрезъ нѣкоего, чрезъ такова человѣка всячески: аще же всѣ были блази, не содѣялося бы смотреніе о насъ». Не буди;—Самъ бо Всепремудрый вѣдяше, како устроити полезная намъ, и сему несбывшуся; изобильна бо Его премудрость и непостижима. Сего ради да никто возмнитъ, яко служитель смотренія бысть Іуда, окаеваетъ его»* (Злат. Бесѣд. 18 на Матѳ.).

Іисусъ Христосъ на судѣ Пилата.

(Характеръ Пилата и его отношеніе къ синедріону.—Голословное обвиненіе Іисуса Христа первосвященниками.—Прокураторъ имъ не довольствуется.—Всенародный допросъ.—Отвѣтъ на него величественный, но противный ожиданію и видамъ судіи.—Тайный допросъ. — Пилатъ объявляетъ Узника невиннымъ. — Новыя клеветы со стороны обвинителей. — Безмолвіе обвиняемаго.—Іисусъ Христосъ отсылается на судъ Ирода.)

Римскій прокураторъ Іудеи, коему достался несчастный жребій осудить на распятіе *Господа славы,* былъ Понтій Пилатъ [1]): человѣкъ, по свидѣтельству Іудейскихъ писате-

[1]) *Понтій* было имя прокуратора, а *Пилатъ* прозваніе, данное ему потому, что онъ начальствовалъ когда-нибудь надъ воинами, вооруженными pilis, коихъ называли пилатами (Pilati) Martial, lib. X. epig. 48; или потому, что онъ за какое-либо отличіе награжденъ былъ такимъ оружіемъ, каковая награда была въ обыкновеніи у Римлянъ. Plat. in vita Romul.

лей, высокомѣрный, жестокій и корыстолюбивый [1]). Впрочемъ, такой отзывъ могъ быть слѣдствіемъ національнаго предубѣжденія противъ чужеземнаго правителя [2]), и если заслуженъ Пилатомъ, то болѣе въ послѣдніе годы его правленія. По крайней мѣрѣ, исторія суда Пилатова надъ Іисусомъ Христомъ не показываетъ въ немъ особеннаго высокомѣрія, тѣмъ менѣе корыстолюбія. Если бы приговоръ прокуратора можно было купить сребренниками, то первосвященники, вѣроятно, не пощадили бы церковнаго корвана. только бы скорѣе достигнуть своей цѣли и избавить себя отъ униженія, коему они подвергались въ преторіи.

Понтій былъ собственно только прокураторомъ [3]) Іудеи, Самаріи и Идумеи (должность, которая, сама по себѣ, ограничивалась полученіемъ податей государственныхъ [4]); впрочемъ, съ полнымъ правомъ претора—рѣшать всѣ дѣла и казнить смертію, каковое совмѣщеніе правъ дѣлалось въ нѣкоторыхъ, не такъ значительныхъ, провинціяхъ [5]), куда не почитали нужнымъ посылать особыхъ преторовъ и проконсуловъ. Такими прокураторами назначались люди, большею частію, всадническаге (equestris) достоинства, иногда изъ вольноотпущенныхъ (libertini), чѣмъ-либо отличившихся, и назывались. подобно другимъ главнымъ начальникамъ, игемонами или правителями [6]). Пилатъ принадлежалъ къ сословію всадниковъ. Обыкновеннымъ мѣстопребываніемъ Іудейскихъ прокураторовъ былъ городъ Кесарія; но на праздники, особенно на Пасху, они переселялись въ Іерусалимъ для ближайшаго надзора за спокойствіемъ народа и для укрощенія возмущеній, кои нерѣдко происходили во время праздниковъ [7]).

Съ синедріономъ Іудейскимъ Римскому игемону трудно было жить въ мирѣ: ибо двѣ различныя, и по духу совершенно противоположныя, власти часто сталкивались. Пи-

---

[1]) Joseph Antiq. 18. 3. 4. Bell. Jud. 2. 8. Philo legat. ad Caj. p. 589.

[2]) German. Program, in qua docetur Pilati facinora in admin. Judeae comissa partim non esse, qualia dicantur, partim aliorum magis culpa et necessitate, quam inquisitionis sævitia et iniquitate accedisse. 1785.

[3]) Ἐπιτρόπος τῆς Ἰουδαίας Phil. leg. ad Caj. p. 1033. Procurator, Tacit. Annal. 15. 44.

[4]) Dio Cassius lib. 53 Bynaeus de mort Christ. tom. 2. p. 412—13.

[5]) Онѣ исчислены у Тацита. Hist. 1, 1. c. 2.

[6]) Lampii comment in Johan. p. 543. Kuinol comment. ad Math 10. 18.

[7]) G. Meyer, Versuch einer Vertheidigung der Geschichte Jesu allein aus griech und rom. Profan-Scribenten. 8. 24.

латъ имѣлъ не малыя причины негодовать на Іудеевъ и ихъ синедріонъ. Вскорѣ по вступленіи въ должность Іудейскаго прокуратора, ему захотѣлось (вѣроятно, изъ ласкательства кесарю) внести въ Іерусалимъ Римскія знамена съ изображеніемъ кесаря: поступокъ самъ по себѣ не очень важный, но противный Іудейскимъ обычаямъ. Упорство народа, соглашавшагося лучше лишиться жизни, нежели видѣть языческія изображенія въ святомъ градѣ, сдѣлало то, что Пилатъ принужденъ былъ велѣть вынести знамена изъ Іерусалима. Потомъ Пилатъ вздумалъ построить, на счетъ церковныхъ сокровищъ, водопроводъ для Іерусалима: намѣреніе весьма полезное для жителей столицы, много, и особенно въ праздники, терпѣвшей отъ недостатка хорошей здоровой воды,—но непріятное синедріону, коему принадлежали деньги. Въ семъ случаѣ произошло народное возмущеніе, такъ что Пилатъ съ трудомъ разсѣялъ народъ, окружившій его лиѳостротонъ и нагло требовавшій оставить его—безъ воды[1]).

Объ Іисусѣ Христѣ и Его дѣйствіяхъ Пилатъ не могъ не имѣть давно свѣдѣній; но, безъ сомнѣнія, не имѣлъ вѣрнаго понятія, кромѣ того, что дѣйствія Его ни мало не опасны для Римскаго правительства. Извѣстно было, конечно, Пилату и о происшествіяхъ минувшей ночи: взятіи Іисуса Христа подъ стражу, собраніи синедріона и проч.; ибо Римская стража, усугублявшая свою бдительность во время праздниковъ, давала знать прокураторамъ о всѣхъ происшествіяхъ, заслуживающихъ вниманія. Пилату даже извѣстно было гораздо болѣе, нежели сколько хотѣли и, можетъ быть, ожидали первосвященники:—что они преслѣдуютъ Пророка Галилейскаго единственно по личнымъ видамъ, изъ зависти и злобы (Матѳ. 27, 18). Такимъ образомъ появленіе Іисуса Христа въ видѣ узника не было для прокуратора вовсе неожиданнымъ явленіемъ: неожиданно было только, что для обвиненія Его явился весь синедріонъ, такъ рано и въ тотъ день, когда всякій Израильтянинъ, и искренно и лицемѣрно набожный, старался какъ можно дальше удаляться отъ язычниковъ и всего языческаго, дабы не потерять законной чистоты, необходимой для совершенія Пасхи [2]).

[1]) Joseph. Antiq. 50. 17, c. 3.

[2]) Числ. 9, 6. Нечистымъ, по закону, Іудей становился только отъ при-

Первосвященники и книжники, *пожирая*, по выраженію Евангелія, *верблюдовъ*, дѣйствительно не забыли теперь *отцѣдить сего комара* (Матѳ. 23, 24). Пришедши къ преторіи Пилатовой, они не вошли въ нее, *чтобы не оскверниться:* и дали знать игемону, что ожидаютъ его на лиѳостротонѣ [1]) для такого дѣла, которое не терпитъ отсрочки. Не забыли, безъ сомнѣнія, извиниться предъ игемономъ въ томъ, что законъ не позволяетъ имъ войти теперь во внутренность преторіи для личнаго съ нимъ объясненія.

«Жалкій народъ! слѣпые изувѣры!» думалъ, конечно, гордый Римлянинъ, чувствительный къ тому, что его подвластные почитаютъ домъ его такъ нечистымъ и богопротивнымъ, что опасаются войти въ него. Но духъ Римской власти всегда щадилъ предразсудки побѣжденныхъ народовъ [2]); и Пилатъ немедленно явился на лиѳостротонѣ.

Первосвященники въ краткихъ словахъ объявили, зачѣмъ они пришли и чего требуютъ,—надѣясь, что Пилатъ не заставитъ ихъ судиться съ преступникомъ, осужденнымъ цѣлымъ синедріономъ.

Но для Пилата уже такая поспѣшность и настойчивость были подозрительны. Намѣстникъ кесаря менѣе всего расположенъ былъ служить слѣпымъ орудіемъ Каіафова коварства. Какъ бы не примѣчая, что обвинители дорожатъ временемъ и сердечно участвуютъ въ погибели Обвиняемаго, Римскій вельможа принимаетъ спокойный тонъ безпристрастнаго судіи, и спрашиваетъ: «въ чемъ же вы обвиняете сего человѣка [3])?»

Потребовать вины и, безъ разсмотрѣнія дѣла, не осуждать

косновенія къ мертвому и нѣкоторымъ другимъ вещамъ. Но фарисеи, изъ гордости, почитали такою нечистотою всѣхъ язычниковъ, и даже вещи, имъ принадлежащія, посему-то, возвращаясь съ площади, гдѣ всегда много было язычниковъ, они имѣли обыкновеніе мыть руки и даже все тѣло (Марк. 7, 3. 4). Жалкій предразсудокъ сей укоренился въ народѣ Еврейскомъ, особенно со времени Маккавеевъ. Spencerus de leg. Hebr. l 1. c. 4. sect. 2. Seldenus de jure nat. et gent. l. 11. c. 5.

[1]) Площадка предъ домомъ прокуратора, такъ названная отъ того, что была устлана мраморомъ и другими разноцвѣтными камнями Среди лиѳостротона находилось судейское мѣсто (Βῆμα, tribunal); ибо судъ у Римлянъ производился большею частію подъ открытымъ небомъ Joseph. Bell. Jud. 2. 9. 3.

[2]) Римляне оставили въ силѣ не только Іудейскіе законы и религію, но и самые предразсудки. Такъ, напр., никто не имѣлъ права принудить Еврея нарушить покой субботній, хотя соблюденіе онаго простерто было до смѣшного излишества. Joseph. contr. App. l 11. Antiq. l. 14. c. 17.

[3]) Іоан. 18, 29—31. Должно примѣтить, что у Ев. Іоанна описано самое начало суда Пилатова надъ Господомъ, между тѣмъ какъ другіе евангелисты начинаютъ повѣствованіе о семъ судѣ съ вопроса Пилата: «царь ли Ты?»

виновнаго было отличительнымъ свойствомъ Римскаго правосудія (Дѣян. 25, 15, 16).

«Если бы Онъ не былъ злодѣй, то уже ли бы мы (всѣ члены синедріона) предали Его тебѣ для казни?»—былъ отвѣтъ старѣйшинъ, все еще надѣявшихся, что ихъ личная важность послужитъ вмѣсто всѣхъ доказательствъ.

Но такой неопредѣленный, личный языкъ еще болѣе измѣнялъ сердечной тайнѣ враговъ Іисусовыхъ; а ихъ самонадѣянность еще сильнѣе вызывали противъ себя гордость Пилата, внутренно, можетъ быть, радовавшагося, что нашелъ случай досадить своимъ врагамъ...

«Когда такъ, возразилъ игемонъ, когда вы хотите, чтобы я осудилъ Сего Человѣка безъ изслѣдованія дѣла: то къ чему и мое участіе? — Возьмите Его вы сами и, по закону вашему, судите—и наказывайте Его, какъ вамъ угодно. Я не хочу вмѣшиваться въ ваши дѣла».

«Но преступленіе Его, отвѣчали обвинители, требуетъ смертной казни, потому что Онъ выдавалъ Себя за Мессію, Царя Израильскаго; а намъ нельзя никого предавать смерти, безъ твоего на то согласія» [1]).

Такое усердіе къ выгодамъ кесаря, особенно уклоненіе отъ осужденія на смерть мнимаго преступника — изъ устъ первосвященниковъ должны были казаться для Пилата чрезвычайно странными. Отказывались отъ своихъ правъ тѣ, кои всегда дорожили ими и непрестанно спорили съ прокураторами о правахъ.

Однако же важность обвиненія не позволяла болѣе уклоняться отъ судопроизводства: надлежало приступить къ допросу. Поелику первосвященники въ доказательство, что Іисусъ Христосъ есть возмутитель народнаго спокойствія, ссылались единственно на присвоеніе Имъ царскаго имени; поелику для Римскаго прокуратора важность обвиненія въ присвоеніи себѣ кѣмъ-либо званія Мессіи Іудейскаго состояла

[1]) Іоан. 18 31. Такое изъясненіе словъ Іоанновыхъ, по самой простотѣ своей, кажется лучше другихъ изъясненій, напр. «намъ нельзя никого предавать смерти, по причинѣ наступающаго праздника» (Златоуст. Август.); ибо мы увидимъ, что первосвященники до самаго вечера будутъ участвовать въ совершеніи казни надъ Іисусомъ Христомъ;—или: «намъ не позволено распинать». (Θеофил.); ибо въ такомъ случаѣ первосвященники употребили бы слово σαβρουν, и Пилатъ не сказалъ бы: «судите по *закону вашему*»;—или, намъ не позволено предавать смерти никого, *обвиненнаго* въ возмущеніи и нарушеніи *законовъ величества* (Deyling. obss. Sacr. tom. 2. p. 313); ибо такое ограниченіе слова: οὐδένα—слишкомъ произвольно.

единственно въ томъ, что съ симъ званіемъ, по отзыву синедріона, соединялось наименованіе царя: то Пилатъ, вмѣсто всѣхъ изслѣдованій, обратился къ Господу и спросилъ Его: царь ли Ты Іудейскій?»

При настоящихъ обстоятельствахъ, такой вопросъ не могъ быть произнесенъ безъ улыбки. Предъ Пилатомъ стоялъ такой человѣкъ, о которомъ нельзя было и подумать, чтобы онъ имѣлъ виды на престолъ Іудейскій и осмѣлился спорить о правахъ на Іудею съ кесаремъ. Конецъ суда, повидимому, зависѣлъ отъ того, что̀ Обвиняемый скажетъ въ отвѣтъ: признáетъ, или не признáетъ Себя царемъ. Судія, конечно, не ожидалъ, чтобы Узникъ объявилъ Себя предъ нимъ царемъ; не ожидалъ, можетъ быть, и того, что Онъ прямо отвергнетъ обвиненіе Іудеевъ: ибо во всякомъ случаѣ надлежало предполагать какое-либо основаніе въ обвиненіи, дѣлаемомъ цѣлымъ синедріономъ. Каково же должно быть удивленіе Пилата, когда Господь рѣшительно отвѣтствовалъ: «Я—царь» (Марк. 15, 2)!

Лучше сего отвѣта не могли желать враги Іисуса; опаснѣе его не могъ вообразить Пилатъ. При такомъ отвѣтѣ Іудеи могли тотчасъ сказать, что дѣло кончено; потому что Обвиняемый говоритъ Самъ на Себя. Можетъ быть, Пилатъ, и въ самомъ дѣлѣ, окончилъ бы теперь свой судъ подтвержденіемъ приговора противъ Іисуса Христа, сдѣланнаго синедріономъ, если бы внушающій къ себѣ благоговѣніе видъ Господа, твердость и спокойствіе, съ коими произнесено признаніе въ томъ, что Онъ царь, — собственное нерасположеніе Пилата къ синедріону и самолюбіе — продолжить начатое уже защищеніе невинности,—не побудили его войти въ новое разсмотрѣніе.

Такого разсмотрѣнія, впрочемъ, требовала и справедливость. Іисусъ Христосъ, называя Себя царемъ, не признавалъ еще вмѣстѣ съ симъ, что Онъ, какъ клеветали враги Его, развращаетъ народъ и запрещаетъ давать дань кесарю (Лук. 23, 2). Такая неопредѣленность отвѣта представляла судіи достаточную причину потребовать изъясненія, въ какомъ смыслѣ Онъ называетъ Себя царемъ?

Думая, можетъ быть, что Узникъ имѣетъ особенныя причины не обнаруживать подробно своихъ мыслей въ присутствіи своихъ обвинителей, и вообще желая дать Ему болѣе

свободы въ объясненіи Своего лица и Своихъ дѣйствій, Пилатъ вошелъ въ преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою туда же и Іисусу.

Первосвященники, при всемъ желаніи быть свидѣтелями тайнаго допроса, оставались на дворѣ, изъ опасенія потерять чистоту законную, съ неудовольствіемъ видя, какъ немного подѣйствовало на прокуратора то самое признаніе Господа, которое въ синедріонѣ послужило единственнымъ основаніемъ смертнаго приговора.

«Итакъ. Ты выдаешь Себя за царя Іудейскаго?»—началъ Пилатъ съ тѣмъ видомъ, который если не показывалъ особеннаго благорасположенія, то вызывалъ къ открытому объясненію.

Судя обыкновеннымъ образомъ, прямой отрицательный отвѣтъ былъ, очевидно, самый полезный для Обвиняемаго, Которому прокураторъ изъявлялъ уже видимое снисхожденіе. Но могъ ли пользоваться личнымъ снисхожденіемъ Римскаго судіи Господь неба и земли, Судія живыхъ и мертвыхъ? Дѣло шло не объ избавленіи Себя какимъ бы то ни было образомъ, — напр. какъ теперь, посредствомъ намѣреннаго умолчанія,—отъ смерти, а о приведеніи судіи въ состояніе судить правильно и безпристрастно о силѣ обвиненія, заключавшагося въ словѣ: царь. Будучи принято въ чисто политическомъ, такъ сказать, Римскомъ смыслѣ, въ коемъ одномъ оно имѣло предъ Пилатомъ силу уголовнаго преступленія, это названіе было чуждо Іисуса Христа; между тѣмъ какъ въ смыслѣ нравственномъ, пророческомъ, теократическомъ, оно не заключало въ себѣ вины предъ прокураторомъ, и принадлежало Іисусу Христу во всей силѣ. Посему для правильности отвѣта надлежало знать, въ какомъ именно смыслѣ принималъ слово: «царь» Пилатъ, когда спрашиваетъ: «царь ли Ты?»—Такъ точно и поступлено. «Отъ себя ли ты, вопросилъ Господь Пилата, говоришь сіе, или другіе такъ сказали обо Мнѣ?» [1]) (По собственному усмотрѣнію и разумѣнію сего слова такъ ты спрашиваешь, или въ смыслѣ Моихъ обвинителей, основываясь на ихъ словахъ и понятіи о семъ предметѣ?)

[1]) Іоан. 18, 34. Изъ сихъ словъ нѣкоторые заключали, что Господь не слыхалъ обвиненія первосвященниковъ, будучи введенъ въ преторію при самомъ началѣ суда. Но кромѣ того, что по Римскимъ законамъ обвиняемый долженъ слышать обвиненіе (Дѣян. 25, 18), противное открывается уже изъ Матѳ. 27, 11.

Не смотря на основательность и важность сего вопроса, онъ для Римскаго вельможи, облеченнаго правомъ казнить и миловать, показался не совсѣмъ умѣстнымъ. «Развѣ я Іудей», отвѣчалъ Пилатъ съ надменностію (чтобы мнѣ мѣшаться въ предразсудки, коими ослѣпленъ народъ Іудейскій и нарушеніе коихъ ставятъ Тебѣ въ вину). «Твои сограждане и первосвященники предали Тебя» (какъ виновнаго въ присвоеніи имени царя; вслѣдствіе чего я, какъ прокураторъ, на коемъ лежитъ обязанность утверждать приговоры синедріона, долженъ, противъ воли, дѣлать Тебѣ допросъ, хотя доселѣ и не видалъ отъ Тебя самъ ничего, противнаго законамъ). «Итакъ, что Ты сдѣлалъ?» (чѣмъ подалъ поводъ думать, что Ты, по мнѣнію Твоихъ обвинителей, ищешь царства?) отвѣчай!»

«*Царство Мое* (въ словѣ: «царь» заключалось главнымъ образомъ все обвиненіе Іудеевъ), отвѣчалъ Господь, *нѣсть отъ міра сего* (не есть какое-либо земное царство, котораго ожидаютъ Іудеи). *Аще бы отъ міра сего было царство Мое: слуги Мои подвизались бы, да не преданъ бых быхъ Іудеомъ. Но царство Мое нѣсть отсюду*» (не есть земное, и потому совершенно безопасно для Римлянъ).

Пилатъ, повидимому, остался доволенъ симъ отвѣтомъ.

Только слово: «царство» (Господь не безъ намѣренія удержалъ его) звучало сомнительно въ ушахъ политика; тѣмъ болѣе, что враги Іисуса Христа могли толковать его въ худую сторону. Притомъ Господь сказалъ только, въ чемъ не состоитъ Его царство, а не сказалъ, въ чемъ состоитъ оно; о чемъ также нужно было знать игемону.

«Однако же Ты царь?» спросилъ Пилатъ, давая, безъ сомнѣнія, выразумѣть, какъ неумѣстно слово сіе въ устахъ Обвиняемаго.

«*Ты глаголеши, яко царь Азъ есмь*», отвѣчалъ Господь, давая съ своей стороны знать игемону, что названія сего, какъ оно ни кажется ему опаснымъ, нельзя не употреблять, когда уже оно употреблено обвинителями и, въ чистомъ своемъ смыслѣ, совершенно сообразно съ истиною. «*Азъ на сіе родихся*, продолжалъ Онъ, какъ бы въ оправданіе Своей твердости въ употребленіи опаснаго, но истиннаго названія, — *и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (съ какою бы опасностію это свидѣтельство ни было

сопряжено), *и всякъ, иже есть отъ истины* (для кого она дорога и у кого есть въ душѣ чувство истины), *послушаетъ гласа Моего*».

Еще Ап. Павелъ назвалъ сіе признаніе Господомъ Себя царемъ на судѣ Пилата свидѣтельствомъ добраго исповѣданія (1 Тим. 6, 13). Въ самомъ дѣлѣ, оно показывало самую высшую степень самоотверженія и вмѣстѣ мудрости. Словами: «Я на то родился, чтобы свидѣтельствовать объ истинѣ»,—Господь показалъ между прочимъ, что и тайный намекъ Пилата — удержаться отъ именованія себя царемъ, какъ весьма опаснаго, совершенно недостоинъ Его; потому что Онъ дѣйствительно есть царь, въ самомъ возвышенномъ смыслѣ сего слова, царь — единственный, вѣчный. Между тѣмъ сими же самыми словами, до очевидности, обнаружилось свойство царства Христова и его безопасность для Римской власти.

Римскій всадникъ не способенъ былъ понять все сіе въ смыслѣ христіанскомъ, конечно, а въ философскомъ. Римляне, особенно вельможи Римскіе, были въ то время знакомы съ философіею стоиковъ, по ученію коихъ, истинный мудрецъ и человѣкъ добродѣтельный есть царь [1]). Изреченіе Горація: «ты правитель (rex), если право поступаешь», — сдѣлалось въ Римѣ почти народнымъ присловіемъ [2]). Одно, можетъ быть, не нравилось игемону, что царь, мудрецъ, подлежащій его суду, пристрастенъ не только къ своимъ мыслямъ, но и выраженіямъ, даже опаснымъ: обыкновенный, думалъ онъ, недостатокъ мудрецовъ-энтузіастовъ, не знающихъ политики...

Поелику Господь такъ много усвоялъ истинѣ, то Пилатъ какъ бы невольно спросилъ Его: «что есть истина?»—и, не ожидая отвѣта [3]), вышелъ вонъ изъ преторіи къ первосвященникамъ.

Не вдругъ можно опредѣлить истинный смыслъ сего вопроса Пилатова объ истинѣ. Что прокураторъ не имѣлъ намѣренія слушать ученія Іисуса Христа объ истинѣ [4]), это

[1]) Diog. Laërt. l. 7. sect. 122.

[2]) Rex eris, si recte facias. Horat. Epist. 1. 1. 59.

[3]) Въ такъ называемомъ Евангеліи Никодима разговоръ Пилата съ І. Христомъ продолжается такъ: «*Пил.* Что есть истина? *І. Христ.* Истина происходитъ съ неба. *Пил* Слѣдовательно, на землѣ нѣтъ истины?—*І. Христ.* Истина есть и на землѣ и въ тѣхъ людяхъ, кои, будучи облечены достоинствомъ судей, наблюдаютъ истину и судятъ праведно». Продолженіе весьма сомнительное!— (Auctarium Codic. Apocriph. N. T. Fabriciani Kirch 1804 p. 26 .

[4]) Такъ думалъ Θеофилактъ (толк. на Іоанна).

показываетъ уже его немедленный выходъ изъ преторіи. Можетъ быть, имѣя въ виду послѣднія слова Господа: «*всякъ, иже есть отъ истины, послушаетъ гласа Моего*», и будучи тронутъ внутренно нравственнымъ величіемъ Господа, Римлянинъ хотѣлъ показать мимоходомъ, что и онъ неравнодушенъ къ истинѣ и въ свободное время съ удовольствіемъ вступилъ бы о ней въ собесѣдованіе [1]). Можетъ быть, вельможа-политикъ вопросомъ объ истинѣ, а болѣе тономъ, съ коимъ произнесъ его, хотѣлъ дать Подсудимому новый намекъ на осторожность, какъ бы такъ говоря: «Ты рѣшаешься жертвовать истинѣ всѣмъ; но что такое истина? Доселѣ ни одинъ философъ не только не нашелъ, даже не опредѣлилъ ея: думай не объ истинѣ, а о жизни» [2]). Такой образъ мыслей весьма удобно можетъ быть приписанъ Пилату, во времена коего въ Римѣ любимою философіею было ученіе академиковъ, кои, ничего не утверждая въ области истины, все разрушали и приводили въ сомнѣніе.

Какъ бы то ни было, но, по выходѣ изъ преторіи, Пилатъ рѣшительно объявилъ Іудеямъ, что онъ, вслѣдствіе допроса, находитъ Іисуса Христа совершенно невиннымъ (Іоан. 28, 38).

Если бы первосвященники и не участвовали лично и такъ много въ дѣлѣ, теперь разсматриваемомъ; если бы обвиняли Іисуса Христа только какъ обыкновеннаго преступника: то и въ семъ случаѣ слова Пилата были бы для нихъ весьма жестки. Сказать ихъ—значило все равно, какъ и сказать, что весь синедріонъ слѣпъ, не стоитъ довѣрія и клевещетъ на человѣка невиннаго. Послѣ такого безчестія синедріону. надлежало ожидать съ обѣихъ сторонъ упорныхъ требованій и наглыхъ отказовъ.

Первосвященники скрыли личное негодованіе на прокуратора; но тѣмъ съ бо́льшимъ ожесточеніемъ начали клеветать на Іисуса Христа: *глаголаху*, по выраженію Ев. Марка, *много* (Марк. 15, 3; Лук. 23, 5). Что именно?—Представляли. вѣроятно, какія безпокойства могутъ происходить въ народѣ, если предпріимчивые люди будутъ ненаказанно присвоять себѣ титло царей. Незадолго предъ тѣмъ случившееся

[1]) Bynæus de Mort. Chris. 1. III. p. 53. Moschius in seiner Lebensgeschichte Jesu.

[2]) Wolfius in Curis, Kuinol in comment. ad Johan.

возмущеніе Іуды Галилеянина [1]), бывшее виною многихъ убійствъ и разореній, могло для краснорѣчія фарисейскаго служить опытнымъ доказательствомъ тѣхъ опасностей, кои они предсказывали Пилату со стороны Іисуса Христа. Въ подтвержденіе того, что и отъ сего Галилеянина нельзя ожидать лучшаго, могли указывать на чрезвычайную приверженность къ Нему народа, на множество Его послѣдователей, кои выжидаютъ только благопріятнаго случая, чтобы соединиться и дѣйствовать открытою силою; могли выставлять въ видѣ возмущенія порядка общественнаго даже нѣкоторыя дѣла Господа (только не чудеса, кои старались сокрыть), напр. очищеніе храма отъ торжниковъ. Между прочими обвиненіями, нѣкоторые изъ книжниковъ замѣтили (Лук. 23, 5), что Іисусъ Христосъ показалъ Себя нарушителемъ законовъ не въ одной Іудеѣ, что Онъ давно уже привлекъ на Свою сторону безчисленное множество Галилеянъ, гдѣ и начались Его дѣйствія [2]). Такое замѣчаніе клонилось къ тому, чтобы представить Іисуса самымъ опаснымъ возмутителемъ. который имѣетъ виды не на одну только Іудею, но и на окрестныя области.

Когда обвинители умолкли, и Божественному Узнику надлежало, въ свою чреду, отвѣчать на ихъ обвиненія,— Онъ не сказалъ ни слова. «Что-же Ты не отвѣчаешь?» спросилъ Пилатъ, удивленный столь необыкновеннымъ равнодушіемъ,—«видишь. какъ много противъ Тебя обвиненій!»

Но Господь продолжалъ безмолвствовать...

Такое молчаніе могло удивить всякаго. Самые враги Господа должны были находить его весьма страннымъ. Они знали, что Обвиняемый, если бы захотѣлъ, могъ сказать въ защищеніе Себя многое: знали, что Онъ обладаетъ особенною силою слова; и тѣмъ паче долженъ былъ раскрыть всѣ Свои дарованія, когда дѣло шло о Его жизни,— для убѣжденія прокуратора, который казался къ Нему расположеннымъ. Вѣроятно,—такъ могли они думать,—Онъ совершенно потерялъ присутствіе духа, или полагается слишкомъ много на снисхожденіе къ Себѣ прокуратора, или ожидаетъ чтобы кто-либо изъ народа вступился за Него и высказалъ

[1]) Flav. Antiq. l. 18, 1.

[2]) Галилея славилась своею наклонностію къ возмущеніямъ. Joseph. de Bello l. 1. c. 8.

Его похвальныя дѣянія. Впрочемъ, молчаніе Господа долженствовало быть для первосвященниковъ пріятно, во многихъ отношеніяхъ. Если бы Онъ заговорилъ, то могли опасаться, что Онъ обнаружитъ не только невинность Своихъ поступковъ, но и личную ненависть противъ Него начальниковъ синедріона, что Онъ можетъ обратить, какимъ бы то ни было образомъ, вниманіе Пилата на Свои чудеса, которыя если не побудятъ тотчасъ освободить Его, то заставятъ продолжить судъ и войти въ подробнѣйшее разсмотрѣніе дѣла, что̀ потребуетъ справокъ и времени. чего именно такъ сильно хотѣлось избѣжать врагамъ Іисусовымъ.

Пилатъ болѣе всѣхъ дивился молчанію Господа; однако же нисколько не думалъ почитать его слѣдствіемъ невозможности защищать Себя. Мнимая ревность первосвященниковъ о твердости Римскаго правительства скорѣе всего могла возбудить смѣхъ въ хитромъ Римлянинѣ, который очень хорошо зналъ на сей счетъ образъ мыслей Анана и Каіафы. Съ другой стороны, кроткое спокойствіе Господа. Его возвышенный и свѣтлый образъ мыслей о царствѣ истины, неизъяснимое величіе въ Его лицѣ и взорахъ не позволяли и думать, чтобы въ душѣ столь чистой зрѣли какіе-либо нечистые замыслы. Все располагало Пилата въ пользу Подсудимаго. «Но какъ и защищать Его отъ преслѣдованія враговъ столь упорныхъ, могущественныхъ и хитрыхъ, когда Онъ Самъ, явно, небрежетъ о Своемъ оправданіи и, повидимому, не ищетъ спасенія отъ смерти?»— Тонкій разсчетъ прокуратора нашелъ въ самыхъ обвиненіяхъ средство, если не спасти невиннаго Узника отъ казни, то отклонить отъ себя жестокій удѣлъ осудить Его на сію казнь.

«Вы говорили, сказалъ Пилатъ, обратясь къ Іудеямъ, что Онъ началъ возмущать народъ съ Галилеи; развѣ Онъ Галилеянинъ?»

«Галилеянинъ» [1]), вскричали обвинители въ нѣсколько голосовъ, полагая, что сіе обстоятельство особенно подѣйствовало на Пилата, который былъ особенно нерасполо-

[1]) І. Христосъ родился въ Виѳлеемѣ, городѣ Іудейскомъ, и принадлежалъ, по самой переписи народной, къ числу Іудеевъ; но поелику Іосифъ и Марія, съ самаго младенчества Его, поселились въ Галилейскомъ городкѣ Назаретѣ, гдѣ Господь прожилъ потомъ около 30 лѣтъ; то народъ, и даже первосвященники, ошибочно думали, что Онъ Галилеянинъ.

женъ къ Галилеянамъ и находился во враждѣ съ ихъ правителемъ, Иродомъ Антипою, по случаю умерщвленія нѣкоторыхъ изъ его подданныхъ во время жертвоприношенія (Лук. 13, 1).

Но въ умѣ прокуратора было совсѣмъ другое. Подъ предлогомъ нежеланія вмѣшиваться въ дѣла, принадлежащія чужому правленію [1]), Пилатъ рѣшился отослать Іисуса Христа на судъ Ирода. Въ другое время исполненіе сего намѣренія потребовало бы нѣсколько недѣль; потому что мѣстопребываніемъ тетрарха Галилейскаго была Тиверіада, отстоящая отъ Іерусалима не на малое разстояніе; но теперь это могло быть сдѣлано въ продолженіе одного часа; потому что Иродъ Антипа, исповѣдуя Іудейскую религію, находился теперь въ Іерусалимѣ для совершенія Пасхи. Отклоняя столь благовиднымъ образомъ отъ себя судопроизводство надъ Іисусомъ Христомъ, Пилатъ могъ еще при семъ надѣяться, что такая неожиданная учтивость послужитъ къ примиренію съ нимъ потомка Ирода Великаго.

Въ силу такихъ соображеній Божественный Узникъ немедленно отсылается къ Ироду, въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ приведенъ изъ синедріона,—то есть, въ узахъ и подъ стражею. Туда же, противъ воли, должны были слѣдовать первосвященники и прочіе члены синедріона, не имѣя ни малѣйшаго права и предлога протестовать противъ такого перенесенія дѣла изъ одного суда въ другой.

Іисусъ Христосъ на судѣ Ирода.

(Характеръ Ирода.—Образъ мыслей его объ Іисусѣ Христѣ.—Отношеніе Ирода къ синедріону.—Желаніе его видѣть чудо.—Неисполненіе желанія.—Поруганіе и бѣлая одежда, въ коей Божественный Узникъ отсылается къ Пилату.)

Тетрархъ Галилейскій, сынъ Ирода Великаго, Иродъ Антипа, къ коему на судъ долженъ былъ явиться Агнецъ Божій [2]), былъ тотъ самый деспотъ, который, въ угодность

[1]) По словамъ Ѳеофилакта, у Римлянъ былъ законъ, чтобы преступникъ судимъ былъ тѣмъ начальникомъ, къ области коего онъ принадлежалъ (Comment. in Luc.) Впрочемъ, сей законъ не строго наблюдали, и исполненіе его зависѣло болѣе отъ произвола судей. (v. Meryllii Notae philol. in pass. Chr Num. 111. in Luc.)

[2]) О судѣ Ирода надъ І. Христомъ три Евангелиста вовсе не упоминаютъ. Только одинъ св. Лука повѣствуетъ о семъ, и довольно пространно. Лук. 23, 7—9.

беззаконной женѣ своей Иродіѣ, лишилъ жизни Іоанна Крестителя. Жестокость и безчеловѣчіе не были собственно характеромъ Антипы; но склонность къ чувственности и слабость духа и сердца не разъ доводили его до жестокостей. Безстыдная Иродія продолжала обладать сердцемъ Антипы и правила имъ вмѣстѣ съ царствомъ; но теперь ея не было въ Іерусалимѣ. Впрочемъ, въ настоящемъ дѣлѣ ей не было причины принимать личнаго участія, развѣ изъ одного любопытства.

Для Антипы появленіе теперь въ его дворцѣ Іисуса Христа было столько же пріятно, сколько неожиданно. Онъ зналъ Господа только по слухамъ: о чудесахъ Его слышалъ весьма много; слышалъ, конечно, что-либо и объ Его ученіи; но быть слушателемъ Іисусовымъ въ Иродѣ не было никакого желанія; хотѣлось только видѣть какое-либо чудо. Прежнее мнѣніе Ирода (Матѳ. 14, 1—2; Лук. 9, 7—9), что въ Іисусѣ Христѣ воскресъ Іоаннъ Креститель, имъ умерщвленный, теперь уже не тревожило сластолюбца: разсѣянность и забавы изгнали изъ воображенія сію мысль, которая могла быть благотворною для его совѣсти.

Но первосвященникамъ, безъ сомнѣнія, тяжело было влачиться изъ одного судилища въ другое, и при томъ безъ всякой опредѣленной надежды. Иродъ, не смотря на свою религію, не имѣлъ усердія къ синедріону, который состоялъ большею частію изъ фарисеевъ, секты весьма искательной, сильной въ народѣ, не терпѣвшей чуждаго владычества, а посему подозрительной для Ирода, коего фамилія происходила изъ Идумеи, возвысилась и держалась происками при дворѣ кесарей [1]). Къ сектѣ саддукеевъ, кои также имѣли сильный голосъ въ синедріонѣ, Иродъ былъ болѣе расположенъ и держался ихъ мнѣнія [2])—впрочемъ не такъ, чтобы во всемъ слѣдовать саддукейству [3]). Зналъ, конечно, Иродъ, подобно Пилату, и о томъ, что первосвященники преслѣдуютъ Пророка Галилейскаго единственно по личнымъ видамъ. Все это не подавало синедріону большой надежды.

Не было впрочемъ особенной причины и отчаяваться въ

[1]) Kuinol, comment. in Matth. 14, 2.
[2]) Матѳ. 16, 6; слич. Марк. 8, 15.
[3]) Такъ Иродъ, вопреки догмату саддукеевъ, что нѣтъ ни Ангела, ни духа, слѣдов. и безсмертія, вѣрилъ нѣсколько времени, что въ І. Христѣ воскресъ Іоаннъ Креститель. Матѳ. 14, 1. 2.

успѣхѣ на судѣ Ирода. Какъ отъ государя Іудейской религіи, отъ него надѣялись, по крайней мѣрѣ, лицемѣрнаго уваженія къ верховному священному судилищу Іудейскому, хотя притворнаго вниманія къ преступленію Іудейскихъ законовъ, въ коемъ обвиняли Іисуса Христа, и которое для Пилата-язычника не имѣло никакой важности. Если и прежде, какъ мы видѣли, фарисеи успѣли убѣдить иродіанъ [1]) дѣйствовать заодно съ ними противъ Іисуса Христа: то въ настоящемъ случаѣ еще смѣлѣе можно было положиться на ихъ содѣйствіе.

Посланные отъ Пилата изъяснили, безъ сомнѣнія, Ироду, въ чемъ состоитъ дѣло; почему Римскій судія не произнесъ осужденія на Іисуса Христа и отослалъ Его къ правителю Галилейскому, то есть, что Обвиняемый, находясь въ Іудеѣ, не сдѣлалъ ничего, заслуживающаго казни, для Него требуемой, и что теперь остается Ироду разсмотрѣть, не сдѣлалъ ли его подданный чего-либо такого въ Галилеѣ, какъ утверждали между прочимъ обвинители.

Но Иродъ не думалъ объ изслѣдованіи дѣла, коего незначительность въ гражданскомъ отношеніи была для него столько же очевидна, какъ и для Пилата. Не обращая вниманія на высокихъ обвинителей Іисусовыхъ, онъ видимо предался радости, что видитъ наконецъ предъ собою всѣми славимаго Пророка, Котораго такъ давно и сильно хотѣлось видѣть ему (Лук. 23. 8). Теперь, думалъ роскошный деспотъ, теперь подсудимый, угрожаемый муками и смертію, Чудотворецъ, для преклоненія меня на милость, раскроетъ предо мною всѣ чудеса Своего могущества или искусства: и множество вопросовъ немедленно полилось изъ устъ любопытнаго... Евангелистъ не сказываетъ, о чемъ онъ спрашивалъ; но что вопрошенія *словесы многими* не касались самаго дѣла, это показываетъ уже молчаніе Господа и младенческое любопытство, владѣвшее Иродомъ. Всего вѣроятнѣе, что это любопытство обращено было на прошедшія чудеса Господа, въ томъ числѣ, можетъ быть, и на чудесныя обстоятельства Его собственной жизни, напр. гласы съ неба и проч. Господь не отвѣчалъ ни слова; не показалъ даже и вида, что

[1]) Матѳ. 22, 16. Иродіанами назывались люди, приверженные къ фамиліи Иродовой, старавшейся объ увеличеніи политическаго могущества потомковъ Ирода Великаго.

Онъ расположенъ удовлетворить желанію тетрарха—видѣть отъ Него какое-либо чудо.

Сынъ Человѣческій и здѣсь является въ томъ же величіи, въ какомъ мы видимъ Его при началѣ служенія, когда, искушаемый въ пустынѣ, Онъ отвергаетъ съ презрѣніемъ предложеніе сатаны—употребить въ личную Свою пользу даръ чудесъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иродъ, увидѣвъ какое-либо чудо, освободилъ бы Чудотворца отъ опасности, Ему угрожавшей; но творить, въ угодность Ирода и царедворцевъ его, чудеса—значило бы унижать Святаго Духа, силою Коего они совершались,—повергать святая псамъ...

Между судіями Господа одинъ только Пилатъ, повидимому, былъ нѣсколько расположенъ цѣнить высокія чувствованія и поступки Подсудимаго. Не знающій истиннаго величія, Иродъ, не получая удовлетворенія своему любопытству, предался сильному негодованію. Первосвященники замѣтили это и тотчасъ, пользуясь случаемъ, начали клеветать на Іисуса Христа, доказывая, что Онъ, какъ непокорный властямъ, врагъ спокойствія народнаго, давно достоинъ смерти. Возмутительный нравъ Галилеянъ, подданныхъ Ирода, придавалъ достовѣрность тѣмъ опасностямъ, кои они предрекали отъ Іисуса Христа; а настоящее молчаніе Господа для злорѣчія служило очевиднымъ примѣромъ мнимой непокорности Его властямъ.

Но Иродъ, при всемъ негодованіи на обманутую надежду видѣть чудо, не былъ расположенъ вѣрить клеветамъ фарисейскимъ. По всей вѣроятности, молчаніе Господа почтено имъ за сознаніе въ слабости сдѣлать предъ нимъ чудо, достойное вниманія. И прежде едва ли отъ сердца вѣрилъ Иродъ слухамъ о чудесахъ Іисуса Христа, приписывалъ ихъ, можетъ быть, какому-либо тайному искусству; но, какъ человѣкъ безъ твердыхъ правилъ, колебался въ своемъ мнѣніи, почиталъ самое искусство стоющимъ вниманія. Теперь въ полной увѣренности, что подсудимый Узникъ сдѣлалъ бы для него чудо, если бы могъ, Иродъ принялъ Его за посредственнаго искусника, который между простымъ народомъ прослылъ Чудотворцемъ, но въ присутствіи просвѣщенныхъ царедворцевъ долженъ прибѣгать къ молчанію,—который, будучи надменъ успѣхами, видя наклонность народа признавать Его за великаго человѣка, вообразилъ себя Мессіею.

впрочемъ не имѣя никакихъ опредѣленныхъ видовъ, происходя изъ низкаго рода, безъ знаній и дарованій воинскихъ, съ однимъ пристрастіемъ къ народному учительству, ни мало не опасенъ для правительства. Такіе люди, думалъ Иродъ, заслуживаютъ не смерть, а осмѣяніе, и самъ первый началъ издѣваться надъ Господомъ. Толпа царедворцевъ немедленно присоединилась къ своему повелителю. Со всѣхъ сторонъ полетѣли острыя насмѣшки, язвительныя укоризны и грубыя шутки. Сынъ Человѣческій былъ осмѣянъ, поруганъ столько, сколько праведникъ можетъ быть осмѣянъ при дворѣ, подобномъ двору Антипы.

Въ довершеніе всѣхъ насмѣшекъ, Иродъ велѣлъ надѣть на Іисуса Христа, длинную, бѣлую, лоснящуюся одежду [1]). Такъ одѣвались въ Римѣ полководцы [2]) и всѣ тѣ, кои приготовлялись искать у народа какой-либо должности [3]). Такъ, думалъ насмѣшливый деспотъ, долженъ быть одѣтъ и Тотъ, Кто имѣлъ безразсудство представлять изъ Себя, хотя безъ особыхъ умысловъ и дальнихъ послѣдствій, Царя Іудейскаго.

Въ сей же самой одеждѣ Іисусъ Христосъ отосланъ обратно на судъ къ Пилату. Дарованіемъ Ему свободы Иродъ не хотѣлъ, вѣроятно, раздражить первосвященниковъ; между тѣмъ взаимною учтивостію думалъ отплатить за учтивость Пилата и показать, что онъ перестаетъ быть его недругомъ. Ибо съ сего времени, по замѣчанію Ев. Луки, Иродъ и Пилатъ сдѣлались по прежнему друзьями. Законнымъ предлогомъ къ отсылкѣ Узника на судъ прокуратора Іудейскаго, если нуженъ былъ предлогъ сей, могло служить то, что Іисусъ Христосъ, хотя провелъ бо́льшую часть Своей жизни въ Галилеѣ, но родился и записанъ былъ въ народную перепись въ Іудеѣ, управленіе коею принадлежало Пилату.

Солнце было уже высоко: три допроса и переходъ изъ одного судилища въ другое продолжались столько времени, что первосвященникамъ трудно было надѣяться въ сей же

---

[1]) Λαμπρὰ ἐσθῆς. По Сирскому переводу червленная, по Вульгатѣ—бѣлая одежда. Но λαμπρός рѣдко значитъ *червленный*, и притомъ тогда только, когда червленное отливаетъ свѣтомъ (Raphel. obser. in Polyb. 288. Wolfius in Curis); *бѣлое* чаще означаетъ, но такое бѣлое, которое отсвѣчиваетъ. Собственно λαμπρός—блестящій, отъ λάμπω,—въ приложеніи къ одеждѣ — лоснящійся. — Bynaeus de mort. Christ. tom. 3. p. 36—37.

[2]) Valer. Max. 1, 6. 11.

[3]) Polyb. Hist. l. x. c. 14. Отъ сей-то одежды ищущіе предъ народомъ какой-либо должности, или достоинства, и назывались у Римлянъ кандидатами (candidam vestem amicti).

день окончить дѣло, ими начатое. Но отложить его до другого времени—значило почти то же, что вовсе оставить. Съ продолженіемъ времени обстоятельства еще болѣе могли расположиться въ пользу Узника, и безъ того покровительствуемаго прокураторомъ. Особенно могли опасаться народа, который, узнавъ объ участи, уготовляемой великому Пророку, легко могъ возстать противъ синедріона. Посему старѣйшины съ необычнымъ для нихъ терпѣніемъ опять слѣдовали за Іисусомъ Христомъ въ Пилатову преторію, получивъ одно утѣшеніе, что Иродъ поругался надъ Господомъ, но не имѣя въ виду ничего опредѣленнаго, кромѣ своего упорства.

Іисусъ Христосъ осуждается на бичеваніе и смерть Пилатомъ.

(Прокураторъ снова провозглашаетъ Іисуса Христа невиннымъ, соглашаясь токмо на наказаніе исправительное.—Упорство первосвященниковъ.—Предложеніе народу на выборъ Іисуса и разбойника Вараввы.—Сонъ жены Пилатовой и ходатайство за Іисуса. — Первосвященники научаютъ народъ. — Свобода Вараввѣ, крестъ Іисусу!—Пилатъ напрасно думалъ замѣнить казнь смертную биченіемъ.—Лютость сего наказанія. — Вѣнецъ терновый. — *Се человѣкъ!* — *Царя ли вашего распну?—Не имамы царя, токмо кесаря.*—Опасность и признаки народнаго возмущенія.—Устрашенный прокураторъ омываетъ руки и осуждаетъ на смерть неповиннаго.)

Въ то время, какъ Іисусъ Христосъ находился во дворцѣ Иродовомъ. предъ домомъ Пилата часъ отъ часу болѣе собирался народъ (Лук. 23, 13). не столько для того, чтобы быть свидѣтелемъ суда надъ Пророкомъ Галилейскимъ (заключеніе Его въ узы еще не могло сдѣлаться извѣстнымъ всему городу), но чтобы участвовать въ подаваніи голосовъ за освобожденіе узника. Ибо въ это время у Іудеевъ существовало обыкновеніе, чтобы въ честь праздника Пасхи давать свободу одному изъ осужденныхъ на смерть преступниковъ [1]). Народу предоставлено было полное право выби-

[1]) Откуда сіе обыкновеніе и когда оно началось? — Трудно опредѣлить Производили его между прочимъ отъ Римлянъ, кои въ извѣстные праздники снимали оковы съ своихъ преступниковъ (Liv. 5. 13) Но слова (συνήθεια ὑμῖν) «у васъ есть обычай» (Іоан. 18, 39) указываютъ на Еврейское происхожденіе сего обычая; не говоря уже о томъ, что переходъ обыкновеній отъ Римлянъ къ Іудеямъ, нетерпѣвшимъ иностраннаго, самъ по себѣ невѣроятенъ. Вѣроятно, что Іудеи сами ввели у себя обыкновеніе освобождать одного изъ преступниковъ на Пасху, въ память своего освобожденія изъ рабства Египетскаго, и начавшееся подъ Сирійскимъ правленіемъ, обыкновеніе сіе утверждено потомъ Августомъ. (Rosenmull. Grotius ad Matth. 27, 15. Wolfius. Kircherus ad Luc. 23, 15.)

рать, кого угодно. Это составляло остатокъ свободы, коею Римляне любили льстить народамъ, ими побѣжденнымъ. Въ избраніи преступника, безъ сомнѣнія, сколько-нибудь соглашались предварительно. Поелику Пилатъ былъ правителемъ собственно Іудеи и Самаріи, то голоса тѣхъ, кои жили въ его областяхъ, особенно Іерусалимлянъ, конечно, были слышнѣе прочихъ и болѣе имѣли силы. Фарисеи, по своему довѣрію въ народѣ, могли имѣть сильное вліяніе на такіе выборы.

По возвращеніи синедріона, Пилатъ, противъ воли, долженъ былъ снова начать судъ, для него столько непріятный. Извѣстіе о поруганіяхъ, коимъ Іисусъ Христосъ подверженъ былъ отъ Ирода и его царедворцевъ, насмѣшливое одѣяніе, въ коемъ Онъ препровожденъ назадъ, давали разумѣть Пилату, что правитель Галилейскій почитаетъ сего Узника за мечтателя, коего довольно наказать однимъ осмѣяніемъ, но должно наказать чѣмъ-либо...

Итакъ, подозвавъ къ себѣ членовъ синедріона и народъ, прокураторъ началъ говорить къ нимъ такъ: «Вотъ, вы привели ко мнѣ Человѣка сего, какъ возмутителя народнаго спокойствія; но я при васъ самихъ разспрашивалъ Его и нашелъ совершенно невиннымъ въ томъ, въ чемъ вы Его обвиняете. Иродъ, къ коему я посылалъ Его, сколько вижу, тѣхъ же мыслей; по крайней мѣрѣ, онъ нисколько не нашелъ въ немъ преступленія, достойнаго смерти; итакъ я не могу, по вашему желанію, осудить Его. Наказать [1]), если угодно, я накажу; но послѣ долженъ возвратить Ему свободу, какъ невинному (Лук. 23, 14—16).

Въ сихъ словахъ уже примѣтна нѣкоторая уступка со стороны Пилата. Прежде онъ утверждалъ, что Узникъ не достоинъ ни малѣйшаго наказанія; теперь соглашается употребить наказаніе исправительное. Увѣренность его въ невинности Іисуса Христа не перемѣнилась, какъ увидимъ; перемѣнились только обстоятельства. Положить какое-либо наказаніе Узнику казалось нужнымъ и потому, чтобы показать вниманіе къ намеку новаго друга своего—Ирода на Его мечтательность, а болѣе—изъ снисхожденія къ синедріону, чтобы онъ имѣлъ возможность безъ особеннаго стыда прекратить преслѣдованіе невиннаго. Что такой оборотъ

[1]) Παιδεύσας ἀπολύσω.

дѣла будетъ стоить Праведнику незаслуженныхъ страданій, о семъ Пилатъ не заботился, почитая торжествомъ своего правосудія, если въ такихъ обстоятельствахъ успѣетъ спасти, по крайней мѣрѣ, Его жизнь.

Но первосвященники, видя снисхожденіе къ себѣ, сдѣлались тѣмъ неуступчивѣе и объявили рѣшительно, что они, кромѣ смертной казни, не удовлетворятся никакимъ другимъ наказаніемъ. Господь находился предъ лиѳостротономъ въ одеждѣ Иродовой; спрашивать Его снова не было никакой нужды; ибо обвиненія были тѣ же самыя, что и прежде. Пилатъ былъ въ явной нерѣшимости, что̀ дѣлать...

Шумъ народа вывелъ его изъ недоумѣнія. Праздная толпа изъявляла неудовольствіе, что игемонъ, занявшись судомъ надъ Іисусомъ Христомъ, медлитъ исполнить народный обычай — освободить ради праздника одного изъ преступниковъ. Дерзость сія, въ другое время обидная, теперь была пріятна для Пилата тѣмъ, что представила ему способъ выйти изъ затрудненія. Извѣстно было, что народъ намѣренъ просить Варавву [1]), преступника весьма важнаго, который произвелъ возмущеніе и убійства и теперь съ своими сообщниками сидѣлъ въ темницѣ, ожидая казни, вѣроятно, крестной. «Что̀, думалъ Пилатъ, если я поставлю Іисуса на ряду съ симъ разбойникомъ, и предложу народу на выборъ?—Ужели Іудеи предпочтутъ Іисусу возмутителя и убійцу?»—Послѣднее казалось весьма невѣроятнымъ; ибо Пилатъ зналъ, что народъ не раздѣляетъ съ первосвященниками ненависти къ Іисусу, и что, напротивъ, народная любовь къ Нему виною ихъ зависти и недоброжелательства.

Сообразивъ мгновенно все это, игемонъ обратился къ народу. «Хорошо, сказалъ онъ, я готовъ исполнить ваше требованіе; слышно, что вамъ хочется просить свободы Вараввѣ. Не препятствую. Впрочемъ, предлагаю вмѣстѣ съ

[1]) Въ трехъ древнихъ кодексахъ, переводѣ Армянскомъ и Сирійско іерусалимскомъ Варавва называется Іисусомъ Бараввою; и уже Оригенъ (tract. 35 in Matth.) находилъ это наименованіе во многихъ спискахъ. Такое сходство именъ, догадывались нѣкоторые, и было причиною того, что Пилатъ, назвавъ Іисуса по имени, для отличія отъ Варавы, прибавилъ: «такъ называемаго Христа». Недостатокъ же слова. Іисусъ — при имени Варавы въ позднѣйшихъ кодексахъ производили изъ суевѣрія переписчиковъ, кои, почитая неприличнымъ, чтобы разбойникъ носилъ одно имя съ Господомъ, выпускали оное изъ текста (Schmidt, Biblioth. der Neuen Theolog. Litt. B. I. p. 237) Но по суду лучшихъ критиковъ чтеніе *Варавву — Іисуса* есть плодъ неисправности переписчиковъ. Примѣрный образецъ таковой неисправности описанъ у Гризбаха. Comm. ad Matth. 23, 17.

нимъ на выборъ другого. Хотите ли, чтобы я отпустилъ вамъ Іисуса, такъ называемаго Христа, Царя Іудейскаго? (Матѳ. 27, 17; Марк. 15, 9; Іоан. 18, 39).

Болѣе Пилатъ ничего не сказалъ въ одобреніе Іисуса Христа. Изъ его устъ одобреніе скорѣе могло имѣть противное дѣйствіе и показаться посягательствомъ на произволъ избранія, коимъ столько дорожилъ народъ, воздыхавшій о древней свободѣ. Впрочемъ, все, что̀ онъ сказалъ бы въ одобреніе, уже нѣкоторымъ образомъ заключалось въ наименованіи Узника *Христомъ, Царемъ Іудейскимъ,* которое, кажется, употреблено Пилатомъ въ знакъ снисхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, съ симъ наименованіемъ соединены были всѣ пріятныя воспоминанія, всѣ лестныя надежды народа Іудейскаго, нѣкогда имѣвшаго собственныхъ царей, и теперь съ нетерпѣніемъ ожидавшаго Мессію-Царя изъ потомковъ Давидовыхъ. Самая честь народная требовала дать свободу и жизнь тому Человѣку, Коего все преступленіе состояло въ наименованіи Себя Царемъ Іудейскимъ.

Только въ устахъ Римскаго прокуратора названіе Іисуса Христа Царемъ Іудейскимъ могло представиться двусмысленнымъ и даже насмѣшливымъ. Если не самъ народъ, то враги Господа могли толковать ихъ такъ, какъ бы игемонъ издѣвался надъ ними, испрашивая свободы для Царя Іудейскаго...

Во всякомъ отношеніи, предложеніе Пилата народу о избраніи Іисуса Христа было весьма необыкновенно. «Смотри, замѣчаетъ Златоустъ, какъ порядокъ превратился! Народъ долженъ просить у Пилата свободы, преступнику; а теперь самъ прокураторъ проситъ ее у народа [1])».

Первосвященники и народъ нѣсколько удалились для совѣщанія. Пилатъ оставался на судейскомъ мѣстѣ, посреди лиѳостротона, для производства суда надъ прочими узниками.

Когда, такимъ образомъ, Іисусъ Христосъ былъ всѣми оставленъ, и самъ Пилатъ уже начиналъ, хотя противъ совѣсти, преклоняться къ строгимъ мѣрамъ: невинность Его обрѣла на время защиту тамъ, гдѣ менѣе всего можно было ожидать защитниковъ. Жена прокуратора прислала къ нему своего служителя съ тайною просьбою не осуждать не-

[1]) In Matth. Hom. 86. al 87.

обыкновеннаго Узника и, если можно, совершенно уклониться отъ судопроизводства надъ Нимъ [1]): «ибо, говорила она, въ прошедшую ночь я видѣла сонъ и много пострадала за Сего святого Мужа».

Не имѣя историческихъ указаній, безполезно было бы догадываться, что̀ именно видѣла во снѣ жена Пилатова; въ такомъ случаѣ надлежало бы обратиться къ догадкамъ совершенно произвольнымъ. Впрочемъ, изъ всего видно, что Прокула [2]) убѣждена была сномъ своимъ не только въ невинности Іисуса Христа, но и въ томъ, что Онъ есть праведникъ: наименованіе, которое въ устахъ язычницы означало человѣка необыкновенной добродѣтели, любимца Божества Должно также думать, что во снѣ открыто было Прокулѣ, болѣе или менѣе, и высокое достоинство лица Іисусова, и страшная участь, ожидающая враговъ Его и судей неправедныхъ.

На Пилата предостереженіе жены тѣмъ сильнѣе должно было подѣйствовать, чѣмъ болѣе оно согласовалось съ убѣжденіемъ его собственнаго сердца, и чѣмъ извѣстнѣе было ему нравственное достоинство его супруги. Если бы онъ не сдѣлалъ предложенія народу избрать Іисуса или Варавву, то, можетъ быть, нашелъ бы предлогъ тотчасъ прекратить, по совѣту жены, судопроизводство. Впрочемъ, обстоятельства позволяли еще Пилату успокоить жену свою, касательно судьбы Праведника, тѣмъ, что въ его рукахъ находится еще довольно средствъ спасти Его, если не отъ наказанія, то отъ смерти [3]).

Между тѣмъ (какъ Пилатъ разговаривалъ съ посланнымъ отъ жены и производилъ судъ надъ другими узниками) первосвященники и старѣйшины употребляли всѣ способы къ наущенію народа противъ Іисуса Христа. Успѣть въ семъ случаѣ для нихъ было тѣмъ удобнѣе, что Іерусалимляне (имѣвшіе особенную силу въ избраніи) были приверженнѣе другихъ къ фарисеямъ [4]), не любили Галилеянъ и вообще были

[1]) Выраженіе (μηδεν σοὶ καὶ δικαίῳ ἐκείνῳ) *ничтоже тебѣ и Праведнику тому*—означаетъ болѣе, нежели: *ничего не дѣлай Праведнику сему*, или: *не осуждай Его*. Conf. Bynaeus.

[2]) Такъ называется жена Пилата уже въ Никодимовомъ евангеліи.

[3]) Въ такъ называемомъ Никодимовомъ евангеліи есть еще нѣсколько свѣдѣній касательно сего случая, но не заслуживающихъ вѣроятія.

[4]) У Флавія (Antiq. 13. 23) самъ Александръ, царь Іудейскій, предъ смертію признается, что фарисеи могутъ дѣлать изъ народа, что имъ угодно—располагать его въ пользу своихъ друзей и во вредъ своихъ враговъ.

развращеннѣе и горделивѣе. Между прочимъ въ наущеніе могли говорить:

«Синедріонъ въ полномъ собраніи, два раза, со всѣмъ безпристрастіемъ, подъ клятвою допрашивалъ Іисуса; и, основываясь на собственныхъ словахъ Его, нашелъ въ Немъ человѣка нечестиваго, крайне опаснаго для благоденствія народа Іудейскаго... Дѣла, Имъ совершенныя, странны; но кто не видитъ, что Ему помогали темныя силы, что Онъ посланникъ Веельзевула (Матѳ. 9, 34)? — Ибо когда Онъ совершалъ ихъ? въ субботу, вопреки закона Моисеева, къ поруганію нашей религіи (Матѳ. 12, 2—8). А чему учитъ Онъ? разрушаетъ всѣ преданія (Матѳ. 15, 2), грозитъ разрушить самый храмъ (Матѳ. 26, 61), поноситъ все священное, не исключая и насъ, первосвященниковъ. А какъ живетъ Онъ?— ѣстъ и пьетъ съ мытарями и грѣшниками (Матѳ. 9, 11; 11, 19); ведетъ дружбу съ Самарянами (Іоан. 8. 48); всѣ презрѣнные люди съ Нимъ въ единомысліи. И такой человѣкъ называетъ себя *Сыномъ Божіимъ!* — Если бы Онъ былъ дѣйствительно Мессія, то дошелъ ли бы до теперешняго состоянія, позволилъ ли бы обходиться съ Собою, какъ съ рабомъ, согласился ли бы служить посмѣшищемъ для Иродовыхъ слугъ? Гдѣ пророки Моисей и Илія, кои должны возвѣстить всѣмъ приходъ Мессіи (Іоан. 1, 21)?—Напротивъ, этотъ человѣкъ преданъ собственнымъ ученикомъ: такъ мало цѣнятъ Его самые друзья! Да и кто ожидаетъ Мессію изъ Назарета (Іоан. 1, 46),—изъ дома плотника?—Нѣтъ, не будетъ того, чтобы глупые и дерзкіе Галилеяне могли дать намъ царя: Іерусалимъ не поклонится Назарету! — Что въ пришествіи Мессіи радостнаго? Не то ли, что Онъ освободитъ народъ Іудейскій отъ враговъ Его, возстановитъ престолъ Давидовъ (Лук. 1, 32—33; 19, 11)?—Но посмотрите на сего человѣка: это ли побѣдоносный потомокъ Давида, Который съ трепетомъ ожидаетъ милости и смерти отъ приговора Римскаго всадника? Онъ когда и былъ свободенъ, непрестанно твердилъ: «давайте дань кесарю!»—Это Мессія—только не Іудейскій, а развѣ Римскій! Честь народа требуетъ испросить Ему самой поносной казни. Не примѣчаете ли, что Пилатъ, называя Его царемъ нашимъ и прося Ему свободы, издѣвается надъ нами? — О, если бы Господь не смирилъ насъ за грѣхи отцовъ нашихъ, мы показали бы необрѣзанному, какъ по-

носить Израиля!—По крайней мѣрѣ, охраните честь синедріона, храма, имя Бога Израилева—вы, Израильтяне! Проклятъ, кто скажетъ хотя слово въ пользу сына Іосифова!»

Преступленія Вараввы также могли быть прикрываемы и уменьшаемы. Ничто не препятствовало фарисеямъ произведенное имъ возмущеніе изображать въ видѣ ревности по отечественной независимости, по закону Моисееву и преданіямъ. Возмущенія въ Палестинѣ тогда не были дѣломъ необыкновеннымъ; и при всѣхъ несчастіяхъ, отъ нихъ происходящихъ, преданный политической мечтательности народъ смотрѣлъ на возмутителей, какъ на людей, въ коихъ дышетъ духъ свободы, а посему достойныхъ лучшей участи. Напротивъ, Мессія, не сдѣлавшій ни одного покушенія свергнуть иго Римлянъ, казался уже по тому самому для многихъ неистиннымъ.

Наущенная толпа приблизилась къ литостротону. «Итакъ, кого изъ двухъ хотите, чтобы я отпустилъ вамъ, спросилъ Пилатъ: хотите ли, чтобъ я отпустилъ Царя Іудейскаго?» (Весьма не кстати употребляетъ онъ опять сіе наименованіе, которое наущенному народу казалось язвительною насмѣшкою.)

— «Не Его», раздалось со всѣхъ сторонъ: «не Его, а Варавву!»

Въ замѣшательствѣ мыслей, еще не успѣвъ придумать никакого оборота, Пилатъ, какъ бы не-хотя, спросилъ народъ: «что же мнѣ дѣлать съ такъ называемымъ Царемъ Іудейскимъ?»

— «На крестъ Его, на крестъ», кричала чернь, какъ бы въ самомъ дѣлѣ ей предоставлено было право рѣшать всѣ дѣла.

(Единогласное указаніе на самый родъ казни обнаруживаетъ, что наущавшіе не забыли никакихъ подробностей).

— «Но какое зло сдѣлалъ Онъ?»

— «На крестъ, на крестъ!» болѣе не слышно было ничего.

— «Нѣтъ», отвѣчалъ Пилатъ, раздраженный неудачею и не привыкшій терпѣть подобныхъ наглостей: «что прежде я сказалъ, то и будетъ: наказать Его, я накажу, а потомъ отпущу».

Послѣ сего тотчасъ дано повелѣніе: Варавву освободить, а Іисуса Христа подвергнуть бичеванію. Симъ наказаніемъ

игемонъ, какъ увидимъ, надѣялся совершенно удовлетворить лютости враговъ Его.

Бичеваніе (flagellatio) [1]), коимъ Пилатъ думалъ замѣнить смертную казнь, было однимъ изъ самыхъ поносныхъ и мучительныхъ наказаній [2]), опредѣляемыхъ у Римлянъ за важныя преступленія большею частію для рабовъ и тѣхъ, кои не имѣли права «римскаго гражданина» [3]). И въ Іудейскихъ синагогахъ наказывали розгами; но опредѣленное число ударовъ было не велико [4]); наказанный не лишался даже чести гражданской. Римляне, напротивъ, подвергали бичеванію за важныя преступленія, большею частію предъ совершеніемъ смертной казни [5]). Число ударовъ и прочія подробности не были опредѣлены закономъ и предоставлялись человѣколюбію или безчеловѣчію воиновъ, кои у Римлянъ совершали всѣ казни [6]). Бичи дѣлались изъ веревокъ или ремней, въ кои по мѣстамъ ввивались острыя костяныя или металлическія палочки [7]). Нерѣдко умирали подъ бичами [8]). Такимъ-то наказаніемъ Пилатъ хотѣлъ показать снисхожденіе и къ врагамъ Его и обвинителямъ.

Вслѣдствіе приказанія, воины, находившіеся при Пилатѣ, взяли Іисуса Христа съ лиѳостротона и отвели въ преторію—на дворъ прокураторскій, гдѣ производились подобныя наказанія; потомъ созвали большую часть военной спирты или когорты, заключавшей въ себѣ отъ 600 до 1000 человѣкъ [9]); ибо бичеваніе составляло родъ увеселенія для

[1]) По сказанію Ев. Іоанна (19, 1), Іисусъ Христосъ претерпѣлъ бичеваніе прежде осужденія на смерть, а по другимъ Евангелистамъ — послѣ. Здѣсь событіе излагается по сказанію Іоаннову. Ибо 1) прочіе Евангелисты о послѣднихъ событіяхъ на судѣ Пилата говорятъ весьма кратко; Іоаннъ гораздо подробнѣе, и въ болѣе хронологическомъ порядкѣ. 2) Пилатъ, какъ мы видѣли, съ тѣмъ и рѣшился наказать І. Христа, дабы послѣ даровать Ему свободу. 3) Старанія Пилата, послѣ бичеванія, объ освобожденіи І. Христа и новый допросъ даютъ знать, что бичеваніе не было слѣдствіемъ осужденія на смерть: иначе первосвященники и народъ тотчасъ закричали бы, что прокураторъ противорѣчитъ самъ себѣ, защищая уже осужденнаго преступника. 4) Частица τότε (тогда, Матѳ. 17, 27), на коей основываютъ противное мнѣніе, не противорѣчитъ сему: потому что у св. писателей опредѣленныя нарѣчія времени часто полагаются вмѣсто неопредѣленныхъ. Также Bynaeus, Kuinol. Gratz.

[2]) Horribile flagellum—ужасный бичъ. Horat Sat. 1. 3. 119.

[3]) Гражданъ наказывали розгами. Lipsius de Cruce. L. 2. c. 3.

[4]) 39 разъ. Втор. 25, 3; 2 Кор. 11, 24. Ioseph Antiq. 4. 8.

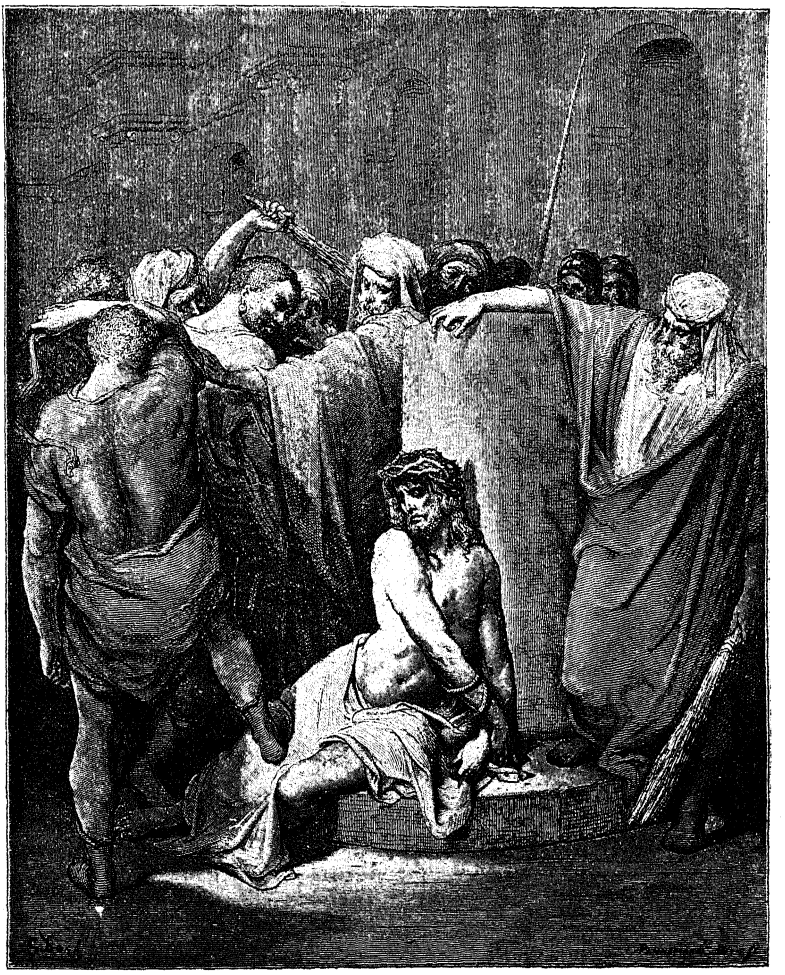
[5]) Phil. in Flacc. p. 975. Jahn, Archaeologie B. 11. § 207

[6]) Liv. L. 32. c. 26. Val. Max. 1. 7.

[7]) v. Bynaeus de mort. Christ. tom. III.

[8]) Ulpian. de poenis l. 8. Ministrorum immanitate multi sub ejusdem flagellis interierunt.

[9]) Lipsius de milit. Rom. 1. 4. Римскій гарнизонъ въ Іудеѣ составляли обыкновенно 6 когортъ, изъ коихъ 5 находились въ Кесаріи, а одна, большая,



Бичеваніе Іисуса Христа.

сихъ грубыхъ людей. Евангелисты не упоминаютъ, чтобы пречистое тѣло Господа въ время бичеванія было привязано къ столбу; но постоянное и всеобщее преданіе утверждаетъ, что было [1]). Жестокое само по себѣ, бичеваніе теперь было еще жесточе: каждый изъ воиновъ хотѣлъ дать почувствовать силу руки мнимому противнику кесаря—божества преторіанцевъ.

Насытивъ свою жестокость, воины перешли отъ мученій къ насмѣшкамъ—или по обыкновенному въ грубыхъ людяхъ сочетанію варварства съ увеселеніемъ, или по примѣру Ирода и его царедворцевъ. Вздумали заставить Узника представить лице царя, возводимаго на царское достоинство. Для сего на обнаженное, покрытое ранами и кровію, тѣло Господа накинули червленную хламиду — родъ короткой почетной епанчи, закрывавшей только половину тѣла, которая застегивалась на правомъ плечѣ и была въ употребленіи между важными военными людьми [2]). Само собою разумѣется, что хламида сія была какая-либо ветхая и негодная къ употребленію. Военнымъ одѣяніемъ хотѣли только означить мнимое домогательство Іисуса Христа верховной власти надъ Іудеями.

Потомъ нѣкоторые изъ воиновъ для той же цѣли сдѣлали наскоро вѣнокъ и надѣли его на голову Господа. На соплетеніе сего вѣнца употреблены были тернистыя вѣтви; но какого именно дерева или травы (ибо тернистыхъ породъ много)—сего, по одному значенію подлинныхъ словъ Евангелія, опредѣлить невозможно [3]), потому что греческое слово (ἄκανθα) означаетъ всякое колючее растеніе [4]). Отцы Церкви, начиная съ Климента Александрійскаго [5]), разумѣютъ тернъ въ собственномъ смыслѣ сего слова. Въ самомъ дѣлѣ, хотя вѣнецъ придуманъ не столько для увеличенія

въ Іерусалимѣ. Посему выраженіе Евангелистовъ: «созвали всю спиру»—не должно брать въ строгомъ смыслѣ, чтобы созвана была вся спира; иначе въ это время крѣпость Антонія и другія мѣста оставались бы вовсе безъ стражи.

[1]) Hieron. in Epitaphio Paulae. S. Paulin. Epist. 34. Prudent. Diptich. LXI.

[2]) Кои посему у Плавта (Rud. II. 2. 9) и называются chlamidati, одѣтые въ хламиду.

[3]) Нѣкоторые, изъ путешествовавшихъ въ Палестинѣ, полагали, что это должна быть и теперь во множествѣ растущая въ Палестинѣ трава, называемая отъ Арабовъ *набекою*, по листьямъ и цвѣту похожая на плющъ. (Hasselquist, Reise nach Palaestina. S. § 540). Другіе судили иначе. V. Michael ad L. I. Neue Orient. Bibloth. Th. I. § 186. Bartholinus de corona spinea.

[4]) V. Lexicon in N. T. Schleisneri et Breitschneideri. sub hac voce.

[5]) Paedag. L. II, c. 8. Tertul. contra Iudaeos c. 13.

мукъ, сколько въ насмѣшку; однако, безчеловѣчная прихотливость воиновъ, безъ сомнѣнія, не усумнилась употребить самое колючее растеніе, какое только могло найтись на дворѣ прокураторскомъ. А посему названіе вѣнца Іисуса Христа «терновымъ» соотвѣтствуетъ и значенію слова, употребленнаго въ подлинникѣ, и постоянному всеобщему преданію.

Теперь недоставало только послѣдняго знака царской власти—скипетра: вмѣсто него одинъ изъ воиновъ вложилъ въ руку Іисуса Христа палку изъ тростника (καλαμος) палестинскаго, который похожъ на нашъ тростникъ, только гораздо толще и тверже его [1]).

Послѣ такого мнимо-царскаго облаченія, которое само по себѣ уже было посмѣяніемъ, начались ругательства самыя грубыя. На Востокѣ уваженіе къ царямъ обыкновенно изъявляютъ паденіемъ предъ ними на колѣна. То же дѣлали и теперь. Падая (по одиночкѣ) предъ Іисусомъ Христомъ на колѣна, говорили: «радуйся, Царь Іудейскій». Съ сими словами [2]) каждый воинъ плевалъ Господу въ лице, бралъ у Него изъ рукъ трость и ударялъ Его по главѣ.

Что такое безчеловѣчіе было произвольно и даже вопреки законовъ, объ этомъ воины ни мало не думали. Царь-самозванецъ, Галилеянинъ, презираемый самыми Іудеями, для нихъ презрѣнными, казался имъ такимъ преступникомъ, коего нельзя довольно измучить.

Іисусъ Христосъ среди сихъ поруганій являлся такимъ, какъ провидѣлъ Его еще за нѣсколько вѣковъ пророкъ, когда въ божественномъ вдохновеніи изрекъ: *яко агнецъ на заколеніе ведеся, тако не отверзаетъ устъ Своихъ* (Исаіи 53, 7). Будучи злословимъ, по замѣчанію Апостола, Онъ не злословилъ взаимно; страдая, не угрожалъ; но предавалъ и Себя и мучителей Своихъ Своему Отцу, Судіи праведному (1 Петр. 2, 23).

Между тѣмъ первосвященники и народъ, не смотря на объявленіе прокуратора, что бичеваніемъ Іисуса Христа должно окончиться все дѣло, продолжали стоять у преторіи,

---

[1]) V. Levinus Lemnius de Herbis biblicis. Cap. 27.

[2]) У Филона (in Flacc.) находится описаніе подобныхъ насмѣшекъ надъ однимъ полоумнымъ человѣкомъ, котораго заставили представлять лице царя, въ укоризну Ироду Агриппѣ, выпросившему у Калигулы себѣ царское достоинство.

съ явнымъ намѣреніемъ требовать Ему смерти. Снисхожденіе, имъ оказанное, увеличивающаяся толпа народа, который во время бичеванія еще болѣе могъ быть наущенъ, ободряли къ новому упорству и дерзостямъ. Пилатъ видѣлъ сіе. Какъ самовластный судія, онъ могъ сказать, что дѣло кончено; но его самовластіе было зыбко предъ многочисленною толпою мятежной черни, которая, бывъ одушевлена личнымъ присутствіемъ своихъ вождей, была въ состояніи отважиться на все. Надлежало выслушать синедріонъ и народъ и не раздражать ихъ явно.

Оставивъ лиѳостротонъ, Пилатъ вошелъ въ преторію къ воинамъ, дабы видѣть, какъ исполнено его повелѣніе. Увы. оно исполнено было слишкомъ усердно!.. Исполнено такъ. какъ, по всей вѣроятности, не ожидалъ неравнодушный къ положенію Узника Римлянинъ!.. Взглядъ на жалостное положеніе Узника, безчеловѣчіе, надъ Нимъ оказанное, и кроткій Божественный видъ Страдальца еще болѣе убѣдили прокуратора въ той мысли, что если для подсудимаго, по обстоятельствамъ, неизбѣжно было какое-либо наказаніе, то Онъ наказанъ уже слишкомъ много. Но какъ спасти Его?--Показать въ семъ самомъ видѣ народу?—Ужели, думалъ Пилатъ. и сей жалостный видъ не тронетъ враговъ Его, особенно тѣхъ изъ Іудеевъ, кои не имѣютъ къ Нему личной ненависти?

Въ сихъ мысляхъ прокураторъ оставляетъ преторію, повелѣвъ слѣдовать за собою Іисусу. «Вотъ, сказалъ онъ народу, я вывожу Его къ вамъ, дабы вы снова знали, что я не нахожу въ Немъ никакой вины» (Іоан. 19, 4).

Въ то же время и Господь вышелъ изъ преторіи, съ облитымъ кровію, полузакрытымъ багряницею, тѣломъ, съ колючимъ вѣнкомъ на головѣ, которая также была изъязвлена и окровавлена...

«Се человѣкъ!»—воскликнулъ Пилатъ, повидимому тронутый жалостнымъ видомъ Божественнаго Узника.—(Смотрите, есть ли въ Его лицѣ что-либо дерзкаго, мятежнаго,—въ Его положеніи что-либо опаснаго для правительства!—Смотрите, какъ Онъ въ угодность вамъ поруганъ, измученъ!)

Слова сіи и положеніе Господа дѣйствительно тронули многихъ изъ Іудеевъ. Еще раздалось нѣсколько голосовъ: «распять, распять Его!» но уже не съ такимъ свирѣпствомъ.

Первосвященники, старѣйшины и книжники замѣтили это и начали кричать сами вмѣстѣ съ народомъ (Іоан. 19, 6). Многочисленная толпа слугъ ихъ и приверженцевъ кричали то же; минуты были самыя рѣшительныя...

И Пилатъ началъ терять равнодушіе судіи. «Ну, сказалъ онъ, если уже вы такъ упорны, то возьмите Его и сами распните (если можете); а я еще разъ скажу вамъ, что (по моему образу мыслей и законамъ Римскимъ) не нахожу въ семъ Человѣкѣ никакой вины.—Суровый видъ прокуратора показывалъ, что онъ сдержитъ свое слово.

Первосвященники, при всемъ желаніи видѣть Господа осужденнымъ по Римскимъ законамъ, принуждены были на время оставить сію надежду и снова обратиться къ обвиненію Его въ преступленіи отечественныхъ постановленій. Въ послѣднемъ случаѣ, представлялась по крайней мѣрѣ та выгода, что Пилатъ, какъ язычникъ, не имѣющій права судить о священныхъ законахъ Іудейскихъ, а слѣдовательно о ихъ преступленіи, по необходимости долженъ полагаться на слова книжниковъ Іудейскихъ, коимъ, при помощи фарисейскаго правовѣдѣнія, не трудно было вывести, что Господь, по уложенію Моисея, достоинъ смерти.

«Что за нужда, отвѣчали первосвященники Пилату, что ты не находишь Его достойнымъ смерти по твоимъ законамъ: у насъ есть свой законъ, по коему Онъ долженъ быть казненъ; ибо выдавалъ Себя между прочимъ и за Сына Божія.

Но обвиненіе сіе произвело въ Пилатѣ совершенно другое впечатлѣніе, нежели какого надѣялись враги Господа. Прокураторъ, по замѣчанію Ев. Іоанна, *услышавъ сіе слово* (Іоан. 19, 8), то есть, что Іисусъ Христосъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ, еще болѣе испугался. Прежде сего онъ опасался осудить невиннаго человѣка, праведника, необыкновеннаго мужа, можетъ быть, любимца боговъ; теперь страшился произнести приговоръ надъ Сыномъ Божіимъ, за Котораго Богъ-Отецъ Его, кто бы онъ ни былъ, долженъ жестоко отмстить ему: ибо Пилатъ, какъ язычникъ, нисколько не чуждъ былъ той вѣры, что боги иногда въ видѣ человѣческомъ нисходятъ на землю и раждаютъ полубоговъ [1]). Ни-

[1]) Таковыми полубогами почитались у язычниковъ: Геркулесъ, сынъ Юпитера и Алкмены, — Ромулъ, сынъ Марса и Реи Сильвіи, — Эней, сынъ Венеры и Анхиза Conf. Bynaeus.

чего невозможнаго не находилъ онъ и въ томъ, чтобы такой полубогъ явился въ Іудеѣ, подвергся узамъ и предсталъ его судилищу: ибо языческая религія допускала, что и самые боги принимали иногда видъ бѣдныхъ странниковъ [1]), а полубоги подвергались иногда даже оскорбленіямъ и униженію. Напротивъ, догадкою, не полубогъ ли находится въ его судилищѣ, изъяснялось для Пилата многое, чего онъ прежде никакъ не могъ рѣшить: и чудный сонъ жены его въ пользу Узника, ей неизвѣстнаго, иновѣрнаго; и необыкновенные поступки Господа: Его молчаніе, необыкновенное терпѣніе, высота мыслей и чувствованій.

Разспрашивать обвинителей, какъ и за какого Сына Божія выдавалъ Себя Обвиняемый, казалось неумѣстнымъ. Раздраженные первосвященники прямо могли бы сказать Пилату, что онъ не имѣетъ права вмѣшиваться въ дѣла ихъ религіи, которая находилась подъ покровительствомъ самого кесаря. Лучшимъ представлялось обратиться къ Самому Узнику и отъ Него узнать тайну Его Божественнаго происхожденія.

Полный страха и сомнѣнія, Пилатъ входитъ немедленно въ преторію, давъ знакъ слѣдовать за собою Іисусу Христу.

«Откуда Ты? былъ первый вопросъ. — Не о мѣстѣ рожденія спрашивалось,—ибо Пилатъ слышалъ уже, что Господь родился въ Галилеѣ,—но о томъ, какого Онъ происхожденія, отъ людей ли рожденъ, или отъ боговъ? Требовалось, чтобы Господь открылъ Свое происхожденіе естественное, или сверхъестественное.

Если и прежде не трудно было Іисусу Христу преклонить на Свою сторону судію, то теперь еще легче. Не смотря на свой скептицизмъ, суевѣрный, испуганный язычникъ какъ будто готовъ былъ вѣрить всему, что̀ бы ни было сказано Узникомъ чудеснаго о Своемъ происхожденіи. Но Іисусъ—*отвѣта не даде ему* (Іоан. 19, 9)!..

Достоинъ ли былъ знать святѣйшую изъ таинъ суевѣрный язычникъ, который спрашивалъ Господа не по любви къ истинѣ, а по страху, послѣ того какъ совершенно вопреки своей совѣсти подвергъ Его мучительному бичеванію?—Понтій даже не способенъ былъ понять тайну предвѣчнаго происхо-

[1]) Таково странствованіе Юпитера у Овидія. Metam. I. 1. И въ книгѣ Дѣяній описывается, какъ Ликаонцы, увидѣвъ чудо, произведенное Ап. Павломъ, почли его за Меркурія, а Варнаву, съ нимъ находившагося, за Юпитера. 14, 11. 12.

жденія лица Іисусова. которая, по высотѣ своей, не могла найти себѣ мѣста даже въ умѣ первосвященниковъ и книжниковъ, всегда почивавшихъ на законѣ Моисеевомъ. Все слышанное, или читанное Пилатомъ о сынахъ божіихъ, коими наполнена миѳологія Грековъ и Римлянъ, не помогло бы ему въ разумѣніи тайны лица Іисусова; на основаніи сихъ басенъ, Пилатъ всего скорѣе сравнялъ бы Его въ своемъ умѣ съ какимъ-либо Геркулесомъ или Ромуломъ [1]). Притомъ избавить Себя отъ смерти повѣствованіемъ о Своемъ небесномъ происхожденіи было совершенно несообразно съ нравственнымъ достоинствомъ Іисуса Христа. Мы видѣли, что Онъ, рѣшившись положить душу Свою за спасеніе міра, вмѣстѣ съ симъ отрекся отъ всѣхъ сверхъестественныхъ средствъ къ Своему освобожденію; Ему угодно было, чтобы Его судили какъ человѣка, а не какъ Сына Божія.

Впрочемъ, если бы Господь, — какъ думаютъ, къ сожалѣнію, въ наше время нѣкоторые даже изъ ученыхъ толкователей слова Божія [2]),—происходилъ отъ земныхъ родителей, а не произошелъ, какъ Онъ Самъ говорилъ, съ *неба,* отъ *Отца:* то, можетъ быть, самая любовь къ истинѣ, для свидѣтельства коей Онъ родился, побудила бы теперь вывести Пилата изъ заблужденія, сказавъ: «я, подобно всѣмъ людямъ, происхожу отъ смертныхъ родителей; я не Сынъ Божій въ собственномъ смыслѣ сего слова, и называлъ себя такъ единственно въ томъ отношеніи, въ какомъ каждый добродѣтельный человѣкъ можетъ быть названъ сыномъ Божіимъ». Пилатъ, можетъ быть, не былъ бы неспособенъ понять, въ чемъ состоитъ нравственное сыновство Божіе. Но какъ Іисусъ Христосъ былъ и есть дѣйствительный, естественный Сынъ Божій, то Ему и прилично было отвѣчать—(какъ и поступлено) на вопросъ Пилата—молчаніемъ.

Поелику для Пилата причины, по коимъ онъ не получалъ теперь отвѣта, были недомыслимы; между тѣмъ для гордости Римскаго всадника такое молчаніе казалось вовсе неумѣстнымъ въ Узникѣ, Который, сынъ ли Онъ боговъ, или нѣтъ, близокъ ко кресту: то онъ, желая прервать молчаніе, съ надменностью спросилъ: «какъ? Ты и мнѣ не отвѣтствуешь?

[1]) V. Lamp comment. in Iohan. 19.
[2]) V. Breitschneider. Handbuch der Dogmatik. 2. Band. 2. Ausg. 1822. S. 155—158, гдѣ указаны всѣ новѣйшіе писатели, допускающіе сіе ложное мнѣніе.

развѣ не знаешь, что я имѣю власть распять и отпустить Тебя?»

Не смотря на высокомѣріе словъ сихъ, въ нихъ все еще выражалась наклонность Пилата даровать Господу свободу; но куда дѣвался страхъ его?—Туда же, откуда произошелъ. Легкомысліе родило его, легкомысліе и разсѣяло. Впрочемъ, обычная хитрость Римскаго вельможи и здѣсь могла дѣйствовать: онъ могъ, скрывая свой собственный страхъ, съ намѣреніемъ устрашать Іисуса Христа своею властію, дабы, судя по тому дѣйствію, какое произведетъ угроза на Узника, заключить: человѣкъ ли Онъ простой, или сынъ боговъ?

Между тѣмъ надменными словами: «я имѣю власть распять и отпустить Тебя»—Пилатъ невольно обнаружилъ тайное свойство своего правосудія и своей совѣсти. «Смотри, замѣчаетъ святой Златоустъ, какъ онъ предварительно произноситъ судъ на самого себя!—Ибо, если все было въ твоей (Пилатъ) власти, то почему ты, не нашедъ въ Немъ никакой вины, осудилъ Его на крестъ?» [1])

Самохвальство судіи не осталось безъ обличенія, которое, безъ сомнѣнія, столько же казалось необыкновеннымъ для Пилата, сколько было прилично Господу. *Отвѣща Іисусъ: «не имаши власти ни единыя на Мнѣ, аще не бы ти дано свыше: сего ради предавый Мя тебѣ болій грѣхъ имать»* (Іоан. 19, 11).

Справедливо замѣчаетъ при сихъ словахъ блаженный Августинъ, что Іисусъ Христосъ, *когда молчалъ, молчалъ какъ агнецъ; а когда говорилъ, говорилъ какъ пастырь* [2]). Въ сихъ словахъ слышенъ истинный гласъ истиннаго Пастыря, Который, рѣшившись *положить душу Свою за овцы,* не оставляетъ безъ вразумленія и самыхъ вепрей, ищущихъ Его души. Пилатъ, желая знать о томъ, чего ему нельзя было знать,—о небесномъ происхожденіи Іисуса Христа, совершенно забылъ ту истину, которую ему прежде всего надлежало помнить, то есть, что суды земные, какъ и всѣ дѣянія человѣческія, находятся подъ невидимымъ управленіемъ Судіи небеснаго, Который потребуетъ нѣкогда строгаго отчета отъ неправедныхъ властителей.—И вотъ, Господь, не удовлетворивъ безвременному любопытству Пилата,

[1]) Hom. 83 al. 84 in Johan.
[2]) Tract. in Johan.

подаетъ однако же помощь его слабой совѣсти,—приводитъ ему на память истину, что дѣло, коимъ онъ теперь занимается, подлежитъ, кромѣ его литостротона, суду гораздо высшему, Божественному, и что ему остается быть только орудіемъ сего суда на землѣ.—Словами: «болѣе грѣха на томъ, кто предалъ Меня тебѣ», освѣщена предъ Пилатомъ. сколько нужно было для его вразумленія, будущая судьба враговъ Іисусовыхъ и его собственная. Ему дается предварительно слышать будущій приговоръ на себя отъ небеснаго Судіи за то, что не спасъ отъ смерти Праведника,—слышать во всей точности, то есть, что его ожидаетъ неизбѣжное наказаніе, хотя меньшее въ сравненіи съ наказаніемъ личныхъ враговъ и предателей Іисусовыхъ.

Совѣсть Римлянина и на сей разъ не была глуха. Смѣлое указаніе Іисусомъ Христомъ на Судію небеснаго, явный намекъ на несчастную участь. ожидающую Его гонителей, твердая рѣшимость исполнить Свое великое предназначеніе, прозрѣніе въ тайну совѣсти Пилатовой,—кажется, совершенно устранили неблагопріятную перемѣну мыслей, могшую произойти въ послѣднемъ, по причинѣ молчанія Господа на его вопросы и даже угрозы. Если судія не слышалъ отъ Подсудимаго признанія въ томъ, что Онъ есть Сынъ Божій, то не слышалъ и отрицанія. Между тѣмъ могъ полагать, что необыкновенный Узникъ имѣетъ какія-либо особенныя причины не открывать тайны Своего лица и происхожденія. Посему, по выходѣ изъ преторіи, Пилатъ, по замѣчанію святого Іоанна (Іоан. 19, 12), не только не перемѣнилъ прежняго вида защитника невинности Іисусовой, но еще началъ тѣмъ усерднѣе искать средства спасти Его отъ смерти. Молчаніе Евангелиста не позволяетъ сказать рѣшительно, къ чему именно обращался прокураторъ для достиженія сей цѣли и что̀ говорено имъ первосвященникамъ.

Прокуратору явно нельзя было утверждать, что Обвиняемый не признаетъ Себя виновнымъ въ присвоеніи имени Сына Божія; ибо кромѣ того, что Господь не отрекся предъ нимъ отъ сего наименованія, первосвященники могли вдругъ представить свидѣтелей, какъ Онъ называлъ Себя Сыномъ Божіимъ; нельзя было Пилату сказать и того, что обвиненіе Іисуса Христа въ наименованіи Себя Сыномъ Божіимъ не составляетъ преступленія, достойнаго смерти:

ибо не его было дѣло судить о тяжести преступленій, касающихся Іудейской религіи. Но тѣмъ съ бо́льшимъ правомъ Пилатъ могъ представлять первосвященникамъ, что подсудимый Узникъ, если въ чемъ-либо и виновенъ, то уже наказанъ за то слишкомъ, и несправедливо было бы за одно и то же наказывать такъ жестоко дважды; могъ снова отклонять отъ себя окончательное рѣшеніе дѣла, подъ предлогомъ нужнаго сношенія съ Иродомъ, къ области коего принадлежалъ Іисусъ Христосъ,—могъ даже, какъ представитель кесаря, явно принять Господа подъ защиту Римскаго правосудія, какъ человѣка, гонимаго синедріономъ по личнымъ видамъ.

Какъ бы то ни было, защищеніе Пилата было такъ дѣйствительно, что первосвященники принуждены были оставить обвиненіе Господа въ нарушеніи отечественныхъ законовъ и почли за лучшее снова обратиться къ одному уголовному извѣту — въ измѣнѣ противъ кесаря. Во время послѣдняго Пилатова допроса Господу, фарисейскіе и саддукейскіе лжеполитики имѣли всю удобность согласиться между собою и найти средства, какъ усилить сей извѣтъ и сдѣлать его неотразимымъ для прокуратора.

«Итакъ, ты хочешь, вскричали гордо первосвященники, избавить Его отъ казни? Поступай какъ угодно, но знай, что если ты Его отпустишь свободнымъ, то ты не другъ кесарю: всякій, кто называетъ себя царемъ, есть противникъ кесарю» (Іоан. 19, 12). Наущенная чернь кричала то же самое, упрекая Пилата невѣрностію своему государю.

При сихъ неожиданныхъ словахъ, внезапно исчезла вся твердость Пилата...

«Другъ кесаревъ» — было такое наименованіе, коимъ гордились первѣйшіе люди въ Римѣ, начальники обширнѣйшихъ провинцій. Самъ Иродъ Великій почиталъ себѣ за особенную честь именоваться и слыть въ народѣ другомъ Августа. Тѣмъ паче долженъ былъ дорожить симъ наименованіемъ Римскій всадникъ, который еще весьма далекъ былъ отъ того, чтобы повелитель свѣта назвалъ его *своимъ другомъ*...

«Если освободишь Его, то ты врагъ кесарю»—слова сіи, сказанныя предъ всѣмъ народомъ устами цѣлаго синедріона, были ужаснѣе грома. Изъ нихъ открывалось, что первосвя-

щенники готовы перенести дѣло на судъ кесаря, дабы тамъ обвинять вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ и Пилата, какъ измѣнника, который не радитъ о чести и выгодахъ своего владыки. Для Пилата сіи угрозы тѣмъ болѣе имѣли силы, чѣмъ менѣе онъ, въ качествѣ правителя Іудеи, свободенъ былъ отъ проступковъ [1]), за кои по справедливости и съ успѣхомъ можно было обвинять его предъ кесаремъ, особенно такимъ врагамъ, кои дѣйствовали въ Римѣ и золотомъ и происками.

Еще бы не такъ ужасало обвиненіе предъ кесаремъ въ измѣнѣ, если бы на Римскомъ престолѣ сидѣлъ тогда Августъ или ему подобный. Можно было надѣяться, что полубогъ Римскій, забывъ свою личность, разсмотритъ дѣло въ истинномъ его видѣ и не поставитъ Іисусу Христу въ вину одного наименованія Себя царемъ. Но Римъ стенялъ тогда подъ желѣзнымъ скипетромъ Тиверія—чудовища, которое, не имѣя довѣрія и жалости даже къ роднымъ, питаясь сомнѣніями и притворствомъ, терзало всякаго по самымъ маловажнымъ подозрѣніямъ; у коего самые безстыдные извѣты всегда находили себѣ довѣріе и награду [2]).

Кромѣ будущей опасности со стороны кесаря, надлежало страшиться и настоящей со стороны народа. Необузданная, наущенная фарисеями, толпа становилась часъ отъ часу наглѣе и мятежнѣе. Свирѣпый крикъ ея уже предвѣщалъ, что она готова позволить себѣ всѣ роды насилія [3]). Горсть преторіанцевъ ничего не значила въ сравненіи съ безчисленнымъ множествомъ Іудеевъ, собравшихся со всего свѣта на праздникъ Пасхи. Кромѣ опасности отъ народнаго возмущенія, за него надлежало бы еще отвѣчать предъ кесаремъ. Что же, если бы Тиверій узналъ, что единственною причиною возмущенія былъ отказъ, сдѣланный Римскимъ прокураторомъ народу Іудейскому, требовавшему казни для личнаго врага Тиверіева, какимъ предполагался мнимый домогатель престола Іудейскаго?!

Подобныя мысли могли смутить и не Пилата,—человѣка съ не вовсе заглушенною совѣстью, имѣющаго поня-

[1]) Philo Legat ad. Caj. p. 1033. Joseph. Antiq. 18. 141. Bell. Jud. 1. 2. 8.
[2]) Majestatis crimen, пишетъ Тацитъ, omnium accusationum complementum erat. Annal. 3. 8. Svet. in vit. Tiber. c. 58.
[3]) «Пилатъ, видя, что ничто не помогаетъ, но волненіе умножается». Матѳ. 27, 24.

тіе о справедливости и нѣкоторое расположеніе къ ней, но съ дѣтства привыкшаго, по примѣру вельможъ Римскихъ, ставить свою пользу выше нравственности, смотрѣть не столько на совѣсть, сколько на обстоятельства,—угожденіе кесарю почитать высшимъ закономъ своихъ дѣйствій, казаться справедливымъ, гдѣ можно тѡ дѣлать безъ вреда для себя, по крайней мѣрѣ, важнаго; — человѣка, незнакомаго съ истинною религіею, съ лучшими чувствованіями и надеждами рода человѣческаго,—тѣми чувствованіями, кои одни производятъ истинныхъ героевъ добродѣтели,—тѣми надеждами, безъ коихъ самая возвышенная нравственность зыбка и ненадежна.

Чтобы для защищенія невиннаго отказаться всенародно отъ дружества съ кесаремъ, презрѣть опасность собственной жизни, для такой высокой жертвы и въ язычествѣ необходимъ былъ твердый духъ Регула, безкорыстіе Цинцинната; но духъ Регуловъ и Цинциннатовъ давно оставилъ Капитолій, наполненный льстецами Августа и рабами Тиверія.

Присовокупимъ еще одну мысль. Если нѣкоторые еще изъ древнихъ учителей Церкви [1]) предполагали, будто Іуда продалъ своего Учителя въ надеждѣ, что Онъ посредствомъ сверхъестественныхъ силъ освободитъ Себя изъ рукъ Своихъ враговъ: то еще основательнѣе предположить, что Пилатъ, рѣшившись осудить Іисуса Христа на смерть, вѣроятно, надѣялся при семъ, что боги, если Онъ ихъ сынъ, не умедлятъ спасти Его отъ казни, столь поносной для ихъ божескаго достоинства.

Сообразивъ все сіе, легко понять, какимъ образомъ *крикъ народа и первосвященниковъ превозмогъ* ослабѣвшее усиліе судіи [2]).

Рѣшившись уступить необходимости, Пилатъ взошелъ на судейское мѣсто для окончанія суда. Господь, доселѣ остававшійся въ преторіи, былъ выведенъ на лиѳостротонъ для выслушанія приговора. Обвинители также приблизились; мѣсто шума заступила тишина: всѣ ожидали, что̀ скажетъ прокураторъ, и чѣмъ кончится дѣло, столь необыкновенное.

---

[1]) Смотр. Ѳеоф. толк. на Матѳ.

[2]) Лук. 23, 23. Пилатъ самъ въ донесеніи своемъ къ Тиверію ссылается на сію же причину.

— «Се Царь вашъ!» воскликнулъ невольно Пилатъ, при взглядѣ на Того, Котораго надлежало теперь, вопреки совѣсти и желанію, осудить на смерть.

— «Распять, распять Его!» закричала буйная толпа, желая прекратить зрѣлище и для нея не легкое.

— «Какъ? Царя вашего распять?»...

— «Распять, распять Его!»

— «У насъ нѣтъ, присовокупили первосвященники, царя, кромѣ кесаря».

Не такъ говорили они въ синагогахъ своихъ; тамъ всего чаще повторяли: «у насъ нѣтъ другого царя, кромѣ Бога» [1]). Притомъ всѣ ожидали царя — Мессію, всѣ надѣялись, что онъ свергнетъ иго кесаря; о семъ молились въ храмахъ, въ домахъ и на пути, старцы и дѣти, утромъ, въ полдень и вечеромъ. И между тѣмъ для погубленія Іисуса, цѣлый синедріонъ предъ всѣмъ народомъ не устыдился признать себя законнымъ рабомъ кесаря, коего ненавидѣлъ; — отказаться отъ общественныхъ надеждъ и славы, даже нѣкоторымъ образомъ отъ самого Мессіи!—Нѣсколько десятилѣтій, протекшихъ отъ распятія Господа до разрушенія Іерусалима, показали, какъ первосвященники и фарисеи сохраняютъ вѣрность кесарю: нѣтъ ни одной измѣны, которая бы не была совершена тогда нѣсколько разъ, доколѣ въ Іерусалимѣ не остался камень на камнѣ.

Теперь надлежало произнести приговоръ «на праведника, любимца, можетъ быть, сына боговъ». Мысль сія все еще была слишкомъ тяжела для Римлянина. Въ такомъ случаѣ ищутъ какой бы то ни было опоры своей совѣсти. Пилатъ, къ сожалѣнію, скоро нашелъ ее.

У Іудеевъ было обыкновеніе, обратившееся даже въ законъ, что если находили гдѣ-либо мертвое тѣло, то старѣйшины ближайшаго города должны были надъ головою юницы омывать руки, говоря: «руки наши не проливали сей крови, и глаза наши не видали убійства» (Втор. 21, 6). Пилатъ, проживъ не малое время въ Іудеѣ, зналъ о семъ обыкновеніи, подобное коему было и у язычниковъ, кои, въ знакъ своей невинности и для очищенія себя отъ грѣховъ, также употребляли омовеніе [2]). Бѣдный мужествомъ и слабый со-

[1]) V. Grotius ad Johan. 19, 15.
[2]) Macrob. Satyr. 3. 1. Ovid. Fast. 2. 36. Scholiast. Soph. Ai. 663.

вѣстію, судія-язычникъ рѣшился всенародно обратиться къ сему обряду, который, доставляя нѣкоторое успокоеніе его совѣсти, былъ полезенъ теперь и тѣмъ, что стоящіе въ отдаленіи Іудеи, коимъ за шумомъ не слышны были слова Пилата, могли изъ омовенія судіею рукъ заключить, что онъ осуждаетъ Іисуса Христа противъ воли.

«Я не повиненъ,—воскликнулъ Пилатъ, омывая руки,— я не повиненъ въ крови Праведника Сего! Смотрите вы! вы принуждаете меня пролить ее: вамъ должно будетъ и отвѣчать за нее!»

Слова сіи не могли быть произнесены иначе, какъ съ самымъ глубокимъ и горькимъ чувствомъ. Это былъ единственный въ исторіи случай, что Римскій судія выражалъ съ такою силою увѣренность свою въ невинности осуждаемаго имъ на смерть узника. Если бы прокураторъ не былъ сильно растроганъ, то одно самолюбіе заставило бы его произнести приговоръ, какъ можно короче, дабы не подать вида, что его къ тому принуждаютъ. Особенно долженъ былъ Понтій сожалѣть теперь и упрекать себя, если онъ въ то время, какъ получилъ предостереженіе отъ жены, могъ отклонить отъ себя осужденіе Господа, и не отклонилъ его потому, что надѣялся имѣть въ рукахъ своихъ еще довольно средствъ для Его спасенія.

Буйный народъ, не смотря на разъяренность свою, понялъ, чего хотѣлось прокуратору и каково состояніе души его; но, наущенный слѣпыми вождями своими, онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы вдругъ возвратиться назадъ; опасеніе осудить невиннаго, дѣлающее столько чести язычнику, показалось маловажнымъ для почитателей Іеговы, коимъ внушаемо было понятіе справедливости съ дѣтства. Какъ бы желая пристыдить или ободрить малодушіе прокуратора, всѣ закричали: «кровь Его на насъ и на чадѣхъ нашихъ!»

(Слова сіи, ужасныя сами по себѣ, представятся еще ужаснѣе, когда вспомнимъ, что ихъ надобно разумѣть безъ всякаго ограниченія, во всей буквальной точности; потому что Іудеи, сообразно ученію пророковъ, твердо вѣрили, что Богъ, за преступленіе родоначальниковъ, наказываетъ все ихъ потомство) [1]).

---

[1]) Подобное мнѣніе было и у многихъ древнихъ народовъ. Iliad. 4. 160.

Наконецъ, земной судія, *видя, яко ничтоже успѣваетъ, но паче молва* (возмущеніе народное) *бываетъ,* произнесъ смертный приговоръ на Судію живыхъ и мертвыхъ.

Приговоръ сей, по обыкновенію Римскаго суда, состоялъ изъ краткихъ словъ, что *такой-то,* за *такое-то преступленіе,* осуждается на *такую-то казнь* [1]).

Въ дополненіе Евангельской исторіи суда надъ Іисусомъ Христомъ не излишне замѣтить, что Пилатъ отправилъ впослѣдствіи къ Тиверію донесеніе, въ коемъ описалъ жизнь Іисуса Христа, Его чудеса и святость, свой судъ надъ Нимъ и причины, побудившія осудить Его на распятіе. Въ существованіи сего донесенія, въ подлинномъ видѣ его для насъ давно потерянаго [2]), не позволяютъ сомнѣваться свидѣтельства Іустина Мученика [3]) и Тертулліана [4]), кои ссылались на него, какъ на несомнѣнное доказательство, въ своихъ апологіяхъ къ сенату и народу Римскому. Тиверій, по свидѣтельству сихъ же писателей, столько былъ пораженъ описаніемъ чудесъ и святости Іисуса Христа, что предложилъ сенату включить Его въ число Римскихъ боговъ; но сенатъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, на сіе не согласился; и Тиверій удовольствовался тѣмъ, что, подъ опасеніемъ казни, запретилъ преслѣдованіе христіанъ.

Замѣтимъ еще, что Пилатъ беззаконнымъ осужденіемъ Іисуса Христа на смерть не избѣгъ опасности, которой страшился. Чрезъ четыре года послѣ сего, онъ вызванъ въ Римъ къ суду вслѣдствіе жалобъ, принесенныхъ Іудеями, и, не имѣя возможности оправдаться, заточенъ въ Вѣну, гдѣ погибъ отъ самоубійства [5]).

Участь другого судіи Іисусова, Ирода Антипы, была немного лучше Пилатовой. Подстрекаемый властолюбивою Иродіею, онъ, вмѣсто тетрархіи Галилейской, началъ домо-

---

[1]) Въ Никодимовомъ Евангеліи пересказываются самыя слова сего приговора (коихъ нѣтъ у Евангелистовъ) но, къ сожалѣнію, они такъ запутаны и оразноображены въ различныхъ спискахъ сего Евангелія, что не имѣютъ никакой цѣны исторической.

[2]) Отрывокъ дѣяній Пилата, находящійся въ Фабриціевомъ собраніи Псевдепиграфовъ, давно признанъ подложнымъ. Въ III и IV вѣкахъ существовали подъ симъ именемъ и другія сочиненія, составленныя еретиками и язычниками. V. Bible d'Avignon. t. 13. p. 513. Henke de actis Pilati. 1783. Alman de Epist. Pilat. ad Tiber 1755.

[3]) Apolog. 1. 76, 84.

[4]) Apolog. 5. 21. Evseb. 22. Epiph. Hær 50. 1.

[5]) V. Hermanson de Pontio Pil. 1624. Joseph. Antiq. 18. 5. Tacit. Annal. 15. 44. Philo Legat. ad Caj. 589—95.

гаться въ Римѣ царскаго достоинства надъ всею Іудеею, желая владѣть ею нераздѣльно, по примѣру отца своего, Ирода Великаго. Но это домогательство приняло такой несчастный оборотъ, что Антипа, вмѣсто вѣнца царскаго, сосланъ былъ въ ссылку, въ Ліонъ, гдѣ окончилъ жизнь свою—въ нищетѣ и безвѣстности [1]).

Взглядъ на образъ суда надъ Іисусомъ Христомъ.

(Чрезвычайная необыкновенность сего суда.—Характеръ трехъ судилищъ.—Низость и виновность первосвященниковъ.—Нечистота Пилатовыхъ видовъ и его двоедушіе.—Благородство жены Пилатовой.—Откуда и для чего чудный сонъ ея?—Нравственное величіе Господа во время суда.—Молчаніе Его нисколько не препятствовало правильности суда.—Свойство Его отвѣтовъ.—Трогательность Его внѣшняго положенія.—Дивное исполненіе путей Промысла.)

При самомъ легкомъ взглядѣ на образъ суда надъ Іисусомъ Христомъ тотчасъ открывается, что онъ во многомъ былъ отличенъ отъ обыкновенныхъ и даже необыкновенныхъ судовъ человѣческихъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ выдержать истязаніе отъ трехъ различныхъ властей: Іудейской, Галилейской и Римской—за такое дѣло, которое ни одна изъ нихъ не признавала своимъ; быть упорно обвиняему Іерусалимскимъ синедріономъ и народомъ за то, чего синедріонъ и весь народъ нетерпѣливо ожидали; найти ревностнаго защитника своей невинности въ Римскомъ прокураторѣ, котораго все, повидимому, не располагало въ пользу подсудимаго, и Его бѣдность и молчаніе, и сила враговъ, и опасность обвиненія; изъ устъ судіи слышать неоднократно торжественное провозглашеніе своей невинности и непосредственно за симъ отъ того же судіи выслушать приговоръ на смерть крестную, съ наименованіемъ праведника; имѣть множество и естественныхъ и сверхъестественныхъ средствъ для своего защищенія, и пользоваться ими не болѣе, сколько нужно для обнаруженія своей невинности:—это такія обстоятельства, кои находимъ только въ исторіи суда надъ Іисусомъ Христомъ!

Каждое судилище обнаруживало свой собственный характеръ. Въ синедріонѣ Іисусъ Христосъ былъ судимъ личными

[1]) Joseph. Antiq. 18. 7. 5. Euseb. Hist. Eccl. 1. 4.

врагами Своими, какъ судитъ беззаконіе. Во дворцѣ Ирода жребій Его находился въ рукахъ деспота, который не знаетъ другого закона для своихъ дѣйствій, кромѣ прихоти, коего все правосудіе состоитъ въ томъ, чтобъ не быть слишкомъ неправосуднымъ. Преторія Пилатова могла служить убѣжищемъ невинности—человѣческой, но не могла вмѣстить правды—Божественной. Здѣсь вмѣстѣ съ правосудіемъ засѣдалъ духъ мірской, языческой власти, на судѣ коей голосъ невинности или не былъ слышенъ, или долженъ былъ отзываться выгодою. Истина небесная въ лицѣ Сына Божія, кажется, посѣтила теперь всѣ суды человѣческіе, дабы видѣть, *аще есть разумѣваяй или взыскаяй правду*. И теперь, какъ во время Давида, оказалось, что всѣ уклонились и сдѣлались непотребными: *нѣсть творяй благое, нѣсть до единаго* (Псал. 13, 3).

Ослѣпленіе и буйство народа Іудейскаго, особенно вождей его, обнаружилось во всей силѣ. Если бы Іоаннъ Креститель воскресъ: то и теперь, когда вся Іудея наполнилась славою чудесъ Іисуса Христа, когда первосвященники сами неоднократно слышали бесѣды Его, разсматривали лице и дѣло Его и готовились вознести Его на крестъ,—и теперь проповѣдникъ покаянія могъ бы снова сказать всему народу, Іудейскому: *се стоитъ посредѣ васъ* нѣкто, *Егоже вы не вѣсте* (Іоан. 1, 26)!—Нельзя вѣроломнѣе отвергнуться Мессіи, какъ отвергаются Его теперь; нельзя жесточе преслѣдовать Его, какъ преслѣдуютъ теперь. Не будемъ предполагать, что враги Іисуса Христа дѣйствовали противъ Него вопреки яснаго и твердаго убѣжденія, что Онъ есть обѣтованный Мессія: это значило бы приписывать природѣ человѣческой злобу и ожесточеніе діавола, который ненавидитъ истину—потому что она истина. Должно однако же сказать, что со стороны вождей народа Іудейскаго сдѣлано все, дабы имъ остаться нѣкогда безотвѣтными. Какъ недостойно и безчестно поступили они при самомъ взятіи Іисуса Христа подъ стражу! Какъ безразсудно и опрометчиво рѣшили въ своемъ соборѣ дѣло о Мессіи—лица, съ коимъ неразрывно соединено временное и вѣчное благо всего Израиля, въ которомъ они могли узнать своего Царя, Судію и Господа! Положимъ, что бѣдное состояніе Іисуса Христа соблазняло ихъ; но развѣ они не слыхали о чудесахъ Его? развѣ не предъ ихъ почти

очами совершилось за нѣсколько дней воскрешеніе Лазаря?—Если и это событіе не могло убѣдить синедріонъ въ томъ, что Іисусъ Христосъ есть Мессія, то, по крайней мѣрѣ, должно было заставить его дѣйствовать осмотрительнѣе, не спѣшить умерщвленіемъ человѣка, который, по общему мнѣнію, имѣлъ въ себѣ столько признаковъ Мессіи. Самая медленность, съ коею производился судъ надъ Господомъ въ преторіи, повидимому, допущена Промысломъ для того, чтобы враги Его имѣли время увидѣть свою ошибку и придти въ чувство. Можно сказать, что Пилатъ былъ для нихъ въ семъ случаѣ проповѣдникомъ покаянія. — Между тѣмъ, къ какимъ низкимъ средствамъ не прибѣгаютъ старѣйшины Іудейскіе, дабы достигнуть цѣли, слѣпо принятой!— Подкупаютъ ученика; идутъ послѣ вечери пасхальной съ оружіемъ и дрекольми въ Геѳсиманію; собираются, подобно разбойникамъ, въ полночь для совѣщанія; влачатся изъ одного судилища въ другое; наущаютъ народъ; притворяются усердными слугами кесаря; угрожаютъ судіи клеветою, даже кричатъ вмѣстѣ съ чернію:—это ли стража дома Израилева, драгоцѣнные камни святилища, преемники Моисея и пророковъ?..—Никогда верховный совѣтъ Іудейскій не унижался до такой степени, до какой унизился теперь, чтобы собственнымъ посрамленіемъ купить безчестную казнь для своего Мессіи.

Нельзя думать, чтобы среди толпы народа, испросившей Господу смерть, не было людей, къ Нему приверженныхъ. Но ихъ собственная безопасность требовала не объявлять, по крайней мрѣ, вслухъ первосвященниковъ своего мнѣнія. Въ противномъ случаѣ, они сдѣлались бы жертвою необузданности слугъ и клевретовъ фарисейскихъ, кои до того простерли свою дерзость, что начали угрожать самому прокуратору. А посему молчаніе Евангелистовъ о томъ, чтобы кто-либо изъ Іудеевъ вызвался защищать Іисуса Христа предъ Пилатомъ, надобно принимать за рѣшительное свидѣтельство, что таковыхъ защитниковъ не было; и такъ называемое Никодимово евангеліе, въ коемъ Никодимъ, силоамскій разслабленный, жена кровоточивая и капернаумскій сотникъ повѣствуютъ предъ прокураторомъ о ученіи и чудесахъ Іисуса Христа, не стоитъ довѣрія историческаго. Испросившая смерть Господу, толпа, до очевидности, пока-

зала собою, что̀ значитъ народный голосъ и какъ легко злоупотреблять его дѣйствіемъ людямъ злонамѣреннымъ. Вмѣсто того, чтобы гласу народа быть звучнымъ, но мирнымъ гласомъ Божіимъ, онъ сдѣлался теперь дикимъ воплемъ Веельзевула...

Пилатъ служитъ разительнымъ примѣромъ, чего должно ожидать отъ судіи съ слабымъ характеромъ, поставленнаго въ необходимость отказаться для истины отъ всѣхъ личныхъ выгодъ. Надъ нимъ вполнѣ оправдались слова Господа: свѣтильникъ тѣлу есть око: *аще око твое просто, все тѣло твое свѣтло будетъ, и аще око твое лукаво, все тѣло твое темно будетъ* (Матѳ. 6, 22). Око души Пилатовой—начало его дѣйствій—было лукаво: не вѣчный и непремѣняемый законъ правды лежалъ во глубинѣ его сердца и составлялъ основаніе его поведенія, а нечистая любовь къ самому себѣ. пристрастіе къ земнымъ выгодамъ, поваленное любовію къ справедливости; и вотъ, все тѣло Пилата является темнымъ, всѣ поступки его. не смотря на похвальную ихъ сторону. выражаютъ что-то, достойное сожалѣнія и презрѣнія. Самое первое дѣйствіе прокуратора уже запечатлѣно измѣною истинѣ: онъ хочетъ отклонить отъ себя осужденіе невиннаго, предоставляя оное то Іудеямъ, то Ироду, какъ будто позволить другимъ совершить злодѣяніе, имѣя право и долгъ остановить его. не то же значило, что и самому совершить оное!—Потомъ, единственно изъ угожденія именитымъ и сильнымъ обвинителямъ, Праведникъ подвергается мучительному бичеванію. Нѣтъ нужды, что Онъ можетъ умереть подъ бичами: для судіи довольно, что онъ хотѣлъ спасти Его отъ смерти. Таково правосудіе людей вѣка. Думаютъ, что все сдѣлано съ ихъ стороны; между тѣмъ какъ не хотятъ сдѣлать именно того, что̀ должно. И всѣ прочія усилія Пилата къ освобожденію Іисуса Христа представляютъ жалкую борьбу своекорыстія съ чувствомъ долга. Видишь человѣка, который мучитъ самъ себя, устремляется во всѣ стороны, обращается съ распутія на распутіе, чтобы выйти изъ пропастей, въ кои зашелъ добровольно; но не хочетъ возвратиться на царскій путь правды, который лежитъ прямо предъ его очами и на который зоветъ совѣсть.—Наконецъ, страхъ и своекорыстіе превозмогли; но Пилатъ, поправъ справедливость, хочетъ сохранить на себѣ ея личину: судія омываетъ руки,—

и думаетъ быть чистымъ отъ крови Праведника!.. При семъ зрѣлищѣ чувство сожалѣнія невольно превращается въ негодованіе...

Впрочемъ, мы не имѣемъ права простирать сужденія своего о Пилатѣ далѣе приговора, который уже произнесенъ вслухъ его Самимъ Господомъ. *Болше* (во всякомъ отношеніи болѣе) *грѣха на томъ, кто предалъ ему Господа* — на Іудѣ, Іудеяхъ, особенно старѣйшинахъ Іудейскихъ. Тогда какъ первосвященники видимо приближались къ ужасной крайности (а нѣкоторые, можетъ быть, и впали въ нее) грѣха на Духа Святаго, который, по слову Самого Спасителя, не отпускается ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій (Матѳ. 12, 32): Пилатъ, явно, грѣшилъ только противъ Сына Человѣческаго, слѣдовательно—принадлежалъ къ числу тѣхъ грѣшниковъ, за спасеніе коихъ осужденный имъ Сынъ Божій шелъ теперь на крестъ.

Великодушнымъ поступкомъ жены Пилатовой нѣкоторымъ образомъ искупляются низкія дѣйствія мужа ея. Какая разительная противоположность между сею язычницею и оною Іудеянкою, наложницею Ирода, которая такъ мало уважала Іоанна Крестителя (Марк. 6, 16)! Что Іоаннъ былъ праведникъ, даже пророкъ, достойный того, чтобы признавать его за Мессію,—этому всѣ вѣрили; и, не смотря на сіе, Иродія не усумнилась принесть его въ жертву своей безстыдной страсти. Прокула, напротивъ, будучи язычницею, имѣла открытое чувство для всего истиннаго и добраго. Она видитъ знаменательный сонъ, принимаетъ его за откровеніе небесное и спѣшитъ, даже вопреки отечественному закону, непозволявшему женамъ вмѣшиваться въ дѣла мужей-правителей [1]), спасти Праведника отъ смерти. Различіе религіи, которое, къ несчастію, такъ много удаляетъ людей другъ отъ друга, не препятствуетъ ей искать спасенія Іудейскому Узнику. Не напрасно почла она сонъ свой за указаніе свыше. Если бы онъ былъ слѣдствіемъ одного воображенія, то почему оно именно въ сію ночь произвело сочетаніе мыслей, столь соотвѣтственное съ положеніемъ Пилата и Господа? Нѣтъ! Воображеніе скорѣе представило бы, что теперь для мужа ея удобный случай осужденіемъ на смерть бѣднаго Гали-

[1]) По сей причинѣ, во времена республики Римской, правителямъ областей запрещено было брать съ собою женъ. Suet. Vit. Aug. cap. 24. Tacit. Annal. 3. 33.

леянина пріобрѣсти дружбу синедріона, для мужа полезную. Но видно такая нечистая мечта была недостойна благородной души Прокулы [1]).

Невѣроятно, чтобы Клавдія Прокула принадлежала къ числу Іудейскихъ прозелитокъ. Кѣмъ бы она была обращена къ Іудейству? Такими ревнителями вѣры, какими Господь описывалъ фарисеевъ (Матѳ. 23, 15)? Но отъ сихъ наставниковъ она не получила бы выгоднаго понятія объ Іисусѣ Христѣ и, наущенная фарисеями, всего скорѣе согласилась бы вспомоществовать первосвященникамъ въ погубленіи Праведника.

Вѣроятнѣе, что Прокула сама по себѣ имѣла благородный образъ мыслей и чувствованій [2]), — стоила того, чтобы Промыслъ открылъ ей волю свою, какъ нѣкогда открывалъ оную и другимъ язычникамъ—Авимелеху (Быт. 20, 3), друзьямъ Іова (Іов. 42, 7), и проч.

«Но что вышло изъ сего сна. спроситъ кто-нибудь, если онъ не былъ игрою фантазіи? Предостереженіе пришло слишкомъ поздно; оно не могло перемѣнить, по крайней мѣрѣ, не перемѣнило хода дѣлъ».

Дѣйствительно, сонъ жены Пилатовой не перемѣнилъ судьбы, ожидавшей Господа: и, можетъ быть, если бы онъ могъ перемѣнить ее, то не былъ бы и данъ; но тѣмъ не менѣе онъ былъ нуженъ, и произвелъ дѣйствіе. ему приличное. Жена Пилата, конечно, не осталась равнодушною къ дальнѣйшей судьбѣ Праведника, Который такъ много занялъ ея душу;—приняла участіе въ послѣдующихъ событіяхъ христіанства, вступила въ сношеніе съ учениками Іисуса и увѣровала въ Его ученіе. Преданіе, весьма древнее, утверждаетъ, что Прокула, находящаяся въ числѣ святыхъ, по греческимъ спискамъ оныхъ, есть не кто другая, какъ жена Пилатова, обратившаяся въ христіанство и потомъ претерпѣвшая мученіе за имя Праведника, Коего не могла спасти отъ мученія.

Въ самомъ Пилатѣ предостереженіе жены его не осталось вовсе безъ дѣйствія, хотя онъ, къ собственному несчастію, не воспользовался ея совѣтомъ. Оно-то, вѣроятно, побу-

---

[1]) Conf. Hess. Lebensgeschichte Jesu, B. 3. 1823. Ausg. S. 316—322.

[2]) Посему-то, думалъ св. Златоустъ, и откровеніе дано было ей, а не Пилату. Homil. in Matth. 86. al. 87.

дило его, предъ изреченіемъ смертнаго приговора, выразить увѣренность свою въ невинности Господа столь знаменательнымъ дѣйствіемъ, каково умовеніе рукъ; оно-то побудило его, торжественно назвать «праведникомъ» осуждаемаго на смерть Узника: ибо сіе наименованіе, очевидно, занято имъ отъ жены, которая такъ назвала Іисуса Христа. Такое свидѣтельство о невинности Іисуса Христа изъ устъ судіи и язычника служитъ къ чести христіанской религіи, заграждаетъ уста враговъ Іисусовыхъ, и впослѣдствіи времени могло имѣть дѣйствіе на сердце самыхъ Іудеевъ.

Кромѣ сего, Промыслъ ниспосланіемъ чудеснаго сна женѣ Пилатовой показалъ, что Онъ никогда не попускаетъ человѣку искушаться болѣе того, сколько *онъ можетъ перенести* (1 Кор. 10, 13). Пилату предстояло величайшее искушеніе: для защиты невиннаго Узника — отказаться всенародно отъ наименованія друга кесарева. Совѣсть его, сама по себѣ слабая, неподкрѣпляемая истиною религіи, неминуемо должна была пасть подъ тяжестію сего искушенія. Между тѣмъ Пилатъ доселѣ довольно вѣрно, повидимому, слѣдовалъ ея слабому мерцанію. И вотъ, Промыслъ посылаетъ ей подкрѣпленіе свыше. Пилатъ не воспользовался небеснымъ вразумленіемъ, но Промыслъ оправдалъ пути свои. Безъ сего нѣкоторые изъ насъ, можетъ быть, пожалѣли бы, что Пилатъ, показывавшій столько расположенія быть правосуднымъ, въ такихъ крайнихъ обстоятельствахъ былъ предоставленъ самому себѣ.

Господь среди обвинителей и судей Своихъ является въ неподражаемомъ величіи духа. Платонъ, можетъ быть, узналъ бы теперь своего праведника, изображеніемъ коего такъ полна была душа его, еслибъ былъ свидѣтелемъ суда надъ Іисусомъ [1]). Теперь уже совершенно непримѣтно въ Немъ слѣдовъ той кровавой, изнурительной борьбы съ Самимъ Собою, которую Онъ испыталъ въ саду Геѳсиманскомъ. Теперь виденъ *левъ отъ колѣна Іуды* (Апок. 5, 5), который, будучи связанъ невидимыми узами правосудія небеснаго, явился *агнцемъ неотверзающимъ устъ* (Исаіи 53, 7), когда ведутъ его на закланіе. Между тѣмъ какъ судіи и обвини-

[1]) Изображая, какая участь можетъ постигнуть истиннаго праведника, сей философъ говоритъ, что его обременятъ оковами, подвергнутъ бичеванію, будутъ издѣваться надъ нимъ, заушать его, плевать ему въ лице, потомъ пригвоздятъ ко кресту. De Rep. L. 2.

тели все приписывали себѣ, Господь взираетъ на нихъ какъ на орудія, коими управляетъ высшая сила. Духомъ, невидимо Онъ стоялъ на другомъ судѣ—на судѣ Отца, Который *освятилъ Его и послалъ въ міръ, дабы Онъ вознесъ тѣломъ Своимъ грѣхи рода человѣческаго* (1 Петр. 2, 24). Невидимый судъ сей, происходившій въ совѣтѣ тріипостаснаго Божества, касался уже не одного лица Іисусова, а всего міра, коего искупленіе принялъ на Себя Сынъ Божій. Здѣсь врагомъ Господа былъ князь тьмы, долженствовавшій потерять владычество надъ родомъ человѣческимъ (Іоан. 12, 31—32), обвинителемъ — сама правда Божія, требовавшая удовлетворенія за грѣхи людей, искупляемыхъ отъ смерти вѣчной. Здѣсь, прежде сложенія міра, произнесенъ приговоръ, коему надлежало исполниться теперь предъ лицемъ неба и земли. Съ сей божественной высоты, что значилъ для Сына Божія Пилатъ съ преторіею, синедріонъ съ его лжесвидѣтелями, Иродъ съ его царедворцами?...

Зная, что чаша страданій не можетъ *мимо идти*, Господь спокойно взиралъ, какъ она предъ Его очами наполнялась до верха. Впрочемъ, святое молчаніе Его ни мало не препятствовало правильности суда. Личнымъ врагамъ Своимъ, первосвященникамъ и книжникамъ, Онъ двукратно сказалъ болѣе того, нежели сколько они желали знать; — что Онъ есть Мессія и что отнынѣ они сами увидятъ въ Немъ Божественнаго Судію. Ихъ ослѣпленіе было виною, что они не обратили вниманія на сіе грозное предостереженіе. Убійца Іоанна требовалъ чудесъ, а не словъ, хотя не стоилъ ни того, ни другого. Предтеча сказалъ уже ему все, что̀ могло поселить въ его сердцѣ любовь къ справедливости, и отсѣченная въ угожденіе Иродіады глава его засвидѣтельствовала, чего должно ожидать отъ сердца Иродова. Пилатъ не получалъ отвѣта только тогда, какъ спрашивалъ изъ любопытства, а не по долгу, и зналъ истину столько, что, даже осуждая Іисуса Христа на смерть, принужденъ былъ своею совѣстію назвать Его праведникомъ. Римскій всадникъ уступилъ бы необходимости осудить праведника, хотя бы слышалъ нѣсколько самыхъ краснорѣчивыхъ рѣчей въ его защищеніе. *Унѣе, да единъ умретъ за люди,*—было правиломъ еще болѣе Римскаго, нежели Іудейскаго, правленія. Чтобы не допустить народъ до возмущенія, чтобы удержать титло

друга кесарева, Іудейскій прокураторъ не пощадилъ бы ни Демосѳена, ни Цицерона....

Отвѣты Іисуса Христа судіямъ, при всей краткости ихъ, постоянно выражаютъ высшую мудрость. Сердцевѣдецъ видѣлъ состояніе ихъ совѣсти, и болѣе съ нею, нежели съ лицами и вопросами ихъ, соразмѣрялъ Свои отвѣты. Посему-то иное въ словахъ Его можетъ быть для насъ не совсѣмъ понятно; иное даже, судя по обстоятельствамъ, въ коихъ они произнесены, можетъ показаться какъ бы несоотвѣтственнымъ; между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ всѣ слова Господа были сильны и убѣдительны, какъ то наипаче доказываетъ примѣръ Пилата.

Самый внѣшній видъ Господа, не смотря на мученія и поношенія, безъ сомнѣнія, отличался невыразимымъ величіемъ и трогательностію. Если толпа народная была къ нему не столь чувствительна, какъ бы надлежало ожидать, то потому, что, наущенная книжниками, распаленная злобою, не видѣла, можно сказать, сама себя. Но посмотрите на судію—язычника! Каждый разъ, какъ только онъ вступитъ въ личную бесѣду съ Божественнымъ Узникомъ, даже не получивъ отвѣта на свои вопросы, даже оскорбившись Его молчаніемъ, всегда однако же возвращается къ обвинителямъ съ новымъ убѣжденіемъ въ невинности Подсудимаго. Что замѣняло для него въ такомъ случаѣ слова, брало верхъ надъ его самолюбіемъ, какъ не кроткое величіе невинности и святости, сіявшее, не смотря на внѣшнее уничиженіе, въ лицѣ и взорахъ Богочеловѣка? — Не то же ли самое обуздало и удержало отъ строгихъ мѣръ и тетрарха Галилейскаго, коего самолюбіе такъ много страдало, не будучи удостоено ни однимъ словомъ въ отвѣтъ на столько вопросовъ?...

Вообще образъ суда надъ Іисусомъ Христомъ со всею точностію выражаетъ, какъ премудро Промыслъ управляетъ дѣяніями человѣческими; какъ онъ, не нарушая свободы человѣческой, приводитъ въ исполненіе свои судьбы посредствомъ тѣхъ самыхъ лицъ, кои противятся сему исполненію. Повидимому, все происходило случайно; каждый дѣйствовалъ по своей волѣ, даже по страстямъ, самымъ противоположнымъ: сребролюбивый Іуда получаетъ сребренники, честолюбивый синедріонъ отмщаетъ за оскорбленную гор-

дость, прихотливый Иродъ хочетъ видѣть чудо, человѣкоугодливый Пилатъ страшится кесаря. грубые воины предаются насмѣшкамъ: между тѣмъ *запечатлѣваются видѣнія и пророки, приводится правда вѣчная, истребляется помазаніе, градъ и святилище Іудейское предобручаются разрушенію* (Дан. 9, 24—26).

«Нѣтъ!—скажемъ и мы словами знаменитаго витіи-пастыря,—не человѣки здѣсь ругаются Божію величеству, Божій Промыслъ посмѣвается буйству человѣческому, безъ нарушенія свободы, заставляя его служить высочайшей своей премудрости. Не лукавые рабы прехитряютъ Господа; всеблагій Отецъ на щадитъ Сына, дабы не погубить рабовъ лукавыхъ. Не вражда земная уязвляетъ любовь небесную; небесная любовь скрывается во вражду земную, дабы смертію любви убить вражду и распространить свѣтъ и жизнь любви сквозь тьму и сѣнь смертную. «*Богъ возлюби міръ и Сына Своего единороднаго далъ есть, да всякъ, вѣруяй въ онъ, не погибнетъ, но имать животъ вѣчный*» [1]).

Распятіе.

(Предварительныя замѣчанія о крестной казни.—Крестный путь.—Плачъ женъ Іерусалимскихъ.—Слова къ нимъ Іисуса Христа.—Онъ изнемогаетъ подъ Своимъ крестомъ.—Симонъ Киринейскій заставляется нести крестъ.—Мѣсто казни, издревле примѣчательное.—Смирна и уксусъ.—Господь отрекается отъ нихъ.—Распятіе.—Молитва за распинателей.)

Крестная казнь, на которую осужденъ былъ Іисусъ Христосъ, принадлежитъ къ изобрѣтеніямъ безчеловѣчія, коими прославились восточные деспоты [2]), и составляла послѣднюю въ ряду казней, самыхъ ужасныхъ [3]). Съ Востока она перешла въ Римъ и слѣдовала за побѣдителями свѣта всюду, доколѣ не была уничтожена Константиномъ Великимъ [4]). У Евреевъ крестной казни не было: за нѣкоторыя преступленія законъ повелѣвалъ вѣшать на деревѣ преступниковъ, но ихъ не прибивали гвоздями, и трупы при наступленіи вечера надлежало снимать для погребенія [5]). Въ самомъ Римѣ

[1]) Поуч. преосв. Филар. 1821, изд. 2, ст. 100.
[2]) Crudelissimum et teterrimum supplicium. Cic. Verr. v. 64.
[3]) Herod. 3, 125. 6, 194. Ездр. 6 11. Ece. 1. 9. Polyb 1, 86.
[4]) Sozom. 1, 8
[5]) Втор. 21, 22. v. Bormitii Dissert. de cruce, num Hebræorum supplitio fuerit. 1644.

распинали только рабовъ, кои тамъ едва почитались за людей [1]). Изъ жителей провинцій пригвождали ко кресту однихъ разбойниковъ и возмутителей общественнаго спокойствія [2]). Распятію большею частію предшествовало бичеваніе [3]). Производилось оно, какъ и всѣ прочія казни, внѣ городовъ и селеній [4]), на мѣстахъ болѣе видныхъ, какъто: на холмахъ, или при большихъ дорогахъ. Распинателями бывали воины, кои у Римлянъ совершали всѣ казни [5]). Преступникъ самъ долженъ былъ нести свой крестъ до мѣста казни, подвергаясь въ сіе время насмѣшкамъ и побоямъ [6]). Крестъ ставили прежде [7]), а потомъ уже пригвождали къ нему преступника: отсюда выраженія—*восходить, быть поднятту, вознесену на крестъ* [8]). Съ распинаемаго снимали всю одежду [9]), которая поступала въ собственность воиновъ [10]). Погребенія для распятыхъ не было [11]). Тѣла оставались на крестахъ, пока не содѣлывались добычею плотоядныхъ птицъ и животныхъ [12]) и не истлѣвали сами собою отъ перемѣнъ воздушныхъ. Иногда однако же родственникамъ позволялось погребать ихъ [13]). Въ случаѣ нужды (при наступленіи праздника, торжества и проч.) жизнь распятыхъ могла быть по закону сокращаема перебитіемъ у нихъ ногъ, дымомъ и жаромъ отъ запаленнаго подъ крестомъ хвороста [14]), ударомъ въ голову или сердце и проч.

Самый видъ и составъ креста, сколько можно заключать изъ прилежнаго сличенія всѣхъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, были таковы: основаніемъ креста служило прямой (ὄρθιον) столбъ или доска, которые укрѣплялись въ землѣ. На верхней части, для прибитія рукъ, дѣлалась перекладина,— иногда на самомъ верху столба, почему крестъ и походилъ

[1]) Joseph. Bell. Jud. 2. 14. 9. Petron. c. 3.
[2]) V. Wetsten. ad Matth. 27, 38.
[3]) Liv. L. 32. c. 26.
[4]) Plaut. Mit. Glor. act. 11. sc. 4, 30. 6. Числ. 15, 35; 1 Цар. 21, 13; Tac. Annal. 2, 32
[5]) Tertul. de coron. mil.
[6]) Plut. de tart. Dei vind. t. 11. opp. p. 544. Artemid. 2. 16.
[7]) Joseph. Bel Jud. 7, 10. Cic. Verr. 5.
[8]) Ascendere, insilire, tolli, agi, levari in crucem.
[9]) August. civ. Dei. 16. 2. Ambr. L. 10 in Luc. Artemid. oneirocr. 11. 58.
[10]) Senec. de tranquil c 1. Meryl Not. in Pass. Dom. num. 31 in Johan.
[11]) Scio crucem mihi futurum sepulcrum. Plaut. Mil. Glor. 11. 4. 19.
[12]) Pasces in cruce corvos Hor. Epist. 1. 16. 48.
[13]) Флавій повѣствуетъ, что Римскій полководецъ Титъ, по усиленной просьбѣ, позволилъ ему снять съ креста трехъ знакомыхъ людей еще живыхъ, изъ коихъ двое потомъ умерли отъ ранъ, а третій исцѣлился. Cont. App. p. 1031.
[14]) Cic. ad. Quint. conf. Salmas de cruce.

на букву **Т** [1]); но большею частію нѣсколько ниже верха, соразмѣрно рукамъ, къ ней прибиваемымъ; отъ чего верхній конецъ столба, по словамъ Іустина Мученика, представлялъ подобіе рога [2]). Въ срединѣ (in medio) столба придѣлывалось, также похожее на рогъ, сѣдалище (πῆγμα, sedile [3]), для поддержанія тѣла, дабы оно тяжестію своею не раздрало рукъ и не оторвалось отъ креста [4]). Такимъ образомъ крестъ, по словамъ св. Иринея, имѣлъ пять концовъ, два въ длину, два въ ширину и одинъ по срединѣ [5]). О подножіи древніе писатели, до 6-го вѣка, нигдѣ не упоминаютъ, свидѣтельства позднѣйшихъ слабы [6]), и оно едва ли не есть плодъ ихъ недоразумѣнія; ибо говоря о подножіи, они не говорятъ уже о сѣдалищѣ: послѣднее, по ошибкѣ, могло быть принято ими за первое [7]). Руки, а иногда и ноги, прибивались ко кресту гвоздями [8]); кромѣ сего тѣло распятаго нерѣдко привязывали къ столбу веревками [9]). Въ верху столба, надъ головою распятаго, прибивалась небольшая бѣлая дощечка (λεύκωμα), на которой черными буквами изображалось его имя и преступленіе. Дощечку сію иногда несли впереди преступника до мѣста казни; или онъ самъ несъ ее на своей шеѣ [10]). Иногда письменное объявленіе замѣнялось словеснымъ: для сего одинъ изъ воиновъ вслухъ всего народа долженъ былъ кричать: *такой-то* распинается за *такое-то*

---

[1]) Nostra **Т** species crucis. Tert. cont. Marc. 3, 22. Lucian. in judic. vocal.

[2]) Dialog. cum Tryph. ἀνώτατον μέρος κέρας ὑπερήρμενον.

[3]) Τὸ ἐν μέσῳ πηγνύμενος ὡς κέρας καὶ αὐτὸ ἔδεκον Iust.

[4]) Ubi requiescit, qui clavis offiligitur. Irinæus contr. Hær. 1. 46. Εω ω υποκουνται.

[5]) Ipse habitus crucis fines et summitates habet quinque, duos in longitudine, et duos in latitudine, et unum in medio.

[6]) Первый о подножіи упоминаетъ Григорій Туронскій (de laud. Sanct. Martyr. c. 6), жившій въ 7-мъ вѣкѣ; но не сказываетъ, откуда онъ взялъ сіе извѣстіе, и самъ же измѣняетъ себѣ, говоря, что на древнихъ изображеніяхъ креста, ноги Іисуса Христа представляются висящими, а не стоящими: dependere visæ sunt potius, quam stare.

[7]) Такого же мнѣнія о подножіи креста былъ св. Димитрій Ростовскій. «Бяше ли, пишетъ онъ въ «Розыскѣ» (ч. 2, гл. 24. стр. 154, 1755), на крестѣ подножіе, или ни, не извѣщаетъ того Писаніе святое, ни толковники Божія Писанія. Видѣти же есть между сосудами пр. Антонія Римлянина: на св. потирѣ крестъ Христовъ изображенъ безъ подножія, четвероконеченъ... Не прекословимъ мы, продолжаетъ святитель, творимому и пишемому на крестѣ подножію, токмо то извѣщаемъ, яко въ древнихъ св. книгахъ нѣсть о томъ воспоминанія и подлинной вѣдомости».

[8]) Cont. Arrian Dissert. in Epict. L. 4. 26. Paulus Memor. 4, 38. Johan. 11. 366 Theolog Nachr. 1803. 314. 1804. 46.

[9]) Plin Hist. N. 28. 11. Lucan. 6.

[10]) Sveton. in Calig. c. 32.

преступленіе. Кресты дѣлались не высоки, такъ что ноги распятаго отстояли отъ земли не болѣе трехъ футовъ [1]).

Отцы Церкви сравниваютъ крестъ съ птицею, которая съ простертыми крылами летитъ по воздуху, — съ человѣкомъ, плывущимъ или молящимся съ распростертыми руками, — съ мачтою и реемъ корабля [2]) и проч.

Поелику Евангелисты не сказываютъ, чтобы крестъ Іисуса Христа былъ чѣмъ-либо отличенъ отъ обыкновенныхъ крестовъ, да и не было въ томъ никакой нужды: то, безъ всякаго сомнѣнія, должно полагать, что онъ имѣлъ видъ вышеописанный, то-есть, былъ четвероконеченъ, а считая и сѣдалище, пятиконеченъ [3]).

Мученія распятыхъ были ужасны [4]). Надобно вообразить неестественное положеніе тѣла съ простертыми вверхъ, пригвожденными руками, при чемъ малѣйшее движеніе, необходимое для жизни, сопровождалось новою, нестерпимою болью. Тяжесть повисшаго тѣла отчасу болѣе раздирала язвы рукъ, кои поминутно становились остріе и жгучѣе. Кровь, лишившись естественнаго круговращенія, устремля-

[1]) V. Salmas. de cruce. Посему императоръ Гальба для одного «римскаго гражданина», который, почитая для себя крестъ безчестіемъ, на основаніи законовъ, требовалъ другой казни,—велѣлъ сдѣлать крестъ повыше и обѣлить его. Svet. in Galb. 9.

[2]) V. Lips. de cruce. L. 1. c. 9.

[3]) Conf. Lipsius. Salmasius de cruce Barthol. de cruce Christ. 1670. Jahn. Arch. 2. 11. 361.

[4]) Вотъ одно изъ описаній сего предмета, сдѣланное рукою искуснаго и благочестиваго медика.

«Incredibilem molestiæ sensum in eo consistere, unum tot horis sustinere corporis situm, quis non videt? Cum vix naturalem diu sine crebra mutatione feras, ne dum tam violentum, imo vero tot clavis per loca, nervorum tendinumque plena, trajectis, in isto situ sine spe omnis mutationis, nisi quam mors promittit, tanto temporis intervallo persistere, nihil facile habet, quod fingi accerbius possit. Nequit tam diuturnæ extensionis injuria, sine tardato vel sufflaminato humorum in istis locis circuitu concipi, cum tensa vasa sint extra potestatem actionis suæ incontenta. Nequeunt tot vulnera sub æris liberrime circumfusi attactu sine novis omni momento exacerbati doloris et crescendis corruptionis viribus animo obversari. Necesse est sugillata illa loca in cruciariis et sensim atra adparere; necesse est dolorem caloremque inflammationum in mortem illarum partium lento quidem, at eo hinc sæviori gradu tendere. Aorta inter illa in extremis obstacula fluxum magis ad caput et ventrem determinans, ibi pressis carotidibus rubores faciei doloresque capitis parit, hic opportuniora ad stasim et corruptelam loca occupat Illud autem longe atrocius est, aortam, quæ jam, ut olim æquali et placidiori rivo per patentia vasa se non liberat, omnem quem sinister cordis sinus suggerit, sanguinem minime suscipere, nec igitur pulmonari sanguini liberum huc aditum esse, adeoque et dextri cordis sinum sub nisu expulsionis suæ in oppletum pulmonem horrenda anxietate, quæ omni dolore et ipsa morte intolerabilior est, laborare. Arteriæ et venæ pulmonares, coronariæ, intercostales, omnisque majora vasa atque cor ob copiam redeuntis huc et accumulati sanguinis angores illos animi, jam ante sub incubente peccatorum nostrorum molinatos, etiam ex causa corporea vehementissime intendunt». (Richters. Dissert. de morte Servator. in cruce. 1757).

лась къ головѣ и сердцу, производя въ первой круженіе, а въ послѣднемъ томленіе, мучительнѣйшее самой смерти. Несчастный, проникнутый со всѣхъ сторонъ смертію, переживалъ самъ себя и стоналъ въ мукахъ нерѣдко до трехъ [1]), а иногда до 6-ти и болѣе дней [2]). Чаша съ умерщвляющимъ напиткомъ, поданная такою рукою, какою она подана была Сократу, была бы величайшимъ благодѣяніемъ въ сравненіи съ казнію крестною.

Съ мученіемъ распятыхъ равнялось одно только ихъ безчестіе. Названіе крестоносцевъ (crucifer, cruciarius) было послѣднимъ выраженіемъ гнѣва и презрѣнія. Самые жестокіе господа, за тяжкія преступленія рабовъ своихъ, приказывали надѣвать на нихъ *крестообразное* иго (furcam) и въ семъ *срамномъ* видѣ водить ихъ по улицамъ [3]). Это значило лишить несчастнаго имени человѣка, отдать въ жертву всеобщаго презрѣнія. Для Іудеевъ казнь крестная особенно была отвратительна, потому что законъ Моисеевъ гласитъ: «проклятъ всякъ, висящій на древѣ» [4])! По сей-то причинѣ самое славное воскресеніе Господа и божественныя чудеса, сопровождавшія проповѣдь о Немъ Апостоловъ, не могли вознаградить въ глазахъ невѣрующихъ безславія креста Христова; и онъ, по замѣчанію Ап. Павла, оставался для Іудеевъ *соблазномъ*, а для Еллиновъ *безуміемъ* (1 Кор. 1, 23). Вообще, казнь крестная была столь жестока и поносна, что самъ Цицеронъ не находилъ словъ къ ея описанію, и именемъ отечества требовалъ, чтобы не только тѣло, но, если можно, зрѣніе и слухъ, самое воображеніе Римскаго гражданина было свободно отъ креста [5]).

И сію-то казнь Отецъ Небесный благоволилъ избрать для единороднаго, возлюбленнаго Сына Своего!!! Христіанинъ, помни сіе и убѣгай грѣховъ, за кои Сынъ Божій претерпѣлъ крестъ и коими Онъ, по увѣренію Апостола, распинается паки (Евр. 6, 6).

---

[1]) Petr. Sat. 3, 59.
[2]) V. Richt. Dissert. de morte Servatoris.
[3]) V. Val. Max. l. 7. Macr. Satur. l. 2.
[4]) Втор. 21, 22. Conf Henkii Comment. de eo, quod inprimis ignomin. est in supplic. Iesu Chr. 1785.
[5]) Pro Rabyrio.

Тайна нечестія, надъ которою такъ дѣятельно трудился самъ князь тьмы (Іоан. 13, 2. 27; 12, 31), была уже совершена въ половину: Святый Святыхъ вмѣненъ съ беззаконными; оставалось только *вознести* Его на крестъ, дабы Онъ могъ *привлечь къ Себѣ всяческая*... (Іоан. 12, 32).

У Евреевъ, если вѣрить Талмуду [1]), существовало обыкновеніе, чтобы осужденный на смерть преступникъ лишаемъ былъ жизни не скоро послѣ осужденія. Глашатай нѣсколько разъ всенародно объявлялъ его имя, вину, свидѣтелей преступленія и родъ казни, ему назначенной, вызывая всякаго, кто можетъ, идти въ судъ и защищать несчастнаго. И у Римлянъ былъ законъ [2]), изданный Тиверіемъ, вслѣдствіе коего смертная казнь совершалась не прежде 10 дней послѣ приговора. Но для Іисуса Христа, хотя Онъ судимъ былъ и по Римскимъ и по Іудейскимъ законамъ, ни то, ни другое обыкновеніе не оказало никакого дѣйствія [3]). Отсрочка казни простиралась только на обыкновенныхъ преступниковъ; а возмутители общественнаго спокойствія, враги Моисея и кесаря, каковымъ клевета представила Іисуса, не имѣли права на сію милость: ихъ казнь тѣмъ была законнѣе, чѣмъ скорѣе совершалась [4]). Итакъ Іисусъ Христосъ, послѣ осужденія Его, немедленно былъ преданъ воинамъ, кои у Римлянъ совершали всѣ казни. Первымъ дѣломъ ихъ было снять съ Него багряницу и одѣть Его въ собственную Его одежду: сего требовалъ обычай и, можетъ быть, жалость. Молчаніе Евангелистовъ не позволяетъ сказать рѣшительно: былъ ли снятъ при семъ и терновый вѣнецъ, или оставался на головѣ Господа до снятія Его Самого со креста. Впрочемъ, древнее обыкновеніе изображать Іисуса Христа на крестѣ въ терновомъ вѣнцѣ имѣетъ видъ историческаго преданія. Въ подтвержденіе его можно сказать, что распинатели имѣли достаточное побужденіе оставить вѣнецъ на главѣ Господа: такъ

---

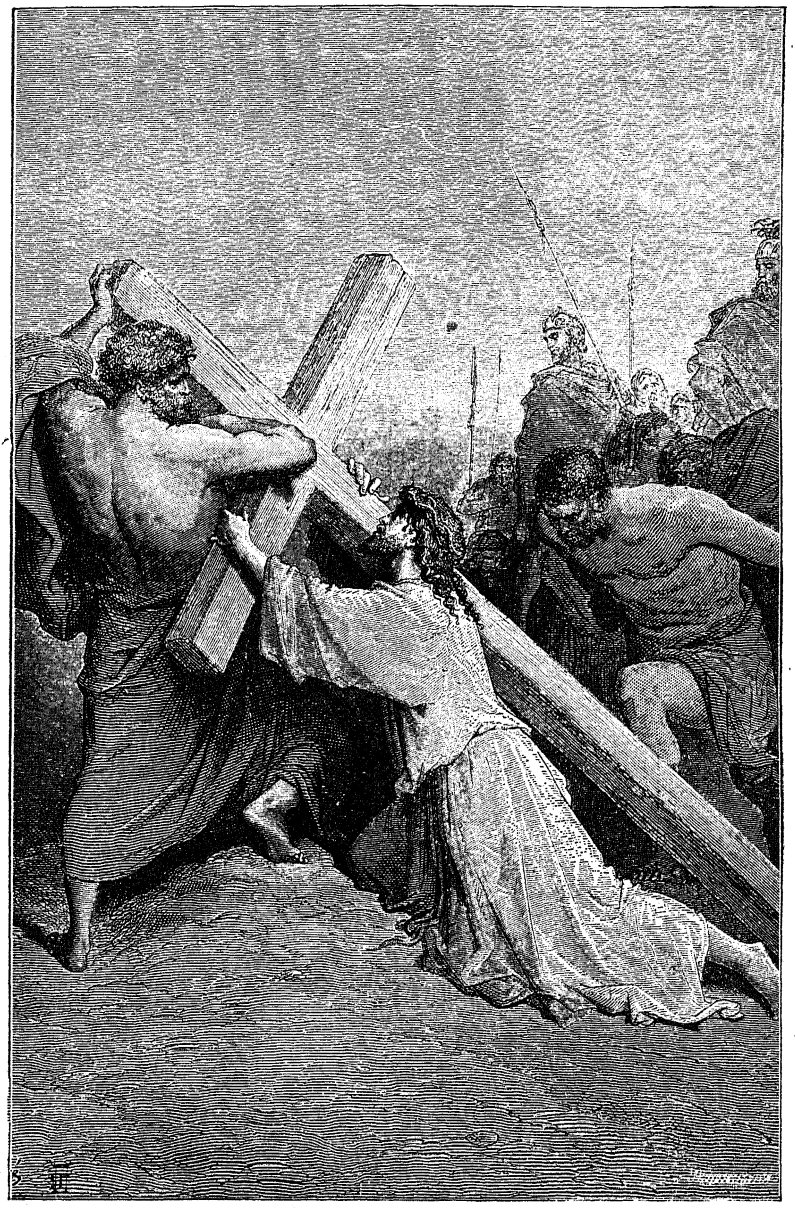
[1]) Sanhedrin. c. 6, § 1. Maimonid. In tract. de Syned. eorumque pœnis. c. 13.
[2]) Tacit. Annal. L. 3, c. 51. Dion. L. 57. Svet. in vita Tiber. cap. 75.
[3]) Сказаніе Талмуда, будто и надъ Іисусомъ Христомъ исполненъ приговоръ смертный спустя 40 дней, въ продолженіе коихъ каждодневно объявляемо было народу о Его дѣлѣ и вызывались защитники, — есть сущая ложь, не стоющая опроверженія историческаго. Вотъ самыя слова Талмуда: vespera Paschatis suspenderunt Iesum et præcedebat ante ipsum quadraginta diebus. Exibat (clamans) illum lapidandum esse, eo quod fascinasset, et seduxisset, et impulisset Israelem. Quicunque autem novit pro ipso meritum, suspenderunt illum vespere Paschatis. Sanh. 6.
[4]) Bynæus de mort. Christ. t. 3. c. 5.

какъ, по ихъ образу мыслей о Немъ, онъ былъ весьма кстати, выражая то же самое, о чемъ говорила надпись.

Потомъ воины, слѣдуя обыкновенію, возложили на Іисуса Христа крестъ и повели Его за городъ, гдѣ производились казни. Для такого шествія обыкновенно избирались главнѣйшія улицы, и оно съ намѣреніемъ дѣлалось какъ можно продолжительнѣе; но теперь краткость времени не позволяла ни малѣйшей медленности, ибо до пасхальнаго вечера, который былъ если не столь святъ, какъ предшествующій, въ который съѣдали пасху, то еще болѣе торжественъ и празднственъ, оставалось не много часовъ. Поелику далѣе вечера, вслѣдствіе закона, распятыхъ нельзя было оставлять на крестахъ, а крестъ, какъ мы видѣли, умерщвлялъ нескоро: то распятіе Іисуса Христа надлежало бы даже отложить до другого времени, если бы, какъ мы видѣли, не было обыкновенія, въ случаѣ нужды, сокращать жизнь распятыхъ насильственною смертію. Синедріонъ, при всемъ желаніи продлить, какъ можно болѣе, мученія личнаго врага своего, долженъ былъ рѣшиться на сіе средство; иначе, въ продолженіе праздника, онъ могъ опасаться возмущенія народнаго въ пользу Іисуса Христа.

Открылось необыкновенное зрѣлище! Тотъ, Кого народъ Іерусалимскій всегда слушалъ съ восторгомъ бесѣдующаго во храмѣ, Который, казалось, повелѣвалъ всею природою, давая исцѣленіе слѣпорожденнымъ, изгоняя бѣсовъ, воскрешая мертвыхъ,—Которому еще за нѣсколько дней оказываемо было уваженіе, какъ потомку Давида, какъ царю Израилеву,—проходилъ пространными стогнами Іерусалимскими, посреди двухъ злодѣевъ, влача за Собою тяжелый крестъ! Теперь-то особенно должны были исполниться слова, сказанныя Іисусомъ Христомъ о Своемъ униженномъ состояніи: *блаженъ есть, иже аще не соблазнится о Мнѣ* (Матѳ. 11, 6)!

«Возможно ли (такъ могли думать многіе даже изъ тѣхъ, кои доселѣ надѣялись увидѣть въ Іисусѣ Христѣ обѣтованнаго пророками Избавителя), возможно ли, чтобы Мессія подвергся такой участи, какой подверженъ теперь Іисусъ? Кто самъ не въ состояніи избавить себя отъ поносной казни, тотъ можетъ ли доставить избавленіе бѣдному народу Іудейскому?—Развѣ не обманываемся ли мы всѣ, ожидая возстановленія царства Израилева, надѣясь пришествія Мессіи



Іисуса Христа ведутъ на распятіе.

сильнаго и могущественнаго? — Но такъ учили насъ отцы наши; такъ, говорятъ, писано въ законѣ и пророкахъ. И для чего бы всѣ пророки за нѣсколько вѣковъ въ такихъ величественныхъ выраженіяхъ предвозвѣщали пришествіе Мессіи, если Мессія долженъ быть такой человѣкъ, каковымъ является теперь Іисусъ, если Ему суждено, ничего не сдѣлавъ въ пользу народа, стенящаго подъ игомъ бѣдствій, окончить жизнь Свою поносною смертію?—И какая смерть? Крестная!... *О, проклятъ всякъ, висяй на древѣ!* Нѣтъ! Что бы кто ни говорилъ, а это знаменіе—не спасенія, а клятвы: вѣрно, Самъ Богъ нашелъ что-либо преступное въ семъ человѣкѣ».

Такъ могли думать нѣкоторые. Съ другой стороны, колеблющаяся вѣра послѣдователей Іисусовыхъ имѣла для себя не малую опору. Въ комъ было сердце, чувствительное къ истинѣ и добродѣтели, знакомое съ высокими чувствами вѣры и святой любви, тотъ не могъ согласиться съ фарисеями и книжниками, представлявшими Іисуса Христа въ видѣ обольстителя, имѣвшаго нечистые виды. «Нѣтъ! Онъ не обольщалъ насъ, когда говорилъ съ такою сладостію о любви къ Богу и ближнему; когда раскрывалъ предъ нами святые пути Промысла, призывалъ насъ къ подражанію вѣрѣ и добродѣтелямъ нашихъ праотцевъ; когда сердце наше пламенѣло тѣмъ чистымъ восторгомъ, коего никогда не производили бесѣды фарисеевъ и книжниковъ. Поведеніе Его совершенно достойно Сына Давидова. Если бы Онъ искалъ земной славы: то сколько представлялось Ему случаевъ дѣйствовать силою! Не смиреніе ли и кротость Его были причиною, что фарисеи съ такою легкостію овладѣли Имъ? Ему приписали мятежъ и измѣну; но это—явная клевета, изобрѣтенная первосвященниками за то, что Онъ обличалъ ихъ пороки, отъ коихъ мы страдаемъ. Не самъ ли Пилатъ объявлялъ Его нѣсколько разъ невиннымъ и, при самомъ осужденіи, назвалъ праведникомъ?—Его осудили на смерть крестную;—но Онъ, слышно, Самъ давно предрекалъ сію смерть, говорилъ, что Ему отъ Самого Бога предопредѣлено пострадать для спасенія Израиля. Мы, послѣдуя нашимъ (слѣпымъ) учителямъ, не ожидали подобныхъ событій. Но развѣ намъ извѣстна вся судьба Мессіи? Кто постигъ весь смыслъ пророчествъ, изъ коихъ нѣкоторыя

изображаютъ Его страждущимъ? — Не сами ли книжники противорѣчатъ между собою, когда описываютъ лице Мессіи! — При томъ, еще не все окончится съ Его смертію. Онъ обѣщалъ, какъ слышно, чрезъ три дня воскреснуть. О, если бы сбылось сіе обѣщаніе!»...

Поступокъ съ Іисусомъ Христомъ Ирода, конечно, привелъ многимъ на память Іоанна Крестителя, имъ умерщвленнаго; а воспоминаніе всѣми уважаемаго и любимаго Іоанна устраняло соблазнъ, производимый крестомъ Іисуса; ибо всѣ знали, что Іоаннъ признавалъ Его за Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, и такъ высоко ставилъ Его, что почиталъ себя недостойнымъ служить Ему вмѣсто раба (Іоан. 1, 27).

Съ Господомъ вели на казнь двухъ преступниковъ (Лук. 23, 32), кои также осуждены были на распятіе и, безъ сомнѣнія, сами несли кресты. Древнее преданіе говоритъ, что одинъ изъ сихъ преступниковъ назывался Гестасъ, а другой Дисмасъ [1]). Касательно преступленія ихъ нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній; кажется, однако же, что они принадлежали къ обществу Вараввы и участвовали въ мятежѣ и убійствахъ, имъ произведенныхъ: ибо съ Вараввою, по замѣчанію Евангелиста Марка (15, 17), находились въ темницѣ и его сообщники, коихъ участь должна была рѣшиться предъ праздникомъ и, судя по роду преступленія,—крестною казнію.

За осужденными слѣдовало великое множество народа (Лук. 23, 27). Казни среди праздниковъ для набожныхъ Іудеевъ, каковыми дѣлались на сей случай весьма многіе, были дѣло непріятное и отвратительное. Но казнь Пророка Галилейскаго, въ Коемъ многіе надѣялись увидѣть Мессію, невольно привлекала всякаго. Между тѣмъ она сдѣлалась теперь извѣстною всему Іерусалиму, вмѣщавшему во время Пасхи нѣсколько сотъ тысячъ жителей.

Съ народомъ Господь не бесѣдовалъ. Было время для имѣющихъ уши слышать; теперь оставалось имѣющимъ очи видѣть. Самое несеніе креста и изнеможеніе препятствовало Ему говорить, тѣмъ паче—быть слышиму отъ шумной толпы народа.

Жалостные крики и вопли нѣкоторыхъ женщинъ вывели однако же Господа изъ безмолвія. То были не ближайшія

[1]) In Evang. Nicodemi.

ученицы Его, коихъ мы увидимъ на Голгоѳѣ и коимъ не могло быть сказано то, что̀ теперь будетъ сказано, а частію жены Іерусалимскія, можетъ быть, матери дѣтей, кои пѣли Ему «осанна», частію другія изъ пришедшихъ со всей Іудеи на праздникъ. Ничто не могло удержать ихъ отъ слезъ при видѣ Іисуса, изнемогающаго подъ тяжестію креста: ни присутствіе первѣйшихъ лицъ синедріона, кои пылали ненавистію на Господа и на всякаго, кто былъ къ Нему приверженъ, ни опасеніе прослыть въ народѣ участницами въ преступленіяхъ, приписанныхъ Пророку Галилейскому: онѣ небоязненно предавались всей горести, къ какой только способны сердца чувствительныя и безутѣшныя.

Для Господа, Который обѣщался не забыть чаши студеной воды, поданной во имя Его (Матѳ. 10, 42), состраданіе женъ не могло быть противнымъ. Но смерть, на которую шелъ Онъ, была превыше обыкновенныхъ слезъ состраданія: надлежало плакать и сокрушаться всѣмъ колѣнамъ Израилевымъ, только не о томъ, о чемъ плакали жены.

Дщери Іерусалимскія! — сказалъ Господь, обратясь къ нимъ,—*не плачитеся о Мнѣ; обаче себе плачите и чадъ вашихъ.*

(Такое дивное запрещеніе плакать о Немъ, когда Онъ, изнемогая подъ крестомъ, шелъ на очевидную и мучительную смерть, могло быть совершенно понято не прежде воскресенія Іисуса Христа; но совѣтъ плакать о себѣ и чадахъ своихъ и теперь давалъ разумѣть женамъ и каждому, какое великое различіе между чувствами Іисуса Христа, въ такомъ положеніи, не оставляющаго мысли и заботы не только о настоящей, но и будущей судьбѣ чадъ Іерусалима,— и безчувствіемъ первосвященниковъ, кои предъ Пилатомъ съ такимъ безразсудствомъ призывали на всѣхъ чадъ Іерусалима кровь Праведника.)

Яко се, продолжалъ Господь, *дніе грядутъ, въ няже рекутъ: «блаженны неплоды и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша». Тогда начнутъ глаголати горамъ: «падите на ны», и холмомъ: «покрыйте ны». Зане, аще въ суровъ* (зеленѣющемъ) *древъ сія творятъ, въ сусъ* (древѣ) *что будетъ?* (Лук. 23, 29—31).

Нельзя было сильнѣе изобразить бѣдствій, угрожавшихъ Іерусалиму. Безчадство почиталось у Іудеевъ самымъ тяж-

кимъ несчастіемъ и наказаніемъ Божіимъ; а посему дойти до того, чтобъ завидовать безчаднымъ, значило придти въ состояніе отчаянное. Такъ выражались и пророки (Осіи 10, 8; Исаіи 2, 10—19; Апок. 6, 16), когда отъ имени Бога Израилева угрожали Израилю за его преступленія. Но сія угроза произнесена Сыномъ Человѣческимъ безъ всякаго чувства личнаго негодованія на неблагодарныхъ соотечественниковъ. Онъ не говоритъ, что наступаютъ дни, когда вы, испросившіе Меня на казнь, *скажете,* а говоритъ просто: *скажутъ*, ни мало не касаясь личныхъ враговъ Своихъ. Высочайшее чувство самоотверженія заставляетъ Его забыть всѣ собственныя страданія, и Онъ запрещаетъ плакать о Себѣ; но истинное чувство любви къ бѣдному отечеству побуждаетъ не скрывать ужасныхъ золъ, его окружающихъ, въ предостереженіе тѣмъ, кои еще могли внимать истинѣ. Это была послѣдняя проповѣдь покаянія, которую народъ Іудейскій слышалъ изъ устъ своего Мессіи, произнесенная съ самымъ нѣжнымъ чувствомъ любви къ ближайшимъ. Войны, гладъ, язвы и прочія бѣдствія, имѣвшія предшествовать разрушенію Іерусалима, дѣйствительно, должны были оказать всю свою свирѣпость особенно надъ женами непраздными и матерями, имѣющими грудныхъ младенцевъ. Такъ и прежде, изображая ученикамъ Своимъ сіи бѣдствія, Господь представилъ особенно участь женъ непраздныхъ: *горе же доящимъ въ тыя дни!* (Лук. 21, 23; Марк. 13, 17; Матѳ. 24, 19).

Слова: «если съ зеленѣющимъ деревомъ (со Мною) сіе дѣлаютъ, то что̀ будетъ съ сухимъ» (съ народомъ Іудейскимъ),—выражаютъ много, очень много ужаснаго для народа Іудейскаго. Но и въ сихъ словахъ нѣтъ никакого личнаго негодованія. Это—присловіе, непрестанно переходившее изъ устъ въ уста [1]), и когда же приличнѣе было употребить его, какъ не теперь, для вразумленія всѣхъ и каждаго? — Если вожди народа Іудейскаго, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здѣсь съ сухимъ деревомъ (обыкновенный у пророковъ символъ людей нечестивыхъ [2]), то сіе сравненіе еще съ большею выразительностію было уже слышимо изъ устъ Іоанна Крестителя, въ то время, когда тор-

[1]) V. Schlegel. Lebensgeschichte Jesu. 1775. p. 352.
[2]) Псал. 1, 3; Езек. 20, 47; 21, 3; Сир. 6, 6. Sanhedr. fol. 96.

жественное посольство отъ лица синедріона спрашивало его, не онъ ли Мессія (Матѳ. 3, 10).

Въ то время, когда Іисусъ Христосъ въ послѣдній разъ предостерегалъ такимъ образомъ Своихъ соотечественниковъ, слова Его, вѣроятно, были приняты съ любовію немногими. Но, во время разрушенія Іерусалима, послѣдовавшаго спустя нѣсколько лѣтъ, самые упорные враги Господа должны были привести ихъ себѣ на память. Нельзя безъ содроганія читать описанія тогдашнихъ бѣдствій народа Іудейскаго [1]). Состояніе матерей было таково, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшались закалать собственныхъ дѣтей для снѣди... Тогда скалы и пещеры Палестинскія, служившія во время войнъ обыкновеннымъ убѣжищемъ Іудеевъ, содѣлались, какъ предрекалъ теперь Господь, гробами для многихъ тысячъ несчастныхъ, кои дѣйствительно призывали сами на себя смерть, какъ послѣднюю отраду.

Когда приблизились къ городскимъ воротамъ, Іисусъ Христосъ изнемогъ до того, что не въ силахъ былъ далѣе нести Своего креста и, какъ говоритъ древнее преданіе, преклонился подъ нимъ. Человѣколюбіе ли Римскаго сотника, распоряжавшагося казнію, или безчеловѣчіе Іудеевъ, опасавшихся, что жертва ихъ злобы можетъ умереть до казни, были причиною: только воины рѣшились облегчить Іисуса и, вопреки обыкновенію, возложить Его крестъ на другого. Провидѣніе не умедлило послать для сего человѣка, нѣкоего Симона, родомъ или прозваніемъ Киринейскаго [2]), который, возвращаясь съ села, срѣтилъ стражу, ведущую Іисуса, при самомъ выходѣ ея изъ города [3]). Воины тотчасъ *захватили* [4]) его и *заставили* [5]) нести крестъ Іисусовъ: порученіе тягостное и, при настоящихъ обстоятельствахъ, чрезвычайно безчестое; а посему весьма вѣроятна догадка нѣкоторыхъ [6]), что Симонъ былъ изъ числа послѣдователей Іисуса Христа и при встрѣчѣ съ Нимъ обнаружилъ какой-либо знакъ со-

---

[1]) Joseph. de Bell. Jud.

[2]) Кирены, городъ, находящійся въ той части Ливіи, которая называлась Пентопольскою или Киринейскою Pompon. Mel. 1. 4. Что въ сей странѣ было много Іудеевъ, о семъ свидѣтельствуетъ Флавій. Bel. Jud. 38. А что Іудеевъ Киринейскихъ было весьма много въ Іерусалимѣ, гдѣ они имѣли свою особенную синагогу, видно изъ Дѣян. 2, 10, 6, 9.

[3]) Ἐξερχόμενοι δε. Матѳ. 27, 32.

[4]) Ἐπιλαβόμενοι. Лук. 23, 26.

[5]) Ἀγγαρεύουσι. Марк. 15, 21.

[6]) Grotius de Luc. Schlegel. Hess. in Lebensgeschichte Jesu.

страданія, вслѣдствіе чего воины сами, или по внушенію Іудеевъ, рѣшились возложить на него крестъ. По крайней мѣрѣ, три Евангелиста (Матѳ. 27, 32; Марк. 15, 21; Лук. 23, 26) не безъ причины почли нужнымъ предать потомству имя и родъ человѣка, который несъ крестъ Господа, и сей причины должно искать въ томъ, что Симонъ несъ крестъ не по одному принужденію, а и съ любовію къ Распятому на немъ; или въ томъ, что онъ, впослѣдствіи по крайней мѣрѣ, совершенно узналъ цѣну креста Іисусова и носилъ его уже до конца своей жизни. Св. Маркъ упоминаетъ еще, что Симонъ былъ отцомъ Александра и Руфа: два человѣка, которые, по крайней мѣрѣ во время написанія Маркова Евангелія, принадлежали къ числу христіанъ и были всѣмъ извѣстны по своимъ добродѣтелямъ, иначе упоминаніе о нихъ не имѣло бы никакой цѣли. Руфъ сей, должно думать, есть тотъ самый, коего Ап. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ (16, 13) называетъ *избраннымъ въ Господѣ*, и коего память онъ столько уважалъ, что матерь его именовалъ своею матерью. Такого семейства былъ главою Симонъ, удостоенный Провидѣніемъ высочайшей и единственной чести—раздѣлить съ Господомъ тяжесть Его собственнаго креста!..

Чтобы кто-либо, видя Симона, несущаго крестъ, не подумалъ, что онъ самъ осужденъ на распятіе [1]), для сего воины, возложивъ на него крестъ, заставили Іисуса Христа идти прямо впереди его.—Новое положеніе сіе, отзываясь нѣкоторымъ облегченіемъ, въ то же время могло служить для враговъ Господа случаемъ къ новымъ клеветамъ и насмѣшкамъ. Казалось, Провидѣніе съ намѣреніемъ совокупляло у креста Іисусова все, что̀ могло быть мучительнѣйшаго и болѣе поноснаго, дабы Началовождь спасенія человѣческаго собственнымъ опытомъ узналъ все.

[1]) Это самое, безъ сомнѣнія, а не что другое означаютъ слова Ев. Луки: *чтобы несъ крестъ за Іисусомъ* (φέρειν ὄπισθεν τοῦ Ἰησοῦ). Между тѣмъ слова сіи издавна послужили для нѣкоторыхъ поводомъ къ ложному мнѣнію, будто Симонъ поддерживалъ только заднюю часть креста, между тѣмъ какъ переднюю продолжалъ нести Самъ Господь, какимъ образомъ изображается несеніе креста и на нѣкоторыхъ картинахъ. Погрѣшность сія обличается и ясными словами другихъ Евангелистовъ (сего заставили нести крестъ Его—Матѳ. 27, 32, и заставили нести крестъ Его.—Марк. 15, 21), и самымъ существомъ дѣла: потому что облегченіе было бы весьма незначительно, если бы передняя, тяжелѣйшая часть креста оставалась на Іисусѣ Христѣ. Слова Ев. Луки ни мало не защищаютъ сего мнѣнія; ибо нести крестъ за Іисусомъ, или позади Іисуса, не то же значитъ, что нести его вмѣстѣ съ Іисусомъ. Посему-то мнѣніе сіе постоянно отвергалось еще отцами Церкви. Hieron. Comment. in Matth. August. de consens. Evang. Orig. in Matth.

Наконецъ достигли Голгоѳы, или лобнаго мѣста [1]). Такъ называлась одна изъ горныхъ сѣверозападныхъ возвышенностей, окружающихъ Іерусалимъ, на коей производились казни [2]), и которая съ сихъ поръ должна была содѣлаться самымъ священнымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. Древнее преданіе Іудейской церкви утверждало, что на сей горѣ погребена была глава Адама [3]); и вотъ, надъ сею главою должна была пролиться теперь очистительная кровь Адама второго. Здѣсь же Авраамъ поднялъ жертвенный ножъ на своего единороднаго Исаака; и вотъ, теперь надъ Единороднымъ Сыномъ Божіимъ имѣло на самомъ дѣлѣ совершиться то, что въ Исаакѣ послужило токмо къ прообразованію будущаго.

Между тѣмъ какъ воины ставили и укрѣпляли кресты, Іисусу Христу дано было, по древнему обычаю [4]), питье, состоящее изъ вина, смѣшаннаго съ смирною [5]). Такое смѣшеніе, производя омраченіе разсудка, дѣлало не такъ чувствительными страданія распятыхъ [6]). Судя по тому, что въ числѣ послѣдователей Іисуса Христа было довольно людей весьма богатыхъ и усердныхъ, надлежало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будетъ пріятно, по крайней мѣрѣ неотвратительно; между тѣмъ оно было горько, какъ желчь, и кисло, какъ уксусъ. Обстоятельство сіе заставляетъ думать, что симъ питіемъ распоряжались враги Іисуса Христа, и что мирра и вино употреблены были самыя худыя.

Не была ли даже употреблена при семъ случаѣ настоящая желчь и уксусъ? Безчеловѣчіе враговъ Іисусовыхъ дѣлаетъ сіе вѣроятнымъ, а слова Евангелиста Матѳея весьма благопріятствуютъ сей мысли (Матѳ. 27, 34). Въ такомъ случаѣ, для соглашенія Евангелистовъ надобно предположить,

---

[1]) По-Еврейски Gulgoleth, по-Халдейски Gulgaltha. Изъ послѣдняго, по закону благозвучія, составилось Γολγόθα. Слово сіе означаетъ: лобъ, черепъ (4 Цар. 9, 35) и голову (1 Парал. 13, 3. 24).

[2]) Relandus in Palæstina. Plessing uber Golgatha und Ch. Grab. 1789. Michael. in Orient. Bib. 7, 45.

[3]) V. Svicer Thesaurus Eccl. sub voce: Γολγόθα. Cornel. a Lap in Matth. 27, 33. Отсюда и обыкновеніе изображать подъ крестомъ Іисуса Христа черепъ человѣческій.

[4]) Еврейскіе писатели находятъ основаніе сего обычая въ одной изъ притчей Соломона. Притч. 21, 6. Sanhed. c. 6.

[5]) И давали Ему пить вино со смирною Марк. 15, 23.

[6]) Galen de Simplc. med. L. 15, c. 19. Апулей разсказываетъ объ одномъ жрецѣ Сирской богини, что онъ, употребивъ нѣсколько пріемовъ мирры, равнодушно переносилъ сильные удары и жженіе огнемъ. V. Cratz. in Comment. in Matth.

что одни подносили Господу вино. смѣшанное со смирною. какъ то упоминается у Евангелиста Марка, а другіе—враги Его—давали Ему пить уксусъ съ желчію. какъ повѣствуетъ Матѳей. Впрочемъ, нѣтъ особенной нужды допускать, что Евангелисты говорятъ не объ одномъ и томъ же питьѣ: ибо слово ὄξος, употребленное святымъ Матѳеемъ, означаетъ не одинъ уксусъ, а всякую кислоту. и въ частности вино худое. окислое, какое, безъ сомнѣнія, и давалось преступникамъ [1]). Равнымъ образомъ, χολή, кромѣ желчи означаетъ всякую горечь, особенно смирны. которая по тому самому у Евреевъ и называлась [2]) горечь. А посему, говоря словами Ѳеофилакта, уксусъ съ желчію есть то же у святого Матѳея. что̀ у святого Марка вино со смирною: ибо и вино могло быть названо уксусомъ, по сильной его кислотѣ и мирра желчію, потому что она весьма горька. Такъ же точно соглашалъ сказанія Евангелистовъ въ свое время и блаженный Августинъ [3]), основываясь между прочимъ на древнѣйшемъ Сирскомъ переводѣ Евангелія Матѳеева, гдѣ вмѣсто желчи стоитъ слово. означающее вообще горечь. Евангелистъ Матѳей. замѣняя смирну желчію и вино уксусомъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду выраженіе псалма Давидова (по переводу Семидесяти): *даша въ снѣдь мою желчь и въ жажду напоиша мя оцта* (Псал. 68, 22).

Господь принялъ въ руки чашу съ питіемъ, но, отвѣдавъ, отдалъ назадъ. Чаша холодной воды, можетъ быть, была бы Имъ выпита: потому что продолжительное изнеможеніе силъ, въ коемъ Онъ находился, раждало жажду: но питье, омрачающее чувства, было недостойно Того, Кто единъ за всѣхъ пилъ чашу гнѣва Божія. Не смотря на жестокость мученій, ожидавшихъ Его на крестѣ, Сынъ Человѣческій хотѣлъ претерпѣть ихъ всѣ съ полнымъ сознаніемъ. Другого прохлаждающаго питья безъ смирны или не было, или враги Господа не позволили дать.

Первосвященники и старѣйшины, не смотря на великій день праздника, всѣ находились на Голгоѳѣ. Могли опасаться, что безъ ихъ личнаго присутствія, непостоянный народъ перемѣнитъ мысли объ Іисусѣ Христѣ; или послѣдо-

[1]) Macrob. 5, 6. Meryll Not. in Pass. Dom. pag. 41.
[2]) In consens. Evang. L. 3. c. 2.
[3]) Толков. на Матѳея и Марка.

ватели Его отважатся воспрепятствовать совершенію надъ Нимъ казни. Но, главнымъ образомъ, привело ихъ на Голгоѳу, вѣроятно, желаніе—быть свидѣтелями безчестія и мученій умирающаго Іисуса,—отравить послѣднія минуты Его клеветою и насмѣшками,—не допустить оказать Ему какое-либо облегченіе,—видѣть образъ мыслей стекшагося во множествѣ народа и настроить по своему произволу его мнѣніе.

Ахъ, природа человѣческая обнаружилась уже въ продолженіе суда надъ Іисусомъ Христомъ съ такой мрачной и низкой стороны, что отъ нея, не выходя изъ предѣловъ исторіи, можно ожидать теперь всего!...

Приступая теперь къ изображенію самаго распятія и смерти Богочеловѣка, охотно признаемся, что мы не безъ трепета душевнаго приступаемъ къ сему дѣлу: надобно повѣствовать о томъ, что̀ служитъ предметомъ благоговѣйнаго удивленія для самыхъ Ангеловъ (1 Петр. 1, 12)... Творецъ видимыхъ и невидимыхъ (Іоан. 1, 3; Евр. 1, 3; Кол. 1, 16), Который могъ призвать, даже сотворить легіоны Ангеловъ (Матѳ. 26, 53), для исполненія воли Своей, возносится на крестъ, подобно преступнику, и подвергается ужаснымъ мукамъ!... Единородный Сынъ Божій оставляется среди мученій смертныхъ Отцемъ, у Коего Онъ имѣлъ славу прежде міръ не бысть (Іоан. 17, 5), съ Коимъ Онъ есть едино (Іоан. 10, 30; 5, 23), по существу и славѣ! Господь всяческихъ, имѣющій жизнь въ Самомъ Себѣ (Іоан. 5, 26) и дающій бытіе всякой твари, истаеваетъ отъ жажды, умираетъ подобно послѣднему изъ сыновъ человѣческихъ! — Это такія понятія, коихъ никогда не совокупило бы самое пламенное воображеніе, если бы они не были преподаны вѣрою: это премудрость Божія, тайная, сокровенная, которая, будучи отъ вѣкъ предназначена въ славу нашу, никѣмъ однакожъ не была познана, доколѣ Богъ не благоволилъ открыть ее святымъ Своимъ (1 Кор. 2, 7—16). Здѣсь по необходимости теряется всякое соотвѣтствіе слова съ изображаемымъ предметомъ, и повѣствованіе, само по себѣ слабое, становится еще болѣе поверхностнымъ и косноязычнымъ. Самые Евангелисты при семъ случаѣ изображаютъ Іисуса Христа, такъ сказать, только *по плоти* (1 Кор. 2, 7—8), — какъ Онъ представлялся чувствамъ зрителей, не раскрывая того, что̀ происходило въ Его духѣ, не изъясняя тайны внутреннихъ страданій

Богочеловѣка. Кто хочетъ знать сію тайну (а не участвуя въ ней живою вѣрою и живою дѣятельностію, нельзя быть истиннымъ христіаниномъ): тотъ долженъ обратиться съ молитвою къ Самому Духу Божію (1 Кор. 2, 10), Который одинъ предвозвѣщалъ Христовы страданія до совершенія ихъ (1 Петр. 1, 11), одинъ и возвѣщаетъ тайну сихъ страданій по совершеніи ихъ. Слово Божіе объявляетъ только, что для уразумѣнія всей силы страданій Христовыхъ надобно распяться со Христомъ и спогребстись Ему (Рим. 6, 4). А одинъ изъ уразумѣвшихъ свидѣтельствуетъ, что послѣ сего разумѣнія весь міръ покажется *ничтмъ* (Фил. 3, 8).

Когда кресты были утверждены въ землѣ, воины, слѣдуя обыкновенію, сняли съ Іисуса Христа всю одежду [1]), взяли пречистое тѣло Его, приподняли на крестъ, распростерли руки и начали прибивать ихъ къ дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вмѣсто стоновъ и воплей, обыкновенныхъ и неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ, изъ устъ распинаемаго Господа услышалось другое. Въ ту минуту, когда, по всей вѣроятности, ожесточенные враги Его съ злобною радостію слѣдовали взорами за каждою чертою Его лица, ожидая видѣть выраженіе муки, Господь кротко возвелъ очи къ небу и сказалъ: *Отче, прости имъ! Не вѣдятъ бо, что творятъ.*

Таково послушаніе *даже до смерти,* и *смерти крестной!*— Того, Который предалъ Его въ руки враговъ, попустилъ осудить на мученія и смерть, Божественный Страдалецъ называетъ Своимъ Отцемъ, точно такъ же, какъ называлъ Его при гробѣ Лазаря (Іоан. 11, 41), или когда гласъ съ неба вслухъ всего народа свидѣтельствовалъ о Его Божественномъ достоинствѣ (Іоан. 12, 28). Заповѣдавъ послѣдователямъ Своимъ молиться за враговъ, Богочеловѣкъ подаетъ теперь примѣръ сей высокой молитвы, подаетъ въ минуту ужаснѣйшихъ страданій отъ враговъ Своихъ. Ближайшимъ образомъ слова сей молитвы, конечно, относились къ распинавшимъ воинамъ (кои виновны были не тѣмъ, что исполняли дѣло своего званія, но что, слѣдуя внушенію Іудеевъ, обнаруживали излишнюю жестокость); но въ самой вещи ходатайственная молитва Господа обнимала собою всѣхъ враговъ

[1]) Такъ полагали и отцы Церкви: Амвросій L. 10 in Luc.; Августинъ Civ. Dei. 16. 2. Conf. Vossii Harm. Evang. 2. 7. § 3.

Его: изъ нея не исключался ни Каіафа, ни Пилатъ, ни Иродъ. Ибо всѣ они, при всей злобѣ, или лукавствѣ, дѣйствительно не знали сами, что̀ дѣлали. Ибо, если бы знали, говоритъ св. Павелъ, то не распяли бы Господа славы [1]).

Впрочемъ, сіе не значитъ того, чтобы не было виновныхъ въ смерти Господа. Кто бы не могъ разумѣть, если бы захотѣлъ, того, что уразумѣлъ и съ такою силою исповѣдалъ даже отчаянный Іуда? По сему-то и Господь говоритъ: «прости имъ!»

Безъ молитвы Господа, можетъ быть, природа не перенесла бы поруганія Творцу своему, и враги Его, подобно врагамъ Моисея и Аарона (Числ. 16, 32), были бы пожерты землею, которая съ трепетомъ держала на себѣ Его крестъ.

Іисусъ на крестѣ.

(Распятіе двухъ разбойниковъ. — Особенная надпись на крестѣ Іисусовомъ и неудовольствіе на нее первосвященниковъ. — Раздѣлъ одежды между воинами. — Насмѣшки надъ Іисусомъ черни, первосвященниковъ, воиновъ, распятаго разбойника. — Покаянная молитва разбойника благоразумнаго — Отвѣтъ на нее. — Помраченіе солнца. — Усыновленіе Іоанна Богоматери. — Послѣднія страданія и послѣднія слова Іисуса Христа на крестѣ.—Его смерть.—Она не была ускорена сверхъестественно.)

Послѣ Іисуса Христа распяли и двухъ преступниковъ, одного по правую, а другого по лѣвую сторону. Такое положеніе дано имъ съ намѣреніемъ, дабы Святый Святыхъ и на крестѣ представился какъ бы преступнѣйшимъ изъ злодѣевъ. Діаволъ, по замѣчанію св. Златоуста, хотѣлъ чрезъ сіе помрачить славу Господа, но самъ, не зная, увеличилъ оную; потому что чрезъ сіе самое исполнилось одно изъ пророчествъ, о томъ, что Іисусъ Христосъ будетъ *вмѣненъ съ беззаконными* (Исаіи 53, 12).

По совершеніи казни, надъ главами распятыхъ, по обыкновенію, прибиты были выбѣленныя дощечки, на коихъ изображалось ихъ имя и преступленіе. Въ надписяхъ разбойниковъ не было никакого отступленія отъ сбыкновенной формы.

[1]) 1 Кор. 2, 6—8. То же самое повторяли и Апостолы, проповѣдуя своимъ соотечественникамъ Христа, ими распятаго: «я знаю, что вы такъ, какъ и начальники ваши, сдѣлали сіе по невѣдѣнію» (Дѣян. 3, 17.)

Но надъ главою Господа вмѣсто изъясненія вины, сверхъ чаянія, увидѣли слѣдующія двусмысленныя слова: «Іисусъ Назорянинъ, Царь Іудейскій» [1]). При томъ надпись сія была не на одномъ Латинскомъ или иноземномъ языкѣ, какъ обыкновенно дѣлалось; а на всѣхъ, употребительнѣйшихъ тогда, языкахъ, то есть, Латинскомъ, Греческомъ и Іудейскомъ. Такъ поступлено было съ особеннымъ намѣреніемъ, по приказанію самого Пилата. Слова надписи выражали то же самое обвиненіе, по которому Іисусъ Христосъ осужденъ на смерть: присвоеніе достоинства царя Іудейскаго; только оставалось нерѣшеннымъ: законно или незаконно присвоялъ Онъ Себѣ сіе достоинство, признавали Его Іудеи своимъ царемъ, или не признавали? Судя по надписи, каждый гораздо скорѣе могъ подумать, что это дѣйствительный царь Іудейскій, коего подданные не могли защищать отъ Римлянъ, или который измѣнически оставленъ ими. Три языка въ надписи употреблены Пилатомъ потому, что чужестранцы и многіе изъ Іудеевъ, пришедшихъ на праздникъ изъ отдаленныхъ странъ, худо разумѣли тогдашній языкъ Еврейскій. Притомъ такая торжественность еще болѣе располагала думать, что Распятый есть важное политическое лице [2]), а слѣдовательно подвергала гордый синедріонъ еще большему осмѣянію. «Вотъ какъ, могли говорить, поступаютъ съ царями Іудейскими! вотъ какого Мессію ожидаютъ Іудеи!— Какъ они безразсудны, слѣпы!»...

Первосвященники тотчасъ проникли цѣль надписи и поспѣшили къ Пилату съ просьбою, чтобы онъ перемѣнилъ ее. «Не надобно, говорили они, писать: *Царь Іудейскій,* а написать, какъ Онъ говорилъ: *Я Царь Іудейскій.* Пусть, то есть, каждый знаетъ, что мы не признавали Его, а только Онъ Самъ выдавалъ Себя за Мессію».

«Что я написалъ, то написалъ», былъ отвѣтъ прокуратора; и первосвященники со стыдомъ и досадою возвра-

[1]) Іоан. 19, 19. По Матѳею: *Сей есть Іисусъ, Царь Іудейскій;* по Марку: *Царь Іудейскій;* по Лукѣ: *Сей есть Царь Іудейскій.* Первые три Евангелиста, вѣроятно, означали только сущность надписи, а Іоаннъ, какъ очевидецъ, передалъ самыя слова; или, можетъ быть, не одни и тѣ же слова употреблены были на Латинскомъ, Греческомъ и Еврейскомъ: и одинъ Евангелистъ взялъ ихъ съ одного, другой съ другого языка. V. Reycheri Dissert. de titulis Christi, cruci affixi in Thesauro Disser. tom. 2. p. 241.

[2]) Такъ Римскіе воины, по свидѣтельству Юлія Капитолина, на гробницѣ Гордіана, погребеннаго на границахъ Персіи, сдѣлали надпись на языкахъ: Греческомъ, Латинскомъ, Персидскомъ, Іудейскомъ и Египетскомъ. In. Gord. c. 32.

тились на Голгоѳу, чтобы вознаградить свое безчестіе клеветою и насмѣшками.

Явно, что Пилатъ составленіемъ надписи, тѣмъ паче отказомъ въ перемѣнѣ ея, желалъ досадить и отмстить первосвященникамъ. Между тѣмъ, по замѣчанію отцовъ Церкви, судія Римскій, и въ семъ случаѣ, самъ не зная, служилъ орудіемъ распоряженій высшихъ. «Пилатъ, разсуждаетъ блаженный Августинъ, что написалъ, то написалъ, поелику Господь, что сказалъ, то сказалъ. Онъ сказалъ: «Я Царь, поставленный надъ Сіономъ — горою святою» (Псал. 2, 6), сказалъ, что Ему должно пострадать, дабы *войти въ славу Свою;* и вотъ, пригвоздившіе Его ко кресту, симъ самымъ, такъ сказать, возвели Его на престолъ: оставалось провозгласить новаго царя; и Пилатъ-язычникъ посредствомъ трехъ-язычной надписи торжественно провозглашаетъ Его, вопреки властямъ Іудейскимъ, вслухъ всѣхъ народовъ: пророческій символъ событій, имѣвшихъ вскорѣ послѣдовать! Народъ Іудейскій, продолжая отвергать иго царства Христова, видѣлъ и доселѣ—къ посрамленію своему—видитъ, какъ народы языческіе, одинъ за другимъ, признаютъ распятаго Іисуса своимъ Царемъ, Спасителемъ и Господомъ».

Особенная надпись, сдѣланная на крестѣ Іисуса Христа, по замѣчанію Златоуста, послужила впослѣдствіи и къ отличію его отъ другихъ крестовъ, съ коими онъ былъ зарытъ въ землю, — когда матерь Константина Великаго, св. Елена, рѣшилась обрѣсти живоносное древо [1]).

Окончивъ распятіе, воины тотчасъ занялись раздѣломъ между собою одежды распятыхъ, которая, по закону, становилась ихъ собственностію [2]). Верхнюю одежду и прочее одѣяніе Іисуса Христа они раздѣлили между собою на четыре доли (Іоан. 19, 23), раздирая по частямъ то, что̀ не могло принадлежать одному; но хитона, или нижней одежды, нельзя было раздѣлить, нельзя было даже разодрать; потому что онъ не былъ сшитъ, а весь тканый, сверху до низу [3]). Видя

---

[1]) Hom. in Johan. 82. al. 83.
[2]) Senec. de tranquil. L. 1. Wetstenius ad Matth 27, 36.
[3]) Тканіемъ такихъ хитоновъ особенно славились Египтяне. Herod. L. 11. Различныя мнѣнія о составѣ хитона Христова можно видѣть у Свицера in Thesauro Eccles. tom. 2. p. 1521. Wolfiusni curis.

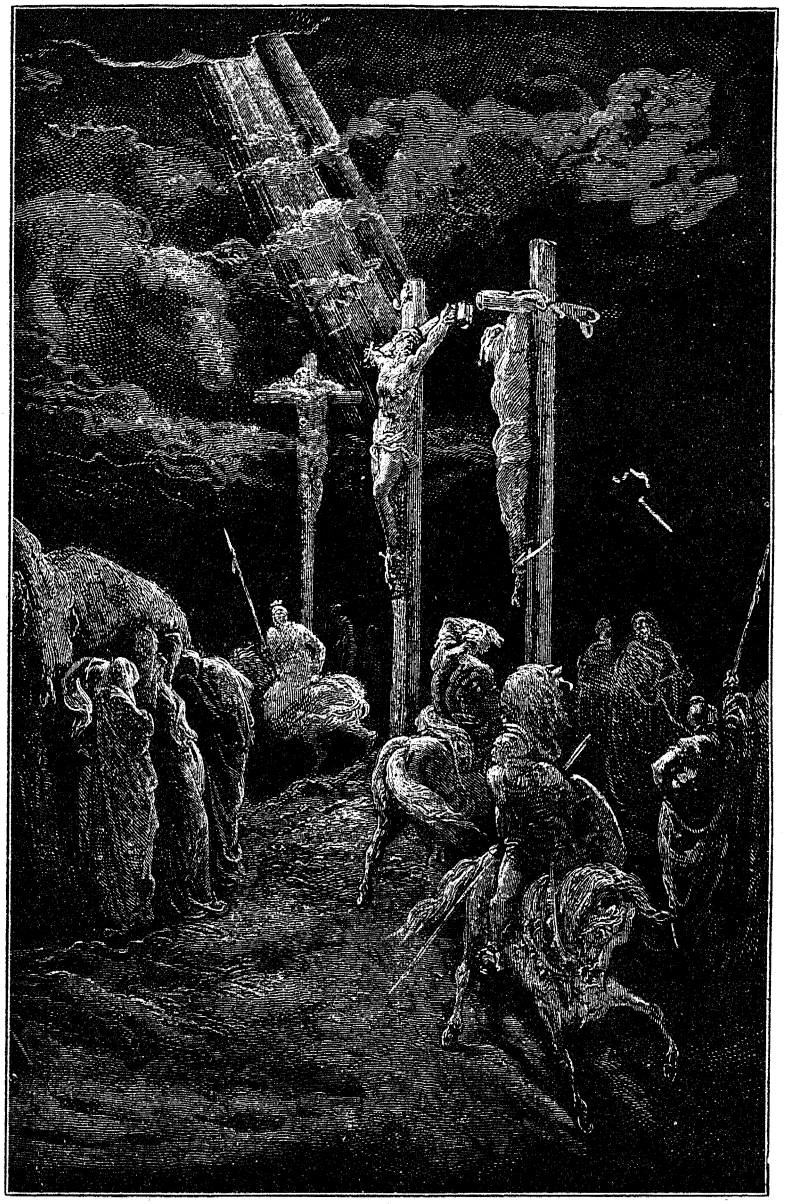
это, равно какъ и доброту хитона, воины рѣшились, не раздирая, бросить о немъ жребій, кому достанется.

Обстоятельство сіе, повидимому, не такъ важное, становится весьма значительнымъ, когда узнаемъ, что чрезъ сіе исполнилось также одно изъ древнѣйшихъ пророчествъ о Мессіи. Св. Давидъ, какъ прообразъ своего великаго Потомка по плоти, описывая свои бѣдствія, говоритъ, что одежды его были раздѣлены врагами, и о хитонѣ его метали жребій (Псал. 21, 19). Что̀ къ состоянію Давида могло идти только въ несобственномъ смыслѣ, какъ прообразъ будущаго, потому что о хитонѣ Давида никогда и никому не доставалось метать жребія,— то̀ самое надъ Іисусомъ Христомъ совершилось теперь во всей дѣйствительности. Съ такою точностію Промыслъ благословилъ изобразить за нѣсколько вѣковъ самыя малыя черты страданій Христовыхъ! И если когда, то наипаче при крестѣ, должно имѣть въ виду всѣ ветхозавѣтныя пророчества; ибо въ немъ, какъ средоточіи, сами собою сходятся всѣ разсѣянные лучи созерцаній пророческихъ; между тѣмъ сіяніе сего свѣта совершенно разгоняетъ мракъ, окружающій крестъ Іисусовъ, показывая, что Онъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ былъ дѣломъ не буйства человѣческаго, а премудрости Божіей.

Изъ раздѣла одежды Іисуса Христа между прочимъ видно, что она была полна и прилична, и что между вещами, Ему принадлежащими, не было ни одной, которая бы не стоила чего-либо. Тканый хитонъ показываетъ даже избытокъ и изящество и, какъ повѣствуетъ преданіе, былъ плодъ трудовъ Его Матери. Если сравнить одѣяніе Іисуса Христа съ суровою, пустынническою одеждою Іоанна Крестителя, то усматривается значительная противоположность, которая простиралась и на весь внѣшній образъ жизни Іисуса и Его Предтечи.

По окончаніи раздѣла одежды, воины остались у креста для стражи, которая [1]) приставлялась къ распятымъ, дабы тѣла ихъ не были преждевременно сняты родственниками или знакомыми для погребенія; и теперь была тѣмъ нужнѣе что отъ толпы стекавшагося народа могли происходить безпорядки.

[1]) Petron. Satyr. p. 389. Adest miles, qui cruces servabat, ne quis ad sepulturam corpora detraheret. Lipsius de cruce. 2. 16.



Смерть Ісуса Христа.

Когда распинали Господа, враги Его, повидимому, не издѣвались надъ Нимъ. Народъ также стоялъ только и смотрѣлъ (Лук. 23, 35). Появленіе надписи надъ главою Его послужило какъ бы знакомъ къ всеобщимъ насмѣшкамъ.

Толпа народа, всегда буйная, читая надпись, кивала головою и кричала: «уа, тридневный возстановитель храма! уа, царь Израилевъ! Что же Ты медлишь спасти Себя? Вотъ какой Ты Сынъ Божій, что не можешь сойти со креста» (Марк. 15, 29)!

Первосвященники и старѣйшины не только не препятствовали черни издѣваться надъ умирающимъ Господомъ, но и сами всячески поносили и злословили Его. Насмѣшки и поруганія оставались единственнымъ средствомъ, которое имъ можно было противопоставить хитрости Пилата, хотѣвшаго осмѣять ихъ посредствомъ надписи. Между тѣмъ у первосвященниковъ лежало на сердцѣ еще нѣчто, гораздо важнѣе надписи, что̀ побуждало ихъ участвовать въ самыхъ низкихъ насмѣшкахъ. Теперь всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что они были единственною причиною столь ужасной казни для Іисуса и что Пилатъ долго не хотѣлъ осуждать Его. Итакъ надлежало дать предъ народомъ какъ бы отчетъ въ своемъ злодѣяніи и настроить общественное мнѣніе такъ, чтобы чужеземные Іудеи, стекшіеся со всего свѣта на праздникъ, не разнесли потомъ всюду извѣстія, что синедріонъ, удовлетворяя своему честолюбію, предалъ поносной смерти праведника, едва ли даже не Мессію. Для такой цѣли поруганія и насмѣшки казались самымъ лучшимъ средствомъ: ибо опытъ доказываетъ, что самые лучшіе люди теряютъ весьма много уваженія, когда по какому-либо случаю подвергаются осмѣянію.

Лицемѣры, по обыкновенію, приняли видъ усерднѣйшихъ служителей Бога Израилева, строжайшихъ ревнителей закона и, обращаясь къ народу, говорили:

«Смотрите, другихъ спасалъ, а Себя не можетъ спасти! Напрасно ли мы увѣряли васъ, что отъ сего Человѣка нельзя ожидать ничего добраго?—Что Другъ мытарей и грѣшниковъ, рано или поздно, займетъ мѣсто посреди злодѣевъ?—Что осквернение субботы не останется безъ небеснаго мщенія? Намъ не вѣрили; думали что Онъ святъ; вотъ теперь самое дѣло показало, мы ли говорили правду, или

Онъ!—Кто не ожидаетъ Мессіи? Мы жизнь свою отдали бы за Его пришествіе. Но ужели мы обязаны вѣровать въ Мессію на крестѣ? И много ли нужно доказательствъ? Если Онъ дѣйствительно Царь Израилевъ, пусть сойдетъ сейчасъ со креста, и мы сей же часъ увѣруемъ въ Него» (Марк. 15, 32).

«Въ самомъ дѣлѣ,—издѣвались прочіе старѣйшины,—это совсѣмъ не царскій престолъ. Теперь видно, каковъ Онъ Сынъ Божій и каковы Его чудеса. Оставилъ ли бы Отецъ собственнаго Сына въ такомъ положеніи? Онъ уповалъ на Бога, пусть же теперь избавитъ Его Богъ, если Онъ угоденъ Ему» (Матѳ. 27, 39—43; Марк. 15, 29—32; Лук. 23, 35).

Послѣднія насмѣшки суть тѣ же самыя, которыя Давидъ въ вышеприведенномъ псалмѣ влагаетъ въ уста враговъ праведника, имъ описываемаго. Такъ вѣрно исполнялись пророчества, въ собственныхъ дѣйствіяхъ,—хотя и безъ сознанія,—тѣхъ самыхъ людей, кои исполняли оныя.

При насмѣшкахъ, безстыдно повторяемыхъ самими властями Іудейскими, не удивительно, что и грубые воины, стоявшіе на стражѣ, говорили Іисусу Христу: «если Ты Царь Іудейскій, то зачѣмъ не спасешь Себя?» — Такая насмѣшка въ устахъ Римскихъ воиновъ могла быть плодомъ только самаго слѣпого подражанія. Когда Іудей кричалъ такимъ образомъ, то выраженіе: *Царь Израилевъ,* и *для чего не спасешь Себя*—у него имѣли всю связь и силу: ибо Мессія, по его мнѣнію, долженъ быть чудотворецъ, слѣдственно имѣть возможность помогать себѣ во всѣхъ случаяхъ; язычникъ, напротивъ, подъ Царемъ Іудейскимъ разумѣлъ обыкновеннаго человѣка,—изъ чего никакъ не слѣдовало, чтобы онъ могъ сойти самъ собою со креста. Но грубые воины ни мало не заботились о смыслѣ словъ своихъ, довольствуясь тѣмъ, чтобы повторять слышанное отъ другихъ.

Святой Лука упоминаетъ еще (23, 36), что воины подносили Іисусу Христу кислое питье, безъ сомнѣнія, то самое, которымъ они имѣли обыкновеніе утолять свою жажду, находясь подъ открытымъ небомъ, среди жаркаго полдня. Значитъ, между насмѣшками они не забывали и сострадательности къ распятымъ, кои отъ мученій еще болѣе ихъ должны были чувствовать жажду: обыкновенное сочетаніе

въ грубыхъ людяхъ добраго съ худымъ, человѣчества съ звѣрствомъ.

Молчанія по крайней мѣрѣ надлежало ожидать отъ тѣхъ несчастныхъ, кои сами висѣли на крестахъ. Но и изъ нихъ одинъ, по свидѣтельству Евангелистовъ, злословилъ Іисуса, требуя, чтобы Онъ, какъ Мессія, спасъ и Себя и ихъ. Хотѣлъ ли сей несчастный въ омраченіи разсудка, произведенномъ смирною, — только развеселить себя, участвуя въ общихъ насмѣшкахъ? Или дѣйствительно, по невѣдѣнію, почиталъ Іисуса Христа виновнымъ и достойнымъ казни? Или даже вмѣнялъ себѣ въ честь, что участвовалъ въ возмущеніи за свободу, и думалъ низко о Томъ, Кто, называя Себя Мессіею, не произвелъ никакого переворота?—Во всякомъ случаѣ, видно развращенное сердце, виденъ грѣшникъ, который хочетъ перейти нераскаяннымъ и въ другой міръ (Лук. 23, 39—43).

Тѣмъ возвышеннѣйшій образъ мыслей обнаружился въ другомъ распятомъ [1]). Хула на Іисуса Христа была для него нестерпимѣе креста. «Уже ли въ тебѣ, сказалъ онъ хулившему, совершенно нѣтъ страха Божія, что ты издѣваешься надъ тѣмъ, что самъ терпишь? И мы осуждены праведно, терпимъ по дѣламъ; а Онъ, Онъ не сдѣлалъ никакого зла!»

Слова сіи какъ бы дали ему смѣлость изъявить предъ Самимъ Господомъ чувство вѣры и уваженія, таившееся въ его сердцѣ. «*Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*»

«*Аминь, глаголю тебѣ,* отвѣчалъ Господь, *днесь со Мною будеши въ раи*».

Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе кающагося разбойника о цар-

[1]) Многіе, особенно изъ древнихъ (Suicer Thesaur. sub voce Λῃστης Bynæi Christus Crucifixus 18, § 8), основываясь на словахъ Ев. Матѳея (27, 44) и Марка (15, 32), полагали, что вначалѣ оба распятые поносили Іисуса Христа, а потомъ одинъ изъ нихъ покаялся. Но такой мгновенный переходъ отъ ожесточенія къ покаянію невѣроятенъ. Съ другой стороны, всякому, занимавшемуся древнею филологіею, извѣстно, что у Евреевъ, Грековъ и Латинянъ такъ же, какъ и у насъ, имена нарицательныя часто полагались во множественномъ числѣ, между тѣмъ какъ ихъ надлежало разумѣть въ единственномъ. V. Gloss. phil. Sacr. p. 60. Grotius ad h. l) «Такъ, замѣчаетъ Августинъ, и въ посланіи къ Евреямъ говорится во множественномъ: «заградили уста львовъ», между тѣмъ какъ это разумѣется объ одномъ Даніилѣ; или: «претрени быша», между тѣмъ какъ сію казнь, по преданію, претерпѣлъ одинъ Исаія». Евангелисты тѣмъ паче могли въ настоящемъ случаѣ употребить множественное число вмѣсто единственнаго, что исчислили лица, хулившія Іисуса Христа, какъ бы такъ говоря: «Его хулили мимоходящіе (Матѳ. 27, 39), архіереи, книжники, старцы, фарисеи (41), *даже самые разбойники* (44).

ствѣ Іисуса Христа еще не было свободно отъ всѣхъ мнѣній, съ коими оно обыкновенно соединялось въ умѣ Іудея. Разбойникъ не могъ быть выше Апостоловъ, кои представляли себѣ, какъ мы видѣли, царство Іисуса Христа еще земнымъ и чувственнымъ. Посему въ словахъ разбойника надобно предполагать смыслъ, не превышающій его понятія. Я вѣрую, какъ бы такъ онъ говорилъ Господу, что крестъ не воспрепятствуетъ Тебѣ восторжествовать надъ Своими врагами: Ты воскреснешь и воскресивъ съ Собою всѣхъ, ожидавшихъ Твоего пришествія, утвердишь потомъ на землѣ царство Израилево. Не забудь тогда и о мнѣ недостойномъ; воскреси вмѣстѣ съ другими, и дай мѣсто въ царствѣ Твоемъ!

А принимая, по необходимости, въ такомъ смыслѣ слова кающагося разбойника, нельзя не видѣть въ отвѣтѣ Господа мудраго снисхожденія къ слабымъ понятіямъ человѣческимъ. Раемъ Іудеи называли одно изъ отдѣленій Шеола [1]), служившее, по ихъ мнѣнію, мѣстопребываніемъ душъ праведныхъ. И вотъ, Господь обѣщаетъ кающемуся пребываніе въ раю, то есть, обѣщаетъ блаженное по смерти состояніе, но не говоритъ ни слова о царствѣ Своемъ; ибо сказать: «нынѣ ты будешь со Мною въ царствѣ Моемъ»— значило бы возродить въ умѣ разбойника мысль, что въ сей же самый день будетъ учреждено видимое царство Мессіи.

Такимъ образомъ Божественный Учитель истины и на крестѣ продолжалъ щадить слабость людскихъ понятій, открывать истину, сколько могли вмѣщать слышащіе, взирать не только на правильность мыслей, но и особенно на чистоту сердца и его расположеніе къ добру. Прежде, во время служенія Своего, окруженный чудесами,—Онъ именовалъ Себя Господомъ субботы, храма: со креста является Господомъ рая и ада, Коему принадлежитъ всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ. Первосвященники требовали, чтобы Онъ, оставивъ спасать другихъ, спасъ Себя Самого: Господь продолжаетъ спасать другихъ, пренебрегая собственное посрамленіе. Справедливо св. Фулгенцій отвѣтъ Іисуса Христа къ кающемуся разбойнику называетъ послѣднимъ завѣща-

[1]) Мѣсто, въ коемъ, по мнѣнію древнихъ Іудеевъ, находятся души людей умершихъ. Во время Іисуса Христа въ семъ Шеолѣ предполагалось два отдѣленія: одно для праведныхъ, называвшееся раемъ, лономъ Авраамовымъ и проч. другое для грѣшныхъ, которое называли адомъ, геенною, и пр. (Лук. 16, 23).

ніемъ Его ко всѣмъ кающимся грѣшникамъ, которое начертано не тростію, а крестомъ.

Торжество злорѣчія и клеветы не было продолжительно: вскорѣ, по распятіи Господа, Промыслъ началъ являть, что Онъ *не дастъ Преподобному Своему увидѣть истлѣніе* (Дѣян. 2, 27). Среди яснаго полдня небо вдругъ покрылось мракомъ (Матѳ. 27, 45; Марк. 15, 33; Лук. 23, 44), какъ бы во свидѣтельство, что великое дѣло тьмы приближалось уже къ своей полуночи. Мракъ сей походилъ на солнечное затменіе, впрочемъ нисколько не былъ его слѣдствіемъ [1]), потому что Пасха Іудейская всегда совершалась во время полнолунія, когда луна не можетъ находиться между землею и солнцемъ, отъ чего происходятъ солнечныя затменія. По мнѣнію Златоуста, Ѳеофилакта и Евѳимія, мракъ во время распятія Іисуса Христа происходилъ отъ сгущенія облаковъ между землею и солнцемъ, произведеннаго сверхъестественною силою [2]).

Ев. Матѳей говоритъ, что *тьма бысть по всей земли.* Хотя выраженія сего не должно брать безъ ограниченія, какъ справедливо замѣчено еще древними учителями Церкви [3]). потому что земля у св. писателей часто означаетъ одну какую-либо страну. особенно Іудейскую, даже одинъ городъ [4]);

---

[1]) Есть письмо подъ именемъ Діонисія Ареопагита, въ коемъ онъ пересказываетъ св. Паликарпу о помраченіи воздуха, бывшемъ во время распятія, и производитъ его отъ сверхъестественнаго затменія солнца, утверждая, что самъ былъ свидѣтелемъ сего затменія. Но письмо сіе носитъ на себѣ несомнѣнные признаки своего неподлиннаго происхожденія и не принимается многими даже изъ тѣхъ, кои стоятъ за подлинность прочихъ сочиненій, извѣстныхъ подъ именемъ Ареопагита Оригенъ замѣчаетъ, что въ его время даже въ нѣкоторыхъ спискахъ Евангелія вмѣсто ἐσκοτίσθη ὁ ἥλιος (помрачилось солнце) читалось: τοῦ ἡλίου ἐκλείποντος (послѣдовало затменіе солнца) На такую перемѣну словъ Евангельскихъ, по его мнѣнію, отважился кто-либо, полагая придать чрезъ то болѣе ясности тексту, и воображая, что тьма могла произойти единственно отъ затменія солнца (Comment. in Matth. Opp. Th. 12, P. 269. Edit. Wirceb.)

[2]) Поелику землетрясеніемъ, какъ извѣстно, предшествуетъ нерѣдко необыкновенное помраченіе воздуха, происходящее отъ той же причины, отъ коей происходятъ землетрясенія (Widerburg de obscuratione solis in passione Domini); то можно думать, что и мракъ, происшедшій во время распятія Іисуса Христа, находился въ связи съ землетрясеніемъ, за нимъ послѣдовавшимъ,—и что всемогущество Божіе, для достиженія своей цѣли, премудро употребило въ семъ случаѣ естественныя силы природы. Harmar. Beobachtung über Orient. Th. 2. p. 197).

[3]) Arbitror, sicut cætera signa, quæ facta sunt in passionem ipsius, in Jerusalem tantummodo facta sunt, sic et tenebræ tantummodo super omnem terram Judæam sunt factæ... Sic ergo qui intelligit, sine culpa intelligit, ut non magnitudinem miraculi ostendere volens, incidat in risum sapientium huius sæculi et magis infidelitatem in hominibus operetur, quam fidem. — Orig. Comment in Matth.

[4]) Scheusner. Lex. N. T. sub voce: γῆ. Bynæus de mort. Chr. l. 3. c. 5 sec. 2.

впрочемъ нѣтъ никакой причины ограничивать помраченія воздуха одною Палестиною. Оно, безъ сомнѣнія, простиралось, въ большей или меньшей мѣрѣ, столь же далеко, какъ и землетрясеніе, за нимъ послѣдовавшее, которое, какъ видно изъ современныхъ свидѣтельствъ, чувствуемо было въ большей части Азіи, Африки и Европы.

Замѣчательно, что древніе Іудейскіе писатели, кои въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно или отвергаютъ, или превращаютъ чудеса Евангельскія, ничего не говорятъ вопреки повѣствованію о помраченіи солнца во время страданій Христовыхъ [1]). Замѣчательно также, что языческій историкъ Флегонтъ, коего слова приводятся Евсевіемъ, Оригеномъ и Юліемъ Африканскимъ [2]), такъ согласенъ съ Евангелистами въ описаніи одного необыкновеннаго помраченія солнца, случившагося въ царствованіе Тиверія, что назначаетъ для него тотъ же самый часъ (шестой, или по нашему 3-й по полудни [3]). Вообще надобно полагать, что событіе сіе, равно какъ и прочія чудеса, за нимъ послѣдовавшія, были тогда извѣстны всѣмъ; иначе Тертулліанъ, приводя ихъ въ доказательство божественности христіанской религіи, не ссылался бы предъ лицемъ сената и народа Римскаго на публичные архивы, гдѣ хранились описанія подобныхъ явленій [4]).

Необыкновенное помраченіе воздуха, послѣдовавшее за распятіемъ Господа, должно было заключить хульныя уста враговъ Его и произвести въ нихъ впечатлѣніе самое мрачное. Если они не почитали сего явленія слѣдствіемъ безчеловѣчія, оказаннаго Праведнику, то, сообразно господствовавшимъ понятіямъ, не могли не видѣть въ немъ предвѣстія общественныхъ бѣдствій, тѣмъ болѣе печальнаго и ужаснаго, что оно случилось въ день праздника, самаго свѣтлаго. Тогдашніе народы вообще вѣрили, что необыкновенныя воздушныя явленія, особенно помраченіе солнца, предвѣщаютъ худое [5]); а Іудеи тѣмъ паче держались сего мнѣнія, что про-

[1]) Hess. in Lebensgeschichte Jesu.

[2]) Euseb. Chronic Partic. 2. Orig. contra Cels. 50. 3. 33 и 59. Julius in Octavio.

[3]) Флегонтъ жилъ въ царствованіе Адріана и былъ его отпущенникъ. Онъ написалъ много историческихъ книгъ, до насъ не дошедшихъ. Въ одной изъ нихъ, по свидѣтельству Евсевія, читалось: quarto anno biscentesimæ et tertiae Olimpiadis magna solis defectio est facta, qua superiorem ullam nemo cognoverat, atque ita nox (hora) sexta facta est, ut stellae in cœlo visae sint.

[4]) Eum mundi casum relatum in archivis vestris habetis. Apol. c. 21.

[5]) Plin. St. N. 2. 20. Fiunt nonnumqam prodigiosi et longiores solis defec-

роки, предсказывая народныя бѣдствія, также нерѣдко соединяли съ ними помраченіе солнца [1]). Особенно тьма могла просвѣтить многихъ изъ Іудеевъ, когда увидѣли, что, начавшись съ распятіемъ Іисуса Христа, она окончилась съ Его жизнію, потому что обстоятельство сіе яснѣйшимъ образомъ показывало, что естественнымъ, повидимому, событіемъ управляетъ сила сверхъестественная, Божія, и что свѣтъ міра стихійнаго померкъ потому, что на крестѣ угасалъ Свѣтъ міра духовнаго.

Для почитателей Іисуса Христа помраченіе воздуха и произведенная имъ тишина въ природѣ,—были благопріятнымъ случаемъ приблизиться ко кресту, гдѣ въ сіе время сдѣлалось покойнѣе. Таковы были, по свидѣтельству Евангелистовъ:

всѣ знакомые Господу [2]). Въ частности:

многія жены Галилейскія, пришедшія на праздникъ, которыя, по замѣчанію Марка, и тогда, какъ Іисусъ былъ въ Галилеѣ, ходили за Нимъ (Марк. 15, 41) и помогали Ему отъ своего имущества (Матѳ. 27, 55).

Саломія, жена Заведея, мать Іакова и Іоанна (Марк. 15, 40; Матѳ. 27, 56).

Марія Магдалина [3]).

Марія, сестра Богоматери, матерь Клеопы (Іоан. 19, 25), Іакова и Іоссіи [4]).

Іоаннъ, ученикъ и другъ Іисусовъ.

---

tus, quales occiso Dictatore Caesare et Antoniano bello, totius paene anni pallore continuo. Virg. Gecorg. 1, 463. Sol tibi signa dabit: solem quis dicere falsum audea? Ille enim cæcos instare tumultos et caeter.

[1]) Іоил. 3, 34; Іезек. 32, 7; Амос. 8, 9; Мих. 3, 67; Исаія 13, 10; 24, 23; 34, 4; 50, 3; 60, 19, 20.

[2]) Πάντες οἱ γνωστοὶ αὐτοῦ. Лук. 23, 49.

[3]) Магдала былъ небольшой городъ при Галилейскомъ морѣ, недалеко отъ Тиверіады (Lightfoot. in chorogr. Matth. praemis 76). Марія называется постоянно Магдалиною потому, что родилась, или жила въ семъ городѣ. Господь изгналъ изъ нея семь бѣсовъ (Марк. 16, 9; Лук. 8, 3). Признательная къ сему благодѣянію; она часто сопровождала Его, слушая бесѣды и доставляя Ему пособіе въ содержаніи (Лук. 8, 3. 4). Многіе принимали Магдалину за великую грѣшницу, которая описывается въ 7 главѣ Ев. Луки V. Deyling obser. sacr. P. 3. p. 291), или за Марію, сестру Лазареву (V. Schlegel. Lebengs. S. 394). И первое мнѣніе не основательно, а послѣднее еще болѣе (См. Синаксарь Вел. Среды).

[4]) Матѳ. 27, 56. Іакова малаго, Марк. 15. 40. Ев. Іоаннъ именуетъ Марію Клеоповою, не упоминая о томъ, чтобы она была матерію Іакова и Іоссіи, Матѳей и Маркъ напротивъ даютъ ей послѣднее названіе, не упоминая о Клеопѣ. Одно ли и то же лице имѣли въ виду Евангелисты или два?—рѣшить трудно по причинѣ множества различныхъ показаній, кои должны вести къ разрѣшенію сего. (Conf. Schlegel, 1, c.)

Матерь Господа.

Іосифа, обрученника Богоматери, не было, вѣроятно, не только на Голгоѳѣ, но и на землѣ. Съ того самаго времени, какъ Іисусъ Христосъ, будучи 12 лѣтъ, приходилъ съ родителями Своими въ Іерусалимъ на праздникъ Пасхи (Лук. 2, 42), объ Іосифѣ вовсе не упоминается въ Евангеліи, хотя при нѣкоторыхъ случаяхъ весьма прилично было упомянуть о немъ, если бы онъ былъ въ живыхъ.

Учениковъ Іисусовыхъ, кромѣ Іоанна, также не видно у креста. Такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать молчаніе Евангелистовъ. Отсутствіе ихъ тѣмъ извинительнѣе, что Самъ Господь и Учитель ихъ запретилъ имъ предаваться опасности. У Петра былъ свой крестъ: онъ плакалъ въ уединеніи...

И Лазарь не могъ явиться между врагами Іисуса, безъ явной опасности жизни. Древнее преданіе говоритъ, что онъ вскорѣ по воскресеніи своемъ, избѣгая преслѣдованія синедріона, удалился изъ Іудеи [1]).

Съ Матерію Господа не разлучнѣе всѣхъ былъ Іоаннъ: ихъ соединяли и равная скорбь и равная любовь къ Распятому. Ученикъ по чувству сердца уже занималъ мѣсто сына для безутѣшной Матери.

Прочіе почитатели Господа все еще оставались въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ креста (Марк. 15, 40), можетъ быть, на одной изъ возвышенностей, окружавшихъ Голгоѳу. Но Богоматерь, св. Іоаннъ, Марія Клеопова и Марія Магдалина, презирая страхъ и опасность, подошли такъ близко, что Господь не только могъ видѣть ихъ, но и говорить съ ними (Іоан. 19, 25). Ужасный видъ для сердца матери, и—такой матери, какова была св. Марія! — Оружіе, предсказанное Симеономъ въ минуты Ея радости и величія (Лук. 2, 35), проникло теперь всю душу Ея. Дружелюбное сердце Іоанново также терзалось печалію. Видя своего возлюбленнаго Учителя и Друга, висящаго на крестѣ, посреди разбойниковъ,—онъ невольно долженъ былъ вспомнить о своемъ безразсудномъ прошеніи. Теперь ясно было, что онъ совершенно не зналъ, чего просилъ у Іисуса, когда желалъ занять мѣсто по правую Его сторону, и какъ горька

[1]) Смот. Синаксарь Субб. Лазар.

чаша, которую онъ обѣщался тогда испить съ такою рѣшительностію (Матѳ. 20, 22).

Впрочемъ Евангелисты не говорятъ, чтобы Матерь Господа и друзья Его рыдали, подобно *женамъ Іерусалимскимъ*. Ихъ рыданія возмутили бы послѣднія минуты лица, нѣжно любимаго. Самая горесть ихъ была выше слезъ: кто можетъ плакать, тотъ еще не проникнутъ силою всей скорби, къ какой способно сердце человѣческое.

И для Іисуса Христа взглядъ на Матерь былъ новымъ мученіемъ. Переходя непрестанно изъ одной страны въ другую для проповѣди, Онъ не могъ исполнять домашнихъ обязанностей сына: продолжалъ однако же быть надеждою и утѣшеніемъ Своей Матери даже въ земномъ отношеніи. Теперь Марія оставалась Матерію уже не Іисуса, всѣми любимаго, уважаемаго, Коего страшился самъ синедріонъ, Который составлялъ предметъ надеждъ для всего Израиля,—а Іисуса, всѣми оставленнаго, поруганнаго, окончившаго жизнь на Голгоѳѣ, вмѣстѣ съ злодѣями!...

Надлежало преподать какое-либо утѣшеніе,—преподать однако же такъ, чтобы оно, служа отрадою на всю жизнь, не подвергло теперь утѣшаемой насмѣшкамъ и преслѣдованію враговъ, изъ коихъ многіе находились еще у креста. Какихъ бы не позволили они себѣ дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Матерь Іисуса? Господь не употребилъ сего наименованія.

Жено, сказалъ Онъ Матери, *се сынъ твой.* Взглядъ на Іоанна объяснилъ сіи слова.

Потомъ, указуя взоромъ на Матерь, сказалъ Іоанну: *се мати твоя* (Іоан. 19, 26—27).

Это значило, что послѣдняя воля Божественнаго Страдальца состоитъ въ томъ, чтобы Матерь и ученикъ не разлучались между собою и послѣ Его смерти, какъ соединились теперь у Его креста; чтобы Іоаннъ принялъ на себя обязанность сына, а св. Марія оказывала ему любовь матернюю. Ученикъ во всей точности исполнилъ волю умирающаго Учителя и друга; и *съ сего* самаго *часа,* какъ свидѣтельствуетъ въ своемъ Евангеліи, принялъ Богоматерь въ домъ свой, доставлялъ Ей все, нужное для жизни и до самой кончины Ея, какъ говоритъ преданіе, оставался въ отношеніи къ Ней, какъ сынъ. Для св. Іоанна тѣмъ удобнѣе было

принять въ свое семейство Богоматерь, что домъ его былъ богатъ и благоустроенъ [1]). Между тѣмъ ученики Іисусовы, оставивъ всѣ стяжанія, дабы послѣдовать за Нимъ, не теряли чрезъ сіе правъ собственности и, когда можно было, возвращались въ свои домы, дабы заниматься ихъ благоустройствомъ. И для Саломіи, матери Іоанновой, усыновленіе сына ея Матери Іисусовой не могло не быть весьма пріятнымъ. Ибо, хотя она имѣла предразсудки въ разсужденіи земного царства Мессіи (кто не имѣлъ ихъ?) и получила отъ Іисуса Христа, какъ мы видѣли, отказъ и упрекъ за прошеніе о невозможномъ (Матѳ. 20, 20—22), впрочемъ, ни мало не перемѣнилась въ своемъ расположеніи къ Нему, и теперь, презрѣвъ опасность, стояла на Голгоѳѣ, желая быть свидѣтельницею послѣднихъ минутъ Его.

Усыновленіе святого Іоанна служитъ новымъ доказательствомъ, что святого Іосифа не было уже въ живыхъ, и что братья Іисусовы, о коихъ упоминается въ Евангеліи (Іоан. 7, 5), не были Его родные братья, какъ думали нѣкоторые еретики.

При снятіи со креста и погребеніи Іисуса о Богоматери Евангелисты уже не упоминаютъ, хоть снова говорятъ о прочихъ женахъ, нами исчисленныхъ. Отсюда заключаютъ, что Богоматерь удалилась съ Голгоѳы еще до смерти Господа, вскорѣ послѣ того, какъ послѣдовало усыновленіе Іоанна. Можетъ быть, Самъ Господь далъ знакъ ученику удалить Матерь. При всей крѣпости духа и преданности Ея въ волю Промысла, кои довольно засвидѣтельствованы присутствіемъ Ея на Голгоѳѣ и приближеніемъ ко кресту, матернее сердце могло не перенести послѣдней борьбы жизни со смертію, которая предстояла Богочеловѣку. Съ Богоматерію долженъ былъ удалиться и Іоаннъ, коего присутствіе для Ней было такъ нужно. Впрочемъ, онъ опять явится на Голгоѳѣ и, кажется, предъ самою смертію своего Божественнаго друга, ибо, описывая въ своемъ Евангеліи послѣднія минуты Его, какъ очевидецъ, и пополняя въ семъ отношеніи прочихъ Евангелистовъ, онъ за усыновленіемъ непосредственно повѣствуетъ о жаждѣ Господа.

Преподавая утѣшеніе другимъ, Господь Самъ имѣлъ величайшую нужду въ утѣшеніи. Со времени распятія про-

[1]) Марк. 1, 20; Матѳ. 27, 55. 56. Сличч. Марк. 15, 41; Лук. 8, 3; Іоан. 18, 15.

текло около трехъ часовъ (Матѳ. 27, 46): боль отъ ранъ, тягость въ головѣ, томленіе въ сердцѣ, пламень во всей внутренности усилились до высочайшей степени. Никогда пророчества не исполнялись съ такою силою, какъ теперь исполнялись на Немъ слова святого Давида о Мессіи: *изліяхся, яко вода, и разсыпашася вся кости моя, сердце мое бысть яко воскъ, таяй посредѣ чрева моего; изсше яко скудель крѣпость моя, и языкъ мой прильпе гортани моему, и въ персть смерти свелъ мя еси. Ископаша руцѣ мои и ноздѣ мои; исчетоша вся кости моя. Обыдоша мя пси мнози: смотрящіи и презрѣша мя* (Псал. 21, 15—18).

Божественный Страдалецъ, вѣроятно, Самъ остановился мыслію на семъ пророчествѣ... Чувство силы истощалось вмѣстѣ съ жизнію... Угасающій взоръ все еще стремился къ небу; но оно было мрачно, — ни одного лица свѣта, ни одного утѣшенія... Правосудный Отецъ какъ будто оставилъ Сына, страждущаго за грѣхи людей... Мысль сія довершила мѣру страданій, и безъ того ужасныхъ: человѣческая природа изнемогла...

Елоі, Елоі [1]),—воскликнулъ Божественный Страдалецъ,—*лама савахѳани!* (Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ?)

Отвѣта не было... Онъ заключался въ нашихъ грѣхахъ: Господь, по замѣчанію святого Кипріана, для того вопросилъ Отца, дабы мы вопросили самихъ себя и познали свои грѣхи. «Ибо, продолжаетъ священномученикъ, для чего оставленъ Господь? Дабы намъ не быть оставленными Богомъ; оставленъ для искупленія отъ грѣховъ и вѣчной смерти; оставленъ для показанія величайшей любви къ роду человѣческому; оставленъ для доказательства правосудія и милосердія Божія, для привлеченія нашего сердца къ Нему, для примѣра всѣмъ страдальцамъ» [2]).

Это единственное толкованіе жалобной молитвы Іисуса, которое надобно знать и всегда памятовать Его послѣдова-

---

[1]) Марк. 15, 34. По Матѳею: *Илі, Илі*, но Марково произношеніе ближе подходитъ къ Галилейскому нарѣчію. *Елоі* образовалось изъ Халдейскаго *Елоги*. Чисто на древнемъ Еврейскомъ надлежало бы сказать: Ели. Равнымъ образомъ *Савахвани* произошло изъ Халдейскаго *шебактани*, а по-еврейски было бы *азабтами*. Изъ сего видно, что языкъ, коимъ говорилъ Іисусъ Христосъ, былъ тотъ же самый, коимъ говорили тогдашніе Іудеи, т. е., соединеніе древняго Еврейскаго съ Сиро-халдейскимъ.

[2]) Tract. de Passione.

телямъ [1]). Полный смыслъ сей молитвы есть и долженъ быть для насъ тайною... Впрочемъ въ ней не видно никакого сомнѣнія, или огорченія [2]). Уже повтореніе словъ: *Боже мой, Боже мой,* — показываетъ противное. Видна только жалоба на тяжесть мученій и внѣшнихъ, а еще болѣе внутреннихъ, а особенно на видимое какъ бы затменіе Божественнаго единства Его со Отцемъ, которое замѣняло доселѣ всѣ утѣшенія, и теперь, сокрывшись, составило послѣдній предѣлъ внутреннихъ страданій и верхъ креста, то есть, видно такое чувство, которое столь же свойственно человѣчеству, сколько Божеству прилично безстрастіе.

Молитвенное восклицаніе Господа для враговъ Его послужило новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ. Изверги притворились непонявшими Его словъ и, основываясь на нѣкоторомъ сходствѣ звуковъ Елоагъ съ наименованіемъ Иліи [3]), давали имъ такой смыслъ, какъ бы они обращены были къ сему пророку. «Смотрите, кричали одинъ другому, Онъ зоветъ Илію на помощь», то есть, смотрите, какъ Онъ, и умирая, продолжаетъ представлять лице Мессіи, ибо всѣ вѣрили, что Илія вмѣстѣ съ другими пророками долженъ явиться предъ появленіемъ Мессіи, и быть Его предтечею [4]) и слугою; вѣрили также, что сей пророкъ является иногда для подаянія помощи тѣмъ, кои его призываютъ [5]).

Къ прочимъ мученіямъ Господа присоединялись теперь еще смертельная жажда, слѣдствіе великой потери крови,— предвѣстница въ распятыхъ близкой смерти [6]). Изнемогая отъ сего новаго мученія, Божественный Страдалецъ воскликнулъ: *жажду!..*

Жалобный вопль сей, провидѣнный и предсказанный также пророкомъ (Псал. 68, 22), тронулъ одного изъ воиновъ. Онъ тотчасъ напоилъ уксусомъ губку и, воткнувъ на иссоповую трость, приложилъ ее къ устамъ Іисуса... Сотникъ не пре-

---

[1]) Lettre sur la Plainte du Sauveur sur la croix; въ Journ. littéraire d'Allemagne. t. I. p. 11. Также Lettres sur l'explication de la Plainte de J. C. sur la croix въ Bibliotheque Raisonnée t. 30. p. 1. Art. 11.

[2]) Нѣкоторые (Calvin et al.) допускали, что Іисусъ Христосъ долженъ былъ испытать и сіи душевные недуги, какъ слѣдствіе грѣховъ, Имъ на Себя принятыхъ.

[3]) Илія на древнемъ Еврейскомъ: *Eliau.*

[4]) Матѳ. 16, 14. Conf. Berthold: Christologia Judaorum § 15.

[5]) Rosenmull. et Lightfoot ad Matth. 27, 46—49.

[6]) «Solent, qui crucis supplicio moriuntur, siti vehementer discruciari» Gruner in dissert. de morte Jesu Christi.

пятствовалъ человѣколюбію подчиненнаго, будучи готовъ позволить и болѣе, потому что распятый Праведникъ часъ отъ часу болѣе возбуждалъ его вниманіе и уваженіе.

Но враги Іисуса и здѣсь показали безчеловѣчіе. «Оставь Его, кричали съ досадою воину, Онъ надѣется на Илію; такъ посмотримъ, придетъ ли Илія снять Его со креста». Даже самъ воинъ, напаявшій Іисуса Христа, какъ бы опасаясь показаться слишкомъ человѣколюбивымъ, говорилъ: «что за нужда; можетъ быть, Илія замедлитъ придти».

Вкусивъ нѣсколько прохладительнаго питія, Господь паки воскликнулъ громко: *совершишася!* Это былъ послѣдній предѣлъ и судебъ Божіихъ, кои исполнялись теперь надъ Ходатаемъ Бога и человѣковъ, и самыхъ страданій Его, ибо пречистое тѣло Его, для коего страданія, по самому совершенству его, были несказанно мучительнѣе, уже готово было разлучиться съ душею. Возведши взоръ къ небу, Іисусъ сказалъ: «Отче, въ руки Твои предаю духъ Мой!»... При сихъ божественныхъ словахъ глава Его преклонилась (какъ обыкновенно бываетъ съ умирающими), и Онъ *испустилъ духъ* (Іоан. 19, 30; Лук. 23, 46)...

Такъ окончилась жизнь, коей подобной другой не было и не будетъ на землѣ!

Все, сказанное Господомъ предъ Своею смертію, показываетъ, что мысль Его въ сіи рѣшительныя минуты была заключена въ словѣ Божіемъ. При первой борьбѣ, которую Онъ, какъ второй Адамъ, долженъ былъ выдержать въ пустынѣ, при началѣ служенія Своего, слово Божіе было для Него единственнымъ щитомъ противъ разженныхъ стрѣлъ сатаны (Матѳ. 4, 1—10). И теперь, въ послѣдней борьбѣ съ немощами природы человѣческой, съ болѣзнями тѣла и духа, Господь обращается за утѣшеніемъ къ тому же слову Божію. Въ немъ, какъ на чертежѣ Своей жизни и служенія, видитъ настоящее, прошедшее и будущее; видитъ, что совершилось, и что оставалось еще претерпѣть для блага человѣчества; видитъ наконецъ исполненіе всѣхъ великихъ судебъ Божіихъ, и какъ побѣдитель, который *истопталъ уже точило ярости Божіей* (Исаіи 63, 2), восклицаетъ: *совершишася!* Нужно ли напоминать о томъ, какъ многозначительно сіе восклицаніе!—Цѣлая исторія рода человѣческаго должна служить его изъясненіемъ; но одна только

вѣчность раскроетъ вполнѣ то, что совершилось теперь на маломъ холмѣ Голгоѳскомъ. Ап. Павелъ говоритъ, что на крестѣ расторгнуто рукописаніе грѣховъ человѣческихъ (Кол. 2, 13—14): оно расторгнуто въ ту самую минуту, какъ Господь изрекъ: *совершишася!*

При сей лютости страданій, при всемъ уничиженіи, Сынъ Человѣческій до самой послѣдней минуты является съ полнымъ сознаніемъ Своего Божественнаго достоинства и великаго предназначенія. Послѣдній взоръ Его устремленъ къ небу, послѣдній гласъ Его обращенъ къ Отцу!—Мы видимъ всемогущаго Посланника Божія, у Котораго, какъ Онъ Самъ сказалъ, никто не можетъ взять жизни противъ Его воли (Іоан. 10, 18). Посему, если Онъ предаетъ ее теперь, то предаетъ Самъ добровольно, — не прежде, какъ по исполненіи Своего великаго дѣла — предаетъ не ангелу смерти, а *Отцу,* Который далъ Ему *имѣть животъ* въ Самомъ Себѣ! (Іоан. 5, 26)...

Впрочемъ мнѣніе [1]), что смерть Богочеловѣка на крестѣ ускорена сверхъестественнымъ дѣйствіемъ божественнымъ, дабы тѣло Его, имѣющее воскреснуть, не подверглось перебіенію голеней, не можетъ быть принято, хотя оно предположено еще древними учителями Церкви [2]), и подтверждается, повидимому, нѣкоторыми обстоятельствами самой исторіи Евангельской (непродолжительнымъ пребываніемъ Господа на крестѣ, удивленіемъ Пилата, что Онъ скоро умеръ, и сотника, что смерть Его послѣдовала вдругъ за громкими восклицаніями и проч.). Достойно ли это мнѣніе Божественнаго Страдальца? Мы видѣли, какъ Онъ рѣшительно отрекся всѣхъ сверхъестественныхъ средствъ къ Своему защищенію: можно ли послѣ сего думать, что Имъ употреблено было сверхъестественное средство для сокращенія Своихъ страданій? Чтобы внутренній крестъ Его остался, такъ сказать, недоконченнымъ? Нѣтъ! Кто училъ другихъ, что *претерпѣвый до конца спасенъ будетъ,* Тотъ Самъ, безъ сомнѣнія, терпѣлъ до конца: подвигоположникъ не можетъ быть ниже подвиж-

[1]) Kiesling. de causis acceleratae J. C. in cruce mortis non more humanis, sed potius divinis. 1767.

[2]) Cypr. ad Demetr. cruci affixus, praevento carnificis officio, spiritum sponte dimisit.— Aug. L. 4. de Trinit. c. 13. Christ. Hieron. Enthym. Theoph. in Comment. ad Matth. Изъ новѣйшихъ: Hess. in Lebensgeschichte Jesu. Bd. 3. 1823. Ligny, dans l'Histoire de la Vie de Jesus Christ. t. 2. 1823.

никовъ. Вождь спасенія нашего явился совершеннымъ посредствомъ страданій (Евр. 2, 10), посему, сокращая страданія, мы какъ бы сократимъ Его совершенства.

И не довольно ли естественныхъ причинъ, кои могли ускорить на крестѣ смерть Богочеловѣка? Бичеваніе одно, какъ мы замѣтили, нерѣдко оканчивалось смертію бичуемаго. Удивительно ли, что не продолжалась жизнь Того, Кто, кромѣ бичеванія, претерпѣлъ столь много другихъ мученій, Кто еще въ саду Геѳсиманскомъ былъ изнуренъ кровавымъ потомъ до того, что имѣлъ нужду въ Ангелѣ укрѣпляющемъ, а на пути къ Голгоѳѣ, подъ тяжестію креста, ослабѣлъ столько, что самые безчеловѣчные враги примѣтили опасность, въ коей находилась Его жизнь?—Если крестъ иногда не скоро умерщвлялъ, то должно помнить, кого онъ не скоро умерщвлялъ, и кто были люди, коихъ распинали на крестахъ. Громкія восклицанія распятыхъ не только не показываютъ избытка жизненныхъ силъ, но, по замѣчанію искуснѣйшихъ физіологовъ [1]), суть несомнѣнные признаки наступающей смерти.

Распятые вмѣстѣ съ Господомъ должны были остаться въ живыхъ долѣе, кромѣ многихъ другихъ причинъ, уже потому, что не были подвергнуты бичеванію.

Взглядъ на покаявшагося на крестѣ разбойника.

На трогательномъ поступкѣ разбойника, кающагося и проповѣдующаго со креста покаяніе, охотно останавливается взоръ и успокоивается сердце, страждущее отъ печальнаго зрѣлища страстей и буйнаго неразумія безчеловѣчныхъ враговъ Іисусовыхъ. Іисусъ Христосъ — въ глубочайшемъ уничиженіи: Онъ поруганъ, оклеветанъ, пригвожденъ ко кресту, оставленъ даже тѣми, кои были свидѣтелями великихъ дѣлъ Его; самые ученики и сродники съ трепетомъ взираютъ на крестъ Его — знаменіе проклятія и гнѣва Божія; и вотъ, въ сіи ужасныя минуты, распятый одесную Его преступникъ возносится мыслію превыше всѣхъ соблазновъ, окру-

[1]) Grunerus, filius, in Dissert. de J. morte vera, non syncoptica. 1805. p. 34. Quibus cor ex nimia sanguinis congectione, anxietate ac palpitatione pressum, quibus suffocatio in propinquo est, prae dolore summo, haud raro, magna voce clamitare solent. Grun. p. 37.

жающихъ крестъ Іисусовъ, находитъ болѣе величія въ уничиженіи Праведника, нежели въ постыдномъ торжествѣ первосвященниковъ; вслухъ всѣхъ исповѣдуетъ Его невинность и свое окаянство. Мало сего; вѣра кающагося проникаетъ за предѣлы всего видимаго: Того, Который, подобно ему, терпитъ мученія, находится близъ смерти, онъ признаетъ Господомъ неба и земли, Владыкою рая и ада; не видитъ болѣе креста Іисусова; зритъ одно Его вѣчное царство и молвитъ даровать себѣ въ немъ мѣсто!... Такая вѣра есть подлинно вѣра въ *распятаго Іисуса!*...

Какъ не спросить при семъ: откуда такое величіе духа и такое достоинство въ характерѣ *разбойника?* Кто былъ для него проводникомъ и учителемъ такой мудрости [1])?

Обыкновенно предполагаютъ [2]), что покаявшійся былъ до креста своего разбойникомъ и убійцею, въ собственномъ смыслѣ сихъ словъ, но и въ семъ случаѣ нѣтъ еще необходимости представлять характеръ его совершенно испорченнымъ. Знаемъ ли мы первый поводъ къ преступленіямъ, имъ совершеннымъ,—число ихъ и обстоятельства, при коихъ они совершены? Какъ легко человѣку, и при нехудомъ сердцѣ, впасть иногда въ величайшіе проступки! Чего не можетъ произвести, напр., въ одно мгновеніе сильный гнѣвъ? Какихъ ужасныхъ явленій причиною не бываютъ другія бурныя страсти, которыя, однако же, совмѣщаются иногда съ похвальнымъ въ другихъ отношеніяхъ образомъ мыслей и чувствъ? До чего не въ состояніи были довести покаявшагося, между прочимъ, одни худые сообщники, каковымъ представляется другой распятый, злословившій Господа? Могло статься, что всѣ сіи причины не имѣли вліянія на проступки распятаго, но сколько могло быть другихъ причинъ, коихъ мы не представляемъ, но кои изъяснили бы, какъ онъ подвергся кресту, будучи способнымъ заслужить рай [3])!

Впрочемъ, мы сказали уже, что покаявшійся, по всей вѣроятности, не былъ разбойникомъ въ собственномъ смыслѣ

[1]) Св. Кириллъ Іерусалимскій спрашиваетъ: «Какая сила просвѣтила тебя, о разбойникъ? Кто научилъ тебя воздать поклоненіе всѣми презрѣнному и ко кресту пригвожденному?».. Catech. 13. Также св. Левъ: «Отъ коего наставленія родилась сія вѣра? Какое ученіе произвело ее? Какой проповѣдникъ возбудилъ оную въ сердцѣ?»—Serm. 2. de Passione.

[2]) Henckelius Dissert. de Latrone converso. 1679.

[3]) Niemeyer Characteristik der Bibel.

сего слова, а принадлежалъ къ числу сообщниковъ Вараввы, который, незадолго предъ тѣмъ произвелъ народное возмущеніе, а посему нѣтъ причины предполагать его низкимъ грабителемъ и убійцею. «Тѣмъ хуже, скажетъ кто-либо; возмутитель общественнаго спокойствія стоитъ всякаго грабителя и убійцы».—Такъ! Но должно помнить, что власть Римлянъ надъ Іудеею была власть завоевателей, и притомъ беззаконныхъ, кои дѣйствовали не оружіемъ и побѣдами, а обманомъ и хитростію. При такомъ положеніи вещей, когда притомъ секта зилотовъ и самые фарисеи проповѣдывали, что народъ Божій не долженъ находиться въ рабствѣ у язычниковъ, легко было и доброму человѣку соблазниться истинною или ложною патріотическою ихъ ревностію, и произвесть возмущеніе противъ Римлянъ во имя самого Моисея и Бога Израилева. Исторія Іудейская,— особенно предъ разрушеніемъ Іерусалима, представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ. Вообще, если судить о зилотахъ и сикаріяхъ, не терпѣвшихъ Римскаго владычества, даже по одному описанію Флавія, то надобно предполагать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма много похвальныхъ качествъ. Самъ Апостолъ Павелъ, до обращенія въ христіанство, находился въ тѣсномъ сношеніи съ зилотами; и, не смотря на чистоту своихъ намѣреній и нрава, участвовалъ съ ними въ убійствѣ первомученика Стефана (Дѣян. 7, 58). Примѣръ сей уже достаточно показываетъ, какъ можно быть добрымъ по сердцу и, между тѣмъ, злымъ по дѣламъ! Почему не предположить подобнаго и въ преступникѣ, покаявшемся на крестѣ?....

Сознаніе распятаго, что онъ осужденъ справедливо, не ослабляетъ сего предположенія. Возмутивъ общественное спокойствіе, сдѣлавшись виною убійствъ, онъ дѣйствительно заслужилъ казнь; но сердце его было свободно отъ навыка ко злу, отъ того ожесточенія, которое бываетъ удѣломъ людей, долго жившихъ явными злодѣйствами, привыкшихъ не только попирать права человѣчества, но и поставлять въ томъ свое удовольствіе и честь. Напротивъ обличеніе, сдѣланное покаявшимся своему сообщнику, обнаруживаетъ въ обличающемъ совѣсть чувствительную, сердце не чуждое страха Божія, твердо вѣрящее въ будущія по смерти награды праведныхъ и наказаніе нечестивыхъ.

Для такого человѣка пребываніе въ темницѣ не могло не имѣть полезныхъ слѣдствій. Мечты разсѣялись, совѣсть пробудилась, разсудокъ принялъ свои права, и то, что прежде казалось плодомъ благоразумія или необходимости, представилось слѣдствіемъ страсти и буйства. Зная духъ Римскаго правленія, противнику Римлянъ нельзя было ожидать помилованія; посему дни заключенія были вмѣстѣ днями приготовленія къ смерти: новое побужденіе къ покаянію! Одна мысль о смерти останавливаетъ многихъ на пути беззаконія: чего не можетъ произвести надъ сердцемъ грѣшника самое приближеніе смерти! — Въ сіи минуты и каменныя сердца смягчаются: удивительно ли, если сердце чувствительное сдѣлалось особенно способнымъ къ покаянію?

Съ другой стороны, съ увѣренностію можно утверждать, что покаявшійся, до своего заключенія въ темницу, былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ чудесъ Іисуса Христа, можетъ быть, даже слушателемъ Его и раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими увѣренность, что человѣкъ, такъ учащій и такъ чудодѣйствующій, долженъ быть Посланникъ Божій (это первая мысль, которая сама собою раждается въ умѣ, при слышаніи словъ, произнесенныхъ имъ со креста [1]). Темничное уединеніе посему еще болѣе привело на память бесѣды Іисуса Христа, столь трогательныя для кающихся грѣшниковъ. «Іисусъ проповѣдывалъ свободу, но не одобрялъ возмущеній: Его свобода есть свобода истины и добродѣтели. Ахъ, если бы возможно было теперь слѣдовать сему ученію! по крайней мѣрѣ, еще разъ услышать Божественнаго Учителя! Получить отъ Него прощеніе во грѣхахъ!» Наступаетъ часъ казни;—и раскаявшійся преступникъ внезапно видитъ себя съ Іисусомъ, узнаетъ, что ему и Пророку Галилейскому надлежитъ претерпѣть одну и ту же смерть!... Зрѣлище печальное — видѣть праведника, осужденнаго на поносную казнь, но для кающагося грѣшника нѣкоторымъ образомъ отрадное! — Для кого не отрадно умереть вмѣстѣ съ праведникомъ, вмѣстѣ съ нимъ пройти мраки гроба и явиться къ Судіи Небесному?—И кающееся сердце еще прочнѣе утвер-

[1]) Нѣкоторые изъ отцовъ (Hieron. in 27 Matth. Chrysost. Hom. 2 de cruce et latrone) предполагали даже, что покаяніе разбойника было, между прочимъ, слѣдствіемъ того, что онъ увидѣлъ чудесныя знаменія, какъ-то: землетрясеніе, расторженіе камней и пр. Но знаменія сіи послѣдовали за смертію Іисуса Христа, а покаявшійся принесъ исповѣданіе прежде.

ждается въ святыхъ чувствахъ, еще сильнѣе располагается къ Іисусу. И какъ не расположиться?—Его кроткое спокойствіе и незлобіе, разительныя слова Его къ женамъ и дщерямъ Іерусалимскимъ, великодушіе, съ коимъ отвергнуто питье, омрачающее чувства, чистѣйшая молитва за своихъ распинателей, могли тронуть всякаго, кто имѣлъ слухъ и сердце [1]).

Оставалось препобѣдить одну трудность — признать за Мессію человѣка распятаго, приближающагося къ смерти. Но поелику она препобѣждена, то мы смѣло можемъ предполагать, что покаявшійся былъ и прежде свободнѣе другихъ отъ всеобщаго предразсудка о безсмертіи Мессіи, и имѣлъ какое-либо понятіе о Его страданіяхъ. И почему бы нельзя было сдѣлать такого предположенія? Если исторія не слишкомъ благопріятствуетъ ему, то и не исключаетъ его совершенно [2]). Вскорѣ послѣ временъ Іисуса Христа, уже находимъ у Іудеевъ мнѣніе о двухъ Мессіяхъ, славномъ и страждущемъ, раскрытое во всѣхъ подробностяхъ [3]). Законъ исторической постепенности требуетъ, чтобы начало такого образа мыслей предполагаемо было во временахъ предшествующихъ. И не имѣли-ль Іудеи предъ глазами множества пророчествъ, въ коихъ Мессія описывается страждущимъ и умирающимъ? [4]). Что сіи пророчества начали быть прилагаемы къ Мессіи еще до Іисуса Христа, за сіе ручается уже весь новый завѣтъ. Неоспоримо притомъ, что лучшіе изъ Іудеевъ ожидали отъ Мессіи очищенія грѣховъ народа Божія (Лук. 1, 7; 2, 30); вѣрили, что по сему самому явленіе Его сопряжено будетъ со многими бѣдствіями [5]), что даже Онъ Самъ многими будетъ отвергнутъ (Лук. 2, 34). Но отъ такого образа мыслей далекъ ли переходъ къ мнѣнію, что Мессія для искупленія грѣховъ подвергнется страданіямъ и смерти? Если бы даже совершенно никто изъ Іудеевъ не ожидалъ Мессіи страждущаго, то одинъ Іоаннъ Креститель, изображавшій Іисуса Христа Мессіею и вмѣстѣ *Агнцемъ Божіимъ, вземлющимъ грѣхи міра,* могъ поселить во многихъ

[1]) Θеоф. и Евф. толк. на 27 Матѳ.
[2]) Kuinöl. Comment. in Johan. 1, 29.
[3]) Schotlgenii Hor. Hebr et Talmud.
[4]) Cruger. Comment. de verisimillima oraculi Jes. 56 interpretandi ratione. 1809.
[5]) Schotlgenius in l c.

Іудеяхъ вѣру въ Мессію страждущаго. Сія же вѣра могла возбудиться во многихъ собственными словами Іисуса Христа, Который не разъ всенародно свидѣтельствовалъ, что Сыну Человѣческому надлежитъ пострадать, *дабы войти въ славу Свою*. Вообще надобно предположить, что проповѣдію Іоанна Крестителя и Іисуса Христа предразсудокъ о земномъ царствѣ Мессіи былъ весьма ослабленъ; иначе крестъ Іисусовъ произвелъ бы въ послѣдователяхъ Его гораздо болѣе ужаса и перемѣны, нежели сколько видимъ.

Сообразивъ все сіе, не трудно представить, какимъ образомъ одинъ изъ распятыхъ съ Іисусомъ Христомъ преступниковъ вдругъ содѣлывается, по выраженію отцовъ Церкви, мученикомъ [1]), евангелистомъ [2]) и пророкомъ [3]). Живо чувствуя собственное недостоинство, и готовясь къ смерти, онъ зритъ предъ собою вѣчность и Судію живыхъ и мертвыхъ. Видъ ужасный!—«О, если бы Праведникъ вмѣстѣ со мною страждущій, былъ Мессія? Такъ, это точно Онъ!—Во смиреніи судъ Его взятся; Онъ, какъ овча, веденъ былъ на заколеніе, какъ агнецъ, не отверзалъ устъ Своихъ, — Онъ, Который однимъ словомъ воскрешалъ мертвыхъ!—Напрасно враги вмѣняютъ Его быть *въ трудѣ, въ язвѣ отъ Бога и въ озлобленіи*. Онъ грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ; Онъ мучится за беззаконія наши; *наказаніе міра нашего на Немъ*» (Исаіи 53, 1—50). Мысль — утѣшительная для совѣсти, уязвленной раскаяніемъ; и кающійся грѣшникъ, въ порывѣ святого чувства, спѣшитъ облобызать вѣрою крестъ Того, въ Коемъ онъ видитъ Искупителя и Судію: *Помяни мя, Господи, егда пріидеши во царствіи Твоемъ!*

Впрочемъ, вѣра покаявшагося, во всякомъ случаѣ, достойна удивленія; и кто имѣлъ ее, тотъ достоинъ былъ войти въ рай, вмѣстѣ съ Начальникомъ и Совершителемъ вѣры. Пусть онъ зналъ о ученіи и чудесахъ Іисуса Христа: кто же не зналъ сего изъ тѣхъ людей, кои теперь издѣваются надъ нимъ? Пусть обстоятельства содѣйствовали его обращенію; но другой распятый развѣ не въ подобныхъ находился обстоятельствахъ? Однако же мы видимъ въ немъ человѣка нераскаяннаго. Покаявшійся сдѣлалъ то, чего на

[1]) Cyprian. Epistol. ad Fabian.
[2]) Athanasius in Serm. in Parasceve
[3]) Chrysost. sermo in Parasceve.

его мѣстѣ, можетъ быть, не сдѣлали бы многіе и многіе... «У него, разсуждаетъ Григорій Великій [1]), оставались только сердце и уста свободны; и онъ принесъ Богу въ даръ все, что̀ имѣлъ: *сердцемъ увѣровалъ въ правду, а устами исповѣдалъ во спасеніе*».—«Не знаю, признается блаж. Августинъ [2]), чего бы не доставало сей вѣрѣ: подлинно, Іисусъ Христосъ не нашелъ подобной въ цѣломъ народѣ Іудейскомъ, даже въ цѣломъ мірѣ». Св. Златоустъ замѣтилъ еще въ покаявшемся высокую черту любви къ ближнимъ, которая побудила его прежде пещись о спасеніи своего сообщника, а потомъ уже просить Господа и о себѣ.

Тѣмъ непростительнѣе, когда грѣшники, злоупотребляя примѣромъ покаявшагося на крестѣ разбойника, воображаютъ, что, проведши всю жизнь во грѣхахъ, они предъ самою смертію успѣютъ исправиться и минутнымъ покаяніемъ заслужить цѣлую вѣчность блаженства. Не отвергая той утѣшительной, вытекающей изъ сущности христіанства, истины, что самое позднее раскаяніе, по силѣ вѣры въ заслуги Искупителя, можетъ быть дѣйствительно, не отвергая, говорю, сей истины, которая впрочемъ, по самому духу христіанской религіи, требуетъ многихъ ограниченій, и коея дѣйствительное событіе надъ грѣшниками извѣстно только одному Богу,—должно сказать, что примѣръ разбойника, покаявшагося на крестѣ, по самому существу своему, не менѣе способенъ возбудить страхъ, какъ и надежду. Чтобы прилагать къ себѣ сей примѣръ, надобно вообразить себя находящимся въ ужасномъ положеніи покаявшагося и между тѣмъ имѣющимъ такую вѣру, какой, по словамъ Августина, не нашлось въ цѣломъ мірѣ. Послѣ сего каждый почувствуетъ, чего стоитъ рай, даруемый, по видимому, за одно слово!

Подобнымъ образомъ разсуждалъ о покаявшемся на крестѣ разбойникѣ и святой Димитрій Ростовскій, предполагая, что онъ помилованъ, между прочимъ, за прежнія нѣкоторыя добрыя качества и дѣла его, и что посему грѣшники не должны злоупотреблять примѣромъ сего разбойника, отлагая свое покаяніе до смерти. «*Не вси,* пишетъ святитель, *то* (прощеніе грѣховъ) *получаютъ, и не мнози, но мало нѣкто, нѣцыи токмо, развѣ тыи, иже въ житіи своемъ, аще и грѣши-*

[1]) Moral. cap. 13.
[2]) Serm. de feria 3. Paschat., также L. 1. de anima et eius origine. cap. 9

номъ, имѣяху нѣкая добрая дѣла, достойная отъ Господа воспоминовенія и милосердія, якоже и о разбойникѣ повѣствуется: егда бо пречистая Мати Божія съ Сыномъ своимъ и со святымъ Іосифомъ обручникомъ, бѣжащи отъ Ирода, грядяше въ Египетъ, нѣгдѣ въ пустыхъ мѣстахъ нападоша на нихъ разбойницы и хотяху отняти осла, на немъ же малая нѣкая своя потребная несяху, иногда же Мати со Отрочатемъ везящеся: единъ убо отъ разбойникъ тѣхъ, видѣвъ Отроча зѣло красное, и удивився красотѣ необычной, рече: аще бы Богъ принялъ на Ся тѣло человѣческое, не бы былъ краснѣйшій паче Отрочате сего: то рекъ, воспрети другомъ своимъ озлобити сихъ путниковъ. Той разбойникъ потомъ распятъ съ Господомъ нашимъ. Се слыши ты, каковымъ подается при кончинѣ покаяніе и прощеніе!» [1]).

Чудесныя знаменія съ ихъ послѣдствіями.

(Землетрясеніе и его обширность.—Раздраніе завѣсы въ храмѣ и его знаменованіе.—Воскресеніе мертвыхъ.—Кто возстали и когда?—Выразительность знаменій и ихъ нравственное значеніе.—Перемѣна образа мыслей объ Іисусѣ Христѣ въ неблагорасположенныхъ дотолѣ Іудеяхъ.—Вѣра и исповѣданіе сотника.—Ожесточеніе первосвященниковъ.—Откуда оно и до чего простиралось?)

Доколѣ Богочеловѣкъ оставался въ живыхъ, природа какъ бы не хотѣла возмущать послѣднихъ минутъ Его необыкновенными явленіями, и страдала съ Господомъ своимъ безмолвно: одно только солнце, по выраженію Златоуста [2]), не могло освѣщать позорище безчеловѣчія. Но едва Господь предалъ духъ Свой въ руки Отца, открылся рядъ знаменій, которыя всему міру показали, что одинъ изъ крестовъ, стоящихъ теперь на Голгоѳѣ, несравненно святѣе храма Іерусалимскаго.

Первымъ знаменіемъ было [3]) землетрясеніе, столь сильное, что многія изъ каменныхъ скалъ, коими наполнена Іудея [4]), разсѣлись и гробницы, въ нихъ заключавшіяся,

[1]) Соч. св. Димитрія, част. 2, 1818 г., стр. 421—2).

[2]) Homil. in Pass. Domini.

[3]) Ев. Лука слѣдуетъ другому порядку при повѣствованіи о сихъ событіяхъ Онъ говоритъ о нихъ прежде, нежели о смерти Іисуса Христа, и не раздѣляетъ по времени землетрясенія и прочихъ знаменій отъ помраченія солнца. Здѣсь исторія излагается по сказанію Матѳея и Марка, потому что а) они говорятъ раздѣльнѣе о семъ предметѣ, b) Ев. Лука часто совокупляетъ въ одно время событія разновременныя. August. de consens. Evang. l. 3. c. 13.

[4]) Strabo 4. p. 751. Michael in Anmerkung. ad Matth. 27, 60.

открылись, какъ бы для принятія силы Того, Коего не могъ ограничивать Его собственный гробъ... Явленія сего, нѣкоторымъ образомъ, надлежало уже ожидать послѣ необыкновеннаго помраченія воздуха, съ коимъ оно состояло, повидимому, въ связи; тѣмъ не менѣе оно служило разительнымъ свидѣтельствомъ самого неба о невинности и божественномъ достоинствѣ распятаго Іисуса. Если Господь творитъ ангелами и слугами Своими естественныя силы природы, то онѣ, при всей ограниченности своей, суть тогда непосредственные провозвѣстники воли и славы Божіей, и смертные должны внимать вѣщанію ихъ, какъ гласу Самого Бога. Только великій Правитель міра, повелѣвающій *землѣ трястися,* могъ повелѣть ей сотрястись въ ту самую минуту, когда Іисусъ Христосъ предавалъ духъ Свой.

Страшное, само по себѣ, землетрясеніе было еще страшнѣе, если подземные удары (какъ должно предполагать) послѣдовали вдругъ за смертію Іисуса Христа. Заколебавшіеся отъ землетрясенія кресты должны представлять въ это время самое разительное зрѣлище: издали могло казаться, что распятые силятся сойти со крестовъ.

Кириллъ Іерусалимскій, спустя три вѣка, вслухъ всѣхъ христіанъ Іерусалимскихъ говорилъ, что на скалахъ, окружающихъ Голгоѳу, сохранились еще разсѣлины, произведенныя землетрясеніемъ во время страданій Христовыхъ [1]). И Флавій разсказываетъ [2]) объ одномъ землетрясеніи въ Іудеѣ, совпадающемъ по времени съ описываемымъ нами, которое, по словамъ его, произвело великія опустошенія.

Непобѣдимая сила креста не остановилась на трепещущей землѣ, проникла въ храмъ Іерусалимскій и произвела явленіе, изъ коего *для имѣющихъ очи видѣть* весьма ясно открывалось, что Мессія, ожидаемый народомъ Іудейскимъ, уже пришелъ. Внутренняя завѣса храма [3]), отдѣлявшая Святое Святыхъ отъ Святилища, внезапно расторглась те-

[1]) Kathech. 13.

[2]) De Bell. L. 1. c. 19. § 3. 4.

[3]) Въ храмѣ было двѣ завѣсы: одна, здѣсь упоминаемая; другая, отдѣлявшая внѣшнюю часть, или преддверіе отъ *Святого.* Евангелистъ не означаетъ, какая именно завѣса расторглась. Но, поелику у Моисея внутренняя завѣса постоянно называется *парохетъ*, а внѣшняя *масахъ*, и 70 толковниковъ первое слово постоянно переводили καταπετάσμα, а послѣднее κολύμμα,—какое различіе въ сихъ словахъ наблюдалось и писателями Іудейскими (Phil. de vit. Mos. 2. p. 667. Ioseph. Antiq. 5. 5. 4): то нѣтъ сомнѣнія, что и у Евангелиста καταπετάσμα означаетъ завѣсу внутреннюю (Conf. Bynaeus).

перь съ верхняго края до самаго низу (такъ что ковчегъ завѣта, херувимы и прочія св. вещи, хранившіяся во Святомъ Святыхъ, коихъ никому не позволено было видѣть подъ опасеніемъ смерти, теперь, по необходимости, были видимы для каждаго, находившагося въ храмѣ, священника).

Чтобы вполнѣ понять внутреннее отношеніе сего событія къ смерти Мессіи и то дѣйствіе, которое оно могло имѣть на умы Іудеевъ, должно привести на память составъ храма Іерусалимскаго, образъ мыслей Іудеевъ о храмѣ и Мессіи, и вообще духъ религіи Моисеевой.

Святое Святыхъ было послѣднею изъ трехъ частей храма, неприступною для самыхъ священниковъ, коимъ позволялось входить только во *Святое* (вторую часть) и, въ мнѣніи Іудеевъ, означало небо, гдѣ обитаетъ Самъ Богъ. Завѣса, отдѣлявшая Святое Святыхъ, состоя изъ ткани всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, по сказанію Флавія [1]), изображала собою весь міръ и поднималась для одного первосвященника не болѣе, какъ однажды въ годъ, въ *день очищенія,* когда онъ съ кровію тельца, закланнаго за грѣхи всего народа, являлся самому лицу Божію (Евр. 9, 7). Надъ ковчегомъ завѣта предполагалось невидимое обитаніе Іеговы, Который, какъ Царь народа Еврейскаго, избраннаго Имъ въ особенное достояніе, открывалъ иногда съ его мѣста волю Свою. Въ семъ отдѣленіи храма вовсе не было свѣта: символъ непостижимости Іеговы, Который еще Моисею сказалъ, что человѣкъ не можетъ видѣть лица Его, не подвергаясь смерти (Исх. 33, 20). Посему-то входъ во Святое Святыхъ, исключая первосвященниковъ, возбраненъ былъ всякому, подъ опасеніемъ смертной казни [2]).

Съ другой стороны, Іудеи ожидали, что Мессія искупитъ народъ Израильскій отъ всѣхъ грѣховъ, такъ что не нужно болѣе будетъ никакихъ жертвъ (Лук. 1, 76—77). почему, кромѣ другихъ именъ, и называли Его великимъ первосвященникомъ [3]). Вѣрили также, что Мессія *откроетъ лице Іеговы:* объяснитъ всѣ сомнѣнія касательно религіи, устано-

---

[1]) Flav. Antiq. L. 3. c. 5 и 8.

[2]) Вообще можно полагать, что таинственное знаменованіе скиніи, изображенное Ап. Павломъ въ посланіи къ Евреямъ, предварительно было извѣстно Евреямъ хотя не вполнѣ.

[3]) Такъ называется Мессія у Филона. V. Berthold in Christologia judaeorum, Jesu Apostolorumque aetate. Eisenmenger.

вить новое, лучшее богослуженіе; что устроеніе храма при семъ или перемѣнится, или вовсе уничтожится; ибо Онъ Самъ будетъ *вмѣсто храма,* а *плоть* Его вмѣсто *завѣсы.*

Итакъ раздранная рукою Самого Бога завѣса и открытое Его невидимою силою Святое Святыхъ являли всѣмъ, особенно священникамъ, что Богъ не благоволитъ болѣе *обитать во мглѣ* (Евр. 8, 5—6), не хочетъ уже быть чтимымъ такъ, какъ Его чтили дотолѣ — кровію козловъ и тельцовъ (Евр. 10, 4. 5. 7), что истинная, единая жертва — Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, принесена уже на Голгоѳѣ за весь міръ; вслѣдствіе чего неприступный престолъ страшнаго Іеговы долженъ сдѣлаться престоломъ благодати, приступнымъ для всякаго (Евр. 10, 29; 7, 19—20).

Священники, находившіеся тогда въ храмѣ на чредѣ служенія, должны были придти внѣ себя при семъ безпримѣрномъ для нихъ явленіи. Раздранная завѣса, безъ сомнѣнія, была вскорѣ замѣнена новою, и народъ не видалъ сего явленія; но слухъ о немъ не могъ остаться въ кругу однихъ служителей храма, распространился, безъ сомнѣнія, въ народѣ, производя благопріятное расположеніе въ пользу христіанства.

Что касается до способа, коимъ раздралась завѣса, то нѣтъ нужды допускать здѣсь особаго чуда. Когда, дѣйствіемъ всемогущества Божія, тряслась вся земля и расторгались каменныя скалы, то вмѣстѣ съ симъ удобнѣе могла раздраться завѣса, которая, вслѣдствіе строгаго закона о неприступности Святаго Святыхъ, со всѣхъ сторонъ была плотно прикрѣплена ко входу, ею закрываемому. По свидѣтельству Іеронима [1]), въ евангеліи къ Евреямъ (до насъ недошедшемъ), было написано, что самый сводъ Святаго Святыхъ, къ коему привѣшивалась завѣса, разсѣлся на двѣ части. Сказаніе сіе, весьма сообразное съ обстоятельствами землетрясенія, еще болѣе объясняетъ, какъ разорвалась завѣса.

Наконецъ, дѣйствіе естественнаго, повидимому, землетрясенія простерлось далѣе предѣловъ естества, какъ бы для того, чтобы невѣріе,—Іудейское ли оно или христіан-

[1]) Comment. ad Matth. 27, 51. «In Evangelio, cujus saepius mentionem ecimus, superliminare templi, infinitae magnitudinis, fractum atque divisum esse legimus».

ское,—лишено было всѣхъ возможныхъ причинъ предполагать, что необыкновенныя знаменія сами собою стеклись и окружили крестъ Іисуса. Мы разумѣемъ воскресеніе мертвыхъ, коимъ, по свидѣтельству Евангелиста Матѳея, заключился рядъ чудесныхъ знаменій Голгоѳскихъ. Чѣмъ необыкновеннѣе сіе событіе, тѣмъ болѣе хотѣлось бы нѣкоторымъ знать его во всѣхъ подробностяхъ; но откровеніе, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, не удовлетворяетъ любопытству. Посему намъ остается только привести нѣсколько сказаній о семъ событіи древнихъ учителей Церкви. Но прежде повторимъ слова самого Евангелиста:

И гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа: и изшедше изъ гробъ, по воскресеніи Его (Іисуса Христа), *внидоша во святый градъ и явишася многимъ* (Матѳ. 27, 52—53).

Кто сіи воскресшіе и сколько ихъ?

Изъ словъ св. Матѳея видно только, что ихъ было много и что всѣ они были—святые; а кто именно и сколько—не видно. Посему одни изъ древнихъ учителей полагали, что въ сіе время воскресли многіе патріархи и пророки; особенно тѣ, кои находились въ родственномъ союзѣ съ Іисусомъ Христомъ, какъ: Авраамъ, Давидъ; или служили прообразованіемъ Его лица, какъ Іовъ, Мельхиседекъ [1]) и другіе. Другіе, имѣя въ виду, что давно умершимъ трудно быть узнанными, думали [2]), что воскресшіе теперь святые принадлежали къ числу недавно умершихъ, каковы были Симеонъ Богопріимецъ, Анна Пророчица, Іосифъ Обрученникъ и проч. Можно присовокупить къ сему, что воскресли одни тѣ, кои погребены были въ окрестностяхъ Іерусалима; ибо древнѣйшее и постоянное преданіе говоритъ [3]), что скалы (въ коихъ находились гробы) распались только около Іерусалима. Такъ называемое евангеліе Никодимово рѣшительно указываетъ въ семъ случаѣ на воскресеніе двухъ сыновъ Симеона Богопріимца.

Когда послѣдовало воскресеніе святыхъ?

И здѣсь одни изъ древнихъ вѣрили [4]), что они воскресли

[1]) Conf. Cornel. a lapide in Matth. 27, 53.
[2]) Epiphan. in Anchor. c. 102.
[3]) Cyrill. Hier Catech. 13. Orig. in Matth. 27.
[4]) Hieron. in Matth. 27. Quanquam in obitu Christi monumenta patuerint, tamen non ante surrexerrunt, quam Dominus surgeret, ut esset primo genitus resurrectionis ex mortuis. Orig. in Matth. 27.

вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ, Который, по смерти Своей, сошедъ во адъ, извелъ ихъ оттуда съ Собою. Главною основою сего вѣрованія, кромѣ ихъ образа мыслей о сошествіи Іисуса Христа во адъ и самомъ адѣ, служили слова Апостола: *Иже* (Христосъ) *есть начатокъ, первороженъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ Той первенствуя* (Кол. 1, 18). Но большая часть отцовъ Церкви всегда принимала [1]), что воскресеніе святыхъ послѣдовало непосредственно за смертію Іисуса Христа. Такое мнѣніе гораздо согласнѣе съ словами Евангелиста, который ни мало не отдѣляетъ по времени сего событія отъ землетрясенія и расторженія завѣсы. Вышеприведенныя слова Апостола не противорѣчатъ ему; иначе они противорѣчили бы воскресенію всѣхъ людей, кои чуднымъ образомъ возстали изъ мертвыхъ до воскресенія Христова, или взяты на небо, подобно Иліи и Еноху [2]).

Прочіе вопросы—касательно явленія святыхъ во Іерусалимѣ, лицъ, коимъ они являлись, ихъ послѣдующей жизни и проч.—срѣтятъ насъ въ исторіи воскресенія Іисуса Христа, къ которой они существенно и принадлежатъ. Вмѣсто того, чтобы предаваться любопытству, гораздо полезнѣе обратить вниманіе на то, какъ величественны знаменія, возвѣстившія смерть Богочеловѣка, какъ сообразны они съ достоинствомъ Сына Божія, съ цѣлію Его пришествія въ міръ, съ духомъ религіи, Имъ проповѣданной.

Всѣми оставленный, поруганный, изъязвленный, умирающій на крестѣ посреди злодѣевъ, Страдалецъ есть единородный Сынъ Отца, Слово, Которымъ все сотворено и все содержится, Богъ неба и земли, видимыхъ и невидимыхъ; и вотъ, умирающій гласъ Его сотрясаетъ небо и землю, вся природа свидѣтельствуетъ Ему покорность, яко Владыкѣ, признаетъ торжественно Господомъ своимъ и на крестѣ!..

Умирающій среди поношеній и мукъ, Страдалецъ есть великій Ходатай Бога и человѣковъ, Который, принявъ на Себя грѣхи всего рода человѣческаго, долженъ не съ кровію (Евр. 9, 8—12) козловъ и тельцовъ, но съ Своею собственною единожды войти во святилище, дабы предстать лицу Божію (Евр. 9, 24), и потомъ, упразднивъ Своимъ

[1]) Chrys. Theoph. Euthym. in Matth. 27.
[2]) Calmeti Dissert. de Resurrectione Patrum, qui temp. Chr. redierunt ad vitam. Conf. Berthold de Christologia judaeorum, Iesu Apostolorumque aetate. 1811. § 35. p. 176.

жертвоприношеніемъ всѣ жертвы, оставить послѣ Себя отверстымъ для всякаго неприступный дотолѣ путь къ престолу благодати (Евр. 10, 19): и вотъ, когда принесена жертва Голгоѳская,—храмъ Іерусалимскій — скинія ветхаго завѣта, долженствовавшая стоять, доколѣ не придетъ Ходатай завѣта новаго (Евр. 9, 10), колеблется теперь въ своемъ основаніи, *означая премѣненіе колеблемаго такъ, какъ уже совершившагося* (Евр. 12, 27); завѣса, сокрывающая Святое Святыхъ, расторгается съ верху до низу; престолъ Іеговы выходитъ изъ мрака, его окружавшаго,—да вѣдаютъ *священники по чину Аароновy*, да вѣдаетъ весь народъ Израильскій, что *Первосвященникъ по чину Мелхиседекову* уже пришелъ и принесъ Свою жертву, что наступило время новаго завѣта сынамъ Израилевымъ, который долженъ быть начертанъ не на скрижаляхъ, а на сердцахъ (Евр. 8, 10; 10, 16).

Умирающій на крестѣ Страдалецъ есть воскресеніе и животъ всѣхъ вѣрующихъ во имя Его; Онъ для того и вкусилъ смерть, дабы смертію Своею разрушить *державу смерти и избавить тѣхъ*, кои *изъ страха смерти, чрезъ всю жизнь были подвержены рабству* (Евр. 2, 14—15): и вотъ, едва Іисусъ Христосъ вступилъ въ область смерти, держава ея начинаетъ разрушаться, гробы отверзаются, тѣла усопшихъ возстаютъ и возстаніемъ своимъ увѣряютъ, что Іисусу Христу дана всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ (Матѳ. 28, 18), что Онъ имѣетъ *ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18) и что непремѣнно наступитъ нѣкогда тотъ день, когда всѣ, находящіеся во гробахъ, услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ (Іоан. 5, 25). Явленіе воскресшихъ въ Іерусалимѣ долженствовало убѣдить каждаго, что саддукеи, кои тогда весьма усилились съ своимъ безотраднымъ ученіемъ, прельщаютъ и прельщаются, *глаголюще не быти воскресенію* (Дѣян. 23, 8).

Умирающій Іисусъ есть Основатель и Глава новаго завѣта благодати, въ коемъ нѣтъ уже грѣха, побѣждающаго человѣколюбіе, въ коемъ гдѣ *умножается грѣхъ*, тамъ *преизбыточествуетъ благодать* (Рим. 5, 20), въ коемъ Сынъ Божій является не Судіею только міра, но и его Спасителемъ: и какъ кротки знаменія, стекшіяся вокругъ креста Іисуса-Спасителя! Небо помрачается, но не дождитъ огня и жупела на Іерусалимъ невѣрный, какъ одождило нѣкогда на грады,

преогорчившіе Бога; земля сотрясается, но убійцы Іисуса стоятъ на ней съ такою же безопасностію, какъ и плачущіе друзья Его. Самые гробы отверзаются не для того, чтобы поглотить живыми гонителей Сына Божія, достойныхъ смерти вѣчной; изъ нихъ возстаютъ сонмы праведныхъ, дабы своимъ явленіемъ проповѣдать Іерусалиму покаяніе и вѣру въ Мессію, имъ отверженнаго.

Не таковы были знаменія ветхаго завѣта. Тамъ малыя дѣти посмѣваются надъ естественнымъ недостаткомъ престарѣлаго пророка: и внезапно выходитъ изъ пустыни медвѣдица и растерзываетъ проклятыхъ пророкомъ дѣтей на части (4 Цар. 2, 24). Тамъ два сына Аароновы приносятъ, вмѣсто святилищнаго, чуждый огонь на жертвенникъ: и сами немедленно поѣдаются огнемъ небеснымъ, и родителю воспрещается даже скорбѣть о ихъ казни (Числ. 3, 25). Тамъ презрители лица Моисея, по выраженію Апостола, только вѣрнаго раба въ дому Божіемъ (Евр. 3, 5), нисходятъ живые во адъ (Числ. 16, 30). Здѣсь презрители, убійцы единороднаго Сына Божія остаются живы.

Таковы знаменія Бога-Искупителя! Таковъ благотворный духъ религіи Іисуса, непознанный до времени еще самыми Апостолами (Іоан. 14, 9)! Такова жертва любви, предъ коею не вспоминаются неправды человѣческія (Іерем. 31, 31—34; Евр. 8, 12).

Примѣръ трепещущихъ тварей не остался совершенно безъ дѣйствія и для разумныхъ существъ. Многіе изъ Іудеевъ, бывшихъ на Голгоѳѣ, видя страшныя знаменія, поражены были недоумѣніемъ и ужасомъ. Вмѣсто злословія и клеветы, вокругъ креста почившаго Іисуса воцарились безмолвіе и тишина. Тамъ и здѣсь видны были люди, съ поникшими главами возвращающіеся въ городъ. Болѣе чувствительные плакали и били себя въ перси (Лук. 23, 48). Мнѣніе, что распятый Іисусъ есть Сынъ Божій, снова начало пробуждаться во всей силѣ. Теперь отъ сердца многіе, даже изъ злословившихъ, сказали бы: «сниди со креста; мы вѣруемъ въ Тебя», но *левъ отъ Іуды* уже почилъ; и кто возбудитъ его?...

И Римскіе воины увидѣли теперь, что Тотъ, Коего они охраняютъ мертвое тѣло, едва ли не выше всѣхъ божествъ

ихъ. Они не знали Бога Израилева; но Богъ всея природы, по манію Коего колебалась теперь земля, извѣстенъ всякому. Стоя на трепещущей Голгоѳѣ и сознавая себя виновными предъ умершимъ Праведникомъ, стражи отъ сильнаго страха не знали, что̀ предпринять, но единодушно говорили, что распятый Страдалецъ долженъ быть *Сынъ Божій* (Матѳ. 17, 54).

Особенно пораженъ былъ благоговѣніемъ и удивленіемъ Римскій сотникъ, начальствовавшій надъ стражею. Вниманіе къ Іисусу Христу возбудилось въ немъ еще прежде (Марк. 15 39) страшныхъ знаменій, вѣроятно, отзывомъ прокуратора о Его невинности и разительными словами, сказанными Господомъ на пути къ Голгоѳѣ и со креста. Если онъ не воспретилъ своимъ воинамъ глумиться вмѣстѣ съ первосвященниками, то самъ не участвовалъ въ насмѣшкахъ. По замѣчанію Евангелиста Марка (15, 39), сотникъ стоялъ прямо противъ креста, когда Іисусъ Христосъ предалъ духъ, наблюдая, вѣроятно, не только за послѣдними словами, но и за выраженіемъ лица Богочеловѣка. Уже громкія восклицанія Іисуса предъ смертію казались ему весьма удивительными. Заключая изъ нихъ объ избыткѣ въ Немъ тѣлесныхъ силъ, онъ не иначе изъяснялъ себѣ скорую, за тѣмъ послѣдовавшую, смерть Его, какъ слѣдствіемъ благоволенія боговъ, восхотѣвшихъ прекратить страданія своего любимца. Наконецъ, страшное землетрясеніе, разсыпавъ остающіяся въ душѣ сотника сомнѣнія, обнаружило вѣру его во всей полнотѣ и силѣ. Признавая вмѣстѣ съ прочими воинами, что Іисусъ есть *Сынъ Божій,* онъ не остановился на семъ хладномъ признаніи, но вслухъ всѣхъ *прославилъ* Бога (Марк. 15, 39), Который такъ грозно являлъ теперь смертнымъ, что рано или поздно Онъ награждаетъ добродѣтель и наказуетъ зло, попускаетъ иногда страданія на праведныхъ, даже смерть, но и въ самой смерти показуетъ, что *упованіе ихъ исполнено безсмертія* (Прем. 3, 4).

Непосредственный переходъ сей отъ страха и удивленія къ прославленію Бога служитъ доказательствомъ, что характеръ сотника и прежде отличался набожностію и что онъ, по образу мыслей своихъ, достоинъ былъ чести стоять на стражѣ у креста Христова. Нѣтъ сомнѣнія, что слова: «Сынъ Божій» — въ устахъ его, теперь имѣли значеніе не выше

того, какое давалъ имъ Пилатъ [1]); но древнее преданіе утверждаетъ, что Лонгинъ (имя сотника) узналъ впослѣдствіи въ Іисусѣ истиннаго Сына Божія, и своею кровію засвидѣтельствовалъ твердость исповѣданія, произнесеннаго имъ на Голгоѳѣ. Церковь ублажаетъ страданія его 16 октября [2]).

Исповѣданіемъ сотника окончилось видимое дѣйствіе страшныхъ знаменій на сердца людей, окружающихъ крестъ Іисуса.

Но неужели сіи чудесныя явленія не произвели никакого дѣйствія въ умѣ первосвященниковъ и старѣйшинъ Іудейскихъ,—тѣхъ людей, кои, можно сказать, были ихъ главною причиною, вознесши, въ безуміи своемъ, на крестъ Господа славы?

Къ сожалѣнію, на сей важный вопросъ нельзя не отвѣчать отрицательно. Въ то время, какъ помрачалось небо, тряслась земля, распадались каменныя скалы, отверзались гроба и возставали мертвые, въ то самое время первосвященники помышляли о приличіи праздника, требовавшемъ, чтобы тѣла распятыхъ не оставались долго предъ лицомъ торжествующаго Іерусалима!—о средствахъ, какъ сократить жизнь несчастныхъ! о новомъ посрамленіи Іисуса, намѣреваясь предать тѣло Его землѣ вмѣстѣ съ тѣлами злодѣевъ!—Явленіе ужасное для сердца, любящаго человѣчество, нежелающаго видѣть между людьми изверговъ, достойныхъ ада!

«Такова, восклицаетъ при семъ святой Златоустъ,—сила зависти! Враги Іисуса Христа единожды и навсегда обрекли себя на всѣ злодѣянія» [3]). Но не одна зависть обладала сердцами первосвященниковъ и книжниковъ: обладала и суевѣрная приверженность къ преданіямъ старцевъ, къ своимъ мнѣніямъ, кои, какъ зловредныя, постоянно были отвергаемы Іисусомъ Христомъ; обладало алчное корыстолюбіе, соединенное съ притѣсненіемъ ближнихъ, Имъ нерѣдко обличаемое; обладали личная ненависть и злоба, столько разъ раздражаемыя; обладалъ наконецъ стыдъ—явиться предъ всѣмъ народомъ Іудейскимъ убійцами Мессіи или, по крайней мѣрѣ, пророка. Столько демоновъ (ибо такъ по справедли-

[1]) «Нѣкоторые повѣствуютъ, что сотникъ сей, утвердившись въ вѣрѣ, претерпѣлъ впослѣдствіи мученія за Христа». Злат. Бесѣд. на Матѳ. 27.

[2]) Tillemont. Memoires etc. t. I, p. 81 и 251. Чет. Мин. на 16 окт. Cornel. a lap. in Matth 27, 54, гдѣ можно видѣть и другое мнѣніе.

[3]) Hom. in Matth.

вости называются страсти отъ святыхъ отцовъ)—до какой слѣпоты и ожесточенія не могли довести сердца, и безъ того давно ожестѣлыя, хладныя къ истинѣ и добродѣтели, преданныя фанатизму, или чувственности, привыкшія самую религію употреблять въ орудіе страстей, самыхъ низкихъ! Фараонъ, Даѳанъ и Авиронъ уже давно представили собою примѣръ ослѣпленія и упорства, видимыхъ теперь въ старѣйшинахъ Іудейскихъ.—Злое сердце всегда неистощимо въ возраженіяхъ противъ самыхъ очевидныхъ истинъ, когда онѣ для него нестерпимы. А что могло быть нестерпимѣе для гонителей Іисусовыхъ Его Божественнаго достоинства?—Въ умѣ книжниковъ и фарисеевъ былъ уже гибельный запасъ возраженій противъ Іисуса Христа; сіи же самыя возраженія могли они употребить и противъ чудесъ бывшихъ ради Іисуса Христа. Ничто не препятствовало грубымъ изувѣрамъ думать и говорить, что настоящія знаменія суть если не приключенія естественныя, то дѣйствіе темныхъ силъ, кои огорчены потерею своего наперсника, какимъ злоба ихъ давно изображала Іисуса (Марк. 3, 22; Матѳ. 9, 34; Лук. 11, 15). На саддукеевъ, отвергавшихъ бытіе духовъ и безсмертіе, настоящія знаменія могли не оказывать особеннаго дѣйствія уже потому, что Іисусъ Христосъ умеръ: ибо, по ихъ ученію, смертію человѣка все оканчивалось.—Знаменія не произвели никакой видимой перемѣны въ судьбѣ Іисуса Христа: Его тѣло оставалось спокойно на крестѣ, язвы были открыты; оно предоставлено было всѣмъ поруганіямъ. «Явный знакъ, могли толковать книжники, что помраченіе солнца и землетрясеніе не имѣютъ отношенія къ смерти Іисуса». При томъ, между знаменіями не было ни одного, которое причинило бы гибель кому-либо изъ враговъ Іисусовыхъ: они всѣ оставались живы, невредимы, неприкосновенны,—еще явнѣйшій признакъ для сердецъ грубыхъ, что это—знаменія не божественныя, не ради Іисуса; потому что, приводя на память событія своей исторіи, они видѣли, что люди, раздражавшіе Бога, немедленно были поражаемы смертію. Что всемогущество Божіе щадитъ ихъ теперь, оставляя имъ время покаянія, что Мессіи-Искупителю не свойственно отмщать личнымъ врагамъ Своимъ казнію: мысли сіи были выше Каіафы, который могъ сребренниками купить достоин-

ство первосвященника, но не могъ стяжать куплею истиннаго познанія о Богѣ и Его совершенствахъ, о Мессіи и великой цѣли Его пришествія въ міръ. Не должно забывать и того, что самое разительное изъ знаменій, послѣдовавшихъ за смертію Іисуса Христа—воскресеніе мертвыхъ теперь еще не было извѣстно.

Если бы, не смотря на высказанное, ожесточеніе первосвященниковъ показалось кому-либо неизъяснимымъ, то должно вспомнить, что исторія, не имѣя возможности проникать въ сердце, судитъ о человѣкѣ по дѣяніямъ; а дѣянія не всегда бываютъ согласны съ сердцемъ, по крайней мѣрѣ, часто не выражаютъ съ точностію состоянія сердца человѣка дѣйствующаго. Многіе изъ враговъ Іисуса уничиженнаго останутся до времени врагами Іисуса прославленнаго; въ ихъ открытыхъ дѣйствіяхъ не произойдетъ еще видимой перемѣны; но изъ сего нельзя заключать, чтобы не произошло никакой перемѣны въ ихъ сердцѣ. Положимъ, что сердце самого Каіафы сильно тронулось мыслію: не отъ Бога ли знаменія, бывшія на Голгоѳѣ?—Если не произошло совершенной перемѣны въ образѣ его мыслей, то одна хитрость заставитъ надменнаго, преданнаго плотоугодію саддукея (Дѣян. 5, 17), не обнаруживать своихъ сомнѣній, продолжать, хотя съ насиліемъ совѣсти, дѣло, однажды съ такою торжественностію принятое, слѣдовать, волею или неволею, теченію обстоятельствъ. По вознесеніи Господа на небо, сама исторія представляетъ значительную перемѣну въ поступкахъ первосвященниковъ въ отношеніи къ христіанству: они являются уже менѣе жестокими къ Апостоламъ, не такъ рѣшительны въ мѣрахъ къ преслѣдованію христіанъ. Весьма вѣроятно, что таковой перемѣнѣ въ поступкахъ (хотя все еще двусмысленной) давно предшествовала нѣкоторая перемѣна въ мысляхъ. Вскорѣ также по вознесеніи Господа находимъ, что весьма многіе изъ самыхъ священниковъ Іудейскихъ обращаются къ христіанству (Дѣян. 6, 7); между тѣмъ какъ извѣстно, что сословіе священниковъ особенно преслѣдовало Іисуса Христа: что заставило сихъ людей увѣровать въ Распятаго? Вѣроятно, не одно извѣстіе о воскресеніи Іисуса, а и страшныя знаменія, коихъ они были свидѣтелями.

Послѣднія событія при крестѣ Іисусовѣ.

(Первосвященники просятъ Пилата о сокращеніи жизни распятыхъ—по причинѣ наступающей субботы.—Перебитіе голеней распятымъ.—Іисусу Христу не перебиваются голени по причинѣ Его смерти.—Одинъ изъ воиновъ прободаетъ Его ребро.—Истеченіе крови и воды.—Свидѣтельство о семъ св. Іоанна.—Для чего оно особенно выразительно.—Исполненіе въ семъ событіи двухъ пророчествъ.)

Между тѣмъ какъ одни болѣе или менѣе раскаивались, другіе упорствовали,—страшный день приближался къ вечеру, который, будучи важенъ уже потому, что былъ окончаніемъ перваго дня Пасхи, дѣлался еще священнѣе отъ того, что имъ предначиналась суббота, по выраженію Евреевъ, царица праздниковъ (Іоан. 19, 31). Для многочисленнаго, празднующаго народа, который имѣлъ обыкновеніе прохаживаться по стѣнамъ города и собираться на холмахъ, его окружающихъ, было бы весьма непріятное зрѣлище, если бы распятые продолжали и на другой день оставаться на крестахъ, посреди Голгоѳы, весьма близкой къ вратамъ Іерусалима. Притомъ оставленіемъ ихъ на древѣ былъ бы нарушенъ законъ, повелѣвавшій до захожденія солнца предавать погребенію казненныхъ преступниковъ [1]). Первосвященники чувствовали это неприличіе и рѣшились сократить жизнь распятыхъ съ тѣмъ, чтобы тѣла ихъ предать землѣ до наступленія субботы. Поелику казнь, теперь совершенная, во всемъ зависѣла отъ прокуратора, то и для сокращенія жизни распятыхъ необходимо было его согласіе. Первосвященники не устыдились снова просить Пилата о семъ дѣлѣ, которое приличествовало болѣе всенароднымъ исполнителямъ казней, нежели первымъ служителямъ Бога Израилева. Стыдъ сей вознаграждался злобнымъ удовольствіемъ причинить распятому Іисусу новыя мученія (первосвященники отправились къ Пилату прежде Его смерти) и имѣть въ своихъ рукахъ Его мертвое тѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что они погребли бы Его вмѣстѣ съ злодѣями, на какомъ-либо отвратительномъ мѣстѣ, а можетъ быть и совершенно лишили бы погребенія, дабы сдѣлать предметомъ всеобщаго презрѣнія: потому что Іудеи ничего столько не гнушались, какъ *мертвеца непогребеннаго*.

[1]) Втор. 21, 23. Флавій пишетъ, что сей законъ распространяемъ былъ и на распятыхъ. Bell. Iud. 4. 5. 2.

Пилатъ безъ всякаго прекословія согласился на просьбу первосвященниковъ, которая и по Іудейскимъ и по Римскимъ обыкновеніямъ была совершенно справедлива. Для исполненія приказанія отправлены новые воины. Св. Іоаннъ находился еще у креста Іисусова, когда они пришли на Голгоѳу. Его-то сказаніе будетъ служить теперь единственнымъ источникомъ нашего повѣствованія.

Оба преступника; распятые съ Іисусомъ, показывали еще вѣрныя признаки жизни: посему воины немедленно перебили имъ голени. Другое представилось имъ, когда они обратились за тѣмъ же къ Іисусу Христу: совершенное отсутствіе движенія и дыханія, закрытые глаза, висящая глава—свидѣтельствовали, что Онъ уже умеръ. Римскіе воины не рѣшились мучить бездушное тѣло и умерщвлять мертваго. Только одинъ изъ нихъ, желая, вѣроятно, прекратить всякое сомнѣніе о смерти, или, по одной наглости, ударилъ Іисуса Христа копіемъ въ бокъ. Поелику при семъ ударѣ не послѣдовало никакого движенія и никакой раздражительности въ нервахъ, и поелику самый ударъ былъ (вѣроятно) силенъ и смертеленъ: то не осталось уже никакого сомнѣнія ни для враговъ, ни для друзей Іисуса, что Онъ дѣйствительно умеръ. Изъ язвы однако же немедленно истекла кровь и вода, или похожая на воду влага [1]), которая обыкновенно бываетъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Такое истеченіе крови и словà, сказанныя Іисусомъ Христомъ по воскресеніи Ѳомѣ: «принеси руку твою и вложи въ бокъ Мой» (Іоан. 20, 27),—показываютъ, что рана была глубока; а истеченіе похожей на воду влаги позволяетъ думать, что Іисусъ Христосъ былъ пронзенъ въ лѣвый бокъ, въ предсердіе περικάρδιον [2]). Поелику мертвое тѣло, сколько бы ему ни причиняли ранъ, никогда не источаетъ крови [3]), то нѣкоторые изъ отцовъ Церкви богомудро полагали, что кровь и вода истекли изъ тѣла Іисуса Христа дѣйствіемъ непо-

---

[1]) Ὕδωρ означаетъ не только воду, но и всякую влагу. V. Schleusn. Lexic. sub. h. v.

[2]) Tale profluvium vix fieri potuit, nisi a latere sinistro, sub quo praeter pulmonem est et pericardium, aquae plenum, si quis post anxietatem summam mortuus est, et cor cum arcu aortae copulatum. Grun. p. 80.

[3]) Ἐξ νεκροῦ γὰρ ἀνθρώπου, κἂν μυριάκις νήξῃ τις, οὐκ ἐξελεύσεται αἷμα. Евѳим. въ толк. на 19, 37. Іоан.

средственной силы Божіей [1]), въ ознаменованіе таинства Евхаристіи [2]).

Св. Іоаннъ, пересказывая сіе событіе, какъ очевидецъ, выражается съ особенною силою и останавливаетъ предварительное вниманіе читателя слѣдующими словами: *и видѣвый* (Іоаннъ) *свидѣтельствова и истинно есть свидѣтельство его; и той вѣсть, яко истину глаголетъ, да вы вѣру имете* (19, 35).

Что за цѣль сего замѣчанія? Въ чемъ Евангелистъ хочетъ увѣрить своихъ читателей? Почему прободеніе тѣла Іисусова на крестѣ копіемъ и истеченіе изъ него крови и воды долженствовало быть указаннымъ съ такою выразительностію?

Для изъясненія сего, еще въ древности полагали, что мысль и замѣчаніе Евангелиста направлены противъ докетовъ-еретиковъ, кои, почитая тѣло человѣческое произведеніемъ злого начала, утверждали, что Іисусъ Христосъ (по ихъ мнѣнію, одинъ изъ эоновъ) принялъ на Себя не истинное тѣло человѣческое, а только одинъ (эѳирный) призракъ его, который хотя былъ пригвожденъ ко кресту, но не терпѣлъ никакихъ страданій. Посему Іоаннъ, какъ очевидецъ, хотѣлъ внушить своимъ читателямъ въ предостереженіе отъ докетовъ, что тѣло Іисуса Христа, какъ во время Его жизни, такъ и по смерти, было совершенно сходно съ дѣйствительнымъ тѣломъ человѣческимъ, состоящимъ изъ плоти и крови. Мнѣнію сему благопріятствуетъ не только исторія (ибо ересь докетовъ появилась съ перваго вѣка и существовала именно въ Малой Азіи, гдѣ написано Евангеліе Іоанново) [3]), но и нѣкоторыя мѣста въ посланіяхъ Іоанновыхъ, кои также весьма примѣтно направлены противъ докетизма (1 Іоан. 4, 1—3). Могло также статься, какъ предполагаютъ нѣкоторые, что во время написанія Евангелія Іоаннова были люди, сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности смерти Іисуса Христа: или потому, что Онъ не

[1]) Вышеприведенный медикъ говоритъ о семъ предметѣ такъ: ‹Ex vulnere profluxit cum impetu, ut videtur, sanguis et aqua simul, neque hoc mortui sed viventis est; ergo Christus dum a milite fodiebatur, vivebat quidem vitam aliquam, sed praebebilem proximeque casuram, at vero, vulnere pectoris illato, e vita subito et vere excessisse putandus est. Ex hoc enim vitalem fontem exhauriri, atque vim vitae perexiguam omnino tolli oportuit›. Grun. p. 39.

[2]) Cornel. a lapid.

[3]) Въ посланіи св. Игнатія къ Смирнянамъ (гл. 2) уже опровергаются докеты.

долго оставался на крестѣ и не претерпѣлъ перебитія голеней; или по занятому отъ Іудеевъ предразсудку, что смерть не сообразна съ достоинствомъ Мессіи. Для выведенія таковыхъ людей изъ заблужденія, весьма сильнымъ средствомъ служило повѣствованіе Іоанна о прободеніи ребра Іисусова копіемъ, которое самыхъ маловѣрныхъ долженствовало увѣрить, что Сынъ Божій, изъ послушанія Отцу, смирилъ Себя не до креста только, но и до смерти крестныя.

Но, независимо отъ сихъ побужденій и цѣлей, св. Іоаннъ не могъ не остановить своего и всего міра вниманія на событіи, нами разсматриваемомъ, уже потому, что въ немъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, исполнились два важныхъ предсказанія ветхаго завѣта о Мессіи. Первое изъ нихъ гласило: *кость да не сокрушится отъ него;* другое: *воззрятъ нань, егоже прободоша* [1]).

Первое изъ сихъ предсказаній, данное Моисеемъ (Исх. 12, 10), относилось собственно къ агнцу пасхальному, котораго Израильтяне должны были печь цѣлымъ, не раздробляя и не сокрушая въ немъ ни одной кости. По разумѣнію св. Іоанна, пасхальный агнецъ былъ въ семъ отношеніи свыше предуставленнымъ прообразованіемъ истиннаго Агнца Божія, закланнаго теперь на Голгоѳѣ, у Коего также не сокрушено ни одной кости. Не углубляясь въ свойство ветхозавѣтныхъ прообразованій [2]), изъ коихъ многія исполнились надъ Іисусомъ Христомъ во время Его страданій и кои около временъ пришествія Христова начали быть замѣчаемы самими Іудейскими раввинами [3]), замѣтимъ только, что несокрушеніе костей, совершенно не нужное въ агнцѣ пасхальномъ, было не только весьма прилично, но и необходимо нужно для истиннаго Агнца Божія—Іисуса Христа. Св. Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ остановиться на семъ прообразованіи, что онъ слышалъ, какъ Іоаннъ Креститель называлъ Его Агнцемъ Божіимъ, и что смерть Іисуса Христа послѣдовала въ день Пасхи, когда закалался агнецъ пасхальный.

Второе предсказаніе взято изъ пророческаго видѣнія Захаріи (Зах. 12, 10), который, описывая будущее избавле-

[1]) Rosenmull. et Kumol. ad Iohan. 19, 35.
[2]) Conf. Ravius Freimüthige Untersuchung über die Typologie. Erlang. 1784.
[3]) Conf. Schotlgenii Hor. Hebr. et Talmud.

ніе народа Еврейскаго отъ бѣдствій, его окружающихъ, говоритъ, что въ то время покаявшіеся Израильтяне будутъ взирать съ плачемъ на того, котораго они прежде сего ненавидѣли, оскорбляли и *пронзили*. Изъ пророчества Захаріи не видно [1]), кто именно былъ или будетъ пронзенъ невѣрными Іудеями, предъ коимъ они принесутъ потомъ покаяніе. Но все описаніе таково, что, при чтеніи его, мысли невольно останавливаются на Іисусѣ Христѣ, прободенномъ на крестѣ,—тѣмъ паче, что исторія Еврейскаго народа не представляетъ лица, къ коему хотя съ малою удобностію можно было бы относить слова пророка.

Снятіе со креста и погребеніе.

(Іосифъ Аримаѳейскій проситъ у Пилата позволенія погребсти тѣло Іисусово.—Характеръ просителя.—Участіе въ погребеніи Никодима.—Мѣсто гроба.—Погребеніе.—Душевное состояніе учениковъ и почитателей Іисусовыхъ.)

Едва только первосвященники вышли изъ преторіи, съ жалкимъ позволеніемъ сократить жизнь распятыхъ новымъ мучительнымъ средствомъ,—предъ Пилатомъ явился проситель другого рода и свойства, желавшій имѣть позволеніе снять со креста и предать погребенію тѣло Іисусово. То былъ Іосифъ Аримаѳейскій. Не покажется излишнимъ, если мы предварительно скажемъ нѣсколько словъ о семъ св. мужѣ, коему Провидѣніе предоставило единственную честь—оказать Самому Сыну Божію послѣднее благодѣяніе въ Его земной жизни.

Аримаѳей, отечество Іосифа, есть древній Гараматаимъ (1 Цар. 1, 1), мѣсто рожденія Самуила пророка; или, что вѣрнѣе, Рама (по Сиро-халдейски Армаѳа), городъ въ колѣнѣ Веніаминовомъ, упоминаемый Евангелистомъ Матѳеемъ (2, 18). Великое богатство (Матѳ. 27, 57) дѣлало Іосифа уже лицомъ значительнымъ въ то время, когда въ Іерусалимѣ все можно было купить за деньги, начиная отъ должности послѣдняго мытаря до сана первосвященника. Кромѣ сего, Іосифъ принадлежалъ къ числу первѣйшихъ членовъ синедріона (Марк. 15, 43; Лук. 23, 50) и вмѣстѣ съ другими благомыслящими

[1]) Conf. Bayerus Schol. ad h. Eckermann in Theolog. Beiträgen. Stück. 2. p. 82.

Снятіе со креста.

(Картина П. Рубенса.)

совѣтниками, вѣроятно, составлялъ въ синедріонѣ общество, противное приверженцамъ Каіафы, искренно пекшееся о благѣ народа Іудейскаго,—то общество, коего благородныя усилія къ поддержанію падающаго отечества во время послѣднихъ междоусобій, предшествовавшихъ разрушенію Іерусалима, съ такою благодарностію вспоминаются Іудейскимъ историкомъ Іосифомъ Флавіемъ [1]). Ни почести, ни богатства, заставлявшія многихъ саддукеевъ вовсе оставить надежду на промышленіе Іеговы о народѣ Еврейскомъ, нисколько не препятствовали Іосифу ожидать пришествія Мессіи и воздыхать со многими истинными Израильтянами о Его святомъ царствѣ (Лук. 23, 51; Марк. 15, 43). Если онъ, подобно прочимъ, питалъ касательно сего царства нѣкоторые предразсудки, представляя его земнымъ и чувственнымъ: то не былъ однако же, подобно прочимъ, упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ; съ ревностію искалъ наставленія и всегда готовъ былъ слушать тѣхъ, кои могли открыть ему истину. Сія-то ревность сблизила его съ Іисусомъ Христомъ. Не смотря на то, что Пророкъ Галилейскій былъ ненавидимъ и преслѣдуемъ синедріономъ, что Небесное Царство, Имъ проповѣдуемое, было совершенно противоположно земному царству, ожидаемому народомъ Іудейскимъ, что во всѣхъ бесѣдахъ Его внушаема была духовная нищета, столько противная людямъ, обладающимъ благами вѣка сего, — Іосифъ сдѣлался искреннимъ послѣдователемъ и ученикомъ Іисусовымъ (Матѳ. 27, 57). Весь недостатокъ сего ученика состоялъ въ томъ, что онъ, опасаясь преслѣдованія первосвященниковъ, сохранялъ втайнѣ свою расположенность къ Учителю и свои отношенія съ Нимъ (Іоан. 19, 38),—недостатокъ тѣмъ болѣе извинительный, что Господь, щадя слабость человѣческую и предвидя худыя послѣдствія для Іосифа, не требовалъ отъ него и ему подобныхъ, чтобы они признали Его всенародно Мессіею, тѣмъ менѣе вступались за Него въ синедріонѣ. Въ послѣднихъ покушеніяхъ синедріона противъ Іисуса Христа, а равно и въ судѣ надъ Нимъ, Іосифъ не участвовалъ (Лук. 23, 51)—или потому, что, не видя никакихъ средствъ спасти невиннаго, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ Его осужденія; или потому, что хитрость первосвя-

[2]) De Bell. Iud. 5 in 1.

щенниковъ нашла средство совершенно устранить его отъ сего дѣла. Впрочемъ, бездѣйствіе въ то время, когда столь ужаснымъ образомъ рѣшилась судьба Іисуса, безъ сомнѣнія, было весьма тяжко для сердца благороднаго, которое стыдится малодушія—оставить безъ защиты невиннаго даже и тогда, когда знаетъ, что защищеніе не могло бы спасти его.

Къ числу необыкновенныхъ событій, послѣдовавшихъ за смертію Іисуса Христа, должно отнести и то, что потаенные ученики Его вдругъ одушевились чрезвычайнымъ мужествомъ. Презирая стыдъ объявить себя предъ цѣлымъ Іудейскимъ народомъ послѣдователемъ Іисуса, уже умерщвленнаго, Іосифъ твердо рѣшился оказать Ему послѣдній долгъ дружбы и уваженія—спасти отъ посрамленія, по крайней мѣрѣ, смертные останки своего Наставника.

Рѣшимость сія была сопряжена съ немалою опасностію,—не со стороны Пилата, отъ коего надлежало ожидать благосклоннаго рѣшенія просьбы въ пользу Іисуса, признаваемаго имъ за праведника; а со стороны первосвященниковъ, кои въ малѣйшемъ знакѣ уваженія къ Іисусу Христу видѣли измѣну своимъ замысламъ, а на покушеніе погребсти Его съ честію не иначе могли взирать, какъ на возмущеніе противъ синедріона, тѣмъ болѣе опасное, что его предпринялъ теперь знаменитый членъ синедріона, коего примѣръ былъ весьма опасенъ для народа, и безъ того приверженнаго къ памяти Іисуса.

Однако же Іосифъ, однажды и навсегда презрѣвъ страхъ, явился въ преторіи Римской съ дерзновеніемъ [1]), свойственнымъ великодушію. Прошеніе его было для Пилата первымъ извѣстіемъ, что Іисусъ Христосъ уже умеръ. Игемонъ весьма удивился такой скорой смерти, потому что изъ многихъ опытовъ зналъ, что распятые остаются въ живыхъ гораздо долѣе. Не имѣя никакой причины сомнѣваться въ справедливости свидѣтельства Іосифова о смерти Іисуса, онъ желалъ однако же знать ея подробности. Для сей цѣли немедленно призванъ сотникъ, стоявшій на стражѣ у креста Іисусова. «Давно ли Онъ умеръ?»—спросилъ Пилатъ. И получивъ надлежащій отвѣтъ, повелѣлъ отдать Іосифу тѣло Іисусово для погребенія.

[1]) Марк. 15, 43. Τολμησας εἰσῆλθεν.

Едва ли при семъ случаѣ въ душѣ Пилата снова не возбудилась мысль касательно сверхъестественнаго союза Іисуса Христа съ Божествомъ. Скорая смерть Его на крестѣ могла служить для язычника признакомъ благоволенія къ Нему боговъ. Еще яснѣйшимъ признакомъ могли служить чудесныя знаменія, если только Пилатъ былъ внимателенъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстіе о скорой смерти Господа облегчало совѣсть судіи, которая должна была страдать, представляя страданія на крестѣ Праведника, имъ невинно осужденнаго. Подобное облегченіе доставляло и прошеніе Іосифа. Соглашаясь на погребеніе Іисуса, отдавая тѣло Его друзьямъ, Пилатъ такимъ снисхожденіемъ къ мертвому какъ бы вознаграждалъ несправедливость, оказанную живому. Самое невниманіе къ враждѣ первосвященниковъ, которые позволеніе, данное Іосифу, почитали, безъ сомнѣнія, новымъ для себя посрамленіемъ, было какъ бы жертва, которую Пилатъ принесъ памяти Праведника.

Едва только воины успѣли нанести тѣлу Іисуса Христа послѣдній знакъ своего безчеловѣчія, Іосифъ явился на Голгоѳу для снятія его со креста. Вмѣстѣ съ нимъ и для той же цѣли пришелъ Никодимъ (Іоан. 19, 39), тотъ самый, который приходилъ нѣкогда къ Іисусу Христу ночью и слушалъ Его высокую бесѣду о духовномъ возрожденіи, необходимомъ для людей, желающихъ войти въ царство Мессіи (Іоан. 3, 1—21), тотъ самый, который однажды вслухъ всего синедріона, осуждавшаго Іисуса, сказалъ: «судитъ ли законъ нашъ человѣка, если прежде не выслушаютъ его и не узнаютъ, что̀ онъ дѣлаетъ?» (Іоан. 7, 51).—Подобно Іосифу, Никодимъ былъ богатъ и засѣдалъ въ верховномъ совѣтѣ Іудейскомъ (Іоан. 3, 1); подобно ему, принадлежалъ тайно къ числу послѣдователей Іисуса Христа и не открывалъ всѣхъ своихъ мыслей о Немъ, изъ опасенія первосвященниковъ (Іоан. 19, 39); и подобно ему, хотѣлъ теперь благороднымъ самоотверженіемъ загладить прежнее малодушіе, иногда почти неизбѣжное, но всегда тягостное для сердецъ великодушныхъ. Если Никодимъ не раздѣлилъ съ Іосифомъ дерзновенія явиться въ преторію Пилата съ просьбою о погребеніи, то не по недостатку усердія, а по нуждѣ: онъ употребилъ это время на приготовленіе вещей, необходимыхъ для погребенія.

Итакъ тѣло Іисуса Христа немедленно было снято со креста. Изъ Евангельской исторіи не видно, чтобы при семъ случаѣ произошло что-либо примѣчательное: тутъ слышны были одни воздыханія, видны—однѣ слезы. Господь снова вступилъ въ мирный кругъ дружества и любви, изъ коего исторгла Его рука предателя.

Въ то же время, конечно, были сняты и тѣла распятыхъ съ Іисусомъ. Если у нихъ были родственники и друзья, то и они имѣли право плакать надъ ними, хотя не имѣли права погребсти ихъ безъ особеннаго позволенія прокуратора.

Въ рукахъ враговъ Іисусовыхъ оставался теперь одинъ крестъ Его. Еще не пришло время, чтобы сему священному древу воздаваемо было уваженіе, приличное жертвеннику, на коемъ заклана всемірная жертва. Древнее преданіе говоритъ, что Іудеи зарыли потомъ крестъ Іисусовъ въ землю въ такомъ мѣстѣ, котораго никто не зналъ, кромѣ ихъ, и откуда онъ извлеченъ, впослѣдствіи, усердіемъ равноапостольной Елены, матери Константина Великаго [1]).

Поелику до субботняго вечера оставалось весьма немного времени, то друзья Іисусовы, снявъ пречистое тѣло Его со креста, немедленно занялись погребеніемъ, въ коемъ краткость времени должна была спорить съ усердіемъ и уваженіемъ къ Погребаемому.

Прежде всего надлежало найти приличное мѣсто для погребенія. У Іосифа близъ Голгоѳы былъ садъ, въ коемъ, такъ какъ и во всей окружности, находились каменныя скалы. Въ одной изъ нихъ, по обыкновенію Іудеевъ, изсѣчена была пещера для погребенія. Никто еще не былъ погребенъ въ сей пещерѣ, и Іосифъ предназначалъ оную, вѣроятно, для себя и своего семейства (Іоан. 19, 41). Обладаніе мѣстомъ симъ, не совсѣмъ пріятное, по причинѣ смѣжности съ Голгоѳою, было на сей случай очень кстати для Іосифа и прочихъ друзей Іисусовыхъ, представляя всѣ удобства не только погребсти Божественнаго Мертвеца безъ отлагательства времени, но и невозбранно приходить на гробъ Его, дабы изливать горесть свою слезами.

Посему пречистое тѣло Господа немедленно перенесено было въ садъ Іосифовъ. Провидѣніе и въ семъ случаѣ явило слѣды Своего особеннаго смотрѣнія. Если бы въ пещерѣ,

[1]) Rufin. Hist. Eccles. 50, 1. c. 7.

гдѣ рѣшились положить тѣло Іисусово, были уже прежде погребены тѣла другихъ людей, то злоба враговъ Іисусовыхъ могла бы впослѣдствіи говорить, что воскресъ не Онъ, а другой; или что Онъ воскресъ не Своею силою, а отъ прикосновенія къ костямъ какого-либо праведника, какъ то случилось однажды во времена царей Израильскихъ [1]). При всей нелѣпости такихъ клеветъ, онѣ могли бы смущать и соблазнять легковѣрныхъ.

Тотчасъ занялись и погребальными приготовленіями. Іудеи вообще почитали погребеніе дѣломъ важнымъ, даже ставили его въ число добродѣтелей для погребающихъ (Товит. 12, 12—13). Любили также, подобно прочимъ народамъ, и погребальное великолѣпіе, состоявшее большею частію въ драгоцѣнныхъ ароматахъ [2]). Посему, погребенію Іисуса Христа, совершаемому двумя знаменитыми и богатыми людьми, кои своимъ усердіемъ хотѣли вознаградить безчестіе, Ему нанесенное, надлежало быть весьма великолѣпну. Такъ дѣйствительно и было, сколько могла позволить краткость времени.

Погребальныя полотенцы, доставленныя Іосифомъ, были самыя тонкія и высокой цѣны, какія получались обыкновенно изъ Египта, славившагося сими издѣліями [3]). А Никодимъ принесъ столько ароматовъ, что ихъ достаточно было бы на погребеніе самого первосвященника. Это было смѣшеніе изъ смирны (смолы благовонной изъ одного дерева, растущаго въ Аравіи) [4]) и алоя (благовоннаго растенія, коего низшая порода была и въ Палестинѣ, но лучшая получалась изъ Индіи) [5]): то и другое употреблялось при погребеніи, иногда въ порошкахъ, иногда въ видѣ масти. Если вѣсъ ароматовъ, замѣченный Евангелистомъ (около ста фунтовъ), и не соотвѣтствуетъ въ точности нашему вѣсу [6]), то, по крайней мѣрѣ, заставляетъ предполагать, что ихъ принесено значительное количество. Остатокъ ароматовъ могъ быть употребленъ на усыпаніе гробницы. Нѣ-

[1]) Θеофил. толк. на Матѳ.
[2]) Geierus de luctu Hebr. Harmar. Beobachtungen uber den Orient. Th. 2. 184. 157.
[3]) Chifletius de fasciis sepulcralibis Christi. c. 28.
[4]) Dioscorides 1. 60. Plin. H. N. 13. 15.
[5]) Celsu Hierobot. p. 1 135. Rosenmüll. Schol. ad Num. 24, 6.
[6]) Слово λίτρα, употребленное Евангелистомъ, означаетъ и вѣсъ и малую монету. Здѣсь, очевидно, надобно принимать его въ значеніи вѣса, котораго, по свидѣтельству Галена, равнялся нашимъ 12 унціямъ. Conf. Benaeus. 1. c.

которая часть, вѣроятно, была сожжена, по окончаніи погребенія, на что также есть примѣры въ исторіи погребальныхъ Іудейскихъ обрядовъ [1]).

По окончаніи приготовленій, тѣло Господа, по обыкновенію (Іоан. 19, 40), было омыто чистою водою, потомъ осыпано благовоніями и вмѣстѣ съ ними обвито четвероугольнымъ широкимъ платомъ (плащаницею). Голова и лице были обвиты узкимъ головнымъ полотенцемъ (судáрь). То и другое завязано снурками. Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ положенъ былъ въ гробѣ, въ видѣ подобномъ тому, въ какомъ Лазарь былъ воскрешенъ Имъ изъ гроба (Іоан. 11, 44). Но ароматы не спасли Лазаря отъ тлѣнія; а въ. Іисусѣ Христѣ, источникѣ нетлѣнія, они служили только признакомъ несовершенства вѣры Его почитателей, кои, при всемъ уваженіи къ Нему, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ [2]), нимало не думали, что они погребаютъ теперь Господа жизни и смерти.

Краткость времени не позволила соблюсти всѣхъ прочихъ погребальныхъ обрядовъ. Недостатокъ ихъ надѣялись восполнить по прошествіи субботы, когда законъ ветхаго завѣта не могъ уже препятствовать усердію къ Законодателю завѣта новаго.

Входъ въ пещеру, гдѣ положено тѣло Іисусово, былъ плотно заваленъ огромнымъ камнемъ (Матѳ. 27, 60): предосторожность, необходимая въ Іудеѣ, гдѣ водилось весьма много хищныхъ звѣрей и птицъ [3]), но излишняя для Того, Кто и во гробѣ не переставалъ быть Господомъ земли и неба.

Какъ при снятіи со креста, такъ и при погребеніи, присутствовали нѣкоторыя изъ женъ, приверженныхъ къ Господу, коихъ мы видѣли стоящихъ при крестѣ Его,—именно: Марія Магдалина и Марія Іосифова (Матѳ. 27, 61). Усердіе Іосифа и Никодима не давали теперь мѣста ихъ усердію: онѣ смотрѣли только, какъ и гдѣ погребали Господа (Марк. 15, 47). Однако же отъ нѣжной любви ихъ къ Іисусу не скрылось, что драгоцѣннымъ останкамъ Его еще можно оказать нѣкоторые знаки уваженія;—и онѣ рѣшились запастись снова благовонными мастями, дабы, по окончаніи субботы,

[1]) Mussachet Semachot. c. 8.

[2]) Они, говоритъ Златоустъ, еще почитали Его за простого человѣка. Hom in Joh. 85.

[3]) Nicolaus de sepulcr. Hebr. 3. 10 11.

Погребеніе Господне.

придти и помазать тѣло своего Учителя. Такое намѣреніе принято ими, конечно, съ согласія самого Іосифа, который имѣлъ столько достатка и любви къ Іисусу, что могъ всю пещеру наполнить ароматами; но не хотѣлъ препятствовать нѣжному усердію людей, гораздо менѣе его богатыхъ, но столько же великодушныхъ и признательныхъ къ памяти Іисуса.

По окончаніи погребенія, всѣ, участвовавшіе въ ономъ, немедленно удалились, каждый въ свое мѣсто, для празднованія навечерія субботы, которая, сходясь съ Пасхою, по тому самому была величайшимъ праздникомъ [1]).

Какъ мраченъ, нерадостенъ былъ теперь день сей для учениковъ и друзей Іисуса,—особенно для Его Матери,—для Петра, который долженъ былъ скорбѣть и о потерѣ Учителя и о своемъ паденіи!—Мысль сія наполняла всю душу, подавляла всѣ прочія мысли, не позволяла придти въ себя, дабы составить какое-либо понятіе о семъ неожиданномъ, страшномъ событіи. Будущее покрыто было непроницаемымъ мракомъ: прошедшее болѣе смущало, нежели утѣшало. Воспоминаніе о чудесахъ Іисусовыхъ, о Его прежнемъ величіи, дѣлало еще страшнѣе крестъ и гробъ Его. Доселѣ ученики Его шли неровнымъ, тѣснымъ, часто тернистымъ путемъ; но шли по слѣдамъ Учителя, облеченнаго могуществомъ Сына Божія, обращая на себя всеобщее вниманіе, раздѣляя съ Нимъ Его славу, утѣшая себя величественными надеждами въ будущемъ: и вотъ путь сей внезапно приводитъ ихъ къ Голгоѣ, пресѣкается крестомъ Учителя, совершенно оканчивается Его гробомъ! Положеніе печальное, безутѣшное!

Еще бы скорбь учениковъ Іисуса была не такъ чрезмѣрна, если бы они менѣе увѣрены были въ Его достоинствѣ. Тогда она скоро могла бы превратиться въ охлажденіе къ Тому, Который такъ внезапно измѣнилъ ихъ надеждамъ, подвергнувъ Себя смерти, а ихъ посрамленію. Тогда скорбѣло бы обманутое самолюбіе.

Но любовь и уваженіе къ Іисусу нисколько не умалились въ сердцахъ признательныхъ. Души учениковъ Его

[1]) И въ Іудейской книгѣ: *Толдотъ Іешуя*, хотя она написана противъ христіанства, упоминается о погребеніи Іисуса Христа Іоспфомъ; только послѣдній называется другимъ именемъ—Іудою; «и взялъ Іуда тѣло Іисуса съ древа и положилъ его въ своемъ саду». P. 87. Edit. Haldric.

были соединены съ Нимъ вѣчнымъ, небеснымъ союзомъ. Гробъ Его содѣлался для нихъ святилищемъ, въ коемъ заключены были всѣ ихъ святые помыслы, всѣ чистыя желанія, вся вѣра ихъ.

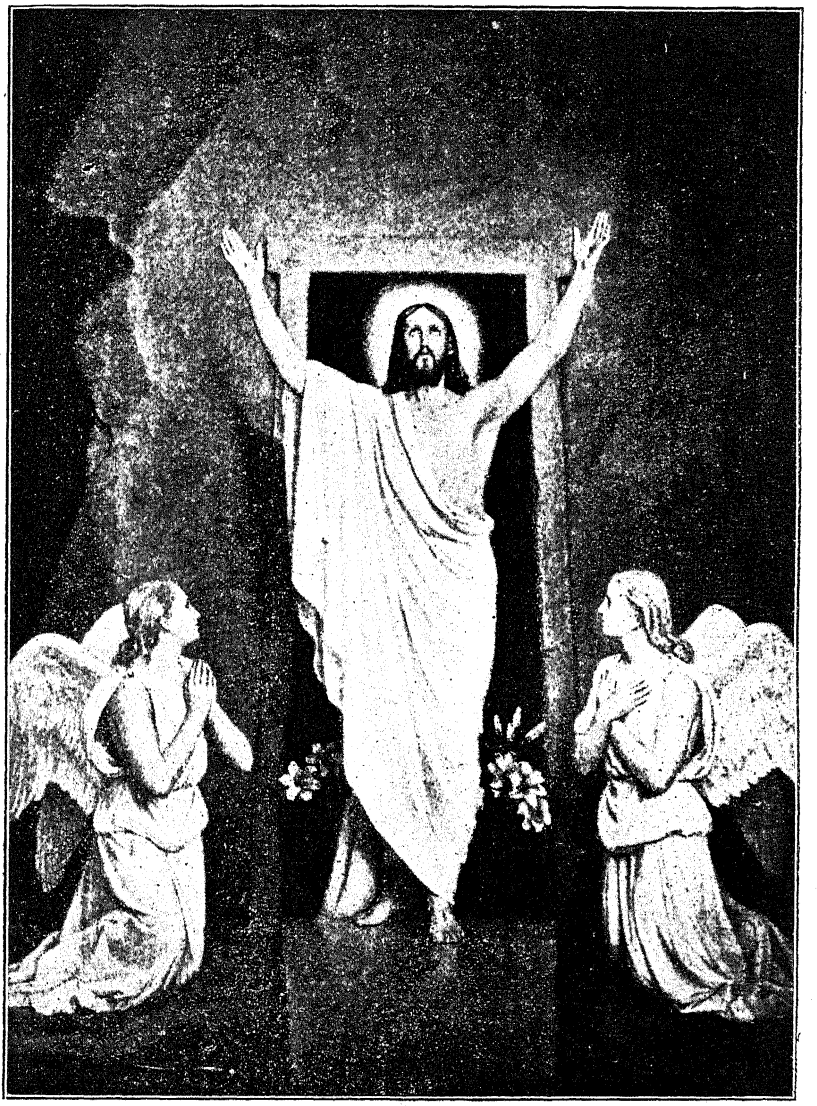
И съ сею-то святою любовію непрестанно встрѣчалась ужасная мысль: «Онъ умеръ! Онъ не то, чѣмъ былъ, чѣмъ мы почитали Его! Онъ не Мессія! Онъ, Который былъ и есть для насъ все!»

Предсказанія Іисуса Христа о Своей смерти и воскресеніи долженствовали бы разсѣять сомнѣнія, облегчить горесть учениковъ Его. Но сіи предсказанія, какъ мы видѣли, не обращали на себя вполнѣ вниманія, или казались имъ непонятными. Не умѣя представить, какъ Мессія можетъ умереть, они не думали о Его воскресеніи. И многократныя обѣщанія Іисуса, при прощаніи съ ними на вечери, что они вскорѣ опять увидятъ Его,—и сіи обѣщанія были теперь или забыты, или превратно изъясняемы. Если бы кто сказалъ: «Онъ воскреснетъ, мы увидимъ Его»,—растерзанное печалію, подавляемое сомнѣніями, сердце могло отвѣчать такъ же, какъ отвѣчала нѣкогда Марѳа: «знаю, что воскреснетъ — въ воскресеніе мертвыхъ, въ послѣдній день: тогда мы всѣ увидимъ Его».—Уже по воскресеніи Господа, ученики Его привели себѣ на память тѣ случаи, когда Онъ предсказывалъ имъ Свое воскресеніе.

Кустодія.

(Дальнѣйшее ожесточеніе первосвященниковъ.—Ихъ мнимое опасеніе подлога со стороны учениковъ Іисусовыхъ.—Просьба и дозволеніе употребить для вѣрности стражу и печать.—Кустодія.—Мысли у гроба Іисусова.)

Предписанный закономъ, строгій покой великаго дня субботы пасхальной связалъ, какъ мы видѣли, бездѣйствіемъ самыхъ пламенныхъ почитателей Іисусовыхъ; но не могъ прекратить несчастной дѣятельности ожесточенныхъ враговъ Его. Злоба въ семъ случаѣ показала, что она бываетъ иногда памятливѣе любви: тогда какъ въ умѣ учениковъ Іисусовыхъ, какъ будто какимъ-либо чудомъ, приведены были въ забвеніе Его многократныя предсказанія о Своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, фарисеи и книжники не замедлили при-



Воскресеніе Господне.

весть это себѣ на память и взять мѣры противъ того, чтобы предсказаніе сіе не сбылось на самомъ дѣлѣ. Привыкши сами дѣйствовать нечисто, по внушенію страстей и выгодъ, Каіафа и клевреты его воображали, что ученики Іисусовы, въ отмщеніе за смерть Учителя, не преминутъ воспользоваться подобнымъ предсказаніемъ, то есть, унесутъ тайно тѣло Учителя изъ гроба, скажутъ народу, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и такимъ образомъ произведутъ опасное для синедріона волненіе. Погребеніе Его членомъ синедріона, въ собственномъ саду и гробѣ, казалось, открывало всѣ удобства къ такому покушенію. Посему, въ тайномъ совѣтѣ Каіафиномъ, немедленно рѣшено—взять всѣ необходимыя мѣры, и для сего окружить гробъ Іисусовъ въ продолженіе трехъ дней стражею. Въ подобной стражѣ у первосвященниковъ не было недостатка; между тѣмъ они не рѣшились дѣйствовать въ семъ случаѣ сами, и почли за лучшее снова ввести въ участіе прокуратора, какъ новая встрѣча съ нимъ, послѣ событій предшествующаго дня, ни казалась тяжкою. Кромѣ того, что симъ отклонялась отвѣтственность за послѣдствія новой мѣры, Римская стража могла казаться гораздо надежнѣе Іудейской, по ея привычкѣ къ строгому исполненію своего долга и неучастію въ народномъ расположеніи къ Іисусу. Явясь къ Пилату, первосвященники и книжники приняли, по прежнему, видъ ревностныхъ блюстителей общественнаго покоя и выгодъ Римскаго правительства: «мы вспомнили, такъ говорили лицемѣры, что этотъ льстецъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: «послѣ трехъ дней Я воскресну изъ мертвыхъ». Итакъ, прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу, что Онъ возсталъ изъ мертвыхъ. Въ такомъ случаѣ, послѣдній обманъ можетъ быть хуже перваго».

Гордый всадникъ Римскій, еще недавно такъ жестоко униженный сими самыми людьми предъ цѣлымъ народомъ, всего менѣе былъ расположенъ вѣрить ихъ усердію къ благу общественному; но противиться явно предложенію, которое казалось плодомъ дальновидной осторожности и неутомимаго попеченія о спокойствіи народномъ, было не въ духѣ Римской власти. Посему Пилатъ немедленно согласился на предлагаемую мѣру, выразивъ впрочемъ свое недовѣріе къ чисто-

сердечію синедріона—тѣмъ, что самъ нисколько не принялъ въ немъ непосредственнаго участія.

«У васъ есть кустодія, отвѣчалъ Пилатъ (такъ называлась военная стража при храмѣ): подите, возьмите изъ ней, сколько угодно, и стерегите гробъ, какъ знаете».

Противъ такого мнимаго довѣрія нельзя было сказать ничего; и первосвященники, взявъ нужное число воиновъ, отправились въ вертоградъ Іосифовъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, не преминули осмотрѣть всю внутренность погребальной пещеры, увѣриться въ цѣлости тѣла Іисусова, равно какъ и въ томъ, что изъ пещеры нѣтъ другого выхода, кромѣ того, который заваленъ былъ огромнымъ камнемъ. По освидѣтельствованіи, камень сей опять былъ приваленъ ко входу, и для большей безопасности отъ всякаго покушенія войти въ пещеру, запечатанъ печатію синедріона. Поставленная стража также, безъ сомнѣнія, снабжена была всѣми нужными наставленіями, тѣмъ паче приказаніемъ стрещи неусыпно надъ тѣмъ, отъ чего зависѣло, какъ говорили первосвященники, спокойствіе цѣлой Іудеи, Пилатовой преторіи и самого кесаря.

Такимъ образомъ злоба враговъ Іисусовыхъ сдѣлала съ своей стороны все, что̀ нужно было для засвидѣтельствованія предъ цѣлымъ свѣтомъ истины воскресенія Христова!... Провидѣніе и въ семъ случаѣ показало, какъ оно, не нарушая нисколько свободы человѣческой, премудро употребляетъ для достиженія цѣлей своихъ тѣхъ самыхъ людей, кои идутъ нагло вопреки его святыхъ опредѣленій.

Ученики и почитатели Іисусовы, — кромѣ, можетъ быть, Іосифа, коему принадлежалъ вертоградъ, — вовсе не знали о кустодіи, поставленной синедріономъ у гроба Іисуса; иначе, по прошествіи дня субботняго, они не собирались бы идти на сей гробъ, чтобы помазать тѣло Его благовонными мастями, — для чего теперь уже не было возможности.

Время дѣйствовать Богу: ибо разоренъ законъ Твой! (Псал. 118, 125) — такъ отъ избытка горести, восклицалъ нѣкогда Давидъ, видя, какъ переполнялась чаша беззаконія въ рукахъ нѣкоторыхъ людей. Стократъ надлежало повторить сіе восклицаніе тому, кто былъ у гроба Іисусова. Если когда, то тутъ время было дѣйствовать Богу, Самому Богу, ибо — разоренъ былъ не законъ только, а поруганъ и са-

мый Законодатель! Человѣчество никогда не видало столько великаго, прекраснаго, божественнаго, сколько видѣло въ краткое время служенія Іисусова. И все великое, прекрасное, божественное — было заключено теперь въ гробѣ, запечатано печатію Каіафы! Что было бы съ человѣчествомъ, если бы печать сія не растаяла отъ огня правды Божіей, — если бы плоть Праведника увидѣла истлѣніе (Дѣян. 2, 31)? Міръ божественный, раскрывшійся на время, опять закрылся бы навсегда. Царство Божіе, низведенное на землю, опять воспарило бы на небо. Послѣ божественнаго озаренія наступила бы еще мрачнѣйшая ночь.

Частныя дѣйствія добра — могли остаться. Закхей не пересталъ бы, вѣроятно, быть милостивымъ, помилованная грѣшница — цѣломудренною, Іосифы и Никодимы—могли бы сохранить увѣренность, что *Учитель отъ Бога пришелъ* (Іоан. 3, 2). Но великое дѣло спасенія человѣческаго осталось бы погребеннымъ вмѣстѣ съ Іисусомъ. Безотрадны были слова учениковъ: *надъ всѣми сими третій день есть, отнелѣже сія быша* (Лук. 24, 21). Но какъ ужасны были бы слова сіи, когда бы надлежало говорить: *надъ всѣми сими третій годъ, третій вѣкъ, третіе тысячелѣтіе есть, отнелѣже сія быша!*

Безъ Іисусова: *радуйтеся!* (Матѳ. 28, 9) — не было бы радости въ сердцѣ Апостоловъ; безъ Іисусова: *миръ вамъ!* (Іоан. 20, 26)—не распространился бы миръ по лицу земли. Надобно было прежде сказать воскресшему Учителю: Господь и Богъ мой! (Іоан. 20, 28) — и потомъ уже умирать за Господа и Бога своего. Воскресеніе утвердило учениковъ въ вѣрѣ, *породивъ ихъ*, какъ выражается святой Павелъ, *въ упованіе живо*. А безъ сего—не раздался бы гласъ проповѣди Апостольской, и міръ остался бы безъ креста — съ своими идолами, Аѳины и Римъ—съ ихъ *невѣдомымъ Богомъ* (Дѣян. 17, 23).

Итакъ, *время было дѣйствовать Богу*, Самому Богу! Это была самая рѣшительная минута не только для всего человѣчества, но и для самаго міроправленія Божественнаго,—минута, въ которую надлежало предъ лицомъ всего міра, Ангеловъ и человѣковъ, показать торжественно, что *не одинъ конецъ благому и злому, праведному и нечестивому*,—что *есть Богъ, судяй землѝ!*

Итакъ, *воскресни, Боже! Суди землѝ! Яко Ты, — единъ Ты, — наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ!*

ЖИЗНЬ

СВЯТОГО АПОСТОЛА ПАВЛА.

Жизнь въ іудействѣ.

Павелъ (πάυλος, pavlus, *меньшій*), до обращенія въ христіанство Савлъ (שאול, *вожделѣнный*), одинъ изъ величайшихъ учителей христіанской религіи, который послѣ прочихъ Апостоловъ обратился къ вѣрѣ въ Іисуса Христа, но болѣе каждаго изъ нихъ содѣйствовалъ къ покоренію державѣ Его всего міра, произошелъ отъ Іудейскихъ родителей, изъ колѣна Веніаминова (Фил. 3, 5). Многіе изъ отцовъ Церкви [1]) съ свойственною имъ духовною проницательностію находили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ветхаго завѣта предсказанія о происхожденіи Павла отъ сего колѣна, особенно въ 28 стихѣ 68 псалма. Выраженіе: *евреинъ отъ евреи,* употребленное Павломъ въ посланіи къ Филипписеямъ (3, 5) для означенія своего происхожденія, показываетъ такого человѣка, между предками коего не было ни одного необрѣзаннаго [2]), — преимущество, стоившее замѣчанія во времена Апостола, когда многіе изъ Іудеевъ происходили отъ язычниковъ, обратившихся въ іудейство, или даже сами были нѣкогда язычниками. Значительное образованіе, для коего Павелъ былъ нарочно посланъ въ Іерусалимъ, знакомство въ юныхъ лѣтахъ съ первыми лицами въ Іудейской столицѣ, тонкая общежительная образованность, коея слѣды весьма часто встрѣчаются въ его

---

[1]) Амвросій, Іеронимъ, Августинъ, Θеодоритъ и др.

[2]) Такъ и Ксенофонтъ въ похвальномъ словѣ Агезилаю, для показанія древности его царскаго происхожденія, говоритъ, что онъ произошелъ οὐκ ἰδιώταις, ἀλλ' ἐκ βασιλέων βασιλεῦσιν.

посланіяхъ [1]), заставляютъ думать, что онъ произошелъ не изъ низкаго, по крайней мѣрѣ не изъ бѣднаго состоянія. Время рожденія Павлова, при всѣхъ покушеніяхъ опредѣлить оное, доселѣ остается неопредѣленнымъ; вѣроятно только, что оно не далеко отстоитъ отъ времени Рождества Христова [2]). Отечествомъ Павла былъ Тарсъ (Дѣян. 9, 11; 21, 39; 20, 3), главный городъ Киликіи, лежавшей при Средиземномъ морѣ и составлявшей одну изъ цвѣтущихъ областей Римской имперіи [3]). Іеронимъ сказываетъ [4]), что родители Павловы переселились въ Тарсъ изъ Іудейскаго города Гискала, послѣ того какъ сей послѣдній былъ взятъ и опустошенъ Римлянами.

Фамилія Павлова, какъ явствуетъ изъ 22, 28 Дѣяній, имѣла весьма важное въ тогдашнія времена право Римскаго гражданства. Откуда сіе право? — По сказанію Діона Хризостома [5]), городъ Тарсъ, за свою приверженность къ Юлію Кесарю, стоившую жителямъ его великихъ бѣдствій отъ Кассія, получилъ въ царствованіе Августа многія права и преимущества: отсюда нѣкоторые писатели получили мысль, что всѣ жители Тарса пользовались правомъ Римскихъ гражданъ. Но при исчисленіи сихъ преимуществъ [6]) не упоминается о правѣ гражданства Римскаго. Напротивъ, Латинскіе писатели называютъ Тарсъ только вольнымъ городомъ [7]): каковая вольность гораздо ниже онаго права. Притомъ, если бы всѣ жители Тарса имѣли право Римскаго гражданства, то Римскій трибунъ (какъ описывается въ 21, 39 Дѣяній), знавшій о происхожденіи Павла изъ сего города, не осмѣлился бы подвергнуть его безъ суда тѣлесному наказанію, и Павлу не было бы нужды для избѣжанія пытки объявлять, что онъ гражданинъ Римскій. Вѣроятнѣе, что кто-нибудь изъ предковъ Павла пріобрѣлъ своему потомству право Римскаго гражданства, или посредствомъ услугъ, оказанныхъ кесарямъ во время междоусобій, или за деньги. По свидѣ-

---

[1]) Въ цѣломъ посланіи къ Филимону Также 1 Кор. 10, 6; 2 Кор. 11, 1—6; 12, 11.

[2]) См. Pearson Annales Pavlinas. Witsii Meletemata Leydensia.

[3]) Флав. Древн. книга 1, гл. 6. Diog. Sicil. in Hist.

[4]) In Catal. illust. vir. sub voce: Pavlus.

[5]) In Tarsica posteriori. Tom. 2, pag. 36. Edit. Reiske.

[6]) Вотъ онѣ: Χώραν (Августъ даровалъ Тарсянамъ) νόμους' τιμὴν ἐξουσίαν τοῦ ποταμοῦ, τῆς θαλάσσης, τῆς καθ' χὐτὴν.

[7]) Plin. Hist. lib. 5, cap. 27. Appian. Civilium lib. V.

тельству Діона Кассія [1]), Юлій Цезарь даровалъ сіе право весьма многимъ чужестранцамъ. А Флавій говоритъ [2]), что Іудеи очень охотно покупали его у корыстолюбивыхъ правителей Римскихъ.

Гораздо важнѣе вопросъ: былъ ли Павелъ въ юныхъ лѣтахъ образованъ въ Греческихъ наукахъ?—Большая часть писателей древнихъ и новыхъ отвѣчали на него утвердительно [3]). Въ самомъ дѣлѣ, Тарсъ славился науками, такъ что жители его, по замѣчанію Страбона [4]), спорили въ просвѣщеніи съ жителями Аѳинъ и Александріи, а посему невѣроятнымъ кажется, чтобы родители Павла не воспользовались для образованія своего сына тѣми пособіями, кои находились у нихъ, такъ сказать, подъ руками. Самыя посланія Павловы, повидимому, заставляютъ предполагать въ немъ познаніе Греческихъ писателей: ибо онъ приводитъ въ нихъ стихи нѣкоторыхъ поэтовъ (Арата, Дѣян. 17, 28; Менандра, 1 Кор. 15, 32; Епименида, Тит. 1, 12). Не смотря на сіе, гораздо вѣроятнѣе, что образованіе, полученное Павломъ въ Іерусалимѣ, не было предварено изученіемъ въ Тарсѣ Греческой мудрости; ибо а) Савлъ отправленъ былъ въ Іерусалимъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. «Жизнь мою», говоритъ онъ, «отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ Іудеи» (Дѣян. 26, 4). То же, безъ сомнѣнія, означаетъ и выраженіе: «быть воспитаннымъ *при ногу Гамаліила*», которое употребляетъ о себѣ Павелъ (Дѣян. 22, 3). b) Родители Павла принадлежали къ сектѣ фарисейской; а фарисеи, по словамъ Флавія [5]), гнушались не только науками, но и самымъ языкомъ необрѣзанныхъ. c) При тщательномъ разсматриваніи посланій Апостола Павла, въ самомъ образѣ изложенія оныхъ открывается много доказательствъ на то, что писатель ихъ не былъ знакомъ ни съ какимъ другимъ образованіемъ, кромѣ раввинскаго, бывшаго въ употребленіи у тогдашнихъ палестинскихъ Іудеевъ. Языкъ Греческій; но изъ всего видно, что на немъ пишетъ Іудей, воспитанный въ Палестинѣ, привык-

[1]) Hist. lib. 43.
[2]) De Bel. Iud. 2, 14.
[3]) Ѳеодоритъ называетъ Павла Πάνσοφον. Сочиненія новѣйшихъ писателей, относящіяся къ сему предмету, исчислены у Витзія (Melet. Leyden.) и Бертольда (Einleitung in Neue Testament.).
[4]) Geog. Lib. 14, pag. 673, al. 991.
[5]) Antiq. Lib. 20, cap. 2.

шій къ выраженіямъ и словосочиненію Еврейскому [1]). Мнѣнія Греческихъ поэтовъ, приводимыя Павломъ, такого рода, что могли быть извѣстны всякому сколько нибудь образованному человѣку и безъ особеннаго упражненія въ Греческой литературѣ; они походятъ на пословицы, каковыми часто дѣлаются нѣкоторые стихи любимыхъ писателей. Впрочемъ, Апостолъ могъ весьма часто слышать ихъ во время своихъ путешествій по Греціи, гдѣ лучшіе стихотворцы многими перечитывались наизусть; самое обращеніе его съ увѣровавшими язычниками доставляло ему много подобныхъ свѣдѣній. Кромѣ того, мы знаемъ, что Апостолъ посвящалъ свободное отъ трудовъ время на чтеніе книгъ [2]). Можно думать, что между сими книгами были нѣкоторыя и Греческія. Павелъ, какъ видно изъ 17, 23 Дѣяній, почиталъ за нужное узнавать предварительно духъ и нравы тѣхъ людей, коимъ намѣревался проповѣдывать; но въ семъ отношеніи многіе поэты Греческіе могли быть весьма полезны.

Желаніе дать сыну лучшее образованіе, впрочемъ въ духѣ отечественной религіи, примѣръ согражданъ, которые имѣли обыкновеніе посылать своихъ дѣтей путешествовать для усовершенствованія себя въ наукахъ [3]), и, можетъ быть, родственныя связи, которыя родители Савла имѣли съ жителями Іерусалима (Дѣян. 23, 16), расположили ихъ послать своего сына для обученія въ Іерусалимъ, который еще почитался тогда средоточіемъ Іудейской мудрости. Какъ сынъ фарисея Савлъ присоединился къ сектѣ фарисеевъ и сдѣлался ученикомъ Гамаліила, знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ Еврейскихъ законоучителей [4]). Если онъ тотъ самый Гамаліилъ, о коемъ упоминается въ 5 главѣ Дѣяній, то онъ стоилъ быть образователемъ такого ученика, каковъ Павелъ. Отзывъ его о христіанствѣ (Дѣян. 5, 35—39) показываетъ въ немъ человѣка здравомыслящаго, который отъ Промысла и времени ожидаетъ разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ необыкновенными событіями, относящимися къ

[1]) Vid. Thaleman Dissert. de Eruditione Pavli Judaica, non Graeca.

[2]) 2 Тим. 4, 13. Выраженіе: *принеси книги, паче же кожаныя*, кажется показываетъ уже, что Апостолъ разумѣлъ подъ сими книгами не одинъ только ветхій завѣтъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

[3]) Strab. Geog. Lib. 14, pag. 673. Edit. Cosaub. pag. 1587.

[4]) Гамаліилъ былъ сынъ Симеона, внукъ Гиллела, прозванный за ученость, въ отличіе отъ обыкновенныхъ раввиновъ, *равваномъ*. Талмудъ усвояетъ ему главное начальство надъ фарисейскимъ училищемъ въ Іерусалимѣ. Vid. Schettg. Horae Herb. et Talmud.

Статуя апостола Павла.

(изъ базилики св Апостола Павла въ Римѣ).

религіи,—въ твердой увѣренности, что изобрѣтеніе человѣческое, сколько бы ни прикрывалось личиною божественнаго происхожденія, не можетъ долго удерживать характеръ божественности, и съ продолженіемъ времени исчезаетъ само собою.

Юный Савлъ былъ «тщательно наставленъ въ отеческомъ законѣ» (Дѣян. 22, 3): чего и надлежало ожидать, судя по знаменитости его наставника. Чрезвычайныя дарованія вскорѣ отличили его между сверстниками, такъ что немногіе могли равняться съ нимъ въ разумѣніи фарисейскаго богословія (Гал. 1, 14). Природная доброта сердца, а можетъ быть и примѣръ наставника, были причиною того, что Савлъ, не смотря на юныя лѣта свои, въ кои обыкновенно любятъ болѣе знать, нежели исполнять познанное, старался вести жизнь неукоризненную (2 Тим. 1, 3), и «былъ по правдѣ законной непороченъ» (Филип. 3, 6).

По обыкновенію тогдашнихъ Іудеевъ [1]) обучать дѣтей своихъ какому-нибудь искусству, Савлъ съ упражненіемъ въ наукахъ соединялъ упражненіе и въ искусствѣ. Евангелистъ Лука называетъ (Дѣян. 18, 3) его σκηνοποιὸς, по нашему Славянскому переводу *скинотворцемъ*. Въ чемъ бы ни состояло сіе искусство (ибо мнѣнія о немъ несогласны [2]), изъ исторіи путешествій Апостола Павла видно, что онъ могъ заниматься имъ всюду, куда ни приходилъ, и что платы за труды доставало на содержаніе его вмѣстѣ съ сотрудниками въ дѣлѣ проповѣди.

Апостолъ Павелъ самъ нѣкоторымъ образомъ характеризуетъ духъ образованія, полученнаго имъ отъ Гамаліила, когда ученіе фарисейское называетъ (Дѣян. 26, 5) «строжайшимъ» (ἀκριβεστάτην) въ отеческомъ вѣроисповѣданіи. Нравственность фарисеевъ въ новомъ завѣтѣ является большею частію въ безобразномъ видѣ: они вездѣ изображаются лице-

[1]) У древнихъ Іудеевъ даже обратилось въ пословицу, что кто не обучаетъ сына своего какому-нибудь ремеслу или искусству, тотъ учитъ его красть. Schittg. in Disser. de Christo Rabbin Summo.

[2]) Одни (Michael in Einleit. in N T.) разумѣютъ подъ нимъ дѣланіе инструментовъ; другіе (Luther) ковровъ; иные (Eichhorn. Hug. in Einleit. in N. T.) попонъ или войлоковъ, изъ коихъ составлялись палатки; многіе—просто дѣланіе палатокъ, которыя на Востокѣ, по причинѣ жаркаго климата и недостатка въ гостинницахъ, были въ великомъ употребленіи у путешественниковъ. Послѣднее мнѣніе вѣроятнѣе: ибо Златоустъ, который конечно зналъ хорошо силу слова: σκηνοποιὸς, употреблялъ вмѣсто его σκηνορράφος (сшиватель палатокъ). Киликія, отечество Павла, славилась матеріалами для палатокъ. Vid. Svidas sub voce: Kilikia. Plin. Hist. Nat. 6, 28.

мѣрами, кои подъ личиною строгой набожности скрываютъ сердца, исполненныя гордости и корыстолюбія,—черты, безъ сомнѣнія, взятыя съ натуры! Впрочемъ, основатели секты фарисейской могли имѣть чистые виды. Въ сочиненіяхъ раввиновъ, кои большею частію держались фарисейства, часто встрѣчаются изящныя правила нравственности [1]). Въ твореніяхъ Іосифа Флавія, который также принадлежалъ къ фарисеямъ [2]), большею частію господствуетъ здравый образъ мыслей и нерѣдко чистое чувство нравственное. Если между фарисеями многіе носили только личину благочестія, то нѣкоторые, вѣроятно, были тѣмъ, чѣмъ другіе хотѣли только казаться. По крайней мѣрѣ, нельзя думать, чтобы въ ихъ школахъ учили лицемѣрію. А посему образованіе Павла въ фарисейскомъ училищѣ, при такомъ учителѣ, каковъ Гамаліилъ, могло имѣть благотворное дѣйствіе на развитіе его нравственнаго характера, по крайней мѣрѣ, не могло много вредить чистотѣ характера, какъ могутъ подумать нѣкоторые, основываясь на худомъ понятіи о фарисеяхъ. Чтеніе книгъ ветхаго завѣта, коимъ постоянно занимались въ фарисейскихъ школахъ [3]), способствовало къ обогащенію памяти Савловой лучшими правилами нравственности и высокими образцами благочестія; любимое ихъ упражненіе—изъяснять многія мѣста и писанія въ иносказательномъ смыслѣ—пролагало въ умѣ его путь тому святому искусству—извлекать изъ *мертваго письмени духъ животворящій,* коимъ ознаменованы всѣ посланія его, особенно къ Евреямъ и Галатамъ. Даже то самое, что̀ въ образованіи фарисейскомъ было предосудительнаго, какъ-то: чрезмѣрная привязанность къ человѣческимъ преданіямъ и мнѣніямъ учителей, страсть все подводить подъ правила, ничего не оставляя нравственному чувству, низведеніе нравственности изъ области духа въ кругъ внѣшнихъ, часто механическихъ дѣйствій [4]),—впослѣдствіи, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской религіи, могло обратиться во благо. Люди съ умомъ сильнымъ и живымъ характеромъ, при душевныхъ перемѣнахъ, съ ними встрѣчающихся, обыкновенно уклоняются въ противоположную сторону, и уклоняются далеко. Это случилось и съ Пав-

[1]) Vid. Berger. Moral. Einleit. in N. T. Pag. 478.
[2]) Joseph de vita sua § 2.
[3]) Joseph Ant. Lib. 20, cap. 2, sub finem.
[4]) V. Serarii Trihaeresium.

ломъ. По обращеніи въ христіанство, онъ вездѣ обнаруживаетъ противоположный прежнему образъ мыслей даже тамъ, гдѣ говоритъ безъ непосредственнаго внушенія Духа Божія, по собственному чувству (наприм. 1 Кор. 7, 25—40). Въ самомъ началѣ своего апостольскаго служенія онъ не только отвергъ нечистыя преданія человѣческія, кои были отвергаемы и прочими Апостолами, вразумленными въ ихъ ничтожности ученіемъ и примѣромъ Іисуса Христа (Матѳ. 15, 1—9), но и проповѣдывалъ свободу христіанъ отъ обрядоваго закона,— поступокъ, который долго подвергался едва не всеобщему нареканію, однако же былъ совершенно сообразенъ съ духомъ новозавѣтнаго ученія.—Такимъ образомъ Промыслъ, избравшій Савла отъ чрева матери (Гал. 1, 4) на великое служеніе апостольства, обнаружилъ мудрое водительство свое и въ томъ, что попустилъ ему провести юность свою *при ногахъ Гамаліила.*

Первое понятіе о христіанствѣ Павелъ, по всей вѣроятности, получилъ еще въ школѣ Гамаліила: ибо нельзя думать, чтобы фарисейскіе наставники оставляли учениковъ своихъ въ невѣдѣніи о новой сектѣ, которая съ самаго начала своего сдѣлалась весьма значительною и угрожала всѣмъ преданіямъ фарисеевъ. Невѣроятно даже, кажется, чтобы Савлъ никогда не видалъ Іисуса Христа въ продолженіе Его земной жизни. Такъ однако же заставляютъ думать вся послѣдующая исторія и всѣ посланія его. Онъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ, чтобы онъ видѣлъ Іисуса Христа, хотя во многихъ случаяхъ было весьма прилично упомянуть о семъ (наприм. во 2 Кор. 4, 22; 12, 11; Гал. 1, 12; слич. послѣдн. стихъ съ Дѣян. 1, 21 и друг.); напротивъ, сказываетъ иногда нѣчто такое, изъ чего должно заключить, что Іисусъ Христосъ не былъ ему извѣстенъ лично (наприм. Дѣян. 9, 5). Притомъ, если бы Павелъ находился когда-нибудь въ числѣ слушателей Іисуса Христа, то Евангелисты, вѣроятно, замѣтили бы сіе обстоятельство, тѣмъ паче, что онъ, судя по его характеру, не могъ быть безмолвнымъ слушателемъ, или зрителемъ Мессіи. Странность сія, то есть, что Савлъ не зналъ Іисуса Христа лично, изъясняется тѣмъ, что время открытаго служенія Іисуса Христа роду человѣческому было непродолжительно [1]); что большая часть онаго прове-

[1]) Обыкновенно полагаютъ, что служеніе Іисуса Христа продолжалось около трехъ лѣтъ съ половиною. См. Церк. Библ. Истор. Преосв. Филарета.

дена была въ путешествіяхъ по Палестинѣ, особенно по той ея части, которая называлась Галилеею; что Іисусъ Христосъ приходилъ въ Іерусалимъ только на праздники, и то на краткое время, всегда почти удалялся шумныхъ собраній народа и проповѣдывалъ большею частію не тамъ, гдѣ полагали враги Его (Іоан. 11, 54—57). (Посему-то были такіе люди, кои, при всемъ желаніи видѣть Его, не находили къ тому случая. Лук. 23, 8). Съ другой стороны, Гамаліилъ, сообразно своему характеру, вѣроятно старался держать учениковъ своихъ, особенно юныхъ, какъ Савлъ, въ удаленіи отъ всѣхъ народныхъ собраній, которыя въ то время рѣдко происходили безъ печальныхъ явленій. По окончаніи своего образованія, Савлъ могъ отлучиться изъ Іерусалима въ Тарсъ къ своимъ родителямъ. И можно ли исчислить всѣ причины, которыя могли не допустить Павла знать Іисуса Христа лично?

Изъ училища Гамаліилова Савлъ вышелъ тѣмъ, чѣмъ надлежало выйти ученику фарисея—жаркимъ ревнителемъ отеческихъ преданій (Гал. 1, 14). Пылкость характера и юность возраста его были причиною, что онъ не перенялъ у своего наставника самой лучшей, можетъ быть, части его наставленій — искусства соединять съ ревностію по вѣрѣ хладнокровное разсужденіе и благоразумную терпимость (Дѣян. 5, 33—39). Участіе въ убіеніи Стефана, повидимому, было не первымъ опытомъ приверженности Савла къ отеческимъ преданіямъ: ибо оно не было столь значительно, чтобы первосвященники Іудейскіе вслѣдствіе его рѣшились уполномочить (Дѣян. 26, 10) юнаго фарисея на произведеніе тѣхъ кровавыхъ явленій, которыя, какъ увидимъ, послѣдовали за смертію первомученика. Наклонность многихъ изъ тогдашнихъ Іудеевъ къ языческимъ обыкновеніямъ представляла весьма часто случаи къ обнаруженію патріотической ревности. Едва ли даже Савлъ (завлеченный пылкостью характера) не состоялъ въ нѣкоторомъ сношеніи съ ужасною въ тѣ времена сектою зилотовъ[1]). Наименованіе «ревнителя» (Ζηλωτὴς), которое онъ даетъ самъ себѣ (Гал. 1, 14), довѣренность къ нему убійцъ Стефановыхъ (Дѣян. 8, 58), которые по всей вѣроят-

[1]) Зилотами назывались у Іудеевъ нѣкоторые безразсудные ревнители отечественной религіи и свободы, которые, проповѣдуя, что народъ Божій не долженъ платить дани кесарю, позволяли себѣ убивать тѣхъ, кои, будучи благоразумнѣе, имѣли твердость противиться ихъ возмутительнымъ замысламъ.

ности были зилоты [1]), дѣлаютъ сію догадку правдоподобною.

Когда такимъ образомъ ученикъ Гамаліиловъ, *имѣя ревность по Богѣ, но безъ разсужденія, и не разумѣя праведности Божіей, усиливался поставить собственную свою праведность, — праведность по вѣрѣ* (Рим. 10, 2—3) въ Іисуса Христа уже оказывала благотворное дѣйствіе свое надъ многими изъ его братій по плоти. Не смотря на гнусную клевету первосвященниковъ о похищеніи тѣла Іисусова учениками Его и на строгія мѣры противъ провозвѣстниковъ Его воскресенія, весь Іерусалимъ исполнялся славою имени Распятаго; *слово Божіе* росло. *число учениковъ* непрестанно *умножалось;* изъ самыхъ *священниковъ* Іудейскихъ *очень многіе покорялись вѣрѣ* (Дѣян. 6, 7). Іудейству, и безъ того давно потрясаемому различными толками господствующихъ сектъ, угрожала новая величайшая опасность со стороны возникающаго христіанства. Что долженъ былъ мыслить и чувствовать въ сихъ обстоятельствахъ Савлъ—юноша съ пылкимъ характеромъ, патріотическимъ чувствомъ, съ умомъ сильнымъ, но помраченнымъ предразсудками, фарисей, отъ всего сердца приверженный къ отеческому закону и обычаямъ, свято чтившій не только Моисея и пророковъ, но и преданія старцевъ, несообразныя съ духомъ христіанства?—Могъ ли онъ обольстительную мечту о Мессіи, царѣ-завоевателѣ, промѣнять на почитаніе креста, который еще недавно былъ предметомъ посмѣянія для Іерусалима? Могъ ли обѣщать себѣ что-нибудь добраго отъ той секты, коея Основатель столь строго и часто вооружался противъ порочной жизни фарисеевъ—его наставниковъ и воспитателей? Савлъ видѣлъ только опасность со стороны христіанства, а посему питалъ къ нему одно отвращеніе. Чудеса Іисуса Христа и Его Апостоловъ могли быть изъясняемы имъ такъ, какъ ихъ вообще изъясняли фарисеи—содѣйствіемъ злыхъ духовъ, легковѣріемъ народа и тому подобное. Внутреннее превосходство ученія христіанскаго также не могло трогать его: для сего требовалось спокойное углубленіе въ духъ христіанской религіи и въ свою совѣсть, къ чему умъ, занятый пред-

[1]) Ибо они только могли рѣшиться на убіеніе Стефана вопреки узаконенію Римлянъ, чтобы смертные приговоры исполнялись не прежде утвержденія ихъ прокураторомъ. Іоан. 8, 31.

разсудками, не былъ способенъ; только опытные и разсудительные люди, какъ Гамаліилъ, могли ожидать отъ Промысла разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ успѣхами христіанства. Павелъ думалъ, что ему нужно *сильно дѣйствовать противъ имени Іисуса Назорея* (Дѣян. 26, 9), — и дѣйствовалъ!

Первые опыты Савловой вражды на имя Христово, вѣроятно, состояли въ спорахъ съ провозвѣстниками онаго (Дѣян. 6, 9). Но школьная ученость фарисейская не долго могла стоять противъ устъ Стефана, исполненнаго Духа Божія (Дѣян. 6, 10); сила слова замѣнена была насиліемъ клеветы и оружія (Дѣян. 6, 13). Правота Павлова характера не позволяетъ думать, чтобы онъ участвовалъ въ сплетеніи клеветъ на Стефана; но однако же несомнѣнно, что онъ одобрялъ убіеніе его (Дѣян. 8, 1) и стерегъ одежды безчеловѣчныхъ убійцъ Стефановыхъ (Дѣян. 7, 58). Онъ поступилъ въ семъ случаѣ по совѣсти,—только заблуждающейся. На немъ, по замѣчанію Златоуста [1]), въ точности сбылись слова Спасителя: *иже убіетъ вы, возмнится службу приносити Богу*. Ему казалось, что онъ приноситъ Богу отцовъ своихъ самую пріятную жертву, когда преслѣдуетъ распространителей новой ереси, которая, по его мнѣнію, имѣла цѣлію ниспроверженіе Іудейской религіи. Если бы онъ увидѣлъ, подобно Стефану, Іисуса, стоящаго одесную Бога, то вѣрно, не опасаясь участи Стефановой, въ ту же минуту исповѣдалъ бы Его Сыномъ Бога живого.

Неисповѣдимый Промыслъ попустилъ ненависти Савла къ христіанамъ открыться въ новыхъ разительнѣйшихъ явленіяхъ, дабы, какъ изъясняетъ самъ Апостолъ, въ немъ *первомъ оказалось все долготерпѣніе Божіе, въ примѣръ тѣмъ, которые будутъ вѣровать* въ Іисуса Христа *къ жизни вѣчной* (1 Тим. 1, 16). Разсѣяніе вѣрующихъ по смерти Стефана породило въ умѣ убійцъ его мысль, что усиленное гоненіе положитъ конецъ новой ереси; по крайней мѣрѣ, Савлъ въ ослѣпленіи дерзнулъ на новыя жестокости. Получивъ отъ первосвященниковъ власть преслѣдовать христіанъ, онъ для сего ходилъ по всѣмъ синагогамъ; не довольствуясь симъ, входилъ въ домы ихъ, не щадилъ ни пола, ни воз-

[1]) Homil. in Acta Apost.

раста, мученіями принуждалъ ихъ хулить имя Іисуса, заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, то подавалъ на то свой голосъ (Дѣян. 26, 10—11). Такъ можетъ поступить человѣкъ съ самою набожною совѣстію, когда онъ не проникъ въ истинное свойство любви къ Богу и ближнему! — Успѣхи разсѣянныхъ христіанъ, которые всюду, гдѣ ни проходили, благовѣствовали имя Христово, подали Савлу случай простереть гоненіе на нихъ за предѣлы Палестины. Еще дыша угрозами и убійствомъ, онъ испросилъ у первосвященниковъ письма къ Дамасскимъ синагогамъ [1]), дабы, связавъ тамошнихъ христіанъ, препроводить ихъ въ Іерусалимъ для суда. Дамаскъ, наполненный Іудеями [2]), представлялъ воображенію Павла обширнѣйшее поле для дѣйствованія. Римская власть, которая не терпѣла такихъ явленій, каково было убіеніе Стефана, не имѣла тамъ силы: ибо онъ былъ завоеванъ незадолго предъ симъ Аретою, царемъ Аравійскимъ (2 Кор. 11, 32). Новый владѣтель его благопріятствовалъ Іудеямъ [3]). Письма первосвященника, и безъ того уважаемыя въ иноземныхъ синагогахъ, въ Дамасскихъ должны были имѣть силу закона и полный успѣхъ, который дѣйствительно послѣдовалъ,—только совсѣмъ въ другомъ видѣ!

Обращеніе въ христіанство.

Путешествіе въ Дамаскъ было тѣмъ временемъ, которое Промыслъ избралъ для обращенія Савла. Чѣмъ необыкновеннѣе сіе происшествіе, чѣмъ разительнѣе открывается въ немъ божественность христіанской религіи, тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ, что мы имѣемъ о немъ весьма обстоя-

[1]) Дѣян. 9, 2. Спрашивается: какую власть имѣлъ первосвященникъ надъ синагогою чужеземною, какова Дамасская? Изъ Joseph. Ant. 14, 10, 16, 9 видно, что чужеземныя синагоги добровольно повиновались верховному Іерусалимскому синедріону, особенно въ дѣлахъ, касающихся религіи, какъ-то: въ распознаніи ложнаго ученія, лживыхъ пророковъ и проч., и что Римскіе областеначальники не противились сему обыкновенію, которое имѣло видъ нѣкотораго національнаго закона у Іудеевъ. Vitr. de Synag. Veter. Pag. 866. Witsius Melet. Leyden. Pag. 23.

[2]) Какъ много было Іудеевъ въ Дамаскѣ, можно заключить изъ того, что, по свидѣтельству Флавія (Bel. Jud. 2, 25), жители Дамаска въ царствованіе Нерона, захвативъ нечаянно 10,000 Іудеевъ въ теплицахъ, предали смерти.

[3]) Изъ того, что дочь Ареты была въ замужествѣ за Иродомъ Антипою, нѣкоторые заключаютъ даже, что онъ былъ Іудейскій прозелитъ. Basnag. Exercitat. contra Baron. Pag. 163.

тельныя и несомнѣнныя свѣдѣнія, сообщенныя Евангелистомъ Лукою (Дѣян. 9, 1—25) и двукратно самимъ Павломъ (Дѣян. 22, 5—16; 26, 12—19). Среди дня, повѣствуетъ онъ, на пути я увидѣлъ свѣтъ съ неба, превосходящій солнечное сіяніе, который осіялъ меня и шедшихъ со мною. Всѣ мы пали на землю, и я слышалъ голосъ, говорящій ко мнѣ на Еврейскомъ языкѣ: «Савлъ, Савлъ! что ты Меня гонишь?— Трудно тебѣ идти противъ рожна!» (Дѣян. 26, 13—14). Легко представить, сколь сильное впечатлѣніе должно было произвести сіе необыкновенное явленіе въ пылкой душѣ гонителя! Онъ былъ увѣренъ, что всѣ непріязненныя дѣйствія его противъ христіанъ непосредственно относятся къ славѣ Божіей; что онъ подражаетъ въ семъ дѣлѣ Финеесу и Иліи, — и на семъ самомъ пути, который свидѣтельствовалъ о его ревности по Богѣ, видитъ явленіе, котораго онъ не могъ не признать за божественное, слышитъ съ неба голосъ, жалующійся на преслѣдованіе. Въ сію минуту должны были возобновиться въ памяти его всѣ озлобленія, причиненныя имъ въ Іерусалимѣ вѣрнымъ; — должна была предстать воображенію смерть Стефана, безчеловѣчіе его убійцъ, кроткое спокойствіе и небесное незлобіе сего мученика. Совѣсть, конечно, уже внушала ему, предъ кѣмъ онъ виновенъ; но еще какъ бы не довѣряя несправедливости своего дѣла, какъ бы желая дать знать, что онъ никого не гналъ съ злымъ намѣреніемъ, всегда дѣйствовалъ по закону, Савлъ въ трепетѣ дерзнулъ вопросить: *кто Ты, Господи? «Я—Іисусъ, Котораго ты гонишь»*, отвѣчалъ Явившійся! Надлежитъ поставить себя на мѣстѣ Павла, чтобы почувствовать всю силу сихъ словъ. Не было уже мѣста сомнѣнію въ божественности лица Іисусова; осталось только мѣсто для страха и ужаса. Савлъ не зналъ еще, что Іисусъ есть Богъ милосердія и щедротъ, что Онъ пришелъ взыскать и спасти погибшее, и для того взошелъ на крестъ, дабы привлечь къ Себѣ всѣхъ обремененныхъ грѣхами: сообразно земному понятію своему о Мессіи, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ увидѣть въ Немъ строгаго мстителя за поруганіе имени Своего, за мученіе рабовъ Его,—ожидалъ себѣ участи Даѳана и Авирона. Но Гонимый явился не для того, дабы наказать гонителя, но чтобы сдѣлать его Своимъ Апостоломъ. *Встань и стань на ноги твои,* сказалъ Господь: *ибо Я для того явился тебѣ,*

чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ тому, что̀ видѣлъ и что̀ Я открою тебѣ, избавляя тебя отъ народа Іудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ нынѣ посылаю тебя, открыть имъ глаза, дабы они обратились отъ тьмы къ свѣту и изъ-подъ власти сатаны къ Богу, и вѣрою въ Меня получили прощеніе во грѣхахъ и часть наслѣдія съ освященными (Дѣян. 26, 15—18).

Ободренный сими утѣшительными словами, Савлъ желалъ знать, что̀ требуется отъ него, дабы соотвѣтствовать новому служенію, на него возлагаемому; и получилъ въ отвѣтъ, что ему будетъ открыто о семъ въ Дамаскѣ. Послѣ сего видѣніе кончилось, оставивъ глубокіе слѣды на очахъ Савловыхъ (онъ сдѣлался слѣпъ) и еще глубже въ его сердцѣ. Спутники его видѣли только свѣтъ и слышали звукъ голоса, но Того, Кто говорилъ съ нимъ, не видали и, что̀ говорилъ, не разумѣли [1]).

Савлъ, ведомый спутниками, пришелъ въ Дамаскъ. Слѣпота его продолжалась три дня, проведенные имъ безъ пищи и питія. Состояніе духа его было въ сіе время самое мучительное для ветхаго человѣка, но тѣмъ благодѣтельнѣе для человѣка новаго: всѣ силы ума и сердца должны были какъ бы переродиться для новой жизни во Христѣ Іисусѣ [2]). Лишенный свѣта внѣшняго, онъ обратился ко внутреннему—молился, и получилъ видѣніе, въ коемъ представилось ему, что нѣкто изъ христіанъ, именемъ Ананія, возвратитъ ему зрѣніе (Дѣян. 9, 12). Въ то же время послѣдовало

---

[1]) Въ повѣствованіи Евангелиста Луки и Апостола Павла о семъ случаѣ усматривается нѣкоторое разногласіе. Первый говоритъ (Дѣян 9, 7), что спутники Павловы голосъ слышали, но никого не видѣли; послѣдній сказываетъ (Дѣян. 22, 9), что они не слыхали словъ Того, Кто говорилъ съ нимъ. Нѣкоторые (Oecumenius, Beza, Schmidius, Hermanus) думали согласить сіе, разумѣя въ первомъ случаѣ голосъ Павла, а въ послѣднемъ Іисуса Христа; но сего изъясненія не принимаетъ составъ рѣчи: ибо сказаннымъ словамъ въ первомъ случаѣ непосредственно предшествуютъ слова не Павловы, а Христовы; а посему, если бы св. Лука разумѣлъ голосъ перваго, то не сказалъ бы просто φωνὴ (голосъ), а присовокупилъ бы αὐτοῦ (его). Гораздо лучше изъясненіе тѣхъ, кои принимаютъ, что слово: *не слышали*, въ послѣднемъ случаѣ означаетъ:—*не разумѣли слышаннаго*; ибо ἀκούειν, подобно Еврейскому שָׁמַע, часто употребляется вмѣсто глагола *разумѣть*. Такъ употребляетъ слово сіе самъ Павелъ въ другомъ мѣстѣ: 1 Кор. 14, 2. Но какъ можно было слыша не разумѣть?—Можетъ быть, спутники Павла не знали Еврейскаго языка, на коемъ говорилъ съ нимъ Іисусъ Христосъ, или находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, или Говорившему угодно было, чтобы слова Его разумѣлъ одинъ Савлъ.

[2]) Для чего, спрашиваетъ Златоустъ, Павелъ не ѣлъ и не пилъ?—И отвѣчаетъ: осуждалъ въ совѣсти свои дѣянія, исповѣдывался въ нихъ предъ Богомъ, молился, просилъ о помилованіи. Hom. 19 in Act. Apost.

откровеніе и Ананіи [1]). Самъ Іисусъ Христосъ (такъ много заботился Онъ о Своемъ гонителѣ!), явясь ему, повелѣлъ идти къ Савлу для возвращенія ему зрѣнія. Ананія ужаснулся, представлялъ лютость сего человѣка и его ненависть къ христіанамъ, но былъ успокоенъ тѣмъ, что прежній гонитель теперь есть уже избранное орудіе славы Христовой. Нашедъ Савла въ домѣ нѣкоего Іудеянина, именемъ Іуды, онъ возложилъ на него руки и сказалъ: *братъ Савлъ! Господь Іисусъ, явившійся тебѣ на пути, послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты прозрѣлъ и исполнился Святаго Духа.* За словами тотчасъ послѣдовало и дѣйствіе: съ глазъ Савловыхъ спала какъ бы нѣкоторая чешуя: онъ прозрѣлъ и немедленно принялъ крещеніе (Дѣян. 9, 10—18), безъ сомнѣнія отъ рукъ Ананіи.

Обращеніе Павла есть одно изъ необыкновеннѣйшихъ событій, коими прославилась Церковь Апостольская: посему-то св. отцы столь часто вспоминали о немъ и съ такимъ удовольствіемъ углублялись въ него размышленіемъ [2]). Оно служитъ утѣшительнымъ примѣромъ для всѣхъ грѣшниковъ, особенно тѣхъ, кои имѣли несчастіе питать ревность по Богѣ безъ разсужденія, и въ то же время есть одно изъ самыхъ ощутительныхъ доказательствъ божественности христіанской религіи. Въ самомъ дѣлѣ, не кроткій по природѣ человѣкъ, который самъ по себѣ имѣлъ расположеніе къ благотворному ученію христіанъ, не слушатель Іисуса Христа, о коемъ можно бы сказать, что онъ увлеченъ сладостію словъ Его, не такой человѣкъ видитъ Іисуса, Коего Іудеи почитали мертвымъ, но упорнѣйшій защитникъ Іудейства, непримиримый врагъ имени Христова, жестокій преслѣдователь почитателей Его, въ коемъ первосвященники видѣли надежный оплотъ противъ разливающагося потока новой ереси, коего одно имя приводило въ трепетъ и такихъ людей, каковъ былъ Ананія, коего прибытія въ Дамаскъ христіане ожидали какъ гнѣва Божія, а Іудеи какъ Ангела-хранителя, однимъ словомъ, Савлъ видитъ Іисуса, признаетъ Его Мессіею, Сыномъ Божіимъ, и содѣлывается ревностнымъ

[1]) По отзыву самого Павла, Ананія былъ мужъ благочестивый по закону, одобряемый всѣми Іудеями, живущими въ Дамаскѣ. Дѣян. 22, 12. Древнее преданіе говоритъ, что онъ былъ изъ числа 70 Апостоловъ.

[2]) V. Svicer. Lex. sub voce Παῦλος. Duchall presumtive arguments Serm. 5. 6.

провозвѣстникомъ имени Его, презирающимъ самую смерть за истину новаго ученія. Какое ободреніе для гонимыхъ христіанъ! какой страхъ для Іудеевъ! какой ужасъ для убійцъ Стефана, для убійцъ Іисуса!

Савлъ не могъ обѣщать себѣ отъ христіанъ никакихъ земныхъ выгодъ. Искалъ ли онъ чести? Она была оказана ему верховнымъ совѣтомъ Іудейскимъ, который возложилъ на него самое важное порученіе: истребить возникающее христіанство. Исполненіе сего порученія покрыло бы его новою славою, вслѣдствіе коей онъ могъ имѣть право на самыя высокія достоинства между фарисеями; напротивъ, христіане какъ сами не искали почестей, такъ не могли и обѣщать ихъ, будучи гонимы и презираемы Іудейскими властями. Искалъ ли онъ богатства? Христіане были бѣдны; многіе изъ нихъ жили милосердіемъ своихъ братьевъ по вѣрѣ; ихъ послѣднія стяжанія подлежали расхищеніямъ, самая жизнь находилась въ непрестанной опасности. Напротивъ, секта фарисеевъ изобиловала всѣми временными благами и, пользуясь великимъ уваженіемъ въ народѣ, могла доставлять любимцамъ своимъ все, имъ угодное. Надѣялся ли онъ быть важнымъ лицомъ между христіанами, начальникомъ ихъ ереси? Но что за слава быть главою общества, состоявшаго изъ людей низкаго происхожденія, бѣдныхъ, слабыхъ, незнакомыхъ съ мірскимъ просвѣщеніемъ, проповѣдующихъ произвольную нищету и самоотверженіе? Притомъ, могъ ли Савлъ надѣяться довѣренности къ себѣ христіанъ послѣ многихъ опытовъ своей жестокости къ нимъ [1])? — Вся послѣдующая жизнь св. Павла служитъ яснѣйшимъ доказательствомъ, что онъ сдѣлался христіаниномъ не по какимъ-либо земнымъ побужденіямъ, но единственно потому, что совершенно убѣдился въ божественности христіанства чуднымъ явленіемъ Іисуса Христа. Онъ вездѣ показываетъ строжайшее безкорыстіе, имѣя полное право получать содержаніе отъ тѣхъ, кои обязаны ему своимъ спасеніемъ, питается большею частію собственными трудами, собираетъ милостыню по Церквамъ, имъ насажденнымъ, но не для себя, а для бѣдныхъ христіанъ Іерусалимскихъ; ищетъ славы, но единственно той, которая состоитъ въ вѣрномъ испол-

[1]) Conf. Bretschneider Handbuch der Dogmatik der Evang. Luther. Kirche 2 Auf. 1822. I. B. S. 191—203.

неніи высокихъ обязанностей апостольства; не терпитъ, чтобы кто-либо изъ обращенныхъ имъ назывался, по его имени, *Павловымъ;* называетъ себя послѣднимъ изъ Апостоловъ; хочетъ, чтобы его разумѣли не болѣе, какъ служителя Іисусъ Христова; вслухъ всѣхъ говоритъ, что онъ былъ гонитель и хульникъ, и помилованъ единственно по милосердію Спасителя.

Но Савлъ не только не искалъ для себя у христіанъ никакихъ временныхъ пріобрѣтеній, но еще долженъ былъ при переходѣ въ христіанство отказаться отъ тѣхъ, кои имѣлъ въ іудействѣ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ долженъ былъ потерять славу перваго ревнителя и защитника іудейства; долженъ былъ ниспровергать отеческія преданія, къ коимъ онъ привыкъ съ дѣтства; долженъ былъ разорвать нѣжнѣйшія узы родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались въ іудействѣ. Сего мало; за вѣру въ Іисуса Христа ему неминуемо надлежало сдѣлаться предметомъ ненависти всѣхъ фарисеевъ, всего синедріона, всего народа Іудейскаго.

Савлъ не былъ мечтатель, который внушенія собственнаго чувства, мечты воображенія почитаетъ за вдохновенія божественныя [1]). Энтузіастическая мечтательность происходитъ или отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ любимымъ мнѣніямъ, или отъ меланхоліи, или отъ живого, но необразованнаго воображенія, или отъ дѣтскаго легковѣрія. Савлъ имѣлъ сильное пристрастіе, но не къ христіанству, а къ преданіямъ фарисейскимъ; между тѣмъ, когда позналъ истину, то немедленно отвергъ ихъ единожды и навсегда. Онъ не былъ мрачнаго характера. Какимъ опасностямъ, скорбямъ, лишеніямъ ни подвергался онъ въ продолженіе своего апостольства, при всемъ томъ въ немъ не было ни малѣйшихъ признаковъ малодушія: онъ былъ совершенно доволенъ своею судьбою, радовался среди самыхъ страданій. Если онъ желалъ окончанія своей жизни, то потому, чтобы скорѣе соединиться съ возлюбленнымъ Спасителемъ. Въ семъ желаніи не было ничего нетерпѣливаго, энтузіастическаго: посему-то, когда онъ увидѣлъ, что для учениковъ его нужнѣе, чтобы онъ оставался въ сей жизни, то употреблялъ всѣ справедливые спо-

[1]) Conf. Bailer Grundlehren der Religion. 2 Auf. 1814. S. 414—426.

собы къ отдаленію ея конца. Савлъ имѣлъ живое воображеніе; но какъ строго оно было подчинено разсудку! — Читая посланія его, мы находимъ сильные порывы чувствъ; но они никогда не выходятъ за предѣлы: это — невольное изліяніе сердца, преисполненнаго любовію къ Богу и ближнему. Тѣмъ менѣе можно предполагать въ немъ легковѣрія и неосмотрительности. Изъ одной исторіи его можно извлечь подробныя правила христіанскаго благоразумія. Онъ постоянно внушалъ ученикамъ своимъ все испытывать, дабы принимать одно доброе; упрекалъ ихъ, когда они, подобно дѣтямъ, *влаялись всякимъ вѣтромъ ученія;* предостерегалъ ихъ отъ ложныхъ откровеній и пророчествъ; никогда не требовалъ себѣ слѣпой вѣры; напротивъ, хотѣлъ, чтобы они поступали по убѣжденію собственнаго своего ума. Такъ ли поступаютъ люди съ мечтательнымъ характеромъ [1])?

Тѣмъ прискорбнѣе для сердца христіанина, когда онъ находитъ, что въ наши времена нѣкоторые изъ такъ называемыхъ христіанскихъ философовъ покушаются чудесное обращеніе Апостола Павла изъяснить естественнымъ образомъ. И пусть изъясненія ихъ были бы дѣйствительно естественны; напротивъ, они столько принужденны, изысканны, нелѣпы, что едвали бы могли заслужить одобреніе отъ самыхъ враговъ Павловыхъ — Іудеевъ.

Весьма вѣроятно, такъ думаютъ тѣ, кои *мудрствуютъ паче, нежели подобаетъ мудрствовать* [2]), что Савлъ послѣ смерти Стефана началъ сомнѣваться въ справедливости гоненія, воздвигнутаго на христіанъ. На пути въ Дамаскъ сіе сомнѣніе еще болѣе усилилось. «Что», размышлялъ онъ, «если христіане невинны; если правда все то, что̀ они повѣствуютъ о Іисусѣ Христѣ; если сей Іисусъ, мною гонимый, есть дѣйствительно Мессія? Чего должны ожидать враги Его, чего долженъ ожидать я? О, если бы Онъ явился мнѣ и увѣрилъ меня въ Своей божественности! Я немедленно сдѣлался бы христіаниномъ». Когда душа Павлова была

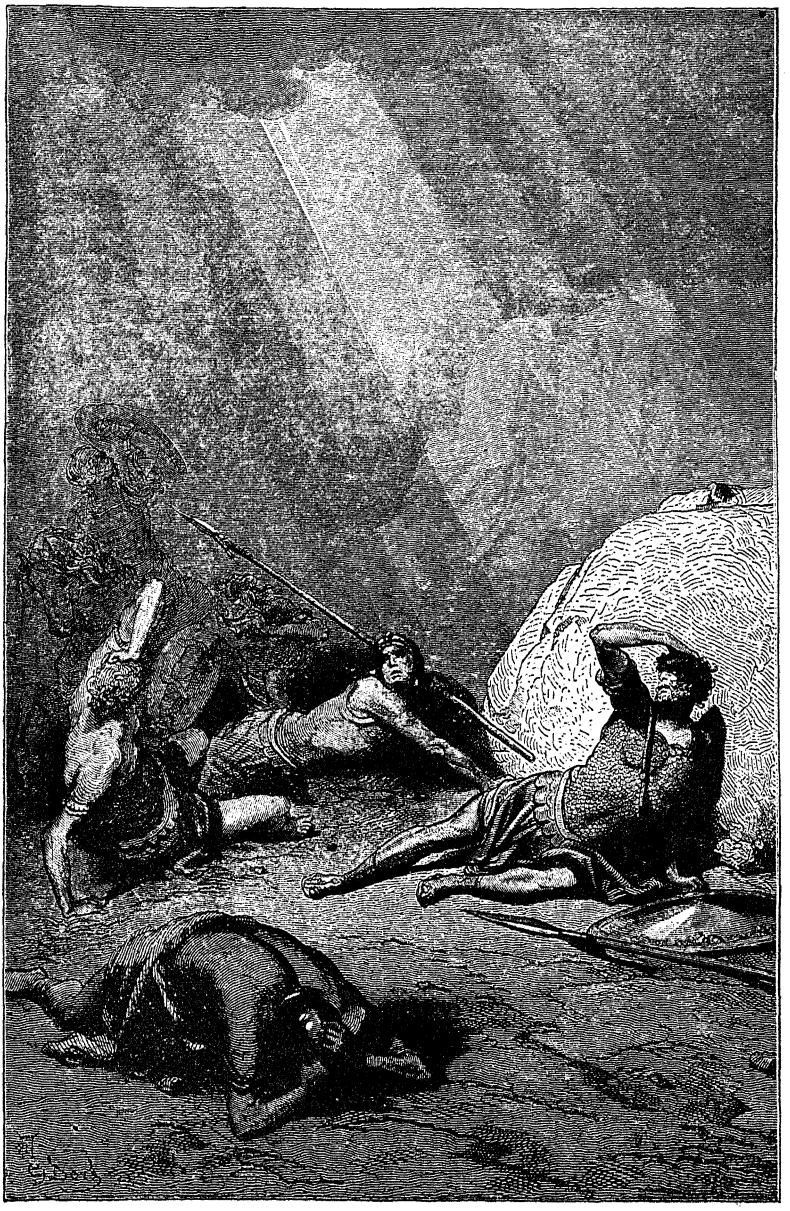
[1]) V. Lyttleton Observations on the conversion of St. Paul in a Letter to Gilbert West Esqvir. 1747. P 110.

[2]) Vid. Kuinol Commen. Hist. in Acta Apost. Ammon. de repentina Savli ad doctrinam Chris. conversione. Eckerman. in Theolog. Beiträgen. Eichhorn uerb die Nachricht von der Bekehrung des A. Paulus in allgemein. Biblioth. der. Bibisch. Litter. B. 6. Greuling. Versuch uber Plotzlichen Uebergang des Apost Pavlus zum Christenthum in Henke Museum fur Religion. Также Hezellius, Dindorfius Rosenmullerus, Heinrichsius въ толков. на 9 главу Дѣяній.

наполнена сими мыслями, вдругъ нашло облако, ударилъ громъ, и Савлъ, ослѣпленный молніею, повергся на землю. Поелику же Іудеи почитали громъ за нѣкоторый видъ божественнаго откровенія, коего смыслъ изъясняли сообразно состоянію своего духа: то сіе естественное происшествіе было почтено Савломъ за божественное откровеніе. Ему показалось, что онъ видитъ Самого Іисуса Христа и бесѣдуетъ съ Нимъ, между тѣмъ какъ сія бесѣда была ни что иное, какъ разглагольствіе его съ собственною совѣстію. Рѣшившись вслѣдствіе сего явленія обратиться къ Христу, онъ достигаетъ Дамаска, вступаетъ въ сообщество съ христіанами и, узнавъ основательнѣе святость и чистоту ихъ ученія, принимаетъ крещеніе.

Изъясненіе сіе, сколько ни стараются придать ему видъ правдоподобія, никакъ не можетъ быть соглашено съ историческими сказаніями о Павловомъ обращеніи, основывается на недоказанныхъ предположеніяхъ и опровергаетъ само себя.

1. *Несогласно съ историческими сказаніями.* а) Павелъ говоритъ (Дѣян. 26, 14), что онъ слышалъ «голосъ, говорящій на языкѣ Еврейскомъ»: это непререкаемая черта дѣйствительнаго разговора съ дѣйствительнымъ лицомъ; ибо громъ не можетъ говорить ни по-еврейски, ни на другомъ какомъ-либо языкѣ: это нелѣпость! Съ другой стороны, нельзя сказать, чтобы *Павелъ размышлялъ* самъ съ собою на Еврейскомъ языкѣ: это также нелѣпость! б) Павелъ сказываетъ (Дѣян. 9, 7), что спутники его «голосъ слышали, но никого не видали». Если подъ голосомъ разумѣется громъ, то слова: *никого не видали*—будутъ совершенно лишнія: ибо кто, слыша громъ, будетъ думать, что это говоритъ какое-либо лицо? Если же голосъ, слышанный Павломъ, былъ такого свойства, что въ спутникахъ его долженъ былъ возбудить понятіе о лицѣ говорящемъ, то это вѣрный знакъ, что сей голосъ былъ членораздѣльный, сходный съ голосомъ человѣческимъ. в) Павелъ весьма подробно описываетъ явленіе Іисуса Христа, замѣчаетъ мѣсто и время, въ которыхъ оно случилось; какъ бы не упомянуть ему и о томъ, что голосъ (Дѣян. 9, 3; 22, 6), говорящій съ нимъ, выходилъ изъ облака?—Напротивъ, онъ утверждаетъ, что это случилось внезапно (ἐξαίφνης) въ полуденное время, когда, то есть, небо было совершенно чисто и нельзя было ожидать подобнаго явленія съ неба.



Апостолъ Павелъ на пути въ Дамаскъ.

г) Когда удары громовые упадаютъ близко къ человѣку, то въ такомъ случаѣ звукъ слѣдуетъ непосредственно за свѣтомъ; но Павелъ увидѣлъ сначала свѣтъ, потомъ уже, павши на землю, услышалъ голосъ. Если же ударъ палъ въ довольномъ разстояніи отъ Савла, то не могъ повредить его зрѣнія. д) Въ 9, 7 Дѣяній говорится, что спутники Павловы «голосъ слышали»; а въ 22, 9 написано, что они «не слыхали» словъ Того, Кто говорилъ съ Савломъ. Таковое противорѣчіе останется неизъяснимымъ, если подъ голосомъ будемъ разумѣть громъ. Ибо въ такомъ случаѣ: *не слыхать,* значитъ, просто не слышать, не ощущать слухомъ; но можно ли вмѣстѣ и слышать и не слышать? Но сіе противорѣчіе исчезаетъ само собою, когда голосъ, слышанный Павломъ, принимаемъ за голосъ членораздѣльный; ибо спутники могли слышать звукъ словъ и не понимать ихъ значенія: такимъ образомъ о нихъ можно было сказать, что они и слышали голосъ и не слыхали.

2. *Основывается на недоказанныхъ предположеніяхъ.* Мысль, что Савлъ предъ путешествіемъ въ Дамаскъ началъ колебаться въ своей приверженности къ іудейству, раскаиваться въ жестокостяхъ, оказанныхъ христіанамъ, есть произвольная догадка, противорѣчащая исторіи. Ибо въ какомъ расположеніи духа онъ отправился въ Дамаскъ?—«Дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господнихъ» (Дѣян. 9, 1). Это ли признакъ человѣка, начинающаго приходить въ раскаяніе? Въ продолженіе путешествія не было случая перемѣнить ему свой образъ мыслей. Изъ вопроса, сдѣланнаго имъ Іисусу Христу: *кто Ты, Господи?*—видно, что онъ непосредственно предъ симъ совсѣмъ не думалъ, какъ предполагается, объ Іисусѣ Христѣ. Иначе упрекъ Спасителя: *что ты Меня гонишь?*—тотчасъ пробудилъ бы въ душѣ его мысль, что это Іисусъ, имъ гонимый.

Не болѣе силы имѣетъ и то предположеніе, что Іудеи во времена Іисуса Христа почитали громъ за нѣкоторый видъ божественнаго откровенія. Изобрѣтатели и защитники его, вмѣсто убѣдительныхъ доказательствъ, ссылаются на 12, 29 Іоанна; но мѣсто сіе, безъ явнаго насилія составу рѣчи, не можетъ быть почитаемо за доказательство. Ссылаются еще на Флавія; но у него громы суть только признакъ присутствія Божія: мнѣніе, по всей вѣроятности, про-

исшедшее отъ воспоминанія Синайскаго законодательства, въ коемъ присутствіе Божіе обнаружилось громами.

3. *Опровергаетъ само себя.* Предполагается, что Савлъ былъ ослѣпленъ и поверженъ на землю молніею, и въ то же время предполагается, что онъ, поверженный на землю, могъ спокойно размышлять самъ съ собою, давать вопросы, отвѣты, осуждать прежнія дѣянія свои, рѣшиться на перемѣну своей вѣры. Не истребляютъ ли сами себя сіи два противоположенія?—Человѣкъ, пораженный молніею, способенъ ли къ размышленіямъ? Итакъ надлежитъ утверждать, что разговоръ Павла съ своею совѣстію происходилъ не во время грома, а при дальнѣйшемъ продолженіи пути, или въ Дамаскѣ. Но если такъ, то могъ ли Павелъ представлять его въ видѣ разговора съ Самимъ Іисусомъ Христомъ во время грома?—Это могъ сдѣлать стихотворецъ, а не Апостолъ.

Кромѣ сего, надобно замѣтить а), что Павелъ неоднократно поставляетъ явленіе (1 Кор. 9, 1; 15, 8; Гал. 1, 1—16) ему Іисуса Христа наряду съ дѣйствительнымъ явленіемъ Его прочимъ Апостоламъ, и производитъ изъ него истину и божественность своего апостольства; но все сіе не иначе можно согласить съ правотою Павлова характера, какъ подъ условіемъ, что ему дѣйствительно явился Іисусъ Христосъ. б) Прочіе Апостолы и всѣ христіане безъ сомнѣнія не прежде приняли Савла въ свое сообщество, какъ по строгомъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ его чудеснаго обращенія, совершенно увѣрившись, что онъ не былъ обманутъ собственнымъ воображеніемъ. Что они не были легковѣрны къ прежнему гонителю своему, ясно изъ Дѣяній Апостольскихъ (9, 27—28).

Время обращенія Павлова.

По многимъ причинамъ полезно знать, въ какой именно годъ по вознесеніи Іисуса Христа случилось обращеніе Апостола Павла. Но предпріятіе—опредѣлить въ точности сію эпоху, столь важную по отношенію къ хронологіи Дѣяній Апостольскихъ,—сопряжено съ великими неудобствами, не только по причинѣ недостатка ясныхъ свидѣтельствъ, но и

по причинѣ разногласія прикровенныхъ указаній, изъ коихъ посредствомъ соображеній надлежитъ вывести правдоподобнѣйшее мнѣніе. Сдѣлаемъ однако же то, что̀ можно, если нельзя сдѣлать всего.

Многіе изъ прежнихъ библейскихъ хронологовъ [1]) и недавно Зускиндъ [2]) полагали, что Павелъ обратился ко Христу въ первый годъ по Вознесеніи. Но, принявъ сіе мнѣніе, надобно утверждать, что происшествія, описанныя въ книгѣ Дѣяній до 9 главы, содержащей исторію обращенія Павлова, случились въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что̀, судя по количеству и качеству ихъ, весьма невѣроятно; невѣроятно также и то, чтобы въ продолженіе столь незначительнаго времени христіане до того умножились въ Дамаскѣ, что для истребленія ихъ нужно было посылать туда Савла. Притомъ Павелъ самъ сказываетъ, что во время его обращенія Дамаскъ находился подъ властію Аравійскаго царя Ареты; но Сирія въ 33 и 34 годахъ принадлежала еще Римлянамъ и состояла подъ управленіемъ Вителлія. Правда, защитники вышесказаннаго мнѣнія догадываются, что Арета въ самомъ началѣ войны съ Иродомъ Антиппою за Иродіаду (война сія началась въ 34 году) сдѣлалъ нападеніе на Дамаскъ, дабы такимъ образомъ предупредить Римлянъ, въ пріязни и содѣйствіи коихъ Ироду, своему врагу, онъ не могъ сомнѣваться; но сія догадка весьма неосновательна: ибо Арета, конечно, не былъ столь безразсуденъ, чтобы нападеніемъ на Римскія области раздражать противъ себя повелителей свѣта. Исторія напротивъ говоритъ, что Вителлій, правитель Сиріи, оставался спокойнымъ зрителемъ борьбы Ирода съ Аретою и требовалъ отъ кесаря повелѣнія, какъ ему должно поступать въ семъ случаѣ. Но если Арета до полученнаго Вителліемъ приказанія отъ Тиверія—представить его живого или мертваго въ Римъ—завладѣлъ Дамаскомъ, то остается неизъяснимымъ, почему славолюбивый и мужественный Вителлій, который принудилъ нѣкогда Парѳскаго царя принести жертву статуямъ Августа и Калигулы [3]), не отразилъ тотчасъ силы силою,

[1]) Vid. Spanhemii Dissert. de tempore conversionis Pavlinae. Также Bengel, ordo temporum, и Pearson Annales Pavlinae

[2]) In neuem Versuch über chronologische Standpuncte fur die Apostelgeschichte in Bangel Archiv, für die Theologie. B. 1. Th. 2. pag. 303, sq.

[3]) Dion. Cass. Hist. Lib. 59, pag. 661.

какъ того требовала честь Римскаго имени и собственная его слава? Таковое отраженіе онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы и въ томъ случаѣ, когда бы Арета только осмѣлился окружить своими войсками Дамаскъ, какъ весьма принужденно изъясняетъ слова Павловы (ἐφρούρει τὴν Δαμασκηνῶν πόλιν, *стрежаше Дамаскъ градъ,* 2 Кор. 11, 32) Зускиндъ. Еще менѣе можно предполагать въ Аретѣ рѣшимости осаждать Дамаскъ, послѣ того, какъ Вителлій, вслѣдствіе Тиверіева повелѣнія—помогать всѣми силами Ироду, собралъ свои войска для войны съ Аравлянами.

Но не завоевалъ ли Арета Дамаска и слѣдственно не могло ли послѣдовать обращеніе Павла въ 39 году по Рождествѣ Христовѣ, когда Вителлій, получивъ извѣствіе о смерти Тиверія, возвратилъ свои войска на зимнія квартиры [1])? Также невѣроятно: ибо Римскій военачальникъ ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы Аравійскому владѣльцу ненаказанно расхищать и присвоять себѣ области, находившіяся подъ его управленіемъ. Вообще, доколѣ Вителлій былъ проконсуломъ Сиріи (до 39 года), Дамаскъ не могъ быть отнятъ у Римлянъ. Значитъ, обращеніе Павла могло послѣдовать по крайней мѣрѣ не прежде 39-го года нашей эры, или пяти лѣтъ по Вознесеніи.

По вѣроятнѣйшему соображенію, обращеніе Павла должно послѣдовать въ 40 годъ по Рождествѣ Христовомъ. Сирія не имѣла тогда побѣдоноснаго Вителлія; недѣятельность и безразсудство преемника Тиверіева Калигулы служили ободреніемъ для враговъ Римскаго имени, а посему Арета, который за три года предъ тѣмъ разбилъ войска Иродовы [2]), могъ, надменный успѣхомъ, отважиться на завоеваніе Дамаска. Съ симъ мнѣніемъ согласуются и важнѣйшія изъ хронологическихъ указаній на время обращенія Павлова, которыя находятся въ его посланіяхъ и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ. Изъ 1, 18 посланія къ Галатамъ видно, что первое путешествіе Павла въ Іерусалимъ послѣдовало спустя 3 года по его обращеніи. Поелику Павелъ называетъ здѣсь Іакова младшаго, съ коимъ онъ видѣлся, братомъ Господнимъ, конечно для того, чтобы отличить его отъ Іакова старшаго: то надобно

[1]) Такъ думали: Wolfius in Curis ad 2 Kor 1, 1. Micaelis Einleitung in N. T. Th. I. § 2, pag. 55, ed 3. Eichhorn in Einleitung. Th. 2, pag. 49.

[2]) Ioseph. Ant. 18, 1, seq.

думать, что послѣдній былъ въ живыхъ, когда Апостолъ въ первый разъ былъ въ Іерусалимѣ. Во время вторичнаго посѣщенія Павломъ Іерусалима Іаковъ старшій былъ умерщвленъ. Умерщвленіе его должно предварить смерть царя Агриппы, его убійцы, только нѣсколькими мѣсяцами: ибо Евангелистъ Лука о послѣдней повѣствуетъ непосредственно за первымъ. А смерть Агриппы, какъ достовѣрно извѣстно, случилась въ 4 годъ царствованія Клавдіева, или въ 44 годъ нашей эры. Итакъ если обращеніе Павла, какъ мы видѣли, не могло послѣдовать прежде 39 года, и если Іаковъ старшій былъ въ живыхъ во время перваго пребыванія Павлова въ Іерусалимѣ и мертвъ во время второго, то есть въ 44 году: то значитъ, что первое путешествіе Павла въ Іерусалимъ послѣдовало въ 43 году, и слѣдственно обращеніе его должно быть отнесено къ 40-му году по Рождествѣ Христовомъ, или къ 6 му году по Вознесеніи.—То же подтверждаетъ и самая причина, по которой предпринято Апостоломъ второе путешествіе въ Іерусалимъ. Гладъ, отъ коего страдала тогда Іудея и по причинѣ коего Антіохійцы посылали чрезъ Павла милостыню въ Іерусалимъ, начался въ 4-ый годъ Клавдіева правленія (въ 44 годъ по Р. Х.) и продолжался, по свидѣтельству Флавія, около двухъ лѣтъ. Но Павелъ, вслѣдствіе пророчества Агава, долженъ былъ, по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ бѣдствія отправиться въ Іерусалимъ для доставленія пособій тамошнимъ христіанамъ. А посему второе путешествіе его придется въ 44 годъ, первое въ 43, слѣдовательно обращеніе его должно послѣдовать въ 40-ой годъ.

Сказанному нами, повидимому, противорѣчитъ нѣсколько посланіе къ Галатамъ, гдѣ Апостолъ говоритъ, что второе путешествіе въ Іерусалимъ предпринято имъ спустя не 4, а 14 лѣтъ по его обращеніи. *Потомъ же по четыренадесяти лѣтѣхъ паки взыдохъ во Іерусалимъ.* Но лучшіе изъ древнихъ и новѣйшихъ критиковъ полагаютъ, что въ показанномъ мѣстѣ надобно читать не διὰ δεκατέσσαρων (14), а διὰ τέσσαρων (4) ἐτων [1]). Впрочемъ, нѣтъ особенной нужды пере-

[1]) Въ самомъ дѣлѣ, въ знаменитомъ древностію Временникѣ (Chronicon) Пасхальномъ, или Александрійскомъ (Chronicon Paschale pag. 186, edit. Venet. pag. 233. edit. Paris) читается διὰ τέσσαρων ἐτων. Притомъ весьма легко показать какимъ образомъ могло произойти нынѣшнее чтеніе изъ древняго. Переписчикъ вмѣсто Δ (4) могъ написать ΙΔ (14), или вмѣсто δ (4) поставить δέκα (10). Грамматикъ какой-нибудь, замѣтивъ сію ошибку, написалъ на полѣ страницы τέσσαρων, которое потомъ внесено въ текстъ. Можно также статься, что какой-нибудь грам-

мѣнять настоящее чтеніе: ибо наше мнѣніе можетъ быть соглашено съ нимъ удовлетворительно. Именно, Павелъ не говоритъ, чтобы путешествіе, о коемъ упоминаетъ онъ во 2, 1 Галат., было точно второе, а сказываетъ только, что спустя 14 лѣтъ по обращеніи, онъ опять ходилъ въ Іерусалимъ. Судя по сему времени и по дѣламъ, коими онъ занимался въ Іерусалимѣ, весьма вѣроятно, что онъ разумѣлъ подъ симъ третіе свое путешествіе въ Іерусалимъ, описанное въ 15 главѣ Дѣяній. Причина, почему онъ упомянулъ непосредственно за первымъ о третьемъ путешествіи и прошелъ молчаніемъ второе, состояла въ томъ, что онъ при разсказѣ о своихъ путешествіяхъ имѣлъ цѣлію показать свое равенство съ прочими Апостолами, въ доказательство коего второе путешествіе ничего не представляло [1]).

Первые подвиги Павла по обращеніи.

По обыкновенному порядку вещей, надлежало думать, что Павелъ по своемъ обращеніи будетъ искать случая вступить въ сообщество съ Апостолами, дабы, научившись отъ нихъ таинствамъ новой вѣры, участвовать въ трудахъ апостольскихъ. Такъ, можетъ быть, поступилъ бы всякій другой, но—не Павелъ. Бывъ призванъ къ христіанству и апостольству не *человѣкомъ, ни чрезъ человѣковъ,* но Самимъ Іисусомъ Христомъ, онъ отъ Него единаго ожидалъ наставленія въ великой должности своей, не почитая нужнымъ совѣтоваться о томъ *съ плотію и кровію,* съ кѣмъ-либо изъ людей, себѣ подобныхъ. Ананія, преподавшій ему крещеніе, могъ преподать и нѣкоторыя первыя понятія о предметахъ вѣры; но могъ ли онъ сообщить ему разумѣніе всѣхъ *таинъ Христовыхъ,* кои впослѣдствіи раскрыты въ посланіяхъ Павловыхъ, и изъ коихъ нѣкоторыя (напримѣръ, тайна обращенія ко Христу язычниковъ, Еф. 3, 4—8) были тогда запечатлѣны еще для самыхъ Апостоловъ?

матикъ, читая въ своемъ кодексѣ διὰ τέσσαρων, вспомнилъ 2 Кор. 12, 2, гдѣ стоитъ δεκατεσσαρων, и не имѣя времени или охоты раскрыть и свѣрить послѣднее мѣсто, внесъ въ текстъ, или поставилъ на сторонѣ δέκα, которое потомъ вошло въ текстъ.

[1]) Vid. Vogelius in Versuch über chronologische Standpuncte in der Lebensgeschichte Pauli in Gableri Journal fur ausserles. Theol. Litter. B. I. pag. 249.

Евангеліе къ Евреямъ, изъ коего, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ [1]), Павелъ заимствовалъ свѣдѣнія о жизни и духѣ ученія Іисуса Христа, въ первые годы по обращеніи Павла еще не существовало. Изъ того, что въ семъ Евангеліи упоминается [2]) о явленіи Іисуса Христа Апостолу Іакову (случай, неупомянутый прочими Евангелистами, но упомянутый Павломъ—1 Кор. 15, 7), не слѣдуетъ еще, чтобы оно было читано послѣднимъ. Павелъ упоминаетъ и о другихъ нѣкоторыхъ происшествіяхъ, описанныхъ Евангелистами (напримѣръ, объ учрежденіи тайной вечери—1 Кор. 11, 23—29); однако же утвердительно говоритъ, что онъ узналъ о нихъ не изъ Евангелій, а изъ непосредственнаго откровенія. Онъ неоднократно въ посланіяхъ своихъ объявляетъ (и мы должны слушать его, оставя всѣ догадки), что все, чему онъ ни поучалъ, открыто ему Духомъ Святымъ (1 Кор. 2 гл.). При семъ Учителѣ не было нужды въ земныхъ наставникахъ.

Отъ жестокаго гонителя христіанства до ревностнаго проповѣдника Евангелія, отъ фарисея, помраченнаго предразсудками, до великаго учителя языковъ, проповѣдующаго премудрость, сокровенную въ Богѣ, разстояніе великое! Но для Павла оно не существовало. Едва только получилъ онъ тѣлесное прозрѣніе отъ Ананіи, тотчасъ, сообразно предсказанію Іисуса Христа (Дѣян. 26, 18), началъ отверзать духовныя очи другимъ. Быть христіаниномъ и проповѣдывать имя Христово для него значило одно и то же. Онъ уже имѣлъ всѣ качества, потребныя для высокаго служенія апостольскаго. Апостолу надлежало быть самовидцемъ Іисуса Христа: Павелъ видѣлъ Его и, что важнѣе, видѣлъ не въ состояніи уничиженія, но въ состояніи славы. Апостолъ долженъ быть избранъ Самимъ Іисусомъ Христомъ: Павелъ пріялъ жребій служенія не отъ кого другого, какъ отъ Самого Христа. Апостолъ долженъ былъ пріять Духа Святаго: Павелъ былъ постоянно храмомъ Святаго Духа.

Могли ли Дамасскіе раввины стоять противъ устъ новаго проповѣдника христіанства? Имъ оставалось одно средство, столь пріятное фанатизму, прибѣгнуть къ насилію. Оно немедленно употреблено было въ дѣло: положили умертвить

[1]) Eichhorn in Einleitung in N. T § 202. 1810.
[2]) Hieron. in Catal. Script. Eccles. sub voce: Iacobus.

Павла. Градоначальникъ Дамасскій [1]), благопріятствуя врагамъ его, окружилъ стражею всѣ выходы изъ города, дабы обреченная на закланіе жертва не могла спастись бѣгствомъ. Но прозорливая попечительность новыхъ братій Павловыхъ по вѣрѣ была гораздо дѣятельнѣе злобной предусмотрительности враговъ его: въ продолженіе ночи онъ спущенъ былъ въ корзинѣ по городской стѣнѣ. Такъ въ самомъ началѣ апостольскаго служенія Павлова открылся неизмѣримый рядъ опасностей и скорбей, сквозь которыя онъ долженъ былъ проходить до самаго конца своей жизни, дабы получить тотъ неувядаемый *вѣнецъ правды*, коимъ онъ хвалился впослѣдствіи (2 Тим. 4, 8).

Изъ Дамаска Павелъ удалился въ Аравію (Гал. 1, 17). Надлежитъ думать, что сіе путешествіе его такъ, какъ и другія, имѣло цѣлію проповѣдь Евангелія; впрочемъ, подробности его для насъ неизвѣстны; св. Лука даже не упоминаетъ о немъ. Возвратившись изъ Аравіи, Павелъ снова посѣтилъ Дамаскъ и, не смотря на прошедшую опасность, снова проповѣдалъ въ немъ Христа. Отъ обращенія его къ христіанству протекло уже около трехъ лѣтъ, и онъ рѣшился побывать въ Іерусалимѣ, дабы видѣться съ Петромъ (Гал. 1, 18). Къ сему путешествію могли расположить его частію потребность опредѣлить кругъ своего апостольскаго дѣйствованія сообразно дѣйствованію прочихъ Апостоловъ, частію желаніе видѣть матерь Церквей—Церковь Іерусалимскую и соутѣшиться съ самовидцами жизни Іисусъ Христовой преуспѣяніемъ христіанства между Іудеями, частію наконецъ ревность возвѣстить имя Христово въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ явился упорнымъ гонителемъ онаго.

Іерусалимскіе христіане не могли не слышать о чудесномъ обращеніи Павла. Но трехлѣтнее пребываніе его въ Аравіи, съ коею Іудеи Палестинскіе, особенно въ то время, не имѣли никакого сообщенія, могло привести въ забвеніе его безпритворное усердіе къ новой вѣрѣ, оказанное имъ въ Дамаскѣ. Между тѣмъ весьма живо помнили смерть Стефана,

[1]) Св. Лука (Дѣян. 9, 24) повѣствуетъ, что сами Іудеи стерегли ворота, а, по словамъ Павла, ихъ стерегъ Дамасскій градоначальникъ (2 Кор. 11, 32). Или іудеямъ приписывается то, что они произвели своими просьбами, или нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ Аравійской стражѣ, дабы указать ей Павла, для нея неизвѣстнаго, или градоначальникъ разумѣется не языческій, а Іудейскій; ибо Іудеи въ нѣкоторыхъ городахъ имѣли своихъ градоначальниковъ. O. Knoel commen. in Act. Apos. ad h. l.

узы и темницы, въ кои вѣрующіе были повергаемы рукою Савла-гонителя. Посему-то Іерусалимскіе христіане, не смотря на то, что Павелъ, пришедши въ Іерусалимъ, всячески старался присоединиться къ нимъ, удалялись его, не вѣря, чтобы онъ былъ ученикъ Іисуса. Надлежало представить поручителя въ искренности своихъ намѣреній; Павелъ нашелъ его въ Варнавѣ, вѣроятно, познакомившемся съ нимъ въ Дамаскѣ. Сей, пользуясь довѣренностію всей Іерусалимской Церкви, представилъ его Апостоламъ, разсказавъ подробно какъ о чудесномъ обращеніи его, такъ и о ревности за имя Христово. Подозрѣнія кончились, уступивъ мѣсто братской любви, и Павелъ съ тѣхъ поръ началъ обращаться съ Апостолами (Дѣян. 9, 28).

Пребываніе его въ Іерусалимѣ сопряжено было съ великою опасностію; три года отсутствія не могли привести въ забвеніе его измѣны (такъ, безъ сомнѣнія, называли обращеніе Павла ко Христу) предъ великимъ синедріономъ: причина, весьма достаточная для того, чтобы удержаться отъ проповѣданія Евангелія въ Іерусалимѣ. Но Павелъ не зналъ страха въ дѣлѣ проповѣди и безтрепетно возвѣщалъ въ слухъ всѣхъ и каждаго, что распятый Назореянинъ, Коего онъ прежде сего гналъ, есть истинный Мессія, Сынъ Божій!—Іудеи Іерусалимскіе въ семъ отношеніи были ничѣмъ не лучше Дамасскихъ: составился заговоръ на жизнь проповѣдника. Всѣ вѣрующіе увидѣли опасность; одинъ Павелъ не хотѣлъ видѣть оной. Напрасно братія совѣтовали и просили его удалиться: душа его занята была одною мыслію, что Іерусалимъ, бывшій свидѣтелемъ его гоненія на христіанъ, долженъ быть свидѣтелемъ и его ревности по христіанской религіи (Дѣян. 22, 17—20). Уже онъ готовъ былъ омыть предъ лицомъ синедріона своею кровію позоръ соучастія въ убійствѣ Стефана; но Промыслъ, который предопредѣлилъ его къ бо́льшимъ подвигамъ, не принялъ сей жертвы.

По обыкновенію Павелъ вошелъ въ храмъ для молитвы. Кажется, между предметами его молитвъ было и то, чтобы Промыслъ вразумилъ его, долженъ ли онъ остаться въ Іерусалимѣ, или, послѣдуя совѣту братій, удалиться. Среди молитвы онъ пришелъ въ восторгъ; ему явился Іисусъ Христосъ и повелѣвалъ оставить Іерусалимъ, потому что Іудеи

не примутъ его свидѣтельства. Въ избыткѣ святой ревности, Павелъ представлялъ, что Іерусалимляне, соблазненные его прежнею жестокостію къ христіанамъ, ни отъ кого съ такою убѣдительностію не могутъ слышать проповѣдь Евангелія, какъ отъ него, и что примѣръ его можетъ возвратить на путь правый тѣхъ, кои, подобно ему, имѣютъ ревность безъ разсужденія. Но Господь объявилъ ему, что онъ предназначенъ быть Апостоломъ язычниковъ, а не Іудеевъ (Дѣян. 22, 17—21); Павелъ повиновался,—и былъ препровожденъ вѣрующими сначала въ Кесарію, а потомъ въ Тарсъ, мѣсто его рожденія (Дѣян. 9, 30).—Это было въ началѣ 44 года по Рождествѣ Христовомъ. Между тѣмъ христіане, разсѣянные гоненіемъ Стефана, пронесли слово Евангелія до Финикіи, Кипра и Антіохіи (Дѣян. 9, 1—19). Въ послѣдней проповѣдь евангельская оказала силу надъ столь многими душами, что христіане Іерусалимскіе, услышавъ о семъ, почли за нужное отправить туда Варнаву, для укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ. Господь благословилъ труды сего добродѣтельнаго мужа; но жатва была такъ богата, что требовала не одного, а многихъ дѣлателей. Зная отличныя дарованія и ревность Павла, а можетъ быть, и его предназначеніе въ учителя язычниковъ (изъ коихъ большею частію состояла Церковь Антіохійская), Варнава отправился за нимъ въ Киликію и, нашедъ его въ Тарсѣ, привелъ съ собою въ Антіохію (Дѣян. 11, 25).

Здѣсь Павелъ вмѣстѣ съ Варнавою цѣлый годъ трудился надъ образованіемъ Церкви. Успѣхъ былъ столь великъ, что Церковь Антіохійская впослѣдствіи сдѣлалась, какъ извѣстно, матерію восточныхъ Церквей. Святой Лука при семъ случаѣ замѣчаетъ, что ученики въ Антіохіи первые начали называться именемъ христіанъ [1]); поелику же они такъ названы, какъ полагаютъ, отъ частаго употребленія Христова имени: то черта сія даетъ разумѣть, что имя Христа было непрестанно не только въ сердцѣ, но и на языкѣ учениковъ Павловыхъ. Такъ вѣрно и постоянно исполнялъ онъ свое намѣреніе—не казаться знающимъ что-либо, кромѣ Іисуса Христа и того распятаго! Предсказаніе про-

[1]) Что не сами христіане назвали себя симъ именемъ, видно изъ того, что они и послѣ долго не употребляли онаго, довольствуясь прежними именами (учениковъ, вѣрующихъ, назореевъ), и что самъ Павелъ ни однажды не употребилъ его въ своихъ посланіяхъ.

рока Агава о имѣющемъ послѣдовать гладѣ, который долженъ былъ отяготѣть особенно надъ христіанами Іерусалимскими, потерпѣвшими отъ Іудеевъ разграбленіе имуществъ, расположило Антіохіянъ сдѣлать имъ братское пособіе. Павелъ по сему случаю снова восходилъ во Іерусалимъ для доставленія собранной милостыни. Если происшествія, описанныя въ 12 главѣ Дѣяній (убіеніе Апостола Іакова Иродомъ, заключеніе и чудесное освобожденіе Петра, внезапная смерть Ирода, убійцы Іакова), случились, какъ надлежитъ думать, во время пребыванія Павлова въ Іерусалимѣ: то оно продолжалось около года; подробности его не извѣстны (Дѣян. 11, 26—12 гл.).

Первое апостольское путешествіе св. Павла.

По возвращеніи изъ Іерусалима Павелъ недолго оставался въ Антіохіи; уже наступило время, въ которое ему надлежало явиться на великомъ поприщѣ учителя язычниковъ. Онъ и прежде проповѣдывалъ имъ Евангеліе; но его голосъ сливался съ голосами другихъ проповѣдниковъ: онъ назидалъ на основаніи, положенномъ другими; между тѣмъ какъ ревность къ распространенію истины побудила его проповѣдывать тамъ, гдѣ еще не было извѣстно имя Христово.

Къ столь великому подвигу Павелъ приготовленъ былъ новымъ, чрезвычайнымъ откровеніемъ, о коемъ упоминается въ 12, 1—5 второго посланія къ Коринѳянамъ,—и которое, по вѣроятнѣйшему соображенію хронологическому [1]), должно быть относимо къ сему времени. Сущность и образъ сего откровенія описаны самимъ Павломъ въ слѣдующихъ чертахъ: *вѣмъ человѣка о Христѣ, прежде лѣтъ четыренадесяти (аще въ тѣлѣ, не вѣмъ, аще ли кромѣ тѣла, не вѣмъ: Богъ вѣсть) восхищена бывша таковаго до третіяго небесе. И вѣмъ такова человѣка: аще въ тѣлѣ, или кромѣ тѣла, не вѣмъ, Богъ вѣсть, яко восхищенъ бысть въ рай, и слыша неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати* (которыхъ

[1]) Второе посланіе къ Коринѳянамъ написано Павломъ, какъ достовѣрно полагаютъ историки (V. Berthold Einleitung in N. T.), въ 58 году по Р. Хр.; поелику же откровеніе, о коемъ здѣсь говорится, послѣдовало, по словамъ самого Павла, за 14 лѣтъ предъ тѣмъ, то оно приходится въ концѣ 44 или въ началѣ 45 года по Р. Х.—въ то самое время, около котораго начались апостольскія путешествія Павловы.

человѣкъ пересказать не можетъ). Хотя Апостолъ говоритъ здѣсь о себѣ въ третьемъ лицѣ, впрочемъ нельзя сомнѣваться, что онъ изображаетъ себя самого. Къ таковому заключенію ведетъ уже краткое вступленіе, коимъ начинается повѣствованіе объ откровеніи: *похвалитися не пользуетъ ми: пріиду бо* (однакожъ приступлю) *въ видѣнія и откровенія*. Того же заключенія требуютъ и слѣдующія за повѣствованіемъ слова: *и за премногая откровенія, да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти, ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся,*—которыя будутъ излишними по крайней мѣрѣ совершенно неожиданными, если предшествующаго повѣствованія не разумѣть о самомъ Апостолѣ. Самая цѣль, для которой упоминается объ откровеніи, не позволяетъ относить словъ Павловыхъ къ кому-нибудь другому, кромѣ Павла. Ибо Апостолъ хотѣлъ доказать чрезъ сіе истину своего апостольскаго достоинства, приводимую въ подозрѣніе лжеучителями; но въ семъ отношеніи разсказъ о чужомъ опытѣ ничего не доказывалъ бы въ пользу Павла.—Касательно самаго откровенія представляются вниманію слѣдующіе вопросы: что за состояніе, въ коемъ находился Павелъ? куда онъ былъ восхищенъ и что слышалъ? для чего дано такое откровеніе, коего человѣку невозможно пересказать?

Состояніе Павла въ продолженіе откровенія было таково, что онъ самъ не могъ дать въ немъ отчета. «Въ тѣлѣ ли», говоритъ онъ, «находился я тогда, было ли со мною тѣло, или внѣ тѣла, одна душа оставалась—не знаю; Богъ одинъ знаетъ». И прочіе св. мужи, когда получали откровенія, разрѣшались, болѣе или менѣе, отъ узъ тѣлесной природы, возносились въ область своего духа; но для Павла въ продолженіе откровенія сіи узы какъ бы вовсе не существовали: онъ весь былъ въ духѣ, а духъ весь въ Богѣ. Для всемогущества Божія, конечно, ничего не значило на время совершенно восхитить душу Павлову изъ тѣла; но трудно усмотрѣть необходимость въ таковомъ безпримѣрномъ для самыхъ святыхъ людей отлученіи въ живомъ человѣкѣ души отъ тѣла [1]). Міръ духовный, куда восхищенъ былъ Павелъ, какъ неподлежащій пространству, существуетъ вездѣ; а посему требуется только, чтобы въ духѣ человѣка раскрылась спо-

[1]) Златоустъ—въ толк. на 2 посл. къ Коринѳянамъ

собность къ сообщенію съ нимъ, и онъ, оставаясь въ тѣлѣ, безъ всякой перемѣны мѣста, можетъ быть на небѣ—въ обществѣ Ангеловъ и блаженныхъ душъ. Раскрытіе таковой способности, по необходимости, сопряжено съ ослабленіемъ обыкновеннаго союза души съ тѣломъ, съ нѣкоторымъ бездѣйствіемъ низшей, чувственной природы: ибо тѣло тлѣнное, какъ замѣчаетъ Премудрый (Прем. 9, 15—16), отягощаетъ душу и земное жилище обременяетъ умъ и не попускаетъ ему возноситься въ свойственную ему область духовъ.

Духовная область, въ коей находился Апостолъ, называется третьимъ небомъ и раемъ. Позднѣйшіе Іудеи отличаютъ семь небесъ [1]); но ихъ третье небо низко для Павла. Въ Свящ. Писаніи, кромѣ воздушнаго и звѣзднаго неба, упоминается о небесахъ небесъ (Псал. 113, 24). Сіи небеса, вѣроятно, разумѣлъ и Апостолъ подъ третьимъ небомъ. Названіе рая, хотя также не совсѣмъ опредѣленное, опредѣляетъ однако же понятіе третьяго неба. Основываясь на значеніи сего слова, должно полагать, что Павелъ былъ восхищенъ въ міръ духовный, въ блаженное жилище небожителей: здѣсь-то слышалъ онъ такія слова, кои невозможно пересказать. Повидимому, если можно было слышать, то можно и пересказать; но онъ слышалъ ихъ, находясь въ возвышенномъ, сверхъестественномъ состояніи духа. Послѣ того, какъ онъ нисшелъ съ сея высоты въ обыкновенное состояніе, когда духъ его паки заключился въ темницѣ плоти: хотя осталось въ душѣ нѣкоторое представленіе о предметахъ небесныхъ, но для выраженія ихъ уже не находилось словъ на языкѣ человѣческомъ.

Таковое откровеніе, не смотря на то, что его невозможно было пересказать другимъ, имѣло полезную цѣль какъ въ отношеніи къ самому Апостолу, такъ и въ отношеніи ко всѣмъ вѣрующимъ: оно показывало, какъ замѣчаетъ Златоустъ, что Павелъ ничѣмъ не ниже прочихъ Апостоловъ; кромѣ сего, могло служить къ утѣшенію и ободренію Апостола на его многотрудномъ поприщѣ. Подобнымъ образомъ изъ него могутъ почерпать назиданіе и утѣшенія всѣ вѣрующіе. Въ Апостолѣ Павлѣ, восхищенномъ въ рай,

---

[1]) 1) Завѣса, 2) протяженіе или твердь, 3) облака, 4) обиталище, 5) обитаніе 6) постоянное жилище, 7) аработъ. V. Weststenius ad h. I.

мы имѣемъ очевиднаго свидѣтеля будущаго блаженства праведныхъ.

Упомянувъ объ откровеніи, данномъ Павлу, нельзя пройти молчаніемъ и другого обстоятельства, о которомъ онъ упоминаетъ непосредственно за симъ откровеніемъ. *За премногая откровенія,* говоритъ онъ, *да не превозношуся, дадеся ми пакостникъ плоти* (σχόλοψ τῇ σαρκὶ, жало въ плоть), *ангелъ сатанинъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся.* Нѣкоторые, вслѣдъ за Златоустомъ, изъяснили сіе о противникахъ, съ коими надлежало бороться Павлу, каковъ былъ напримѣръ Александръ Ковачъ, на коего онъ жаловался во второмъ посланіи къ Тимоѳею (4. 14). Въ самомъ дѣлѣ, ангеломъ, или посланникомъ сатаны, по употребленію сихъ словъ въ ветхомъ завѣтѣ, могъ быть названъ какой-нибудь упорный противникъ истины, поощряемый сатаною. Но выраженіе: *жало въ плоть*—показываетъ, что источникъ страданій Апостола скрывался въ его тѣлѣ—въ какомъ-либо недугѣ тѣлесномъ, который мучилъ Апостола особенно тѣмъ, что препятствовалъ его ревности въ дѣлѣ проповѣди. Съ симъ мнѣніемъ согласуется и древнѣйшее преданіе. Еще Тертулліанъ [1]) разумѣлъ подъ жаломъ плоти болѣзнь въ ушахъ; а Іеронимъ [2])—вообще болѣзнь головы. Посланницею сатаны названа сія болѣзнь не потому, чтобы она была непосредственнымъ произведеніемъ духа злобы: ибо, говоря словами Златоуста, могъ ли діаволъ имѣть власть надъ тѣломъ Павла, когда самъ подлежалъ его власти, какъ рабъ? но или по своей лютости, или по ея дѣйствіямъ, которыя клонились во вредъ христіанству и, слѣдственно, въ пользу царства тьмы.

Само путешествіе Апостола для проповѣди язычникамъ было предпринято вслѣдствіе откровенія нѣкоторымъ изъ предстоятелей Апостольской Церкви (Дѣян. 13, 2). Духъ Святый повелѣлъ, чтобы Савлъ и Варнава отдѣлены были на дѣло, для котораго Онъ ихъ призвалъ, то есть, на проповѣдь язычникамъ. Вмѣсто всѣхъ напутственныхъ приготовленій совершили постъ и, по молитвѣ, возложивъ руки на избранныхъ, отпустили ихъ въ путь. Вмѣстѣ съ ними отправился и Іоаннъ Маркъ, сродникъ Варнавинъ. Но опытъ

[1]) In libro Pudicitia.
[2]) In Catal. illust. vir sub v. Pavlus.

вскорѣ докажетъ, что онъ былъ еще неспособенъ раздѣлять съ Павломъ труды апостольства.

Кто, смотря на сихъ бѣдныхъ, безславныхъ путниковъ, могъ думать, что они вскорѣ ниспровергнутъ тѣхъ идоловъ, предъ коими, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ опытовъ противоборства, съ благоговѣніемъ преклонилась витійственная мудрость философовъ Греціи и Рима; что они, среди развращеннѣйшихъ городовъ Азіи и Европы, гдѣ нечестіе было уполномочено закономъ, гдѣ былъ самый престолъ сатаны,—изъ ихъ же развращенныхъ гражданъ образуютъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совершеннѣйшія общества людей, каковыхъ самые Платоны могли только желать, не имѣя надежды увидѣть на самомъ дѣлѣ?—Но гдѣ творится дѣло Божіе, тамъ все становится возможнымъ. Богъ положилъ буйствомъ проповѣди спасти міръ, и проповѣдь Павла должна была произвести чудеса.

Бывъ посланы Духомъ Святымъ, путешественники не имѣли и другого руководителя въ пути, кромѣ сего Духа. Сначала прибыли они въ Селевкію, приморскій городъ, лежащій противъ острова Кипра [1]). Отсюда отплыли въ Кипръ—отечество Варнавы (Дѣян. 4, 36). Сіе послѣднее обстоятельство и, можетъ быть, слухъ, что въ Кипрѣ находились уже нѣкоторые изъ христіанъ, были причиною того, что сей многолюдный островъ первый удостоился слышать благовѣстіе Павлово. Огласивъ Саламинскія [2]) синагоги именемъ Іисуса Христа, проповѣдники прошли потомъ весь островъ до Пафа, славившагося служеніемъ Венерѣ [3]). Здѣсь чудодѣйственная сила Божія открылась (сколько извѣстно) въ первый разъ въ Павлѣ. Тамошній проконсулъ Сергій Павелъ, коего писатель Дѣяній называетъ человѣкомъ разумнымъ, пожелалъ слышать слово Божіе. Но нѣкто Іудеянинъ, именемъ Варіисусъ, который выдавалъ себя за волшебника и пользовался довѣренностію проконсула, всемѣрно старался отвратить его отъ вѣры. Павелъ, исполнясь Святаго Духа, устремилъ на него взоръ и сказалъ: «О, исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣянія, сынъ діавола, врагъ всякой пра-

[1]) Plin Hist. Nat. 5, 18. Strab. Lib. 14.

[2]) Саламинъ лежитъ на восточной сторонѣ Кипра, а Пафъ на западной. Herod. 4, 162; Strab. 14, 682.

[3]) Посему она и называлась Paphia Venus (Венера Пафская), Paphi Regina (царица Пафская). Hor. Od. 1, 30.

вды! перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ?—Вотъ нынѣ на тебя рука Господня: ты будешь слѣпъ и не увидишь солнца до времени». — Волхвъ тотчасъ ослѣпъ; а изумленный симъ чудомъ проконсулъ немедленно принялъ крещеніе.

Отселѣ Евангелистъ Лука въ своемъ повѣствованіи о путешествіяхъ Апостола постоянно называетъ его Павломъ, между тѣмъ какъ до сего времени всегда называлъ его Савломъ. Такая перемѣна заставляетъ думать, что Апостолъ около сего времени перемѣнилъ прежнее свое имя на новое. Іеронимъ рѣшительно полагалъ, что Савлъ называлъ себя Павломъ по случаю обращенія проконсула Павла, дабы въ новомъ имени своемъ имѣть какъ бы нѣкоторый знакъ столь славной побѣды надъ знаменитымъ Римляниномъ, подобно какъ Римскіе военачальники получали прозванія отъ имени городовъ и областей, ими покоренныхъ [1]). Но таковой знакъ очевидно несовмѣстенъ съ смиреніемъ Апостола, который весь успѣхъ своей проповѣди всегда приписывалъ не себѣ, а благодати. Посему многіе отцы Церкви (Златоустъ, Амвросій и друг.) держались мнѣнія, что Апостолъ перемѣнилъ свое имя еще при крещеніи. Въ подтвержденіе сего указываютъ на обыкновеніе Іудеевъ означать важныя событія въ своей жизни перемѣною имени. Но если такъ, то почему святой Лука началъ употреблять имя Павла не прежде, какъ по обращеніи проконсула? — Нельзя не признать, что сіи два событія (обращеніе проконсула и перемѣна имени) находятся въ связи: итакъ, въ чемъ состоитъ сія связь? — Вѣроятно, проконсулъ, изъ любви и уваженія къ Павлу, предложилъ ему свое имя, какъ то дѣлывали и другіе знаменитые Римляне съ людьми, ими любимыми и уважаемыми; а Павелъ не отрекся принять предложенное имя, которое по своему значенію совершенно соотвѣтствовало его смиренію, вслѣдствіе коего онъ называлъ себя меньшимъ (ἐλάχιστος) изъ Апостоловъ. Впрочемъ, обращеніе проконсула могло имѣть вліяніе на употребленіе имени Павла и въ томъ случаѣ, если Савлъ принялъ сіе имя еще при крещеніи. Доселѣ оно, какъ еще малоизвѣстное, оставалось безъ употребленія; но съ сего времени Апостолъ, изъ уваженія къ вѣрѣ проконсула

[1]) In Catal. illus. vir. sub voce: Pavlus.

и, можетъ быть, по его просьбѣ, началъ постоянно употреблять оное; а такимъ образомъ прежнее имя Савла вышло изъ употребленія. — Всего невѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои догадываются, что Апостолъ перемѣнилъ имя для того, дабы не узнавали въ немъ прежняго гонителя христіанства. Съ симъ намѣреніемъ онъ не избралъ бы имени *Павла*, которое по сходству звуковъ невольно приводило на память *Савла*. Равнымъ образомъ, неважно мнѣніе и тѣхъ, кои говорятъ, что Апостолъ еще при обрѣзаніи получилъ два имени. Іудеи давали иногда при обрѣзаніи по два имени; но всегда избирали несходныя по звуку.

Изъ Пафа проповѣдники отплыли на твердую землю, въ Малую Азію. Здѣсь Маркъ отсталъ отъ нихъ (Дѣян. 13, 13; сл. 15, 38) и возвратился въ Іерусалимъ вопреки желанію Павла и Варнавы. Послѣдніе чрезъ Пергію Памфилійскую [1]) достигли Писидійской Антіохіи. Въ слѣдующую субботу Апостолъ со своими спутниками явился въ тамошней синагогѣ. Послѣ обыкновеннаго чтенія изъ закона, начальникъ ея предложилъ посѣтителямъ сказать что-нибудь въ назиданіе и утѣшеніе братій. Нельзя было ожидать лучшаго случая для проповѣди. — Обширная нива представлялась сама собою,—и Павелъ началъ щедрою рукою бросать сѣмена благовѣстія. Напомнивъ о благодѣяніяхъ, коими Богъ ущедрялъ народъ Еврейскій, какъ Онъ извелъ его изъ Египта, питалъ чудеснымъ образомъ въ пустынѣ, даровалъ имъ судей для управленія и защищенія, наконецъ избралъ на царство прежде Саула, а потомъ Давида, мужа по сердцу Своему, Павелъ утверждалъ, что обѣтованіе, данное Давиду о имѣющемъ произойти изъ потомства его Мессіи, сбылось на Іисусѣ, Который предъ появленіемъ Своимъ былъ возвѣщенъ Іоанномъ Крестителемъ; но, не узнанный первосвященниками, осужденъ на смерть и распятъ сообразно предсказаніямъ о Немъ пророковъ. Впрочемъ, Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, и Онъ явился по воскресеніи многимъ изъ учениковъ, что̀ также предвозвѣщено было пророками и самимъ Давидомъ. Во имя сего-то воскресшаго Мессіи возвѣщается вѣрующимъ въ Него отпущеніе грѣховъ и оправданіе, коего не могъ доставить законъ. А посему Іудеямъ должно быть

[1]) Она лежала во Фригіи и названа такъ въ отличіе отъ Антіохіи Сирской. Plin. Hist. 5, 27.

осторожными, дабы, по примѣру превосвященниковъ, отвергнувъ Іисуса Христа, не подвергнуться ужасной казни, коею Богъ угрожаетъ презрителямъ Сына Своего (Дѣян. 13 гл.).

Рѣчь сія произвела сильное впечатлѣніе въ слушателяхъ. Многіе изъ Іудеевъ и прозелитовъ [1]) послѣдовали за Апостоломъ, дабы получить отъ него обстоятельнѣйшее наставленіе въ вѣрѣ. Въ слѣдующую субботу почти *весь городъ собрался слушать слово Божіе.* Но столь счастливому началу не соотвѣтствовалъ конецъ. Іудейскіе раввины не могли снести равнодушно, видя, что бѣдные пришельцы сдѣлались предметомъ уваженія для всего города; можетъ быть, соблазняла ихъ и свобода, съ которою Апостолы, вопреки обыкновенію Іудеевъ, обращались съ язычниками: исполнившись зависти и злобы, они, вмѣсто того, чтобы примѣромъ своимъ располагать другихъ въ пользу новаго ученія, начали противорѣчить проповѣдникамъ и злословить. «Вамъ», отвѣчалъ при семъ случаѣ Павелъ со всею важностію божественнаго посланника. «вамъ во-первыхъ надлежало быть проповѣдану слову Божію; но какъ вы отвергаете оное и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то мы теперь обращаемся къ язычникамъ, ибо такъ намъ повелѣлъ Господь». Слова сіи тѣмъ болѣе расположили въ пользу Евангелія язычниковъ. кои никогда не замѣчали подобнаго безпристрастія въ Іудейскихъ раввинахъ; ибо послѣдніе всегда полагали великое различіе между Іудеемъ и Еллиномъ. Но тѣмъ болѣе возрастала и ненависть Іудеевъ. Не имѣя возможности дѣйствовать противъ Апостоловъ собственными силами, они возбудили противъ нихъ нѣкоторыхъ женщинъ, славившихся набожностію и знаменитостію рода (любимое орудіе фанатизма!). Вліяніе послѣднихъ на городскихъ правителей сдѣлало то, что Павелъ и его спутники, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ, оставили Антіохію (Дѣян. 13, 44—52).

Подобные плоды принесла проповѣдь Павла въ Иконіи. Великое число язычниковъ и Іудеевъ признало надъ собою побѣду Евангелія; но нѣкоторые изъ послѣднихъ были столь упорны, что отвращали отъ вѣры и другихъ. Постоянство Апостоловъ, которые, не смотря на опасность, продолжали трудиться надъ обращеніемъ заблудшихъ, дало время созрѣть

[1]) Прозелитами назывались язычники, обратившіеся къ Іудейской религіи.

злобѣ враговъ ихъ. Дошло до открытаго возмущенія: весь городъ раздѣлился на двѣ части, изъ коихъ одна почитала Павла и Варнаву за посланниковъ Божіихъ, другая обвиняла ихъ, какъ враговъ отечественной религіи. Уже неистовая толпа народа, предводимая своими слѣпыми вождями, текла для умерщвленія свидѣтелей истины; но они, бывъ заблаговременно предварены объ угрожающей имъ опасности, удалились въ Ликаонскіе города Листру и Дервію (Дѣян. 14, 1—7).

Здѣсь чудодѣйственная сила Павлова оказала самое необыкновенное дѣйствіе на сердца жителей; доказательствомъ сему служитъ слѣдующій случай: между слушателями Павловыми находился одинъ нищій, который не владѣлъ ногами отъ самаго рожденія. Сила слова, а можетъ быть и слухъ о необыкновенныхъ дѣяніяхъ новыхъ проповѣдниковъ столько расположили его къ христіанству, что онъ въ духѣ живой вѣры ожидалъ отъ нихъ себѣ исцѣленія. Павелъ прочелъ его сердце на его лицѣ и именемъ Іисуса Христа велѣлъ ему встать на ноги и ходить; хромой вскочилъ, какъ бы никогда не былъ хромъ. Такое чудо должно было увѣрить всякаго въ непосредственномъ содѣйствіи Божіемъ тому человѣку, который произвелъ его; но въ глазахъ Ликаонцевъ-идолопоклонниковъ оно казалось признакомъ непосредственнаго присутствія самыхъ боговъ. «Боги», говорили они, «въ человѣческомъ образѣ сошли къ намъ». Варнава, какъ старшій лѣтами, почтенъ былъ за Юпитера, а Павелъ, отличавшійся даромъ слова, за Меркурія [1]). Вѣсть о явленіи боговъ немедленно распространилась по всему городу. Жрецъ Юпитера спѣшилъ приготовить жертву и вывелъ за городъ (гдѣ было произведено чудо) воловъ, увѣнчанныхъ вѣнками, дабы вмѣстѣ съ народомъ совершить жертвоприношеніе.

Чудотворцы не менѣе Ликаонцевъ поражены были изумленіемъ, когда узнали, что имъ приготовляется божеская по-

[1]) Почему Ликаонцы почли Апостоловъ за Юпитера и Меркурія, а не за другихъ какихъ-либо боговъ? 1) Древніе язычники вѣрили, что боги посѣщаютъ иногда города, имъ посвященные, а въ Листрахъ былъ храмъ Юпитера (Дѣян. 14, 3). Вѣроятно также, что и Меркурій, какъ богъ торговли, уважаемый особенно всѣми жителями Малой Азіи, имѣлъ храмъ въ семъ городѣ. 2) Изъ миѳологіи извѣстно, что Меркурій, имѣлъ обыкновеніе сопровождать Юпитера во время его нисшествія на землю (Ovid. Metam. 8, 626; Fast. 5. 495, Plautus Amphitr. 1, 1, 1. 3). Каждый Ликаонецъ сохранялъ въ свѣжей памяти басню о посѣщеніи Филемона и Бавкиды Юпитеромъ и Меркуріемъ, что случилось во Фригіи, смежной съ Листрами (Ovid. Met. 8, 611).

честь. Разодравъ одежды свои, они бросились въ средину народа (который, вѣроятно, нѣсколько удалился отъ нихъ изъ благоговѣнія), восклицая: «Братія! что вы дѣлаете? Мы не боги, а люди, вамъ подобные. Мы проповѣдуемъ, чтобы вы оставили ложныхъ боговъ, вами почитаемыхъ, и обратились къ единому истинному Богу, Который есть Творецъ неба и земли. Онъ попустилъ язычникамъ ходить до времени своими путями, слѣдовать своему нечистому образу мыслей о Богѣ; впрочемъ никогда не оставлялъ ихъ безъ свидѣтельства о Своемъ бытіи. Блага, коими вы наслаждаетесь, дожди, упадающіе съ неба, благо раствореніе воздуха, плодоносіе полей и виноградовъ вашихъ, все сіе есть даръ Его отеческой десницы». Сіи разительныя слова едва убѣдили суевѣрный народъ оставить свое безумное намѣреніе.

Неимовѣрное уваженіе Ликаонцевъ къ Павлу и Варнавѣ заставляло ожидать, что весь городъ ихъ обратится ко Христу. Такъ конечно и было бы; но Іудеи превратили все дѣло. Воспрепятствовавъ успѣхамъ Евангелія въ Антіохіи и Иконіи, они не могли равнодушно слышать объ успѣхахъ Апостоловъ между Ликаонцами, пришли въ Листру и клеветами своими до того довели безсмысленный народъ, что онъ побилъ камнями того самаго человѣка, который недавно почитаемъ былъ за Меркурія. Изнемогшій подъ ударами, Павелъ палъ на землю и, почитаемый за мертваго, былъ вытащенъ за городъ, какъ злодѣй, недостойный погребенія. Какое торжество для злобныхъ враговъ его! Но истина безсмертна. Тѣ изъ Листрянъ, кои остались вѣрными Христу, собрались вокругъ своего полумертваго учителя: подкрѣпляемый благодатію и чистою совѣстію, онъ собралъ силы свои, всталъ и въ сопровожденіи ихъ возвратился въ городъ. Поелику нельзя было ожидать успѣха проповѣди надъ ожесточеннымъ народомъ, то Павелъ удалился изъ Листры въ Дервію. Бѣдствіе, претерпѣнное имъ въ первой, вознаграждено было духовнымъ утѣшеніемъ въ послѣдней: здѣсь многіе со всѣмъ усердіемъ присовокупились къ числу учениковъ Господа (Дѣян. 14 гл.).

Нельзя при семъ случаѣ не замѣтить, что между противниками христіанской религіи всегда почти первые и упорнѣйшіе были Іудеи: замѣчаніе, оправдываемое не только исторіею апостольскаго служенія Павлова, но и всею исто-

ріею христіанства первыхъ вѣковъ. Закоренѣлый предразсудокъ, что они одни, вслѣдствіе завѣта Божія съ Авраамомъ, имѣютъ право на благодѣянія Божіи, ниспосланныя въ лицѣ Мессіи, ложное мнѣніе, что исполненія обрядоваго закона достаточно для оправданія себя предъ судомъ Божіимъ, и другіе предразсудки, питаемые гордостію и корыстолюбіемъ, преграждали путь къ сердцамъ Іудеевъ благотворному ученію о вѣрѣ въ Іисуса Христа. Имъ нужна была не такая религія, которая сравнивала бы ихъ съ язычниками, ими презираемыми, а такая, которая еще болѣе возвышала бы ихъ мнимыя права и преимущества. Не таково было состояніе язычниковъ. Имъ не чѣмъ было хвалиться по плоти; они не считали между своими предками Авраамовъ и Давидовъ, *не участвовали въ завѣтахъ обѣтованія, не имѣли надежды и были какъ бы безъ Бога въ мірѣ* (Ефес. 2, 12). Приверженность къ бездушнымъ идоламъ, ослабляемая философіею и здравымъ смысломъ, уже давно погасла во многихъ; потребность новой, лучшей религіи давно пробудилась и содѣлалась почти всеобщею потребностію времени: посему-то многіе изъ язычниковъ уже тайно или явно держались Іудейства, которое, при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, привлекало сердца служеніемъ Единому Богу. Но Іудеи, позволяя язычникамъ участвовать въ своихъ благочестивыхъ собраніяхъ и раздѣляя съ ними надежду жизни вѣчной, не переставали однако же выставлять предъ ними свое преимущество: не стыдились твердить, что язычникъ не иначе можетъ войти въ рай, какъ подъ ризою Іудея. Итакъ могли ли язычники равнодушно слушать провозвѣстниковъ Евангелія, которые отверзали для нихъ врата Царствія Небеснаго, затворяемыя раввинами: могли ли не прославлять благости Божіей (Дѣян. 13, 48), которая простерла и на нихъ отеческій взоръ свой, даруя имъ религію, коея давно искало ихъ сердце?—Естественно, что они охотнѣе Іудеевъ преклонялись подъ легкое иго Евангелія и постояннѣе носили оное.

На возвратномъ пути въ Антіохію Павелъ снова посѣтилъ учениковъ въ Листрѣ, Иконіи и Антіохіи Писидійской. Въ его отсутствіе они должны были потерпѣть много озлобленій какъ отъ Іудеевъ, такъ и отъ язычниковъ, остававшихся во тьмѣ идолопоклонства, а посему присутствіе его было для нихъ присутствіемъ ангела-утѣшителя. Земныя

утѣшенія не могли имѣть мѣста въ семъ случаѣ: вѣра питается не землею, а небомъ. Павелъ старался открыть для нихъ неисчерпаемый источникъ утѣшенія въ самомъ существѣ принятой ими религіи, вразумляя ихъ, что Царствіе Божіе, внутреннее соединеніе съ Богомъ въ духѣ, не иначе можетъ быть достигаемо, какъ путемъ скорбей и искушеній. Для устроенія внѣшняго порядка между новообращенными и для распространенія истинной вѣры и святой дѣятельности, онъ рукоположилъ къ каждой церкви пресвитеровъ, и препоручивъ ихъ Господу, отправился въ дальнѣйшій путь. Прошедъ чрезъ Пергію, въ коей проповѣдали слово Божіе, путешественники достигли Атталіи, изъ коей отплыли обратно въ Антіохію. По прибытіи ихъ немедленно собрались всѣ вѣрующіе: каждый желалъ слышать объ успѣхахъ проповѣди. Повѣствованіе Павла исполнило сердца всѣхъ радостію и благодареніемъ Промыслу, который отверзъ дверь вѣры для язычниковъ.

Въ Апостольскихъ Дѣяніяхъ не сказано, какъ долго продолжалось первое путешествіе Павлово для обращенія язычниковъ. Надобно полагать, что въ продолженіе его протекло около двухъ лѣтъ. Надлежало употреблять время и на путешествіе, и на проповѣдь, и на устроеніе новосозидаемыхъ Церквей. О пребываніи Павла въ Иконіи именно сказано (Дѣян. 14, 3), что оно продолжалось довольно долго (ἱκανὸς χρόνος). Притомъ Апостолы, какъ можно заключать изъ 14, 6, проповѣдывали и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, о коихъ не упоминаетъ св. Лука.

Пробывъ не малое время въ Антіохіи, Павелъ долженъ былъ въ третій разъ идти въ Іерусалимъ. Поводомъ къ сему путешествію было безпокойство, происшедшее въ Антіохійской Церкви, коего виновниками были христіане Іудействующіе. Пришедъ изъ Іерусалима, сіи безпокойные люди начали внушать братіямъ, что безъ соблюденія обрядоваго закона, особенно безъ обрѣзанія, не возможно получить спасеніе. Павелъ съ Варнавою ревностно стали противъ сего заблужденія, столь несовмѣстнаго съ свободою христіанскою; уваженіе, коимъ они пользовались за апостольскіе труды свои, дѣлало ихъ мнѣніе важнымъ: но палестинскіе выходцы могли ссылаться на примѣръ старѣйшихъ Апостоловъ, на обыкновеніе Іерусалимской Церкви и тому подобное. Споры,

держанные по сему случаю, остались безъ успѣха, и юная Церковь Антіохійская, не имѣя возможности сама собою выйти изъ недоумѣнія, рѣшилась прибѣгнуть къ совѣту своей матери—Церкви Іерусалимской. Павелъ и Варнава должны были отправиться по сему дѣлу въ Іерусалимъ. Для отвращенія подозрѣній въ пристрастіи, они взяли съ собою нѣкоторыхъ изъ братій, вѣроятно такихъ, кои держались противнаго мнѣнія.

Проходя Финикію и Самарію, путешественники имѣли утѣшеніе обрадовать тамошнихъ христіанъ повѣствованіемъ объ успѣхахъ ихъ проповѣди къ язычникамъ (Дѣян. 15, 3); съ такимъ же удовольствіемъ слушали ихъ о семъ предметѣ и въ Іерусалимѣ. Торжество вѣры христіанской было тогда торжествомъ каждаго христіанина; между тогдашними учениками Евангелія совсѣмъ не было того преступнаго равнодушія къ успѣхамъ своей религіи, которое наконецъ сдѣлалось едва не всеобщимъ, спустя 18 столѣтій.

Для разрѣшенія спорнаго вопроса, предложеннаго Павломъ, собралась вся Церковь Іерусалимская. Голоса были несогласны и здѣсь такъ же, какъ и въ Антіохіи. Обращенные въ христіанство фарисеи упорно требовали, чтобы обращающіеся язычники были подвергаемы обрѣзанію. Ожидали мнѣнія предсѣдателей собора—Апостоловъ. Петръ, вразумленный въ тайну спасенія язычниковъ откровеніемъ, первый предложилъ, что не должно возлагать на язычниковъ того ига (закона обрядоваго), котораго не могли понести самые Іудеи. Послѣ сего началъ говорить Павелъ. Вмѣсто разсужденій и доказательствъ, онъ разсказалъ собранію исторію своего апостольскаго путешествія, изъ коей самымъ очевиднымъ образомъ открывалось, что Духъ Святый въ изліяніи даровъ Своихъ на учениковъ Павловыхъ не полагалъ никакого различія между обрѣзанными и необрѣзанными, и что слѣдовательно обрѣзаніе не составляетъ необходимой принадлежности новаго завѣта. Наконецъ, рѣчь Іакова, который сказанное Петромъ и Павломъ подкрѣпилъ пророчествами изъ ветхаго завѣта, утвердила торжество истины надъ предразсудкомъ. Во имя Святаго Духа положено даровать обращающимся язычникамъ свободу отъ обрядоваго закона, съ нѣкоторыми необходимыми ограниченіями [1]). Павлу

[1]) Ограниченія сіи состояли въ томъ, чтобы язычники удерживались отъ оскверненнаго идолами, отъ блуда, удавленины и крови.

и Варнавѣ вручень былъ отвѣтъ, долженствовавшій успокоить Церковь Антіохійскую.

Но Павелъ имѣлъ еще другое дѣло, съ коимъ тѣсно было соединено спокойствіе собственной его совѣсти. Необыкновенные успѣхи, коими Провидѣніе благословляло его проповѣдь, даръ чудесъ, сообщенный ему въ такомъ избыткѣ, служили для него порукою, что онъ вѣрно исполняетъ высокое званіе Апостола, *не поддѣлывая, подобно другимъ, слова Божія, но проповѣдуя искренно* (2 Кор. 2, 17). Но Павелъ всегда помнилъ, что онъ такъ, какъ и другіе Апостолы (2 Кор. 4, 7), носитъ *сокровище* благодати *въ скудельномъ сосудѣ*, что даръ апостольства, подобно другимъ дарамъ духовнымъ, требуетъ отъ обладающаго имъ строгаго надзора за своими поступками, непрестанной повѣрки должнаго употребленія онаго, а посему желалъ повѣрить чистоту ученія, проповѣдуемаго имъ язычникамъ, мнѣніемъ прочихъ Апостоловъ, дабы, какъ самъ говоритъ, убѣдиться, не напрасно ли онъ подвизался и подвизается (Гал. 2, 2) въ дѣлѣ проповѣди. Кромѣ спокойствія совѣсти, сего требовалъ и успѣхъ проповѣди. Враги Павловы, то есть враги креста Христова, какъ увидимъ, всюду будутъ разглашать, что онъ учитъ не тому, чему учатъ прочіе Апостолы. Чтобы заградить имъ уста, надлежало имѣть одобрительное свидѣтельство о своемъ ученіи отъ прочихъ Апостоловъ. Итакъ Павелъ, который почиталъ закономъ *стараться о добромъ не только предъ Богомъ, но и предъ людьми* (2 Кор. 8, 21), *и представлять себя на судъ совѣсти всякаго человѣка* (2 Кор. 4, 2), наединѣ предложилъ Петру, Іакову и Іоанну благовѣствованіе, проповѣдуемое имъ язычникамъ. Они не нашли въ немъ ни излишества, ни недостатка, и единодушно признали его въ великомъ достоинствѣ учителя языковъ, прося объ одномъ, чтобы онъ располагалъ обращающихся язычниковъ ко вспомоществованію палестинскимъ христіанамъ, которые претерпѣвали крайнюю бѣдность,—что̀ Павелъ, говоря его словами, *и старался всегда исполнять въ точности* (Гал. 2, 10).

По возвращеніи изъ Іерусалима, Павелъ продолжалъ трудиться надъ устроеніемъ Церкви Антіохійской, утверждая въ вѣрѣ и благочестіи членовъ ея (Дѣян. 15, 35). Къ сему времени принадлежитъ обличеніе, сдѣланное имъ Петру, о коемъ упоминается во второй главѣ посланія къ Галатамъ.

Петръ, по прибытіи въ Антіохію, сначала, подобно Павлу свободно обращался съ обращенными язычниками и раздѣлялъ съ ними ихъ трапезу; но когда пришли нѣкоторые изъ Іерусалимскихъ Іудеевъ, то онъ, не желая обнаружить предъ ними свободы христіанской, началъ удаляться отъ трапезы обращенныхъ язычниковъ. Примѣръ его такъ сильно дѣйствовалъ, что къ сему лицемѣрству (такъ названъ Павломъ поступокъ Петра) присталъ даже Варнава, ревностный дотолѣ защитникъ свободы христіанской. Предупреждая соблазнъ нѣкоторыхъ Іудеевъ, Петръ уже соблазнялъ всѣхъ язычниковъ, между тѣмъ какъ послѣдніе имѣли большее право на то, чтобы не быть соблазняемыми: ибо они водились истиною, а Іудеи предразсудкомъ. Павелъ видѣлъ сію опасность и предъ лицомъ всѣхъ сказалъ Петру: «если ты, Іудей, живешь по-языčески (не наблюдаешь различія яствъ, предписываемаго закономъ Моисеевымъ), а не по-іудейски, то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-іудейски (Гал. 2, 12—14)?» Павелъ не упоминаетъ, какое дѣйствіе произвело въ Петрѣ его обличеніе; безъ сомнѣнія, послѣдній увидѣлъ и исправилъ свою ошибку.

Второе апостольское путешествіе св. Павла.

Церковь Антіохійская была богата наставниками, притомъ довольно утверждена на краеугольномъ камени — Іисусѣ Христѣ. Труды Павла перестали для нея быть необходимыми; между тѣмъ сердце его стремилось видѣть чадъ своихъ по вѣрѣ и породить новыхъ отъ нетлѣннаго сѣмени слова Божія. Въ сихъ чувствахъ онъ предложилъ Варнавѣ предпринять второе путешествіе апостольское. Сей вѣрный соучастникъ намѣреній и трудовъ Павловыхъ со всѣмъ усердіемъ готовился сопутствовать ему; но выборъ сотрудниковъ заставилъ ихъ разлучиться. Варнавѣ хотѣлось имѣть спутникомъ Марка, своего сродника; Павелъ почиталъ недостойнымъ сей чести такого человѣка, который въ предшествующемъ путешествіи оставилъ ихъ безъ всякой достаточной причины (Дѣян. 13, 13). Надлежало опасаться, что онъ, устрашенный опасностями и трудами, снова оставитъ ихъ: каковой поступокъ могъ послужить соблазномъ для новопросвѣ-

щенныхъ. Посему Павелъ желалъ взять въ сотрудники Силу, пришедшаго съ нимъ изъ Іерусалима, въ способностяхъ и ревности коего онъ имѣлъ случай увѣриться изъ его проповѣданія слова Божія къ Антіохійцамъ. Варнава не согласился; Павелъ еще менѣе способенъ былъ уступить въ истинѣ: произошло *огорченіе* [1]). Апостолъ, взявъ съ собою Силу, отправился въ путь безъ Варнавы, который вмѣстѣ съ Маркомъ поплылъ въ Кипръ (Дѣян. 15, 35—41). Разногласіе сіе не погасило въ душѣ Апостола христіанской любви къ Варнавѣ и самому Марку. Въ посланіяхъ, писанныхъ послѣ сего, онъ упоминаетъ о первомъ, и всегда съ похвалою (Галат. 2, 13; 1 Кор. 9, 6), не забываетъ и послѣдняго, свидѣтельствуя, что онъ былъ ему полезенъ (Колос. 4, 10): таково свойство чистой ревности по истинѣ! Она всегда предпочитаетъ дѣло Божіе связямъ и разсчетамъ человѣческимъ; смѣло говоритъ истину вопреки тому, кого любитъ, готова, если не можетъ разувѣрить, удалиться отъ него, но никогда не измѣняетъ главному закону любви; съ радостью слышитъ объ успѣхахъ того, отъ кого удалилась; находитъ въ немъ похвальнымъ все то, что̀ дѣйствительно заслуживаетъ похвалу; и паки охотно соединяется съ нимъ, коль скоро исчезаетъ причина раздѣленія. Таковая миролюбивая ревность есть плодъ зрѣлой мудрости и безкорыстнаго служенія Іисусу Христу.

Прошедъ Сирію и Киликію и увѣрившись въ твердости тамошнихъ христіанъ, Павелъ достигъ Дервіи и Листры. Въ послѣднемъ городѣ онъ нашелъ себѣ юнаго, но неутомимаго сотрудника, который впослѣдствіи сдѣлался достойнымъ того, чтобы о немъ сказано было Филиппійцамъ: «я никого не имѣю единомысленнаго, кто бы столь искренно заботился о вашихъ обстоятельствахъ» (Фил. 2, 20). То былъ Тимоѳей, Іудей по матери, по отцу язычникъ. Еще до пришествія Апостола онъ уже зналъ Христа, и своимъ поведеніемъ (вѣроятно, и проповѣдію) снискалъ себѣ всеобщее одобреніе не только въ Листрѣ, но и въ Иконіи. Павелъ, обладая даромъ проникать въ душу и сердца, тотчасъ замѣтилъ рѣдкія способности юнаго Тимоѳея и сдѣлалъ его своимъ спутникомъ.

[1]) Выраженіе подлинника (παροξυσμὸς) означаетъ сильную досаду. Такъ слабость поврежденной природы человѣческой обнаруживается иногда и въ такихъ чистыхъ душахъ, какова Павлова, дабы онѣ не превозносились.

Поелику надлежало опасаться, что Тимоѳей, какъ необрѣзанный [1]), будетъ соблазномъ для христіанъ изъ Іудеевъ, коимъ всѣмъ извѣстно было его происхожденіе отъ язычника: то Апостолъ совершилъ надъ нимъ обрядъ обрѣзанія. Онъ, бывши въ Іерусалимѣ, не согласился обрѣзать Тита (Гал. 2, 3), потому что сей и по отцу и по матери былъ язычникъ, а посему обрѣзаніе его было бы соблазнительнымъ нарушеніемъ свободы христіанской; но Тимоѳей, происходя отъ матери Іудеянки, могъ быть обрѣзанъ безъ нарушенія сей свободы: ибо тогда еще всѣ почти вѣрили, что обрѣзаніе нужно для Іудея и въ христіанствѣ. Учитель язычниковъ и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, смотрѣлъ на обрѣзаніе какъ на вещь безразличную, и поступилъ сообразно своему мнѣнію объ употребленіи безразличныхъ вещей—употреблять ихъ такъ, чтобы изъ нихъ выходило какъ можно болѣе пользы. «Павелъ», говоритъ Златоустъ (толк. на Дѣянія), «обрѣзалъ Тимоѳея, дабы упразднить обрѣзаніе; ибо обрѣзанный будетъ проповѣдывать ученіе Апостола о томъ, что не нужно обрѣзаніе». Таковой поступокъ, по замѣчанію того же отца Церкви, обнаруживаетъ, что Павелъ былъ совершенно свободенъ отъ предразсудковъ; что онъ, при всей ревности по свободѣ христіанской, не былъ однако же предубѣжденъ противъ обрѣзанія, зналъ его цѣну и умѣлъ дѣлать изъ него употребленіе.

Взявъ Тимоѳея, Павелъ проходилъ прежніе города, извѣщая учениковъ объ опредѣленіи Іерусалимской Церкви касательно свободы обращающихся язычниковъ отъ обрядоваго закона. Извѣщеніе сіе тѣмъ было нужнѣе, что изъ Палестины уже готовились выйти безразсудные ревнители сѣни законной, дабы превращать труды и успѣхи Апостола. Павелъ скоро проходилъ тѣ мѣста, въ коихъ проповѣдывалъ Евангеліе, конечно потому, что посѣянныя сѣмена жизни сами собою давали вожделѣнные плоды. Впрочемъ, и краткое посѣщеніе прежняго учителя сопровождаемо было видимымъ умноженіемъ вѣрующихъ и утвержденіемъ въ вѣрѣ слабыхъ (Дѣян. 16, 4—6). Въ сіе время основана Павломъ Церковь Галатская, которая сначала принесла весьма много духовной

[1]) Сынъ Іудеянки отъ язычника не могъ быть обрѣзанъ безъ согласія отца, какъ видно изъ Талмуда; а отецъ Тимоѳея, вѣроятно, не хотѣлъ видѣть его обрѣзаннымъ. Теперь его не было въ живыхъ.

радости, а потомъ еще болѣе сердечной печали своему основателю. Не смотря на бѣдность внѣшняго состоянія Павлова и на гоненія, коимъ онъ всюду подвергался, Галаты приняли его со всѣмъ уваженіемъ, приличнымъ посланнику Божію, и слушали Его какъ Ангела Божія, какъ Самого Іисуса Христа. Любовь къ его ученію, преданность къ его лицу, вскорѣ возрасли въ сердцахъ ихъ до того, что они, *если бы возможно было, исторгли бы свои очи, дабы отдать ему*. Столь благословенное сѣяніе, безъ сомнѣнія, принесло бы богатѣйшую жатву, если бы плевелы іудейства, посѣянныя руками палестинскихъ выходцевъ, не прозябли на сей удобренной благодатію нивѣ, какъ увидимъ впослѣдствіи (Гал. 2, 3).

Изъ Галатіи Апостолъ хотѣлъ идти на проповѣдь въ Азію [1]), но былъ удержанъ Духомъ Святымъ. Подобнымъ образомъ Провидѣніе остановило его, когда онъ изъ Мисіи думалъ перейти въ Виѳинію [2]). Очевиднѣйшее доказательство, какъ все великое дѣло распространенія христіанской религіи зависѣло отъ невидимаго управленія Духа Божія! Одинъ только сей Водитель, испытующій сердца и утробы, могъ безошибочно видѣть, гдѣ труды проповѣдниковъ Евангелія не останутся безъ плода. Азія и Виѳинія, конечно, еще не были способны къ тому, чтобы для нихъ возсіялъ свѣтъ славнаго благовѣствованія о Христѣ.

Итакъ, вмѣсто Виѳиніи Павелъ пошелъ въ Троаду, городъ, лежавшій недалеко отъ древней Трои, на восточномъ берегу Эгейскаго моря [3]). Здѣсь въ ночномъ видѣніи предсталъ ему нѣкоторый мужъ [4]) и молилъ его придти къ нимъ въ Македонію для поданія духовной помощи. Апостолъ заключилъ изъ сего, что самъ Промыслъ призываетъ его проповѣдывать Евангеліе Македонцамъ. Вслѣдствіе сего проповѣдники отплыли на островъ Самоѳракію, а на другой день пристали въ Неаполѣ, одномъ изъ приморскихъ городовъ

[1]) Поелику и прочіе города, чрезъ которые проходилъ Апостолъ, и самая Галатія принадлежала къ Малой Азіи, то подъ Азіею должно разумѣть здѣсь Іонію, которая въ древности извѣстна была подъ симъ именемъ. V. Kuinoel. Comm. in Acta Apost. ad 2, 19.

[2]) Какимъ именно образомъ Павелъ былъ остановленъ Духомъ Святымъ, чтобы не идти въ Азію и Виѳинію, нельзя опредѣлить при молчаніи Св. Писанія.

[3]) Plin. Hist. Nat. 5, 33; Cellar. Geogr. 3, 3.

[4]) Кто былъ сей мужъ?—Нѣкто въ образѣ Македонца. Сей образъ могъ принять Ангелъ, или онъ могъ быть произведенъ въ воображеніи Павла высшею силою.

Македоніи. Не останавливаясь въ семъ городѣ, Павелъ поспѣшилъ въ Филиппы [1]). Здѣшніе Іудеи имѣли за городомъ молитвенницу. Апостолъ, пришедъ къ ней въ слѣдующую субботу, вступилъ въ разговоръ съ женщинами, собравшимися на молитву. Слова его падали на добрую землю; особенно тронута была одна богатая и набожная женщина изъ Θіатира, торговавшая багряницею, именемъ Лидія. Окрестившись со всѣми своими домашними, она убѣдила проповѣдниковъ избрать домъ ея своимъ жилищемъ.

Послѣ сей утѣшительной встрѣчи ожидала Апостола новая, весьма непріятная. Въ городѣ одна служанка была одержима духомъ прорицанія. Вѣрили, что она можетъ предсказывать будущее, и сія вѣра доставляла господамъ ея большой доходъ. Принуждаемая духомъ злобы, или собственною совѣстію, сія несчастная сопровождала Павла всякій разъ, когда онъ шелъ на молитву, и кричала въ слухъ всѣхъ: «эти люди рабы Бога Всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія». Павелъ который, подобно великому Учителю своему, Іисусу Христу, не хотѣлъ, чтобы божественность его ученія получила свидѣтельство изъ такихъ устъ, кои разверзались для пророчества по любостяжанію, именемъ Господа Іисуса повелѣлъ нечистому духу выйти изъ нея. Прорицательныя уста служанки сомкнулись; вмѣстѣ съ симъ исчезли и корыстолюбивые виды господъ ея. Нечистый духъ, вышедшій изъ первой, какъ бы перешелъ въ послѣднихъ. Они напали на Павла и его спутниковъ, и повлекли ихъ на судилище. Если не совѣсть, то благоприличіе не позволяло открыть истинную причину ихъ негодованія на добродѣтельныхъ и миролюбивыхъ странниковъ; и корыстолюбіе по обыкновенію прикрылось личиною любви къ отечеству и религіи. Говорили: «сіи люди, которые суть Іудеи, возмущаютъ нашъ городъ, проповѣдуя богослуженіе, котораго намъ, Римлянамъ, принимать и исполнять

[1]) Strab. 7, p. 511. Св. Лука называетъ Филиппы первымъ городомъ сей части Македоніи. Дѣян. 16, 12. Но главные города Македоніи, раздѣленной на 4 части, были: Амфиполь, Θессалоника, Пелла и Пафлагонія. Liv. 45, 29. Несогласіе сіе примиряется тѣмъ, что названіе πρώτη (первый), какъ явствуетъ изъ древнихъ монетъ, иногда давалось не однимъ главнымъ, но и знаменитѣйшимъ городамъ. V. Eckhilii doctr. vet. num. P. 1. vol. 4, c. 8. Поелику св. Лука при повѣствованіи о путешествіяхъ Павла съ сихъ поръ третіе лицо перемѣняетъ на первое (Дѣян. 16, 11), то вообще полагаютъ, что онъ въ сіе время сдѣлался спутникомъ Павловымъ; но гдѣ именно, и по какому случаю соединились сіи два великіе мужа, не извѣстно.

не слѣдуетъ». Обвиненіе подѣйствовало; мятежный народъ толпами бросился на невинныхъ проповѣдниковъ Евангелія; самые судьи, забывъ свое достоинство, осыпали ихъ ударами. Изъязвленные, они ввержены были въ темницу; стражѣ приказано было усугубить надзоръ; для большей безопасности, ноги узниковъ забиты были въ колоду.

Но для слова Божія нѣтъ узъ (2 Тим. 2, 9). Въ полночь, когда земные судьи совершенно не думали объ узникахъ, Павелъ воззвалъ къ Судіи небесному, — не для того, чтобы молить Его объ отмщеніи, но чтобы въ духѣ вѣры и святой преданности излить предъ Нимъ чувства хвалы и благодарности. Оглушаемая воплями ропота и отчаянія темница, можетъ быть, въ первый разъ огласилась звуками чистой равноангельной молитвы: зрѣлище умилительное для всякаго, кто несовершенно закоснѣлъ во грѣхѣ, способное пробудить совѣсть самаго упорнаго грѣшника! Узники слушали Апостоловъ съ безмолвнымъ вниманіемъ; слышалъ и Тотъ, предъ Коимъ не таится ни одна слеза невинности, ни одинъ вздохъ правды. Землетрясеніе вдругъ съ такою силою поколебало основанія темницы, что всѣ двери ея растворились сами собою. Между прочимъ произошло то, чего обыкновенное явленіе въ семъ родѣ никогда произвести не можетъ,—съ заключенныхъ спали всѣ узы. За умилительнымъ явленіемъ непоколебимой преданности Промыслу послѣдовало явленіе отчаяннаго малодушія. Отверстыя двери темницы не позволяли сомнѣваться, что узники воспользуются симъ случаемъ для своего спасенія; тѣмъ болѣе надлежало опасаться за Павла и его спутниковъ, отданныхъ подъ особенное смотрѣніе. Посему темничный начальникъ извлекъ мечъ и хотѣлъ вслѣдъ за мнимыми бѣглецами бѣжать—изъ сего міра. Онъ не зналъ Бога Павлова, не зналъ, что на Апостолахъ были другія узы, коихъ не могло расторгнуть никакое потрясеніе не только земли, но и неба, что они были связаны Духомъ (Дѣян. 20, 22). «Не дѣлай себѣ никакого зла», воскликнулъ Павелъ, «мы всѣ здѣсь». При сихъ словахъ гибельное смятеніе отчаянія уступило мѣсто новому смятенію чувствъ въ душѣ Римлянина. Онъ съ трепетомъ входитъ въ темницу, не видитъ болѣе узъ на заключенныхъ, но видитъ, что никто изъ нихъ не помышлялъ о бѣгствѣ. Можно ли было не повергнуться съ благоговѣ-

ніемъ предъ симъ явленіемъ торжествующей непорочности? Римлянинъ палъ къ ногамъ Павла и Силы, и молилъ разрѣшить собственныя его узы—узы душевнаго ослѣпленія, въ коихъ содержало его идолослуженіе.—Такова сила добра надъ сердцемъ человѣческимъ! Когда ужасъ Римскихъ законовъ и казней не могъ исправить сердца преступныя, одно молитвенное изліяніе сердечныхъ чувствъ, сдѣланное узникомъ, такъ сильно подѣйствовало на преступниковъ, что они явили примѣръ повиновенія законамъ, достойный временъ Регула! Но сей узникъ былъ—Павелъ! Проникнутый страхомъ Божіимъ, начальникъ темничныхъ стражей не думалъ болѣе о страхѣ человѣческомъ. Проповѣдники взяты были къ нему въ домъ, ихъ раны омыты; а ему преподано крещеніе.

Когда такимъ образомъ усердствовала къ Павлу и его сотрудникамъ сердечная признательность новыхъ чадъ его по вѣрѣ, самая злоба враговъ должна была преклониться предъ ихъ кротостію и невинностію. Пораженные ужасомъ необыкновеннаго землетрясенія, которое могли представлять наказаніемъ за оказанную несправедливость, или безпристрастнѣе разсмотрѣвъ дѣло и свою опрометчивость, или наконецъ узнавъ о случившемся въ темницѣ, градоправители прислали къ темничному начальнику приказаніе отпустить Апостоловъ. Начальникъ съ удовольствіемъ спѣшилъ исполнить оное; но напрасно. «Какъ?» возразилъ Павелъ, «насъ, гражданъ Римскихъ, безъ суда всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ? Нѣтъ! пусть придутъ сами (судьи) и освободятъ насъ». Въ самомъ дѣлѣ, наказать Римскаго гражданина розгами и притомъ безъ суда (какъ былъ наказанъ Павелъ) значило оскорбить величіе Рима и кесаря [1]). Наказанный такимъ образомъ могъ подвергнуть судей своихъ строжайшей отвѣтственности [2]). Но не того хотѣлъ Павелъ. Онъ желалъ только отклонить соблазнъ, могшій произойти отъ того, если бы

[1]) Cic. Verr. 5, 54, 56; Liv. 10, 9. Посему-то Марцеллъ выразилъ неудовольствіе на кесаря тѣмъ, что приказалъ высѣчь розгами одного изъ новокоменцевъ, коимъ дано было право Римскаго гражданина. Appian. de bell. civ. Lib. 2, p. 433.

[2]) Наказавшій тѣлесно Римскаго гражданина подвергался лишенію имущества и даже смерти. Dion. Halic. Ant. Rom. 2, p. 725. Родосцы лишены были свободы Клавдіемъ за то, что распяли нѣкоторыхъ Римлянъ. Dio. Cas. Lib. 6, p. 785.

онъ тайно удалился изъ Филиппъ: враги его непременули бы разгласить, что проповѣдники Евангелія спаслись постыднымъ бѣгствомъ, воспользовавшись землетрясеніемъ, разрушившимъ темницу. Посему, когда градоначальники явились [1]) и, признавая свою несправедливость предъ Павломъ, смиренно молили его оставить городъ, онъ безпрекословно повиновался ихъ желанію. Одно только могло еще удерживать проповѣдниковъ въ Филиппахъ—потребность утвердить въ вѣрѣ новообращенныхъ; но чудо землетрясенія, какъ справедливо замѣчаетъ св. Златоустъ [2]), еще сильнѣе должно было располагать въ пользу Евангелія Филиппійцевъ по отшествіи тѣхъ, для коихъ оно произведено Промысломъ; притомъ, вмѣсто проповѣдника оставался обращенный начальникъ темницы.—Изъ того, что Апостолы не рѣшились, хотя имѣли полное право, вопреки просьбамъ градоначальниковъ, остаться въ городѣ, видно, какъ тщательно избѣгали они всѣхъ случаевъ быть поводомъ къ народнымъ безпокойствамъ.

Чрезъ Амфиполь и Аполлонію Павелъ пришелъ въ Ѳессалонику, главный городъ второй области Македонской [3]). По обыкновенію, проповѣдь его первоначально обращена была къ своимъ единоплеменникамъ. Въ продолженіе трехъ субботъ (дни обыкновенныхъ собраній въ синагогахъ) онъ доказывалъ имъ изъ книгъ пророческихъ, что Мессіи надлежало пострадать и воскреснуть, и что проповѣдуемый имъ Іисусъ есть истинный Мессія. Множество Іудеевъ, прозелитовъ и въ томъ числѣ знатныхъ женщинъ сдѣлались его учениками. Павелъ обходился съ ними, какъ мать обходится съ младенцемъ (1 Ѳессал. 2, 7), впрочемъ не скрывалъ отъ нихъ бѣдствій, коимъ они могутъ подвергнуться за искреннее исповѣданіе Христа (1 Ѳессал. 3, 4). Въ предостереженіе и утѣшеніе ихъ, онъ раскрылъ предъ ними ученіе о послѣднихъ временахъ и послѣднемъ противникѣ христіанства—антихристѣ, которое, какъ увидимъ, послужило для нихъ, по причинѣ суемудрія нѣкоторыхъ людей, поводомъ къ недоразумѣніямъ (2 Ѳессал. 2, 5). Не смотря на то, что

[1]) Они безъ всякихъ розысканій повѣрили Павлову праву Римскаго гражданства потому, что ложно присвояющіе оное наказывались смертію; а посему нельзя было подозрѣвать въ подлогѣ. Svet. in vita Claudii.

[2]) Hom. in Acta Apost.

[3]) Strab. Hist. 7.

проповѣдь не оставляла Апостолу времени на другіе труды, онъ не хотѣлъ получать пропитанія отъ учениковъ своихъ, и содержался собственными трудами, коими занимался по ночамъ (1 Θессал. 2, 9), а частію милостынею, которую присылали къ нему Филиппійцы (Филипп. 4, 16). Θессалоникійцы чувствовали его апостольское безкорыстіе и принимали слово его не какъ человѣческое, но какъ слово Божіе (1 Θессал. 2, 13). Не было недостатка и въ упорныхъ врагахъ истины, которые, подговоривъ нѣкоторыхъ негодныхъ людей, произвели возмущеніе. Неистовая толпа съ крикомъ устремилась къ дому Іасона, въ коемъ пребывалъ Павелъ съ своими спутниками, и не найдя ихъ, повлекла Іасона на судилище. «Эти всесвѣтные возмутители», кричали возмутители, «пришли и сюда; Іасонъ принялъ ихъ, всѣ они поступаютъ противъ кесаря, почитая царемъ не его, а другого—Іисуса». Нельзя было клеветѣ избрать удачнѣе обвиненія. Отъ него пострадалъ Божественный Основатель христіанства; отъ него преимущественно, какъ явствуетъ изъ исторіи гоненій на христіанъ, страдали и его распространители.—Градоначальники приведены были въ великое смущеніе: надлежало ожидать самыхъ печальныхъ слѣдствій. Но Іасонъ успокоилъ ихъ и себя, убѣдивъ, что нѣтъ ни малѣйшаго повода къ возмущенію, и, можетъ быть, давъ обѣщаніе, что принятыхъ имъ странниковъ скоро не будетъ въ городѣ.

Въ слѣдующую ночь Павелъ и Сила дѣйствительно препровождены были въ Верію, городъ, принадлежавшій къ третьей Македонской области. Жители здѣшніе, какъ замѣчаетъ святой Лука, были гораздо благомысленнѣе (εὐγενέστεροι) Θессалоникійцевъ. Выслушавъ проповѣдь о Мессіи, они поступили такъ, какъ надлежало поступить каждому здравомыслящему Іудею—сличали слышанное съ тѣмъ, что̀ находится въ книгахъ ветхаго завѣта, — черты возвѣщаемаго Мессіи съ чертами обѣтованнаго. Слѣдствіемъ столь благоразумнаго испытанія новой вѣры по необходимости было усердное принятіе ея. Но Θессалоникскіе враги Павловы не дали продолжиться духовному торжеству его надъ сердцами благомыслящихъ Веріанъ; пришедъ въ Верію, они возмутили народъ, и подвижники Евангелія снова должны были исполнить совѣтъ Спасителя: «если гонятъ васъ въ одномъ городѣ, бѣгите

въ другой». Оставивъ Тимоѳея и Силу, съ повелѣніемъ скоро послѣдовать за нимъ, Павелъ удалился въ Аѳины (Дѣян. 17, 1—15).

Появленіе его въ Аѳинахъ есть одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ, представляемыхъ новымъ завѣтомъ и въ особенности исторіею дѣяній апостольскихъ. Здѣсь великій учитель языковъ имѣлъ случай явить все величіе своего духа, всю мудрость, приличную посланнику Божію. Доселѣ онъ имѣлъ дѣло или съ суевѣрными почитателями обрѣзанія и субботы, или съ язычниками, слѣпо кланяющимися бездушнымъ истуканамъ: надлежало возвѣстить слово крестное и мудрымъ вѣка сего, водрузить крестъ тамъ, гдѣ доселѣ видны были только портики философовъ. Аѳины были полны философами и—идолами! Мудрость Грековъ еще имѣла здѣсь свою столицу [1]); но духъ Сократа, который почиталъ философію образовательницею благоденствія человѣческаго, давно исчезъ. Послѣдователи выспренняго Платона были жалкіе мечтатели: ученики привлекательно-мудраго Епикура были низкіе плотоугодники; воспитанники суровой Стои были лицемѣрные самохвалы. Религія была для здѣшнихъ философовъ частію гражданскаго законоположенія, которое, не смотря на всѣ нелѣпости свои, должно оставаться неприкосновеннымъ изъ уваженія къ народнымъ предразсудкамъ. Они смѣялись надъ богами внутри своихъ кабинетовъ, и съ благоговѣніемъ падали предъ ними на торжищахъ. Образованнѣйшая часть народа раздѣляла съ философами внутреннее равнодушіе къ религіи; менѣе просвѣщенная погружена была въ суевѣріе самое грубое. Впрочемъ, духъ набожности, можетъ быть, слѣдствіе прежней здравой философіи, продолжалъ быть характеромъ Аѳинянъ [2]): городъ ихъ былъ наполненъ храмами и жертвенниками, изъ коихъ нѣкоторые посвящены были *неизвѣстнымъ богамъ* [3]).

Среди сего-то народа, который изъ прежней мудрости сохранилъ только одно свойство ея — любознательность, и

---

[1]) Cic. de orat. 1, 4; Orat. pro Flac 26.

[2]) Pausanias in Attic. 1, 24; Strab. 10. p. 472.

[3]) Аѳиняне, чтобы не оставить ни одного бога безъ своего знака уваженія, ставили алтари съ сею надписью. Іеронимъ говоритъ, что на одномъ жертвенникѣ была слѣдующая надпись: Θεοῖς Ἀσίας, καὶ Εὐρώπης, καὶ Λιβύης Θεοῖς ἀγνώστοις, καὶ ξένοις. V. Comment. in Epist. ad Titum.

то въ превратномъ видѣ. Павелъ долженъ былъ возвѣстить имъ распятаго Богочеловѣка. Онъ хотѣлъ отложить начало своей проповѣди до прибытія Тимоѳея и Силы, дабы въ соединеніи съ ними тѣмъ слышнѣе былъ голосъ истины. Но сердце его раздиралось отъ жалости при видѣ множества истукановъ, коими просвѣщенные Аѳиняне гордились, какъ нѣкоею драгоцѣнностію; и онъ началъ проповѣдывать одинъ, сначала въ синагогѣ — Іудеямъ, потомъ на площади всѣмъ жителямъ безъ разбора. Въ числѣ слушателей были стоики и епикурейцы; тѣ и другіе остались недовольны, ибо онъ проповѣдывалъ о Іисусѣ и воскресеніи, коему не вѣрили ни тѣ, ни другіе [1]). Одни думали видѣть въ немъ пустослова, который хочетъ увѣрить людей въ томъ, чему нельзя вѣрить; другіе почитали его за проповѣдника новыхъ, неслыханныхъ боговъ. Однако же проповѣдь Павла показалась достойною любопытства; его привели въ ареопагъ, и просили повторить оную [2]). Это было случаемъ къ той рѣчи, которая въ полной мѣрѣ показала, что Божественный Основатель христіанства всегда вѣрно исполнялъ обѣщаніе Свое подавать распространителямъ Его ученія, въ случаѣ нужды, *уста и премудрость*. Павелъ принялъ такой тонъ, какой долженъ принимать каждый защитникъ христіанства, имѣющій дѣло съ строптивою философіею. Онъ забылъ на время всю историческую часть христіанской вѣры, началъ съ истинъ здраваго смысла, почерпнутыхъ изъ разсматриванія природы, общества человѣческаго и совѣсти, — тѣхъ высокихъ истинъ, кои составляютъ внутреннее основаніе христіанства. Какъ проповѣдуя Іудеямъ, онъ находилъ приступъ для проповѣдуемаго христіанства въ самой Іудейской религіи, такъ и здѣсь онъ открылъ въ мертвомъ деревѣ язычества мѣсто, гдѣ можно было привить живоносную отрасль новой религіи.

[1]) Послѣдователи Епикура не вѣрили Провидѣнію и безсмертію души, и одобряли добродѣтель единственно за удовольствіе, ею доставляемое. Cic. de fin. bon. 2, 31; Tusc. 5, 31; Diog. Laert. 9. Стоики и вѣрили и не вѣрили въ безсмертіе. Клеантъ утверждалъ, что души будутъ существовать до сожженія міра. Cic. Tusc. 1. 31. 32, Laert. 7. 156. Хризиппъ усвоивалъ сіе преимущество только душамъ добродѣтельнымъ. Plut. de placit. Phil. 4. 7; Laert. 7. 57. Другіе думали, что души по разрѣшеніи отъ тѣла возвращаются въ огненную природу Божества. V. Tiedemann. Geist. de Specul. Philosoph. 13. 2, pag. 453.

[2]) Нѣкоторые думали, что Павелъ былъ представленъ въ ареопагъ на судъ. Но изъ всѣхъ обстоятельствъ, изъ всей рѣчи его видно, что онъ говорилъ въ ареопагѣ не какъ обвиняемый, а какъ разномыслящій, новый учитель религіи.

«Аѳиняне!» воскликнулъ Павелъ, «по всему вижу я, что вы очень набожны; ибо я, обходя и обозрѣвая ваши святыни, нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: *неизвѣстному Богу*. Сего-то Бога, Котораго вы, не зная, почитаете, я проповѣдую вамъ». — Слова сіи должны были возбудить величайшее вниманіе въ Аѳинянахъ. Многозначительная надпись: *неизвѣстному Богу*, вѣроятно, уже давно заставляла, хотя немногихъ изъ нихъ, погружаться въ размышленіе; впрочемъ, если они и не были доселѣ внимательны къ ней, то напоминаніе, сдѣланное Павломъ, долженствовало вдругъ возбудить въ душѣ ихъ всѣ мысли, кои заключались въ словахъ: *Божество неизвѣстное!* Павелъ вызывался быть Его провозвѣстникомъ: можно ли было не обратить на слова его вниманія? Впрочемъ, Аѳиняне могли еще ожидать отъ него не болѣе какъ повѣсти о какомъ-нибудь иноземномъ, для нихъ неслыханномъ, но обыкновенномъ, подобномъ ихъ истуканамъ, божествѣ. Надлежало изобразить въ краткихъ чертахъ величіе того Бога, Коего онъ проповѣдывалъ, дабы, приведши въ забвеніе идоловъ, вознести ихъ умъ и сердце на высоту истиннаго боговѣдѣнія.

«Богъ», вѣщалъ богодухновенный витія, «сотворившій міръ и все, что̀ въ немъ, будучи Господомъ неба и земли, не живетъ въ созданныхъ руками храмахъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ по какой-либо нуждѣ, но Самъ даетъ всему жизнь, и дыханіе, и все».

Предъ сею безпредѣльною идеею о всемогущемъ Творцѣ всяческихъ, сами собою исчезали всѣ неправильныя понятія о божествахъ, заключаемыхъ въ капища, и истуканахъ.

«Произведши», продолжалъ Павелъ, «отъ одной крови всѣхъ человѣковъ, Онъ разселилъ народы по всему лицу земли, опредѣливъ жительству каждаго изъ нихъ предназначенныя времена и предѣлы, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли и не найдутъ ли Его; хотя впрочемъ Онъ не далекъ отъ каждаго изъ насъ: ибо мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ, такъ какъ нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: «мы Его и родъ».

Изъ сихъ высокихъ понятій о намѣреніи Творца въ устроеніи міра и общества человѣческаго, какъ средствъ къ распространенію познанія о Немъ между тварями разум-

ными, Апостолъ заключалъ объ истинномъ почитаніи, которое прилично всесовершенному Существу.

«Итакъ мы, будучи родомъ Божіимъ», говорилъ онъ, «не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, обдѣланному художествомъ и вымысломъ человѣческимъ».

Озаривъ такимъ образомъ свѣтомъ естественной религіи безобразіе идоловъ и безславіе ихъ почитателей, Павелъ начинаетъ приподнимать завѣсу, сокрывающую величественное зданіе откровенной религіи. имъ возвѣщаемой.

«Богъ, попустивъ быть временамъ невѣдѣнія, нынѣ всѣмъ человѣкамъ проповѣдуетъ покаяніе. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную посредствомъ предопредѣлѣннаго Имъ Мужа: о чемъ далъ Онъ доказательство всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ».

Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, многіе изъ мнимыхъ мудрецовъ не хотѣли болѣе слушать. Такъ самая утѣшительная истина здраваго смысла была нестерпима для гордыхъ безумцевъ, кои, не обращая вниманія на то, чтобы имѣть Бога въ разумѣ, осуетились умствованіями своими и преданы были похотямъ сердецъ ихъ (Рим. 1, 21—28). Павелъ умолкъ.—Впрочемъ, слова его не всѣ пали на камень и въ терны: нѣкоторые изъ слушателей скрыли ихъ въ сердцѣ и увѣровали въ Іисуса Христа, въ томъ числѣ и членъ ареопага, знаменитый Діонисій (Дѣян. 17, 34).

Заботясь объ умноженіи новыхъ членовъ Церкви Христовой, Павелъ не оставлялъ попеченія и о прежнихъ чадахъ своихъ. Испытавъ тяжкое гоненіе отъ Ѳессалоникскихъ Іудеевъ, онъ по необходимости думалъ, что юная Церковь Ѳессалоникская находится подъ тяжкимъ крестомъ. Посему два раза рѣшался возвратиться въ Ѳессалонику (1 Ѳессал. 2, 18); но, бывъ удержанъ непредвидѣнными препятствіями, отправилъ туда Тимоѳея, для укрѣпленія въ вѣрѣ тамошнихъ христіанъ (1 Ѳессал. 3, 1—2).

Между тѣмъ онъ недолго оставался въ Аѳинахъ. Склонность къ новостямъ, по коей его слушали пытливые Аѳиняне, должна была скоро наскучить неизмѣняемыми истинами, кои возвѣщалъ проповѣдникъ креста Христова, и онъ удалился въ Коринѳъ.

Здѣсь одинъ Іудеянинъ, по имени Акила, который не-

задолго предъ тѣмъ пришелъ изъ Рима (вслѣдствіе Клавдіева указа объ изгнаніи Іудеевъ изъ Римской столицы), принялъ его въ домъ свой. Поелику Акила занимался тѣмъ же художествомъ, въ коемъ искусенъ былъ Павелъ, то послѣдній раздѣлялъ съ нимъ труды его. Впрочемъ, главный долгъ, лежавшій на немъ, не оставался безъ исполненія. Каждую субботу синагога была оглашена именемъ Іисуса Христа. Безуспѣшность проповѣди была нѣкоторымъ образомъ вознаграждена утѣшительнымъ извѣстіемъ, которое принесли Тимоѳей и Сила, возвратившись изъ Ѳессалоники.

Тамошніе христіане, при всѣхъ озлобленіяхъ со стороны Іудеевъ и язычниковъ, оставались вѣрными, но колебались различными сомнѣніями касательно пришествія Іисуса Христа и весьма много скорбѣли о умершихъ (1 посланіе къ Ѳессалон.). Могъ ли Павелъ оставить безъ ободренія и утѣшенія возлюбленныхъ и вѣрныхъ чадъ своихъ? Онъ написалъ къ нимъ посланіе (первое по времени изъ посланій Павловыхъ), исполненное отеческой любви и заботливости. Возблагодаривъ ихъ за твердость въ вѣрѣ, онъ увѣщевалъ ихъ не скорбѣть о умершихъ, подобно неимѣющимъ упованія, представляя, что наступитъ непремѣнно тотъ великій день, когда всѣ мертвые возстанутъ изъ гробовъ для наслажденія жизнію вѣчною. Касательно времени пришествія Христова поставлялъ на видъ одно обстоятельство—столь благотворное по своему вліянію на нравственность—его внезапность; умолялъ вести себя во всемъ неукоризненно, какъ надлежитъ святымъ, быть миролюбивыми и удаляться лѣности. Нѣкоторыя недоразумѣнія, происшедшія за симъ въ умѣ Ѳессалоникійцевъ, побудили Апостола отправить къ нимъ другое письмо. Ѳессалоникійцы, частію не выразумѣвъ смысла апостольскаго ученія о будущемъ пришествіи Іисуса Христа, частію смущаемые нѣкоторыми подложными письмами, писанными якобы Павломъ (2 Ѳессал. 2, 2), получили мысль, что Іисусъ Христосъ долженъ придти въ непродолжительномъ времени. Нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно вслѣдствіе сей мысли, оставили свои работы и занимались единственно праздными сужденіями. Апостолъ во второмъ посланіи, опровергнувъ первый предразсудокъ и показавъ, что явленію Спасителя должно предшествовать еще явленіе антихриста и отступленіе отъ вѣры, снова заповѣдуетъ имъ, подражая его при-

мѣру, удаляться праздности, не вдаваться въ безполезныя мечты и вести жизнь трудолюбивую. Въ предостереженіе отъ подложныхъ посланій онъ далъ имъ знакъ подлинныхъ своихъ писемъ, который состоялъ въ томъ, что онъ имѣлъ обыкновеніе приписывать въ концѣ посланія собственною рукою слѣдующее привѣтствіе: «благодать Господа нашего Іисуса Христа со всѣми вами» (2-е посланіе къ Ѳессалоникійцамъ, послѣдній стихъ).

Поелику Коринѳскіе Іудеи оставались упорными, то Павелъ, сказавъ имъ: «кровь ваша на главахъ вашихъ, я чистъ отъ нея, и съ сего времени пойду къ язычникамъ», перешелъ отъ Акилы въ домъ нѣкоего язычника Іуста. Близость новаго жилища его къ синагогѣ (ибо домъ Іустовъ былъ подлѣ нея) показывала, что онъ въ семъ случаѣ поступилъ сообразно мудрому правилу своему—мнимымъ пристрастіемъ къ язычникамъ возбуждать ревность въ сродникахъ своихъ по плоти, для ихъ спасенія. Таковая заботливость его о своихъ единоплеменникахъ не осталась безъ успѣха: вскорѣ крестился самъ начальникъ синагоги Криспъ со всѣмъ домомъ своимъ. Изъ язычниковъ также обратилось не малое число; но еще гораздо большее готовилось обратиться. Павелъ былъ извѣщенъ о семъ откровеніемъ. Кажется, угрожающія опасности возбудили было въ немъ намѣреніе оставить Коринѳъ. Посему Господь, явясь ему, сказалъ: «не бойся, говори и не умолкай: ибо Я съ тобою, и никто не сдѣлаетъ тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ семъ городѣ». Вслѣдствіе сего онъ проповѣдывалъ Коринѳянамъ въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ. Сими продолжительными трудами столько была утверждена и благоустроена Церковь Коринѳская, что Павелъ впослѣдствіи называлъ оную печатію своего апостольства (1 Кор. 9, 2). Не менѣе была дѣятельна и злоба враговъ Павловыхъ. Улучивъ удобное время, они напали на него и привели къ проконсулу. Обвиненіе было обыкновенное: «этотъ человѣкъ», говорили, «распространяетъ въ народѣ почитаніе, несогласное съ закономъ». Обвиняемый хотѣлъ было говорить въ свое оправданіе; но проконсулъ, примѣтивъ, что дѣло идетъ о ученіи, именахъ и законѣ Іудейскомъ—предметахъ, совершенно чуждыхъ Римской политикѣ, прогналъ обвинителей отъ судилища.

Пробывъ еще немалое время въ Коринѳѣ, Павелъ въ

сопровожденіи Акилы и Прискиллы, отплылъ изъ Кенхрей (Коринѳской пристани на берегу Эгейскаго моря, что къ востоку) въ Сирію и остановился въ Ефесѣ. Тамошніе Іудеи, услышавъ его проповѣдь, просили его помедлить у нихъ; но онъ, давъ обѣщаніе возвратиться къ нимъ, спѣшилъ въ Іерусалимъ, дабы провести тамъ наступающій праздникъ (неизвѣстно, какой). Новые спутники его (Акила и Прискилла) остались въ Ефесѣ. Въ Іерусалимѣ, повидимому, Павелъ былъ весьма недолго и возвратился въ Антіохію, которая, бывъ мѣстомъ его посвященія на проповѣдь, была нѣкоторымъ образомъ и мѣстомъ его отдохновенія. О дѣяніяхъ его въ Іерусалимѣ Евангелистъ Лука ничего не говоритъ. Вѣроятно впрочемъ, что онъ доставилъ туда милостыни, собранныя въ Церквахъ, имъ основанныхъ. Такимъ образомъ кончилось второе апостольское путешествіе Павла.

Третье апостольское путешествіе св. Павла.

Спустя немного времени, Павелъ предпринялъ изъ Антіохіи третье путешествіе апостольское (Дѣян. 18, 22). Прошедъ Фригію и посѣтивъ Галатійскую Церковь, онъ, по обѣщанію своему, прибылъ въ Ефесъ. Здѣсь нашелъ онъ нѣкоторыхъ учениковъ, но не нашелъ въ нихъ того, безъ чего въ первенствующей Церкви нельзя было называться вѣрующимъ— видимыхъ даровъ Святаго Духа. На вопросъ: сообщенъ ли имъ Святый Духъ послѣ крещенія? отвѣчали: «мы даже и не слыхали, есть ли Духъ Святый». При дальнѣйшемъ розысканіи оказалось, что они крещены только Іоанновымъ крещеніемъ [1]). Апостолъ немедленно изъяснилъ имъ недостаточность сего крещенія, показавъ, что Іоаннъ крестилъ въ покаяніе, заставляя вѣровать въ грядущаго Мессію, Который давно пришелъ и есть Господь Іисусъ. Вслѣдствіе сего, ученики Іоанна снова крестились во имя Іисуса Христа. Павелъ возложилъ на нихъ руки; они исполнились Святаго Духа, стали говорить иными языками и пророчествовать.

[1]) Кто крестилъ ихъ?—Аполлосъ? Но онъ, наученный Акилою и Прискиллою (Дѣян. 18, 25. 26), внушилъ бы имъ вѣру въ Іисуса Христа. Вѣроятно, это палестинскіе выходцы, которые, принявъ отъ Іоанна или ученика его крещеніе, оставили Іудею прежде, нежели тамъ распространилось христіанство.

Послѣ сего учитель язычниковъ занялся, по обыкновенію, проповѣдію въ синагогѣ. Іудеи спокойно слушали его въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; но потомъ вступили съ нимъ въ неблагонамѣренные споры, не устыдились даже злословить его лице и ученіе. Смиреніе проповѣдника спокойно могло переносить подобныя оскорбленія; но клеветы приводили въ соблазнъ новообращенныхъ язычниковъ, которые, вслѣдствіе прежняго уваженія къ Іудейскимъ учителямъ, еще продолжали смотрѣть на нихъ, какъ на образецъ. Павелъ увидѣлъ опасность и, отдѣливъ послушныхъ учениковъ отъ упорныхъ противниковъ истины, оставилъ синагогу и избралъ мѣстомъ своей проповѣди училище одного язычника, именемъ Тиранна [1]), или уже христіанина, или расположеннаго къ христіанству. Здѣсь, будучи свободенъ отъ безполезнаго пренія съ Іудеями, онъ провелъ два года въ непрерывной проповѣди. Столь долговременное сѣяніе, совершаемое руками Павла, который не разъ сѣянное омочалъ собственными слезами (Дѣян. 20, 31), долженствовало произрастить богатую жатву. Такъ и было. Поелику въ Ефесъ непрестанно стекалось множество народа, частію для торговли, частію для поклоненія Діанину образу [2]): то вся Азія (какъ Іудеи, такъ и Еллины) услышала проповѣдь объ Іисусѣ Христѣ.

Сила истины ученія, возвѣщаемаго Апостоломъ, была подкрѣпляема силою чудесъ, которыя въ такомъ избыткѣ совершались руками Павла, что наконецъ самые платки и полотенца, бывшія на тѣлѣ его, начали употреблять для уврачеванія болѣзней и прогнанія духовъ нечистыхъ. Это послужило поводомъ къ самому странному происшествію, въ которомъ съ одной стороны обнаружилась вся гнусность корыстолюбія, съ другой—достоинство и святость чудесъ Павловыхъ.

Въ Ефесѣ было семь сыновъ какого-то Іудейскаго первосвященника Скевы [3]), которые, выдавая себя за повели-

---

[1]) Это былъ какой-нибудь софистъ, или народный учитель, каковыхъ въ Греческихъ городахъ было весьма много. Что онъ не Іудей, видно изъ того, что Павелъ отдѣлился отъ Іудеевъ.

[2]) Strab. 14, pag. 948, Plin. Hist. Nat. 5. 29; Ioseph Ant. 14, 17.

[3]) Скева не былъ собственно первосвященникомъ Іудейскимъ, а только начальникомъ одного изъ отдѣленій, на которыя раздѣлялись священники. 2 Пар. 36, 14; 1 Пар. 24, 6; Матѳ. 8, 4; 26, 3.

телей духовъ нечистыхъ, обманывали легковѣрный народъ [1]). Наслышавшись, какъ Павелъ именемъ Іисуса Христа совершалъ чудеса, они стали употреблять сіе имя при заклинаніяхъ надъ бѣсноватыми, говоря: «заклинаемъ васъ Іисусомъ, Коего Павелъ проповѣдуетъ». Успѣхъ такового безстыдства естественно клонился бы ко вреду христіанства. Промыслъ употребилъ въ семъ случаѣ такого обличителя, какого только стоили обличаемые—злого духа. «Іисуса», отвѣчалъ онъ на заклинанія, «я знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ; но вы кто?» Къ сей укоризнѣ присоединились жестокіе удары отъ бѣсноватаго,—и низкіе корыстолюбцы принуждены были спасать жизнь свою бѣгствомъ. Случай сей, вскорѣ сдѣлавшись извѣстнымъ въ цѣломъ Ефесѣ, усилилъ уваженіе къ христіанской религіи. Всѣ увидѣли, что даръ чудотворенія, украшавшій проповѣдниковъ оной, не есть естественная какая-либо невѣдомая сила, которая можетъ быть подчинена произволу человѣческому и обращена въ предметъ купли, но живая сила Божія, которая оказываетъ свое дѣйствіе только тамъ, гдѣ угодно Промыслу. Особенно обстоятельство сіе подѣйствовало на нѣкоторыхъ людей, занимавшихся тайными знаніями и волшебствомъ [2]): они снесли въ одно мѣсто всѣ книги свои, служившія источникомъ гибельнаго искусства и, не смотря на великую цѣну ихъ [3]), предали оныя огню.

Устроивъ такимъ образомъ Церковь Ефесскую, Павелъ помышлялъ о новыхъ путешествіяхъ, гораздо обширнѣйшихъ въ сравненіи съ прежними. Именно, онъ намѣревался идти въ Коринѳъ, потомъ въ Іерусалимъ (2 Кор. 1, 15—16); изъ Іерусалима думалъ предпринять путешествіе въ Римъ, а отсюда пройти въ Испанію (Дѣян. 19, 21; Рим. 15, 24—28). Въ семъ предположеніи онъ послалъ предварительно въ Македонію двоихъ сотрудниковъ своихъ, Тимоѳея и Ераста, повидимому (1 Коринѳ. 16, 3), для того,

[1]) Флавій повѣствуетъ, что искусство заклинать нечистыхъ духовъ было въ великомъ употребленіи между его соотечественниками, и что его производили отъ Соломона. Смот. Ant. 8, 11, гдѣ описывается и способъ заклинанія.

[2]) Ефесъ такъ былъ богатъ сими людьми, что всюду были въ употребленіи такъ называемыя Ефесскія граматки (ἐφέσια γράμματα), коимъ приписывали сверхъестественное дѣйствіе. Онѣ не заключали въ себѣ почти никакого смысла. Вотъ одна для примѣра: ἄσκι κατάσκι ἄιξ Γέτραξ δαμναμενέυς αἴσιον. Diogenian. Cent. 4, prov. 78. Erasmus adagg. Cent. 2, p. 578.

[3]) Онѣ стоили 50,000 драхмъ серебра, что на наши деньги составитъ около 6,250 имперіаловъ. V. Kuinoel. Comm. in Act. Apost. ad h. 1.

чтобы они собрали приношенія различныхъ Церквей, которыя онъ долженъ былъ доставить бѣднымъ христіанамъ Іерусалимскимъ.

Въ сіе время пришелъ къ Апостолу изъ Коринѳа Аполлосъ (1 Кор. 16, 12), трудившійся, подобно ему, надъ обращеніемъ язычниковъ; съ нимъ пришли и нѣкоторые изъ братьевъ, чрезъ коихъ Коринѳяне писали къ Апостолу, прося совѣта касательно супружескаго и безбрачнаго состоянія (1 Кор. 7, 1). Отъ нихъ узналъ Павелъ о многихъ безпорядкахъ, вкравшихся въ Коринѳскую Церковь, что̀ было поводомъ къ написанію перваго посланія къ Коринѳянамъ. Обличивъ въ немъ заблужденіе Коринѳянъ, Павелъ обѣщался самъ, послѣ праздника Пятидесятницы, придти въ Коринѳъ (1 Кор. 4, 18. 19; 11, 34; 16. 5—8). Посланіе отправлено было съ Стефаномъ, Фортунатомъ и Ахаикомъ: ибо Аполлосъ, съ коимъ Павлу хотѣлось послать его, не рѣшался такъ скоро возвратиться въ Коринѳъ, конечно изъ опасенія, чтобы его присутствіе снова не послужило для Коринѳянъ поводомъ къ разногласіямъ касательно важности учителей, отъ коихъ каждый изъ нихъ получилъ крещеніе (1 Кор. 1, 11—12).

Въ семъ посланіи Апостолъ Павелъ упоминаетъ объ одномъ обстоятельствѣ своего пребыванія въ Ефесѣ, опущенномъ св. Лукою, которое весьма замѣчательно и по своему свойству, и по тѣмъ разногласіямъ, въ кои толкователи Св. Писанія впали при изъясненіи его. Въ 15, 32 говорится, что онъ боролся со звѣрями въ Ефесѣ. Спрашивается: въ самомъ ли дѣлѣ Апостолъ въ Ефесѣ былъ осужденъ на употребительную въ тѣ времена казнь сраженія со звѣрями? Никифоръ, писатель XIV вѣка, такъ подробно описываетъ сіе сраженіе [1]), какъ бы онъ самъ былъ его очевидцемъ; но

[1]) Nicephorus lib. 2, cap 25. Вотъ сущность сказанія: разъяренный народъ заключилъ Апостола въ темницу, въ намѣреніи бросить его на пищу звѣрямъ. Во время ночи Павелъ чудесно выходитъ изъ темницы для преподанія крещенія двумъ женщинамъ, и паки возвращается, не бывъ никѣмъ примѣченъ. Левъ, пущенный на Павла, упадаетъ со смиреніемъ къ его ногамъ; то же дѣлаютъ и другіе звѣри. Необыкновенный градъ убиваетъ многихъ зрителей и звѣрей, исключая льва, который убѣгаетъ въ лѣсъ; Апостолъ освобождается. Очевидно, что Никифоръ, или кто другой, смѣшалъ два рода наказаній, совершенно различныхъ. Θηριομαχεῖν означаетъ борьбу со звѣрями, на которую осужденный выходилъ въ вооруженіи и нерѣдко оставался побѣдителемъ, а не поверженіе на съѣденіе звѣрямъ; это была другая казнь. Павелъ, если принять слова его: *боролся со звѣрьми*, въ собственномъ смыслѣ, осужденъ былъ на первую.

его повѣствованія, въ коихъ онъ никогда не даетъ историческаго отчета, давно уже потеряли довѣріе у тѣхъ, кои въ исторіи ищутъ строгой достовѣрности. Все, что̀ можно привести въ оправданіе сказанія Никифорова о дѣйствительномъ сраженіи Апостола Павла со звѣрями въ Ефесѣ, состоитъ въ томъ, что жизнь его въ семъ городѣ подвергалась крайней опасности, какъ явствуетъ изъ 2 Кор. 1, 9. Но подъ сею опасностію, сообразно обстоятельствамъ пребыванія его въ Ефесѣ, всего приличнѣе разумѣть ту опасность, коей подвергался онъ во время возмущенія, произведеннаго Димитріемъ серебряникомъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Если бы Павелъ сражался въ Ефесѣ со звѣрями: то 1) св. Лука не преминулъ бы, хотя кратко, упомянуть о семъ въ Дѣяніяхъ; 2) самъ Павелъ не пропустилъ бы сего обстоятельства при исчисленіи Коринѳянамъ всѣхъ видовъ бѣдствій, коимъ онъ подвергался за имя Христово (2 Кор. 11, 23—32). Притомъ древніе отцы Церкви, какъ-то: Златоустъ и Іеронимъ, коимъ исторія Павлова, безъ сомнѣнія, была извѣстнѣе, нежели Никифору, принимаютъ выраженіе Павлово: *сражался со звѣрями*, за метафору. Въ самомъ дѣлѣ, это—метафора. Греки, на языкѣ коихъ писалъ Павелъ, такъ же, какъ и мы, сравнивали людей свирѣпыхъ съ звѣрями. Игнатій Богоносецъ въ посланіи своемъ къ Смирнянамъ употребляетъ то же самое слово, какое употреблено Павломъ (θηριομαχῶ), разумѣя подъ нимъ свое обхожденіе съ жестокими приставниками своими. Самъ Павелъ употребляетъ подобное выраженіе въ посланіи къ Тимоѳею, когда говоритъ о себѣ, что онъ былъ избавленъ изъ львиныхъ челюстей, то есть, отъ гнѣва императора Римскаго (2 Тим. 4, 17).

Въ сіе же время, то есть въ концѣ трехлѣтняго пребыванія Павлова въ Ефесѣ, должно полагать, написаны имъ посланія къ Титу и Галатамъ. Первое видно изъ того, что Апостолъ повелѣваетъ Титу скорѣе придти къ нему въ Никополь (Тит. 3, 12); а Титъ дѣйствительно является спутникомъ его вскорѣ по выходѣ изъ Ефеса (2 Кор. 7, 6. 7. 13),—и изъ того, что заповѣдуетъ ему принять Аполлоса (Тит. 3, 13), который, какъ мы замѣтили, отказавшись возвратиться въ Коринѳъ, пошелъ въ Критъ. Послѣднее открывается изъ жалобы писателя на Галатовъ за то, что они

такъ скоро измѣнились въ вѣрѣ (Гал. 1. 6), ибо Апостолъ посѣтилъ, какъ мы видѣли, Галатійскую Церковь на своемъ пути въ Ефесъ. Сущность посланія къ Титу состоитъ въ преподаніи ему правилъ пастырскаго благочинія, а къ Галатамъ—въ защищеніи своего апостольскаго достоинства отъ клеветъ іудействующихъ лжеучителей, которые старались унизить его предъ Галатами, и въ защищеніи свободы христіанской отъ ига законнаго, которое первые хотѣли возложить на послѣднихъ.

Когда такимъ образомъ Павелъ сражался вездѣ за истину, по его выраженію, съ *оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ* (2 Кор. 6, 7). сатана, коего онъ поразилъ въ самое сердце основаніемъ Церквей въ знаменитыхъ городахъ Азіи, приготовлялъ на него новую бурю. Ефесъ, какъ замѣчено, славился храмомъ Діаны, который, по своей огромности и несмѣтнымъ сокровищамъ, считался въ числѣ семи чудесъ свѣта [1]). Корыстолюбіе художниковъ, ободряемое слѣпымъ суевѣріемъ почитателей Діаниныхъ, вымыслило искусственныя подобія храма ея, которыя покупались молельщиками, какъ нѣкая святыня. Сею работою особенно славился и обогатился нѣкоторый серебряникъ Димитрій. Въ его-то сердце вошелъ сатана для исполненія своихъ злоумышленій на Павла. Собравъ подобныхъ себѣ ремесленниковъ, онъ описалъ имъ всю опасность, коею угрожаетъ прибыткамъ ихъ распространеніе христіанства. «Друзья!» говорилъ онъ имъ, «вамъ извѣстно. что отъ сей прибыли зависитъ все содержаніе наше; между тѣмъ вы видите и слышите, что Павелъ не только въ Ефесѣ, но и почти во всей Асіи, не малое число людей переувѣрилъ, что боги, дѣлаемые руками, не суть боги. Что выйдетъ изъ сего? То, что не только ремесло наше придетъ въ презрѣніе, но и храмъ великой богини Діаны будетъ почитаемъ за ничто, и испровергнется величіе той, которую вся Асія и вселенная почитаетъ». Выслушавъ сіе, толпа корыстолюбивыхъ лицемѣровъ, исполнившись фанатическаго восторга, начала кричать: «велика Діана Ефесская!» Возмущеніе тотчасъ распространилось по всему городу. Двое изъ спутниковъ Павловыхъ (Гай и Аристархъ) были схвачены. Наступила минута рѣшительная и вмѣстѣ

[1]) Plin. Hist. Nat. 36, 14—16, 40.

опасная. Явиться предъ разъяренною толпою возмутителей—значило принести самого себя добровольно въ жертву ихъ лютости; искать спасенія въ бѣгствѣ—значило измѣнить истинѣ, измѣнить своимъ спутникамъ, кои находились въ величайшей опасности. Павелъ избралъ первое; но вѣрующіе удержали его. Даже асіархи [1]) старались отклонить его отъ сей опасности. Между тѣмъ изъ возмутителей одни кричали одно, другіе другое; бо́льшая часть собранія не знала, въ чемъ состоитъ дѣло. Поелику Павла почитали всѣ Іудеемъ, то обвиненіе пало на Іудеевъ (единственный случай, когда Іудеи подверглись опасности за христіанъ, которые, по свидѣтельству исторіи, неоднократно терпѣли гоненіе за Іудеевъ). Послѣдніе избрали нѣкоего Александра, который долженъ былъ защитить ихъ предъ народомъ, сложивъ всю вину на Павла. Но Промыслъ разрушилъ ихъ намѣреніе. Узнавъ, что Александръ—Іудей, язычники прогнали его съ зрѣлища, и снова въ продолженіе двухъ часовъ кричали: «велика Діана Ефесская!» Честь утишить столь бурное волненіе народа и освободить проповѣдниковъ христіанства отъ опасности досталась одному книжнику, вѣроятно, благопріятствовавшему христіанамъ. «Граждане Ефесскіе!» сказалъ сей искусный витія, «какой же человѣкъ не знаетъ, что городъ Ефесъ есть служитель великой богини Діаны?... Когда же въ семъ нѣтъ спора, то надобно намъ оставаться въ покоѣ и не поступать опрометчиво; ибо вы привели сихъ людей, незамѣченныхъ ни въ святотатствѣ, ни въ хуленіи богини вашей. Итакъ, если Димитрій и его товарищи имѣютъ причину жаловаться на кого-нибудь, на то есть судебныя собранія, есть проконсулы... Мы находимся въ опасности за происшедшее сегодня быть обвиненными въ возмущеніи, тогда какъ нѣтъ законной причины, коею мы могли бы оправдать сіе стеченіе народа». Успокоенное сими словами собраніе разсѣялось.

Изъ словъ книжника видно, что проповѣдники Евангелія, открывая язычникамъ ничтожность ихъ истукановъ, не хулили однако же боговъ. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ Ефесяне увѣрены были въ божествѣ Діаны, то безъ наруше-

[1]) Областные начальники надъ играми народными и жертвоприношеніями, такъ названные отъ провинціи, имъ подчиненной: подобно какъ таковые начальники въ Сиріи назывались сиріархами, въ Кипрѣ—кипріархами. V. Kuinol Comm. in Acta Apost. ad XIX, 31.

нія закона совѣсти не могли спокойно слушать хулы на оное. Насмѣшки вообще ведутъ не къ убѣжденію, а къ досадѣ и ненависти. Когда истина ученія Евангельскаго о Богѣ была признаваема, то божества языческія падали сами собою. Сей поступокъ Павла служитъ прекраснымъ примѣромъ того, какъ должно поступать съ мнѣніями другихъ касательно религіи. Наставляй, выводи изъ заблужденія, обличай; но доколѣ не переувѣришь, не издѣвайся надъ тѣмъ, что̀ другой почитаетъ священнымъ [1]).

По утишеніи мятежа, Павелъ рѣшился оставить Ефесъ. Созвавъ вѣрующихъ и преподавъ имъ наставленіе, онъ пошелъ въ Македонію. На семъ пути онъ остановился въ Троадѣ. Здѣсь *отверзлась* для него *дверь* вѣры; но онъ, не имѣя покоя духу своему (2 Кор. 2, 12—13), потому что не нашелъ тамъ Тита, спѣшилъ въ Македонію, гдѣ полагалъ встрѣтиться съ нимъ. Въ Македоніи онъ дѣйствительно былъ утѣшенъ свиданіемъ съ симъ ревностнымъ сотрудникомъ своего апостольства. Извѣстія, принесенныя Титомъ изъ Коринѳа, еще болѣе умножили радость Апостола (2 Кор. 7, 5—16). Онъ узналъ, что Коринѳяне приняли посланіе его со всѣмъ уваженіемъ, немедленно исправили замѣченные у нихъ безпорядки и что они готовы участвовать вмѣстѣ съ другими въ милостынѣ, собираемой для Церкви Іерусалимской. Но тутъ же узналъ, что неисполненіе обѣщанія придти къ нимъ нѣкоторыми злонамѣренными людьми выставляется какъ признакъ непостоянства, и что сіи же люди стараются вообще унизить его апостольское достоинство предъ Коринѳянами. *Уста его* при семъ, какъ онъ самъ говоритъ, *отверзлись къ Коринѳянамъ, сердце распространилось* (2 Кор. 6, 11) отъ любви къ нимъ и ревности по ихъ спасеніи, и онъ написалъ посланіе, исполненное усердія и отеческой заботы. Въ немъ Апостолъ представляетъ истинныя причины, удержавшія его отъ путешествія въ Коринѳъ, благодаритъ за послушаніе, защищаетъ свое апостольское достоинство и чистоту поведенія своего, побуждаетъ къ дѣятельнѣйшему участію въ милостынѣ для Іерусалимскихъ христіанъ.

*) Іосифъ Флавій говоритъ (Ant. IV, 8—10), что между Моисеевыми законами (неписанными) былъ одинъ, запрещавшій Іудеямъ хулить божества язычниковъ. Іудейскій историкъ заблуждался, почитая Моисея виновникомъ сего закона; но законъ стоитъ законодателя Синайскаго.

Изъ Македоніи Павелъ перешелъ въ Грецію (собственно такъ называемую) и провелъ въ ней три мѣсяца, вѣроятно. большею частію въ Коринѳѣ. Отсюда и въ сіе время написано имъ славное посланіе къ Римской Церкви. Павелъ давно желалъ видѣть оную, утѣшаясь слухомъ о ея преуспѣяніи въ вѣрѣ (Рим. 1, 11. 12), но обстоятельства до сихъ поръ препятствовали ему исполнить сіе намѣреніе. Между тѣмъ онъ слышалъ, что въ Римской Церкви происходятъ несогласія: язычники презираютъ Іудеевъ, а Іудеи язычниковъ. Отшествіе Фивы, Кенхрейской діакониссы въ Римъ, представило ему случай писать къ тамошнимъ христіанамъ (Рим. 16, 1). Поелику разногласіе Іудеевъ съ язычниками было почти общимъ недугомъ, отъ коего страдали тогдашнія Церкви, то учитель языковъ въ посланіи къ Римской Церкви, какъ знаменитѣйшей между Церквами новоустроенными, пространно изложилъ свое ученіе касательно взаимнаго отношенія обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ христіанъ; а сіе привело его къ изъясненію догматовъ о духовномъ безсиліи и *безотвѣтности* предъ Богомъ всего рода человѣческаго, свойствахъ вѣры оправдывающей и о тѣхъ обязанностяхъ, кои она ведетъ за собою. Посему-то посланіе къ Римлянамъ всегда почиталось важнѣйшимъ изъ посланій Павловыхъ и какъ бы сокращеніемъ его ученія.

Собравъ въ Греціи приношенія всѣхъ Церквей, имъ основанныхъ, Павелъ избралъ было самый кратчайшій путь въ Іерусалимъ чрезъ Сирію; но извѣстіе о злоумышленіи Іудеевъ (можетъ быть, хотѣвшихъ воспользоваться милостынею, которую онъ несъ съ собою) заставило его предпринять другой путь чрезъ Македонію (Дѣян. 20, 3). Посѣтивъ Церковь Филиппійскую, онъ достигъ Троады, гдѣ провелъ семь дней. Въ послѣдній день пребыванія (недѣльный) Троадскіе христіане собрались, по обыкновенію, для общественной молитвы. Павелъ предложилъ имъ поученіе, которое простерлось до полуночи. Столь благочестивое собраніе, гдѣ, по выраженію Златоуста [1]), любовь проповѣдывала, любовь и слушала, возмущено было внезапно однимъ непріятнымъ случаемъ. Одинъ юноша (Евтихъ), сидѣвшій на окнѣ, погрузился въ сонъ; окно было открыто, и онъ упалъ

[1]) Hom. in Act. Apost.

съ третьяго этажа. Соннаго подняли мертвымъ. Но Павелъ нашелъ въ немъ признаки жизни и успокоилъ братьевъ. За проповѣдію слѣдовала вечеря любви, потомъ опять слово вѣры, такъ что вся ночь проведена была въ бесѣдѣ. Къ утру отрока привели живого.

Съ разсвѣтомъ дня Павелъ оставилъ Троаду. Спутники его поплыли въ Ассъ, а самъ онъ пошелъ туда пѣшкомъ, вѣроятно для того, чтобы на пути преподать наставленіе вѣрующимъ. Въ Ассѣ сѣлъ онъ на корабль, и въ нѣсколько дней прибылъ въ Милетъ. Церковь Ефесская осталась въ сторонѣ, ибо онъ спѣшилъ въ Іерусалимъ. Она не знала еще, что никогда не увидитъ его; но Павелъ зналъ сіе, а посему изъ Милета послалъ за Ефесскими пресвитерами, дабы изъяснить имъ послѣднюю волю свою. Прощальная рѣчь его къ симъ пастырямъ есть изліяніе истинно отеческаго сердца, и невольно напоминаетъ прощальную рѣчь Іисуса Христа къ ученикамъ Своимъ.

«Вы знаете», говорилъ онъ, «какъ я жилъ съ вами во все время съ перваго дня, въ который пришелъ я въ Асію: служилъ Господу со всѣмъ смиреніемъ, со многими слезами, среди искушеній, случавшихся со мною по злоумышленію Іудеевъ; и что я не пропустилъ ничего полезнаго, о чемъ бы не сказалъ вамъ, и чему бы не поучалъ васъ при народѣ и по домамъ. Я проповѣдывалъ Іудеямъ и Еллинамъ покаяніе, и обращеніе къ Богу, и вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа. И вотъ, нынѣ, по влеченію Духа, иду я въ Іерусалимъ, не зная, что̀ тамъ со мною встрѣтится; только Духъ Святый по городамъ свидѣтельствуетъ мнѣ, что меня ожидаютъ узы и бѣдствія. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнію, только бы совершить съ радостію свой путь и служеніе, которе принялъ я отъ Господа Іисуса, проповѣдать Евангеліе благодати Божіей. И нынѣ вотъ, я знаю, что всѣ вы, между которыми я ходилъ и проповѣдывалъ Царствіе Божіе, уже не увидите лица моего. И потому свидѣтельствую вамъ въ сей день, что неповиненъ я въ крови всѣхъ васъ; ибо я не опускалъ возвѣщать вамъ всю волю Божію. Итакъ берегите себя и все стадо, въ которомъ Духъ Святый поставилъ васъ блюстителями, пасти Церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ кровію Своею. Ибо я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые

волки, не щадящіе стада; и что изъ васъ самихъ явятся люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь за собою учениковъ. Итакъ бодрствуйте, помня, что я три года непрестанно день и ночь со слезами поучалъ каждаго изъ васъ. А нынѣ, братія, поручаю я васъ Богу и Его благодатному слову, могущему назидать васъ болѣе и дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными. Ни серебра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами вы знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ служили сіи мои руки. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ надобно, трудясь, поддерживать слабыхъ и помнить слова Господа Іисуса; ибо Онъ Самъ сказалъ: болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели брать».

Окончивъ увѣщаніе, Павелъ повергся на землю и молился вмѣстѣ съ вѣрующими. При мысли, что не увидятъ его болѣе, глубокая скорбь овладѣла сердцами всѣхъ: всѣ молчали и всѣ плакали; наконецъ невольно разстались.

Корабль, на коемъ отплылъ Павелъ, долженъ былъ пристать въ Тирѣ для выгрузки товаровъ. Нашедъ здѣсь вѣрующихъ, путешественники пробыли у нихъ семь дней. Предвидя бѣдствія, коимъ Апостолъ имѣетъ подвергнуться въ Іерусалимѣ, Тиряне молили его не ходить въ оный; но могъ ли сдѣлать сіе Павелъ, который шелъ туда по влеченію Духа Божія?—Отшествіе его изъ Тира было отшествіемъ отца семейства: всѣ вѣрующіе, не исключая малыхъ дѣтей, провожали его до самаго берега; здѣсь, ставъ на колѣни, они испрашивали ему у Отца Небеснаго счастливаго пути. Какой утѣшительный видъ для чистаго сердца Павлова! Какъ ничтожны въ сравненіи съ симъ выраженіемъ безпритворной любви всѣ пышные и принужденные клики въ честь земныхъ исполиновъ!

Сошедъ съ корабля въ Птолемаидской пристани, путешественники вскорѣ достигли Кесаріи, гдѣ были приняты Филиппомъ, однимъ изъ числа семи діаконовъ, коего дочери, дѣвицы, обладали духомъ пророчества. Въ сіе время пришелъ въ Кесарію изъ Іудеи Агапъ, тотъ самый, который въ Антіохіи предсказалъ нѣкогда голодъ. Нашедши Павла, онъ взялъ его поясъ и, связавъ имъ руки и ноги, сказалъ, что такъ будетъ связанъ въ Іерусалимѣ владѣтель сего пояса. При сихъ словахъ Кесарійскіе христіане, подобно Тирскимъ,

начали отклонять Павла отъ его намѣренія быть въ Іерусалимѣ. Убѣжденія растворены были слезами: такъ крѣпко они любили его! Павелъ любилъ ихъ не менѣе; но чувствованія его сердца всегда были подчинены гласу долга. Онъ зналъ, что узы, ожидающія его въ Іерусалимѣ, по намѣренію Промысла, должны послужить къ славѣ Евангелія: высшаго блаженства для него не было на землѣ. «Что вы дѣлаете?» сказалъ онъ плачущимъ ученикамъ своимъ. «Зачѣмъ плачете и разстраиваете сердце мое? Я готовъ быть не только узникомъ, но и умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа Іисуса». Видя безуспѣшность своихъ прошеній, вѣрующіе наконецъ успокоились, сказавъ: «да будетъ воля Господня!» — Чрезъ нѣсколько дней Павелъ прибылъ въ Іерусалимъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ учениковъ Кесарійскихъ, кои хотѣли указать ему пристанище въ домѣ одного христіанина, по имени Мнасона (Дѣян. 21, 16).

Здѣсь оканчивается исторія апостольскихъ путешествій Павла. По вѣроятнѣйшему счисленію, они продолжались 12 лѣтъ. Пространство, измѣренное стопами Апостола, начинается Аравіею и оканчивается Иллиріею [1]). Главнымъ мѣстомъ дѣйствованія его была Малая Азія и Греція—конечно потому, что сюда стекалось множество народа изъ всѣхъ странъ свѣта, что̀ могло служить къ скорѣйшему распространенію христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, оно столь успѣшно распространилось проповѣдію Павла, что въ посланіи къ Римлянамъ можно уже было сказать: *голосъ проповѣдниковъ разнесся по всей землѣ, и слова ихъ до предѣловъ вселенныя* (Рим. 10, 18). Учитель языковъ имѣлъ ревностныхъ сотрудниковъ; но они всѣ дѣйствовали по его распоряженію, большею частію поливали то, что̀ имъ посѣяно: притомъ они были, такъ сказать, его воспитанники. Основавъ множество Церквей, Павелъ не далъ ни одной изъ нихъ письменно своего ученія; оно должно было сохраниться не въ книгахъ, а въ сердцахъ учениковъ его. Новообращенные слушали его, какъ Самого Бога; впрочемъ онъ все уваженіе, какое было оказываемо его лицу, старался обратить въ пользу религіи; онъ желалъ, чтобы ученики его, если можно, вовсе

[1]) Рим. 15. Иллирикомъ, или Иллиріею называлась страна, лежащая между Италіею, Германіею, Македоніею и Ѳракіею. Съ одной стороны она граничила съ Адріатическимъ моремъ, а съ другой съ Дунаемъ. Wits. Melet. Leyd., pag. 105.

не знали своихъ земныхъ наставниковъ, а знали одного небеснаго Учителя Іисуса Христа. «Что Павелъ?» писалъ онъ къ Коринѳянамъ, «что Аполлосъ? Они только служители, посредствомъ которыхъ вы увѣровали» (1 Кор. 3, 5). Дѣйствуя именемъ Бога, онъ отъ Него единственно ожидалъ успѣха трудовъ своихъ; Ему препоручилъ возращеніе того, что̀ имъ было сѣяно.

Узы Павла въ Іерусалимѣ.

Въ Іерусалимѣ Павелъ былъ принятъ вѣрующими со всеобщею радостію. Первымъ дѣломъ его было раздѣленіе милостыни, принесенной бѣднымъ братьямъ. На другой день онъ посѣтилъ Апостола Іакова, тогдашняго предстоятеля Іерусалимской Церкви, куда собрались и всѣ пресвитеры, желая слышать отъ него объ успѣхахъ христіанства. Павелъ разсказывалъ подробно о всемъ, что̀ сотворилъ Богъ у язычниковъ посредствомъ его проповѣди. Всѣ слушали съ удовольствіемъ и славили Бога, призрѣвшаго благодатію Своею и на бѣдныхъ язычниковъ. Пресвитеры съ своей стороны увѣдомили Павла о состояніи Іерусалимской Церкви. «Многія тысячи Іудеевъ», говорили они, «признали Іисуса Христа Мессіею, но продолжаютъ крѣпко держаться закона Моисеева. Всѣ они наслышались о тебѣ, что ты противнаго образа мыслей, и учишь отступленію отъ Моисея, запрещая обрѣзаніе [1]). Всего вѣроятнѣе, что сіи ревнители закона обратятъ все вниманіе на твое поведеніе въ Іерусалимѣ. Итакъ послѣдуй нашему совѣту: у насъ есть четыре человѣка, которые дали обѣтъ Богу; присоединись къ нимъ и возьми на себя ихъ издержки для жертвоприношенія [2]). Такимъ образомъ узнаютъ всѣ, что слышанное ими о тебѣ неправда, и что ты продолжаешь соблюдать законъ. Впрочемъ,—продолжали они, мы далеки отъ того, чтобы лишить свободы

[1]) Обвиненіе сіе было несправедливо. Апостолъ не запрещалъ Іудеямъ обрѣзываться; училъ только, что язычники не должны сего дѣлать и что обрѣзаніе вообще есть вещь безразличная.

[2]) У Іудеевъ почиталось признакомъ особенной набожности, если кто такимъ образомъ участвовалъ въ чужихъ обѣтахъ. Участвующій могъ, если хотѣлъ, подобно обѣщавшимся, воздерживаться отъ употребленія извѣстныхъ снѣдей и питія: въ противномъ случаѣ участіе состояло только въ принятіи на себя издержекъ, съ коими соединенъ былъ обѣтъ. Ioseph. Ant. 19, 6; Bell. Iud 2. 15, 1.

христіанской обращенныхъ язычниковъ; въ отношеніи ихъ мы постоянно держимся прежняго положенія нашей Церкви; но что касается до Іудеевъ, то почитаемъ за нужное не соблазнять ихъ неуваженіемъ къ закону».

Павелъ, который твердо зналъ, что и обрѣзаніе и необрѣзаніе для христіанина ничто, а важна вѣра, споспѣшествуемая любовію, и что главный долгъ свободы христіанской—не соблазнять слабыхъ совѣстію, быть съ Іудеемъ какъ Іудей, съ язычникомъ какъ язычникъ, охотно послѣдовалъ совѣту братьевъ. Уже наступилъ седьмой день, когда надлежало окончиться обѣту, въ коемъ участвовалъ Павелъ, жертвоприношеніемъ во храмѣ. Апостолъ явился туда,—но для того только, чтобы самому содѣлаться жертвою непредвидѣннаго возмущенія. Казалось, что самъ Промыслъ, избравшій сію минуту для лишенія его свободы, не хотѣлъ, чтобы учитель язычниковъ, первѣйшій защитникъ свободы христіанской, явился въ видѣ почитателя сѣни законной въ томъ храмѣ, который давно уже потерялъ истинное свое значеніе. Онъ тотчасъ былъ замѣченъ нѣкоторыми изъ Асійскихъ Іудеевъ, которые пришли въ Іерусалимъ для поклоненія. Въ памяти сихъ суевѣрныхъ людей мгновенно возбудились всѣ тѣ случаи, въ коихъ Павелъ казался имъ презрителемъ отечественнаго закона. И сей врагъ Бога и Моисея—въ глазахъ ихъ осмѣлился войти во святилище, съ явнымъ или тайнымъ, какъ они думали, презрѣніемъ святыни его!—Въ жару безразсудной ревности они полагали, что онъ вводилъ съ собою въ храмъ и язычниковъ, коими видѣли его недавно окруженнымъ. «Израильтяне!» воскликнули сіи безразсудные люди, «помогите: вотъ человѣкъ, который повсюду всѣхъ учитъ противъ народа Еврейскаго, закона и сего священнаго мѣста; который осквернилъ храмъ, введши въ него язычниковъ». Вопль сей разнесся по всему городу; со всѣхъ сторонъ стеклись толпы народа, и безъ того во множествѣ окружавшаго храмъ. Многіе помнили еще измѣну Павла іудейству на пути въ Дамаскъ; всѣ слышали о его проповѣди между язычниками, которая также почиталась измѣною. Мнимый врагъ религіи Моисеевой былъ схваченъ и извлеченъ изъ храма, который тотчасъ заперли, повидимому для того, чтобы онъ не воспользовался правомъ прибѣжища къ алтарю (3 Цар. 1, 50; 2, 28—29).

Но прибѣжищемъ Павла былъ Тотъ, Кто въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ. Гонимый обрѣзанными, онъ спасенъ былъ отъ смерти язычниками, какъ бы въ благодарность за его апостольское служеніе язычникамъ. Римская стража, особенно во время праздниковъ, тщательно наблюдала за всѣмъ, что происходило въ народѣ; часть ея была и при храмѣ [1]): посему о происшедшемъ возмущеніи тотчасъ дано было знать тысяченачальнику. Появленіе его съ вооруженными воинами принудило враговъ Павловыхъ остановиться. Онъ былъ взятъ подъ стражу и обремененъ цѣпями. Поелику въ обвиненіе его одни кричали то, другіе другое; то тысяченачальникъ велѣлъ его отвести въ крѣпость [2]), дабы впослѣдствіи разсмотрѣть дѣло. Мятежники преслѣдовали его до самаго входа въ крѣпость, такъ что воины должны были нести его на рукахъ, дабы онъ не былъ растерзанъ ими до суда. Павелъ просилъ позволенія у тысяченачальника сказать ему нѣчто; сей услышавъ, что онъ говоритъ по-гречески, подумалъ было, что онъ тотъ самый Египтянинъ, который незадолго предъ тѣмъ произвелъ возмущеніе противъ Римлянъ и сдѣлался виною многихъ убійствъ и грабежей [3]); но вышелъ изъ заблужденія, когда узналъ, что узникъ его происходитъ изъ Киликіи и никогда не думалъ быть главою заговорщиковъ.

Обвиняемый просилъ дозволенія говорить къ народу. Римлянинъ согласился; и онъ, въ намѣреніи возбудить вниманіе къ себѣ, началъ говорить употребительнымъ въ тѣ времена нарѣчіемъ Іудейскимъ (Сиро-халдейскимъ, или Арамейскимъ). Средство сіе подѣйствовало: народъ умолкъ. Павелъ представилъ кратко исторію своей жизни, приводилъ на память, что онъ былъ упорнымъ гонителемъ христіанства, но выведенъ изъ своего заблужденія чудеснымъ явленіемъ ему Іисуса Христа; ссылался на божественное откровеніе, вслѣдствіе коего онъ сдѣлался Апостоломъ для язычниковъ. Едва онъ произнесъ послѣднее слово, какъ сердца Іудеевъ снова заки-

---

[1]) Ioseph. Ant. 20, 4; 3; Bell. Iud. 5, 5, 8.

[2]) Она находилась близъ храма, на горѣ Моріагъ, и названа Иродомъ Великимъ, въ честь Антонія Антоніевою. Ioseph. Bell. Iud. 20, 4, 3.

[3]) Сей Египтянинъ, по сказанію Флавія, собравъ толпу праздныхъ и предпріимчивыхъ людей, вывелъ ихъ на гору Елеонскую, съ обѣщаніемъ, что по слову его падутъ стѣны Іерусалимскія. Но вмѣсто паденія стѣнъ на нихъ напало войско, посланное отъ Феликса; разбитый лжепророкъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ. Ant. 20, 8, Bell Iud. 2, 13.

пѣли яростію; не хотѣли болѣе слушать того, кто благопріятствовалъ необрѣзаннымъ, вопреки выгодамъ потомковъ Авраамовымъ. Со всѣхъ сторонъ раздались тысячи голосовъ къ военачальнику: «истреби отъ земли такового; не должно ему жить!»

Столь неудачное слѣдствіе Павловой бесѣды и новое ожесточеніе мятежнаго народа, коего спокойствіе было первымъ предметомъ попеченія для Римскихъ правителей, расположили тысяченачальника къ строгимъ мѣрамъ. Онъ велѣлъ Павла подвергнуть пыткѣ, желая вывѣдать чрезъ сіе истинную причину всеобщаго негодованія на него. Павелъ никогда не отрекался претерпѣть самую смерть для славы Божіей. Но мученія, коимъ онъ теперь долженъ былъ подвергнуться, не могли принести никакой пользы Евангелію; посему онъ рѣшился освободить себя отъ нихъ правомъ Римскаго гражданина. «Развѣ можно бить Римскихъ гражданъ, да и безъ суда?» спросилъ онъ своихъ будущихъ мучителей. Произнесть сіи слова значило остановить весь судъ. Сотникъ въ страхѣ спѣшилъ съ извѣстіемъ къ тысяченачальнику. «Что ты хочешь дѣлать?» говорилъ онъ, «это Римскій гражданинъ». Послѣдній очень хорошо зналъ цѣну Римскаго гражданства, заплативъ за него великую сумму (Дѣян. 22, 28). Увѣрившись въ истинѣ Павловыхъ словъ, онъ велѣлъ отложить не только пытку, но и узы.

Не оставалось другого средства разобрать дѣло, какъ заставивъ обвинителей говорить въ присутствіи обвиняемаго, и обратно. Назначено общее собраніе, въ коемъ должны были присутствовать первосвященники и весь синедріонъ. Павелъ безтрепетно выступилъ, дабы защищать имя Іисуса предъ людьми, отъ коихъ онъ нѣкогда домогался полномочія гнать Его. Чувство собственной невинности, желаніе перелить его въ сердца своихъ соотечественниковъ, все еще любезныхъ для него, исполнило всю его душу. «Братія!» воскликнулъ онъ, «я со всею чистотою совѣсти жилъ предъ Богомъ даже до сего дня». Сей голосъ искренности могъ тронуть всякаго; но въ собраніи не было сердецъ, способныхъ внимать ему. Первосвященникъ Ананія первый почелъ слова сіи выраженіемъ дерзости и приказалъ Павла бить по устамъ. Столь явная несправедливость исторгла изъ сихъ кроткихъ устъ строгій упрекъ: «Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣлен-

ная (лицемѣръ)! Ты сидишь, дабы судить меня по закону, а вопреки закону велишь бить меня?» Предстоящіе изумились: Ананія былъ первосвященникъ, а Павелъ назвалъ его подбѣленною стѣною! «Какъ!» возразили нѣкоторые, «ты злословишь первосвященника Божія?»—«Я не зналъ, братія,—отвѣчалъ Павелъ,—что онъ первосвященникъ; ибо въ Писаніи сказано: начальствующаго въ народѣ твоемъ не злословь» (Исх. 22, 28). Таковой отвѣтъ совсѣмъ не былъ хитрымъ оборотомъ, какъ представляютъ его себѣ [1]). Прежній первосвященникъ, извѣстный Павлу, или уже не былъ въ живыхъ, или давно пересталъ быть первосвященникомъ. Корыстолюбіе Римскихъ правителей часто перемѣняло преемниковъ Аароновыхъ; иногда въ продолженіе одного года являлось ихъ по два и болѣе. Таковыя перемѣны Апостолу, удаленному отъ Іерусалима, могли быть вовсе не извѣстны. Одежда первосвященника отличала его отъ прочихъ только въ храмѣ [2]). А посему весьма возможно, что Павелъ не зналъ о первосвященствѣ Ананіи [3]).

Но жестокія укоризны противъ судьи вообще приличны ли подсудимому, христіанину, Апостолу? Возраженіе сіе казалось столь сильнымъ даже нѣкоторымъ отцамъ Церкви [4]), что они признавали на сей случай въ Павлѣ неумѣстный порывъ оскорбленнаго сердца. Напрасно! Должно думать, что Павелъ поступилъ въ семъ случаѣ не какъ обыкновенный человѣкъ, а какъ посланникъ Божій, а извѣстно, что пророки имѣли право обличать всѣхъ въ преступленіяхъ (3 Цар. 18, 18; 4 Цар. 3, 13; Исаіи 1, 10—23; Іезек. 21, 25). Опытъ показалъ, что его укоризна дѣйствительно произнесена была въ пророческомъ духѣ; ибо впослѣдствіи, когда возмутители, подъ предводительствомъ Менахема, овладѣли Іерусалимомъ, Ананія, скрывавшійся въ водопроводѣ, былъ пойманъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Гизкіею [5]).

[1]) Такъ многіе (Camerarius, Thiessius, Heinrichsius) полагали, что слова Павловы: *я не зналъ, что онъ первосвященникъ*, суть иронія и заключаютъ въ себѣ слѣдующую мысль: онъ поступаетъ не такъ, какъ должно первосвященнику. Другіе находили въ нихъ другой смыслъ. я не признаю первосвященникомъ того, кто достигъ первосвященства беззаконнымъ образомъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ Павлу надлежало бы сказать не οὐκ ᾔδειν, а οὐκ οἶδα τοῦτον ἀρχιερέα. Притомъ таковымъ отвѣтомъ Апостолъ еще болѣе раздражилъ бы противъ себя своихъ судей, чего онъ, какъ показываютъ всѣ слова его, старался избѣжать.

[2]) Ioseph. Ant. 6, 15; Braunius de Vest. Sacerd. Hebr. 2, 26.

[3]) V. Gatackeri Miscell. sacr. 1, 6; Wolfius in Curis, Witsius in Melet. Leyden.

[4]) Іерониму, contra Pelag. 3, init; Августину, epist. 5, pag. 23.

[5]) Ioseph. Bell. Iud. 2, 17, 9.

Іисусъ Христосъ заповѣдалъ, чтобы послѣдователи Его готовы были подставить правую ланиту, когда ударяютъ ихъ въ лѣвую (Матѳ. 5. 39); но симъ требуетъ Онъ отъ нихъ только удаленія отъ мщенія, а не такого молчанія, коимъ питается дерзость людей нечестивыхъ. Павелъ вѣрнѣе всякаго исполнялъ волю Іисуса Христа въ семъ отношеніи; ибо онъ самъ говоритъ о себѣ: «злословятъ насъ, а мы благословляемъ; насъ гонятъ, а мы терпимъ; насъ хулятъ, мы молимся» (2 Кор. 4, 8—9). Но въ настоящемъ случаѣ онъ поступилъ по примѣру Іисуса Христа, Который также обличилъ несправедливость ударившаго Его прежде осужденія.—Но если такъ, то зачѣмъ Павелъ извиняетъ свой поступокъ?— Для того, чтобы устранить подозрѣніе, яко-бы онъ нарушилъ законъ, повелѣвающій не злословить первосвященника [1]).

Послѣ укоризны, сдѣланной Ананіи Павломъ, надлежало отложить совершенно надежду на успѣхъ отъ обыкновеннаго защищенія своего дѣла. Раздраженное самолюбіе первосвященника неспособно было ни видѣть, ни слышать истины; прочіе судьи, безъ сомнѣнія, были большею частію его угодниками. Павелъ нашелъ другой способъ обнаружить свою невинность, по крайней мѣрѣ, предъ Римскимъ судіею, который уже долженъ былъ принимать въ немъ дѣятельное участіе, какъ въ гражданинѣ Римскомъ. Толпа обвинителей его состояла изъ фарисеевъ и саддукеевъ; тѣ и другіе думали совершенно различно о важнѣйшихъ предметахъ религіи: первые допускали воскресеніе и бытіе духовъ, послѣдніе отвергали оба сіи догмата [2]). Въ семъ-то разногласіи обвинителей обвиняемый нашелъ себѣ надежное убѣжище. «Братія!» сказалъ онъ, «я фарисей и сынъ фарисея; меня судятъ за чаяніе воскресенія мертвыхъ» [3]). Если бы Іудеи

---

[1]) При семъ должно примѣтить, что Ананія былъ человѣкъ самыхъ худыхъ свойствъ и достигъ первосвященства куплею и происками. Ioseph. Ant. 28, 8.

[2]) Дѣян. 23, 8, Ioseph. Ant. 17, 11.

[3]) Правду ли сказалъ Павелъ?—Правду. Ибо воскресеніе мертвыхъ, и въ особенности воскресеніе Іисуса Христа, составляло главный предметъ его проповѣди (Дѣян. 17, 18), такой догматъ, съ опроверженіемъ коего падало все христіанство (1 Кор. 15, 13—14); а его судили главнымъ образомъ за то, что онъ христіанинъ и проповѣдуетъ Іисуса Христа. Павелъ умалчиваетъ здѣсь о другихъ частныхъ причинахъ ненависти къ нему Іудеевъ, которые преслѣдовали его особенно за то, что онъ распятаго имя Іисуса признавалъ Мессіею, почиталъ обрядовый законъ ненужнымъ ко спасенію и пр Но умолчаніе не есть ложь; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно не только позволяется, но и одобряется нравственнымъ закономъ. Павелъ, конечно, разъяснилъ бы впослѣдствіи и то, что имъ въ началѣ умолчано, если бы судьи его потребовали разъясненія. Но

способны были судить хладнокровно, то они въ семъ случаѣ обратили бы вниманіе на прочіе члены ученія Павлова, дабы видѣть, точно ли онъ не болѣе, какъ фарисей. Но такая хладнокровность была несовмѣстна съ ихъ опрометчивымъ характеромъ. Секта фарисейская, не противорѣча самой себѣ, не могла не принять подъ свою защиту человѣка, котораго осуждаютъ за то, чему она вѣритъ. Сильнѣе всего располагала фарисеевъ въ пользу Павла ихъ закоренѣлая ненависть къ саддукеямъ. Защищеніе его представляло ей самую пріятную пищу. Произошелъ сильный споръ между обѣими сектами. Фарисеи въ жару энтузіазма объявляли невиннымъ Павла и въ томъ случаѣ, если бы онъ училъ чему-нибудь новому, предполагая, сообразно началамъ своей секты, что, можетъ быть, онъ удостоился божественнаго откровенія. Взаимное ожесточеніе спорящихъ сторонъ подвергало Павла новой опасности. Саддукеи, имѣя на своей сторонѣ первосвященника, могли безъ суда растерзать его на части. Римскій военачальникъ примѣтилъ сію опасность и велѣлъ воинамъ проводить его въ крѣпость.

Что должно было происходить въ сіе время въ душѣ Павла? Вся нація, любезнѣйшая для него нація, въ лицѣ вождей своихъ почитала его своимъ врагомъ и искала его смерти у судьи Римскаго. Онъ не видѣлъ никакого средства разувѣрить ее въ семъ прискорбномъ для его сердца заблужденіи; принужденъ былъ, оставя отеческіе законы, священные для каждаго патріота, прибѣгнуть къ праву Римскаго гражданина—убѣжищу ненавистному для его согражданъ, кои уже въ полной мѣрѣ чувствовали тягость Римскаго ига,—не совсѣмъ пріятному, безъ сомнѣнія, и для Павла, который вмѣнялъ въ тщету и не такія пріобрѣтенія, какъ Римское гражданство. Сколько и другихъ мыслей могли волновать душу Апостола, особенно если предположить, что благодать Божія предоставила его въ семъ случаѣ (какъ сіе бываетъ съ людьми самыми высокими въ святости) силамъ собственнаго немощного естества человѣческаго. Какъ бы то ни было, но духъ Павловъ ослабѣлъ въ сіе время и имѣлъ нужду въ подкрѣпленіи; посему въ слѣдующую ночь ему явился Самъ Іисусъ Христосъ и сказалъ: «дерзай, Павелъ; ибо какъ ты свидѣтель-

когда они не сдѣлали сего, то не онъ виноватъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, а они сами.

ствовалъ о Мнѣ въ Іерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ и въ Римѣ свидѣтельствовать». Утѣшеніе истинно апостольское, или паче божественное! Павла тяготили не узы, но невозможность проповѣдывать Евангеліе; и вотъ ему обѣщается исполненіе любимаго его желанія—проповѣдать Іисуса Христа въ столицѣ міра! Большей отрады и не желалъ онъ въ сей жизни.

Въ слѣдующій день составился противъ Павла самый гнусный заговоръ. Болѣе сорока человѣкъ, едва ли не подущенные Ананіею, закляли себя (ἀναθέματι ἀνεθεματίσαντο ἑαυτοὺς) не вкушать пищи, доколѣ не успѣютъ лишить его жизни[1]). Обѣтъ сей открытъ былъ ими верховному совѣту Іудейскому, который не только одобрилъ сей умыселъ, но взялся споспѣшествовать его исполненію, то есть, взялся быть орудіемъ злодѣевъ!—Таковы уже были въ сіе время вожди народа, нѣкогда возлюбленнаго Богомъ!—Согласились потребовать у тысяченачальника на судъ Павла, какъ бы для дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла, въ самой же вещи для того, чтобы дать случай заговорщикамъ напасть на него. Но дѣла тьмы рѣдко не измѣняютъ сами себѣ. Молодые заговорщики были нескромны; Павелъ былъ извѣщенъ объ ихъ злоумышленіи отъ одного юноши, своего племянника. Увѣренный явленіемъ Іисуса Христа, что ему надлежитъ быть въ Римѣ, онъ могъ спокойно ожидать отъ Промысла разрушенія заговора; но онъ зналъ, что Промыслу угодно, дабы мы употребляли и естественныя средства для своего спасенія,—зналъ, что ожидать во всякомъ случаѣ чудодѣйственной помощи свыше — значитъ искушать Бога. Посему чрезъ того же юношу немедленно извѣстилъ о своей опасности тысяченачальника. Сей слишкомъ увѣренъ былъ въ мятежномъ нравѣ Іудеевъ, чтобы не повѣрить донесенію юноши; притомъ онъ уже видѣлъ опытъ ихъ безумной ненависти къ Павлу. Съ другой стороны, безъ всякой нужды подвергнуть Римскаго гражданина опасности было предосудительно для того, кто самъ столько дорожилъ симъ титломъ. Всего благоразумнѣе казалось отправить узника къ Іудейскому про-

[1]) Павелъ желалъ быть самъ анаѳемою, только бы получили спасеніе Іудеи, его братія по плоти (Рим. 9, 1—4), а сіи жестокосердные братія подвергаютъ себя добровольно анаѳемѣ, если не убьютъ Павла! Какая противоположность! Tantum Religio, замѣчаетъ одинъ писатель, potuit svadere, si Paulum spectas, bonorum, si hostes ipsius, malorum! Witsius Melet. Leyd. pag. 121.

куратору, находившемуся тогда въ Кесаріи, коего суду и безъ того принадлежало дѣло Павлово по своей важности. Такъ и сдѣлано. Тысяченачальникъ, призвавъ къ себѣ двухъ сотниковъ, велѣлъ имъ приготовить двѣсти воиновъ пѣшихъ, семьдесятъ конныхъ и двѣсти тѣлохранителей, чтобы съ третьяго часа ночи идти въ Кесарію; велѣлъ также приготовить ословъ, чтобы, посадивъ Павла, въ безопасности препроводить его къ Феликсу. Подъ столь сильнымъ прикрытіемъ [1]) Павелъ въ слѣдующую ночь былъ отвезенъ въ Антипатриду. Поелику дальнѣйшій путь, по причинѣ отдаленности отъ Іерусалима, былъ менѣе опасенъ для узника, то тѣлохранители и пѣшіе воины возвратились отсюда въ Іерусалимъ, предоставивъ охраненіе его однимъ коннымъ воинамъ. По прибытіи въ Кесарію, Павелъ немедленно былъ представленъ Феликсу вмѣстѣ съ письмомъ отъ тысяченачальника слѣдующаго содержанія [2]):

«Клавдій Лисій достопочтенному правителю Феликсу желаетъ здравствовать.

«Сего человѣка, котораго Іудеи схватили и готовы были убить, я, пришедши съ воинами, отнялъ, узнавъ, что онъ гражданинъ Римскій. Потомъ, желая узнать, въ чемъ обвиняли его, привелъ его въ синедріонъ ихъ, и нашелъ, что его обвиняютъ въ нѣкоторыхъ спорныхъ мнѣніяхъ, относящихся до закона ихъ, но что нѣтъ въ немъ никакой вины, достойной смерти или оковъ. А какъ до меня дошло, что Іудеи на него злоумышляли, то я немедленно послалъ его къ тебѣ, объявивъ и обвинителямъ, чтобы они говорили на него предъ тобою. Прощай».

Прочитавъ письмо сіе, Феликсъ спросилъ Павла, изъ какой онъ области, и узнавъ, что онъ Киликіянинъ, сказалъ: «я выслушаю тебя, когда явятся обвинители». До того времени велѣно Павлу находиться подъ стражею въ Иродовой преторіи [3]).

[1]) Оно нужно было потому, что къ заговорщикамъ, коихъ число само по себѣ было немаловажно, а дерзость отчаянна, могли присоединиться другіе фанатики.

[2]) Евангелистъ Лука передаетъ только сущность письма, а не самое письмо. Слово τύπος, которое въ нашемъ Россійскомъ переводѣ переложено *содержаніемъ*, а въ Славянскомъ *образомъ*, означаетъ легкое очертаніе какого-нибудь предмета. и противополагается изображенію точному, подлинному: τῷ ἀκριβεῖ (Plat. Polit. 3, pag. 414). Дѣйствительно, невѣроятно, чтобы подлинное письмо Лисія перешло въ руки Павла или Луки. Но содержаніе его могло быть извѣстно Павлу, а отъ него Лукѣ.

[3]) Дворецъ Иродовъ, который потомъ сдѣлался жилищемъ Римскаго правителя. При дворцахъ главныхъ правителей находились мѣста для содержанія узниковъ. V. Kuinol. Comment. ad Act. Apost. Cap. 23, 35.

Чрезъ пять дней обвинители явились, имѣя при себѣ, для большаго успѣха въ своемъ дѣлѣ, судебнаго оратора, именемъ Тертулла. Наемный защитникъ лжи, величая Феликса миротворцемъ и благодѣтелемъ Іудейской страны (который, по свидѣтельству Тацита, съ властію царскою соединялъ сердце раба и очернилъ память свою многими злодѣйствами [1]), обвинялъ Павла въ возмущеніи народнаго благоденствія, въ пренебреженіи закона и осквернении храма Іудейскаго. Іудеи единогласно засвидѣтельствовали истину его словъ. Феликсъ далъ знакъ, чтобы Павелъ отвѣчалъ; и онъ началъ говорить такъ:

«Какъ я знаю, что ты многіе годы (справедливо) судишь сей народъ [2]), то тѣмъ свободнѣе могу я говорить въ защищеніе себя. Ты можешь узнать, что не болѣе двѣнадцати дней тому, какъ я пришелъ въ Іерусалимъ для поклоненія [3]). И они не находили, чтобы я съ кѣмъ-либо спорилъ въ храмѣ, или производилъ народное возмущеніе въ синагогахъ или по городу; и они не могутъ доказать того, въ чемъ нынѣ обвиняютъ меня. Но въ томъ признаюсь я тебѣ, что подлинно тѣмъ образомъ богопочитанія, который они называютъ ересію, служу Богу отцовъ моихъ, вѣруя всему написанному въ законѣ и пророкахъ, имѣя надежду на Бога (чего и они сами ожидаютъ), что будетъ воскресеніе мертвыхъ, праведныхъ и неправедныхъ».

Такимъ образомъ Павелъ не скрывалъ сущности дѣла, своего образа мыслей и отношенія христіанства къ іудейству, и не думалъ, какъ клеветалъ нѣкогда Оробій [4]), обманывать своихъ судей тѣмъ, что онъ продолжаетъ держаться іудейства въ прежнемъ его видѣ.

«Для сего и подвизаюсь я, чтобы имѣть всегда неукоризненную совѣсть предъ Богомъ и человѣками. Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія моего, я пришелъ отдать милостыню народу моему и приношенія».

Чего, конечно, никогда не сдѣлалъ бы врагъ Іудейской націи и религіи.

«Между тѣмъ нашли меня очистившагося въ храмѣ, не

---

[1]) Annal. 11.

[2]) По счету Уссерія, Феликсъ правилъ Іудеею до сего времени уже десять лѣтъ.

[3]) А не для осквернения храма, какъ клеветалъ Тертуллъ.

[4]) Orob. Script. 3, Num. 3, pag. 139, 140.

съ толпою народа и не съ шумомъ. Это были Асійскіе Іудеи, коимъ надлежало бы предстать предъ тебя и обвинять меня, ежели что на меня имѣютъ».

Требованіе совершенно справедливое, безъ исполненія коего нельзя было и судить Павла.

«Или пусть сіи самые скажутъ, нашли ли они во мнѣ какую вину, когда я стоялъ предъ синедріономъ. Развѣ только вина моя въ одномъ словѣ, которое я громко сказалъ, стоя предъ ними: я сегодня судимъ предъ вами за ученіе о воскресеніи мертвыхъ».

То есть, развѣ меня захотятъ осудить совершенно невинно.

Феликсъ, который уже изъ письма Лисія ясно видѣлъ невинность Павла, тотчасъ примѣтилъ, что обвинители его дѣйствуютъ по одной злобѣ; но образъ судопроизводства требовалъ, чтобы клеветы, возводимыя на него, были разсмотрѣны законнымъ порядкомъ. Надлежало узнать, точно ли ересь Назорейская, въ коей признавался Павелъ, была противна закону Моисееву, неприкосновенность коего Римская политика брала подъ свою защиту, и точно ли онъ производилъ возмущеніе въ народѣ. О послѣднемъ долженъ былъ дать свидѣтельство Лисій. Итакъ Феликсъ, въ ожиданіи сего тысяченачальника, отпустилъ первосвященниковъ и старѣйшинъ, собственно говоря, ни съ чѣмъ. Павелъ остался подъ стражею, которая, по приказанію прокуратора, ослаблена была до того, что онъ имѣлъ полную свободу видѣться съ своими знакомыми и получать отъ нихъ все нужное.

И собственное любопытство слышать начальника (какъ называлъ Тертуллъ Павла) новой ереси, которая начинала уже обращать на себя всеобщее вниманіе, а болѣе, вѣроятно, любопытство Феликсовой жены Друзиллы, которая, какъ Іудеянка знатнаго происхожденія [1]), могла принимать живое участіе въ дѣлѣ Павла, въ коемъ участвовалъ весь синедріонъ, расположили прокуратора слушать проповѣдь о христіан-

[1]) Она была дочь Ирода Агриппы старшаго, который обручилъ было ее Антіоху Епифану, подъ условіемъ его обращенія къ іудейству. Ioseph. Ant. 19, 9, 1. Но поелику Антіохъ не устоялъ въ обѣщаніи, то братъ ея Агриппа младшій отдалъ ее въ супружество Агизу, царю Емесенскому. Ant. 20, 7. Феликсъ, прельщенный красотою Друзиллы, убѣдилъ ее, оставивъ мужа, вступить съ нимъ въ бракъ. Ant. 20. 7.

ской религіи. Павелъ былъ позванъ для сего предъ Феликса и Друзиллу. Развращенный язычникъ спокойно и со вниманіемъ слушалъ проповѣдника, когда онъ говорилъ о жизни и чудесахъ Іисуса Христа. Повѣствованіе сіе находило себѣ въ его памяти удобное мѣсто въ ряду съ извѣстными разсказами о полубогахъ. Но когда Павелъ началъ разсуждать о чистотѣ, воздержаніи, справедливости и о будущемъ судѣ; то Феликсъ пришелъ въ страхъ, язвы совѣсти его раскрылись, онъ не могъ долѣе слушать и отпустилъ Павла, сказавъ: «теперь поди; а когда буду имѣть время, позову тебя». О, преступное отлагательство!—восклицаетъ при семъ случаѣ блаженный Августинъ,—о, слова, исполненныя вражды на благодать Божію! Любовь къ міру, разсѣянность, непрестанныя забавы никогда не позволятъ снова найти удобнаго времени; пренебреженная благодать удалится, и грѣшникъ пробудится отъ своего усыпленія развѣ только въ адѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Феликсъ уже не чувствовалъ впослѣдствіи благотворнаго страха въ совѣсти, хотя часто призывалъ къ себѣ и слушалъ Павла. Невинность узника совершенно была ясна для него. Онъ готовъ былъ возвратить ему свободу; ожидалъ только награды за свое правосудіе. Узы и рубища Павловы не могли питать надежды въ корыстолюбивомъ сердцѣ. Но онъ слышалъ отъ самого Павла о деньгахъ, принесенныхъ имъ въ Іерусалимъ; полагалъ, безъ сомнѣнія, что и назореи (христіане) не пожалѣютъ сокровищъ, дабы доставить свободу своему начальнику. Напрасно! Павелъ разсуждалъ о правосудіи, воздержаніи, судѣ, но ни слова о томъ, чего хотѣлось корыстолюбцу. Протекло два года. Феликсъ долженъ былъ уступить мѣсто свое Фесту Порцію. Желая угодить Іудеямъ, онъ оставилъ Павла въ узахъ; но и въ семъ, несчастный, обманулся: ибо они, по удаленіи его отъ должности, тотчасъ явились въ Римъ съ жалобами на его жестокости [1]).

Съ новымъ прокураторомъ ожила надежда враговъ Павловыхъ. Едва онъ явился въ Іерусалимъ, они предстали предъ него съ жалобами. Сначала требовали смертнаго приговора; но, получивъ отвѣтъ, что у Римлянъ нѣтъ обыкнове-

[1]) Ioseph Ant. Lib. 20, cap 7.

нія осуждать человѣка безъ разсмотрѣнія его вины, просили вызвать Павла изъ Кесаріи въ Іерусалимъ, имѣя намѣреніе умертвить его на пути. Фестъ обѣщалъ разсмотрѣть дѣло, но—въ Кесаріи, куда приглашалъ явиться и обвинителей. Они явились, взводили на Павла самыя тяжкія вины, но безъ доказательствъ. Обвиняемый рѣшительно и спокойно отвѣчалъ что онъ не сдѣлалъ никакого преступленія ни противъ рода Іудейскаго, ни противъ храма, ни противъ кесаря. Фестъ, желая пріобрѣсть благосклонность Іудеевъ, предложилъ Павлу, не согласится ли онъ, чтобы его дѣло было разсмотрѣно въ Іерусалимѣ, какъ того недавно требовали враги его. Согласиться на сіе значило предать себя въ жертву ихъ ярости и коварству. «Я требую суда у кесаря», отвѣчалъ Павелъ. Это значило, что онъ не хочетъ быть судимъ областными правителями и пользуется правомъ Римскаго гражданина. Фестъ, поговоривъ по обыкновенію съ совѣтниками своими, сказалъ: «ты потребовалъ суда у кесаря, и отправишься къ кесарю».

Между тѣмъ какъ Фестъ ожидалъ случая отправить Павла вмѣстѣ съ другими узниками къ кесарю, для поздравленія его съ должностію Іудейскаго правителя прибылъ въ Кесарію Агриппа, царь Халкидскій [1]). Вмѣстѣ съ нимъ прибыла и знаменитая красотою сестра его Вереника, которая, послѣ развода съ Полемономъ, царемъ Киликійскимъ, жила у Агриппы [2]). Прибытіе ихъ послужило для Павла поводомъ еще разъ торжественно засвидѣтельствовать предъ лицемъ Іудеевъ о упованіи, ради котораго онъ былъ связанъ. Поелику Агриппѣ, какъ природному Іудею, совершенно извѣстна была Іудейская религія, и поелику онъ имѣлъ право, назначать первосвященниковъ и пещись о благоустройствѣ Іерусалимскаго храма [3]), въ осквернѣніи коего обвиняли Павла: то Фестъ, желая воспользоваться его свѣдѣніями и совѣтомъ, пересказалъ ему образъ судопроизводства надъ Павломъ. Разсказъ сей возбудилъ въ Агриппѣ охоту выслушать самого Павла; Фестъ согласился; назначено собраніе,

[1]) Правнукъ Ирода Великаго, внукъ Аристовула, сынъ Агриппы старшаго послѣдній изъ царей Антипатрова племени. Ioseph. Ant. 20, 8, 5.

[2]) Женщина, по словамъ Іудейскихъ и Римскихъ историковъ, весьма зазорнаго поведенія. Ioseph. Ant. 20, 7, 3; Tac. Hist. 2, 81; Iuven. Satyr. 16, 156.

[3]) Право сіе вмѣстѣ съ Халкидскимъ престоломъ перешло къ нему, по милости Клавдія, отъ дяди его по отцѣ, Ирода, царя Халкиды Сирійской. Ioseph. Ant. 19.

въ коемъ должны были присутствовать Агриппа, Вереника, тысяченачальники и всѣ почетные граждане Кесарійскіе. Когда Павелъ былъ приведенъ въ сіе собраніе, то Фестъ сказалъ: «Царь Агриппа и всѣ присутствующіе съ нами! вы видите человѣка, противъ котораго и въ Іерусалимѣ и здѣсь Іудеи во множествѣ приступали ко мнѣ съ крикомъ, что ему не должно болѣе жить. Но я нашелъ, что онъ ничего не сдѣлалъ достойнаго смерти; и какъ онъ самъ требовалъ суда у государя, то я рѣшился послать его къ нему. Теперь, не имѣя ничего вѣрнаго писать о немъ къ государю, я представляю его вамъ, и наипаче тебѣ, царь Агриппа, чтобы, по разсмотрѣніи, было мнѣ что̀ написать. Ибо, мнѣ кажется, неприлично послать узника и не показать, въ чемъ его обвиняютъ». Послѣ сего Агриппа далъ позволеніе Павлу защищать себя; и онъ, простерши вверхъ руку [1]), началъ говорить такъ:

«Царь Агриппа! я почитаю себя счастливымъ, что предъ тобою сегодня могу защищаться во всемъ томъ, въ чемъ обвиняютъ меня Іудеи [2]), тѣмъ болѣе, что ты знаешь всѣ обычаи и спорныя мнѣнія Іудейскія. И потому прошу тебя выслушать меня великодушно. Жизнь мою отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ Іудеи. Знаютъ также обо мнѣ издавна (ежели захотятъ свидѣтельствовать), что я жилъ по ученію фарисейскому, строжайшему въ нашемъ вѣроисповѣданіи. И нынѣ я стою предъ судомъ за надежду на обѣщаніе, данное отъ Бога отцамъ нашимъ, котораго событіе увидѣть надѣются всѣ наши двѣнадцать колѣнъ, непрестанно служа Богу день и ночь. Сію-то надежду, царь Агриппа, ставятъ мнѣ въ вину Іудеи. Что? ужели невѣроятнымъ почитаете вы, что Богъ воскрешаетъ мертвыхъ? Правда, я и самъ думалъ, что мнѣ должно сильно дѣйствовать противъ имени Іисуса Назорея, и я дѣлалъ это въ Іерусалимѣ».

Послѣ сего, изобразивъ свои жестокости въ Іерусалимѣ надъ христіанами и описавъ явленіе Іисуса Христа во время путешествія въ Дамаскъ, Павелъ продолжалъ: «посему, царь

[1]) По обыкновенію древнихъ, кои при началѣ рѣчи простирали вверхъ руку. Apuleus Metamor. 2, pag. 59.

[2]) Нравъ Агриппы дѣйствительно во многомъ не сходствовалъ съ ненавистнымъ характеромъ его прадѣда и отца, и отличался умѣренностію и разсудительностію. Ioseph. Ant. 28, 7.

Агриппа, я не воспротивился небесному явленію; но сперва жителямъ Дамаска и Іерусалима, потомъ по всей землѣ Іудейской и у язычниковъ, проповѣдывалъ, чтобы покаялись и обратились къ Богу, и дѣлали дѣла, достойныя покаянія. За сіе Іудеи схватили меня во храмѣ и покушались убить. Получивъ же отъ Бога помощь, до сего дня я живъ и свидѣтельствую малому и большому, не говоря ничего болѣе, какъ то, о чемъ пророки и Моисей говорили, что это будетъ, то есть, что Христосъ долженъ былъ пострадать и, возставъ первый изъ мертвыхъ, возвѣстить свѣтъ сему народу Іудейскому и язычникамъ».

Послѣднія слова объ Іисусѣ Христѣ, Коего поносная смерть содѣлалась источникомъ благословеній для всего рода человѣческаго, Фесту, надменному предразсудками язычества, показались столь странными и несбыточными, что онъ, прервавъ рѣчь Павлову, вслухъ всѣхъ сказалъ: «съ ума сошелъ ты, Павелъ! Большая ученость доводитъ тебя до сумасшествія».—«Нѣтъ, достопочтенный Фестъ», отвѣчалъ Апостолъ, «я не сошелъ съ ума, но говорю слова истины и здраваго смысла. Ибо знаетъ объ этомъ царь, предъ которымъ я и говорю свободно. Я отнюдь не вѣрю, чтобы отъ него что-нибудь о семъ (о смерти и воскресеніи Іисуса Христа) было сокрыто, ибо это не въ углу происходило. Вѣришь ли», продолжалъ онъ, обратившись къ Агриппѣ, «вѣришь ли, царь Агриппа, пророкамъ? Знаю, что вѣришь». Слова сіи такъ сильно подѣйствовали на царя, что онъ какъ бы невольно сказалъ: «ты немного не убѣдилъ меня сдѣлаться христіаниномъ».—«Молилъ бы я Бога», отвѣчалъ Павелъ, «чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и всѣ слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ сихъ узъ». Симъ прекратилась бесѣда; всѣ присутствовавшіе встали и, отошедши отъ Павла, разсуждали о его дѣлѣ. Агриппа рѣшительно объявилъ Фесту, что, по его мнѣнію, Павелъ совершенно невиненъ, и что его можно было бы освободить, если бы онъ уже не потребовалъ суда кесарева. Посему рѣшено было отправить его въ Римъ.

Къ чему, могутъ спросить здѣсь, послужили долговременныя узы (онѣ продолжались два года) Павловы въ Іудеѣ? Не лучше ли было бы, еслибъ онъ провелъ сіе время въ проповѣдываніи Евангелія язычникамъ? Сколько тысячъ душъ,

ослѣпленныхъ идолопоклонствомъ, выведено было бы имъ изъ тьмы въ свѣтъ?—Дабы уразумѣть въ семъ случаѣ достопоклоняемые пути Промысла, надлежитъ припомнить, какая цѣль назначена Самимъ Іисусомъ Христомъ для пребыванія Павлова у Іудеевъ: онъ долженъ былъ дать торжественное свидѣтельство о божественности Іисуса Христа, ими отверженнаго и гонимаго (Дѣян. 23, 11). Это было послѣднее воззваніе, коимъ Промыслъ вразумлялъ потомковъ Авраама, прежде нежели наступило время предать ихъ конечному отверженію за убіеніе Богочеловѣка. Въ семъ отношеніи нельзя было найти провозвѣстника покаянія лучше Павла, прежняго гонителя христіанъ, теперь ревностнѣйшаго ихъ защитника. Самыя узы его, очевидно, входили въ составъ его свидѣтельства о божественности Іисуса Христа; онѣ обратили на него вниманіе всего верховнаго совѣта Іудейскаго и, слѣдовательно, всего Іерусалима, всей Іудеи. Въ лицѣ Павла нѣкоторымъ образомъ снова предсталъ на судъ Іудеевъ Самъ Іисусъ Христосъ. Большая часть Іудеевъ, ослѣпленныхъ предразсудками, снова не узнали, отвергли Его; но были, конечно, и такіе, для коихъ примѣръ обращеннаго Савла послужилъ во спасеніе.

Плаваніе Павлово въ Римъ.

Для препровожденія Павла вмѣстѣ съ прочими узниками въ Римъ назначенъ былъ сотникъ Августова полка, именемъ Юлій, человѣкъ, какъ видно изъ его обхожденія съ Апостоломъ, кроткій и человѣколюбивый. Двое изъ учениковъ и друзей Павловыхъ, Лука и Аристархъ, находившіеся при немъ во время заключенія его въ Іерусалимѣ и Кесаріи, сопутствовали ему и въ Римъ. Многотрудное плаваніе ихъ къ сему городу служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ той утѣшительной истины, что вѣрующимъ все споспѣшествуетъ на благое и что Промыслъ блюдетъ праведниковъ, какъ зѣницу ока. Не касаясь мѣстныхъ подробностей сего плаванія, изобразимъ оное такъ, какъ описалъ его самъ Лука.

Корабль, на которомъ помѣстили узниковъ, плылъ не въ Италію, а въ приморскіе города Азіи. Сотникъ избралъ его

по причинѣ недостатка кораблей, плывущихъ въ Римъ, въ той надеждѣ, что въ какой-нибудь пристани на пути найдется корабль, идущій въ Италію. О мѣстѣ, откуда началось плаваніе, не упоминается; но весьма вѣроятно, что оно началось изъ Кесаріи. Время было осеннее. На другой день приплыли въ Сидонъ. Сотникъ такъ расположенъ былъ къ Павлу, что позволилъ ему безъ всякой стражи идти къ тамошнимъ христіанамъ и воспользоваться ихъ усердіемъ. На пути изъ Сидона противные вѣтры занесли ихъ въ Кипръ. Отсюда, чрезъ Киликійское и Памфилійское море, они достигли Миръ Ликійскихъ, гдѣ корабль ихъ долженъ былъ остаться. Узниковъ перевели на другой, плывшій въ Италію. Между тѣмъ наступилъ октябрь—время, съ котораго море у древнихъ почиталось заключеннымъ для плаванія [1]). Противные вѣтры непрестанно усиливались. Павелъ совѣтовалъ сотнику провести зиму въ портѣ, называемомъ *Хорошія пристани*, предсказывая, въ противномъ случаѣ, крайнюю опасность; но корабельщикъ и многіе другіе, находя сей портъ неудобнымъ для перезимованія, хотѣли плыть на зиму въ одну изъ Критскихъ пристаней. Сотникъ, къ несчастію, предпочелъ ихъ мнѣніе совѣту Павлову. Вышли въ море при благопріятномъ вѣтрѣ; но вскорѣ поднялась опасная буря. Корабль захватило вихремъ; неслись, сами не зная куда. Товары, а потомъ и прочія вещи были брошены въ море для облегченія корабля; но опасность продолжалась. Въ теченіе четырнадцати дней не видали ни солнца, ни звѣздъ; не вкушали пищи, ожидая единственно смерти.

Одинъ Павелъ не зналъ страха и увѣрялъ своихъ спутниковъ, что вся потеря ихъ будетъ состоять въ кораблѣ, а они всѣ спасутся. Такъ говорилъ онъ вслѣдствіе откровенія: ибо Ангелъ, явясь ему ночью, возвѣстилъ, что Богъ ради его избавитъ отъ смерти всѣхъ его спутниковъ. Между тѣмъ мореплаватели, извѣдавъ глубину водъ, заключили, что корабль ихъ приближается къ землѣ. Боясь попасть на камни, они бросили четыре якоря, а сами, спустивъ лодку, приготовлялись бѣжать. Павелъ примѣтилъ ихъ умыселъ и далъ знать о семъ сотнику, который немедленно отвратилъ побѣгъ ихъ, велѣвъ оттолкнуть лодку отъ корабля. Послѣ сего Павелъ

[1]) Vegetius de re militari 4, 39.

снова ободрялъ своихъ спутниковъ и просилъ ихъ подкрѣпить себя пищею, увѣряя именемъ Божіимъ, что ни у одного изъ нихъ не пропадетъ и во́лоса съ головы. Послѣдуя его примѣру, они дѣйствительно ободрились и вкусили пищи.

Съ наступленіемъ дня увидѣли землю, но не знали, какую. Вытащивъ якори и поднявъ парусъ, спѣшили войти въ заливъ. Но потеря корабля, предсказанная Павломъ, была неизбѣжна. Попали на мель, корабль увязъ носомъ въ песокъ, между тѣмъ какъ корма его разбивалась стремленіемъ волнъ. Нельзя было долѣе оставаться на немъ. Воины, въ намѣреніи предупредить неизбѣжный, по ихъ мнѣнію, въ семъ случаѣ побѣгъ узниковъ, хотѣли предать ихъ смерти; но сотникъ, желая спасти Павла, удержалъ ихъ отъ сего варварства. Начали спасаться, одни вплавь, другіе на доскахъ; предсказаніе Павла сбылось въ точности: никто не погибъ. «Такова», говоритъ святой Златоустъ, «польза отъ сожитія съ праведникомъ, хотя и узникомъ: съ нимъ всюду безопасно [1])».

Земля, на которую выбросила буря Павла, былъ островъ Мелитъ [2]), подвластный Риму. Жители приняли потерпѣвшихъ кораблекрушеніе весьма человѣколюбиво. Для обсушенія ихъ разведенъ былъ на берегу огонь. Когда Павелъ вмѣстѣ съ другими клалъ на него хворостъ, то изъ сухихъ прутьевъ вышла эхидна и обвилась около его руки. Мелетійцы, увидя сіе, подумали, что гнѣвъ небесный преслѣдуетъ его за какое-нибудь человѣкоубійство, и ожидали Павловой смерти; но онъ спокойно бросилъ змѣю въ огонь, не потерпѣвъ никакого вреда. Обстоятельство сіе привело ихъ, подобно какъ Ликаонцевъ, къ той мысли, что онъ не человѣкъ, а Богъ. Павелъ вскорѣ доказалъ, что онъ и не Богъ и не простой человѣкъ: бывъ принятъ въ домъ начальникомъ острова, онъ исцѣлилъ своими молитвами его отца, страдавшаго горячкою. Когда слухъ о семъ чудѣ разнесся по острóву, то къ новому врачу со всѣхъ сторонъ стеклись всякаго рода больные, и всѣ получили исцѣленіе. Изъ благодарности за такое благодѣяніе островитяне снабжали Павла и его спутниковъ всѣмъ нужнымъ.

Чрезъ три мѣсяца снова открылось мореплаваніе. Узники посажены были на корабль, который, перезимовавъ въ Ме-

[1]) Hom. 53 in Acta.
[2]) Мальта.

литѣ, шелъ въ Италію. На семъ пути они приставали на три дня въ Сиракузахъ, что въ Сициліи, потомъ въ Ригіи, что въ Калабріи; наконецъ вышли на Италіянскій берегъ, близъ Неаполя, въ Путеолской пристани. Здѣшніе христіане удержали ихъ у себя цѣлую недѣлю. Входъ Павла въ Римъ походилъ на торжественное вшествіе героя, возвращающагося съ побѣды. Римскіе христіане вышли къ нему на встрѣчу за городъ, одни до Трехъ-гостинницъ, другіе до Аппіевой площади [1]). Усердіе сіе было для Павла новымъ залогомъ, что Промыслъ не оставитъ его своею защитою въ Римѣ: онъ ободрился въ духѣ и возблагодарилъ Бога. Это было въ началѣ весны, около шестьдесятъ перваго года нашей эры, въ седьмое лѣто царствованія Неронова.

Первыя узы Павловы въ Римѣ.

Узники, по обыкновенію, сданы были преторіанскому начальнику, въ какой должности находился тогда Буръ, знаменитый наставникъ юнаго Нерона и другъ Сенеки [2]). Павлу, безъ сомнѣнія вслѣдствіе хорошаго отзыва о немъ Феста и Юлія, позволено жить въ наемномъ домѣ, подъ такъ называемою благородною или легкою стражею. Для уразумѣнія свойства сей стражи должно знать, что у Римлянъ она вообще была троякаго рода. Одни узники содержались въ темницѣ (въ коей также было три отдѣленія); другіе, менѣе виновные, при судебныхъ мѣстахъ; иные жили въ наемныхъ и даже собственныхъ домахъ. Надзоръ за послѣдними состоялъ въ томъ, что при каждомъ изъ нихъ находился воинъ, который былъ соединенъ съ узникомъ продолговатою веревочкою. У воина привязывалась она къ лѣвой, а у подсудимаго къ правой рукѣ. Въ такомъ видѣ они могли ходить всюду [3]). Стража, подъ которою находился Павелъ, была послѣдняго рода.

На третій день по прибытіи въ Римъ Павелъ призвалъ къ себѣ единоплеменниковъ, дабы изъяснить имъ причину своихъ узъ, и то намѣреніе, съ коимъ онъ желалъ явиться

[1]) Три гостинницы отстояли отъ Рима на 6, а Аппіева площадь (село) на 8 тысячъ шаговъ геометрическихъ. V. Michael. ad Act. 28, 15.
[2]) Witsii. Melet. Leyden. p. 136.
[3]) Witsii. Melet. Leyden. p. 155.

на судъ кесаря: безъ сего они не преминули бы почесть его за человѣка подозрительнаго, который ищетъ случая клеветать предъ императоромъ на свое отечество, какъ то часто случалось въ тѣ времена. «Братія!» сказалъ имъ Павелъ, «не сдѣлавъ ничего противъ народа и установленій отеческихъ, я во узахъ изъ Іерусалима преданъ въ руки Римлянъ. Они, судивъ меня, хотѣли освободить, потому что не было во мнѣ ничего достойнаго смерти. Но какъ Іудеи противорѣчили, то я принужденъ былъ потребовать суда у кесаря, не съ тѣмъ впрочемъ, чтобы обвинять въ чемъ-либо народъ мой... ибо за надежду Израилеву обложенъ я сими цѣпями». Іудеи отвѣчали, что они не слышали о немъ ничего худого; просили однакожъ открыть имъ свой образъ мыслей о религіи: «ибо намъ, говорили они, извѣстно, что ученіе, тобою проповѣдуемое, всюду служитъ предметомъ споровъ». Въ назначенный день они собрались для сего въ домъ Павла, который отъ утра до самаго вечера изъяснялъ имъ христіанскую религію со всею подробностію. Одни убѣждались, другіе оставались упорными, такъ что Апостолъ невольно долженъ былъ повторить къ нимъ упрекъ, сдѣланный нѣкогда пророкомъ Исаіею Еврейскому народу. «Хорошо», сказалъ онъ, «Духъ Святый говорилъ чрезъ пророка Исаію отцамъ нашимъ: поди къ сему народу и скажи: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете, и не увидите; ибо огрубѣло сердце людей сихъ... Итакъ да будетъ извѣстно вамъ», продолжалъ Павелъ, «что спасеніе отъ Бога послано язычникамъ; они и услышатъ». Слова сіи нѣкоторыхъ изъ Іудеевъ заставили пристальнѣе размышлять о христіанствѣ, а въ другихъ возбудили негодованіе (Дѣян. 28).

Поелику обвинители Павла не являлись (ожидая, вѣроятно, благопріятныхъ обстоятельствъ и вымышляя болѣе правдоподобныя клеветы), то онъ провелъ цѣлые два года въ ожиданіи суда и, пользуясь свободою, возвѣщалъ имя Христово всѣмъ, кои приходили къ нему (Дѣян. 28, 30—31). Въ сіе время должно быть сдѣлано весьма много въ пользу Евангелія, хотя мы и не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ Павловой проповѣди въ Римѣ. Между тогдашними жителями Рима, не смотря на упадокъ нравовъ, еще были люди, расположенные къ добру. Въ посланіи къ Филиппійцамъ Павелъ утвердительно говоритъ, что узы его послу-

жили въ пользу Евангелія и сдѣлались извѣстны всей преторіи, то есть, или всему дому кесареву, или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ преторіанцамъ (Фил. 1, 13—14). Что извѣстность сія не ограничивалась однимъ слухомъ о Христѣ, Котораго проповѣдывалъ Апостолъ, видно изъ того же посланія, гдѣ онъ привѣтствуетъ Филиппійцевъ отъ лица христіанъ, принадлежавшихъ къ кесареву дому (Фил. 4, 22).

Кто именно были сіи христіане—не извѣстно. Бароній упоминаетъ о нѣкоторомъ Торпетѣ, который, по свидѣтельству Римской минеи, впослѣдствіи сдѣлался мученикомъ. Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ Сабину Помпею, которая, по словамъ Флавія [1]), была ревностною покровительницею Іудейскаго народа. Но въ семъ отношеніи большее вѣроятіе заслуживаетъ Тацитъ, по сказанію коего, сей женщинѣ ничего недоставало, кромѣ доброй души [2]). Гораздо вѣроятнѣе догадка тѣхъ, кои думаютъ видѣть христіанку, обращенную Павломъ, въ Помпоніи Грецинѣ, женѣ Плавта [3]). Подозрѣніе ея въ чужестранной ереси, ея долговременная жизнь, проведенная въ постоянной набожности, заставляютъ думать, что она принадлежала къ числу христіанъ. Весьма вѣроятно также, что извѣстный философъ Сенека, какъ повѣствуетъ преданіе (древнее, хотя не совсѣмъ вѣрное), былъ знакомъ Апостолу Павлу. За сіе ручается дружество Сенеки съ Буромъ, подъ главнымъ надзоромъ коего находился Павелъ; также и то, что сей философъ жилъ при дворѣ, коему Павелъ былъ весьма извѣстенъ. Но переписка философа съ Апостоломъ, какъ увидимъ, совсѣмъ не имѣетъ исторической достовѣрности.

Между тѣмъ, когда дошелъ слухъ объ узахъ Апостола въ Римѣ до Филиппійской Церкви, она отправила къ нему одного изъ своихъ предстоятелей, Епафродита, съ пособіемъ (Фил. 2, 25; 4, 14. 18). Усердіе сіе было весьма пріятно для Апостола, *не потому,* говоря его словами, *чтобы онъ былъ бѣденъ,* ибо онъ научился всегда быть довольнымъ своимъ состояніемъ, но потому, что усердіе Филиппійцевъ къ учителю религіи ручалось за ихъ усердіе къ самой религіи (Фил. 4. 10—14). Къ прискорбію Павла, Епафродитъ,

[1]) Ant. 20. 7.
[2]) Annal. 13.
[3]) Eus. Lib 2, cap. 25.

находясь у него, впалъ въ опасную болѣзнь. Но Господь не восхотѣлъ къ печали его приложить новую печаль: больной выздоровѣлъ (Фил. 2, 26. 27). Съ нимъ отправлено посланіе къ Филиппійцамъ, по замѣчанію Златоуста [1]), самое богатое сердечными чувствованіями. Благодаря ихъ за усердіе къ себѣ, писатель побуждаетъ ихъ быть твердыми въ вѣрѣ и благочестіи, совѣтуя въ то же время остерегаться іудействующихъ лжеучителей, кои внушали искать оправданія не въ вѣрѣ въ Іисуса Христа, а въ дѣлахъ закона— въ обрѣзаніи.

Около сего времени Павелъ обратилъ въ христіанство Онисима, бѣглаго раба, принадлежавшаго Филимону, одному изъ почетнѣйшихъ христіанъ и гражданъ Колосскихъ. Ища себѣ убѣжища въ Римѣ, куда, по словамъ Тацита, стекалось со всѣхъ концевъ земли все нечистое, и можетъ быть, мучимый совѣстію, онъ присталъ къ Апостолу, въ надеждѣ примириться посредствомъ его съ своимъ разгнѣваннымъ господиномъ. Наставленія и увѣщанія Павловы совершенно перемѣнили его нравъ: онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ, коего Апостолъ не усумнился послѣ того назвать своимъ сыномъ, даже своимъ сердцемъ (Филим. ст. 12). Сколько Онисимъ былъ прежде безполезенъ для Филимона, столько сдѣлался теперь полезнымъ для Павла. Послѣднему хотѣлось даже оставить его при себѣ; но онъ не рѣшился на сіе безъ согласія господина Онисимова, *дабы доброе дѣло было не вынужденно, но произвольно.* Посему Онисимъ былъ отправленъ къ Филимону съ письмомъ, въ коемъ Апостолъ, принимая его вину на себя, просилъ принять его уже не какъ раба, а какъ брата возлюбленнаго. Безъ сомнѣнія Филимонъ исполнилъ желаніе столь высокаго просителя. Есть преданіе, что Онисимъ сдѣлался впослѣдствіи преемникомъ Тимоѳея въ Ефесскомъ епископствѣ.

Съ Онисимомъ же и Тихикомъ послано письмо къ Колоссянамъ [2]). Поводомъ къ нему, послѣ общей попечительности Павла о благосостояніи всѣхъ Церквей христіанскихъ, было пришествіе въ Римъ Епафраса, учителя (если не основателя) Церкви Колосской, который извѣстилъ Апостола о вѣрѣ и благочестіи своихъ учениковъ. Увѣщевая Колоссянъ

[1]) Hom. in Epist. ad Philipp.
[2]) Wits. Mel Leyd. pag. 142.

сохранять дары духовные, быть твердыми въ вѣрѣ и добродѣтели, Павелъ остерегаетъ ихъ отъ нѣкоторыхъ лжеучителей, кои старались обольщать христіанъ ложною философіею. суевѣрнымъ почитаніемъ Ангеловъ, слѣпою привязанностію къ обрядовому закону.

Въ продолженіе первыхъ же узъ Римскихъ написано Павломъ посланіе къ Евреямъ. Въ немъ утверждается божественное достоинство Іисуса Христа и Его вѣчное священство по чину Мельхиседекову; показывается, что законъ обрядовъ съ пришествіемъ Мессіи долженъ потерять свою дѣйствительность и уступить новому закону благодати. Споры о писателѣ сего посланія не принадлежатъ къ нашему предмету. Нельзя впрочемъ не замѣтить. что они давно были бы окончены, если бы критики обращали болѣе вниманія на духъ Павлова богословія.

Послѣ двухлѣтняго ожиданія, Павелъ позванъ былъ на судъ Нерона (2 Тим. 4, 16). Друзья и ученики его, вслѣдствіе Римскихъ обыкновеній, имѣли право быть свидѣтелями судопроизводства надъ нимъ; но въ семъ случаѣ всѣ оставили его (2 Тим. 4, 16): такъ страшно было явиться предъ сего льва (какъ называетъ Нерона Павелъ)! Такъ непостоянна природа человѣческая въ самой чистой дружбѣ! Одинъ небесный другъ, Господь Іисусъ, ради Котораго Павелъ приносилъ себя въ жертву, не оставлялъ его: Онъ предсталъ ему и укрѣпилъ его духъ. Явились ли Іерусалимскіе враги Павловы на сей судъ, или нѣтъ, въ чемъ обвиняли его и какъ онъ защищалъ себя отъ ихъ клеветъ, не извѣстно. Упоминая о семъ судѣ во второмъ посланіи къ Тимоѳею. Апостолъ непосредственно предъ тѣмъ жалуется на одного кузнеца Александра (2 Тим. 4, 14). Не былъ ли онъ въ числѣ обвинителей Павловыхъ? Но кто онъ и чѣмъ вредилъ Апостолу, также не извѣстно. Даже спорятъ о томъ, чѣмъ кончился судъ надъ Павломъ: смертію его, или освобожденіемъ.

Полагали, и нынѣ полагаютъ нѣкоторые [1]), что первыя узы Павловы въ Римѣ были вмѣстѣ и послѣдними. Но сему мнѣнію. при всей учености защитниковъ онаго, не достаетъ основательныхъ доказательствъ. За истину противнаго мнѣнія. то есть, что первыя узы Павловы окончились освобо-

[1]) Schmidt. Histor. kritisch. Einleitung in N. T. 1818, pag. 199, 207, также Eichhorn Einleit. 1811, 2 Band. 2, pag. 353—372.

жденіемъ, ручается а) *всеобщее преданіе Церкви.* Правда, сіе преданіе становится извѣстнымъ со временъ Евсевія [1]); но тѣмъ не менѣе оно важно: ибо Евсевій заимствовалъ его изъ сочиненій (нынѣ потерянныхъ) Діонисія Коринѳскаго, во время коего послѣдняя судьба Павла была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Выраженіе ὡς λόγος ἔχει (какъ носится слухъ, какъ говорятъ), не показываетъ еще того, чтобы Евсевій считалъ сіе преданіе недостовѣрнымъ, ибо онъ ясно говоритъ, что преданіе сіе пересказано имъ для того, дабы кто-нибудь не подумалъ, что первыя узы Павловы въ Римѣ окончились его смертію. Историки, пересказывая преданія, нерѣдко употребляютъ выраженія обоюдныя, сила коихъ должна быть опредѣляема, смотря по ходу повѣствованія [2]). Со временъ Евсевія преданіе объ освобожденіи Павла изъ Римскихъ узъ становится общеупотребительнымъ для всѣхъ писателей. Нельзя думать, чтобы они основывались въ семъ случаѣ на одной важности Евсевія. б) *Многія мѣста въ посланіяхъ Павловыхъ,* писанныхъ изъ Рима (Фил. 2, 19. 24; Филим. ст. 22; Евр. 13, 23). Писатель вездѣ показываетъ твердую надежду на свое освобожденіе и обѣщается снова посѣтить учениковъ своихъ. Даже надлежитъ думать, что посланіе къ Евреямъ написано Павломъ по окончаніи узъ, ибо онъ въ заключеніи его говоритъ: «знайте, что братъ нашъ Тимоѳей освобожденъ, и я вмѣстѣ съ нимъ (ежели онъ скоро придетъ) увижу васъ». в) *Заключеніе Дѣяній Апостольскихъ.* «И жилъ (διέμεινε)», пишетъ святой Лука, «Павелъ цѣлые два года въ нанятомъ имъ домѣ, и принималъ (ἀπεδέχετο) всѣхъ приходящихъ къ нему, проповѣдуя царствіе Божіе и невозбранно уча о Господѣ Іисусѣ Христѣ со всею смѣлостью». Если бы Апостолъ Павелъ, когда написаны Дѣянія Апостольскія, носилъ еще узы, то святой Лука не сказалъ бы: *жилъ и принималъ;* равно, если бы Павла въ сіе время не было уже въ живыхъ, онъ не преминулъ бы въ концѣ своей книги упомянуть, хотя кратко, о кончинѣ, тѣмъ паче, что большая часть Дѣяній Апостольскихъ есть не что иное, какъ исторія Павловыхъ путешествій. Весьма вѣроятно, что обвинители Павла (если только они имѣли безстыдство явиться на судъ кесаря) не могли

[1]) Euseb. Hist. Eccles. Lib. 2, cap 21.
[2]) V Berthold. Einleitung in N. T. des 5 Theils 2 halfte pag 2748. 1806.

доказать своихъ клеветъ; между тѣмъ какъ въ пользу обвиняемаго ходатайствовали и одобреніе Феста и Юлія, и собственная его безпорочная жизнь, и усердіе Римскихъ христіанъ, особенно принадлежавшихъ къ дому кесареву. Неронъ въ сіе время, по замѣчанію Евсевія [1]), еще не совсѣмъ забылъ прежнюю свою кротость и слушалъ иногда своихъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ наставниковъ, а посему могъ быть справедливымъ въ дѣлѣ Іудейскаго узника, оправданія коего требовала, нѣкоторымъ образомъ, самая честь Римскаго имени.

Касательно самаго образа и времени освобожденія Павлова нѣтъ никакихъ извѣстій. Бароній [2]) догадывается, что съ Павла сняты узы по случаю умерщвленія Агриппины, матери Нероновой, когда въ Римѣ торжественно праздновали сіе злодѣяніе, и когда, въ память спасенія императора отъ мнимой опасности со стороны Агриппины, многимъ узникамъ была дарована свобода. Догадка довольно правдоподобная, но едва ли согласная съ хронологіею [3]).

Четвертое апостольское путешествіе Павла и послѣднія узы въ Римѣ.

Остальная часть Павловой жизни, по сознанію всѣхъ историковъ, подлежитъ многимъ недоумѣніямъ и спорамъ. Причиною сего недостатокъ историческихъ источниковъ. Ибо повѣствованіе святого Луки о дѣяніяхъ Павла оканчивается вмѣстѣ съ его первыми узами; а изъ послѣдующихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ никто не обращалъ особеннаго вниманія на дѣянія Апостоловъ. Самые собиратели христіанскихъ древностей, Папій и Егезиппъ, не могли бы служить пособіемъ въ семъ случаѣ: ибо Евсевій, который пользовался ихъ трудами (для насъ давно потерянными), сообщаетъ весьма немногое о послѣдней судьбѣ Павла. Почему намъ остается употребить въ дѣло только нѣкоторыя указанія на остальную часть Павловой жизни, кои находятся въ его посланіяхъ и сочиненіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей Церкви. Въ утѣшеніе тѣхъ, кои желали бы въ точности видѣть, какъ

[1]) Hist. Eccles. Lib. 2, cap. 21. Quinquennium Neronis обратилось даже въ пословицу.

[2]) Ad annum Christ. 51 num. X.

[3]) Wits. Mel. Leyd pag. 159.

сей великій свѣтильникъ Церкви скончавалъ свѣтозарное теченіе свое, можетъ служить слѣдующее прекрасное мѣсто изъ бесѣдъ Златоуста на Дѣянія. «Для чего ты», вопрошаетъ онъ, «желаешь знать послѣдующія дѣянія (Павловы)? Они таковы же, какъ и предшествующія: узы, мученія, томительные подвиги, темницы, навѣты, клеветы, ежедневная смерть. Ты видѣлъ малую часть: таковыми же представляй и остальныя. Когда ты смотришь на небо, то хотя видишь малую часть неба, но съ нею сходны всѣ прочія, такъ что, сколько бы ты ни перемѣнялъ мѣстъ, небо все то же: точно такъ разсуждай и о Павлѣ [1])».

Не подвергаясь упреку въ историческомъ невѣріи, нельзя сомнѣваться, что Апостолъ Павелъ по своемъ освобожденіи предпринималъ четвертое апостольское путешествіе, продолжавшееся до его послѣднихъ узъ. Таковое сомнѣніе было бы несовмѣстно и съ посланіями Павловыми, писанными изъ Рима, въ коихъ онъ даетъ многократныя обѣщанія снова посѣтить учениковъ своихъ, и съ всеобщимъ преданіемъ Церкви. Даже вопросъ: куда было предпринято четвертое путешествіе?— можетъ быть разрѣшенъ, хотя несовершенно. Если мы не знаемъ всѣхъ мѣстъ, посѣщенныхъ въ сіе время Апостоломъ, то съ достовѣрностію знаемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Изъ второго посланія къ Тимоѳею, писаннаго во время послѣднихъ узъ, открывается, что писатель онаго незадолго предъ тѣмъ былъ въ Коринѳѣ, Милитѣ, Иконіи, Листрахъ и Антіохіи, и въ трехъ послѣднихъ городахъ весьма много претерпѣлъ (2 Тим. 3, 11; 4, 13. 20). Значитъ, послѣднее путешествіе было предпринято Павломъ на востокъ, и именно по тѣмъ Церквамъ, кои почитали его своимъ учителемъ. Бывши на востокѣ, онъ, безъ сомнѣнія, исполнилъ обѣщаніе свое посѣтить Колоссы (Кол. 3, 22) и Филиппы (Филип. 1, 25); сопредѣльныя съ ними Церкви (исключая Ефесской, которой Павелъ, во время прощанія съ нею, предсказалъ, что она не увидитъ болѣе его лица) также, конечно, имѣли утѣшеніе насладиться лицезрѣніемъ своего основателя.

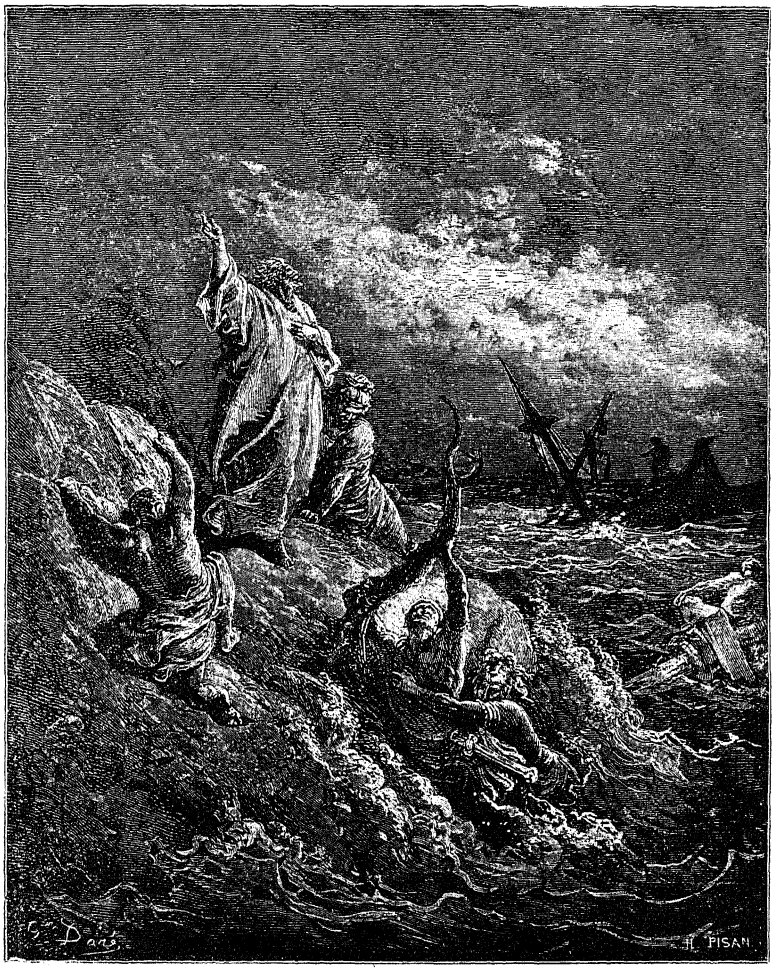
Есть мнѣніе, что послѣднее путешествіе Павлово простерлось до Палестины; оно основывается на 13, 23 посланія къ Евреямъ, гдѣ Апостолъ изъявляетъ надежду увидѣться съ

[1]) Hom. 55. Edit. Montfauconii 1741 Venetiis.

Евреями, къ коимъ онъ писалъ. Но основаніе сіе слабо. По признанію едва не всѣхъ критиковъ [1]), посланіе сіе написано не къ Евреямъ палестинскимъ, по крайней мѣрѣ не къ нимъ однимъ. а ко всѣмъ христіанамъ изъ Евреевъ. Возраженіе, что подъ именемъ Евреевъ во времена Апостоловъ разумѣлись Евреи палестинскіе, а жившіе внѣ Палестины назывались Еллинистами, не важно уже потому. что надписаніе сего посланія произошло не отъ руки самого писателя. Впрочемъ. весьма сомнительно и то, чтобы Евреи, жившіе внѣ Палестины, никогда не назывались Евреями, а всегда Еллинистами [2]). Предпринять путешествіе въ Іудею значило безъ нужды подвергать себя неизбѣжнымъ опасностямъ. Въ Палестинѣ не было Церквей, основанныхъ Павломъ; жребій служенія его былъ—проповѣдывать язычникамъ, а не обрѣзаннымъ; для палестинскихъ Іудеевъ назначены были Промысломъ другіе Апостолы. Павелъ и прежде сего всегда являлся въ Іерусалимѣ не столько какъ Апостоламъ, а болѣе какъ посѣтитель.

Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои полагаютъ, что Павелъ, послѣ обозрѣнія восточныхъ Церквей, посѣтилъ Испанію [3]). Выраженіе Климента Римскаго [4]): καὶ ἐπὶ τὸ τέρμα τῆς δύσεως ἐλθών (доходившій до послѣднихъ предѣловъ запада), именно заставляетъ такъ думать. Ибо послѣднимъ предѣломъ запада не можетъ быть, какъ толковали нѣкоторые [5]). ни Италія, ни Британія: это безспорно Испанія, коей послѣдній предѣлъ назывался концомъ земли (finis terrae). Павелъ еще въ посланіи къ Римлянамъ изъявлялъ желаніе свое побывать въ Испаніи. «Но время, протекшее отъ освобожденія Павлова до послѣднихъ узъ, недостаточно для того, чтобы съ востока предпринять путешествіе въ Испанію» [6]). Возраженіе не очень сильное. Въ четыре года можно было совершить путешествіе и на востокъ, и на западъ, тѣмъ паче, что послѣднее путешествіе Павлово по востоку было предпринято не столько для новой проповѣди, сколько для преподанія послѣдняго утѣшенія вѣрующимъ [7]).

[1]) V Rosenmüller, Schol. in Epist. ad Hebr.
[2]) Karpzov. in Proleg ad Sacr. exercit. in Epist. ad Hebr. ex Philone Alex. pag. 10.
[3]) Pearson. Annal. Paulinae
[4]) 1 Epist. ad Cor. sect. V.
[5]) Stillingfleetus in originibus Britannicis, cap. I.
[6]) Berthold in Einleitung.
[7]) V. Weber de verosimili Pauli in Hispania martyrio, 1787. Spier Historia critica de Hispanico Pauli itinere, 1742.



Корабль, на которомъ плылъ Ап. Павелъ въ Римъ, разбивается.

Между тѣмъ какъ великій учитель язычниковъ обтекалъ въ послѣдній разъ красными стопами своими востокъ и западъ, въ Римѣ возгорѣлось гоненіе на христіанъ. Неронъ, зажегшій въ безуміи сію столицу міра, дабы видѣть подобіе горящей Трои, въ избѣжаніе ненависти за злодѣйство тѣмъ охотнѣе сложилъ вину онаго на христіанъ, что суевѣрный народъ уже давно расположенъ былъ почитать ихъ врагами общественнаго благоденствія. Мщеніе за мнимое произведеніе пожара искало всюду жертвъ: однихъ изъ христіанъ въ звѣриныхъ кожахъ предавали на растерзаніе псамъ; другіе, съ ногъ до головы облитые горючими веществами, должны были, сгарая постепенно, освѣщать собою, во время ночи, сады Нероновы. Для Римской Церкви потребна была вся вѣра и терпѣніе, дабы не пасть подъ тяжестію креста. Могъ ли Павелъ оставаться равнодушнымъ слушателемъ о кровавой борьбѣ христіанства съ язычествомъ? Могъ ли онъ оставить безъ утѣшенія возлюбленныхъ чадъ своихъ въ Римѣ?—Напротивъ, онъ немедленно явился къ нимъ, дабы раздѣлить съ ними вѣнецъ мученическій, въ полученіи коего онъ увѣренъ былъ, по словамъ Аѳанасія [1]), предварительнымъ откровеніемъ. Та же, вѣроятно, причина привела въ Римъ и Апостола Петра. Узы немедленно соединили сихъ первоверховныхъ Апостоловъ, коихъ жребій служенія раздѣлялъ въ продолженіе цѣлой жизни. Неронъ въ сіе время былъ уже чудовищемъ, а не человѣкомъ; почему Апостолъ еще до рѣшительнаго приговора надъ собою писалъ къ Тимоѳею о скоромъ отшествіи своемъ изъ сего міра и просилъ его придти къ себѣ (2 Тим. 4, 9). Судя по сей просьбѣ, должно однакожъ думать, что послѣднія узы Павловы продолжались по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Послѣднимъ побужденіемъ къ осужденію Павла на смерть для Нерона, по сказанію Златоуста [2]), было слѣдующее: Апостолъ, не смотря на опасность, продолжалъ возвѣщать имя Христово и обратилъ одну изъ наложницъ тирана, имъ страстно любимую. Обращенная рѣшительно отказалась раздѣлять съ нимъ безчестное ложе. Матереубійца воскипѣлъ гнѣвомъ и, узнавъ, что Павелъ виною сего случая, осудилъ его на казнь.

[1]) In Apolog. pro fuga sua.
[2]) In Orat. adversus vitae Monast vituperatores.

Преданіе, почти общее, говоритъ, что Апостолъ Павелъ былъ замученъ вмѣстѣ съ Апостоломъ Петромъ. Но есть и другое преданіе, что Павелъ пострадалъ, спустя годъ по смерти Петра, впрочемъ въ тотъ же самый день, то есть 29 іюня [1]).

Лактанцій [2]) пишетъ, что сіи Апостолы предъ концемъ своей жизни изрекали пророчество о томъ, что Богъ вскорѣ воздвигнетъ царя въ Римѣ, который опустошитъ Іерусалимъ, разрушитъ храмъ Іудейскій и разсѣетъ Іудеевъ по всему міру. Орудіемъ казни Павла, какъ Римскаго гражданина, былъ мечъ. Она послѣдовала въ преклонныхъ лѣтахъ Апостола на мѣстѣ, называемомъ Салвіанскими источниками, въ правленіе Гелія и Поликлета [3]), коимъ Неронъ, во время путешествія своего въ Грецію, поручилъ верховную власть, около 67 года по Рождествѣ Христовомъ [4]). Священные останки Павловы погребены вѣрующими близъ Рима. Святой Златоустъ говоритъ [5]), что ихъ страшились демоны и уважали Ангелы, и что вѣрующіе со всѣхъ странъ стекались для поклоненія гробу Павлову. Надъ симъ гробомъ Константинъ Великій, по совѣту Сильвестра, Римскаго епископа, создалъ малую церковь, которая потомъ распространена была Валентиніаномъ.

«Такъ скончалъ теченіе свое сосудъ Христовъ избранный, учитель языковъ, всемірный проповѣдникъ небесныхъ высотъ, и райскихъ добротъ видѣцъ, Ангеловъ и человѣковъ позоръ и удивленіе, великій подвижникъ и страдалецъ, язвы Господа своего на тѣлѣ своемъ понесый, святый верховный Апостолъ Павелъ, и вторицею, аще и кромѣ тѣла, до третіяго небесе взятся» [6])!

---

[1]) Чет. Мин. на 29 іюня.
[2]) Lib. 4, cap. 21
[3]) Clem. Rom. 1, Epist. ad Cor. sect. 5
[4]) Отъ временъ Златоуста и Амвросія идетъ преданіе, что изъ усѣченной главы Апостола вмѣсто крови истекло молоко См. Чет. Мин. 29 іюня.
[5]) Hom. 8, in Ephes.
[6]) Св. Дим. Рост. въ Чет. Мин. на 29 іюня.

ЗАМѢЧАНІЯ

касательно внѣшняго вида Апостола Павла, его природныхъ дарованій, характера, писаній подлинныхъ и подложныхъ, уваженія къ нему отцовъ Церкви и особенно Златоуста.

Изъ 2 Кор. 10, 20 заключаютъ, что Апостолъ Павелъ былъ весьма незамѣчателенъ по виду и малъ ростомъ. Святой Златоустъ въ одной бесѣдѣ называетъ его человѣкомъ въ три локтя (ἄνθρωπον τριπηχόν) [1]). Думаютъ, что сочинитель Филопатриды (Луціанъ, или кто другой) имѣлъ въ умѣ Павла, когда выводилъ на зрѣлище Галилея, у коего на верхней части головы нѣтъ волосъ, съ орлинымъ носомъ, по воздуху восходившаго до третьяго неба [2]). Но никто не оставилъ намъ такого подробнаго описанія Павла по внѣшнему виду, какъ Никифоръ Каллистъ [3]). «Павелъ», говоритъ онъ, «былъ ростомъ малъ, непрямъ и нѣсколько согбенъ; лице у него было чистое и являло признаки долгихъ лѣтъ; голова плѣшива; въ глазахъ его усматривалось весьма много пріятности; брови поднятыя вверхъ и какъ бы разбѣгающіяся; носъ продолговатъ съ пріятною неровностію; борода густая и довольно длинная, по мѣстамъ съ сѣдиной такъ же, какъ и голова». Портретъ весьма выразительный; жаль только, что онъ писанъ, спустя 13 вѣковъ по смерти Апостола, и неизвѣстно съ какого подлинника!

Если въ самомъ дѣлѣ Апостолъ Павелъ былъ малъ ростомъ, то на немъ оправдалось мнѣніе, что въ маломъ тѣлѣ нерѣдко бываетъ душа истинно великая. Благодать, безъ сомнѣнія, преобразовала и усовершила въ немъ дары природы; но сіи дары сами по себѣ были весьма велики. Нѣтъ ни одного качества, потребнаго для великихъ умовъ и характеровъ, коего не усматривалось бы въ Павлѣ. Святой Златоустъ равнялъ его по естественнымъ дарованіямъ къ любомудрію съ Платономъ: сравненіе неопредѣленное; ибо тотъ и другой дѣйствовали при совершенно различныхъ обстоятель-

[1]) Hom. in 2 Epist ad Cor.
[2]) Wits. Mel. Leyd. pag. 162.
[3]) Hist. Lib. 2, cap 37.

ствахъ: одинъ во свѣтѣ Духа Божія, другой при слабомъ свѣтильникѣ разума; но то несомнѣнно, что геній Павла, если бы Промыслъ судилъ ему явиться подъ небомъ Греціи, не потерялся бы въ толпѣ послѣдователей Платоновыхъ, и къ списку мудрецовъ Греческихъ прибавилось бы еще одно великое имя.

Характеръ Павла есть характеръ вселенскаго учителя, характеръ посланника Божія къ роду человѣческому. «Когда», витійствуетъ Златоусть [1]), «ты скажешь: Апостолъ, всѣ разумѣютъ Павла, точно такъ же, какъ при имени: креститель, всякому приходитъ на мысль Іоаннъ». У Павла все служитъ въ пользу Евангелія, къ славѣ Божіей,—и довольство, и нищета, и похвала, и поруганія, и свобода, и узы, двузья и враги, жизнь и смерть. Предъ нимъ, какъ предъ Богомъ, Коего онъ посланникъ, нѣтъ ни Іудея, ни Еллина, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго пола, ни женскаго: всѣ едино во Христѣ Іисусѣ. Съ язычникомъ — онъ язычникъ, бесѣдуетъ о естественной религіи; ссылается на ихъ поэтовъ, извиняетъ лѣта ихъ невѣдѣнія объ истинномъ Богѣ; съ Іудеемъ—Іудей, разсуждаетъ о знаменованіи обрядоваго закона, совершаетъ обѣты, наблюдаетъ различіе яствъ, предписанное закономъ; съ слабыми совѣстію—слабъ, умѣряетъ свободу христіанскую, воздерживается отъ идоложертвенныхъ, хотя совершенно увѣренъ, что идолъ есть ничто. Но во всѣхъ случаяхъ виденъ учитель истины, образецъ чистоты нравственной, сосудъ благодати. «Не погрѣшитъ тотъ», по словамъ Златоуста [2]), «кто назоветъ душу Павлову моремъ и небомъ: небомъ по чистотѣ, моремъ по глубинѣ. Въ семъ морѣ нѣтъ драгоцѣнныхъ зеренъ, но есть вещи, драгоцѣннѣйшія всякаго перла. Кто пожелаетъ углубиться въ сіе море, тотъ найдетъ въ немъ всѣ сокровища, кои сокрыты въ царствѣ небесномъ».

Ни одинъ изъ Апостоловъ не оставилъ намъ столько писаній, какъ Павелъ. Четырнадцать посланій его всегда признавались Церковію за источникъ истиннаго христіанскаго ученія. По нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, посланіе къ Евреямъ было приписываемо другимъ писателямъ, впрочемъ—безъ достаточныхъ причинъ [3]); о прочихъ

[1]) Hom. 55, in Acta Apost. Edit. Montfauc. 1742
[2]) Hom. 55, in Acta Apost.
[3]) Euseb. Hist. Eccl. Lib. 3, cap 3

никогда не было спора. Древніе еретики [1]), поражаемые истинами, въ нихъ содержащимися, старались повреждать нѣкоторыя мѣста, но сіи поврежденія были немедленно замѣчены, обличены и ни мало не повредили подлинности Павловыхъ посланій.

Духъ сихъ посланій есть духъ живой вѣры въ Іисуса Христа въ противоположность съ мертвою дѣятельностію подзаконной праведности. Здѣсь видимъ, какъ падшій человѣкъ неспособенъ самъ по себѣ и помыслить о чемъ-либо добромъ, тѣмъ менѣе—исполнить въ точности всѣ повелѣнія закона Божія; какъ Богъ Отецъ, по неизреченной любви Своей къ преступному роду человѣческому, опредѣляетъ извлечь его изъ бездны золъ, въ которую увлекло его паденіе праотца; какъ Богъ Сынъ въ тайнѣ предвѣчнаго совѣта пріемлетъ на Себя великое дѣло искупленія, въ предопредѣленное время является на землѣ въ образѣ человѣка, смертію Своею упраздняетъ царство грѣха и смерти и потомъ, вознесшись на небо, посаждается одесную Отца, ожидая, доколѣ всѣ враги Его царства будутъ положены въ подножіе ногъ Его; какъ Духъ Святый Своимъ благодатнымъ дѣйствіемъ усвояетъ вѣрующимъ заслуги Сына Божія, написуетъ новый законъ жизни на сердцахъ ихъ, изливаетъ въ нихъ любовь Божію, ходатайствуетъ о нихъ предъ Богомъ и содѣлываетъ ихъ новою тварію, созданною во Христѣ на дѣла благія. Павелъ часто вводитъ читателей во мракъ ветхозавѣтныхъ прообразованій; но сіи прообразованія теряютъ у него свою мрачность и являются свѣтлыми и живыми образами, въ коихъ всякій безъ труда находитъ для себя назиданіе и утѣшеніе. Какъ учитель вѣры, онъ большею частію учитъ, обличаетъ и исправляетъ, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ утѣшенію вѣрующихъ повѣствуетъ, какъ дѣписатель, и предсказываетъ будущее, какъ пророкъ. Ему принадлежатъ предсказанія объ умноженіи въ послѣднія времена лжеучителей и обращеніи народа Іудейскаго къ Іисусу Христу предъ Его вторымъ пришествіемъ, о явленіи антихриста, о безумной его гордости, ложныхъ чудесахъ и ужасной казни.—По выспренности созерцанія Павелъ можетъ столь же справедливо, какъ и Іоаннъ, именоваться орломъ богословія. Въ первой главѣ посланія къ

[1]) Гностики и маркіониты. Iren. Lib 3, cap. 12.

Евреямъ господствуетъ возвышенность мыслей, подобная той, коей удивляемся въ первой главѣ Іоаннова Евангелія [1]).

О внѣшнемъ образѣ изложенія мыслей Павелъ самъ даетъ отзывъ, когда говоритъ, что слово и проповѣдь его состояли не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, а въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4). Въ другомъ мѣстѣ онъ даже называетъ себя *невѣждою* (ἰδιώτης) въ словахъ (2 Кор. 11, 6). Безъ сомнѣнія, онъ разумѣетъ здѣсь то буйство проповѣди, коимъ благоволилъ Богъ спасти міръ, не познавшій Бога въ премудрости Божіей,—то буее Божіе, которое мудрѣе всѣхъ человѣковъ. Впрочемъ, хотя Павелъ не заботился о томъ, чтобы льстить слуху и вкусу тѣхъ, къ коимъ онъ писалъ; но естественный даръ къ краснорѣчію, освященный Духомъ Божіимъ, никогда не оставлялъ его. Нѣтъ почти ни одного украшенія мыслей и словъ, для коихъ не находилось бы прекрасныхъ образцовъ въ посланіяхъ Павловыхъ; изъ нихъ однихъ можно извлечь всѣ правила для церковнаго витійства [2]). Лонгинъ, не будучи христіаниномъ, поставлялъ Павла за краснорѣчіе наряду съ лучшими витіями Греческими [3]).

Не излишне замѣтить, что посланія Павловы писаны не имъ самимъ, а писцомъ, коему они были диктованы (Римл. 16, 22). Павелъ только имѣлъ обыкновеніе подписывать собственноручно въ концѣ посланія привѣтствіе, что̀ служило отличительнымъ знакомъ его истинныхъ писаній (Кор. 16, 21; Кол. 4, 8). Причина сего, по сказанію святого Златоуста [4]), состояла въ томъ, что почеркъ его письма былъ весьма неисправенъ и нечетокъ.

Неблагоразумное усердіе къ памяти Апостола, или нечистое намѣреніе прикрыть свои вымыслы высокимъ именемъ его, или предосудительное желаніе пополнить собственными догадками нѣкоторыя пустыя мѣста въ его исторіи, было причиною, что подъ именемъ Апостола появились нѣкоторыя ложныя сочиненія, какъ-то: *Вознесеніе Павла*,

---

[1]) V. Tzschirner Observationes Pauli Ap. Epistolarum, Scriptoris ingenium concernentes. Witeb 1800, 4.

[2]) V. Bauer Rhetorica Paulina. Hal 8, 1783.

[3]) V. Berthold in Einleitung.

[4]) Hom. in Epist. ad Gal. 6, 11. То же сказаніе находится у Іеронима и Θеодорита.

Апокалипсисъ, Дѣянія Павла и Θеклы, Переписка Павлова съ Сенекою, Посланіе къ Лаодикійцамъ.

О *Вознесеніи* (ἀναβατικὸν) Павла такъ говоритъ Епифаній [1]): «еще и другую книгу вымыслили (каиниты) подъ именемъ Апостола, исполненную нестерпимыхъ соблазновъ, обращающуюся въ употребленіи и у тѣхъ, кои называются гностиками. Называютъ же ее *Вознесеніемъ Павла*. Поводъ къ таковому подлогу взятъ ими изъ 2 Кор. 12, 2, гдѣ Апостолъ говоритъ, что онъ восхищенъ былъ до третьяго неба и слышалъ тамъ неизреченные глаголы. Изъ сихъ-то глаголовъ, по ихъ увѣренію, составилась оная книга». Августинъ также зналъ сію книгу, равно какъ и подложность ея [2]). «Нѣкоторые изъ людей, живущихъ въ духѣ», говоритъ онъ, «достигли того, о чемъ нельзя человѣку и говорить; по какому случаю пустые люди съ неимовѣрною дерзостію вымыслили *Вознесеніе Павла*, отвергаемое Церковію, исполненное нелѣпыхъ вымысловъ. Еще бы нѣсколько сносна была ихъ дерзость, если бы Апостолъ сказалъ, что онъ слышалъ то, чего нельзя еще человѣку говорить; но когда онъ безъ ограниченія сказалъ, что человѣкъ не можетъ говорить о томъ, что̀ имъ слышано: то кто сіи люди, кои дерзаютъ безстыдно и нелѣпо говорить о сихъ предметахъ?» Болѣе о *Вознесеніи Павла* ничего не извѣстно.

Подобнаго достоинства—*Апокалипсисъ Павловъ*. Созоменъ сказываетъ [3]), что онъ въ его время пользовался уваженіемъ нѣкоторыхъ монаховъ и былъ найденъ, по откровенію, въ тарсскомъ домѣ Апостола Павла, подъ землею, въ мраморномъ ящикѣ. Тотъ же писатель увѣряетъ, что когда онъ, сомнѣваясь въ истинѣ сего происшествія, спросилъ о немъ престарѣлаго пресвитера тарсскаго, то сей рѣшительно отвѣчалъ, что въ Тарсѣ никто не слыхалъ о семъ происшествіи, и что оно, равно какъ и книга, безъ сомнѣнія, суть вымыселъ еретиковъ.—Обѣ предшествующія книги давно потеряны, если только можно назвать сіе потерею.

О *Дѣяніяхъ Павла и Θеклы* упоминалъ еще Тертулліанъ [4]). Онъ же говоритъ, что сочинитель ихъ есть одинъ Азіатскій пресвитеръ, который, бывъ обличенъ въ подлогѣ, признался,

[1]) De Hair. 38, num. 2.
[2]) Tract. 98, in Ioh.
[3]) Hist. Eccl. Lib. 7, cap. 19.
[4]) De Bapt. 17.

что онъ сдѣлалъ его изъ любви къ Павлу. *Дѣянія* сіи дошли до нашихъ временъ съ нѣкоторыми прибавленіями и перемѣнами [1]). Содержаніе ихъ составляютъ: чудесное обращеніе Павломъ Ѳеклы, разнообразное мученичество послѣдней и множество чудесъ, съ нимъ соединенныхъ. Основою вымысла могло быть истинное происшествіе; ибо многіе изъ древнихъ писателей упоминаютъ о мученицѣ Ѳеклѣ [2]).

Переписка Павла съ Сенекою, хотя Іеронимъ вѣрилъ ея подлинности [3]), не стоитъ и Сенеки, не только Павла. Она состоитъ изъ тринадцати писемъ, весьма бѣдныхъ по содержанію. Всѣ они суть произведеніе одного пера. Языкъ (Латинскій) непрестанно измѣняетъ автору. Не смотря на краткость, въ нихъ находится много историческихъ ошибокъ, вовсе неумѣстныхъ въ Сенекѣ [4]). Философъ удивляется мудрости Апостола, производитъ ее отъ Духа Святаго и въ то же время совѣтуетъ ему поболѣе заботиться о слогѣ.

Посланіе къ Лаодикійцамъ состоитъ изъ двадцати стиховъ: такъ лѣнивъ былъ сочинитель, не смотря на свою охоту писать за другихъ! И сіи двадцать стиховъ суть ни что иное, какъ буквальный выборъ изъ другихъ посланій Павловыхъ, такъ что нельзя сыскать произведенія, которое было бы по содержанію незначительнѣе сего посланія. Іеронимъ зналъ оное и почиталъ подложнымъ [5]).

Кромѣ сего, на Армянскомъ языкѣ есть два письма—одно къ Павлу отъ Коринѳянъ, другое къ нимъ отъ Павла [6]). Сочинитель думалъ, безъ сомнѣнія, замѣнить мнимую потерю посланія Павлова къ Коринѳянамъ, которое, повидимому, никогда не существовало (1. Кор. 5, 9).

Самыя подложныя сочиненія, нами исчисленныя, показываютъ уже, что имя Павла еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства было именемъ, возбуждающимъ уваженіе. Изъ однихъ наименованій, коими христіанскіе писатели старались выражать величіе и доблести души Павловой, можетъ составиться цѣлое слово въ похвалу сему Апостолу. Церковь усвоила ему

[1]) V. Grabii specil. Pat. sec. 1.

[2]) Кипріанъ in Orat pro Mart. Іеронимъ Epist. 22, также Григорій Назіанзинъ, Амвросій, Златоустъ, Исидоръ Пелусіотъ и др.

[3]) Catal. 5.

[4]) Наприм. онъ говоритъ, что во время пожара въ Римѣ выгорѣло только 132 дома, или четыре квартала; между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Тацита, изъ 14 частей города только 4 остались цѣлы.

[5]) Catal. g.

[6]) Schmidt. Handbuch der Kirchengesch. 1 Theil. pag. 423, 1801.

вмѣстѣ съ Петромъ наименованіе *первоверховнаго;* но по трудамъ апостольскимъ всегда признавала его первымъ изъ апостоловъ. Святой Златоустъ, кажется, никогда такъ не былъ краснорѣчивъ, какъ когда разсуждалъ о Павлѣ. Онъ написалъ ему нѣсколько похвальныхъ словъ, съ особеннымъ тщаніемъ изъяснялъ его посланія, называлъ его своимъ учителемъ, посвятилъ ему (если вѣрить темному преданію) свои «Толкованія» на Священное Писаніе, весьма часто и въ бесѣдахъ и въ другихъ сочиненіяхъ обращался къ дѣяніямъ Павловымъ, подражалъ ему въ образѣ мыслей и въ самыхъ выраженіяхъ. Вотъ слова, коими онъ заключаетъ свое толкованіе на посланіе къ Римлянамъ и коими столь же прилично заключить жизнеописаніе Павлово:

«Кто дастъ мнѣ нынѣ, да обниму тѣло Павлово, да повергнусь на гробъ его, да узрю прахъ того тѣла, въ коемъ восполнялось лишеніе скорбей Христовыхъ, которое носило на себѣ язвы Господа своего;—да узрю прахъ тѣхъ устъ, кои изрекли блаженныя оныя слова: «я желалъ бы самъ быть отлученъ отъ Христа за братьевъ моихъ» (Римл. 9, 3),—кои вѣщали предъ царями и не стыдились...,—чрезъ коихъ Христосъ провѣщалъ величайшія тайны, бо́льшія, нежели чрезъ Себя Самого... Чего не совершали сіи уста? Демоновъ изгоняли, грѣхи разрѣшали, тирановъ приводили къ молчанію, связывали языки философовъ, вселенную обратили къ Богу, варварамъ внушили любомудріе, все, что̀ на землѣ, привели въ порядокъ, располагали по волѣ всѣмъ, что̀ на небѣ, связывали, разрѣшали, по данной имъ власти. Желалъ бы видѣть прахъ и онаго сердца, которое всякій можетъ смѣло назвать сердцемъ вселенныя... Такъ пространно было сіе сердце, что могло вмѣщать цѣлые города, области, народы. Ибо онъ говоритъ: *сердце наше расширено.* Сердце, которое жило новою жизнію, не сею нашею: *уже не я живу,* говоритъ, *а живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Итакъ сердце Павла было сердцемъ *Христовымъ,* скрижалями Духа Святаго, книгою благодати... Желалъ бы видѣть и прахъ рукъ, узами связанныхъ, возложеніемъ преподававшихъ Духа Святаго, написавшихъ сіи строки: *смотрите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою* (Гал. 6, 11), оныхъ, говорю, рукъ, кои увидѣвъ ехидна упала въ огонь. Желалъ бы видѣть прахъ очей, претерпѣвшихъ счастливую слѣпоту и снова прозрѣвшихъ для блага

всего міра, удостоившихся видѣть тѣлесно Іисуса Христа, очей, кои, земное видя, не видѣли, а созерцали невидимое, кои сна не знали, въ полунощи были бодры, въ коихъ не было никакой зависти. Желалъ бы видѣть и прахъ ногъ, кои, не утруждаясь, проходили вселенную, которыя были забиты въ колоду, но освобождены землетрясеніемъ.

«Но для чего исчислять все въ подробности? Желалъ бы видѣть гробъ, гдѣ лежитъ оружіе правды, оружіе свѣта, члены теперь живые, но когда онъ (Павелъ) жилъ, мертвые, въ коихъ всѣхъ жилъ Христосъ, кои распяты были міру, члены Христовы, во Христа облеченные, храмъ Духа, жилище святыни...

«Все сіе представляя, будемъ стоять мужественно; ибо и Павелъ былъ человѣкъ одной съ нами природы, имѣя все то, что̀ есть и у насъ. Но поелику онъ показалъ величайшую любовь къ Іисусу Христу, то прошелъ небеса и находится теперь между Ангелами. Итакъ, если и мы рѣшимся возстать отъ духовной недѣятельности и оживить въ сердцѣ нашемъ оный огонь (любви), то въ состояніи будемъ подражать сему праведнику. Если бы это было для насъ невозможно, то онъ не воскликнулъ бы, говоря: «подражайте мнѣ, какъ я Христу!» (1 Кор. 4, 16). Итакъ намъ должно не удивляться только Павлу, но и подражать ему, дабы, прешедъ изъ сей жизни, мы удостоились насладиться его лицезрѣніемъ и раздѣлить съ нимъ неизреченную славу, которая да будетъ удѣломъ всѣхъ насъ, по благодати и милости Іисуса Христа, Коему со Отцомъ и Святымъ Духомъ слава, честь, держава нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь».

ЖИЗНЬ

СВЯТОГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРІАНА,

ЕПИСКОПА КАРѲАГЕНСКАГО.

Жизнь святого священномученика Кипріана [1]).

Ѳасцій Цецилій Кипріанъ (полное наименованіе святителя) родился въ Карѳагенѣ, знаменитомъ городѣ Африки, около 201 года. Неизвѣстно, кто именно были его родители, ибо ни онъ самъ, ни его дѣписатели не упоминаютъ о нихъ. Извѣстно только, что онъ произошелъ отъ знаменитой Карѳагенской фамиліи [2]), и что родители его, обладая великими богатствами, не имѣли единаго истиннаго сокровища—вѣры во Христа.

Воспитаніе, полученное Кипріаномъ, соотвѣтствовало знатности происхожденія и отличнымъ его дарованіямъ. Онъ былъ обученъ всѣмъ наукамъ, которыя входили въ составъ тогдашняго языческаго образованія, особенно же изящнымъ [3]). Въ послѣднихъ оказалъ онъ столько успѣха, что изъ слушателя краснорѣчія непосредственно сдѣлался наставникомъ онаго въ Карѳагенскомъ училищѣ [4]). Изъ обыкновенія, по коему въ древности должность публичнаго учителя краснорѣчія большею частію была соединяема съ званіемъ судебнаго оратора, и изъ слога нѣкоторыхъ писемъ Кипріановыхъ [5]) заключаютъ, что онъ даръ слова своего

---

[1]) Свѣдѣнія сіи почерпнуты а) изъ собственныхъ сочиненій св. Кипріана и особенно изъ его писемъ; б) изъ жизни Кипріана, писанной Понтіемъ Діакономъ, который неотлучно находился при немъ въ послѣдніе годы его жизни; в) изъ похвальнаго слова св. Кипріану Григорія Назіанзина и бесѣды Августина о мученичествѣ св. Кипріана; г) изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ писаніяхъ Іеронима, Августина и другихъ, гдѣ они сказываютъ что-либо о св. Кипріанѣ.

[2]) Григорій Наз. въ похвальномъ словѣ св. Кипріану.

[3]) Понтій въ жизни св. Кипріана.

[4]) Іеронимъ въ каталогѣ знам. мужей.

[5]) Письмо къ Донату.

употреблялъ между прочимъ и на защищеніе невинности предъ зерцаломъ правосудія. — Съ основательнымъ знаніемъ отечественнаго (Латинскаго) языка Кипріанъ соединялъ обширныя свѣдѣнія въ Греческомъ. Посему-то, сдѣлавшись христіаниномъ, въ сочиненіяхъ своихъ онъ нигдѣ почти не держался какого-либо Латинскаго перевода Священнаго Писанія, а слѣдовалъ (особенно въ книгѣ псалмовъ) собственному разумѣнію Греческаго текста и, подобно Тертулліану, всегда приводилъ Евангелія съ Греческимъ заглавіемъ (напр. κατὰ Matthaeum и проч.).

Рожденный и воспитанный въ языческой религіи, Θасцій не былъ однако же изъ числа тѣхъ язычниковъ, которые, бывъ ослѣплены предразсудками рожденія и воспитанія, не усматривали ничего нелѣпаго въ язычествѣ. Онъ не могъ безъ негодованія присутствовать въ циркѣ, гдѣ несмысленные юноши искали безразсудной славы въ сраженіи съ звѣрями, и гдѣ безумныя матери съ торжественными кликами возбуждали къ новымъ сраженіямъ дѣтей, уже истерзанныхъ лютыми животными [1]). Безстыдныя представленія позорныхъ дѣйствій на театрѣ, сопровождаемыя всеобщимъ восторгомъ и одобреніемъ, также не нравились Θасцію и производили въ немъ одно сожалѣніе о томъ, что порокъ не только остается ненаказаннымъ, но и живетъ съ похвалою въ памяти потомства [2]). Особенно же сокрушалось сердце его при мысли о безстыдныхъ дѣяніяхъ, коими миѳологія старалась украсить исторію своихъ боговъ. Чего добраго, думалъ онъ, можно ожидать отъ тѣхъ людей, кои поклоняются столь развратнымъ богамъ [3])? Печальный опытъ еще болѣе укрѣплялъ его въ сей мысли! Развратъ царствовалъ во всѣхъ состояніяхъ: въ судилищахъ, чертогахъ царей, даже въ храмахъ совершаемы были такія преступленія, коихъ можно было ожидать только въ вертепахъ разбойниковъ; благоразумнѣйшіе люди старались быть только сокровеннѣйшими злодѣями; нравственность, изгнанная изъ сердецъ, оставалась на одномъ языкѣ и вмѣстѣ съ нимъ обращалась и превращалась по прихотямъ страстей [4]). Все

[1]) Письмо къ Донату.
[2]) Письмо къ Донату.
[3]) Письмо къ Донату.
[4]) Письмо къ Донату.

сіе, произведя въ Кипріанѣ отвращеніе отъ язычества, возбудило въ душѣ его спасительный гладъ истинной религіи.

Духъ Кипріана находился въ самомъ мучительномъ состояніи. Онъ видѣлъ ложь и суету того, что̀ другіе и онъ самъ почитали за истину; ощущалъ въ душѣ своей непреодолимую потребность истины и не находилъ никакого способа удовлетворить оной. Умъ его боролся съ тысячею сомнѣній, изъ коихъ каждое превышало его силы. Сердце его изнемогало среди множества противоположныхъ желаній, изъ коихъ одни привлекали своею чистотою, другія увлекали своею грубостію [1]). Кипріанъ, такъ сказать, висѣлъ между небомъ и землею. Но поелику онъ искренно алкалъ правды, искренно жаждалъ истины, то Промыслъ не умедлилъ ниспослать ему хлѣбъ небесный и воду жизни.

Кипріанъ находился въ дружеской связи съ однимъ христіанскимъ пресвитеромъ, по имени Цециліемъ. Сей другъ-христіанинъ не могъ безъ сердечнаго сокрушенія видѣть, какъ жалко блуждалъ Кипріанъ во тьмѣ невѣрія. Онъ обнаружилъ предъ нимъ недостатки языческой религіи, которые еще могли укрываться отъ него, какъ язычника, и изобразилъ духъ христіанства во всемъ его благотворномъ величіи. Святость жизни его ручалась за истину его словъ,—и Кипріанъ, которому надлежало только видѣть истину, дабы полюбить ее, рѣшился быть христіаниномъ. Другъ его, обрадованный своимъ успѣхомъ, принялъ на себя обязанность наставить его въ первоначальныхъ истинахъ христіанской вѣры. Изъ благодарности къ таковому попеченію о себѣ, Кипріанъ принялъ его имя [2]), не отпускалъ отъ себя до самой его кончины, любилъ и уважалъ, какъ отца, и по смерти его принялъ на себя попеченіе о его семействѣ [3]).

Благія качества сердца Кипріанова, нашедши сродную себѣ пищу въ высокой нравственности христіанской, скоро начали раскрываться во всей силѣ. Кипріанъ рѣшился быть истиннымъ христіаниномъ. Онъ совсѣмъ не думалъ искать способа, какъ согласить пышность своего прежняго состоянія съ строгостію принимаемой имъ религіи. Ему казалось, что слова Спасителя, повелѣвшаго юношѣ продать имѣніе

[1]) Письмо къ Донату.
[2]) Письмо къ Флорентину.
[3]) Понтій въ жизни Кипріана.

и раздать нищимъ, сказаны были именно ему. Посему онъ продалъ немедленно имѣніе свое, состоявшее въ домахъ, садахъ и украшеніяхъ, и полученныя за оное деньги роздалъ нищимъ—будущимъ братіямъ во Христѣ. Сей дивный опытъ любви ко Христу Кипріанъ оказалъ, не получивъ еще залога вѣры—крещенія, такъ что онъ отрекся міра и похоти его прежде дѣлами, нежели долженъ былъ отречься онаго предъ купелью крещенія словами [1]).

Вскорѣ за симъ послѣдовало крещеніе (246 г.). Къ умноженію духовной радости Кипріана, Донатъ, искренній другъ, бывшій сотоварищемъ его въ изученіи мудрости языческой, сдѣлался соучастникомъ его въ мудрости христіанской [2]). Дѣйствія Духа Божія при крещеніи и послѣ онаго такъ были ощутительны для обоихъ, что они въ письмахъ своихъ не находили словъ къ выраженію превосходства настоящаго своего состоянія предъ состояніемъ въ язычествѣ. «Когда я»,—писалъ Кипріанъ,—«былъ окруженъ тьмою язычества и въ нерѣшимости сердечной блуждалъ умомъ своимъ, не находя ни въ чемъ успокоенія:—для меня казалось совершенно невозможнымъ оставить прежнюю грѣховную жизнь и сдѣлаться истинно добродѣтельнымъ человѣкомъ. Я не могъ представить себѣ, чтобы живоносныя воды крещенія могли омывать грѣхи и возродить человѣка для новой жизни въ Богѣ. Возможно ли, размышлялъ я самъ съ собою, чтобы вдругъ искоренилось столько привычекъ, которыя перешли въ самую природу, чтобы законъ грѣха потерялъ силу надъ сердцемъ, которое питалось беззаконіемъ; чтобы изъ человѣка слабаго, преданнаго грѣху отъ юности, сдѣлался новый человѣкъ, любящій и дѣлающій одну правду; и чтобы всѣ сіи чудеса совершились въ той же бренной плоти, которая была источникомъ зла, пищею разврата, сѣдалищемъ діавола? Въ сихъ мысляхъ, я считалъ излишнимъ всякое покушеніе противъ грѣха, во мнѣ живущаго; ненавидѣлъ его и мирился съ нимъ, какъ съ непобѣдимымъ противникомъ; желалъ быть добродѣтельнымъ и полагалъ навсегда оставаться въ области грѣха... Но когда свѣтъ благодати проникъ мракъ, окружавшій мою душу, и я ощутилъ въ сердцѣ своемъ присутствіе божественной силы: всѣ сомнѣнія исчезли, благія намѣренія укрѣпились,

[1]) Понтій въ жизни св. Кипріана.
[2]) Письмо къ Донату.

святыя надежды ожили, невозможное сдѣлалось возможнымъ, и духъ мой, окрыленный вѣрою, подобно орлу воспарилъ надъ бездною собственнаго растлѣнія. Ты знаешь сіе, любезный другъ, такъ же хорошо, какъ и я, мы оба удостоены незаслуженной милости Божіей. А посему намъ должно теперь упражнять по возможности силы, сообщенныя намъ свыше, дабы благоразумнымъ и вѣрнымъ употребленіемъ ихъ содѣлаться достойными новыхъ даровъ божественныхъ: Богъ нашъ неистощимъ въ Своихъ щедротахъ» [1]).

Достойно замѣчанія, что первое по обращеніи письмо къ Донату написано самымъ красивымъ слогомъ и исполнено всею роскошью языческаго витійства [2]), между тѣмъ какъ всѣ прочія письма и сочиненія Кипріана писаны, хотя сильнымъ и трогательнымъ, но простымъ и безъискусственнымъ слогомъ. По замѣчанію Августина [3]), сіе сдѣлано было Кипріаномъ не безъ намѣренія: ему хотѣлось, чтобы послѣдующіе роды, зная, какъ писалъ Кипріанъ до христіанства и какъ писалъ, сдѣлавшись христіаниномъ, могли тѣмъ удобнѣе судить о благотворномъ дѣйствіи христіанскаго ученія, которое преобразовало на лучшее не только сердце, но и самый языкъ Кипріана.

Возбуждая друга своего къ дѣятельной жизни въ духѣ христіанства, Кипріанъ самого себя непрестанно упражнялъ въ подвигахъ добродѣтели. Не было ни одного добраго дѣла, къ совершенію котораго онъ не почиталъ себя обязаннымъ. Понимая всю высоту духовнаго совершенства, котораго Іисусъ Христосъ требуетъ отъ Своихъ послѣдователей, и зная, что высота сія не иначе можетъ быть достигнута, какъ по совершенномъ обузданіи мятежной плоти, онъ наложилъ на сего домашняго врага крѣпкія узы воздержанія и самоумерщвленія [4]). Язычникамъ, знавшимъ прежній образъ жизни Кипріана, казалось, что онъ сдѣлался безплотнымъ. Для него осталась одна роскошь — любви къ ближнимъ. Въ семъ случаѣ онъ, подобно Моисею и Павлу, не любилъ наблюдать мѣры. Вообще, поведеніе новообращеннаго Кипріана было таково, что ему могли подражать

---

[1]) Письмо къ Донату о благодати.
[2]) Руфинъ въ предувѣдом. къ бесѣд. Оригена на книгу Числъ.
[3]) Августинъ. О учен. христ. книг. 4, гл. 14.
[4]) Понтій въ жизни Кипріана.

многіе даже изъ тѣхъ, кои всю жизнь провели въ христіанствѣ [1]).

Около сего времени, по всей вѣроятности, написана Кипріаномъ книга «О суетѣ идоловъ». Сіе видно какъ изъ того, что Понтій, говоря о сочиненіяхъ Кипріана, написанныхъ имъ во время уединенія, не упоминаетъ о сей книгѣ, такъ и изъ того, что новообращеннымъ прежде всего старались внушить ничтожность идоловъ [2]), а если они были изъ числа ученыхъ, то заставляли ихъ писать о семъ предметѣ въ видѣ защищенія противъ язычниковъ. Самый составъ книги указываетъ на сіе время; въ немъ невидно ничего такого, о чемъ Кипріанъ не преминулъ бы упомянуть, если бы писалъ оную, будучи пресвитеромъ или епископомъ. Всего приличнѣе было начать Кипріану поприще христіанскаго писателя опроверженіемъ идоловъ, коихъ онъ, по свидѣтельству Іеронима [3]), защищалъ, будучи язычникомъ.

Всеобщее удивленіе, возбуждаемое добродѣтелями Кипріана, недолго оставалось безъ плода. Не смотря на то, что онъ былъ между самыми новообращенными новообращенный, его, по общему согласію, причислили къ сословію клира, а вскорѣ сдѣлали и пресвитеромъ [4]). Всѣ видѣли, пишетъ Понтій, что успѣхи Кипріана въ духовной жизни не подчинены обыкновенному порядку времени; а посему никто не почиталъ нужнымъ подчинять его принятому порядку церковныхъ степеней. Гласъ народа въ семъ случаѣ былъ только отголоскомъ гласа Божія.

Съ распространеніемъ круга обязанностей, распространялась и ревность Кипріана. Домъ его отверстъ былъ для всякаго: голодный находилъ въ немъ пищу, нагой—одежду, угнетаемый — защиту, кающійся—утѣшеніе, слабый совѣстію—здравый совѣтъ [5]). Никто не возвращался изъ него недовольнымъ, развѣ только собственнымъ недостоинствомъ.

Между тѣмъ, преимущественнымъ занятіемъ Кипріана было проповѣданіе божественнаго слова. Зная, что примѣры гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на сердце, онъ старался не столько указывать, какъ должно поступать, сколько показы-

[1]) Понтій въ жизни Кипріана.
[2]) Оригенъ, противъ Цельса.
[3]) Каталогъ знам. мужей.
[4]) Понтій, въ жизни Кипріана.
[5]) Тамъ же.

вать, какъ поступали святые Божіи человѣки. Въ изображеніи каждаго изъ нихъ онъ наблюдалъ нѣкоторое святое искусство [1]). Проходя жизнь какого-либо святого мужа, онъ останавливалъ вниманіе своихъ слушателей на тѣхъ качествахъ его сердца и на тѣхъ подвигахъ его, коими онъ заслужилъ особенное благоволеніе Божіе, дабы, возводя слушателей къ самому источнику духовнаго величія прославляемаго праведника, открыть имъ тѣмъ удобнѣйшій способъ подражать его добродѣтелямъ. Слушатели Кипріана съ радостію примѣчали во многихъ поступкахъ его близкое и вѣрное подражаніе нѣкоторымъ знаменитымъ дѣяніямъ святыхъ мужей [2]).

Вскорѣ послѣдовавшая смерть Карѳагенскаго епископа подала народу случай снова изъявить глубокое уваженіе, которое всѣ имѣли къ пастырскимъ добродѣтелямъ Кипріана. Онъ по времени принадлежалъ еще къ числу новообращенныхъ; не смотря на сіе, всѣ желали имѣть его епископомъ. Не столько бы тяжела была вѣсть о гоненіи для малодушія слабыхъ, сколько тяжело было извѣстіе о семъ для Кипріана. Никто болѣе его не сознавалъ достоинства другихъ, и никто менѣе его не чувствовалъ собственныхъ совершенствъ. Онъ рѣшительно отказался отъ епископскаго престола. Но народъ, наученный его же примѣромъ не ослабѣвать въ совершеніи похвальныхъ предпріятій, не отсталъ отъ своего намѣренія. Произошло странное зрѣлище! Одни собрались во множествѣ предъ домомъ будущаго святителя, другіе заняли всѣ входы и исходы онаго; прочіе, оставшись въ храмѣ, молились, какъ бы ожидая отъ него приговора надъ собою [3]). Кипріанъ, такъ сказать, осажденный усердіемъ будущей паствы, внялъ въ ея гласѣ гласу Божію, и мѣсто унынія заступили всеобщая радость и торжество.

Побѣжденный любовію своей паствы, святой Кипріанъ нашелъ способъ сдѣлаться въ свою чреду побѣдителемъ. Нѣкоторымъ не нравилось видѣть епископа изъ новообращенныхъ. Кипріанъ не только не показывалъ имъ никакого нерасположенія, но и удостоилъ ихъ особенной близости къ себѣ, довѣрія и дружества, какъ-бы они были первѣйшими

[1]) Понтій въ жизни Кипріана.
[2]) Тамъ же.
[3]) Понтій въ жизни Кипріана.

изъ его доброжелателей. Зависть сихъ людей, противостоя всѣмъ прочимъ добродѣтелямъ Кипріана, не могла устоять противъ любви ко врагамъ, въ такомъ избыткѣ украшавшей сего святителя: они смирились и сдѣлались искренними почитателями его добродѣтелей [1]).

Когда Кипріанъ принялъ жезлъ пастырскій, Церковь наслаждалась миромъ. Миръ сей сдѣлался вреднымъ для нея по слабости ея членовъ. Благочиніе начало ослабѣвать во многихъ: святые обѣты исполняемы были только по наружности [2]). Особенно замѣтно было сіе въ дѣвахъ, посвятившихъ себя безбрачному состоянію. Сей, по выраженію Кипріана, цвѣтъ Церкви, вмѣсто благоуханія Христова, издавалъ воню мірскихъ ароматовъ. Кипріанъ мужественно ополчился противъ сего злоупотребленія и написалъ книгу «О благочиніи и объ одеждѣ дѣвственницъ». Восхваливши въ началѣ ея добродѣтель дѣвства и доказавъ превосходство его предъ супружествомъ изъ многихъ мѣстъ Священнаго Писанія, онъ со всею основательностію опытнаго наставника изъяснялъ, что добродѣтель сія не состоитъ въ одномъ сохраненіи чистоты тѣлесной, но въ цѣломудріи души, непричастной плотскимъ помысламъ. Отсюда заключалъ, что дѣвамъ, посвятившимъ себя Христу, не только неприлично искать соблазнительныхъ связей, но и присутствовать въ тѣхъ мѣстахъ и между тѣми лицами, которыя могутъ быть опасны для невинности. Отрекшись міра, онѣ не должны привлекать на себя взоры міролюбцевъ пышными украшеніями, но, уготовляя себя въ невѣсты Христу, должны заботиться объ одномъ украшеніи души благими дѣлами. Богатство не даетъ имъ никакого права на роскошь, ибо всегда и вездѣ есть много бѣдныхъ людей, которые имѣютъ полное право на ихъ вспоможеніе. Мнимое внутреннее безстрастіе не оправдываетъ ихъ внѣшняго великолѣпія: ибо трудно повѣрить, чтобы тотъ сохранить могъ цѣлымъ сердце, кто не имѣетъ столько твердости, чтобы отказаться отъ красоты тѣлесной. Въ заключеніи святой Кипріанъ умолялъ дѣвственницъ памятовать о важности своего обѣта и не забывать о немъ въ молитвахъ, если какая-либо изъ нихъ,

---

[1]) Понтій въ жизни Кипріана.
[2]) Письмо 55 и книга «О благочиніи».

разрѣшившись отъ узъ тѣла, предстанетъ небесному Жениху [1]).

Сему же времени (250 г.) и сему же попеченію о благочиніи обязано появленіемъ своимъ посланіе Кипріана къ Евстратію о нѣкоторомъ актерѣ, который, по обращеніи въ христіанство, хотя оставилъ театръ, но занимался въ домѣ обученіемъ актеровъ, также къ Рогаціану о безчинномъ діаконѣ, дерзнувшемъ поносить своего пресвитера, и къ Помпонію о дѣвственницахъ, позволявшихъ себѣ опасную и соблазнительную близость къ мужескому полу. Кипріанъ ни слова не говоритъ въ нихъ о гоненіяхъ; но если бы они писаны были въ послѣдующее время, то опасность со стороны гонителей послужила бы для него новымъ источникомъ убѣжденій къ нарушителямъ церковныхъ правилъ.

Среди сихъ попеченій о благоустройствѣ Церкви возгорѣлось гоненіе на христіанъ: однихъ заточали, другихъ повергали въ темницы; иныхъ подвергали осмѣянію и лишенію имущества. Кипріанъ осужденъ былъ на послѣднее [2]). Но мятежная чернь изъ ненависти къ столь знаменитому епископу непрестанно требовала его на сраженіе его со львами [3]). Кипріанъ не страшился мукъ; уже онъ оказалъ опытъ своей непоколебимости въ циркѣ [4]). Но вдругъ, подобно Апостолу, увидѣлъ, что если для него лучше разрѣшиться и быть со Христомъ, то для паствы его полезнѣе, чтобы онъ оставался въ тѣлѣ. Онъ еще могъ сомнѣваться, дѣйствительно ли откладываніе (умереть мученикомъ онъ почиталъ необходимою принадлежностію своего епископства) мученичества происходило не изъ естественнаго страха смерти, а изъ любви къ ближнимъ. Но откровеніе, повелѣвавшее ему удалиться, прекратило его благочестивую нерѣшимость [5]). Послѣ сего самый вѣнецъ мученическій былъ бы только признакомъ гордости и непослушанія, и Кипріанъ, препоручивъ управленіе Церковію четыремъ испытаннымъ въ вѣрѣ и добродѣтели мужамъ (Бридію, Нумидину и Тертилу пресвитерамъ, изъ коихъ послѣдній послѣ былъ епи-

---

[1]) Книга объ одеждѣ дѣвственницъ.
[2]) Письмо къ Пупіану 69.
[3]) Письмо 15 къ Римскому клиру.
[4]) Письмо 55. Въ чемъ именно состоялъ сей опытъ, не извѣстно.
[5]) Письмо 10 къ Карѳагенскому клиру.

скопомъ, и Рогаціану старцу, послѣ мученику), удалился съ діакономъ Викторомъ въ нѣкоторое сокровенное мѣсто [1]).

Первыя извѣстія, полученныя Кипріаномъ въ своемъ убѣжищѣ, были весьма радостны. Нѣкоторые изъ паствы его украсились уже вѣнцомъ мученическимъ; другіе, заключенные въ темницахъ, съ радостію готовились пролить кровь свою за Христа. Отъ полноты пастырской радости, онъ писалъ къ послѣднимъ въ темницу, благодарилъ ихъ за постоянство въ вѣрѣ, изъявлялъ желаніе насладиться ихъ лицезрѣніемъ, укрѣплялъ ихъ надежду и ублажалъ ихъ участь [2]). Въ то же время писалъ къ Карѳагенскому клиру, повелѣвая ему пещись о сохраненіи въ народѣ благочинія среди смутностей гоненія, доставлять все нужное лишеннымъ за Христа имущества и заключеннымъ въ темницу, воздавать послѣдній долгъ тѣламъ мучениковъ и замѣчать день ихъ исхода для будущаго празднованія онаго, воздерживать народъ отъ многочисленныхъ собраній предъ темницами, дабы язычники, по своей злобѣ, не нашли въ нихъ чего-либо опаснаго для общественнаго благоденствія [3]). Вслѣдъ за симъ, Кипріанъ снова писалъ къ своему клиру, препоручая его попеченію всѣхъ страдавшихъ отъ гоненія [4]). Поелику общественное имущество, находившееся въ распоряженіи клира, могло быть недостаточнымъ для удовлетворенія нуждамъ великаго числа бѣдныхъ, то онъ повелѣвалъ присоединить къ оному остатки собственнаго своего имѣнія.

Но вскорѣ радость Кипріана возмущена была печалью. Многіе, устрашась мукъ, отвергались Христа и приносили жертвы идоламъ; другіе, не отваживаясь на сію крайность, покупали у корыстолюбивыхъ градоправителей рукописанія свободы [5]). Зло сіе, само по себѣ немаловажное, было предвѣстіемъ еще бо́льшихъ бѣдствій. Когда, съ удаленіемъ изъ Карѳагена проконсула, гоненіе ослабѣло, то многіе изъ тѣхъ, кои изгнаны были за Христа изъ отечества, пользуясь симъ случаемъ, самовольно возвращались въ свои домы, подвергая симъ и себя и всѣхъ христіанъ нареканію въ неповиновеніи императорскимъ законамъ. Кипріанъ немедленно обличилъ винов-

[1]) Письмо 6 къ Карѳагенскому клиру.
[2]) Письмо къ Карѳагенскимъ исповѣдникамъ.
[3]) Письма 5 и 12 къ Карѳагенскому клиру.
[4]) Письмо 7 къ нему же.
[5]) Письмо 15 къ Римскому клиру.

ныхъ строгимъ посланіемъ [1]). Къ большему огорченію его, нѣкоторые исповѣдники, освободившись изъ темницъ, поступали недостойно имени Христа, ими исповѣданнаго. Кипріанъ писалъ и къ нимъ, напоминалъ, откуда они низпали, изображалъ опасное состояніе тѣхъ, кои, подобно имъ, отвергаются познанной уже истины, представлялъ пагубныя слѣдствія ихъ пороковъ для Церкви, которая взираетъ на нихъ, какъ на примѣръ, и въ заключеніе собственными ранами ихъ, претерпѣнными за Христа, умолялъ ходить достойно высокаго своего званія [2]).

Къ довершенію сихъ непріятностей открылся новый источникъ огорченій, который, при всемъ терпѣніи и дѣятельности Кипріана. не могъ быть исчерпанъ имъ до самаго конца его жизни. Это—споры о падшихъ, возмутившіе впослѣдствіи всѣ Церкви христіанскія. Виною оныхъ были частію сами падшіе, частію нѣкоторые исповѣдники. Первые, желая примириться съ Церковію, не хотѣли подвергать себя строгости покаянія, предписываемаго древними церковными правилами, и надѣясь замѣнить недостатокъ онаго ходатайствомъ исповѣдниковъ, употребляли всѣ способы для испрошенія у нихъ разрѣшительныхъ граматъ. Послѣдніе, частію отъ излишняго снисхожденія къ слабости своихъ братій, частію не предвидя пагубныхъ слѣдствій своей неосмотрительности, давали разрѣшенія безъ должнаго вниманія къ свойству и преступленіямъ разрѣшаемыхъ. Разрѣшенные съ наглостію требовали мира отъ пресвитеровъ; сіи вмѣсто того, чтобы единодушно защищать строгость древнихъ постановленій о падшихъ, сами раздѣлялись во мнѣніяхъ. Дѣла Церкви приведены были симъ въ великое замѣшательство. Ненаказанность преступленія явно клонилась къ ослабленію правилъ Церкви и самой вѣры. Съ другой стороны, часть исповѣдниковъ требовала, чтобы данныя ими свидѣтельства имѣли какую-либо силу [3]). Надлежало дѣйствовать со всѣмъ христіанскимъ благоразуміемъ, дабы, врачуя сіе зло, не причинить большаго бѣдствія Церкви.

Кипріанъ такъ и дѣйствовалъ. Обличивъ исповѣдниковъ за неосмотрительность въ такомъ дѣлѣ, гдѣ разрѣшаемое

[1]) Письмо 15 къ Римскому клиру.
[2]) Письмо 13 къ Рогац. и исповѣд.
[3]) Письмо 15 къ исповѣд.

на земли разрѣшается на небесахъ [1]), а пресвитеровъ за отступленіе отъ древнихъ постановленій Церкви, онъ сначала предписалъ было, не смотря на разрѣшительныя граматы исповѣдниковъ, отлучить всѣхъ падшихъ отъ сообщенія съ вѣрными, до будущаго мира Церкви. во время коего намѣревался соборомъ разсмотрѣть ихъ дѣло [2]). Но послѣ, услышавъ, что Римская Церковь смягчила судъ свой касательно падшихъ христіанъ, и разсуждая о злокачественности наступающей поры года (лѣта) [3]), въ продолженіе которой многіе изъ падшихъ могли умереть, не примирившись съ Церковію, смягчилъ и самъ свое опредѣленіе. Въ новомъ посланіи къ своему клиру [4]) онъ позволилъ, изъ уваженія къ ходатайству исповѣдниковъ, принимать въ сообщеніе съ Церковію тѣхъ изъ падшихъ, кои подвергаются какой-либо опасности жизни. Прочихъ же, не допуская до сообщенія, препоручалъ попечительности и совѣтамъ клира. Простирая свое попеченіе и на оглашенныхъ, обѣщалъ и имъ милосердіе Божіе, хотя бы они, по какому-либо случаю, отошли изъ сей жизни до крещенія.

Между тѣмъ до Кипріана достигла вѣсть, что удаленіе его отъ паствы соблазняетъ многихъ. Соблазнъ сей, повергши нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ Церкви Карѳагенской, особенно подѣйствовалъ на Церкви Итальянскія. Римскій клиръ отправилъ по сему случаю два посланія—одно къ Карѳагенскому клиру увѣщательное, другое къ самому Кипріану очистительное [5]).

Кипріанъ, для котораго всегдашнимъ закономъ было не только соблюдать совѣсть свою чистою предъ Богомъ, но и, подобно Апостолу, представлять себя совѣсти всякаго человѣка (2 Кор. 4. 2), не могъ оставаться въ молчаніи, и хотя для него весьма тяжело было говорить о своихъ трудахъ и благихъ намѣреніяхъ, рѣшился сіе сдѣлать для уврачеванія зла, коего онъ безъ вины содѣлался виною. «Поелику, любезные братія», писалъ онъ по сему случаю къ Римскимъ пресвитерамъ, «поступокъ мой преданъ вамъ со-

---

[1]) Письмо 20 къ Римскому клиру.
[2]) Письмо 17 къ клиру.
[3]) Въ сіе время года въ Карѳагенѣ обыкновенно свирѣпствовали мѣстныя болѣзни.
[4]) Письмо къ клиру.
[5]) Письмо Римскаго клира къ Карѳагенскому клиру.

всѣмъ въ превратномъ видѣ, то я почелъ нужнымъ дать вамъ письменный отчетъ въ моемъ поведеніи. Когда мятежная чернь непрестанно требовала меня на сраженіе со львами, я, помня слова Спасителя [1]), удалился, имѣя въ виду не собственную безопасность, а благоденствіе моей паствы, дабы неблаговременнымъ присутствіемъ своимъ не ожесточить враговъ, и безъ того весьма жестокихъ. Но, отсутствуя тѣломъ, я не отсутствовалъ духомъ, совѣтами, попеченіемъ... не былъ оставляемъ мною ни клиръ безъ совѣта, ни исповѣдники безъ увѣщанія, ни нарушители церковныхъ правилъ безъ обличенія, ни народъ безъ побужденія къ тишинѣ и молитвамъ». Вмѣстѣ съ симъ посланіемъ Кипріанъ отправилъ къ Римскому клиру тринадцать посланій, писанныхъ имъ изъ своего уединенія, частію ко всей Церкви, частію къ особеннымъ лицамъ, для того, какъ писалъ онъ, дабы Римская Церковь могла видѣть изъ нихъ, что онъ въ уединеніи не преставалъ, по долгу епископа, пещись о своей Церкви. Подобнымъ образомъ писалъ онъ и къ Церкви Карѳагенской, хотя прямо не извинялъ предъ нею своего удаленія отъ ней: ибо въ Карѳагенѣ всѣ благомыслящіе и безъ того были увѣрены, что епископъ ихъ скрылся не изъ страха смерти, а изъ любви къ ихъ благу. Такимъ образомъ соблазнъ, произведенный удаленіемъ Кипріана отъ своей паствы, потерялъ всю свою силу для вѣрныхъ.

Напротивъ, расколъ о падшихъ непрестанно усиливался. Одинъ изъ исповѣдниковъ, по имени Луціанъ, дошелъ до такой дерзости, что именемъ прочихъ исповѣдниковъ писалъ къ Кипріану, повелѣвая ему разрѣшить всѣхъ падшихъ въ его Церкви и дать знать прочимъ епископамъ, чтобы они поступили такимъ же образомъ. Кипріанъ извѣстилъ свой клиръ о нагломъ требованіи Луціана, отправилъ къ нему письмо сего послѣдняго; впрочемъ приказалъ держаться неуклонно прежнихъ правилъ [2]). Для подкрѣпленія своей стороны, которая угрожаема была нападеніемъ множества враговъ, Кипріанъ писалъ о семъ и къ Римскому клиру, укрѣпляя между прочимъ въ вѣрѣ исповѣдниковъ его, которые лишены были пастырскаго наставленія, ибо въ Римѣ не

[1]) Безъ сомнѣнія слѣдующія. «когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой». Матѳ. 10, 23.

[2]) Письмо 27 къ Карѳагенскому клиру.

было тогда епископа [1]). Къ удивленію Кипріана, Римскій клиръ весьма долго медлилъ отвѣтомъ, но причиною сей медленности было не сомнѣніе въ истинѣ ученія Кипріанова о падшихъ, а желаніе придать сему ученію болѣе силы. Въ продолженіе почти цѣлаго года при всѣхъ опасностяхъ со стороны гонителей, дѣлаемы были по сему предмету совѣщанія между всѣми западными епископами, и когда общимъ мнѣніемъ положено утвердить постановленіе Кипріана о падшихъ, отправлено къ нему извѣстительное и вмѣстѣ благодарственное письмо [2]). Кипріанъ препроводилъ оное къ своей Церкви, дабы вѣрующіе утѣшились имъ, какъ знакомъ единодушія съ ними всего Запада. Немного спустя, онъ посѣщенъ былъ въ уединеніи Целериномъ, знаменитымъ исповѣдникомъ Римскимъ.

Предъ праздникомъ Рождества Христова (250 г.) гоненіе на христіанъ Карѳагенскихъ прекратилось. Окрестные епископы, обрадованные миромъ, дарованнымъ Карѳагенской Церкви (въ Римской гоненіе еще свирѣпствовало), собрались къ Кипріану. Время было самое удобное къ посвященію священнослужителей, и Кипріанъ не замедлилъ воспользоваться присутствіемъ епископовъ для сего святого дѣла. Въ сіе время посвящены имъ были въ чтецовъ между прочими два знаменитые исповѣдника, Аврелій и Целеринъ [3]). Послѣдній дотолѣ не соглашался на принятіе посвященія, доколѣ не получилъ во снѣ повелѣнія повиноваться волѣ епископа. Въ то же время Кипріанъ по откровенію причислилъ къ сословію Карѳагенскихъ пресвитеровъ нѣкоего пресвитера Нумидина, который въ предшествующее гоненіе отличился возбужденіемъ въ мученикахъ святого мужества за вѣру. О всѣхъ сихъ новопосвященныхъ Кипріанъ писалъ къ своему клиру, одобряя предъ нимъ ихъ похвальныя качества, особенно же хвалилъ послѣдняго и выставлялъ его, какъ человѣка, достойнаго высшихъ степеней церковныхъ [4]).

Когда Кипріанъ подвизался такимъ образомъ для созиданія Церкви, враги его не переставали трудиться для ея разоренія. Новатъ, Карѳагенскій пресвитеръ, который за раз-

[1]) Письмо 28 къ Римскому клиру.
[2]) Письмо 30 къ Римскому клиру.
[3]) Письмо 30 къ Римскому клиру.
[4]) Письмо 40 къ Карѳагенскому клиру.

личныя безчинства подвергался изверженію изъ сего сана, но удержалъ оный за смутностію времени, безъ воли святого Кипріана сдѣлалъ своимъ діакономъ Фелициссима [1]). Очевидно было, къ чему клонился сей поступокъ, ибо Фелициссимъ былъ одинъ изъ непримиримыхъ враговъ Кипріана. Сдѣлавшись діакономъ Новата, онъ тотчасъ обнаружилъ всю злобу своего сердца, отторгнулъ отъ святого Кипріана значительную часть народа, отдѣлился отъ Церкви и избралъ съ своими сообщниками для молитвенныхъ собраній нѣкоторую гору. Поелику онъ принималъ всѣхъ, то падшіе стекались къ нему со всѣхъ сторонъ толпами.

Напрасно Калдоній и Геркуланъ епископы и Нумидинъ пресвитеръ, коимъ Кипріанъ препоручилъ вмѣсто себя управленіе Карѳагенскою Церковію, старались обратить Фелициссима на путь истины. Онъ со всѣми сообщниками своими торжественно объявилъ, что нагорные христіане (такъ назывались его послѣдователи) не хотятъ имѣть никакого сношенія съ тѣми, кои повинуются Кипріану. Намѣстники Кипріановы немедленно извѣстили о семъ Кипріана, жаловались на возмутителей между прочимъ за то, что они препятствуютъ имъ вникать въ поведеніе братій (что повелѣно было имъ сдѣлать для того, дабы представить Кипріану списокъ людей, достойныхъ возведенія на праздныя степени въ Церкви) и просили рѣшительнаго суда на Фелициссима [2]). Кипріанъ повелѣлъ отсѣчь сей гнилой членъ отъ Церкви, и то же совѣтовалъ сдѣлать съ Авгендомъ діакономъ, который, подражая Фелициссиму, замышлялъ возмущеніе [3]). Повелѣніе сіе немедленно было исполнено [4]).

Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы святому Кипріану возвратиться на свой престолъ. Онъ самъ нетерпѣливо желалъ сего. Но вдругъ пришло къ нему извѣстіе, что пять Карѳагенскихъ пресвитеровъ, давнихъ недоброжелателей его, перешли на сторону Фелициссима. Сіи безпокойные люди, несоглашавшіеся на избраніе Кипріана въ епископа, постоянно питали тайную ненависть къ нему; они-то

[1]) Письмо 15 къ Корнел. Изъ сего нѣкоторые заключали, что Новатъ былъ епископъ; но св. Кипріанъ въ послании своемъ не говоритъ, чтобы онъ посвятилъ Фелициссима, онъ только, по обыкновенію тогдашнихъ пресвитеровъ имѣть при себѣ многихъ діаконовъ, причислилъ его къ своему клиру.

[2]) Письмо 41 къ своимъ намѣстникамъ.

[3]) Тамъ же.

[4]) Письмо 42.

возбуждали исповѣдниковъ давать всѣмъ падшимъ разрѣшительныя граматы, вопреки желанію епископа, а разрѣшаемыхъ, противъ его же опредѣленій, требовать мира. Въ возмущеніи Фелициссима, ихъ приснаго сообщника въ ненависти къ Кипріану, они нашли благопріятный случай объявить себя противъ него. Примѣру ихъ послѣдовали многіе изъ клира и народа.

Сіе новое гоненіе (такъ называлъ его Кипріанъ) удержало его въ уединеніи еще на нѣсколько мѣсяцевъ, не смотря на то, что онъ обѣщалъ своей паствѣ возвратиться къ ней съ наступающимъ праздникомъ Пасхи [1]). Онъ ожидалъ прибытія въ Карѳагенъ окружныхъ епископовъ, которые ежегодно имѣли обыкновеніе собираться у главнаго епископа послѣ сего праздника [2]). Когда сіе ожиданіе исполнилось, то Кипріанъ прибылъ въ Карѳагенъ, пробывъ въ уединеніи около двухъ лѣтъ. Изъ собравшихся епископовъ немедленно составленъ соборъ (251 г.). Главнымъ предметомъ совѣщанія былъ вопросъ о падшихъ. Еще не успѣли сдѣлать никакого рѣшительнаго опредѣленія, какъ получено изъ Рима извѣстіе о распрѣ, происшедшей по случаю избранія епископа.

Положеніе дѣлъ въ Римѣ было таково. Большая часть Римскаго клира и народа избрали епископомъ пресвитера Корнелія, мужа извѣстнаго всѣмъ своими добродѣтелями и твердостію въ вѣрѣ во время гоненій. Но коварный Новатъ, который, не надѣясь большихъ успѣховъ отъ возмущенія противъ Кипріана, удалился изъ Карѳагена въ Римъ; предвидя въ Корнеліи будущаго сообщника Кипріанова, рѣшился воспротивиться его избранію. Соединившись съ Новаціаномъ, Римскимъ пресвитеромъ (который обратился къ христіанству изъ стоиковъ и питалъ въ себѣ многія заблужденія), онъ суровою наружностію своею и мнимою святостію жизни привлекъ на свою сторону часть клира и даже исповѣдниковъ, и при ихъ содѣйствіи поставилъ Новаціана Римскимъ епископомъ. Кромѣ несогласія въ избраніи епископа, скопище Новата отличалось еще тѣмъ, что, вопреки опредѣленіямъ Карѳагенской и Римской Церкви, падшихъ христіанъ почитало совершенно потерянными для Церкви и отнимало у нихъ всю надежду на примиреніе съ Богомъ. Расколъ сей, обни-

[1]) Письмо 43 къ народу.
[2]) Письмо 56 къ Фортунату и другимъ епископамъ.

мая собою всѣ Церкви Африканскія и Европейскія, угрожалъ величайшими бѣдствіями для всего христіанства, еще неуспокоеннаго отъ гоненія.

Тогда-то, какъ замѣчаетъ Понтій [1]), явно открылась высокая цѣль, для которой святой Кипріанъ сохраненъ рукою Провидѣнія отъ прошедшаго гоненія. Никто не былъ способнѣе его къ примиренію враждующихъ между собою сторонъ. Кромѣ того, что отличительною чертою характера его была умѣренность и способность дѣйствовать приспособительно къ обстоятельствамъ Церкви,—два качества, особенно важныя въ предстоятелѣ тогдашняго христіанства,—онъ обладалъ въ избыткѣ рѣдкою способностію щадить и любить преступниковъ тогда, когда со всею строгостію поражаются преступленія, ими сдѣланныя. Притомъ его мудрость и добродѣтели столько уважаемы были, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Европѣ, что всѣ любители истины и порядка признавали въ немъ достойнаго примирителя первопрестольныхъ Церквей.—Новатъ, предвидя, что соборъ Карѳагенскій будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла Римской Церкви, поспѣшно отправилъ на него своихъ посланниковъ съ извѣщеніемъ объ избраніи Новаціана въ Римскаго епископа и съ цѣлымъ свиткомъ клеветъ на Корнелія, якобы незаконно избраннаго. Корнелій также писалъ къ собору, извѣщая о своемъ избраніи и о расколѣ Новаціана. Кипріанъ, зная изъ многихъ опытовъ нечистоту души Новата и сообщника его Новаціана, запретилъ посланникамъ ихъ обнародовать, по ихъ требованію, клеветы на Корнелія. Впрочемъ, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о законности избранія Корнелія, положилъ не признавать его за епископа дотолѣ, доколѣ не возвратятся посланные въ Римъ по сему случаю пресвитеры. Когда по возвращеніи ихъ узнано было, что Корнелій законно возведенъ на епископскій престолъ, Кипріанъ, подтвердивъ соборнымъ опредѣленіемъ его избраніе, извѣстилъ о семъ окружнымъ письмомъ всѣхъ Африканскихъ епископовъ. Послѣ сего писалъ и къ Корнелію, поздравляя его со вступленіемъ на епископскій престолъ, извиняясь предъ нимъ въ своей медленности въ признаніи его епископомъ, и извѣщая его о положеніи дѣла касательно падшихъ и о будущихъ своихъ намѣреніяхъ

[1]) Въ жизни св. Кипріана.

по сему предмету [1]). Посламъ Новата, которые снова домогались быть выслушанными всенародно, отказано еще рѣшительнѣе прежняго, такъ что они весь успѣхъ своего посольства принуждены были ограничить соблазномъ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ въ Карѳагенѣ [2]).

Успокоившись нѣсколько въ разсужденіи бѣдствія, постигшаго Римскую Церковь, Кипріанъ съ соборомъ паки обратился къ своему предмету. Послѣ многихъ совѣщаній, разсужденій и углубленія во многія мѣста Св. Писанія, положено единодушно, чтобы падшіе не были лишаемы совершенно надежды на примиреніе съ Церковію, какъ того требовалъ Новатъ, впрочемъ и не были допускаемы къ сообщенію съ вѣрными, безъ строгаго предварительнаго покаянія, на что настаивалъ Фелициссимъ. Послѣдній съ пятью пресвитерами, его сообщниками, отлученъ отъ Церкви [3]). Списокъ съ соборнаго опредѣленія немедленно отправленъ былъ къ Корнелію, который, подтвердивъ соборомъ мнѣніе Карѳагенской Церкви, соборомъ же отлучилъ отъ своей Церкви Новаціана съ его сообщниками, о чемъ вскорѣ извѣстилъ и Кипріана [4]).

Кипріанъ, обрадованный умиреніемъ столь знаменитой Церкви, какова Римская, не могъ равнодушно перенести, чтобы жертвою прошедшаго раздора остались лучшіе изъ ея членовъ—исповѣдники, соблазненные Новатомъ. Онъ написалъ къ нимъ увѣщательное посланіе. Чтеніе сего посланія и книги о единствѣ Церкви, написанной имъ по случаю сего же раскола, столь сильно подѣйствовало на нихъ, что они, отложивъ всякое предубѣжденіе къ себѣ, явились предъ собравшимися въ Римъ епископами со всѣмъ смиреніемъ кающихся, признали свое заблужденіе, просили разрѣшенія и забвенія ихъ проступковъ [5]). Получивъ отъ Корнелія извѣстіе о таковомъ обращеніи исповѣдниковъ, Кипріанъ написалъ къ нимъ благодарственное письмо [6]).

Новатъ, пристыженный неудачею своего возмущенія въ Римѣ, какъ прежде въ Карѳагенѣ, подобно разрушительной

---

[1]) Письмо 44 къ Корнелію.
[2]) Тамъ же.
[3]) Письмо къ Антонину.
[4]) Тамъ же.
[5]) Письмо 49 Корнелія къ Кипріану.
[6]) Письмо 59 къ Римскимъ исповѣдникамъ.

бурѣ, снова перенесся съ сообщниками своими въ Африку. Корнелій, зная по опыту всю опасность со стороны его беззаконнаго скопища, предварительно извѣстилъ о семъ Африканскую Церковь, описывая подробно развратныя качества будущихъ ея гостей [1]). Но Церковь сія, опираясь на своего епископа, какъ на неподвижную скалу, не имѣла почти нужды въ такомъ предостереженіи. Еще менѣе нуждался въ немъ Кипріанъ, который болѣе всѣхъ Римскихъ христіанъ зналъ силу яда, сокрывавшагося въ сердцѣ Новата. Предшествующими соборами, посланіями, а болѣе всего святостію своей жизни и молитвами, онъ такъ оградилъ всѣхъ вѣрующихъ, что всѣ стрѣлы сего отступника и его сообщниковъ падали на землю, или обращались на нихъ самихъ. Только личные враги Кипріановы боготворили сего ересеначальника: всѣ прочіе бѣжали отъ него, какъ отъ язвы.

Впрочемъ ядъ Новата оказалъ-было нѣкоторое дѣйствіе, и притомъ надъ такимъ членомъ, который былъ ближе прочихъ къ самой главѣ Африканской Церкви. Антонинъ, епископъ Нумидійскій, за святость жизни уважаемый всѣми, а еще болѣе Кипріаномъ, столько смущенъ былъ худыми слухами о Церкви, которые распространялись отъ сообщниковъ Новата, а особенно клеветническимъ письмомъ Новаціана о непозволительномъ сообщеніи Корнелія съ еретиками, что въ письмѣ къ Кипріану ясно обнаружилъ сомнѣнія свои, касательно законности Корнеліева епископства и вообще касательно хода церковныхъ дѣлъ со времени перваго Карѳагенскаго собора [2]). Кипріанъ поспѣшилъ на помощь къ падающему брату со всѣмъ оружіемъ духовнаго воина. Посланіе, написанное имъ по сему случаю къ Антонину, навсегда останется прекраснымъ образцемъ пастырскихъ совѣщательныхъ посланій. Въ немъ онъ разсуждаетъ о состояніи падшихъ христіанъ, объясняетъ духъ соборныхъ опредѣленій касательно ихъ, показываетъ невинность Корнелія, обличаетъ клеветы Новаціана, обнажаетъ его распутства и открываетъ свои благотворные виды, кои имѣлъ онъ, подписывая приговоры на падшихъ [3]). Свѣтъ истины, исполнявшій душу Кипріана, окружилъ и Антонина, и тьма сомнѣнія исчезла.

[1]) Письмо Корнелія къ Карѳагенскому клиру.
[2]) Письмо Антонина 55
[3]) Письмо къ Антонину.

Для совершеннаго успокоенія умовъ и для приведенія въ большую извѣстность основаній, на коихъ утверждались соборныя опредѣленія о падшихъ, св. Кипріанъ написалъ въ сіе время (252 г.) книгу о падшихъ [1]). Онъ самъ въ письмѣ къ Римскимъ исповѣдникамъ изобразилъ духъ ея, сказавъ, что «въ ней есть столько же наказанія для тѣхъ, кои допустили себя ранить, сколько врачевства для ихъ ранъ». Сообразно смыслу соборныхъ опредѣленій, она вся направлена къ тому, чтобы, вселяя страхъ къ преступленію, спасти самихъ преступниковъ. Книга сія вмѣстѣ съ книгою о единствѣ Церкви разослана была по всѣмъ Африканскимъ и Европейскимъ Церквамъ.

Когда епископы послѣ праздника Пасхи по своему обыкновенію собрались въ Карѳагенъ, Кипріанъ составилъ (252 г.) изъ нихъ соборъ, зная изъ многихъ частныхъ откровеній о гоненіи, угрожающемъ Церкви, и предвидя опасность, если мечъ гонителей застанетъ христіанъ раздѣленными, онъ предложилъ на немъ, всѣхъ кающихся допустить до сообщенія съ вѣрными, дабы Церковь, какъ говорилъ онъ, съ дѣвственною чистотою могла явиться подъ вѣнецъ мученическій. Предложеніе сіе было принято единодушно, и кающіеся, утѣшенные таковымъ снисхожденіемъ, пламенѣли ревностію омыть своею кровію позоръ прежняго малодушія. Но перемѣна опредѣленія, съ такимъ постоянствомъ защищаемаго прежде самимъ Кипріаномъ, могла произвести соблазнъ, особенно чрезъ превратное истолкованіе оной со стороны еретиковъ. Для предупрежденія сего зла св. Кипріанъ въ посланіи къ Римской Церкви со всею подробностію и силою изложилъ причины, на основаніи которыхъ Карѳагенскій соборъ почелъ нужнымъ отмѣнить прежнее опредѣленіе. «Будучи извѣщаемы», писалъ онъ, «частыми откровеніями о гоненіи, угрожающемъ Церкви, мы положили дать миръ живымъ, который былъ обѣщанъ только умирающимъ; дабы кающіеся вышли на брань не безоружными, а облеченными въ заслуги Іисуса Христа. Иначе, какъ намъ побуждать къ чашѣ мученій, если они не содѣлаются способными къ сему чрезъ участіе съ нами въ чашѣ общенія? Надобно, любезные братія, надобно быть великому различію между

[1]) Книга о падшихъ.

тѣми, которые, отвергшись Христа, пристали или къ язычникамъ или къ еретикамъ, и между тѣми, кои со дня своего паденія не перестаютъ повергаться во прахъ предъ вратами Церкви. Если кающіеся мужественно сразятся со врагомъ, исшедъ противъ него во второй разъ, то намъ не для чего будетъ жалѣть о мирѣ, данномъ столь храбрымъ воинамъ. Если же (чего не дай Богъ!) найдутся между ними такіе, кои, теперь прося коварно мира, не окажутъ мужества на брани: то они обманутъ не насъ, а самихъ себя. Мы можемъ видѣть только лица кающихся; но есть Богъ, испытующій сердца. Впрочемъ, злые не могутъ повредить въ семъ случаѣ добрымъ; напротивъ, добрые будутъ полезны для худыхъ. Изъ опасенія, что нѣкоторые, можетъ быть, снова падутъ на брани, несправедливо было бы лишить мира прочихъ, кои будутъ стоять до крови. Гораздо лучше даровать миръ всѣмъ сражающимся, дабы по невѣдѣнію, кто падетъ изъ нихъ и кто устоитъ, не былъ оставленъ безъ оружія тотъ, кто имѣетъ быть увѣнчанъ. Никто не говори, что, подвергшись мученію, будетъ крещенъ кровію, что онъ, получивъ награду за сіе отъ Бога, не имѣетъ нужды въ разрѣшеніи епископа. Онъ неспособенъ къ сраженію, если не будетъ вооруженъ Церковію. Душа, неукрѣпленная святымъ причащеніемъ, слаба и беззащитна. Господь сказалъ: «когда васъ поведутъ предъ царей и владыкъ, то не заботьтесь о томъ, что̀ вамъ говорить; ибо не вы будете говорить, а Духъ Отца Моего будетъ говорить въ васъ» (Матѳ. 10, 19). Если же Духъ Отца долженъ говорить въ тѣхъ, кои находятся въ состояніи исповѣдничества: то какъ можетъ быть способенъ къ сему подвигу тотъ, кто не примирился съ Церковію? Ибо сей благій Духъ нисходитъ въ душу посредствомъ таинствъ, коихъ хранительница — Церковь... При томъ, весьма легко можетъ случиться, что многіе, за мужественное исповѣданіе имени Христова подвергшись заточенію въ непроходимыя мѣста, впадутъ въ руки разбойниковъ, или подвергнутся другой какой опасности жизни. Не намъ ли должно вмѣниться въ грѣхъ, если сіи вѣрные слуги Христовы отойдутъ изъ сей жизни безъ напутствія вѣры? Не припишется ли намъ, пастырямъ, на страшномъ судѣ Христовомъ, или крайняя небрежность, или непростительная жестокость?... По симъ-то причинамъ разсудилось намъ, не безъ внушенія

Духа Божія, собрать всѣхъ воиновъ Христовыхъ подъ одни знамена и дать каждому изъ нихъ оружіе. Кто не одобритъ нашего снисхожденія, тотъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ или въ жестокости, или въ невниманіи ко спасенію своихъ братій» [1]). При семъ посланіи отправленъ былъ къ Корнелію и списокъ епископовъ Африканскихъ, пребывшихъ вѣрными Церкви и Кипріану, дабы онъ зналъ, къ кому въ Африкѣ, не нарушая мира съ Кипріаномъ, можно ему писать и отъ кого принимать письма.

Въ сіе время появился въ Карѳагенѣ Приватъ, который былъ нѣкогда епископомъ въ Нумидіи, но за различныя преступленія лишенъ сего сана приговоромъ девяноста епископовъ, и который послѣ сего безъ успѣха домогался въ Италіи Римскаго епископства [2]). Окруженный лже-епископами и лже-пресвитерами, которые имъ безъ всякаго права возведены были на сіи степени, онъ съ наглостію требовалъ отъ Карѳагенскаго собора, чтобы дѣло его снова было разсмотрѣно. Получивъ отказъ, онъ отважился на неслыханное безстыдство: объявилъ святого Кипріана недостойнымъ епископства и посвятилъ вмѣсто него Фортуната, одного изъ еретиковъ и личныхъ враговъ святителя. Новый Африканскій лже-епископъ, не смотря на несчастную участь, постигшую въ Италіи Новаціана за подобное возмущеніе противъ законнаго епископа, отправилъ въ Римъ многочисленное посольство подъ начальствомъ Фелициссима, съ извѣстіемъ о восшествіи своемъ на епископскій престолъ.

Кипріанъ и самъ немедленно отправилъ къ Корнелію письмо съ аколуѳомъ Фелиціаномъ, извѣщая его о возмущеніи Привата. Но Фелиціанъ замедлилъ на пути. Между тѣмъ Фелициссимъ, прибывъ въ Римъ, явился съ письмами къ Корнелію. Сей, зная о содержаніи ихъ по свойству лицъ, коими они писаны, сначала отвергъ ихъ со всею важностію епископа, и написалъ о семъ къ Кипріану письмо, исполненное братской любви и уваженія. Но послѣ, когда Фелициссимъ, огорченный отказомъ, употребилъ угрозы, Корнелій началъ колебаться, тѣмъ паче, что не получалъ отъ Кипріана никакихъ извѣстій о такомъ дѣлѣ, которое касалось его и притомъ съ столь важной стороны. Написано другое

[1]) Соборное посланіе къ Римскому клиру 57.
[2]) Письмо 59 къ Корнелію.

письмо къ Кипріану, въ коемъ довольно выражалась нетвердость духа Корнеліева и его неудовольствіе на молчаніе Кипріана. Получивъ его, Кипріанъ поспѣшно отвѣчалъ. Благодаря Римскаго епископа за постоянство, оказанное имъ вначалѣ противъ Фелициссима, не одобрялъ послѣдовавшаго за симъ малодушія, изъяснялъ причину своего молчанія и описывалъ порочную жизнь Привата и его сообщниковъ [1]). Корнелій вскорѣ загладилъ свою слабость мужественнымъ защищеніемъ Кипріана противъ враговъ, а впослѣдствіи мужественною смертію за Христа въ заточеніи. А скопище Привата, не смотря на грозный видъ свой, вскорѣ ослабѣло до того, что самъ начальникъ его принужденъ былъ питаться милостынею.

Избавившись отъ внутренняго бѣдствія со стороны Привата, Церковь Карѳагенская подверглась всей тяжести внѣшнихъ золъ. Ужасная язва опустошала города и села. Чувство человѣколюбія, какъ обыкновенно бываетъ среди общественныхъ бѣдствій, притупилось: живые равнодушно взирали на умирающихъ; непогребенные трупы наполняли домы, улицы и площади; не надѣясь сохранить жизни, не думали о тѣхъ, кои сдѣлались жертвою смерти. Язычники, почитая сіе бѣдствіе наказаніемъ за презрѣніе, оказываемое христіанами богамъ, воздвигли на нихъ жестокое гоненіе. Казалось, что небо и земля устремились на разрушеніе Церкви.

Кипріанъ, подобно Ангелу-хранителю, явился среди позорища смерти. Будучи вознесенъ надъ страхомъ ея, онъ старался и въ другихъ возбуждать презрѣніе къ ней, но презрѣніе не безчувственное, а соединенное съ дѣлами любви и милосердія. Въ семъ намѣреніи онъ написалъ два трактата «О смертности» и «О милостынѣ». Смерть обнажала суету и ничтожество благъ земныхъ; Кипріанъ указывалъ въ милосердіи способъ придать имъ цѣну. «Прежде», говорилъ онъ, «одни богатые обладали возможностію оказывать благодѣянія, теперь сіе сдѣлалось равно возможнымъ и для бѣдныхъ. Требуются не деньги, а усердіе; ибо предметомъ благодѣянія сдѣлались не живые, а умирающіе, которые имѣютъ нужду только въ состраданіи и призрѣніи, или мертвые, для коихъ потребна одна могила». «Вотъ случай», вос-

[1]) Письмо 59 къ Корнелію.

клицалъ Кипріанъ, «показать христіанамъ свое истинное достоинство предъ язычниками. Прострите руку помощи къ тѣмъ, надъ коими тяготѣетъ рука смерти. Не смотрите на лица страждущихъ, они всѣ ваши братія, дѣти единаго Отца Небеснаго. Пусть язычники узнаютъ, что самая смерть не можетъ угасить въ христіанинѣ любви ко врагамъ» [1]).

Что касается до клеветы язычниковъ, якобы язва и другія бѣдствія, удручавшія Римскую имперію, были казнію за оставленіе христіанами боговъ, то св. Кипріанъ для отраженія ея написалъ цѣлую книгу. Деметріанъ, къ коему она написана, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ тогдашнимъ проконсуломъ Африки. Весьма вѣроятно. Ибо, если св. Кипріанъ рѣшился торжественно обличить заблужденія язычниковъ, касательно источника общественныхъ бѣдствій, то всего приличнѣе было обратить сіе обличеніе къ главѣ Африканскаго язычества [2]). Не смотря на сіе, карѳагенская чернь въ продолженіе гоненія, по обыкновенію своему, неоднократно требовала Кипріана на сраженіе со львами; но часъ его, назначенный Промысломъ, еще не пришелъ: онъ пережилъ и сіе гоненіе, которое вскорѣ прекратилось.

Преемникъ Корнелія въ Римскомъ епископствѣ былъ Луцій, который вскорѣ по своемъ избраніи удостоился чести исповѣдать имя Христово. Св. Кипріанъ, услышавъ о семъ, поздравилъ его посланіемъ съ сугубою честію епископа и исповѣдника [3]).

Въ началѣ слѣдующаго года (253), варвары, напавъ на Нумидійскія области, плѣнили великое число христіанъ. Кипріанъ писалъ къ Нумидійскимъ епископамъ о выкупѣ ихъ, и, когда они извинялись недостаткомъ своихъ имуществъ, открылъ для сего въ своей Церкви подписку. Народъ, побуждаемый примѣромъ епископа, далъ великія пожертвованія, которыя немедленно отправлены были въ Нумидію [4]).

Вскорѣ за симъ писалъ Кипріанъ къ Цецилію о таинствѣ Евхаристіи. Поводомъ къ сему было погрѣшительное обыкновеніе нѣкоторыхъ пресвитеровъ и даже епископовъ употреблять при священнодѣйствіи, вмѣсто вина съ водою, одну воду. Обыкновеніе сіе извиняли примѣромъ нѣкоего

[1]) Трактаты о смертности и милостыни.
[2]) Книга къ Деметріану.
[3]) Письмо къ Луцію.
[4]) Письмо къ Нумидійскимъ епископамъ

въ древности епископа и тѣсными обстоятельствами Церкви. Кипріанъ доказалъ, что примѣръ епископа, употребившаго одну воду или по незнанію, или по простотѣ, недѣйствителенъ, и что кровь и вода, истекшія изъ ребра Спасителя, во время страданій, самымъ временемъ истеченія своего показали, что гоненія не должны разлучать ихъ [1]).

Съ возвращеніемъ мира Церкви при концѣ сего года (523) въ Карѳагенѣ снова составился соборъ подъ предсѣдательствомъ Кипріана, вѣроятно, для приведенія въ порядокъ дѣлъ церковныхъ, разстроенныхъ гоненіемъ. На немъ разрѣшены были нѣкоторые вопросы касательно крещенія младенцевъ. Желаніе епископовъ и пресвитеровъ, лишенныхъ своего званія за непостоянство во время гоненія, возвратить себѣ прежнія степени, объявлено незаконнымъ [2]).

Начало слѣдующаго года (254) для Кипріана было весьма непріятно. Онъ получилъ оскорбительное письмо отъ нѣкотораго епископа Пупіана, прославившагося въ Декіево гоненіе исповѣданіемъ Христа. Въ немъ обнаруживалось, что Пупіанъ до сего времени не можетъ увѣрить себя, чтобы Кипріанъ достоинъ былъ епископства; что онъ почиталъ и почитаетъ нечистыми всѣхъ тѣхъ, кои повинуются Кипріану, и что Кипріанъ, по его мнѣнію, есть главная вина всѣхъ несогласій, раздирающихъ Церковь. Не трудно было угадать, какимъ духомъ внушены были сіи клеветы Пупіану, обольщенному сообщниками Новаціана. Кипріанъ, предвидя всю опасность для Церкви, если самые епископы будутъ столь легкомысленны и дерзки, какъ Пупіанъ, какъ бы забылъ на время свою умѣренность и возгремѣлъ противъ него со всею силою словесъ Божіихъ. Посланіе, отправленное къ нему по сему случаю, весьма примѣчательно по многимъ отношеніямъ. Вотъ оно.

«Ѳасцій Кипріанъ брату Флоренцію Пупіану здравія желаетъ.

«Я полагалъ, что ты, любезный братъ, давно перемѣнилъ мысль и раскаялся въ томъ, что внималъ тяжкимъ клеветамъ на меня. Но изъ письма твоего вижу, что ты совершенно таковъ же, какъ и былъ, вѣришь со всѣмъ легкомысліемъ тому же, чему и прежде вѣрилъ, и какъ будто опасаясь

[1]) Письмо къ Цецилію.
[2]) Дѣян. соборн. писан. св. Кипріаномъ.

затмить славу своего мученичества сообщеніемъ со мною, прилежно вникаешь въ мое поведеніе; презрѣвъ судъ Божій, желаешь поставить самого себя судіею не только надо мною (ибо что за слава быть моимъ судіею?), но и надъ Самимъ Іисусомъ Христомъ, дарующимъ Своей Церкви епископовъ и пресвитеровъ. Такъ поступать—значитъ не вѣрить Самому Богу, значитъ противиться Іисусу Христу и Его Евангелію. Онъ сказалъ: «не два ли воробья продаются за одинъ ассарій и ни одинъ изъ нихъ не упадетъ безъ воли Отца Небеснаго» (Матѳ. 10, 29). Ты, напротивъ, думаешь, что самые священники поставляются въ Церкви безъ воли Божіей. Ибо почитать недостойными и нечистыми тѣхъ, кои возводятся на сію степень, что̀ другое значитъ, какъ не вѣрить, что священники въ Церкви поставляются безъ воли Божіей?... Но ты лучше согласился слѣпо слѣдовать внушеніямъ безумныхъ враговъ Церкви, нежели вѣрить опредѣленію божественнаго Промысла и свидѣтельству моей совѣсти, какъ будто бы у враговъ Церкви, лишенныхъ Духа Божія, можно было найти что-либо, кромѣ развращенія сердца, лживаго языка, ядовитой ненависти и святотатственныхъ обмановъ!

«Пишешь, что пресвитерамъ должно быть смиренными, изъ подражанія смиренію Господа и Его Апостоловъ. Но смиреніе мое извѣстно всѣмъ, не только братіямъ, но и язычникамъ. Ты самъ уважалъ и любилъ меня за смиреніе, доколѣ не отдѣлился отъ Церкви и отъ меня. Кто изъ насъ далѣе отъ смиренія, я ли, служащій ежедневно братіямъ и съ радостію принимающій и успокаивающій всѣхъ, приходящихъ къ нашей Церкви; или ты, поставляющій себя епископомъ епископовъ и судіею судей?... Когда святому Павлу было сказано: «какъ ты злословишь первосвященника Божія», то онъ извинялся невѣдѣніемъ и не говорилъ болѣе ничего обиднаго для первосвященника, хотя имѣлъ право многое сказать противъ того, кто осудилъ на распятіе Господа славы. Онъ почиталъ въ семъ случаѣ, такъ сказать, тѣнь первосвященства. А ты поступаешь напротивъ. Если ты не вѣрилъ моему епископству до гоненія, то долженъ былъ повѣрить оному послѣ гоненія. Ибо то же самое гоненіе, которое вознесло тебя на степень мученичества, меня подвергло лишенію имущества. Всенародно было читано: «если кто имѣетъ что-либо принадлежащее Цецилію Кипріану, христіанскому

епископу» и проч., какъ будто для того, чтобы тѣ, кои не вѣрили Богу, поставившему епископа, повѣрили діаволу, изгоняющему онаго.

«Съ великою горестью и не для хвалы упоминаю о семъ, видя, что ты поставляешь себя судіею Самого Іисуса Христа, Который объ Апостолахъ и ихъ намѣстникахъ, епископахъ, сказалъ: «кто васъ слушаетъ, тотъ слушаетъ Меня, а кто отвергаетъ васъ, тотъ отвергаетъ Меня» (Лук. 10, 16). Отсюда-то произошли и происходятъ всѣ ереси и расколы, что епископъ, который одинъ долженъ распоряжаться Церковію, по причинѣ буйной гордости нѣкоторыхъ, подвергается презрѣнію и, удостоенный божественнаго избранія, почитается недостойнымъ человѣческаго одобренія. Разсуди самъ, куда заводитъ тебя гордость. Изъ твоихъ словъ выходитъ, что въ продолженіе шести лѣтъ ни братство не имѣло епископа, ни народъ вождя, ни Церковь правителя, ни Іисусъ Христосъ строителя таинъ Его. Куда же смотрѣлъ Пупіанъ? для чего давно не произнесъ суда на насъ, дабы толикое число вѣрныхъ, скончавшихся въ продолженіе моего епископства, не отошли безъ надежды, мира и спасенія, и дабы остающіеся въ живыхъ не оставались безъ даровъ Духа Святаго, Коего я не могъ имъ сообщить? Удостой, удостой благосклоннаго подтвержденія твоею властію мое епископство; окажи Іисусу Христу благодѣяніе; дай алтарю и народу предстоятеля...

«Жалуешься, что ты впалъ въ сомнѣніе; но кого винить въ семъ, какъ не твое легкомысліе, не твою безчестную склонность слушать самыя нелѣпыя клеветы на брата; не твою постыдную страсть защищать чужую ложь, не твое невниманіе мудрымъ совѣтамъ Соломона, который говоритъ: «злой послушаетъ языка законопреступныхъ, праведный же не внимаетъ устнамъ льстивымъ» (Притч. 17, 4). Почему не впали въ сіе сомнѣніе мученики, исполненные Св. Духа, готовые прейти путемъ смерти предъ лице Іисуса Христа? Напротивъ, они писали ко мнѣ изъ темницы. именуя меня епископомъ Божіимъ. Почему не впали въ сіе сомнѣніе епископы, мои сотрудники, которые всѣ различными образами удостоились исповѣдать имя Христово? Почему не впало въ сіе сомнѣніе толикое число исповѣдниковъ, покрытыхъ язвами за Іисуса Христа—чистыхъ дѣвъ, служа-

щихъ укоризною для житія языческаго,—благоговѣйныхъ вдовъ, не знающихъ другого увеселенія, кромѣ поста и молитвы? Почему не впало въ сомнѣніе множество Церквей, разсѣянныхъ по всему міру, которыя состоятъ со мною въ согласіи и любви? Если всѣ сіи отъ сообщенія со мною сдѣлались нечистыми, какъ ты суемудрствуешь, и потеряли право на вѣчную жизнь, то одинъ Пупіанъ, отрекающійся отъ сообщенія со мною, остается чистъ, невиненъ, святъ; одинъ онъ будетъ населять блаженныя жилища, уготованныя на небесахъ для праведныхъ.

«Поставляешь меня виною того, что часть стада Христова находится въ разсѣяніи. Неправда! Истинные члены Церкви Христовой всѣ соединены союзомъ любви и мира и составляютъ одно тѣло. Одни тѣ блуждаютъ внѣ ограды, которыхъ надлежало бы изгнать вонъ, если бы они и были внутри двора. Но что же, если нѣкоторые сдѣлались невѣрны? Неужели невѣрность ихъ уничтожитъ вѣрность Божію? Никакъ! Богъ вѣренъ, а всякій человѣкъ лживъ (Рим. 3, 3—4). Когда нѣкоторые ученики, соблазнившись словами Іисуса Христа, оставили Его, то Онъ вопрошалъ прочихъ учениковъ: не хотятъ ли и они идти? Петръ именемъ всѣхъ отвѣтствовалъ: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. 6, 67—68). Вотъ законъ и уложеніе истинной Церкви! Она всегда съ Іисусомъ Христомъ. Гдѣ епископъ, тамъ и Церковь. Епископъ въ Церкви, Церковь въ епископѣ. Кто не съ епископомъ, тотъ внѣ Церкви. Напрасно обольщаютъ себя нѣкоторые, думая священный союзъ съ епископомъ замѣнить тайными союзами съ нѣкоторыми слабыми членами. Истинная Церковь нераздѣлима. Кто въ брани съ главою, тотъ не можетъ быть въ мирѣ съ членами.

«Посему, любезный братъ, если ты, размысливъ прилежнѣе о величіи Бога, по волѣ Коего поставляются пресвитеры, и оставивъ пагубную привычку судить о достоинствѣ епископовъ по ложнымъ слухамъ, а не по отзыву Церкви, раскаешься чистосердечно въ своей гордости и покажешь плоды, достойные покаянія, то я не отрицаюсь возобновить съ тобою прежняго общенія, предоставляя, впрочемъ, себѣ право отложить сіе дотолѣ, пока не вопрошу Бога и не получу отъ Него наставленія, какъ поступить съ тобою. Ибо я не

могу забыть того, что̀ мнѣ было открыто, не могу забыть, что между прочимъ въ откровеніи, мнѣ даннымъ, Богу угодно было сказать и сіе: «кто не вѣритъ Іисусу Христу, содѣлавшему священника, тотъ повѣритъ Ему, мстящему за священника, Имъ содѣланнаго». Знаю, что нѣкоторымъ всѣ сновидѣнія кажутся пустыми, всѣ видѣнія ложными. Но такъ кажется только тѣмъ, кои лучше соглашаются вѣрить чему-нибудь на священника, нежели священнику. Такъ и братья Іосифовы не вѣрили снамъ Іосифа. Но когда сны исполнились, они принуждены были вѣрить. Не могу произнести никакого суда на то, что ты дѣлалъ во время гоненія и во время мира, ибо вижу, что тебѣ хочется быть моимъ судіею. Вотъ, что̀ я почелъ нужнымъ написать тебѣ, въ чистотѣ совѣсти и упованіи на Бога! Я имѣю письмо отъ тебя, ты будешь имѣть мое письмо; въ день суда предъ лицемъ Іисуса Христа будетъ прочтено то и другое» [1]).

Не извѣстно, какое дѣйствіе произвело письмо его въ Пупіанѣ, только въ сочиненіяхъ Кипріана, написанныхъ послѣ сего времени, не видно жалобъ на его возмущеніе. Вѣроятно, онъ обратился на путь истины.

На соборѣ, бывшемъ, по обыкновенію, послѣ праздника Пасхи, получено Кипріаномъ письмо отъ Испанской Церкви, въ коемъ она просила совѣта касательно епископовъ Василида и Марціала, лишенныхъ ею епископскаго сана за непостоянство въ вѣрѣ во время гоненія, но домогавшихся удержать оный при содѣйствіи Римскаго епископа Стефана [2]). Вслѣдъ за симъ получено еще письмо отъ Галликанскихъ, Испанскихъ и Англійскихъ епископовъ, въ коемъ они жаловались на Стефана за то, что онъ, вопреки ихъ просьбѣ, продолжаетъ держать сторону низверженныхъ епископовъ, и просили Кипріана вразумить его посланіемъ. Кипріанъ немедленно подтвердилъ соборомъ приговоръ Галликанскихъ Церквей на Василида и Марціала съ ихъ сообщниками. Вслѣдствіе сего отправлено было два посланія, одно къ симъ Церквамъ успокоительное, другое къ Стефану совѣщательное.

Трудное дѣло было и обличить Стефана въ погрѣшительномъ сношеніи съ еретиками, и соблюсти уваженіе, которое принадлежало ему какъ предстоятелю западныхъ Церквей.

[1]) Письмо 66 къ Флор. Пупіану.
[2]) Письмо къ Испанской Церкви.

Тѣмъ непріятнѣе были дѣла сего рода святому Кипріану, который со всевозможнымъ тщаніемъ избѣгалъ всѣхъ случаевъ, въ коихъ могло выказываться соблазнительное превосходство одной Церкви предъ другою равною. Впрочемъ, его благоразуміе и христіанская кротость внушали ему такія выраженія, что письмо, отправленное къ Стефану, столько же клонилось къ славѣ обличаемаго, какъ и обличителя. Въ немъ не примѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ полновластія судіи, а вездѣ слышенъ голосъ друга, который, побуждаясь любовію, открываетъ ложь и показываетъ истину. Между прочимъ Кипріанъ совѣтовалъ Стефану немедленно извѣстить епископовъ окружнымъ посланіемъ о законности низверженія Василида и Марціала, обѣщаясь и самъ сдѣлать то же. Нужнымъ сіе находилъ онъ потому, что низверженные еретики хвалились, якобы они находятся въ союзѣ съ Римскою и Карѳагенскою Церквами [1]). Стефанъ вразумился, но онъ, какъ увидимъ, не проститъ Кипріану сего вразумленія.

Около сего времени (255 г.) въ Африкѣ возникъ споръ о крещеніи еретиковъ. Нѣкто Магнусъ, епископъ Нумидійскій, спрашивалъ письменно Кипріана, нужно ли крестить и тѣхъ еретиковъ (прочихъ еретиковъ, вслѣдствіе опредѣленія собора, бывшаго подъ предсѣдательствомъ Агриппина, предшественника Кипріанова, крестили), которые обращаются отъ Новаціана [2]). Кипріанъ, котораго и примѣръ предшественника, и духъ любимаго наставника его, Тертулліана [3]), и, можетъ быть, желаніе поставить оплотъ противъ усиливавшейся секты Новаціана, располагали въ семъ случаѣ къ строгому образу мыслей, отвѣчалъ, что кающіеся новаціане, подобно всѣмъ прочимъ еретикамъ, должны быть принимаемы въ Церковь посредствомъ крещенія [4]).

Когда о спорномъ предметѣ услышался голосъ первенствующаго епископа, то прочіе голоса, дотолѣ раздѣленные, начали сливаться съ нимъ въ одинъ общественный голосъ; но вмѣстѣ съ симъ и голоса противниковъ сдѣлались слышнѣе, особливо въ Нумидіи. Пятнадцать Нумидійскихъ епископовъ, не находя никакого способа прекратить разномыслiе въ своихъ епархіяхъ, обратились къ Кипріану съ тре-

[1]) Письмо 68 къ Стефану.
[2]) Август. книга 6 о крещеніи.
[3]) Смотр. книг. о скромности.
[4]) Письмо 69 къ Магнусу.

бованіемъ помощи. Сей, послѣ совѣщанія съ старѣйшими изъ своихъ сотрудниковъ Карѳагенскихъ, далъ соборомъ опредѣленіе, коимъ повелѣвалось крестить всѣхъ обращающихся отъ заблужденія къ истинной Церкви. Опредѣленіе сіе немедленно отправлено было въ Нумидію [1]).

Не смотря на то, что голосъ Кипріана подкрѣпленъ уже былъ голосами другихъ епископовъ, нѣкоторые даже изъ Карѳагенскихъ епископовъ не хотѣли согласиться съ нимъ по двумъ причинамъ: по древнему обыкновенію—не повторять крещенія надъ еретиками, и по единству святого крещенія. Кипріанъ, узнавъ о таковомъ разномыслiи отъ Луціана, своего сопресвитера, написалъ письмо къ Квинту, Мавританскому епископу (вѣроятно, принадлежавшему къ разномыслящимъ), въ коемъ отвѣчалъ на вышепредставленныя причины сообразно своему образу мыслей о крещеніи и еретикахъ. Главнымъ основаніемъ къ повторенію крещенія надъ еретиками служила для него увѣренность, что внѣ Церкви нѣтъ Духа Божія и, слѣдственно, нѣтъ истинныхъ таинствъ. При письмѣ отправленъ къ Квинту и списокъ соборнаго посланія Карѳагенской Церкви къ Нумидійскимъ епископамъ, дабы мнѣніе Карѳагена сдѣлать извѣстнымъ и въ Мавританіи [2]). Между тѣмъ видя, что нѣкоторые епископы не убѣждаются ни опредѣленіемъ недавно бывшаго, ни важностію прежняго собора, держаннаго предшественникомъ его, Агриппиномъ, и утверждаясь на древнемъ обыкновеніи, существовавшемъ въ Церкви до Агриппина, учатъ, что, для законнаго принятія еретиковъ въ нѣдра Церкви, достаточно одного возложенія рукъ, Кипріанъ рѣшился употребить другой способъ къ примиренію умовъ — написалъ книгу о благѣ терпѣнія. Щади совѣсть разномыслящихъ, не желая казаться предубѣжденнымъ къ своему мнѣнію и чрезъ мѣру настойчивымъ, онъ ограничился въ ней общимъ разсужденіемъ о преимуществѣ единомыслія предъ разномыслiемъ, и только слегка коснулся спорнаго предмета [3]). Поелику успѣхъ сего труда не вполнѣ соотвѣтствовалъ его желанію, онъ принужденъ былъ вскорѣ созвать новый соборъ, на коемъ присутствовали уже не одни Карѳагенскіе, но и

[1]) Письмо 70 къ Нумидійскимъ епископамъ.
[2]) Письмо къ Квинту 71.
[3]) Смотри книгу о падшихъ.

Мавританскіе и Нумидійскіе епископы, въ области коихъ особенно спорили о крещеніи. На семъ соборѣ снова разсмотрѣно и утверждено опредѣленіе о крещеніи обращающихся еретиковъ; частное обыкновеніе нѣкоторыхъ Церквей—не возвращать обращающимся изъ ереси епископамъ и пресвитерамъ ихъ степеней—обращено въ общій законъ. По закону согласія и общенія, существовавшаго между Карѳагенскою и Римскою Церквами, Кипріанъ извѣстилъ о сихъ опредѣленіяхъ послѣднюю въ полной увѣренности, что предстоятель ея, Стефанъ, своимъ согласіемъ съ ними, введетъ ихъ въ употребленіе и въ западныхъ Церквахъ [1]). Но Стефанъ въ духѣ своемъ уже былъ далекъ отъ Кипріана. Несогласіе, происшедшее въ Карѳагенской Церкви, показалось ему самымъ удобнымъ случаемъ къ уничиженію ея епископа. Древнее обыкновеніе—не повторять крещенія надъ еретиками—могло служить благовиднымъ предлогомъ дѣйствовать открыто противъ всей Африканской Церкви, особенно противъ главы ея, не обнаруживая, впрочемъ, личнаго къ ней недоброжелательства. Предлогъ сей тотчасъ употребленъ въ дѣло. Вмѣсто того, чтобы, сохраняя уваженіе къ столь знаменитому пастырю, каковъ былъ Кипріанъ, обнаружить дружески свои сомнѣнія касательно справедливости его мнѣнія и посредствомъ дружескихъ совѣщаній безъ всякаго соблазна для Церкви согласиться съ нимъ въ истинѣ, Стефанъ, открыто принявъ сторону противниковъ Кипріана, отвѣчалъ Карѳагенскому собору обличительною грамотою, въ коей, осуждая мнѣніе его касательно крещенія еретиковъ, угрожалъ отлученіемъ всѣмъ Карѳагенскимъ епископамъ отъ Церкви, не исключая и Кипріана [2]). Такимъ образомъ, говоритъ Августинъ [3]), два епископа знаменитѣйшихъ Церквей, Римской и Карѳагенской, объ одномъ и томъ же предметѣ утверждали совершенно противное. Стефанъ полагалъ, что для законнаго принятія въ Церковь всѣхъ вообще еретиковъ достаточно одного возложенія рукъ. Кипріанъ, напротивъ, утверждалъ, что должно крестить каждаго обращающагося еретика. Истины надлежало искать въ срединѣ между сими двумя крайностями, какъ и дѣйствительно Цер-

[1]) Письмо 72 къ Стефану.
[2]) Смотр. письмо къ Помпею.
[3]) Книг. прот. Петиліана, гл. 14.

ковь впослѣдствіи времени нашла ее здѣсь, положивъ закономъ крестить только тѣхъ еретиковъ, кои неправо мыслили объ основныхъ догматахъ христіанства. Но Кипріанъ дѣйствовалъ въ простотѣ сердца и по чистому отвращенію ко всему еретическому. А Стефанъ своимъ высокомѣрнымъ тономъ ясно обнаруживалъ, что онъ пользуется случаемъ выказать свое нерасположеніе къ прежнему увѣщателю своему. Посему, хотя впослѣдствіи почтено нужнымъ ограничить мнѣніе Кипріана касательно повторенія крещенія, споръ его по сему предмету съ Стефаномъ, обнаруживая всю умѣренность и скромность его характера, особенно въ противоположности съ высокомѣріемъ послѣдняго, составляетъ назидательнѣйшую часть его дѣяній.

Тяжело было для Кипріана видѣть непріятность отъ той Церкви, которая недавно была обязана ему своимъ умиреніемъ! Но къ утѣшенію своему онъ зналъ, что Римскій клиръ и народъ не участвуютъ въ неблагорасположеніи къ нему ихъ епископа, и что сіе неблагорасположеніе есть слѣдствіе личнаго неудовольствія противъ него. Посему, явившись на соборъ (онъ еще продолжался), хотя изъявилъ сильную скорбь и принесъ жалобу на гордость, съ которою Стефанъ именовалъ себя епископомъ епископовъ, впрочемъ не отчаялся въ будущемъ успѣхѣ дѣла [1]). Письмо Стефаново, столь оскорбительное для чести Карѳагенской Церкви, извѣстно было еще немногимъ; можно было надѣяться, что Стефанъ перемѣнитъ свои мысли, и несогласіе прекращено будетъ въ самомъ началѣ и безъ соблазна Церквей.

Но Стефанъ не хотѣлъ чести удовлетворить сей надеждѣ. Не надѣясь на силу прежняго обличенія, онъ произнесъ всенародно приговоръ противъ Карѳагенскаго собора и предсѣдателя его, Кипріана, и снова угрожалъ ему отлученіемъ, если онъ не перемѣнитъ своихъ мыслей. Узнавъ о согласіи восточныхъ епископовъ съ Кипріаномъ въ разсужденіи крещенія еретиковъ, Стефанъ писалъ и къ нимъ, угрожая тѣмъ же [2]). Съ другой стороны, нѣкоторые изъ Африканскихъ епископовъ, услышавъ о необыкновенномъ посланіи Стефана къ ихъ предсѣдателю, изъявили письменное желаніе имѣть списки

---

[1]) Письмо къ Помпею 74.
[2]) Письмо Фирмиліана 75.

съ онаго [1]). Нельзя было безъ соблазна скрывать отъ Церкви положеніе дѣлъ: надлежало извѣстить ее о поступкахъ Стефана и дать судъ на нихъ.

Впрочемъ Кипріанъ и въ семъ случаѣ показалъ свое благоразуміе и умѣренность. Зная, что упорное защищеніе продолжаетъ только борьбу, онъ не рѣшился писать особаго опроверженія на письмо Стефана. Неумѣренный тонъ, въ немъ господствовавшій, измѣнялъ самъ себѣ. Надѣясь на справедливость своего дѣла, онъ не усумнился даже обнародовать посланіе Стефана во всѣхъ Африканскихъ Церквахъ, удовлетворившись только краткими примѣчаніями на нѣкоторыя мѣста онаго [2]). Потомъ написалъ посланіе къ Фирміліану, старѣйшему изъ восточныхъ епископовъ, утверждая его въ согласіи съ собою и объясняя несправедливость Стефана. Наконецъ, для успѣшнѣйшаго защищенія свободы Карѳагенской Церкви отъ притязаній Римскаго епископа, созванъ многочисленный соборъ. Какъ будто предвидя въ поступкѣ Стефана начало незаконнаго стремленія къ владычеству надъ всею Церковію, которое впослѣдствіи сдѣлалось отличительною чертою Римской каѳедры, Африканскіе отцы положили, чтобы никто изъ епископовъ не дерзалъ именовать себя главою всѣхъ епископовъ и присвоять право суда надъ всею Церковію, и чтобы Церковь Карѳагенская не искала суда у Церкви Римской. Списки съ сего опредѣленія отправлены были ко всѣмъ восточнымъ епископамъ и къ самому Стефану.

По сему случаю надлежало ожидать отъ высокомѣрія Стефана еще печальнѣйшихъ явленій для Церкви. Но Промыслу неугодно было подвергнуть ее сему искушенію, можетъ быть, опаснѣйшему изъ всѣхъ, которыя она тогда претерпѣла. Открывшееся гоненіе на христіанъ, въ началѣ коего Стефанъ скончался, положило конецъ спорамъ [3]). Святому Кипріану

[1]) Письмо къ Помпею 74.
[2]) Письмо Фирміліана 75.
[3]) Баронiй, заботясь о сохраненіи славы Стефана, или лучше, Римской каѳедры, говоритъ, что Кипріанъ перемѣнилъ впослѣдствіи свои мысли касательно крещенія еретиковъ; но Августинъ, который могъ знать и зналъ сіе дѣло вѣрнѣе всякаго Баронія, утвердительно говоритъ (въ книгѣ о крещеніи), что онъ остался при своихъ мысляхъ. Хотя Церковь не приняла впослѣдствіи мнѣнія Кипріанова такъ же, какъ и Стефанова; впрочемъ, если судить строго и безпристрастно, въ мнѣніи Кипріана болѣе истиннаго, нежели въ мнѣніи Стефана, особенно если смотрѣть на еретиковъ съ той стороны, съ которой смотрѣлъ онъ,— со стороны истинной Церкви, какъ единственной хранительницы даровъ Святаго Духа.

уже уготовляемъ былъ рукою Провидѣнія вѣнецъ мученическій, но, въ ожиданіи его, онъ долженъ былъ прославлять Бога заточеніемъ, дабы, какъ замѣчаетъ Понтій, сей великій подвижникъ, отличившійся разнообразіемъ добродѣтелей, былъ отличенъ и разнообразіемъ страданій.

Патернъ проконсулъ, явившись къ Карѳагенъ съ повелѣніемъ преслѣдовать христіанъ, немедленно велѣлъ представить къ себѣ Кипріана. Когда сей безтрепетно явился, проконсулъ началъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Проконсулъ. Августѣйшіе императоры, Валеріанъ и Галіенъ, возложили на меня обязанность принуждать христіанъ къ поклоненію богамъ. Итакъ я спрашиваю тебя о твоемъ имени и намѣреніи: отвѣчай.

Святой Кипріанъ съ важностію и смиреніемъ отвѣчалъ: я—христіанинъ и епископъ. Не знаю другого Бога, кромѣ Того, Который сотворилъ небо и землю, и море и все, что̀ въ нихъ; сему-то Богу мы, христіане, служимъ и поклоняемся, моля Его не только о себѣ, но и о всѣхъ людяхъ, и о благоденствіи самихъ императоровъ.

Проконсулъ. Итакъ, ты остаешься непремѣннымъ въ своемъ образѣ мыслей?

Кипріанъ. Благая воля, единожды познавъ Бога, не можетъ перемѣняться.

Проконсулъ. Значитъ, ты соглашаешься, по волѣ Валеріана и Галіена, отправиться въ заточеніе въ городъ Курубитъ?

Кипріанъ. Согласенъ.

Проконсулъ. Но повелѣніе, мнѣ данное, касается не однихъ епископовъ, но и пресвитеровъ. А посему желаю знать отъ тебя, кто здѣшніе пресвитеры?

Кипріанъ. Вы сами нашли полезнымъ издать законъ противъ доносчиковъ на христіанъ. Посему я не могу тебѣ открыть здѣшнихъ пресвитеровъ; впрочемъ, ты можешь найти каждаго изъ нихъ въ его церкви.

Проконсулъ. Но я намѣренъ сдѣлать розыскъ, не выѣзжая изъ сего города.

Кипріанъ. Вѣрю; но поелику правила наши возбраняютъ самимъ вызываться на мученія, и при томъ сіе несогласно и съ духомъ Римскаго правленія: то ни я не могу указать тебѣ пресвитеровъ, ни они не могутъ представить самихъ

себя. Но если ты рѣшишься искать ихъ, то они. безъ сомнѣнія, найдутся.

Проконсулъ. Безъ сомнѣнія, я найду ихъ, если захочу; но мнѣ препоручено еще смотрѣть, чтобы между христіанами не было никакихъ собраній, и чтобы тотъ, кто не будетъ повиноваться сему полезному узаконенію, былъ наказываемъ смертію.

Кипріанъ. Поступай, какъ тебѣ повелѣно.

Послѣ сего проконсулъ далъ повелѣніе заточить святого Кипріана въ Курубитъ [1]). Вмѣстѣ съ нимъ отправился и Понтій діаконъ, который впослѣдствіи описалъ жизнь Кипріана со времени вступленія его въ христіанство.

Въ семъ случаѣ еще разъ оправдалась утѣшительная истина, что тѣмъ, кои ищутъ Царствія Божія и правды его, все прилагается. Курубитъ, назначенный мѣстомъ заточенія для Кипріана, не смотря на то, что его окружали сухія и безплодныя степи, по великому числу деревъ и источникамъ своимъ уподоблялся увеселительному саду [2]). Гонители, думая удручить старость Кипріанову, симъ заточеніемъ доставили ему пріятное отдохновеніе послѣ непрестанныхъ трудовъ. Впрочемъ, добрая душа святого старца не переставала трудиться и въ изгнаніи. Онъ писалъ по своему обыкновенію посланія, совѣтовалъ, одобрялъ, запрещалъ, умолялъ и, скончавая теченіе свое, еще заставлялъ радоваться вѣрныхъ въ свѣтѣніи своемъ.

Въ самомъ началѣ пребыванія своего въ Курубитѣ святой Кипріанъ былъ предувѣдомленъ о будущей участи своей видѣніемъ. Ему снилось, будто юноша, коего величественный видъ свидѣтельствовалъ объ ангельскомъ достоинствѣ, привелъ его къ проконсулу. Сей послѣ обыкновеннаго допроса началъ писать приговоръ. Юноша, который въ сіе время стоялъ позади проконсула, различными знаками далъ выразумѣть Кипріану, что проконсулъ осудилъ его на смерть. «Я», говоритъ святой Кипріанъ, «немедленно обратился къ нему съ усильнымъ прошеніемъ, чтобы исполненіе приговора отложено было хотя на одинъ день, дабы я могъ привести въ порядокъ свои дѣла. Проконсулъ, тронутый, какъ казалось, справедливостію и неважностію моей просьбы,

[1]) Страд. св. Кипріана по древнимъ рук. кодексамъ. Edit. Johan. Oxonii 1682.
[2]) Понтій въ жизни Кипріана.

началъ снова писать на дощечкѣ. Изъ его вида я заключилъ уже, что онъ пишетъ что-либо въ мою пользу. Юноша, который наблюдалъ за тѣмъ, что̀ пишетъ проконсулъ, снова далъ мнѣ знать, что мнѣ дается одинъ день на приведеніе въ порядокъ моихъ дѣлъ» [1]).

Не смотря на то, что видѣніе сіе было довольно темно, св. Кипріанъ, который отъ частаго сообщенія съ міромъ духовнымъ пріобрѣлъ способность проникать въ смыслъ видѣній, безъ труда уразумѣлъ, что Промыслу угодно было отложить кончину его еще на одинъ годъ, означенный въ видѣніи днемъ. Событіе, какъ свидѣтельствуетъ Понтій, очевидецъ заточенія и смерти Кипріана, совершенно оправдало таковое изъясненіе. Св. Кипріанъ принялъ мученическій вѣнецъ именно черезъ годъ послѣ сего видѣнія, и въ тотъ самый день, въ который оное было ему дано.

Подъ конецъ сего года (258) новый проконсулъ предписалъ Кипріану возвратиться изъ своего заточенія и до окончательнаго приговора надъ нимъ быть въ своихъ садахъ [2]). Вскорѣ за симъ получено изъ Рима повелѣніе усугубить преслѣдованіе христіанъ. Проконсулъ, находясь въ сіе время для поправленія здоровья въ Утикѣ, отправилъ стражей для приведенія туда Кипріана. Но Кипріанъ еще разъ выказалъ характеръ свой — дѣлать добро такъ, чтобы изъ него выходило какъ можно болѣе пользы. Предвидя, что мученіе его гораздо назидательнѣе будетъ для его паствы, если его замучатъ въ Карѳагенѣ, онъ удалился изъ своего дома въ тайное мѣсто, давъ знать между тѣмъ проконсулу, что онъ готовъ предстать предъ него, только не въ Утикѣ, а въ Карѳагенѣ. Изъ сего-то уединенія написано имъ послѣднее письмо къ своей паствѣ, въ которомъ онъ, увѣщевая ее сохранить тишину и умѣряя благочестивую ея ревность—страдать за вѣру, обѣщалъ по отшествіи своемъ ходатайствовать за нее у престола Божія [3]).

По возвращенія проконсула въ Карѳагенъ, св. Кипріанъ немедленно возвратился въ свое жилище. Въ городѣ тотчасъ пронесся слухъ объ угрожающей ему опасности. Не только всѣ вѣрные, даже многіе изъ знатныхъ язычниковъ

---

[1]) Понтій въ жизни св. Кипріана.
[2]) Понтій въ жизни св. Кипріана.
[3]) Письмо 81 къ народу.

собрались въ домѣ Киприана и, не желая лишиться такого великаго мужа, умоляли его спасти жизнь свою удаленіемъ, предлагая для сего надежныя мѣста. Но Киприанъ, внявъ гласу Бога, призывающаго его къ Себѣ, не могъ уже пользоваться ихъ усердіемъ. Между тѣмъ проконсулъ, опасаясь, чтобы Киприанъ не употребилъ своей свободы для спасенія себя бѣгствомъ, послалъ воиновъ взять его и привести къ себѣ. Напрасное опасеніе! Киприанъ, подражая великому Образцу страдальцевъ, самъ вышелъ на встрѣчу воинамъ и съ торжествомъ, свойственнымъ столь важному подвигу, каково исповѣданіе имени Христова, отправился въ преторъ. Но проконсулъ безъ всякой удовлетворительной съ его стороны причины отложилъ судъ надъ Киприаномъ до слѣдующаго утра. Причина сія скрывалась въ опредѣленіи Промысла. Надлежало еще пройти одному дню, дабы исполнился годъ послѣ видѣнія. Киприана для провожденія ночи отвели въ домъ проконсула. Стражамъ дано было повелѣніе пускать къ нему всякаго, кто пожелаетъ. Собралось великое множество друзей и почитателей Киприановыхъ. Народъ, опасаясь, чтобы въ продолженіе ночи не былъ похищенъ любезный ихъ епископъ, пробылъ до самаго утра безъ сна предъ темницею. Такимъ образомъ ночь предъ страданіемъ Киприана представляла собою ночь предъ страданіемъ Спасителя, которую вѣрные такъ же проводили безъ сна. Св. Киприанъ не умолкалъ во все продолженіе ея, давая совѣты и утѣшенія оставляемой имъ паствѣ. Отъ избытка сердечныхъ чувствованій такъ полны были уста его, что онъ желалъ, чтобы бесѣда его не иначе пресѣклась, какъ съ самою жизнію.

Наконецъ, насталъ вожделѣнный для Киприана день, тотъ день, который не могъ не быть послѣднимъ для него, хотя бы желали того всѣ Римскіе проконсулы. Окруженный безчисленною толпою вѣрныхъ, онъ явился въ преторъ. Начался обыкновенный допросъ: «ты ли Θасцій Киприанъ?» — «Я». «Ты ли былъ папою у святотатцевъ?» — «Я». — «Благочестивѣйшіе императоры повелѣваютъ тебѣ принести богамъ жертву». — «Не могу». — «Размысли объ участи, тебя ожидающей». — «Поступай, какъ тебѣ предписано; въ настоящемъ случаѣ нѣтъ мѣста размышленію». Тогда проконсулъ, поговоривши съ совѣтниками своими, сказалъ, обратясь къ св. Киприану: «долго жилъ ты святотатственнымъ обра-

зомъ, совращая многихъ во слѣдъ твоей злотворной ереси и враждуя противъ Римскихъ законовъ и боговъ. Самая снисходительность благочестивѣйшихъ императоровъ, Валеріана и Галіена, не могла обратить тебя къ поклоненію богамъ. Бывъ виновникомъ ужаснѣйшихъ злодѣяній, ты будешь служить примѣромъ для тѣхъ, кои обольщены твоимъ коварствомъ; мудрованіе твое запечатлѣется твоею кровію». Такъ самое осужденіе Кипріана выражало его славу, и проконсулъ, подобно Каіафѣ, невольно произнесъ пророчество объ утвержденіи Церкви его кровію! За симъ произнесъ окончательный приговоръ: «Θасцій Кипріанъ осуждается умереть отъ меча». Св. Кипріанъ сказалъ: «слава Богу». Народъ, услышавъ сіе, столь воспламенился ревностію страдать за вѣру, что всѣ воскликнули: «и мы умремъ со святымъ епископомъ!»

Воины, изведши изъ претора св. Кипріана, повели его на нѣкоторое мѣсто, называвшееся Ксистою. Въ продолженіе пути онъ увѣщевалъ вѣрныхъ—не подвергать себя мечу язычниковъ безъ нужды. Достигши Ксисты, снялъ съ себя верхнюю одежду и отдалъ находившимся при немъ діаконамъ; потомъ, стоя на колѣнахъ, произнесъ краткую молитву; послѣ сего, завѣщавъ дать совершителю казни тридцать сребренниковъ, завязалъ себѣ, по обыкновенію казнимыхъ, глаза; руки же, по тому же обыкновенію, связаны были однимъ изъ діаконовъ. Въ семъ положеніи, съ обнаженною выею, онъ долженъ былъ стоять дотолѣ, пока палачъ не получитъ отъ центуріона знака совершить ударъ. Множество народа, опасаясь по причинѣ тѣсноты и отдаленности потерять изъ вида св. Кипріана, влѣзло на деревья, окружавшія мѣсто казни. Наконецъ знакъ поданъ—и святѣйшая глава отдѣлилась отъ чистѣйшаго тѣла. Священные останки Кипріана погребены въ близъ-лежащемъ холмѣ, съ торжествомъ, приличнымъ усердію паствы, столь пламенно любившей своего пастыря. Такъ скончалъ теченіе свое священномученикъ Кипріанъ, проживши въ земной юдоли около 57, подвизавшійся въ христіанствѣ 13, управлявшій Африканскою Церковію 8 лѣтъ!—Мученіе его совершилось 258 года, мѣсяца октября, въ 18 день, при императорахъ Валеріанѣ и Галіенѣ.

На лицѣ Кипріана, пишетъ Понтій, всегда сіяла радость.

отсвѣтъ души, обрѣтшей успокоеніе въ Богѣ. Во взорахъ его всегда выражалось нѣчто величественное, исторгающее благоговѣніе. Видѣвшіе Кипріана не знали, что болѣе возбуждаетъ видъ его: любовь или уваженіе; но чувствовали, что онъ вполнѣ достоинъ того и другого [1]). Въ одеждѣ Кипріана не примѣтно было ни той пышности, которая совершенно неприлична почитателю, тѣмъ паче, служителю Распятаго; ни той небрежности и скудости, которыя равно измѣняютъ душѣ и тогда, какъ служатъ выраженіемъ ея духовной бѣдности, и тогда, какъ не прикрываютъ духовнаго богатства.

Та же умѣренность видна и въ управленіи Церковію. Кипріанъ не могъ сносить въ подчиненныхъ своихъ непослушанія и гордости, и изъ сихъ пороковъ изъяснялъ всѣ внутреннія бѣдствія, отъ коихъ страдала тогда Церковь. Но не могъ потерпѣть и того, когда пастыри, забывъ себя самихъ, почитаютъ волю свою непреложнымъ закономъ для пасомыхъ. Съ самаго начала епископства своего онъ поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ—ничего не дѣлать въ своей паствѣ безъ совѣта пресвитеровъ. Пользуясь отличнымъ уваженіемъ всѣхъ христіанскихъ Церквей и подавая каждой изъ нихъ спасительные совѣты, онъ не пренебрегалъ голосомъ самаго послѣдняго члена Церкви и не зналъ другого титла, кромѣ смиреннаго наименованія себя сопресвитеромъ.

Между отпечатками духа Кипріанова и услугами его тогдашнему христіанству должно почесть его попеченіе о сохраненіи христіанъ отъ произвольныхъ опасностей со стороны гонителей. Ревность страдать за вѣру, столь похвальная сама по себѣ, въ нѣкоторыхъ близка была къ тому, чтобы обратиться въ страсть. Св. Кипріанъ собственнымъ примѣромъ показалъ, что можно, а иногда и необходимо скрываться отъ гоненія. Внушеніе сей истины онъ находилъ столько нужнымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ Церкви, что на пути къ мѣсту казни снова завѣщалъ вѣрующимъ не вызываться безъ нужды на мученія.

Обстоятельства Церкви, колеблемой то внѣшними, то внутренними бѣдствіями, не позволили св. Кипріану посвя-

[1]) Понтій въ жизни Кипріана.

тить дарованій своихъ, по примѣру другихъ отцовъ Церкви, на изъясненіе Св. Писанія. Всѣ почти писанія его содержатъ поясненіе вопросовъ, обращавшихся тогда въ спорѣ, и разрѣшеніе недоумѣній церковныхъ. Впрочемъ, не смотря на то, что ученіе христіанское является въ нихъ въ приложеніи къ частнымъ случаямъ, изъ сего видно, что Кипріанъ обладалъ глубокимъ познаніемъ умозрительной и дѣятельной истины христіанской вѣры. Хорошее приложеніе началъ еще болѣе ручается за основательное познаніе началъ, нежели хорошее изложеніе оныхъ; сдѣлавшись христіанскимъ писателемъ, св. Кипріанъ совсѣмъ почти не пользовался мудростію языческою. Если бы онъ въ нѣкоторыхъ письмахъ не былъ принужденъ упомянуть о своемъ состояніи въ язычествѣ, изъ его сочиненій нельзя было бы догадаться, что онъ до обращенія въ христіанство былъ ученымъ язычникомъ. Отличный даръ краснорѣчія виденъ во всѣхъ произведеніяхъ Кипріана, но вездѣ видно также, что онъ, по примѣру Апостола, полагалъ достоинство слова своего не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіяхъ духа и силы (1 Кор. 2, 4): Изъ духовныхъ писателей св. Кипріанъ любилъ преимущественно Тертулліана [1]). Отъ частаго чтенія сего писателя въ Кипріанѣ произошло нѣкоторое нравственное содружество съ нимъ, которое простерлось и на ихъ сочиненія. Кипріанъ, подобно Тертулліану, повидимому, всегда выражался первыми, попавшимися ему словами; отчего слогъ его нѣсколько тяжелъ и не совсѣмъ обработанъ; за то въ каждомъ выраженіи его видно сердце. Послѣ Лактанція онъ долженъ занимать первое мѣсто между западными христіанскими писателями.

Подобно всѣмъ великимъ мужамъ, св. Кипріанъ имѣлъ много враговъ. Впрочемъ въ самой исторіи не много такихъ святителей, коихъ паства любила бы съ такою горячностію, какъ св. Кипріана. Мы видѣли уже, что она вмѣстѣ съ нимъ желала идти подъ мечъ. Еще сильнѣе было сіе желаніе въ тѣхъ, кои, будучи удостоены отъ св. Кипріана близости къ нему, имѣли случай видѣть все величіе души его. Вотъ слова, коими Понтій заключаетъ жизнеописаніе св. Кипріана и которыя столько же дѣлаютъ чести жизнеописателю, какъ

[1]) Требуя сочиненіе Тертулліана, Кипріанъ обыкновенно говорилъ: da magistrum (подай учителя).

и самому Кипріану: «не знаю, что мнѣ дѣлать? Сердце мое волнуется отъ полноты различныхъ чувствованій; душа моя какъ бы раздѣлена на двое. Съ одной стороны объемлетъ радость о прославленіи священномученика, съ другой я погружаюсь въ скорбь, что не послѣдовалъ за нимъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать. Предаться ли скорби? Но надлежитъ торжествовать его побѣду! Радоваться ли о его побѣдѣ? Но я не участвовалъ въ ней. Впрочемъ скажу откровенно и въ простотѣ сердца, скажу то, о чемъ вы уже знаете: много радуюсь я торжеству Кипріана, но еще болѣе скорблю, что не послѣдовалъ за нимъ» [1]).

[1]) Понтій въ жизни св. Кипріана.

СТИХОТВОРЕНІЕ.

Не унывай.

Когда угодно было Богу,
Чтобы, родившись бѣднякомъ,
Ты пролагалъ себѣ дорогу
Терпѣньемъ тяжкимъ и трудомъ:
То будь покоренъ, терпѣливъ,
Неутомимъ и молчаливъ,
На помощь свыше уповай
И никогда не унывай.

Когда Творцу благоугодно,
Чтобъ въ потѣ ты вкушалъ свой хлѣбъ:
То не ропщи женоподобно
На Бога всяческихъ судебъ;
Предъ Нимъ смиренно преклонись,
Святою вѣрой оградись,
И ею духъ свой ободряй,
Но никогда не унывай.

Когда для ревности усердной
Тебѣ назначенъ малый кругъ,
И въ рубежахъ его стѣсненный
Кипитъ порывами твой духъ—
Себя въ дѣлахъ благихъ явить,
Ихъ блескомъ міръ сей озарить:
Смиреньемъ ревность укрощай,
Но никогда не унывай.

Когда по волѣ Провидѣнья,
Трудясь всю жизнь и день и ночь,
Ты не встрѣчаешь ободренья
И трудъ тебѣ уже не въ мочь:
Преодолѣй строптивый гнѣвъ,
И руку къ Господу воздѣвъ,
Отрады свыше ожидай.
Но никогда не унывай.
И укрѣпившись благочестьемъ
Въ твоей страдальческой борьбѣ,
Не чти паденьемъ и безчестьемъ
Послѣдовать своей судьбѣ;
Но тщися въ маломъ вѣренъ быть,
Себя для долга позабыть,
Его съ любовью исполняй
И въ подвигахъ не унывай.
Есть всеблагое Провидѣнье,
Свидѣтель правыхъ дѣлъ твоихъ.
Желаній, помысловъ, терпѣнья:
Оно воздастъ тебѣ за нихъ.
Надѣйся, вѣруй и люби,
Труды свои усугуби,
Въ нихъ всѣ надежды полагай
И никогда не унывай.
Въ рукѣ Его сердца могущихъ,
Къ тебѣ ихъ силенъ обратить
Создавшій міръ сей отъ не-суіцихъ,
И черезъ нихъ пути открыть
Для проявленья силъ твоихъ
Въ дѣяньяхъ творческихъ, благихъ:
Сего призванья ожидай
И никогда не унывай.
Когда въ твоемъ уничиженьи
Судьба невольно приведетъ
Тебя съ нечестьемъ въ столкновенье
Нарушивъ кротости обѣтъ,
Ты истины не премолчи,
Нечестье смѣло обличи,
Враждой его пренебрегай
И никогда не унывай.

Когда-жъ по слову Бога-Слова
За правду будешь ты гонимъ,
Теки во слѣдъ за нею снова,
Любовью къ ней руководимъ:
Гонителей своихъ прости,
И, если можешь ихъ спасти.
Отъ бѣдъ и гибели спасай,
Но никогда не унывай.

Когда родня твоя и други
Тебя покинутъ, ижденутъ,
Забывъ пріязнь твою, заслуги,
Тебя забвенью предадутъ:
За вѣроломство имъ не мсти,
Неблагодарность отпусти,
За зло добромъ имъ воздавай
И никогда не унывай.

Когда благое Провидѣнье,
Хранившее тебя отъ бѣдъ,
Пошлетъ на домъ твой искушенье
Среди земныхъ твоихъ суетъ,
Лишитъ тебя жены, дѣтей:
О! рѣки слезъ о нихъ пролей,
О нихъ въ молитвахъ вспоминай.
Но никогда не унывай.

И на аренѣ этой жизни,
Каковъ бы ни былъ твой удѣлъ,
Пожертвуй всѣмъ земной отчизнѣ,
На подвигъ за Царя будь смѣлъ,
Предъ Церковью благоговѣй
И умереть за нихъ умѣй!..
За гробомъ есть небесный край:
Награда тамъ,—не унывай!

Когда божественная благость
Тебя за доблесть наградитъ,
Подастъ тебѣ здоровья сладость,
Богатствомъ, славой одаритъ:
Смиреньемъ кроткимъ оградясь
И сердцемъ къ Богу обратясь,
Ему въ щедротахъ подражай
И въ дѣлѣ семъ не унывай.

Когда обиліемъ и силой
Въ сей жизни будешь обладать:
Клеврета своего помилуй,
Умѣй врагамъ своимъ прощать.
Не презри сиру ты и вдову,
Спѣши на помощь къ нимъ безъ зову,
Ихъ скорби въ радость претворяй,
Въ трудѣ для нихъ не унывай.
Но если спутники счастливыхъ—
Льстецы на дворъ твой приползутъ,
Стрѣлами взоровъ горделивыхъ
Изгнать ты ихъ не позабудь;
Правдивыхъ въ домъ твой приведи,
За столъ съ собою посади,
Суровой правдѣ ихъ внимай
И, внемля ей, не унывай.

БЕСѢДЫ

О ПРИРОДѢ.

Слово вступительное.

Что такое, братіе, природа, насъ окружающая, и міръ чувственный, въ коемъ мы живемъ и движимся отъ нашей колыбели до гроба?—Любомудрые опредѣляютъ это различно; но для здраваго смысла и чувства христіанскаго самое лучшее понятіе о видимомъ мірѣ то, когда онъ представляется откровеніемъ совершенствъ божественныхъ, зерцаломъ, въ коемъ, по выраженію Апостола, *невидимая Божія видима суть,* самая *присносущная сила Его и Божество.* Поелику же зерцало сіе поставлено не напрасно и находится всегда предъ очами нашими: то само собою слѣдуетъ, что міръ, насъ окружающій, долженъ быть для насъ не только поприщемъ для нашего дѣйствованія, но и училищемъ для вразумленія насъ, какъ дѣйствовать и чего достигать. Взирая на порядокъ, существующій въ мірѣ, на законы, въ немъ господствующіе, на цѣли, достигаемыя посредствомъ каждой вещи въ особенности, и всѣхъ вкупѣ, мы должны чрезъ сіе сами пріучаться къ порядку, правильности, благонамѣренности и постоянству.

Такъ взирали на міръ лучшіе люди всѣхъ временъ и мѣстъ, и каждое свободное время отъ дѣлъ званія своего посвящали на провожденіе въ нѣдрахъ природы и на собесѣдованіе съ нею. Природа была для нихъ книгою, самою любимою. Изъ святыхъ завѣта ветхаго можно указать въ семъ случаѣ не только на святыхъ праотцевъ, кои всю жизнь проводили у своихъ стадъ и слѣдовательно внѣ городовъ и весей, но и на великихъ законодателей, пророковъ и по-

движниковъ, ибо гдѣ напримѣръ приготовлялся Моисей къ великому званію вождя народа Еврейскаго? Не при дворѣ Египетскомъ, а въ пустынѣ Мадіамской, среди горъ и юдолей Аравіи. Здѣсь получилъ онъ первыя откровенія; здѣсь посвященъ явленіемъ горящей купины въ званіе «бога фараонова». Гдѣ небошественный Илія удостоился видѣть откровеніе славы Божіей и бесѣдовать съ Богомъ? Не при храмѣ Соломоновомъ, а въ пустынѣ: Кармилъ и Хоривъ были жертвенниками, на коихъ онъ приносилъ безкровную жертву молитвъ и славословій. И новый завѣтъ, подобно ветхому, произошелъ и образовался среди храма природы. Предтеча всю жизнь провелъ въ пустынѣ Іорданской, проповѣдуя покаяніе. Самъ Спаситель нашъ родился не въ чертогахъ, а въ ясляхъ; крестился не въ купели Силоамской, а въ Іорданѣ; совершалъ дѣло служенія большею частію подъ открытымъ небомъ, на горахъ и у береговъ озера Тиверіадскаго. Величайшія таинства въ Его жизни, коими запечатлѣлось дѣло спасенія нашего, также совершились предъ лицомъ неба и земли: на Θаворѣ преобразился Онъ, на Голгоѳѣ распятъ, съ Елеона вознесся!

Пóслѣдуя столь великимъ примѣрамъ, и величайшіе изъ святыхъ мужей временъ послѣдующихъ любили ставить себя вдали отъ молвы градовъ и весей. Среди пустынь Египта и Палестины процвѣли Антоніи, Макаріи, Евѳиміи, Пахоміи, Саввы, Ѳеодосіи.—Пустыни даровали міру столь великихъ свѣтильниковъ, каковы Василій Великій, Григорій Богословъ и Іоаннъ Златоустъ. И доселѣ природа и жизнь среди нея остается любимымъ образомъ жизни для всѣхъ душъ возвышенныхъ, въ коихъ житейскія заботы и отношенія не подавили чистаго чувства природы.

Что въ окружающей насъ природѣ должно при семъ обращать на себя наше вниманіе? Все; ибо все возвѣщаетъ славу Божію, служитъ отраженіемъ совершенствъ творческихъ. Въ храмахъ рукотворенныхъ изъ присутствующихъ большая часть безмолвствуетъ; въ храмѣ природы, по замѣчанію царя-пророка, всякій глаголетъ славу. Посему, когда тотъ же тайновидецъ пріялъ свыше порученіе воззвать хоръ тварей къ пѣснопѣнію, то призывалъ къ сему всѣхъ и все, даже то, что̀ по нашему понятію служитъ къ разногласію (Псал. 148, 8). *Хвалите Господа,* восклицаетъ онъ, *снѣгъ, голоть и духъ буренъ.*

Но если такія вещи способны хвалить и прославлять Господа, тѣмъ паче способно къ тому то, что̀ видимо отличено между твореніями Божіими или величіемъ и могуществомъ, какъ солнце, луна,звѣзды, море, горы и бездны, или изяществомъ и пользою, какъ поющія пернатыя, какъ цвѣты и злаки, Подобнымъ образомъ тотъ же созерцатель природы слышалъ, какъ день дню отрыгаетъ глаголъ и ночь ночи возвѣщаетъ разумъ (Псал. 18, 3). Но если и каждый день и каждая ночь поучительны для человѣка, тѣмъ паче поучительны должны быть времена года. Уже то самое, что они имѣютъ разительное сходство съ возрастами нашей жизни, показываетъ, что въ нихъ заключены великіе уроки для нашей жизни. Какіе уроки? Это самое предприняли мы раскрыть и изобразить въ особенныхъ собесѣдованіяхъ нашихъ съ вами. Ибо мы, по самому званію нашему, призваны быть истолкователями для васъ не одного слова Божія откровеннаго, но и естественнаго, написаннаго въ книгѣ природы. А настоящее время года видимо располагаетъ къ сему: ибо теперь, послѣ зимняго заключенія въ душныхъ камнатахъ, всякій болѣе или менѣе сближается съ природою, и сближаясь вступаетъ невольно во многія отношенія съ ней. Симъ-то именно обстоятельствомъ хотимъ воспользоваться мы, для начатія своихъ собесѣдованій съ вами о временахъ года. Разсмотримъ и нравственное значеніе каждаго изъ нихъ и покажемъ отношеніе къ нашей судьбѣ и нашимъ нравамъ. Кромѣ сего остановимъ вниманіе на нѣкоторыхъ особенныхъ явленіяхъ нѣкоторыхъ временъ, подобно какъ искусные въ живописи, разсматривая картину вообще, останавливаются вниманіемъ на томъ, что̀ въ ней есть особенно примѣчательнаго.

Да даруетъ Господь, чтобы послѣ нашихъ собесѣдованій мы всѣ сдѣлались внимательнѣе ко временамъ года и перестали смотрѣть на нихъ какъ на простое видоизмѣненіе, такъ называемаго нами, театра природы, а начали видѣть въ нихъ видимое изображеніе невидимыхъ совершенствъ Божіихъ, поучительное зерцало нашей собственной жизни и образецъ для нашего поведенія! Аминь.

Слово о веснѣ

ПЕРВОЕ.

Въ то время, какъ мы въ нашихъ малыхъ и рукотворенныхъ храмахъ совершаемъ различныя богослуженія и переходимъ отъ празднества къ празднеству, великій и нерукотворенный храмъ природы также не остается безъ перемѣнъ: и въ немъ одна чреда служенія смѣняется другою; совершаются различныя торжества во славу единаго и того же Господа и Владыки всяческихъ.

Такъ, смотря на теперешнее весеннее убранство природы, на всюду развивающуюся зелень, на вездѣ разсыпающіеся цвѣты, и сравнивая все это съ прежнею наготою и мертвостію, кто не скажетъ, что теперь спавшая зимнимъ сномъ природа какъ бы воспрянула отъ сна и, подражая святой Церкви, начала праздновать день воскресенія.

Пройти сіе празднество безъ вниманія—значило бы показать преступное равнодушіе къ Самому Учредителю его, Который, очевидно, есть не человѣкъ какой-либо, а Самъ всемогущій Творецъ природы. Ибо если и простой художникъ не выставитъ напрасно картины предъ взоры всѣхъ; кольми паче премудрость Божія не можетъ обращать все лице земли, какъ это происходитъ теперь, въ живую, великую и разнообразную картину, не имѣя въ виду преподать чрезъ сіе урока тѣмъ, предъ взорами коихъ она выставляется.

Не будемъ же невнимательны къ намѣреніямъ премудрости Божіей и поспѣшимъ изыти мыслію въ пространный храмъ природы для принятія поученія отъ того великолѣпнаго зрѣлища, которое въ немъ теперь совершается.

Много поучительныхъ мыслей и чувствъ возбуждается въ душѣ среди весны; но всѣ онѣ могутъ быть сокращены въ три главные урока. И во-первыхъ, весна приводитъ собою на память сотвореніе міра, наше первобытное состояніе и наше паденіе; во-вторыхъ, весна служитъ поучительнымъ изображеніемъ нашего духовнаго обновленія отъ грѣховной смерти и показываетъ, что̀ намъ должно для сего дѣлать и чего избѣгать; въ-третьихъ, весна предъизображаетъ собою будущее обновленіе всѣхъ вещей въ концѣ

міра и наше воскресеніе изъ мертвыхъ. Разсмотримъ все сіе подробнѣе.

Мы не были и не могли быть свидѣтелями того чуднаго дѣйствія всемогущества Божія, коимъ весь видимый міръ, со всѣмъ разнообразіемъ существъ, его населяющихъ, со всѣми совершенствами и красотами ихъ, изведенъ изъ небытія и утвержденъ въ настоящемъ чинѣ своемъ. Но зрѣлище происхожденія вещей, по самому существу своему, есть наиспособнѣйшее къ тому, чтобы возбуждать въ насъ чувство благоговѣнія, любви и преданности къ Творцу и Владыкѣ всяческихъ. И вотъ, премудрость Божія изобрѣла средство замѣнить его для насъ другимъ, подобнымъ зрѣлищемъ. Каждую весну мы видимъ довольно явственно образъ первобытнаго происхожденія вещей, который, не имѣя первобытной огромности, коей впрочемъ наше слабое око не могло бы, вѣроятно, и перенести, замѣняетъ ее многократнымъ повтореніемъ своимъ. Припомните, какъ Моисей описываетъ сотвореніе міра: первымъ дѣйствіемъ всемогущества, послѣ произведенія веществъ изъ ничего, было повелѣніе: *да будетъ свѣтъ!* Съ подобнаго же начинается и появленіе каждой весны: та же всемогущая сила велитъ свѣту солнечному, слабо сіявшему зимою, устремиться на лице земли: и все начинаетъ принимать другой видъ; день растетъ, воздухъ становится теплымъ, видъ всѣхъ вещей просвѣтляется и веселѣетъ, и все въ природѣ готовится какъ бы къ нѣкоему празднеству.

Новымъ всемогущимъ дѣйствіемъ былъ гласъ: *да соберется вода, яже подъ небесемъ, въ собраніе едино, и да явится суша!* Подобное бываетъ и теперь. Въ продолженіе зимы водѣ, въ видѣ снѣга, покрываютъ все лице земли, такъ что въ семъ случаѣ повторяется первобытное пребываніе ея подъ водою; но съ приближеніемъ весны снова пріемлетъ силу древнее велѣніе—собраться водѣ въ *собраніе едино:* и снѣгъ отъ дѣйствія лучей солнечныхъ превращается въ воду; вездѣ являются ручьи и потоки; стекаются изъ разныхъ противоположныхъ странъ вмѣстѣ и неудержимо несутся внизъ, доколѣ не соберутся въ собраніе едино—въ океанъ. Земля омовенная, увлаженная, выходитъ изъ-подъ снѣжнаго покрова съ новыми силами, какъ бы вновь сотворенная для человѣка. Но она безобразна и нага; ей нужно

одѣяніе и украшеніе, чтобы явиться предъ своего Владыку.—Все это не замедлитъ явиться по силѣ первобытнаго повелѣнія: *да прораститъ земля быліе травное?*—Каждую весну, по сошествіи водъ весеннихъ, какъ бы нѣкіимъ чудомъ поднимается изъ нѣдръ земныхъ цѣлое, несмѣтное царство растеній. Подлинно царство! Какая жизнь, какая роскошь, какое изящество въ самомъ послѣднемъ злакѣ!—Гдѣ за недѣлю вы видѣли одну голую, мертвую массу земли: тамъ теперь подъ каждымъ кустомъ, на каждомъ холмѣ, въ каждой юдоли готовъ для васъ разноцвѣтный, свѣжій, душистый коверъ, на коемъ, по мѣстамъ, какъ живые яхонты и топазы, разбросаны прекрасные цвѣты. Подлинно самъ Соломонъ не облачался такъ во славѣ своей, какъ одѣты и украшены многіе изъ цвѣтовъ полевыхъ. И сколько ихъ? Возьмите всѣ ваши числа, и всѣхъ ихъ не станетъ для счета. Такъ могущественно слово: *да прораститъ земля!* Тысячи лѣтъ прошли, и еще пройдутъ, можетъ быть, тысячи; а земля не перестаетъ и не перестанетъ выполнять его во всей силѣ. Во время весны являются каждый разъ нѣкоторымъ образомъ самые останки райскаго древа жизни, разсѣянные по несмѣтному числу цѣлебныхъ травъ и цвѣтовъ, кои въ это время источаютъ для человѣка струи здравія тѣлеснаго.

За произведеніемъ царства растительнаго, послѣдовало, въ началѣ міробытія, сотвореніе царства существъ живущихъ: водѣ повелѣно наполниться рыбами, воздуху—птицами. Повтореніе сего чудеснаго дѣйствія можно видѣть каждую весну. Это—главное, для многихъ животныхъ единственное, время происхожденія на свѣтъ. Загляните въ эти бездны водъ при солнечномъ сіяніи съ высоты; вы изумитесь, какое множество тамъ новыхъ, живыхъ тварей. Когда произошли онѣ?—Нынѣ, вчера или за нѣсколько дней! А вотъ и безъ солнца, среди тьмы ночной, клубится вода, кто-то какъ будто бьетъ по ея поверхности и производитъ звукъ, оглашающій окрестность. Кто это? Тяжелый осетръ, или игривый окунь. Сими звуками и обитатели водъ какъ будто даютъ знать, что ихъ бездна не пуста, что тамъ есть живущія твари, и что глаголъ Божій къ рыбамъ: *наполните воды*, доселѣ не возвращается тощъ.

Воздухъ въ исполненіи повелѣнія Божія не отстаетъ

отъ воды. Сколько новыхъ пернатыхъ пріемлетъ онъ съ каждою весною на свои рамена! Посмотрите, какъ матери и отцы учатъ летать птенцовъ своихъ! Какъ вся семья, даже чужіе, помогаютъ и крикомъ и крыльями своими ихъ слабому и неопытному полету! Но многія страны, по суровости климата, скудны своими обитателями воздуха. Въ пополненіе сего недостатка,—предъ началомъ каждой весны, ведомые недовѣдомою силою, несутся въ сіи страны многочисленные сонмы пернатыхъ, чтобы занять мѣста праздныя; перелетаютъ неизмѣримыя пространства, моря и горы, но всегда поспѣваютъ во время и въ такомъ количествѣ, какое нужно, чтобы праздничный пиръ природы не остался безъ гостей. Наконецъ и тѣ пернатые, кои проводятъ съ нами зиму, съ наступленіемъ весны получаютъ какъ бы новую природу; являются въ большемъ количествѣ и съ новыми силами; бывъ дотолѣ молчаливыми и уединенными, становятся громогласными и стараются обратить на себя вниманіе. Смотря на все сіе, какъ не вспомнишь всемогущаго повелѣнія Творца: *и птицы да умножатся на земли!*

Сверху обратите взоры долу, подъ стопы ваши; тутъ также, каждую весну, новое явленіе: цѣлыя поколѣнія пресмыкающихся, коихъ зимою нигдѣ не было видно. Многія изъ нихъ отвратительны; нѣкоторыя даже ядовиты: что дѣлать? такими сдѣлалъ ихъ для насъ грѣхъ. А между тѣмъ не думайте, чтобы появленіе ихъ было дѣломъ какого-либо случая. Нѣтъ, они также явились не по своему произволу, а по гласу Всемогущаго. То же слово, которое повелѣло солнцу и лунѣ стать на тверди и украшать собою день и ночь, то же слово рекло: *да изведетъ земля душу живу и вся гады по роду ихъ* (Быт. 1, 24—25); и вотъ она изводитъ ихъ, и сколько бы вы ни старались переводить ихъ, будетъ изводить до конца бытія своего.

На человѣка, яко болѣе уклонившагося отъ природы, времена года дѣйствуютъ менѣе, однако же дѣйствуютъ, особенно весна. Волею или неволею, и онъ приближается въ это время къ природѣ, вступаетъ въ живое общеніе со всѣми тварями, сбрасываетъ съ себя множество нуждъ житейскихъ.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на человѣка зимою: его какъ бы нѣтъ на лицѣ земли; онъ прячется въ домахъ, и когда появляется на свѣтъ, то трудно узнать въ немъ вла-

дыку земли; такъ онъ окутанъ съ ногъ до головы звѣрями и смертями. Это—не царь природы, а нѣкое какъ бы страшилище всего живущаго. Приходитъ весна, и человѣкъ измѣняется. Онъ уже не въ самодѣльной темницѣ, заключенный въ четырехъ стѣнахъ, а на свободѣ, подъ яснымъ небомъ, на чистомъ воздухѣ. Въ полѣ, въ лѣсу, на водахъ—вездѣ, человѣкъ какъ будто вновь сотворенный, или умноженный. И земля, можно сказать, снова поступаетъ въ его владычество; съ наступленіемъ весны поля начинаютъ бороздиться подъ его плугомъ; рѣки и моря пѣниться подъ его весломъ, воздухъ разсѣкаться его парусами; самыя облака разступаются, чтобы дать мѣсто его воздухолетательнымъ шарамъ. Сколько нуждъ вдругъ спадаетъ со всего живущаго при наступленіи весны!—Если бы она продолжалась всегда, то очевидно, мы не имѣли бы нужды ни въ огромныхъ жилищахъ, ни во множествѣ одеждъ, ни въ разныхъ средствахъ, кои теперь по необходимости употребляемъ для защиты себя отъ холода и бурь зимнихъ. Для травоядныхъ животныхъ время весны—самый роскошный пиръ: вездѣ сочная и благоуханная пища. Не такъ ли было въ состояніи невинности? Вмѣстѣ съ избыткомъ всюду изящество и убранство: весна не щадитъ богатыхъ одеждъ ни для кого; многія изъ животныхъ въ это именно время получаютъ изъ рукъ природы, какъ обновы къ празднику, новую одежду по виду своему, а царство растеній все, съ ногъ до головы, измѣняетъ свое облаченіе, и никакой изобрѣтательный вкусъ не превзойдетъ тѣхъ узоровъ, коими испещрены весною поля и луга. Не такъ ли было въ состояніи невинности? Все живущее, даже неразумное, видимо, чувствуетъ преимущество весенняго времени и выражаетъ довольство и радость свою, чѣмъ можетъ, особенно пѣніемъ. Прислушивались ли вы когда-либо къ этому пѣнію?—Въ немъ звучитъ глубокое чувство жизни, довольства и какого-то священнаго восторга. Это радость существа, воскресшаго изъ мертвыхъ, которое послѣ того, какъ все было утрачено, вдругъ получило въ избыткѣ все, что̀ для него нужно. Какая неутомимость поющихъ! Какое разнообразіе въ поемомъ! Самая полночь оглашается сладкими звуками. Истинное всенощное бдѣніе природы! Въ семъ случаѣ неразумный міръ приближается къ міру ангельскому, гдѣ чистые духи, окру-

жая престолъ Божій, день и ночь гласятъ славу Вседержителя.

Кто, взирая на сіи красоты весенней природы, на радость и всеобщее довольство тварей, и слушая хоры пернатыхъ, оглашающихъ собою каждую рощу и поле, не готовъ бываетъ отъ души и сердца повторить то, что̀ изречено было Творцомъ по окончаніи творенія: яко *се вся добра зѣло!* Всякій, и можетъ быть не разъ, изъявлялъ желаніе, чтобы весна продолжалась, какъ можно долѣе. Но она кратковременна, короче всѣхъ временъ года, какъ бы въ знакъ того, что и наше пребываніе въ раю не было продолжительно.

Для чего же всемогущество Божіе каждый годъ представляетъ намъ во время весны такое подобіе сотворенія міра и нашего первобытнаго состоянія? Не для того ли, чтобы, видя предъ собою повтореніе творческихъ дѣйствій всемогущей силы Божіей, мы научились благоговѣть предъ Тѣмъ, Который когда посылаетъ Духъ Свой, то все созидается, а когда отвращаетъ лице Свое, то все мятется и готово обратиться въ ничтожество?—Преобразуя весною все лице земли, и, можно сказать, весь міръ, насъ окружающій, облекая его въ немногіе дни красотою и великолѣпіемъ, премудрость Божія, кажется, говоритъ всѣмъ намъ: смотрите, что Я могу сдѣлать для васъ, если вы будете того достойны!—Смотрите, чего вы лишились чрезъ грѣхъ, и чего можете достигнуть, освободившись отъ его всеразрушающаго владычества!

Да, братіе мои, какъ ни прекрасна весна, но и среди нея являются, очевидно, слѣды нашихъ великихъ, древнихъ потерь. Напоминая собою наше первобытное состояніе невинности и блаженства, она въ то же время ощутительно даетъ знать, что все прекрасное вокругъ насъ есть только одинъ остатокъ прежнихъ совершенствъ, что мы со всѣми тварями и со всею природою находимся въ состояніи лишенія и паденія. Ибо присмотритесь внимательнѣе къ образу весны, и вы, подъ новою одеждою и убранствомъ природы увидите древнюю наготу, болѣзнь и бренность; прислушайтесь къ величественному хору тварей радующихся, и вы примѣтите, какъ нарушается онъ глубокими стонами тварей страждущихъ. Вотъ обширный, цвѣтущій вертоградъ: въ немъ

все такъ прекрасно; но зачѣмъ эти засохшія дерева, безобразящія собою все, что̀ зеленѣетъ и цвѣтетъ вокругъ нихъ! Этого въ раю не было. Видите ли, далѣе, какъ на этомъ зеленомъ, бархатномъ коврѣ льется кровь агнца, терзаемаго тигромъ? Этого въ раю не было. Взгляните и на самаго владыку земли, какъ онъ неестественно согбенъ надъ плугомъ! Среди празднества природы, когда все вокругъ него поетъ и радуется, взоръ его тусклъ, лице уныло; крупный потъ падаетъ съ чела его; а на трапезѣ, послѣ такихъ трудовъ, ожидаетъ его кусокъ черстваго хлѣба. Этого въ раю не было. А что это подъ сими цвѣтами, кои украшаютъ собою такъ роскошно этотъ недавній холмъ? Тутъ могила юноши, который былъ единственною отрадою престарѣлой матери и только за мѣсяцъ предъ симъ опущенъ въ землю. Этого въ раю не было. Тѣмъ паче не было этихъ безчинныхъ кликовъ, коими буйное невоздержаніе нерѣдко оглашаетъ весенній воздухъ и силится заглушить чистый и святой хоръ тварей, славословящихъ Создателя.

Такимъ образомъ нынѣшняя весна, радуя собою взоры и сердца подобіемъ первобытнаго совершенства, въ то же время многими явленіями своими даетъ знать, что совершенство сіе нами потеряно, что мы со всею природою, насъ окружающею, находимся въ состояніи неестественномъ, и что слѣдовательно намъ должно прилежно помыслить о томъ, какъ выйти изъ сего несчастнаго положенія, и возвратить себѣ и природѣ ту райскую весну, которая бы, разъ начавшись, никогда не оканчивалась.

Довольно на первый разъ и сего урока отъ настоящей весны! Аминь.

Слово о веснѣ

ВТОРОЕ.

Чѣмъ болѣе размышляемъ мы, братіе мои, о настоящемъ времени года, тѣмъ яснѣе видимъ, что не напрасно избрали его предметомъ нашихъ собесѣдованій съ сего священнаго мѣста. Насъ останавливала мысль, что, занявшись внѣшнею природою и ея весеннимъ благолѣпіемъ, можемъ опустить

изъ виду нашу природу внутреннюю и назиданіе христіанское: вмѣсто сего открывается, что весна, невольно обращая на себя вниманіе благолѣпіемъ своимъ, въ то же время многими явленіями своими пробуждаетъ въ насъ самосознаніе нравственное, внятно напоминаетъ каждому о состояніи его души и совѣсти, и даже предуказуетъ, чему должно совершиться въ немъ и для ея духовнаго обновленія. Посему-то, безъ сомнѣнія, и Спаситель нашъ, для понятнѣйшаго изображенія предъ народомъ истинъ небесныхъ, нерѣдко бралъ сравненія изъ природы весенней: такъ напримѣръ, чтобы показать, въ какомъ тѣсномъ и существенномъ союзѣ должны быть съ Нимъ всѣ вѣрующіе въ Него, да не останутся безъ плода духовнаго, Онъ сравниваетъ Себя съ лозою виноградною, а ихъ съ вѣтвями, кои, при наступленіи весны, обыкновенно бываютъ обрѣзываемы и очищаемы вертоградаремъ. Послѣдуя сему великому примѣру, и мы намѣрены изобразить предъ вами весну, какъ образъ нашего духовнаго воскресенія отъ грѣховъ посредствомъ вѣры и покаянія. Образъ сей самъ собою представится взору каждаго, коль скоро обратимъ вниманіе на причины, отъ коихъ происходитъ весна чувственная и духовная, на явленія, среди нихъ совершающіяся, и на то, что̀ благопріятствуетъ и вредитъ имъ.

Въ самомъ происхожденіи весны уже скрывается великій урокъ для насъ. Видя, что весна происходитъ отъ умноженія и усиленія на землѣ свѣта и теплоты солнечной, легко можно подумать, что солнце приближается на весну къ землѣ. Между тѣмъ весною оно далѣе бываетъ отъ земли, нежели зимою. Откуда же обиліе свѣта и теплоты въ это время? Отъ того, что весною земля становится въ новое, совершенно другое, отношеніе къ солнцу. Зимою она была въ косвенномъ къ нему отношеніи; почему лучи солнечные, не смотря на близость его къ землѣ, большею частію скользятъ по ней, не производя теплоты; а весною земля обращается—нашею стороною—прямо къ солнцу, отъ чего лучи, не смотря на большую отдаленность солнца, падая прямо и поглощаясь землею, согрѣваютъ воздухъ и производятъ теплоту. Вотъ откуда весна,—отъ прямого обращенія лица земного къ солнцу!

Не оттуда-ли же и весна духовная? И не такимъ же

ли образомъ происходитъ? Грѣшная душа тверда, безчувственна и безжизненна, какъ земля зимою; отъ чего? Отъ того ли. что вѣчное Солнце далеко отъ ней? Нѣтъ, къ грѣшнику Господь ближе, нежели къ праведнику Своимъ милосердіемъ. Ибо Самъ Онъ сказалъ: *пріидохъ призвати не праведники, но грѣшники на покаяніе.* И Апостолъ Христовъ увѣряетъ, что *идѣже умножися грѣхъ, тамо преизбыточествова благодать.* Что же препятствуетъ лучамъ вѣчнаго Солнца оживить бѣдную душу грѣшника и произвести въ ней весну духовную? То же самое, что̀ чувственному солнцу препятствуетъ произвести на землѣ весну зимою,—непрямое положеніе грѣшника въ отношеніи къ вѣчному Солнцу—Богу. Но земля никогда всецѣло не отвращается отъ солнца, а нѣкоторою частію всегда обращена къ нему среди самой зимы; почему на ней, и среди зимы, остается хотя недолгій день: въ душѣ же грѣшника, къ сожалѣнію, можетъ происходить гораздо болѣе и хуже. Предавшись грѣху, возлюбивъ тьму паче свѣта, она всецѣло обращается отъ свѣтозарнаго востока къ темному западу, совершенно отвращается отъ лица Божія. Вмѣстѣ съ симъ естественно и неизбѣжно бѣдную душу покрываетъ темная ночь и глубокая мгла грѣха, такъ что если въ ней и остается какой свѣтъ, то развѣ подобный тому, какой бываетъ на землѣ у полюсовъ, во время сѣвернаго сіянія, поражающій иногда зрѣніе разнообразными явленіями, но не дающій нисколько теплоты животворной. А при такомъ недостаткѣ свѣта и теплоты божественной, какой ожидать жизни духовной? Посему-то въ душѣ грѣшной, какъ въ природѣ зимою, все наго и покрыто снѣгомъ и льдомъ; и это такъ бываетъ ощутительно, что самые міролюбцы и грѣшники, указывая въ семъ отношеніи одинъ на другого, говорятъ нерѣдко: «это—человѣкъ холодный къ добру! это—не человѣкъ, а камень!»

Но какъ бы ни была засыпана снѣгомъ и покрыта льдомъ душа грѣшная, въ ней всегда есть способность обратиться къ вѣчному Солнцу; и когда она обращается искренно и становится въ отношеніе къ Нему лицемъ въ лицу, тогда все начинаетъ принимать другой видъ, и въ ней наступаетъ весна духовная.

Какимъ образомъ? Наступленіе весны въ природѣ обна-

руживается первѣе всего обиліемъ свѣта и теплоты. Такъ и съ душею грѣшною. Первымъ дѣйствіемъ обращенія ея ко Господу бываетъ то, что ее начинаетъ озарять свѣтъ лица Божія. Хотя озареніе сіе вначалѣ не можетъ быть полное и всецѣлое; потому что душа грѣшная, хотя бы и желала, но связуемая и гнетомая злыми навыками, не можетъ вдругъ обратиться всѣмъ существомъ своимъ къ Богу; впрочемъ, при постоянствѣ и вѣрности со стороны обращающагося грѣшника, свѣтъ благодати постепенно усиливается, подобно свѣту весеннему, и подобно ему не только согрѣваетъ атмосферу душевную, но, проникая всю ледяную поверхность сердца, досягаетъ до самой глубины духа, возбуждая въ немъ останки первобытныхъ силъ и сѣмена добрыхъ расположеній! Ибо свѣтъ благодати не похожъ на свѣтъ мудрости земной, который, какъ ночное освѣщеніе улицъ, озаряя, нисколько не согрѣваетъ, можетъ произвести даже пожаръ, но не можетъ дать жизни ни одной былинкѣ полевой. Напротивъ, гдѣ возсіяваетъ благодать Христова, тамъ все существо человѣка приходитъ въ такое же состояніе, какъ природа при наступленіи весны. Человѣкъ тогда самъ чувствуетъ, что съ нимъ происходитъ необыкновенное, что онъ приближается къ нѣкоему обновленію и перерожденію.

Вторымъ признакомъ весны служатъ обыкновенно потоки водъ: вся поверхность земли начинаетъ въ это время таять и слезить; самые пески бываютъ влажны, самые камни мокры; то же и при началѣ духовнаго обновленія человѣка чрезъ покаяніе: онъ весь исполненъ сокрушенія и слезъ. Какъ въ состояніи нечувствія грѣховнаго ему хотѣлось непрестанно веселиться и смѣяться, такъ теперь его господствующая наклонность — печаль по Бозѣ, углубленіе въ себя и слезы. Ибо на что ни посмотритъ теперь грѣшникъ во свѣтѣ лица Божія, къ коему онъ обратился, все приводитъ его въ стыдъ и сокрушеніе: посмотритъ ли на самого себя и свою душу,—видитъ, какъ она обезображена грѣхомъ, какъ вся покрыта язвами и тлѣніемъ,—и плачетъ. Воззритъ ли на Искупителя своего и крестъ Его,—видитъ, какъ дорого стоило искупленіе грѣховъ человѣческихъ, какъ мало онъ пользовался симъ драгоцѣннымъ благодѣяніемъ, какъ часто даже отметалъ благодать помилованія,—и пла-

четъ. Самое воззрѣніе на милосердіе Божіе заставляетъ сокрушаться и плакать, подобно какъ самый кроткій взглядъ отца приводитъ въ слезы сына, являющагося предъ него въ первый разъ по возвращеніи съ пути погибели. *Исходища водная,* говоритъ святой Давидъ, *изведостѣ очи мои: понеже не сохранихъ закона Твоего* (Псал. 118, 136). Такъ сильно и продолжительно было въ немъ чувство слезнаго умиленія, не смотря на великій санъ царя Израилева, требовавшій отъ него лица свѣтлаго и бодраго. Потоки весенніе, обыкновенно, прекращаются чрезъ нѣсколько времени; а сіи *исходища* водъ покаянныхъ нерѣдко текутъ до конца жизни человѣка.

Омытая, увлаженная весенними водами, земля начинаетъ покрываться зеленью и цвѣтами; всѣ мѣста на ней принимаютъ видъ благолѣпный, способный дать пристанище и доставить удовольствіе, а нерѣдко и пищу путнику. То же и съ душею, омытою слезами покаянія: благія мысли и чувства облекаютъ ее со всѣхъ сторонъ; между ними, какъ благоуханные цвѣты, являются разные благочестивые обѣты и человѣколюбивыя преднамѣренія: то, подобно Закхею, рѣшаются раздать полъимѣнія нищимъ, и, если кто чѣмъ обиженъ, вознаградить четверицею; то, подобно Псалмопѣвцу, пріемлютъ обѣтъ не давать сна очамъ и вѣждямъ дреманія, доколѣ не посѣтится какое-либо святое мѣсто, или не устроится что-либо во славу имени Божія; то, подобно Маріи Египетской, обрекаютъ себя на особенные подвиги самоотверженія. Какъ ни разнообразна природа цвѣтами весенними, но душа, обновляющаяся благодатію, разнообразнѣе и богаче цвѣтами добродѣтелей: есть въ ней и бѣлый цвѣтъ невинности и чистоты сердечной, и красный цвѣтъ человѣколюбія и любви къ ближнимъ, и голубой цвѣтъ созерцанія и мудрости духовной, и желтый цвѣтъ воздержанія и трудолюбія. Въ природѣ притомъ не всѣ цвѣты благовонны; нѣкоторые даже издаютъ тяжелый запахъ: въ душѣ облагодатствованной всякій цвѣтокъ добродѣтели благоуханенъ и веселитъ сердце.

Съ цвѣтами весенними въ природѣ неразлучно пѣніе пернатыхъ. Не лишена сего знака радости и душа, возлюбившая Господе.

Въ самомъ дѣлѣ, чьи это гласы раздаются въ пустыняхъ

Ѳиваиды и на вершинахъ Ливана и Кармила? Зной дневной и хладъ ночной не прерываетъ ихъ. Не Ангелы ли Божіи избрали здѣсь мѣсто для своего пребыванія? Не праотецъ ли Давидъ воскресъ и, не нашедъ себѣ мѣста въ Іерусалимѣ, удалился въ это уединеніе: ибо звуки его десятиструнной псалтыри наиболѣе повторяются здѣсь? Нѣтъ; это свв. Антоній и Евѳимій съ ихъ дружинами; это великій Пахомій и Савва освященный съ ихъ братіею. Они отреклись міра и всѣхъ его тлетворныхъ удовольствій; посвятили себя на подвиги жизни уединенной, и дѣйствительно живутъ во плоти какъ безплотное, удивляютъ подвигами поста и самоотверженія самыхъ Ангеловъ; но поелику ихъ души обновились благодатію, поелику въ ихъ сердцахъ весна духовная: то, не смотря на ихъ труженическую жизнь, внутри ихъ непрестанное духовное веселіе; а какъ *отъ избытка сердца глаголютъ уста*, то ни въ какомъ чертогѣ царскомъ не слышно столько пѣнія, какъ въ ихъ убогихъ келіяхъ; ни одно изъ пернатыхъ не сравнится съ ними въ неутомимости.

Весна чувственная сходна съ духовною и въ томъ, что̀ вредитъ ей и безобразитъ ее. Веснѣ вредитъ обыкновенно чрезмѣрная засуха и чрезмѣрный дождь: въ томъ и другомъ случаѣ растительность страдаетъ, будущіе плоды портятся, нѣкоторыя дерева погибаютъ вовсе. Бываетъ засуха и въ веснѣ духовной, когда душа лишается благодатныхъ орошеній свыше отъ Духа Божія; лишается же тогда, когда въ ней оскудѣваетъ внутреннее молитвенное вожделѣніе сердца, коимъ привлекается всеорошающая благодать Духа. Недостатокъ дождя восполняется обыкновенно поливаніемъ: такъ должно поступать и въ дѣлѣ духовнаго обновленія. Поливай ожестѣвающую землю сердца слезами покаянія, доколѣ воскропитъ на нее благодать Св. Духа. Драгоцѣнной воды сей часто не достаетъ въ кладенцѣ сердечномъ:— въ такомъ случаѣ повергайся на землю и молись объ отверзеніи хлябій сердечныхъ; смиренная молитва о семъ сама по себѣ будетъ въ прохладу отъ зноя.

Вредное излишество влаги въ веснѣ духовной происходитъ не такъ, какъ въ веснѣ чувственной,—не свыше, а снизу. Ибо благодать Духа Всесвятаго не можетъ подавать даровъ въ излишествѣ, вредномъ для пріемлющаго; но тотъ,

кто пріемлетъ ихъ, можетъ не умѣть пользоваться правильно орошеніями духовными; а именно, когда вмѣсто того, чтобы подобно землѣ, впивая потребную долю влаги духовной, все остальное передавать другимъ, на ихъ пользу душевную, подобно мѣстамъ низменнымъ и не имѣющимъ стока, все удерживаютъ въ себѣ и, не давая движенія принятому, обращаются такимъ образомъ въ нѣкоторый видъ духовнаго блата. Явленіе сіе бываетъ рѣдко, но бываетъ. Большею же частію излишняя и вредная влажность, препятствующая духовному возрастанію, происходитъ отъ того, что, напаяясь посредствомъ разныхъ способовъ, добрыми, но несвободными отъ мечтательности чувствами, забываютъ выходить изъ-подъ тѣни самодѣльныхъ оградъ благочестія на чистый воздухъ—подъ открытое небо вездѣприсутствія Божія и ставить себя подъ солнце вѣчной любви и милосердія, сіяющаго съ Голгоѳы. Самыя слезы покаянія, столь благотворныя для поливанія ожестѣвающей земли сердечной, могутъ обратиться во вредъ, избыткомъ своимъ; именно, когда печаль по Бозѣ, отъ коей они истекаютъ, обращается въ духъ унынія и отчаянія духовнаго, который мертвитъ собою все.

Послѣ засухи и излишней влаги веснѣ наиболѣе вредитъ червь. Какъ непріятно бываетъ видѣть дерево, покрытое цвѣтами и—паутиною! Въ семъ случаѣ это малое животное кажется выраженіемъ какого-то золога начала, которое, какъ бы завидуя красотамъ весенней природы, силится скрыть ее отъ взора своею паутиною. Но деревà нельзя винить въ томъ, что ихъ среди самаго цвѣта, покрываютъ червь и паутина; но когда этотъ червь и паутина появляются въ душѣ на цвѣтахъ добродѣтелей, то причиною сего всегда бываетъ самъ человѣкъ. Этотъ червь есть самолюбіе и самоуслажденіе своими совершенствами: онъ зараждается тотчасъ и возрастаетъ быстро, коль скоро душа, обновленная и расцвѣтая благодатію, забываетъ свое ничтожество и возмечтаетъ, что обновленіемъ своимъ обязана собственному усилію и подвигамъ, а не вседѣйствующей силѣ благодати Христовой. О, блюдись, возлюбленная душа, кто бы ты ни была, сего адскаго червя! И на деревѣ онъ отвратителенъ; стократъ отвратительнѣе въ тебѣ. На деревѣ онъ портитъ цвѣтъ, дѣлаетъ негодными будущіе плоды, но дерево само остается цѣлымъ: въ душѣ червь самолюбія можетъ испор-

тить не только цвѣтъ и плоды, самое существо духовной жизни, и сдѣлать человѣка изъ благодатной лозы винограда Божія ни къ чему неспособною розгою.

Укажемъ наконецъ и то, въ чемъ весна духовная не сходствуетъ съ чувственною. Во-первыхъ, для весны чувственной есть неизмѣнное, опредѣленное время года: она не можетъ быть среди зимы. Для весны духовной нѣтъ опредѣленнаго времени: она можетъ быть всегда, когда только грѣшная душа обращается къ Богу. Это должно радовать и производить упованіе въ душахъ грѣшныхъ, кои еще не погрязли во грѣхахъ до того, чтобы вовсе не думать о своемъ спасеніи. Съ другой стороны, за весною чувственною всегда уже слѣдуетъ лѣто; никто не можетъ нарушить сего богоучрежденнаго порядка: но весна духовная можетъ паки вдругъ перемѣниться на зиму, самую жестокую, коль скоро душа, вознерадѣвъ о себѣ до того, что преогорчитъ Духа благодати, ее обновляющаго, отвратится отъ всесвятого лица Божія и устремится въ прежнюю тьму грѣховную. Если кому, то людямъ, испытавшимъ на себѣ дѣйствіе благодати Христовой, *вкусившимъ добраго глагола Божія* и сдѣлавшимся причастниками жизни въ Богѣ, должно твердо памятовать предостереженіе св. Павла: *мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ!*—Аминь.

Слово о веснѣ

ТРЕТЬЕ.

Въ настоящее время естествоиспытатели любятъ смотрѣть на природу, насъ окружающую, какъ на завѣтную храмину древностей, наполненную всякаго рода памятниками давнопрошедшихъ событій, и стараются посредствомъ собранія сихъ памятниковъ, безъ письменъ и преданій, возстановить исторію первобытнаго міра. Отдавая справедливость ихъ неутомимымъ трудамъ и пожелавъ имъ вмѣстѣ съ симъ тѣснѣйшаго знакомства съ бытописаніемъ Моисеевымъ, которое одно сообщаетъ болѣе истиннаго понятія о первыхъ дняхъ міра и человѣка, нежели сколько доселѣ можно было извлечь о томъ свѣдѣній изъ всѣхъ многотрудныхъ открытій

на поверхности и въ нѣдрахъ земли, замѣтимъ, что природа, насъ окружающая, свидѣтельствуя и наружностію и внутренностію своею о грозномъ и печальномъ прошедшемъ, въ то же время для внимательнаго наблюдателя можетъ служить провозвѣстницею великаго и радостнаго будущаго. Книга природы въ семъ отношеніи похожа на книгу откровенія, въ коей исторія и повѣсть соединены и, такъ сказать, перемѣшаны съ пророчествами и предзнаменованіями. Посему долгъ естествоиспытателя—не останавливаться при разсматриваніи природы на познаніи одного прошедшаго, но и устремлять, хотя по временамъ, взоръ къ тому великому и славному будущему, коего, по замѣчанію св. Павла, *чаетъ* и къ коему готовится вся тварь.

Время года, нами разсматриваемое, также не лишено прорицательнаго значенія. Такъ взиралъ на весну Самъ Господь и Спаситель нашъ. Припомните послѣднюю бесѣду Его съ учениками на горѣ Елеонской о послѣднихъ дняхъ міра. Желая пояснить для нихъ указанные имъ признаки будущей кончины міра и Своего пришествія, Онъ обратилъ вниманіе ихъ на то, что̀ происходитъ съ деревами при наступленіи весны. Возьмите, вѣщалъ Онъ, примѣръ со смоковницы; когда вѣтви ея становятся уже мягки и пускаютъ листья, то вы знаете, что близко лѣто: такъ, когда увидите все сіе, знайте, *что близко при дверехъ* (Матѳ. 24, 32—33). Подобнымъ образомъ и Ап. Павелъ, чтобы прояснить возможность будущаго возстанія изъ персти земной нашихъ тѣлъ и защитить евангельское ученіе о семъ отъ недоумѣній, обращается также къ веснѣ, и въ судьбѣ воскресающихъ въ это время отъ смерти зимней сѣмянъ находитъ предъизображенною судьбу тѣлъ человѣческихъ, имѣющихъ, подобно сѣменамъ, принять новый и лучшій видъ въ день всеобщаго воскресенія. Послѣдуя симъ указаніямъ, взглянемъ, братіе, на весну, какъ на образъ и провозвѣстницу будущихъ всемірныхъ событій.

Весна изображаетъ будущее обновленіе міра уже неизвѣстностію своего наступленія. Всякій знаетъ зимою, что наступитъ весна; но когда именно она начнется, сего не можетъ сказать ни одинъ мудрецъ. Подобнымъ образомъ, всѣ ожидаемъ вѣчной весны въ новомъ мірѣ; но когда послѣдуетъ конецъ міра настоящаго, сіе ни для кого недовѣдомо.

Напрасно благочестивая, но неосторожная любознательность, увѣривъ наскоро себя, силится потомъ увѣрить другихъ, что она нашла способъ предузнать время скончанія міра: вопреки сему годы и столѣтія идутъ и проходятъ, показуя, что они навсегда положены во власти Господа временъ и лѣтъ, и потому не подлежатъ никакимъ выкладкамъ и разсчетамъ человѣческимъ. Напрасно и невѣріе брало бы отсюда поводъ и причину отвергать будущее пакибытіе міра и подрывать толико отрадное для всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ ученіе Евангелія объ ожидающемъ всѣхъ и каждаго воздаяніи за подвиги и жертвы для добродѣтели. Послѣ долгихъ и примрачныхъ дней ожиданія, наступитъ наконецъ и величественный день исполненія: явится небо ново и земля нова, *въ нихъ* же одна *правда живетъ* (2 Петр. 3, 13), и откуда навсегда будетъ изгнана всякая печаль и всякое воздыханіе.

Гдѣ это новое небо и эта новая земля теперь?—Здѣсь же, подъ симъ ветхимъ небомъ и сею устарѣвшею землею. Какъ можетъ до времени скрываться новое будущее подъ ветхимъ настоящимъ, это каждый годъ показываютъ намъ зима и весна. Природа зимою и природа весною такъ между собою противоположны, что кажется, это не одна, а двѣ природы, совершенно различныя; и если бы кто не видѣлъ никогда весны, то среди зимы ему трудно представить, чтобы тамъ, гдѣ все покрыто снѣгомъ и льдомъ, цѣпенѣетъ въ мертвомъ безчувствіи, чрезъ нѣсколько времени все могло ожить, расцвѣсти, препоясаться радостію и красотою.— Между тѣмъ въ природѣ, въ продолженіе зимы, находится весь запасъ для красотъ будущей весны; самая зима есть ни что иное, какъ необходимое приготовленіе къ тому; подъ единообразнымъ и грубымъ покровомъ ея, совершается тайна возобновленія силъ природы, истощенныхъ лѣтнимъ плодоношеніемъ. Такъ и подъ грубою пеленою нынѣшняго образа и состава вещей, во внутренней храминѣ естества, уготовляется таинственно прекрасный видъ будущаго новаго неба и новой земли. Когда приготовленія окончатся, тайна работа будетъ довершена; тогда завѣса отнимется и наступитъ великій день всемірнаго обновленія.

Какъ будетъ поднята завѣса? Подобно тому, какъ она поднимается ежегодно въ началѣ весны. И тутъ всякій разъ

бываетъ, можно сказать, преставленіе всѣхъ вещей, насъ окружающихъ, и небо и земля пріемлютъ новый видъ: солнце тонувшее въ туманахъ, едва бросавшее лучи, смиренно и какъ бы не хотя ходившее вскрай горизонта, вдругъ пріемлетъ свойственную ему величавость, восходитъ на верхъ свода небеснаго, бросаетъ потоками свѣтъ и теплоту; земля пробуждается отъ зимняго сна, сбрасываетъ съ себя оковы льда и снѣга, проникается теплотою и жизнію, и износитъ все, что̀ хранилось въ ея нѣдрахъ. Подобное сему, но гораздо въ большемъ размѣрѣ, произойдетъ, по ученію слова Божія, въ концѣ міра. И тогда главными дѣйствователями будутъ свѣтъ и теплота; но они расплавятъ уже не поверхность только земную, не ледяную кору, а самый составъ, самое сердце земли: тогда, по выраженію Апостола, самыя стихіи *сжигаеми разорятся* (2 Петр. 3, 10). Гдѣ возьмется столько свѣта и теплоты? А гдѣ ихъ нѣтъ теперь? Ударьте камень о камень,—и явится огонь; ударьте ледъ объ ледъ,—и тутъ огонь. Внутри каждой вещи—пламень: стоитъ только возбудить его, и онъ обниметъ собою все видимое.

Какъ съ наступленіемъ весны все, лежавшее внутри земли и способное ожить, оживаетъ и выходитъ на поверхность ея, а что̀ оставалось на сей поверхности, принимаетъ новый видъ: такъ и въ день всемірнаго пакибытія всѣ тѣлеса человѣческія, почивавшія, какъ сѣмена, въ утробѣ земной, оживутъ и возстанутъ изъ персти. А съ тѣми изъ собратій нашихъ, коихъ сей великій день обновленія застанетъ въ живыхъ, произойдетъ, по увѣренію Апостола, перемѣна другого рода: они, не умирая, получатъ новое тѣло, сообразно новому образу лучшаго бытія; и поелику тогда все будетъ совершаться съ необыкновенною силою, то измѣненіе сіе, по увѣренію того же Апостола, послѣдуетъ съ чрезвычайною быстротою, *яко во мгновеніе ока* (1 Кор. 15, 52).

Займемъ еще отъ весны, по примѣру Ап. Павла, способъ къ устраненію недоумѣній объ истинѣ нашего будущаго воскресенія, отъ коихъ приходятъ иногда въ смущеніе души самыя добрыя.

Для плотскаго разумѣнія, привыкшаго останавливаться единственно на томъ, что̀ видитъ глазъ и слышитъ ухо, и не умѣющаго восходить отъ видимаго къ невидимому, можетъ казаться непостижимымъ, даже противоестественнымъ, уче-

ніе Евангелія о воскресеніи тѣлъ человѣческихъ. Откуда возьмется плоть, которая давно обратилась въ прахъ и смѣшалась съ землею, или разсѣялась по воздуху? Тѣмъ паче какъ могутъ воскреснуть тѣ изъ тѣлъ, кои, обратившись въ землю и вошедъ въ составъ ея прозябеній, чрезъ нихъ сдѣлались пищею и слѣдовательно принадлежностію другихъ тѣлъ человѣческихъ? Все сіе представляется неудоборѣшимымъ и темнымъ. И на все сіе какъ бы, думали вы, отвѣчаетъ святой Павелъ? *Безумне,* восклицаетъ онъ, *и ты еже сѣеши не тѣло будущее сѣеши, но голо зерно, аще случится пшеницы, или иного отъ прочихъ: Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхощетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло* (1 Кор. 15, 36—38). Сравненіе весьма вѣрное и потому весьма убѣдительное. Ибо что̀ мы дѣйствительно сѣемъ осенью? Не статные и высокіе стебли, не золотые колосья, а голое зерно, которое, въ продолженіе зимы, замираетъ, а предъ наступленіемъ весны, отъ усилившейся теплоты земной, теряетъ свой видъ и приходитъ въ состояніе тлѣнія; но это самое истлѣваніе и смерть служитъ основою, началомъ и условіемъ будущаго стебля и колоса, такъ что тѣ зерна, кои не умерли такимъ образомъ до наступленія весны, не могутъ дать отъ себя ничего, остаются въ землѣ и обращаются въ прахъ. Подобно сему и предаваемыя землѣ тѣлеса человѣческія суть сѣмена будущихъ тѣлъ новыхъ, въ кои должно облещись намъ въ великій день воскресенія. Находясь въ нѣдрахъ земныхъ, они разлагаются на свои составныя части, очищаются посредствомъ тлѣнія отъ всѣхъ видовъ бренности, и такимъ образомъ уготовляются къ тому, чтобы изъ нихъ, въ свое время, дѣйствіемъ всемогущей силы Божіей, возникла чистая, первобытная тѣлесность, способная достойно облечь собою уже на всю вѣчность безсмертный духъ человѣческій.

Симъ же самымъ сравненіемъ, взятымъ отъ сѣмени весною, разрѣшается совершенно и другое недоумѣніе: какъ возстанутъ въ день воскресенія тѣ изъ тѣлъ, кои смѣшались съ другими тѣлами и обратились, повидимому, въ ихъ составъ? Возьмите осенью сѣмена разныхъ растеній и смѣшайте ихъ какъ угодно; бросьте потомъ ихъ въ землю и смѣшайте, сколь можно болѣе, эту землю: вы не смѣшаете симъ весенняго всхода; ни одно изъ сѣмянъ не за-

будетъ своей природы; пшеничное зерно явится пшеницею, роза розою, виноградъ виноградомъ; все удержитъ свою природу, свой видъ такъ, какъ бы вы посадили его особенно. Удивительно ли послѣ сего, если и наши тѣлеса, не смотря на многообразное смѣшеніе ихъ въ персти земной, сохранятъ каждое свою природу? Что составляетъ въ нихъ сѣмя и основу будущаго, вѣрнаго тѣла, то ни съ чѣмъ не можетъ смѣшаться, ни во что не можетъ претвориться; то неразрушимо и соблюдется всецѣло до дня всеобщаго воскресенія.

Всѣ убо, уснувшіе сномъ смерти, возстанутъ въ великій день сей. Но, Боже мой, сколь различна будетъ участь и свойство возставшихъ! Тѣлеса праведныхъ будутъ чисты, свѣтоносны, украшены всѣми совершенствами, какія токмо возможны для тѣла человѣческаго; а тѣлеса людей грѣшныхъ будутъ выражать собою все внутреннее безобразіе души нечистой и отверженной. Истина поразительная, отдаленная, повидимому, отъ всякаго опыта, и однако же дающая себя видѣть отчасти каждую весну самому простому глазу. Посмотрите на какой угодно садъ: въ немъ, съ новою весною, все обновилось, цвѣтетъ и благоухаетъ; а нѣкоторыя вѣтви и деревья, кои въ продолженіе зимы не сохранили въ себѣ внутренней жизни, и теперь голы, сухи, мертвы и безобразятъ собою прекрасный видъ прочихъ деревъ. Весна принесла съ собою жизнь, новое облаченіе и красоту всему царству растеній; они одни остались съ зимнею наготою и безобразіемъ. Почему? Потому, что въ нихъ угасла внутренняя жизнь, потеряна способность принимать питаніе, дышать воздухомъ и двигать свои соки. И вотъ вѣрное изображеніе человѣка грѣшника въ день будущаго воскресенія! И онъ останется цѣлъ среди всеобщаго превращенія вещей, поелику природа человѣческая неразрушима и безсмертна; но будетъ подобенъ дереву засохшему, или замершему. Когда подъ новымъ небомъ, на новой землѣ, все оживетъ и будетъ наслаждаться новымъ, лучшимъ образомъ бытія: онъ явится мертвъ духомъ, безобразенъ тѣломъ и подвергнется участи деревъ засохшихъ. Да, братіе мои, если и садовникъ не терпитъ долго, чтобы вертоградъ его безобразился весною отъ сухихъ деревъ: то можетъ ли потерпѣть въ будущемъ раю сладости грѣшниковъ Вертогра-

дарь небесный? И Онъ велитъ собрать сухія и мертвыя дерева и бросить въ огонь вѣчный. Вѣчный, говоримъ, ибо подъ новымъ небомъ, на новой землѣ, все будетъ вѣчно.

Чѣмъ и какъ можетъ быть избѣгнута сія ужасная участь? Очевидно—не нашею чистотою и праведностію: ибо гдѣ человѣкъ, иже поживетъ и не согрѣшитъ? Чѣмъ же? Вѣрою въ Господа Іисуса, Коего заслугами покрываются всѣ неправды наши, Коего кровь всесвятая сильна очистить насъ отъ всякаго грѣха. Искреннимъ покаяніемъ во грѣхахъ нашихъ, соединеннымъ съ оставленіемъ злыхъ навыковъ и темныхъ дѣлъ, съ посильнымъ вознагражденіемъ нашихъ неправдъ и беззаконій дѣлами любви и смиренія. Се путь на новую землю и подъ новое небо! Другого нѣтъ и быть не можетъ! Аминь.

Слово о лѣтѣ

ПЕРВОЕ.

Какъ на бѣдной землѣ нашей все цвѣтущее кратковременно! Давно ли мы срѣтали весну? А вотъ уже конецъ ея. Воды, весеннимъ разливомъ своимъ веселившія градъ нашъ, давно утекли въ морс; рѣки вошли въ свои берега и текутъ съ прежнимъ смиреніемъ; весенніе цвѣты всѣ отцвѣли и дали мѣсто плодамъ лѣтнимъ; хороводъ птицъ замолкъ; видъ природы, не теряя всего убранства, сдѣлался мужественнѣе и степеннѣе: все показываетъ, что мы находимся уже среди лѣта. Время года не такъ заманчивое, какъ весна; но богатствомъ явленій превосходитъ всѣ прочія времена. Тутъ человѣкъ пожинаетъ плоды годичныхъ трудовъ своихъ; тутъ природа раскрывается въ грозныхъ силахъ своихъ, даетъ знать о своемъ могуществѣ громами и молніями; тутъ являются нерѣдко ужасные бичи: грады, саранча и проч. Сколько предметовъ для размышленія! И ужели христіанину прилично размышлять обо всемъ этомъ только въ отношеніи къ своей земной жизни, къ своему хозяйству и экономіи?—Ахъ, у каждаго изъ насъ есть другая экономія, гдѣ сѣяніе не на одно лѣто и жатва не на одинъ годъ. Горе тому, кто, предавшись попеченіямъ о своихъ поляхъ и земляхъ, забудетъ ниву собственнаго сердца; горе тому, кто, украшая сады

свои всякаго рода растеніями, вознерадитъ о вертоградѣ души своей! Ибо, что пользы, если человѣкъ пріобрѣтетъ весь міръ, а погубитъ душу свою? А она погибнетъ, если мы не приложимъ попеченія, чтобы спасти ее, погибнетъ, если все время и способности наши будутъ, какъ нерѣдко случается, поглащаемы земными заботами.

Съ сими мыслями перейдемъ, братіе, къ собесѣдованіямъ нашимъ о настоящемъ времени года и, сообразно свойству его и отношенію къ нашему времени вѣры, разсмотримъ лѣто, какъ время спѣянія и убиранія плодовъ, какъ время особенныхъ явленій въ природѣ, какъ время особенныхъ дѣйствій на судьбу человѣка Промысла Божія. *(Не окончено).*

Слово о лѣтѣ

ВТОРОЕ.

Къ числу особенныхъ лѣтнихъ явленій въ природѣ первѣе всего принадлежатъ молнія и громъ. Нынѣшнее лѣто особенно богато сими грозными явленіями, такъ что они невольно заставляютъ говорить многихъ. Поговоримъ о нихъ и съ сего священнаго мѣста.

Чей это гласъ, братіе, гремитъ съ неба во время грома? Откуда берется этотъ ужасный огонь, предъ коимъ всѣ наши огни такъ слабы и малосильны? Естествоиспытатели изъясняютъ это явленіе въ природѣ силою, такъ называемою, электрическою. Не будемъ мѣшать ихъ полезнымъ наблюденіямъ надъ сею силою. Спросимъ только, что это за сила? Отвѣта на сей вопросъ не можетъ дать ни одинъ мудрецъ. Сила. обнаруживающаяся тѣмъ или другимъ, производящая то и то; а что̀ она сама—сего никто не знаетъ. Ужели нѣтъ значенія и смысла въ сей силѣ? Ужели нѣтъ существа, коему принадлежитъ она? Если громъ не гремитъ безъ руки, приводящей его въ движеніе на нашихъ бѣдныхъ театрахъ: то безъ сомнѣнія есть десница, которая заставляетъ трепетать небо и землю въ пространной атмосферѣ природы! Чья это десница? Не видѣлъ ли кто ее когда-либо? Видѣлъ. Кто? Святой Давидъ.

Скажи же намъ, боговдохновенный мудрецъ и пророкъ Из-

раилевъ, что это за сила электрическая, которую мы думаемъ выяснить, но коей никто изъ насъ не понимаетъ нимало? Не знаю я вашихъ ученыхъ открытій, отвѣчаетъ Псалмопѣвецъ, а скажу то, что̀ видѣлъ и слышалъ во время грома. И я видѣлъ силу, но силу Іеговы; и я слышалъ гласъ, но гласъ Божій, гласъ Господень на водахъ, гласъ Господень въ крѣпости, гласъ Господень въ великолѣпіи, гласъ Господа сокрушающаго кедры, гласъ Господа пресѣцающаго пламень огня, гласъ Господа стрясающаго пустыни, гласъ Господа свершающій елени (Псал. 28, 3. 9). Видите, какъ ухо пророка послѣдовало всюду за громомъ и вездѣ слышало токмо гласъ Божій! Но пророческія ли только ушеса способны къ сему? Посмотрите на самаго послѣдняго простолюдина, застигнутаго грозою на нивѣ, имъ обрабатываемой: при блескѣ молніи онъ съ благоговѣніемъ обнажаетъ главу и знаменуетъ себя крестомъ. Что это, какъ не слѣдствіе того, что онъ слышитъ гласъ Божій? И почему слышитъ? Потому, что лжеименное познаніе и бездушная нечувственность градовъ не успѣла заглушить въ немъ чувства природы, которая всегда тотчасъ узнаетъ близость къ себѣ Творца. И въ однихъ ли людяхъ узнаетъ? Нѣтъ, въ самыхъ неразумныхъ животныхъ. Перенеситесь мыслію въ знойныя страны земель равноденственныхъ, гдѣ жизнь и растительность въ самой высшей степени, но гдѣ въ высшей степени свирѣпствуютъ и ураганы съ громами и молніею, и станьте у входа въ эту пещеру. Въ обыкновенное время вы увидите тамъ борьбу на смерть между всѣмъ живущимъ: ужасная змія борется съ тигромъ; левъ сражается съ гіеною. Но вотъ, идетъ гроза, и земная брань утихаетъ. Въ пещеру стремится все живое, и большіе и малые звѣри, кои въ обыкновенное время не терпятъ другъ друга. Теперь они всѣ вкупѣ, спокойно лежатъ одинъ подлѣ другаго, и вы сами можете укрыться подъ сводомъ ея. Что примирило всѣхъ, связало лютость и кровожадность? Гласъ Божій, присутствіе Того, чей глаголъ не возвращается тощь.

О, если бы гласъ Божій, гремящій изъ облаковъ, производилъ всегда надъ людьми то, что̀ онъ производитъ надъ львами и тиграми!—Нѣтъ однако же человѣка безчувственнаго, который во время сильныхъ ударовъ грома не приходилъ бы въ сотрясеніе и не чувствовалъ нѣкій родъ ужаса.

Всякій видитъ, какая ужасная сила разражается надъ его головою, всякій чувствуетъ, что одно мгновеніе, и—онъ повержается во прахъ.

Что же хочетъ внушить намъ гласъ Божій, гремящій въ облакахъ? Милость или гнѣвъ? Ахъ, не такъ возвѣщается милость небесная, не такъ безъ сомнѣнія бесѣдовалъ Вышній съ нами, когда мы были въ раю въ состояніи невинности; не такъ и послѣ являлся Онъ избраннымъ Своимъ, когда благоволилъ удостоивать ихъ Своимъ откровеніемъ. Предъ Иліею прошелъ трусъ, и не въ трусѣ Господь; прошелъ огонь, и не во огнѣ, а въ духѣ хлада тонка. Если же намъ является Онъ во огнѣ и трусѣ, то потому, что мы всѣ похожи на древнихъ Израильтянъ, коимъ съ Синая надлежало изрекать законъ въ молніяхъ и громахъ. Посему всякій разъ, братіе, когда слышу громъ, мнѣ представляется злополучное паданіе нашихъ прародителей; кажется, я слышу гласъ Бога, ходящаго въ раю и вопрошающаго: «Адаме, гдѣ еси?» И тогда нужно было уже перемѣнить тихій гласъ друга на гласъ взыскателя и судіи; ибо праотецъ нашъ, гонимый совѣстію, уже скрывается отъ Того, къ Кому прежде всегда готовъ былъ летѣть на крыльяхъ вѣтренныхъ. А нынѣ, по прошествіи толикаго времени, съ умноженіемъ преступленій и безчувствія, когда одебелѣ сердце людей, когда ушима такъ тяжко слышатъ, нынѣ потребенъ громовый гласъ, дабы дать знать о себѣ. Да, хоть дать знать о себѣ: ибо есть люди, кои съ фараономъ готовы сказать: «и кто есть Богъ? еда есть сила и разумъ въ Вышнемъ?» Есть, отвѣчаетъ небо гласомъ громовымъ, есть столько, что въ одно мгновеніе человѣкъ можетъ быть обращенъ въ прахъ.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, если какое явленіе въ природѣ, то громъ показываетъ, что всѣ угрозы Божіи нераскаяннымъ грѣшникамъ должны сбыться во всей силѣ и точности. Смотря на тихую лазурь небесную, прохлаждаясь легкимъ дыханіемъ вѣтерка, возлежа на бархатѣ цвѣтовъ, сотканныхъ рукою весны, легко можно подумать, что на небѣ живетъ одна благость, что закону нѣтъ нужной ограды, что можно преступать его и не опасаться ничего. Но вотъ, небо начинаетъ хмуриться, являются облака, слышится приближеніе тучъ, и чело преступника, блиставшее желаніемъ чувственности, также начинаетъ темнѣть, внутри его также

начинаетъ быть слышимъ голосъ совѣсти, она начинаетъ вопіять къ нему: остановись, несчастный, надъ тобою гнѣвъ небесный. Есть Богъ, судія земли, есть отмститель невинности и каратель преступленій. Видишь, какія у Него стрѣлы? Если здѣсь, на землѣ милосердія, Онъ гнѣвенъ и страшенъ, то каковымъ явится въ странѣ правды и во время воздаянія и суда? И какъ ты постоишь предъ лицемъ Его?

Бываютъ еще минуты, мрачныя и жалкія, минуты сомнѣнія, слѣдствіе нашего естества поврежденнаго и обыкновеннаго охлажденія къ вѣрѣ, когда мы чувствуемъ невольное невѣріе въ самыя святыя истины, спрашиваемъ, напр., если не другихъ, то самихъ себя, ужели дѣйствительно огромный міръ нашъ разрушится, какъ учитъ Писаніе, и все сгоритъ отъ огня? Но гдѣ взять огня для такой огромной массы вещества? Начинаетъ сверкать молнія, усиливается болѣе и болѣе; дождь льется потоками, но не пресѣкаетъ огня небеснаго, а кажется умножаетъ его, все небо въ пламени, воздухъ горитъ изъ края въ край, земля стонетъ и трепещетъ,—и невѣріе разсѣевается; ибо видитъ, какъ все вокругъ насъ исполнено огня, стоитъ только пробудить его; и какъ легко это пробужденіе! Воспламенись наша атмосфера, и все на землѣ, самая земля сгоритъ, и исчезнетъ отъ блеска молніи Божіей и та искусительная мысль, какъ пламень адскій можетъ всегда горѣть и не сгорѣть; ибо молнія показываетъ, что и теперь есть огонь, коему не нужно никакой пищи, и коего какъ бы естественное свойство—поражать и преслѣдовать.

Какъ однако же сей огонь правосудія, сообразно свойству искупительнаго настоящаго состоянія нашего на землѣ, связанъ и обузданъ милосердіемъ и долготерпѣніемъ! Сколько громовъ прогремитъ каждый годъ! Сколько падетъ ихъ на землю! Сколько главъ, привлекающихъ на себя гнѣвъ небесный! Но какъ немного поражено! Вообще онъ принадлежитъ къ рѣдкимъ случаямъ. А между тѣмъ благотворная польза отъ грома и молніи постоянная, повсюдная. Вездѣ, гдѣ пройдетъ туча съ громомъ, воздухъ освѣжается, земля со всѣми растеніями получаетъ новую силу и жизнь. Въ семъ отношеніи громы и грозы служатъ живымъ символомъ привременныхъ несчастій, съ нами приключающихся: несчастія посылаются на насъ мудрымъ провидѣніемъ съ тою же цѣлію, съ какою

гремятъ громы, чтобы привести насъ въ чувство, заставить осмотрѣться, гдѣ мы и что̀ съ нами, обратиться къ небу, вспомнить о Богѣ нашемъ, послѣднемъ концѣ и вѣчности. Если мы не затыкаемъ во время несчастій слуха отъ внутреннихъ вѣщаній совѣсти, то, перенося ихъ въ духѣ вѣры и покаянія, видимъ на себѣ то же, что̀ бываетъ съ землею во время грозы: воздухъ мыслей становится чище, сердце дѣлается мягче, все доброе возникаетъ изъ глубины души. Даже, если по прошествіи несчастій, нѣчто въ судьбѣ нашей, какъ послѣ грозы, представляется опроверженнымъ, разбитымъ, то и это на великую намъ пользу: ибо это опроверженное, разбитое было то самое, что̀ привлекало на насъ гнѣвъ небесный и, не будучи опровергнуто и изринуто, опровергло и погубило бы навсегда насъ.

Не забудемъ наконецъ, братіе, что минуты грома каждый разъ бываютъ минутами роковыми, и мы, начавъ слышать гласъ Божій съ неба, никогда не можемъ быть совершенно увѣрены, что дослушаемъ самое послѣднее вѣщаніе его. Эта грозная неизвѣстность должна заставить насъ проводить время грозы въ чувствахъ вѣры и покаянія, въ такихъ чувствахъ, съ коими можно бы явиться предъ Того, чей гласъ слышимъ. Посему всего лучше, кто можетъ быть во время грозы на молитвѣ. Это самое лучшее предостереженіе отъ молніи. Стань на колѣни, подними очи и руки къ небу и скажи: «Господи, я слышу гласъ Твой, прости, если неготовъ, подобно праотцу, явиться предъ Тебя; но я не хочу убѣгать лица Твоего, самаго гнѣвнаго. Вотъ преступная глава моя; поражай, если угодно, Твоею правдою: только, поразивъ, очистивъ, пріими въ объятія Твоей любви!»—Кто не можетъ поставить себя на молитву во время грозы, напримѣръ будучи окруженъ людьми или по другой причинѣ, тотъ стань на молитву внутренно, собери свои мысли, устреми ихъ на небо и скажи во глубинѣ сердца: «Боже праведный, буди милостивъ мнѣ грѣшному!»

Нѣтъ нужды, братіе, доказывать пользу сихъ совѣтовъ; нужнѣе указать и обличить несчастный обычай нѣкоторыхъ во время грозы. Чтобы показать ложное великодушіе, явиться превыше другихъ, они надѣваютъ въ это время совершенно неумѣстную личину безстрастія, даже дерзости, изобрѣтаютъ разныя средства винить другихъ, произносятъ неприличныя

шутки, дерзаютъ глумиться нечестиво надъ самимъ небомъ. Что можетъ быть неприличнѣе сего поведенія?—Что безумнѣе брани съ небомъ? Оно не вступитъ въ споръ съ тобою, не умалится до твоей низости. Но ты, вмѣсто великодушія, обнаруживаешь свою пустую ничтожность.

Въ самомъ дѣлѣ, братіе, не подумайте, чтобы эта дерзость происходила въ сихъ людяхъ отъ какого-либо великодушія; нѣтъ, ея источникъ—или притворство, или безчувственность. Увы, человѣку не въ первый разъ притворяться предъ самымъ небомъ! Примѣръ того поданъ еще Каиномъ. А безчувственность происходитъ именно отъ недостатка духа и отъ избытка плоти. Великій духъ обнаруживается въ человѣкѣ первѣе всего чрезъ то, что онъ умѣетъ понимать и чувствовать великое, преклоняться предъ безпредѣльнымъ. Только бойся Бога, говоритъ Премудрый, великъ выну: ибо кто боится Бога, тотъ никого не боится; а когда приличнѣе бояться Его, какъ не въ то время, какъ предъ Нимъ трепещетъ небо и земля? Аминь.

Слово о зимѣ.

Послѣ прочихъ временъ года наступило наконецъ и послѣднее у насъ—зима! Какая противоположность во всей видимой природѣ съ тѣмъ, что было лѣтомъ и особенно весною! Тогда все и вездѣ кипѣло жизнію; теперь повсюду оцѣпенѣніе и смерть! Замерзли поля, лишившись и природнаго и искусственнаго разнообразія своего и окутавшись на всю зиму бѣлымъ саваномъ снѣга; замерзли воды, скрывшись, какъ во гробъ, подъ толстою корою льда, несгибающагося подъ самыми великими тяжестями; замерзли дерева и, сбросивъ листья, стоятъ неподвижно, какъ сухіе, водруженные въ землю, скелеты; замерзъ самый воздухъ, не оживляемый болѣе ни всераздирающими молніями, ни всесотрясающими звуками грома, ни сладкимъ пѣніемъ птицъ, ни благоуханіемъ цвѣтовъ. Самое солнце, этотъ всеобщій источникъ жизни и движенія, что ни день, то болѣе клонится съ неба на землю и какъ бы оскудѣваетъ свѣтомъ. Изъ животныхъ иныя удалились въ теплыя страны, иныя прекратили свою дѣятельность и скрылись въ нѣдра земли, а иныя, не удаляясь отъ нашихъ взоровъ, погрузились въ сонъ, похожій на смерть. Одинъ чело-

вѣкъ остался, по прежнему, на безсмѣнной стражѣ труда и горестей. Но время зимы и для него есть время нѣкотораго бездѣйствія и невольнаго отдыха. И плугъ, и весло, и коса, и серпъ стоятъ теперь праздны: длится только одна безконечная борьба человѣка съ яростію стихій, которая при наступленіи каждой зимы видимо ожесточается снова.—Горе тому, кто потерялъ на полѣ путь среди вьюги! Горе и тому, кто сидитъ хотя и въ хижинѣ, но не имѣетъ чѣмъ прикрыть наготы своей, или возгнести огня на своемъ очагѣ!

Такова зима! Время года угрюмое. непривѣтливое, усыпляющее, мертвящее! Какимъ образомъ вошла она въ кругъ временъ года? Введена ли первоначально рукою Творца, или пришла послѣ того, какъ грѣхъ возмутилъ порядокъ природы? При молчаніи о семъ слова Божія, дерзновенно было бы покуситься на рѣшеніе сего вопроса, дабы неизмѣнной проповѣди Евангелія не подвергнуть перемѣнчивой судьбѣ уроковъ мудрости человѣческой, которая устами одного отвергаетъ то, что̀ утверждается устами другого. Взамѣнъ сего, гораздо полезнѣе будетъ примѣтить и сказать, что если зима теперь такъ тяжела для человѣка и враждебна ему, то потому, что вслѣдствіе преступленія заповѣди Эдемской, онъ съ высоты богоподобія и независимости ниспалъ подъ несвойственное ему, и потому разрушительное, владычество грубыхъ стихій. Будь человѣкъ неприкосновененъ для хлада (а онъ былъ бы таковымъ, оставаясь въ состояніи первобытнаго совершенства): то зима, если бы и существовала въ настоящемъ ея видѣ, не оказывала бы на него того губительнаго вліянія, какое оказываетъ теперь. Тогда вмѣсто изнурительной заботы о непрестанной защитѣ отъ хлада, всякій изъ насъ могъ бы спокойно предаваться своимъ дѣламъ и поучительному созерцанію новыхъ явленій въ природѣ, кои представляются зимою и коихъ нѣтъ у прочихъ временъ года.

При нынѣшнемъ нашемъ, по выраженію Апостола, порабощеніи стихіямъ міра (Гал. 4, 4), намъ по тому самому, очевидно, не такъ легко и удобно примѣчать теперь въ устройствѣ земли величіе и благость Десницы творческой; но съ другой стороны, именно по причинѣ сего печальнаго и несвойственнаго намъ порабощенія, для насъ еще нужнѣе вникать въ это, дабы примириться сколько-нибудь съ своими

узами и перестать смотрѣть на цѣлое время года, какъ на враждебное нашему благосостоянію. Нѣтъ, зима, при всей суровости внѣшняго вида своего, подобно всѣмъ прочимъ временамъ года, есть не врагъ и губитель, а другъ и помощникъ нашъ; она исполнена такихъ явленій и картинъ, кои каждаго внимательнаго зрителя невольно заставляютъ благоговѣть предъ Творцемъ лѣтъ и временъ.

Для убѣжденія въ семъ сдѣлаемъ, сообразно настоящему времени года, хотя краткое обозрѣніе зимнихъ явленій въ природѣ, подражая Псалмопѣвцу, который не почиталъ чуждымъ даже своего пророческаго достоинства—обращаться отъ созерцанія таинъ царства благодати къ разсмотрѣнію градовыхъ тучъ и бурь зимнихъ.

Сошествіе къ намъ зимы рѣдко не сопровождается бурями и мракомъ, напоминающими собою тотъ первобытный хаосъ, изъ коего изведенъ нѣкогда весь міръ настоящій. Кто бывалъ въ подобное время на полѣ или среди волнъ морскихъ, тотъ знаетъ всю лютость подобныхъ минутъ. Это—година ужаса и разрушенія!

Можно ли послѣ сего ожидать въ семъ хаосѣ какого-либо соображенія и порядка? Между тѣмъ, въ продолженіе подобныхъ бурь не падаетъ съ неба ни одной снѣжинки, которая не была бы, во-первыхъ, осмотрѣна, прибрана и даже украшена со всѣмъ тщаніемъ, и коей, во-вторыхъ, не было бы указано на лицѣ земли своего мѣста и отношенія къ другимъ подобнымъ атомамъ.

Для убѣжденія во всемъ этомъ намъ слѣдуетъ токмо уловить бережно нѣсколько снѣжинокъ, летящихъ въ этой тьмѣ милліонами, и подвергнуть ихъ разсмотрѣнію въ увеличительное стекло: онѣ изумятъ васъ правильностію и вмѣстѣ изящностію ихъ вида. Разнообразіе въ подробностяхъ до безконечности, но главная и существенная форма всего—одна и та же: это видъ звѣзды, коея основаніемъ служитъ одна, на средину другой положенная, линія,—или крестъ!—Можно ли послѣ сего отрицать бытіе нѣкоей всехудожественной Десницы, изъ коей во время бурь и вьюгъ каждый разъ сыплется на насъ изъ облаковъ это дивное многокрестіе звѣздное? Въ такой, многознаменательной для христіанина, формѣ здѣсь, повидимому, нѣтъ никакой нужды (ибо кто обращаетъ вниманіе на видъ и составъ падающихъ снѣ-

жинокъ, кромѣ малаго числа естествоиспытателей?). Но всемогущая десница Творца такова, что изъ нея ничто не можетъ выходить безъ мысли и значенія; и вотъ, каждая снѣжинка имѣетъ видъ не только правильный и изящный, а, можно сказать, священный, да и тѣ, кои, обуявъ ложенаукою, не хотѣли бы видѣть таинствъ христіанскихъ даже въ Евангеліи, принуждены будутъ срѣтаться съ напоминаніемъ о нихъ въ самыхъ обыкновенныхъ явленіяхъ того же міра стихійнаго, коимъ они привыкли ограничивать свои изслѣдованія.

Послѣ сего, вы уже невольно ожидаете, что и по окончаніи бури и вьюгъ въ упавшемъ съ неба снѣгѣ представится не безпорядокъ, а что-либо также достойное вниманія.—И дѣйствительно, примите трудъ выйти въ это время на какое угодно поле и посмотрите со вниманіемъ на этотъ новый бѣлоснѣжный покровъ, облегшій собою всю поверхность земли: все падавшее съ неба, какъ ни кружилось въ воздухѣ, какъ ни спорило другъ съ другомъ, но упало наконецъ въ порядкѣ, улеглось дружелюбно и составило множество различныхъ фигуръ, изъ коихъ каждая стóитъ вниманія. Сколько тутъ линій прямыхъ, ломаныхъ, сходящихся, расходящихся, вогнутыхъ, выпуклыхъ, кругообразныхъ! Здѣсь вся геометрія! И не смотря на хладъ и безжизненность зимнюю, не только все на своемъ мѣстѣ, но ничто не лишено вкуса и благолѣпія. Примѣчаете ли, какъ изящно преобразованъ снѣгомъ вотъ этотъ грубый и безобразный оврагъ? Какой правильный и тонкій карнизъ надъ нимъ! Какіе игривые изгибы внутри! Какая чистота въ отдѣлкѣ! Это—мраморъ изъ-подъ рѣзца ваятеля! И сколько такихъ мраморовъ, такого ваянія! Все это изящество и вся эта художественность въ отдѣлкѣ громадъ снѣжныхъ останутся незамѣченными не только тамъ, гдѣ нѣтъ человѣка, но и тамъ, гдѣ онъ есть: ибо многіе ли захотятъ любомудрствовать о снѣгѣ? Но творческой Десницѣ нѣтъ никакой нужды въ томъ, есть ли или нѣтъ зрителя для ея произведеній; производя все вѣсомъ, числомъ и мѣрою, она удовлетворяетъ самой себѣ и не можетъ производить иначе, какъ сообразно своему достоинству, то есть, благоизмѣренно и великолѣпно.

Къ подобнаго же рода мыслямъ и чувствамъ прихо-

димъ, обращая вниманіе на замерзаніе воды. Подъ конецъ зимы для васъ будутъ съ поспѣшностію ломать ледъ безъ всякихъ правилъ и бросать его грубыми глыбами въ ваши ледники; но знаете ли, сколько законовъ наблюдено было при его образованіи осенью?

Тутъ, на самомъ незначительномъ протокѣ или прудѣ, повторилось въ самомъ видѣ то, что происходило нѣкогда съ огромными хребтами горъ при образованіи въ нихъ этихъ ужасныхъ громадъ каменныхъ, на кои нельзя посмотрѣть безъ удивленія и страха.

Все сіе и многое другое достаточно убѣждаетъ каждаго, что суровая и тяжкая одежда, которую зима съ появленіемъ своимъ набрасываетъ на поверхность земли для защищенія ввѣреннаго нѣдрамъ ея отъ излишняго хлада и смерти, что, говорю, одежда сія, хотя повидимому составляется какъ нельзя случайнѣе, упадаетъ изъ облаковъ въ разныя времена и по частямъ, но въ цѣломъ составѣ своемъ устрояется всякій разъ Десницею многохудожественною, по предопредѣленному образцу, въ надлежащей соразмѣрности и со всѣми возможными украшеніями.

Хотите ли видѣть изящество этой одежды во всей лѣпотѣ ея? Ступайте въ любую рощу во время инея. Въ это время зима видимо споритъ въ изобрѣтательности и изяществѣ съ весною. Побѣда трудна, ибо у весны много красокъ, а у зимы одинъ цвѣтъ—бѣлый. Но здѣсь изъ одного цвѣта выдѣлывается едвали не болѣе, нежели тамъ изъ многихъ! Эти роскошныя завѣсы, покрывающія отъ корней до верха и большія и малыя деревья! Это множество жемчуга и брилліантовъ, сверкающихъ при свѣтѣ солнца и луны! Этотъ недвижный величественный видъ растеній, какъ будто выточенный изъ слоновой кости! Это многознаменательное безмолвіе и тишина! Этотъ полумракъ днемъ и полусвѣтъ ночью! Очевидно, что безъ этихъ зимнихъ картинъ амфитеатръ природы потерялъ бы одно изъ лучшихъ своихъ украшеній. И сколько ихъ въ каждой рощѣ и дубравѣ, въ каждомъ саду и аллеѣ! Какъ бы дорожилъ человѣкъ подобнымъ явленіемъ, если бы умѣлъ произвести его! Но для Художника небеснаго оно ничего не значитъ. Повѣялъ южный вѣтеръ—и роскошь исчезла, и все обнажилось! Чрезъ день налетитъ опять вѣтеръ сѣверный—и опять тѣ же великолѣпіе и роскошь!

Отъ того, что̀ совершается зимою на поверхности земли и большею частію даже подъ стопами человѣка, устремимъ теперь взоръ и мысли на зимнее небо, которое, какъ можно предполагать заранѣе, не отстанетъ отъ земли въ обнаруженіи предъ человѣкомъ творческаго всемогущества и благости всепромыслительной. Въ продолженіе лѣта, и даже осени, воздушное небо наше, какъ извѣстно, представляетъ изъ себя нерѣдко самыя грозныя и поучительныя для человѣка картины своими дождями, громами и молніями. Зимою не раздается съ неба этихъ всепотрясающихъ гласовъ Іеговы, но вмѣсто ихъ являются надъ главою человѣка другія, болѣе кроткія и безмолвныя, знаменія, но тѣмъ болѣе говорящія для его взора и размышленія.—Въ самомъ дѣлѣ, когда увидите вы на небѣ, какъ не среди хлада зимняго, то два, то три солнца, и столько же или болѣе лунъ? Свѣтило дня какъ бы чувствуетъ, что его одного мало и недостаточно для сраженія съ морозомъ и холодомъ, мертвящимъ землю, и умножаетъ свой ликъ; луна слѣдуетъ его примѣру. Какія правильныя, величественныя и въ то же время знаменательныя фигуры окружаютъ иногда сіи свѣтила зимою! Особенно, когда между ними является крестъ! Тутъ не только простолюдины, но и естествоиспытатель, если онъ не обезчувственъ отъ кичливости ума, готовъ бываетъ, оставивъ всякое мудрованіе, летѣть благоговѣйною мыслію къ сему нерукотворенному знаменію всемірнаго спасенія и облобызать его въ духѣ вѣры и любви. При взорѣ на такое явленіе невольно приходятъ на память пророчественныя слова Евангелія: «и тогда явится знаменіе Сына Человѣческаго на небеси и восплачутся вся колѣна земная» (Матѳ. 24, 30). Желалось бы знать, что̀ чувствуетъ еврей и магометанинъ, когда видитъ на небѣ солнце и луну, коронованныя такимъ образомъ креста изъ лучей? Желалось бы видѣть въ это время и нашихъ мнимыхъ старообрядцевъ и спросить ихъ: почему крестъ на небѣ никогда не является съ восемью концами, а всегда четвероконечнымъ, то есть, такимъ, какимъ изображаетъ и чтитъ его святая Церковь? Ужели бы не достало свѣта и лучей на небѣ, если бы нужно было показать на землѣ крестъ съ восемью концами?

Но вотъ, новое чудное явленіе на небѣ, коего начало, значеніе и цѣль, какъ нѣкоторыхъ символовъ пророческихъ,

доселѣ неразгаданы никѣмъ. Мы хотимъ сказать о такъ называемыхъ сѣверныхъ сіяніяхъ, такъ называемыхъ только сѣверныхъ, ибо они равно бываютъ и на южномъ краю земли, только невидимы для насъ, кои живемъ на сѣверѣ. Видалъ ли кто ихъ? Среди темной ночи вдругъ является на сѣверѣ, въ самомъ концѣ неба, темный полукругъ, который вскорѣ опоясывается свѣтомъ, похожимъ на самую лучшую зарю утреннюю. Изъ среды сего полукруга проторгаются потомъ вверхъ и по сторонамъ потоки лучей и свѣта, кои нерѣдко образуютъ изъ себя разныя примѣчательныя фигуры горъ, лѣсовъ, чертоговъ, храмовъ, даже подобія живыхъ существъ и сражающихся воинствъ. Въ иное время средоточіе сего чуднаго свѣта представляется въ видѣ нѣкоего престола съ радужнымъ поверхъ его вѣнцомъ, такъ что кто знакомъ съ Свящ. Писаніемъ, тотъ при семъ невольно припоминаетъ таинственное явленіе славы Божіей, какъ оно изображено у пророка Іезекіиля (1, 26) и въ чудномъ Апокалипсисѣ Іоанновомъ (Апок. 4, 3).

Откуда происходитъ и что значитъ этотъ свѣтъ безъ солнца, эти полуночныя озаренія полнеба и полземли? Въ отвѣтъ на сіе наука доселѣ ничего не можетъ сказать достовѣрнаго. Между тѣмъ, для всякаго и неученаго зрителя бываетъ ясно, что это какъ бы нѣкій порывъ земли, среди долгомѣсячныхъ ночей у полюсовъ, замѣнить для себя свѣтъ солнца и окружить себя независимымъ отъ него собственнымъ сіяніемъ. Возможно ли это? Не только возможно, но и непремѣнно должно быть нѣкогда. Ибо въ словѣ Божіемъ рѣшительно обѣщается для земли нашей, по ея будущемъ очищеніи и претвореніи огнемъ (2 Петр. 3, 12), такое состояніе, въ коемъ она, для освѣщенія себя, не будетъ уже имѣть никакой нужды въ нынѣшнемъ солнцѣ (Апок. 21, 23). Но все это еще въ будущемъ, можетъ быть, весьма отдаленномъ: служатъ ли, спросятъ, къ чему-либо сіи явленія нынѣ?—Служатъ, и не для малаго: посредствомъ сихъ сіяній весьма благотворно умѣряется мракъ ночей на сѣверномъ и южномъ концѣ земли, тѣхъ ночей, кои, продолжаясь непрерывно по нѣскольку мѣсяцевъ, безъ таковыхъ повременныхъ озареній были бы невыносимы для всего живущаго, тѣмъ паче для человѣка. Не новое ли посему побужденіе возблагоговѣть предъ всепромыслительною благостію Творца, о Которомъ и

въ семъ случаѣ надобно сказать словами святого Давида: *яко тьма не помрачится отъ Тебе, и нощь яко день просвятится: яко тьма ея, тако и свѣтъ ея* (Псал. 138, 12).

Отъ великаго и отдаленнаго, а посему хотя и величественнаго, но для многихъ изъ насъ недовѣдомаго, явленія, желаете ли перейти къ самому близкому, весьма малому, но тѣмъ не менѣе примѣчательному явленію зимнему?—Спустимся для сего съ высотъ воздушныхъ, оставимъ края земнаго шара, обратимся къ нашимъ жилищамъ и войдемъ въ первый попавшійся навстрѣчу домъ не богача, а если угодно, самаго послѣдняго изъ простолюдиновъ.

Что это здѣсь на полуразбитомъ стеклѣ?—Какіе-то рѣдкіе и недовѣдомые искусству узоры. Матеріалъ видимо самый простой—снѣгъ и ледъ, но мастерство въ работѣ—необыкновенной! Кто же этотъ невидимый хитрецъ, который умѣетъ такъ искусно строить изъ ничего? Если спросить о всемъ этомъ у науки, она скажетъ: тутъ внѣшній холодъ боролся съ внутреннимъ тепломъ, и эта борьба отразилась на стеклѣ узорами. Хорошо; но почему отразилась такою живописью?—Внутреннее тепло, продолжаетъ наука, въ видѣ влаги осаждалась на стеклѣ; а холодъ внѣшній, сгущая ее, облекалъ въ разныя формы. Почему въ такія, а не другія? Откуда сходство этихъ формъ съ существами изъ разныхъ царствъ природы? Наука молчитъ.—Посмотримъ на самую живопись. Нѣкоторые слои нижніе—постланы такъ, какъ пески на предгорныхъ долинахъ, какъ иногда облака на небѣ; но вотъ, надъ ними уже подобіе камней! Вотъ цѣлые ряды кристалловъ! Какъ эти виды съ отдаленныхъ горъ появились на семъ стеклѣ?—Поверхъ камней, а иногда еще наряду съ ними, являются растенія большія и малыя: откуда они? Не сущность ли это травъ и цвѣтовъ, кои расли подъ вашимъ окномъ лѣтомъ? Но между сими растеніями есть такія, коихъ нѣтъ не только въ вашемъ огородѣ, но и въ нашей сторонѣ, кои растутъ только въ другой, нерѣдко самой отдаленной, части земного шара. Какимъ чудомъ изъ такой дали перенеслись они въ вашъ домъ, на ваше стекло? Сколько ни разсуждай, а нельзя наконецъ не сказать въ отвѣтъ, что въ семъ явленіи, не смотря на его малость и незначительность, даетъ видѣть себя дѣйствіе той всезиждительной силы, которая и въ маломъ такъ же, какъ и въ

великомъ, превышаетъ наше умопостиженіе, для коей нѣтъ ни разстояній, ни препятствій, у коей вездѣ и всегда готовы образцы для всякаго рода произведеній.

Такимъ образомъ, куда ни обратишься мыслію, къ горѣ ли, къ свѣтиламъ небеснымъ, или долу, къ тому, что̀ подъ стопами нашими; на край ли земного шара, куда не достигала еще отвага человѣческая, или въ первую, попавшуюся на пути, хижину: зима явленіями своими вездѣ представляетъ предметы, пробуждающіе въ душѣ нашей мысль о той Десницѣ, которая, извлекши нѣкогда все изъ ничтожества, доселѣ не перестаетъ являть повсюду столь же неисчерпаемое, какъ и неизслѣдимое для ума человѣческаго, богатство своей силы творческой. Послѣ сего нисколько не удивительно, когда слышишь, какъ святый Псалмопѣвецъ призываетъ градъ, снѣгъ, голоть и духъ буренъ хвалить имя Господне, и называетъ ихъ творящими слово Его (Псал. 148, 8). Скорѣе надобно удивляться тому, какъ человѣкъ, будучи существомъ разумнымъ, часто не видитъ въ сихъ явленіяхъ ничего, кромѣ мертваго движенія вещества и случая.

Нѣтъ, въ мірѣ Божіемъ нѣтъ мѣста случаю: здѣсь все взвѣшено, измѣрено, опредѣлено!—Времена года, яко имѣющія столь великое и разнообразное вліяніе на судьбу человѣка и всѣ существа одушевленныя, тѣмъ паче не могли быть предоставлены неразумному теченію силъ природы, тѣмъ паче зима, яко время особенно суровое и могущее быть пагубнымъ для человѣка. Посему-то, раскрывая Священное Писаніе, мы, гдѣ ни находимъ изображеніе зимы, вездѣ находимъ ее представленною какъ непосредственное произведеніе силы Божіей. Повелѣніемъ Господнимъ, говоритъ премудрый Сирахъ, потщася снѣгъ. Яко птицы парящія сыплетъ его, и якоже прузи садящіися спаденія его; и слану яко соль на землю сыплетъ, и смерзшися бываетъ на концы остра. Студенъ вѣтръ сѣверный возвѣетъ, и смерзнется ледъ отъ воды, и аки во броню облечется вода (Сир. 43, 14—22). А въ книгѣ Іова Самъ Господь, въ показаніе Своего всемогущества и человѣческаго безсилія, такъ вопрошаетъ праведника: пришелъ ли еси въ сокровища снѣжная, и сокровища градная видѣлъ ли еси? Изъ чіего чрева исходитъ ледъ? Слану же на небеси кто родилъ (Іов. 38, 22. 29)?

То есть. какъ бы такъ вѣщалъ Господь можешь ли ты не только низвести зиму съ неба на землю, но даже понять, какъ Я столько вѣковъ ежегодно посылаю ее въ урочное время для вашего блага?

Руководимые сими указаніями слова Божія, постараемся возвыситься, братіе мои, до истиннаго взора на природу, насъ окружающую: и зима содѣлается для насъ тѣмъ, чѣмъ она должна быть по намѣренію Творца, то есть существенною частію того же великаго зерцала природы, въ коемъ, по свидѣтельству святого Павла, невидимая Божія отъ созданія міра твореньми помышляема, видима суть (Рим. 1, 20) для нашего поученія, утѣшенія и руководства! Аминь.

АКАѲИСТЫ

Пресвятѣй и Животворящей Троицѣ.—Божественнымъ страстемъ Христовымъ.—Живоносному гробу и воскресенію Господню.—Покрову Пресвятыя Богородицы.—Святому Архангелу Михаилу.—Ко причащенію Святыхъ Таинъ.

АКАѲИСТЪ

Пресвятѣй и Животворящей Троицѣ.

Іерей: Благословенъ Богъ нашъ:

Чтецъ: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. Царю Небесный: Трисвятое. *По* Отче нашъ:

Тропари сія, гласъ 6:

Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ: всякаго бо отвѣта недоумѣюще, сію Ти молитву яко Владыцѣ грѣшніи приносимъ: помилуй насъ. *Слава:*

Господи, помилуй насъ, на Тя бо уповахомъ: не прогнѣвайся на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ: но призри и нынѣ яко благоутробенъ, и избави ны отъ враговъ нашихъ: Ты бо еси Богъ нашъ, и мы людіе Твои, вси дѣла руку Твоею, и имя Твое, призываемъ. *И нынѣ:*

Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице: надѣющіися на тя да не погибнемъ, но да избавимся тобою отъ бѣдъ: ты бо еси спасеніе рода Хрістіанскаго.

Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя:

Стіхиры, гласъ 8. Самогласны:

Воспоимъ вси боголѣпно пѣсньми божественными Отца безначальна, Сына превѣчна и Духа соприсносущна, трiипостасную державу, едино Божество, едино царство и господство, едину волю и силу, предъ Нимиже всяко колѣно преклоняется небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ: *Дважды.*

Отцу и Сыну и Духу вѣрно поклонимся вси, Троицѣ единосущнѣй и нераздѣльнѣй, Юже выну славословятъ на небеси безплотныхъ чинове: мы же Твоя милости и щедроты исповѣдующе, на земли возопіимъ: Отче создавый, Сыне искупивый, и Душе Святый освящаяй всѣхъ насъ, Троице Пребожественная, слава Тебѣ! *Дважды.*

Егда въ началѣ родъ человѣчь восхотѣлъ еси создати, Господи, тогда къ Сыну Твоему собезначальному и Духу соприсносущному реклъ еси, Благоутробне: сотворимъ человѣка по образу и подобію Нашему. Тѣмже человѣколюбному о насъ смотренію чудящеся, вопіемъ: Троице Пресвятая и благопромыслительная, Творче и Боже нашъ, слава Тебѣ!

Егда отъ Іоанна крещеніе совершашеся во Іорданѣ, Тройческое явися поклоненіе: Отецъ возлюбленнаго Сына именуяй, Сынъ пріемляй крещеніе отъ раба, Духъ Святый сходяй съ небесе въ видѣ голубинѣ. Тѣмже Божественнымъ видѣніемъ таинству наученніи, съ вѣрою вопіемъ: Троице единосущная, тако явитися благоизволившая, помилуй и спаси насъ!

Слава, и нынѣ, гласъ тойже:

Пріидите, людіе, трiипостасному Божеству поклонимся, Сыну во Отцѣ со Святымъ Духомъ: Отецъ бо роди безлѣтно Сына соприсносущна и сопрестольна, и Духъ Святый бѣ во Отцѣ, съ Сыномъ прославляемь: едина сила, едино существо, едино Божество. Емуже покланяющеся, вси глаголемъ: Святый Боже, вся содѣявый Сыномъ, содѣйствомъ Святаго Духа: Святый крѣпкій, Имже Отца познахомъ, и Духъ Святый пріиде въ міръ: Святый безсмертный, утѣшительный Душе, отъ Отца исходяй и въ Сынѣ почиваяй: Троице Святая, слава Тебѣ!

На стіховнѣ стіхиры, гласъ 2:

Троицу единосущную пѣснословимъ, Отца и Сына и Святаго Духа: Сію бо проповѣдаша вси пророцы и Апостоли съ мученики.

Стихъ: Сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей.

Свѣта безначальна и соприсносущна Отца, свѣта незаходима и присносущна Сына, со Духомъ предвѣчно исход-

нымъ свѣтомъ, вѣрою славимъ, любовію поемъ и надеждою превозносимъ во вся вѣки.

Стіхъ: Не отвержи мене отъ лица Твоего, и Духа Твоего Святаго не отъими отъ мене.

Имущи на небеси неумолчныя пѣвцы славы Твоея, безплотныхъ чины, пріими и отъ насъ на земли хваленіе, Троице Пребожественная, ихже создала еси по образу и подобію Твоему.

Слава, и нынѣ:

Видѣхомъ свѣтъ истинный, пріяхомъ Духа Небеснаго, обрѣтохомъ вѣру истинную, нераздѣльнѣй Троицѣ покланяемся, Та бо насъ спасла есть.

Также: Господи, помилуй, *12. Слава, и нынѣ:* Пріидите, поклонимся, *трижды. Псаломъ 138:* Господи, искусилъ мя еси и позналъ мя еси:

Тропарь, гласъ 8:

Благословенъ еси, трисвятый Господи Боже нашъ, Иже всю тварь премудростію Твоею создавый, и падшій родъ человѣчь милостію Своею не оставивый, покаявшымся же грѣшникомъ животъ вѣчный даровати обѣщавый. Человѣколюбче, слава Тебѣ!

Господи, помилуй, *трижды. Слава и нынѣ: Псаломъ 50:* Помилуй мя, Боже:

КАНОНЪ.

Гласъ 4. Пѣснь 1. Ірмосъ:

Божественнымъ покровенъ медленоязычный мракомъ, извитійствова Богописанный законъ: тину бо отрясъ очесе умнаго, видитъ Сущаго, и научается Духа разуму, хваля Божественными пѣснями.

Припѣвъ: Пресвятая Троице, Боже нашъ, слава Тебѣ!

Повелѣніемъ Твоимъ, трiипостасне Владыко и Господи, вся составившася, видимая и невидимая: повели убо души, омраченнѣй мглою грѣха, воздвигнутися къ Твоему славословію.

Разумѣти Тя всецѣло ниже чинове могутъ невещественніи Ангельстіи, Троице безначальная: мы же бренными усты

неисповѣдимую наипаче благость Твою къ намъ недостойнымъ пѣти и славити дерзаемъ. *Слава:*

Трисвѣтлая Единица Пребожественная, весь прожени грѣховъ и страстей нашихъ мракъ, свѣтлыхъ лучей Твоихъ сладчайшимъ осѣненіемъ, да яко чада свѣта непреткновенно ходити возможемъ по пути заповѣдей Твоихъ. *И нынѣ:*

Троицы явилася еси честный храмъ, въ немже Отецъ любовію, Сынъ плотію, Духъ Святый нашествіемъ обитель Себѣ сотвори, единъ истинный Богъ нашъ, Егоже умоли о насъ, Предстательнице всемощная.

Пѣснь 3:

Разверзе утробы нечадствовавшія узы, досаду же неудоботерпиму благочадствующія, едина молитва пророчицы древле Анны, носящія духъ сокрушенъ, къ сильному и Богу разумовъ.

Исповѣдаемъ Ти ся, трiипостасне Господи Боже нашъ, и вся души и тѣла нашего составы преклоняюще, со умиленіемъ зовемъ: нѣсмы достойни не точію призывати Тя. но ниже воззрѣти на высоту трисіятельныя славы Твоея.

Отъ Свѣта безначальна собезначаленъ Сынъ свѣтъ возсія и соестественный свѣтъ Духъ изыде, неизреченно и боголѣпно: нетлѣнному убо рожденію, вкупѣ же и неизреченному исхожденію покланяемся. *Слава:*

Возсіяй въ сердцахъ, трисолнечное Божество, воспѣвающихъ Тя трисіяннымъ свѣтомъ Твоимъ: и подаждь всѣмъ намъ разумъ, во еже вѣдѣти волю Твою и силу, во еже совершати Твое хотѣніе, благое и совершенное, и величати и славити Тя. *И нынѣ:*

Радуйся, двере Господня непроходимая: радуйся, стѣно и покрове притекающымъ къ тебѣ: радуйся, спасенія всѣхъ ходатаице: молящи не оскудѣвай ко Пресвятѣй Троицѣ о славящихъ всепѣтое имя твое.

Сѣдаленъ, гласъ 5:

Трисіятельное единаго Божества благочестно поемъ, вопіюще: святъ еси, Отче безначальный, собезначальный Сыне и Божественный Душе: просвѣти насъ, вѣрою Тебѣ служащихъ, и вѣчнаго огня исхити.

Слава, и нынѣ, гласъ 6:

Мати Пресвятая, еяже молитвами родъ человѣческій присно соблюдается, поклонися Отцу, умоли Сына, призови Святаго Духа, и умилостиви Бога въ Троицѣ единаго о множествѣ грѣховъ нашихъ, да тобою помиловани бывше, Творца и тебе благословимъ отнынѣ и до вѣка.

Пѣснь 4:

Царю царей, яковый отъ яковаго, единъ Слове произшедый отъ Отца безвиновнаго, равномощнаго Твоего Духа Апостоломъ истинно послалъ еси, яко благодѣтель, поющымъ: слава державѣ Твоей, Господи.

Долготерпѣніе Твое, Отче, славимъ, милосердіе Твое, Сыне, воспѣваемъ, благодать Твою, Душе Святый, величаемъ и умильно вопіемъ: тріипостасный Боже и Господи, милостивъ буди намъ грѣшнымъ!

Да трисіятельное Твое всѣмъ намъ явиши Божество, создавый изначала человѣка, по образу Твоему и подобію вообразилъ еси его, умъ ему и слово и духъ давъ, яко человѣколюбецъ. *Слава:*

Яко создала еси насъ по образу Твоему, Богоначальная и вседѣтельная Троице, вразуми убо и просвѣти насъ, во еже хранити намъ подобіе Твое, творящымъ волю Твою, благую и совершенную. *И нынѣ:*

Ты едина еси корень дѣвства, ты неувядаемый цвѣтъ чистоты, ты стерла еси главу зміеву рожденіемъ твоимъ: ты убо избави насъ отъ неисцѣльныхъ страстей нашихъ и ко пристанищу истиннаго покаянія настави.

Пѣснь 5:

Рѣшительное очищеніе грѣховъ, огнедохновенную пріимите Духа росу, о чада свѣтообразная церковная! нынѣ бо отъ Сіона изыде законъ, языкоогнеобразная Духа благодать.

Во единомысліе впадше лукавства нѣкогда, столпъ гордыни умыслиша создати сынове человѣчестіи. Ты же, показуя единую въ тріехъ ипостасехъ державу, реклъ еси равнодѣтельному Твоему Сыну и Духу: пріидите, сошедше, языки ихъ смѣсимъ.

Отца и Сына и Духа Святаго, тожде естество и Божество вѣрою славимъ, троичное же лицы, единаго же невидимыя и видимыя твари Содѣтеля. *Слава:*

Егда насъ постигнетъ нощь смертная, тогда, о безсмертный трисолнечный Содѣтелю, темнѣй области отступити отъ насъ повели, и свѣту вѣчному Твоему причастники ны сотвори. *И нынѣ:*

Чистѣйшая еси паче всякія чистоты, въ нейже единъ сый кромѣ грѣха обитель Себѣ сотвори, молитвами твоими избави ны отъ злыхъ нашихъ дѣяній, нечистыхъ помышленій и неподобныхъ глаголаній.

Пѣснь 6:

Очищеніе намъ, Хрісте, и спасеніе, Владыко, возсіялъ еси отъ Дѣвы: да яко пророка отъ звѣря морскаго персей Іону, отъ тли исхитиши всего Адама всеродна падшаго.

Вѣмы, о Пресвятая Троице, яко ничтоже скверно внидетъ въ Твой пресвѣтлый чертогъ: мы же всякія нечистоты исполнени есмы. Обаче, аще хощеши, можеши ны очистити: очисти убо, и въ небесныхъ Твоихъ селеніихъ всели ны.

Древле Аврааму подъ дубомъ Мамврійскимъ явился еси въ тріехъ лицѣхъ, единъ сый естествомъ и хотѣніемъ, Богословія тайну прообразуя: тѣмже вѣрно поемъ Тя, единоначальнаго Бога и трiипостаснаго. *Слава:*

Да Твоего благоутробія неизслѣдимое, Владыко, покажеши богатство намъ, Сына Твоего единороднаго послалъ еси къ нашей нищетѣ, воображая насъ крестомъ Его на первую свѣтлость: нынѣ же просвѣти ны и одушеви Божественнымъ Твоимъ Духомъ, да не высоты искупленія отпадаемъ неразумнѣ. *И нынѣ:*

Храмъ покажи ны трисвѣтлаго Твоего Богоначалія свѣтовиденъ, чистѣ служити Тебѣ, Зиждителю всѣхъ, и неизреченную Твою славу умно зрѣти, молитвами Богородицы, юже достойно, яко преславную, величаемъ.

Поклоненіе Пресвятѣй Троицѣ.

Вся силы души моея, пріидите, поклонимся Богу въ Троицѣ единому: Отцу и Сыну и Святому Духу!

Вся мысли сердца моего, пріидите, поклонимся Троицѣ, во Единицѣ почитаемѣй!

Вся чувства тѣла моего, пріидите, поклонимся и восплачемся предъ Господемъ, сотворшимъ насъ!

Достойно есть воистинну покланятися Тебѣ и славословити,

и благодарити Тя, Троице Святая и единосущная, Юже вся небесныя силы, херувіми и серафіми, трисвятыми пѣсньми восхваляютъ, вси святыхъ лицы благодарными гласы превозносятъ, Ейже всяко созданіе на небеси и на земли святолѣпно покланяется.

Кондакъ 1.

Предвѣчный Царю вѣковъ и Господи, всея твари видимыя и невидимыя Содѣтелю, Емуже, въ Троицѣ Святѣй славимому Богу, всяко колѣно покланяется небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ: тѣмже и мы, яко крещенніи въ трисвятое имя Твое, аще и недостойніи, хвалебное сіе дерзаемъ принести Тебѣ пѣніе: Ты же, яко Творецъ, Промыслитель и Судія нашъ, вонми гласу рабъ Твоихъ, и не отстави милости Твоея отъ насъ, да изъ глубины души выну зовемъ Ти: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Ікосъ 1.

Архангели и Ангели, начала и власти, престоли и господствія, предстояще самому престолу славы Твоея, не довлѣютъ изрещи величія совершенствъ Твоихъ: многоочитіи же херувіми и шестокрилатіи серафіми, закрывающе лица своя, точію съ трепетомъ и любовію взываютъ другъ ко другу: святъ, святъ, святъ Господь Саваоѳъ. Намъ убо, иже прахъ и пепелъ есмы, кольми паче удобѣе любити молчаніе: но, да не толикихъ шедротъ, въ созданіи и искупленіи на насъ изліянныхъ, непамятливи явимся и неблагодарни, подражающе горнему славословію, съ вѣрою и любовію взываемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, неисповѣдимая совершенствъ высото и неизслѣдимая таинъ пучино. Святъ еси, Господи Боже нашъ, вездѣ сый и вся исполняяй, единый и тойжде вчера, днесь и во вѣки. Святъ еси, Господи Боже нашъ, вся могій, нарицаяй не сущая, яко сущая, низводяй даже до ада и паки возводяй. Святъ еси, Господи Боже нашъ, испытуяй сердца и утробы человѣческія, исчитаяй звѣзды и всѣмъ имъ имена нарицаяй. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Егоже вси путіе истинни и вся судьбы оправданны вкупѣ и вожделѣнны. Святъ еси, Господи Боже нашъ, отдая грѣхи отцевъ на чада, милуяй

же и награждаяй въ роды родовъ. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 2.

Видѣвъ Тя Исаіа на престолѣ высоцѣ и превознесеннѣ, глаголаше: о окаянный азъ, яко человѣкъ сый и нечисты устнѣ имый, и Господа Саваоѳа видѣхъ очима моима. Егда же уголь горящій, носимый отъ Ангела, прикоснуся устомъ его, чистѣ восхваляше Тебе, Отца и Сына и Святаго Духа, единаго Бога. Попали убо, о Пресвятая Троице, огнемъ Божества Твоего терніе и нашихъ многихъ беззаконій, да чистымъ сердцемъ возопіемъ Тебѣ: Аллилуіа.

Ікосъ 2.

Разумъ неуразумѣнный разумѣти ищя великій во пророцѣхъ Моусей, глаголаше: яви мнѣ лице Твое, да разумно вижду Тя. Ты же къ нему: задняя Моя узриши, лице же Мое не явится тебѣ: не бо узритъ человѣкъ лице Мое и живъ будетъ. Намъ же, аще и недостойнымъ, благоволилъ еси явити Себе въ лицѣ единороднаго Сына Твоего: тѣмже благодарнѣ вопіемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, серафімовъ пламенногорящая любы и херувімовъ выну свѣтящая премудросте. Святъ еси, Господи Боже нашъ, небесныхъ престоловъ превышній Царю и премірныхъ господствій всеистинный Господи. Святъ еси, Господи Боже нашъ, вышнихъ силъ непобѣдимая крѣпосте и горнихъ властей всемогущій Властителю. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Архангеловъ всерадостное благовѣстіе и Ангеловъ неумолкающая проповѣдь. Святъ еси, Господи Боже нашъ, разумныхъ началъ верховное Всеначало, и всѣхъ прочихъ небесныхъ чиновъ державный Повелителю. Святъ еси, Господи Боже нашъ, единъ имѣяй безсмертіе и живый во свѣтѣ неприступнѣмъ, со избранными же Твоими, яко со други, лицемъ къ лицу бесѣдуяй. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 3.

Силою неизреченнаго могущества Твоего вся содержиши, словомъ неизслѣдимыя премудрости Твоея вся строиши, ду-

хомъ устъ Твоихъ вся живиши и радуеши, о трисолнечне Вседѣтелю. Измѣрилъ еси небо дланію и землю пядію, носиши и питаеши всю тварь, вся по имени призываеши, и нѣсть могій утаитися властительныя десницы и взора Твоего. Сего ради со всѣми вышними и нижними силами, со умиленіемъ припадающе, зовемъ Ти: Аллилуіа.

Ікосъ 3.

Имѣяй всякое созданіе работно повелѣнію Твоему, всюду являеши слѣды промысла и неисчетныхъ совершенствъ Твоихъ. Тѣмже невидимая Твоя и присносущную силу и Божество, твореньми помышляема, видяще, со удивленіемъ и радостію зовемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, властительный Содѣтелю видимыхъ и невидимыхъ, и любвеобильный Строителю настоящихъ и грядущихъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, отъ четырехъ стіхій составивый тварь и четырьми времены кругъ лѣта вѣнчавый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, повелѣвый солнцу свѣтити во дни, и лунѣ со звѣздами просвѣщати нощь. Святъ еси, Господи Боже нашъ, изводяй вѣтры отъ сокровищъ, одѣваяй небо облаки, и посылаяй дождь и росу въ прохлажденіе зноя. Святъ еси, Господи Боже нашъ, препоясуяй холмы радостію и долы веселіемъ, украшаяй кріны сельныя и вѣнчаяй поля класами. Святъ еси, Господи Боже нашъ, посылаяй пищу птенцемъ врановымъ, напаяяй вся звѣри сельныя и полагаяй щедроты Своя на всѣхъ дѣлѣхъ Своихъ. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имени ради святаго Твоего.

Кондакъ 4.

Бурю внутрь имѣя душепагубныя ереси, вторый Іуда, Арій безумный, отвержеся Тебе Сына Божія, единаго отъ Пребожественныя Троицы быти. Мы же аще и ино лице Отчее, ино Сыновне, ино Святаго Духа глаголемъ: но Отчее, Сыновнее и Святаго Духа едино Божество, равну силу, соприсносущно величество, сердцемъ и устны исповѣдуемъ, и яко трисолнечнымъ свѣтомъ въ купѣли крещенія озаренніи, Отцу и Сыну и Святому Духу, единому Богу покланяемся, зовуще: Аллилуіа.

Ікосъ 4.

Слышавше пастыри и учителіе святыя Церкве Аріа, яко лютаго звѣря, вторгшася въ словесное Хрістово стадо и восхищающа овцы отъ истиннаго исповѣданія православныя вѣры, сошедшеся въ Нікеи на соборѣ, Бога, а не тварь, Хріста исповѣдаша, и равна Отцу Сына и Святаго Духа чтуще, громогласнѣ возгласиша: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, Боже Отче, Боже Сыне, Боже Душе Святый, единый истинный Боже, а не три Бози. Святъ еси, Господи Боже нашъ, несозданный Отче, несозданный Сыне, несозданный Душе Святый, Едине вкупѣ несозданне, а не три особь несозданни. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Отецъ раждаяй предвѣчно Сына, Сынъ раждаемый безлѣтно отъ Отца, Духъ Святый изъ Тогоже отъ вѣкъ происходяй, но не раждаяся. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Отецъ воззвавый насъ отъ небытія, Сынъ искупивый насъ падшихъ крестомъ Своимъ, Духъ Святый освящаяй и животворяй всѣхъ Своею благодатію. Святъ еси, Господи Боже нашъ, въ дусѣ, души и тѣлѣ нашемъ трехчастную скинію на вселеніе Свое основати благоволивый и всеконечнѣ грѣхомъ разрушитися ей въ насъ не попустивый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, знаменіе трiипостаснаго существа Своего на всѣхъ дѣлѣхъ рукъ Своихъ, въ мірѣ видимѣмъ и невидимѣмъ положивый. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 5.

Пребезначальная и вседѣтельная Троице, создавши насъ по образу и по подобію Твоему, заповѣдала еси творити угодная предъ Тобою: мы же, окаянніи, злую волю нашу возлюбивше, обѣты крещенія отвергохомъ, образъ Твой помрачихомъ. Нынѣ же паки къ Тебѣ прибѣгаемъ и молимся, подаждь намъ благодать Твою, исхити насъ изъ руки врагъ видимыхъ и невидимыхъ, и спаси ны, имиже вѣси судьбами, да во вѣки вѣковъ зовемъ Тебѣ: Аллилуіа.

Ікосъ 5.

Видяще разумъ превосходящая совершенства Твоя и неизреченная благодѣянія къ бѣднымъ сыномъ Адамлимъ

(въ Тя бо тріединаго Бога истинно вѣруяй, мертвый духомъ оживляется, оскверненный совѣстію очищается, погибшій спасается), благодарнымъ умомъ, благодарнымъ сердцемъ, благодарными усты, отъ Тебе созданными, преклоньше колѣна, глаголемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, въ трiупостаснѣмъ совѣтѣ Твоемъ положивый сотворити человѣка, и въ тѣло его, отъ персти взятое, дыханіе жизней изъ устъ Твоихъ вдохнувый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, образомъ и подобіемъ Твоимъ въ лицѣ Адама всѣхъ насъ почтый, и рая сладости наслѣдники учинивый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, разумомъ превыше всего видимаго вознесый насъ, и тварь всю дольнюю подъ нозѣ наши покоривый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, древо жизни въ пищу намъ даровавый и даромъ безсмертія ны обогативый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, преслушавшихъ заповѣдь прародителей нашихъ и по грѣхопаденіи не оставивый, но на упованіи спасенія прямо Едема вселивый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, изведый и насъ изъ чрева матере нашея и благодатію Евангеліа, по рожденіи, освятивый. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 6.

Проповѣдникъ правды и ревнитель святаго имене Твоего, Иліа досточудный, воззванъ отъ Ангела, ста въ горѣ Хоривѣ: бысть же духъ крѣпокъ, низлагаяй горы, бысть трусъ велій и огнь палящь, но не въ сихъ Тя видѣ, и по огни гласъ хлада тонка, и тамо Господь. Покрывъ убо лице милотію, съ веселіемъ и страхомъ взываше: Аллилуіа.

Ікосъ 6.

Возсіялъ еси въ просвѣщеніе всему міру сіяніе трисвѣтлаго Божества Твоего, отгналъ еси вся ідольская заблужденія, трiупостасный Боже и Господи: весь же родъ человѣческій отъ долгія тьмы язычества въ чудный свѣтъ Евангеліа привелъ еси имже озаренніи, славимъ вседержавный промыслъ Твой о насъ, зовуще: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, до конца растлѣнную грѣхомъ тварь водами потопными потребивый, и въ лицѣ Ноа обно-

вивый весь родъ человѣчь. Святъ еси, Господи Боже нашъ, отлучивый отца вѣрующихъ Авраама отъ смѣшенія языкъ, и въ потомствѣ его истинную церковь основавый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, изведый люди Своя изъ Егупта, препитавый ихъ манною въ пустыни и введый въ землю, кипящую медомъ и млекомъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, воздвигій Давіда, исполнивый Духомъ Своимъ пророки, и тѣми среди Ісраиля вѣру во обѣтованнаго Искупителя сохранивый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, плѣномъ Вавулонскимъ согрѣшшыя люди Своя наказавый и, по скончаніи его, паки Іерусалиму возградитися повелѣвый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Маккавеи въ вѣрѣ и преданіихъ отеческихъ непоколебимыми до смерти показавый, и церковь подзаконную, яко невѣсту, до пришествія возлюбленнаго Жениха, цѣлу соблюдый. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 7.

Хотя проявити величіе любве и милосердія Твоего къ падшему роду человѣческому, егда пріиде кончина лѣта, послалъ еси единороднаго Сына Твоего, раждаема отъ жены, бываема подъ закономъ, да подзаконныя искупитъ, Иже, поживъ на земли яко человѣкъ и искупивъ ны крестомъ Своимъ, вознесеся на небо, отнюдуже, исполняй обѣтованіе, низпосла намъ Пресвятаго Духа Своего, да зовемъ вси: Аллилуіа.

Ікосъ 7.

Дивное воистинну и новое показалъ еси чудо, дивный въ высокихъ Господи, егда, по низпосланіи Пресвятаго Духа на избранныя ученики и Апостолы, извелъ еси ихъ на проповѣдь всему міру, да возвѣстятъ великое имя Пресвятыя Троицы и плѣнятъ вся языки въ послушаніе вѣры. Тѣмже, чудящеся силѣ и дѣйствію Богодухновенныхъ словесъ ихъ, съ радостію зовемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, избравый немощная, худородная и буяя міра, да посрамятъ крѣпкія, славныя и премудрыя. Святъ еси, Господи Боже нашъ, воодушевивый безчисленныя сонмы мучениковъ, да тьмами мученій и смертей запечатлѣютъ

истину Евангеліа и силу благодати Хрістовы. Святъ еси, Господи Боже нашъ, сердце равноапостольнаго Константіна знаменіемъ креста преклонивый, и тѣмъ конецъ лютымъ гоненіемъ на Хрістіаны положивый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, седмію вселенскими соборы Богоносныхъ отецъ, яко седмію столпы, Церковь оградивый, и еретическимъ треволненіемъ неприступну сотворивый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Богомудрымъ учителемъ и великимъ подвижникомъ благочестія, яко пресвѣтлымъ звѣздамъ на тверди Церкве, возсіяти даровавый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, и владыку земли Россійскія Владиміра къ свѣту истинныя вѣры наставивый, и тѣмъ всю страну нашу отъ прелести многобожія свободивый. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 8.

Странно и чудно у дуба Мамврійска узрѣвъ Тя Авраамъ во образѣ тріехъ мужей, аки къ единому бесѣдовавше, глаголя: Господи, аще обрѣтохъ благодать предъ Тобою, не мини раба Твоего. Тріемъ убо, въ тріехъ явльшихся ему лицѣхъ, Отцу и Сыну и Святому Духу, единому же въ существѣ Богу, до земли поклонися, зовый: Аллилуіа.

Ікосъ 8.

Весь еси вездѣ и всегда, не точію могуществомъ неисчетныя силы Твоея, но и богатствомъ вседѣтельнаго промышленія Твоего о всякомъ созданіи Твоемъ: намъ же, якоже рече Сынъ Твой, и власи главніи вси изочтени суть у Тебе, да ни единъ отъ нихъ падетъ безъ воли Твоея. Тѣмже уповающе на промыслъ Твой, со дерзновеніемъ и любовію зовемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, благоволивый всему роду человѣческому раздѣлитися на племена и языки, и коемуждо ихъ мѣсто и время жительства указавый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Имже царіе царствуютъ и сильніи пишутъ правду, соблюдаяй избранныхъ Своихъ, яко зѣницу ока. Святъ еси, Господи Боже нашъ, отъ Негоже исходитъ всяка премудрость и разумъ, всяка крѣпость и сила, всяко здравіе и лѣпота. Святъ еси, Господи Боже нашъ, наводяй и отъемляй брани,

вѣнчаяй побѣдою правое оружіе, неправое же, посредѣ самыхъ побѣдъ, предопредѣляяй къ сокрушенію. Святъ еси, Господи Боже нашъ, даяй знаменія на небеси и на земли, посылаяй огнь, язву и гладъ на люди, да не до конца заблудятъ отъ путей Твоихъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, возносяй смиренныя отъ земли, еже посадити со князи людей Своихъ, и низлагаяй гордыя, яко не обрѣстися мѣсту ихъ. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 9.

Всякое естество, горѣ и низу, непрестанно славитъ Тя, предвѣчнаго Творца и Бога: на небеси едини, святъ, святъ, святъ день и нощь взываютъ, друзіи же вѣнцы своя къ подножію ногъ Твоихъ полагаютъ: на земли же со всею тварію мы, яко украшенніи образомъ присносущныя Твоея славы, къ Тебѣ молимся и отъ Тебе великія и богатыя милости чаемъ, зовуще: Аллилуіа.

Ікосъ 9.

Вѣтіи многовѣщанніи, аще и много труждаются мыслію во испытаніи о таинствѣ Пресвятыя Троицы, но не могутъ разумѣти, како естествомъ единъ есть Богъ, въ тріехъ же совершенныхъ лицѣхъ. Мы же вѣруемъ точію сему и исповѣдуемъ, какоже, не испытуемъ, и неисчетная благодѣянія къ намъ коегождо изъ тріехъ Божественныхъ лицъ добрѣ вѣдуще, съ вѣрою и благодареніемъ зовемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, праведнымъ судомъ Твоимъ всѣмъ намъ въ землю, отъ неяже взяти есмы, возвратитися, и паки въ день воскресенія изъ нея востати, положивый. Святъ еси, Господи Боже нашъ, солнцу, лунѣ и звѣздамъ нѣкогда померкнути, земли и всему, еже на ней, огнемъ преобразитися предопредѣливый, да вмѣсто ихъ явится небо ново и земля нова, въ нихже правда живетъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, уставивый день, воньже предстанутъ на судъ вся племена и языцы, да воспріиметъ кійждо по дѣломъ своимъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, имѣяй въ день воздаянія рещи праведнымъ: пріидите, благословенніи Отца Моего, и наслѣдуйте царствіе, уготованное вамъ отъ сложенія міра. Святъ еси, Господи Боже нашъ, отъ Негоже

нераскаянніи грѣшницы услышатъ тогда со страхомъ: отъидите отъ Мене, проклятіи, во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его. Святъ еси, Господи Боже нашъ, обѣщавый Церковь Свою до конца міра непоколебиму соблюсти, во еже не одолѣннѣй быти ей и отъ вратъ адовыхъ. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 10.

Спасти хотящи міръ, явилася еси на Іорданстѣй рѣцѣ, Пресвятая и Пребожественная Троице: Отецъ во гласѣ съ неба, свидѣтельствуяй о возлюбленнѣмъ Сынѣ, Сынъ во образѣ человѣчестѣмъ, пріемляй крещеніе отъ раба, Духъ Святый, сходяй на Крещаемаго въ видѣ голубинѣ. Тѣмже во имя единаго Бога, въ три же лица, Отца, Сына и Святаго Духа, научихомся просвѣщати крещеніемъ всякаго грядущаго въ міръ человѣка, зовуще: Аллилуіа.

Ікосъ 10.

Царю превѣчный, сіяяй солнце Свое на благія и злыя, праведныя любяй, грѣшныя же милуяй! скверну душевную и тѣлесную нашу омый, обитель Свою въ насъ, аще и недостойныхъ рабѣхъ Твоихъ, сотвори благоволи, потреби нечистая наша помышленія, изглади неподобная дѣянія, направи языкъ глаголати благоугодная предъ Тобою, да чистымъ сердцемъ и устны со умиленіемъ зовемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, о Немже апостольскій ликъ явѣ глаголетъ, къ Немуже пророческій соборъ выну взираетъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Егоже полкъ мученическій боголѣпно исповѣдуетъ, и преподобныхъ воинство пресвятое имя славословитъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, о Немже пустынниковъ множество присно воздыхаетъ, отъ Негоже постниковъ подвизи вѣнчаются. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Емуже святители и пастыри благодарственное приносятъ пѣніе, Имже вселенстіи учители во спасеніе наше богомудрствуютъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, пріими мольбу о насъ и предстательство всѣхъ святыхъ, паче же простирающую къ Тебѣ о насъ руцѣ свои, Дѣву пречистую. Святъ еси, Господи Боже нашъ, огради насъ святыми Твоими Ангелы, и отжени отъ насъ духовъ

злобы поднебесныхъ. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 11.

Пѣніе всякое изнемогаетъ, тщащееся принести должное благодареніе Тебѣ, о всѣхъ и за вся, въ Троицѣ славимому Богу: не обрѣтается бо ни разума, могуща краспростретися мыслію ко множеству щедротъ Твоихъ на насъ, ни слова, во еже достойнѣ изрещи я: обаче за вся, нами видимая и намъ подаемая, буди Тебѣ, Пресвятая Троице, благодареніе отъ насъ, честь и слава, яковыже Ты Сама Твоего величества достойны и Тебѣ угодны вѣси: мы же, покланяющеся Тебѣ, со смиреніемъ и любовію зовемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 11.

Яко свѣтоподательна Тя во обѣтованіихъ Твоихъ свѣтильника, сущымъ намъ во тьмѣ невѣдѣнія о будущемъ жребіи нашемъ явльшася, благодарнѣ исповѣдующе, и поне единаго изъ блаженствъ, единороднымъ Сыномъ Твоимъ возвѣщенныхъ, улучити желающе, всеумильно съ вѣрою вопіемъ: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, уготовавый избраннымъ Своимъ блага, ихже око не видѣ, ухо не слыша, и яже на сердце человѣку не взыдоша. Святъ еси, Господи Боже нашъ, Егоже вси чистіи сердцемъ узрятъ, якоже есть, и познаютъ, якоже отъ Него сами познани суть. Святъ еси, Господи Боже нашъ, въ Немже вси алчущіи и жаждущіи правды обрѣтутъ николиже оскудѣвающее насыщеніе. Святъ еси, Господи Боже нашъ, отъ Негоже миротворцы, яко подражатели вся умиротворившаго единороднаго Сына Твоего, возлюбленными сынами нарекутся. Святъ еси, Господи Боже нашъ, у Негоже кротцыи наслѣдятъ землю, и нищіи духомъ улучатъ некончаемое Царствіе. Святъ еси, Господи Боже нашъ, обѣщавый вѣчное помилованіе милующымъ и безконечное радованіе плачущымъ. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 12.

Благодать Твою всесильную подаждь намъ, Пресвятая Троице: пріими исповѣданіе грѣховъ нашихъ предъ величе-

ствомъ славы Твоея, призри на воздыханія наша, низпосли намъ духа умиленія и щедротъ, да, очищенніи душею и сердцемъ, сподобимся неосужденно звати къ Тебѣ на земли, якоже взываютъ Ангели на небеси: Аллилуіа.

Ікосъ 12.

Поюще Твое всечеловѣколюбное смотреніе, славимъ Тя вси, пребезначальная Троице, вѣруемъ во единаго Бога Отца, Бога Сына и Бога Духа Святаго, иного, развѣ Тебе, Господа не вѣмы, къ Тебѣ припадаемъ и Тебѣ молимся, вопіюще: Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, буди намъ во спасеніе, да не убоимся никоегоже зла, и въ защищеніе живота нашего, да не устрашимся никоегоже врага. Святъ еси, Господи Боже нашъ, грѣшныя кающыяся спасаяй, спаси убо и насъ многогрѣшныхъ. Святъ еси, Господи Боже нашъ, умножаяй всѣмъ милость Твою, умножи ю и на насъ и помилуй ны, яко немощни есмы. Святъ еси, Господи Боже нашъ, продолжи намъ вѣкъ къ покаянію и не осуди насъ на посѣченіе со смоковницею безплодною. Святъ еси, Господи Боже нашъ, избави ны искушеній, отъ міра, плоти и діавола находящихъ, и укрѣпи, въ вѣрѣ и любви къ Тебѣ. Святъ еси, Господи. Боже нашъ, сподоби ны лицемъ къ лицу узрѣти Тя и внити въ свѣтлый чертогъ Твой на бракъ Агнчій. Святъ, святъ, святъ еси, Господи Боже нашъ, помилуй ны, падшее созданіе Твое, имене ради святаго Твоего.

Кондакъ 13.

О пресвятая, животворящая, нераздѣлимая и вседѣтельная Троице, Отче, Сыне и Душе Святый, едине истинный Боже и Творче нашъ! Нынѣшнее наше пріемши благодареніе, низпосли намъ благодать и силу отъ высоты святаго престола Твоего, да, поправше вся плотскія похоти, во всякомъ благочестіи и чистотѣ поживемъ до конца дней нашихъ, выну восхваляюще пресвятое имя Твое и зовуще: Аллилуіа. *Трижды.*

Таже ікосъ 1, и кондакъ 1.

Пѣснь 7:

Согласная возшумѣ органская пѣснь, почитати златосотворенный бездушный истуканъ: Утѣшителева же свѣто-

носная благодать почествуетъ, еже вопити: Троице единая, равносильная, безначальная, благословена еси.

Отрасль сугуба и безначальна отъ Отца, яко отъ безначальна корене, произниче, Сынъ рожденіемъ и Духъ исхожденіемъ, соестественна и нераздѣльна силою и властію, яко тріемъ быти свѣтомъ во единѣмъ свѣтѣ Божества.

Въ пещь огненную похоти мучитель мой злый обычай, вверже мя: но Ты, Троичне Вседѣтелю, яко тріехъ отрокъ спаслъ еси, спаси мя, Отче, Сыне и Душе Святый, да зову Тебѣ: Троице единая, равносильная, безначальная, буди благословено имя Твое. *Слава:*

Неисчетна Твоя дарованія, яже подала еси намъ, Троице, отъ начала живота нашего даже до сего дне и часа: велика и безмѣрна суть, яже еще имаши дати. За вся сія благодаримъ Тя, сердцемъ и устны поюще: Троице единая, равносильная, безначальная, преблагословена еси. *И нынѣ:*

Вся рукама твоима отъ Господа пріяхъ, Дѣво Пресвятая. Сего ради благодарственное пѣніе приношу тебѣ и тобою Отцу и Сыну и Святому Духу пою: благословена еси, Троице единая: благословена и ты въ женахъ, пренепорочная Владычице.

Пѣснь 8:

Разрѣшаетъ узы и орошаетъ пламень трисвѣтлый Богоначалія образъ, поютъ отроцы, благословитъ же единаго Спаса и Вседѣтеля, яко благодѣтеля, сотворенная всяческая тварь.

Множества умныхъ существъ непрестанно поютъ Тя недомыслимаго Бога, съ нимиже и мы славимъ, глаголюще: Троице пресущественная, Твоя рабы спаси, яко человѣколюбивая.

Умъ безначальный Слово неизглаголано роди, и Божественнаго Духа самоизведе равномощна: сего ради Троицу единосущную, Владыку всѣхъ Бога проповѣдуемъ. *Слава:*

Многихъ ради грѣховъ нашихъ многихъ достойни мукъ, доселѣ невредими есмы и живемъ Твоею благодатію, Троице всемилосердая. Тѣмже со слезами припадающе славимъ Тя, глаголюще: благословите вси единаго тріипостаснаго Бога и Содѣтеля, яко благодѣтеля, сотворшаго и хранящаго всяческую тварь. *И нынѣ:*

Величаю твое твердое заступленіе. исповѣдую матернія молитвы твоея силу, благодарю возвеличившую и избравшую тя Троицу Пресвятую, и пою: Бога и Божію Матерь, вся внутренняя моя, хвалите и превозносите во вѣки.

Пѣснь 9:

Радуйся, Царице, матеродѣвственная славо: всяка бо удобообращательная благоглаголивая уста витійствовати не могутъ, тебе пѣти достойно, изумѣваетъ же умъ всякъ твое рождество разумѣти. Тѣмже тя согласно славимъ.

Святъ и препрославленъ Отецъ Богъ превѣчный: святъ и препрославленъ Сынъ, изъ Отца рожденный: святъ же и препрославленъ и животворящій Духъ, исходяй отъ Отца, Сыномъ же являемь.

Сами суще недостойни не точію молитися, но ниже приступити къ Тебѣ, о Троице, приносимъ въ мольбу о насъ подвиги святыхъ Апостолъ, пророкъ, мученіковъ и исповѣдниковъ, труды и слезы преподобныхъ постниковъ и всѣхъ отъ вѣка Тебѣ благоугодившихъ: пріими я въ пренебесный Твой жертвенникъ, и не отрини насъ нечистыхъ. *Слава:*

Молебную сію пѣснь соединяемъ съ любовію Твоею, Боже Отче, съ кровію Твоею, лучше глаголющею неже Авелева, Сыне единородный, съ неисповѣдимою благостію Твоею, Душе Пресвятый, и мили дѣемся: не презри косноязычнаго сего моленія нашего, и отъ дерзновенія, еже къ Тебѣ, не отрини рабы Твоя. *И нынѣ:*

Общую всѣхъ надежду, Дѣву пречистую, въ мольбу о насъ грѣшныхъ приводимъ Тебѣ, Отче, Сыне и Душе Святый: помилуй насъ и подаждь благая вѣчная и временная, молитвами честнѣйшія херувімовь и всѣхъ силъ небесныхъ.

Свѣтиленъ:

Божественнаго естества единосущнаго трисолнечную поемъ державу, и трисвятыми гласы зовемъ: святъ еси, Отче пребезначальный, святъ еси, Сыне собезначальный, и Душе Святый, едине нераздѣльный Боже нашъ и всѣхъ Творче человѣколюбивый. *Слава:*

Отче и Сыне со Духомъ Святымъ, призри на ны, вѣрою Тебѣ покланяющыяся и славящыя державу Твою, и возопій поющымъ Тя: Азъ есмь съ вами, и никтоже на вы. *И нынѣ:*

Свѣтъ Богоначальный отъ чрева твоего возсіявый, Богомати пречистая, весь міръ трисолнечнымъ свѣтомъ озари и землю якоже другое небо показа, да вся дѣла Господня Господа поютъ и превозносятъ во вся вѣки.

На хвалитехъ стіхиры, гласъ 4, самогласны:

Преславная днесь видѣша вси языцы во градѣ Давідовѣ, егда Духъ сниде Святый во огненныхъ языцѣхъ, якоже богоглаголивый Лука повѣствуетъ. Глаголетъ бо: собраннымъ ученикомъ Хрістовымъ, бысть шумъ, якоже носиму дыханію бурну, и исполни домъ, идѣже бяху сѣдяще: и вси начаша глаголати странными глаголы, странными ученіи, странными повелѣніи Святыя Троицы. *Дважды.*

Духъ Святый бѣ убо присно, и есть, и будетъ: ниже начинаемь, ниже престаяй, но присно Отцу и Сыну счиненъ и счисляемь: животъ и животворяй, свѣтъ и свѣта Податель, самоблагій и источникъ благостыни: Имже Отецъ познавается, и Сынъ прославляется, и отъ всѣхъ познавается едина сила, едино счетаніе, едино поклоненіе Святыя Троицы.

Духъ Святый свѣтъ и животъ, и живый источникъ умный: Духъ премудрости, Духъ разума: благій, правый, умный: обладаяй, очищаяй прегрѣшенія: Богъ и боготворяй: огнь, отъ огня происходяй: глаголяй, дѣяй, раздѣляяй дарованія, Имже пророцы вси и божественніи Апостоли съ мученики вѣнчашася: странное слышаніе, странное видѣніе, огнь раздѣляяйся въ подаяніе дарованій.

Слава, и нынѣ, гласъ 6:

Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истины, Иже вездѣ сый и вся исполняяй, сокровище благихъ и жизни Подателю, пріиди и вселися въ ны, и очисти ны отъ всякія скверны, и спаси, Блаже, душы наша.

МОЛИТВА КЪ БОГУ ОТЦУ.

Всемогущій Владыко, премудрый и всеблагій Господи, свѣтоначальнаго Сына пребезначальный Родителю и животворящаго Духа Твоего вѣчный и присносущный Самоизводителю, Егоже величество неисчетно, слава несказанна и милость безмѣрна! Благодаримъ Тя, яко воззвалъ еси насъ

отъ небытія и почтилъ еси драгоцѣннымъ образомъ Твоимъ, яко даровалъ еси намъ недостойнымъ не точію познавати и любити Тя, но, еже сладостнѣйше есть, и Отцемъ своимъ нарицати Тя. Благодаримъ Тя, Боже милосердія и щедротъ, яко преступившихъ заповѣдь Твою не оставилъ еси насъ посреди грѣха и сѣни смертныя, но благоволилъ еси единороднаго Твоего Сына, Имже и вѣки сотворени суть, послати на землю нашего ради спасенія, да вочеловѣченіемъ Его и страшными страданьми мучительства діаволя и тли смертныя свободимся. Благодаримъ Тя, Боже любве и силъ, яко, по вознесеніи на небо дражайшаго Спасителя нашего, умоленъ бывъ крестомъ Его, низпослалъ еси и Духа Твоего Пресвятаго на избранныя Его ученики и Апостолы, да, силою Богодухновенныя проповѣди ихъ, озарятъ весь міръ нетлѣннымъ свѣтомъ Евангеліа Хрістова. Самъ убо, человѣколюбивый Владыко, услыши нынѣ смиренную молитву недостойныхъ чадъ Твоихъ, да якоже создалъ еси насъ за едину Твою благость, искупилъ еси ны за едино благоутробіе Твое, тако и спасеши насъ по единому безприкладному милосердію Твоему: зане отъ дѣлъ нашихъ ниже слѣда спасенія имамы, но чаяніе праведныя мести и отлученія отъ пресвѣтлаго лица Твоего: аще бо и о единѣмъ празднѣмъ глаголѣ взыскано будетъ въ день суда и испытанія, о неисчетныхъ нашихъ беззаконіихъ, имиже согрѣшихомъ предъ Тобою, кій, бѣдніи, имамы воздати отвѣтъ? Сего ради весьма отъ дѣлъ нашихъ отчаявшеся оправданія, ко Твоей единѣй, всякъ умъ и всяко слово превосходящей, прибѣгаемъ благости, юже аки твердое основаніе надежды имуще, молимъ Тя: согрѣшихомъ, очисти, Господи! беззаконновахомъ, прости, Владыко! прогнѣвахомъ Тя, примирися, Долготерпѣливе! и сохрани прочее умъ, совѣсть и сердце наше отъ сквернъ мірскихъ, избави и спаси ны отъ многомятежныя бури страстей и грѣхопаденій, вольныхъ же и невольныхъ, вѣдомыхъ и невѣдомыхъ, и въ тихое управи пристанище вѣры, любве и упованія жизни вѣчныя. Помяни насъ въ милости Твоей, Господи, даруй намъ вся, яже ко спасенію, прошенія, паче же чистое и безгрѣшное житіе: сподоби насъ любити Тя, и боятися отъ всего сердца нашего, и творити во всемъ волю Твою святую, молитвами пречистыя Владычицы нашея Богородицы и всѣхъ святыхъ Твоихъ. Яко благъ и человѣко-

любецъ Богъ еси, и Тебѣ славу и благодареніе и поклоненіе возсылаемъ, со единороднымъ Твоимъ Сыномъ, и со пресвятымъ и благимъ и животворящимъ Твоимъ Духомъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

МОЛИТВА КЪ БОГУ СЫНУ.

Единородне Сыне и Слове Божій, изволивый нашего ради спасенія воплотитися и смерть претерпѣти, нынѣ же, и съ пречистою плотію Твоею, на небесѣхъ на престолѣ со Отцемъ сѣдяй и всѣмъ міромъ управляяй! Не забуди милосердіемъ Твоимъ насъ, долу сущихъ и многими напастьми и скорбьми искушаемыхъ, иже аще и весьма нечисти и недостойни есмы, но въ Тебе, Спасителя и Господа нашего, вѣруемъ и иного ходатая и надежды спасенія не вѣмы. Подаждь, о Искупителю всеблагій, да памятуемъ выну, коликихъ мученій души и тѣла Твоего потребно бяше, во еже удовлити за грѣхи нашя вѣчнѣй правдѣ Отца Твоего, и како даже до ада со креста низшелъ еси пречистою душею Твоею, да насъ власти и мучительства адова свободиши: памятующе же о семъ, да блюдемся отъ страстей и грѣховъ, бывшихъ виною лютыхъ страданій и смерти Твоея, и да любимъ правду и добродѣтель, еже всякаго дара Тебѣ въ насъ пріятнѣйше есть. Яко искушенный по всяческимъ, Самъ вѣси, о Всеблагій, коль велика есть немощь духа и плоти нашея, а врагъ нашъ силенъ и злохитръ, яко левъ рыкая ходитъ, искій кого поглотити: не остави убо насъ Своею всесильною помощію, и буди съ нами выну, храня и покрывая, наставляя и укрѣпляя, радуя и веселя духъ нашъ. Мы же, на лоно любве и милосердія Твоего повергающеся, весь животъ нашъ, временный и вѣчный, Тебѣ предаемъ, нашему Владыцѣ, Искупителю и Господу, моляще изъ глубины души, да, имиже вѣси судьбами, сотвориши намъ прейти безбѣдно мрачную житія сего земнаго юдоль и достигнути богокраснаго чертога Твоего, егоже обѣщалъ еси уготовати всѣмъ, вѣрующымъ во имя Твое и послѣдующымъ Божественнымъ стопамъ Твоимъ. Аминь.

МОЛИТВА КЪ БОГУ ДУХУ СВЯТОМУ.

Царю Небесный, Утѣшителю всеблагій, Душе истины, отъ Отца предвѣчно исходяй и въ Сынѣ выну почиваяй, независтный Источниче дарованій Божественныхъ, раздѣляя ихъ коемуждо, якоже хощеши, Имже и мы недостойніи освятихомся и назнаменани есмы въ день крещенія нашего! Призри на молитву рабъ Своихъ, пріиди къ намъ, вселися въ ны, и очисти души нашя, да будемъ уготовани въ жилище Пресвятыя Троицы. Ей, о Всеблагій! не возгнушайся нашея нечистоты и ранъ грѣховныхъ, но исцѣли я всеврачующимъ помазаніемъ Твоимъ. Просвѣти нашъ умъ, да разумѣемъ суету міра и яже въ мірѣ, оживи нашу совѣсть, да неумолчно возвѣщаетъ намъ, яже подобаетъ творити и яже отметати, исправи и обнови сердце, да не источаетъ прочее день и нощь помышленій злыхъ и желаній неподобныхъ, укроти плоть и угаси росоноснымъ дыханіемъ Твоимъ пламень страстей, имже помрачается въ насъ драгоцѣнный образъ Божій. Духа праздности, унынія, любоначалія и празднословія отжени отъ насъ, подаждь же намъ духа любве и терпѣнія, духа кротости и смиренія, духа чистоты и правды, да исправивше разслабленная сердца и колѣна, нелѣностно течемъ по пути заповѣдей святыхъ, и тако, избѣгающе всякаго грѣха и исполняюще всяку правду, сподобимся улучити кончину мирну и непостыдну, внити во Іерусалимъ небесный, и тамо покланятися Тебѣ, купно со Отцемъ и Сыномъ, поюще во вѣки вѣковъ: Троице Святая, слава Тебѣ.

МОЛИТВА КО ПРЕСВЯТѢЙ ТРОИЦѢ.

Пресвятая Троице, единосущная державо, всѣхъ благихъ вина, что воздадимъ Тебѣ за вся, яже воздала еси намъ грѣшнымъ и недостойнымъ прежде, неже на свѣтъ произыдохомъ, за вся, яже воздаеши коемуждо насъ по вся дни и яже уготовала еси всѣмъ намъ въ вѣцѣ грядущемъ? Подобаше убо, за толикія благодѣянія и щедроты, благодарити Тя не словесы точію, но паче дѣлы, храняще и исполняюще заповѣди Твоя: мы же, страстемъ нашымъ и злымъ обычаемъ внемше, въ безчисленныя отъ юности низвер-

гохомся грѣхи и беззаконія. Сего ради, яко нечистымъ и оскверненнымъ, не точію предъ трисвѣтлое лице Твое безстудно явитися, но ниже имене Твоего пресвятаго изрещи довлѣяше намъ, аще бы не Ты Сама благоизволила, во отраду нашу, возвѣстити, яко, чистыя и праведныя любящи. и грѣшники кающыяся милуеши и благоутробнѣ пріемлеши, Призри убо, о Пребожественная Троице, съ высоты святыя славы Твоея на насъ многогрѣшныхъ, и благое произволеніе наше, вмѣсто благихъ дѣлъ, пріими, и подаждь намъ духа истиннаго покаянія, да, возненавидѣвше всякій грѣхъ, въ чистотѣ и правдѣ до конца дней нашихъ поживемъ, творяще пресвятую волю Твою и славяще чистыми помыслы и благими дѣяньми сладчайшее и великолѣпое имя Твое. Аминь.

Также: Достойно есть: Трисвятое. *По* Отче нашъ, *тропарь:* Благословенъ еси: Господи, помилуй, *40*, *и отпусть*.

АКАѲИСТЪ

Божественнымъ страстемъ Христовымъ.

Іерей: Благословенъ Богъ нашъ:

Чтецъ: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. Царю Небесный: Трисвятое. *По* Отче нашъ:

Тропари сія, гласъ 6:

Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ: всякаго бо отвѣта недоумѣюще, сію Ти молитву яко Владыцѣ грѣшніи приносимъ: помилуй насъ. *Слава:*

Господи, помилуй насъ, на Тя бо уповахомъ: не прогнѣвайся на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ: но призри и нынѣ яко благоутробенъ, и избави ны отъ враговъ нашихъ: Ты бо еси Богъ нашъ и мы людіе Твои, вси дѣла руку Твоею, и имя Твое призываемъ. *И нынѣ:*

Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице: надѣющіися на тя да не погибнемъ, но да избавимся тобою отъ бѣдъ: ты бо еси спасеніе рода Хрістіанскаго.

Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя:

Стіхиры гласъ 6:

Подобенъ: Всю отложивше:

Все истощилъ еси богатство щедротъ Твоихъ, живый въ мірѣ любовію, истинная любы Іисусе, егда Себе Самого ученикомъ Твоимъ далъ еси въ снѣдь на вечери: грядый же на страсть вольную, напослѣдокъ доброе соблюлъ еси віно, животворящую кровь Твою, и прежде Твоея смерти погреблся еси въ сердцахъ друговъ Твоихъ пречистыми тайнами. Погреби убо моя страсти, Владыко, да Тебе любовію величаю, Твою душу за мя положшаго. *Дважды.*

Все сокровище наше взялъ еси, Іудо беззаконный, человѣкоубійцамъ Іудеомъ въ руцѣ предавъ Іисуса. О несмысленный предателю! Апостолъ нареченный, иже иныхъ спасенія искати имѣвый, себе погубилъ еси: нищымъ крадый милостыню, милостиваго Бога отъ тебе удалилъ еси. Сему любовію покланяемся, въ Немже есмы, живемъ и движемся.

Вся совершилъ еси заповѣди, въ животъ вѣчный ведущыя: препоясався лентіемъ, ноги умываеши ученикомъ: коль красны ноги благовѣствующихъ! Да покорятъ вся подъ нозѣ Твои Апостоли, Самъ Ся нынѣ полагаеши низу: священникомъ небесная мудрствовати хощеши, прахъ отъ ногъ ихъ оттрясая. И мене убо, Іисусе мой, всего сквернаго очисти, да чистѣ Чистому во вѣки поработаю. *Слава:*

Прискорбную душу до смерти хлѣбомъ животнымъ молитвы укрѣпивъ и віномъ духа возвеселивъ, дерзновенно къ смерти приближился еси. О гласа любвеобильнаго! Отче, мимо отъ Мене, неси чашу сію, да не пію ея отъ Ісраиля, егоже водою напоихъ въ пустыни: аще же воля Твоя, да пію, плоть и кровь Мою въ вѣчную имъ подамъ жизнь. *И нынѣ:*

Что тако скорое совершаеши теченіе на вольную страсть, Сыне мой? Дѣва глаголаше. Ты же отвѣщалъ еси: Отца Моего волю сотворити долженъ есмь: душу Мою власть имамъ положити, и власть имамъ паки пріяти ю: но на умерщвленіе вольное гряду, да умерщвленнаго человѣка воздвигну.

На стіховнѣ стіхиры, гласъ 1:

Пришелъ еси, истинное Солнце, на западъ, къ ногамъ Іуды приклонився. О смиренія Твоего! первѣе безстудному ноги умываеши, за безчестіе честь подавая: омый убо и мене слезами моими, Іисусе, да очищенъ творю волю Твою.

Стіхъ: Поскрежеташа на Мя зубы своими.

Воистинну народъ сей не вѣсть закона, Законодавца бо убити хощетъ пребеззаконный. Грѣхи нашя очисти, грѣха не имый Господи, да не съ востающими на Тя осудимся.

Стіхъ: Смотряхъ одесную и возглядахъ, и не бѣ знаяй Мене.

Не вѣмъ Человѣка, глаголеши, Петре, Егоже и Бога исповѣдалъ еси. Сей есть Человѣкъ и Богъ, къ Егоже ногамъ припадая реклъ еси: изыди отъ мене, Господи, яко мужъ грѣшенъ есмь: Сей есть Человѣкъ и Богъ, въ водахъ утопающу тебѣ подавый руку: Сей есть Человѣкъ, Иже тещу твою огнемъ жегому исцѣли: Сей есть Человѣкъ, съ Нимже добро быти реклъ еси. Призри на мя, Іисусе, якоже воззрѣлъ еси на Петра, и не рцы мнѣ въ день испытанія: не вѣмъ тя!

Слава, и нынѣ:

Область темная воистинну Тебе неприступнаго свѣта въ нощи безчестіемъ, ранами и руганіемъ неистово срѣтаетъ: сія Тебѣ, Хрісте, воздаде родъ беззаконный, яко въ нощи извелъ еси ихъ рукою крѣпкою и мышцею высокою отъ руки фараони: сія Тебѣ воздаде, благодѣтелю Іисусе, родъ неблагодарный, яко препиталъ еси ихъ манною въ пустыни и напоилъ еси водою изъ камене. Да постыдятся убо врази Твои, покажи силу Твоего Божества, яко Сынъ еси и Богъ мой. Дѣва слезящи вѣщаше.

Также: Господи, помилуй, *12. Слава, и нынѣ:* Пріидите, поклонимся, *трижды. Псаломъ 142:* Господи, услыши молитву мою: *Слава, и нынѣ:* Аллилуіа, *трижды.* Богъ Господь, и явися намъ:

Тропарь, гласъ 8:

Егда славніи ученицы на умовеніи вечери просвѣщахуся, тогда Іуда злочестивый сребролюбіемъ недуговавъ омрачашеся, и беззаконнымъ судіямъ Тебе праведнаго Судію предаетъ. Виждь, имѣній рачителю, сихъ ради удавленіе употребивша: бѣжи несытыя души, Учителю таковая дерзнувшія. Иже о всѣхъ благій Господи, слава Тебѣ!

Слава, гласъ 2:

Спасеніе содѣлалъ еси посредѣ земли, Хрісте Боже, на крестѣ пречистѣи руцѣ Твои простерлъ еси, собирая вся языки, зовущыя: Господи, слава Тебѣ!

И нынѣ, гласъ тойже:

Благообразный Іосифъ, съ древа снемъ пречистое тѣло Твое, плащаницею чистою обвивъ, и вонями во гробѣ новѣ покрывъ положи.

Господи, помилуй, *трижды. Слава, и нынѣ: Псаломъ 50:* Помилуй мя, Боже:

КАНОНЪ.

Гласъ 6. Пѣснь 1. Ірмосъ:

Волною морскою Скрывшаго древле гонителя мучителя, подъ землею скрыша спасенныхъ отроцы: но мы, яко отроковицы, Господеви поимъ, славно бы прославися.

Припѣвъ: Слава страстемъ Твоимъ, Господи.

Преклонилъ еси колѣнѣ моляся, Емуже покланяется всякое колѣно небесныхъ, земныхъ и преисподнихъ. Приклонися къ моленію моему и услыши мя, якоже Отецъ молящася Тя услыша.

Отче, въ моленіи глаголалъ еси, да Тебе истиннаго Сына покажеши, на раны готовъ есмь, аще и единаго зла не сотворихъ. Мене, Іисусе мой, многа зла сотворша, многихъ избави мученій. *Слава:*

Въ потѣ лица твоего хлѣбъ твой снѣси, реклъ еси падшему человѣку. Тѣмже, яко вторый Адамъ, егда молился еси, потъ крове изливашеся изъ пречистаго тѣла Твоего: брашно бо Твое волю Отчу творити. Ни едину убо заповѣдь Твою сотворшаго, Іисусе Христе, потомъ крове Твоея каплющимъ омый мя. *И нынѣ:*

Не ктому земля проклята есть, кровію бо Сына твоего благословляется: земле благословенная, пречистая Дѣво, воздвигни мя, прахъ и пепелъ, на славословіе Христа, Бога нашего.

Пѣснь 3. Ірмосъ:

Тебе, на водахъ повѣсившаго всю землю неодержимо, тварь видѣвши на лобнѣмъ висима, ужасомъ многимъ содрогашеся, нѣсть святъ развѣ Тебе, Господи, взывающи.

Отягчени быша сномъ Апостоли, егда отшелъ еси отъ очію ихъ на молитву въ вертоградѣ Геѳсиманстѣмъ: лѣниваго мя и унылаго на Твое поклоненіе воздвигни.

Яко истинный Пастырь, видѣвъ волка Іуду грядуща, Азъ есмь, друже, глаголалъ еси ученику лукавому, къ покаянію наставляя падшаго. Мене всегда согрѣшающа и николиже въ чувство приходящаго направи, Господи мой, на путь правый, и отъ челюстей мысленнаго волка силою Твоею избави. *Слава:*

Со оружіемъ и дрекольми яко на разбойника приходятъ, Егоже яко жертву нескверну въ церкви искати подобаше: о моихъ грѣсѣхъ жертву приносимую Тебѣ, Господи, не презри. *И нынѣ:*

Коснувся уха усѣченнаго, исцѣли раба архіереова Сынъ твой, Врачъ душъ и тѣлесъ: вся моя душевныя и тѣлесныя, Дѣво, исцѣли, болѣзни, Цѣлителя рождшая.

Сѣдаленъ, гласъ 6:

Не отвѣщалъ еси ничтоже власть на Тебѣ мнѣвшему имѣти, гордымъ противляяйся: но многою лжею безстудныхъ утрудженъ, молчиши, да мя многоглаголанія избавиши и вся терпѣти научиши.

Слава, и нынѣ, богородиченъ:

Премѣни скорбь мою на радость, Дѣво Богородице, яже многи скорби претерпѣла еси, зрящи многостраждуща Сына твоего, мене ради осужденнаго.

Пѣснь 4. Ірмосъ:

На крестѣ Твое Божественное истощаніе провидя Аввакумъ, ужасся вопіяше: Ты сильныхъ пресѣклъ еси державу, Блаже, пріобщаяся сущымъ во адѣ, яко всесиленъ.

Не отвѣщалъ еси словесе безстудному Иродови, сынови погибели, усѣкнувшему уже Іоанна, Предтечу и гласъ Твой: добраго отвѣта при кончинѣ моей сподоби мя, Хрісте.

Знаменія искаше Иродъ чудеснаго, не разумѣя велія чуда, яко Богъ твари предстоитъ: знаменай мя свѣтомъ лица Твоего, Хрісте мой, и даждь веселіе сердцу моему болѣзненному. *Слава:*

Закрываху лице Твое, біюще, наньже херувіми зрѣти не могутъ, крилами закрывающеся: покрый мя Твоимъ заступленіемъ. *И нынѣ:*

Измѣнися лице твое, Дѣво, егда узрѣла еси Сына твоего

яко злодѣя ведома отъ Іудеевъ. Многое воистинну долготерпѣніе Твое, Сыне и Боже мой, со воздыханіемъ рекла еси.

Пѣснь 5. Ірмосъ:

Къ Тебѣ утренюю, милосердія ради Себе истощившему непреложно и до страстей безстрастно преклоншемуся, Слове Божій: миръ подаждь ми падшему, Человѣколюбче.

Земля, подножіе ногъ Твоихъ, израсти на главу Твою терніе, Іисусе мой. Изыдите, дщери Іерусалимскія, и зрите Царя славы въ вѣнцѣ терновомъ, имже вѣнча Его неблагодарный родъ Еврейскій.

Лживи сынове человѣчестіи въ мѣрилѣхъ: Тебе, всѣмъ вся сущаго, тридесятію сребрениковъ оцѣниша, и село крове купиша, кровь Твою изліявше, еюже испери ризы моя, яже по крещеніи и обѣщаніи покаянія осквернихъ. *Слава:*

Повинутися подобаше Богу, а не Іудеомъ, судіе безумный, и не осуждати на смерть Владыку и Судію всяческихъ. Мене, повинувшася сквернымъ страстемъ, къ покаянію наставі, Господи, да не въ смерть осужденъ буду. *И нынѣ:*

Заклинаете Богомъ живымъ Бога живаго, пребезумніи: но небо и земля отвѣщаютъ, яко Богъ есть, сія пострадавый, и Сынъ мой, Дѣва матерски вѣщаше.

Пѣснь 6. Ірмосъ:

Ятъ бысть, но не удержанъ въ персехъ китовыхъ Іона: Твой бо образъ нося, страдавшаго и погребенію давшагося, яко отъ чертога, отъ звѣря изыде, приглашаше же кустодіи: хранящіи суетная и ложная. милость сію оставили есте.

Изшелъ еси, Іисусе, нося крестъ Твой, да якоже Авель отъ Каіна, отъ Іудеевъ постраждеши: изыде и нынѣ и взыщи мене заблуждшаго.

Грядеши якоже Ісаакъ истинный, на рамо Твое крестъ воспріемъ, да на немъ жертву о моихъ грѣсѣхъ принесеши Отцу, въ воню благоуханія. *Слава:*

Видѣ Іаковъ лѣствицу утверждену до небесъ: се есть крестъ Твой, имже возведи умъ мой отъ нижнихъ къ горнимъ обителемъ. *И нынѣ:*

Не плачитеся Мене неповинна, дщери Іерусалимскія, не плачи Мене, Маріе, Мати Моя: вскорѣ бо возрадуешися, егда востану и прославлюся.

Кондакъ 1.

Возбранный Воеводо и Господи небесе и земли, Тебе, Царя безсмертнаго, зрящи на крестѣ висяща, вся тварь измѣнися, небо ужасеся, основанія земли восколебашася. Мы же недостойніи, благодарственное поклоненіе Твоему насъ ради страданію приносяще, съ разбойникомъ вопіемъ Ти: Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Ікосъ 1.

Ангеловъ ликостоянія восполняя, не отъ Ангелъ воспріялъ еси, но мене ради, Богъ сый, человѣкъ бывъ, человѣка грѣхъ ради умерша животворящимъ тѣломъ и кровію Твоею оживилъ еси. Тѣмже толицѣй любви Твоей благодарни суще, вопіемъ Ти: Іисусе Боже, любы предвѣчная, тако о насъ земнородныхъ возблаговоливый: Іисусе, милосте безмѣрная, къ человѣкомъ падшымъ долу низшедый. Іисусе, въ плоть нашу оболкійся, и смертію Своею смерти державу разрушивый: Іисусе Божественными Твоими тайнами насъ обоживый: Іисусе, страданьми и крестомъ Твоимъ весь міръ искупивый. Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 2.

Видѣвъ Тя Ангелъ въ вертоградѣ Геѳсиманстѣмъ, до пота кровава въ молитвѣ подвизающася, представъ укрѣпляше Тя, егда яко бремя тяжкое грѣси наши отяготѣша на Тебѣ: Ты бо, Адама погибшаго на рамо воспріимъ, Отцу представилъ еси, преклонь колѣна моляся. О семъ убо съ вѣрою и любовію пою Тебѣ: Аллилуіа.

Ікосъ 2.

Разума неуразумѣнна вольнаго Твоего страданія не уразумѣша Іудее: сего ради егда въ нощи со свѣтильники ищущымъ Тя реклъ еси: Азъ есмь, аще и падоша на земли, но по семъ связавше Тя, ведоша на судище. Мы же на семъ пути, припадающе къ Тебѣ, съ любовію зовемъ: Іисусе, свѣте міра, отъ міра лукаваго возненавидѣнный: Іисусе, живый во свѣтѣ неприступнѣмъ, отъ области темныя ятый.

Іисусе, Сыне Божій безсмертный, отъ сына погибели на смерть указанный: Іисусе, въ Немже льсти нѣсть, отъ предателя лестію лобзанный: Іисусе, туне Себе всѣмъ подаваяй, за сребренники проданный. Іисусе, Сыне Боже, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 3.

Силою Божества Твоего провещалъ еси трикратное отверженіе ученику: онъ же по семъ аще и отрекся Тебе съ клятвою, обаче егда узрѣ Тя во дворѣ архіерейстѣмъ, Господа своего и Учителя, умилився сердцемъ, изшедъ вонъ плакася горько. Призри убо и на мя, Господи, и порази жестокое сердце мое, да слезами моими омыю грѣхи моя, поя Тебѣ: Аллилуіа.

Ікосъ 3.

Имѣяй воистинну власть по чину Мелхіседекову, яко Архіерей во вѣки, сталъ еси предъ беззаконнымъ первосвященникомъ Каіафою, Владыка и Господь всѣхъ. Отъ Твоихъ убо рабовъ пріявый мученіе, пріими отъ насъ сицевая: Іисусе безцѣнный, цѣною купленный, стяжи мя во Твое вѣчное наслѣдіе: Іисусе, желаніе всѣхъ, отъ Петра страха ради отверженный, не отвержи мя грѣшнаго. Іисусе, Агнче незлобиве, отъ лютыхъ вепрей терзаемый, изьми мя отъ враговъ моихъ: Іисусе Архіерею, Своею кровію вшедый во святая святыхъ, очисти мя отъ сквернъ плотскихъ: Іисусе связанный, имѣяй власть вязати и рѣшити, разрѣши моя тяжкая прегрѣшенія. Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 4.

Бурею Хрістоубійства дышуще Іудее, послушавше гласа отца лжи и человѣкоубійцы искони, діавола, отвергоша Тебе, правый путь, истину и животъ. Мы же Тя Христа Божію силу, въ Немже вся сокровища премудрости и разума сокровена суть, исповѣдующе, вопіемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 4.

Слыша Пілатъ кроткія Твоя глаголы, аки достойнаго смерти предаде Тя на пропятіе, аще и самъ свидѣтельство-

ваше, яко ни единыя вины обрѣте въ Тебѣ: руцѣ убо свои умы, но сердце оскверни. Мы же, чудящеся тайнѣ вольнаго страданія Твоего, со умиленіемъ зовемъ: Іисусе, Сыне Божій и Сыне Дѣвы, отъ сыновъ беззаконія умученный: Іисусе, поруганный и обнаженный, даяй лѣпоту кріномъ сельнымъ и одѣваяй небо облаки. Іисусе, насыщенный ранами, пятію хлѣбы пять тысящъ насытивый: Іисусе, Царю всѣхъ, вмѣсто дани любве и благодаренія жестокія муки пріемый: Іисусе, насъ ради весь день язвленный, уврачуй язвы душъ нашихъ. Іисусе, Сыне Боже, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 5.

Боготочною кровію Твоею весь облекся еси, одѣяйся свѣтомъ яко ризою: вѣмъ, воистинну вѣмъ со пророкомъ, почто червлены ризы Твоя: азъ, Господи, азъ грѣхми моими уязвихъ Тя. Тебѣ убо, мене ради уязвленному, благодарственно зову: Аллилуіа.

Ікосъ 5.

Провидѣвъ Тя въ дусѣ богоглаголивый Исаіа, безчестіемъ и ранами исполнена, ужасся вопіяше: видѣхомъ Его, и не имѣяше вида, ни доброты. Мы же, зряще Тя на крестѣ, съ вѣрою и удивленіемъ зовемъ: Іисусе, безчестіе терпяй, человѣка славою и честію вѣнчавый: Іисусе, на Негоже Ангели зрѣти не могутъ, по ланитома заушенный. Іисусе, по главѣ тростію ударенный, преклони во смиреніе главу мою: Іисусе, свѣтлая Твоя очеса кровію омраченная имѣвый, отврати очи мои, еже не видѣти суеты: Іисусе, отъ ногъ до главы не имѣвый цѣлости, всего цѣла и здрава сотвори мя. Іисусе, Сыне Боже, помилуй насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 6.

Проповѣдникъ Твоего незлобія явлься Пілатъ, показа народу ничтоже быти въ Тебѣ достойно смерти: но Іудее, яко звѣріе дивіи кровь узрѣвше, скрежетаху на Тя зубы своими, распни, распни Его, вопіюще. Мы же, лобызающе пречистыя язвы Твоя, зовемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 6.

Возсіялъ еси въ позоръ и удивленіе Ангеломъ и человѣкомъ, глаголющу о Тебѣ Пілату: се Человѣкъ. Пріидите

убо, поруганному насъ ради Іисусу поклонимся, вопіюще: Іисусе, Творче и Судіе всѣхъ, отъ твари Своея судимый и мучимый: Іисусе, премудрости подателю, отвѣта безумнымъ не давый. Іисусе, врачу уязвленныхъ грѣхми, даждь ми врачевство покаянія: Іисусе, Пастырю пораженный, порази бѣсовъ, искушающихъ мя: Іисусе, плоть имый сокрушенну, сокруши сердце мое страхомъ Твоимъ. Іисусе, Сыне Боже, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 7.

Хотяй человѣка отъ работы вражія избавити, смирилъ еси Себе предъ враги Твоими, Іисусе, и яко агнецъ безгласенъ на заколеніе веденъ былъ еси, вездѣ язвы терпяй, да всего исцѣлиши человѣка, зовуща: Аллилуіа.

Ікосъ 7.

Дивное показалъ еси долготерпѣніе, егда воини, ругающеся Тебѣ, по глаголу неправеднаго судіи, лютѣйшими ранами уязвляху пречистое тѣло Твое, яко обагритися ему отъ ногъ до главы кровію. Сего ради со слезами вопіемъ Ти: Іисусе человѣколюбивый, отъ человѣкъ терніемъ увѣнчанный: Іисусе, Божествомъ безстрастный, страсти терпяй, да насъ отъ страстей свободиши: Іисусе, Спасе мой, спаси мя повиннаго всѣмъ мукамъ. Іисусе, всѣми оставленный, утвержденіе мое, утверди мя: Іисусе, отъ всѣхъ оскорбленный, радосте моя, везвесели мя. Іисусе, Сыне Боже, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 8.

Дивно и странно явишася Тебѣ Моусей и Илія на Θаворѣ, глаголюще о исходѣ Твоемъ, егоже нынѣ скончаваеши во Іерусалимѣ: тамо убо видѣвше славу Твою, здѣ же спасеніе наше узрѣвше, зовутъ: Аллилуіа.

Ікосъ 8.

Вездѣ отъ Іудей гонимый, многія, ради множества грѣховъ моихъ, претерпѣлъ еси поношенія и муки: едини бо Тя противна быти кесарю глаголютъ, друзіи яко злодѣя осуждаютъ, иніи же: возьми, возьми и распни, вопіютъ. Отъ всѣхъ убо осужденному, и на пропятіе ведомому Тебѣ

Господу, изъ глубины души глаголемъ: Іисусе, неправедно осужденный, Судіе нашъ. не осуди насъ по дѣломъ нашымъ: Іисусе, изнемогаяй на пути подъ крестомъ, сила моя, въ часъ скорби и озлобленія моего не остави мене. Іисусе, взываяй о помощи ко Отцу, подвигоположниче мой, въ немощи моей укрѣпи мя: Іисусе, безчестіе пріемый, славо моя, отъ славы Твоея не отрини мене: Іисусе, образе пресвѣтлыя ѵпостаси Отчія, преобрази мое нечистое и мрачное житіе. Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 9.

Все естество смятеся, зря Тебе на крестѣ повѣшена: на небеси солнце лучи своя скры, земля потрясеся, завѣса храма раздрася, каменіе распадеся, адъ умершыя изверже. Мы же покланяемся на мѣстѣ, идѣже стоястѣ пречистѣи нозѣ Твои, поюще: Аллилуіа.

Ікосъ 9.

Вѣтіи многовѣщанніи, аще и много глаголютъ, но не могутъ достойнаго благодаренія воздати Божественнымъ страстемъ Твоимъ, Человѣколюбче: наши же душа и тѣло, сердце и вси составы, со умиленіемъ къ Тебѣ взываютъ: Іисусе, пригвождейся на крестѣ, пригвозди и упраздни рукописаніе грѣховъ нашихъ: Іисусе, руцѣ со креста простираяй ко всѣмъ, привлецы и мя заблуждшаго. Іисусе, двере овцамъ, въ ребра прободенный, введи мя язвами Твоими въ чертогъ Твой: Іисусе, плотію распятый, распни плоть мою со страстьми и похотьми: Іисусе, скончаваяйся въ мукахъ, даждь ми, да сердце мое не судитъ ино что вѣдѣти, точію Тебе распята. Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 10.

Спасти хотяй міръ, слѣпыхъ, хромыхъ, прокаженныхъ, нѣмыхъ и глухихъ исцѣлилъ еси, духовъ лукавыхъ отгналъ еси: неразумніи же Іудее, злобою дышуще и завистію мучими, пригвоздиша Тя ко кресту, не вѣдуще пѣти: Аллилуіа.

Ікосъ 10.

Царю превѣчный. Іисусе, весь страждеши за мое невоздержаніе, да всего мя чиста сотвориши, во всемъ образъ

намъ подаяй, да послѣдуемъ стопамъ Твоимъ, зовуще: Іисусе, любы неизслѣдимая, распеншымъ Тя грѣха не поставивый: Іисусе, съ воплемъ крѣпкимъ и со слезами въ вертоградѣ моляйся, научи и насъ молитися. Іисусе, вся пророчествія о Тебѣ исполнивый, исполни во благихъ желанія сердца нашего: Іисусе, духъ Твой въ руцѣ Отцу предавый, въ часъ исхода моего пріими духъ мой: Іисусе, ризы Твоя раздѣлити не возбранивый, кротко душу мою отъ тѣла отдѣли. Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 11.

Пѣніе всеумиленное приношаше Тебѣ всенепорочная Мати Твоя, глаголющи: аще и страждеши на крестѣ, но вѣмъ Тя изъ чрева прежде денницы отъ Отца рожденна, вижду бо, яко тварь вся состраждетъ Тебѣ: предаеши духъ Твой Отцу, и мой духъ пріими, и не остави мене, зовущую: Аллилуіа.

Ікосъ 11.

Яко свѣтопріемная свѣща, у креста Твоего горяще любовію къ Тебѣ, и матернею Дѣва пренепорочная обдержашеся болѣзнію, заходящу Тебѣ во гробъ истинному Солнцу правды, съ неюже и сердца нашего молитвы пріими сицевыя: Іисусе, вознесыйся на древо, да насъ падшихъ совознесеши ко Отцу Своему: Іисусе, дѣвственнику Приснодѣву въ матерь даровавый, да насъ дѣвству и чистотѣ научиши. Іисусе, Тебе Бога Слова рождшей ученика Богослова вручивый, вручи и насъ всѣхъ ея матернему заступленію: Іисусе, міра и ада побѣдителю, побѣди невѣріе, гордость житейскую и похоть очесъ, въ насъ живущыя: Іисусе, смерти державы разрушителю, вѣчныя смерти избави мя. Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 12.

Благодать Твою подаждь мнѣ, Іисусе, Боже мой, пріими мя, якоже пріялъ еси Іосифа съ Нікодимомъ, да яко чистую плащаницу душу мою принесу Тебѣ, и вонями добродѣтелей помажу пречистое тѣло Твое, и яко во гробѣ, въ сердцѣ моемъ имѣю Тя, зовый: Аллилуіа.

Ікосъ 12.

Поюще Твое вольное распятіе, покланяемся страстемъ Твоимъ, Хрісте, вѣруемъ съ сотникомъ, яко воистинну Божій Сынъ еси, пріити имѣяй на облацѣхъ съ силою и славою многою: тогда убо не посрами насъ, кровію Твоею искупленныхъ и тако вопіющихъ: Іисусе многострадальный, рыданіемъ Дѣвы Матере Твоея вѣчнаго плача исхити ны: Іисусе, отъ всѣхъ оставленный, не остави мя единаго въ часъ смерти моея. Іисусе, съ Магдалиною ногамъ Твоимъ касающася, пріими мя: Іисусе, съ предателемъ и распеншими Тя не осуди мене: Іисусе, съ разбойникомъ благоразумнымъ въ рай введи мя. Іисусе, Сыне Божій, помяни насъ, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ.

Кондакъ 13.

О Іисусе Хрісте, Агнче Божій, вземляй грѣхи міра! пріими малое сіе отъ всея души нашея приносимое Тебѣ благодареніе, и исцѣли ны спасительными Твоими страданьми отъ всякія болѣзни душевныя и тѣлесныя, огради ны крестомъ Твоимъ отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, и при кончинѣ живота нашего не остави насъ, да смертію Твоею избавльшеся вѣчныя смерти, выну зовемъ Тебѣ: Аллилуіа. *Трижды.*

Таже ікосъ 1, и кондакъ 1.

Пѣснь 7. Ірмосъ:

Неизреченное чудо: въ пещи Избавивый преподобныя отроки изъ пламене, во гробѣ мертвъ, бездыханенъ полагается, во спасеніе насъ поющихъ: Избавителю Боже, благословенъ еси.

Истинный Ты еси Давідъ, воспріявъ бо крестъ, яко псалтирь красенъ, на гору Голгоѳскую возшелъ еси, да гнѣва Бога Отца насъ свободиши поющихъ: благословенъ еси, Агнче Божій, во вѣки, сотворивый вѣчное мірови избавленіе.

Яко добрый дому Отца Твоего строитель, Хрісте Боже, свѣщникъ крестъ Твой вземъ, на немъ Самъ яко свѣтило возсіялъ еси мірови, да поемъ Тебѣ: благословенъ еси, Агнче Божій, во вѣки, сотворивый вѣчное міру избавленіе.

Слава:

Яко кадило въ воню благоуханія, отъ растерзанія плоти Твоея, кровь Богу Отцу принеслъ еси, да приведеши мене къ Нему поюща: благословенъ еси, Агнче Божій, во вѣки, сотворивый мірови вѣчное избавленіе.

И нынѣ:

Егда узрѣла еси на крестѣ Христа, Сына твоего, Егоже безсѣменно родила еси, Чистая, удивилася еси неизреченному Его долготерпѣнію: тѣмже тя съ Нимъ прославляемъ.

Пѣснь 8. Ірмосъ:

Ужаснися бояся, небо, и да подвижатся основанія земли: се бо въ мертвецѣхъ вмѣняется въ вышнихъ Живый, и во гробъ малъ страннопріемлется: Егоже отроцы благословите, священницы воспойте, людіе превозносите во вся вѣки.

Се есть Сынъ Твой возлюбленный, Боже Отче, Егоже крещаема отъ Іоанна и преобразующася на Ѳаворѣ, послушайте, реклъ еси. Послушай нынѣ Его жаждуща моего спасенія, Емуже, мене ради умершему, пою: искупленніи кровію Его вси языцы и вся племена, Господа пойте и превозносите Его во вѣки.

Се есть Сынъ Твой, Боже Отче, Егоже послана уничижиша, яко землю желанную, не яша вѣры словесемъ Его, досажденіемъ и мукою испыташа. Азъ же зову: роди родовъ, искупленніи кровію Его, Господа пойте и превозносите Его во вѣки. *Слава:*

Се есть Сынъ Твой, Боже Отче, Иже рожденный не имѣ мѣста во обители: живущь на земли, другъ мытаремъ и грѣшникомъ. и хульникъ наречеся, на смерть поносную осудися, да мене, грѣховною тяготою обремененна, въ небесныхъ селеніихъ упокоитъ, поюща: вся внутренняя моя: Господа пойте и превозносите Его во вѣки.

И нынѣ:

Се есть Соломонъ на своемъ престолѣ, се Архіерей на своемъ олтари, се есть Вождь, даяй оружіе непобѣдимое, се есть Сынъ твой, Дѣво, и Сынъ Божій, Егоже Отецъ мене ради не пощадѣ, но на смерть предаде, да Ему покланяяся пою: вси отъ вѣка праведніи и грѣшніи, искупленніи кровію Его, Господа пойте и превозносите Его во вѣки.

Пѣснь 9. Ірмосъ:

Не рыдай Мене Мати, зрящи во гробѣ, Егоже во чревѣ безъ сѣмене зачала еси Сына: востану бо и прославлюся, и вознесу со славою непрестанно, яко Богъ, вѣрою и любовію тя величающыя.

Вѣмъ, кто виновенъ страсти Твоея на Голгоѳѣ: азъ, Господи, азъ невоздержаніемъ распяхъ Тя. Но не постави мнѣ грѣха сего кающемуся.

Не ктому херувімъ хранитъ вратъ Едемскихъ, се бо на древѣ животъ мой Ты повѣшенъ еси, Христе. О любве Твоея неизглаголанныя! научи мя достойно благодарити Тя. *Слава:*

Имаши надписаніе, Христе мой: Іисусъ Назарянинъ, Царь Іудейскій. Свидѣтельство сіе есть ко Отцу, яко добрѣ волю Его сотворилъ еси. Въ книги животныя напиши мя, молю Ти ся. *И нынѣ:*

Не остави мене едину, печали исполнену, но вскорѣ утѣши мя, утѣшеніе мое, Дѣва рече. Азъ же что воздамъ Тебѣ, Іисусе мой? Вниди въ сердце мое, да не ктому азъ, но Ты во мнѣ живеши, и азъ въ Тебѣ.

Свѣтиленъ:

Чертогъ Твой вижду, Спасе мой, украшенный, и одежды не имамъ, да вниду во-нь: просвѣти одѣяніе души моея, Свѣтодавче, и спаси мя. *Слава:*

Разбойника благоразумнаго во единомъ часѣ раеви сподобилъ еси, Господи: и мене древомъ крестнымъ просвѣти, и спаси мя. *И нынѣ:*

Чертоже одушевленный, Дѣво, нѣсмь достоинъ чертога небеснаго, грѣховныя ради вины, но молю тя прилѣжно, ради обнаженнаго на крестѣ сладчайшаго твоего Сына и благаго моего Господа, покрый студъ лица моего, и спаси мя.

На хвалитехъ стіхиры, гласъ 3:

Два лукавная сотвори первороженный сынъ Мой Ісраиль: Мене остави источника воды животныя, и ископа себѣ кладенецъ сокрушенный: Мене на древѣ распятъ, Варавву же испроси и отпусти: ужасеся небо о семъ, солнце лучи скры, ты же, Ісраилю, не усрамился еси, но смерти Мя предалъ еси: остави имъ, Отче Святый, не вѣдятъ бо, что сотвориша. *Дважды.*

Кійждо членъ святыя Твоея плоти безчестіе насъ ради претерпѣ: глава—терніе: лице—оплеванія: челюсти—заушенія: уста—во оцтѣ растворенную желчь: ушеса—хуленія злочестивая: плещи—біенія, и рука—трость: все тѣло—протяженіе на крестѣ: руцѣ и нозѣ—гвоздія, и ребра—копіе. Пострадавый за ны и отъ страстей свободивый, снизшедый къ намъ человѣколюбіемъ и вознесый насъ, всесильне Спасе, помилуй насъ.

Распеншуся Тебѣ, Хрісте, вся тварь видящи трепеташе, основанія земли поколебашася страхомъ державы Твоея: Тебѣ бо вознесшуся днесь, церковная завѣса раздрася на двое, и мертвіи отъ гробовъ воскресоша: сотникъ, видѣвъ чудо, ужасеся, предстоящи же Мати Твоя, вопіяше: како не возрыдаю, зрящи Тя нага яко осуждена, на древѣ висяща? Распныйся и погребыйся и воскресый изъ мертвыхъ, Господи, слава Тебѣ.

Слава, и нынѣ, гласъ 5:

Тебе одѣющагося свѣтомъ яко ризою, снемъ Іосифъ съ древа съ Нікодимомъ, и видѣвъ мертва нага непогребена, благосердный плачь воспріимъ, рыдая глаголаше: увы мнѣ, сладчайшій Іисусе! Егоже вмалѣ солнце, на крестѣ висима узрѣвъ, мракомъ облагашеся, и земля страхомъ колебашеся, и раздирашеся церковная завѣса: но се нынѣ вижду Тя, мене ради волею подъемша смерть. Како погребу Тя, Боже мой? или какою плащаницею обвію? коима ли рукама прикоснуся нетлѣнному Твоему тѣлу? или кія пѣсни воспою Твоему исходу, Щедре? Величаю страсти Твоя, пѣснословлю и погребеніе Твое со воскресеніемъ, зовый: Господи, слава Тебѣ.

На стіховнѣ стіхиры, гласъ 2:

Подобенъ: Доме Евфраѳовъ:

Кровію Твоею, Агнче незлобиве, рукописаніе грѣховъ человѣческихъ изгладилъ еси и сѣмя тли разрушилъ еси: тѣмже Тя, низходяща во адъ, мертвіи срѣтаютъ, яко своего Искупителя.

Стіхъ: Поражу пастыря, и разыдутся овцы.

Нынѣ судъ мірови есть, нынѣ князь міра изгнанъ вонъ: трепетенъ стоитъ предъ Владыкою, первую свѣтлость по-

губивъ: Ты же побѣдитель грѣха и смерти и ада явился еси.

Стіхъ: На хребтѣ Моемъ дѣлаша грѣшницы, продолжиша беззаконіе свое.

Аще и всегда распинаю Тя грѣхми моими, Ты же умирая не отвращаешися отъ мене, но преклонь главу прощаеши мя, къ Себѣ призывая.

Слава, и нынѣ, гласъ 5:

Пріидите, ублажимъ Іосифа приснопамятнаго, въ нощи къ Пілату пришедшаго и Живота всѣхъ испросившаго: даждь ми Сего страннаго, Иже не имѣетъ гдѣ главы подклонити: даждь ми Сего страннаго, Егоже ученикъ лукавый на смерть предаде: даждь ми Сего страннаго, Егоже Мати зрящи на крестѣ висяща, рыдающи вопіяше и матерски восклицаше: увы мнѣ, Чадо мое! увы мнѣ, Свѣте мой и утроба моя возлюбленная! Сѵмеономъ бо предреченное въ церкви днесь сбысться: мое сердце оружіе пройде, но въ радость воскресенія Твоего плачь преложи. Покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе: покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе: покланяемся страстемъ Твоимъ, Христе, и святому воскресенію.

МОЛИТВА

КО ГОСПОДУ ІИСУСУ РАСПЯТОМУ.

На крестѣ пригвожденный за ны, Іисусе Христе, единородный Бога Отца Сыне, милости, любве и щедротъ неисчерпаемая бездно! Вѣмъ, яко грѣховъ ради моихъ, отъ неизреченнаго человѣколюбія, кровь Твою проліяти на крестѣ изволилъ еси, юже азъ, окаянный и неблагодарный, доселѣ сквернымі моими дѣлы попирахъ и ни во чтоже вмѣняхъ. Тѣмъ убо изъ глубины беззаконія и нечистоты моея умныма очима на распятаго Тя на крестѣ Искупителя моего воззрѣвъ, со смиреніемъ и вѣрою во глубину язвъ, Твоего милосердія исполненныхъ, себе повергаю, грѣховъ прощенія и сквернаго житія моего исправленія прося. Милостивъ буди мнѣ, Владыко и Судіе мой, не отрини мя отъ лица Твоего, но всесильною Твоею рукою Самъ мя къ Тебѣ обрати и на путь истиннаго покаянія настави, да отнынѣ положу спасенія моего начало. Божественными стра-

даньми Твоими укроти моя плотскія страсти: изліянною Твоею кровію очисти моя душевныя скверны: распятіемъ Твоимъ распни мя міру съ соблазнами его и похотьми: крестомъ Твоимъ огради мя отъ невидимыхъ врагъ, ловящихъ душу мою. Прободенными ногами Твоими отъ всякаго пути лукаваго возбрани ногамъ моимъ: прободенными руками Твоими руцѣ мои отъ всякаго неугоднаго Тебѣ дѣла воздержи. Пригвожденный плотію, пригвозди страху Твоему плоть мою, да уклонився отъ зла, творю благо предъ Тобою. Преклонивый главу Твою на крестѣ, къ земли смиренія приклони вознесенную мою гордыню: вѣнцемъ Твоимъ терновымъ огради моя ушеса, во еже не слышати неполезнаго: желчь устами вкусивый, положи храненіе нечистымъ устомъ моимъ: отверстое копіемъ имѣяй сердце, сердце чисто во мнѣ созижди: всѣми Твоими язвами, всего мя сладцѣ въ любовь Твою уязви, да Тебе Господа моего возлюблю всею душею, всѣмъ сердцемъ, всею крѣпостію и всѣмъ помышленіемъ. Даждь ми Себе странна и неимуща гдѣ главы подклонити: даждь ми Себе всеблагаго, избавляющаго душу мою отъ смерти: даждь мнѣ Себе всесладкаго, услаждающаго мя въ скорбехъ и напастехъ Своею любовію, да Егоже первѣе ненавидѣхъ, прогнѣвляхъ, отъ себе изгоняхъ и ко кресту пригвождахъ, Сего нынѣ возлюблю, радуяся пріиму, и сладцѣ крестъ Его до конца жизни моея понесу. Не даждь отселѣ, о всеблагій Искупителю мой, ни единѣй моей воли совершатися, понеже зла есть и непотребна, да не паки впаду въ тяжкую работу царствовавшаго во мнѣ грѣха: но Твоя воля благая спасти мя хотящая, да совершается во мнѣ всегда, ейже мя вручая, Тебе распятаго Господа моего умнымъ очесемъ моего сердца представляю и молю изъ глубины души, да и въ разлученіи моемъ отъ бреннаго моего тѣла, Тебе единаго на крестѣ Твоемъ узрю, въ руцѣ мя защищенія Своего пріемлюща и отъ воздушныхъ духовъ злобы храняща, вселяюща же со грѣшники, покаяніемъ Тебѣ благоугодившими. Аминь.

МОЛИТВА ИНАЯ

КО ГОСПОДУ ІИСУСУ РАСПЯТОМУ.

Господи Іисусе Христе, Сыне Бога живаго, Творче неба и земли, Спасителю міра, се азъ недостойный и паче всѣхъ

грѣшнѣйшій, смиренно колѣнѣ сердца моего предъ славою величества Твоего преклонивъ, воспѣваю крестъ и страданія Твоя, и благодареніе Тебѣ, Царю всѣхъ и Богу, приношу, яко благоизволилъ еси вся труды и всякія бѣды, напасти и мученія яко человѣкъ понести, да всѣмъ намъ во всякихъ печалехъ, нуждахъ и озлобленіихъ состраждущій Помощникъ и Спаситель будеши. Вѣмъ, всесильне Владыко, яко вся сія Тебѣ убо не быша потребна, но человѣческаго ради спасенія, да всѣхъ насъ искупиши отъ лютыя работы вражія, крестъ и страданія претерпѣлъ еси. Что убо воздамъ Тебѣ, Человѣколюбче, о всѣхъ, яже пострадалъ еси мене ради грѣшнаго? Не вѣмъ, душа бо и тѣло и вся благая отъ Тебе суть, и вся моя Твоя суть, и азъ Твой есмь. Точію на безчисленное Твое, благоутробне Господи, милосердіе надѣяся, пою Твое неизреченное долготерпѣніе, величаю неисповѣдимое истощаніе, славлю Твою безмѣрную милость, покланяюся пречистымъ страстемъ Твоимъ, и вселюбезно лобызая язвы Твоя, вопію: помилуй мя грѣшнаго, и сотвори, да не безплоденъ будетъ во мнѣ крестъ Твой святый, да причащаяся здѣ съ вѣрою страданіемъ Твоимъ, сподоблюся видѣти и славу Царствія Твоего на небеси. Аминь.

Таже: Достойно есть: Трисвятое. *По* Отче нашъ: *Тропарь:* Егда славніи ученицы: *Слава:* Спасеніе содѣлалъ еси: *И нынѣ:* Благообразный Іосифъ: Господи, помилуй, *40. И отпустъ.*

АКАѲИСТЪ

живоносному гробу и воскресенію Господню.

Іерей: Благословенъ Богъ нашъ: *Лики:* Аминь.
Іерей съ діакономъ поютъ:

Тропарь, гласъ 5:

Христосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущымъ во гробѣхъ животъ даровавъ. *Трижды.*

Посемъ ликъ поетъ тойже тропарь.

Таже іерей глаголетъ стіхъ: Да воскреснетъ Богъ: *и прочыя, съ пѣніемъ отъ лика на кійждо стіхъ:* Хрістосъ воскресе: *и прочая.*

Стіхиры на Господи воззвахъ, гласъ 8:

Днесь адъ стеня вопіетъ: уне мнѣ бяше, аще быхъ отъ Маріи Рождшагося не пріялъ: пришедъ бо на мя, державу мою разруши, врата мѣдная сокруши, душы, яже содержахъ прежде, Богъ сый, воскреси. Слава, Господи, кресту Твоему и воскресенію Твоему.

Днесь адъ стеня вопіетъ: разрушися моя власть, пріяхъ Мертваго яко единаго отъ умершихъ: Сего бо держати отнюдъ не могу, но погубляю съ Нимъ, имиже царствовахъ: азъ имѣхъ мертвецы отъ вѣка, но Сей всѣхъ воздвизаетъ. Слава, Господи, кресту Твоему и воскресенію Твоему.

Днесь адъ стеня вопіетъ: пожерта бысть моя держава, Пастырь распятся и Адама воскреси: имиже царствовахъ, лишихся: и яже пожрохъ возмогій, всѣхъ извергохъ. Истощи гробы Распныйся, изнемогаетъ смертная держава. Слава, Господи, кресту Твоему и воскресенію Твоему.

Ины стіхиры, гласъ 6:

Побѣду имѣя, Хрісте, юже на ада, на крестъ возшелъ еси, да во тьмѣ смерти сѣдящыя воскресиши съ Собою, Иже въ мертвыхъ свободь: источаяй животъ отъ Своего свѣта, всесильне Спасе, помилуй насъ.

Днесь Хрістосъ смерть поправъ, якоже рече, воскресе, и радованіе мірови дарова, да вси взывающе, пѣснь тако рцемъ: Источниче жизни, неприступный Свѣте, всесильне Спасе, помилуй насъ.

Тебе, Господи, сущаго по всей твари, грѣшніи камо бѣжимъ? На небеси Самъ живеши, во адѣ попралъ еси смерть. Во глубины морскія? тамо рука Твоя, Владыко. Къ Тебѣ прибѣгаемъ, Тебѣ припадающе молимся: воскресый изъ мертвыхъ, помилуй насъ.

Слава, и нынѣ, богородиченъ, гласъ 1:

Всемірную славу отъ человѣкъ прозябшую, и Владыку рождшую, небесную дверь, воспоимъ Марію Дѣву, безплотныхъ пѣснь и вѣрныхъ удобреніе: сія бо явися небо и храмъ

Божества: сія прегражденіе вражды разрушивши, миръ введе и царствіе отверзе: сію убо имуще вѣры утвержденіе, поборника имамы изъ нея рождшагося Господа. Дерзайте убо, дерзайте, людіе Божіи: ибо Той побѣдитъ враги, яко всесиленъ.

На стіховнѣ стіхиры, гласъ 3:

Страстію Твоею, Хрісте, омрачивый солнце, и свѣтомъ Твоего воскресенія просвѣтивый всяческая, пріими нашу вечернюю пѣснь, Человѣколюбче.

Стіхъ: Господь воцарися, въ лѣпоту облечеся.

Живопріемное Твое востаніе, Господи, вселенную всю просвѣти, и Твое созданіе истлѣвшее призва. Тѣмже клятвы Адамовы свобождшеся, вопіемъ: всесильне Господи, слава Тебѣ.

Стіхъ: Ибо утверди вселенную, яже не подвижится.

Да родъ нашъ отъ смерти, Хрісте, избавиши, смерть претерпѣлъ еси: и тридневенъ изъ мертвыхъ воскресъ, съ Собою воскресилъ еси иже Тя Бога познавшихъ, и міръ просвѣтилъ еси. Господи, слава Тебѣ.

Стіхъ: Дому Твоему подобаетъ святыня, Господи, въ долготу дній.

Во свѣтѣ Твоемъ, Владыко, узримъ свѣтъ, Человѣколюбче: воскреслъ бо еси изъ мертвыхъ, спасеніе роду человѣческому даруя. да Тя вся тварь славословитъ единаго безгрѣшнаго. Помилуй насъ.

Слава, и нынѣ, богородиченъ:

Тя, ходатайствовавшую спасеніе рода нашего, воспѣваемъ, Богородице Дѣво: плотію бо отъ тебе воспріятою Сынъ твой и Богъ нашъ, крестомъ воспріимъ страсть, избави насъ отъ тли яко человѣколюбецъ.

Таже: Богъ Господь и явися намъ:

Тропарь, гласъ 6:

Воскресеніе Хрістово видѣвше, поклонимся святому Господу Іисусу, единому безгрѣшному. Кресту Твоему покланяемся, Хрісте, и святое воскресеніе Твое поемъ и славимъ: Ты бо еси Богъ нашъ, развѣ Тебе иного не знаемъ, имя Твое именуемъ. Пріидите, вси вѣрніи, поклонимся святому

Хрістову воскресенію: се бо пріиде крестомъ радость всему міру. Всегда благословяще Господа, поемъ воскресеніе Его: распятіе бо претерпѣвъ, смертію смерть разруши.

КАНОНЪ.

Гласъ 1. Пѣснь 1. Ірмосъ:

Воскресенія день просвѣтимся, людіе! Пасха, Господня Пасха: отъ смерти бо къ жизни и отъ земли къ небеси Хрістосъ Богъ насъ преведе, побѣдную поющыя.

Припѣвъ: Слава, Господи, святому воскресенію Твоему.

Очистимъ чувствія, и узримъ неприступнымъ свѣтомъ воскресенія Христа блистающася, и радуйтеся рекуща, ясно да услышимъ, побѣдную поюще.

Небеса убо достойно да веселятся, земля же да радуется, да празднуетъ же міръ видимый же весь и невидимый, Хрістосъ бо воста, веселіе вѣчное. *Слава:*

Умерщвленія предѣлъ сломила еси, вѣчную жизнь рождшая, Христа изъ гроба возсіявшаго днесь, Дѣво всенепорочная, и міръ просвѣтившаго. *И нынѣ:*

Воскресшаго видѣвши Сына твоего и Бога, радуйся со Апостолы, богоблагодатная чистая: и еже радуйся первѣе, яко всѣхъ радости вина, воспріялъ еси, Богомати всенепорочная.

Катавасіа: Отверзу уста моя:

Пѣснь 3. Ірмосъ:

Пріидите, пиво піемъ новое, не отъ камене неплодна чудодѣемое, но нетлѣнія источникъ изъ гроба одождивша Христа, въ Немже утверждаемся.

Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо же и земля и преисподняя: да празднуетъ убо вся тварь востаніе Христово, въ Немже утверждается.

Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь воскресшу Тебѣ: сраспинахся Тебѣ вчера: Самъ мя спрослави, Спасе, во Царствіи Твоемъ. *Слава:*

На нетлѣнную жизнь прихожду днесь, благостію Рождшагося изъ тебе, Чистая, и всѣмъ концемъ свѣтъ облиставшаго. *И нынѣ:*

Бога, Егоже родила еси плотію, изъ мертвыхъ, якоже

рече, воставша видѣвши, Чистая, ликуй, и Сего яко Бога, Пречистая, возвеличай.

Катавасіа: Твоя пѣснословцы, Богородице:

Упакои, гласъ 4:

Предварившыя утро яже о Маріи, и обрѣтшыя камень отваленъ отъ гроба, слышаху отъ Ангела: во свѣтѣ присносущнѣмъ Сущаго, съ мертвыми что ищете яко человѣка? видите гробныя пелены: тецыте и міру проповѣдите, яко воста Господь, умертвивый смерть, яко есть Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣческій.

Пѣснь 4. Ірмосъ:

На божественнѣй стражи богоглаголивый Аввакумъ да станетъ съ нами и покажетъ свѣтоносна Ангела, ясно глаголюща: днесь спасеніе міру, яко воскресе Хрістосъ, яко всесиленъ.

Мужескій убо полъ, яко разверзый дѣвственную утробу, явися Хрістосъ; яко человѣкъ же, агнецъ наречеся: непороченъ же, яко невкусенъ скверны, наша Пасха: и яко Богъ истиненъ, совершенъ речеся.

Яко единолѣтный агнецъ, благословенный намъ вѣнецъ Хрістосъ, волею за всѣхъ закланъ бысть Пасха чистительная, и паки изъ гроба красное правды намъ возсія Солнце.

Слава:

Создавый Адама, твоего праотца, Чистая, зиждется отъ тебе, и смертное жилище разори Своею смертію днесь, и озари вся божественными блистаньми воскресенія. *И нынѣ:*

Егоже родила еси Хріста, прекрасно изъ мертвыхъ возсіявша днесь, во спасеніе всѣхъ, зрящи, Чистая, добрая и непорочная въ женахъ и красная, со Апостолы радующися, Того прославляй.

Катавасіа: Сѣдяй въ славѣ:

Пѣснь 5. Ірмосъ:

Утренюемъ утреннюю глубоку, и вмѣсто мvра пѣснь принесемъ Владыцѣ, и Хріста узримъ, правды Солнце, всѣмъ жизнь возсіяюща.

Безмѣрное Твое благоутробіе адовыми узами содержиміи

зряще, къ свѣту идяху, Христе. веселыи ногами, Пасху хваляще вѣчную.

Приступимъ свѣщеносніи, исходящу Христу изъ гроба яко жениху, и спразднуемъ любопраздственными чинми Пасху Божію спасительную. *Слава:*

Просвѣщается божественными лучами и живоносными воскресенія Сына твоего, Богомати пречистая, и радости исполняется благочестивыхъ собраніе. *И нынѣ:*

Не разверзлъ еси врата дѣвства въ воплощеніи, гроба не разрушилъ еси печатей, Царю созданія, отъонудуже воскресшаго Тя зрящи, Мати радовашеся.

Катавасіа: Ужасошася всяческая:

Пѣснь 6. Ірмосъ:

Снизшелъ еси въ преисподняя земли, и сокрушилъ еси вереи вѣчныя, содержащыя связанныя, Христе, и тридневенъ, яко отъ кита Іона, воскреслъ еси отъ гроба.

Сохранивъ цѣла знаменія, Христе, воскреслъ еси отъ гроба, ключи Дѣвы невредивый въ рождествѣ Твоемъ, и отверзлъ еси намъ райскія двери.

Спасе мой, живое же и нежертвенное заколеніе, яко Богъ, Самъ Себе волею приведъ Отцу, совоскресилъ еси всероднаго Адама, воскресъ отъ гроба. *Слава:*

Возведеся древле держимое смертію и тлѣніемъ къ нетлѣннѣй и присносущнѣй жизни, Воплотившимся отъ твоего пречистаго чрева, Богородице Дѣво. *И нынѣ:*

Сниде въ преисподняя земли, въ ложесна твоя, Чистая, сшедый и вселивыйся, и воплотивыйся паче ума, и воздвиже съ Собою Адама, воскресъ отъ гроба.

Катавасіа: Божественное сіе и всечестное:

Кондакъ 1.

Возбранному Воеводѣ, разрушителю смерти и ада, побѣдную пѣснь Тебѣ, Всецарю Христе, приносимъ, яко восталъ еси, Всесильне, со славою тридневенъ отъ гроба и вся умершыя отъ вѣка совоскресилъ еси. Мы же страданіемъ Твоимъ вѣчныя тли избавльшеся, къ самому мѣсту погребенія Твоего съ веселіемъ и радостію зовемъ: Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе.

Ікосъ 1.

Ангелъ предстатель съ небесе низшедъ, камень отъ гроба Твоего отвали, Хрісте Боже, и мѵроносицамъ благовѣсти востаніе Твое, глаголя: шедшя, рцыте ученикомъ Его, яко воста отъ мертвыхъ. Онѣ же, вразумленныя чуднымъ явленіемъ, зрящя ко гробу Твоему, съ вѣрою и любовію возглашаху: Радуйся, живоносный гробе, въ немже Хрістосъ яко человѣкъ почи, и яко Богъ воскресе тридневенъ: радуйся. яко изъ тебе Спасъ міра, яко женихъ изъ чертога изшедъ, смерть попра и ада плѣнилъ есть. Радуйся, яко, востаніемъ Того, отъ вѣка умершіи въ жизнь нестарѣемую восташа: радуйся, яко, въ Тебѣ Хрісту возлегшу, проклятая въ дѣлѣхъ человѣка земля освятися. Радуйся, яко тобою первозданный Адамъ паки въ ризу безсмертія облекается: радуйся, яко въ тебѣ образъ всемірнаго воскресенія начертавается. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 2.

Яко пріиде на гробъ Маріа Магдалина и другая Маріа помазати тѣло Твое, Хрісте Боже, обрѣтоша Ангела на камени сѣдяща и глаголюща къ нимъ: не бойтеся! вѣмъ бо, яко Іисуса распятаго ищете: нѣсть здѣ, но воста, якоже рече вамъ. Сія убо слышавшя святыя жены, текшя вспять, благовѣстиша ученикомъ о востаніи Твоемъ, да вси яко Творцу и воскресшему Владыцѣ Ангельское пѣніе воспоютъ, глаголюще: Аллилуіа.

Ікосъ 2.

Бурю внутрь имѣяху сумнительныхъ помышленій ученицы Твои, Хрісте, въ часъ смерти Твоея, не вѣдуще Писанія, яко подобаетъ Тебѣ изъ мертвыхъ воскреснути. Тѣмже Петръ, вѣсть пріемъ о востаніи Твоемъ, тече ко гробу, хотя видѣти бывшее: приникъ же и видѣвъ едины ризы Твоя въ немъ лежащя, съ вѣрою возгласи: Радуйся, живоносный гробе, яко въ тебѣ, посредѣ земли, всемірное спасеніе содѣяся: радуйся, яко Царю царей одръ и Владыцѣ владыкъ покоище былъ еси. Радуйся, яко тобою беззаконное сонмище Іудейское всеконечнѣ посрамися: радуйся, яко

предъ тобою ересь саддукеевъ, глаголющихъ не быти воскресенію, низложися. Радуйся, гробе, паче храма Соломонова честнѣйшій: радуйся, паче скиніи свидѣнія и ковчега завѣта святѣйшій. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе.

Кондакъ 3.

Слышавше, иже отъ кустодіи. суетніи стражи гроба Твоего, Христе, трусъ велій бывшій, и камень отваленъ и гробъ празденъ видяще, отъ страха быша яко мертви, и текше во градъ, возвѣщаху архіереемъ и старцемъ вся бывшая: они же пребезаконніи, аще и умыслиша утаити веліе чудо, но не возмогоша сокрыти истины, ниже воспятити вѣрующымъ пѣти Тебѣ: Аллилуіа.

Ікосъ 3.

Иже иногда страха ради Іудейска потаенъ сый ученикъ Твой, Христе, Іосифъ, иже отъ Арімаѳеа, испроси у Пілата божественное тѣло Твое, и съ Нікодимомъ, смѣшеніемъ смѵрны и алоя помазавъ е и плащаницею чистою обвивъ, во гробѣ новѣ положи, въ немже никтоже отъ человѣкъ погребенъ бысть, токмо Ты единъ, да освятиши земное естество: увидѣвъ же по сихъ Твое изъ мертвыхъ воскресеніе, пришедъ ко гробу Твоему, со умиленіемъ возгласи: Радуйся, живоносный гробе, не кустодіею, паче же Архангелми и Ангелми стрегомый: радуйся, яко отъ тебе Христосъ со славою изшедъ, безумныя стражы Пілатовы недоумѣніемъ и ужасомъ порази. Радуйся, яко печатей гробныхъ не вредивъ, богопротивнаго Каіафу посрами: радуйся, яко изъ тебе воскресшу Христу, свѣтлый день всемірнаго Боговѣдѣнія наста. Радуйся, яко тобою ідоли и куміры по всѣмъ концемъ земли сокрушатся: радуйся, яко на тебѣ храмы Бога истиннаго по всей вселеннѣй утвердятся. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе.

Кондакъ 4.

Воспоминающе ученицы Твои пресладкое обѣтованіе, еже, грядый на вольную страсть, провѣщалъ еси предъ ними, варяти ихъ по воскресеніи въ Галілеи, поспѣшшеся идоша въ Галілею, въ гору, аможе повелѣлъ еси, и видѣвше

Тя тамо, Егоже прежде обыкоша зрѣти, истинна человѣка, не привидѣніемъ, но самою вещію плоть нашу носяща, съ вѣрою и любовію яко Богу поклонишася, зовуще: Аллилуіа.

Ікосъ 4.

Разумъ неуразумѣнный былъ еси Іудеомъ, неразумѣвшымъ пророческихъ о Тебѣ сказаній, ниже искавшымъ познати истину воскресенія Твоего, како печати не рушивъ изъ гроба изшелъ еси: тѣмже безумнѣ наущаху кустодію возвѣстити людемъ, пречистое тѣло Твое украдено быти. Мы же преславному воскресенію Твоему дивящеся, похвальная живоносному гробу Твоему восписуемъ, глаголюще: Радуйся, всебогатый гробе, яко имѣлъ еси въ тебѣ всѣмъ жизнь Подающаго: радуйся, яко осквернênная беззаконьми человѣческими земля, пречистою плотію Хрістовою, въ тебѣ возлежавшею, освящается. Радуйся, яко Воскресый изъ тебе пріятъ всяку власть на небеси и на земли, да всѣхъ и вся къ Богу Отцу приведетъ: радуйся, яко, камени отъ тебе Ангеломъ отвалену бывшу, святыя жены мvроносицы уразумѣша Хрістово воскресеніе. Радуйся, яко, Спасу міра изъ тебе воставшу, во всю землю изыде Апостольское вѣщаніе: радуйся, въ немже благодать воскресшаго Жизнодавца доднесь невидимо почіетъ. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 5.

По днехъ осмихъ отъ востанія Твоего, Господи, пришелъ ели ко ученикомъ Твоимъ, дверемъ заключеннымъ, дарованіе Святаго Духа подая имъ. Тогда убо и Ѳомѣ реклъ еси: пріиди, осяжи язвы Моя, и не буди невѣренъ, но вѣренъ. Тѣмже познавъ Тебе истинно воскресша быти, съ прочими ученики радостнѣ возопи: Аллилуіа.

Ікосъ 5.

Вѣтія суемудренныя, книжники Іудейскія, якоже рыбы безгласныя видимъ, недоумѣющыя глаголати о преславнѣмъ востаніи Твоемъ, Хрісте, и неразумѣющыя, яко подобаше Тебѣ пострадати за народъ человѣчь и изъ мертвыхъ воскреснути: мы же, совоскресшіи Тебѣ вѣрою и любовію, съ веселіемъ самому гробу Твоему зовемъ: Радуйся живо-

носный гробе, яко тобою жизнь вѣчная всѣмъ концемъ земли познася: радуйся, яко въ тебѣ, смертію Начальника жизни, смерти жало и держава сокрушися. Радуйся, яко отъ сѣвера и моря къ тебѣ приходяще, воскресшаго Жизнодавца прославляютъ: радуйся, яко отъ запада и востока текуще вси въ тебѣ залогъ безсмертія обрѣтаютъ. Радуйся, яко по образу твоему вси гроби издадутъ своихъ мертвецевъ въ день послѣдній: радуйся, вѣры Хрістіанскія утвержденіе и пророческихъ сказаній печате. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 6.

Егда по воскресеніи Твоемъ, Хрісте, явился еси ученикомъ Твоимъ на мори Тиверіадстѣмъ, повелѣвая воврещи мрежу одесную корабля: тогда возлюбленный ученикъ Твой, познавъ Тя отъ ловитвы рыбъ, Петрови глаголаше: Господь есть! Изшедше убо на землю, обрѣтоша огнь и рыбу лежащу и хлѣбъ, отъ нихже вкусивше и познавше въ Тебѣ своего Учителя и Господа, единѣми усты и единѣмъ сердцемъ возопиша: Аллилуіа.

Ікосъ 6.

Утру сущу глубоку, жены пріидоша на гробъ Твой, Іисусе, но желаемаго тѣла Твоего не обрѣтшя, недоумѣніемъ и печалію одержимы бяху: Ты же, Утѣшителю скорбящихъ, явлься имъ посредѣ вертограда, единымъ гласомъ: Маріе! плачь ихъ на радость преложилъ еси. Тѣмже познавшя воскресеніе Твое, съ веселіемъ восклицаху: Радуйся, живоносный гробе, въ немже Хрісту всельшуся, адова оскудѣша царствія: радуйся, яко тебѣ отъ первосвященниковъ запечатлѣну бывшу. владыка сѣни смертныя съ трепетомъ издаде узники, яже отъ вѣка содержалъ есть. Радуйся, яко въ трусѣ, при востанїи изъ тебе со славою Искупителя человѣковъ, вся тварь обрѣте вѣчное успокоеніе: радуйся, яко въ тебѣ образъ всемірнаго воскресенія боголѣпно предъизобразися. Радуйся, яко тобою ликъ Апостольскій въ вѣрѣ и любви утвердися: радуйся и ты, Іосифе, толикое сокровище въ твоемъ вертоградѣ стяжавый. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 7.

Во страданіи Твоемъ, Хрісте, не терпя солнце беззаконныхъ неистовства, свѣтъ свой скры, и завѣса церковная раздрася: въ живоноснѣмъ же гробѣ Тебѣ положену бывшу, земля потрясеся. аки хотящи поглотити законопреступныхъ: но Ты, яко Богъ, воскресъ еси со славою, и всероднаго Адама воздвиглъ еси съ Тобою. Тѣмже достойно и праведно воскресенію Твоему зовемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 7.

По преславнѣмъ востаніи Твоемъ. Хрісте, Луцѣ и Клеопѣ явился еси, яко странникъ, на пути во Еммаусъ, и бесѣдующема има о приключшихся во Іерусалимѣ, зазираемь былъ еси отъ нею, яко единъ невѣдый бывшаго: Ты же, яко всевѣдущій, пророчествія открывъ и невѣрствіе ею обличивъ, познался еси има въ преломленіи хлѣба. Тѣмже убо съ радостію великою возвратившася во Іерусалимъ и узрѣвша вертоградъ Іосифовъ, возгласиста: Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже, яко Іона изъ чрева китова, Хрістосъ тридневенъ произыде: радуйся, яко послѣднее виталище былъ еси Тому, Иже на земли не имѣ гдѣ главу подклонити. Радуйся, яко тобою положися предѣлъ вольному уничиженію насъ ради Спасителя міру: радуйся, яко въ тебѣ предначася торжество Побѣдителя ада и смерти. Радуйся, яко не ктому могутъ законопреступніи оклеветати лжею востаніе изъ гроба Сына Человѣческаго: радуйся, яко тобою небо и земля и преисподняя обрѣтоша радость. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 8.

Все естество Ангельское и человѣческое удивися великому Твоему, еже о насъ, смотренію: неприступнаго бо, яко Бога, зряше всѣмъ приступна человѣка, зракъ раба пріимша, распята же и погребенна, но воскресша въ третій день во славѣ и вознесшася съ плотію на небо. Тѣмъ убо яко Спасителю и Владыцѣ воспѣваемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 8.

Новое и преславное чудо показалъ еси воскресеніемъ Твоимъ, Хрісте Боже нашъ, печати гроба не вредивъ,

якоже и Дѣвы въ рождествѣ Твоемъ. Тѣмже почитаемъ вольная страданія Твоя, славословимъ крестъ и погребеніе, и преславному воскресенію Твоему покланяющеся, къ живоносному гробу Твоему съ веселіемъ зовемъ: Радуйся, всесвятый гробе, изъ негоже Хрістосъ, якоже пророче, воскресе и Собою весь міръ обнови: радуйся, отъ негоже всезлобный врагъ рода человѣческаго лютѣйшій ударъ во главу пріятъ. Радуйся, яко отъ тебе отваленный камень адова врата сокруши и вереи желѣзныя сотре: радуйся, яко изъ тебе всемірное Солнце правды возсія и мглу невѣрія разгна. Радуйся, яко въ тебѣ Христу возлегшу, вси концы земли вони безсмертія исполнишася: радуйся, яко тебѣ открывшуся, источникъ нашего тлѣнія заключися. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 9.

Проповѣдницы востанія Твоего богоносніи Апостоли, послани бывше, отъ конецъ до конецъ земли проповѣдаша Тебе истиннаго Бога, ідолы сокрушиша, беззаконныя обычаи языческія попраша, храмы и жертвенники Богу истинну воздвигоша, и всѣхъ вѣрныхъ научиша воспѣвати Тебѣ: Аллилуіа.

Ікосъ 9.

По востаніи Твоемъ изъ гроба, дверемъ заключеннымъ, ко ученикомъ Твоимъ вшелъ еси, и вкушь отъ хлѣба и сота, сладость церковная, не привидѣніе предъ ними, но истиннаго ихъ Учителя и Господа быти увѣрилъ еси. Тѣмже свобождшеся отъ недоумѣній и страха, съ радостію неизреченною посѣщаху мѣсто погребенія Твоего, глаголюще: Радуйся, живоносный гробе, въ немже Богъ Слово, плотію уснувъ, священнотайнѣ тридневнова: радуйся, яко Тойже востаніемъ Своимъ вся отъ вѣка уснувшыя возбудилъ есть. Радуйся, яко въ тебѣ Солнцу правды, Христу, зашедшу, сущымъ во адѣ и сѣни смертнѣй свѣтъ жизни возсія: радуйся, яко изъ тебе произшедый воскресеніе и животъ вѣчный всѣмъ дарова. Радуйся, яко Ангелу о тебѣ благовѣствующу, плачь и рыданіе Адамово преста: радуйся, яко камени отъ тебе отпадшу, каменносердечніи языцы навыкнутъ вѣровати въ жизнь вѣчную. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 10.

Земля убояся и умолче, Тебе, Творца своего, зрящи во гробѣ малѣ положена: адъ, вострепетавъ отъ неприступныя славы воскресенія Твоего, издаяше мертвыя, отъ вѣка содержимыя, небеса же восходъ ко Отцу готовяху, Егоже николиже отлучался еси. Тѣмже и мы, искупленніи крестомъ Твоимъ, вси Тебѣ зовемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 10.

Маріа Магдалина, яко теплѣйшая къ Тебѣ, Христу Богу, вѣрою, зѣло рано пришедши на гробъ Твой, сподобися узрѣти Тя Жизнодавца, и желаше облобызати пречистыя нозѣ Твои: но Ты убо, яко Владыка всяческихъ, не прикасайся Мнѣ, реклъ еси: не убо взыдохъ ко Отцу Моему, иди же ко братіи Моей и рцы имъ о востаніи Моемъ. Тѣмже, яко благовѣстіе носящая, небо и землю оглашаше, вопіющи: Радуйся, живоносный гробе, въ немже Христосъ пречистою плотію усну и почи яко левъ; никимже возбудимый: радуйся, изъ негоже, яко Богъ, самовластнѣ воста, ничимже удержимый. Радуйся, яко о бывшемъ въ тебѣ адъ неволею истинствуетъ, глаголя: уне мнѣ бяше, аще быхъ отъ Маріи Рождшагося не пріялъ: радуйся, яко тобою посрамленъ, князь тьмы рыдаетъ. Радуйся, яко тобою обрадованъ, ликъ Ангельскій торжествуетъ: радуйся, новыя благодати хранилище и непрестающихъ чудесъ источниче. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Христосъ воскресе.

Кондакъ 11.

Представъ, по воскресеніи, ученикомъ Твоимъ, Христе Боже, миръ Твой подалъ еси имъ и власть отпущати грѣхи, да проповѣдуютъ востаніе Твое отъ гроба, крестяще во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Они же изшедше, яко облеченніи силою свыше, научиша вся языки воспѣвати Тебѣ, яко Богу: Аллилуіа.

Ікосъ 11.

По востаніи Твоемъ изъ мертвыхъ, являя Себе ученикомъ Твоимъ, Христе, Сімоне Іонинъ, любиши ли Мя? реклъ еси Петрови, и по трикратнѣмъ любве его къ Тебѣ извѣ-

щеніи, Церкви Твоей паки того учителя и Апостола даровалъ еси. Мы же, проповѣдію его наученніи, покланяющеся живоносному гробу Твоему, тако глаголемъ: Радуйся, всесвятый гробе, въ немже, яко въ ковчезѣ Ноевѣ, отъ разліянія грѣховнаго и тли смертныя весь родъ человѣческій спасеся: радуйся, изъ негоже, яко изъ святаго святыхъ, миръ и благословеніе всѣмъ падшымъ сыномъ Адама изнесеся. Радуйся, любве Хрістовы къ намъ, во днехъ плоти Его. послѣдній краю и предѣле: радуйся, и насъ всѣхъ братію нашу по плоти до смерти и гроба любити научивый. Радуйся, мракъ и страхи сѣни смертныя для вѣрующихъ разгнавый: радуйся, странникомъ земли путь жизни вѣчныя въ небесный Іерусалимъ указавый. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 12.

Божественное, еже о насъ, смотреніе Твое славяще, страсти Твоя почитаемъ, предивному воскресенію Твоему покланяемся, и отъ земли къ небесному Родителю преславное вознесеніе воспѣваемъ, и молимся: пресвятаго Твоего Духа не отъими отъ насъ, да вси зовемъ Тебѣ во вѣки: Аллилуіа.

Ікосъ 12.

На гору Елеонскую егда возшелъ еси, Отчее сіяніе, тогда пресвѣтлый о́блакъ подъятъ Тя, зрящымъ ученикомъ Твоимъ, и Ангели Апостоломъ глаголаху: мужіе Галілейстіи, что стоите зряще на небо? се бо, Егоже видите возносящася, Той паки пріидетъ съ плотію. Они же съ радостію возвратившеся во Іерусалимъ, хваляху Тебе, истиннаго Бога, и живоносному гробу Твоему, въ немже тридневно положенъ былъ еси, съ веселіемъ возглашаху: Радуйся, живоносный гробе, собывшимся въ тебѣ всѣхъ насъ въ вѣрѣ во Христа утвердивый: радуйся, предъ мучители и враги истины, надеждою воскресенія непобѣдимы насъ сотворивый. Радуйся, въ немже священнотайнѣ, въ купели крещенія, вси вѣрующіи Христу спогребаются: радуйся, изъ негоже крещенніи, умерше грѣху, къ новѣй жизни со Христомъ совостаютъ. Радуйся, яко предъ тобою отъ благодати воскресенія, въ тебѣ почіющей, вся крѣпость ада исчезаетъ: радуйся, яко

изъ тебе, отъ полноты силы Божія, на тебѣ явльшіяся заря жизни вѣчныя незаходимо сіяетъ. Радуйся, живоносный гробе, изъ негоже Хрістосъ воскресе.

Кондакъ 13.

О пресвятый и живоносный гробе Хрістовъ, утѣшеніе рода человѣческаго и всея земли украшеніе! тебѣ, яко чертогу Царя славы, мысленнѣ съ вѣрою предстояще, молимся ко тридневно воскресшему изъ тебе Хрісту Богу нашему, во еже избавитися намъ отъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, отъ бѣдъ временныхъ и вѣчныхъ, паче же отъ страстей и грѣховъ нашихъ, да, совоскресше Ему покаяніемъ, во обновленіи правыя жизни ходити начнемъ, благодарнѣ зовуще: Аллилуіа. *Трижды.*

Таже ікосъ 1, и кондакъ 1.

Пѣснь 7. Ірмосъ:

Отроки отъ пещи избавивый, бывъ человѣкъ, страждетъ яко смертенъ, и страстію смертное въ нетлѣнія облачитъ благолѣпіе, единъ благословенъ отцевъ Богъ и препрославленъ.

Жены съ мѵры богомудрыя вслѣдъ Тебе течаху: Егоже яко мертва со слезами искаху, поклонишася радующяся живому Богу, и Пасху тайную Твоимъ, Хрісте, ученикомъ благовѣстиша.

Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе, иного житія вѣчнаго начало: и играюще поемъ виновнаго, единаго благословеннаго отцевъ Бога и препрославленнаго. *Слава:*

Умертвивъ Сынъ твой смерть, Всенепорочная, днесь всѣмъ смертнымъ пребывающій животъ во вѣки вѣковъ дарова, единъ благословенный отцевъ Богъ и препрославленный. *И нынѣ:*

Всѣмъ царствуяй созданіемъ, бысть человѣкъ, вселився во твою, Богоблагодатная, утробу: и распятіе претерпѣвъ и смерть, воскресе боголѣпно, совозставивъ насъ яко всесиленъ.

Катавасіа: Не послужиша твари богомудріи:

Пѣснь 8. Ірмосъ:

Сей нареченный и святый день, единъ субботъ царь и господь, праздниковъ праздникъ и торжество есть торжествъ. воньже благословимъ Хріста во вѣки.

Пріидите, новаго вінограда рожденія, божественнаго веселія, въ нарочитомъ дни воскресенія, Царствія Христова пріобщимся, поюще Его яко Бога во вѣки.

Возведи окрестъ очи твои, Сіоне, и виждь: се бо пріидоша къ тебѣ, яко богосвѣтлая свѣтила, отъ запада, и сѣвера, и моря, и востока чада твоя, въ тебѣ благословящая Христа во вѣки. *Слава:*

Пріиде тобою въ міръ Господь, Дѣво Богородице, и чрево адово расторгъ, смертнымъ намъ воскресеніе дарова: тѣмже благословимъ Его во вѣки. *И нынѣ:*

Всю низложивъ смерти державу Сынъ твой, Дѣво, Своимъ воскресеніемъ, яко Богъ крѣпкій совознесе насъ и обожи: тѣмже воспѣваемъ Его во вѣки.

Катавасіа: Отроки благочестивыя въ пещи:

Пѣснь 9. Ірмосъ:

Величитъ душа моя воскресшаго тридневно отъ гроба, Христа жизнодавца.

Свѣтися, свѣтися, новый Іерусалиме, слава бо Господня на тебѣ возсія: ликуй нынѣ и веселися, Сіоне: ты же чистая красуйся, Богородице, о востаніи рождества твоего.

О божественнаго! о любезнаго! о сладчайшаго Твоего гласа! съ нами бо неложно обѣщался еси быти до скончанія вѣка, Христе. Егоже вѣрніи утвержденіе надежды имуще, радуемся.

О Пасха велія и священнѣйшая, Христе! о мудросте, и Слове Божій, и сило! подавай намъ истѣе Тебе причащатися въ невечернемъ дни Царствія Твоего. *Слава:*

Согласно, Дѣво, тебе блажимъ вѣрніи: радуйся, двере Господня: радуйся, еяже ради намъ нынѣ возсія свѣтъ изъ тебе Рожденнаго изъ мертвыхъ воскресенія. *И нынѣ:*

Веселися и радуйся, Божественная двере свѣта: зашедый бо Іисусъ во гробъ, возсія, просіявъ солнца свѣтлѣе, и вѣрныя вся озаривъ, богорадованная Владычице.

Катавасіа: Всякъ земнородный:

Ексапостіларій, самогласенъ:

Плотію уснувъ, яко мертвъ, Царю и Господи, тридневенъ воскреслъ еси, Адама воздвигъ отъ тли и упразднивъ смерть: Пасха нетлѣнія, міра спасеніе.

На хвалитехъ стіхира воскресна, гласъ 3:

Пріидите, вси языцы, уразумѣйте страшныя тайны силу: Хрістосъ бо Спасъ нашъ, еже въ началѣ Слово, распятся насъ ради, и волею погребеся, и воскресе изъ мертвыхъ, во еже спасти всяческая: Тому поклонимся.

И праздника стіхиры, гласъ 5:

Стіхъ: Да воскреснетъ Богъ, и расточатся врази Его.

Пасха священная намъ днесь показася: Пасха нова, святая: Пасха таинственная: Пасха всечестная: Пасха Хрістосъ Избавитель: Пасха непорочная: Пасха великая: Пасха вѣрныхъ: Пасха двери райскія намъ отверзающая: Пасха всѣхъ освящающая вѣрныхъ.

Стіхъ: Яко исчезаетъ дымъ, да исчезнутъ.

Пріидите отъ видѣнія, жены благовѣстницы, и Сіону рцыте: пріими отъ насъ радости благовѣщенія воскресенія Хрістова: красуйся, ликуй и радуйся, Іерусалиме, Царя Хріста узрѣвъ, изъ гроба яко жениха происходяща.

Стіхъ: Тако да погибнутъ грѣшницы отъ лица Божія, а праведницы да возвеселятся.

Мѵроносицы жены, утру глубоку, представшя гробу Живодавца, обрѣтоша Ангѣла на камени сѣдяща, и той, провѣщавъ имъ, сице глаголаше: что ищете живаго съ мертвыми? что плачете нетлѣннаго во тли? шедшя проповѣдите ученикомъ Его.

Стіхъ: Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся во-нь.

Пасха красная, Пасха, Господня Пасха, Пасха всечестная намъ возсія: Пасха, радостію другъ друга обымемъ. О Пасха, избавленіе скорби! ибо изъ гроба днесь яко отъ чертога возсіявъ Хрістосъ, жены радости исполни, глаголя: проповѣдите Апостоломъ.

Слава, и нынѣ, гласъ тойже:

Воскресеніе день, и просвѣтимся торжествомъ, и другъ друга обымемъ: рцемъ: братіе, и ненавидящымъ насъ простимъ вся воскресеніемъ, и тако возопіимъ: Хрістосъ воскресе изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущымъ во гробѣхъ животъ даровавъ.

МОЛИТВА

КО ГОСПОДУ ІИСУСУ ВОСКРЕСШЕМУ.

Слава Тебѣ, Господи Іисусе Христе, Боже мой, яко паки сподобилъ мя еси недостойнаго, прешедша поприще святаго поста, поклонитися божественнымъ страстемъ Твоимъ и видѣти всерадостный день преславнаго изъ гроба воскресенія Твоего, воньже свободилъ еси сущыя во адѣ отъ вѣкъ связанныя душы праведныхъ. Тоя божественныя свободы духа и плоти, дражайшій Спасителю мой, и азъ желаю, да разрѣшиши мя, связана суща многими грѣхи, и да сотвориши возсіяти живоносному свѣту воскресенія Твоего во мрачнѣй души моей: вижду бо безчисленныя щедроты и неизреченное человѣколюбіе Твое, яко не точію отъ небытія въ бытіе мя привелъ еси, и образа Твоего подобіемъ украсивъ, всея дольнія твари владыку поставилъ мя еси, но и посемъ падша съ высоты и врагу поработившася, не оставилъ еси, но искупивъ мя безцѣнною кровію Твоею, благодатію крещенія снабдилъ мя еси, да востеку на первое достояніе. Азъ же окаянный, запятъ бывъ умомъ плотскимъ, обратихся вспять и паки рабъ сотворихся грѣха и страстей, донелѣже единъ по единому погубихъ вся дары благодати Твоея. И нынѣ убо, что сотворю, не вѣмъ: обаче помянувъ глаголы пречистыхъ устъ Твоихъ, яко не пришелъ еси призвати праведники, но грѣшники въ покаяніе, и азъ яко единъ отъ сихъ, съ вѣрою и смиреніемъ прихожду къ живоносному гробу Твоему, не ароматы и воню мура носяй (нагъ бо есмь и пустъ благихъ дѣлъ), но паче надежду имый обрѣсти въ немъ прощеніе грѣхомъ моимъ и обновленіе нечистому житію моему. Призри убо на мя кающася и служити Тебѣ хотяща, и не отрини отъ благодати воскресенія Твоего! Живоносною смертію Твоею и погребеніемъ умертви моя лютыя страсти, да, яко мертвъ и погребенъ, живу въ мірѣ семъ. Преславнымъ востаніемъ Твоимъ воздвигни мою душу, умерщвленную грѣхми, и оживи совѣсть, еяже ничтоже въ мірѣ нужнѣйше есть. Вознесеніемъ Твоимъ отторгни мя отъ суетныхъ и душетлѣнныхъ благъ земныхъ, и сотвори мя горняя мудрствовати, яко да не ктому себѣ живя и угождая, но Тебѣ, Господу и Богу моему, служя и работая, якоже спо-

добихся поклонитися воскресенію Твоему на земли, тако сподобленъ буду видѣти Тебе, дражайшаго Искупителя моего, и на небеси, за пріятіе смерти крестныя славою и честію вѣнчанна, и ставъ одесную величествія Твоего, со Архангелы и Ангелы, и со всѣми искупленными Тобою братіями моими, во вѣки вѣковъ пою Тебѣ: Аллилуіа. Аминь.

Таже обычный отпустъ.

АКАѲИСТЪ

Покрову Пресвятыя Богородицы.

Іерей: Благословенъ Богъ нашъ:

Чтецъ: Слава Тебѣ, Боже нашъ, слава Тебѣ. Царю Небесный: Трисвятое. *По* Отче нашъ:

Тропари сія, гласъ 6:

Помилуй насъ, Господи, помилуй насъ: всякаго бо отвѣта недоумѣюще, сію Ти молитву яко Владыцѣ грѣшніи приносимъ: помилуй насъ. *Слава:*

Господи, помилуй насъ, на Тя бо уповахомъ: не прогнѣвайся на ны зѣло, ниже помяни беззаконій нашихъ: но призри и нынѣ яко благоутробенъ и избави ны отъ враговъ нашихъ, Ты бо еси Богъ нашъ, и мы людіе Твои, вси дѣла руку Твоею, и имя Твое призываемъ. *И нынѣ:*

Милосердія двери отверзи намъ, благословенная Богородице, надѣющіися на Тя да не погибнемъ, но да избавимся Тобою отъ бѣдъ: Ты бо еси спасеніе рода Хрістіанскаго.

Вѣрую во единаго Бога Отца, Вседержителя:

Стіхиры, гласъ 1:

Подобенъ: О дивное чудо!

О, великое заступленіе печальнымъ еси, Богородице чистая, скорая помощница, спасеніе міра и утвержденіе, милости пучина, Божія мудрости источникъ, міру покровъ: сію воспоемъ, вѣрніи, свѣтлый омофоръ ея хваляще неизреченно: обрадованная, радуйся, съ тобою Господь, подаяй міру тобою велію милость. *Дважды.*

О, чудное украшеніе всѣмъ вѣрнымъ еси, пророческое истинное сбытіе, Апостоломъ слава и мученикомъ удобреніе, дѣвству похвала и всему міру предивный покровъ: покрый, Владычице, омофоромъ милости твоея, императора и вся люди, вопіющыя: обрадованная, радуйся, съ тобою Господь, подаяй міру тобою велію милость. *Дважды.*

Градъ почитающій тя и по долгу славящій покрываеши, Пречистая, твоимъ омофоромъ честнымъ отъ нахожденія противныхъ, отъ глада же и труса и междоусобныя брани, Дѣво, неискусобрачная Богоневѣсто, человѣковъ покровъ и заступленіе.

Гласъ 4:

Освящается небо и земля, Церковь же свѣтится, и людіе вси веселятся: се бо Мати Божія, со Ангельскими воинствы, съ Предтечею и Богословомъ, съ пророки же и Апостолы, невидимо вшедши, за Хрістіаны молится Христу, помиловати градъ и люди, славящыя тоя покрова праздникъ.

Слава, и нынѣ, гласъ 8:

Срадуются съ нами умная вся чиноначалія, духовно совокупльша чувственный ликъ, видяща Царицу и Владычицу всѣхъ, многоименнѣ вѣрными славиму: радуются же и дуси праведныхъ, сущіи зрителіе видѣнія, на воздусѣ молебно простирающу всечестнѣи свои руцѣ, просящу умиренія міру, и царемъ державы и утвержденія, и спасенія душъ нашихъ.

На стіховнѣ стіхиры, гласъ 3:

Наста днесь пресвѣтлый праздникъ, пречистая Дѣво, честнаго твоего покрова. Паче солнца освѣщаеши люди, вѣрою отъ чиста сердца тебе истинную Матерь Божію исповѣдающыя и Сыну твоему вопіющыя: Христе Боже, молитвами Приснодѣвы, чисто и безъ истлѣнія рождшія Тя, не предаждь врагомъ ратующымъ Твое достояніе: но яко милостивъ, спаси въ мирѣ душы наша.

Гласъ 5:

Стихъ: Слыши, дщи, и виждь, и приклони ухо твое.

Воспоимъ, людіе, свѣтло Давідскую пѣснь Отроковицѣ, Невѣстѣ Божіи, Матери Царя всѣхъ Христа: предста Ца-

рица одесную Тебе, Владыко, рясны златыми одѣяна и преукрашена божественными лѣпотами. Сію бо избранную въ женахъ паче всего міра удобривъ, благоизволи родитися отъ нея, великія ради милости: и сію помощницу людемъ Своимъ дарова, строити и покрывати отъ всякія бѣды рабы Своя, едину благословенную.

Гласъ 2:

Стіхъ: Лицу Твоему помолятся богатіи людстіи.

Пренепорочную всѣхъ Царицу, пречистую Дѣву, сошедшеся, вѣрніи, ублажимъ днесь Матерь Христа Бога: присно бо къ Сыну руцѣ милостивно простираетъ, юже и предивный Андрей видѣ на воздусѣ, честнымъ своимъ покровомъ люди покрывающую, и той умильно возопіимъ: радуйся, покрове и заступленіе и спасеніе душамъ нашымъ.

Слава, и нынѣ, гласъ 3:

Пріидите, вси празднолюбцы, честный покровъ Божія Матере ублажимъ: къ Сыну бо руцѣ милостивно простре, и святымъ покровомъ ея міръ огражденъ бысть. Тѣмже усты и сердцемъ, и пѣсньми и пѣніи духовными, со всѣми притекающими празднуимъ свѣтло.

Таже: Господи, помилуй, *12. Слава, и нынѣ:* Пріидите, поклонимся, *трижды. Псаломъ 142:* Господи, услыши молитву мою: *Слава, и нынѣ:* Аллилуіа, *трижды.* Богъ Господь и явися намъ:

Тропарь, гласъ 4:

Днесь, благовѣрніи людіе, свѣтло празднуемъ, осѣняеми твоимъ, Богомати, пришествіемъ, и къ твоему взирающе пречистому образу умильно глаголемъ: покрый насъ честнымъ твоимъ покровомъ, и избави насъ отъ всякаго зла, молящи Сына твоего, Христа Бога нашего, спасти души нашя.

Таже, псаломъ 50: Помилуй мя, Боже:

КАНОНЪ.

Гласъ 4. Пѣснь 1. Ірмосъ:

Отверзу уста моя, и наполнятся Духа, и слово отрыгну Царицѣ Матери, и явлюся свѣтло торжествуя, и воспою радуяся тоя чудеса.

Съ чинми святыхъ Ангелъ и съ соборы пророкъ и Апостолъ, во славѣ велицѣй, яко Мати Божія, днесь въ церковь вшедши, за Хрістіаны молишися, отъ напасти и печали избавляеши вся, покрывающи твоею милостію.

Скинію тя Моусей, и жезлъ Ааронов̀ъ именова: ты бо животное древо Хріста процвѣла еси: къ Немуже дерзновеніе имущи, за ны, чествующыя тя, Царице, помолися, избавити насъ отъ всякаго зла, да твоего покрова праздникъ славимъ. *Слава:*

Не яко предъ кивотомъ древле, собравъ Давідъ лики, играетъ: но паче нынѣ съ чинми святыхъ предъ тобою текуще въ церковь, тебѣ кланяющеся глаголемъ: моли за чествующыя тя люди, да твой славяще покровъ, честно празднуемъ. *И нынѣ:*

Поютъ тя, Богородице, Ангельстіи чини, и славятъ патріарси со святители, предъ лицемъ твоимъ текуще въ церковь, съ нимиже тя тогда святый Андрей видѣ, за ны грѣшныя къ Богу молящуюся, помиловати люди, славящыя твоего покрова праздникъ.

Пѣснь 3. Ірмосъ:

Твоя пѣснословцы, Богородице, живый и независтный источниче, ликъ себе совокупльшыя духовно, утверди въ Божественнѣй твоей славѣ, вѣнцевъ славы сподоби.

Класъ прозябшая Божественный, яко нива неоранная явѣ, радуйся, одушевленная трапезо, хлѣбъ животный вмѣщшая: радуйся, животныя воды источниче неистощимый, Владычице.

Твои раби, Владычице, въ церкви твоей вѣрою предстояще, твоея ожидаемъ милости: посѣти наше смиреніе, и твоимъ святымъ покровомъ защити імператора и люди отъ всякаго зла.

Многоименитая Дѣво, пророки проображенная честно, иже тебѣ нынѣ со Ангелы служатъ, съ ними о насъ къ Богу молися, да твоего покрова святый день, радующеся, вси свѣтло празднуемъ. *Слава:*

Гедеонъ тя руномъ прообрази, на тя бо яко роса Хрістосъ Богъ сниде; къ Немуже, Богородице, молися, побѣду дати імператору нашему на враги, да яко Мадіамы низложивъ, прославитъ святый твой праздникъ. *И нынѣ:*

Паче солнечныхъ лучь, твоимъ блистающимъ омофоромъ,

освѣщаеши церковь и люди, и тьму грѣховъ нашихъ отгониши посѣщеніемъ твоимъ, Богородице, къ Сыну твоему и Богу за ны молящися.

По 3-ей пѣсни сѣдаленъ, гласъ 5:

Теплая предстательнице и непобѣдимая, упованіе извѣстное и непостыдное, стѣно и покрове и пристанище прибѣгающымъ къ тебѣ, Приснодѣво чистая, Сына твоего и Бога моли со Ангелы, умиреніе дати міру, и спасеніе, и велію милость.

Пѣснь 4. Ірмосъ:

Сѣдяй въ славѣ на престолѣ Божества, во облацѣ легцѣ пріиде Іисусъ Пребожественный, нетлѣнною дланію, и спасе зовущыя: слава, Хрісте, силѣ Твоей.

Во гласѣхъ пѣній, Дѣво, тебѣ вопіемъ, всепѣтая: радуйся, тучная горо и усыренная Духомъ: радуйся, свѣщниче и стамно, манну носящая, услаждающая всѣхъ благочестивыхъ чувства.

Паче Ааронія кіота, всю тя Богъ освятилъ есть Духомъ, Богородице, Святымъ, и Ангеломъ служити тебѣ повелѣ, съ нимиже за градъ и люди молися, твой славящыя праздникъ.

Пріиди нынѣ во славѣ въ твою, Богородице, церковь съ соборы всѣхъ святыхъ, якоже иногда тя святый Андрей видѣ на воздусѣ свѣтлѣ за Хрістіаны молящуюся, и подаждь намъ твою милость. *Слава:*

Укрѣпи, Владычице, славящаго тя і м п е р а т о р а нашего на противныя враги, яко Давіда на Голіаѳа, да тебѣ веселящеся вопіемъ: радуйся, покрове святый и заступнице града нашего. *И нынѣ:*

Тебѣ припадаемъ, Госпоже, вѣрою, и покланяющеся благодарно вопіемъ ти: радуйся, Богоблагодатная Дѣва, покрове и огражденіе наше, и помощнице въ бѣдѣ сущымъ, спаси насъ къ тебѣ прибѣгающихъ, на тя бо надѣемся.

Пѣснь 5. Ірмосъ:

Ужасошася всяческая о Божественнѣй славѣ твоей: ты бо, неискусобрачная Дѣво, имѣла еси во утробѣ надъ всѣми Бога, и родила еси безлѣтнаго Сына, всѣмъ воспѣвающымъ тя миръ подавающая.

Одръ тя древле Соломонъ пронаписа и ложницу Небеснаго Царя, обступаему серафімы. Тѣмъ тя нынѣ молимъ: Мати Божія всесвятая, покрый насъ отъ всѣхъ бѣдъ.

Тебѣ Ангеловъ старѣйшины и честніи пророцы со Апостолы. яко Матери Божіи, честно служатъ, видяще тя за міръ молитву творящу: твоя же прошенія послушавъ. Господь спасаетъ градъ и люди, на тя надѣющыяся. *Слава:*

Великій тя во пророцѣхъ Исаіа пророче, глаголя Бога родити неискусобрачно: ты бо, чистая Маріе, святѣйши всѣхъ была еси, Бога бо во утробѣ и на руку носила еси. Емуже за ны молися, твоимъ осѣняющи покровомъ вѣрою тя славящыя. *И нынѣ:*

Духовными паряще крилы, святыхъ собори тайно пріидоша тебѣ послужити, Богородице, видяще тя на легцѣ облацѣ славы, ко Спасу Хрісту молящуюся, подати побѣду імператору нашему. погубити воюющихъ насъ.

Пѣснь 6. Ірмосъ:

Божественное сіе и всечестное совершающе празднество, богомудріи, Богоматере, пріидите, руками восплещимъ, отъ нея рождшагося Бога славимъ.

Іерее богомудріи, въ церкви твоей съ людьми благочестивыми предстояще, твоея ожидаютъ, Богородице, милости: премѣни на радость нашу печаль, радость бо родила еси, всѣхъ человѣковъ грѣхи отпустившаго.

Тебѣ вся земля дары приноситъ, яко Царицѣ Матери Божіи: царіе и князи кланяются, и людіе вси веселятся, покрываеми отъ всякаго зла твоими, Богородице, молитвами.

Слава:

Гору тя велику Даніилъ пронаписа: изъ тебе бо безъ сѣмене родися Хрістосъ, и сокруши всю демонскую лесть. и всю Своея вѣры исполни землю: къ Немуже за ны, Богородице, молися, славящыя твоего покрова праздникъ. *И нынѣ:*

Ангельскій гласъ взываемъ ти, Пречистая: радуйся, престоле Божій, на немже Іезекіиль видѣ Господа, въ подобіи человѣка, носима херувімы. Съ нимиже за ны, Богородице, молися, да спасетъ души нашя.

Кондакъ 1.

Избраннѣй Предвѣчнымъ Царемъ, превышшей всякаго созданія, небесе и земли Царицѣ. пришедшей иногда во

Влахернскую церковь на молитву, достойное поклоненіе съ благодареніемъ приносяще, яко во тьмѣ сущіи, подъ твой свѣтящійся омофоръ съ вѣрою и умиленіемъ прибѣгаемъ. Ты же, яко имущи державу непобѣдимую, отъ всякихъ насъ бѣдъ свобождай, да зовемъ ти: Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Ікосъ 1.

Архангелъ и Ангелъ множествѡ, съ Предтечею, Богословомъ и всѣхъ святыхъ ликомъ, сопредсташа тебѣ Царицѣ своей въ церкви Влахернстѣй, и умиленная моленія твоя о всемъ мірѣ слышавше, со удивленіемъ возопиша таковая: Радуйся, Бога Отца безначальнаго предвѣчное благоволеніе: радуйся, Бога Сына безлѣтнаго пречистое вмѣстилище. Радуйся, Бога Духа Всесвятаго избранное жилище: радуйся, горнихъ чиновъ Ангельскихъ непрестающее удивленіе. Радуйся, темныхъ силъ адскихъ всегрозное устрашеніе: радуйся, юже на воздусѣ срѣтаютъ многоочитіи херувіми. Радуйся, ейже похвальная восписуютъ шестокрилатіи серафіми: радуйся, еяже преблагому покрову и мы земнородніи благодарнѣ покланяемся. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 2.

Видѣвше Тя святый Андрей со Епіфаніемъ въ церкви на воздусѣ за Хрістіаны Богу молящуюся, познаша, яко Матерь еси вознесшагося на небо Хріста Бога нашего, и припадше на землю, радостно покланяхуся всеблагому покрову твоему, зовуще: Аллилуіа.

Ікосъ 2.

Разумъ неуразумѣненъ еси, Богородице Дѣво, въ защищеніи людей православныхъ: сего ради врази наши и не познаютъ, коль сильна есть молитва Божія Матере. Мы же, о твоемъ всемощнѣмъ заступленіи добрѣ вѣдуще, сице къ тебѣ со умиленіемъ зовемъ: Радуйся, премилосердая утѣшительнице всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ: радуйся, неусыпающая наставнице всѣхъ заблуждшихъ и ослѣпленныхъ. Радуйся, праведно движимый гнѣвъ Божій на насъ твоимъ моленіемъ скоро утоляющая: радуйся, злыя страсти нашя

всемощнымъ мановеніемъ укрощающая. Радуйся, крѣпкое возбужденіе спящихъ совѣстей: радуйся, нетрудное преодолѣніе беззаконныхъ навыковъ. Радуйся, еяже ради адъ стенетъ и дуси злобы трепещутъ: радуйся, еяже ради врата рая всѣмъ намъ отверзаются. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 3.

Сила Вышняго осѣняетъ съ вѣрою и благоговѣніемъ прибѣгающихъ къ твоему всечестному покрову: единѣй бо точію тебѣ, пресвятѣй и пречистѣй Матери Божіей, дадеся, да всякое прошеніе твое исполнится. Тѣмъ убо всякъ возрастъ вѣрныхъ славословитъ тя и Сына твоего, зовущь: Аллилуіа.

Ікосъ 3.

Имущи богатство милосердія неоскудное, всѣмъ концемъ земли простираеши руку помощи, Владычице: болящымъ исцѣленіе, страждущымъ ослабу, слѣпымъ прозрѣніе и всѣмъ вся по коегождо потребѣ подаеши, благодарнѣ вопіющымъ: Радуйся, царствъ православныхъ несокрушимая крѣпосте и оградо: радуйся, святыхъ храмовъ и олтарей первѣйшее украшеніе. Радуйся, царскихъ престоловъ вѣрнѣйшее огражденіе: радуйся благосердыхъ градоправителей неусыпающая споспѣшнице. Радуйся, непобѣдимая воеводо вождей и воинствъ Хрістіанскихъ: радуйся, святое зерцало правды судіямъ немздопріимнымъ. Радуйся, совершенный разуме наставниковъ и дѣтоводителей: радуйся, благословеніе домовъ и семействъ благочестивыхъ. Радуйся, родосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 4.

Бурею многихъ бѣдъ одержимымъ намъ помогаеши, Владычице: стоиши бо предъ лицемъ олтаря Господня, воздвигши руцѣ твои, и молишися, яко да нашу недостойную молитву призритъ Господь Царь славы, и послушаетъ прошенія призывающихъ имя твое святое, къ Сыну же твоему зовущихъ: Аллилуіа.

Ікосъ 4.

Услыша Господь Богъ Іисуса Навина молящася и повелѣвающа солнцу стати, дондеже отмститъ врагомъ: слы-

шитъ и твоя нынѣ моленія Господь Іисусъ, избранная палато Духа Святаго. Тѣмже и мы грѣшніи, на твой надѣющеся покровъ, тебѣ, яко Божіей Матери, глаголати дерзаемъ: Радуйся, отъ Солнца мысленнаго озаренная, и насъ свѣтомъ незаходимымъ просвѣщающая: радуйся сіяніемъ пречистыя души твоея всю землю просвѣтившая. Радуйся, чистотою тѣлесе твоего вся небеса возвеселившая: радуйся, святыхъ обителей Хрістовыхъ покровъ и снабдѣніе. Радуйся, вѣрныхъ пастырей Церкве бодрость и вразумленіе: радуйся, богобоязненныхъ иноковъ и инокинь наставнице. Радуйся, невозмущаемое успокоеніе благоговѣйныхъ старцевъ: радуйся. тайное веселіе чистыхъ дѣвъ и вдовицъ. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 5.

Боговидецъ Моусей во ополченіи иногда на Амалика. егда руцѣ воздвизаше, Ісраиль одолѣваше, егда же руцѣ низпущаше, тогда Амаликъ побѣждаше, поддержащими же его укрѣпленъ, побѣди врага: ты же, о Богомати, воздѣвши руцѣ твои на умоленіе, аще и никимже поддержима, всегда побѣждаеши враги Хрістіанскія, и намъ щитъ еси непобѣдимь, вопіющымъ: Аллилуіа.

Ікосъ 5.

Видѣвше тя святыхъ собори на воздусѣ въ церкви Влахернстѣй молебніи руцѣ къ Сыну и Богу простирающую, радостно со Архангелы и Ангелы благодарную ти пѣснь воспѣша. Мы же крѣпчайшима, паче Моусеовыхъ рукъ. дланьма твоима укрѣпляеми, умильно вопіемъ: Радуйся, еяже руцѣ поддержитъ за всѣхъ насъ единая ея къ намъ любы и милосердіе: радуйся, предъ неюже врази наши, видиміи и невидиміи, стояти не могутъ. Радуйся, темное полчище страстей и похотей нашихъ прогоняющая: радуйся, огнь Божественный Хріста неопально на руку своею держащая, и насъ хладныхъ тѣмъ воспламеняющая. Радуйся, воинствующихъ на плоть цѣломудріемъ изрядное вѣнчаніе: радуйся, подвизающихся въ постѣ и безмолвіи присное собесѣдованіе. Радуйся, изнемогающихъ отъ унынія и печали скорая утѣшительнице: радуйся, благодатію смиренія и терпѣнія снаб-

дѣвающая. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 6.

Проповѣдникъ неоскудѣваемыя благодати и милостей твоихъ явися святый Романъ сладкопѣвецъ, егда отъ тебе во снѣ пріятъ свитокъ книжный на снѣденіе: тѣмъ убо умудренъ, начатъ разумно пѣти во славу твою. святымъ же писати похвальная, взывая съ вѣрою: Аллилуіа.

Ікосъ 6.

Возсіяла еси отъ истиннаго Солнца правды заря, Дѣво Богоотроковице, просвѣщающая всѣхъ премудростію Бога Сына твоего, и въ познаніе истины приводящая зовущихъ ти таковая: Радуйся, Божію силу и Божію премудрость Христа плотію породившая: радуйся, юродивую мудрость вѣка сего посрамившая и ослѣпленныхъ ею на путь правый наставляющая. Радуйся, святыя вѣры охраненіе и православныхъ догматовъ наставнице: радуйся, нечестивыхъ ересей и тлетворныхъ расколовъ искоренительнице. Радуйся, тайная и неудобь предвидѣнная вся добрѣ вѣдущая и имже подобаетъ сказующая: радуйся. лживыхъ провидцевъ и суетная гаданія посрамляющая. Радуйся, въ часъ недоумѣній мысль благу на сердце полагающая: радуйся отъ пагубныхъ начинаній и несмысленныхъ пожеланій воспящающая. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 7.

Хотяй долготерпѣливый Всевидецъ Господь явити Своего человѣколюбія неизслѣдимую щедротъ бездну, избра тебе едину въ Матерь Себѣ, и сотвори тя людемъ непреодолѣнное защищеніе: да аще кто отъ нихъ и праведнымъ судомъ Божіимъ осужденія достоинъ явится, твоимъ обаче державнымъ покровомъ сохраняется на покаяніе, зовый: Аллилуіа.

Ікосъ 7.

Дивная показалъ еси дѣла Твоя въ пречистѣй Матери Твоей, Господи, егда пречудный омофоръ въ руцѣ ея свѣтящійся паче лучь солнечныхъ явися, имже покрываше

люди, сущыя въ церкви Влахернстѣй. О таковѣмъ убо знаменіи милосердаго ея заступленія услышавше, ужасомъ и радостію одержими, вси глаголаху: Радуйся, нерукотворенный омофоръ аки облакъ надъ всѣмъ міромъ распростершая: радуйся, превѣчнаго Архіереа, Сына своего, знаменіе на руцѣ своей держащая. Радуйся, новую милость и новую благодать симъ въ Церкви православнѣй являющая: радуйся, столпе облачный, отъ искушеній и соблазновъ міра всѣхъ насъ покрывающій. Радуйся, столпе огненный, среди мглы грѣха всѣмъ намъ путь спасенія показующій: радуйся, явныхъ благочестія подвижниковъ явное укрѣпленіе. Радуйся, тайныхъ среди міра рабовъ Божіихъ тайное вразумленіе: радуйся, и мене обнаженнаго добрыхъ дѣлъ не оставляющая своимъ покровомъ и благодатію. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 8.

Дивно тя отъ небесъ во Влахернстѣй церкви явльшуюся Ангели воспѣша, Апостоли прославиша, ликъ святителей и преподобныхъ и женъ святыхъ сословіе восхвалиша, Предтеча съ Богословомъ поклонишася, людіе же сущіи въ церкви съ веселіемъ вопіяху: Аллилуіа.

Ікосъ 8.

Всѣми вышними и нижними владычествуя Господь, узрѣвъ тя въ церкви Матерь Свою стоящу и со умиленіемъ къ Нему молящуюся, рече: проси, Мати Моя, зане не отвращуся тебе, но исполню вся прошенія твоя, и благодарственная сице тебѣ всѣхъ пѣти научу: Радуйся, ковчеже завѣта, въ немже хранится освященіе всего рода человѣческаго: радуйся, стамно пресвятая, въ нейже алчущымъ правды блюдется хлѣбъ жизни вѣчныя. Радуйся, сосуде всезлатый, въ немже уготовася насъ ради плоть и кровь Божественнаго Агнца: радуйся, оставленныхъ врачами на свои всемощныя руцѣ пріемлющая. Радуйся, разслабленныхъ тѣломъ, но не духомъ и вѣрою, со одра болѣзни воздвизающая: радуйся, погубляющымъ отъ недуга умъ новый и лучшій смыслъ подающая. Радуйся, на стропотнѣмъ пути грѣха и страстей насъ премудрѣ запинающая: радуйся, жестокость нераскаяннаго сердца нашего умиляющая. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 9.

Все естество Ангельское похвальная приноситъ тебѣ истиннѣй Божіей Матери и заступницѣ всѣхъ притекающихъ къ тебѣ, вѣдуще, яко несокрушимымъ покровомъ твоимъ праведныхъ возвеселяеши, грѣшныхъ заступаеши, бѣдствующихъ избавляеши, и молишися о всѣхъ вѣрныхъ, зовущихъ: Аллилуіа.

Ікосъ 9.

Вѣтіи многовѣщанніи, яко рыбы безгласныя, недоумѣютъ, како восхвалити по достоянію великій всечестнаго покрова твоего праздникъ: вся бо о тебѣ отъ нихъ глаголемая не суть довольна ко единому исчисленію щедротъ твоихъ. Мы же, твоя неисчетная благодѣянія видяще, съ веселіемъ взываемъ: Радуйся, отъ язвы и всегубительства смертнаго насъ соблюдающая: радуйся, отъ внезапнаго колебанія земли грады и веси сохраняющая. Радуйся, отъ разліянія водъ и потопленія рукою крѣпкою возводящая: радуйся, отъ запаленія огненнаго росою молитвъ твоихъ избавляющая. Радуйся, отъ глада душевнаго и тѣлеснаго хлѣбомъ жизни снабдѣвающая: радуйся, удары молніи и грома отъ главы нашея отводящая. Радуйся, отъ нашествія иноплеменникъ и тайныхъ убійцъ спасающая: радуйся, отъ домашнія брани и вражды единокровныхъ миромъ и любовію ограждающая. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 10.

Спасти хотяй родъ человѣческій отъ прелести вражія человѣколюбецъ Господь, тебе Матерь Свою дарова земнымъ намъ въ помощь, покровъ и защиту, да будеши печальнымъ утѣшеніе, скорбящимъ радованіе, обидимымъ заступница, и да всѣхъ изъ глубины грѣховныя воздвигнеши, поющихъ: Аллилуіа.

Ікосъ 10.

Царю Небесный, глаголаше въ молитвѣ на воздусѣ со Ангелы стоящая всенепорочная Царица, пріими всякаго человѣка молящася къ Тебѣ и призывающаго имя мое на

помощь, да не отъидетъ отъ лика моего тощь и неуслышанъ. Сію всеблагую молитву слышавше собори святыхъ, благодарнѣ возопиша: Радуйся, чистыхъ руками и сердцемъ земледѣльцевъ благословенными плодами вѣнчающая: радуйся, помоще и праведное мздовоздаяніе всѣмъ право куплю дѣющымъ. Радуйся, клятвопреступленій и неправедныхъ стяжаній всенародное обличеніе: радуйся, бѣдствующымъ въ пути, на сушѣ и водахъ, внезапное вспоможеніе. Радуйся, безчадныхъ родителей плодами вѣры и духа веселящая: радуйся, безматернихъ сиротъ незримая воспитательнице. Радуйся, крѣпкая заступнице сущихъ въ плѣну и изгнаніи: радуйся, неусыпающая попечительнице во узахъ и темницѣ сѣдящихъ. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 11.

Пѣніе всеумиленное слышаще и теплѣй твоей молитвѣ о насъ внемлюще, просимъ тебе, Дѣво Богородице, не презри гласа рабовъ твоихъ: къ тебѣ бо въ напастехъ и скорбехъ прибѣгаемъ, и предъ тобою въ бѣдахъ нашихъ слезы проливаемъ, зовуще: Аллилуіа.

Ікосъ 11.

Яко свѣтопріемную свѣщу въ молитвѣ горящую, видящи тя на воздусѣ Влахернская церковь, согласно со множествомъ людей, въ ней бывшихъ, возглашаше: откуду мнѣ сіе, да пріиде Мати Господа моего ко мнѣ? Святый же Андрей со Епіфаніемъ теплѣ моляхуся къ тебѣ, зовуще: Радуйся, всѣхъ даровъ духовныхъ и тѣлесныхъ независтная подательнице: радуйся, полагающихъ начало покаянія грѣшниковъ вѣрная предстательнице. Радуйся, борющихся со страстьми и прилогами вражіими всегдашняя споборнице: радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ и звѣронравныхъ. Радуйся, тайный покое и отрадо рабовъ кроткихъ и страждущихъ: радуйся, всежеланное совершеніе благихъ супружествъ. Радуйся, матерей дѣтородящихъ скорое и безболѣзненное разрѣшеніе: радуйся, въ часъ кончины единая всѣмъ намъ помощнице. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 12.

Благодать Божественную испроси намъ у Сына твоего и Бога, простри намъ руку помощи, отжени отъ насъ всякаго врага и супостата, и умири нашу жизнь, да не погибнемъ лютѣ, безъ покаянія, но пріими насъ въ вѣчныя кровы, Покровительнице наша, да радующеся тебѣ зовемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 12.

Поюще твой державный покровъ, хвалимъ тя вси, яко твердую предстательницу нашу, и покланяемся тебѣ, о насъ молящейся: вѣруемъ бо и надѣемся, яко испросиши у Сына твоего и Бога благая вѣчная и временная всѣмъ, съ любовію вопіющымъ тебѣ сице: Радуйся, всей вселеннѣй крѣпкое заступленіе: радуйся, всѣхъ стіхій земныхъ и небесныхъ освященіе. Радуйся, всѣхъ временъ года благословеніе: радуйся, всѣхъ навѣтовъ и искушеній, отъ міра, плоти и діавола находящихъ, попраніе. Радуйся, нечаемое примиреніе ожесточенно враждующихъ: радуйся, недовѣдомое исправленіе нераскаянныхъ грѣшниковъ. Радуйся, не отвергающая всѣми презрѣнныхъ и отверженныхъ: радуйся, самихъ отчаянныхъ отъ рова погибели исхищающая. Радуйся, радосте наша, покрый насъ отъ всякаго зла честнымъ твоимъ омофоромъ.

Кондакъ 13.

О всепѣтая Мати, пречистая Госпоже, Дѣво Богородице! къ тебѣ возвожду душевныя и тѣлесныя очи, къ тебѣ простираю разслабленныя руцѣ, и изъ глубины сердца вопію: призри на вѣру и смиреніе души моея, покрый мя всемощнымъ омофоромъ твоимъ, да избавлюся отъ всѣхъ бѣдъ и напастей, и въ часъ кончины моея, о Всеблагая, предстани мнѣ, и уготованнаго ради грѣховъ моихъ избави мученія, да выну покланяяся зову: Аллилуіа. *Трижды.*

Пѣснь 7. Ірмосъ:

Не послужиша твари богомудріи паче Создавшаго, но огненное прещеніе мужески поправше, радовахуся поюще: препѣтый отцевъ Господь и Богъ благословенъ еси.

Неописанная многими пророки, несвѣдома же была еси,

Дѣво, небеснымъ служащымъ Богу Ангеломъ: нынѣ же вси вѣмы тя Богородицу, и твоея требуемъ помощи и заступленія, благословенная.

Гора усыренная Духомъ, юже Аввакумъ видѣ точащу вѣрнымъ цѣлебную сладость, Богородице Дѣво, исцѣли ны, Сыну твоему вопіющыя: благословенъ Богъ отецъ нашихъ.

Слава:

Преклонивый небеса въ тя, Дѣво, вселися, и нынѣ на молитву твою зритъ, Богородице чистая, твое, Царице, исполняя прошеніе: Емуже за ны усердно помолися, на тя бо надѣемся, благословенная. *И нынѣ:*

Творче Спасе нашъ, Хрісте Боже, пріими молитву Твоея Матере, юже Тебѣ за ны грѣшныя приноситъ, да Тебѣ радующеся поемъ: препѣтый отецъ нашихъ Боже, благословенъ еси.

Пѣснь 8. Ірмосъ:

Отроки благочестивыя въ пещи рождество Богородичо спасло есть: тогда убо образуемое, нынѣ же дѣйствуемое, вселенную всю воздвизаетъ пѣти Тебѣ: Господа пойте, дѣла, и превозносите Его во вся вѣки.

Съ чинми Ангелъ, Владычице, съ честными и славными пророки, съ верховными Апостолы, и со священномученики, и со архіереи, за ны грѣшныя Богу помолися, твоего покрова праздникъ въ Россійстѣй земли прославльшыя.

Гордыню и шатанія низложи, и совѣты неправедныхъ князей разори, зачинающихъ рати погуби, о Божія Мати, Царице всечестная! и благочестиваго ІМПЕРАТОРА нашего рогъ возвыси, да твой праздникъ славимъ, пречистая Богородице Дѣво, зовуще: Господа воспѣвайте, дѣла, и превозносите Его во вся вѣки. *Слава:*

Усты приносяще тебѣ пѣніе, и душею вѣрно покланяемся: ибо внутрь сердца наша горятъ. Мати Божія пречистая, помилуй насъ молящихся тебѣ, и Господа воспѣвающихъ и превозносящихъ Его во вся вѣки. *И нынѣ:*

Многими отягчився грѣхи, недоумѣю по достоянію написати твоего покрова, Богородице, похвалу: но, яко Мати Божія, украси твой праздникъ чудесы, да вси радующеся поемъ Господа и превозносимъ Его во вся вѣки.

Пѣснь 9. Ірмосъ:

Всякъ земнородный да взыграется духомъ просвѣщаемь, да торжествуетъ же безплотныхъ умовъ естество, почитающее священное торжество Богоматере, и да вопіетъ: радуйся, всеблаженная Богородице, чистая Приснодѣво.

Высокій Царю, со Отцемъ сѣдяй и отъ серафімъ воспѣваемый, призри на молитву Матерню, юже Тебѣ за ны грѣшныя приноситъ, и очисти грѣхи нашя, спаси градъ, и люди умножи, даждь ІМПЕРАТОРУ здравіе и спасеніе, и на поганыя побѣду, молитвами рождшія Тя.

Ангельскій гласъ вопіемъ тебѣ, Дѣво Богоизбранная: радуйся, яже Адама паки въ рай введшая: радуйся, демоны прогоняющая твоимъ именемъ: радуйся, надеждо Хрістіанъ: радуйся, освященіе душъ: радуйся, хранительнице града нашего. *Слава:*

Помяни насъ во твоихъ молитвахъ, Госпоже Дѣво Богородице, да не погибнемъ за умноженіе грѣховъ нашихъ: покрый насъ отъ всякаго зла и лютыхъ напастей: на тя бо уповаемъ, и твоего покрова праздникъ чествующе, тя величаемъ. *И нынѣ:*

Даръ отъ Бога пріяла еси, яко Мати Божія, всѣхъ Хрістіанъ недуги исцѣляти, и отъ бѣдъ избавляти, и грѣхи отпущати, и отъ плѣненія спасати и всякія нужды. Но и насъ не презри, Госпоже: вѣси бо, ихже требуемъ, здравія тѣлесемъ и душамъ спасенія.

Свѣтиленъ:

Подобенъ: Жены, услышите:

О пресвятая Госпоже, Дѣво Богородице! покрый насъ чуднымъ твоимъ омофоромъ, сохраняющи ІМПЕРАТОРА и люди отъ всякаго зла, якоже тя пречудный Андрей видѣ во Влахернстѣй церкви молящуюся: и нынѣ намъ, Госпоже, посли великую твою милость. *Трижды.*

На хвалитехъ стіхиры, на 4. Гласъ 8:

Подобенъ: О преславнаго чудесе:

Тебѣ припадаемъ, Госпоже, и умильно кланяющеся тебѣ вопіемъ: радуйся, Богоблаженная Владычице, многоименитая Дѣво, пророки проображенная честно: въ тя бо яко роса

Хрістосъ Богъ сниде, и родила еси браконеискусная чистая, и на руку носила еси всѣхъ Творца и Господа: Емуже нынѣ о насъ молися, славящихъ вѣрно твоего покрова праздникъ. *Дважды.*

Поютъ тя, Дѣво Богородице, Ангельстіи чини, и славятъ патріарси со архіереи, и святіи Апостоли, яко Матери Божіи, честно служатъ тебѣ, видяще тя за міръ молитву творящую ко Спасу всѣхъ Хрісту Богу: Емуже помолися, избавити градъ и люди, славящыя тя вѣрно и твоего покрова праздникъ чествующыя.

Паче Аароняківота, всю тя Богъ освяти Духомъ, Богородице, Святымъ: и паче солнечныхъ лучь, твоимъ свѣтящимся омофоромъ, освѣщаеши церковь и люди, и тьму грѣховъ нашихъ отгоняеши, избавляеши же отъ бѣдъ и скорбей, вѣрою чествующыя твоего честнаго покрова праздникъ.

Слава, и нынѣ, гласъ 6:

Яко видѣ тя пречудный Андрей на воздусѣ со Архангельскимъ множествомъ, со Апостолы и пророки и множествомъ мучениковъ, Сыну твоему и Богу нашему о градѣ и людехъ молящуюся, Владычице, и честнымъ твоимъ покровомъ покрывающую, не оскудѣй и нынѣ, пречистая, спасти изрядное достояніе твоего Сына, пречестный праздникъ твой празднующее, многопѣтая.

МОЛИТВА

КО ПРЕСВЯТѢЙ БОГОРОДИЦѢ.

О пресвятая Дѣво, Мати Господа вышнихъ Силъ, небесе и земли Царице, града и страны нашея всемощная Заступнице! пріими хвалебноблагодарственное пѣніе сіе отъ насъ недостойныхъ рабъ твоихъ, и вознеси молитвы нашя ко престолу Бога Сына твоего, да милостивъ будетъ неправдамъ нашымъ и пробавитъ благодать Свою чтущымъ всечестное имя твое и съ вѣрою и любовію покланяющымся чудотворному образу твоему. Нѣсмы бо достойни отъ Него помиловани быти, аще не ты умилостивиши Его о насъ, Владычице, яко вся тебѣ отъ Него возможна суть. Сего ради къ тебѣ прибѣгаемъ, яко къ несомнѣннѣй и скорѣй Заступ-

ницѣ нашей: услыши насъ молящихся тебѣ, осѣни насъ вседержавнымъ покровомъ твоимъ, и испроси у Бога Сына твоего пастыремъ нашымъ ревность и бдѣніе о душахъ, градоправителемъ мудрость и силу, судіямъ правду и нелицепріятіе, наставникомъ разумъ и смиреномудріе, супругомъ любовь и согласіе, чадомъ послушаніе, обидимымъ терпѣніе, обидящымъ страхъ Божій, скорбящымъ благодушіе, радующымся воздержаніе: всѣмъ же намъ духъ разума и благочестія, духъ милосердія и кротости, духъ чистоты и правды. Ей, Госпоже пресвятая, умилосердися на немощныя люди твоя: разсѣянныя собери, заблуждшыя на путь правый наставн, старость поддержи, юныя уцѣломудри, младенцы воспитай, и призри на всѣхъ насъ призрѣніемъ милостиваго твоего заступленія, воздвигни насъ изъ глубины грѣховныя и просвѣти сердечныя очи нашя ко зрѣнію спасенія, милостива намъ буди здѣ и тамо, во странѣ земнаго пришельствія и на страшнѣмъ судѣ Сына твоего: преставльшыяся же въ вѣрѣ и покаяніи отъ житія сего отцы и братію нашу въ вѣчнѣй жизни со Ангелы и со всѣми святыми жити сотвори. Ты бо еси, Госпоже, слава небесныхъ и упованіе земныхъ, ты по Бозѣ наша надежда и Заступница всѣхъ, притекающихъ къ тебѣ съ вѣрою. Къ тебѣ убо молимся, и тебѣ, яко всемогущей помощницѣ, сами себе и другъ друга и весь животъ нашъ предаемъ, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

МОЛИТВА

КО ПРЕСВЯТѢЙ БОГОРОДИЦѢ ЧЕЛОВѢКА, СУЩАГО ВЪ СКОРБИ И ОЗЛОБЛЕНІИ.

Царице моя преблагая, надеждо моя пресвятая, пріятелище сирымъ и страннымъ Заступнице, бѣдствующихъ помоще и озлобляемыхъ покрове! зриши мою напасть, зриши мою скорбь: отвсюду искушеніемъ одержимь есмь, а заступающаго нѣсть. Ты убо сама помози ми яко немощну, окорми*) мя яко странна, настави яко заблуждша, уврачуй и спаси яко безнадежна. Не имамъ бо иныя помощи, ни инаго предстательства, ни утѣшенія, токмо тебе, о Мати всѣхъ скор-

*) будь кормчимъ.

бящихъ и обремененныхъ! Призри убо на мя грѣшнаго и во озлобленіи сущаго, и покрый мя пресвятымъ омофоромъ твоимъ, да избавленъ буду отъ золъ, мя обышедшихъ и восхвалю выну препѣтое имя твое. Аминь.

Таже: Достойно есть, *и обычный отпустъ.*

СЛУЖБА И АКАѲИСТЪ

святому Архангелу Михаилу.

Начало обычное.

На Господи, воззвахъ:

Стіхиры, гласъ 4:

Подобенъ: Яко добля:

Трисолнечнаго Божества предстоятель сый свѣтлѣйшій. Міхаиле Архістратиже, съ горними силами зовеши, радуйся: святъ еси Отче, святъ еси собезначальное Слово, святъ еси и Святый Душе, едина слава, едино царство и естество, едино Божество и сила. *Дважды.*

И видъ твой огненъ, и доброта чудна, Міхаиле первоангеле: невещественнымъ бо естествомъ преходиши концы, исполняя повелѣнія всѣхъ Творца, силенъ въ крѣпости твоей познаваемъ. *Дважды.*

Творяй Ангелы Твоя, якоже писано есть, духи, и служащыя Тебѣ пламень огненный, посредѣ чиновъ Твоихъ Архангельскихъ первенствующа показалъ еси, Господи, Міхаила Архістратига, Твоимъ мановеніемъ повинующася, Слове, и пѣснь трисвятую со страхомъ возглашающа славѣ Твоей. *Дважды.*

Слава, гласъ 6. Вѵзантіево:

Срадуйтеся намъ, вся Ангельская чиноначалія: предстоятель бо вашъ и нашъ предстатель, великій Архістратигъ, въ днешній день въ честнѣмъ его храмѣ соборомъ вѣрныхъ по долгу усердно прославляется и въ молитвахъ

призывается: покрый насъ кровомъ крилу твоею, великій Архістратиже Міхаиле.

И нынѣ, богородиченъ, гласъ тойже:

Срадуйтеся намъ, вся дѣвственныхъ ликостоянія: предстательница бо наша и ходатаица, и покровъ и великое прибѣжище, въ днешній день всечестнаго празднества вся скорбящыя утѣшаетъ. Тѣмже по долгу ублажающе сію, возопіимъ: покрый ны божественнымъ предстательствомъ твоимъ, пречистая Богородице Владычице.

На стіховнѣ стіхиры, гласъ 1:

Чиноначальникъ вышнихъ силъ, Міхаилъ днесь насъ къ торжеству созва, сохраняяй ны отъ всякаго діаволя обстоянія. Пріидите убо, празднолюбцы, цвѣты добродѣтелей вземше, чистыми помыслы и совѣстію благостоянною Архангеловъ предстоятеля почтимъ: той бо непрестанно Богу предстоя и трисвятую пѣснь воспѣвая, молитъ спастися душамъ нашымъ.

Стіхъ: Творяй Ангелы Своя духи и слуги Своя пламень огненный.

Небеснымъ первствуя въ дерзновеніи мнозѣмъ и предстоя престолу страшному въ славѣ, самовидче неизреченныхъ таинъ, спаси ны, Міхаиле Архістратиже, сущыя въ нуждахъ бѣдъ и напастей, молитвами твоими.

Стіхъ: Хвалите Его, вси Ангели Его, хвалите Его, вся силы Его.

Безплотныхъ Ангеловъ первый еси, и служитель Божественнаго Свѣта, самовидецъ же и таинникъ чудесъ: тѣмже отъ бѣдъ избави ны, Міхаиле Архістратиже, чтущыя имя твое благочестно и поющыя во славу Пресвятыя Троицы.

Слава, и нынѣ, гласъ 8:

Небесныхъ чиновъ начальникъ, служитель же славы Божественныя достойно бывъ повелѣніемъ Зиждителя твоего, Хрістіаномъ еси ходатай вѣрный, невещественною твоею силою вся земная охраняя: тѣмже по долгу восхваляемъ тя вси, преславное твое днесь совершающе торжество, Міхаиле Архістратиже: ты же моли Хріста Бога, грѣховъ оставленіе даровати любовію тя прославляющымъ.

Тропарь, гласъ 4:

Небесныхъ воинствъ Архістратиже, молимъ тя присно мы недостойніи, да твоими молитвами огради насъ кровомъ крилъ невещественныя твоея славы, сохраняя насъ припадающихъ прилѣжно и вопіющихъ: отъ бѣдъ избави насъ, яко чиноначальникъ вышнихъ силъ.

Господи, помилуй, *трижды. Слава, и нынѣ: Таже псаломъ 50:* Помилуй мя, Боже:

КАНОНЪ.

Гласъ 4. Пѣснь 1. Ірмосъ:

Отверзу уста моя, и наполнятся Духа, и слово отрыгну Царицѣ Матери, и явлюся свѣтло торжествуя, и воспою радуяся тоя чудеса.

Припѣвъ: Святый Архістратиже Міхаиле, моли Бога о насъ.

Божественными свѣтлостьми облистаемъ всегда, умъ мой озари, еже воспѣти тя, Архістратиже горнихъ воинствъ, всѣхъ утвержденіе притекающихъ къ тебѣ.

Умъ Пребезначальный премірнаго чина начальника показа тя, преславне Архістратиже, и свѣтъ сущихъ во тьмѣ, и божественное украшеніе Церкве Своея. *Слава:*

Умовъ превышая небесныхъ въ силѣ и благолѣпіи, дольнымъ же всеизряднѣйшее, Міхаиле, явился еси огражденіе и утвержденіе, и оружіе, враги потребляющее. *И нынѣ:*

Дѣво всенепорочная, Ангеловъ радованіе, человѣковъ помоще, ты мнѣ помози мореплавающему, и въ бури грѣха присно впадающу и бѣдствующу.

Пѣснь 3, Ірмосъ:

Твоя пѣснословцы, Богородице, живый и независтный источниче, ликъ себе совокупльшыя духовно, утверди въ Божественнѣй твоей славѣ, вѣнцевъ славы сподоби.

Крѣпостію божественною, воеводо Ангеловъ всехвальне, обходиши всю землю, отъ лютыхъ ны изъимая, призывающыя твое преславное имя.

Яко богоподобенъ проповѣдникъ, яко предстатель вѣрныхъ непостыденъ, заблуждшихъ путевождь и наказатель былъ еси вину, Архістратиже боговиднѣйшій. *Слава:*

Божественнаго сіянія чистѣйшее зерцало явился еси, озаряя лучами трисолнечнаго Божества вся дальняя, на небеси и на земли, Міхаиле первоангеле досточудне. *И нынѣ:*

Невещественныя умы Составивый волею въ вещественное твое чрево вселися хотѣніемъ, Всенепорочная, плотію зримь николиже зрѣнный.

Сѣдаленъ, гласъ 1:

Ликъ Ангельскій, Архістратига имѣя божественнаго Міхаила, съ нимъ Святѣй Троицѣ немолчное приноситъ пѣніе: изъ не сущихъ бо Содѣтель всяческихъ воинства огнезрачныхъ чиновъ словомъ приведе. *Слава, и нынѣ:*

Упованіе Хрістіанъ, пресвятая Дѣво, Егоже родила еси Бога, паче ума же и слова, непрестанно моли съ вышними силами, подати намъ оставленіе грѣховъ и исправленіе житія, вѣрою и любовію присно тя славящымъ.

Пѣснь 4. Ірмосъ:

Сѣдяй въ славѣ на престолѣ Божества, во облацѣ легцѣ пріиде Іисусъ Пребожественный, нетлѣнною дланію, и спасе зовущыя: слава, Хрісте, силѣ Твоей.

Умъ сый безначальный, Ангельскія умы хотѣніемъ всемощнымъ создалъ еси, начальника посредѣ ихъ Міхаила содѣлавъ, всеблаженнымъ причастіемъ славы Твоея просвѣщаема и умными богоначаліи облистаема.

Пѣніе трисвятое со престолы и началы, и силами, и властьми, и священными господствы возглашаеши Троицѣ, преславне Міхаиле. *Слава:*

Величаемъ всѣхъ Творца же и Господа, за благоутробіе давшаго необориму стѣну и забрало Міхаила намъ, свѣтозарнаго Архістратига. *И нынѣ:*

Мысленно, Дѣво, твоего пречистаго рождества преславное въ дусѣ провидѣвъ сбытіе древле пророкъ, гору тя пріосѣненную нарече, изъ неяже Святый пріиде Богъ воплощаемь.

Пѣснь 5. Ірмосъ:

Ужасошася всяческая о Божественнѣй славѣ твоей: ты бо, неискусобрачная Дѣво, имѣла еси во утробѣ надъ всѣми Бога, и родила еси безлѣтнаго Сына, всѣмъ воспѣвающымъ тя миръ подавающая.

Явился еси предворящь древняго Ісраиля столпомъ облачнымъ во дни и столпомъ огненнымъ въ нощи, Міхаиле безтѣлесный, Ангеловъ Архістратиже.

Невещественными озаряемь сіяніи присно, причастіемъ же богоначальнымъ, и намъ свѣтодательное озареніе подаеши. первоангеле, призывающымъ имя твое. *Слава:*

Украсися благодатію пречестный твой храмъ: въ томъ бо незримо являяся, яко врачевствъ источникъ неоскудный, Міхаиле первоангеле, всякія страсти потребляеши. *И нынѣ:*

Умныхъ Ангеловъ тя показа Богъ вышшую, вселився въ твоя ложесна, Чистая Всенепорочная, Егоже моли всегда, ущедрити поющыя тя.

Пѣснь 6. Ірмосъ:

Божественное сіе и всечестное совершающе празднество, богомудріи, Богоматере, пріидите, руками восплещимъ, отъ нея рождшагося Бога славимъ.

Радуется вѣрныхъ множество, благохвалящее тя, Міхаиле, и славитъ всесвятаго Бога, дивнѣ совокупльшаго земнородныхъ со Ангелы Своею благостію.

Воинства Ісраилева многажды спаслъ еси являяся, Міхаиле, и Божественная подая повелѣнія, и враги въ конецъ низлагая. *Слава:*

Яко видѣ тя Іисусъ Навинъ, поклонися, вопросивъ честнаго твоего и святаго имене, благоговѣніемъ же и страхомъ одержимь. *И нынѣ:*

Блажени людіе, присно блажащіи тя, яко Бога всеблаженнаго рождшую, Иже земная за милосердіе неизреченнымъ единеніемъ съ Собою обожилъ есть.

Кондакъ 1.

Избранный небесныхъ силъ воеводо и рода человѣческаго заступниче, сіе тебѣ, иже тобою отъ скорбныхъ избавляеми, благодарственное приносимъ пѣніе. Ты же, яко предстояй престолу Царя славы, отъ всякихъ насъ бѣдъ свобождай, да съ вѣрою и любовію въ похвалу тебѣ зовемъ: Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Ікосъ 1.

Яко Ангельскихъ огнезрачныхъ ликовъ предстоятеля, Ангельскими убо и языки подобаше восхвалити тя, Міхаиле

но дондеже вразумляеміи тобою, навыкнемъ безплотныхъ глаголомъ, услыши, аще и отъ человѣческихъ, обаче благодарныхъ устенъ, сицевая: Радуйся, звѣздо міра первообразная: радуйся, свѣще истины и правды златозарная. Радуйся, лучей свѣта несозданнаго первый во Ангельскихъ ликостояніихъ пріемниче: радуйся, Ангеловъ и Архангеловъ начальниче. Радуйся, въ немже наивящше свѣтлѣется слава Творческія десницы: радуйся, имже красуются собори всѣхъ существъ безплотныхъ. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 2.

Провидяще вѣры очесами величіе духовныя красоты и силу молніеносныя десницы твоея, Архангеле Божій, мы, яко земніи и плотію обложеннііи, удивленіемъ, радостію и благодареніемъ ко Творцу всяческихъ исполняемся, зовуще со всѣми небесными силами: Аллилуіа.

Ікосъ 2.

Разумъ чистъ и свободенъ отъ страстей испроси намъ, пречудный Міхаиле, небесныхъ чиновъ начальниче, да, вознесшеся мыслію отъ земныхъ къ небеснымъ, хвалебную пѣснь воспоемъ ти сице: Радуйся, Божія неизреченныя красоты и доброты ближайшій зрителю: радуйся, всеблагихъ совѣтовъ Пресвятыя Троицы пріискренній таинниче. Радуйся, предвѣчныхъ судебъ Тройческихъ вѣрный исполнителю: радуйся, емуже съ любовію удивляются небесная воинства. Радуйся, егоже съ вѣрою прославляютъ земнородніи: радуйся, отъ негоже трепещутъ адскія силы. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 3.

Силу необоримыя ревности по славѣ Божіей въ себѣ являя, сталъ еси во главѣ ликовъ Ангельскихъ, Міхаиле, противу дышащаго злобою прегордаго денницы, емуже со темными клевреты его съ высоты небесныя въ преисподнюю низвержену сущу, воинства небесная, тобою преславнѣ водимая, съ веселіемъ, яко едиными усты, предъ престоломъ Божіимъ возгласиша: Аллилуіа.

Ікосъ 3.

Имать тебе, Архангеле Міхаиле, весь родъ Хрістіанскій велика заступника и дивна во бранехъ съ противными помощника. Сего ради пречуднаго покрова твоего сподобитися желающе, въ день торжества твоего взываемъ ти сице: Радуйся, имже сатана, яко молнія, съ небесе низвержеся: радуйся, имже хранимый родъ человѣческій къ небеси восходитъ. Радуйся, всесвѣтлаго міра горняго предивное украшеніе: радуйся, падшаго міра дольнаго преславное заступленіе. Радуйся, николиже силами зла побѣжденный: радуйся, со всѣми Ангелы Божіими во истинѣ и правдѣ на вѣки благодатію Божіею утвержденный. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 4.

Бури искушеній и бѣдъ избави насъ, Ангеловъ первопрестольниче, съ любовію и радостію пресвѣтлое торжество твое совершающихъ: ты бо еси въ бѣдахъ великій помощникъ, и въ часъ смерти отъ злыхъ духовъ хранитель и заступникъ всѣхъ, вопіющихъ твоему и нашему Владыцѣ и Богу: Аллилуіа.

Ікосъ 4.

Видяще твое противу полчищъ сатанинскихъ дерзновеніе, вси чинове Ангельстіи съ радостію подвигошася вослѣдъ тебе на брань за имя и славу своего Владыки, вопіюще: кто яко Богъ? Мы же вѣдуще сатану подъ ногама твоима повержена, тебѣ яко побѣдителю зовемъ: Радуйся, имже миръ и тишина на небеси водворишася: радуйся, отъ негоже духове злобы даже до ада низложишася. Радуйся, Ангельская воинства и силы міра невидимаго ко истребленію зла направляяй: радуйся, прю и возмущеніе стіхій міра видимаго незримо укрощаяй. Радуйся, подъемлющымъ брань къ духовомъ злобы поднебесныя дивный споборниче: радуйся, изнемогающымъ во искушеніихъ и напастехъ вѣка сего крѣпкій помощниче. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 5.

Боготочный источникъ превеликихъ чудесъ явился еси во храмѣ твоемъ, иже въ Хонѣхъ: не точію бо змій великій

и страшный. на мѣстѣ томъ пребывавый, силою твоею потребися, но и струи водныя, всякій недугъ тѣлесный врачующыя, открышася, да вси прославляющему тя Владыцѣ Ангеловъ съ вѣрою зовутъ: Аллилуіа.

Ікосъ 5.

Слышаще и вѣдуще тя яко свѣтило великое, посреди ликовъ Ангельскихъ блистающася, пречудный Міхаиле, къ тебѣ, по Бозѣ и пресвятѣй Матери Божіей, прибѣгаемъ: озари лучами свѣта твоего всѣхъ насъ, вопіющихъ ти сице: Радуйся, вождю и хранителю въ пустыни народа богоизбраннаго: радуйся, высокій посредниче закона, рукою Моусея на Сінаи даннаго. Радуйся, у негоже судіи и вожди Ісраилевы силу и покровъ обрѣтаху: радуйся, чрезъ негоже пророцы и первосвященницы Іудейстіи даръ вѣдѣнія отъ всевѣдущаго Бога пріимаху. Радуйся, богобоязненныя законодавцы тайною премудростію снабдѣваяй: радуйся, судъ и правду творящымъ благость на сердце полагаяй. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 6.

Провозвѣстника тя Божіихъ судебъ егда узрѣ нѣкогда Маное, недоумѣнія и страха исполнися, мня не жити ктому на земли: наученъ же отъ жены своея о благости явленія и кротости словесъ твоихъ, въ радости о имѣвшемъ родитися, по словеси твоему, сынѣ своемъ Сампсонѣ, благодарнѣ возопи Богу: Аллилуіа.

Ікосъ 6.

Возсіялъ еси пречудно славою, Міхаиле, егда во образѣ человѣчестѣ предъ Іисусомъ Навиномъ сталъ еси, глаголя: изуй сапогъ съ ногу твоею: азъ есмь Архістратигъ силы Господни. Таковому явленію твоему чудящеся, съ любовію вопіемъ ти: Радуйся, боговѣнчанныхъ главъ неусыпный охранителю: радуйся, противляющихся власти, яко Божію повелѣнію противящихся, скорый низложителю. Радуйся, усмирителю народныхъ треволненій: радуйся, незримый упразднителю злочестивыхъ обычаевъ. Радуйся, яко ты просвѣщаеши сомнящихся въ часъ лютыхъ недоумѣній: радуйся, яко ты исхищаеши искушаемыхъ отъ пагубоносныхъ нава-

жденій. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 7.

Хотяй Владыка всяческихъ показати, яко жребіи сыновъ человѣческихъ не самослучайни суть, но въ десницѣ Его выну содержатся, даде тя царствамъ земнымъ заступника и хранителя, да племена и народы къ вѣчному Царствію Божію уготовляеши. Сего ради вси, вѣдущіи о великомъ служеніи твоемъ спасенію человѣческому, благодарнѣ зовутъ Богу: Аллилуіа.

Ікосъ 7.

Новая чудеса показа намъ, Архістратиже, тобою на земли всѣхъ чудесъ Творецъ и Владыка, егда храмъ, во имя твое созданный, отъ потопленія водами рѣчными дивно спаслъ еси, струямъ потока въ нѣдра земная устремитися повелѣвый. Еже видя блаженный Архіппъ съ духовными чады своими, благодарнѣ къ тебѣ возопи: Радуйся, святыхъ храмовъ Божіихъ несокрушимая оградо: радуйся, врагомъ вѣры Христовы необоримая преградо. Радуйся, егоже велѣнію стіхіи покоряются: радуйся, имже вси злобніи замыслы сокрушаются. Радуйся, вѣрнымъ радость отъ престола Вседержителя износяй: радуйся, невѣрныхъ на стезю правды и истины приводяй. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 8.

Странное чудо силы твоея, Архістратиже Божій, увѣдѣ на себѣ Аввакумъ, егда по манію Божію, восхитивъ, принеслъ еси его скоротечнѣ отъ Іудеи въ Вавѵлонъ, дати пищу Даніилу, въ ровѣ со львы заключену: тѣмже удивлься превеликому дѣйствію силы твоея, возопи съ вѣрою: Аллилуіа.

Ікосъ 8.

Весь еси въ вышнихъ, Міхаиле, престолу Царя славы предстояй: не далекъ еси и отъ нижнихъ, ратуя выну со врагами спасенія человѣческаго. Тѣмже вси, вожделѣннаго отечества небеснаго достигнути хотящіи, согласно тебѣ зовутъ: Радуйся, начальниче трисвятаго Ангельскаго пѣнія:

радуйся, земнородныхъ присно готовый предстателю и хранителю. Радуйся, прегордаго фараона съ невѣрными Египтяны поразивый страннообразно: радуйся, вѣрныя Іудеи путеводивый въ пустыни преславно: радуйся, имже угасися пламень пещи Вавилонскія. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 9.

Вси иноцы святыя горы Аѳонскія въ радостный трепетъ пріидоша, видяще, како богобоязненна отрока, неистовно отъ нечестивыхъ златолюбцевъ во глубину морскую съ каменемъ повержена, спаслъ еси: тѣмже пріявшая его обитель, именемъ твоимъ красующися, благодарнѣ взываетъ ко Господу: Аллилуіа.

Ікосъ 9.

Вѣтій глаголы и любомудровъ смыслы не довлѣютъ ко изглаголанію силы твоея, Міхаиле, како во едину нощь сто осмьдесятъ и пять тысящъ поразилъ еси отъ воевъ царя Ассирійска Сеннахиріма, да накажется прочее не хулити имя Господне. Мы же, почитающе святую ревность твою о славѣ Бога истиннаго, съ веселіемъ зовемъ ти сице: Радуйся, православныхъ воинствъ непобѣдимый воеводо: радуйся, зловѣрныхъ ратей страхъ и низложеніе. Радуйся, правыя вѣры и богопочитанія насадителю: радуйся душевредныхъ ересей и расколовъ искоренителю. Радуйся, благочестивыя Маккавеи на поли брани многажды укрѣпивый: радуйся, нечестиваго вождя Антіохова Иліодора въ самомъ храмѣ поразивый. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 10.

Спастися хотящымъ намъ буди помощникъ твердъ, Архістратиже Божій, избавляяй и храняй насъ отъ бѣдъ и напастей, паче же отъ злыхъ навыковъ и грѣховъ нашихъ, да преспѣвающе въ вѣрѣ, надежди и любви Христовѣ, съ радостію о предивнѣмъ заступленіи твоемъ, ко Владыцѣ Ангеловъ и человѣковъ благодарнѣ зовемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 10.

Стѣна еси вѣрующымъ человѣкомъ, Архістратиже Божій, и столпъ крѣпокъ во бранехъ со врагами видимыми и не-

видимыми: сего ради отъ сѣтей бѣсовскихъ тобою избавляеми, благодарнымъ сердцемъ и усты зовемъ сице: Радуйся, врагомъ вѣры и сопротивникомъ святыя Церкве непобѣдимый противоборниче: радуйся, смиреннымъ провозвѣстникомъ Евангеліа неутомимый споспѣшниче. Радуйся, во тьмѣ зловѣрія сѣдящихъ свѣтомъ вѣры Хрістовы просвѣщаяй: радуйся, лжемудріемъ объюродѣвшихъ на стезю истины и покаянія наставляяй. Радуйся, грозный отмстителю кленущымся именемъ Божіимъ всуе: радуйся, молніеносный карателю глумящихся безумнѣ о таинствѣхъ святыя вѣры. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 11.

Пѣніе всякое хвалебное побѣждается множествомъ чудесъ твоихъ, Архістратиже Божій, яже совершена суть тобою не точію на небеси и на земли, но и въ темныхъ сѣнехъ преисподнія, идѣже глубиннаго змія связалъ еси узами силы Господни, да избавляеміи отъ злобы его благословятъ Владыку небесе и земли, зовуще: Аллилуіа.

Ікосъ 11.

Свѣтоносный служитель истины и чистоты богопочитанія явился еси, Архістратиже, егда, провидя козни духа тьмы, воспретилъ еси ему именемъ Божіимъ, да не дерзнетъ сокровенное тѣло почившаго вождя Ісраилева Моусеа явити ко обоженію чувственнымъ сыновомъ Ісраилевымъ. Сего ради, чтуще нынѣ богосвѣтлый соборъ твой, благодарнѣ вопіемъ ти: Радуйся, чистоту боговѣдѣнія во дни ветхаго завѣта среди Іудеевъ сохранивый: радуйся, плевелы заблужденій во дни новыя благодати многажды искоренивый. Радуйся, языческихъ прорицалищъ и куміровъ истребителю: радуйся, Хрістіанскихъ подвижниковъ и страстотерпцевъ укрѣпителю. Радуйся, немощныя духомъ силою благодати Божія исполняяй: радуйся, изнемогающыя плотію всеоружіемъ вѣры облекаяй. Радуйся, Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 12.

Благодать отъ Бога съ небесе испроси намъ, поющымъ во славу всечестнаго имене твоего, Міхаиле, да, осѣняеми

твоимъ заступленіемъ. во всякомъ благочестіи и чистотѣ поживемъ, дондеже. отрѣшенніи смертію отъ узъ плоти. сподобимся предстати огнезрачному престолу Царя славы, и съ лики Ангельскими возопити: Аллилуіа.

Ікосъ 12.

Поюще многообразная твоя чудеса, Міхаиле, во спасеніе наше содѣянная, молимъ Господа и Владыку всяческихъ, да духъ ревности по славѣ Божіей, иже въ тебѣ, николиже оскудѣетъ и въ насъ, зовущихъ ти сице: Радуйся, вѣрныхъ рабовъ Божіихъ во время благопотребно на высоту власти предивнѣ поставляяй: радуйся, продерзыхъ и недостойныхъ съ высоты силы и славы незримо низлагаяй. Радуйся въ день послѣдній избранныхъ отъ четырехъ концевъ земли имѣяй собрати: радуйся, имже грѣшніи, яко плевеліе, по гласу Божію, огню вѣчному предани будутъ. Радуйся. имже сатана со аггелы его во езеро огненное на вѣки повергнется: радуйся. имже праведніи во обителехъ Отца Небеснаго преславнѣ водворятся. Радуйся. Міхаиле, великій Архістратиже, со всѣми небесными силами.

Кондакъ 13.

О пречудный Архангеловъ и Ангеловъ начальниче! за предивное служеніе твое спасенію рода человѣческаго, пріими отъ насъ возносимый къ тебѣ нынѣ гласъ хвалы и благодаренія, и, яко исполнь силы Божія, покрый насъ невещественныма крилома твоима отъ всѣхъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ, да прославляемому тобою и прославившему тя Господу выну зовемъ: Аллилуіа.

Сей кондакъ глаголи триждды. И паки чтется 1-й ікосъ: Яко Ангельскихъ: *И паки кондакъ:* Избранный небесныхъ силъ:

Пѣснь 7. Ірмосъ:

Не послужиша твари богомудріи паче Создавшаго. но огненное прещеніе мужески поправше, радовахуся поюще: препѣтый отцевъ Господь и Богъ благословенъ еси.

Начальникъ Ангеловъ бысть Міхаилъ Архангелъ: славится же съ нимъ таинникъ благодати и Дѣвы обручитель всечестный, Гавріилъ, радость предвозвѣщая вопіющымъ: людіе, превозносите Хріста во вся вѣки.

Ангеловъ начальники боговидныя и свѣтоносныя, Міхаила и Гавріила, нашя благія утѣшители и предстатели и хранители, восхвалимъ вѣрою велегласно. *Слава:*

Красенъ и всеблаголѣпенъ и боговиденъ сый, вождь паче ума невещественныхъ духовъ былъ еси, Міхаиле свѣтозарнѣйшій: съ ними убо о всѣхъ насъ молися. *И нынѣ:*

Ума превѣчнаго истинное Слово соприсносущное, Дѣво. въ тя неизглаголанно и страшно всельшееся видя, возопи Гавріилъ Архангелъ: радуйся, престоле Высочайшаго, преблагословенная.

Пѣснь 8. Ірмосъ:

Отроки благочестивыя въ пещи рождество Богородичо спасло есть: тогда убо образуемое, нынѣ же дѣйствуемое, вселенную всю воздвизаетъ пѣти Тебѣ: Господа пойте, дѣла, и превозносите Его во вся вѣки.

Мысленныхъ существъ безтѣлесныхъ чиноначальникъ, человѣковъ же предстатель благоуспѣшенъ, и Божій служитель, Міхаиле, показался еси преславно, зовый: вся дѣла, Господа пойте и благословите.

Яко свѣтильника два пресвѣтлая, Міхаиле и Гавріиле Архангели, трисвѣтлаго Божества сіяньми всю тварь просвѣщающіи, лютыхъ мглу отгоняете. *Слава:*

Яко добріи кормчіи, Архангели, ко пристанищу Божественныя воли душевный корабль мой направите, отъ бури грѣховъ падшій и бѣдствующій. *И нынѣ:*

Невѣстокраситель, божественный Архангелъ представъ, возглашаше тебѣ: радуйся, Невѣсто Божія безневѣстная, Ангеловъ славо и человѣковъ спасеніе и огражденіе.

Пѣснь 9. Ірмосъ:

Всякъ земнородный да взыграется духомъ просвѣщаемь, да торжествуетъ же безплотныхъ умовъ естество, почитающее священное торжество Богоматере, и да вопіетъ: радуйся, всеблаженная Богородице, чистая Приснодѣво.

Благолѣпіе всечестнаго храма твоего, Архангеле, священнотайнѣ твоимъ присутствіемъ осіяваемо, чудесъ молніи испущаетъ и тьмы недуговъ отгоняетъ Божественною благодатію.

Яко двоица прекрасная и свѣтолѣпная суще, Владыч-

нимъ повелѣніемъ сущымъ на земли служите, Міхаиле преславне и Гавріиле досточудне, отъ лютыхъ изъимающе и всѣмъ просвѣщѐніе посылающе спасительное, Божественнымъ Духомъ. *Слава:*

Днесь радуются съ нами безтѣлесніи уми, воспѣваема видяще своего великаго и свѣтлаго Архістратига, и любовнѣ съ нами сопразднуютъ, Жизнодавца величающе.

И нынѣ:

Гласъ божественнаго Гавріила приносимъ тебѣ радостно, Всечистая, и взываемъ: радуйся, раю, посредѣ древо жизни имѣяй: радуйся, Бога Слова жилище и чертоже: радуйся, воззваніе Адама и всего рода человѣча.

Свѣтиленъ:

Якоже древле укротилъ еси рѣки безчинная устремленія и шумѣнія, Архістратиже славы, тако и нынѣ языковъ гордыню и демоновъ свирѣпства потреби, да по долгу тя чтемъ въ пѣснехъ достойно.

Богородиченъ:

Почитаютъ рождество твое безплотныхъ чини, радости бо земная ты наполнила еси едина: тѣмъ тя Всенепорочную вѣрніи славимъ, въ пѣніихъ славословяще.

На хвалитехъ стіхиры, гласъ 1:

Небесныхъ чиновъ яко предначальника, и сущихъ на земли человѣковъ крѣпкаго тя предстателя, хранителя же и избавителя воспѣваемъ вѣрно, Міхаиле Архістратиже, молящеся всякія тлетворныя болѣзни насъ избавити.

Чиноначальникъ сый горнихъ божественныхъ силъ, днесь созываетъ человѣческія лики, единъ со Ангелы свѣтлый праздникъ составити и купно пѣснь Богу воспѣти присвятую.

Огненныхъ слугъ Божіихъ предстоятельство отъ Отца свѣтовъ пріялъ еси, Міхаиле: тѣмъ и сіяніе Того славы сіяющее на тебѣ имаши, о́крестъ страшнаго престола предстоя, яко первостоятель Ангельскихъ невещественныхъ чиновъ.

Подъ кровъ невещественныхъ крилъ твоихъ прибѣгающыя ны вѣрою. Міхаиле, богоозаряемый уме, соблюдай и

покрывай чрезъ все житіе, и въ часъ смертный предстани, яко помощникъ всѣмъ намъ благонадежнѣйшій.

Слава, гласъ 5:

Идѣже осѣняетъ благодать твоя, Архангеле, оттуда діаволя прогонится сила: не терпитъ бо свѣта твоего видѣти спадый съ небесе денница. Тѣмъ молимъ тя, огненосныя его стрѣлы, яже на ны движимыя, угаси твоимъ дуновеніемъ.

И нынѣ:

Блажимъ тя, Богородице Дѣво, и славимъ тя вѣрніи по долгу, яко градъ неколебимый, стѣну необоримую, твердую предстательницу и прибѣжище душъ нашихъ.

МОЛИТВА

КО СВЯТОМУ АРХАНГЕЛУ МИХАИЛУ.

Святый и великій Архангеле Божій Міхаиле, неисповѣдимыя и пресущественныя Троицы первый во Ангелѣхъ предстоятелю, рода же человѣческаго приставниче и хранителю, сокрушивый съ воинствы своими главу прегордаго денницы на небеси и посрамляяй выну злобу и коварство его на земли! Къ тебѣ прибѣгаемъ съ вѣрою и молимся съ любовію: буди щитъ несокрушимь и забрало твердо святѣй Церкви и православному отечествію нашему, ограждая ихъ молніеноснымъ мечемъ твоимъ отъ всѣхъ врагъ видимыхъ и невидимыхъ. Буди Ангелъ хранитель, премудръ совѣтодателъ и споспѣшникъ благочестивѣйшему императору нашему, износя ему отъ престола Царя царствующихъ просвѣщеніе и силу, радость, миръ и утѣшеніе. Буди вождь и соратай непобѣдимь Хрістолюбивому воинству нашему, вѣнчая его славою и побѣдами надъ супостаты, да познаютъ вси противляющіися намъ, яко съ нами Богъ и святіи Ангели Его. Не остави же, о Архангеле Божій, помощію и заступленіемъ твоимъ и насъ, прославляющихъ днесь святое имя твое: се бо, аще и многогрѣшни есмы, обаче не хощемъ въ беззаконіихъ нашихъ погибнути, но еже обратитися ко Господу и оживленнымъ быти отъ Него на дѣла благая. Озари убо умъ нашъ свѣтомъ лица Божія, иже выну сіяетъ на молніевиднѣмъ челѣ твоемъ, да возможемъ разумѣти, что есть воля

Божія о насъ благая и совершенная, и вѣдѣти вся, яже подобаетъ намъ творити и яже презирати и оставляти. Укрѣпи благодатію Господнею слабую волю и немощное произволеніе наше, да утвердившеся въ законѣ Господни, престанемъ прочее влаятися земными помыслы и похотѣньми плоти, увлекающеся, по подобію несмысленныхъ дѣтей, скорогибнущими красотами міра сего, яко ради тлѣннаго и земнаго безумнѣ забывати вѣчная и небесная. Надъ всѣми же сими испроси намъ свыше духъ истиннаго покаянія, нелицемѣрную печаль по Бозѣ и сокрушеніе о грѣсѣхъ нашихъ, да остающее намъ число дней временнаго живота нашего иждивемъ не во угожденіи чувствъ и работѣ страстемъ нашымъ, но во изглажденіи злѣ содѣянныхъ нами слезами вѣры и сокрушенія сердечнаго, подвигами чистоты и святыми дѣлами милосердія. Егда же приблизится часъ скончанія нашего и освобожденія отъ узъ бреннаго сего тѣлесе, не остави насъ, Архангеле Божій, беззащитныхъ противу духовъ злобы поднебесныхъ, обыкшихъ преграждати души человѣчестѣй восходъ въ горняя, да, охраняеми тобою, безпреткновеннѣ достигнемъ оныхъ преславныхъ селеній райскихъ, идѣже нѣсть печаль, ни воздыханіе, но жизнь безконечная, и сподобльшеся узрѣти пресвѣтлое лице всеблагаго Господа и Владыки нашего, падше со слезами у ногу Его, въ радости и умиленіи воскликнемъ: слава Тебѣ, дражайшій Искупителю нашъ, Иже, за премногую любовь Твою къ намъ недостойнымъ, благоволилъ еси послати Ангелы Твоя въ служеніе спасенію нашему. Аминь.

Посемъ: Достойно есть, *и прочее, и обычный отпустъ.*

АКАѲИСТЪ

ко причащенію Святыхъ Таинъ.

Кондакъ 1.

Избранный Женише душъ и сердецъ, вочеловѣченіемъ Своимъ и смертію на крестѣ обручивый Себѣ на вѣки весь родъ человѣчь и давый намъ въ залогъ вѣчныя жизни самое

пречистое тѣло и кровь Свою, се по гласу Твоему и азъ недостойный, дерзая, прихожду къ божественнѣй трапезѣ Твоей, и пораженъ величіемъ ея, вопію: Іисусе. Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Ікосъ 1.

Ангела Твоего къ провидцу Исаіи со углемъ горящимъ отъ олтаря небеснаго послалъ еси, во еже очистити тѣмъ устнѣ его, егда видѣвъ Тя, сѣдяща на престолѣ, о нечистотѣ своей сокрушашеся: азъ же, осквернênный душею и тѣломъ, како дерзну приступити ко причащенію божественныхъ Твоихъ Таинъ, аще не Ты Самъ очистиши мя свыше? Тѣмже изъ глубины души вопію Ти: Іисусе всеблагій, коснися огнемъ благодати Твоея и моихъ нечистыхъ устенъ: Іисусе, попали терніе моихъ многихъ прегрѣшеній. Іисусе, созижди во мнѣ сердце чисто и обнови во утробѣ моей духъ правый: Іисусе, изведи изъ темницы страстей бѣдную душу мою. Іисусе, потреби во мнѣ нечистыя помыслы и злая похотѣнія: Іисусе, направи слабыя стопы моя на путь заповѣдей Твоихъ. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 2.

Желаніемъ возжелѣвый ясти со ученики послѣднюю предъ страданіемъ Твоимъ пасху, да преподаси имъ среди ея послѣдній и наибольшій залогъ любве Твоея, прежде двою днію предпослалъ еси два отъ нихъ во Іерусалимъ, да шедше уготовают ю. Поучаяся отсюду, како и намъ подобаетъ благовременнѣ уготовляти себе къ снѣденію нашея Божественныя пасхи, сирѣчь тѣла и крови Твоея, благодарственно зову Ти: Аллилуіа.

Ікосъ 2.

Изуй сапоги отъ ногу твоею, земля бо, на нейже стоиши, свята есть, реклъ еси Моусею изъ купины, горѣвшія и несгаравшія, отъ невидимаго во оной присутствія Твоего. Сосудъ съ божественнымъ тѣломъ и кровію Твоею воистинну болѣе и святѣе неопалимыя купины есть: азъ же перстенъ, нечистъ, проданъ подъ грѣхъ. Тѣмже со смиреніемъ и вѣрою вопію Ти: Іисусе всемогущій, совлецы мя ветхаго человѣка

съ дѣяньми его: Іисусе, умертви сѣмя тли, во мнѣ гнѣздящееся. Іисусе, расторгни узы грѣха, имиже связа мя врагъ: Іисусе, подаждь ми сердце смиренно и духъ сокрушенъ. Іисусе, отжени отъ мене искушенія и соблазны: Іисусе, утверди мя въ вѣрѣ и любви къ Тебѣ. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 3.

Отцы ваши ядоша манну въ пустыни и умроша: Азъ есмь хлѣбъ, сходяй съ небесе, да аще кто ястъ отъ него, живъ будетъ во вѣки: и хлѣбъ, егоже Азъ дамъ, плоть Моя есть, юже Азъ дамъ за животъ міра,—реклъ еси Іудеомъ, искавшымъ видѣти отъ Тебе знаменіе съ небесе, подобное маннѣ Моисеовѣ. Еже мы слышаще и сбытіе предреченнаго видяще, со страхомъ зовемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 3.

Вставъ съ вечери, якоже повѣствуетъ святый Іоаннъ, и препоясався лентіемъ, умылъ еси ноги ученикомъ, научая симъ, да не приступаемъ къ божественнѣй трапезѣ Твоей неомытіи слезами покаянія во грѣсѣхъ нашихъ. Ощущая презѣльную нужду сего таинственнаго омовенія и скудость слезъ ожесточеннаго сердца моего, съ Петромъ вопію Ти: Іисусе преблагій, Самъ ми омый не нозѣ токмо, но и руцѣ и главу: Іисусе обнажи предо мною бездну душевнаго моего растлѣнія. Іисусе, разверзи во мнѣ источникъ сокрушенія сердечнаго: Іисусе, ороси мя каплями Твоего милосердія. Іисусе, обвѣй мя страхомъ суда и мукъ вѣчныхъ: Іисусе, возбуди совѣсть, спящую во мнѣ, и укрѣпи гласъ ея. Іисусе, Боже сердца Моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 4.

Не Сей ли есть Іисусъ, сынъ Іосифовъ, Егоже мы знаемъ отца и матерь? како убо глаголетъ Сей, яко съ небесе снидохъ? и како можетъ дати намъ плоть Свою ясти?—глаголаху между собою Жидове, услышавше о преславнѣмъ обѣщаніи Твоемъ датися въ снѣдь вѣрнымъ, не вѣдуще, по окаменѣнію сердецъ своихъ, со смиреніемъ вѣровати и взывати къ Тебѣ: Аллилуіа.

Ікосъ 4.

Аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго и не піете крове Его, живота не имате въ себѣ, провѣщалъ еси коснымъ во еже вѣровати Іудеомъ, еже слово жестоко къ слышанію показася и нѣкіимъ отъ ученикъ Твоихъ, невѣдущымъ еще таинъ Царствія Божія. Мы же, озаренніи свѣтомъ Евангеліа и откровеннымъ лицемъ божественную славу Твою зряще, съ вѣрою и любовію зовемъ Ти: Іисусе, вся могій величествомъ силы и державы Твоея: Іисусе, творяй и совершаяй паче, неже можемъ разумѣти и помыслити. Іисусе, манну съ неба нѣкогда, въ знаменіе настоящаго таинства, одождивый: Іисусе, ко прообразованію тогожде воду изъ камене источивый. Іисусе, облакъ крастелей въ напитаніе алчущымъ въ пустыни Іудеомъ послабый: Іисусе, предъ очію самихъ сомнящихся Іудеевъ, пятію хлѣбы пять тысящъ народа насытивый. Іисусе, Боже сердца Моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 5.

Ядущымъ на вечери ученикомъ, пріемъ хлѣбъ, благословивъ и преломивъ, подалъ еси имъ, рекъ: пріимите, ядите, сіе есть тѣло Мое за вы ломимое, во оставленіе грѣховъ. Потомъ жа чашу подавъ, реклъ еси: пійте отъ нея вси: сія есть кровь Моя, за вы изливаемая, во оставленіе грѣховъ. Сему божественному и пресладкому гласу внемлюще, со бдагодареніемъ зовемъ: Аллилуіа.

Ікосъ 5.

Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ: той имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день, си есть въ воскресеніе живота и блаженства. Сего убо вожделѣннаго воскресенія въ животъ ищя сподобитися, изъ глубины души вопію Ти: Іисусе, приблизися ко ищущему соединенія съ Тобою: Іисусе, вниди во утробу, во вся составы и вся кости моя. Іисусе, буди свѣтомъ моего помраченнаго ума: Іисусе, наполни Собою ненасытимую всѣмъ міромъ бездну моего сердца. Іисусе, вѣщай гласомъ моея совѣсти: Іисусе, движи и управляй моею волею. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 6.

Аминь, аминь глаголю вамъ: единъ отъ васъ предастъ Мя, реклъ еси въ скорби духа ученикомъ Твоимъ на вечери. Они же, аще и чисти отъ замысла преданія, еда азъ есмь, вопрошаху Тя кійждо, показующе симъ глубину своего смиреномудрія. Азъ же что реку Ти, седмижды на день падаяй и измѣняяй Тебѣ? Обаче Ты Самъ соблюди мя, да не отпаду въ конецъ, взывая Ти благодарнѣ: Аллилуіа.

Ікосъ 6.

Якоже розга не можеть плода творити о себѣ, аще не будетъ на лозѣ, тако и вы, аще во Мнѣ не пребудете: а иже будетъ во Мнѣ и Азъ въ немъ, той сотворитъ плодъ многъ: сице, тайнодѣйствуя, поучалъ еси возлюбленныя ученики Твоя на пути въ Геѳсиманію. Сему убо наставленію внемля и вѣдый немощь естества моего безъ благодати Твоея, прилѣжно вопію Ти: Іисусе, пренебесный дѣлателю, Самъ мя всади въ живоносный вертоградъ Твой: Іисусе, лоза истинная, прикрѣпи мя къ Тебѣ, яко розгу дикую. Іисусе, кореню неизсыхающій, исполни мя сокомъ жизни вѣчныя: Іисусе, побѣдителю всякія мертвенности, отреби еже изсохло есть во мнѣ отъ зноя страстей. Іисусе, красный добротою, украси мя цвѣтами благихъ чувствъ и помышленій: Іисусе, богатый въ милости, ущедри мя плодами истиннаго покаянія и правды. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 7.

И, кто есть предаяй Тя, вопросившу ученику, иже возлеже на вечери на персехъ Твоихъ,—той есть, отвѣщалъ еси, емуже Азъ, омочивъ въ солило хлѣбъ, подамъ. И омочь хлѣбъ, подалъ еси Іудѣ Сімонову Іскаріотскому, подвизая его на покаяніе: онъ же, ожесточенъ сый духомъ злобы, не восхотѣ разумѣти гласа любве своего Учителя и Господа. Каковаго жестокосердія да буду избавленъ благодатію Твоею, зовя Ти выну: Аллилуіа.

Ікосъ 7.

Щадя немощь естества нашего, отвращающагося вкушенія плоти человѣческія, не явѣ, но подъ видомъ хлѣба и віна благоволилъ еси преподати намъ пречистое тѣло и

кровь Твою. Чудяся о таковомъ снизхожденіи премудрости Твоея къ немощи естества нашего, благодарнѣ славословлю Тя сице: Іисусе, премудрѣ и человѣколюбнѣ строяй все дѣло спасенія нашего: Іисусе, самая спасительная таинства Твоя приспособляяй къ немощи нашего разумѣнія и чувствъ. Іисусе, во увѣреніе сомнящихся, на святѣй трапезѣ многажды вмѣсто хлѣба и віна самое тѣло и кровь Твою проявивый: Іисусе, достойнымъ служителемъ олтаря Духа Пресвятаго, на освященіе даровъ сходяща, показавый. Іисусе, вмѣсто недостойныхъ служителей олтаря Ангеловъ Твоихъ невидимо, для совершенія божественнаго таинства, посылаяй: Іисусе, явленіемъ чудесъ на святѣй трапезѣ, многія изъ самыхъ зловѣрныхъ къ вѣрѣ обративый. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 8.

И по хлѣбѣ, сирѣчь по вкушеніи отъ поданнаго Тобою хлѣба предателю, якоже повѣствуетъ святый Іоаннъ, вниде во-нь сатана. Оле страшныя казни за невѣріе! Оле злополучнаго жребія предателя! Еже во спасеніе долженствоваше быти, въ смерть и погибель ему обрѣтеся. Предъ таковымъ убо судомъ правды Твоея благоговѣя, со страхомъ и трепетомъ зову Ти: Аллилуіа.

Ікосъ 8.

Сіе творите въ Мое воспоминаніе, реклъ еси ученикомъ на вечери, преподавъ имъ подъ видомъ хлѣба тѣло, а подъ видомъ віна кровь Свою. Тѣмже убо, елижды отъ хлѣба ядимъ и отъ чаши піемъ, смерть Твою возвѣщаемъ, по слову святаго Павла. Воспоминая убо нынѣ страданія Твоея, со умиленіемъ зову Ти: Іисусе, въ руцѣ враговъ Твоихъ для спасенія міра Себе произвольнѣ предавый: Іисусе, легіономъ Ангеловъ въ защиту Твою явитися не попустивый. Іисусе, невѣрнаго ученика воззрѣніемъ на него и гласомъ алектора къ покаянію обративый: Іисусе, Каіафѣ и Пілату, неразумнѣ вопросившымъ Тя, отвѣта не давый. Іисусе, со креста распеншымъ Тя у Отца отпущеніе грѣховъ просивый: Іисусе, Матери Твоей возлюбленнаго ученика премилосерднѣ усыновивый. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 9.

Іудо, лобзаніемъ ли Сына Человѣческаго предаеши? воззвалъ еси горцѣ ко ученику невѣрному, егда онъ пріиде со спірою въ вертоградъ Геѳсиманскій, ищя предати Тя лобзаніемъ. Обаче и сей преострый глаголъ не порази раскаяніемъ души, во злѣ ожесточенныя. Вѣдый убо непостоянство и моея воли, страшуся, да не дамъ Ти когда и азъ неблагодарный лобзанія Іудина. Ты Самъ убо укрѣпи мя благодатію Твоею, да со благоразумнымъ разбойникомъ выну зову: Аллилуіа.

Ікосъ 9.

Отче, да вси едино будутъ: якоже Ты во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ, да и міръ вѣру иметъ, яко Азъ отъ Тебе изыдохъ: тако возгласилъ еси въ послѣдней велицѣй молитвѣ ко Отцу. Сему пресладкому гласу Твоему послѣдуя и о силѣ молитвы Твоея дерзая, съ вѣрою возглашаю Ти: Іисусе, вся совокупляяй во едино, возсоедини всѣхъ насъ неразлучнѣ съ Тобою и Отцемъ Твоимъ: Іисусе, вся примиряяй, даждь, да будемъ вси единомыслени въ вѣрѣ и любви къ Тебѣ. Іисусе, не терпяй вражды и раздѣленій, потреби злочестивыя ереси и расколы: Іисусе, всѣхъ любяй и милуяй, собери во едино стадо вся заблуждшыя овцы. Іисусе, миръ всѣмъ подаваяй, утоли зависть и пререканіе между призывающими имя Твое: Іисусе, причащаяй мя самаго тѣла и крове Твоея, да буду воистинну плоть отъ плоти и кость отъ костей Твоихъ. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 10.

На вечери, въ Канѣ Галілейстѣй, воду въ віно претворивъ, первое симъ знаменіе божественныя силы Твоея показалъ еси. Отходя же на крестъ, яко женихъ душъ, послѣднее чудо любве вѣрующымъ въ Тя явилъ еси, претворивъ хлѣбъ въ тѣло Твое и віно въ кровь Твою, имиже насыщаяся и азъ въ животъ вѣчный, благодарнѣ зову Ти: Аллилуіа.

Ікосъ 10.

Въ день воскресенія Твоего, двѣма отъ ученикъ Твоихъ спутешествуя во образѣ странника во Еммаусъ, поучалъ еси ихъ о тайнѣ страданій Твоихъ: онѣма же держастѣся

очи, да Тя не познаета, аще и сердце ихъ горя бѣ въ нихъ отъ сладости словесъ Твоихъ. Егда же, преклонься на моленіе ихъ, вшелъ еси съ ними облещи, и благословивъ хлѣбъ, подалъ еси имъ: абіе отверзостѣся има очи, да Тя познаета. Подобяся симъ ученикомъ, дерзаю и азъ со смиреніемъ вознести къ Тебѣ сицевый гласъ: Іисусе долготерпѣливый, не остави и мене единаго на пути жизни за скудость вѣры моея: Іисусе, научи мя, якоже и онѣхъ, разумѣти пророчествія о Тебѣ и тайну благодатнаго соединенія съ Тобою. Іисусе, согрѣй и воспламени, якоже онѣхъ учениковъ, и мое хладное сердце: Іисусе преблагій, облязи и со мною, яко уже преклонился есть къ вечеру день моея жизни. Іисусе, даждь ми познати Тя воистинну въ настоящемъ преломленіи таинственнаго хлѣба и въ питіи отъ чаши: Іисусе, сотвори, да и азъ, познавъ силу любве Твоея, буду провозвѣстникомъ оныя для братій моихъ. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 11.

Побѣждающему обѣщалъ еси дати ясти отъ древа животнаго, еже есть посреди рая Божія, и отъ манны сокровенныя. Къ сему вкушенію на небеси, да будетъ ми пріуготовленіемъ на земли причащеніе тѣла и крове Твоея, къ немуже азъ недостойный нынѣ приступая, зову: Аллилуіа.

Ікосъ 11.

Ядый и піяй недостойнѣ, судъ себѣ ястъ и піетъ, не разсуждая тѣла и крове Господни, вразумляетъ приступающихъ ко причащенію небошественный Павелъ. Тѣмже и азъ страшуся и трепещу своего недостоинства: но, да не надолзѣ удаляяся Твоего общенія, отъ мысленнаго волка звѣроуловленъ буду, прихожду къ Тебѣ со гласомъ таковымъ: Іисусе, пріими мя, якоже пріялъ еси мытаря, блудницу и разбойника: Іисусе, не возгнушайся внити подъ кровъ души моея, аще и весь пустъ и пался есть. Іисусе, разверзи и моя душевныя очи, якоже разверзлъ еси слѣпу отъ рожденія: Іисусе, прорцы и мнѣ, якоже оному разслабленному: востани и ходи. Іисусе, устави токъ нечистыхъ пожеланій души моея, якоже уставилъ еси токи жены кровоточивыя: Іисусе, уврачуй проказу души и совѣсти моея.

Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 12.

Завистію діавола, усты змія глаголавшаго, весь родъ человѣческій вкушеніемъ отъ плода запрещеннаго рай погуби и смерти предадеся. Вкушеніемъ же отъ пречистаго тѣла и крове Твоея вси земнородніи паки вѣчныя сподобляются жизни и восходятъ на первое достояніе: врачевство бо отъ яда зміина и сѣмя безсмертія есть причащеніе животворящихъ Таинъ Твоихъ. Тѣмже благодарнѣ зову Ти: Аллилуіа.

Ікосъ 12.

Се, предъ сосудомъ съ божественными Тайнами Твоими предстою, злыхъ же помышленій моихъ не отступаю: едина всемогущая благодать Твоя ободряетъ и привлекаетъ мя. Тѣмже, повергая себе въ бездну милосердія Твоего, вопію: Іисусе, призываяй къ покою въ Тебѣ всѣхъ труждающихся и обремененныхъ, пріими и мене, утружденнаго суетою міра: Іисусе, пришедый призвати не праведныя, но грѣшныя на покаяніе: разрѣши и мя отъ грѣховъ и страстей моихъ. Іисусе, исцѣляяй всякій недугъ и всякую язву, уврачуй раны и гноеніе души моея; Іисусе, насыщаяй алчущыя, насыти мя тѣломъ и кровію Твоею. Іисусе, воскрешаяй мертвыя, оживи мя, умершаго грѣхми: Іисусе, побѣдителю ада, извлецы мя изъ челюстей духа злобы. Іисусе, Боже сердца моего, пріиди и соедини мя съ Тобою на вѣки.

Кондакъ 13.

О пресладкій и всещедрый Іисусе, выну сходяй, яко манна съ небесе, для питанія душъ и сердецъ нашихъ въ таинствѣ пречистаго тѣла и крове Твоея, сподоби мя неосужденно причаститися божественныхъ Таинъ Твоихъ, да исцѣленъ, насыщенъ, освященъ и обоженъ Тобою на вѣки, благодарно зову Ти: Аллилуіа.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа 3

Обозрѣніе земной жизни Іисуса Христа, по отношенію къ Его послѣднимъ днямъ на землѣ. 5

Послѣднее путешествіе Іисуса Христа изъ Галилеи въ Іерусалимъ. 24
(Вѣсть о болѣзни Лазаря и предсказаніе о его воскресеніи.—Бесѣда съ учениками по случаю путешествія въ Іудею.—Мечтательное прошеніе двухъ учениковъ.—Исцѣленіе слѣпцовъ Іерихонскихъ. — Обращеніе Закхея. — Поучительная притча ученикамъ.)

Воскрешеніе Лазаря съ его послѣдствіями . . . 46
(Горестное положеніе виѳанскихъ друзей Іисусовыхъ.—Нерѣшительность вѣры сестеръ Лазаревыхъ.—Чудо воскрешенія.—Совѣщаніе по сему случаю синедріона, съ его рѣшеніемъ.—Удаленіе Іисуса Христа въ Ефраимъ.— Мнѣніе о Немъ народа.—Вечеря въ дому Симона прокаженнаго.)

Торжественный входъ Іисуса Христа въ Іерусалимъ, его цѣль и значеніе. 76
(Отправленіе двухъ учениковъ въ Виѳфагію за ослятемъ.—Усердіе и любовь народа.—Слезы Іисуса и Его пророчества объ Іерусалимѣ.—Входъ во храмъ.—Исцѣленіе недужныхъ.—Возвращеніе въ Виѳанію.—Намѣреніе первосвященниковъ—умертвить Іисуса Христа и Лазаря.—Размышленіе о входѣ во Іерусалимъ.)

Проклятіе смоковницы и изгнаніе изъ храма торжниковъ. 96
(Возвращеніе въ Іерусалимъ по утру изъ Виѳаніи.—Гладъ.—Проклятіе смоковницы.—Его значеніе.—Изгнаніе изъ храма торжниковъ.—Приличіе и необходимость сего поступка.—Наставленіе ученикамъ по случаю изсохшей смоковницы.)

Всенародное посольство къ Іисусу Христу отъ синедріона 104
(Поводъ къ посольству.—Вопросъ, имъ предложенный.—Отвѣтъ.—Притчи—для вопрошавшихъ, для народа.)

Посрамленіе сектъ Іудейскихъ и обличеніе ихъ пороковъ предъ народомъ 117
(Искушенія со стороны фарисеевъ, саддукеевъ, законника—съ отвѣтами на нихъ Іисуса Христа.—Вопросъ о достоинствѣ Мессіи.—Послѣднее обличеніе законоучителей Іудейскихъ.)

Заключеніе общественнаго служенія Іисусова въ качествѣ Мессіи. 133
(Замѣчанія касательно двухъ лептъ вдовицы.—Желаніе Еллиновъ видѣть Іисуса.—Его душевное смущеніе.—Гласъ къ Нему съ неба.—Вразумленіе отъ Него по сему случаю народу.—Важность настоящихъ минутъ и ихъ всемірное значеніе.)

Стр.

Бесѣда съ учениками о судьбѣ Іерусалима и послѣднихъ дняхъ міра. 145
(Замѣчанія учениковъ о величіи и красотѣ храма, съ отвѣтами на нихъ Учителя.—Бесѣда съ ними на Елеонѣ о судьбѣ Іерусалима, о послѣднихъ дняхъ міра и будущемъ пришествіи Мессіи.—Опредѣленнѣйшее предсказаніе Его о Своей смерти.)

Преданіе Іисуса Христа Іудою 171
(Перемѣна мыслей въ синедріонѣ касательно времени умерщвленія Іисуса Христа.—Предательство Іуды съ его причинами.—Замѣчаніе о мѣстопребываніи и дѣяніяхъ Іисуса Христа въ продолженіе сего дня.)

Омовеніе ногъ и Тайная Вечеря. 181
(Праздникъ Пасхи.—Его отношеніе къ великому предназначенію Сына Человѣческаго.—Опасность, съ коею сопряжено было настоящее совершеніе Пасхи для Іисуса.—Двое изъ учениковъ посылаются въ Іерусалимъ для ея приготовленія.—Какъ совершалась она во время Іисуса Христа?—Особенное состояніе Его духа на пасхальной вечери —Споръ учениковъ между собою о первенствѣ.—Омовеніе ногъ.—Пасхальная вечеря.—Многократное указаніе предателя —Его удаленіе.—Учрежденіе Тайной Вечери.)

Прощальная бесѣда Іисуса Христа съ учениками. 203
(Объявленіе о Своемъ удаленіи изъ сего міра.—Самонадѣянный вызовъ Петра слѣдовать всюду за Учителемъ.—Предсказаніе о его троекратномъ отреченіи въ эту же наступающую ночь.—Ободреніе учениковъ.—Ихъ разныя недоумѣнія и вопросы съ отвѣтами на нихъ.—Призывъ къ сохраненію взаимной любви и заповѣдей.—Обѣщаніе Своего видимаго возврата и невидимаго постояннаго общенія.—Обѣтованіе пришествія Духа Утѣшителя.—Возстаніе отъ вечери съ изреченіемъ мира вечерявшимъ.—Отшествіе съ пѣніемъ изъ горницы Сіонской въ Геѳсиманію.—Продолженіе прежней бесѣды на пути.—Различныя утѣшенія ученикамъ.—Новое обѣтованіе Духа Утѣшителя.—Молитва къ Отцу о ученикахъ и всѣхъ вѣрующихъ.)

Геѳсиманскій подвигъ Іисуса Христа 221
(Важность сего подвига и его значеніе въ дѣлѣ служенія Іисусова.—Въ чемъ состояло внутреннее искушеніе?—Какъ оно возникло?—И почему допущено?—Троекратная молитва о чашѣ.—Рѣшительная побѣда надъ собственнымъ желаніемъ.—Сонъ учениковъ.—Кровавый потъ и Ангелъ укрѣпляющій.)

Преданіе 239
(Предатель со спирою—*Азъ есмь!*—Великодушное самопреданіе.—Необдуманная ревность Петра.—Исцѣленіе урѣзаннаго уха.—Разсѣяніе учениковъ.—Стража ведетъ Іисуса Христа, связаннаго, въ Іерусалимъ.—Приключеніе съ однимъ юношею.—Іоаннъ и Петръ слѣдуютъ издали за Учителемъ.)

Іисусъ Христосъ на судѣ первосвященниковъ и синедріона 248
(Стража приводитъ Христа во дворецъ первосвященника

Стр.

Анана.—Частный допросъ.—Отвѣтъ Іисуса.—Первое заушеніе отъ раба.—Первое отреченіе Петра.—Божественный Узникъ отсылается къ Каіафѣ.—Полночное собраніе и судъ синедріона.—Лжесвидѣтели и ихъ недостаточность.—Молчаніе Господа.—Клятвенный вопросъ первосвященника.—Величественный отвѣтъ Іисуса.—Первый смертный приговоръ.—Поношеніе отъ слугъ и стражей.—Второе и третье отреченіе Петра.—Алекторъ и слезы покаянія)

Окончательный приговоръ противъ Іисуса Христа синедріона 262
(Второе—утреннее собраніе синедріона.—Второй смертный приговоръ.—Его совершенная неправильность.—Іисусъ Христосъ препровождается къ Пилату.—Почему и зачѣмъ?)

Судьба предателя 266
(Раскаяніе Іуды.—Свидѣтельство о невинности преданнаго Учителя.—Онъ повергаетъ сребренники.—Самоубійство—*Село крови.*—Исполненіе пророчествъ.—Характеръ предателя.—Что побудило его быть въ числѣ учениковъ Іисусовыхъ?—Почему и для чего онъ принятъ?—Страсть сребролюбія—непрестанно возрастающая.—Какъ могла образоваться мысль о преданіи?—Іуда не ожидалъ отъ него *такого* конца.—Естественность раскаянія.—Тяжесть грѣха Іудина.)

Іисусъ Христосъ на судѣ Пилата 272
(Характеръ Пилата и его отношеніе къ синедріону.—Голословное обвиненіе І. Христа первосвященниками.—Прокураторъ имъ не довольствуется.—Всенародный допросъ—Отвѣтъ на него величественный, но противный ожиданію и видамъ судіи.—Тайный допросъ.—Пилатъ объявляетъ Узника невиннымъ.—Новыя клеветы со стороны обвинителей.—Безмолвіе Обвиняемаго.—Іисусъ Христосъ отсылается на судъ Ирода.)

Іисусъ Христосъ на судѣ Ирода. 284
(Характеръ Ирода.—Образъ мыслей его объ Іисусѣ Христѣ.—Отношеніе Ирода къ синедріону.—Желаніе его видѣть чудо.—Неисполненіе желанія.—Поруганіе и бѣлая одежда, въ коей Божественный Узникъ отсылается къ Пилату.)

Іисусъ Христосъ осуждается на бичеваніе и смерть Пилатомъ 289
(Прокураторъ снова провозглашаетъ Іисуса Христа невиннымъ, соглашаясь токмо на наказаніе исправительное.—Упорство первосвященниковъ.—Предложеніе народу на выборъ Іисуса и разбойника Вараввы.—Сонъ жены Пилатовой и ходатайство за Іисуса.—Первосвященники наущаютъ народъ.—Свобода Вараввѣ, крестъ Іисусу!—Пилатъ напрасно думалъ замѣнить казнь смертную бичеваніемъ—Лютость сего наказанія.—Вѣнецъ терновый.—*Се человѣкъ!—Царя ли вашего распну?—Не имамы царя, токмо кесаря.*—Опасность и признаки народнаго возмущенія.—Устрашенный прокураторъ умываетъ руки и осуждаетъ на смерть Неповиннаго.)

Стр.

Взглядъ на образъ суда надъ Іисусомъ Христомъ. 313
(Чрезвычайная необыкновенность сего суда. — Характеръ трехъ судилищъ.—Низость и виновность первосвященниковъ —Нечистота Пилатовыхъ видовъ и его двоедушіе.—Благородство жены Пилатовой.—Откуда и для чего чудный сонъ ея?—Нравственное величіе Господа во время суда — Молчаніе Его нисколько не препятствовало правильности суда.—Свойство Его отвѣтовъ.—Трогательность Его внѣшняго положенія.—Дивное исполненіе путей Промысла.)

Распятіе 322
(Предварительныя замѣчанія о крестной казни.—Крестный путь.—Плачъ женъ Іерусалимскихъ.—Слова къ нимъ Іисуса Христа.—Онъ изнемогаетъ подъ Своимъ крестомъ.—Симонъ Киринейскій заставляется нести крестъ.—Мѣсто казни, издревле примѣчательное.—Смирна и уксусъ.—Господь отрекается отъ нихъ.—Распятіе.—Молитва за распинателей.)

Іисусъ на крестѣ 341
(Распятіе двухъ разбойниковъ.—Особенная надпись на крестѣ Іисусовомъ и неудовольствіе на нее первосвященниковъ.—Раздѣлъ одежды между воинами.—Насмѣшки надъ Іисусомъ черни, первосвященниковъ, воиновъ, распятаго разбойника.—Покаянная молитва разбойника благоразумнаго.—Отвѣтъ на нее —Помраченіе солнца —Усыновленіе Іоанна Богоматери.—Послѣднія страданія и послѣднія слова Іисуса Христа на крестѣ.—Его смерть.—Она не была ускорена сверхъестественно.)

Взглядъ на покаявшагося на крестѣ разбойника . 361

Чудесныя знаменія съ ихъ послѣдствіями . . . 368
(Землетрясеніе и его обширность.—Раздраніе завѣсы въ храмѣ и его знаменованіе.—Воскресеніе мертвыхъ.—Кто возстали и когда?—Выразительность знаменій и ихъ нравственное значеніе.—Перемѣна образа мыслей объ Іисусѣ Христѣ въ неблагорасположенныхъ дотолѣ Іудеяхъ.—Вѣра и исповѣданіе сотника.—Ожесточеніе первосвященниковъ — Откуда оно и до чего простиралось?)

Послѣднія событія при крестѣ Іисусовѣ 380
(Первосвященники просятъ Пилата о сокращеніи жизни распятыхъ,—по причинѣ наступающей субботы.—Перебитіе голеней распятымъ.—Іисусу Христу не перебиваются голени по причинѣ Его смерти.—Одинъ изъ воиновъ прободаетъ Его ребро.—Истеченіе крови и воды.—Свидѣтельство о семъ св. Іоанна.—Для чего оно особенно выразительно.—Исполненіе въ семъ событіи двухъ пророчествъ)

Снятіе со креста и погребеніе. 384
(Іосифъ Аримаѳейскій проситъ у Пилата позволенія погребсти тѣло Іисусово.—Характеръ просителя.—Участіе въ погребеніи Никодима.—Мѣсто гроба.—Погребеніе.—Душевное состояніе учениковъ и почитателей Іисусовыхъ.)

Кустодія 396
(Дальнѣйшее ожесточеніе первосвященниковъ.—Ихъ мнимое опасеніе подлога со стороны учениковъ Іисусовыхъ.—Просьба

Стр.

и дозволеніе употребить для вѣрности стражу и печать — Кустодія.—Мысли у гроба Іисусова.)

Жизнь святого Апостола Павла 403
Жизнь въ іудействѣ. 405
Обращеніе въ христіанство 417
Время обращенія Павлова 428
Первые подвиги Павла по обращеніи. 432
Первое апостольское путешествіе св. Павла . . 437
Второе апостольское путешествіе св. Павла. . . 451
Третье апостольское путешествіе св. Павла . 466
Узы Павла въ Іерусалимѣ. 478
Плаваніе Павлово въ Римъ 493
Первыя узы Павловы въ Римѣ 496
Четвертое апостольское путешествіе Павла и послѣднія узы въ Римѣ 502
Замѣчанія касательно внѣшняго вида Апостола Павла, его природныхъ дарованій, характера, писаній подлинныхъ и подложныхъ, уваженія къ нему отцовъ Церкви и особенно Златоуста. 507

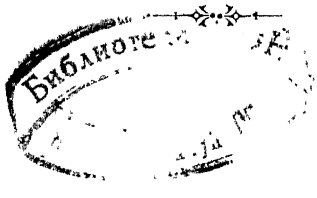
Жизнь святого священномученика Кипріана, епископа Карѳагенскаго 519

Стихотвореніе. Не унывай 561

Бесѣды о природѣ 565
Слово вступительное 567
Слово о веснѣ первое 570
Слово о веснѣ второе 576
Слово о веснѣ третье 583
Слово о лѣтѣ первое 589
Слово о лѣтѣ второе 590
Слово о зимѣ 595

Акаѳисты 605

Акаѳистъ Пресвятѣй и Животворящей Троицѣ 607
Акаѳистъ Божественнымъ страстемъ Христовымъ 630
Акаѳистъ Живоносному гробу и воскресенію Господню . . 648
Акаѳистъ Покрову Пресвятыя Богородицы 666
Служба и акаѳистъ святому Архангелу Михаилу 684
Акаѳистъ ко причащенію Святыхъ Таинъ. 699



Уставъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ священнослужителямъ и псаломщикамъ епархіальнаго вѣдомства. (Высочайше утвержденный 3 іюня 1902 г.). Сост. *К. Лоцосъ*. Спб., 1904 г. Ц. 30 к.

Слова, бесѣды и поученія архим. Макарія (бывш. еписк. Калужскаго), говоренныя имъ въ бытность его священникомъ въ городѣ Орлѣ и законоучителемъ въ Орловскомъ Александровскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1856—1879 г. Спб., 1881 г., 262 стр. Изящн. изд. Ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. съ золот. тиснен. 2 р. *Учен. Комит. Мин. Нар. Просв. одобрено для ученич. библіотекъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.*

Катихизическія поученія къ простому народу. На Символъ вѣры, молитву Господню, блаженства Евангел. и на десять заповѣдей Божіихъ. Сост. свящ. *П. Макаровымъ*. Спб., 1891 г., ц. 1 р. 50 к., въ коленк. пер. 2 р. 25 к. *Мин. Нар. Просв. одобрено для ученическихъ библ. среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній.* 2 сентября 1884 г., № 12959.

Инструкція благочинному приходскихъ церквей, изъясненная указами Св. Сѵнода, распоряженіями епархіальнаго начальства, сводомъ законовъ и церковной практикой. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Составилъ благочинный священникъ Александръ *Малевинскій*. Спб., 1898 г. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. коленкор. перепл. 2 р.

„Составитель этой книги—благочинный Вологодской епархіи—задался мыслію расположить весь руководственный—какъ для благочиннаго, такъ и для священника вообще,—матеріалъ по статьямъ благочинической инструкціи и выдержалъ свою систему довольно послѣдовательно и полно. Книга является уже 2-мъ изданіемъ, такъ что, можно думать, она уже признана практичною со стороны тѣхъ читателей, которымъ предназначается. И, дѣйствительно, она имѣетъ немалыя преимущества по сравненію съ другими, явившимися за послѣднее время, книгами подобнаго же характера. Такими преимуществами нельзя не признать: вѣрность, по крайней мѣрѣ, половины всѣхъ цитатъ въ книгѣ, стремленіе приводить ихъ по подлинникамъ, а не по чужимъ книгамъ и руководствамъ и отсутствіе излишнихъ перепечатокъ, обыкновенно, никому неинтересныхъ и лишь напрасно обременяющихъ книгу. По поводу вѣрности и полноты цитатъ изъ законовъ можно даже съ достовѣрностію предположить, что составитель имѣлъ, на нѣкоторое время своихъ работъ, доступъ пользоваться дѣйствующимъ сводомъ законовъ со всѣми его продолженіями. Въ приложеніи помѣщены образцы различныхъ вѣдомостей, бланковъ, книгъ и нѣкоторыхъ бумагъ, относящихся къ должности благочиннаго“ („Церк. Вѣд “ 1899 г., № 20).

Руководство по исторіи русской Церкви. (Примѣнит. къ прогр. для духовн. семин.) Сост. *П. Малицкій*. Вып. I. Курс. V кл. Ц. 90 к.— Вып. II и III (въ одной книгѣ). Курсъ VI кл. Ц. 60 коп. *Учебн. Комит. при Свят. Сѵн. одобрены къ употребл. въ духовн. семинаріяхъ въ качествѣ учебнаго пособія. Мин. Нар. Просв. рекоменд. въ ученич. библ. средн. учебн. заведеній.*

Краткое изъясненіе на литургію, собранное изъ разныхъ писателей прот. Григоріемъ *Мансветовымъ*. Изд. 9-е. Спб., 1894 г., ц. 20 к.

Обязанности домашняго общества по слову Божію у древнихъ христіанъ. Сост. прот. *Г. Мансветовъ*. Изд. 2-е, испр. Спб., 1894 г., ц. 60 к.

Злые духи и ихъ вліяніе на людей. Игумена *Марка*. 2-е изданіе. Спб., 1902 г., ц. 1 р.

Содержаніе: I. Бытіе злыхъ духовъ.—II. Происхожденіе злыхъ духовъ, ихъ первый грѣхъ и наказаніе.—III Темное царство злыхъ духовъ.—IV. Несомнѣнность вліянія злыхъ духовъ на людей.—V. Отношеніе Бога къ падшимъ духамъ.—VI Способы вліянія злыхъ духовъ на людей.—VII. Историческіе примѣры вліянія злыхъ духовъ на людей.—VIII. Вліяніе злыхъ духовъ на людей по смерти послѣднихъ.—IX. О чрезвычайномъ вліяніи злыхъ духовъ на людей.—X. Условія, благопріятствующія вліянію злыхъ духовъ на людей —XI. О духовныхъ средствахъ для борьбы со злыми духами. XII. Качества, требуемыя отъ читающихъ заклинательныя молитвы.

„Итакъ, устреми, читатель, свои духовныя очи въ темный міръ духовъ злобы, узнай изъ сей книжки своихъ враговъ и оружія для побѣды ихъ. Если бы діаволъ, достойный самъ по себѣ всякой ненависти, сразу открывалъ себя, то всѣ бы гнали его. По этой причинѣ онъ прячется и прикрываетъ себя, принимаетъ на себя личину правды и этимъ средствомъ изливаетъ ядъ въ своихъ послѣдователей. Отсюда, Богу споспѣшествующему, великую пользу можетъ принести тебѣ сія книжка, ибо не свои гадательныя мысли излагаю, а собираю свидѣтельства изъ Слова Божія, богомудрыхъ писаній св. Отцовъ и ученія св. Церкви. Если тебѣ удалось прочесть въ разныхъ мѣстахъ разсѣянныя свѣдѣнія о злыхъ духахъ, прочти еще разъ все вмѣстѣ собранное. Не читавшій же—прочти съ тѣмъ большимъ вниманіемъ, да не будешь уловленъ діаволомъ и, послѣ страшнаго суда Христова, не будешь раздѣлять одинаковую съ нимъ участь („Апок. 20, 10, 15).

Объясненія Святыхъ Таинствъ и церковныхъ требъ (въ формѣ народныхъ поуч.).

Свящ. Льва *Марсальскаго*. Спб., 1892 г., ц. 30 к.

Объясненіе всенощнаго бдѣнія и божественной литургіи Іоанна Златоустаго въ бесѣдахъ. Составилъ свящ. Евѳимій *Медвѣдицинъ*. Для домашняго чтенія своимъ сельскимъ прихожанамъ. Спб., 1891 г., ц. 50 к.

Поученія на Символъ вѣры, молитву Господню, блаженства евангельскія и на Божественное десятословіе, составленное по руководству пространнаго катихизиса свящ. Евѳиміемъ *Медвѣдицинымъ*, для домашняго чтенія своимъ сельскимъ прихожанамъ, для большаго уясненія таковыхъ,—преподаваемыхъ имъ съ церковной каѳедры. Изд. 2-е. Спб., 1893 г., ц. 1 р.

Гладіаторы. Римъ и Іудея. Соч. *Уайта Мельвиля*. Историч. романъ изъ временъ осады Іерусалима; въ 3 част. Перев. съ примѣч. *А. Измайлова*. Спб., 1898 г., ц. 2 р, въ роск. коленк. переп. 3 р.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. допущена въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства (10 Дек. 1902 г.).

Романъ Уайта Мельвиля выдержалъ въ Англіи много изданій и несомнѣнно представляетъ собой весьма крупный вкладъ въ область историческаго романа. Послѣ „Камо грядеши" Сенкевича, это самый интересный романъ въ этой области за послѣднее время, а эпоха, въ немъ воспроизведенная, какъ бы служитъ продолженіемъ той эпохи, которую такъ мастерски воспроизвелъ Сенкевичъ въ своемъ романѣ изъ жизни древняго Рима. Переводъ „Гладіаторовъ" заслуживаетъ полнаго одобренія и похвалы. онъ не только литературенъ, но мѣстами даже художественъ. Нельзя не поблагодарить переводчика за весьма цѣнныя историческія примѣчанія, которыми онъ снабдилъ свой переводъ „Гладіаторовъ". Издана книга весьма хорошо

. . . . . „Романъ представляетъ собою глубокій интересъ — какъ произведеніе, воскрешающее въ художественномъ изображеніи цѣлую эпоху. Авторъ его прежде всего отличается строгой вѣрностію исторической правдѣ. Разсказъ изобилуетъ своеобразными художественными красотами, дѣлающими чтеніе „Гладіаторовъ" не трудомъ, а удовольствіемъ"...

Педагогическія воззрѣнія святыхъ отцовъ и учителей церкви. *Н. Миролюбова*. Харьковъ, 1900 г., ц. 1 р. 50 к.

Буддійское міровоззрѣніе или ламаизмъ и обличеніе его. Іеромонаха *Меводія*. Изд. 2-е исправл. и дополнен. Спб., 1902 г. ц. 50 к.

Назіанскій отшельникъ. Съ изображеніемъ св. Григорія Богослова, свящ. *П. А. Миртовъ*. Спб, 1905 г., ц. 30 к.

Оглавленіе. 1. Подъ родной кровлей. 2. Двѣ дороги. 3 На стражѣ сыновняго долга. 4 Иго Христово. 5. Жребій пророка Іоны. 6. На закатѣ жизни.

Въ дали вѣковъ. Свящ. *П. Миртовъ*. Спб., 1905 года, ц. 30 к.

Содержаніе. 1 Пиръ у Понтія Пилата. 2 За стѣнами Іерусалима. 3. Темница и освобожденіе. 4 Подслушанный разговоръ. 5 Съ родныхъ береговъ 6 Среди друзей. 7 Потрясающая встрѣча 8 Голосъ сердца. 9 Новая жизнь. 10. Іерусалимскія вѣсти 11 Маленькій крестикъ. 12. Домашняя святыня. 13 На дачѣ. 14. Возрожденіе

По завѣту Христову. Рядъ, статей и разсказовъ. Свящ. *П. Миртовъ*. Спб., 1905 г., ц. 60 к.

Содержаніе: По завѣту Христову.—„Образъ дахъ вамъ".—Дѣтская правда.—Въ караулкѣ —Все за боргъ! —„Гдѣ-жъ мои братья?".—Будильникъ —Три ноши.—Дорогая покупка.—Бееръ-Рефа.—Далеко-ли отъ насъ небо!—Сонъ о жизни.—Радостная вѣсть.—Христосъ Воскресе!—Въ стѣнахъ святой обители.—Иго Христово.—Чуткая совѣсть.—Господи, благослови!—Лазарь.—Прежде —Лучше.—Змѣя.—Страшный конецъ —Правды.—Милости хочу, а не жертвы —Вопль великаго писателя — Нашъ домъ.—Вѣстникъ истины

Въ составъ первой брошюры входятъ шесть очерковъ изъ жизни св Григорія Богослова. По содержанію они назидательны, написаны бойко и читаются легко. Къ брошюрѣ приложено изображеніе св. Григорія Богослова. То же слѣдуетъ сказать о содержаніи и языкѣ разсказа второй брошюры: „Въ дали вѣковъ",—разсказъ изъ эпохи крестныхъ страданій Спасителя и начала христіанства. Въ составъ этой книжки входятъ 27 небольшихъ самостоятельныхъ (за исключеніемъ 2-хъ), довольно живо и назидательно составленныхъ, статей и разсказовъ на разнообразныя темы, которыя, однако, можно подвести подъ одну общую жизнь и дѣятельность по завѣту Христову каждаго отдѣльнаго лица спасительна и для него самого, благотворна она и для окружающихъ. („Церковный Вѣстникъ" № 12-й, 1905 г.)

На перес. книгъ магаз. покорнѣйше проситъ прилагать по 20 коп. на каждый рубль.

Магазинъ снабженъ большимъ выборомъ книгъ духовно-нравственныхъ.

ТРЕБОВАНІЯ ГГ. ИНОГОРОДНИХЪ ИСПОЛНЯЮТСЯ СЪ ПЕРВОЮ ПОЧТОЮ.